17371.

17371

С. Булгаковъ.

1915б.

БИБЛІОТЕКА Ученаго Комитета Мин. Фин.

КАПИТАЛИЗМЪ и ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.
1900.

39

Библиотека ИКФ СССР

7086

Отъ автора.

Настоящая работа представляетъ опытъ теоріи аграрнаго развитія въ связи съ общимъ развитіемъ капиталистическаго хозяйства. Она основывается исключительно на иностранныхъ матеріалахъ. Это объясняется какъ внѣшними условіями ея составленія (матеріалъ для нея собирался исключительно заграницей), такъ и первоначальнымъ планомъ, по которому авторъ намѣренъ сдѣлать развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи предметомъ спеціальнаго изученія, предпославъ ему настоящее теоретическое введеніе. Какъ легко пойметъ компетентный читатель, при составленіи этой работы авторъ находился въ рабской зависимости отъ матеріала; въ соотвѣтствіи наличности или отсутствію достаточнаго и удовлетворительнаго матеріала приходилось исключать или включать въ изученіе исторію отдѣльныхъ странъ; различное качество матеріала не могло не отразиться неравномѣрностью обработки отдѣльныхъ частей книги, хотя авторъ стремился исчерпать наличный матеріалъ съ возможной полнотою. Авторъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать изложеніе возможно общедоступнымъ [1]). Въ этихъ видахъ всѣ иностранныя цитаты переведены на русскій языкъ

[1]) Исключеніе составляетъ, быть можетъ, глава о рентѣ, гдѣ общедоступность изложенія затрудняется самымъ существомъ вопроса.

(хотя, въ случаѣ нужды, онѣ могутъ быть всегда возстановлены въ подлинномъ видѣ по имѣющимся у автора выпискамъ). Въ этихъ же видахъ авторъ стремился соблюдать величайшую экономію при сообщеніи статистическихъ и историческихъ данныхъ, относить все второстепенное въ примѣчанія, дѣлать по возможности чаще общіе обзоры, хотя бы изъ-за этого приходилось прибѣгать къ повтореніямъ. Но авторъ оказался безсиленъ устранить главное препятствіе къ знакомству съ его книгой,—ея размѣры, ибо и безъ того ограничился лишь самымъ необходимымъ для надлежащаго выясненія вопроса.

МОСКВА.
23 октября 1900 г.

БИБЛІОТЕКА Ученаго Комитета Мин. Фин.

ВВЕДЕНІЕ.

Общія условія земледѣльческаго производства.

ГЛАВА I.

Основные факторы земледѣльческаго производства.

1) Земля. Законъ убывающаго плодородія почвы.

По извѣстному выраженію В. Петти, трудъ есть отецъ производства, а земля его мать. Изъ земли извлекаются тѣмъ или инымъ способомъ сырые матеріалы, которые затѣмъ приводятся человѣческимъ трудомъ въ форму, соотвѣтствующую человѣческимъ потребностямъ. Въ этомъ смыслѣ трудъ перерабатываетъ то, что даетъ земля. Отсюда понятно, почему земледѣльческому производству или добывающей промышленности вообще отводилось такое исключительное мѣсто въ экономической наукѣ; яркимъ тому примѣромъ служитъ доктрина физіократовъ, этихъ истинныхъ основателей политической экономіи въ современномъ смыслѣ слова, о производительности только земледѣльческаго труда. Если это мнѣніе въ настоящее время, въ эпоху колоссальнаго развитія индустріи, уже не можетъ встрѣтить себѣ поддержки, тѣмъ не менѣе справедливо, что между земледѣліемъ [1]) и обрабатывающей промышленностью существуетъ огромное различіе. Цѣлью и результатомъ производительнаго процесса въ обрабатывающей про-

[1]) Здѣсь и во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи я понимаю подъ земледѣліемъ не только производство хлѣба, но всю область сельскаго хозяйства, т. е. и скотоводство, и молочное хозяйство и т. д.

мышленности является измѣненіе формы сырого матеріала, между тѣмъ какъ производительный процессъ въ земледѣліи сводится къ добыванію этого сырого матеріала. Матеріалъ этотъ дается или создается природой; человѣку принадлежитъ здѣсь несамостоятельная роль, — онъ старается лишь создать такія условія, при которыхъ природа дала бы возможно большее количество нужнаго ему сырья.

Многое изъ необходимаго человѣку для его существованія природа даетъ даромъ и въ такомъ изобиліи, что человѣку не нужно затрачивать труда для содѣйствія природѣ; таковъ, напр., воздухъ, вода, солнечный свѣтъ и т. д. Есть другіе дары, относительно которыхъ щедрость природы скоро оскудѣваетъ и которые она даетъ въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что человѣкъ долженъ затрачивать много труда для помощи природѣ въ ея производствѣ этихъ продуктовъ; такимъ образомъ многіе, первоначально свободные, дары природы впослѣдствіи становятся стоющими наиболѣе дорого для человѣка продуктами труда. Такъ это было и съ производствомъ пищевыхъ веществъ, которыя, на раннихъ ступеняхъ исторіи, были почти свободными дарами природы, но съ развитіемъ исторіи стали добываться затратой труда.

Производство земледѣльческихъ продуктовъ есть результатъ совокупной дѣятельности силъ природы и человѣческихъ усилій [1]), Результатъ этотъ можетъ быть достигнутъ весьма неравной комбинаціей обоихъ „факторовъ“ (какъ говорятъ въ политической экономіи) производства: одинъ и тотъ же производительный эффектъ, производство, скажемъ, четверти хлѣба, можетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, стоить въ одномъ случаѣ, напр., одного дня труда, а въ другомъ трехъ (пока мы игнорируемъ естественное различіе плодородія различныхъ земельныхъ участковъ).

Та или иная степень участія силъ природы въ производствѣ не можетъ быть измѣрена или опредѣлена хотя сколько нибудь точно даже теоретически. Практически природа познается человѣкомъ не какъ помощникъ и союзница; ею какъ бы создается извѣстная сумма препятствій, которыя человѣкъ долженъ пре-

[1]) Таковымъ является, конечно, всякій производительный процессъ, но разница въ томъ, что въ индустріи человѣкъ владѣетъ силами природы, приспособляя ихъ по своему усмотрѣнію, а здѣсь онъ самъ приспособляется къ естественному процессу.

одолѣть для достиженія извѣстнаго производительнаго результата, и для этого преодолѣнія ему приходится затрачивать то большее, то меньшее количество труда. Здѣсь не имѣетъ значенія, въ какой формѣ затрачивается трудъ,—въ непосредственной ли формѣ механической работы, или посредственной, въ формѣ продуктовъ предшествующаго труда, какъ орудія и матеріалы производства. Важно лишь то, что тотъ продуктъ, который ничего не *стоилъ* человѣку или можетъ ничего не *стоить*, начинаетъ *стоить* ему, переходитъ въ книгѣ общественной экономіи изъ актива въ пассивъ.

Очевидно, то, что можетъ стоить человѣку производство земледѣльческихъ продуктовъ, есть величина очень растяжимая,—она можетъ измѣняться въ томъ или другомъ направленіи. Стоимость земледѣльческаго продукта, трудность его воспроизводства можетъ увеличиваться или уменьшаться въ исторіи. И прежде чѣмъ переходить къ анализу условій земледѣльческаго производства и его исторіи, слѣдуетъ поставить вопросъ: нельзя ли выразить какой-либо простой и общей формулой измѣняющееся соотношеніе силъ природы и человѣческаго труда (понимая его, какъ указано, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова) въ производствѣ земледѣльческихъ продуктовъ? И если да, какова эта формула?

Вопросъ этотъ ставился политической экономіей, можно сказать, съ самаго возникновенія ея какъ науки. Англійская классическая экономія отвѣтила на него своимъ знаменитымъ ученіемъ о law of diminishing returns, о законѣ убывающаго плодородія почвы. Извѣстно, что этотъ законъ составлялъ одну изъ предпосылокъ классической экономіи, что онъ лежитъ въ основѣ теоріи ренты, связываемой обыкновенно съ именемъ Рикардо, и образуетъ, поэтому, основу важнѣйшихъ теоремъ классической школы.

Прежде чѣмъ обратиться къ разбору ученія о law of diminishing returns, дадимъ краткій очеркъ литературной исторіи вопроса. Какъ указалъ Каннанъ [1]), первую и притомъ чрезвы-

[1]) *Edwin Cannan.* The origin of the law of diminishing returns, 1813—15 (Economic Journal 1892). *Его же.* A. History of the Theories of Production and Distribution in English Political Economy from 1776 to 1848. London. 1893. Chapter V.

чайно замѣчательную формулировку закона убывающаго плодородія почвы мы встрѣчаемъ у *Тюрго*, въ одномъ изъ малоизвѣстныхъ его мемуаровъ подъ заглавіемъ: Observations sur le mémoir de M. de Saint-Peravy en faveur de l'impôt indirect, couronné par la société royale d'agriculture de Limoges [1]). Здѣсь мы читаемъ:

„Соглашаясь съ авторомъ мемуара, что при средней хорошей культурѣ ежегодныя издержки производства (avances annuelles) составляютъ 250 на 100, я считаю болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что при постепенномъ увеличеніи издержекъ до того момента, когда онѣ совсѣмъ не будутъ уже сопровождаться увеличеніемъ производства, каждая прибавка сопровождалась бы все меньшими и меньшими результатами. Плодородіе почвы подобно здѣсь пружинѣ, которую стараются согнуть, послѣдовательно прикрѣпляя къ ней равныя гири. Если гири не тяжелы и пружина не особенно гибка, то дѣйствіе первыхъ гирь почти равно нулю. Когда гири будутъ составлять достаточную тяжесть, чтобы преодолѣть первое сопротивленіе, пружина уступитъ тяжести и погнется; но согнувшись до извѣстнаго пункта, она снова станетъ усиленно сопротивляться силѣ, которая на нее давитъ, и такая тяжесть, которая прежде заставляла ее согнуться на дюймъ, теперь заставитъ согнуться только на полъ-линіи. Такимъ образомъ, дѣйствіе гирь будетъ все болѣе ослабѣвать. Это сравненіе не вполнѣ точно, но оно достаточно для поясненія того, какимъ образомъ, если земля достигаетъ крайняго предѣла своей производительности, весьма значительныя издержки могутъ увеличивать производство лишь въ очень небольшой степени.

Если, наоборотъ, вмѣсто того, чтобы равномѣрно увеличивать издержки производства до того момента, когда они дадутъ наибольшій результатъ, ихъ станутъ уменьшать, то замѣтятъ то же самое несоотвѣтствіе въ степени измѣненія издержекъ и урожая. Не только предположительно, но вполнѣ увѣренно можно сказать, что наименьшія затраты дадутъ гораздо большую прибыль, нежели крупныя, въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ различіе издержекъ.

Сѣмена, брошенныя на землю, по естественнымъ своимъ свойствамъ плодородную, но совершенно не обработанную, были бы почти потерянной затратой. Если присоединить сюда одну ели-

---

[1]) Oeuvres de Turgot. Ed. Daire. Paris. 1844. Tome I, pp. 420—1.

ницу труда (un seul labeur), продуктъ возрастетъ; вторая и третья единицы не только удвоятъ, утроятъ продуктъ, но увеличатъ его въ 4 и болѣе разъ; продуктъ будетъ увеличиваться въ большей степени, нежели возрастаютъ издержки, и такъ дѣло продолжается до наступленія того момента, когда продуктъ достигнетъ наибольшихъ размѣровъ, какіе только возможны, сравнительно съ величиною издержекъ.

За этимъ предѣломъ продуктъ будетъ увеличиваться вмѣстѣ съ увеличеніемъ издержекъ, но все въ меньшей степени, до тѣхъ поръ пока, при истощеніи плодородія земли и безсилія техники изобрѣсти новые способы ея обработки, новыя затраты не прибавили бы уже ничего къ продукту".

Нѣтъ основаній предполагать, чтобы воззрѣніе Тюрго оказало прямое или косвенное вліяніе на формулировку закона убывающаго плодородія почвы у представителей классической школы; вѣрнѣе, оно осталось имъ совершенно неизвѣстнымъ. По справедливому замѣчанію Каннана, у нихъ оно явилось подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ тѣхъ трудностей добыванія пищи и того непомѣрнаго роста цѣнъ на хлѣбъ, которые имѣли мѣсто въ Англіи въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ да и вообще во всю первую четверть XIX вѣка; впечатлѣніе это было усилено неурожаями и кризисами англійскаго земледѣлія въ первой половинѣ вѣка [1]). Подтвержденіемъ этого воззрѣнія является тотъ любопытный фактъ, что ему остается совершенно чуждъ *Андерсонъ*, истинный творецъ теоріи ренты, развитой потомъ Вестомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Сходство воззрѣній на поземельную ренту не побудило его придать имъ сходное теоретическое обоснованіе: Андерсонъ, время котораго было эпохой сельско-хозяйственнаго подъема, является скорѣе сторонникомъ закона *увеличивающагося*, а не уменьшающаго плодородія почвы [2]), и вообще на всѣхъ его воззрѣніяхъ лежитъ черта извѣстнаго агрономическаго оптимизма [3]), которая совершенно исчезаетъ въ экономической лите-

[1]) Исторія этихъ кризисовъ будетъ разсказана въ III главѣ этого сочиненія.

[2]) Особенности воззрѣній Андерсона сравнительно съ Рикардо превосходно выяснены проф. Брентано въ предисловіи къ нѣмецкому изданію сочиненій Андерсона (въ Sammlung älterer und neuerer staatswissenschaftlicher Schriften des In—und Auslandes. Hrsg. von Brentano und Leser).

[3]) Андерсонъ не только не раздѣляетъ закона убывающаго плодородія почвы, „но онъ былъ одинъ изъ тѣхъ восторженныхъ агрономовъ, которые

ратурѣ первой четверти XIX вѣка и смѣняется противоположностью — агрономическимъ пессимизмомъ. Ни Смитъ [1]), ни Мальтусъ не являются достаточно рѣзко выраженными сторонниками этого закона. Онъ нашелъ впервые въ Англіи классическую по простотѣ и ясности формулировку у sir Edward West въ его трактатѣ о рентѣ [2]).

имѣли радостную вѣру, что увеличеніе труда, затрачиваемаго на обработку земли, всегда будетъ вознаграждаться пропорціональнымъ, если не болѣе чѣмъ пропорціональнымъ, увеличеніемъ дохода". (*Cannan*—The origin of the law of diminishitg reurns, 53).

[1]) Отъ проницательнаго взора Смита не ускользнуло различіе въ развитіи производительности земледѣльческаго и мануфактурнаго труда, но онъ объяснилъ эту разницу отсутствіемъ раздѣленія труда въ земледѣліи (см. объ этомъ ниже). Наблюденія его тѣмъ не менѣе чрезвычайно интересны: „наиболѣе богатыя націи обыкновенно превосходятъ своихъ сосѣдей какъ въ земледѣліи, такъ и въ обрабатывающей промышленности. Но обыкновенно онѣ выдѣляются своимъ превосходствомъ болѣе въ послѣднемъ нежели въ первомъ. Такъ какъ ихъ земли въ общемъ воздѣлываются лучше и на нихъ затрачивается больше труда и капитала, то они производятъ больше, чѣмъ земли бѣдныхъ странъ сравнительно съ ихъ количествомъ и естественнымъ плодородіемъ почвы. Но по количеству продукта они превосходятъ ихъ рѣдко болѣе чѣмъ въ соотвѣтствіи съ обширнѣйшимъ размѣромъ затраты у нихъ труда и капиталовъ. Въ земледѣліи трудъ богатой страны не всегда отличается болѣе значительной производительностью нежели бѣдной или, по крайней мѣрѣ, онъ никогда не превосходитъ его своей производительностью въ такой мѣрѣ, какъ это имѣетъ мѣсто относительно мануфактурнаго труда. Хлѣбъ богатой страны не всегда, при равномъ качествѣ, продается на рынкѣ дешевле чѣмъ хлѣбъ бѣдной страны. Хлѣбъ равнаго качества также дешевъ въ Польшѣ какъ и во Франціи, не смотря на превосходство послѣдней страны относительно богатства и орудій производства. Въ земледѣльческихъ провинціяхъ Франціи хлѣбъ отличается совершенно такимъ же качествомъ и иногда продается за ту же цѣну, какъ и хлѣбъ производимый въ Англіи, хотя относительно богатства и развитія техники (improvement) Франція, вѣроятно, стоитъ ниже Англіи. И однако, хлѣбныя поля Англіи воздѣлываются лучше чѣмъ Франціи, а французскія, говорятъ, воздѣлываются лучше чѣмъ польскія. Но, хотя бѣдная страна, не взирая на несовершенство обработки полей, можетъ иногда конкуррировать по дешевизнѣ и качеству хлѣба съ страною богатой, она не можетъ претендовать на такую конкурренцію въ мануфактурахъ". (The wealth of nations, изд. Макъ Куллоха, 1863, стр. 3). Теоретическая позиція Смита чрезвычайно интересна какъ переходъ отъ Андерсона къ Весту и Рикардо, отъ агрономическаго оптимизма къ пессимизму, но по срединѣ между обоими.

[2]) Полное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: Essay on the application of capital to land with observations shewing the impolicy of any great

„При развитіи сельско-хозяйственной культуры, увеличеніе сырого продукта обходится все дороже, другими словами, отношеніе чистаго продукта земли къ валовому продукту постоянно уменьшается. Подъ валовымъ продуктомъ я разумѣю весь продуктъ, безъ всякаго отношенія къ издержкамъ производства, подъ чистымъ же продуктомъ то, что остается послѣ возмѣщенія издержекъ производства“ (Стр. 2). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „равныя количества труда, послѣдовательно затрачиваемыя въ земледѣліи, вознаграждаются все уменьшающимся доходомъ; слѣдовательно, если каждое изъ равныхъ количествъ труда, послѣдовательно затрачиваемаго въ земледѣліи, вознаграждается все уменьшающимся доходомъ, то и вся сумма труда, затрачиваемая въ земледѣліи вмѣстѣ съ развитіемъ техники, вознаграждается относительно уменьшающимся доходомъ. Между тѣмъ очевидно, что одно и то же количество труда всегда произведетъ одно и то же количество мануфактурныхъ товаровъ“ (стр. 6—7).

Ученіе о законѣ убывающаго плодородія почвы [1]) стало однимъ изъ самыхъ общепринятыхъ ученій у англійскихъ (а также и американскихъ) экономистовъ. Трудно указать изъ этихъ экономистовъ такихъ, которые бы его не раздѣляли. Сторонниками этого ученія являются Рикардо, Джемсъ Милль, Дж. Ст. Милль, Кэрнсъ, Сиджвикъ, Маршаллъ. Къ сожалѣнію, подобно многимъ изъ общепринятыхъ ученій, и это считалось чѣмъ-то само собою разумѣющимся, настолько очевиднымъ, что не нуждается въ дальнѣйшемъ анализѣ. Оно переписывалось изъ книги въ книгу, изъ учебника въ учебникъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно явилось

---

restriction of the importation of corn, and that the bounty of 1688 did no. lower the price of it. By a fellow of university college Oxford. London 1815 Авторъ самъ раскрылъ свой псевдонимъ въ позднѣйшемъ трактатѣ: Sir Edward West. Price of corn and wages of labor. 1826. Это сочиненіе (цитируемое, между прочимъ, Марксомъ) не отличается выдающимися достоинствами перваго.

[1]) Мы употребляемъ это установившееся въ русской литературѣ выраженіе, хотя это очень плохой переводъ англійскаго термина „law of diminishing returns“ и очень плохо передаетъ смыслъ его. Ибо рѣчь идетъ не объ убывающемъ плодородіи почвы, которое съ ростомъ культуры скорѣе увеличивается, но объ уменьшеніи производительности каждой единицы труда и капитала. Я предпочитаю, однако сохранить установившуюся терминологію, въ виду того, что ея употребленіе не связано съ большими неудобствами для изложенія.

на свѣтъ, отнюдь не выигрывая отсюда въ ясности. Для иллюстраціи приведу здѣсь опредѣленіе закона убывающаго плодородія почвы, которое дано въ одномъ изъ лучшихъ новѣйшихъ руководствъ по политической экономіи на англійскомъ языкѣ,— проф. Маршалла: „прибавка капитала и труда, затрачиваемаго на воздѣлываніе почвы, *въ общемъ* вызываетъ менѣе чѣмъ пропорціональный приростъ въ общемъ количествѣ продукта, хотя случайно она и можетъ совпадать съ улучшеніями въ способѣ воздѣлыванія земли“ [1]). Это — формула Веста, безо всякихъ измѣненій.

Заслуживаютъ вниманія разсужденія американскаго ученаго *Паттена*. „Всѣ писатели, говоритъ онъ, которые обсуждали законъ убывающаго плодородія почвы, принимали безъ разсужденія предположеніе, что продуктъ труда, прилагаемаго на опредѣленномъ участкѣ почвы, можетъ постоянно увеличиваться посредствомъ затраты новаго количества труда; спорили лишь о томъ, будетъ-ли это количество труда вознаграждаться относительно большимъ или меньшимъ количествомъ продукта, нежели трудъ, ранѣе затраченный. Обѣ стороны, повидимому упустили изъ виду возможность третьей альтернативы, что продуктъ можетъ возрастать пропорціонально труду до извѣстнаго пункта, за которымъ добавочное количество продукта не можетъ быть произведено никакимъ количествомъ труда. Еслибы это было вѣрно, то мы имѣли бы законъ ограниченнаго плодородія почвы (a law of limited returns) въ противоположность закону убывающаго плодородія почвы. Слѣдовательно, вмѣсто закона, утверждающаго, что большое количество людей будетъ снабжаться пищей хуже, чѣмъ меньшее, мы должны выставить слѣдующее положеніе: въ предѣлахъ извѣстной цифры большее количество народа можетъ снабжаться лучше, чѣмъ меньшее, но населеніе, превосходящее эту, цифру, совсѣмъ не можетъ быть снабжаемо“ [2]).

Въ другомъ мѣстѣ Паттенъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія слѣдующимъ образомъ: „законъ производительности почвы есть законъ не убывающаго, но ограниченнаго плодородія (the law of

---

[1]) *Alfred Marshall.* Principles of economics. 4-th Edition, London 1898, p. 226.

[2]) *Patten.* The premises of political economy, being a re-examination of certain fundamental principles of economic science. Philadelphia 1885, стр. 152.

agricultural returns is a law of limited not of diminishing returns). До извѣстнаго пункта, опредѣляемаго состояніемъ науки и искусствомъ населенія, продуктъ возрастаетъ пропорціонально затратѣ труда; за этимъ предѣломъ продуктъ не можетъ быть увеличенъ безъ увеличенія знаній и капитала или безъ измѣненія спроса на пищу, благодаря чему качества почвы могутъ быть лучше использованы“ [1]). По мнѣнію Паттена, законъ убывающаго плодородія почвы имѣлъ силу только для первоначальныхъ стадій цивилизаціи, съ слабымъ развитіемъ науки и техники.

Первое изъ положеній Паттена, на нашъ взглядъ, спорно и, въ столь общей формѣ, совершенно невѣрно: практика показываетъ, что уменьшеніе урожаевъ наступаетъ при примѣненіи извѣстнаго способа производства задолго до достиженія того предѣла, когда они совсѣмъ не могутъ быть увеличиваемы. Это указалъ уже, какъ мы видѣли, Тюрго; и въ подтвержденіе этого мы можемъ сослаться на столь авторитетнаго писателя по вопросамъ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной экономіи какъ *фонъ-Тюненъ*, единственный изъ не англійскихъ экономистовъ, который спеціально останавливается на законѣ убывающаго плодородія почвы. Тюненъ даетъ ему чисто эмпирическую формулировку, основанную на его личномъ опытѣ въ качествѣ сельскаго хозяина. „Наблюденія даютъ слѣдующіе результаты: 1) Если унавоживать полевые участки равнаго качества почвы и равнаго ея богатства 3, 4, 5, 6 и т. д. возовъ навоза на кв. руту, каждый вновь прибавляемый возъ навоза даетъ все меньшее и меньшее увеличеніе урожая. 2) При продолжительномъ воздѣлываніи истощающихъ почву растеній безъ соотвѣтствующаго удобренія урожай не уменьшится постепенно до нуля, но приближается постоянно къ извѣстному неизмѣнному уровню (Beharrungspnnkt) различному смотря по различію физическихъ свойствъ почвы“ [2]). Первая половина цитированнаго положенія, такимъ образомъ, отрицаетъ законъ ограниченной производительности почвы, какъ формулируетъ его Паттенъ.

Второе изъ положеній Паттена, что производительность почвы можетъ быть повышена лишь съ увеличеніемъ капитала и чело-

---

[1]) Ib. 182.

[2]) *Thünen.* Der isolierte Staat. 2-te Ausgabe. Rostock 1842, стр. 66.

вѣческихъ знаній, вполнѣ соотвѣтствуетъ обычному пониманію закона убывающаго плодородія почвы. Паттенъ разнится лишь въ особой формулировкѣ дѣйствія этого закона: рѣчь идетъ не о томъ, имѣетъ-ли силу такой законъ, но лишь о томъ, *какъ* онъ дѣйствуетъ. По мнѣнію Паттена, развитіе производительности почвы идетъ скачками или порогами; но необходимость затраты возрастающаго количества капитала (вмѣстѣ съ прогрессомъ науки и техники) и является выраженіемъ растущей трудности добыванія средствъ существованія. Такимъ образомъ, при остроуміи отдѣльныхъ положеній и аргументаціи, воззрѣнія Паттена не вносятъ принципіально новыхъ точекъ зрѣнія на вопросъ.

Слѣдуетъ упомянуть, наконецъ, какъ сторонника закона убывающаго плодородія почвы нашего соотечественника Людоговскаго, который въ своемъ курсѣ сельско-хозяйственной экономіи [1]), пытается дать въ извѣстномъ смыслѣ теоретическое его обоснованіе.

Въ общемъ для выясненія и точнѣйшаго формулированія тѣхъ явленій, которыя отмѣчались въ такъ называемомъ законѣ убывающаго плодородія почвы, было сдѣлано поразительно мало. Вторая половина и въ особенности послѣдняя четверть XIX вѣка, эпоха аграрнаго кризиса и мнимаго или дѣйствительнаго міроваго перепроизводства хлѣба, не располагали къ изслѣдованію этой проблемы; скорѣе наоборотъ, паденіе цѣнъ на хлѣбъ располагало къ оптимизму (который и выразился въ различныхъ теоріяхъ супрематіи промышленности надъ земледѣліемъ). Въ жизни Европы за послѣднее время не было событій, возбуждающихъ такое тревожное раздумье, какъ то, въ которое были повергнуты англійскіе экономисты первой четверти XIX вѣка [2]).

---

[1]) *Людоговскій.* Основы сельско-хозяйственной экономіи и сельско-хозяйственнаго счетоводства. Спб. 1879. (Не имѣя сейчасъ подъ руками этого довольно рѣдкаго въ настоящее время сочиненія, я лишенъ возможности указать страницы). Несмотря на 20 лѣтнюю давность курсъ проф. Людоговскаго составляетъ выдающееся явленіе не только нашей, но и западной литературы по ясности, научности и изяществу изложенія.

[2]) Тревога, что въ скоромъ времени современному человѣчеству придется считаться съ невозможностью увеличивать количество производства пшеницы, безъ существенныхъ, по крайней мѣрѣ, измѣненій въ техникѣ удобренія, была высказана сэромъ Вилліамомъ Круксомъ въ президентскомъ адресѣ Британской Ассоціаціи, въ Бристолѣ въ 1898 г.

Специфическая трудность ученія объ убывающемъ (или соотв. возрастающемъ) плодородіи почвы для экономистовъ заключается въ томъ, что оно содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ агрономическихъ предпосылокъ, превышающихъ компетенцію экономиста, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своемъ цѣломъ, это есть вполнѣ *экономическое* ученіе, которое необходимо для политической экономіи и которое можетъ быть формулировано только экономистомъ. Я не отважусь перейти предѣлы своей компетенціи и въ своихъ сужденіяхъ буду исходить изъ положеній, твердо установленныхъ агрономическими авторитетами.

Слѣдуетъ прежде всего, выдѣлить *два* различныхъ вопроса, которые неправильно объединяются при формулированіи закона убывающаго плодородія почвы: *техническій* вопросъ о приложеніи даннаго способа производства съ наибольшимъ производительнымъ эффектомъ и *экономическій* вопросъ объ общемъ измѣненіи условій добыванія пищевыхъ веществъ. Примѣръ полнаго смѣшенія обоихъ вопросовъ даетъ хотя бы формулировка Тюрго; исключительно первымъ вопросомъ занимается Тюненъ; неправомѣрное соединеніе обоихъ вопросовъ (первый—въ первой половинѣ положенія, второй во второй) мы имѣемъ у Паттена.

Содержаніе перваго вопроса сводится къ тому, большой частью эмпирическому, наблюденію, что данный техническій способъ производства въ земледѣліи увеличиваетъ производительность не въ равной степени, не пропорціонально затратамъ производительныхъ элементовъ (напр. возовъ навоза въ примѣрѣ Тюнена [1]). При этомъ является вполнѣ questio facti, никакой обобщающей формулировкѣ не поддающейся, *какъ* именно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ измѣняется производительность затратъ: происходитъ-ли дѣло такъ, какъ его изображаетъ Паттенъ, т. е. производитель-

---

(Въ настоящее время докладъ этотъ съ нѣсколькими возраженіями и дополненіями со стороны другихъ авторовъ вышелъ подъ общимъ заглавіемъ: The wheat problem, by sir William Crookes, London 1899). Взгляды Крукса были подвергнуты на русскомъ языкѣ критикѣ проф. Тимирязевымъ. См. его брошюру: Точно-ли человѣчеству грозитъ близкая гибель? Москва 1899.

[1]) Именно эту, техническую, сторону вопроса въ своемъ примѣрѣ съ экстирпаторами имѣетъ въ виду Людоговскій. Отдѣльные примѣры приведены также въ сочиненіи проф. *Левитскаго:* Сельскохозяйственный кризисъ во Франціи (1862—1892). Харьковъ. 1899. Стр. 221.

ность ростетъ пропорціонально затратамъ до извѣстнаго момента, съ котораго совсѣмъ прекращается, или какъ нибудь иначе. Я думаю, что этой особенностью земледѣліе не отличается отъ многихъ отраслей и обрабатывающей промышленности. И въ этой послѣдней наибольшій производительный эффектъ достигается только при опредѣленной комбинаціи производительныхъ элементовъ; измѣненіе ихъ въ томъ или другомъ направленіи также способно было бы уменьшить производительность.

Опредѣленное значеніе этому техническому факту придаетъ общій *экономическій* характеръ развитія земледѣльческаго производства; добывая изъ ограниченнаго количества земли, при ограниченномъ—говоря грубо—количествѣ содѣйствующихъ производству силъ природы, постоянно увеличивающуюся сумму пищи, человѣкъ долженъ преодолѣвать все большія трудности, больше и больше напрягать свои силы. Это *общее* отношеніе къ своей кормилицѣ и матери землѣ превращаетъ простой и для обрабатывающей промышленности не имѣющій рѣшающаго значенія фактъ ограниченной производительности каждаго способа производства въ грозный знакъ необходимости или увеличивать производство при томъ же способѣ обработкѣ хотя бы съ убывающей производительностью или же дѣлать новыя усилія и переходить къ новому способу обработки, хотя бы онъ былъ и дороже перваго, взятаго въ моментъ его наибольшей производительности.

Технически ростущая трудность добыванія пощи, необходимость все большихъ усилій со стороны человѣка, чтобы отвоевать себѣ у природы право жить, выясняется изъ общаго характера земледѣльческаго производства. Извѣстно, что процессъ произрастанія хлѣбныхъ (а также и кормовыхъ) злаковъ сводится къ усвоенію растеніемъ нѣкоторыхъ элементовъ почвы и атмосферы. Чтобы было возможно такое усвоеніе, частицы почвы механически должны быть приведены въ состояніе, наиболѣе благопріятное для усвоенія нужныхъ ея элементовъ хлѣбными злаками. Способы этого приведенія различны. Всѣ ихъ характеризуетъ Юстусъ Либихъ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ агрономической химіи слѣдующимъ образомъ [1]): „что преслѣдуется, спрашиваетъ Либихъ, механической обработкой почвы? Не говоря уже о равно-

---

[1]) *Liebig.* Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie. 9-te Auflage. Braunschweig. 1876.

мѣрномъ перемѣшиваніи тѣхъ частей почвы, которыя уже отдали свои питательныя вещества растеніямъ предшествующей жатвы и соотвѣтственно стали бѣднѣе ими, съ тѣми, которыя имѣютъ ихъ еще полностью, обработка достигаетъ того результата, что частицы этихъ веществъ растворяются въ почвѣ и становятся усвояемыми для корней имѣющихъ здѣсь произрастать растеній, каковыми они не были до сихъ поръ; это происходитъ благодаря химическому дѣйствію воды и атмосферы, а не плуга и бороны,— эти орудія дѣлаютъ лишь то, что воздухъ и частицы земли приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Требуется довольно продолжительное дѣйствіе атмосферы, чтобы привести данное количество питательныхъ веществъ, имѣющихся въ почвѣ, въ состояніе растворимости и усвояемости. Дальнѣйшая пульверизація и болѣе тщательное вспахиваніе будутъ усиливать проникновеніе воздуха въ пористыя частицы земли, на которыя онъ долженъ дѣйствовать, ихъ количество увеличивается и обновляется, но легко понять, что добавочная производительность земли (Mehrerträge des Feldes) не будетъ пропорціональна работѣ, затраченной на воздѣлываніе поля, но что она возрастаетъ въ гораздо меньшей пропорціи“ (in weit kleineram Verhältnisse). (Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Либихъ ссылается на формулированный Дж. Ст. Миллемъ законъ уменьшающагося плодородія почвы [1]).

Либихъ считаетъ, такимъ образомъ, очевиднымъ и дальнѣйшаго доказательства не требующимъ, что увеличивающееся коли-

---

[1]) Марксъ, дѣлая Либиху едва ли умѣстное внушеніе за библіографическую ошибку, относительно самаго сужденія Либиха говоритъ только: „нельзя не пожалѣть, что онъ отваживается выражать слѣдующее мнѣніе“ (слѣдуетъ конецъ цитированнаго въ текстѣ мѣста изъ сочиненія Либиха). (См. Капиталъ, т. I, р. пер., 2-е изд., стр. 442, прим. 329). Нельзя не пожелать этому отзыву большей опредѣленности. Несмотря на очевидно отрицательное отношеніе къ этому закону, Марксъ усваиваетъ въ основныхъ принципахъ теорію ренты Рикардо, которая построена на этомъ законѣ. Въ третьемъ томѣ Капитала есть отрывокъ, позволяющій скорѣе думать, что Марксъ относился къ закону убывающаго плодородія почвы далеко не отрицательно. Здѣсь мы читаемъ: „съ точки зрѣнія капиталистическаго способа производства всегда происходитъ относительное удорожаніе (земледѣльческихъ) продуктовъ, такъ какъ для полученія продукта дѣлается извѣстная затрата, должно оплачиваться нѣчто такое, что прежде не оплачивалось. Ибо подъ возмѣщеніемъ затраченнаго на произ-

чество человѣческаго труда, затрачиваемаго на воздѣлываніе почвы, необходимо оплачивается относительно уменьшающимся урожаемъ. И дѣйствительно, при томъ простомъ опредѣленіи, какое даетъ значенію земледѣльческаго труда Либихъ, очевидно, что это ростущее количество труда, которое направлено на одну и ту же площадь, имѣющую лишь опредѣленное количество питательныхъ элементовъ, не можетъ оплачиваться одинаково.

Либиху же обязана современная агрономія теоретическими основами ученія объ удобреніи; въ общемъ и цѣломъ онѣ и по сейчасъ остаются непоколебленными, хотя практическое ихъ приложеніе (даже въ теоріи) далеко еще не выработано [1]). Я

водство капитала всегда слѣдуетъ понимать лишь ту сумму цѣнностей, которую составляютъ въ своей совокупности затраченныя средства производства. Элементы природы, являющіеся агентами производства, ничего не стоя, какую бы роль въ производствѣ они ни играли, не входятъ въ эту сумму какъ составныя части капитала, но какъ даровая естественная сила капитала, т. е. даровая естественная производительная сила труда (Gratisnaturproduktivkraft der Arbeit), которая на основѣ капиталистическаго производства, какъ и всякая производительная сила, представляется производительной силой капитала. Такимъ образомъ, если въ производство входитъ такая сила, которая первоначально ничего не стоитъ, она не оплачивается при опредѣленіи цѣнъ до тѣхъ поръ, пока продукта, изготовляемаго съ ея помощью, хватаетъ для общаго потребленія. Но если съ дальнѣйшимъ развитіемъ становится нужнымъ производить большее количество продукта чѣмъ то, которое производилось съ помощью этой естественной силы, если этотъ добавочный продуктъ приходится, стало быть, производить безъ помощи этой естественной силы, или же при совмѣстномъ участіи добавочнаго количества труда, то этотъ новый добавочный элементъ входитъ въ капиталъ. Такимъ образомъ дѣлается относительно большая затрата капитала, чтобы получить то же количество продукта. При всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, происходитъ удорожаніе производства“ (Das Kapital, III², 27⁷/₈). Этотъ отрывокъ, конечно, не ясенъ, но не можетъ быть понятъ иначе какъ косвенное или даже прямое признаніе закона убывающаго плодородія почвы. Мнѣ не извѣстно чтобы Марксъ гдѣ-либо еще прямо высказывался по поводу послѣдняго,

[1]) Вотъ что говоритъ, напр., по этому поводу проф. *Дрекслеръ*: „практика удобренія еще до сихъ поръ (писано въ 1884 году) основывается можно сказать исключительно на *опытѣ*. Если удобреніе извѣстными веществами имѣетъ результатомъ повышеніе урожаевъ, въ такомъ случаѣ принимаютъ, что запасъ этихъ веществъ, которымъ располагаетъ почва, недостаточенъ; оказывается прибавка извѣстнаго вещества безрезультатною, какъ напр. кали при воздѣлываніи свеклы, то нужно стало быть принять, что вѣроятно въ почвѣ имѣется избытокъ кали. Такія заключе-

обойду молчаніемъ вопросъ о различныхъ видахъ удобренія и о его различномъ значеніи для почвы [1]). Въ нашихъ цѣляхъ достаточно отмѣтить тотъ безспорный фактъ, что только въ начальныхъ стадіяхъ культуры, потому и характеризуемыхъ какъ „хищническія“, земля остается безъ удобренія. „Не нужно особенныхъ разсужденій—говоря словами Либиха—чтобы понять, что обработка полей даже самыми совершенными механическими способами не достаточна для того, чтобы поддержать производительность почвы; послѣ ряда лѣтъ жатвы начинаютъ уменьшаться даже на самыхъ плодородныхъ поляхъ, и онѣ могутъ быть увеличиваемы только посредствомъ удобренія“ [2]). Съ развитіемъ культуры количество (а также и родъ) удобренія соотвѣтствуетъ предполагаемому урожаю. Вопреки мнѣнію тѣхъ теоретиковъ, которые видятъ въ отсутствіи сыраго матеріала въ производствѣ особенность земледѣлія, земля превращается все болѣе и болѣе въ фабрику, которая возвращаетъ въ формѣ продукта то, что принимаетъ въ видѣ сыраго матеріала, или, лучше, въ реторту, выра-

---

нія, основывающіяся на теоріи Либиха, оставались до сихъ поръ исключительно догадками. Также и многочисленные опыты съ удобреніемъ не принесли здѣсь абсолютно никакихъ разъясненій“. (Journal für Landwirtschaft, Jahrg. XXXII. Berlin 1884. Prof. Drechsler. Die Theorie der Düngung und die Aufgabe der Düngungsversuche. 309). Ср. отзывъ проф. *Maercker*'а: Raubbau und Statik въ Handw. d. S. V, 350—2. „Во всякомъ случаѣ выполненіе статистическихъ вычисленій въ настоящее время еще не можетъ претендовать на полную точность, ибо основы, изъ которыхъ они исходятъ, во многихъ отношеніяхъ еще весьма недостаточны. Относительно важнѣйшаго изъ питательныхъ веществъ, имѣющагося въ большинствѣ случаевъ въ минимальномъ количествѣ въ почвѣ именно азота, вычисленія еще вполнѣ ошибочны, такъ что не даромъ ими совершенно не пользуется... Статистическія вычисленія не даютъ намъ полныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній относительно остающагося въ землѣ свободнаго (disponiblen) капитала питательныхъ веществъ, которымъ можно воспользоваться для слѣдующей жатвы“. Современная химія во многомъ отвергла уже отдѣльныя воззрѣнія Либиха на условія производительности почвы (ср. между прочимъ Левитскій, цитир. сочиненіе, стр. 223—5), хотя основные его принципы признаются и теперь. Самъ авторъ, конечно, не отважится произносить сужденіе въ этой чуждой для него области.

[1]) Превосходное и вполнѣ ясное и для неспеціалиста изложеніе ученія объ удобреніи читатель найдетъ въ вышеназванномъ сочиненіи Людоговскаго.

[2]) Ibid., 80.

батывающую новыя химическія соединенія, но элементы для этихъ соединеній должны быть положены напередъ человѣкомъ. Какое же общее экономическое значеніе имѣютъ эти факты? Роковая ограниченность силъ природы, вызывающихъ произрастаніе нужныхъ человѣку растеній, и непрерывный ростъ ихъ производства приводятъ къ тому, что силы эти все менѣе и менѣе служатъ человѣку такъ, какъ они служили раньше, т. е. даромъ. То, что являлось свободнымъ подаркомъ природы, теперь должно быть сдѣлано человѣкомъ: вѣтеръ и дождь разрыхляли почву, полную питательныхъ элементовъ, достаточно было небольшаго усилія со стороны человѣка, чтобы добыть необходимое. Съ теченіемъ времени все большая и большая часть производительной работы отходитъ на долю человѣка; какъ и вездѣ, искусственные процессы все больше становятся на мѣсто естественныхъ. Но если въ индустріи въ этомъ выражается побѣда человѣка надъ природой, то въ земледѣліи это указываетъ на ростущую трудность существованія, для котораго природа сокращаетъ свои дары.

Въ данномъ случаѣ безразлично, выражается ли въ увеличеніи человѣческаго труда или же его продуктовъ, напр., орудій производства или удобренія и под. увеличивающаяся трудность производства пищи; важно только то, что она обходится человѣку все дороже и дороже. Въ этомъ замѣщеніи силъ природы человѣческимъ трудомъ, естественныхъ факторовъ производства искусственными и заключается законъ убывающаго плодородія почвы.

Принимая этотъ законъ, мы вовсе не утверждаемъ непрерывнаго увеличенія трудности производства пищи или не отрицаемъ сельскохозяйственнаго прогресса: утверждать первое и отрицать второе значило бы идти противъ очевидности. Несомнѣнно, что трудность эта растетъ не непрерывно, развитіе движется зигзагами. Агрономическія открытія, техническія усовершенствованія превращаютъ безплодныя земли въ плодородныя, временно упраздняютъ тенденцію, отмѣченную въ законѣ убывающаго плодородія почвы [1]). Однимъ изъ важныхъ условій, противодѣйствующихъ закону убы-

---

[1]) Кстати, если соціальная наука постоянно являетъ примѣры неправомѣрнаго употребленія слова законъ, то данный случай особенно кричащій. Я слѣдую традиціи, сохраняя обычное словоупотребленіе, но въ полномъ сознаніи неумѣстности здѣсь этого философскаго термина.

вающаго плодородія почвы, является относительное удешевленіе земледѣльческаго капитала, т. е. орудій производства, искусственныхъ удобреній и т. д. Составляя продукты индустріи, они подчинены общему закону развитія этой послѣдней,—стремленія къ постоянному удешевленію продукта. Это создаетъ частную тенденцію, дѣйствующую въ направленіи, противоположномъ закону убывающаго плодородія почвы, хотя и неспособную его парализовать.

Безспорно также, что наши предки, которымъ былъ гораздо менѣе чувствителенъ бичъ закона убывающаго плодородія, никоимъ образомъ не способны были бы на своихъ тучныхъ поляхъ и пажитяхъ произвести то богатство и разнообразіе пищевыхъ продуктовъ, которое производится теперь [1]). И тѣмъ не менѣе производство этого увеличивающагося количества пищи сопровождается ростомъ трудностей не только абсолютнымъ, но и относительнымъ. Если сравнивать историческія эпохи или разныя цивилизаціи, то разница между ними выступитъ съ полной ясностью. Мнѣ кажется, что въ этомъ смыслѣ законъ убывающаго плодородія почвы есть вполнѣ очевидная истина, которую совершенно невозможно отрицать, не вступая въ противорѣчіе съ здравымъ смысломъ и очевидностью, но которую достаточно лишь ясно констатировать.

70861

Теоретически мыслимъ, разумѣется, моментъ, когда никакими уже усиліями невозможно будетъ увеличить производительность почвы, когда ея производительныя силы будутъ напряжены до послѣдней степени. Но въ настоящее время нѣтъ ни малѣйшаго основанія говорить о наступленіи такого момента даже въ самыхъ населенныхъ странахъ; земледѣльческая техника не только

---

[1]) Родбертусъ, одинъ изъ немногихъ авторитетныхъ противниковъ закона убывающаго плодородія почвы, въ своихъ опроверженіяхъ этого закона (въ Zur Beleuchtung der socialen Frage) указываетъ главнымъ образомъ на ростъ производительности земледѣлія, но не опровергаетъ тѣмъ того основнаго факта, что съ ростомъ культуры естественные, даровые факторы производства человѣку приходится замѣщать трудомъ или капиталомъ. Съ другой стороны, многіе изъ приводимыхъ имъ фактовъ свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что развитіе земледѣлія идетъ зигзагообразно, но общей тенденціи развитія они не могутъ опровергнуть. Умственный кругозоръ Родбертуса, при этомъ, суженъ его собственною теоріей, которая, въ данномъ случаѣ, его подавляетъ.

еще не сказала своего послѣдняго слова, но, можно думать, находится въ началѣ своего развитія. Потому этотъ моментъ можетъ играть—самое большее—роль предѣльнаго понятія,—предѣла въ математическомъ смыслѣ, показывая лишь направленіе развитія.

Законъ убывающаго плодородія почвы, какъ самое общее выраженіе отношенія между человѣкомъ и природой, имѣетъ универсальное значеніе; вліяніе его распространяется, по крайней мѣрѣ, на всю до сихъ поръ протекшую исторію, хотя естественно при разныхъ экономическихъ условіяхъ онъ имѣетъ разное значеніе и получаетъ различное выраженіе.

Дж. Ст. Милль дѣлаетъ слѣдующее глубокомысленное замѣчаніе: „этотъ общій законъ развитія земледѣльческой промышленности есть наиболѣе важное положеніе политической экономіи. Если бы не было этого закона (were the law different), почти всѣ феномены производства и распредѣленія богатствъ были бы иными нежели теперь“ [1]). Я готовъ даже усилить это положеніе и признать законъ убывающаго плодородія почвы однимъ изъ важнѣйшихъ законовъ исторіи цивилизаціи: вся исторія XIX вѣка съ его экономической организаціей, съ его проблемами богатства и бѣдности была бы непонятна безъ этого закона. Его вліяніе по преимуществу отрицательное, онъ чувствуется какъ препятствіе цивилизаціи, преграда ея мощному потоку; но это не мѣшаетъ этому вліянію быть глубокимъ и опредѣляющимъ. Для меня совершенно несомнѣнно, что соціальный вопросъ въ теперешней его постановкѣ существенно связанъ съ этимъ закономъ, и я не могу себѣ представить общественнаго переворота, болѣе глубокаго и радикальнаго (предъ которымъ блѣднѣютъ всѣ перевороты, когда либо мечтавшіеся Zusammenbruch-теоретиками), какъ тотъ, если бы былъ изобрѣтенъ способъ искусственнаго производства пищи и тѣмъ самымъ былъ бы устраненъ законъ убывающаго плодородія почвы... [2]).

---

[1]) *J. St. Mill.* Principles of political economy. 6-th ed. 1865. Vol. I, 221.

[2]) Лабораторное приготовленіе бѣлка составляетъ одну изъ очередныхъ проблемъ современной химіи. Но даже въ случаѣ разрѣшенія этой проблемы вопросъ объ искусственномъ изготовленіи пищи не будетъ еще ни мало подвинутъ къ разрѣшенію. Не нужно забывать, что современный человѣкъ требуетъ отъ пищи не только питательности, но и вкусовыхъ качествъ, и культура ведетъ къ утонченности вкуса. Вообще сейчасъ

Но оставимъ область фантазіи и вернемся къ дѣйствительности. Очевидно, вліяніе закона убывающаго плодородія почвы чувствуется тѣмъ менѣе, чѣмъ менѣе воздѣлывается почва и чѣмъ меньшее количество пищи добывается съ нея. А это бываетъ при рѣдкости населенія и, что эквивалентно въ данномъ случаѣ, при низкомъ уровнѣ потребностей населенія относительно питательныхъ веществъ (сравните, напр., потребности русскаго мужика или городского англичанина). Относительно трудности добыванія хлѣба страны разной цивилизаціи (а развитію цивилизаціи отвѣчаетъ довольно точно различная плотность населенія), располагаются въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ по степени цивилизованности. Впереди всѣхъ стоятъ не самыя развитыя экономически страны, давно истощившія дары своей природы, но страны молодыя, для которыхъ природа работаетъ еще даромъ. Подъ вліяніемъ растущей трудности производства пищи страны, нѣкогда вывозившія хлѣбъ, превращаются въ ввозящія. Эта закономѣрность была отмѣчена уже Либихомъ (очеркъ исторіи сельскаго хозяйства въ его книгѣ представляетъ и понынѣ еще много интереснаго).

„По естественному закону вывозъ хлѣба возможенъ лишь изъ плодородной страны, имѣющей незначительное населеніе сравнительно съ территоріей. Послѣ ряда лѣтъ плодородіе (die Ertragsfähigkeit) убываетъ; она приноситъ менѣе зерна нежели раньше, между тѣмъ какъ число потребляющихъ хлѣбъ индивидовъ возрастаетъ. Слѣдствіемъ является то, что вывозъ уменьшается, и скоро достигается граница, когда онъ и вовсе прекращается“ [1]).

Добываніе пищи требовало бы постоянно увеличивающагося относительно количества труда и, слѣдовательно, земледѣльческаго населенія, если бы каждая страна была ограничена своими естественными рессурсами. Можно увѣренно сказать, что теперешъ

говорить серьезно о химическомъ изготовленіи пищи нѣтъ еще никакихъ основаній. Химическое изготовленіе (выразительно называемое обыкновенно „поддѣлкой“) нѣкоторыхъ вкусовыхъ и пищевыхъ веществъ способна повліять (пока—только чисто отрицательно) на развитіе отдѣльныхъ отраслей промышленности (напр. винодѣлія, маслодѣлія и т. д.), но оно совершенно не распространяется на основныя отрасли производства пищи: хлѣба, мяса и овощей.

[1]) Ibid. 69.

няя цивилизація, почти исключительно городская, въ особенности же безпримѣрный ростъ и развитіе производительныхъ силъ, высокая степень раздѣленія общественнаго труда, — словомъ весь матеріальный базисъ высшей цивилизаціи будущаго, которому наша цивилизація вмѣстѣ съ соціальнымъ вопросомъ оставляетъ и „хлѣбный“ вопросъ, — все это было бы невозможно, если бы европейское населеніе должно было само — съ неразвитыми еще техническими средствами — добывать себѣ пищу. Если теперь земледѣльческое населеніе зап. Европы уменьшается, не только относительно, но во многихъ мѣстахъ даже абсолютно, то это указываетъ лишь, что европейской цивилизаціи удалось *отклонить* отъ себя дѣйствіе закона убывающаго плодородія почвы,— отклонить посредствомъ путей сообщенія. Современная Европа предпочитаетъ привозить хлѣбъ, скотъ и т. д. изъ-за тридевяти земель, тратя огромное количество труда и капитала на эту перевозку, нежели производить у себя дома. Отсюда понятна разница: промышленныя страны одна наперерывъ передъ другой вывозятъ во всѣ страны міра продукты своей промышленности, за исключеніемъ только одной категоріи товаровъ: пищевыхъ продуктовъ, которыѣ онѣ ввозятъ; отсюда же и теперешнее, исторически преходящее, конечно, дѣленіе странъ на промышленныя и мануфактурныя...[1]).

Это явленіе въ своемъ рыночномъ выраженіи (его мы будемъ изучать особо) носитъ названіе аграрнаго кризиса, который уже болѣе четверти вѣка угнетаетъ и разоряетъ европейское земледѣліе. Аграрный кризисъ является поэтому прямымъ слѣдствіемъ закона убывающаго плодородія почвы и стремленія уклониться отъ его тяжелаго дѣйствія при помощи путей сообщенія. Будущій историкъ будетъ характеризовать нашу эпоху цивилизаціи, между

[1]) Нѣкоторымъ экономистамъ является иногда тревожный вопросъ могло-ли бы теперешнее европейское населеніе производить необходимое для себя количество хлѣба (и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ) на своей собственной территоріи? Для Англіи этотъ вопросъ даже не ставится, такъ ясенъ отрицательный на него отвѣтъ, конечно, при современныхъ реальныхъ возможностяхъ земледѣлія. Но онъ часто ставится въ Германіи и въ общемъ разрѣшается утвердительно въ техническомъ смыслѣ и отрицательно въ экономическомъ.—Ср. новѣйшія разсужденія Шмоллера, въ общемъ совпадающія съ изложенными мыслями, въ только что вышедшемъ Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Erster grösserer Theil. Leipzig. 1900. стр. 220—1.

прочимъ, и по этому признаку: аграрный кризисъ есть болѣе чѣмъ экономическое явленіе, онъ есть этапъ въ исторіи цивилизаціи, необходимое слѣдствіе условій, сдѣлавшихъ возможнымъ столь пышный ея разцвѣтъ, плата за нихъ.

Сдѣланная здѣсь общая характеристика значенія закона убывающаго плодородія почвы найдетъ развитіе и подтвержденіе во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Онъ обусловливаетъ рѣшительно всѣ важнѣйшія черты развитія земледѣльческой промышленности въ отличіе отъ обрабатывающей, равно какъ и исторіи земледѣлія въ XIX вѣкѣ. Естественно, ему должно быть отведено соотвѣтственное мѣсто и въ научномъ отраженіи этой дѣйствительности, въ системѣ логическихъ понятій. Закону убывающаго плодородія почвы принадлежитъ центральное мѣсто въ научной теоріи экономическаго развитія сельскаго хозяйства.

2. Трудъ.

Роль труда въ земледѣльческой промышленности характеризуется отличными и во многомъ противоположными чертами сравнительно съ обрабатывающей промышленностью. Коренное отличіе состоитъ въ томъ, что въ послѣдней человѣкъ является господиномъ законовъ природы, а въ земледѣліи ихъ рабомъ. Это банальное положеніе объясняетъ всѣ основныя особенности приложенія земледѣльческаго труда въ отличіе отъ промышленнаго. Природа и ея законы чужды человѣческимъ цѣлямъ; потому напередъ слѣдуетъ предположить, что тамъ, гдѣ господствуетъ природа, отсутствуетъ раціональная (въ смыслѣ наибольшей экономіи средствъ и производительности результатовъ) организація производства; раціональность можетъ быть здѣсь лишь случайностью, исключеніемъ, простымъ совпаденіемъ благопріятныхъ условій. A priori слѣдуетъ предположить, что земледѣліе характеризуется растратой труда, несовершенной его организаціей и, вслѣдствіе этого, неполной утилизаціей рабочей силы, затрачиваемой на сельское хозяйство. Ближайшее разсмотрѣніе можетъ только подтвердить это апріорное предположеніе.

Первая особенность, которая бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ сравненіи земледѣлія съ большей частью отраслей индустріи, есть то, что въ земледѣліи время производства и рабочій періодъ не совпадаютъ между собою: извѣстно, что

сельско-хозяйственныя работы чередуются съ перерывами, когда производство предоставляется силамъ природы, количество и продолжительность этихъ перерывовъ и рабочаго періода можетъ варіировать какъ въ зависимости отъ климатическихъ условій такъ и особенностей данной культуры: рабочій день въ земледѣліи становится, такимъ образомъ, пористымъ, рабочая сила утилизируется въ высшей степени неэкономно, — природа то зоветъ то отсылаетъ рабочаго. Сюда же слѣдуетъ присоединить, что въ большинствѣ климатовъ періодъ активнаго сельско-хозяйственнаго производства продолжается лишь часть года, болѣе или менѣе продолжительную, смотря по климату; въ этомъ смыслѣ земледѣліе является *сезоннымъ* производствомъ, причемъ однако время сезона зависитъ не отъ характера спроса на данный продуктъ, но отъ велѣній природы. По мѣрѣ развитія общественнаго раздѣленія труда и выдѣленія земледѣлія въ спеціальную отрасль производства, эта нераціональность природы становится все чувствительнѣй тѣмъ, кому приходится отъ этого страдать [1]).

Земледѣліе является сезоннымъ производствомъ даже въ двойномъ смыслѣ: оно не только занимаетъ рабочую силу въ опредѣленныя части года, но и въ эти части года занимаетъ ее неравномѣрно, въ различномъ количествѣ; почти въ каждомъ сельскохозяйственномъ производствѣ, отъ ржи до винограда, есть критическіе моменты, когда необходимо наибольшее напряженіе рабочей силы и притомъ въ количествѣ, значительно превышающемъ обычную среднюю потребность этого хозяйства: такова напр. жатва. Примѣромъ того, какъ велики различія въ количествѣ труда, требующагося для земледѣльческихъ операцій въ разные моменты, могутъ послужить данныя *Г. Майера,* посвятившаго особую монографію вопросу о колебаніяхъ въ потребности въ ручномъ трудѣ въ нѣмецкомъ земледѣліи. Потребность въ рабочихъ въ разное время года пяти высоко интенсивныхъ хозяйствъ (въ двухъ послѣднихъ кромѣ хлѣбныхъ растеній производится, между прочимъ, и свекла), относящихся къ Зап. Пруссіи, Голштейну, Вестфаліи и Тюрингену, слѣдовательно мѣстностямъ съ очень различными климатическими и экономическими условіями, выразилась въ слѣдующихъ относительныхъ цифрахъ:

---

[1]) Ср. главы XII и XIII второго тома *Капитала.*

Четверть года . . .	I	II	III	IV
I хозяйство . . .	1	1,3	1,7	1,1
II „ . . .	1	1,5	1,7	1,2
III „ . . .	1	1,3	1,5	1,2
IV „ . . .	1	1,7	2,5	1,6
V „ . . .	1	1,8	3,2	2,5

Какъ показываетъ эта таблица, потребность въ рабочей силѣ распредѣляется неравномѣрно и потому нераціонально, и, по словамъ Майера, эта неравномѣрность имѣетъ даже тенденцію усиливаться съ ростомъ интенсивности хозяйства [1]), какъ это отчасти видно и въ этой таблицѣ, гдѣ колебанія въ двухъ послѣднихъ хозяйствахъ, болѣе интенсивныхъ нежели другія (производство свеклы) гораздо значительнѣе.

По компетентному свидѣтельству ф. д. Гольца (въ его новѣйшемъ трудѣ по аграрной политикѣ), потребность въ рабочей силѣ въ сельскомъ хозяйствѣ лѣтомъ больше чѣмъ зимой, въ зависимости отъ формы хозяйства, въ два, три и даже четыре раза [2]).

Изъ тѣхъ же природныхъ условій земледѣльческаго производства объясняется и то, что земледѣльческій трудъ и территоріально разбрасывается на большія пространства, которыя тѣмъ больше, чѣмъ больше производство и слѣдовательно примѣняемое имъ количество труда. Разумѣется, количество труда, сосредо-

---

[1]) *Dr. G. Meyer.* Ueber die Schwankungen in dem Bedarf an Handarbeit in der deutschen Landwirthschaft. Jena 1893. S. 15. „Именно является особенностью роста работоинтенсивности въ сельскомъ хозяйствѣ, что она распространяется главнымъ образомъ на лѣтній періодъ, и безъ того уже обильный работами, и лишь въ малой степени на зимній, бѣдный работами. Благодаря этому неравномѣрное отношеніе (Missverhältniss) между двумя періодами касательно ихъ потребности въ работѣ, конечно, еще усиливается“ (20).

[2]) Von der *Goltz.* Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik. Jena 1899. Стр. 28.

точиваемаго на опредѣленной единицѣ площади, можетъ быть весьма различно: это зависитъ какъ отъ характера данной культуры такъ и отъ степени интенсивности хозяйства, но фактъ этотъ въ общемъ остается неизмѣненъ и неустранимъ; очевидность этого не требуетъ доказательствъ.

Изъ всѣхъ этихъ слѣдствій господства надъ человѣкомъ нераціональныхъ силъ природы, ближайшимъ образомъ изъ послѣдняго слѣдствія вытекаетъ и та важная особенность земледѣлія, что ему почти чужды выгоды соединенія и раздѣленія труда, которыя свойственны большинству другихъ отраслей промышленности и составили даже основу ихъ техническаго прогресса.

Специфическія выгоды соединенія труда или кооперації, которыя выяснены въ особенности Марксомъ [1]), не свойственны или мало свойственны земледѣлію. Главныя выгоды простой кооперації въ томъ, что она можетъ выполнять такія работы, которыя совсѣмъ не доступны усиліямъ отдѣльнаго рабочаго [2]), или же выполняетъ работы, доступныя и отдѣльному рабочему, но успѣшнѣе и быстрѣе, нежели этотъ послѣдній въ рядъ рабочихъ дней [3]). Тамъ, гдѣ сотрудничество не имѣетъ такого характера,

---

[1]) Капиталъ, томъ I, глава XI.

[2]) „Точно также сумма механическихъ силъ отдѣльныхъ работниковъ отлична отъ механической силы, развивающейся въ то время, когда множество рукъ участвуютъ сообща и одновременно въ одной и той же нераздѣльной операціи, такъ напр. когда дѣло идетъ о томъ, чтобы поднять какой-нибудь грузъ, вертѣть тяжелый воротъ или устранить какое-нибудь препятствіе“ (Марксъ, цит. соч. 278).

[3]) „Хотя бы многіе рабочіе исполняли одновременно одну и ту же работу или работы совершенно сходнаго рода, однако же трудъ каждаго отдѣльнаго работника, какъ часть общей работы, можетъ представлять собою различныя фазы самаго процесса труда, причемъ предметъ труда, вслѣдствіе кооперації, проходитъ всѣ эти фазы гораздо быстрѣе, чѣмъ если бы та же самая работа исполнялась каждымъ работникомъ отдѣльно. Такъ напр., когда каменщики, чтобы перенести кирпичи отъ подножія зданія на вершину строющейся стѣны, становятся въ рядъ и передаютъ эти кирпичи одинъ другому изъ рукъ въ руки,—каждый изъ нихъ дѣлаетъ одно и то же; но тѣмъ не менѣе всѣ эти отдѣльныя операціи образуютъ непрерывныя части одной общей операціи и представляютъ собою особенныя фазы, которыя каждый кирпичъ долженъ пройти втеченіе процесса труда и которыя онъ проходитъ гораздо быстрѣе при помощи 24 рукъ одного коллективнаго работника, чѣмъ при помощи двухъ рукъ каждаго отдѣльнаго работника, принужденнаго то взбираться

не повышаетъ производительности труда, а является простымъ совмѣстнымъ выполненіемъ однихъ и тѣхъ же производительныхъ функцій, мы имѣемъ, строго говоря, не *кооперацію* въ экономическомъ смыслѣ (какъ ввелъ въ науку это понятіе Марксъ), но простое коллективное выполненіе извѣстныхъ производительныхъ функцій. Работники работаютъ сдѣсь *не сообща, а рядомъ*, ихъ можно разъединить и предоставить каждому дѣлать свою работу отдѣльно и производительность ея нисколько не измѣнится (если не считать, впрочемъ, вліянія того психическаго воздѣйствія другъ на друга, того соревнованія, которое развивается при работѣ сообща и въ которомъ Марксъ видитъ также одну изъ выгодъ кооперації [1]), но это психическое воздѣйствіе есть палка о двухъ концамъ и не всегда направляется въ сторону повышенія производительности труда). Примѣромъ подобнаго сотрудничества можетъ послужить напр. тотъ случай, если для обиранія фруктоваго сада приглашена группа поденщиковъ: ихъ количество имѣетъ значеніе только для быстроты сбора, но производительность труда каждаго останется такова же, какъ еслибы онъ работалъ одинъ.

Не трудно видѣть, что земледѣліе не получаетъ отъ кооперації выгодъ, свойственныхъ послѣдней. Нечего говорить, что процессъ (или процессы) земледѣльческаго производства въ его цѣломъ съ перерывами и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ труда не можетъ быть предметомъ планомѣрной кооперації,—рѣчь можетъ идти только объ отдѣльныхъ его моментахъ. Очевидно, что въ этихъ моментахъ нѣтъ такихъ, которыя выполнимы были бы только кооперирующими работниками и не поддавались бы инди-

---

на подмостки съ грузомъ кирпичей, то снова спускаться внизъ за новой ношей. При кооперації, одинъ и тотъ же предметъ труда проходитъ то же самое пространство въ болѣе короткое время. Другой способъ примѣненія комбинированнаго труда мы видимъ въ томъ случаѣ, когда напр. зданіе строится одновременно съ различныхъ сторонъ, хотя работники, работающіе сообща, опять-таки выполняютъ при этомъ или одну и ту же работу или совершенно сходныя работы“ (Марксъ, цит. соч. 279—80). Строго говоря, здѣсь мы имѣемъ уже начальную стадію раздѣленія труда, потому что, напр., передача кирпича разными рабочими въ разныхъ мѣстахъ, разъ рѣчь идетъ именно *о перемѣщеніи* кирпича, является уже раздѣленной между многими рабочими, хотя бы они дѣлали и одно и то же, но въ разныхъ мѣстахъ.

[1]) Ibid. 278—9.

видуальному выполненію: объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что большинство отраслей сельскаго хозяйства доступны какъ мелкому, единоличному, производству, такъ и крупному, съ болѣе или менѣе широкимъ приложеніемъ кооперациі (гдѣ это хозяйство ведется лучше, гдѣ хуже, есть фактъ зависящій отъ цѣлой суммы экономическихъ условій и насъ здѣсь не интересующій,—намъ важно отмѣтить только *техническую* возможность веденія хозяйства безъ кооперациі). Весьма сомнительно также, чтобы тѣ работы, которыя выполняются въ земледѣліи кооперацией, выполнялись иначе или лучше нежели единолично: онѣ носятъ такой же не кооперативный, а коллективный, собирательный характеръ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ обиранія сада; такова напр. жатва. (Есть основанія думать, что единоличная работа, если она производится самостоятельнымъ хозяиномъ, выше по своему качеству и тщательности нежели работа кооперирующихъ наемныхъ рабочихъ; но это различіе принадлежитъ уже ученію о разныхъ формахъ сельскохозяйственнаго предпріятія, о чемъ ниже). Специфической сферой дѣйствія кооперациі, быть можетъ, укажутъ критическіе моменты, когда, какъ во время жатвы, требуется единовременная и значительная затрата труда. Но эта потребность не техническаго, а экономическаго происхожденія: это потребность крупныхъ хозяйствъ съ незначительнымъ количествомъ постоянныхъ рабочихъ; ея нѣтъ или почти нѣтъ для крестьянина, который, при меньшихъ размѣрахъ хозяйства, выполняетъ эту работу единолично или съ семьей. И стоитъ лишь вообразить это крупное хозяйство подѣленнымъ на рядъ крестьянскихъ, эта потребность во временной кооперациі вполнѣ или почти исчезаетъ. Уже это показываетъ, что такія работы не всегда должны быть выполняемы лишь съ помощью кооперациі, но только при извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ. Техническая необходимость кооперациі была бы на лицо лишь въ томъ случаѣ, еслибы можно было доказать, что данная производительная операція, напр. жатва, выполнима только въ крупныхъ размѣрахъ, и не можетъ быть выполнена въ раздробь, по частямъ [1]).

[1]) Мнѣ кажется поэтому весьма неудачнымъ примѣромъ выгодъ кооперациі у Маркса ссылка на критическіе моменты въ земледѣліи. „Во многихъ отрасляхъ производства существуютъ такъ называемые критическіе моменты, т. е. извѣстные періоды времени, опредѣленные самою природой даннаго процесса труда, впродолженіе которыхъ долженъ быть

Господство природы надъ сознательной волей человѣка въ земледѣльческомъ производствѣ выражается съ наибольшей ясностью въ области раздѣленія земледѣльческаго труда. Техническое раздѣленіе труда составляетъ условіе, а отчасти и отправной пунктъ техническаго прогресса въ промышленности. Онъ состоитъ въ разложеніи сложныхъ производительныхъ операцій на детальныя и простыя, слѣдовательно, въ искусственномъ *упрощеніи* производственнаго процесса. Очевидно, раздѣленіе труда имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если рабочая сила утилизируется, по крайней мѣрѣ, не меньше, чѣмъ до раздѣленія; для этого необходимо, чтобы тѣ детальныя производительныя операціи, которыя производятся отдѣльными рабочими, могли производиться одновременно. Это возможно или въ томъ случаѣ, если всѣ рабочіе одновременно работаютъ надъ однимъ и тѣмъ же объектомъ труда, или же, если объекты труда непрерывно переходятъ изъ рукъ въ руки, наконецъ, если возможно приготовлять въ отдѣльности части предмета. Требуется во всякомъ случаѣ единство мѣста или единство времени при производствѣ предмета.

Эти основныя предпосылки раздѣленія труда отсутствуютъ въ земледѣліи. Пріуроченныя къ различнымъ моментамъ естественнаго произрастанія хлѣбныхъ злаковъ, производительныя операціи, выполняемыя человѣческимъ трудомъ, не одновременны, а послѣдовательны; съ другой стороны онѣ совершаются въ различ-

---

достигнутъ извѣстный опредѣленный результатъ. Такъ, напр., если требуется остричь стадо овецъ, или сжать и убрать пашню, то не только количество, но и качество продукта зависитъ при этомъ отъ того, будетъ ли каждая изъ этихъ работъ начата и окончена своевременно... Своевременность исполненія зависитъ при этомъ отъ одновременнаго употребленія многихъ комбинированныхъ рабочихъ дней; а размѣры полезнаго дѣйствія отъ числа работниковъ, *которое притомъ всегда бываетъ менѣе чѣмъ число работниковъ, которое потребовалось бы, чтобы выполнить то же самое дѣло, въ то же самое время, при работѣ каждаго отдѣльно*“ (Марксъ, цит. соч. 280—1. Курсивъ нашъ). Подчеркнутыя слова представляютъ собой произвольное и невѣрное утвержденіе. Еще болѣе неудаченъ рядомъ стоящій примѣръ: „вслѣдствіе недостатка именно такой кооперации, на западѣ Соединенныхъ Штатовъ теряется ежегодно масса зернового хлѣба, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Остъ-Индіи, гдѣ англійское владычество разрушило старинное общинное землевладѣніе и общинное производство, пропадаютъ ежегодно совершенно даромъ цѣлыя массы хлопчатой бумаги“ (ib. 281). Это объясненіе совершенно опредѣленныхъ экономическихъ явленій „недостаткомъ кооперации“ чрезвычайно странно.

ныхъ мѣстахъ или же въ разныхъ пунктахъ поля одновременно, представляя собою простое соединеніе труда, выше охарактеризованное. Эти особенности земледѣлія не могли укрыться отъ остраго взора того, кто такъ много содѣйствовалъ выясненію роли раздѣленія труда, *Адама Смита*. У него уже мы находимъ мастерски сдѣланную характеристику роли раздѣленія труда въ земледѣліи.

„Естественныя условія (nature) земледѣлія не допускаютъ столько подраздѣленій труда, какъ въ мануфактурѣ, ни столь полнаго отдѣленія одного производства (business) отъ другого. Невозможно совершенно отдѣлить занятіе скотоводства (grazier) отъ занятія фермера, производящаго зерновые хлѣба (corn farmer), такъ, какъ занятіе плотника бываетъ обыкновенно обособлено отъ занятія кузнеца. Прядильщикъ почти всегда есть другое лицо чѣмъ ткачъ; между тѣмъ очень часто одно лицо и пашетъ и боронитъ, и сѣетъ, и жнетъ хлѣба. Выполненіе этихъ работъ приходится на различныя времена года и невозможно чтобы каждымъ изъ этихъ занятій постоянно занималось отдѣльное лицо“ [1]).

Не слѣдуетъ вмѣстѣ съ Смитомъ преувеличивать значеніе раздѣленія труда вообще и отсутствія его въ земледѣліи: послѣднее, хотя и крайне невыгодно отличаетъ земледѣліе отъ обрабатывающей промышленности, но является лишь *симптомомъ* общаго господства природы надъ производительнымъ процессомъ, господство естественныхъ и нераціональныхъ элементовъ надъ искуственными и раціональными.

Само собою разумѣется, что и въ земледѣліи возможны отдѣльные случаи спеціализаціи различныхъ функцій, они не являются лишь настолько многочисленными, чтобы характеризовать собою производство. Иногда, говоря о раздѣленіи труда въ земледѣліи, говорятъ не о техническомъ раздѣленіи труда, т. е. о

---

[1]) *Ad. Smith.* The wealth of nations. Book I. Chapter I. Of the division of labour, p. 3 (по изд. Макъ-Куллоха. London 1863). Конечно, Смитъ явно преувеличиваетъ значеніе невозможности раздѣленія труда въ земледѣліи, когда высказываетъ, далѣе, слѣдующее сужденіе: „Невозможность столь полнаго и всесторонняго раздѣленія различныхъ отраслей труда, прилагаемаго въ земледѣліи, есть, можетъ быть, причина, почему развитіе производительности труда въ земледѣліи отстаетъ отъ развитія производительности мануфактурнаго труда“. (Продолженіе этой цитаты см. выше, на стр. 6, 1-ое примѣч.).

спеціализаціи отдѣльныхъ функцій опредѣленнаго производительнаго процесса, но о спеціализаціи отраслей земледѣлія, о спеціализаціи отдѣльныхъ хозяйствъ лишь на производствѣ одного или немногихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Эта спеціализація производства не является раздѣленіемъ труда въ вышеозначенномъ смыслѣ и можетъ вовсе не сопровождаться имъ [1]). Обсужденіемъ этого вопроса въ связи съ вопросомъ объ общей производительности земледѣлія мы займемся въ другой связи.

Итакъ, природа требуетъ въ земледѣліи человѣческій трудъ въ аморфномъ, такъ сказать, сыромъ видѣ. При одинаковости качества выступаетъ на первый планъ количество. Какъ измѣняется это послѣднее? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ, въ сущности, данъ уже въ предыдущемъ изложеніи, въ ученіи о законѣ убывающей производительности почвы. Согласно содержанію этого послѣдняго, ростъ производства сельскохозяйственнаго продукта требуетъ ростущихъ затратъ труда и капитала. Оставляя послѣдній пока въ сторонѣ, отмѣтимъ здѣсь, что увеличивающееся количество труда на единицу площади есть самое основное и вмѣстѣ самое элементарное условіе роста сельскохозяйственнаго производства. Эта истина подразумѣвается сама собою въ сельскохозяйственной литературѣ (не говорю уже у практическихъ сельскихъ хозяевъ). Изъ экономистовъ склоненъ былъ не признавать ее, кажется одинъ Марксъ; увлекшись своей конструкціей вытѣсненія постоянною частью капитала (орудія и матеріалы производства) перемѣнной (рабочая сила), которая въ общемъ правильно выражаетъ развитіе промышленности, но совершенно неприложима къ земледѣлію, Марксъ [2]), подъ одностороннимъ

---

[1]) Проф. Бакгаузъ въ своей статьѣ о раздѣленіи труда въ сельскомъ хозяйствѣ. (Prof. *Backhaus*. Die Arbeitstheilung in der Landwirthschaft въ Conrad's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 1894. Dritte Folge, Band VIII) трактуетъ главнымъ образомъ о спеціализаціи сельскохозяйственнаго производства и очень мало о раздѣленіи труда. Его выводъ относительно раздѣленія труда таковъ: „раздѣленіе труда въ сельскомъ хозяйствѣ въ приложеніи къ земледѣлію имѣетъ значеніе главнымъ образомъ въ разчлененіи различныхъ отраслей производства (хозяйственное раздѣленіе труда). Чрезъ то увеличивается и раздѣленіе отдѣльныхъ работъ (техническое раздѣленіе труда), но во всякомъ случаѣ это послѣднее можетъ быть проведено лишь въ слабой степени“ (374).

[2]) „Особенность капиталистическаго способа производства въ томъ, что оно непрерывно уменьшаетъ земледѣльческое населеніе относи-

впечатлѣніемъ опыта Англіи, распространялъ эту конструкцію и на земледѣліе; онъ считалъ возможнымъ даже абсолютное сокращеніе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ (въ обрабатывающей промышленности относительное сокращеніе числа рабочихъ не ведетъ къ абсолютному сокращенію, благодаря расширенію внѣшняго поля производства; въ земледѣліи такая компенсація не имѣетъ мѣста). Мнѣніе это, имѣвшее нѣкоторое вліяніе благодаря авторитету автора, основывается на апріорной конструкціи и односторонніхъ наблюденіяхъ [1]) и совершенно не можетъ быть поддерживаемо въ настоящее время. Развитіе производительности земледѣлія можетъ совершаться только при условіи все большей затраты рабочей силы. Мы видѣли, какъ капризно природа то зоветъ, то отталкиваетъ рабочаго, велитъ ему дѣлаться то пахаремъ, то сѣятелемъ, то косцомъ и т. д. Это общее веденіе процесса сельскохозяйственнаго производства можетъ быть лишь дѣломъ человѣка. Далѣе, цѣлый рядъ сельскохозяйственныхъ операцій можетъ быть выполненъ только руками человѣка, или, еще чаще, при непосредственномъ участіи человѣка, и это въ тѣмъ большей степени, чѣмъ внимательнѣе, чѣмъ интенсивнѣе воздѣлываніе земельнаго участка. Идеалъ интенсивности—огородная культура или культура лопатой почти всѣ механическія работы, даже разрыхленіе земли отдаетъ въ руки человѣка. Очень рискованно выставить какое-либо общее положеніе относительно тенденціи въ измѣненіи количества труда при ростѣ производства, потому что, какъ мы увидимъ ниже, ростъ этотъ можетъ совершаться въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, и есть такія направленія, при которыхъ количество рабочей силы можетъ сокращаться, замѣняясь „капиталомъ“, т.-е. механическими орудіями производства;

тельно неземледѣльческаго, потому что въ индустріи (въ собственномъ смыслѣ) ростъ постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ связанъ и съ абсолютнымъ ростомъ хотя и относительно уменьшающагося перемѣннаго капитала; тогда какъ въ земледѣліи перемѣнный капиталъ, требующійся для эксплуатаціи даннаго участка земли, абсолютно убываетъ; слѣдовательно онъ можетъ рости лишь настолько, насколько привлекаются къ обработкѣ совсѣмъ новые участки земли“. (Das Kapital, III², 177).

[1]) Въ происхожденіи его играло роль и то обстоятельство, что Марксъ не дѣлалъ, повидимому, различія между сельскохозяйственными машинами и машинами въ крупной индустріи. Съ этимъ различіемъ мы познакомимся въ слѣдующемъ параграфѣ.

съ другой стороны, одно и тоже производство можетъ обходиться съ большимъ или меньшимъ количествомъ рабочей силы, ибо „факторы“ сельскохозяйственнаго производства — трудъ и капиталъ — могутъ въ различной степени замѣщать другъ друга. Но, отвлекаясь отъ этихъ частичныхъ отклоненій, мы можемъ выставить положеніе, что *въ общемъ* развитіе производительности сельскаго хозяйства требуетъ увеличивающагося количества живой рабочей силы, и этотъ ростъ не можетъ быть парализованъ или возмѣщенъ усиленіемъ другихъ факторовъ производства, ибо рабочей силѣ принадлежитъ вполнѣ опредѣленное мѣсто въ процессѣ производства и она не можетъ быть, въ извѣстныхъ границахъ, замѣнима чѣмъ бы то ни было.

Было бы излишне и безполезно пытаться здѣсь перечислить тѣ сельскохозяйственныя работы, которыя могутъ быть выполнены только рабочей силой, или найти количественное выраженіе потребности въ этой послѣдней при различныхъ условіяхъ хозяйства. Для иллюстраціи приведу примѣрныя разсчисленія нѣсколькихъ спеціалистовъ.

Фюлингъ [1]) говоритъ въ своей экономіи земледѣлія:

„Потребность въ рабочихъ необыкновенно различна; именно она различается:

a) сообразно различію системъ хозяйства;

b) сообразно различію экстенсивнаго или интенсивнаго веденія этихъ системъ;

c) соотвѣтственно пропорціи воздѣлыванія огородныхъ и торговыхъ растеній;

d) сообразно степени приложенія машинъ, приводимыхъ въ движеніе лошадиными или какими-либо другими движущими силами, и другихъ орудій, служащихъ къ замѣнѣ или поддержанію ручного труда.

Взявъ за основаніе многочисленные разсчеты и цифровыя данныя, у насъ имѣющіяся, мы можемъ составить слѣдующую таблицу.

Для обработки площади въ 100 гектаровъ обыкновенно требуется постоянныхъ рабочихъ (Gesinde), годовыхъ и поденныхъ рабочихъ вмѣстѣ, предполагая, что рабочій персоналъ состоитъ на $^1/_3$ изъ постоянныхъ рабочихъ и на $^2/_3$ изъ поденщиковъ и рабочихъ, нанимаемыхъ сдѣльно (Stücklöhnern):

[1]) *Fühling.* Oekonomie der Landwirthschaft. Berlin. 1889. Стр. 255.

1) при экстенсивномъ хозяйствѣ, при простомъ трехпольѣ съ паромъ, при выгонномъ хозяйствѣ приблизительно съ $^1/_3$ подъ выгономъ отъ 15 до 20 человѣкъ;

2) при средне-интенсивномъ хозяйствѣ, улучшенномъ трехпольѣ съ обработкой пара, плодоперемѣннымъ хозяйствомъ съ незначительнымъ воздѣлываніемъ огородныхъ растеній отъ 25 до 35 человѣкъ;

3) при весьма интенсивномъ хозяйствѣ съ значительнымъ воздѣлываніемъ огородныхъ и торговыхъ растеній отъ 35 до 50 человѣкъ".

Зеттегастъ даетъ слѣдующія цифры [1]):

На 1 моргенъ ($^1/_4$ гектара) требуется рабочихъ:

при	постоянномъ выгонѣ	1— 2
„	лугахъ средняго качества	4— 10
„	зерновомъ и переложномъ хозяйствѣ .	12— 20
„	плодоперемѣнномъ хозяйствѣ . . .	30— 50
„	промышленномъ хозяйствѣ	60—130

По разсчету *Бензинга* [2]), общая потребность въ человѣческомъ трудѣ выражается при разныхъ системахъ хозяйства такъ:

при	трехпольномъ хозяйствѣ . .	712	рабоч. дней
„	норфолькскомъ плодоперемѣнномъ	1615	„ „
„	плодоперемѣнномъ хозяйствѣ съ значительнымъ производствомъ свеклы . , . .	2608	„ „

Возрастающее количество труда при развитіи производительности земледѣлія есть частный случай дѣйствія общаго закона убывающаго плодородія почвы. Этотъ же законъ обусловливаетъ и другую особенность условій приложенія труда въ земледѣліи,— въ своемъ родѣ не менѣе важную.

Извѣстно, какъ шло развитіе обрабатывающей промышленности: каждый шагъ былъ здѣсь новымъ завоеваніемъ техники, повышавшей производительность труда, каждое новое усовершен-

---

[1]) *Settegast.* Die Landwirtschaft und ihr Betrieb, Band III, 135. Leipzig 1875.

[2]) *Franz Bensing.* Der Einfluss der landwirthschaftlichen Maschinen au Volks- und Privatwirtschaft. Breslau 1898. Стр. 42.

ствованіе въ значительной степени упраздняло всѣ предыдущія. Если экономическая организація производства была капиталистическая, и стимуломъ производства является стремленіе къ полученію наибольшей прибыли, то и это стремленіе неизбѣжно принимаетъ форму стремленія къ повышенію производительности труда. Изучая исторію развитія капиталистической промышленности, Марксъ могъ съ полнымъ логическимъ правомъ представить стремленіе къ полученію наибольшей прибыли стимуломъ и техническаго прогресса, а самый прогрессъ изобразить какъ результатъ стремленія къ повышенію *относительной* прибавочной цѣнности. Это потому, что законъ развитія промышленности есть законъ увеличивающейся производительности труда.

Изъ этой особенности развитія обрабатывающей промышленности вытекаетъ безконечно важное по своему значенію соціально-экономическое слѣдствіе: возможность и экономическая цѣлесообразность того, что въ новѣйшей литературѣ носитъ названіе *экономіи высокой заработной платы* [1]) (economy of high wages). Повышеніе заработной платы оказывается не только экономически возможнымъ, но и выгоднымъ для предпринимателя, потому что съ повышеніемъ standart of life рабочаго повышается и производительность его труда. Высокая заработная плата въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ является въ извѣстныхъ случаяхъ однимъ изъ условій побѣды въ борьбѣ конкурренціи [2]). Много ли такихъ производствъ и каковы они, есть questio facti. Но остается во всякомъ случаѣ неоспоримымъ, что

[1]) Ученіе это, экономическимъ базисомъ которому лучше всего, на мой взглядъ, можетъ послужить теорія Маркса о производствѣ относительной прибавочной цѣнности, покучило незыблемое право гражданства въ современной экономической наукѣ трудами Брентано (Ueber Verhältniss vom Arbeitslohn zur Arbeitsleistung), Шульце-Геверница (Der Grossbetrieb), Шенгофа (The economy of high wages и др. сочиненія), Гобсона (The evolution of modern capitalism) Гёнтона (Wealth and Progress), Брассея (Work and Wages) и др. Очевидно, что по своему содержанію это ученіе представляетъ прямое отрицаніе „желѣзнаго закона“ заработной платы Рикардо-Лассаля. Въ мою задачу не входитъ подробное развитіе и обоснованіе этого ученія. Полагаю, что въ столь общей формѣ, какъ оно выставлено въ текстѣ, оно не встрѣтитъ возраженій.

[2]) Этимъ не сказано, конечно, чтобы болѣе высокій уровень заработной платы давался рабочимъ безъ борьбы, или чтобы многіе предприниматели такимъ образомъ понимали свои интересы. Рѣчь идетъ о выясненіи объективной связи условій производства.

во многихъ, если не въ большинствѣ отраслей индустріи, повышеніе заработной платы, соотвѣтствующее или нѣсколько отстающее отъ повышенія производительности труда, не ложится тяжестью на производство, но съ избыткомъ выкупается повышеніемъ этой производительности. Лишь принятіе этого положенія дѣлаетъ возможнымъ пониманіе безспорнаго факта значительнаго повышенія заработной платы въ наиболѣе цвѣтущихъ отрасляхъ промышленности: прогрессъ производства несетъ въ себѣ, такимъ образомъ, зародышъ и соціальнаго прогресса. И насколько извѣстный уровень развитія рабочаго является необдимымъ условіемъ для поддержанія достигнутой производительности труда и высокой техники, настолько же является этимъ условіемъ и высокая заработная плата. Въ современной политической экономіи уже нѣтъ мѣста сомнѣнію, что интеллигентный и хорошо оплачиваемый рабочій есть такой же необходимый элементъ развитого производства, какъ и сложная и усовершенствованная машина.

Иное имѣемъ мы въ земледѣліи. Мы знаемъ уже, что здѣсь трудъ не увеличиваетъ, а постепенно уменьшаетъ свою производительность. Ибо производство не находится здѣсь въ рукахъ человѣка и подъ его контролемъ, какъ въ промышленности,— оно беретъ то, что̀ даетъ природа, а не то, что́ хочетъ взять искусный трудъ. Если сравнивать производство пищевыхъ продуктовъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ, то, ceteris paribus, преимущество относительно производительности труда будетъ во всякомъ случаѣ принадлежать той странѣ, которая менѣе напрягаетъ производительныя силы земли, которая затрачиваетъ меньшее количество труда (и капитала). И передъ этимъ различіемъ теряютъ свое значеніе всѣ другія различія, а въ томъ числѣ разница въ искусности труда. Благодаря деспотизму природы, въ земледѣліи не можетъ быть поэтому „экономіи высокой заработной платы“. Наоборотъ, если бы опредѣленіе заработной платы зависѣло только отъ хозяйственнаго расчета предпринимателей данной отрасли производства, то единственно умѣстной въ земледѣліи была бы *экономія низкой заработной платы.* Не нужно много труда, чтобы понять это: если производительность труда постоянно убываетъ, независимо отъ качества этого труда, подъ вліяніемъ причинъ совсѣмъ постороннихъ, то, очевидно, нѣтъ никакихъ экономическихъ мотивовъ, нѣтъ экономической выгод-

ности повышенія заработной платы. Необходимость эта можетъ придти откуда-нибудь извнѣ, изъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ земледѣліемъ, но не изъ внутренняго его развитія. Это послѣднее толкаетъ къ пониженію заработной платы, гдѣ и насколько оно только возможно. Причины понятны. Если конкуррентомъ по производству хлѣбныхъ продуктовъ является страна съ менѣе напряженной производительностью силъ земли, очевидно, трудъ, прилагаемый въ этой странѣ, будетъ производительнѣй. Первой странѣ остается, чтобы до извѣстной степени уравнять условія конкурренціи, сбереженіе на тѣхъ издержкахъ производства, которыя еще можно уменьшить, и прежде всего на заработной платѣ.

Само собою разумѣется, мы не игнорируемъ тѣхъ различій въ заработной платѣ, которыя имѣютъ мѣсто и въ сельскомъ хозяйствѣ и вытекаютъ изъ различнаго качества рабочихъ. Не игнорируемъ, напр., того, что и для сельскаго хозяина выгоднѣе заплатить высшую плату трезвому и расторопному рабочему нежели низкую плату пьяному и лѣнивому. Не игнорируемъ и того, что на отдѣльныя функціи и въ земледѣліи необходимъ искусный трудъ, оплачиваемый высшей заработной платой, напр. машиниста, химика и т. д. Вполнѣ возможно также, что изъ двухъ сосѣднихъ имѣній одно имѣетъ высшій доходъ чѣмъ другое именно благодаря высшей заработной платѣ и искусству своихъ рабочихъ [1]). Не отрицать эти отдѣльные случаи имѣетъ въ виду наше положеніе, но выяснить тѣ *общія* условія развитія производительности земледѣльческаго труда, которыя обусловливаютъ собою *общее* положеніе рабочаго класса и *общее* движеніе заработной платы.

„Экономія низкой заработной платы“ имѣетъ роковое значеніе для судьбы наемныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, также какъ (хотя и въ другомъ смыслѣ) для судебъ крупнаго производ-

---

[1]) Очевидно, главная ошибка, въ случаѣ еслибы эти примѣры были приведены какъ возраженіе нашему тезису, состояла бы въ томъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ сравниваются *равныя* въ общемъ условія производства: одинаковыя экономическія условія дѣлаютъ законъ убывающаго плодородія почвы какъ бы несуществующимъ. Но стоитъ только сравнить двѣ страны съ рѣзко различными условіями, и тотчасъ же станетъ ясно, что экономія высокой заработной платы въ земледѣліи не приложима.

ства въ земледѣліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ это есть одно изъ важнѣйшихъ положеній теоріи сельско-хозяйственной экономіи, потому что лишь при свѣтѣ его становятся ясны историческія судьбы сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и все ихъ отличіе отъ судебъ промышленнаго пролетаріата. Изученіе судебъ сельско-хозяйственнаго пролетаріата займетъ насъ позже, но въ настоящей связи мы должны отмѣтить одну черту въ его положеніи, вытекающую изъ общихъ свойствъ земледѣльческаго труда, которыя мы здѣсь изучаемъ.

Извѣстно, что такъ называемый пролетаріатъ или классъ наемныхъ рабочихъ распадается на очень иногда различныя части въ зависимости отъ того или иного положенія на іерархической лѣстницѣ раздѣленія общественнаго труда. Въ самомъ выгодномъ положеніи находятся тѣ рабочіе, спеціальность которыхъ требуетъ особой выучки, „skilled labour“. Они всего легче и успѣшнѣе смыкаютъ свои ряды въ отстаиваніи своихъ интересовъ и организуются въ трэдъ-юніоны, для нихъ наименѣе опасна взаимная конкурренція и т. д. и т. д. Ниже стоятъ рабочіе, не имѣющіе спеціальности и работающіе въ такихъ отрасляхъ, которыя не требуютъ спеціальной выучки. Эта общая категорія „unskilled labour“ еще распадается на опредѣленныя профессіи, лишь на днѣ своемъ имѣетъ она мутный осадокъ, не имѣющій опредѣленнаго назначенія: эта аморфная масса носитъ въ Англіи типичное названіе „general workers“.

Своеобразную позицію въ этой рабочей группировкѣ занимаютъ сельско-хозяйственные рабочіе. Особенность ея заключается съ одной стороны въ томъ, что они имѣютъ свою спеціальность. По крайней мѣрѣ, не многіе изъ городскихъ рабочихъ, окончательно „порвавшихъ связь съ землей“, не только захотѣли бы, но и смогли бы выполнять тяжелыя сельско-хозяйственныя работы. Какъ правило, они совершенно непереносимы для горожанина [1]). Итакъ сельскохозяйственные рабочіе ограждены отъ конкурренціи сверху. Но это какъ разъ сторона, съ которой неопасна конкурренція и съ которой она не приходитъ.

---

[1]) Въ показаніяхъ свидѣтелей, которые вызывались многочисленными коммиссіями, изслѣдовавшими положеніе земледѣлія въ Англіи, я много разъ встрѣчалъ твердо выражаемое убѣжденіе въ неспособности городскихъ рабочихъ къ сельскохозяйственнымъ работамъ. Иногда эти показанія давались свидѣтелями, внушающими полное довѣріе.

То, что̀ благодаря своей грубости и непривлекательности, а отчасти благодаря вытѣсненію качествъ, нужныхъ для земледѣльца, новыми, городскими качествами, является недоступнымъ для горожанина, не составляетъ предмета никакой выучки для деревенскаго жителя. Земледѣльцами родятся всѣ тѣ, кто родится въ деревнѣ. Искусство земледѣльца всасывается съ молокомъ матери и развивается во всю послѣдующую жизнь. Всякій деревенскій житель, не окончательно лишенный всѣхъ способностей, есть уже земледѣлецъ. Спеціалистомъ земледѣлія дѣлаетъ не выучка, а рожденіе въ деревнѣ. Поэтому профессія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, ограниченная сверху, ничѣмъ не ограничена снизу.

Чтобы понять это послѣднее положеніе, слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію слѣдующія соображенія. Сельско-хозяйственныя работы распадаются на рядъ простыхъ и грубыхъ операцій. Въ своей основѣ, операціи эти остаются однѣ и тѣже съ той поры, какъ земля родитъ хлѣбъ и, добавимъ здѣсь, останутся безъ измѣненія до тѣхъ поръ, пока земля и будетъ родить хлѣбъ, а не станутъ его дѣлать въ лабораторіи [1]). Хлѣбъ (да и другіе важнѣйшіе хлѣбные злаки) съ технической стороны одинаково производится и въ Англіи и въ Россіи, и переселите сегодня русскаго мужика въ Англію, онъ завтра сможетъ участвовать въ сельско-хозяйственныхъ работахъ наряду съ англійскимъ, не взирая на всю разницу культуры. Я не фантазирую, потому что фактически въ Англію приходятъ и составляютъ тяжелую конкурренцію англійскому „hodge'y“ хуже чѣмъ русскіе мужики,— ирландскіе. Такую же конкурренцію нѣмецкому сельско-хозяйственному рабочему на востокѣ Пруссіи составляютъ польскіе и русскіе рабочіе. Факты эти были бы просто необъяснимы, если бы

---

[1]) Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ операціи эти производятся машинами, потому что главная цѣль этихъ машинъ (какъ на западѣ Соединенныхъ Штатовъ) замѣстить трудъ. Тамъ же, гдѣ трудъ не замѣщенъ машиной, а мы уже сказали, что онъ можетъ быть замѣщенъ ею или при особыхъ условіяхъ или въ ограниченной степени, тамъ трудъ этотъ производитъ однѣ и тѣ же простыя и грубыя операціи. Правда, онъ производитъ ихъ разными инструментами: соха смѣняется плугомъ, деревянная борона желѣзной, но всетаки работа сводится и въ томъ и въ другомъ случаѣ къ разрыхленію почвы. Насколько трудъ не замѣщается машиной, которая, естественно, часто приводитъ съ собой рабочаго-спеціалиста, на долю рабочаго остаются только грубыя операціи.

сельско-хозяйственная техника, или, точнѣе, ея отдѣльные моменты не были такъ просты и грубы, что некультурный рабочій можетъ побивать въ конкурренціи рабочаго по сравненію съ нимъ высококультурнаго. Ни въ одной другой отрасли промышленности голова и руки въ такой степени не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга какъ въ земледѣліи. Чтобы выгодно вести земледѣльческое предпріятіе, по крайней мѣрѣ, въ европейскихъ условіяхъ (кромѣ, конечно, спеціальныхъ культуръ), нуженъ хорошій управляющій или хозяинъ, хорошо умѣющій вести конторскія книги, рабочіе же его могутъ быть хоть ирландцы, хоть англичане, хоть русскіе, хоть нѣмцы, хоть... центавры.

Сельско-хозяйственный трудъ имѣетъ одно главное качество: *количество*, и тамъ, гдѣ можно высшее качество болѣе дорого оплачиваемаго труда замѣнить большимъ количествомъ худшаго, но болѣе дешеваго труда, тамъ такая замѣна и происходитъ. Такимъ образомъ, область ссльско-хозяйственнаго труда характеризуется какъ область попреимуществу *деревенскаго* [2]) *необученнаго труда*. Исторія профессіональныхъ рабочихъ союзовъ показываетъ, что труднѣе всего организуются представители необученнаго труда (вслѣдствіе неограниченности конкурренціи); если къ этому присоединить еще специфическія трудности организаціи, создаваемыя деревенской жизнью, то станетъ понятно, почему единственная попытка сельско-хозяйственныхъ рабочихъ объединиться въ трэдъ-юніоны, сдѣланная въ классической странѣ трэдъ-юніонизма, въ Англіи, въ концѣ концовъ не увѣнчались успѣхомъ, какъ это будетъ показано въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Итакъ, господство природы въ земледѣліи, насколько оно касается земледѣльческаго труда, приводитъ къ тому, что онъ является самымъ малопроизводительнымъ, грубымъ видомъ труда вообще, а его носитель—наемный сельскохозяйственный рабочій,— поскольку этому не мѣшаютъ другія условія, остается паріей рабочаго сословія, забитымъ пасынкомъ природы.

---

[2]) Я говорю „по преимуществу“ потому, что иногда, въ видѣ исключенія, конкурренція приходитъ и изъ города, отъ переселившихся туда деревенскихъ жителей, еще не разорвавшихъ вполнѣ связь съ землей. Напр. въ Англіи таковыми являются городскіе „general workers“, выполняющіе и сельскохозяйственныя работы. Признаніе этого факта выразилось въ томъ, что возникшія въ Англіи съ 1875 года организаціи обнимали сельскохозяйственныхъ *и* „общихъ“ рабочихъ (Agricultural and General Workers Union).

3) Орудія земледѣльческаго производства. Сравненіе крупнаго и мелкаго производства.

Человѣкъ отвоевываетъ у природы возможность своего физическаго существованія, конечно, не съ голыми руками; онъ ставитъ здѣсь, какъ и вездѣ, между собою и объектомъ своего труда рабочій инструментъ, или же употребляетъ другія средства для достиженія своихъ производительныхъ цѣлей. Орудіями земледѣльческаго производства въ широкомъ смыслѣ являются сѣмена и различныя формы удобренія столько же, сколько сельскохозяйственныя машины, соха и борона. Первыя могутъ быть выдѣлены, пожалуй, въ категорію сырого матеріала, какъ въ промышленности, но эта классификація для насъ здѣсь безполезна. Несомнѣнно, на извѣстной стадіи развитія земледѣлія удобреніе столь же необходимо для производства, какъ и разрыхленіе земли, все равно, первобытной сохой или паровымъ плугомъ.

Изложеніе различныхъ теорій удобренія, равно какъ ученіе о сельскохозяйственныхъ орудіяхъ и ихъ свойствахъ принадлежитъ агрономіи. Наше вниманіе они могутъ занять настолько, насколько пониманіе техническихъ условій производства необходимо для пониманія экономическихъ особенностей земледѣлія. Основной проблемой является здѣсь выясненіе роли сельскохозяйственныхъ машинъ, сравнительно съ ихъ ролью въ промышленности. Для пониманія этой роли намъ слѣдуетъ обратиться къ общему экономическому ученію о машинахъ.

Выясненіемъ общаго значенія машинъ экономическая литература обязана главнымъ образомъ Марксу. Его анализъ остается непревзойденнымъ и по настоящее время, и есть, безспорно, лучшее, что было написано экономистомъ о машинахъ. Какъ показалъ Марксъ, революціонирующее значеніе въ машинахъ имѣетъ не двигательная сила пара или электричества (эта двигательная сила одинаково можетъ исходить и отъ лошади или человѣка), и не передаточный механизмъ. Революція исходитъ изъ рабочаго инструмента, который машина беретъ изъ рукъ рабочаго [1]); тѣмъ самымъ производство сразу эмансипи-

[1]) «Рабочая машина есть такой механизмъ, который, по сообщеніи ему надлежащаго движенія, исполняетъ съ помощью своихъ инструмен-

руется отъ естественныхъ границъ рабочей силы и превращается уже въ сознательное приложеніе научной технологіи, въ раціональное примѣненіе данныхъ научнаго опыта [1]).

Одна машина не создаетъ еще машиннаго производства: оно создается вполнѣ лишь комбинаціей нѣсколькихъ машинъ или системой машинъ. Бываютъ случаи, что одна машина выполняетъ цѣлый рядъ производительныхъ операцій, на которыя разлагается производство продукта (примѣромъ можетъ послужить приводимое Марксомъ производство машинныхъ конвертовъ). Но чаще приготовленіе продукта выполняется системой машинъ; весь процессъ производства разлагается на нѣсколько болѣе или менѣе простыхъ операцій, предоставляемыхъ различнымъ машинамъ, къ которымъ послѣдовательно и попадаетъ перерабатываемый сырой матеріалъ [2]). Всѣ эти отдѣльныя машины получаютъ движеніе отъ центральнаго, общаго двигателя, — такимъ образомъ, весь процессъ есть одно цѣлое. Какъ съ неподражаемой мѣткостью и выразительностью характеризуетъ это Марксъ: „Машинное производство, въ своей развитой формѣ, представляетъ расчлененную систему автоматическихъ рабочихъ машинъ, получающихъ свое движеніе при помощи передаточнаго механизма отъ одного центральнаго авто-

---

товъ тѣ же самыя операціи, которыя прежде исполнялъ работникъ при помощи инструментовъ подобнаго же рода. Будетъ-ли двигательной силой человѣкъ, или же эта двигательная сила будетъ снова порождаться какою-нибудь машиною, особенно предназначенною для этого, обстоятельство это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Послѣ того какъ инструментъ въ собственномъ смыслѣ взятъ изъ рукъ человѣка и переданъ механизму, на мѣсто простого инструмента выступаетъ машина... Такимъ образомъ, число инструментовъ, которыми работаетъ одновременно одна и та же рабочая машина, съ самаго же начала вполнѣ эмансипируется отъ тѣхъ органическихъ границъ, которыми стѣснено количество ручныхъ инструментовъ, употребляемыхъ одновременно однимъ и тѣмъ же работникомъ». (Капиталъ, I, 325).

[1]) При машинномъ производствѣ процессъ его „разлагается на свои составныя фазы, и задачи наилучшаго выполненія каждой спеціальной работы и наивыгоднѣйшаго соединенія между собою различныхъ спеціализированныхъ работъ разрѣшается здѣсь посредствомъ техническаго приложенія механики, химіи и т. д.“ (ib. 331).

[2]) «Каждая спеціализированная машина доставляетъ другой, слѣдующей за ней машинѣ, ея сырой матеріалъ; а такъ какъ всѣ эти машины дѣйствуютъ одновременно, то продуктъ находится непрерывно на всѣхъ ступеняхъ своего производства, точно также какъ и во всѣхъ моментахъ перехода изъ одной фазы производства въ другую». (ib. 332).

мата. На мѣсто отдѣльныхъ машинъ выступаетъ при этомъ огромное механическое чудовище, громадное тѣло котораго наполняетъ собою все фабричное зданіе, и демоническая сила, скрытая вначалѣ въ почти торжественно-размѣренныхъ движеніяхъ его исполинскихъ членовъ, прорывается въ лихорадочно-бѣшеной пляскѣ его безчисленныхъ рабочихъ органовъ, исполнительныхъ механизмовъ“ [1]).

Итакъ, сущность и революціонирующая сила машины въ томъ, что она замѣщаетъ собою человѣка [2]); изъ руководителя производства она превращаетъ его въ простой придатокъ, одинъ изъ своихъ органовъ. Въ машинномъ производствѣ рабочій уже не производитъ продуктъ, — это дѣлаетъ машина; рабочій служитъ машинѣ, и его дѣло нерѣдко не имѣетъ никакой непосредственной связи съ производствомъ именно даннаго продукта: кочегаръ, смазчикъ, машинистъ дѣлаютъ совершенно одно и то же на фабрикахъ, выдѣлывающихъ самые разнообразные продукты [3]). *Ра-*

---

[1]) Капиталъ, I, 333.

[2]) Въ новѣйшемъ опредѣленіи машины,—проф. Зомбарта, также указывается въ качествѣ основнаго признака замѣщеніе человѣческой работы: „машина есть рабочее средство, или совокупность ихъ, такъ устроенное, что оно выполняетъ вмѣсто человѣка работу, которую прежде долженъ былъ выполнять самъ человѣкъ,—слѣдовательно такое рабочее средство, которое замѣщаетъ, а не только поддерживаетъ человѣческій трудъ, — чѣмъ машина рѣзко отличается отъ рабочаго инструмента“ (Eine Maschine ist ein Arbeitsmittel oder ein Komplex von solchen, welches derart eingerichtet ist, dass es eine Arbeit, die sonst ein Mensch verrichten müsste, an Stelle des Menschen ausführt, ein Arbeitsmittel also, welches nicht-womit wir die Maschine scharf gegen das Werkzeug abgrenzen-menschliche Arbeit unterstützt, sondern menschliche Arbeit ersetzt) (*W. Sombart.* Die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation. Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik hrsg. von H. Braun 1899, XIV Band, I—III Heft, S. 33).

[3]) Этимъ я вовсе не хочу сказать, что раздѣляю мнѣніе, котораго склоненъ былъ держаться Марксъ, именно будто машина нивеллируетъ искусство рабочаго и дѣлаетъ его трудъ проще и безсодержательнѣе. Несомнѣнно, это вѣрно для многихъ случаевъ, но не приложимо ко всему машинному производству въ его цѣломъ. (Здѣсь правъ противъ Маркса даже *Bertheau*, авторъ Fünf Briefe an Julius Wolf über Marx). Иначе была бы вполнѣ непонятна исторія англійскаго трэдъ-юніонизма, въ которой такое значеніе играетъ профессіональная выучка. Эта техническая основа различна въ разныхъ странахъ въ зависимости отъ общеэкономическихъ условій (мы увидимъ еще, какими чертами машинное производство отличается въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ). Научное сравнительно-

бочій процессъ объективируется, такъ можно вкратцѣ формулировать значеніе машинъ въ производствѣ.

Можно указать два основныхъ условія, при которыхъ машина дѣйствительно овладѣваетъ производствомъ, а не является спорадически примѣняемымъ орудіемъ труда для выполненія отдѣльныхъ и опредѣленныхъ производительныхъ операцій. Первое изъ этихъ условій — то, что можно назвать свободой человѣческой воли въ политической экономіи: господство человѣка надъ производительнымъ процессомъ, отсутствіе въ немъ такихъ факторовъ или такихъ моментовъ, предъ которыми человѣкъ безсиленъ, относительно которыхъ его воля несвободна. Чтобы процессъ производства могъ быть объективированъ, онъ необходимо долженъ предварительно составлять предметъ субъективнаго человѣческаго усмотрѣнія, не быть уже ранѣе объектированнымъ природой. Ибо человѣкъ можетъ замѣщать машиною самого себя, но не природу, объективировать собственныя мысли и цѣли, но не силы природы (ясно, что свои силы человѣкъ замѣщаетъ только силами природы, извѣстнымъ образомъ комбинированными; здѣсь рѣчь идетъ не про эти силы, уже покоренныя человѣкомъ, но еще непокорныя его волѣ, а ее себѣ покоряющія).

Другое условіе господства машиннаго производства есть *непрерывность* производства. Машина съ своими равномѣрными, автоматическими движеніями тѣмъ полнѣе овладѣваетъ рабочимъ процессомъ, чѣмъ онъ непрерывнѣе. „Комбинированная рабочая машина, состоящая изъ расчлененной системы отдѣльныхъ разнородныхъ рабочихъ машинъ и изъ группъ такихъ машинъ, бываетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ непрерывнѣе исполняемый процессъ во всемъ его цѣломъ, т. е. чѣмъ менѣе перерывовъ встрѣчаетъ сырой матеріалъ при переходахъ отъ его первой фазы до послѣдней фазы, т. е. гдѣ большую роль играетъ самъ механизмъ, а не человѣческія руки при такихъ переходахъ изъ одной фазы производства въ другую“ [1]).

Обращаясь къ земледѣлію, мы сразу видимъ, что это не есть

историческое изученіе профессіональнаго рабочаго движенія разныхъ странъ должно непремѣнно взять во вниманіе различія въ самой технической организаціи машиннаго производства, вмѣстѣ со всѣми другими условіями, и развить на этой основѣ базисъ для различной профессіональной группировки рабочаго класса.

[1]) Капиталъ, I, 332.

подходящая сфера для машиннаго производства, потому что для него здѣсь отсутствуютъ оба основныя условія. Съ одной стороны, земледѣліе характеризуется господствомъ природы въ процессѣ производства, несвободой человѣческой воли; съ другой стороны, рабочій процессъ отличается постоянными перерывами и является, въ сущности, сочетаніемъ нѣсколькихъ процессовъ, разнородныхъ производительныхъ операцій.

Какъ мы видѣли, машина вынимаетъ изъ ограниченныхъ и слабыхъ рукъ человѣка рабочій инструментъ и беретъ его въ свои желѣзныя руки: вмѣсто одного, самое большее двухъ веретенъ, она начинаетъ сразу крутить ихъ нѣсколько десятковъ; вмѣсто легкаго молотка она вооружается молотомъ въ нѣсколько сотъ тысячъ тоннъ и ковать имъ заразъ колоссальныя массы желѣза; вмѣсто неувѣренной и неточной работы человѣка она съ математическою правильностью выполняетъ какъ микрометрическія такъ и колоссальныя работы.

Машина не можетъ сдѣлать ничего подобнаго относительно производства земледѣльческихъ продуктовъ, ибо до сихъ поръ рабочій инструментъ этотъ находится въ рукахъ не у человѣка, а у матери-природы. Это — не метафора, а, какъ мы видѣли выше, сама дѣйствительность: до тѣхъ поръ, пока не вырванъ изъ рукъ природы рабочій инструментъ, машинѣ нѣтъ доступа къ земледѣльческому производству.

Ей могутъ быть доступны лишь тѣ части производительнаго процесса, которыя доступны и воздѣйствію человѣка. Но человѣку принадлежитъ въ процессѣ земледѣльческаго производства не роль творца, а подсобника: отъ него требуется выполненіе опредѣленнаго количества работы опредѣленнаго вида,—ни больше, ни меньше; больше—значило бы безсмысленно затрачивать трудъ, меньше—повредить—иногда существенно-общему ходу производства. Для выполненія этой совершенно опредѣленной задачи человѣкъ можетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ ставить вмѣсто себя машину.

Для насъ сразу ясно, какая глубокая, коренная разница существуетъ между ролью машины въ обрабатывающей промышленности и въ земледѣліи: очевидно, она не можетъ здѣсь ни въ какой мѣрѣ революціонизировать *производство,* удесятеряя производительность труда. *Технически* немногія изъ сельскохозяйственныхъ машинъ могутъ быть причислены къ машинамъ въ строгомъ

смыслѣ слова, *экономически* это всегда—*рабочій инструментъ*, а не машина. Силы природы обрѣзываютъ крылья машинному производству въ земледѣліи и не позволяютъ объективировать его, какъ это имѣетъ мѣсто относительно другихъ производственныхъ процессовъ [1]).

Объективированіе это невозможно и въ другомъ смыслѣ, въ смыслѣ невозможности устраненія господства субъективнаго фактора въ производствѣ,—человѣка. Машина не только не можетъ здѣсь превратить работника въ свой придатокъ, но этому работнику остается по прежнему роль руководителя процесса, и въ этомъ смыслѣ машина въ земледѣліи еще разъ является не машиной, а рабочимъ инструментомъ. Причина заключается въ томъ, что земледѣльческое производство отличается перерывами, а кромѣ того различныя операціи выполняются въ разныхъ мѣ-

---

[1]) Авторъ спеціальной монографіи о сельскохозяйственныхъ машинахъ *Ф. Бензингъ* говоритъ: „очевидно, что сельскохозяйственныя машины не способны къ такому безграничному повышенію производства, какъ промышленныя, потому что производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ связано съ извѣстными границами, за которыми невозможно увеличеніе производства несмотря на примѣненіе всевозможныхъ средствъ“ (l. c. 77). По цитируемому имъ же отзыву *Перельса* „для повышенія производства въ сельскомъ хозяйствѣ машины могутъ сдѣлать очень мало и должны въ этомъ отношеніи ограничиться почти исключительно болѣе совершенной обработкой почвы“ (ib.). Чрезвычайно ясное пониманіе отличія земледѣлія отъ промышленности въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ также у француза *Lecouteux*: „большинство сельскохозяйственныхъ машинъ, говоритъ онъ, отличается отъ промышленныхъ машинъ, благодаря которымъ создались условія производства на большихъ фабрикахъ. Эти могучія машины мануфактурной промышленности не получаютъ двигательной силы отъ человѣка, отъ рабочаго, совсѣмъ напротивъ, они сами даютъ ее ему такимъ образомъ, что каждый поворотъ колеса есть приказаніе, которому рабочій долженъ повиноваться. Съ этого времени машины сами регулируютъ скорость производства; онѣ сообщаютъ движеніе; онѣ по своей регулярности, въ извѣстномъ смыслѣ, являются лучшими контролерами, лучшими надзирателями на службѣ у хозяина фабрики. Опредѣляя ихъ силу, ихъ скорость, онъ самъ опредѣляетъ тѣмъ количество труда, которое онѣ должны выполнить. Присоедините къ этому, что на фабрикахъ производятся такіе продукты, которые не могли бы въ настоящее время быть произведены безъ содѣйствія машинъ, и вы поймете, что крупная индустрія болѣе независима, чѣмъ крупная культура въ земледѣліи противъ расточительности живого труда“. (*Lecouteux*. Cours d'économie rurale, tome I. Paris, 1879, стр. 174).

стахъ; здѣсь нѣтъ той концентраціи производства, которая имѣется въ промышленности. Благодаря перерывамъ и перемѣнѣ мѣстъ общее руководство процессомъ принадлежитъ человѣку, потому что только его разумная воля можетъ руководить всѣмъ ходомъ производства, въ которомъ столько случайностей, столько сложности, что онъ не поддается автоматическому регулированію машины [1]). Очень характерно, что даже двигательную силу эти машины могутъ получать какъ отъ человѣческой руки, такъ и отъ скота или парового мотора. По авторитетному свидѣтельству Гвидо Крафта, „изъ всѣхъ моторовъ, употребляемыхъ для приведенія сельскохозяйственныхъ машинъ въ движеніе, человѣческая сила даетъ наилучшій результатъ (den grössten Nutzeffekt); рядомъ съ нею стоитъ сила животныхъ, далѣе слѣдуютъ въ убывающей прогрессіи сила воды, вѣтра и пара“ [2]). Про какую же другую отрасль промышленности можно сказать это!

---

[1]) „Несомнѣнно, земледѣльческая механика имѣетъ тенденцію увеличивать полезное дѣйствіе ручнаго труда, присоединяя и трудъ разныхъ машинъ; несомнѣнно, является прогрессомъ выполненіе посредствомъ инструментовъ работъ, которыя были возможны только для человѣческой руки; несомнѣнно, является прогрессомъ употребленіе на нашей фермѣ паровыхъ двигателей, представляющихъ отъ 4—6 лошадиныхъ силъ. Но для цѣлой массы земледѣльческихъ работъ всегда дѣятельность рабочаго опредѣляетъ собою весь ходъ дѣла (l'activité de l'ouvrage); всегда остается, что по доброй волѣ возчика плугъ, борона, сѣялка, экстирпаторы останавливаются или работаютъ, причемъ управитель, какъ бы дѣятеленъ онъ ни былъ, никогда не можетъ избѣжать извѣстной потери времени“ (Lecouteux, l. c., p. 175).

[2]) *Dr. Guido Krafft.* Lehrbuch der Landwirtschaft, Band IV, S. 77. Berlin 1892, 5-te Auflage. „Что же касается издержекъ производства, продолжаетъ Крафтъ,—то самыми дешевыми въ общемъ являются сила воды и вѣтра, за ними слѣдуетъ сила пара, и самою дорогою является сила человѣка“. Ср. также разсужденія *Lecouteux*: „тогда какъ въ промышленности съ большей выгодой употребляются неодушевленныя силы, именно сила пара, земледѣліе—и въ этомъ заключается одна изъ самыхъ характерныхъ его особенностей—употребляетъ главнымъ образомъ живую силу для приведенія въ движеніе своихъ машинъ. И тогда какъ промышленныя учрежденія, занимая какіе-нибудь нѣсколько аровъ, приводятъ въ движеніе свои рабочія машины двигателями отъ 30 до 300 лошадиныхъ силъ, земледѣліе, принужденное разбрасываться на большое разстояніе, преодолѣвать измѣняющееся сопротивленіе, впрягать то одну лошадь въ легкій плужокъ, то двѣнадцать быковъ въ глубоко забирающій плугъ и т. д., не можетъ утилизировать силу пара иначе какъ въ формѣ небольшихъ машинъ отъ 4 до 6 лошадиныхъ силъ“ (l. c. 172).

Техническое raison-d'être введенія сельскохозяйственныхъ машинъ, въ смыслѣ вліянія ихъ на производительность труда, весьма сомнительно и далеко не является въ такой степени безспорнымъ и, главное, всеобщимъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ индустріи. Что сельскохозяйственныя машины не могутъ вліять на общую производительность продукта, или, если могутъ, то только косвенно,—напр. путемъ лучшей вспашки при паровой обработкѣ почвы, мы уже видѣли. Поэтому вопросъ о технической раціональности сельскохозяйственныхъ машинъ можетъ имѣть только одно значеніе: лучше или хуже чѣмъ какимъ-либо другимъ способомъ (человѣческой рукой или скотомъ), выполняются данныя производительныя операціи машиной; какъ показываетъ уже самая постановка вопроса, роль машины представляется здѣсь вовсе не исключительною, какъ въ индустріи, это лишь одинъ изъ способовъ достиженія даннаго производительнаго эффекта.

Нѣтъ ни одной сельскохозяйственной машины, преимущества которой не оспаривались бы въ сельскохозяйственной литературѣ. Относительно многихъ прямо утверждается, что онѣ работаютъ хуже нежели человѣческая рука или скотъ [1]). Наиболѣе выдаю-

[1]) Интересенъ слѣдующій отзывъ Эшби и Кинга о сельскохозяйственныхъ машинахъ въ Англіи, гдѣ онѣ получили наибольшее распространеніе, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Европы. Обсуждая вліяніе машинъ на заработную плату, эти авторы говорятъ: „результаты введенія новѣйшихъ сельскохозяйственныхъ машинъ для заработной платы очень сложны a) Молотилки, выгоды которыхъ безспорны, съ давняго времени находятся во всеобщемъ употребленіи, такъ что не могутъ уже имѣть вліянія на заработную плату. b) Жнеи и косилки, распространеніе которыхъ также всеобще, но выгодность которыхъ часто подвергается сомнѣнію. Во многихъ мѣстахъ жнутъ и косятъ рукой, часто у лучшихъ фермеровъ: при жатвѣ, кромѣ случаевъ очень легкихъ урожаевъ, издержки на акръ не представляютъ большой разницы при ручной и машинной работѣ, но если хлѣба слишкомъ „полегли“ („laid“) отъ вѣтра, то употребленіе машины невозможно. Можно сомнѣваться поэтому, вытѣсняютъ-ли они трудъ въ настоящее время. c) Самовяжущія жатвенныя машины проникли лишь въ послѣднее время и вытѣсняютъ трудъ въ большомъ количествѣ, но они не могутъ быть употребляемы съ выгодой, если хлѣба тяжелы или полегли. d) Паровые плуги, при которыхъ издержки на акръ немного меньше чѣмъ при вспашкѣ лошадьми; ихъ производительность зависитъ отъ характера почвы,—на тяжелыхъ глинистыхъ почвахъ они уже не употребляются такъ часто какъ 10 лѣтъ назадъ.“ (*Joseph Ashby and Bolton King* Statistics of some Midland Villages, въ The Economic Journal, 1893, march—june, стр. 6). Ср. также *Bensing*, l. c. 91 и въ другихъ мѣстахъ (напр. вся глава VI).

щимся примѣромъ сельскохозяйственныхъ машинъ, вмѣстѣ и наиболѣе успѣшнымъ случаемъ ихъ приложенія является паровая обработка почвы, паровой плугъ (Dampfpflug). Но даже преимущества пароваго плуга признаются далеко не такъ единодушно какъ можно ожидать: наряду съ отзывами Фюлинга [1]), Перельса [2]) и др., считающихъ паровую обработку почвы наилучшею, мы имѣемъ цѣлый рядъ отзывовъ Штумпфе [3]), проф. Maercker'a, Кутцлеба [4]), согласно которымъ съ паровой обработкой болѣе или менѣе успѣшно могутъ конкуррировать и другіе способы обработки. Зато самая возможность паровой обработки требуетъ извѣстныхъ качествъ почвы (ровную поверхность, рыхлость и т. д.), которыя имѣются, конечно, въ ограниченномъ числѣ хозяйствъ [5]), а, кромѣ того, чрезвычайно обширныхъ размѣровъ имѣній, большихъ, чѣмъ позволяетъ интенсивная европейская культура [6]). Во всякомъ случаѣ, паровой плугъ есть

[1]) Fühling, l. c., S. 284.

[2]) „Является несомнѣннымъ и никѣмъ не оспаривается, что работа пароваго плуга гораздо лучше чѣмъ плуга, запряженнаго животными" (Spannpfluges). *Perels.* Die Anwendung der Dampfkraft in der Landwirtschaft. Halle. 1872. S. 307.

[3]) „Въ настоящее время всѣ согласны въ томъ, что борозда, проводимая паровымъ плугомъ, въ культурномъ отношеніи не имѣетъ абсолютно никакихъ преимуществъ предъ бороздой, проводимой плугомъ, запряженнымъ лошадьми". (*Stumpfe.* Ueber die Konkurrenzfähigkeit des kleinen und mittleren Grundbesitzes gegenüber dem Grossgrundbesitze въ Landwirtschaftliche Jahrbücher, 1896, стр. 87). Штумпфе приводитъ отзывъ проф. Kühn'a, что при глубинѣ борозды въ 30 сант. = 12 дюймовъ, работа скота дешевле чѣмъ пара, и что это можетъ быть даже при 14 дюймахъ. Обычная же глубина борозды даже и при воздѣлываніи свеклы 12—14 дюймовъ, такъ что и здѣсь работа скотомъ дешевле; почему является „вполнѣ несомнѣннымъ, что паровой плугъ не дѣлаетъ возможнымъ удешевленіе производства".

[4]) Кутцлебъ говоритъ, что паровой плугъ вовсе не есть „Medizin" для земли, и ссылается на отзывъ проф. Maercker'a въ Halle: „внимательно и своевременно выполненная скотомъ работа можетъ сдѣлать тоже самое, что и работа паровымъ плугомъ" (*Kutzleb.* Ist der bauerliche Wirtschaftsbetrieb mit dem der grossen Güter konkurrenzfähig? Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbücher, 1885, стр. 407.

[5]) „Паровой плугъ требуетъ обширной, по возможности ровной свободной отъ камней площади" (Perels, l. c. p. 4).

[6]) *Фюлингъ* (l. c. 290) считаетъ доходнымъ примѣненіе паровой обработкѣ лишь въ имѣніяхъ около 500 гектаровъ. „Чѣмъ больше имѣніе, тѣмъ больше выгоды".

единственная изъ сельскохозяйственныхъ машинъ, въ пользу которой могутъ быть приведены извѣстныя техническія соображенія; всѣ остальныя машины вводятся не по техническимъ, а по экономическимъ соображеніямъ, не потому, чтобы они производили лучше или, по крайней мѣрѣ, чтобы также какъ онѣ не могла работать человѣческая или животная сила, но потому, что ихъ работа *дешевле*[1]). Со стороны экономической мы еще будемъ касаться ихъ много разъ. Здѣсь же, во избѣжаніе недоразумѣній, достаточно замѣтить, что поскольку сельскохозяйственныя машины снимаютъ съ плечъ человѣка тяжелыя и черныя работы, введеніе ихъ можно привѣтствовать во имя цивилизаціи и интересовъ человѣчества. Однако, такъ какъ введеніе этихъ машинъ оказываетъ лишь слабое вліяніе на производительность труда и вводится подъ вліяніемъ хозяйственныхъ соображеній, то окончательная оцѣнка общественнаго значенія сельскохозяйственныхъ машинъ далеко не такъ безспорна какъ промышленныхъ. Я достаточно свободенъ отъ столь распространеннаго, особенно въ марксистской литературѣ предразсудка, согласно которому нужно видѣть прогрессъ во всякой машинѣ, чтобы признать, что есть и случаи, когда введеніе сельскохозяйственныхъ машинъ является общественно вреднымъ и хозяйственно реакціоннымъ. Во всякомъ случаѣ это questio facti, которая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшается различно.

Можно-ли установить какую-либо тенденцію въ измѣненіяхъ степени участія машинъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ? Руководящими соображеніями здѣсь являются слѣдующія. Машина находитъ тѣмъ большій доступъ во всякое и въ томъ числѣ сельскохозяйственное производство, чѣмъ въ большей степени оно можетъ быть разложено на однообразныя, автоматически выполняемыя работы, чѣмъ оно проще, одностороннѣе; съ другой стороны, чѣмъ больше поле дѣятельности машинъ, тѣмъ обширнѣе размѣры производства. Машинное производство, по самой своей природѣ есть массовое производство, и это до извѣстной степени остается въ силѣ и для земледѣлія (отчасти мы видѣли уже подтверж-

[1]) „Соціальныя и экономическія условія наложили гораздо болѣе глубоко на сельскохозяйственныя машины печать необходимости, чѣмъ фазы культурнаго развитія земледѣлія и скотоводства". *Dr. FranzBensing.* Der Einfluss der landwirtshcaftlichen Maschinen auf Volks—und Privatwirtschaft. Breslau 1898. S. 32).

деніе этого на примѣрѣ пароваго плуга). Классической страной приложенія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ является западъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ [1]) (знаменитыя „пшеничныя фабрики“ Небраски и Дакоты, пугало европейскаго земледѣлія). Оставляя для дальнѣйшаго изложенія экономическія условія развитія машиннаго производства, отмѣтимъ здѣсь, что въ земледѣліи дальняго Запада существуютъ исключительныя техническія условія. Здѣсь подвергаются весьма поверхностной вспашкѣ для производства одного какого-нибудь хлѣба, чаще всего пшеницы, дѣвственныя равнины въ огромныхъ участкахъ. Все производство распадается здѣсь на нѣсколько простыхъ операцій, совершаемыхъ въ массовыхъ размѣрахъ. Развитіе машинизма является тутъ не техническимъ прогрессомъ, а варварскимъ способомъ выпахиванія дѣвственной почвы, и едва ли примѣръ этотъ заслуживаетъ подражанія, даже еслибы оно было мыслимо. Отходя отъ запада къ востоку, мы встрѣчаемъ и въ Америкѣ совершенно европейскія условія земледѣлія и то сравнительное отсутствіе машиннаго производства, которое имѣетъ мѣсто въ Европѣ.

Всѣ тѣ условія, которыя дѣлаютъ сельскохозяйственное производство разнообразнѣе, а, слѣдовательно, каждую вѣтвь производства, даже при сохраненіи неизмѣнныхъ размѣровъ всего хозяйственнаго комплекса, дѣлаютъ дробнѣе, препятствуютъ развитію машиннаго производства, стремятся вытѣснить машину изъ земледѣлія, замѣнить ее трудомъ человѣка или животныхъ. Еще болѣе содѣйствуетъ этому, конечно, введеніе такихъ отраслей сельскохозяйственнаго производства, которыя совсѣмъ недоступны машинамъ, напр., скотоводство. Измѣненіе роли машинъ опредѣляется, такимъ образомъ, общимъ направленіемъ развитія земледѣлія и преобладаніемъ въ послѣднемъ тѣхъ или другихъ отраслей, болѣе

---

[1]) Они всегда фигурируютъ какъ примѣръ того, что можетъ сдѣлать машина въ сельскомъ хозяйствѣ (потому они стали излюбленнымъ примѣромъ и въ марксистской литературѣ). При этомъ игнорируются всѣ техническія и экономическія особенности развитія этой страны. Соединенные Штаты ставятъ въ примѣръ европейскому земледѣлію, какъ будто Европа съ ея капиталами и техникой нуждалась бы въ такихъ указаніяхъ, еслибы существовала техническая и экономическая почва для развитія машиннаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Иногда въ это наивное заблужденіе впадаютъ и вполнѣ серьезные люди, (напр. проф. *Backhaus.* въ Agrarstatistische Untersuchungen).

или менѣе доступныхъ машинѣ. Очевидно, поэтому, что одного общаго отвѣта здѣсь дать нельзя. Можно, однако, опредѣлить самое общее направленіе развитія земледѣлія. Направленіе это ведетъ отъ экстенсивнаго и малопольнаго, однообразнаго хозяйства къ интенсивному и многопольному, разнообразному хозяйству, предѣлъ развитія котораго мы имѣемъ въ обработкѣ земли лопатой, огородной культурѣ. Конечно, это общее направленіе допускаетъ много отклоненій въ ту и другую сторону. Тѣмъ не менѣе, съ указанной оговоркой, мы имѣемъ право выставить общее положеніе, что развитіе земледѣлія суживаетъ поле возможнаго приложенія машинъ на счетъ труда людей или животныхъ.

И здѣсь мы имѣемъ, такимъ образомъ, нѣчто кореннымъ образомъ отличное отъ развитія промышленности. Тогда какъ въ этой послѣдней развитіе ведетъ къ усиленію машинизма, и все новѣйшее промышленное развитіе представляется побѣдоноснымъ шествіемъ машиннаго производства, въ земледѣліи мы имѣемъ случай не только отличный, но, въ извѣстномъ смыслѣ, даже противоположный.

Извѣстно, что въ обрабатывающей промышленности машины являются конкуррентами рабочаго и вытѣсняютъ этого послѣдняго,—замѣна человѣческаго труда есть, какъ мы видѣли, назначеніе машины. Примѣръ обрабатывающей промышленности побуждаетъ насъ поставить особый вопросъ и относительно земледѣлія: какъ вліяетъ введеніе машинъ на необходимое для сельскаго хозяйства количество рабочей силы? И здѣсь трудно дать одинъ общій отвѣтъ. Очевидно уже напередъ, что вліяніе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ не можетъ быть таково какъ въ индустріи. Мы уже видѣли, что машина не овладѣваетъ производствомъ въ его цѣломъ, а лишь отдѣльными его моментами; заполнить промежуточные моменты можетъ только рабочая сила; ей же, что еще важнѣе, принадлежитъ общее руководство процессомъ производства. Вообще, по справедливому замѣчанію Фюлинга, „машинный трудъ не имѣетъ своей задачей замѣнить ручной трудъ или же сдѣлать его совсѣмъ ненужнымъ, потому что уходъ за машиной требуетъ также ручнаго труда, и многія сельскохозяйственныя работы вообще могутъ быть выполняемы только посредствомъ ручнаго труда, именно многія тяжелыя работы, которыя къ тому же часто мѣняются, смотря по времени и мѣсту. Съ другой стороны, машинная работа призвана замѣнить многіе

виды ручнаго труда, напр., косилка, жнея. Въ частности работа паровыхъ машинъ призвана къ тому, чтобы вполнѣ замѣнить двигательную силу скота“ [1]).

Мы видѣли, что относительно большинства производительныхъ операцій въ земледѣліи *технически* безразлично, будутъ-ли они выполнены рабочей силой, скотомъ или машиной, иногда машинная работа даже хуже ручной. Машина вводится тогда по экономическимъ соображеніямъ, потому что машинная работа представляется въ данномъ случаѣ дешевле. Задачей, которая сознательно преслѣдуется въ такомъ случаѣ при введеніи машины, является замѣнить рабочихъ, имѣющихся уже въ наличности, или только потенціальныхъ. Примѣръ перваго мы видимъ напр., въ паровой молотилкѣ, которая значительно уменьшила количество рабочей силы, нужной для обмолотки [2]), примѣръ второй мы имѣемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ введеніе машинъ часто бываетъ вынуждено недостаткомъ рабочей силы, такъ что безъ машинъ веденіе хозяйства во многихъ случаяхъ было бы прямо невозможно. Значеніе машинъ выражается и въ томъ, что онѣ уменьшаютъ до извѣстной степени ту неравномѣрность распредѣленія потребности въ трудѣ, которая была отмѣчена выше, замѣщая собою часть рабочей силы, нужной, напр., во время жатвы. Но возможенъ и обратный случай, именно, что они увеличиваютъ эту неравномѣрность: такое вліяніе имѣла, напр., въ Германіи помянутая паровая молотилка, которая выполняетъ главную работу и безъ того бѣднаго работами зимняго періода (полезность этой машины для всего сельскаго хозяйства поэтому болѣе чѣмъ сомнительна; мы еще встрѣтимся съ этимъ фактомъ). Особенность вытѣсненія ручного труда машиною, благодаря которой это вытѣсненіе дѣлается орудіемъ весьма обоюдоострымъ, заключается въ томъ, что машина дѣлаетъ излишними извѣстныя ручныя работы, но не рабочаго; если рабочій остается въ земледѣліи, то его заработокъ соразмѣрно уменьшается, онъ осуждается на вы-

---

[1]) Fühling, l. c. 268.

[2]) Samuelson въ своей книжкѣ Labour-saving machinery. London 1893, стр. 7, приводитъ слѣдующее сравненіе количествъ рабочей силы, требующейся въ нѣсколькихъ хозяйствахъ Англіи при ручномъ и машинномъ производствѣ: на косьбу травы въ 72 акра съ машиною 2 человѣка, безъ машины—9 человѣкъ, на жатву 3 при машинахъ и 12 безъ машинъ, вязку $2^1/_2$ и 12 и т. д.

нужденную праздность, и происходитъ безсмысленная съ общественной точки зрѣнія растрата рабочаго времени; если же онъ уходитъ, то терпятъ ущербъ другіе моменты производства, страдаетъ хозяйство. Это составляетъ своеобразное препятствіе приложенія машинъ въ земледѣліи; машины всегда обостряютъ вопросъ о рабочихъ въ земледѣліи, съ чѣмъ мы познакомимся далѣе.

Такъ или иначе, и по техническимъ соображеніямъ, недопускающимъ полной замѣны ручнаго труда машиннымъ и превращенія рабочаго въ придатокъ машины, и по общему направленію развитія земледѣлія, которое требуетъ большаго количества труда на единицу площади и большаго разнообразія производства, исключающаго обширное приложеніе машинъ, развитіе земледѣлія не можетъ быть изображено какъ постоянное усиленіе постоянной части капитала на счетъ перемѣнной, увеличеніе доли машинъ и вообще орудій производства въ общемъ составѣ капитала. Законъ постояннаго повышенія органическаго состава капитала неприложимъ въ земледѣліи. Я не хочу сказать этимъ, чтобы всегда имѣла мѣсто противоположная тенденція; въ извѣстныхъ случаяхъ это было бы также невѣрно. Но законъ повышенія органическаго состава капитала не выражаетъ общаго хода развитія производительности труда въ земледѣліи, какъ онъ выражаетъ это относительно промышленности [1]).

Однако остается неоспоримымъ, что въ извѣстныхъ предѣлахъ машина можетъ вытѣснять собою (или, точнѣе, замѣнять) рабочую силу скота или человѣка и наоборотъ. Возможность такой замѣны составляетъ особенность земледѣлія, неповторяющуюся въ другихъ отрасляхъ производства: одинъ и тотъ же продуктъ можетъ быть произведенъ различными комбинаціями факторовъ производства. Большее преобладаніе того или иного фактора даетъ

---

[1]) Повидимому, Марксъ не дѣлалъ различія между машинами вообще и сельскохозяйственными машинами, отожествляя ихъ экономическое значеніе (Ср. напр. Капиталъ, I, 490). Онъ выставляетъ какъ „несомнѣнный и давно извѣстный фактъ, что прогрессъ земледѣлія выражается въ непрерывномъ ростѣ постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ“ (Das Kapital, III² 293). Протестъ противъ этого односторонняго и невѣрнаго положенія составляетъ теоретическую заслугу проф. А. И. Скворцова, указавшаго, что утвержденіе Маркса „совершенно не подтверждается фактами исторіи развитія земледѣльческой техники“. (*Скворцовъ.* Основанія политической экономіи. Спб. 1898, стр. 218. Ср. также *Его же.* О вліяніи пароваго транспорта на сельское хозяйство).

основаніе для классификаціи системъ хозяйства на экстенсивную съ одной стороны и интенсивную, причемъ послѣдняя распадается на трудоинтенсивную и капиталоинтенсивную. Основаніемъ первой классификаціи является большее или меньшее участіе даровыхъ силъ природы (мы можемъ сказать также: большее или меньшее вліяніе закона убывающаго плодородія почвы). Основаніемъ второй классификаціи является—при равной степени интенсивности—преобладаніе машинной работы или работы скота надъ человѣческой. Каждая изъ этихъ различныхъ системъ хозяйства имѣетъ свое относительное оправданіе и преимущества при опредѣленныхъ экономическихъ условіяхъ [1]). Съ этой классификаціей не слѣдуетъ смѣшивать классификацію системъ хозяйства съ сельскохозяйственной точки зрѣнія, съ которой различаются переложное, двухпольное, трехпольное, различныя формы многопольныхъ хозяйствъ. Это техническое различіе, конечно, лежитъ въ основѣ указаннаго экономическаго, но само по себѣ оно выходитъ за границы экономическаго изслѣдованія и не можетъ поэтому спеціально занимать насъ въ теперешнемъ изученіи.

Выяснившіяся до сихъ поръ техническія особенности земледѣлія позволяютъ отвѣтить на вопросъ, какая форма хозяйства,—крупная, средняя или мелкая,—имѣетъ техническое превосходство, какой формѣ свойственна наиболѣе выгодная комбинація различныхъ факторовъ сельскохозяйственнаго производства. Но

---

[1]) Вполнѣ отчетливое разграниченіе разныхъ системъ хозяйства мы встрѣчаемъ у Рошера: „Политикоэкономъ различаетъ системы земледѣлія главнымъ образомъ потому, въ какой пропорціи для воздѣлыванія земли затрачивается трудъ и капиталъ. Тѣ, которыя предоставляютъ возможно большее дѣйствіе фактору природы, мы называемъ экстенсивными; тѣ, которыя относятся съ возможной экономіей къ земельнымъ участкамъ, интенсивными. Между интенсивными различаютъ, смотря по тому, основывается ли интенсивность по преимуществу на преобладаніи труда или капитала, трудоинтенсивныя и капиталоинтенсивныя. Напр. англійское хозяйство весьма экономитъ трудъ, но весьма капиталоинтенсивно; китайское наоборотъ. Прежнее хозяйство вестъ-индскихъ плантаторовъ было страшно трудоинтенсивно благодаря рабству негровъ, причемъ почти не употреблялось рабочихъ животныхъ, плуговъ и т. п.“ (*W. Roscher*. Die Nationalökonomik des Ackerbaues und der verwandten Production. Stuttgart 1885, стр. 72—3). Краткій и хорошій обзоръ различныхъ системъ земледѣлія сдѣланъ *Гольцемъ* въ статьѣ Ackerbau въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы отмѣтимъ одну особенность земледѣльческаго *продукта*, имѣющую весьма большое значеніе для даннаго вопроса.

Крупная машинная индустрія создала не только новые способы производства, но и—что не менѣе важно—она создала новые продукты для удовлетворенія старыхъ потребностей, и новыя потребности, которыя можно удовлетворить только новыми продуктами. Старыя потребности въ одеждѣ, обуви и т. д. машинная индустрія стала удовлетворять создавъ новыя формы одежды, обуви, новыя матеріи, новые фасоны и под. Никому въ голову не придетъ смѣшать старый рукодѣльный холстъ и продуктъ современной прядильной фабрики, грубое домашнее сукно и тончайшія фабричныя сукна и т. д. Можно сказать, что и здѣсь крупное производство также создало новыя потребности, измѣнивъ способъ удовлетворенія старыхъ. Многія потребности вызваны крупнымъ производствомъ въ томъ смыслѣ, что продукты, ихъ удовлетворяющіе, впервые вообще стали производиться въ крупномъ производствѣ: сюда относятся многіе предметы комфорта и роскоши; въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что то, что современный европеецъ называетъ комфортомъ, есть созданіе массоваго производства. Далѣе, есть цѣлый рядъ производствъ, вызванныхъ исключительно потребностями крупнаго производства и сразу принявшихъ также форму послѣдняго: таковы различныя отрасли производства орудій производства; къ числу безспорныхъ областей крупнаго производства принадлежатъ такія, которыя только въ формѣ крупнаго производства и мыслимы, по самому характеру своего продукта: таково напр. все транспортное дѣло, желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, строеніе параходовъ и т. д. Количество такихъ отраслей производства увеличивается на нашихъ глазахъ. И остается на современномъ рынкѣ культурныхъ націй лишь немного продуктовъ, которыя технически могутъ быть одинаково производимы и въ крупномъ и мелкомъ производствѣ въ зависимости отъ разныхъ экономическихъ условій. Для современной промышленности передовыхъ европейскихъ странъ характерна не борьба крупнаго и мелкаго производства съ перевѣсомъ въ ту или другую сторону, но постоянное увеличеніе числа такихъ отраслей производства, которыя могутъ быть ведены только въ крупной, (а иногда, хотя и рѣдко, только въ

мелкой) формѣ производства [1]). Вопроса о преимуществахъ крупнаго или мелкаго производства опредѣленныхъ продуктовъ не можетъ даже и возникнуть: продуктъ самой своей потребительной формой заштемпелеванъ какъ продуктъ крупнаго производства. Итакъ, въ крупномъ производствѣ въ области промышленности изготовляются или совсѣмъ новые продукты, никогда не изготовлявшіеся въ мелкомъ, или же, въ немногихъ случаяхъ, одни и тѣ же продукты изготовляются совершенно *иначе,* иными техническими пріемами.

Сравнительно съ промышленностью земледѣліе отличается поразительнымъ консерватизмомъ: основные продукты земледѣлія и животноводства неизмѣнны также какъ устройство человѣческаго желудка, и во всѣ вѣка добывались при посредствѣ по существу однородныхъ операцій. Возьмите горсть зерна изъ XV вѣка, еслибы она сохранилась какимъ-нибудь чудомъ, и горсть зерна нашего времени, зерно производимое русскимъ крестьяниномъ, его европейскимъ собратомъ, англійскимъ фермеромъ и „пшеничнымъ фабрикантомъ“ дальняго запада Соединенныхъ Штатовъ: не будучи спеціалистомъ, вы не замѣтите разницы, а если она и будетъ, то, вѣроятно, будетъ отражать разницу почвъ, а не условій производства. Въ булкѣ, которую вы ѣдите, вы уже окончательно не различите, сколько золотниковъ муки въ ней было произведено при крупнокапиталическихъ условіяхъ и сколько въ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Тоже можно сказать и относительно мяса и другихъ продуктовъ, кромѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ культуръ, составляющихъ исключительное занятіе крупныхъ или мелкихъ хозяйствъ. Продуктъ сельскаго хозяйства не измѣняется, такимъ образомъ, въ зависимости отъ размѣровъ хозяйства, отъ формы производства: мать природа, которая повелѣваетъ земледѣліемъ, стоитъ выше этихъ различій.

Другая отличительная черта земледѣльческаго продукта, связанная, впрочемъ, съ первой, есть его практически безграничная *дробимость.* Данное количество хлѣба можетъ быть произведено въ одномъ хозяйствѣ, можетъ быть произведено въ десяти, въ двадцати, и т. д., этого, при равныхъ, конечно, качест-

[1]) Это слѣдовало бы принять во вниманіе тѣмъ, кто по даннымъ статистики о ростѣ крупныхъ предпріятій дѣлаетъ выводъ въ пользу „концентраціи“ мелкихъ; послѣдняя можетъ совершенно отсутствовать и тѣмъ не менѣе число крупныхъ предпріятій рости.

вахъ продукта, никто не отгадаетъ, кромѣ купца, скупавшаго этотъ хлѣбъ. Тоже самое можно сказать и относительно стада скота, пригнаннаго на убой, и молока, вынесеннаго на рынокъ и т. д. Большинство продуктовъ сельскаго хозяйства обладаетъ безконечной дробимостью, и одно и то же количество хлѣба можетъ быть произведено въ латифундіи и въ цвѣточныхъ горшкахъ. Только эта дробимость дѣлаетъ возможной и понятной конкурренцію на одномъ рынкѣ хлѣба, производимаго въ Англіи, Россіи, Америкѣ, въ разныхъ мѣстахъ, разныхъ количествахъ и т. д., и эту дробимость отлично понимаютъ лондонскіе булочники, когда смѣшиваютъ, какъ наиболѣе выгодную смѣсь, русскую муку съ англійской или американской, и въ желудкѣ англичанина благополучно переваривается продуктъ сохи и мужицкихъ слезъ и пота съ машиннымъ продуктомъ алчнаго спекулянта какой-нибудь Дакоты...

Оба эти свойства земледѣльческаго продукта,—его однородность и дробимость, имѣютъ огромное значеніе для условій конкурренціи разныхъ формъ предпріятія, потому что ставятъ ихъ въ этомъ смыслѣ въ равныя условія, предоставляя преимущество той изъ формъ, которая можетъ производить наиболѣе выгодно.

На основаніи всего, что изложено выше, особенно относительно роли труда и машинъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ мы не можемъ отдать преимущества рѣшительно никакой формѣ предпріятія, всѣ они могутъ быть хороши и плохи, это не вытекаетъ изъ формы производства какъ таковой, но изъ общихъ условій хозяйства. Мы видѣли, что машины не могутъ дать крупной формѣ хозяйства такого преимущества, какое они даютъ въ обрабатывающей промышленности [1]) Работа машинъ можетъ ис-

---

[1]) Является совершенно голословнымъ и противорѣчащимъ всѣмъ даннымъ опыта и здраваго смысла слѣдующее заявленіе Крафта: „чѣмъ болѣе машина находитъ доступъ въ крупное хозяйство, тѣмъ затруднительнѣе становится конкурренція для мелкихъ хозяйствъ, располагающихъ лишь человѣческой силой“ (Kraft l. c., IV, 78). Проф. ф. Міасковскій указываетъ слѣдующія пять невыгодныхъ особенностей, отличающихъ крупное производство въ земледѣліи: 1) меньшія выгоды отъ раздѣленія труда, сравнительно съ индустріей; 2) увеличеніе издержекъ производства благодаря необходимости надзора, которыя значительны благодаря централизаціи хозяйства; 3) машины не играютъ здѣсь такой роли какъ въ индустріи, потому что сельское хозяйство представляетъ для нихъ большія трудности; 4) спекуляціи въ сельскомъ хозяйствѣ отводится гораздо

полняться человѣкомъ; мелкое хозяйство обыкновенно бываетъ богаче рабочей силой нежели крупное; кромѣ того, трудъ въ собственномъ хозяйствѣ, по общему свидѣтельству, отличается высшимъ качествомъ нежели наемный трудъ [1]). Конечно, при различныхъ условіяхъ выступаютъ большія или меньшія удобства той или иной формы производства. Въ общемъ можно присоединиться къ выводомъ *Ауhагена*, который формулируетъ слѣдующимъ образомъ сравнительныя выгоды разныхъ хозяйственныхъ формъ:

1) „Мелкій крестьянинъ въ мѣстностяхъ съ весьма интенсивнымъ хозяйствомъ получаетъ высшую валовую жатву (Bruttoernte) на единицу площади, нежели *всякое* болѣе крупное хозяйство.

2) Онъ всегда имѣетъ большій доходъ съ единицы площади чѣмъ крупнокрестьянское хозяйство, потому что относительно прогресса сельскохозяйственной техники онъ стоитъ съ нимъ повсюду, по крайней мѣрѣ въ Германіи, на одной ступени.

3) Въ мѣстностяхъ съ менѣе развитымъ сельскимъ хозяйствомъ, крупное хозяйство приноситъ *часто* большій валовой доходъ (но не чистый доходъ) нежели мелкое хозяйство и крупнокрестьянское, потому что крупное хозяйство *въ такихъ мѣстностяхъ* болѣе усвояетъ себѣ прогрессъ сельскохозяйственной техники, нежели крестьянское хозяйство“ [2]).

Сравненіе данныхъ о дѣйствительной производительности крупнаго и мелкаго хозяйства не можетъ рѣшить вопроса объ ихъ техническихъ преимуществахъ, потому что сравниваемыя хозяйства могутъ находиться при разныхъ экономическихъ условіяхъ. Самое

менѣе мѣста чѣмъ въ индустріи; 5) меньшія выгоды кредита сравнительно съ индустріей (Prof. *v. Miaskowski*. Das Erbrecht und die Eigenthumstheilung im Deutschen Reiche I. 1882. стр. 11). Здѣсь перемѣшаны техническія и экономическія различія, къ неясности какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Проф. Зерингъ считаетъ стоящимъ внѣ сомнѣнія, что крупному производству въ земледѣліи не принадлежитъ того рѣшительнаго превосходства, какъ въ обрабатывающей промышленности. См. его Die innere Kolonisation im Deutschen Reich. 1893, а также его рѣчь въ засѣданіи Verein für Sociale Politik: „Die Bodenbesizvertheilung und die Sicherung des Kleinbetriebes“. (Schriften des V. f. Soc. Pol., B. 58).

[1]) *Auhagen*, l. c., 42: „воздѣлываніе полей въ мелкомъ хозяйствѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выполняется лучше, чѣмъ въ крупномъ, гдѣ это дѣлается исключительно посредствомъ наемнаго труда“.

[2]) Auhagen, l. c. 46. Курсивъ автора.

большее, чтб могутъ дать такія данныя, это фактическое подтвержденіе того отрицательнаго вывода, что крупное производство не имѣетъ техническихъ преимуществъ предъ мелкимъ не только въ теоріи, но, при извѣстныхъ условіяхъ, и въ дѣйствительности. Такихъ сравненій дѣлалось въ экономической литературѣ не мало, во всякомъ случаѣ достаточно для того, чтобы подорвать въ непредубѣжденномъ и свободномъ отъ предразсудковъ читателѣ вѣру въ преимущество крупнаго производства вообще [1]).

[1]) Приведу для примѣра два подобныхъ сравненія. Аугагенъ въ цитированномъ уже много разъ изслѣдованіи сравниваетъ производительность двухъ хозяйствъ въ Ганноверѣ, находящихся приблизительно въ одинаковыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, мелкое (I) и крупное (II). Урожай опредѣляется въ центнерахъ на гектаръ:

	I	II	I больше II.
Бобы	66	56	10
Рожь	64	56	8
Пшеница	80	64	16
Ячмень	60	56	4
Сахарная свекла . . .	816	740	76
Картофель	320	320	—
Клеверъ	260	210	50

Другой примѣръ находимъ въ новѣйшемъ изслѣдованіи *Karl Klawki* Ueber Konkurrenzfähigkeit des landwirtschaftlichen Kleinbetriebes (въ Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbücher, 1899, Heft 3—4). Его сравненіе относится къ восточной Пруссіи. Авторъ сравниваетъ по 4 хозяйства крупныхъ, среднихъ и мелкихъ размѣровъ. Особенностью его сравненія является то, что, во первыхъ, доходы и расходы выражены въ деньгахъ, а затѣмъ, что авторъ переводитъ на деньги и ставитъ въ расходъ стоимость рабочей силы въ мелкомъ хозяйствѣ, гдѣ она не покупается; для нашей цѣли такой пріемъ едва-ли правиленъ, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ:

На 1 моргенъ.	Крупное хозяйство.				Среднее хозяйство.				Мелкое хозяйство.			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Общій доходъ	30,05	33,68	25,80	38,06	46,61	44,14	40,83	50,09	45,34	59,78	56,78	95,10
Общій расходъ	26,24	25,86	17,46	23,66	26,50	27,20	25,53	30,88	38,86	40,65	48,80	78,35
Чистая прибыль съ моргена . .	8,81	7,82	8,34	14,52	20,11	16,94	17,30	19,21	6,48	19,13	7,95	16,75
Чистая прибыль съ гектара . .	35,24	31,28	33,36	58,08	80,49	67,76	69,20	76,89	25,92	76,52	31,80	67

Нѣкоторыя отрасли сельскаго хозяйства особенно удобны для мелкой формы производства, таково напр. интенсивное стойловое скотоводство [1]), тогда какъ экстенсивное скотоводство составляетъ естественную область крупнаго хозяйства. Первоначальное воздѣлываніе американскихъ прерій, вѣроятно, во многихъ случаяхъ удобнѣе могло бы быть выполнено крупнымъ хозяйствомъ съ широкимъ приложеніемъ машинъ. Впрочемъ, машинный трудъ вовсе не исключается мелкой формой хозяйства, какъ мы увидимъ ниже изъ статистическихъ данныхъ [2]). Благодаря дробимости сельскохозяйственнаго производства, другую сторону котораго составляетъ, такъ сказать, его собирательность, возможность путемъ простого механическаго сложенія нѣсколькихъ хозяйствъ (особенно же нѣсколькихъ отдѣльныхъ производительныхъ операцій этихъ хозяйствъ) увеличенія размѣровъ производства, нѣтъ *техническихъ* препятствій къ коллективному пользованію даже крупными сельскохозяйственными машинами и для мелкаго хозяйства. Если площади хозяйствъ прилегаютъ другъ къ другу, то возможно, напр., коллективное пользованіе паровымъ плугомъ, который можетъ составлять или общинную собственность или принадлежать капиталисту, отдающему

Наибольшею доходностью отличается здѣсь среднее хозяйство, за нимъ слѣдуетъ мелкое и за нимъ крупное, которое оказывается такимъ образомъ позади всѣхъ.—Изъ старыхъ защитниковъ мелкаго крестьянскаго хозяйства заслуживаетъ упоминанія аргументація въ пользу производительности мелкихъ хозяйствъ *Thornton.* A plea for peasant proprietors 2-nd ed. London 1874.

[1]) *Кутилебъ* въ 1884 году на основаніи подавляющаго количества фактическихъ данныхъ выставилъ положеніе, что „какъ показываетъ опытъ, земледѣліе и скотоводство въ малыхъ и среднихъ имѣніяхъ находятся въ полномъ разцвѣтѣ и получаютъ чистый доходъ не меньшій чѣмъ въ крупномъ землевладѣніи“ (l. c. 447). Аугагенъ считаетъ скотоводство спеціальной областью, „Sicherheitsventil“ мелкаго хозяйства. *Klawki* въ цитированномъ изслѣдованіи говоритъ: „благодаря сравнительно значительному развитію скотоводства, мелкое хозяйство въ состояніи получать самый высшій доходъ (Einnahmen), который вдвое превосходитъ доходъ крупнаго хозяйства и въ полтора раза средняго“ (482).

[2]) Штумпфе справедливо указываетъ на то, что „наша сельскохозяйственная индустрія въ своемъ собственномъ интересѣ, чтобы пріобрѣсти возможно широкое поле сбыта, поспѣшила заняться изготовленіемъ машинъ самыхъ различныхъ размѣровъ, такъ что и работающій коровой крестьянинъ (Kuhbauer) можетъ получить свою сѣялку и т. д., по крайней мѣрѣ, въ лучшихъ частяхъ Силезіи онъ уже имѣетъ такія машины, одинъ, или вмѣстѣ съ сосѣдями“. (Stumpfe, l. c. 88).

его въ наемъ [1]); также доступны для мелкаго хозяйства и паровыя молотилки и т. д. Такимъ образомъ, *технически* мелкія хозяйства могутъ усвоивать себѣ многія преимущества крупныхъ.

Съ другой стороны, иногда по естественнымъ условіямъ производства, напр. по свойствамъ почвы, возможно только крупное хозяйство. Напр. какъ въ Англіи такъ и въ Германіи указываются районы съ тяжелыми известковыми или глинистыми почвами, воздѣлываніе которыхъ подъ силу только крупнымъ рабочимъ лошадямъ или машинамъ, употребленіе которыхъ возможно лишь въ крупномъ хозяйствѣ. Примѣры приводимъ въ подстрочномъ примѣчаніи [2])

---

[1]) Гвидо Крафтъ говоритъ: „чтобы сдѣлать доступнымъ и для мелкаго хозяина пользованіе машинной обработкой, рекомендуется снабженіе и пользованіе машинами и сильными двигателями посредствомъ товариществъ или наймомъ“ (Kraft, l. c. IV, 78). Фюлингъ рекомендуетъ во многихъ случаяхъ наемъ машинъ даже предпочтительно предъ ихъ покупкой, „Наемъ паровыхъ плуговъ, также какъ пріобрѣтеніе ихъ цѣлымъ товариществомъ распространяется все болѣе и болѣе въ пров. Саксоніи, въ Брауншвейгѣ, по Нижнему Рейну, въ Кёльнской мѣстности и въ др. мѣстахъ, словомъ въ дистриктахъ съ производствомъ сахарной свеклы, которое требуетъ глубокой вспашки“ (Fühling, l. c. 284). Онъ же указываетъ, что „въ Англіи существуютъ только среднія и мелкія арендныя хозяйства: слѣдов. отсутствуютъ крупныя хозяйства. Тамъ было уже въ 1872 году около 2000 паровыхъ плуговъ, большая часть изъ нихъ пріобрѣталась въ наемъ“ (290). Паровой плугъ требуетъ, такимъ образомъ, настолько обширной площади, что даже капиталистическія хозяйства Англіи (также какъ большинство ихъ въ Германіи) оказываются слишкомъ малы, чтобы сполна использовать его и принуждены поэтому прибѣгать къ совмѣстному пользованію.

[2]) По указанію Аугагена (цит. ст.) на тяжелой известковой почвѣ такъ называемаго Gaus, влѣво отъ Саара, является наиболѣе подходящей средняя или крупная форма хозяйства, потому что такая почва можетъ быть вспахана только двумя крѣпкими лошадьми, которыхъ не можетъ быть въ мелкомъ хозяйствѣ; на песчаной почвѣ округа Deutsch-Croner Kreis въ зап. Пруссіи напрасно искать хозяйствъ менѣе двадцати гекторовъ и под.—Свидѣтель Squarey, вызванный въ коммиссіи для изслѣдованія вопроса о мелкомъ хозяйствѣ показалъ: „мой опытъ опредѣленно говоритъ мнѣ, что размѣръ и характеръ хозяйствъ въ Англіи зависитъ главнымъ образомъ отъ физическихъ свойствъ земли. Въ обширныхъ известковыхъ округахъ Англіи при настоящемъ положеніи вы не можете имѣть мелкихъ хозяйствъ; они не могутъ быть выгодно воздѣлываемы въ формѣ мелкихъ хозяйствъ“ (Report from the select Committee on Small Holdings. 1889. Minutes of evidence. Вопросъ 3733). Въ отчетахъ коммиссіи

Если съ технической стороны не можетъ быть отдано рѣшительнаго преимущества ни одной изъ формъ сельскохозяйственнаго предпріятія, то могутъ быть опредѣлены, по крайней мѣрѣ, въ тенденціи, тѣ предѣлы,—maximum и minimum, между которыми могутъ безъ вреда для хозяйства помѣщаться его размѣры. Очевидно, для каждой спеціальной сельскохозяйственной культуры предѣлъ этотъ будетъ различенъ. Но для насъ, интересующихся выясненіемъ самаго общаго направленія развитія, важны лишь общія измѣненія, вытекающія изъ основныхъ условій развитія. Рѣшающимъ является здѣсь то обстоятельство, что развитіе сельскохозяйственной культуры заставляетъ затрачивать на единицу площади большее количество труда и орудій и матеріаловъ производства или, по принятому словоупотребленію, капитала. Очевидно нижній предѣлъ, minimum земли, который можетъ составить безъ ущерба для техники производства отдѣльное хозяйство, постоянно понижается. „Размѣръ мелкаго крестьянскаго хозяйства, конечно, весьма мѣняется. Чѣмъ интенсивнѣе обрабатывается земля, тѣмъ меньше земли, при прочихъ равныхъ условіяхъ, требуется для мелкаго крестьянскаго хозяйства“. Auhagen, l. c., 51). Но понижается и maximum, тотъ комплексъ хозяйственныхъ операцій, который можетъ вестись по объединяющему плану, характеризующему цѣльное хозяйство. Мы знаемъ

1894—7 годовъ по изслѣдованію аграрнаго кризиса Henry Rew, изслѣдовавшій Salisbury plain district of Wiltshire, говоритъ: господство крупныхъ фермъ въ этомъ дистриктѣ „есть не столько результатъ экономическихъ причинъ, сколько геологическихъ и физическихъ. Является практически невозможнымъ воздѣлываніе тонкаго слоя легкой почвы известковыхъ холмовъ при условіи мелкихъ хозяйствъ“ (Report. 1895, стр. 28). Съ другой стороны „въ нѣкоторыхъ округахъ почва настолько камениста, а поверхность такъ неровна, что воздѣлываніе ихъ въ широкихъ размѣрахъ невозможно. Если такая почва вообще и можетъ воздѣлываться, хозяйства должны быть малыхъ размѣровъ... Вообще, физическое устройство почвы есть главный факторъ въ опредѣленіи размѣра хозяйства. Тамъ, гдѣ земля можетъ быть подѣлена на обширныя пахотныя поля, преобладаютъ крупныя фермы; но тамъ гдѣ холмы значительны, а почва въ равнинахъ отличается неровностью, могутъ образоваться только мелкія фермы. Небольшія поля, преобладающія по количеству, необходимо обусловливаютъ мелкій размѣръ фермъ, такимъ образомъ можно сказать, что дѣленіе земли въ деревенскихъ округахъ въ общемъ слѣдовало законамъ природы“. (Large and Small Holdings: a comparative View. By *Clare Sewell Read* въ Journal of Royal Agricultural Society, 1887, стр. 4).

уже, что территоріальная разбросанность и одновременность многихъ сельскохозяйственныхъ операцій допускаютъ веденіе ихъ изъ одного центра, какъ одно цѣлое, только въ ограниченныхъ предѣлахъ, при возрастаніи количества этихъ операцій должна уменьшаться земельная площадь. Хозяйства, превышающія этотъ maximum, установляемый общимъ уровнемъ земледѣльческой культуры, являются уже не единымъ комплексомъ, а просто собраніемъ нѣсколькихъ хозяйствъ, объединяемыхъ извнѣ единствомъ владѣльца или единствомъ администраціи. Технически они также мало, стало быть, составляютъ одно предпріятіе, какъ двѣ фабрики, производящія одинъ и тотъ же или разный продуктъ и лишь принадлежащія одному и тому же владѣльцу. Размѣръ такого *собирательнаго* хозяйства, конечно, практически безграниченъ.

Такимъ образомъ, поскольку техническими условіями намѣчается какая-нибудь тенденція въ измѣненіи размѣровъ предпріятія, то эта тенденція ведетъ къ пониженію его предѣльныхъ размѣровъ. Въ этомъ качествѣ земледѣліе рѣзко отличается отъ промышленности, гдѣ ростъ размѣровъ предпріятія—и соотвѣтствующая концентрація производства—весьма часто вынуждаются именно техническими условіями производства, и ростъ размѣровъ предпріятія является, такимъ образомъ, технической необходимостью. Въ этомъ смыслѣ правъ проф. Зерингъ, который находитъ, что „законъ концентраціи (Ackumulationsgesetz) для земледѣлія вообще не существуетъ, господствующая тенденція направлена скорѣе на *уменьшеніе* размѣровъ крупныхъ хозяйствъ“. „Ростъ количества средствъ производства и затраты труда при ограниченности поля ихъ приложенія есть законъ развитія сельскаго хозяйства, вполнѣ противоположный развитію индустріи,—онъ повелъ во многихъ населенныхъ странахъ къ прогрессивному уменьшенію размѣровъ и увеличенію числа сельскохозяйственныхъ предпріятій, насколько при этомъ являлись руководящими технико-экономическія соображенія“ [1]).

Необходимость уменьшенія среднихъ размѣровъ хозяйства, вытекающая изъ роста его интенсивности, есть общепризнанная въ настоящее время истина, отрицаемая развѣ только по недоразумѣнію [2]).

---

[1]) *Зерингъ.* Цит. рѣчь, 137—8. Ср. Innere Kolonisation, passim.

[2]) Эта необходимость ясна даже для Каутскаго (Die Agrarfrage 1899), хотя онъ и не сознаетъ или не хочетъ сознавать, какъ разрушительно

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ техническій прогрессъ не связанъ съ какой-либо опредѣленной формой промышленности. Технически сильнѣйшимъ является въ сельскомъ хозяйствѣ экономически сильнѣйшій, не наоборотъ. Справедливо говоритъ Аугагенъ: „часто принимаютъ, что прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ исходитъ только отъ крупнаго хозяйства; это ошибка; онъ исходитъ отъ *состоятельныхъ* (wohlhabenden) владѣльцевъ, безразлично какъ велико ихъ владѣніе. Во многихъ селахъ я наблюдалъ, что прогрессъ начинался у самыхъ мелкихъ крестьянъ или у людей, которые вмѣстѣ съ сельскимъ хозяйствомъ занимались и какимъ-либо ремесломъ“ [1]). Та же мысль удачно формулирована у Леонсъ-де-Лаверня въ его книгѣ объ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ, въ общемъ представляющей хвалебный гимнъ послѣднему. Лавернь говоритъ: „вопросъ (о преимуществахъ крупной и мелкой культуры) былъ невѣрно поставленъ вслѣдствіе неясности пониманія. Для культуры важно не то, чтобы собственность была велика, но чтобы она была богата, что есть далеко не одно и то же. Богатство есть вещь относительная: можно быть бѣднымъ при большой собственности и богатымъ при малой. Въ рукахъ 1000 собственниковъ, которые имѣютъ каждый только по 10 гектаровъ, но по 1000 франковъ на гектаръ, земля будетъ вдвое продуктивнѣе, чѣмъ въ рукахъ одного человѣка, который имѣетъ одинъ 10000 гектаровъ, но издерживаетъ только по 500 франковъ на гектаръ. Иногда самой богатой является крупная собственность, иногда мелкая, иногда средняя, все зависитъ отъ обстоятельствъ. Лучшая организація земельной собственности есть та, которая привлекаетъ къ землѣ наибольшее количество капиталовъ, потому ли, что держатели земли будутъ наиболѣе богаты сравнительно съ площадью земли, находящейся въ ихъ распоряженіи, потому ли, что они наклонны затрачивать большую часть своего дохода“ [2]).

это признаніе для другихъ его выводовъ. Замѣчу кстати, что, давъ дважды разборъ этой книги (по-русски въ „Началѣ“ и по-нѣмецки въ Архивѣ Брауна), я считаю себя въ правѣ быть освобожденнымъ здѣсь отъ полемики съ выраженными въ ней мнѣніями, кромѣ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это вызывается потребностями лишь моего собственнаго изложенія.

[1]) Auhagen, l. c. 51.

[2]) *L. de Lavergne.* Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre, de l'Ecosse et de l' Irlande. 3-me édition. Paris. 1858, стр. 111. Физіократы, извѣстные

Итакъ, господство природы въ земледѣліи уничтожаетъ преимущества какой-либо формы предпріятія, которыя опредѣляются потому главнымъ образомъ условіями соціально-экономическими. Земледѣліе отличается, слѣдовательно, соединеніемъ двухъ крайностей: господствомъ силъ природы и силъ соціальныхъ,—двухъ стихій, стоящихъ внѣ человѣческаго контроля.

Вышеуказаннымъ ставится еще одинъ любопытный вопросъ, естественно являющійся при сравненіи земледѣлія съ обрабатывающей промышленностью. Извѣстно, что, какъ правило, носителемъ техническаго прогресса въ индустріи является крупная форма производства; отъ нея исходитъ развитіе производительной силы общественнаго труда. Конкурренція крупной промышленности съ мелкой, въ результатѣ которой является необходимость перехода къ высшимъ способамъ производства въ болѣе крупномъ масштабѣ, есть простой, автоматически дѣйствующій и каждому понятный механизмъ, регулирующій техническій прогрессъ нашего общества. Такого механизма нѣтъ, какъ мы видѣли, въ земледѣліи; что же его тамъ замѣняетъ и ему соотвѣтствуетъ? Чѣмъ стимулируется техническій прогрессъ въ земледѣліи, чѣмъ вызывается развитіе производительности земледѣлія?

Но въ этой постановкѣ вопроса вкралось понятіе, которое само нуждается въ опредѣленіи и относительно котораго долженъ быть поставленъ еще особый, самостоятельный вопросъ. Это—понятіе *производительности* земледѣлія, которое вовсе не является такъ просто и ясно какъ въ промышленности. Отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ мы свяжемъ съ отвѣтомъ на первый.

Понятіе „производительности“ въ индустріи можетъ имѣть одинъ только смыслъ: это достиженіе даннаго производительнаго эффекта наименьшей затратой производительныхъ средствъ; если сравнивать его съ затраченнымъ количествомъ труда, мы получимъ производительность труда. Эта производительность постоянно увеличивается въ промышленности, и это увеличеніе вы-

---

сторонники крупнаго хозяйства въ земледѣліи, отстаивали его не столько со стороны его техническаго превосходства, сколько со стороны большаго богатства капиталами и возможности примѣнить благодаря этому лучшіе способы обработки почвы (напр. вмѣсто быковъ лошадьми). Таковы воззрѣнія, напр. Кенэ (см. въ особенности его статьи въ Энциклопедіи: Fermiers и Grains).

ражается въ постоянномъ паденіи цѣнности мануфактурныхъ продуктовъ.

Не такъ просто это понятіе въ земледѣліи. И здѣсь мы имѣемъ, прежде всего, понятіе производительности труда. Мы знаемъ уже, что ея измѣненіе выражается въ законѣ убывающаго плодородія почвы и состоитъ въ постепенномъ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда (понимая это, повторяю еще разъ, въ смыслѣ самой общей тенденціи). Но кромѣ этого, мы имѣемъ здѣсь еще понятіе *производительности земли:* съ одного и того же участка земли можетъ въ разное время (и, конечно, съ разными затратами труда и капитала) производиться разное количество пищевыхъ продуктовъ, и это измѣняющееся отношеніе количества продукта къ площади, на которой онъ производится, образуетъ понятіе ея производительности. Производительность земли ростетъ вмѣстѣ съ ростомъ земледѣльческой культуры, вызываемымъ необходимостью извлекать изъ того же неизмѣннаго количества земли ростущее количество питательныхъ веществъ. Потому измѣненія производительности земли противоположны измѣненіямъ производительности земледѣльческаго труда и капитала,—увеличеніе одной сопровождается уменьшеніемъ другой. Возможенъ, слѣдовательно, и случай роста производительности земледѣльческаго труда, покупаемый цѣной пониженія земледѣльческой культуры; такой случай мы наблюдаемъ въ настоящее время во многихъ странахъ зап. Европы подъ непосредственнымъ вліяніемъ аграрнаго кризиса.

Слѣдуетъ въ интересахъ ясности замѣтить здѣсь, что оба понятія,—производительности земледѣльческаго труда и производительности земли, — установляются съ точки зрѣнія всего общественнаго хозяйства. Съ частнохозяйственной точки зрѣнія дѣло это можетъ представляться нѣсколько иначе: для всего народнаго хозяйства имѣетъ значеніе какъ *чистый доходъ*, выраженіемъ котораго является степень производительности труда и капитала, такъ *и валовой доходъ*, соотвѣтствующій степени производительности земли, для частнаго же хозяйства только чистый доходъ. Съ частно-предпринимательской точки зрѣнія можетъ являться наиболѣе выгодной, т. е. дающей наибольшій (относительно, въ процентахъ на капиталъ) чистый доходъ, такая система хозяйства, которая, понижая валовой доходъ, можетъ противорѣчить интересамъ всего народнаго хозяйства. Въ

общемъ, мы имѣемъ здѣсь разныя системы понятій, принадлежащія разнымъ логическимъ областямъ и совпадающія лишь случайно [1]).

Изъ свойствъ земледѣльческаго производства слѣдуетъ, что производительность земли будетъ тѣмъ выше, чѣмъ разнообразнѣе производство. Земля носитъ въ себѣ элементы питанія различныхъ хлѣбныхъ растеній, извѣстная комбинація ихъ и послѣдовательность посѣвовъ ведутъ къ наиболѣе выгодному использованію питательныхъ элементовъ каждаго отдѣльнаго хлѣба. Переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія, въ которомъ выражается ростъ производительности земли, совершается поэтому въ формѣ замѣны переложной, двухъ—и трехпольной системы земледѣлія болѣе многопольными системами. Такимъ образомъ, тамъ гдѣ въ индустріи является спеціализаціи производства, дальнѣйшее раздѣленіе общественнаго труда, въ области земледѣльческаго производства выступаетъ увеличивающееся разнообразіе продукта. Справедливо замѣчаетъ *Паттенъ*: „законъ земледѣльческой промышленности противоположенъ закону мануфактурной промышленности. Наилучшее употребленіе земли требуетъ разнообразія продуктовъ, тогда какъ фабрика бываетъ наиболѣе продуктивна, дѣлая какой-нибудь одинъ продуктъ“ [2]).

Ограниченіе земледѣльческаго производства на одной (или болѣе) какой-либо отрасли сельскохозяйственнаго производства, хотя бы оно сопровождалось ростомъ интенсивности въ этой отрасли производства, даже превышающимъ тотъ ростъ, который былъ бы для нея возможенъ при большемъ разнообразіи производства, есть грѣхъ передъ землей, неполное использованіе производительныхъ силъ почвы, естественныхъ богатствъ, данныхъ извѣстной странѣ Такое *упрощеніе* хозяйства имѣетъ мѣсто въ странѣ новой, гдѣ много свободной земли, и тогда спеціализаціей производства стремятся къ экономіи средствъ производства (примѣры этого мы

---

[1]) Проф. Скворцовъ (Вліяніе пароваго транспорта) опредѣляя раціональное хозяйство какъ такое, которое даетъ наибольшую ренту, становится, очевидно, на частнохозяйственную точку зрѣнія, обреченную, на мой взглядъ, на безплодность при изслѣдованіи всего общественнаго хозяйства. Кромѣ того, это опредѣленіе имѣетъ въ виду только крупное помѣщичье хозяйство. Роль ренты въ развитіи производительности труда будетъ разобрана ниже.

[2]) *Patten.* Economic basis of protection, 31.

увидимъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки), или же въ случаѣ болѣзненнаго состоянія всего сельскаго хозяйства (такимъ болѣзненнымъ симптомомъ является ростущая спеціализація англійскаго сельскаго хозяйства на скотоводствѣ, хотя интенсивность этой формы хозяйства скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается). Раздѣленіе труда въ этомъ смыслѣ составляетъ не прогрессивное, но регрессивное явленіе въ сельскомъ хозяйствѣ, поскольку оно не основывается на естественныхъ условіяхъ производства, т. е. различіи почвы и климатовъ и всецѣло не оправдывается ими [1]). *Идеалъ* производительности земли въ техническомъ смыслѣ есть производство наибольшаго и наиразнообразнѣйшаго количества питательныхъ веществъ съ одной земельной площади, насколько позволяютъ техническія условія производства; оно же обусловливаетъ наибольшее, при данныхъ условіяхъ, приложеніе къ данной земельной площади труда и капитала [2]).

Когда говорятъ о ростѣ производительности земледѣльческаго труда или земледѣлія, то, несмотря на неточность обычнаго словоупотребленія, всегда разумѣютъ именно ростъ производительности земли, потому что, какъ мы объяснили, о ростѣ производительности человѣческаго труда не можетъ быть и рѣчи. Потому вопросъ, который мы себѣ поставили выше, а именно, чѣмъ вызывается ростъ производительности земледѣльческаго труда, можетъ имѣть только одно значеніе, *каковы* условія, которыя вынуждаютъ, а вмѣстѣ и дѣлаютъ возможнымъ производство съ даннаго участка земли наибольшаго количества продукта.

Количество пищи, которое нужно для даннаго общества, при данномъ уровнѣ пищевыхъ потребностей его членовъ, очевидно, опредѣляется количествомъ ѣдоковъ, или, что тоже, плотностью населенія, считая здѣсь и земледѣльческое и неземледѣль-

---

[1]) Я не могу понять, какимъ образомъ столь компетентный писатель по вопросамъ земледѣлія какъ проф. Бакгаузъ могъ такъ привѣтствовать раздѣленіе труда въ этомъ смыслѣ съ точки зрѣнія технической производительности земледѣлія. Всѣ примѣры его, которые должны подтверждать выгодность раздѣленія труда, относятся именно къ англійскому скотоводству (и въ извѣстномъ смыслѣ составляютъ *Nothbehelf* послѣдняго) или же къ С. Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ.

[2]) При этомъ, конечно, не исключается спеціализація производствъ соотвѣтственно схемѣ Тюнена, въ зависимости отъ близости или дальности рынка; сказанное имѣетъ въ виду общую характеристику земледѣлія.

ческое населеніе. Оба класса населенія не различаются или мало различаются между собою при господствѣ натуральнаго хозяйства, но они начинаютъ различаться все рѣзче и рѣзче съ появленіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ общественнаго раздѣленія труда и товарнаго производства. Извѣстно, что главная масса неземледѣльческаго населенія собирается *въ города*, гдѣ организуется крупная капиталистическая промышленность, а земледѣліе остается спеціальностью *деревни*, которая теперь только, когда появились города, становится деревней въ собственномъ смыслѣ слова. Въ хозяйствѣ съ раздѣленнымъ трудомъ всѣ продукты пріобрѣтаютъ форму товаровъ, въ томъ числѣ и хлѣбъ, поскольку деревня производитъ его не только для себя, но и для города.

Техническіе пріемы земледѣлія въ эпоху натуральнаго хозяйства вырабатывались и держались вѣками, съ довольно незначительными измѣненіями. Увеличенное количество пищи, которое становилось необходимо съ ростомъ населенія, добывалось благодаря увеличивавшемуся количеству труда (и рабочаго скота), безъ значительныхъ измѣненій въ техникѣ производства [1]) (существенную роль при этомъ играли перемѣны въ соціальной организаціи труда: измѣненія формъ личной зависимости крестьянъ отъ господъ).

Натуральное хозяйство отдѣляетъ отъ товарнаго экономическая и соціальная пропасть (прежде всего освобожденіе личности трудящихся). Но перепрыгнемъ чрезъ эту пропасть и остановимся на тѣхъ чертахъ товарнаго хозяйства, которыя интересны для нашей цѣли.

Разъ продукты земледѣлія становятся товарами, они, какъ и всякій товаръ, попадаютъ въ зависимость отъ рынка, причемъ получаетъ совершенно исключительное значеніе *цѣна*. Увеличивающійся спросъ на хлѣбъ побуждаетъ землевладѣльцевъ къ увеличенному его производству, къ затратѣ большаго количества труда и капитала. Увеличающаяся трудность добыванія хлѣба

---

[1]) До сихъ поръ въ литературѣ нѣтъ ничего, что соотвѣтствовало бы научной исторіи земледѣлія: соотвѣтствующіе очерки въ исторіи первобытной культуры и у нѣкоторыхъ историковъ опредѣленныхъ эпохъ совершенно недостаточны, чтобы составить общую картину. Для изученія исторіи промышленности въ настоящее время дѣлается и уже сдѣлано гораздо больше, чѣмъ для исторіи земледѣлія.

и увеличеніе издержекъ производства, которыя должны быть оплачены, не могутъ не выражаться въ томъ, чтобы не возвысить цѣны хлѣба. Въ противоположность всѣмъ другимъ товарамъ, которые пролагаютъ себѣ путь дешевизной и ищутъ создать потребность въ данномъ товарѣ, его удешевляя, увеличенное предложеніе продуктовъ питанія, благодаря закону убывающаго плодородія почвы, можетъ явиться только при агрессивномъ спросѣ, выражающемся въ ростѣ цѣнъ. Медленный, но неуклонный ростъ цѣнъ на хлѣбъ и другіе важнѣйшіе продукты земледѣлія есть поэтому необходимое условіе повышенія производительности земли (а слѣдовательно и ростущаго разнообразія продуктовъ земледѣлія). Очевидно при этомъ, потребность въ продуктахъ земледѣлія опредѣляется не только потребностями рынка, тѣхъ, кто пріобрѣтаетъ ихъ какъ товаръ, но и ростомъ потребителей хлѣба in natura, т. е. самихъ земледѣльцевъ, число которыхъ необходимо должно рости, потому что на производство хлѣба требуется возрастающее количество труда [1]). Сопоставленіе статистическихъ данныхъ относительно средней производительности земледѣлія разныхъ странъ научаетъ, что главныя различія этой производительности не могутъ быть приведены въ связь съ формой хозяйства, равно какъ и естественными богатствами почвъ; но они соотвѣтствуютъ общей плотности населенія данныхъ мѣстъ и, слѣдовательно, размѣрамъ рынка на земледѣльческіе продукты. Вотъ для примѣра нѣсколько цифръ (изъ Agricultural Returns for Great Britain for year 1898. London 1899, стр. 251—3).

Средняя производительность съ акра въ 1897 году въ бушеляхъ была такова (данныя относительно Бельгіи относятся къ 1895, а относительно Италіи, Голландіи и Даніи къ 1896 году).

---

[1]) Ясно изъ предыдущаго, что этой общей тенденціи развитія сельскохозяйственнаго производства противодѣйствуютъ нѣсколько встрѣчныхъ тенденцій. Важнѣйшей изъ нихъ является удешевленіе нѣкоторыхъ элементовъ постояннаго капитала, прогрессъ агрономіи, развитіе меліорацій; но за то повышается цѣнность рабочей силы, съ ростомъ культурныхъ потребностей работника. Сказанное въ текстѣ слѣдуетъ, конечно, понимать какъ самое общее выраженіе хода развитія земледѣлія, противоположнаго въ этомъ смыслѣ развитію обрабатывающей промышленности. Само собою разумѣется, возможны временныя отклоненія отъ этого развитія.—Конечно, категорія цѣнъ берется здѣсь въ самомъ эмпирическомъ рыночномъ смыслѣ; о цѣнахъ и цѣнностяхъ см. въ слѣдующей главѣ.

	Пшеница.	Овесъ.	Ячмень.
Соединенное Королевство. . .	29,07	32,91	38,84
Австралія	7,36	20,94	22,66
Австрія	13,29	16,64	19,74
Венгрія	11,70	16,79	22,43
Бельгія.	28,66	38,29	40,17
Канада.	18,37	25,14	33,42
Данія	41,80	29,66	34,22
Франція	14,70	18,82	22,38
Германія	22,56	24,02	27,70
Голландія	31,79	45,54	46,87
Италія.	12,44	12,81	15,88

(Данныя относительно Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, какъ среднія изъ слишкомъ различныхъ и обширныхъ областей, потому ничего не выражающія, здѣсь не приводимъ).

Наибольшей производительностью отличается Англія (страна капиталистическихъ фермъ), Бельгія (страна по преимуществу крестьянскаго хозяйства), Голландія (мелкихъ арендъ), Данія, затѣмъ идутъ Германія, Франція и т. д. Порядокъ странъ относительно плодородія въ общемъ соотвѣтствуетъ плотности населенія.

Данныя эти, конечно, могутъ служить лишь для иллюстраціи, а не доказательства. Много подтверждающихъ данныхъ мы встрѣтимъ еще въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Производительность земли можетъ повышаться подъ условіемъ увеличенія затраты труда и капитала. Послѣдній затрачивается въ видѣ извѣстныхъ *техническихъ* приспособленій или изобрѣтеній. Откуда же берутся эти послѣднія? Очевидно, само земледѣліе не можетъ создать всѣ ихъ въ послѣдовательномъ процессѣ своего развитія: откуда являются въ дѣвственныхъ преріяхъ земледѣльческія машины, послѣднее слово современной техники, или на европейскихъ поляхъ чилійское гуано или паровой плугъ въ глуши деревни, или химическія удобренія и т. д.? Очевидно, все это можетъ придти только *извнѣ*, явиться подаркомъ чуждыхъ силъ, а не продуктомъ собственной эволюціи техническихъ пріемовъ земледѣлія какъ эволюціонировали одинъ въ другой разные виды сохи или какъ эволюціонировали системы земледѣлія, напр. старое двух—и трехполье въ многопольныя си-

стемы Таэра и т. д. Земледѣлію можетъ принадлежать только то, что является непосредственнымъ развитіемъ его производительныхъ навыковъ или пріемовъ, но не тѣ усовершенствованныя орудія, машины, пріемы удобренія почвы, которые могли явиться только результатомъ объективно-научнаго анализа производительнаго процесса, приложеніемъ данныхъ современной химіи, механики, физики и т. д. Все это могло придти лишь оттуда, гдѣ развивалась эта наука, т. е. отъ обрабатывающей промышленности, изъ городовъ: сельскій хозяинъ беретъ это готовымъ. Ему остается только одно: *платить* за это, но платить онъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, если и ему платятъ, т. е. если хлѣбныя цѣны стоятъ на соотвѣтственной высотѣ, что обусловлено размѣрами рынка на земледѣльческіе продукты. Такимъ образомъ, создавая и увеличивая спросъ на эти послѣдніе, городъ даетъ и возможность удовлетворять этотъ спросъ, научно вырабатывая производительные методы, разъ появляется въ нихъ потребность. Указаннымъ объясняется одна въ высшей степени достопримѣчательная черта развитія земледѣлія. Такъ какъ съ ростомъ производительности земледѣлія все большую роль въ производствѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ начинаютъ играть орудія и матеріалы производства, капиталъ (а мы знаемъ уже, что въ извѣстной мѣрѣ онъ можетъ замѣщать собою и живой трудъ), вещественные же элементы этого капитала изготовляются индустріей, то къ индустріи переходитъ какъ бы часть сельскохозяйственнаго производства; часть труда, который долженъ по общимъ условіямъ затрачиваться на производство хлѣба, затрачивается не въ земледѣліи, а въ промышленности, въ производствѣ сельскохозяйственныхъ машинъ, искусственныхъ удобреній и т. под. Эта часть должна, очевидно, постоянно рости вмѣстѣ съ ростомъ производительности земледѣлія [1]). Какъ мы видѣли, ни одна форма производства не обладаетъ монополіей исключительнаго развитія производительности земли. Если крупное производство и болѣе доступно вліяніямъ науки,

---

[1]) Это обстоятельство, съ одной стороны, уменьшаетъ число лицъ, *непосредственно* занятыхъ въ земледѣліи, а съ другой стороны, оно увеличиваетъ число лицъ, фактически занятыхъ производствомъ пищи, далеко за предѣлы числа лицъ, имъ непосредственно занятыхъ. Объ этомъ слѣдуетъ помнить тѣмъ, кто на основаніи данныхъ статистики дѣлаетъ тѣ или иные выводы относительно движенія земледѣльческаго населенія.

то въ той или иной формѣ они доходятъ и до мелкаго производства, несмотря на всю его косность. Если гора не приходитъ къ Магомету, то Магометъ идетъ къ горѣ,—промышленность въ собственныхъ интересахъ старается распространять машины для мелкаго производства, удобренія; въ этомъ объ руку идетъ съ нею государство и мѣстное самоуправленіе съ школами, выставками, образцовыми фермами.

Многіе думаютъ, что XIX вѣкъ произвелъ революцію въ земледѣліи, необыкновенно развивъ производительность почвы. Мнѣніе это справедливо постольку, поскольку въ немъ констатируется фактъ, что благодаря небывалому росту населенія, созданному развитіемъ промышленности, производительность земли также поднялась до небывалыхъ размѣровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ методахъ сельскаго хозяйства произошли значительныя перемѣны подъ вліяніемъ развитія науки, химіи и технологіи. Однако несмотря на это (очевидно, здѣсь рѣчь можетъ идти только о самомъ общемъ впечатлѣніи, не поддающемся точному доказательству) сельское хозяйство было и остается пасынкомъ XIX вѣка, нелюбимымъ ребенкомъ въ семьѣ. Сравнивая разцвѣтъ земледѣлія съ колоссальнымъ, невѣроятнымъ, головокружительнымъ развитіемъ индустріи, мы должны найти развитіе и сельскохозяйственной техники и — соотвѣтственно — сельскохозяйственной науки [1]) — весьма отсталымъ. И какъ разъ въ ту эпоху, когда XIX вѣкъ осуществилъ наибольшія чудеса въ развитіи промышленности, именно послѣднюю свою четверть, началась эпоха не только застоя, но—во многихъ случаяхъ—и регресса земледѣлія. Развитіе земледѣлія, науки о земледѣліи и въ особенности практическое приложеніе этой науки еще впереди, — въ той туманной дали, которая едва виднѣется съ высоты современной науки, послѣ прекращенія теперешняго аграрнаго кризиса, когда въ исторіи цивилизованнаго человѣчества начнется новая эра.

Но еще больше, можетъ быть, предстоитъ сдѣлать не для пріобрѣтенія, а для распространенія этихъ знаній между непосредственными производителями. Въ этомъ отношеніи самыя передовыя государства оказываются еще отсталыми. Настанетъ пора,

---

[1]) Я не отваживаюсь, конечно, судить о *теоретическомъ* уровнѣ развитія сельскохозяйственныхъ наукъ, но имѣю въ виду лишь возможности ихъ практическаго приложенія.

когда повышеніе производительности земли будетъ необходимо завоевать во что бы то ни стало, всякою цѣной, тогда Магометъ будетъ принужденъ пойти къ горѣ, и распространеніе агрономическихъ знаній въ массѣ населенія станетъ вопросомъ жизни и смерти человѣческихъ обществъ. Но оставимъ область возможнаго и вѣроятнаго и вернемся къ дѣйствительному.

Итакъ, изъ предыдущаго выяснилось, что техническое развитіе земледѣлія не имѣетъ собственной, внутренней логики, на основаніи которой каждый послѣдующій шагъ необходимо опредѣлялся бы предыдущимъ: тамъ, гдѣ сегодня была самая интенсивная система земледѣлія, завтра можетъ появиться самая экстенсивная и наоборотъ, въ зависимости отъ потребностей рынка. (Современная Англія являетъ примѣръ такого регресса сельскаго хозяйства). Здѣсь нѣтъ технической традиціи въ томъ смыслѣ, какъ есть она въ индустріи, гдѣ, очевидно, въ производствѣ, которымъ овладѣла машина, уже немыслимъ возвратъ къ ремесленному инструменту. Земледѣліе не представляетъ той *матеріализаціи* техническаго прогресса, который имѣется въ зданіяхъ, машинахъ, аппаратахъ промышленнаго предпріятія: кромѣ почвенныхъ улучшеній, дренажа и под. весь инвентарь, весь трудъ, всѣ орудія нисколько не связаны съ даннымъ участкомъ земли, и остаются, лишь пока этого требуютъ экономическія условія. Земледѣліе не имѣетъ, такимъ образомъ, собственнаго пути, его путь опредѣляетъ городская промышленность, опредѣляетъ какъ создавая для него науку и основанную на ней технику, такъ и создавая для нея рынокъ.

Слѣдовательно, развитіе земледѣлія является несвободнымъ въ двухъ смыслахъ: съ одной стороны на немъ лежатъ тяжелыя оковы нераціональныхъ законовъ природы, съ другой экономически оно зависитъ отъ индустріи. Конечно, это вліяетъ на особенности его развитія, но не измѣняетъ важнаго и совершенно исключительнаго его значенія въ жизни человѣческихъ обществъ.

Въ настоящемъ параграфѣ намъ пришлось во многихъ мѣстахъ переступить изъ области техническихъ особенностей земледѣлія въ область экономическихъ условій его развитія. Но какъ техническія особенности интересуютъ насъ лишь въ мѣру вліянія своего на экономическое развитіе земледѣлія, а не какъ таковыя, такъ и экономическихъ особенностей мы касались въ этой главѣ

лишь насколько это необходимо для выясненія особенностей земледѣльческой техники. Въ столь своеобразномъ цѣломъ, которое представляетъ собой *соціальный способъ производства*, даже ножомъ аналитическаго анализа трудно вырѣзать одну часть, не прихвативши сосѣдней. Въ слѣдующей главѣ мы займемся спеціальнымъ изученіемъ экономическихъ условій земледѣльческаго производства.

ГЛАВА II.

Экономическія особенности земледѣлія. (Цѣна хлѣба, поземельная рента, цѣна земли).

1) Англійская рента.

Явленіе поземельной ренты, а также и установленіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты до сихъ поръ изучалось только для англійскихъ условій сельскохозяйственнаго производства, которыя предполагаютъ раздѣльное существованіе крупнаго землевладѣльца (лэндлорда) капиталиста-фермера и класса наемныхъ рабочихъ. Такое трехчленное дѣленіе сельскохозяйственнаго продукта имѣетъ мѣсто только въ Англіи и почти не встрѣчается въ другихъ странахъ. Англія въ этомъ отношеніи не только не составляетъ типа развитія сельскаго хозяйства [1]), но скорѣе исключеніе; мѣстныя особенности англійскаго земледѣлія должны составить поэтому для теоретика предметъ изученія лишь наряду съ мѣстными особенностями другихъ странъ. Всѣ эти особенности образуютъ нѣсколько типовъ, которые мы и изучимъ отдѣльно. Слѣдуя традиціи, начнемъ съ англійскаго типа, какъ наиболѣе изученнаго въ литературѣ. Но предварительно для насъ является неизбѣжнымъ хотя небольшой экскурсъ въ область теоріи политической экономіи.

Политическая экономія изучаетъ общественныя отношенія людей, возникающія между ними въ ихъ общественномъ трудѣ, совмѣстномъ производствѣ благъ. Признакъ этотъ является рѣшаю-

---

[1]) Марксъ считалъ Англію „классической страной капиталистическаго способа производства въ земледѣліи“. (... in England, dem klassischen Land der kapitalistischen Produktionsweise in der Agrikultur). См. Das Kapital, III², 216.

щимъ для предмета политической экономіи, выражаясь языкомъ Канта, онъ конституируетъ экономическое явленіе. Тотъ особенный способъ, которымъ экономическая наука координируетъ наши представленія объ извѣстныхъ сторонахъ дѣятельности и жизни людей, сводится къ тому, что эти послѣднія разсматриваются со стороны выражающихся въ нихъ общественныхъ отношеній людей, въ нихъ видятся только эти отношенія. Это сознательная односторонность, сознательное упрощеніе сложной дѣйствительности, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое упрощеніе есть единственный способъ установить объединяющую координацію представленій, достигнуть научнаго познанія дѣйствительности, составляетъ требованіе научнаго метода.

Очевидно, всѣ основныя понятія или категоріи политической экономіи должны включать въ себя этотъ основный признакъ,— отношеній труда въ процессѣ производства; то, что̀ чуждо этого признака, стоитъ за порогомъ политической экономіи [1]).

Другимъ требованіемъ какъ отъ всякой научной теоріи вообще такъ и отъ политической экономіи въ частности является не только вѣрность извѣстнымъ познавательнымъ цѣлямъ и опредѣ-

---

[1]) Сказанное есть главная причина, почему я отношусь вполнѣ отрицательно къ построеніямъ такъ называемой австрійской школы. Вопросъ не въ томъ, какая теорія лучше или какая хуже, какая вѣрнѣе и какая ошибочнѣе,—въ извѣстномъ смыслѣ и трудовая теорія и австрійская могутъ быть одинаково вѣрны; еще менѣе въ томъ, какая изъ этихъ теорій болѣе обосновываетъ извѣстныя этическія требованія,—это обоснованіе можетъ быть одинаково связано съ тою и другой теоріей и одинаково не нуждается въ нихъ обоихъ, — этическія требованія идутъ не изъ ума, а изъ совѣсти, они и не нуждаются и не допускаютъ теоретическаго обоснованія. Нѣтъ, дѣло идетъ о томъ, которая изъ этихъ теорій можетъ быть *экономической* теоріей, удовлетворяетъ условіямъ и можетъ наилучше быть употреблена въ цѣляхъ экономическаго познанія. Рѣшающей инстанціей является такимъ образомъ теорія познанія, и, по рѣшенію этой инстанціи, трудовая теорія цѣнности является въ моихъ глазахъ единственно возможнымъ и совершенно необходимымъ средствомъ экономическаго познанія, и теорія предѣльной полезности, съ этой точки зрѣнія, есть рѣшительный шагъ назадъ въ теоріи политической экономіи.—Кратко намѣченныя въ текстѣ положенія подробно развиты авторомъ въ статьяхъ „О нѣкоторыхъ основныхъ понятіяхъ политической экономіи“ („Научное обозрѣніе“, февраль, октябрь, ноябрь 1898 года). Здѣсь я не имѣю возможности подробно излагать затронутые тамъ вопросы и принужденъ ограничиться лишь этой ссылкой.

ляемымъ ими условіямъ познанія, но то, что въ обыденной рѣчи не вполнѣ удачно называютъ соотвѣтствіемъ теоріи дѣйствительности. Очевидно, это соотвѣтствіе не можетъ быть поставлено идеаломъ для научной теоріи: теорія въ извѣстномъ смыслѣ противоположна дѣйствительности, т. е. конкретности, представляя собой дѣйствительность супранатуральную, логическую; соотвѣтствіе это можетъ быть правильно понимаемо лишь въ томъ смыслѣ, что научная теорія должна своимъ инструментомъ,—научными понятіями, охватить возможно больше сторонъ дѣйствительности и дать имъ такимъ образомъ объединяющее выраженіе, закономѣрное истолкованіе. Лишь такова можетъ быть задача научной теоріи, насколько она опредѣляется самой природой научнаго познанія. Тѣмъ самымъ опредѣляются отрицательныя условія, которымъ должна удовлетворять научная теорія: ея понятія и комбинаціи этихъ понятій—гипотезы и теоріи, не должны противорѣчить непосредственнымъ даннымъ внѣшняго опыта (это значило бы не упрощать дѣйствительность въ цѣляхъ ея пониманія, а просто таки ее игнорировать), вмѣстѣ съ тѣмъ они не должны страдать внутреннимъ противорѣчіемъ, вскрываемымъ логикой.

Таковы, значитъ, субъективныя и объективныя условія экономическаго познанія. Очевидно, и явленія обмѣна, жизни рынка, которыя сейчасъ насъ спеціально интересуютъ, изучаются политической экономіей подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія. Очевидно, и понятіе „цѣнности“ въ смыслѣ экономическомъ есть прежде всего общественное отношеніе труда, насколько оно выражается въ мѣновыхъ пропорціяхъ. Отношеніе это есть товарное раздѣленіе труда. Не буду тратить словъ на выясненіе этого понятія, извѣстнаго изъ элементарной политической экономіи. Отмѣчу здѣсь только то, что равенство различныхъ видовъ труда, затрачиваемыхъ на удовлетвореніе различныхъ общественныхъ потребностей, образуетъ основное условіе опредѣленія мѣновыхъ пропорцій количествомъ труда, затраченнаго на производство товара; этому равенству противорѣчитъ все, что препятствуетъ свободному распредѣленію труда на различныя отрасли производства, и содѣйствуетъ то, что эту свободу усиливаетъ. Каждая общественная потребность требуетъ опредѣленнаго количества труда для своего удовлетворенія, и если дѣйствительное количество труда не соотвѣтствуетъ этой потребности, выше или ниже ея, то и общественная квалификація этого труда измѣняется: онъ становится

то выше, то ниже общественно необходимаго. Итакъ, *свобода движенія труда изъ одной отрасли производства въ другую есть условіе трудовой цѣнности.*

Знакомые съ теоріей капитала Маркса (основные принципы которой, хотя иногда и съ своей интерпретаціей, раздѣляетъ авторъ) знаютъ, какъ на основѣ трудовой теоріи цѣнности великимъ экономистомъ развито было ученіе о капиталѣ или о производствѣ прибавочной цѣнности. Общественная природа капитала сводится къ усвоенію прибавочной цѣнности, которая является результатомъ господства трудовой цѣнности. Извѣстно далѣе, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ оба эти общественныя отношенія оказываются противорѣчащими; стремленіе капиталовъ равныхъ размѣровъ къ полученію равнаго количества прибавочной цѣнности или прибыли несовмѣстно съ господствомъ трудовой цѣнности въ мѣновыхъ отношеніяхъ. Это столкновеніе разрѣшается компромиссомъ въ результатѣ котораго мѣновой масштабъ отклоняется извѣстнымъ образомъ отъ трудовой цѣнности и опредѣляется такъ называемыми *цѣнами производства,* согласно теоріи, развитой Марксомъ въ III томѣ *Капитала* [1]).

Для некритическаго пониманія трудовой теоріи цѣнности, которое не задается вопросомъ, что имѣетъ въ виду констатировать экономическая теорія и на что она вообще способна, въ этомъ „ограниченіи“ трудовой теоріи цѣнности видится ея банкротство и противорѣчіе дѣйствительности. Совершенно того же калибра и тѣ защитники трудовой теоріи цѣнности, которые пытаются спасти ея догму путемъ интерпретацій или ея отдѣльныхъ положеній или дѣйствительности, болѣе или менѣе ловкихъ логическихъ фокусовъ. Обоимъ видамъ догматизма противоположно пониманіе цѣнности какъ общественнаго отношенія, а теоріи цѣнности какъ одной изъ формъ научнаго упрощенія дѣйствительности, проистекающаго изъ самой природы науки; очевидно, это упрощеніе оказывается слишкомъ просто, а теорія недостаточна, (а не навѣрна), какъ только мы ближе подходимъ къ дѣйствительности и тѣмъ ее усложняемъ, или же какъ только привле-

[1]) Повторяю, что здѣсь я не имѣю ни охоты, ни возможности воспроизводить подлинное ученіе Маркса и давать къ нему необходимые комментаріи. Интересующихся отсылаемъ къ цитированнымъ статьямъ въ *Научномъ Обозрѣніи*, здѣсь же я касаюсь этого лишь постольку, поскольку это безусловно необходимо для теоріи ренты.

каемъ къ разсмотрѣнію новую сторону дѣйствительности, которую оставляли до сихъ поръ намѣренно или не намѣренно въ сторонѣ. Трудовая теорія цѣнности не можетъ быть поколеблена въ качествѣ познавательнаго средства, а вмѣстѣ и выраженія извѣстной стороны дѣйствительности никакими „ограниченіями“. Эти „ограниченія“, которыя правильнѣй называть усложненіями, оставляютъ нетронутой дѣйствительную логическую сферу ея господства, и это ясно для всякаго, кто задумается надъ вопросомъ, что вообще можетъ дать и что, слѣдовательно, можно требовать отъ научной теоріи.

Основныя черты капиталистическаго производства, предоставленнаго свободной конкуренціи, исчерпываются двумя основными отношеніями: цѣнностью и слѣдующей изъ нея прибавочной цѣнностью съ одной стороны, и конкурренціей капиталовъ между собою съ другой. Въ результатѣ этихъ отношеній масштабомъ обмѣновъ является *цѣна производства* (Productionspreis), а цѣна капиталистически производимаго продукта опредѣляется издержками производства плюсъ средняя норма прибыли, которая опредѣляется уже отношеніемъ производимаго количества прибавочной цѣнности ко всему общественному капиталу.

Но отношеніями свободной конкурренціи не исчерпываются всѣ хотя бы основныя черты капиталистической дѣйствительности, а потому теорія цѣнности и капитала недостаточна для научнаго выраженія всей этой дѣйствительности. Она должна потерпѣть новое „ограниченіе“, какъ говорятъ догматики, она должна быть восполнена или усложнена новыми точками зрѣнія, благодаря привлеченію къ разсмотрѣнію новыхъ сторонъ дѣйствительности, скажемъ мы. Такими новыми сторонами являются отношенія *монополіи*, въ большей или меньшей степени отрицающія систему свободной конкурренціи, при предположеніи которой выведены всѣ теоремы ученія о цѣнности и капиталѣ. Эти отношенія могутъ имѣть различные источники происхожденія, быть естественными или искусственными, а также играть разную роль, имѣть разную важность въ производствѣ. Важнѣйшая форма монополіи, которая привлекала къ себѣ вниманіе экономистовъ съ самаго зарожденія политической экономіи, есть монополія земельной собственности, естественныхъ факторовъ производства.

Не говоря о томъ, что роль и значеніе этой монополіи различны въ разныхъ организаціяхъ народнаго хозяйства: въ

натуральномъ хозяйствѣ она иная нежели въ мѣновомъ, въ хозяйствѣ, основанномъ на свободномъ трудѣ, иная, чѣмъ въ крѣпостническомъ хозяйствѣ,—не говоря о такихъ крупныхъ различіяхъ, даже въ предѣлахъ одной и той же народнохозяйственной эпохи роль эта можетъ весьма различествовать, въ зависимости отъ формы монополіи. Потому она можетъ вносить осложненія разныхъ видовъ въ капиталистическое хозяйство, т. е. хозяйство, гдѣ преобладающей по своему значенію, а отчасти и распространенности формой обрабатывающей промышленности, торговли и транспорта является крупно-капиталистическое предпріятіе.

Такимъ образомъ, теорія цѣнности и капитала должна быть восполнена теоріей ренты, и, такъ какъ насъ занимаютъ здѣсь спеціально англійскія условія, теоріей англійской ренты.

Исходнымъ пунктомъ изслѣдованія мы должны взять цѣну хлѣба (считая его представителемъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ вообще). Въ опредѣленіи цѣны этого хлѣба отражаются какъ вліяніе конкурренціи капиталовъ, въ которой господствуетъ законъ цѣнности и уравненія прибыли, такъ и монопольный характеръ земельной собственности, изъемлющій одинъ изъ факторовъ производства изъ свободнаго обращенія,—поэтому цѣна хлѣба опредѣлится подъ вліяніемъ равнодѣйствующей этихъ двухъ причинъ. Какъ же фактически она опредѣляется? Господствующее ученіе принимаетъ, что цѣна (и не только цѣна, но и цѣнность) хлѣба опредѣляется издержками его производства при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, разъ все это количество хлѣба нужно для того, чтобы удовлетворить существующій спросъ на него. Подъ издержками производства разумѣется затрата капитала, которая должна быть, само собою разумѣется, оплачена средней нормой прибыли. Условіями, въ неравной степени благопріятствующими земледѣлію, являются, во-первыхъ, различное плодородіе почвъ, во-вторыхъ, различное разстояніе земельныхъ участковъ отъ рынка или мѣста потребленія земледѣльческихъ продуктовъ, и, въ-третьихъ, различная производительность послѣдовательныхъ затратъ капитала на одномъ и томъ же участкѣ земли. Условія эти могутъ, конечно, вступать въ различное соотношеніе между собою, другъ друга взаимно парализовать и противорѣчить или же усиливать вліяніе другъ друга, но во всякомъ случаѣ они дѣлаютъ неравными условія производства хлѣба на разныхъ земельныхъ участкахъ. Извѣстно, что эти различія образуютъ

базисъ поземельной ренты у Рикардо и дифференціальной ренты у Маркса. Оставляя пока въ сторонѣ теорію ренты, зададимся вопросомъ, насколько ясно приведенное опредѣленіе цѣны земледѣльческихъ продуктовъ.

Необходимо принять во вниманіе слѣдующую, въ высшей степени замѣчательную особенность указанныхъ различій въ условіяхъ производства земледѣльческихъ продуктовъ: всѣ эти различія противорѣчивы и могутъ взаимно уничтожать другъ друга,—разстояніе, какъ это указывалъ уже Родбертусъ, можетъ парализоваться плодородіемъ, различное же плодородіе можетъ выравниваться болѣе усиленнымъ производствомъ на участкахъ большаго плодородія. Какимъ образомъ сравнительнымъ плодородіемъ компенсируется различное разстояніе, понятно; не такъ понятно, какъ различное плодородіе можетъ компенсироваться различною затратой капитала. Пояснимъ это гипотетическимъ примѣромъ. Пусть для даннаго общества требуется 10 *n* четвериковъ хлѣба. Эти 10 *n* оно можетъ произвести, привлекая къ воздѣлыванію участки различнаго плодородія или же дѣлая рядъ послѣдовательныхъ затратъ на нѣсколькихъ участкахъ. Если бы всѣ эти участки принадлежали одному предпринимателю, который не долженъ былъ бы платить никакой ренты и не имѣлъ бы возможности повышать цѣну хлѣба выше издержекъ производства (тоже самое имѣло бы мѣсто и въ томъ случаѣ, еслибы земля не составляла частной собственности и была бы доступна для свободной конкурренціи капиталистовъ), такой предприниматель распредѣлилъ бы количество затраты капитала на разныхъ участкахъ такимъ образомъ, чтобы въ среднемъ каждая доля капитала на каждомъ участкѣ отличалась бы равной производительностью. На самый плодородный участокъ онъ затратилъ бы наибольшее количество капитала: первыя доли его были бы весьма продуктивны, затѣмъ имѣли бы непрерывно убывающую продуктивность, въ концѣ концовъ *въ среднемъ* каждая доля капитала дала бы *n* четвериковъ хлѣба. На менѣе плодородный участокъ онъ затратилъ бы меньшее количество капитала чѣмъ на предыдущій, съ такимъ разсчетомъ, чтобы и здѣсь каждая доля капитала дала бы ему тоже самое *n*; и такимъ образомъ были бы произведены всѣ *10 n*, требующіеся для даннаго общества [1]). Точно также могло бы пара-

[1]) Возможность такого случая могла бы быть оспариваема лишь тогда, еслибы былъ доказанъ законъ ограниченнаго плодородія почвы Паттена

лизовать другъ друга дѣйствіе разстоянія и различнаго плодородія или же производительности почвы. Въ послѣднемъ счетѣ, при всемъ различіи естественныхъ условій производства, хлѣбъ былъ бы произведенъ *при абсолютно равныхъ условіяхъ*.

Это соображеніе имѣетъ рѣшающее значеніе для выясненія природы поземельной ренты. Оно показываетъ, что различіе условій производства, съ которымъ связываютъ обыкновенно происхожденіе поземельной ренты, вовсе не неустранимо и при условіи свободной конкурренціи капиталовъ могло бы быть вполнѣ устранено. Различія въ условіяхъ производства встрѣчаются и въ разныхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности, хотя они, конечно, не могутъ здѣсь повести къ образованію постоянной ренты. Ренту создаютъ не естественныя условія земледѣльческаго производства, а монопольный характеръ земельной собственности.

Возвратимся къ нашему вопросу объ опредѣленіи цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Понятіе „наименѣе благопріятныхъ условій производства“, въ составъ котораго входятъ взаимно противорѣчащіе и взаимно другъ друга парализующіе элементы, въ высшей степени неясно и произвольно. Его произвольность станетъ болѣе ясна, если мы обратимъ вниманіе еще на одинъ элементъ этого опредѣленія цѣны хлѣба, это именно понятіе „послѣдней, наименѣе производительной затраты труда и капитала“. Это понятіе одинаково безъ критики употребляется и Рикардо и Марксомъ. Не трудно видѣть, какой элементъ произвола вносится этимъ понятіемъ: пусть на землю затрачиваются $10\,a$ капитала, причемъ каждое послѣдующее a отличается убывающей производительностью; общій продуктъ почвы будетъ A. Очевидно, средняя производительность каждаго a будетъ равна $\frac{A}{10}$ и, если весь капиталъ разсматривать какъ одно цѣлое, то цѣна будетъ опредѣляться именно этой средней его производительностью. Но такимъ же образомъ послѣдней затратой капитала можетъ быть принято и $9\,a$, и $8\,a$, и $4\,a$, и $2\,a$, и одно послѣднее a, и любая его доля; мы имѣемъ здѣсь неопредѣленное число возможностей. Очевидно, поэтому, что сказать „послѣдняя затрата капитала“ значитъ ничего не сказать; это опредѣленіе сводится къ какой-то ариѳметической игрѣ или къ математической задачѣ

(см. пред. главу). Но и этотъ законъ устранялъ бы сказанныя соображенія только для отдѣльныхъ случаевъ.

на теорію сочетаній. Количество возможныхъ цѣнъ, по смыслу такого опредѣленія, практически безгранично, и подобное опредѣленіе совершенно безсодержательно [1]).

Очевидно, нужно отказаться здѣсь отъ того опредѣленія, которое отправляется отъ условій производства, и обратиться къ явленіямъ рынка, гдѣ господствуетъ — horribile dictu — законъ спроса и предложенія.

Законъ спроса и предложенія имѣетъ странную судьбу въ политической экономіи: архимедовъ рычагъ политической экономіи, названной Марксомъ вульгарной и надолго имъ скомпрометтированной (и въ общемъ, я думаю, совершенно основательно) въ экономической наукѣ, онъ появился на горизонтѣ политической экономіи теперь, чтобы послужить такимъ же рычагомъ въ рукахъ австрійской школы. Публицистическая окраска теорій австрійской школы, направленныхъ противъ трудовой теоріи цѣнности и связанной съ нею теоріи капитала („Ausbeutungstheorie“), которыя понимались при этомъ въ моралистическомъ значеніи и съ которыми связывались критика существующаго строя и обоснованіе соціалистическихъ тенденцій, вызвала предвзято-недружелюбное и недовѣрчивое отношеніе не только къ теоріямъ австрійской школы, но и къ теоретическому выясненію значенія закона спроса и предложенія вообще [2]). Самъ Марксъ считалъ изученіе этого закона стоящимъ *внѣ* своей задачи, онъ не обращался къ нему даже тамъ, гдѣ это было бы необходимо. Нужно возстановить дѣйствительное логическое значеніе закона спроса и предложенія; при объясненіи основныхъ отношеній производства ему принадлежитъ, конечно, ограниченная роль, но совершенно опредѣленная: значеніе его выступаетъ тамъ, гдѣ дѣйствіе этого закона, обнаруживающее *неравновѣсіе* спроса и предложенія, не

[1]) Пусть не говорятъ, что эта цѣнность практически представляетъ вполнѣ опредѣленную величину: здѣсь теоретическая, а не практическая проблема, она поставлена и должна быть выяснена экономической теоріей, и ссылка на практику, въ которой всѣ кошки сѣры, здѣсь не помогаетъ.

[2]) Я считаю огромную и тонкую умственную работу, которую затратила австрійская школа для выясненія того, что́ можно назвать психологіей спроса и предложенія, въ значительной мѣрѣ напрасной и для политической экономіи безрезультатной. Это умственныя кружева, въ которыхъ тонкость работы не соотвѣтствуетъ ея полезности, или, по выраженію старика Канта, „die hohen Thürme der Spekulation, worüber viel Wind ist“.

можетъ быть парализовано уравновѣшиваніемъ, гдѣ слѣдовательно нѣтъ свободной конкурренціи, а имѣетъ мѣсто естественная или искусственная монополія. Таковъ именно разсматриваемый случай земельной ренты и цѣны хлѣба, и здѣсь именно законъ спроса и предложенія долженъ придти на помощь, когда измѣняетъ теорія, ограничивающаяся анализомъ чисто производственныхъ отношеній.

Цѣна хлѣба опредѣляется, очевидно, maximum'омъ того, что можно взять при извѣстныхъ условіяхъ спроса и предложенія. Рѣшающимъ является здѣсь установившійся ранѣе уровень цѣнъ и то послѣднее по времени измѣненіе, которое происходитъ въ условіяхъ спроса или предложенія хлѣба или ихъ обоихъ вмѣстѣ. Пусть n четвериковъ производились съ участка A съ издержками a, и новые n четвериковъ могутъ быть произведены на этомъ же участкѣ съ затратой $3\,a$; тогда производство каждыхъ n четвериковъ стоило бы въ среднемъ $2\,a$ (плюсъ соотвѣтствующая прибыль). Но, конечно, цѣна хлѣба установится не на этомъ уровнѣ, а будетъ равна $3\,a$, и за эту цѣну будутъ продаваться, конечно, и первые n. Возможно, впрочемъ, что вторые n четвериковъ будутъ произведены на новомъ участкѣ, хотя и менѣе плодородномъ нежели первый, но при помощи первоначальной затраты капитала, съ издержками производства, скажемъ, $2^1/_2\,a$; тогда за эту же цѣну будетъ продаваться и n четвериковъ, производимыхъ и на первомъ участкѣ, хотя на одномъ этомъ участкѣ весь хлѣбъ, требующійся для общества, могъ бы быть произведенъ съ меньшими издержками чѣмъ на двухъ участкахъ. Цѣна хлѣба измѣнялась бы такимъ же образомъ, еслибы совсѣмъ не было различій въ естественномъ плодородіи или разстояніи земельныхъ участковъ, но оставалось бы на лицо основное условіе—монопольный характеръ главнаго фактора производства — земли. Представимъ себѣ, что мы имѣемъ страну въ формѣ круга, подѣленную радіусами на совершенно равные секторы. Пусть эти секторы будутъ представлять собою участки совершенно равнаго плодородія; если предположить единственный рынокъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ центрѣ круга, всѣ они будутъ равно удалены отъ этого рынка. Такимъ образомъ, вліяніе естественныхъ различій устранено; и тѣмъ не менѣе по прежнему, цѣну хлѣба будетъ опредѣлять самая послѣдняя затрата капитала на землю, и въ зависимости отъ того,

что будетъ считаться послѣдней затратой, мыслимо нѣсколько различныхъ уровней цѣнъ при одной и той же производительности почвы. Мы имѣемъ здѣсь, такимъ образомъ, полный произволъ въ опредѣленіи цѣнъ, въ результатѣ котораго цѣна и опредѣляется издержками производства самой послѣдней доли земледѣльческаго продукта.

Можно указать объективные предѣлы, между которыми движутся цѣны: снизу этотъ уровень опредѣляется издержками производства, т. е. затратой капитала, который, какъ гражданинъ свободной конкурренціи, будетъ затрачиваться лишь тамъ, гдѣ онъ будетъ оплачиваться нормальной прибылью, а сверху границей является лишь возможность конкурренціи болѣе дешеваго хлѣба. Отсюда общее правило: чѣмъ больше хлѣба требуется и чѣмъ больше его производится, тѣмъ выше цѣна хлѣба (насколько она диктуется условіями даннаго замкнутаго рынка).

Въ процессѣ образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты рѣшающей, очевидно, является, возможность удерживать цѣны на разъ достигнутомъ уровнѣ, завѣдомо несоотвѣтствующемъ общественнымъ условіямъ производства хлѣба; этимъ же обусловлено и то обстоятельство, что всякое увеличеніе потребности въ хлѣбѣ, вызывающее большее напряженіе производительной энергіи, выражается въ общемъ повышеніи цѣны всего хлѣба, совершенно несоотвѣтствующемъ происшедшему измѣненію въ условіяхъ его производства. Есть какая-то посторонняя сила, которая наклоняетъ чашку вѣсовъ постоянно въ сторону превышенія спроса надъ предложеніемъ, которая имѣетъ возможность диктовать рынку свои условія, вмѣшиваясь въ свободную игру спроса и предложенія и дѣлая ее несвободной. Сила эта заключается въ монополіи земельной собственности, благодаря которой всякая прибавка въ цѣнѣ отбирается и крѣпко удерживается, и тѣмъ самымъ цѣны поддерживаются на такомъ произвольномъ уровнѣ, что ихъ можетъ понизить только сила внѣшней конкурренціи; при данныхъ же условіяхъ производства цѣны эти могутъ двигаться только въ одну сторону, — *вверхъ*; и каждое повышеніе цѣны тотчасъ же отбирается и утилизируется, создавая новую отправную точку для повышенія цѣнъ. Сильная и жадная рука лэндлорда, земельнаго собственника, высовывается изъ-за кулисъ рынка и производственнаго процесса и превращаетъ всякое под-

нятіе цѣны въ свою ренту. Что же такое эта рента и чѣмъ она опредѣляется?

Различаются въ экономической литературѣ рента дифференціальная и рента абсолютная: первая возникаетъ благодаря естественнымъ различіямъ въ условіяхъ производства и соотвѣтствуетъ *разницѣ* между условіями болѣе благопріятными и менѣе благопріятными; рента абсолютная принадлежитъ землѣ какъ таковой, а не вызывается какими-либо спеціальными преимуществами даннаго земельнаго участка.

Основнымъ теоретикомъ дифференціальной ренты является Рикардо, вмѣстѣ со всѣми своими предшественниками въ теоріи ренты—Андерсономъ, Вэстомъ, Мальтусомъ [1]). По теоріи Рикардо, источникомъ земельной ренты является различіе въ плодородіи, разстояніи и послѣдовательной производительности затратъ капитала. Но мы показали уже, что этихъ условій самихъ по себѣ недостаточно для того, чтобы вызвать существованіе земельной ренты; существующія различія могутъ быть совершенно выравнены ихъ соотвѣтственной комбинаціей. Съ другой стороны, мы показали, что въ опредѣленіи цѣны хлѣба у Рикардо допущена коренная неясность, имѣющая роковое значеніе для всей теоріи. Мы должны поэтому совсѣмъ оставить различіе естественныхъ условій производства, какъ причину возникновенія ренты, потому что здѣсь, очевидно, дѣло не въ этихъ различіяхъ; ими можетъ быть объяснена *разница* рентъ, но не самая рента, какъ

---

[1]) Андерсонъ первый формулировалъ условія происхожденія дифференціальной ренты, хотя, естественно, эта формулировка и не стоитъ у него въ связи съ общей теоріей распредѣленія и производства: сельскій хозяинъ рѣшительно перевѣшиваетъ въ Андерсонѣ экономиста. Одиноко стоитъ теорія ренты и у Вэста, несвязанная съ общимъ экономическимъ міровоззрѣніемъ. У Мальтуса, котораго Лезеръ считаетъ истиннымъ создателемъ теоріи ренты (см. *Em. Leser.* Untersuchungen zur Geschichte der Nationalökonomie. II. R. Malthus als Entdecker der modernen Grundrententheorie Jena, 1881), и у Рикардо теорія ренты носитъ печать ихъ общихъ экономическихъ воззрѣній, хотя едвали можно сказать, что она строго согласована съ ними. О воззрѣніяхъ Рикардо смотри ниже. Въ новѣйшее время теорія Рикардо подверглась критикѣ въ книгѣ *Duke of Argyll* The unseen foundations of society. The examination of the fallacies and failures of economic science due to neglected elements. London 1893. Нападки на доктрину Рикардо, сдѣланныя въ этой книгѣ, отражалъ проф. Маршаллъ въ статьѣ „On rent“ въ Economic Journal 1893 и въ Principles of economics.

это справедливо было уже указано Родбертусомъ. Что касается Маркса, то въ III томѣ *Капитала*—въ томъ видѣ, какъ мы сейчасъ его имѣемъ,—онъ не прибавляетъ ничего, заслуживающаго вниманія, къ теоріи дифференціальной ренты Рикардо. Многочисленныя таблицы, въ чрезмѣрномъ изобиліи пестрящія страницы III тома *Капитала*, носятъ характеръ иллюстрацій извѣстныхъ уже положеній и являются скорѣе результатомъ чрезмѣрнаго иногда пристрастія Маркса къ облаченію своихъ (нерѣдко очень простыхъ) мыслей въ сложную математическую одежду. Но всѣ слабыя стороны и неясности теоріи Рикардо остаются здѣсь не только не устраненными и не разъясненными, но даже и не отмѣченными. Вообще самъ Марксъ, по свидѣтельству Энгельса, считалъ ученіе о рентѣ требующимъ капитальной переработки; кромѣ того, въ теперешнемъ видѣ она представляетъ лишь самый первоначальный набросокъ, далеко незаконченный.

Что касается абсолютной ренты, то у Маркса подъ этимъ именемъ понимается тотъ случай, когда при переходѣ, къ новому и при томъ самому неплодородному участку, который не можетъ платить дифференціальной ренты, потому что хлѣбъ на немъ производится при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, владѣлецъ земли тѣмъ не менѣе требуетъ ренты; тогда цѣна хлѣба поднимается настолько, чтобы оплатить нѣкоторую ренту и владѣльцу этой земли. Нетрудно видѣть, что это лишь особый случай дифференціальной ренты: границей повышенія цѣны на хлѣбъ является тотъ уровень, при которомъ возможно уже производство хлѣба на старомъ участкѣ путемъ приложенія новыхъ, менѣе производительныхъ затратъ капитала. Поэтому поднятіе цѣны на хлѣбъ очень ограниченно и едва-ли можетъ быть разсматриваемо какъ самостоятельная форма ренты. Во всякомъ случаѣ и здѣсь мы не находимъ отвѣта на наши затрудненія. Абсолютная рента у Родбертуса имѣетъ особое значеніе въ связи съ его теоріей распредѣленія, ее мы разберемъ ниже.

Намъ придется для опредѣленія ренты обратиться къ тому опредѣленію цѣны на хлѣбъ, которое мы только что дали. Могучимъ факторомъ образованія цѣнъ, какъ мы видѣли тамъ, оказывается частная собственность на землю: это она держитъ цѣны на максимальномъ уровнѣ и при малѣйшемъ повышеніи спроса поднимаетъ ихъ еще выше, не допуская конкурренціи капиталовъ и установленія цѣнъ, соотвѣтствующихъ среднимъ издержкамъ

производства. Только угрожающая или дѣйствительная конкурренція можетъ побудить уменьшить цѣну. Было бы безполезной попыткой установить извѣстный порядокъ и послѣдовательность въ занятіи различныхъ земельныхъ участковъ или количествѣ затратъ капитала на данномъ участкѣ или ихъ разстояній. Это вполнѣ случайно и зависитъ отъ тысячи возможныхъ комбинацій. Такъ или иначе, но опредѣленная потребность даннаго момента удовлетворяется производствомъ на опредѣленной земельной площади, гдѣ прилагается извѣстная затрата капитала. При данной цѣнѣ хлѣба и при данныхъ издержкахъ производства мы имѣемъ какъ общую производительность (въ деньгахъ) даннаго участка, такъ и общую сумму издержекъ. Эти издержки представляются въ видѣ извѣстнаго количества капитала, плюсъ обычная въ странѣ прибыль на него, ради которой капиталъ и былъ затраченъ фермеромъ. Разница между общей цѣной хлѣба и издержками и составляетъ, очевидно, земельную ренту. Поэтому для *формальнаго* опредѣленія ренты достаточно того опредѣленія, которое даетъ *Мальтусъ*: „земельную ренту (the rent of land) можно опредѣлить какъ ту часть цѣнности всего продукта, которая остается земельному собственнику послѣ уплаты всѣхъ издержекъ на обработку почвы, какого бы рода онѣ ни были, включая прибыль съ затраченнаго капитала, опредѣляемую согласно обычной и средней нормѣ прибыли сельскохозяйственнаго капитала данной эпохи“ [1]).

Очевидно, при данныхъ издержкахъ производства хлѣба, рента и, соотвѣтственно, цѣна на хлѣбъ можетъ быть выше или ниже, это зависитъ отъ общаго хода развитія земледѣлія и спроса на земледѣльческіе продукты и, въ частности, отъ того, что̀ явилось послѣдней затратой, опредѣляющей цѣну хлѣба, и какъ много удалось поэтому взять землевладѣльцамъ въ видѣ земельной ренты.

Мы приходимъ къ выводу, который кореннымъ образомъ

---

[1]) *R. Malthus.* Principles of political economy. 2-nd ed. London 1836, стр. 136. Таково же въ общемъ опредѣленіе Тюнена, открывшаго теорію ренты Рикардо совершенно самостоятельно (см. Isolierter Staat, стр. 14). Вполнѣ неудачно и по справедливости признается самою слабою частію теоріи Рикардо его опредѣленіе ренты, какъ платы за „первоначальныя и неистощимыя“ силы почвы, агрономически спорное и напоминающее физіократическіе предразсудки.

противорѣчитъ мнѣнію Рикардо, сдѣлавшемуся общепринятымъ въ политической экономіи: „хлѣбъ становится дороже не вслѣдствіе того, что платится рента; напротивъ, рента платится вслѣдствіе того, что хлѣбъ дорожаетъ“ [1]). Мы должны, наоборотъ, выставить положеніе, что рента удорожаетъ хлѣбъ, сравнительно съ средними условіями его производства; чѣмъ выше рента, чѣмъ болѣе цѣна хлѣба поднимается надъ уровнемъ, диктуемымъ этими послѣдними, чѣмъ ниже, тѣмъ болѣе она къ нему приближается.

Рикардо аргументируетъ въ пользу своего положенія слѣдующимъ образомъ: „еслибы высокая цѣна хлѣба была результатомъ, а не причиною ренты, на цѣну оказывалъ бы соотвѣтственное вліяніе высокій или низкій уровень ренты, и рента была бы составной частью цѣны. Но цѣну хлѣба регулируетъ тотъ хлѣбъ, который производится наибольшимъ количествомъ труда, и рента никоимъ образомъ (not in the least degree) не можетъ входить и не входитъ составной частью въ цѣну хлѣба“ [2]). Какъ разъ то, въ чемъ видитъ Рикардо доказательство своего положенія, въ нашихъ глазахъ является подтвержденіемъ противоположнаго. Цѣна хлѣба опредѣляется послѣдней, наименѣе пройзводительной затратой капитала или труда, а не *средними* условіями производства *всего* хлѣба, и естественныя различія плодородія и т. д. потому не выравниваются соотвѣтствующимъ распредѣленіемъ производства вышеразъясненнымъ способомъ, что рука землевладѣльца крѣпко держится за достигнутый уже уровень цѣнъ и приносимую при наличности его ренту. Весь процессъ образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты обусловленъ присутствіемъ земельной ренты, монополіи, и высота ренты, несомнѣнно, вліяетъ на высоту цѣнъ, *несмотря* на то, что послѣдняя затрата труда или капитала непосредственно не даетъ ренты: на самомъ дѣлѣ она поднимаетъ ее для всего остального земледѣльческаго производства.

Ложную видимость, которая обманула острый взоръ Рикардо, здѣсь создаетъ то обстоятельство, что новое повышеніе ренты бываетъ связано съ приложеніемъ менѣе производительной затраты труда, сопровождаемой поднятіемъ цѣнъ. Кажется, будто источ-

---

[1]) *Рикардо.* Сочиненія въ пер. Зибера, стр. 34. „Corn is not high because a rent is paid, but a rent is paid because corn is high“ (Ricardo. Works, 39).

[2]) Ricardo. Works, 40.

ника ренты нужно искать въ естественныхъ, неотвратимыхъ особенностяхъ земледѣльческаго производства. И дѣйствительно, *условіемъ*, хотя и не источникомъ возникновенія земельной ренты является то же самое, что вызвало и возможность монополизаціи земли,—ограниченность производительныхъ силъ земли и безгранично растущая потребность въ нихъ человѣка. Мы знаемъ уже, чтб это значитъ для земледѣлія: общій результатъ этой ограниченности формулируется въ законѣ убывающаго плодородія почвы. Условіемъ возникновенія ренты является законъ убывающаго плодородія почвы, паразитарнымъ продуктомъ котораго и является рента. Очевидно, еслибы земледѣліе не было такимъ процессомъ отвоевыванія у природы ея даровъ и было бы свободно какъ промышленность, не получали бы такого значенія отдѣльные участки земли, человѣкъ не былъ бы вынужденъ переходить на менѣе плодородные или болѣе удаленные участки, производить, по извѣстному сравненію Мальтуса, все менѣе продуктивными машинами. Эта роковая зависимость человѣка отъ производительности почвы и создаетъ интересъ къ земельной собственности, и она же лежитъ въ основѣ происхожденія англійской ренты [1]), но, повторяю, не это создаетъ ее въ томъ видѣ, какъ она есть, создаетъ ее земельная собственность. Она утяжеляетъ иго закона убывающаго плодородія почвы, ибо цѣны на хлѣбъ, поднимающіяся подъ вліяніемъ этого послѣдняго, она держитъ на самомъ высокомъ уровнѣ, значительно превышающемъ естественное дѣйствіе этого закона. Она квалифицируетъ, такимъ образомъ, законъ убывающаго плодородія почвы, и къ злу природы прибавляетъ зло общественнаго паразита.

Безполезно связывать земельную ренту съ тѣми или другими свойствами почвы,—плодородіемъ-ли или положеніемъ. Какъ показалъ уже Марксъ, ренту можетъ приносить и участокъ наименѣе плодородный, для этого достаточно новаго приложенія капитала на одномъ изъ прежнихъ участковъ еще менѣе производительнаго чѣмъ затрата капитала на этомъ участкѣ; какъ отмѣтилъ онъ же, и впервые привлекаемые къ воздѣлыванію участки даютъ ренту (которую Марксъ назвалъ абсолютною); по собственному признанію и Маркса, эта рента создается простымъ притязаніемъ земельнаго собственника. Въ развитомъ об-

[1]) Это именно и чувствовалъ Рикардо, опредѣляя ренту какъ плату за первоначальныя и неистощимыя свойства почвы.

ществѣ привлекаются къ воздѣлыванію всѣ земли, доступныя культурѣ при данной степени агрономическихъ знаній, и всѣ онѣ даютъ ренту. Общій уровень этой ренты будетъ, конечно, опредѣляться отношеніемъ общей цѣны хлѣба къ издержкамъ производства; что же касается ренты каждаго отдѣльнаго участка, то онъ опредѣляется, очевидно, общей производительностью этого участка и издержками производства на немъ. Ясно, что болѣе плодородныя или болѣе выгодно расположенныя земли даютъ большую ренту, нежели участки не отличающіеся этими качествами. Эти разницы создаютъ и объясняютъ *различія* въ рентѣ, дифференціальную ренту, но *не ренту*.

Мы подошли вплотную къ вопросу о природѣ ренты, при рѣшеніи котораго намъ предстоитъ произвести конфронтацію теоріи ренты и теоріи цѣнности и капитала. Обѣ теоріи слѣдуетъ соединить въ одно логическое цѣлое и показать ихъ совмѣстимость.

Вопросъ таковъ: въ какомъ отношеніи рента стоитъ къ цѣнности, есть-ли рента цѣнность и, eo ipso, прибавочная цѣнность? Этотъ вопросъ составлялъ да и составляетъ больное мѣсто политической экономіи, и его неразрѣшенность открываетъ зіяющую брешь въ ея основныхъ построеніяхъ.

Цѣнность-ли рента значитъ: опредѣляется ли цѣна хлѣба цѣнностью, т. е. трудовой цѣнностью?

Въ томъ единственномъ разумномъ значеніи, которое можетъ имѣть понятіе трудовой цѣнности, въ значеніи товарнаго раздѣленія труда, гдѣ равенство различныхъ видовъ труда (слѣдовательно и трудовая цѣнность товаровъ) гарантируется свободой перенесенія труда изъ одной отрасли производства въ другую, земледѣльческое производство сюда отнесено быть не можетъ; здѣсь нѣтъ свободы конкурренціи. Эта разница общественной структуры выражается и въ различномъ установленіи рыночной цѣнности. Естественнымъ результатомъ трудовой цѣнности является ея опредѣленіе среднеобщественнымъ или общественно-необходимымъ трудомъ для производства этого товара; это всецѣло вытекаетъ изъ общихъ условій удовлетворенія общественныхъ потребностей. Общественная потребность въ данномъ товарѣ для даннаго момента есть опредѣленная величина; если спросъ соотвѣтствуетъ предложенію, трудовая цѣнность этого товара (что синонимируетъ съ правильнымъ распредѣленіемъ общественнаго

труда) находитъ полное выраженіе: тогда цѣна совпадаетъ дѣйствительно съ среднеобщественными издержками производства, и цѣну опредѣляютъ *среднія* условія производства. Производится товара болѣе, нежели требуется для удовлетворенія общественной потребности, цѣну начинаютъ регулировать болѣе благопріятныя условія производства, товаръ продается ниже среднихъ издержекъ производства; въ противномъ случаѣ цѣну опредѣляютъ менѣе благопріятныя условія производства, и товаръ продается выше цѣнности. Эта подвижная скала создаетъ базисъ для трудовой цѣнности и вмѣстѣ гарантію правильнаго распредѣленія труда при посредствѣ приливовъ его и отливовъ.

Мы видѣли, какъ создается цѣна земледѣльческаго продукта,—она *всегда* опредѣляется наименѣе благопріятными условіями производства, здѣсь отрицается трудовая цѣнность въ самой основѣ. Пусть не говорятъ, что „общественно необходимый трудъ“ въ земледѣліи опредѣляется производствомъ продукта въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ [1]); это значитъ только фразой обходить проблему, ставить слова на мѣсто понятій. Очевидно, такое опредѣленіе среднеобщественнаго труда уничтожаетъ въ корнѣ его логическое значеніе, какъ выраженіе общественнаго распредѣленія труда въ разныхъ отрасляхъ производства, регулируемаго конкурренціей. Послѣ всего сказаннаго неумѣстность приложенія понятія общественно необходимаго труда къ опредѣленію цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ такъ ясна, что я считаю излишнимъ особенно настаивать на этомъ.

Итакъ, принимая трудовую цѣнность естественнымъ мѣновымъ выраженіемъ товарнаго раздѣленія труда при условіи свободной конкурренціи, и опредѣленіе цѣнности среднимъ общественно необходимымъ трудомъ логическимъ результатомъ этого отношенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и среднимъ уровнемъ, около котораго колеблются реальныя цѣны, ихъ математическимъ предѣломъ, должно сказать, что земледѣліе сюда не подходитъ, ни по отсутствію свободы конкурренціи, ни по проистекающему отсюда способу образованія цѣнъ, составляющему совершенное отрицаніе трудовой цѣнности. Все это вкратцѣ можно формулировать такъ: *хлѣбъ* (и другіе продукты земледѣлія) *имѣетъ цѣну, но не имѣетъ цѣнности.*

---

[1]) Я намѣренно оставляю уже въ сторонѣ всю неопредѣленность и произвольность этого понятія, какъ она была выяснена выше.

Вопросъ однако еще не рѣшается этими соображеніями. Мы знаемъ, что отношеніе трудовой цѣнности осложняется конкурренціей капиталовъ и что реальныя цѣны опредѣляются не цѣнностью, но цѣнами производства. То, что сказано выше о колебаніяхъ цѣнъ около цѣнностей, реально имѣетъ силу относительно колебанія цѣнъ около уровня, соотвѣтствующаго среднимъ условіямъ производительности капитала въ данномъ производствѣ. При осложненномъ видѣ, въ которомъ отношенія цѣнности выступаютъ въ дѣйствительности, вопросъ о томъ, имѣетъ ли хлѣбъ цѣнность, долженъ смѣниться другимъ, логически равнозначущимъ: представляетъ ли собой рента прибавочную цѣнность?

Рѣчь идетъ, слѣдовательно, о томъ, какъ соединить теорію ренты съ тѣмъ сложнымъ, труднымъ, и до сихъ поръ далеко не общепринятымъ, но въ основныхъ принципахъ (не въ деталяхъ, нерѣдко этимъ принципамъ противорѣчащихъ) раздѣляемымъ авторомъ ученіемъ Маркса объ установленіи средней нормы прибыли и распредѣленіи прибавочной цѣнности pro rata затраченныхъ капиталовъ. Если теорія ренты такъ плохо согласуется съ трудовой теоріей цѣнности въ ея чистомъ видѣ, то насколько же труднѣе становится дѣло, разъ эта послѣдняя усложняется ученіемъ объ образованіи средней нормы прибыли.

Рикардо не ставилъ себѣ такого вопроса, потому что онъ не сознавалъ всей его остроты, хотя онъ и могъ уже его сознавать. Дѣло въ томъ, что Рикардо не покончилъ съ вопросомъ о средней нормѣ прибыли: его хватило только, чтобы, поставивъ этотъ вопросъ, потомъ снять его не разрѣшая. Отъ него не скрылось, что трудовая теорія цѣнности въ чистомъ видѣ не достаточна для сложныхъ явленій капиталистическаго обмѣна и онъ, какъ извѣстно, поставилъ ей рядъ ограниченій. Но ограниченія были поставлены извнѣ, именно какъ ограниченія. Рикардо не предпринялъ изъ-за этого внутреннюю переработку своей теоріи съ тѣмъ, чтобы логически, изнутри приспособить ее къ новымъ точкамъ зрѣнія. Въ этомъ отношеніи воззрѣнія Рикардо можно характеризовать какъ наивныя. Съ тою же наивностью Рикардо подошелъ и къ теоріи ренты. У него не только не является потребности накрыть общимъ теоретическимъ куполомъ эти три различныя зданія, соединить ихъ въ одно логическое цѣлое, но онъ остается въ наивномъ убѣжденіи, что трудовая цѣнность сохраняетъ у него полное господство, и случай установленія цѣнъ на

хлѣбъ онъ разсматриваетъ какъ частный, хотя и особенный случай трудовой цѣнности, пожалуй, новое ея ограниченіе, не больше. Не у Рикардо слѣдуетъ искать отвѣта на этотъ вопросъ, заданный болѣе зрѣлой экономической рефлексіей.

Связать теорію ренты съ общей теоріей распредѣленія стремились Марксъ и Родбертусъ. Въ удобствахъ логическихъ мы пренебрежемъ хронологіей и разсмотримъ ихъ въ порядкѣ, обратномъ хронологическому, начавъ съ Маркса.

Марксъ разсматриваетъ поземельную ренту какъ часть общественной прибавочной цѣнности, распредѣляющейся между разными пайщиками производства. „Вся поземельная рента есть прибавочная цѣнность, продуктъ прибавочнаго труда“ [1]). Или въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Прибыль на капиталъ (предпринимательская прибыль плюсъ процентъ) и поземельная рента суть ничто иное какъ отдѣльныя составныя части прибавочной цѣнности, категоріи, которыя въ ней различаются, смотря потому, куда попадаютъ эти части, капиталу или земельной собственности, рубрики, которыя ничего не измѣняютъ въ ея существѣ. Сложенныя вмѣстѣ, онѣ образуютъ сумму общественной прибавочной цѣнности“ [2]).

Если такъ, то нужно, значитъ, показать, гдѣ и какъ производится та доля прибавочной цѣнности, которая образуетъ собою ренту, и какимъ образомъ она попадаетъ по назначенію, каковъ, слѣдовательно, распредѣлительный механизмъ.

Марксъ разсматриваетъ ренту, именно дифференціальную ея форму, какъ Surplusprofit, прабавочную прибыль, которая *производится* благодаря исключительной продуктивности нѣкоторыхъ затратъ капитала, связанной съ особенно выгодными условіями ихъ приложенія. Происхожденіе этого Surplusprofit поясняется (или доказывается?) примѣромъ водопада, замѣняющаго собою двигательную силу пара. Если большая часть фабрикъ страны движется паромъ, но нѣкоторыя пользуются безплатной силой водопада, очевидно, производительность этихъ послѣднихъ выше средняго,—сверхъ оплаты капитала средней прибылью здѣсь остается излишекъ, который явился бы рентой владѣльца водопада, если-бы послѣдній оставлялъ частную собственность третьяго лица.

[1]) Das Kapital, III², 174: Alle Grundrente ist Mehrwerth, Produkt von Mehrarbeit.

[2]) Ib. 356.

Этимъ примѣромъ исчерпывается все, что сказано у Маркса въ объясненіе происхожденія ренты. Это слѣдуетъ, конечно, объяснить, незаконченностью III тома Капитала вообще и теоріи ренты въ особенности. Дѣлать заключеніе объ общей точкѣ зрѣнія Маркса на предметъ дозволяетъ лишь этотъ примѣръ съ водопадомъ, въ высшей степени неудачный и всего менѣе способный пояснить происхожденіе ренты. Сравненіе это свидѣтельствуетъ о желаніи Маркса объяснить происхожденіе ренты естественными различіями производства и естественнымъ различіемъ производительности капитала на отдѣльныхъ участкахъ. Но мы видѣли уже, что эти различія могутъ парализовать другъ друга и нивеллироваться при извѣстныхъ условіяхъ до полнаго уничтоженія. Мы знаемъ, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ производства мыслима разная цѣна на хлѣбъ и слѣдовательно разная земельная рента; земельная собственность, дѣйствительно, пользуется извѣстнымъ образомъ въ своихъ интересахъ и естественными различіями, но сами они ренты съ необходимостью не создаютъ [1]).

Для Маркса дифференціальная рента не является такимъ образомъ функціей земельной собственности; какъ Surplusprofit она могла бы существовать и безъ существованія земельной собственности, которая даетъ этой прибавочной прибыли только форму ренты (ср. цитированное въ примѣчаніи мѣсто). Является ли эта способность приносить Surplusprofit особеннымъ преимуществомъ земледѣлія, по точному смыслу сравненія съ водопадомъ, или же это есть privillegium odiosum, результатъ закона убываю-

[1]) Наоборотъ въ примѣрѣ съ водопадомъ: „земельная собственность на водопадъ сама по себѣ не имѣетъ никакого отношенія къ созданію части прибавочной цѣнности (прибыли), а потому и цѣны вообще товара, который производится съ помощью водопада. Эта прибавочная прибыль существовала бы, еслибы не было земельной собственности, еслибы напримѣръ земля, на которой находится водопадъ, находилась въ пользованіи фабриканта какъ свободный, никому не принадлежащій участокъ. Поземельная собственность не создаетъ такимъ образомъ ту часть цѣнности, которая превращается въ прибавочную прибыль, но она лишь уполномочиваетъ земельнаго собственника водопада переманить эту прибавочную прибыль изъ кармана фабриканта въ свой собственный. Она является причиной не созданія прибавочной прибыли, но ея превращенія въ форму земельной ренты, слѣдовательно присвоенія этой части прибыли, соотв. цѣны товаровъ собственникомъ земли или водопада“ (Das Kapital, III² 187).

щаго плодородія почвы, на этотъ вопросъ мы не находимъ у Маркса отвѣта. Примѣръ съ водопадомъ, между прочимъ, неудаченъ и въ томъ смыслѣ, что онъ сопоставляетъ случайное естественное преимущество, ставящее данное предпріятіе въ привиллегированное положеніе, съ тѣмъ особеннымъ и важнымъ случаемъ общаго измѣненія условій производства, который мы имѣемъ съ постепеннымъ развитіемъ земледѣлія.

Приведенное сравненіе не даетъ поэтому понятія о дѣйствительной природѣ дифференціальной ренты. Мало того, выраженное въ немъ воззрѣніе Маркса грѣшитъ немарксизмомъ, фетишизмомъ, какъ сказалъ бы самъ Марксъ, въ томъ смыслѣ, что рента не получаетъ здѣсь должнаго освѣщенія и оцѣнки какъ самостоятельное отношеніе производства, и задача ея объясненія сведена къ тому, чтобы выкроить и на ея долю кусокъ Surplusprofit'a. Лишь отправляясь отъ истинной природы экономическихъ категорій,—именно выражаемыхъ ими общественныхъ отношеній производителей, мы можемъ правильно понять явленія обмѣна и соотвѣтствующіе доходы; противоположный путь, которымъ вопреки своимъ собственнымъ научнымъ принципамъ пошелъ здѣсь Марксъ, не ведетъ ни къ тому, ни къ другому, осуждая на натянутыя аналогіи или грубый матеріализмъ, упрощеніе экономической дѣйствительности до рыночной практики, методъ вульгарной политической экономіи.

Воззрѣнія Маркса на природу ренты не исчерпывается ученіемъ о дифференціальной рентѣ; гораздо интереснѣе его разсужденія относительно абсолютной ренты, хотя дифференціальная рента представляетъ общую форму ренты, а абсолютная (въ томъ значеніи, какое она имѣетъ у Маркса) лишь частный случай. Но мы можемъ плодотворнѣе использовать ученіе Маркса объ абсолютной рентѣ, связавши критику его съ общей теоріей распредѣленія, къ которой мы предварительно и обратимся. Намъ придется сдѣлать отступленіе въ сторону вопроса первостепенной теоретической важности, — о прибыли земледѣльческаго капитала. Согласно основному принципу теоріи Маркса прибавочная цѣнность распредѣляется въ результатѣ конкурренціи капиталовъ по средней нормѣ прибыли. Меньше всего это уравненіе прибыли слѣдуетъ понимать какъ результатъ имманентнаго свойства товаровъ продаваться по трудовой цѣнности или столь же имманентнаго свойства капиталовъ получать равную прибыль, или, наконецъ,

какъ результатъ сознательной погони капиталистовъ за прибавочной цѣнностью, выражающейся въ столькихъ-то штукахъ сукна у суконнаго фабриканта, столькихъ-то машинахъ у машиннаго и пр. или столькихъ-то рабочихъ часахъ и т. д. Фабриканты трудовой теоріи цѣнности не знаютъ и прибавочной цѣнностью не интересуются,—не нужно тратить много словъ, чтобы доказывать это. Единственно возможный смыслъ или *экономическое* содержаніе этого положенія въ томъ, что существуютъ извѣстныя общественныя отношенія производителей, которые не могутъ не отражаться въ обмѣнѣ и отражаются въ немъ не иначе какъ извѣстнымъ образомъ. Этотъ смыслъ имѣетъ носящій столь неудачное названіе „мѣновой законъ“ (Werthgesetz), и это же значеніе имѣетъ ученіе о распредѣленіи прибавочной цѣнности по средней прибыли въ результатѣ конкурренціи капиталовъ [1]). Было бы поэтому грубѣйшимъ фетишизмомъ понятій, а вмѣстѣ и фактической невѣрностью изображать борьбу изъ-за распредѣленія нормы прибыли какъ сознательную погоню капиталистовъ за прибавочной цѣнностью. Борьба эта подобна воздушной борьбѣ Валкирій надъ дѣйствительнымъ полемъ сраженія: она имѣетъ мѣсто только въ головѣ теоретика, изучающаго реальную борьбу капиталовъ.

Опасность логическаго фетишизма больше чѣмъ кажется. Чтобы не подвергнуться ей въ данномъ случаѣ, гдѣ мы имѣемъ столь сложную систему понятій, отвѣчающую не меньшей слож-

---

[1]) Нужно-ли прибавлять, что такое именно, условное и ограниченное, осуществленіе имѣютъ основные экономическіе законы. „Мѣновой законъ“ вовсе не значитъ, чтобы мѣновыя сдѣлки опредѣлялись дѣйствительно трудомъ,—такъ не опредѣляется, вѣроятно, ни одна реальная сдѣлка; онъ отмѣчаетъ основное объективное условіе, въ зависимости отъ котораго цѣны складываются въ томъ, а не иномъ направленіи. Еще менѣе конкретнаго содержанія имѣетъ прибавочная цѣнность (хотя этимъ нисколько не уменьшается и не отрицается ея *экономическая* реальность—пригодность этого понятія къ группировкѣ извѣстныхъ явленій): мы ни въ одномъ конкретномъ случаѣ не можемъ ея указать. Такое же идеальное существованіе имѣетъ и законъ распредѣленія прибавочной цѣнности по средней нормѣ прибыли: указать что-либо подобное въ *конкретной* жизни невозможно, что не уменьшаетъ его логическую, экономическую реальность. Съ другой стороны, даже теоретически нельзя предположить, чтобы распредѣленіе прибавочной цѣнности возможно было хоть однажды такъ, какъ это изображено въ теоріи: послѣдняя, констатируя основныя условія распредѣленія, указываетъ лишь общее направленіе „тенденцію“, говоря любимымъ словомъ экономистовъ.

ности реальныхъ отношеній, мы должны постоянно помнить дѣйствительное значеніе этихъ понятій и тѣ условія, при которыхъ оно имѣетъ силу. Однимъ изъ основныхъ условій какъ трудовой цѣнности такъ и конкурренціи капиталовъ на почвѣ стремленія къ равной прибыли является *свобода* конкурренціи, и эти отношенія выражаются тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе экономическая жизнь осуществляетъ этотъ принципъ,—тамъ, гдѣ онъ отсутствуетъ, очевидно не могутъ имѣть силу тѣ же начала, какія господствуютъ въ области свободной конкурренціи.

Теперь обратимся къ нашему вопросу. Капиталы, занятые въ различныхъ отрасляхъ производства и производящіе благодаря неравному участію въ ихъ составѣ перемѣнной части (которая и является источникомъ прибавочной цѣнности) не равное количество прибавочной цѣнности, конкуррируя между собою, распредѣляютъ ее такъ, что средняя норма прибыли равна отношенію всего количества прибавочной цѣнности ко всему капиталу. Входитъ-ли въ это уравненіе земледѣльческій капиталъ,—является-ли онъ полноправнымъ членомъ капиталистической семьи, самъ отдавая свою прибавочную цѣнность въ общую кассу и затѣмъ получая оттуда среднюю норму прибыли?

Принимая основной принципъ теоріи капитала Маркса, я долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Земледѣльческій капиталъ не является полноправнымъ членомъ капиталистической семьи, потому что онъ лишенъ своего вота при опредѣленіи уровня прибыли. Выше или ниже средней индивидуально производимая имъ прибавочная цѣнность, это не имѣетъ никакого значенія для общаго ея распредѣленія: прибыль земледѣльческаго капитала диктуется извнѣ, она опредѣляется прибылью промышленнаго капитала, т. е. такою прибылью, которая считается обычною на рынкѣ. Это станетъ ясно, какъ только мы вспомнимъ, что земледѣльческій капиталъ лишенъ свободы конкурренціи, которая является нервомъ движенія капиталовъ и уравненія прибыли; онъ не имѣетъ возможности *искать* этого уровня путемъ колебаній вверхъ и внизъ, потому что за каждымъ его движеніемъ слѣдитъ бдительный глазъ землевладѣльца, отбирающаго въ формѣ земельной ренты все, что̀ превышаетъ средній уровень прибыли [1]). Это вмѣшательство посторонней силы въ распредѣле-

[1]) Это ясно формулировано уже у *Адама Смита*: „рента, какъ цѣна а пользованіе землей, является, конечно, самой высшей, какую только

ніе продукта, прямой результатъ монополіи земельной собственности, и исключаетъ свободу конкурренціи для земледѣльческаго капитала. Мало того, извнѣ опредѣленный (а не самоопредѣляющійся) уровень прибыли есть логическое (а также отчасти и историческое) *prius* ренты въ англійскомъ смыслѣ этого слова. Вѣдь уровень ренты опредѣляется у всѣхъ экономистовъ безъ различія оттѣнковъ какъ цѣна хлѣба минусъ издержки производства, т. е. затраченный капиталъ *съ средней на него прибылью*. Это отлично чувствовалъ уже Рикардо, котораго Родбертусъ даже упрекаетъ за то, что у него уровень прибыли предшествуетъ и опредѣляетъ ренту. (Такова же была точка зрѣнія и Мальтуса, какъ можно видѣть по приведенному выше опредѣленію ренты). Одна и та же величина не можетъ быть одновременно и опредѣляемымъ и опредѣлителемъ, особенно разъ дѣло касается такихъ практическихъ вещей какъ содержаніе аренднаго контракта. Предположеніе о томъ, что и земледѣльческій капиталъ участвуетъ въ распредѣленіи прибавочной цѣнности было бы понятно лишь въ томъ случаѣ, если бы она являлась предметомъ непосредственныхъ стремленій капиталиста, не логическимъ, а столь же чувственно осязательнымъ фактомъ какъ напр. прибыль или рента.

Земледѣльческій капиталъ съ своей прибылью и земледѣльческій трудъ, вообще земледѣліе какъ область приложенія труда и капитала составляютъ такимъ образомъ status in statu въ капиталистическомъ царствѣ; они капиталистически экстерриторіальны. На нихъ *отражаются* отношенія конкурренціи капиталовъ, но всѣ опредѣленія капитала, прибавочной цѣнности, заработной платы и цѣнности вообще въ примѣненіи къ земледѣлію оказываются величинами мнимыми. Ибо прибавочная цѣнность есть реальный фактъ постольку, поскольку ею опредѣляется прибыль, если не непосредственно для даннаго капиталиста, то посредственно для всего общественнаго капитала; понятіе заработной платы соотносительно понятію прибавочной цѣнности и т. д. Мы имѣемъ здѣсь только эмпирическій, бухгалтерскій фактъ,—

можетъ уплатить фермеръ при данномъ состояніи страны. Опредѣляя условія аренды, лэндлордъ старается оставить ему долю продукта не больше нежели нужно для того, чтобы достать сѣмянъ, оплатить трудъ, купить и содержать скотъ и хозяйственный инвентарь, вмѣстѣ съ обычной для округа прибылью на фермерскій капиталъ“ (The wealth of nations. Book I, Ch. XI).

издержки производства, распадающіяся на разныя категоріи: основной капиталъ, оборотный капиталъ, заработная плата. Земледѣльческій капиталъ, при условіяхъ англійской ренты, получалъ бы одинаковую прибыль какъ въ томъ случаѣ, если бы онъ состоялъ весь изъ одной постоянной или изъ одной перемѣнной части (конечно, если бы это было возможно). И это едва-ли бы отразилось на общемъ уровнѣ прибыли.

Итакъ, еще ограниченіе, скажетъ разочарованно какой-нибудь заядлый сторонникъ трудовой теоріи цѣнности. Съ точки зрѣнія того пониманія экономическихъ категорій, которое ввелъ въ науку Марксъ, хотя и не всегда самъ оставался ему вѣренъ, мы a priori ждали этого ограниченія и ограниченіемъ его, конечно, не считаемъ. A priori ясно, что отношеній свободной конкурренціи нельзя распространять туда, гдѣ она исключена или ограничена, какъ мы имѣемъ это въ данномъ случаѣ, въ сферѣ вліянія земельной собственности.

Во всякомъ случаѣ на утверждающихъ противное лежитъ onus probandi доказательства своей точки зрѣнія: они должны показать, какимъ образомъ участвуетъ въ распредѣленіи прибавочной цѣнности земледѣльческій капиталъ. Что касается самого творца теоріи, Маркса, то, къ сожалѣнію, мы должны здѣсь разойтись съ нимъ въ развитіи его собственной теоріи и примѣненіи его собственныхъ научныхъ принциповъ. Онъ не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, очевидно, благодаря незаконченности работы, но онъ ставитъ его, и, несмотря на неясность и до извѣстной степени даже противорѣчивость его отдѣльныхъ отзывовъ, видно, что онъ считаетъ и земледѣльческій капиталъ полнымъ участникомъ производства и распредѣленія прибавочной стоимости [1]), хотя и не показываетъ, *какъ* это возможно и дѣйствительно происходитъ.

---

[1]) Вотъ соотвѣтственныя мѣста. На стр. 194, III² Марксъ высказываетъ мимоходомъ точку зрѣнія, какъ будто подходящую къ развитой въ текстѣ: „не слѣдуетъ забывать, что общая норма прибыли не равномѣрно опредѣляется прибавочной цѣнностью *всѣхъ* отраслей производства. Не земледѣльческая прибыль опредѣляетъ промышленную но наоборотъ. Объ этомъ позже“. Этотъ пунктъ намѣченъ въ общемъ планѣ, воспроизведенномъ на стр. 260, III² подъ пунктомъ 4: Einfluss dieser Rente auf die Profitrate. На страницѣ 295, III² находимъ однако совершенно другую точку зрѣнія: „насколько (абсолютная) рента неравна избытку цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ надъ цѣнностью ихъ производства, часть этого

Но очевиднѣй всего это воззрѣніе становится изъ его ученія объ абсолютной рентѣ [1]). Извѣстно, что абсолютной рентой Марксъ называетъ тотъ случай ренты, когда она взимается изъ самаго худшаго участка, который не долженъ бы давать дифференціальной ренты: когда становится необходимо перейти къ воздѣлыванію и такого участка, то собственникъ его требуетъ ренту, и эта рента должна быть оплачена соотвѣтственнымъ поднятіемъ цѣны хлѣба. Естественной границей такого поднятія служитъ стоимость производства хлѣба на какомъ-либо изъ старыхъ участковъ путемъ новой, менѣе производительной чѣмъ предыдущія затраты капитала. Марксъ и ставитъ вопросъ: „слѣдуетъ-ли изъ (факта) поземельной ренты и съ самаго худшаго участка, которая не можетъ быть объяснена различіемъ плодородія, что цѣна продуктовъ земли необходимо является монополіей въ обычномъ смыслѣ слова, или цѣной, въ которую входитъ и земельная рента въ такой же формѣ какъ и налогъ, съ той лишь разницей, что вмѣсто государства налоги взимаются земельнымъ собственникомъ“? [2]) Марксъ считаетъ это утвержденіе возможнымъ лишь благодаря тому, что до сихъ поръ не дѣлалось различія между цѣнностью и цѣною производства [3]) (Productionspreis) то-

---

излишка всегда входила бы въ общее уравненіе и пропорціональное распредѣленіе всей прибавочной цѣнности между различными капиталами Разъ же (абсолютная) рента равна избытку цѣнности надъ цѣною производства, то вся часть прибавочной цѣнности, превышающая среднюю прибыль, отвлекалась бы отъ этого выравниванія“. (См. всю стр. 260). Здѣсь Марксъ разсуждаетъ такъ, какъ будто бы земледѣльческій капиталъ ничѣмъ не отличался отъ промышленнаго относительно производства и распредѣленія прибавочной цѣнности.

[1]) Къ сожалѣнію, изложеніе и критика теоріи абсолютной ренты, также какъ и большей части теорій III тома *Капитала* страшно затрудняется его незаконченностію. Этотъ великій памятникъ мысли достался намъ въ видѣ обломаннаго торса, по которому приходится *угадывать* настоящія формы статуи. Конечно, при этомъ слѣдуетъ соблюдать большую осторожность, чтобы не приписать Марксу того, чего онъ не думалъ.

[2]) Das Kapital, III², 290.

[3]) Позволю себѣ напомнить здѣсь для читателя-неспеціалиста, что *цѣною производства* Марксъ называетъ тотъ реальный масштабъ, по которому фактически обмѣниваются товары, въ противоположность цѣнности, регулирующей обмѣны лишь „въ послѣднемъ счетѣ“. Цѣна производства слагается изъ издержекъ производства плюсъ средняя прибыль на весь капиталъ (прибыль же эта опредѣляется отношеніемъ всей прибавочной цѣнности ко всему общественному капиталу).

вара. Трудовая цѣнность товара можетъ стоять выше цѣны производства, такъ что нѣкоторый излишекъ цѣнности остается неоплаченнымъ и поступаетъ въ общую кассу прибавочной цѣнности. Это возможно именно въ томъ случаѣ, когда относительная доля перемѣннаго капитала въ составѣ даннаго капитала больше чѣмъ во всемъ общественномъ капиталѣ (говоря техническимъ терминомъ, когда органическій составъ капитала ниже среднеобщественнаго) и прибавочной цѣнности производится поэтому болѣе, нежели причитается по средней нормѣ прибыли данному капиталу. Если земледѣльческій капиталъ отличается именно такимъ низшимъ составомъ, то продукты земледѣлія продаются ниже цѣнности [1]), и прибавочная цѣнность, производимая въ земледѣліи, больше той, которая составляетъ прибыль земледѣльческаго капиталиста. Этого предположенія достаточно для объясненія абсолютной ренты, существованіе которой зависитъ такимъ образомъ отъ его вѣрности или невѣрности. Абсолютная рента берется изъ излишка прибавочной цѣнности надъ прибылью и можетъ быть, конечно, меньше, можетъ быть и равна ему. „Во всякомъ случаѣ эта абсолютная рента, проистекающая, изъ излишка цѣнности надъ цѣной производства, составляетъ часть земледѣльческой прибавочной цѣнности, превращеніе этой прибавочной цѣнности въ ренту, захватъ ея землевладѣльцемъ; также какъ дифференціальная рента проистекаетъ изъ превращенія прибавочной прибыли въ ренту, захвата послѣдней земельной собственностью, при общемъ регулированіи цѣны производства. Эти двѣ формы ренты суть единственно нормальныя“ [2]). „Еслибы средній составъ земледѣль-

[1]) Марксъ считаетъ это, по крайней мѣрѣ, вѣроятнымъ. Насъ не интересуетъ здѣсь этотъ вопросъ самъ по себѣ—съ нашей точки зрѣнія, развитой выше, онъ не имѣетъ значенія, — но съ точки зрѣнія самого Маркса, утверждавшаго *абсолютное* даже уменьшеніе перемѣннаго земледѣльческаго капитала, такое утвержденіе едва-ли послѣдовательно. Онъ самъ чувствуетъ эту противорѣчивость и на стр. 298 — 304, III² хочетъ устранить; это мѣсто, оказалось, къ сожалѣнію совсѣмъ незаконченнымъ.

[2]) Приведу еще характерное мѣсто: „сущность абсолютной ренты состоитъ въ слѣдующемъ: капиталы равной величины производятъ въ различныхъ сферахъ производства, соотвѣтственно различію своего состава, при равной нормѣ прибавочной цѣнности или равной эксплуатаціи труда различныя количества прибавочной цѣнности. Въ промышленности эти различныя массы прибавочной цѣнности выравниваются въ среднюю прибыль и равномѣрно распредѣляются между отдѣльными капиталами, какъ извѣстными долями всего общественнаго капитала. Земсльная соб-

ческаго капитала былъ тотъ же, что и среднеобщественный или выше, то абсолютной ренты въ выше развитомъ смыслѣ уже не было бы, т. е. ренты, которая однако отличается какъ отъ дифференціальной ренты такъ и отъ ренты, основывающейся на монопольной цѣнѣ въ собственномъ смыслѣ“ [1]). У Маркса нѣтъ болѣе ни слова относительно такой возможности [2]), и случай этотъ остается совсѣмъ невыясненнымъ; но, мнѣ кажется, на основаніи вышеприведеннаго можно сказать съ увѣренностью, что случай абсолютной ренты, когда цѣна производства равна или выше цѣнности, онъ считалъ случаемъ монопольной цѣны и противопоставлялъ его въ таковомъ качествѣ настоящей абсолютной рентѣ, одному изъ двухъ „единственно нормальныхъ“ видовъ ренты.

Приведенное ученіе представляетъ какъ бы experimentum crucis для теоріи Маркса. Изъ него слѣдуетъ, во-первыхъ, что Марксъ не различалъ земледѣльческаго капитала отъ промышленнаго, насколько дѣло касается выравненія прибавочной цѣнности въ общую норму прибыли; для этого можетъ быть приведено доказательство, въ логикѣ называемое доказательствомъ отъ противнаго: Марксъ считаетъ случай абсолютной ренты особеннымъ вмѣшательствомъ земельнаго собственника въ распредѣленіе прибавочной цѣнности по средней нормѣ прибыли, нарушеніемъ нормальнаго теченія. Очевидно внѣ этого нарушенія нормальное теченіе это предполагается у него само собой разумѣющимся.

Во-вторыхъ, эта теорія интересна въ томъ отношеніи, что вводитъ насъ въ самый центръ проблемы объ условіяхъ конкур-

---

ственность, разъ только производство нуждается въ землѣ для земледѣлія-ли или для извлеченія сырыхъ матеріаловъ, препятствуетъ этому выравниванію для капиталовъ вложенныхъ въ землю, и отбираетъ часть прибавочной цѣнности, которая иначе вошла бы въ процессъ выравниванія средней нормы прибыли. Рента образуетъ въ такомъ случаѣ часть цѣнности, въ частности прибавочной цѣнности товаровъ, которая вмѣсто класса капиталистовъ, извлекающаго ее изъ рабочихъ, достается земельнымъ собственникамъ, извлекающимъ (extrahieren) ее отъ капиталистовъ При этомъ предполагается, что земледѣльческій капиталъ приводитъ въ движеніе большее количество труда нежели равной величины капиталъ неземледѣльческій (ib. 305).

[1]) Das Kapital, III², 297—8.

[2]) Ср. еще глухія упоминанія въ параграфѣ о парцеллярной крестьянской собственности.

ренціи земледѣльческаго и неземледѣльческаго капиталовъ. Допустимъ на минуту, что эта теорія Маркса вѣрна. Какія условія предполагаетъ это? Это предполагаетъ, прежде всего, наличность того механизма, которымъ обусловливается распредѣленіе прибавочной цѣнности между земледѣльческимъ и всѣми другими видами капитала. Случай абсолютной ренты представляетъ *отклоненіе* отъ нормальнаго дѣйствія механизма, слѣдовательно онъ предполагаетъ его наличность. Но наличность такого механизма никогда показана не была, положеніе земледѣльческаго капитала просто конструировано по аналогіи съ положеніемъ неземледѣльческаго капитала: взятъ *результатъ* дѣйствія свободной конкурренціи и перенесенъ туда, гдѣ это основное условіе отсутствуетъ. Поэтому можно во всякомъ случаѣ сказать, что въ основѣ теоріи абсолютной ренты лежитъ petitio principii.

Но предположимъ, что этого petitio principii нѣтъ и что доказана наличность именно такого способа распредѣленія прибавочной цѣнности, который предполагается теоріей. Тогда требуется новое доказательство того, какимъ образомъ повышеніе ренты, результатъ голой земельной собственности, потому не имѣющее экономическаго оправданія въ видѣ избытка прибыли (Surplusprofit), можетъ выразиться именно вычетомъ изъ прибавочной цѣнности земледѣльческаго капитала (даннаго-ли капитала, который прилагается къ воздѣлыванію новаго земельнаго участка наименьшаго плодородія, или земледѣльческаго капитала вообще, Марксъ не указываетъ). Легко понять утвержденіе, что это повышеніе ляжетъ какъ косвенный налогъ на цѣну хлѣба, но утвержденіе, что эта прибавка будетъ взята изъ прибавочной цѣнности земледѣльческаго капитала, и этотъ вычетъ долженъ, очевидно, повліять на общее количество прибавочной цѣнности, распредѣляемой между всѣмъ общественнымъ капиталомъ, совершенно непонятно. Вѣдь не нужно забывать, что прибавочная цѣнность и ея норма есть теоретическая конструкція, выражающая, правда, реальныя отношенія, но не являющаяся чѣмъ-либо чувственно-осязательнымъ, не являющаяся мотивомъ конкурренціи. Здѣсь мы имѣемъ новое petitio principii. Но допустимъ, что это результатъ незаконченности III тома Капитала и что оно, можетъ быть, и было бы устранено авторомъ. Это былъ бы лишь теоретическій tour de force, вовсе не способный заставить принять эту теорію.

Я не могу указать во всей системѣ Маркса болѣе яркаго примѣра немарксизма, логическаго фетишизма, критика котораго въ области политической экономіи именно и составляетъ главную заслугу Маркса, какъ эта теорія абсолютной ренты. Спѣшно достраивая свою систему, Марксъ какъ будто подавленъ ею и утрачиваетъ свободу своего умственнаго полета.

Самой замѣчательной особенностью теоріи абсолютной ренты является въ этомъ отношеніи то, что одно и то же явленіе — абсолютная рента, результатъ одного и того же факта — монопольнаго владѣнія однимъ изъ факторовъ производства, трактуется въ одномъ случаѣ какъ абсолютная рента, въ другомъ — какъ монопольная цѣна, притомъ подъ вліяніемъ причинъ совершенно постороннихъ, въ полномъ смыслѣ слова случайныхъ. Эта случайность логическаго опредѣленія даннаго общественнаго отношенія ставится въ зависимость отъ того, хватитъ или не хватитъ прибавочной цѣнности оплатить эту ренту. Но что же за вещь такая—эта прибавочная цѣнность, что ея какъ сукна или хлопка или другого какого-либо товара можетъ хватать или не хватать для покрытія возможнаго спроса. Прежде всего, это не матеріальная вещь, это понятіе, служащее для выраженія опредѣленнаго общественнаго отношенія производства. Первоначально понятіе прибавочной цѣнности соотносительно понятію цѣнности: оно выражаетъ особенности купли-продажи рабочей силы какъ товара при условіи товарнаго раздѣленія труда. Затѣмъ понятіе прибавочной цѣнности соотносительно понятію капитала или, точнѣе, конкурренціи этихъ капиталовъ: капиталы, занятые въ отрасляхъ разной степени производительности общественнаго труда, въ которыхъ производятся различныя цѣнности и различныя количества прибавочной цѣнности, конкуррируя между собою превращаютъ эти прибавочныя цѣнности въ среднюю прибыль. Въ данномъ отношеніи производства прибавочная цѣнность можетъ получить и количественное опредѣленіе, ибо въ томъ именно и состоитъ особенность производственныхъ отношеній цѣнности и капитала, что они выражаются и въ мѣновыхъ отношеніяхъ. Но извѣстные товары становятся капиталомъ или прибавочной цѣнностью, лишь поскольку на нихъ отражается извѣстное общественное отношеніе, и нѣтъ ни одного товара, который отъ природы былъ бы предназначенъ выражать прибавочную цѣнность.

Особенностью экономической рефлексіи, вводящей въ много-

различные соблазны, является то, что, отправляясь отъ *реальныхъ*, конкретныхъ явленій дѣйствительности, она оперируетъ *логическою* дѣйствительностью—понятіями, причемъ нерѣдко путь, ведущій къ познанію реальныхъ отношеній, всецѣло строится на воздухѣ, представляетъ собою чисто умозрительныя построенія. Такимъ воздушнымъ мостомъ, логическими лѣсами, которые нужно убрать послѣ окончанія зданія, является понятіе прибавочной цѣнности, ея нормы и т. д. Было бы ошибочнымъ принимать такой логическій фактъ за реальный и сопоставлять его съ этимъ послѣднимъ какъ конкретную дѣйствительность. Именно это и дѣлаетъ Марксъ въ своей теоріи абсолютной ренты. Здѣсь дѣлается двойная ошибка: во-первыхъ, понятіе прибавочной цѣнности берется независимо отъ отражающагося въ немъ общественнаго отношенія производства, такъ сказать, въ покоющемся видѣ, внѣ тѣхъ отношеній, которыя она на себѣ отражаетъ и при наличности которыхъ она только и существуетъ. Она разсматривается какъ матеріальный фондъ, котораго можетъ хватать или не хватать. Во-вторыхъ, абсолютная рента, совершенно реальная прибавка къ *цѣнѣ* земледѣльческаго продукта, сопоставляется и „берется“ изъ источника вполнѣ идеальнаго: прибавочной цѣнности, которой въ непосредственномъ видѣ вовсе не существуетъ[1]). Такое *овеществленіе* экономическихъ категорій, разсматриваніе ихъ независимо отъ выражаемыхъ ими общественныхъ отношеній, Марксъ именно и называлъ фетишизмомъ. Одна ошибка родитъ другую. Мы уже отмѣтили, что одно и то же явленіе, въ глазахъ Маркса, представляется различнымъ въ зависимости отъ внѣшнихъ причинъ. Такимъ образомъ, настоящее значеніе экономическихъ категорій,—выраженіе общественныхъ отношеній, приносится въ жертву фетишу, и одно и то же явленіе, которое можетъ имѣть, конечно, только одно логическое выраженіе, превращается въ два различныхъ и во многомъ даже противопо-

---

[1]) Было бы нисколько не удивительно, еслибы Марксъ выставилъ такое положеніе, оставаясь на точкѣ зрѣнія *перваго* тома Капитала, гдѣ прибавочная цѣнность можетъ быть еще истолкована не какъ „логическіе лѣса“, но какъ реальный непосредственный фактъ. Между тѣмъ мы встрѣчаемъ это положеніе именно въ III томѣ, гдѣ Марксъ призналъ, точнѣе принужденъ былъ признать, что прибавочная цѣнность не есть конкретное явленіе, чувственноосязательный предметъ, а логическое понятіе (какъ это слѣдовало бы ясно формулировать уже въ первомъ томѣ).

ложныхъ не по внутреннимъ, логическимъ побужденіямъ, проистекающимъ изъ этого отношенія, но по внѣшнимъ, сюда не относящимся (хватитъ или не хватитъ прибавочной цѣнности). Съ одинаковымъ отстуствіемъ внутреннихъ логическихъ основаній можно было бы сказать, что абсолютная рента днемъ бываетъ прибавочной цѣнностью, а ночью монопольной цѣной.

Мы разобрали основные принципы теоріи ренты Маркса. Теорія эта не даетъ опредѣленнаго понятія о природѣ ренты, и ея отдѣльныя части неясны и противорѣчивы. Заслуга Маркса въ области торіи ренты сводится, поэтому, почти исключительно къ отдѣльнымъ мѣткимъ замѣчаніямъ и нѣкоторой детализаціи теоріи дифференціальной ренты Рикардо. Вообще же онъ не дѣлаетъ теоретическаго шага впередъ, его воззрѣнія являются скорѣе шагомъ назадъ по сравненію съ наивной прозрачностью мысли Рикардо. Считаю нужнымъ оговориться, что этотъ приговоръ касается не той теоріи, которую Марксъ далъ бы или могъ бы дать, но той, какую онъ набросалъ для себя въ первоначальномъ видѣ, потому онъ не затрогиваетъ геній Маркса, а только извѣстную стадію въ развитіи его воззрѣній. И, конечно, неизвѣстно, что осталось бы отъ этой теоріи, если бы она подверглась коренной переработкѣ, которую считалъ для нея необходимой ея авторъ.

Родбертусъ—Ягецовъ, хотя и померанскій помѣщикъ, есть, въ сущности также теоретикъ *англійской* ренты: трехчленное дѣленіе дохода,—поземельная рента, прибыль на капиталъ и заработная плата,—составляетъ общую предпосылку его изслѣдованія земельной ренты.

Благодаря причинамъ постороннимъ, главнымъ образомъ партійности, различіе между экономическими воззрѣніями Маркса и Родбертуса, значительно преувеличивалось, но теперь, послѣ выхода III тома Капитала, можно сказать, что это сходство даже больше нежели можно было ожидать [1]). При всемъ различіи соціологическихъ воззрѣній обоихъ авторовъ, гдѣ Марксу принадлежитъ очевидное и безграничное превосходство, которое отражается и въ чисто экономической части ученія болѣе яснымъ пониманіемъ соціальнаго характера всѣхъ экономическихъ категорій, — въ

[1]) Ср. мою статью: Третій томъ *Капитала* К. Маркса въ „Русской Мысли". 1895, III. Также статью „Что такое трудовая цѣнность" въ Сборникѣ Правовѣдѣнія и Общественныхъ знаній, томъ VI.

основныхъ пунктахъ экономической доктрины они поразительно сходятся между собою. Система Маркса является продуктомъ во всякомъ случаѣ болѣе углубленной и зрѣлой рефлексіи, она сложнѣе, выработаннѣе въ деталяхъ, многостороннѣе. Система Родбертуса въ значительной степени отличается еще наивностью дедукціи Рикардо, за то имѣя и преимущества этой послѣдней: замѣчательную прозрачность мысли, благодаря которой ясно видны и доступны критикѣ слабыя ея стороны. Пунктъ, въ которомъ наиболѣе сближаются оба великіе экономиста, есть теорія абсолютной ренты, насъ теперь спеціально интересующая.

Родбертусъ вмѣстѣ съ Марксомъ разсматриваетъ ренту какъ часть прибавочной цѣнности или, по выраженію Родбертуса, ренты вообще. Родбертусъ подвергаетъ во многомъ справедливой критикѣ теорію дифференціальной ренты Рикардо, мѣтко замѣчая, что она объясняетъ только различія въ рентѣ, но не ренту, и что указанныя причины дифференціальной ренты могутъ взаимно парализовать одна другую. Рента, которую Родбертусъ изучаетъ гораздо больше въ формѣ абсолютной ренты нежели относительной, составляетъ часть прибавочной цѣнности (ренты вообще), которая остается на долю землевладѣльца за удовлетвореніемъ притязаній капитала на среднюю прибыль. Условіемъ ренты является соблюденіе закона трудовой цѣнности (въ противорѣчіи которому Родбертусъ справедливо усматриваетъ особенность теоріи Рикардо, хотя и несправедливо, на нашъ взглядъ, за это его упрекаетъ): если дѣйствительно продукты продаются по трудовой цѣнности, то прибавочнаго труда, затрачиваемаго въ сельскомъ хозяйствѣ, хватаетъ не только на среднюю прибыль на капиталъ, но и на ренту. Причина тому, что въ земледѣліи не употребляется сырой матеріалъ, который фигурируетъ какъ затрата капитала въ промышленности. Потому при прочихъ равныхъ условіяхъ, капиталъ, затрачиваемый въ промышленности, будетъ больше чѣмъ земледѣльческій капиталъ, и потому прибавочной цѣнности земледѣлія будетъ достаточно не только для удовлетворенія претензій капитала, но и для поземельной ренты.

Теорія эта доступна критикѣ со всѣхъ сторонъ. Самая интересная сторона это, такъ сказать, гносеологическая. Являются-ли достаточнымъ средствомъ для объясненія конкретной дѣйствительности (каковою является рента) примѣняемыя Родбертусомъ научныя понятія? Если Марксъ логическій мостъ между абстракціей и

конкретностью превращаетъ въ конкретность, то Родбертусъ прямо дѣлаетъ прыжокъ черезъ эту логическую пропасть, не соединяя края ея никакимъ мостомъ, а прямо превращая абстракціи въ конкретность, — операція столь же мало логически правомѣрная какъ и пріемъ Маркса. Въ самомъ дѣлѣ, исходными пунктами разсужденія Родбертуса служатъ общія положенія, что хозяйственныя блага суть продукты труда, что условіемъ ренты вообще является объективная производительность труда, способнаго производить болѣе чѣмъ нужно для своего поддержанія, и, наконецъ, условіемъ присвоенія этого труда является частная собственность на землю и на капиталъ. Эти положенія безспорны какъ самая общая характеристика современнаго хозяйственнаго періода, но она даетъ очень мало для пониманія послѣдняго потому что не беретъ его во всей его сложности (какъ это дѣлаетъ Марксъ), а ограничивается лишь общими *и потому абстрактными* чертами. Мы узнали далѣе отъ Родбертуса, что отдѣльные обмѣны не опредѣляются трудовой цѣнностью, послѣднею опредѣляется лишь сумма цѣнъ. Но это и все, что мы находимъ у Родбертуса о цѣнахъ. Съ такими общими и абстрактными опредѣленіями Родбертусъ подходитъ къ сложной дѣйствительности, беретъ изъ нея конкретный феноменъ — земельную ренту и начинаетъ объяснять его имѣющимися у него въ распоряженіи средствами—абстрактными понятіями, безъ всякихъ промежуточныхъ звеньевъ. Такое объясненіе, очевидно, можетъ быть выполнено только при помощи подмѣна (конечно, безсознательнаго): или дѣйствительность должна, увянувъ, обратиться въ сухіе листья понятій или сухіе листья понятій должны зазеленѣть на деревѣ жизни. Происходитъ послѣднее. Абстрактное положеніе, что всѣ хозяйственныя блага суть продукты труда, а прибавочная цѣнность — продуктъ прибавочнаго труда, безъ дальнихъ разсужденій примѣняется къ объясненію конкретной дѣйствительности, гдѣ есть цѣны, затраты капитала, прибыль на него и т. д. Вычисляется, сколько прибавочной цѣнности приходится на долю земледѣлія и какъ она распредѣляется между капиталистомъ и землевладѣльцемъ. Съ облаковъ абстракціи мы переносимся такимъ образомъ непосредственно на рынокъ. Тѣ категоріи, которыя были у Родбертуса, представляютъ для этого недостаточное познавательное средство: нужно еще много промежуточныхъ звеньевъ, чтобы отъ этого общаго достигнуть до

частнаго (звенья эти имѣются напр. въ ученіи Маркса). Теорія Родбертуса не есть вообще ученіе о цѣнностяхъ и соотносительныхъ имъ цѣнахъ, о соотносительномъ послѣднимъ уровнѣ прибыли; она затрогиваетъ лишь общія основанія соціальнаго организма, даетъ его скелетъ, но не тѣло. Она не достроена до такой степени, чтобы быть примѣненной къ объясненію болѣе непосредственныхъ реальныхъ отношеній [1]), не достроена не по внѣшнимъ причинамъ, но дефектна по своему первовачальному плану.

И эта дефектность познавательныхъ средствъ отражается и на внутренней неясности и недоказанности теорій. Неясно и является полнѣйшимъ petitio principii, почему именно продукты земледѣлія продаются по своей трудовой цѣнности (чѣмъ и объясняется поземельная рента), когда выставляется общее положеніе, что цѣны не опредѣляются трудовой цѣнностью, и такое опредѣленіе имѣетъ мѣсто только для всего народнаго хозяйства? Чѣмъ объясняется выдѣленіе земледѣлія въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ другихъ отраслей производства? Родбертусъ, признаетъ несовмѣстимость господства въ отдѣльныхъ обмѣнахъ трудовой цѣнности съ средней нормой прибыли на капиталъ именно потому, что сырой продуктъ, проходя послѣдовательно разныя стадіи обработки, поднимается въ цѣнности и составляетъ все большую цѣнность въ составѣ капитала той сферы, куда онъ поступаетъ какъ сырой матеріалъ. И это различіе цѣнности сырья (Родбертусъ, очевидно, предполагаетъ—и, конечно, совершенно произвольно и ошибочно—равными всѣ остальныя издержки производства, именно цѣнность постояннаго капитала и основной части перемѣннаго капитала) дѣлаетъ невозможнымъ равенство нормы прибыли при полномъ соблюденіи трудовой цѣнности. Потому трудовая цѣнность приносится въ жертву равенству нормы прибыли [2]). Но почему же лишь для земледѣлія сдѣлано исключеніе и въ немъ, несмотря на отсутствіе здѣсь, по мнѣнію Родбертуса, сырого матеріала (что,

---

[1]) Мы надѣемся, изъ хода изложенія ясно, что понятіе „конкретныхъ, реальныхъ“ явленій въ противоположность понятіямъ и абстракціи также относительно: норма прибыли промышленнаго капитала является конкретнымъ по отношенію къ общему понятію прибавочной цѣнности и ея нормы, но абстрактнымъ понятіемъ по отношенію къ отдѣльной прибыли отдѣльнаго капиталиста или группы капиталистовъ.

[2]) *Rodbertus*. Das Kapital. Berlin 1884. Стр. 11—13. Ср. также Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlicher Zustände, IV. Abhdlg.

конечно, не совсѣмъ вѣрно) господствуетъ трудовая цѣнность? Развѣ не было бы послѣдовательно предположить, что и здѣсь прибыль выравнивается не вычетомъ поземельной ренты, а отступленіемъ цѣнъ отъ трудовыхъ цѣнностей? Или же слѣдовало бы признать господство трудовой цѣнности во всѣхъ послѣдовательныхъ производствахъ, и тогда мы имѣли бы рядъ неравныхъ прибылей и, слѣдовательно, рядъ рентъ? Въ томъ видѣ, въ какомъ они выставлены, принципы теоріи Родбертуса одинаково уполномочиваютъ сдѣлать любое изъ этихъ заключеній или, лучше сказать, ни одного изъ нихъ.

Мы оставляемъ внѣ разсмотрѣнія детали ученія Родбертуса о рентѣ, въ которыхъ есть не мало цѣннаго, еще болѣе спорнаго и парадоксальнаго (прежде всего, конечно, я имѣю въ виду Zur Beleuchtung der socialen Frage), какъ не имѣющія рѣшительнаго принципіальнаго значенія. Система Родбертуса, въ общемъ, есть зданіе, состоящее изъ одного верхняго этажа, теоретическій воздушный замокъ. Этимъ я не хочу, конечно, уменьшить заслугъ знаменитаго экономиста, — завѣдомо безплодная попытка!—этотъ замокъ построенъ рукою великаго мастера, съ искусствомъ, которое заставляетъ причислить его къ числу перворазрядныхъ экономистовъ, творцовъ экономической науки.

Нашъ историко-литературный экскурсъ оказался довольно безплоднымъ: мы не нашли такого *матеріальнаго* опредѣленія ренты, опредѣленія ея природы, которое можетъ быть принято и согласовано съ общей теоріей распредѣленія. Остается идти своимъ путемъ и попытаться разрѣшить задачу собственными силами.

Предъ нами встаетъ все тотъ же вопросъ: является-ли рента прибавочной цѣнностью? Изъ одного-ли она матеріала, что и прибыль на капиталъ со всѣми ея подраздѣленіями, составляя просто лишь часть прибавочной цѣнности, отличающуюся отъ другихъ частей не по экономической природѣ, но лишь по формѣ присвоенія, какъ это думаетъ Марксъ и Родбертусъ?

На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно, какъ это ясно уже и изъ предыдущаго изложенія.

На первый взглядъ кажется очень естественнымъ, что земельная рента является продуктомъ эксплуатаціи труда земледѣльческихъ рабочихъ или прибавочной цѣнности, производимой ими: вѣдь въ земледѣліи какъ и въ другихъ отрасляхъ производства затрачивается капиталъ и прилагается трудъ, конечно, произво-

дящій излишекъ противъ своей заработной платы [1]). Различія въ условіяхъ производства создаютъ Surplusprofit, образующій источникъ ренты, а эта послѣдняя есть такимъ образомъ частное дѣло земледѣльческаго производства, подобно тому какъ частнымъ дѣломъ каждаго даннаго производства, не распространяющимъ своего вліянія на цѣлое народнаго хозяйства, являются различія въ условіяхъ производства разныхъ предпріятій и возникающіе оттуда Surplusprofit'ы. Но такъ кажется только на первый взглядъ.

Разница въ степени производительности различныхъ случаевъ приложенія земледѣльческаго труда, какъ мы уже видѣли, *не создаетъ* ренту, а потому и объяснить ее не можетъ. Особый способъ установленія цѣнъ на земледѣльческіе продукты, существующій здѣсь благодаря отсутствію свободной конкурренціи, дѣлаетъ какъ бы болѣе производительными отдѣльные случаи приложенія труда. Нужно приписать прямо чудесную способность созданія цѣнности нѣкоторымъ видамъ земледѣльческаго труда, притомъ постоянно повышающуюся. Ни одинъ великій артистъ, ни Фидій, ни Рафаэль, ни Канова, не обладали, по этому воззрѣнію, въ такой степени квалифицированнымъ трудомъ, чѣмъ

---

[1]) Очевидно, извѣстная степень производительности земледѣльческаго труда составляетъ основное условіе существованія современнаго общества, какъ это ясно было еще физіократамъ, выразительно отмѣчено Родбертусомъ и удачно выражено въ слѣдующихъ словахъ Маркса: „физіократы правы, что все производство прибавочной цѣнности, слѣдовательно также все развитіе капитала, фактически, по своей естественной основѣ, покоится на производительности землсдѣльческаго труда. Если люди вообще не способны произвести въ одинъ день большее количество жизненныхъ средствъ, стало быть въ тѣснѣйшемъ смыслѣ продуктовъ земледѣлія, нежели нужно каждому рабочему для своего собственнаго воспроизводства, если ежедневной затраты всей его рабочей силы хватаетъ только для того, чтобы произвести жизненныя средства безусловно необходимыя для его собственныхъ потребностей, въ такомъ случаѣ не могло бы вообще идти рѣчи ни о прибавочномъ продуктѣ, ни о прибавочной цѣнности. Производительность земледѣльческаго труда, превышающая потребности рабочаго, есть базисъ всякаго общества и, ближайшимъ образомъ, базисъ капиталистическаго производства“. (Das Kapital, III², 318—9). Фактъ производительности земледѣльческаго труда въ этомъ смыслѣ, самъ по себѣ, очевидно, безотносителенъ къ факту существованія прибавочной цѣнности и ренты, *экономическимъ* формамъ этого продукта, которыя соотвѣтствуютъ исторически опредѣленнымъ эпохамъ производства,

иной англійскій ходжъ [1]). Согласно этой теоріи, часъ труда такого ходжа оплачивается въ иныхъ случаяхъ, вѣроятно, не менѣе чѣмъ часъ работы Льва Толстого надъ «Воскресеньемъ». Къ такимъ нелѣпымъ выводамъ приводитъ попытка объяснить изъ прибавочной цѣнности поземельную ренту; такая теорія должна непремѣнно объявить нѣкоторые виды (или точнѣе случаи приложенія) земледѣльческаго труда квалифицированными, въ зависимости отъ ихъ приложенія на томъ или другомъ участкѣ, въ составѣ той или другой доли земледѣльческаго капитала. Очевидно, объясненіе это есть пустая безсодержательная фраза.

Объективнымъ условіемъ происхожденія ренты является возможность поднятія цѣны на земледѣльческіе продукты выше цѣнности, т. е. среднеобщественныхъ условій производства. Производство земледѣльческихъ продуктовъ стоитъ обществу извѣстнаго количества труда; это—ихъ цѣнность. Разъ производство организовано капиталистически и во главѣ производства стоитъ капиталъ, то цѣна хлѣба опредѣлится по цѣнамъ производства, значитъ, будетъ произведенъ учетъ производительности даннаго приложенія труда и капитала сравнительно съ среднеобщественною. Благодаря же земельной монополіи цѣна поднимается выше цѣнности, до тѣхъ границъ, до которыхъ позволяютъ условія рынка.

Весьма естественно, что различія въ производительности при этомъ условіи и не сглаживаются, какъ возможно было бы это по естественнымъ причинамъ: капиталъ не заинтересованъ уже сглаживать ихъ, потому что для него это безразлично. Потому въ извѣстной мѣрѣ эти различія, если и существуютъ, не составляютъ естественной особенности земледѣлія, но тоже являются результатомъ монополіи.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, въ цѣнѣ земледѣльческихъ продуктовъ, излишекъ, который не можетъ быть объясненъ изъ производственныхъ условій и который не покрывается производительностью земледѣльческаго труда. Очевидно, этотъ излишекъ, если онъ и выплачивается, можетъ быть только продуктомъ неземледѣльческаго труда. Это есть дань, которая платится землевладѣльцу всѣмъ обществомъ, тяжелый рефлексъ общественнаго прогресса, земельная рента въ этомъ смыслѣ есть *феноменъ не*

---

[1]) Hodge — народное прозвище сельскохозяйственнаго рабочаго въ Англіи.

производства, а распредѣленія [1]). Ея природа болѣе всего подобна природѣ косвенныхъ налоговъ, соразмѣрно повышающихъ цѣну облагаемыхъ налогомъ продуктовъ. Сравненіе это имѣетъ силу и въ томъ смыслѣ, что поземельная рента, также какъ и косвенный налогъ, платится всѣми потребителями товара, а такъ какъ хлѣбъ и другіе продукты питанія, естественно, потребляются всѣмъ населеніемъ, то рента платится, очевидно, всѣмъ населеніемъ; это есть худшая форма косвеннаго налога — налогъ на предметы самой первой необходимости,—по самому существу своему, значитъ, не подоходный, а поголовный, не пропорціональный, а обратно пропорціональный налогъ [2]). Такимъ образомъ, не составляя прибавочной цѣнности, поземельная рента не является продуктомъ чудесной производительности труда сельскохозяйственныхъ рабочихъ, но есть простой вычетъ изъ всего общественнаго производства,—вексель, по которому землевладѣлецъ получаетъ со всего общества.

Отсюда ясно, какую роль можетъ играть рента въ общемъ балансѣ народнаго хозяйства. Это ясно формулировалъ уже Рикардо, который указалъ, что рента есть цѣнность, но не есть богатство [3]). Въ зависимости отъ общественныхъ условій одни и тѣ же участки земли могутъ представлять — соотвѣтственно различіямъ ренты — разную цѣнность. Но для богатства страны

---

[1]) Это въ особенности очевидно въ случаѣ съ рентой на землю подъ постройки, гдѣ нѣтъ уже никакого производства, не затрачивается труда, а, слѣдовательно, не создается и прибавочной цѣнности. Монопольная природа ренты съ земли подъ постройками одинакова съ земельной рентой, хотя, конечно, условія ея опредѣленія нѣсколько другія. Изученіе этого вида ренты выходитъ за предѣлы настоящаго сочиненія.

[2]) Сравненіе съ налогомъ, какъ и всякое сравненіе, имѣетъ извѣстныя неудобства въ томъ, что сближеніе, которое дѣлается лишь между одной или нѣсколько сходными сторонами двухъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ различныхъ предметовъ, нерѣдко распространяется и на эти другія стороны. Конечно, сравненіе съ налогомъ не выражаетъ всю сложную соціальную природу ренты, представляющей, какъ убѣдился читатель, совершенно своеобразное соціальное образованіе, явленіе sui generis. Сходство ренты съ налогомъ, состоящее въ томъ, что цѣнность обоихъ не создается въ сферѣ производства, а извлекается въ процессѣ обращенія, на этомъ и заканчивается.

[3]) «Rent is the creation of value, but not a creation of wealth; it adds nothing to the resources of the country» (244). Всѣ цитаты изъ Рикардо сдѣланы по изданію Макъ-Куллоха 1846 года.

имѣютъ значеніе только естественныя свойства и пространства этихъ земель, ошибочно было бы присчитать къ капиталу страны ихъ цѣнность, а къ годовому доходу ренту. Это значило бы тоже самое, какъ еслибы мы присчитали къ богатству страны долговыя обязательства гражданъ другъ на друга, или къ годовому доходу страны—государственный бюджетъ: то и другое составляетъ вычетъ изъ дѣйствительнаго богатства страны, и, будучи сосчитано самостоятельно, будетъ фигурировать такимъ образомъ въ народнохозяйственномъ балансѣ дважды,—одинъ разъ какъ притязаніе, другой какъ реальный объектъ этого притязанія.

Чтобы исчерпать то, что можно назвать философіей англійской ренты, остановимся на вопросѣ о ея *соціальномъ значеніи*. Среди теоретиковъ англійской ренты существуетъ основное разногласіе относительно оцѣнки общаго ея значенія. Извѣстно, что оптимистическій *Андерсонъ* считалъ земельную ренту соціальнымъ благодѣяніемъ, указывая на то, что ея существованіе побуждаетъ къ меліораціямъ и вообще улучшенію земли, которое отражается на повышеніи земледѣльческаго дохода и богатства страны. Также оптимистически относится къ рентѣ *Мальтусъ*, которому были вообще интересы англійскаго земледѣлія особенно дороги. Онъ также видитъ въ рентѣ результатъ избытка производительности земледѣльческаго труда, хотя, благодаря общей неясности его теоріи распредѣленія, это воззрѣніе не имѣетъ у него яснаго теоретическаго обоснованія. (Извѣстна, между прочимъ, роль, которую Мальтусъ отводилъ землевладѣльцамъ какъ потребителямъ прибавочной цѣнности). Въ противоположность Мальтусу, Рикардо, представитель интересовъ развивающейся промышленности, является рѣшительнымъ и безпощаднымъ врагомъ англійскаго землевладѣнія, въ этомъ отношеніи непревзойденнымъ самыми отъявленными сторонниками націонализаціи земли (напр. Джорджемъ), которые въ этомъ отношеніи стоятъ всецѣло на плечахъ Рикардо. «Всѣ классы общества, — говоритъ онъ,— исключая землевладѣльцевъ, страдаютъ отъ повышенія цѣны хлѣба. Сдѣлка между лэндлордомъ и публикой не имѣетъ сходства со сдѣлкой въ торговлѣ, при которой какъ покупатель такъ и продавецъ могутъ считаться въ выигрышѣ, — потеря здѣсь исключительно на одной сторонѣ, а выигрышъ на другой» [1]). Въ другомъ мѣстѣ Рикардо еще рѣшительнѣе заявляетъ, что «интересы лэндлорда всегда противо-

[1]) Ricardo, Works, 244.

положны интересамъ потребителя и промышленника» [1]). Потому Рикардо высказывался въ своихъ памфлетахъ противъ хлѣбныхъ законовъ, между тѣмъ какъ Мальтусъ, въ общемъ, поддерживалъ ихъ [2]).

На основаніи всего вышеизложеннаго, въ оцѣнкѣ значенія спеціально англійской ренты мы должны рѣшительно присоединиться къ Рикардо. Конечно, безспорны тѣ факты, на которые указываетъ Андерсонъ, а, вслѣдъ за нимъ, въ новѣйшее время проф. Брентано [3]). Меліораціи, влекущія за собой значительныя улучшенія земельныхъ участковъ, иногда вызываются стремленіемъ къ *повышенію* ренты. Но, во-первыхъ, онѣ не создаютъ ренты, которая постоянно увеличивается безъ всякаго участія собственника, какъ простой рефлексъ общественнаго развитія, «unearned

---

[1]) «The interests of the landlord is always opposed to that of the consumer and the manufacturer".

[2]) Ср. *Malthus*. An investigation of the present high price of provisions. 1800. *Его же*. Observations on the effects of the Corn Laws. 1814. *Его же*. An inquiry into the nature and progress of rent. 1815. (Памфлеты Мальтуса о хлѣбныхъ законахъ изданы въ нѣмецкомъ переводѣ въ упомянутомъ собраніи Брентано и Лерра). *Ricardo*. Essay on the influence of a low price of corn on the profits of stock. 1815. *Его же*. On protection to agriculture. 1822. (Оба памфлета вошли въ составъ русскаго изданія сочиненій Рикардо). Рикардо и Мальтусъ представляютъ собою весьма любопытную антитезу двухъ міровоззрѣній, принадлежащихъ двумъ мірамъ—отживающему и нарождающемуся. Тонко характеризуетъ эту антитезу *Паттенъ*: „идеи Мальтуса и Рикардо были основаны на различныхъ формахъ народнаго хозяйства (upon distinct political economies). Въ Англіи этого времени новыя хозяйственныя формы вытѣсняютъ старыя. Выростаютъ въ своемъ значеніи коммерческіе центры, великія научныя открытія прокладываютъ путь современному производству, и великія изобрѣтенія быстро революціонируютъ производительные процессы. Англія была страной съ господствомъ аграрныхъ идей (agricultural ideas), управляемая землевладѣльческими классами. Теперь появляются новыя идеи,—коммерческаго класса, и политическая власть переходитъ изъ деревни въ городъ". (*Patten*. Malthus and Ricardo. См. Publications of the American Economic Association, vol. IV, No. 5. September 1889, стр. 26). Ср. также соотвѣтствующія главы у *Гельда*: Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands. Leipzig. 1881). Mutatis mutandis, разногласія Рикардо и Мальтуса, вытекающія изъ различія хозяйственныхъ формъ, еще недавно выдвигались на первый планъ въ русской литературѣ въ спорѣ марксизма съ народничествомъ.

[3]) Главнымъ недостаткомъ изложенія этого вопроса у проф. Брентано въ его замѣчательной Agrarpolitik. Stuttgart 1897, является неразличеніе разныхъ видовъ земельной ренты.

increment», по хорошему англійскому выраженію. Хозяйственной необходимости производить земельныя улучшенія здѣсь нѣтъ, поэтому совершенно невозможно предположить, чтобы эти улучшенія были производимы всѣми или даже большинствомъ землевладѣльцевъ. Мало того. Меліораціи могутъ повышать ренту только въ томъ случаѣ, если онѣ являются исключеніемъ; общія меліораціи, вызывающіе повышеніе производительности замледѣльческаго труда и капитала, дѣйствуютъ какъ увеличеніе предложенія при неизмѣнномъ спросѣ, т. е. понижаютъ цѣну земледѣльческихъ продуктовъ и ренту. Потому, вопреки Андерсону и Брентано, мы должны выставить обратное положеніе: болѣе или менѣе обширныя земельныя меліораціи противоположны интересамъ земельныхъ собственниковъ, какъ это вытекаетъ изъ особенностей процесса установленія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Извѣстныя улучшенія почвы, проистекающія изъ обработки ея или же изъ неполнаго использованія затратъ капитала фермерами, достаются землевладѣльцу даромъ [1]).

Во-вторыхъ, ничѣмъ не доказано, да и не можетъ быть доказано, чтобы эта возможность частичныхъ земельныхъ улучшеній, составляющихъ какъ бы общественный выкупъ земельной ренты, связывалась съ данной формой реализаціи земельной собственности, именно *англійской рентой*. Она есть, съ одной стороны, результатъ дѣйствія земельной собственности вообще [2]), съ другой, задача меліорацій можетъ быть выполняема и государствомъ (нѣкоторые виды меліорацій и не подъ силу частнымъ лицамъ) и

---

[1]) Фактъ постепеннаго улучшенія почвы въ силу ея обработки даетъ поводъ проф. Брентано называть землю *капиталомъ*. „Der Boden ist also heute ein Kapital“ (Agrarpolitik, 13). Едва ли удобно это распространеніе понятій или терминовъ совершенно опредѣленнаго значенія на такіе случаи, гдѣ оно совершенно непримѣнимо. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что весь земной шаръ—капиталъ, по крайней мѣрѣ, его обитаемыя части, очищенныя трудомъ длинныхъ рядовъ поколѣній отъ дѣвственныхъ лѣсовъ, болотъ, дикихъ звѣрей и т. д. Но слѣдуя этой логикѣ, мы придемъ, пожалуй, къ заключенію, что все—капиталъ и нѣтъ ничего, что не было бы капиталомъ. Къ этому Weltall-Kapital не хватаетъ только одного: капиталиста.

[2]) Прогрессивное значеніе земельной собственности для развитія производительности земледѣлія вообще съ большимъ удареніемъ и весьма удачно отмѣчено проф. Брентано въ цитированномъ сочиненіи (см. въ особенности стр. 69 и далѣе).

крестьянскими товариществами. Англійская рента есть во всякомъ случаѣ слишкомъ тяжелая плата за эти меліораціи,—онѣ могли бы обойтись обществу несравненно дешевле. И, конечно, ничѣмъ не можетъ быть доказано, чтобы на сторонѣ англійской ренты стояли какія-нибудь хозяйственныя преимущества, свойственныя ей, какъ таковой.

Напрашиваются на сопоставленіе два вида дохода: прибыль на капиталъ (въ англійской версіи профитъ) и рента. Профитъ и рента вовсе не суть родные братъ и сестра, какъ принимаютъ многіе, они чужіе другъ другу, первый принадлежитъ области производства, вторая—распредѣленія. И они чужды другъ другу по своему характеру, по своему общественному значенію. Профитъ—революціоненъ, онъ—воплощенная энергія и иниціатива рента—реакціонна, она — общественный паразитъ. Ради профита переѣзжаются моря и рѣки, посѣщаются далекія страны, строятся города, фабрики, создаются чудеса техники, въ извѣстномъ смыслѣ профитъ создалъ матеріальный базисъ цивилизаціи настоящаго и основы цивилизаціи будущаго; конечно, кто отважится сказать, что все это выкупаетъ злодѣянія профита, и можетъ ли ихъ что-либо выкупить, но всетаки профитъ можетъ представить предъ судомъ исторіи выкупъ колоссальный. Англійской рентѣ нѣтъ дѣла до развитія производства, за нее сдѣлаетъ это профитъ. Она лишь беретъ дань съ этого развитія. Золотое время для ренты — это пора народнаго бѣдствія, напр. войны (никогда такъ не процвѣтала рента, какъ во время континентальныхъ войнъ). Даже Мальтусъ, защитникъ землевладѣльцевъ не умѣлъ прибрать имъ лучшей роли въ процессѣ производства какъ потребителей предметовъ роскоши. Въ теченіе всего XIX вѣка Англія мало что видала отъ поземельной ренты, кромѣ общественнаго паразитизма, она какъ тяжелыя гири на ногахъ тормозила ея хозяйственное развитіе, пока профитъ не побѣдилъ ренту, находящуюся сейчасъ при послѣднемъ издыханіи, вмѣстѣ съ сельскимъ хозяйствомъ. Но это мы увидимъ ниже [1]).

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, долженъ пояснить здѣсь, что эта оцѣнка относится исключительно къ экономической роли англійскаго землевладѣнія, но этимъ, конечно, далеко не исчерпывается общее соціальное значеніе сословія землевладѣльцевъ. Конечно, трудно произвести одну общую оцѣнку этого значенія, но, несомнѣнно, классъ землевладѣльцевъ игралъ да и играетъ въ исторіи Англіи весьма активную роль, вы-

Нѣтъ ничего удивительнаго, если англійская рента возбудила столько негодованія и столько вражды со стороны лицъ самыхъ различныхъ міровоззрѣній. Сторонники націонализаціи земли считаютъ въ своихъ рядахъ: утопическаго соціалиста Томаса Спенса [1]), Дж. Ст. Милля, Спенсера, Уоллэса, Генри Джорджа и, конечно, соціалистовъ [2]). Уже это разнообразіе показываетъ, что въ приверженности націонализаціи земли,—точнѣе англійской ренты,—путемъ сильнаго налоговаго обложенія нѣтъ ничего, опредѣляющаго общее соціальное міросозерцаніе: иначе необъяснима солидарность въ этомъ пунктѣ такого заклятаго врага соціализма

двигая писателей, политическихъ людей, ученыхъ и т. д. Но это относится уже вообще къ оцѣнкѣ роли нефизическаго труда и нетрудового дохода (въ этомъ смыслѣ) въ культурной исторіи человѣчества. Вопросъ этотъ требуетъ особаго разсмотрѣнія; я лично склоненъ тѣмъ больше преувеличивать это значеніе, чѣмъ менѣе оно оцѣнивается въ наше время, подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго увлеченія одними экономическими точками зрѣнія,—одними экономическими критеріями.

[1]) Thomas Spence выступилъ за націонализацію земли еще въ 1775 году въ лекціи, читанной въ Ньюкэстлѣ на Тайнѣ. Эта лекція издана Гайндманомъ въ 1882 году.

[2]) Въ настоящее время въ Англіи существуютъ двѣ лиги, ставящія цѣлью націонализацію земли: Land Nationalisation League (издающая, кромѣ отчетовъ и памфлетовъ, свою газету) и Land Restoration League. Любопытенъ способъ, какимъ послѣдняя лига пропагандируетъ свои идеи. Каждую весну изъ Лондона отправляются въ разныя части земледѣльческой Англіи красные фургоны („Red Van“), покрытые афишами, рисунками, изрѣченіями и т. д. въ духѣ принциповъ лиги. Этотъ фургонъ служитъ втеченіе всѣхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ домомъ для пропагандистовъ, переѣзжающихъ въ немъ изъ деревни въ деревню. Пріѣхавъ въ данное мѣсто, пропагандисты стараются, по англійскому обычаю, устроить митингъ, на который собралась бы большая часть сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Митингъ рѣдко назначается въ тотъ день, а обыкновенно черезъ день—два. За это время жители фургона стараются завести связи съ лучшими мѣстными пропагандистами—деревенскими мальчишками, которые разносятъ вѣсти о предстоящемъ митингѣ вмѣстѣ съ плакатами, рисунками, воззваніями по всей деревнѣ. За это время пропагандисты стараются подъ рукой узнать о здѣшнихъ лэндлордахъ, мѣстныхъ злобахъ дня и т. д. Такимъ образомъ они подставляютъ опредѣленныя имена и конкретныя событія въ абстрактныя схемы рѣчи на митингѣ. Фургонъ имѣетъ и фотографическій аппаратъ, запечатлѣвающій тѣ черты изъ жизни деревни, которыя являются особенно интересными. Нужно ли говорить, что эти агитаторы обнаруживаютъ чисто англійскую настойчивость и энергію, изъ года въ годъ путешествуя съ Red Van'омъ. Общество издаетъ съ 1891 года любопытные годовые отчеты, такъ и называемые *Red Van Reports*.

какъ Спенсера или Джорджа и соціалистовъ (для которыхъ націонализація земли является лишь одной изъ подробностей переустройства всего общества). Англійская рента могла бы въ формѣ налога сразу отойти въ государственную собственность безъ малѣйшаго потрясенія основъ современнаго общества. Достаточно указать, что англійская рента отсутствуетъ во всѣхъ другихъ капиталистическихъ странахъ, и эта подробность касается только организаціи сельскаго хозяйства, а не всего народнаго хозяйства. Сама по себѣ мысль обращенія справедливости на общественныя нужды того, что является попутнымъ результатомъ общественнаго развитія и изъятія этого дохода изъ пользованія частныхъ лицъ, конечно, неоспорима. Но является сложнымъ и труднымъ экономическимъ вопросомъ, какова та форма землевладѣнія и земледѣлія, которая должна заступить мѣсто англійской системы. Положительная часть задачи, какъ и всегда, труднѣе отрицательной. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только на основаніи изученія закономѣрнаго развитія сельскаго хозяйства и тенденцій этого развитія, въ частности, изученія историческихъ судебъ англійскаго земледѣлія.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ относительно *количественнаго* опредѣленія англійской ренты. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько основныхъ случаевъ.

1) Опредѣленная цѣна хлѣба и опредѣленное количество труда и капитала, затрачиваемыхъ на его производство, а потому и опредѣленное количество всего хлѣба. При этомъ условіи общее количество ренты будетъ зависѣть отъ способа дѣлежа этого продукта между землевладѣльцемъ, капиталистическимъ фермеромъ и сельскохозяйственными рабочими. При неизмѣнной долѣ фермера земельная рента можетъ увеличиваться на счетъ заработной платы, причемъ послѣдняя понижается иногда ниже Existenz-Minimum'а. Многочисленные примѣры тому мы будемъ видѣть въ исторіи англійскаго земледѣлія. При неизмѣнной заработной платѣ, размѣръ ренты зависитъ отъ уровня прибыли. Тенденція нормы прибыли къ пониженію, имѣющая, конечно, силу и для земледѣлія, вмѣстѣ съ тѣмъ есть и тенденція ренты къ повышенію, и наоборотъ [1]). Очевидно, интересы фермера и землевладѣльца про-

[1]) Очевидно также, для фермера безразлично (конечно, при неизмѣнности прочихъ условій), платить ли высокую ренту при высокой цѣнѣ хлѣба или при низкой низкую, если въ результатѣ остается одно и

тивоположны между собою, также какъ интересы рабочаго противоположны интересамъ какъ лэндлорда такъ и фермера [1]).

2) Неизмѣнная цѣна хлѣба, но увеличивающееся количество его производства. Очевидно, измѣненія въ количествѣ получаемой ренты вообще (а слѣдовательно и ренты на акръ) слѣдуютъ измѣненіямъ въ размѣрахъ сельскохозяйственнаго производства. Случай этотъ интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ возможность повышенія ренты безъ соотвѣтствующаго повышенія цѣны продукта. Это бываетъ въ томъ случаѣ, если добавочныя затраты капитала настолько производительны, чтобы не требовать поднятія цѣнъ на хлѣбъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, производя болѣе чѣмъ minimum, не платящій ренты, даютъ нѣкоторую ренту. Этотъ случай, отмѣченный какъ Родбертусомъ такъ и Марксомъ, есть чрезвычайно важный для пониманія условій роста ренты. Онъ имѣлъ мѣсто, какъ мы увидимъ, особенно послѣ паденія хлѣбныхъ законовъ.

3) Ростущая цѣна хлѣба при неподвижномъ или же слабо и медленно ростущемъ состояніи производства. Это случай, наиболѣе ярко отражающій монопольную природу поземельной ренты. Онъ характеризуетъ періодъ усиленнаго аграрнаго протекціонизма въ Англіи въ первой трети XIX вѣка и эпоху континентальныхъ войнъ, и безпримѣрный ростъ ренты въ эту эпоху.

то же количество прибыли. Въ этомъ смыслѣ далъ показанія предъ коммиссіей для изслѣдованія угнетеннаго состоянія земледѣлія (1833 г.) бывшій фермеръ изъ Lothian'a *Oliver*, дважды допрошенный коммиссіей въ качествѣ свидѣтеля. (Report from the Select Committee on agriculture with the minutes of evidence taken before them. 1833). Вопросъ 2841. Не является ли безразличнымъ для фермера, имѣетъ ли онъ высокія цѣны и высокую ренту или низкія цѣны и низкую ренту, оставляя, конечно, въ сторонѣ вопросъ о пропорціи распредѣленія? Оливеръ отвѣтилъ, послѣ сторонней оговорки, такъ: „мнѣ кажется совершенно безразличнымъ для фермера, продаетъ ли онъ хлѣбъ по 60 шиллинговъ при рентѣ, отвѣчающей этой цѣнѣ, или по 120 шиллинговъ съ соотвѣтственно высокой рентой. Вопр. 2842. Значитъ... это дѣло исключительно землевладѣльцевъ, какова должна быть рента? Да, я держусь такого мнѣнія".

[1]) Въ одномъ изъ Red Van Report это положеніе вещей при англійскихъ условіяхъ хозяйства удачно изображено въ карикатурной картинѣ, гдѣ лэндлордъ сидитъ на шеѣ у фермера, въ свою очередь сидящаго на шеѣ рабочаго, который долженъ нести на себѣ, такимъ образомъ, тяжесть ихъ обоихъ.

4) Ростущая цѣна хлѣба и ростущее производство хлѣба. Очевидно, въ результатѣ двойной ростъ поземельной ренты. Этими чертами характеризуются нѣкоторые періоды изъ эпохи до отмѣны хлѣбныхъ законовъ, и послѣ этой отмѣны, но до первыхъ признаковъ наступленія аграрнаго кризиса.

5) Убывающая цѣна хлѣба и убывающее его производство. Очевидно, уменьшеніе цѣны на хлѣбъ должно сопровождаться извлеченіемъ тѣхъ долей капитала, которыя не приносили ренты, и теперь перестаютъ приносить и среднюю прибыль. Тогда опредѣляющею цѣну становится слѣдующая, болѣе производительная доля капитала, а рента уменьшается соотвѣтственно уменьшенію цѣны и происшедшаго въ результатѣ сокращенія производства. Рента вмѣстѣ съ затратами капитала срѣзается уменьшеніемъ цѣнъ послойно, пластами, какъ они сложились въ результатѣ ступенеобразнаго движенія цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Но срѣзаемые пласты могутъ имѣть болѣе или менѣе обширную площадь, количество капитала и ренты, устраняемое даннымъ пониженіемъ цѣнъ, можетъ быть совершенно различно, а соотвѣтственно различно и опустошительное дѣйствіе пониженія цѣнъ. Этотъ случай въ общемъ характеризуетъ настоящую хозяйственную эпоху.

Какъ особый случай можно разсматривать такое положеніе дѣлъ, когда при уменьшающейся цѣнѣ хлѣба рента и производство хлѣба увеличивается; послѣднее удешевляется благодаря росту меліорацій и увеличенія количества лучшихъ участковъ земли. Такой случай можно разсматривать какъ исключительный и переходный, а именно свойственный начальнымъ стадіямъ капиталистической культуры, когда производственныя силы земли еще не напряжены, и для меліорацій существуетъ обширное поле. По мнѣнію Брентано, съ особеннымъ вниманіемъ описывающаго этотъ случай, такое положеніе вещей имѣло мѣсто въ Англіи въ XVIII вѣкѣ [1]).

---

[1]) „Практическимъ доказательствомъ благодѣтельнаго дѣйствія земельной ренты является тотъ случай, когда цѣны продукта, несмотря на ростъ ренты, не возвышаются, а становятся устойчивы, даже понижаются. Такъ въ 18 вѣкѣ въ Англіи земельная рента непрерывно росла. Цѣна же продуктовъ не возрастала, но становилась постояннѣе и часто даже ниже... обнаружилось, что поземельная рента повела къ возвышенію дохода, которое явилось слѣдствіемъ меліораціи и болѣе интенсивнаго хозяйства, но безъ

Само собою разумѣется, всѣ эти случаи могутъ вступать въ различныя комбинаціи съ случаемъ, разсмотрѣннымъ подъ пунктомъ 1. То или другое движеніе цѣнъ можетъ сопровождаться различнымъ движеніемъ прибыли на капиталъ и заработной платы. Въ приведенныхъ случаяхъ мы вовсе не желали исчерпать всѣ возможныя комбинаціи англійской ренты, которыя могутъ быть очень многочисленны, почти безграничны, а лишь намѣтить нѣкоторые основные типы, которые послужатъ намъ при освѣщеніи фактической исторіи англійскаго земледѣлія и англійской ренты [1]).

Остается сказать два слова о *цѣнѣ земли*. Традиціонное и вполнѣ безспорное опредѣленіе, что цѣна земли есть капитализированная рента, конечно, можетъ имѣть теоретическое приложеніе и для Англіи. Но полно,—развѣ земля здѣсь имѣетъ цѣну? Цѣну имѣетъ земля, которая продается, а въ Англіи, какъ мы еще увидимъ, земля до сихъ поръ составляетъ почти всецѣло res extra commercium. Мы можемъ поэтому въ ученіи объ Англійской рентѣ, какъ самостоятельномъ типѣ земельныхъ отношеній, ограничиться рентой и оставить внѣ разсмотрѣнія цѣну земли. Въ органической связи обѣ эти категоріи между собою не стоятъ: возможна рента безъ цѣны земли и, какъ мы скоро увидимъ, цѣна земли безъ поземельной ренты.

2. Рента въ помѣщичьемъ хозяйствѣ.

Феноменъ ренты получилъ наиболѣе раннее, а вмѣстѣ и наиболѣе осязательное выраженіе въ Англіи, которая дала и первыхъ теоретиковъ земельной ренты. Послѣдніе оказали сильнѣйшее вліяніе на разработку теоріи ренты и на континентѣ, благодаря чему и континентальные теоретики смотрѣли на ренту сквозь

повышающихся издержекъ производства, напротивъ получено было съ относительно неизмѣнными или даже уменьшающимися издержками". (*Brentano.* Agrarpolitik, стр. 75).

[1]) Слѣдуетъ оговориться также, что дѣлаемое нами предположеніе о капиталистической организаціи всего англійскаго земледѣлія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, потому что ей далеко не чужды и мелкія крестьянскія хозяйства на собственной и арендованной землѣ. Но мы сознательно допускаемъ эту неточность, стремясь выяснить основныя черты того экономическаго типа, который задаетъ тонъ всей организаціи земледѣлія.

англійскія очки, брали проблему ренты въ англійской ея постановкѣ. При этомъ считалось само собою разумѣющимся и вытекающимъ изъ самой природы ренты, что всѣ ея особенности, хотя бы они проистекали изъ спеціальныхъ особенностей англійскаго земледѣлія, свойственны и континентальному хозяйству, на самомъ дѣлѣ, представляющему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительныя отличія. Основнымъ отличіемъ является, конечно, то, что здѣсь (да можно сказать и вообще во всемъ мірѣ, кромѣ Англіи) земледѣлію не свойственно раздѣльное существованіе лэндлорда и капиталистическаго фермера, они соединены здѣсь въ одномъ лицѣ, персонифицирующемъ собой, такимъ образомъ, оба вида дохода: и прибыль на капиталъ и поземельную ренту.

Обусловливаетъ-ли это различіе самыхъ основныхъ условій организаціи земледѣлія какія-либо серьезныя отличія въ природѣ ренты и условіяхъ ея опредѣленія, есть, конечно, вопросъ, на который можно отвѣтить такъ или иначе и на который посильный отвѣтъ мы должны дать въ этомъ параграфѣ. Но вопросъ этотъ долженъ быть особо поставленъ, и является въ высшей степени любопытной и странной особенностью, что онъ не былъ поставленъ никѣмъ изъ строителей политической экономіи. Не странно, что не сдѣлалъ этого Рикардо, который вообще ничего не видѣлъ, кромѣ англійскихъ условій и въ своихъ гипотетическихъ примѣрахъ голыхъ дикарей заставлялъ вести себя какъ джентльменовъ изъ City. Но странно, что этого не сдѣлалъ ни Тюненъ, ни Родбертусъ, оба сельскіе хозяева Германіи, юнкера или, по-русски, помѣщики. Это можно объяснить тѣмъ, что Тюненъ вообще былъ болѣе сельскій хозяинъ, чѣмъ экономистъ; къ тому же онъ быуъ занятъ, главнымъ образомъ, дифференціальной рентой, различіями въ рентѣ, а не рентой вообще. Родбертусъ же былъ связанъ собственной теоріей распредѣленія, почему и интересовался болѣе логическими извивами этой теоріи (къ тому же, какъ мы видѣли, черезчуръ абстрактной), чѣмъ выясненіемъ конкретныхъ сходствъ и различій [1]).

---

[1]) Что касается Маркса, то онъ изслѣдовалъ англійскую ренту какъ нормальный случай ренты; вспомнимъ, что онъ считалъ Англію классической страной сельскохозяйственнаго производства, типомъ развитія и для другихъ болѣе отсталыхъ странъ. Есть, кромѣ того, основанія думать, что, изучивъ превосходно экономическое развитіе Англіи, Марксъ въ далеко несоотвѣтствующей мѣрѣ былъ освѣдомленъ относительно эконо-

Отправнымъ пунктомъ своего разсужденія мы возьмемъ тотъ эмпирическій и совершенно безспорный фактъ, что въ современныхъ государствахъ европейскаго запада *всякая* земля имѣетъ цѣну и, при наличности извѣстныхъ условій, даетъ своему владѣльцу, который ее воздѣлываетъ съ цѣлью извлеченія прибыли на свой капиталъ, сверхъ этой послѣдней еще избытокъ—земельную ренту. Эта рента можетъ быть выше или ниже, но извѣстную ренту, при данномъ уровнѣ экономическаго развитія общества, даетъ всякая земля. Каково можетъ быть происхожденіе этой ренты?

Чтобы лучше отвѣтить на этотъ вопросъ, вернемся къ нашему гипотетическому примѣру, въ которомъ удалены всѣ условія, вызывающія различія ренты. Предположимъ, что территорія данной страны, представляющей замкнутый рынокъ, имѣетъ форму круга, въ центрѣ котораго находится единственный рынокъ для сельскохозяйственныхъ продуктовъ — городъ, средоточіе всякихъ мануфактуръ. Вся земля подѣлена радіусами на равные секторы, отличающіеся совершенно равнымъ плодородіемъ. Каждый изъ этихъ секторовъ составляетъ собственность отдѣльнаго лица, воздѣлывающаго его помощью наемныхъ рабочихъ и затраты капитала. Такимъ образомъ, всѣ эти участки, равно отстоящіе отъ рынка и обладающіе равнымъ плодородіемъ, находятся въ абсолютно равныхъ условіяхъ производства, такъ что условія для образованія различій въ рентѣ, дифференціальной ренты, напередъ исключены.

Земельные собственники будутъ затрачивать на своихъ участкахъ капиталы, конечно, только подъ условіемъ полученія средней нормы прибыли, господствующей въ другихъ сферахъ приложенія

мическаго развитія континента. По крайней мѣрѣ, ничто не обнаруживаетъ, чтобы онъ внимательно слѣдилъ за экономической жизнью Германіи, да отчасти и Франціи со времени своего переѣзда въ Лондонъ, — послѣ 1848 года. А на континентѣ въ это время, послѣ шумныхъ политическихъ революцій совершались безшумныя экономическія революціи,—создавались основы народнаго хозяйства современности. Не менѣе любопытна и своеобразна была и аграрная эволюція Германіи этой эпохи, какъ мы увидимъ ниже. Такимъ образомъ многія страницы исторіи „Капитала“ остались закрыты для Маркса, конечно, въ ущербъ его теоретическимъ построеніямъ, которыя, особенно что касается аграрнаго развитія, обнаруживаютъ всю односторонность и недостаточность наблюденій лишь надъ англійскимъ народнымъ хозяйствомъ.

капитала. Слѣдовательно, цѣна хлѣба должна быть достаточна для того, чтобы оплатить издержки капитала плюсъ среднюю прибыль. Но неужели же цѣна не поднимется выше этого уровня, чтобы дать и ренту обладателямъ земельныхъ участковъ? Неужели на цѣну не окажетъ вліянія фактъ монопольнаго обладанія землей, а обладатели ея оказываются совершенно въ тѣхъ же среднихъ условіяхъ конкурренціи какъ и каждый капиталистъ, имѣющій такой же какъ они капиталъ, но болѣе ничего не имѣющій? Поставить этотъ вопросъ уже значитъ отрицательно на него отвѣтить. Какъ неоднократно было замѣчено выше, законъ средней нормы прибыли есть законъ свободной конкурренціи капиталовъ; тамъ гдѣ эта послѣдняя исключена, мы имѣемъ случай монополіи, относительно которой ultima ratio является законъ спроса и предложенія. Продукты земледѣлія, составляющіе предметы первой, даже первѣйшей необходимости, естественно всегда имѣютъ обезпеченный спросъ, размѣры котораго опредѣляются размѣрами рынка, при ограниченномъ предложеніи его производители имѣютъ потому возможность диктовать условія рынка, разъ извлеченіе возможно большаго дохода является цѣлью производства. Итакъ, ясно, — и едва ли могутъ быть сдѣланы здѣсь какія бы то ни было возраженія — что привиллегированное положеніе монопольныхъ владѣльцевъ земли даетъ имъ возможность извлекать доходъ большій средняго, и средствомъ къ тому явится поднятіе цѣны выше уровня, достаточнаго для оплаты капитала по средней нормѣ прибыли. Этотъ излишекъ цѣны и составляетъ собою ренту въ собственномъ смыслѣ слова. Это не даръ природы, не результатъ нарочитой производительности земледѣлія, это результатъ монополіи,—земельной собственности.

Рента можетъ быть выражена различно: и какъ часть всего продукта (хлѣбная рента), и какъ часть общей цѣны продукта (денежная рента) и, наконецъ, какъ часть цѣны каждой единицы продукта, какъ составной элементъ этой цѣны. Послѣднее выраженіе имѣетъ, конечно, чисто теоретическій характеръ, но оно для насъ наиболѣе важно въ цѣляхъ дальнѣйшаго изложенія.

Поднятіе цѣны на такой уровень, чтобы возможна была рента, есть общее условіе возможности ренты вообще. Но оно еще не опредѣляетъ ренты съ даннаго земельнаго участка; она должна быть *найдена* индивидуальными усиліями даннаго хозяина. То, что совершается почти автоматически въ Англіи путемъ конкур-

ренціи претендентовъ на данный земельный участокъ и затѣмъ фиксируется въ арендномъ контрактѣ, такъ что задача землевладѣльца сводится лишь къ полученію слѣдуемой по этому контракту арендной платы, — операція не болѣе трудная, чѣмъ стрижка купоновъ, — здѣсь является задачей для сельскаго хозяина. Онъ можетъ получить всю ренту, возможную при данномъ уровнѣ цѣнъ для даннаго участка, но можетъ получить лишь часть ея, въ томъ случаѣ, если не подвергнетъ землю культурѣ той именно интенсивности, которая соотвѣтствуетъ ей на основаніи табели о рентѣ. Полученіе средней прибыли на капиталъ является уже само собою подразумѣвающимся, отрицательнымъ, такъ сказать, условіемъ земледѣльческаго производства, его положительной задачей является извлеченіе изъ земли наибольшей ренты. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что раціональность капиталистическаго хозяйства на собственной землѣ состоитъ въ извлеченіи наибольшей ренты изъ даннаго участка [1]).

Это можетъ быть пояснено слѣдующимъ расчетомъ. Пусть первая, наиболѣе производительная, затрата капитала дастъ ренту r, относительно наибольшую, т. е. составляющую наибольшую долю цѣны продукта. Вторая, менѣе производительная [2]) затрата капитала, равная первой, дастъ и относительно и абсолютно меньшую ренту r_1; общая рента $(r + r_1)$ полученная съ даннаго участка, будетъ, конечно, болѣе первой ренты r, но относительно она составитъ меньшую долю цѣны. Всякая послѣдующая затрата капитала. будетъ давать ренту, относительно меньшую, нежели предыдущая, но общее количество ренты будетъ рости. Однако рано или поздно можетъ наступить моментъ, когда новая (и, стало быть, менѣе производительная) затрата капитала не только

---

[1]) Эту задачу хозяйства на собственной землѣ неправильно обобщая въ задачу земледѣлія вообще, мѣтко опредѣляетъ проф. Скворцовъ: „раціональность экономическая состоитъ въ томъ, чтобы интенсивность хозяйства была настолько высока чтобы получилась наивысшая, возможная при данныхъ условіяхъ рента.» (*Проф. Скворцовъ.* Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство. Варшава 1890, стр. 81—2).

[2]) Оговариваемся, что предположеніе о постепенно убывающемъ плодородіи послѣдовательныхъ затратъ капитала, а также о равныхъ размѣрахъ всѣхъ ихъ дѣлается нами для простоты. Фактически, конечно, можетъ быть, что наибольшей производительностью обладаетъ не первая, а напр. вторая затрата капитала, или двѣ послѣдовательныя затраты могутъ отличаться равной производительностью и т. д.

не дастъ ренты, но даже не окупитъ средней прибыли на капиталъ. При англійской системѣ такой случай явился бы оплошностью фермера и возможенъ лишь какъ исключеніе: данный уровень ренты, который обозначенъ въ арендномъ контрактѣ, составляетъ твердый базисъ для расчетовъ фермера. Но при хозяйствѣ на собственной землѣ оба эти дохода — и прибыль на капиталъ и поземельная рента — поступаютъ въ одну кассу, составляютъ нѣчто слитное. При этомъ условіи легко увлечься погоней за абсолютнымъ увеличеніемъ дохода, которое можетъ сопровождаться относительнымъ его уменьшеніемъ. Предѣльнымъ пунктомъ является здѣсь тотъ моментъ, когда на восполненіе прибыли послѣднихъ малопроизводительныхъ затратъ капитала до средней нормы, которой эти затраты сами уже дать не могутъ, уйдетъ вся рента, и доходъ будетъ состоять исключительно изъ прибыли на капиталъ; дальнѣйшее увеличеніе затратъ капитала дало бы уже уменьшеніе прибыли на капиталъ, такъ что весь капиталъ уже не могъ бы оплачиваться по средней нормѣ прибыли,—но этотъ случай насъ здѣсь не интересуетъ.

Итакъ, измѣненіе ренты съ даннаго участка можетъ быть выражено кривой, которая сначала идетъ вверхъ, а затѣмъ, дойдя до извѣстнаго высшаго пункта, снова спускается внизъ, образуя всѣмъ своимъ движеніемъ какъ бы родъ угла. Задача сельскаго хозяина и заключается въ томъ, чтобы найти вершину этого угла въ своемъ хозяйствѣ и ея держаться; лишь въ такомъ случаѣ изъ земли будетъ извлеченъ наибольшій доходъ. Для этого ему нужно, говоря конкретно, выбрать соотвѣтствующую систему земледѣлія и, кромѣ того, соотвѣтственную, наиболѣе выгодную спеціальность — опредѣленнаго рода сельскохозяйственные продукты: хлѣбъ, молоко, скотъ, овощи и т. д.

Въ томъ „изолированномъ государствѣ“, которое мы разсматривали въ своемъ гипотетическомъ примѣрѣ, эта задача одинаково разрѣшалась бы всѣми собственниками, потому что всѣ они находятся въ одинаковыхъ условіяхъ, и система хозяйства на всѣхъ участкахъ была бы одна и та же; самое большое, между ними установилась бы какая-нибудь спеціализація производства, и въ такомъ случаѣ было бы нѣсколько различныхъ типовъ, въ предѣлахъ которыхъ отдѣльныя хозяйства съ полной точностью повторяли бы одно другое. Но мы знаемъ, что въ конкретной жизни ни одинъ участокъ не походитъ на другой ни по физи-

ческимъ, ни по экономическимъ условіямъ его обработки. Такъ какъ всѣ они различны между собою, то задачу нахожденія наиболѣе рентабельной системы хозяйства долженъ, очевидно, рѣшать за свой страхъ каждый отдѣльный хозяинъ.

Въ предыдущемъ, въ сущности, выяснено уже происхожденіе и дифференціальной ренты или, точнѣе, такъ какъ по существу своему рента одна и та же во всѣхъ своихъ частяхъ, источникъ различія ренты съ разныхъ земельныхъ участковъ. Задача нахожденія наиболѣе рентабельной системы хозяйства обязательна для всякаго хозяина, и онъ рѣшаетъ ее, не справляясь о томъ, дифференціальную или абсолютную ренту онъ извлекаетъ (ибо въ извѣстномъ смыслѣ всякая рента дифференціальна, потому что нельзя предположить даже двухъ сходныхъ между собою участковъ, и въ извѣстномъ смыслѣ всякая рента абсолютна, т. е. является результатомъ монополіи). Условія различія земельныхъ участковъ,—разстояніе отъ рынковъ и плодородіе, которыя, конечно, могутъ въ различныхъ степеняхъ парализовать вліяніе другъ друга, какъ и при англійской рентѣ, дозволяютъ большую или меньшую затрату капитала на данномъ участкѣ, оплачиваемаго, конечно, средней прибылью, но съ максимальнымъ уровнемъ ренты. Очевидно, на участкѣ болѣе плодородномъ или менѣе удаленномъ отъ ренты, что экономически одно и тоже, можетъ быть затрачено большее количество капитала, такъ какъ первыя затраты капитала будутъ весьма производительны и рядъ затратъ капитала съ постепенно убывающей производительностью до той затраты, которая уже не оплачивается по средней нормѣ прибыли, будетъ больше нежели на менѣе производительномъ или болѣе удаленномъ отъ рынка участкѣ. Различнаго достоинства участки различаются, поэтому, между собою количествомъ рентоприносящихъ затратъ капитала или, возвращаясь къ нашему прежнему выраженію ренты какъ опредѣленной части цѣны продукта, количествомъ единицъ продукта, а потому и количествомъ заключающейся въ нихъ ренты.

Въ предыдущемъ мы различаемъ болѣе или менѣе производительныя послѣдовательныя затраты капитала лишь гипотетически, для сельскаго хозяина эти доли есть совершенно абстрактное понятіе. Всѣ эти различныя затраты сливаются для него въ общее количество капитала, которое онъ можетъ или долженъ затратить на данный участокъ и которое можетъ быть больше

или меньше. То, что онъ считаетъ, это разница между общей затратой капитала и цѣнностью продукта. Для него рента есть поэтому именно этотъ излишекъ въ цѣнѣ противъ издержекъ производства (включая сюда и прибыль на капиталъ).

Сказаннымъ выражена одна существенная черта образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты, а слѣдовательно и ренты при хозяйствѣ на собственной землѣ, чѣмъ эта система отличается отъ своего англійскаго прототипа. Мы видѣли, что тамъ рента, а слѣдовательно и цѣна продукта движется, такъ сказать, ступенеобразно, всякое повышеніе цѣны, служащее поводомъ къ приложенію новой менѣе производительной затраты капитала, тотчасъ же регистрируется повышеніемъ ренты. Англійская рента, такимъ образомъ, фактически различаетъ послѣдовательныя затраты капитала разной, въ общемъ убывающей производительности. Если земля воздѣлывается самимъ собственникомъ, такое различіе между разными затратами капитала, естественно, падаетъ: оно можетъ проводиться извнѣ, напр. вмѣшательствомъ земельнаго собственника, но для сельскаго хозяина, работающаго на своей землѣ, всѣ затраты капитала одинаковы и составляютъ въ своей совокупности извѣстную сумму капитала. Этотъ капиталъ, съ средней прибылью, фигурируетъ какъ издержки производства, превышеніе которыхъ въ цѣнѣ продукта и создаетъ ренту. Мы имѣли поэтому фактическое основаніе представить ренту какъ часть цѣны единицы продукта.

Очевидно, что претензіи хозяина-собственника на ренту, ceteris paribus, скромнѣе чѣмъ англійскаго лэндлорда: тамъ, гдѣ первый ограничивается общимъ превышеніемъ цѣнъ надъ издержками производства, послѣдній дѣлаетъ изъ этихъ издержекъ нѣсколько категорій, и каждую изъ этихъ категорій обращаетъ въ основаніе для повышенія ренты. Англійская рента въ этомъ смыслѣ можетъ быть названа квалифицированной сравнительно съ континентальной (что, впрочемъ, соотвѣтствуетъ существованію на счетъ одной ренты цѣлаго общественнаго класса, между тѣмъ какъ на континентѣ такого класса, собственно говоря, не существуетъ). Быть можетъ, это реальное различіе условій англійскаго и континентальнаго земледѣлія безсознательно выразилось въ различіяхъ теоріи ренты Рикардо и Родбертуса, а именно въ томъ особенномъ удареніи, съ которымъ Родбертусъ оттѣняетъ абсолютную ренту, возражая Рикардо, прежде всего, какъ теоретику исклю-

чительно дифференціальной ренты. Было бы смѣшнымъ на основаніи одного этого различія говорить объ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ тамъ и тутъ, потому что этотъ уровень зависитъ отъ тысячи другихъ условій; но если бы можно было предположить хотя въ цѣляхъ иллюстраціи всѣ эти условія равными, то, очевидно, въ такомъ случаѣ, хлѣбъ въ Англіи былъ бы дороже чѣмъ на континентѣ, единственно въ силу большей требовательности англійской ренты, въ силу трехчленнаго дѣленія дохода. Мы не сдѣлаемъ неосторожности, если выразимъ свою мысль въ такой общей формѣ: условія образованія англійской ренты при участіи чуждаго производству лица, пользующагося всякимъ поводомъ для повышенія ренты, стремятся поднять ренту и цѣну на хлѣбъ выше, нежели она стояла бы при континентальной системѣ крупнаго земледѣльческаго производства.

Роль камней, которые подкладываются подъ колеса, чтобы не дать повозкѣ скатиться внизъ по уклону, играетъ своеобразное выраженіе земельной ренты,—цѣна земли, или, согласно обычному противорѣчивому словоупотребленію, земельный капиталъ (Grundkapital) [1]). Составляя производное ренты, и выражая собою уже достигнутый уровень ренты, этотъ послѣдній является въ практическихъ расчетахъ однимъ изъ факторовъ образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Въ составѣ издержекъ производства фигурируетъ на ряду съ издержками на заработную плату или удобреніе (даже въ ученыхъ трактатахъ) [2]) особая рубрика: «процентъ на земельный капиталъ». И разсчетъ этотъ имѣетъ нерѣдко полное фактическое основаніе, если этотъ земельный капиталъ былъ выложенъ лишь недавно наличными деньгами при переходѣ собственности изъ рукъ въ руки или же фигурируетъ (болѣе или менѣе значительной частью) какъ притязаніе со стороны ипотечнаго банка, которому и должны поступить эти проценты; очевидно, производство, если оно не окупаетъ не только прибыли на капиталъ но и процентъ на земельный капиталъ, alias ренту предшествовавшаго періода, будетъ прямо

---

[1]) Въ земельный капиталъ нерѣдко включаютъ и цѣнность построекъ и меліорацій, но эти элементы могутъ быть выдѣлены изъ того, что составляетъ чистую ренту.

[2]) Расчеты подобнаго рода см. напр. у проф. Дрекслера: *Drechsler*, Die Productionskosten der Hauptgetreidearten (въ сборникѣ Festgaben für G. Hansen. Tübingen 1889).

убыточно. Такимъ образомъ, на извѣстномъ уровнѣ развитія изучаемой формы сельскохозяйственнаго производства полученіе опредѣленной земельной ренты является *принудительнымъ условіемъ конкурренціи*, уже не привиллегіей, но особой трудностью для цѣлой категоріи сельскихъ хозяевъ, а въ конкурренціи господствуетъ принципъ: ab uno disce omnes. Въ теперешнюю, тяжелую для земледѣлія эпоху аграрнаго кризиса «земельный капиталъ» изъ фактора, повышающаго ренту или, по крайней мѣрѣ, тормозящаго ея паденіе, превратился въ тяжелое бремя, вынуждая вести болѣе интенсивное хозяйство нежели позволяетъ раціональность. Камни подъ колесами были въ пользу тогда, когда возъ вообще шелъ въ гору; когда же онъ идетъ подъ гору, они становятся препятствіемъ движенія.

Вообще же говоря — при предположеніи замкнутаго рынка— слѣдуетъ спрашивать не о томъ, какъ рента держится на данномъ уровнѣ или какъ она вообще существуетъ, но какъ она повышается, потому что повышеніе есть нормальное развитіе ренты. Общими причинами повышенія ренты являются, конечно, ростъ спроса, прямой результатъ роста неземледѣльческаго населенія и ограниченность предложенія. Параллельно съ этимъ, развитіе капиталистической промышленности усиливаетъ борьбу между собою капиталовъ, и положеніе земледѣльческаго предпринимателя, который чуждъ этой борьбы, потому что спросъ на его продуктъ обезпеченъ, становится сравнительно болѣе выгоднымъ. Онъ выигрываетъ какъ прямо чрезъ пониженіе нормы прибыли и вслѣдствіе того повышеніе ренты, такъ и косвенно чрезъ поднятіе цѣны земли какъ надежной сферы приложенія капитала

Послѣ того, что мы сказали объ условіяхъ повышенія и пониженія англійской ренты и что имѣетъ—съ указанными отличіями — силу и здѣсь, мы можемъ ограничиться немногими замѣчаніями. Очевидно, при неизмѣнной цѣнѣ хлѣба, рента повышается: a) благодаря пониженію нормы прибыли на капиталъ, потому что насчетъ этого пониженія повышается рента; b) при неизмѣнныхъ условіяхъ производства отъ абсолютнаго количества производимаго продукта, потому что общее количество ренты тѣмъ больше, чѣмъ больше производится хлѣба вообще. При повышающейся цѣнѣ хлѣба рента увеличивается настолько, насколько это повышеніе не приходится на долю увеличившихся издержекъ производства; вообще повышеніе цѣны можетъ имѣть

источникомъ или указанную причину или же увеличеніе ренты или обѣ эти причины вмѣстѣ. Точно также и при понижающихся цѣнахъ рента остается неизмѣнной (мыслимо, что можетъ даже и увеличиваться), если цѣна понижается благодаря пониженію издержекъ производства, напр. нормы прибыли, но, вѣрнѣе, конечно, при этомъ понижается и рента. Спеціальныя причины имѣвшія мѣсто въ томъ или другомъ случаѣ, будутъ указываемы въ дальнѣйшемъ.

Рента служитъ базисомъ цѣны земли, цѣна земли, какъ гласитъ прописная истина политической экономіи, есть капитализированная рента.

Впрочемъ, послѣднее опредѣленіе приложимо лишь тогда, когда имѣются на лицо всѣ перечисленныя въ ней условія, а именно когда есть уже и прибыль на капиталъ и рента, какъ раздѣльные и опредѣленные элементы цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Конечно, это было не всегда такъ, потому что это предполагаетъ уже развитое капиталистическое производство. Между тѣмъ, крупное земледѣльческое производство открываетъ, а не заключаетъ собой эру наступленія капиталистическаго производства вообще. Очень долгое время земледѣліе является почти единственной формой капиталистическаго хозяйства, а другихъ формъ капитала, тѣмъ болѣе средней нормы прибыли на капиталъ, составляющей продуктъ развитого капиталистическаго производства, совсѣмъ не существуетъ. (Въ Германіи, напримѣръ, такое положеніе вещей продолжалось всю первую половину XIX столѣтія). Между тѣмъ, земля имѣетъ цѣну и составляетъ предметъ гражданскаго оборота и въ эту эпоху, и цѣна эта, какъ мы увидимъ, постоянно возрастаетъ. Очевидно, слѣдуетъ отказаться отъ объясненія этого явленія при помощи понятій, выработанныхъ на явленіяхъ позднѣйшей эпохи, и не брать масштабомъ опредѣленія цѣнъ земельную ренту, которая, какъ мы знаемъ, можетъ быть опредѣлена только при посредствѣ средней нормы прибыли.

Доходъ отъ земли былъ тогда единственной формой нетрудоваго дохода, а земля единственнымъ почти капиталомъ. (Прежде, въ эпоху крѣпостнаго права, эту роль на ряду съ землей играло и крѣпкое этой землѣ населеніе, но съ паденіемъ крѣпостного права затрата на рабочую силу стала фигурировать какъ затрата капитала). Инвентарь и всякія вообще издержки производства были сравнительно незначительны, по сравненію съ главнымъ ка-

питаломъ — землей, производившей на какой-либо внѣшній рынокъ. Цѣна земли опредѣлялась, конечно, и тогда капитализаціей земельнаго дохода соотвѣтственно уровню процента на денежный капиталъ, но въ этомъ доходѣ не различались раздѣльныя части— земля сама являлась капиталомъ (das rentierende Eigenthum, по выраженію Родбертуса).

Исторія образованія цѣны на землю въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ ее теперь, начинается, такимъ образомъ, съ образованія средней нормы прибыли, т. е. съ болѣе или менѣе развитого капиталистическаго производства.

Не нужно тратить много словъ, чтобы доказывать, что цѣна земли зависитъ съ одной стороны отъ количества земельной ренты, приходящейся на данный земельный участокъ, съ другой отъ того процента, изъ котораго капитализируется рента. Такъ какъ этотъ процентъ на капиталъ падаетъ съ развитіемъ капиталистическаго производства, то даже при неизмѣнной рентѣ цѣна земли росла бы, а при одновременномъ ростѣ и ренты цѣна земли росла бы ускореннымъ темпомъ. Этого одного достаточно, чтобы понять причины быстраго и сильнаго роста цѣны земли въ капиталистическихъ странахъ.

Конечно, капитализированной рентой опредѣляется minimum цѣны на землю, вытекающій только изъ экономическихъ причинъ. Но такъ какъ земля является не только средствомъ производства въ экономическомъ смыслѣ, но нерѣдко и средствомъ политическаго вліянія, предметомъ честолюбія или удовольствія даже, то, конечно, такіе сторонніе мотивы могутъ возвысить цѣну земли до совершенно несообразнаго съ экономической точки зрѣнія уровня. Найти общую теоретическую формулу для выраженія этихъ неэкономическихъ вліяній, очевидно, невозможно, но съ ними приходится иногда считаться при объясненіи нѣкоторыхъ конкретныхъ явленій аграрной эволюціи. Слѣдуетъ, наконецъ, особо выдѣлить въ составѣ цѣны земли плату за земельныя улучшенія, меліораціонный капиталъ. Очевидно, хотя практически въ цѣнѣ земли этотъ капиталъ сливается съ общей цѣнностью земли, т. е. съ капитализированною рентой, но экономическая природа этихъ частей вполнѣ различны [1]).

---

[1]) Это различіе отмѣчено Марксомъ еще въ Misère de la philosophie, гдѣ онъ различаетъ terre-matière и terre-capital. (См. его собственную ссылку: Das Kapital, III², 158, Note).

Обращаясь къ вопросу о природѣ изучаемаго вида ренты, а равно и объ условіяхъ образованія прибыли на земледѣльческій капиталъ, мы должны лишь повторить то же самое, что было подробно разъяснено въ параграфѣ объ англійской рентѣ. Въ той формѣ абсолютной ренты, къ которой мы свели всякую земледѣльческую ренту, ея происхожденіе изъ монополіи очевидно, — сюда не приложимо объясненіе ренты изъ Surplusprofit'a. Въ этомъ ея характерѣ ничего не измѣняетъ существованіе различій въ рентѣ,—она не этими различіями вызывается. Подобно англійской рентѣ, рента и здѣсь взимается, а не производится, причемъ плательщиками являются, какъ и тамъ, всѣ неземледѣльческіе классы общества; аналогія съ косвеннымъ налогомъ на предметъ первой необходимости умѣстна и здѣсь, какъ и при англійской рентѣ.

Земледѣліе и при континентальной системѣ крупнаго производства не подчиняется закону трудовой цѣнности, предполагающей свободу конкурренціи, не только въ выше объясненномъ монопольномъ способѣ образованія цѣны, но и въ сферѣ образованія средней нормы прибыли и распредѣленій между разными капиталами общественной прибавочной цѣнности. Насколько вся сфера земледѣльческаго производства изъята изъ вліянія свободной конкурренціи, настолько неприложимо сюда и ученіе о распредѣленіи прибавочной цѣнности по средней нормѣ прибыли. Ибо это распредѣленіе можетъ совершаться только при условіи колебанія цѣнъ, приноравливанія спроса къ предложенію и т. д., между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, ростъ земледѣльческаго производства обыкновенно лишь отвѣчаетъ на существующій спросъ и только при томъ условіи, чтобы цѣна продукта давала болѣе чѣмъ среднюю прибыль на капиталъ, т. е. еще и ренту. Ясно, что земледѣліе, какъ мы выразились выше, и при континентальной системѣ пользуется капиталистической экстерриторіальностью. А потому, какъ опять было разъяснено выше, и всѣ категоріи въ примѣненіи къ сельскому хозяйству (постоянный, перемѣнный капиталъ и т. д.) являются понятіями *мнимыми*, не отвѣчающими истинному научному смыслу, въ которомъ они употребляются въ политической экономіи.

Остается одинъ вопросъ, — объ общемъ соціальномъ значеніи континентальной ренты и ея сравненіе съ англійской.

Сельскій хозяинъ континента является двуликимъ Янусомъ,

онъ совмѣщаетъ въ себѣ и ренту и прибыль на капиталъ, которыя въ Англіи враждебно противостоятъ другъ другу, и это соединеніе кладетъ отпечатокъ на его экономическую физіономію. Такъ какъ земельная рента и прибыль соединяются здѣсь въ общей кассѣ, составляютъ общій доходъ сельскаго хозяина, то онъ стремится къ повышенію своего дохода вообще, безъ различія этихъ его источниковъ. Повышеніе ренты, въ общемъ составѣ дохода, стимулируетъ здѣсь непосредственно растущую производительность земледѣлія. Меліораціи какъ результатъ стремленія повысить доходъ имѣютъ здѣсь мѣсто въ гораздо большей степени нежели въ Англіи, гдѣ самое производство чуждо землевладѣльцу. Поэтому то оправданіе существованія земельной ренты, или, шире, частной собственности на землю, которое состоитъ въ указаніи на ея роль въ развитіи производства, въ гораздо большей степени приложимо здѣсь нежели къ Англіи. Выкупъ, который можетъ предложить предъ судомъ исторіи земельная монополія, тутъ значительнѣе нежели тамъ. Съ другой стороны, какъ было уже показано, вліяніе земельной монополіи въ ея континентальной формѣ мягче, она не въ такой степени стремится поднимать цѣны на хлѣбъ, какъ алчная англійская рента. Такимъ образомъ, можно сказать, что, сравнительно съ англійской системой, континентальная система даетъ большій выкупъ за меньшій грѣхъ.

Но это все-таки не уничтожаетъ вредныхъ сторонъ вліянія монополіи. Повышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости выше того, что они стбятъ при среднихъ общественныхъ условіяхъ преизводства, есть во всякомъ случаѣ—съ экономической точки зрѣнія—явленіе нежелательное; въ этомъ смыслѣ и континентальная рента есть форма паразитарная, притомъ поражающая самую слабую сторону общественнаго производства,—область господства закона убывающаго плодородія почвы.

Мы должны отмѣтить еще отрицательныя свойства, вытекающія именно изъ данной организаціи сельскаго хозяйства какъ таковой.

Цѣна земли, или капитализированная рента, является препятствіемъ для вновь приступающаго къ сельскому хозяйству, самостоятельной затратой капитала, которую онъ долженъ авансировать, кромѣ капитала, предназначеннаго для веденія хозяйства. Земля съ народно - хозяйственной точки зрѣнія не есть капиталъ, не есть вообще богатство въ смыслѣ экономическомъ, хотя, конечно, есть въ высшей степени важный элементъ есте-

ственныхъ богатствъ страны. Представляя собой отраженіе производственныхъ отношеній, она является фальшивой соціальной цѣнностью, и земельный капиталъ въ этомъ смыслѣ противоположенъ производительному капиталу, составляющему дѣйствительную цѣнность, дѣйствительное богатство. Но эта особенность земельнаго капитала, съ такимъ удареніемъ отмѣченная Родбертусомъ въ его знаменитомъ трактатѣ „Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes“ [1]), существуетъ только съ народнохозяйственной точки зрѣнія, лишь въ теоріи; практически же, для затрачивающаго его, земельный капиталъ есть такой же капиталъ какъ и всякій другой, т. е. извѣстная сумма денегъ, приносящая проценты. И при нормальныхъ условіяхъ земельный капиталъ приноситъ процентъ, т. е. земельную ренту съ такой же исправностью, какъ и всякая другая затрата капитала. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія необходимость покупки земли лишь увеличиваетъ minimum капитала, съ которымъ можно начинать земледѣльческое предпріятіе,—больше ничего.

Родбертусъ видитъ особенный вредъ въ томъ, что при такомъ способѣ опредѣленія цѣнности земли послѣдняя колеблется въ зависимости отъ измѣненій въ высотѣ заемнаго процента, изъ котораго капитализуется рента. Не споря, что при гипотечной задолженности эти колебанія тяжело ложатся на земельнаго собственника (хотя и эта тяжесть сильно преувеличена Родбертусомъ), мы не можемъ видѣть въ этихъ колебаніяхъ самихъ по себѣ чего-либо, спеціально свойственнаго земледѣльческому производству: закрѣпленіе значительныхъ цѣнностей въ форму основного капитала при быстромъ темпѣ экономической жизни и развитія техники вообще связано съ рискомъ потери отъ колебаній въ цѣнѣ этого основного капитала, — достаточно для примѣра указать на такъ называемое «нравственное» изнашиваніе машинъ [2]), составляющее самое заурядное явленіе промышленной жизни.

Цѣнностью земельнаго капитала обусловливаются явленія гипотечной задолженности. Согласно классическому выясненію этого

---

[1]) Первое изданіе въ 1868 году—I томъ и въ 1869 году—II томъ. Второе изданіе съ предисловіемъ Р. Мейера въ одномъ томѣ въ 1893 г.

[2]) „Нравственнымъ“ изнашиваніемъ машины называется тотъ случай, когда она обезцѣнивается благодаря новымъ техническимъ изобрѣтеніямъ, дѣлающимъ эту машину устарѣвшей и невыгодной.

вопроса у Родбертуса, главнымъ источникомъ гипотечной задолженности является перемѣна владѣльцевъ имѣнія, путемъ ли купли—продажи или путемъ наслѣдованія. Въ первомъ случаѣ, если у покупателя не хватаетъ денегъ на всю покупную сумму, то недостающую сумму (такъ называемые въ нѣмецкой литературѣ „Restkaufschilinge) онъ получаетъ путемъ гипотеки на свой участокъ; подобное же происходитъ при перемѣнѣ собственности путемъ наслѣдованія, когда изъ нѣсколькихъ наслѣдниковъ лишь одинъ фактически получаетъ землю, выдавая остальнымъ ихъ долю въ землѣ деньгами, которыя получаются также путемъ гипотеки. Конечно, это бываетъ не при всякой перемѣнѣ собственности, и задолженность сама по себѣ вовсе не является ни угрожающимъ, ни вреднымъ явленіемъ, какъ это думаютъ иные, конечно при соблюденіи мѣры въ степени задолженности [1]). Колебаніе въ уровнѣ заемнаго процента, такъ смутившія Родбертуса въ 50-хъ годахъ XIX вѣка и побудившія его выдвинуть знаменитый *Rentenprinzip*, согласно которому земля при гипотечныхъ займахъ должна разсматриваться не какъ капиталъ, получаемый посредствомъ капитализаціи ренты, но какъ „Ertragswerth“, источникъ извѣстнаго опредѣленнаго дохода, составляютъ во всякомъ случаѣ обоюдоострое орудіе, и въ общемъ можно сказать, что они скорѣе выгодны для должниковъ, въ силу тенденціи прибыли на капиталъ къ пониженію, ведущей къ повышенію земельнаго капитала. Таковы особенности, вытекающія изъ характеристики сельскаго хозяина какъ землевладѣльца.

Но онъ одновременно является или точнѣе долженъ являться и капиталистомъ. Между тѣмъ обладаніе и капиталомъ и земельной собственностью далеко не обусловливаетъ одно другое. Его можно еще предположить для тѣхъ случаевъ, когда данное лицо только вступаетъ въ земледѣльческую промышленность, принося съ собой извнѣ капиталъ и на землю и на ея обработку (такъ называемый въ нѣмецкой литературѣ Betriebskapital), хотя и

---

[1]) По компетентному свидѣтельству проф. *Гольца*, „при среднихъ условіяхъ совершенно безопасно обременять имѣніе долгомъ, равнымъ даже половинѣ его доходной цѣнности (Ertragswerthes). При безсрочныхъ гипотекахъ и при невысокомъ процентѣ ($3^1/_2\% - 4\%$) можно считать допустимымъ долгъ, доходящій до $^3/_5$, въ крайнемъ случаѣ до $^2/_3$ доходной цѣнности“. (*v. d. Goltz.* Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik. Iena. 1899. Стр 132).

это далеко не всегда бываетъ. Большинство же сельскихъ хозяевъ *родятся* владѣльцами земли, получая ее по наслѣдству, но часто не получая нужнаго на ея воздѣлываніе капитала. Недостатокъ капитала составляетъ поэтому наслѣдственный грѣхъ изучаемой системы земледѣлія, грѣхъ, совершенно несвойственный англійской системѣ. Этотъ же наслѣдственный характеръ землевладѣнія, являющагося обыкновенно основой родовой аристократіи и, слѣдовательно, политической реакціи, является причиной и тому, что среди этого класса встрѣчается гораздо больше людей, неспособныхъ вести предпріятіе, чѣмъ въ другихъ сферахъ промышленной жизни. Здѣсь нѣтъ того искусственнаго отбора, благодаря которому въ составъ класса капиталистовъ часто попадаютъ дѣйствительные „капитаны промышленности“, хозяйственные таланты, иногда геніи (особый видъ талантовъ, выработанный современной экономической жизнью и особенно ярко выраженный въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ). Насколько крупное землевладѣніе несвязано какими-либо спеціальными узаконеніями, не является сословной привиллегіей, конечно, и сюда, до извѣстной степени, проникаетъ вліяніе конкурренціи, удаляющей со сцены тѣхъ, кто для нея совершенно негоденъ.

Отсутствіе или недостатокъ предпринимательскаго капитала восполняется, конечно, кредитомъ, личнымъ или же гипотечнымъ. Здѣсь заключается, такимъ образомъ, другой источникъ гипотечной задолженности, кромѣ выше указанныхъ.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что причины, характеръ и значеніе гипотечной задолженности есть явленіе весьма сложное и можетъ получить надлежащее освѣщеніе только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (какъ это отчасти и будетъ сдѣлано въ послѣдующемъ изложеніи). Уже по этому одному является большой наивностью предразсудокъ, довольно распространенный въ марксистской литературѣ, что посредствомъ гипотечной зависимости отъ капитала, который подлежитъ закону концентраціи, выполняется мистическій законъ концентраціи и относительно земельной собственности [1]). Мы думаемъ вообще, что кредитъ для земледѣльческаго

---

[1]) Съ большой обстоятельностью подвергаетъ критикѣ этотъ предразсудокъ *Гериъ* въ своей замѣчательной работѣ по аграрному вопросу (*Friedrich Otto Hertz.* Die agrarischen Fragen im Verhältniss zum Socialismus. Wien. 1899). Читатель, знакомый съ этой работой, замѣтитъ значительную въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ близость нашихъ теоретическихъ и

производства есть столь же необходимое и благодѣтельное средство какъ и въ промышленности,—это рельсы, по которымъ одинаково совершается движеніе какъ земледѣльческаго такъ и промышленнаго предпріятія. И тѣмъ, которые дѣлаютъ большіе глаза при всякомъ упоминаніи о земледѣльческомъ кредитѣ и вопіютъ объ ограниченіи его или возможномъ уменьшеніи, можно отвѣтить старыми, но вполнѣ сохранившими силу словами проф. Шмоллера: „нельзя и не слѣдуетъ отнимать или уменьшать кредитъ ни для землевладѣльца, ни для крестьянина. Какимъ же образомъ возможно процвѣтаніе земледѣльческаго предпріятія, если они лишены того вспомогательнаго средства, которымъ фабрикантъ, купецъ, ремесленникъ пользуются ежедневно. Поэтому уже a priori слѣдуетъ отвергнуть всякую мѣру, которая, оборачиваясь назадъ, ищетъ своего идеала въ прошломъ, когда еще совсѣмъ не было кредита или же были лишь неразвитыя его формы“ [1]).

Слѣдуетъ въ заключеніе коснуться вопроса о націонализаціи земли. Насколько рѣчь не идетъ объ извѣстной организаціи ипотечнаго кредита, отвѣчающей общественному интересу и въ большей или меньшей степени осуществимой [2]), вопросъ о націонализаціи земли имѣетъ здѣсь совершенно иную постановку чѣмъ при англійской системѣ. Тамъ націонализація ренты можетъ быть проведена безъ существеннаго потрясенія земледѣльческаго про-

---

въ особенности соціальнополитическихъ воззрѣній съ воззрѣніями Герца. И если отсутствуютъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ ссылки на параллельныя мѣста книги Герца, то это лишь потому, что такихъ ссылокъ пришлось бы дѣлать слишкомъ много. Но отъ этого авторъ не менѣе горячо привѣтствуетъ работу Герца, особенно какъ вѣскій противовѣсъ вліянію книги Каутскаго.

[1]) *Prof. Schmoller.* Einige Bemerkungen über die zunehmende Verschuldung des deutschen Grundbesitzes und die Möglichkeit ihr entgegenzuwirken въ Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbücher, XI, 1882, стр. 618.

[2]) Таковъ напр. знаменитый проэктъ Шеффле общинной (земской?) организаціи земельнаго кредита. См. его извѣстное сочиненіе: Die Incorporation des Hypothecarkredits. 1883.

Замѣчу здѣсь, что всѣ техническіе вопросы организаціи ипотечнаго кредита, да и всякихъ формъ сельскохозяйственнаго кредита вообще будутъ затронуты въ настоящемъ сочиненіи лишь постольку, поскольку это безусловно необходимо въ цѣляхъ выясненія закономѣрной эволюціи сельскаго хозяйства, но не какъ таковые; потому всѣ детали остаются въ сторонѣ.

изводства: въ сущности она вводитъ лишь замѣну одного лица, получающаго ренту, другимъ, замѣну физическаго лица юридическимъ. Очевидно, націонализація земли въ примѣненіи къ континентальной системѣ имѣетъ совершенно иное значеніе, ибо рента является здѣсь такимъ же нервомъ производства какъ и прибыль на капиталъ, и удаленіе этого нерва произвело бы полную революцію въ области земледѣлія, реорганизацію его на новыхъ началахъ. Конечно, это мыслимо лишь при наличности опредѣленныхъ народнохозяйственныхъ показаній, при наличности нарождающихся экономическихъ формъ, готовыхъ стать на мѣсто старыхъ. Какимъ формамъ принадлежитъ вѣроятное будущее континентальнаго земледѣлія, мы увидимъ далѣе; здѣсь же достаточно указать, что націонализація земли въ томъ смыслѣ, какъ этотъ вопросъ ставится въ Англіи, т. е. націонализація земельной ренты съ полнымъ сохраненіемъ старыхъ формъ земледѣльческаго производства, для континента есть очевидный non-sens.

Какая же система лучше и предпочтительнѣй съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства, англійская или континентальная, можетъ быть, спроситъ иной читатель. Для тѣхъ, кто внимательно слѣдилъ за предшествовавшимъ ходомъ мысли, ясно, что дать отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ такой формѣ, авторъ не можетъ: для различныхъ условій наилучшими являются, конечно, различныя системы производства. Дѣло анализа состояло только въ выдѣленіи и сопоставленіи чертъ, принадлежащимъ этимъ системамъ какъ таковымъ, взятымъ внѣ исторической обстановки, въ которой онѣ фактически существуютъ.

3. Цѣна хлѣба и земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Особую форму организаціи сельскаго хозяйства представляетъ крестьянское хозяйство. Крестьянскимъ хозяйствомъ можно считать такое хозяйство, которое вполнѣ или по преимуществу обходится трудомъ собственной крестьянской семьи; безъ чужого труда — сосѣдской помощи или кратковременнаго найма — обходится рѣдкое даже крестьянское хозяйство, но это не измѣняетъ его экономической физіономіи. Разумѣется, лишь въ теоріи можно разграничить крестьянское хозяйство отъ обоихъ формъ капита-

листическаго, практически же между этими полюсами помѣщается цѣлый рядъ переходныхъ формъ, болѣе тяготѣющихъ къ тому или другому типу. Но ужъ это обычный недостатокъ искусственной классификаціи, которая, ради ясности и законченности дѣленій, разрубаетъ живую ткань спеціальнаго организма.

Крестьянское хозяйство какъ таковое до сихъ поръ не было предметомъ самостоятельнаго теоретическаго изученія. Причина этому въ томъ, что для однихъ теоретиковъ, какъ Рикардо, крестьянскаго хозяйства вообще не существовало, другіе, какъ Марксъ[1]) и въ особенности эпигоны, считали эту форму историческимъ пережиткомъ, обреченнымъ на вымираніе съ дальнѣйшимъ развитіемъ и долженствующимъ уступить свое мѣсто крупнокапиталистическому хозяйству.

Говорить это теперь, когда капиталистическое производство находится въ своемъ зенитѣ, а крестьянское хозяйство и не думаетъ погибать, уступая свое мѣсто крупному производству, а, по прежнему, занимаетъ свое особое мѣсто въ современной народнохозяйственной организаціи, очевидно, невозможно. Уже одного этого внѣшняго факта болѣе или менѣе значительной распространенности крестьянскаго хозяйства достаточно, чтобы обязать теоретика изучать его какъ самостоятельную форму производства. Но эта необходимость обусловливается также и тѣмъ, что крестьянское хозяйство представляетъ, дѣйствительно, нѣчто совершенно своеобразное, отличающееся по своей природѣ отъ капиталистическаго хозяйства, и потому должно быть изучено особо; въ

---

[1]) Марксъ думалъ, что „захватъ земледѣлія капиталистическимъ способомъ производства, превращеніе ведущихъ собственное хозяйство крестьянъ въ наемныхъ рабочихъ, на самомъ дѣлѣ составляетъ послѣднее завоеваніе этого способа производства вообще“ (Das Kapital, III², 189. Ср. также извѣстныя слова Коммунистическаго Манифеста о мелкихъ производителяхъ всякаго рода, въ томъ числѣ и земледѣльческихъ, силящихся повернуть колесо исторіи). Соотвѣтственно такому общему воззрѣнію, небольшой отрывокъ о крестьянскомъ хозяйствѣ, имѣющійся въ III томѣ *Капитала*, помѣщенъ Марксомъ подъ рубрикой „Genesis der kapitalistischen Grundrente“. Этотъ отрывокъ изобилуетъ интересными замѣчаніями (съ которыми мы встрѣтимся ниже). Каутскій считаетъ нужнымъ подвергнуть крестьянское хозяйство спеціальному изученію, и, какъ бы тенденціозно онъ ни отнесся къ своей задачѣ, самая ея постановка составляетъ его формальную заслугу. Вопросы, трактуемые въ настоящемъ параграфѣ, совсѣмъ остались внѣ разсмотрѣнія Каутскаго.

цѣляхъ болѣе полнаго пониманія всего современнаго народнохозяйственнаго строя.

Основное отличіе крестьянскаго (или вообще мелкаго) производства отъ крупнаго капиталистическаго заключается въ томъ, что крестьянинъ или мелкій производитель стремится къ удовлетворенію своихъ нуждъ и потребностей путемъ производительнаго приложенія своего труда, между тѣмъ какъ капиталистъ стремится къ извлеченію дохода. Марксъ выразилъ эту послѣднюю мысль въ извѣстной аористической формулѣ, что цѣль капиталистическаго производства не есть потребленіе, а возрастаніе цѣнности капитала. Конечно, послѣдней цѣлью всякаго производства является потребленіе, эта безспорная истина остается незатронута выставленнымъ положеніемъ, которое имѣетъ въ виду отличить особенности даннаго конкретнаго осуществленія этой конечной цѣли общественной организаціи производства.

Между капиталистической и крестьянской организаціями существуетъ цѣлая пропасть: чтобы понять характеръ крестьянскаго производства, самое лучшее — забыть обо всемъ, что мы знаемъ о капиталистическомъ производствѣ, забыть прежде всего о капиталѣ, ибо у крестьянина нѣтъ капитала (который, злоупотребляя терминологіей, часто у него находятъ, и даже ухитряются вычислять норму прибыли на этотъ капиталъ,—ариѳметическое упражненіе само по себѣ вполнѣ невинное, если бы оно не сбивало съ толку и не вносило путаницы понятій), а есть орудія производства [1]), рабочіе инструменты, безъ которыхъ невозможно никакое производство; забыть о прибыли на капиталъ, потому что она есть только тамъ, гдѣ есть капиталъ, и есть выраженіе стремленія къ увеличенію цѣнности капитала, какъ непосредственной цѣли капиталистическаго производства; забыть, наконецъ, и о земельной рентѣ, ибо, какъ достаточно выяснено выше, понятіе

[1]) Характерную попытку мѣрить крестьянское хозяйство понятіями капиталистическаго хозяйства мы встрѣчаемъ въ цитированномъ отрывкѣ у Маркса, которому, на этотъ разъ *мѣшаютъ* имъ же выработанныя понятія; интересно наблюдать, какъ его научный инстинктъ тамъ и здѣсь прорываетъ эту преграду, являющуюся лишь препятствіемъ правильнаго, не предвзятаго трактованія этихъ явленій. Marx contra Marx,—мы постоянно наблюдаемъ этотъ дуализмъ политика и изслѣдователя (какъ это съ несравненнымъ искусствомъ показано было Зомбартомъ), въ данномъ же отрывкѣ Марксъ, какъ изслѣдователь кэпиталистическаго хозяйства, выступаетъ contra Marx, какъ изслѣдователя вообще.

ренты соотносительно понятію прибыли на капиталъ,—тамъ же, гдѣ нѣтъ послѣдней, нѣтъ и первой, нѣтъ этихъ обоихъ видовъ дохода. Всѣ эти категоріи капиталистическаго производства совершенно непригодны для выясненія особенностей крестьянскаго хозяйства.

Но, между тѣмъ, продукты крестьянскаго хозяйства также какъ и капиталистическаго имѣютъ цѣну; земля, составляющая принадлежность крестьянскаго хозяйства, имѣетъ цѣну также точно, какъ и земля, воздѣлываемая капиталистически. Однѣ и тѣ же формальныя категоріи,—цѣна хлѣба и земли, скрываютъ, очевидно, разное экономическое содержаніе, которое и должно быть обнаружено въ настоящемъ изложеніи.

Поскольку крестьянское хозяйство производитъ не для собственнаго потребленія, оно является товарнымъ производствомъ, какъ оно было господствующимъ при болѣе или менѣе развитомъ мѣновомъ хозяйствѣ и какъ оно составляетъ логическій prius развитія капиталистическаго хозяйства, которое является продолженіемъ, а вмѣстѣ и частнымъ случаемъ мѣнового хозяйства. Въ обществѣ съ товарнымъ раздѣленіемъ труда, при болѣе или менѣе полной свободѣ перенесенія труда изъ одной сферы въ другую естественно господствовала бы трудовая цѣнность. Продукты вымѣнивались бы между собой соотвѣтственно трудности производства ихъ, необходимости затрачивать на него большее или меньшее количество труда. Съ другой стороны, товаропроизводители получали бы за свой трудъ—не въ деньгахъ, а in natura—большее или меньшее количество благъ для своего потребленія; и количество и качество этихъ благъ зависѣло бы отъ общей производительности труда и повышалось бы съ развитіемъ этого послѣдняго. Итакъ, можно сказать, что, какъ естественный результатъ основныхъ условій товарнаго производства, каждый производитель получаетъ за свой продуктъ такое количество другихъ продуктовъ, производство котораго требуетъ рабочаго времени, затраченнаго производителемъ, а потребительная ихъ форма, количество реальныхъ благъ, представляемыхъ этимъ продуктомъ опредѣленнаго рабочаго времени, опредѣляется уровнемъ производительности всего общественнаго труда. Напомнимъ еще, что поддерживается этотъ уровень цѣнъ конкурренціей между собою товаропроизводителей. Таковы общія условія опредѣленія цѣнности и заработка товаропроизводителей при господствѣ товарнаго произ-

водства. Какія же отличія представляетъ положеніе крестьянскаго производства въ современномъ народномъ хозяйствѣ?

Мелкое самостоятельное производство вообще, въ частности земледѣльческое (впрочемъ, съ многими другими: ремесленниками, домашними рабочими и т. д. [1]) въ современномъ обществѣ съ доминирующимъ значеніемъ капиталистическаго предпріятія образуютъ собою въ народнохозяйственномъ отношеніи какъ бы островъ, омываемый водами капиталистическаго хозяйства. Очевидно, поэтому, теперь не можетъ быть рѣчи о томъ способѣ установленія цѣнности, который естественъ при господствѣ мелкаго товарнаго производства. Тамъ продукты труда обмѣнивались на продукты труда, здѣсь же продукты труда обмѣниваются на продукты капитала. Какъ цѣнности, продуктъ мелкаго производителя, представляющій собой трудовую цѣнность, сгустокъ труда, по извѣстному выраженію Маркса, и продуктъ капитала, относительно котораго цѣнность имѣетъ силу лишь для всего общественнаго производства, но въ индивидуальномъ товарѣ выступаетъ въ весьма осложненномъ видѣ (какъ цѣна производства), просто несоизмѣримы между собою. Очевидно, трудовая цѣнность, господствующая при чистомъ товарномъ производствѣ, или въ капиталистическомъ обществѣ для цѣлаго капиталистическаго хозяйства, совершенно не можетъ опредѣлять собой взаимныя отношенія этихъ двухъ различныхъ территорій,—крупнаго производства и мелкаго, этихъ двухъ экономическихъ формацій. Итакъ, первый, отрицательный, выводъ будетъ таковъ, что продукты мелкаго производства, въ частности крестьянскаго хозяйства въ обществѣ съ преобладающей капиталистической организаціей не могутъ быть сдѣланы соизмѣримы ни способомъ соизмѣренія продуктовъ товарнаго производства, — трудовой цѣнностью, ни масштабомъ соизмѣренія продуктовъ капитала — цѣнами производства. Обычныя средства намъ, такимъ образомъ, измѣняютъ; нужно искать новыхъ масштабовъ.

Такимъ масштабомъ можетъ быть единственно уровень по-

---

[1]) Насколько мнѣ извѣстно, не сдѣлано было даже попытки изучить отношенія цѣнности во всей реальной сложности современной организаціи производства и всего разнообразія его формъ, среди которыхъ капиталистическая есть, можетъ быть, господствующая, но далеко не единственная. Такое изученіе настоятельно необходимо для сторонниковъ теоріи цѣнности и капитала Маркса, и въ особенности послѣ тѣхъ усложненій въ теоріи цѣнности, которыя принесъ съ собою III томъ Капитала.

требностей непосредственнаго производителя, говоря англійскимъ терминомъ, его standart of life [1]). Вслѣдствіе особенностей земледѣльческаго производства значительная, иногда даже большая часть его продукта составляетъ предметъ его собственнаго потребленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основную долю его вознагражденія за трудъ. Лишь остатокъ продукта поступаетъ на рынокъ, является товаромъ, и, съ другой стороны, производитель ищетъ путемъ продажи своего продукта удовлетворить лишь остальныя потребности, кромѣ потребности питанія, которую онъ удовлетворяетъ продуктомъ собственнаго хозяйства.

Сумма, выручаемая крестьяниномъ за продажу своихъ продуктовъ, представляетъ аналогію съ заработной платой, которая также базируется на уровнѣ культурныхъ потребностей рабочаго, и эта аналогія представляетъ большой соблазнъ отожествить этотъ видъ дохода съ заработной платой. Но при всемъ своемъ внѣшнемъ сходствѣ, которое можетъ быть чрезвычайно значительно, экономическая природа обоихъ видовъ дохода кореннымъ образомъ различествуетъ: понятіе заработной платы соотносительно понятію капитала, это—его элементъ; реально—это часть продукта труда, приводимаго въ движеніе капиталомъ, другая часть его есть прибавочная цѣнность или прибыль [2]). Очевидно, ничего подобнаго мы не имѣемъ въ случаѣ съ крестьянскимъ доходомъ (оставляемъ

---

[1]) Сюда можетъ быть распространено положеніе американскаго экономиста Гёнтона относительно заработной платы: „уровень жизненныхъ потребностей есть законъ заработной платы“ The standart of living is the law of the wages (*G. Gunton.* Wealth and Progress. London 1888. Стр. 379).

[2]) Потому едва-ли можно назвать удачнымъ слѣдующее разсужденіе, отражающее на себѣ вышеотмѣченную особенность анализа Маркса: „границей эксплуатаціи земли для парцеллярнаго крестьянина не служитъ съ одной стороны, средняя прибыль на капиталъ, насколько онъ является мелкимъ капиталистомъ (?); ни, съ другой стороны, необходимость ренты, насколько онъ является земельнымъ собственникомъ. Абсолютной границей для него, какъ мелкаго капиталиста, является ничто иное какъ заработная плата, которую онъ платитъ самъ себѣ (sic!), по вычетѣ собственныхъ издержекъ. Пока цѣна продукта покрываетъ ему эту плату, онъ будетъ воздѣлывать свою землю, и это часто при физическомъ минимумѣ заработной платы“. (Das Kapital, III², 339—40). Конструкція мужика въ качествѣ мелкаго капиталиста, платящаго себѣ самому заработную плату, даже понятая въ смыслѣ сравненія, не разъясняетъ дѣла, а скорѣе его затемняетъ, вызывая постороннія ассоціаціи и представленія.

въ сторонѣ прибыль, которую можетъ извлекать здѣсь купеческій капиталъ).

Доходъ крестьянина состоитъ такимъ образомъ въ совокупности предметовъ, удовлетворяющихъ его обычнымъ потребностямъ. Можно сейчасъ же намѣтить основныя измѣненія, которыя возможны при опредѣленіи этого дохода. Съ одной стороны, сумма потребностей не есть неизмѣнная величина, онѣ могутъ увеличиваться и уменьшаться. По общему закону культуры, онѣ, конечно, растутъ у всѣхъ, растутъ и у крестьянина. Но, очевидно, дѣло осложняется здѣсь самымъ положеніемъ крестьянскаго хозяйства: если оно разлагается и гибнетъ въ результатѣ собственной-ли несостоятельности или тяжелой внѣшней конкурренціи, конечно, при такомъ условіи уровень потребностей расти не можетъ; онъ можетъ скорѣе понижаться. При прочномъ положеніи крестьянскаго хозяйства, напротивъ, потребности крестьянина растутъ также, хотя можетъ быть, и медленнѣй, какъ и городскихъ рабочихъ. Во всякомъ случаѣ уровень потребностей самъ по себѣ составляетъ подвижный элементъ въ подвижной скалѣ земледѣльческаго дохода. Другой еще болѣе подвижный элементъ составляетъ *цѣна* (или, если угодно, и цѣнность) тѣхъ благъ, которыя входятъ въ крестьянскій обиходъ, но изготовляются *внѣ* крестьянскаго хозяйства. Это продукты обрабатывающей промышленности въ собственномъ смыслѣ слова. Общая тенденція развитія этой промышленности выражается въ стремленіи къ удешевленію продукта; потому она, при равномъ уровнѣ потребностей, дѣйствуетъ въ направленіи, понижающемъ мѣновую цѣнность дохода крестьянина, при неизмѣнности натуральной его формы.

Уровень потребностей крестьянъ есть, съ одной стороны, мѣрило культурнаго развитія страны, а, съ другой, показатель состоянія крестьянскаго хозяйства. Естественно, что онъ можетъ быть болѣе или менѣе высокъ, по крайней мѣрѣ, повышаться лишь при цвѣтущемъ состояніи крестьянскаго хозяйства и наоборотъ. Общеее состояніе крестьянскаго хозяйства является, такимъ образомъ, однимъ изъ опредѣлителей цѣнъ на продукты этого хозяйства: слабое и захудалое хозяйство мирится съ разорительно низкими цѣнами, съ которыми не мирится хозяйство болѣе крѣпкое.

Изученіе условій процвѣтанія или разоренія крестьянскаго хозяйства предстоитъ намъ впереди; тамъ же будетъ закончено, слѣдовательно, и ученіе объ установленіи цѣнъ на продукты

крестьянскаго хозяйства. Здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ только объ основныхъ условіяхъ опредѣленія цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ при разныхъ условіяхъ хозяйства, достаточно лишь установленія основного принципа этого опредѣленія; и относительно крестьянскаго хозяйства этотъ принципъ, повторимъ его еще разъ, есть опредѣленіе цѣнъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства уровнемъ культурныхъ потребностей крестьянина, его standart of life.

Но этимъ, конечно, не исчерпывается вопросъ объ установленіи цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Кромѣ вознагражденія за трудъ, въ цѣнѣ хлѣба должны быть оплачены и необходимыя орудія труда, а также его матеріалы. Необходимость извѣстнаго хотя бы самаго скуднаго minimum'а орудій производства—сохи, бороны, косы, рабочаго скота, само собою подразумѣвается такъ же точно, какъ для ручной швеи само собою разумѣется въ настоящее время обладаніе швейной машиной. Но мы знаемъ, что развитіе производительности земледѣлія требуетъ постояннаго увеличенія не только количества живого труда, но и орудій производства и удобреній. Конечно, эти орудія будутъ болѣе или менѣе разниться отъ тѣхъ, которыя употребляетъ крупное производство, но это ничего не измѣняетъ въ фактѣ увеличенія этой категоріи издержекъ. Разъ введеніе этихъ средствъ производства является дѣйствительной экономической необходимостью, обусловленной неизбѣжностью повышенія производительности земли, очевидно, пріобрѣтеніе этихъ средствъ производства должно быть оплачено въ цѣнѣ продукта, которая должна соразмѣрно повыситься. Конечно, повышеніе это можетъ быть лишь таково, что нужныя средства производства могутъ оплачиваться только постепенно (подобно тому, какъ затрата основного капитала лишь постепенно оплачивается въ цѣнѣ капиталистически производимаго продукта); это измѣняетъ подробности, но не существо дѣла. Вообще можно выставить такой принципъ, что цѣна земледѣльческихъ продуктовъ должна быть достаточно высока для того, чтобы оплачивать не только трудъ, но и затрачиваемыя здѣсь необходимыя средства производства.

Возникаетъ вопросъ: какъ передается цѣнность средствъ производства продукту, — съ „процентомъ“, какъ при капиталистическомъ установленіи цѣнъ, или безъ процента? Отвѣтъ можетъ быть данъ только въ послѣднемъ смыслѣ. Уже было упомянуто, что для крестьянина средства производства (сейчасъ увидимъ, что

также и земля) являются условіемъ возможности производительной затраты своего труда, а не извлеченія нетрудоваго дохода. Соотвѣтственно разнится и способъ установленія цѣнъ. Конечно, крестьянинъ, покупая, одинъ или обществомъ, напр. лобогрѣйку, оплачиваетъ въ цѣнѣ и прибыль фабриканта, но самъ онъ не насчитываетъ процентъ на эту общую цѣну. То же самое имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, если машина арендуется: въ арендной платѣ заключается, во 1-хъ, снашиваніе машины, во 2-хъ, прибыль; правда, эта прибыль можетъ быть выше прибыли строителя машины и, соразмѣрно, удорожаетъ въ такомъ случаѣ ея цѣну, и, если такая аренда есть явленіе широкораспространенное, это поднимаетъ цѣну выше ея естественнаго уровня. То же было бы и при крупномъ производствѣ, но тамъ былъ бы еще насчитанъ на эту затрату „процентъ“, полностью или той, по крайней мѣрѣ, частью, которая не забрана уже владѣльцемъ машины. Но этого не будетъ въ мелкомъ производствѣ.

Мы разсматриваемъ *среднія* условія мелкаго производства и предполагаемъ поэтому однородными всѣ хозяйственныя единицы. Но, конечно, извѣстные пріемы хозяйства распространяются не сразу, съ кого-нибудь это распространеніе должно начаться, и этотъ хозяинъ первое время можетъ имѣть особыя выгоды отъ своего положенія хозяйственнаго піонера, аналогичныя выгодамъ фабриканта при спорадическомъ введеніи машинъ въ переходную эпоху до общаго распространенія новыхъ способовъ производства. Это результатъ естественныхъ неравенствъ даже при равенствѣ общихъ условій. Но это не вноситъ ограниченій въ выставленный принципъ.

А поземельная рента? Входитъ-ли она въ цѣну продуктовъ? Здѣсь нѣтъ, конечно, поземельной ренты въ капиталистическомъ смыслѣ, но и здѣсь есть естественныя различія (плодородія и разстоянія), образующія источникъ дифференціальной ренты. При данной цѣнѣ продукта, эти участки естественно даютъ и большій доходъ, при всякой системѣ производства. Марксъ разрѣшаетъ вопросъ о дифференціальной рентѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ слѣдующимъ образомъ: „какъ бы ни регулировалась здѣсь средняя рыночная цѣна земельнаго продукта, дифференціальная рента, избыточная часть цѣны товаровъ на лучшихъ или лучше расположенныхъ земельныхъ участкахъ, очевидно, должна здѣсь также существовать какъ и при капиталистическомъ способѣ производ-

ства. Даже если эта форма встрѣчается при такомъ общественномъ состояніи, когда еще не образовалось всеобщей рыночной цѣнности, эта дифференціальная рента всетаки существуетъ; она выражается въ избыточномъ продуктѣ. Она течетъ лишь въ карманъ крестьянина, работа котораго примѣняется при лучшихъ естественныхъ условіяхъ“ [1]).

Это рѣшеніе было бы вѣрно въ томъ случаѣ, еслибы и при крестьянскомъ хозяйствѣ цѣна продукта опредѣлялась бы издержками его производства при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; въ такомъ лишь случаѣ цѣна продукта, производимаго при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, давала бы ренту. Но есть-ли основанія предполагать такой способъ установленія цѣнъ при крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ общее правило? Мы видѣли, что эти естественныя различія производительности почвъ могли бы быть нивеллированы даже при англійскихъ условіяхъ посредствомъ пропорціональнаго распредѣленія затратъ капитала. При континентальной системѣ крупнаго производства цѣна продукта вовсе не опредѣляется, какъ мы видѣли, наименѣе благопріятными условіями производства; это можетъ быть скорѣе какъ исключеніе.

Въ организаніи крестьянскаго хозяйства также нѣтъ ничего, что съ необходимостью обусловливало бы опредѣленіе цѣны продукта издержками производства при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ, какъ это съ необходимостью обусловлено англійской системой. Напротивъ, конкурренція производителей и стремленіе къ наибольшему использованію земельнаго участка должны и здѣсь исключить возможность образованія цѣнъ по англійскому образцу. Меньшее плодородіе участка (которому равносильна по своему значенію степень удаленности отъ рынка) можетъ быть компенсировано большими размѣрами участка въ однихъ рукахъ, большее плодородіе можетъ сопровождаться большимъ дробленіемъ участка, которое имѣетъ результатомъ большую интенсивность воздѣлыванія земли, большую затрату на единицу площади труда и „капитала“. Словомъ, вліяніе различія естественныхъ условій можетъ быть здѣсь компенсировано различіемъ степени интенсивности обработки разныхъ земельныхъ участковъ. Конечно, такого соотвѣтствія можетъ и не быть, въ такомъ случаѣ обладатели лучшихъ участковъ получатъ, дѣйствительно, родъ ренты; съ другой

---

[1]) Das Kapital, III², 339.

стороны, полное нивеллированіе различій земельныхъ участковъ можетъ быть не осуществимо по чисто техническимъ причинамъ: участки малаго плодородія не могутъ быть соединены въ столь обширные участки, что они становятся недоступны воздѣлыванію одной рабочей семьи; участки высокаго достоинства, наоборотъ, не могутъ быть въ тѣхъ же видахъ размельчены выше технически позволительнаго уровня. Нивеллированія всѣхъ различій можетъ и не быть, и изложенный выше постулатъ является лишь одной изъ возможностей, наиболѣе вѣроятной для естественнаго хода событій при извѣстныхъ условіяхъ установленія цѣнъ.

Необходимость установленія цѣнъ по *средней* производительности земледѣлія выясняется и изъ того соображенія, что обладатель худшаго участка земли, представляющаго для него не средство извлеченія дохода, а возможность приложенія труда, не нуждается для воздѣлыванія своего участка въ томъ, чтобы цѣна опредѣлялась производительностью именно его участка. Онъ при всякой цѣнѣ станетъ воздѣлывать свою землю и при этомъ, конечно, будетъ страдать оттого, что его трудъ оплачивается по низшей нежели средняя нормѣ. Онъ будетъ стремиться или восполнить недочетъ прикупкой добавочнаго количества земли (если не сторонними заработками) или же, въ концѣ концовъ, будетъ устраненъ. Въ жестокой борьбѣ конкурренціи это обычное средство для возстановленія нарушеннаго равновѣсія.

Въ колебаніяхъ спроса и предложенія возможно, конечно, что цѣна хлѣба станетъ на уровнѣ производительности лучшаго, средняго или худшаго участка. Въ первомъ случаѣ, если это не преходящее колебаніе цѣны, обладатели участковъ средняго и низшаго качества, конечно, будутъ выбиты изъ колеи, прежде чѣмъ часть ихъ приспособится къ новымъ условіямъ и не станетъ подвергать болѣе поверхностной обработкѣ болѣе обширные земельные участки, какъ это разъяснено выше. При томъ условіи, что цѣна опредѣляется участками наименьшей производительности, естественнымъ результатомъ слѣдуетъ предположить, что это побудитъ къ усиленному воздѣлыванію участковъ болѣе высокаго качества,— ибо для крестьянъ интересна не рента, а растущая возможность приложенія труда, — причемъ естественнымъ результатомъ можетъ быть и паденіе цѣнъ.

Различіе качества земельныхъ участковъ, находящихся въ предѣлахъ одного хозяйства, въ связи съ размѣрами такихъ

участковъ и возможности той или иной обработки и образуетъ базисъ для конкурренціи производителей между собою. Тотъ или другой уровень цѣнъ есть естественный симптомъ цвѣтущаго состоянія крестьянскаго хозяйства или его угнетенія. Само собою при этомъ разумѣется, что возможность всѣхъ этихъ различій создаетъ почву для неравенствъ въ крестьянской средѣ, всякаго рода дифференціаціи и т. д. Но эти конкретныя возможности могутъ быть изучены не здѣсь, гдѣ вниманіе наше останавливаютъ только общія (и для всѣхъ равныя) условія образованія цѣнъ. Полагаю, что на основаніи предыдущихъ разсужденій мы можемъ сдѣлать иной выводъ, нежели сдѣланъ Марксомъ: дифференціальной ренты, которая являлась бы функціей извѣстнаго, именно англійскаго способа образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты, здѣсь нѣтъ; существующія различія могутъ выравниваться, а не выравненныя ведутъ къ различію въ положеніи и судьбахъ лишь отдѣльныхъ хозяйствъ; цѣна хлѣба можетъ случайно находиться на всякомъ уровнѣ, т. е. отвѣчать лучшимъ, среднимъ или худшимъ условіямъ производства; опредѣленный и устойчивый уровень цѣнъ вытекаетъ изъ общаго отношенія спроса къ предложенію, и хозяйства должны такъ или иначе приспособиться къ данному уровню цѣнъ, согласно вышеразъясненнымъ способамъ. То явленіе, которое мы имѣемъ въ результатѣ естественныхъ различій земельныхъ участковъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, есть, во всякомъ случаѣ, нѣчто sui generis и не должно быть характеризовано понятіемъ дифференціальной ренты, принадлежащимъ совершенно иному экономическому укладу.

Само собою разумѣется, крестьянское хозяйство не знаетъ ничего, подобнаго абсолютной рентѣ,—этой функціи прибыли на капиталъ; она отсутствуетъ тамъ, гдѣ отсутствуетъ и эта прибыль и даже самая категорія капитала [1]).

---

[1]) Любопытно по этому поводу сужденіе Маркса, который говоритъ: „въ среднемъ слѣдуетъ принять, что здѣсь не существуетъ абсолютной ренты, что, слѣдовательно, самая худшая земля не платитъ ренты; ибо абсолютная рента предполагаетъ или реализованный излишекъ цѣнности продукта надъ его цѣною производства, или монопольную цѣну, превосходящую цѣнность продукта. Но такъ какъ земледѣліе большей частью имѣетъ здѣсь въ виду собственное существованіе производителей, а земля является для большинства населенія необходимымъ полемъ приложенія его труда и капитала, то регулирующая рыночная цѣна продукта достигнетъ цѣнности лишь при исключительныхъ условіяхъ; какъ правило же,

Напрашиваются на сравненіе условія образованія цѣнъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ съ одной стороны и въ англійскомъ или континентальномъ капиталистическомъ съ другой. Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы рѣшить, какой хлѣбъ дешевле—крестьянскій или капиталистическій, потому что такое сопоставленіе можно дѣлать лишь „при прочихъ равныхъ условіяхъ", которыхъ обыкновенно нельзя встрѣтить въ конкретной жизни. Но этотъ вопросъ можетъ быть поставленъ на основаніи произведеннаго до сихъ поръ теоретическаго анализа образованія цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ тамъ и здѣсь.

Слѣдуетъ, конечно, отмѣтить при этомъ, что техническіе пріемы крупнаго и мелкаго хозяйства различаются между собою: въ мелкомъ превалируетъ трудоинтенсивность, въ крупномъ капиталоинтенсивность; крупное хозяйство можетъ быть вооружено лучшими орудіями чѣмъ мелкое. Но возможно и обратное: возможетъ тотъ случай, когда мелкое производство и технически стоитъ выше нежели иное крупное. Эти техническія и экономическія различія соотвѣтствуютъ конкретной экономической обстановкѣ, они не могутъ быть поэтому усчитаны здѣсь и составить элементы проблемы. Наша проблема, поэтому, по прежнему, остается такова: какъ вліяютъ на уровень цѣнъ условія ихъ образованія, свойственныя каждой изъ хозяйственныхъ системъ какъ таковой?

Очевидно безъ многихъ разсужденій, что крестьянское хозяйство дешевле продаетъ свой хлѣбъ нежели всякое другое. Причина этого ясна: здѣсь нѣтъ прибыли на издержки производства, потому что онѣ не составляютъ собою капитала, и здѣсь нѣтъ ренты, дифференціальной и въ особенности абсолютной. Всѣ орудія и матеріалы производства, покупаемыя на рынкѣ, передаютъ свою цѣнность безъ процента; стоимость рабочей силы, хотя бы реальный заработокъ крестьянина вполнѣ соотвѣтство-

---

эта цѣнность будетъ стоять выше цѣны производства вслѣдствіе перевѣса здѣсь элемента рабочей силы, хотя этотъ перевѣсъ цѣнности надъ цѣной производства будетъ ограниченъ низкимъ органическимъ составомъ и неземледѣльческаго капитала въ странахъ съ господствующимъ парцеллярнымъ хозяйствомъ" (Das Kapital, III², 339). Это мѣсто, само по себѣ чрезвычайно неясное (очевидно, вслѣдствіе недосказанности) хорошо характеризуетъ указанную манеру Маркса трактовать крестьянское хозяйство понятіями капиталистическаго: крестьянское хозяйство имѣетъ здѣсь и „цѣну производства" (Productionspreis) и составъ капитала и т. д., не имѣетъ лишь одного, добавимъ мы уже отъ себя: капитала...

валъ реальному заработку рабочаго, также не является въ крестьянскомъ хозяйствѣ затратой капитала, которая должна быть оплачена съ прибылью. Можно сказать, что въ этомъ смыслѣ крестьянство производитъ на болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ всякая другая организація сельскаго хозяйства, и поэтому, еслибы оно могло въ техническомъ отношеніи давать то же, что даетъ крупное производство, то крестьянское хозяйство было бы самой выгодной для общества организаціей земледѣлія.

Черта эта отмѣчена и Марксомъ, хотя съ тѣмъ же смѣшеніемъ понятій капиталистическаго и крестьянскаго хозяйства, которое въ данномъ случаѣ ему свойственно. Онъ говоритъ: „для того, чтобы мелкій крестьянинъ (Parcellenbauer) воздѣлывалъ свою землю или могъ купить землю для воздѣлыванія, не требуется какъ при нормальномъ капиталистическомъ способѣ производства, чтобы рыночная цѣна земледѣльческаго продукта достигла такого уровня, при которомъ она могла бы давать среднюю прибыль, и еще менѣе фиксированный въ формѣ ренты излишекъ сверхъ этой средней прибыли. Слѣдовательно, не нужно, чтобы рыночная цѣна поднялась до уровня, равнаго цѣнности или цѣнѣ производства земледѣльческаго продукта. Это составляетъ одну изъ причинъ, почему цѣна хлѣба въ странахъ наибольшаго господства парцеллярной собственности стоитъ ниже нежели въ странахъ капиталистическаго способа производства. Часть прибавочнаго труда крестьянъ, которые работаютъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, отдается обществу даромъ и не входитъ въ регулированіе цѣнъ производства или вообще въ образованіе цѣнностей. Эта низкая цѣна является такимъ образомъ результатомъ бѣдности производителей, а вовсе не производительности ихъ труда“ [1]).

Не споря, что въ отдѣльныхъ случаяхъ низкій уровень крестьянскихъ цѣнъ проистекаетъ изъ дѣйствительной бѣдности производителей, мы должны рѣшительно протестовать противъ общаго утвержденія, будто это всегда такъ бываетъ и будто это вытекаетъ изъ самой сущности крестьянскаго хозяйства. Утвержденіе, что „часть прибавочнаго труда крестьянъ отдается въ данномъ случаѣ обществу даромъ“, заключаетъ сопоставленіе съ капиталистической организаціей земледѣльческаго производства, при ко-

[1]) Das Kapital, III², 340).

торой реализуется—прямо или косвенно—и прибавочный трудъ. Это утвержденіе оставляетъ, стало быть, внѣ сомнѣнія, что прибавочная цѣнность производится въ земледѣліи точно такимъ же манеромъ, какъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности, и образуетъ источникъ земледѣльческой прибыли, или, точнѣе, входитъ въ общее распредѣленіе общественной прибавочной цѣнности по средней нормѣ прибыли.

Мы имѣли уже случай указать, что земледѣльческій капиталъ не является полноправнымъ членомъ капиталистической семьи, и что онъ не принимаетъ участія въ установленіи средней нормы прибыли, благодаря земельной рентѣ, исключающей конкурренцію. Здѣсь мы думаемъ указать на другую особенность земледѣльческаго производства, вслѣдствіе которой и Марксъ, хотя и не раздѣляющій указанной точки зрѣнія, не могъ не отличить земледѣльческій капиталъ отъ другихъ сферъ приложенія капитала.

Условіемъ существованія прибавочной цѣнности является, какъ это очевидно безъ дальнихъ разсужденій, извѣстная объективная производительность труда, оставляющая нѣкоторый избытокъ сверхъ заработной платы. Развитіе капиталистическаго производства сопровождается повышеніемъ этой производительности, это повышеніе есть законъ развитія капиталистическаго производства, какъ это хорошо выяснено Марксомъ въ ученіи объ относительной нормѣ прибавочной цѣнности. Степень развитія производительности труда, конечно, различна и въ соотвѣтствіи съ этой степенью во всемъ народномъ хозяйствѣ опредѣляется средняя норма прибыли. Нормальнымъ условіемъ капиталистической организаціи производства является хотя медленный ростъ производительности труда, слѣдовательно относительный ростъ количества продукта,

Земледѣліе представляетъ въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, особыя условія. Абсолютный ростъ количества продукта сопровождается относительнымъ уменьшеніемъ производительности земледѣльческаго труда. Это признаетъ и Марксъ, независимо отъ его отношенія къ закону убывающей производительности почвы. Дѣйствительно, въ его теоріи ренты опредѣляющей цѣну является наименѣе производительная затрата капитала, а ростъ ренты находится въ зависимости отъ того, что эта производительность послѣдовательныхъ затратъ капитала непрерывно убываетъ. Такъ какъ весь излишекъ сверхъ средней прибыли на самую

малопроизводительную затрату капитала отбирается въ видѣ ренты, то, слѣдовательно, земледѣльческій капиталъ самъ по себѣ, и по Марксу, характеризуется убывающей производительностью.

Не трудно видѣть, что эта особенность ставитъ земледѣльческій капиталъ въ особое положеніе. Хотя съ формальной стороны и здѣсь рабочій день распадается на небходимый и прибавочный трудъ, и количество труда растетъ, но соотвѣтственно этому росту вовсе не растетъ количество прибавочнаго продукта. Если бы рѣчь не шла о хлѣбѣ насущномъ, предметѣ первой необходимости, то, конечно, такая отрасль капиталистическаго производства съ убывающимъ плодородіемъ не могла бы существовать. Но разъ она существуетъ, она не можетъ считаться подобной всѣмъ остальнымъ: ея прибавочный трудъ лишь *формально* сходенъ съ прибавочнымъ трудомъ другихъ отраслей производства, матеріально онъ различествуетъ съ ними. Это формальное тожество уполномочиваетъ земледѣльческаго капиталиста изъ непрерывно растущаго общественнаго богатства брать свою тоже непрерывно растущую по натуральной своей формѣ долю, брать все большее количество продуктовъ, а отдавать все меньшее. Формальное сходство внѣшнихъ условій производства не даетъ права отожествлять земледѣльческій и неземледѣльческій капиталъ; для капиталистическаго производства имѣетъ значеніе не только цѣнность или прибавочная цѣнность, но и представляемый этой цѣнностью продуктъ, а равно и прибавочный продуктъ.

Мы приходимъ къ выводу, что въ земледѣліи не только рента но и прибыль представляются вообще явленіемъ въ извѣстномъ смыслѣ паразитарнаго характера, ибо земледѣльческій капиталъ беретъ больше чѣмъ даетъ. Насъ заставляетъ, поэтому, выдѣлить въ особую категорію земледѣльческій капиталъ не только то, что онъ уклоняется благодаря отсутствію свободной конкурренціи отъ участія въ установленіи средней нормы прибыли, но и вообще является блуднымъ сыномъ капиталистической семьи, болѣе расточителемъ, чѣмъ производителемъ.

Такимъ образомъ, формальное приравниванье земледѣльческаго капитала другимъ видамъ капитала вообще создаетъ лишь несообразную претензію его на извѣстную долю въ національномъ богатствѣ. Если крестьянство не получаетъ въ цѣнѣ продукта этой доли, то это не значитъ, чтобы оно, какъ думаетъ Марксъ, дарило обществу часть своего прибавочнаго труда; экономически

это скорѣе значитъ лишь то, что оно отказывается отъ несообразныхъ претензій, что оно не беретъ налога на общественное развитіе, который взимается, какъ разъяснено теперь, не только землевладѣльцемъ, но въ извѣстномъ смыслѣ и капиталистомъ. Авторъ далекъ отъ намѣренія возводить этотъ непреднамѣренный результатъ игры производственныхъ отношеній въ сознательную заслугу крестьянства; но разсматриваемая черта, съ точки зрѣнія интересовъ всего общества, есть достоинство этой формы хозяйства, а не testimonium paupertatis. Связывать ее съ бѣдностью крестьянства нѣтъ, поэтому, ни малѣйшихъ основаній. Совсѣмъ напротивъ, не претендуя на среднюю норму прибыли, въ которой онъ не нуждается, крестьянинъ вовсе не остается (или, по крайней мѣрѣ, при совокупности извѣстныхъ условій, можетъ не оставаться) въ обидѣ: все развитіе производительности неземледѣльческаго труда прямо или косвенно приноситъ ему выгоду, дѣлая его вознагражденіе за трудъ, даже при неизмѣнномъ денежномъ уровнѣ, по натуральному его выраженію выше и разнообразнѣе. Онъ пріобщается къ благамъ культуры тѣмъ въ большей степени, чѣмъ больше онъ самъ этого требуетъ, расширяя кругъ своихъ потребностей.

Добавлю въ заключеніе, чтобы исчерпать вопросъ, что обвиненіе Маркса, повторяемое вообще нерѣдко, только и возможно при условіи смѣшенія понятій и перенесенія понятій капиталистическихъ на отношенія некапиталистическія: вмѣсто того, чтобы подвергнуть спеціальному изслѣдованію, какъ опредѣляются цѣны продуктовъ мелкихъ производителей при мѣновыхъ сношеніяхъ съ капиталистическими производителями и изъ этого анализа вывести ученіе и критику этой формы хозяйства, Марксъ предпочитаетъ проэцировать на крестьянское хозяйство понятія капиталистическаго; въ результатѣ критика сводится къ порицанію крестьянскаго хозяйства за то, что оно не таково какъ капиталистическое, причемъ не обращается вниманія, что земледѣліе вовсе не составляетъ нормальнаго случая капиталистическаго производства.

Предыдущія сопоставленія во всякомъ случаѣ убѣдили насъ еще разъ, что крестьянское хозяйство, разсматриваемое со стороны способа образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты, отвѣчаетъ общественнымъ интересамъ болѣе, чѣмъ всякая другая организація земледѣлія.

Хотя въ крестьянскомъ хозяйствѣ нѣтъ мѣста поземельной рентѣ, тѣмъ не менѣе земля здѣсь имѣетъ *цѣну* и, какъ мы сейчасъ увидимъ, очень высокую. Чѣмъ же опредѣляется эта цѣна земли? Обычный отвѣтъ, что цѣна земли есть капитализированная рента [1]), очевидно, тутъ не годится по тому, что здѣсь нѣтъ мѣста ни капитализаціи, ни рентѣ, понятіемъ хозяйства капиталистическаго. Въ районахъ съ господствомъ крестьянскаго хозяйства, среди которыхъ найдется не мало не знавшихъ никогда капиталистическаго хозяйства, опредѣленіе цѣны земли капитализированной рентой можетъ явиться рѣдкимъ исключеніемъ, но не общимъ правиломъ.

Происхожденіе цѣны крестьянской земли слѣдуетъ поставить въ связь съ ея хозяйственнымъ назначеніемъ, съ той цѣлью, которую преслѣдуетъ при покупкѣ земли крестьянинъ. Если назначеніемъ земли при капиталистическомъ хозяйствѣ является извлеченіе изъ нея опредѣленнаго дохода, а именно земельной ренты, почему и цѣна земли есть капитализированная рента, то въ крестьянскомъ хозяйствѣ земля разсматривается какъ возможность производительнаго приложенія собственнаго труда въ цѣляхъ существованія производителя. Въ ней необходимо отражается поэтому трудность этого существованія и оплачивается въ ней именно эта возможность приложенія труда. Цѣна земли есть выраженіе трудности борьбы за существованіе въ современномъ хозяйствѣ.

Мы должны здѣсь снова обратиться къ тому рычагу, который движетъ рынкомъ, именно къ закону спроса и предложенія. Цѣна земли растетъ потому, что растетъ на нее спросъ, въ которомъ выражается въ данномъ случаѣ интенсивность борьбы за существованіе. Спросъ и предложеніе,—точнѣе измѣненія спроса, потому что предложеніе земли остается болѣе или менѣе неизмѣннымъ,—образуютъ подвижную скалу цѣнъ, способную колебаться вверхъ и внизъ въ зависимости отъ условій спроса. Въ своемъ мѣстѣ мы изучимъ эти условія, а здѣсь ограничимся лишь этимъ общимъ указаніемъ.

---

[1]) Несмотря на то, что Марксъ самъ же указываетъ, почему цѣна крестьянской земли не можетъ опредѣляться капитализированной рентой, онъ, вѣрный своей манерѣ мѣрить крестьянское хозяйство капиталистическимъ аршиномъ, всетаки не одинъ разъ повторяетъ: „der Bodenpreis, der nichts ist als die kapitalisierte Rente“ (Das Kapital III², 339, тоже на 342, также ср, стр. 345).

Можно указать нѣкоторыя границы, въ которыхъ колеблются цѣны. Снизу такой границей является, если можно такъ выразиться, капиталистическая цѣна земли, т. е. капитализированная рента. Если бы цѣна земли могла спуститься ниже этого предѣла, это сдѣлало бы возможнымъ пріобрѣтеніе земли капиталомъ, въ цѣляхъ-ли собственной эксплуатаціи или же сдачи въ капиталистическую или некапиталистическую аренду. Другими словами, это вызвало бы концентрацію земельной собственности. Такіе случаи, когда цѣна крестьянской земли падаетъ ниже капиталистической возможны, — примѣры ихъ мы встрѣтимъ въ исторіи Англіи, а также и другихъ странъ; обычно, это симптомъ полнаго не только крушенія, но и безсилія мелкаго хозяйства, сопровождаемаго одновременнымъ торжествомъ крупнаго (что, конечно, далеко не обусловливаетъ одно другого: теперешняя эпоха аграрнаго кризиса даетъ примѣръ крушенія мелкаго хозяйства, сопровождаемаго крушеніемъ и крупнаго). Но въ общемъ это бываетъ рѣдкимъ исключеніемъ.

Какъ правило же, крестьянская цѣна земли превышаетъ капиталистическую. Вотъ въ чемъ одна изъ важнѣйшихъ причинъ невозможности аггрессивнаго нашествія капитала на крестьянское хозяйство, въ цѣляхъ-ли концентраціи производства или же только землевладѣнія. Капиталъ, затраченный здѣсь на покупку земли, не получилъ бы ни въ какомъ случаѣ средняго процента при капиталистической организаціи производства, потому что ренты не хватало бы, чтобы оплатить этотъ процентъ; единственно возможный способъ эксплуатаціи такой земли заключался бы въ сдачѣ въ аренду крестьянамъ же.

Именно этимъ объясняются многочисленныя явленія земельной спекуляціи, когда земля скупается (особенно въ новыхъ мѣстахъ) или захватывается съ цѣлью перепродажи мелкими участками или же чаще сдачи въ аренду. Эта чисто паразитарная роль спекулятивнаго капитала не имѣетъ ничего общаго съ ролью капитала какъ организатора производства, и мнимая концентрація земли никоимъ образомъ не показуетъ здѣсь концентраціи производства.

Сказанное дѣлаетъ понятнымъ, почему капиталъ, имѣющійся въ такомъ избыткѣ въ Европѣ, рыщущій по всему свѣту за выгоднымъ приложеніемъ, предпочитаетъ строить желѣзную дорогу въ Китаѣ или фабрики въ Россіи, чѣмъ искать приложенія у себя подъ рукою въ землѣ, „капитализируя“, какъ у насъ го-

ворятъ, земледѣліе въ Бельгіи, во Франціи и т. д. Конечно, это явленіе имѣетъ много причинъ, но не маловажное значеніе имѣетъ здѣсь и цѣна крестьянской земли, которая создаетъ барьеръ, ограждающій ее отъ вторженія капитала. Къ тому же цѣна земли представляетъ подвижную скалу и обладаетъ поэтому большой эластичностью.

Высокая цѣна земли является не только оборонительнымъ средствомъ крестьянскаго хозяйства противъ завоеваній крупнаго, но можетъ быть и наступательнымъ средствомъ, средствомъ расширенія его территоріи. При извѣстныхъ условіяхъ (которыя здѣсь еще не мѣсто изучать) крестьянское хозяйство высокой цѣной своей земли раздробляетъ крупное и превращаетъ его въ нѣсколько мелкихъ. Этимъ объясняется тотъ общеизвѣстный фактъ, что крупныя имѣнія вразбробь продаются обыкновенно дороже чѣмъ цѣликомъ [1]). Они попадаютъ при этомъ, такъ сказать, въ иную экономическую плоскость, съ совершенно инымъ масштабомъ измѣренія. Мы будемъ встрѣчать еще много примѣровъ такого завоеванія крупнаго хозяйства мелкимъ, здѣсь же можно ограничиться лишь установленіемъ общаго принципа.

Не такъ легко указать высшую границу колебаній цѣны крестьянской земли. Подъ вліяніемъ болѣзненнаго состоянія всего крестьянскаго хозяйства или какихъ-либо спеціальныхъ условій (особеннаго значенія того или другого участка для крестьянскаго хозяйства, напр. луга или выгона) цѣны эти способны безгранично повышаться, внѣ всякаго соотвѣтствія среднимъ условіямъ производства. Условія, вызывающія такой „голодъ на землю“ и голодныя цѣны, будутъ изучены нами ниже.

Въ общемъ цѣны на крестьянскую землю имѣютъ тенденцію повышаться, такъ же какъ и цѣны на капиталистически воздѣлываемую землю. На уровень цѣнъ и крестьянской земли не остается, конечно, безъ вліянія уровень цѣнъ капиталистическихъ,

[1]) Марксъ также замѣчаетъ: „здѣсь, гдѣ собственность на землю образуетъ жизненное условіе для большой части производителей, и необходимое поле приложенія для ихъ капитала (?), цѣна на землю повышается независимо отъ уровня процента и часто въ обратномъ отношеніи съ нимъ, благодаря перевѣсу спроса на земельную собственность надъ предложеніемъ. Земля, продаваемая парцеллами, получаетъ здѣсь гораздо высшую цѣну нежели при продажѣ большими массами, потому что число мелкихъ покупщиковъ здѣсь велико, а крупныхъ ограниченно“ (Das Kapital III², 345). Очевидна вся недостаточность этого объясненія.

естественно образующій низшую границу крестьянскихъ цѣнъ. Но есть, кромѣ того, и спеціальныя основанія для повышенія цѣнъ на крестьянскую землю, основанія, вытекающія изъ самой природы крестьянскаго хозяйства. Дѣло въ томъ, что съ развитіемъ народнаго хозяйства вообще и съ ростомъ рынка на земледѣльческіе продукты (и, слѣдовательно, съ ростомъ неземледѣльческаго населенія) повышающійся спросъ на продукты сельскаго хозяйства обусловливаетъ болѣе интенсивное воздѣлываніе земли, слѣдовательно большую затрату труда (и „капитала“) на одну и ту же земельную площадь. Но это значитъ другими словами, что большее количество труда можетъ прилагаться къ одному и тому же участку, съ него можетъ получаться и большее количество дохода. А это и значитъ, что потребности земледѣльческаго производителя (и, конечно, его семьи) могутъ удовлетворяться съ меньшаго участка земли, который и получаетъ теперь, по крайней мѣрѣ, такую же цѣну, какъ прежде большій. Но съ ростомъ производительности той части крестьянскаго труда, продуктъ которой предназначается къ обмѣну, растетъ производительность крестьянскаго труда вообще, т. е. и въ натуральной части крестьянскаго хозяйства (объ этомъ у насъ рѣчь будетъ ниже). Потому одновременно растетъ и значеніе земли какъ источника прокормленія для крестьянской семьи, удовлетворенія ея потребностей чисто натуральнохозяйственнымъ путемъ. Этимъ также обусловливается поднятіе цѣнъ на землю. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и общее обостреніе борьбы за существованіе, растущую трудность отстоять право на жизнь, являющуюся естественнымъ результатомъ развитія цивилизаціи, роста потребностей и роста населенія. Но это общее вліяніе есть во всякомъ случаѣ questio facti, которая для каждаго случая рѣшается различно.

Указанныя начала позволяютъ опредѣлить не только уровень цѣнъ на крестьянскую землю вообще, но и *различія* цѣнъ на разные земельные участки. Оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе случаевъ, когда это различіе обусловлено разницей общихъ народнохозяйственныхъ условій, въ предѣлахъ однородной народнохозяйственной среды это различіе объясняется неодинаковой способностью разныхъ земельныхъ участковъ служить той цѣли, ради которой вообще пріобрѣтается земля въ крестьянскомъ хозяйствѣ, именно цѣли удовлетворенія потребностей. Эта разница, очевидно, обусловливается большимъ плодородіемъ или, что эко-

номически равнозначуще, близостью къ рынку. Меньшій участокъ болѣе плодородной или близкой къ рынку земли, способный впитать въ себя большее количество труда, эквивалентенъ большему участку, но этими качествами не отличающемуся. Mutatis mutandis, здѣсь происходитъ то же самое, что происходитъ при установленіи дифференціальной ренты и, соотвѣтственно, цѣны земли. Само собою понятно, что то различіе, которое дѣлаетъ между разными участками и отмѣчаетъ въ цѣнѣ земли крестьянское хозяйство, не можетъ здѣсь найти точнаго количественнаго выраженія и опредѣляется только эмпирическимъ путемъ; но въ теоретическихъ цѣляхъ совершенно достаточно опредѣлить основной принципъ этихъ различій.

Если при капиталистической рентѣ земля, какъ мы видѣли, представляетъ фальшивую соціальную цѣнность, то цѣна крестьянской земли является положительнымъ зломъ. Она является границей, сдерживающей постоянный напоръ желающихъ купить эту землю, и, при всякой переходѣ владѣнія не-наслѣдственнымъ путемъ, она выплачивается новымъ владѣльцемъ и, такимъ образомъ, отъ земли отвлекается капиталъ, который могъ бы увеличить ея производительнось. Обычно преувеличиваютъ относительное количество такихъ возмездныхъ переходовъ земли изъ рукъ въ руки, забывая, что въ огромномъ своемъ большинствѣ крестьянство владѣетъ землею наслѣдственно. Но это не даетъ намъ права закрывать глаза на это зло. Зло это парализуется, при здоровомъ состояніи крестьянскаго хозяйства, до извѣстной степени развитіемъ поземельнаго кредита, который уменьшаетъ количество капитала, нужнаго для пріобрѣтенія земли и замѣняетъ его ежегодными платежами процентовъ и погашенія. Конечно, мѣра эта еще болѣе полезна въ томъ случаѣ, если кредитъ открывается данной общиной или государствомъ, такъ что прибыль, являющаяся результатомъ мобилизаціи крестьянской земли, составляетъ не индивидуальное, а общее достояніе. При этомъ условіи крестьянское хозяйство должно вполнѣ удовлетворить націонализаторовъ земли quand même: земля здѣсь принадлежитъ производителямъ, мобилизація земли, ея стоимость и доходъ отъ нея въ рукахъ государства; лэндлорда нѣтъ, и въ цѣнѣ хлѣба нѣтъ прибавки, составляющей его ренту.

Составляетъ ли цѣна земли преодолимое или непреодолимое препятствіе для процвѣтанія крестьянскаго хозяйства, есть воп-

росъ, на который даются разные отвѣты. Авторъ считаетъ крайне преувеличенной оцѣнку вліянія цѣны земли на сельское хозяйство, которую мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ крестьянофобствующихъ авторовъ. Нѣтъ ничего легче апріорной абстрактной критики, которая, доказавъ вредное вліяніе одной какой-либо особенности данной организаціи (часто съ легкой руки Маркса у насъ это называется „противорѣчивостью“, причемъ забывается, что въ этомъ смыслѣ противорѣчива вся природа, но что эта противорѣчивость не имѣетъ и отдаленнаго сходства съ противорѣчивостью логической) объявляетъ торжествующе непригодность этой общественной формы (такіе примѣры въ изобиліи имѣются въ книгѣ Каутскаго). Нѣтъ ничего легче такой критики, но и ничего безполезнѣй. Указать in abstracto значеніе каждой черты данной организаціи есть обязанность всякаго теоретика, но общее сужденіе можетъ быть высказано только по соображеніи всѣхъ другихъ сторонъ и условій. Мы думаемъ, что крестьянская цѣна на землю есть зло, но не столь глубокое и не столь общее, чтобы оно, при наличности другихъ условій, не могло быть парализовано вполнѣ или отчасти.

Но есть еще сторона дѣла, заслуживающая замѣчанія. Крестьянская цѣна на землю есть faux frais производства не только въ томъ смыслѣ, что она отвлекаетъ отъ земледѣлія капиталъ, но и въ томъ, что капиталъ этотъ затрачивается также какъ и сельскохозяйственный „капиталъ“ крестьянина даромъ, безъ процента, между тѣмъ какъ самъ крестьянинъ долженъ, въ случаѣ если этотъ капиталъ занятъ, платить за него процентъ.

Мы видѣли, что при образованіи цѣнъ на крестьянскіе продукты нѣтъ мѣста поземельной рентѣ, она не входитъ въ цѣну продукта. Крестьянинъ не получитъ поэтому въ видѣ ренты прибыль на капиталъ, затраченный на покупку земли и при капиталистическомъ хозяйствѣ равный капитализированной рентѣ, какъ получаетъ этотъ процентъ въ видѣ ренты капиталистическій производитель. Мы видѣли къ тому же, что цѣна крестьянской земли выше, чѣмъ ее опредѣляетъ капитализація ренты; чтобы получить процентъ на земельный капиталъ, крестьянинъ долженъ бы получать ренту, высшую даже чѣмъ капиталистъ, — предположеніе, явно несообразное и, кромѣ того, противорѣчащее общему факту сравнительно низшей цѣны на хлѣбъ въ крестьян-

скомъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ, крестьянинъ отказывается отъ процента на капиталъ, затрачиваемый на землю; если же этотъ капиталъ заемный, ему приходится нести на своихъ собственныхъ плечахъ всю тяжесть платежей по займу. До тѣхъ поръ, пока онъ не выплатитъ долга, онъ долженъ или напрягать свои рабочія силы, чтобы производить излишекъ сверхъ своихъ потребностей, или же урѣзать эти потребности. Въ томъ и другомъ случаѣ его временное положеніе въ качествѣ должника представляетъ большое сходство съ постояннымъ положеніемъ мелкаго, некапитастическаго арендатора.

Приглядимся поближе къ этой невзрачной фигурѣ. Ясно, что по своему общему экономическому положенію арендаторъ этотъ— парія въ крестьянской семьѣ, ибо надъ нимъ тяготитъ постоянное бремя аренды, соединенное съ постоянной зависимостью отъ землевладѣльца, которая иногда можетъ принимать формы, напоминающія крѣпостное право. Во всякомъ случаѣ, это аномалія сравнительно съ среднимъ положеніемъ крестьянскаго хозяйства [1]). Чѣмъ опредѣляется здѣсь „рента“, названіе мало подходящее для той обычно непомѣрной аренды, которую платитъ мелкій арендаторъ? Очевидно, не тѣми соображеніями, что при крупномъ капиталистическомъ хозяйствѣ, а спросомъ и предложеніемъ въ голой формѣ. Отвратительныя формы дѣйствія этого закона мы будемъ изучать въ Ирландіи; болѣе мягкія формы носитъ мелкая аренда на континентѣ. Она не несовмѣстима даже съ относительнымъ благосостояніемъ мелкаго арендатора, какъ показываетъ это примѣръ Голландіи и Бельгіи. Но во всякомъ случаѣ это тягость, которая, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ тягостей, ничѣмъ не окупается. Она заслуживаетъ поэтому безоговорочнаго осужде-

---

[1]) Даже и Марксъ находитъ, что „свободная собственность ведущихъ самостоятельное хозяйство крестьянъ есть очевидно наиболѣе нормальная форма земельной собственности для мелкаго хозяйства, т. е. для такого способа производства, при которомъ владѣніе землей составляетъ условіе для собственности рабочаго на продуктъ его собственнаго труда, и при которомъ земледѣлецъ—будетъ-ли онъ свободный собственникъ или крѣпостной—производитъ съ своимъ семействомъ средства существованія для себя, самостоятельно, какъ отдѣльный рабочій. Собственность на землю настолько же необходима для всесторонняго развитія этого способа производства, насколько собственность на инструментъ необходима для свободнаго развитія ремесленнаго хозяйства. Она образуетъ здѣсь базисъ для развитія личной самостоятельности. (Das Kapital, III², 341).

нія. Всѣ мѣры, клонящіяся къ уничтоженію этого общественнаго паразита путемъ обращенія земель въ крестьянскую собственность, тамъ, гдѣ и безъ того господствуетъ крестьянское хозяйство, должны быть признаны общественно прогрессивными. Взвѣшенныя на вѣсахъ экономической теоріи, всѣ формы сельскаго хозяйства имѣютъ тѣ или иныя преимущества, представляющія ихъ raison d'être, кромѣ этой, никакихъ преимуществъ не имѣющей.

Арендная плата крестьянина, очевидно, „категорически" тожественна съ цѣной крестьянской земли. Она также выше капиталистической ренты, какъ цѣна крестьянской земли выше цѣны капиталистической. Какъ и тамъ, возможны положенія, когда крестьянская аренда ниже капиталистической ренты. Но общее правило составляютъ обратные случаи. Крестьянская аренда, также какъ и крестьянская цѣна за землю, составляетъ и оборонительное и наступательное средство для мелкаго хозяйства въ борьбѣ съ крупнымъ. Эта высота крестьянскихъ арендъ есть одно изъ главныхъ условій, почему напр., въ капиталистической Бельгіи капиталъ не затрачивается на крупныя фермы англійскаго типа, а господствуютъ мелкія аренды. Сдача земли въ аренду мелкимъ арендаторамъ является обычной формой ликвидаціи крупнаго хозяйства, если она по тѣмъ или по другимъ мотивамъ вмѣстѣ не сопровождается упраздненіемъ и крупнаго землевладѣнія.

Нечего тратить словъ для доказательствъ, что оборона и завоеваніе территоріи для крестьянскихъ хозяйствъ обходится несравненно дороже въ формѣ аренды, чѣмъ въ формѣ цѣны земли. Измѣненія аренды въ общемъ соотвѣтствуютъ измѣненіямъ въ цѣнѣ земли, а также и различія въ арендной платѣ опредѣляются тѣми же условіями, что и при крестьянской цѣнѣ земли. Основной принципъ опредѣленія цѣнъ на крестьянскую землю,—трудность существованія, спросъ на землю какъ на возможность производительнаго приложенія своего труда, при арендѣ способенъ къ болѣе эластичному примѣненію: сравнительно съ покупкой земли аренда представляетъ гораздо болѣе оттѣнковъ, благодаря тому, что она возможна не только для разныхъ участковъ, но и на разные сроки. Различіе сроковъ создаетъ лишнюю возможность эксплуатаціи мелкаго арендатора лэндлордомъ. Извѣстно, что краткосрочныя аренды обыкновенно выше долгосрочныхъ, также какъ аренда болѣе обширныхъ участковъ ниже нежели

менѣе обширныхъ. Это лишь частные случаи приложенія основнаго принципа опредѣленія высоты крестьянскихъ арендъ.

Аренда представляетъ собой много разновидностей, причемъ нѣкоторыя являются переходными образованіями между предшествующей эпохой натуральнаго хозяйства и крѣпостнаго права и отношеніями мѣноваго хозяйства. Таково, напр., широкораспространенное до сихъ поръ не только въ Россіи, но напр. и во Франціи половничество, отличительная черта котораго заключается въ опредѣленіи арендной платы какъ извѣстной доли продукта. Паразитарный характеръ аренды выступаетъ здѣсь воочію. Изученіе различныхъ формъ арендъ насъ здѣсь не интересуетъ.

Мы могли бы на этомъ и закончить изученіе различныхъ формъ сельскаго хозяйства и различныхъ условій образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Остается упомянуть о промежуточныхъ формахъ, межеумкахъ, не имѣющихъ собственной физіономіи и тяготѣющимъ преимущественно въ ту или другую сторону. Такою формой является крупнокрестьянское хозяйство, которое больше чѣмъ просто крестьянское и характеризуется болѣе или менѣе обширнымъ примѣненіемъ наемнаго труда, но въ то же время меньше среднихъ размѣровъ крупнаго хозяйства, отъ котораго оно отличается и тѣмъ, что нерѣдко участіе въ производствѣ принимаетъ какъ самъ хозяинъ, такъ и его семья. Очевидно, эта форма тяготѣетъ въ ту или другую сторону, къ той или другой хозяйственной организаціи, не будучи ни одной изъ нихъ вполнѣ. Для крупнокрестьянскаго хозяйства существуетъ уже—въ зачаточномъ, по крайней мѣрѣ, видѣ—и рента и норма прибыли; но въ то же время его доходъ является не только доходомъ въ собственномъ смыслѣ, но и включаетъ въ себя вознагражденіе за собственный трудъ хозяина. Хотя эти группы представляются иногда довольно обширными, но теоретически они самостоятельнаго интереса не представляютъ. Не ими характеризуется экономическій укладъ земледѣлія.

Точно также не представляетъ собою самостоятельнаго хозяйственнаго типа тотъ весьма распространенный въ европейскихъ промышленныхъ странахъ подвидъ мелкаго хозяйства, когда земледѣліе соединяется съ какимъ-либо промышленнымъ занятіемъ. Это встрѣчается въ двухъ основныхъ формахъ: во-первыхъ, въ формѣ домашней промышленности (Hausindustrie), во-вторыхъ, въ формѣ парцеллярнаго владѣнія промышленныхъ рабочихъ,

главнымъ образомъ вблизи промышленныхъ центровъ. Земля достигаетъ въ послѣднемъ случаѣ наибольшаго „распыленія“, и культура носитъ почти огородный характеръ. Насколько земледѣліе является подсобнымъ или даже случайнымъ занятіемъ, конечно, оно подчиняется существующимъ условіямъ сельскохозяйственнаго производства, иногда даже мѣстнаго рынка. Что касается деревенской домашней промышленности, то въ томъ случаѣ, если она составляетъ общее занятіе сельскаго населенія, это является общимъ и само по себѣ подразумѣвающимся условіемъ опредѣленія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты; если же это составляетъ лишь спеціальное занятіе части сельскаго населенія въ отличіе отъ другой части, имѣющей свое исключительное занятіе въ сельскомъ хозяйствѣ, то въ этой первой части, поскольку крестьяне являются домашними промышленниками, не являются земледѣльцами и наоборотъ. Другими словами, они только отчасти существуютъ земледѣліемъ (обычно благодаря малоземелію), но это, очевидно, не вноситъ никакихъ измѣненій въ выше развитые принципы образованія цѣнъ.

Здѣсь можно остановиться. Нашей задачей было не исчерпать все возможное разнообразіе формъ сельскаго хозяйства, что невозможно въ силу безконечнаго разнообразія неистощимаго творчества жизни, но лишь провести грубые штрихи, намѣтить демаркаціонныя линіи, которыя разграничивали бы сходныя явленія, насколько это необходимо въ интересахъ ихъ теоретическаго изученія и пониманія.

Въ заключеніе всего сказаннаго объ условіяхъ образованія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты при разныхъ системахъ производства мы должны добавить нѣсколько словъ о земледѣльческихъ рынкахъ или реальныхъ условіяхъ установленія цѣнъ. Дѣло въ томъ, что процессъ этого установленія изучался нами абстрактно, гипотетически: мы старались лишь вѣрно опредѣлить, какой способъ установленія цѣнъ можетъ явиться результатомъ извѣстныхъ основныхъ условій организаціи производства. Вѣрность или невѣрность выводовъ зависитъ отъ правильности или неправильности дедукціи. Индуктивной повѣрки эти выводы, очевидно, не допускаютъ, потому что дѣйствительность представляетъ въ высшей степени сложный конгломератъ, который можно понять или анализировать, только отправляясь отъ нѣкоторыхъ дедуктивно установленныхъ положеній.

Чтобы выяснить феноменъ образованія цѣнъ на продукты земледѣлія, мы исходили, изучая каждый способъ производства, изъ предположенія, что рыночная цѣна вообще опредѣляется именно даннымъ способомъ производства, что онъ диктуетъ цѣны. Это предположеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности въ двухъ смыслахъ. Во-первыхъ, почти во всякомъ народнохозяйственномъ цѣломъ въ земледѣліи представленъ не одинъ, а нѣсколько типовъ земледѣльческой организаціи. Установленіе реальныхъ цѣнъ совершается такимъ образомъ путемъ компромисса, равнодѣйствующей различныхъ стремленій разныхъ хозяйственныхъ организацій. Во-вторыхъ, цѣны установляются подъ вліяніемъ не только даннаго народнохозяйственнаго цѣлаго, о которомъ идетъ рѣчь, но подъ вліяніемъ нѣсколькихъ народныхъ хозяйствъ, земледѣліе которыхъ оказываетъ давленіе на данный рынокъ, и цѣна хлѣба является уже компромиссомъ различныхъ стремленій не только нѣсколькихъ разныхъ типовъ организаціи сельскаго хозяйства, но и нѣсколькихъ народнохозяйственныхъ организацій.

Въ поясненіе къ первому пункту можно добавить слѣдующее. Если потребность въ хлѣбѣ и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктахъ удовлетворяется, положимъ, двумя хозяйственными формами, изъ которыхъ каждая слѣдуетъ при установленіи цѣнъ требованіямъ своей внутренней организаціи, то ея способность перетянуть чашку вѣсовъ въ большей или меньшей степени на свою сторону будетъ опредѣляться тѣмъ вліяніемъ, которое принадлежитъ ему во всей организаціи земледѣлія, тѣмъ количествомъ факторовъ производства, т. е. земли или сельскохозяйственныхъ орудій, удобреній, словомъ „капитала“, которое находится въ его распоряженіи. Каждая изъ земледѣльческихъ системъ будетъ стремиться доводить свое производство—при данномъ реальномъ уровнѣ цѣнъ—лишь до такой степени, насколько это отвѣчаетъ потребностямъ данной формы производства. Если окажется, что уменьшеніе производства со стороны одной формы не уравновѣшивается увеличеніемъ производства со стороны другой формы, которая не въ силахъ при данномъ уровнѣ цѣнъ увеличить своего производства, то уровень цѣнъ повысится и сдѣлаетъ возможнымъ дальнѣйшее расширеніе производства со стороны первой формы. Такими колебаніями установляется извѣстное равновѣсіе, и все количество продукта, нужное для общества, распредѣляется между различными формами производства. Задача сельскаго хозяина

вдвойнѣ усложняется: ему нужно не только найти самую выгодную форму хозяйства, которая всего лучше отвѣчала бы цѣлямъ данной его организаціи, но приходится вмѣстѣ съ другими представителями той же организаціи находить предѣлы, за которые вообще не должно заходить производство всей этой формы. Въ этомъ отношеніи положеніе капиталистическаго сельскаго хозяина хуже положенія фабриканта-мануфактуриста, которому обыкновенно можно не считаться съ конкурренціей мелкихъ производителей благодаря своему техническому превосходству. Въ земледѣліи же возможно такое положеніе вещей, при которомъ низкій уровень крестьянскаго хозяйства, позволяющій ему довольствоваться минимальными цѣнами за свои продукты, при количественномъ господствѣ данной формы хозяйства задерживаетъ развитіе производительности и въ крупномъ хозяйствѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ районахъ у насъ въ Россіи.

Въ поясненіе ко второму пункту слѣдуетъ добавить, что вліяніе одного народнаго хозяйства на другое въ области земледѣлія оказывается особенно глубокимъ. Можно сказать безо всякаго преувеличенія, что конкурренція разныхъ странъ между собою играетъ въ земледѣліи неизмѣримо большую роль, нежели конкурренція разныхъ формъ производства въ предѣлахъ одного района. Вліяніе различныхъ странъ взаимно: страна, экспортирующая сельскохозяйственные продукты, вліяетъ непосредственно на земледѣліе страны импортирующей, но и сама подпадаетъ вліянію послѣдней, играющей для нея роль рынка и, слѣдовательно, оказывающей огромное вліяніе на установленіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты внутри страны.

Цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ страны импортирующей опредѣлятся компромиссомъ между собственными условіями производства и условіями производства (и, конечно, транспорта) страны экспортирующей; лишь компромиссомъ изъ этого компромисса опредѣлится количество производства каждой формы организаціи земледѣлія въ данной странѣ. Для страны же экспортирующей станутъ опредѣляющими условія хозяйства далекихъ странъ, куда вывозятся продукты ея земледѣлія. По мѣрѣ того, какъ земледѣльческій рынокъ становится все болѣе обширнымъ, взаимная связанность отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ усиливается, и они—насколько дѣло касается земледѣлія—становятся

лишь разными районами одного сельскохозяйственнаго цѣлаго, становится все менѣе и менѣе возможнымъ понять основныя черты развитія сельскаго хозяйства, останавливая свое вниманіе на изученіи особенностей развитія лишь какой-либо одной страны. Въ особенности это вѣрно относительно спеціально здѣсь насъ интересующаго вопроса о цѣнахъ на сельскохозяйственные продукты. Не будетъ парадоксальнымъ утвержденіе, что движеніе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты на Лондонскомъ рынкѣ въ XIX вѣкѣ не можетъ быть понято безъ изученія исторіи сельскаго хозяйства почти всего міра (которая въ свою очередь не можетъ быть понята безъ пониманія особенностей развитія всего народнаго хозяйства). Въ нашу эпоху, когда *народное* хозяйство во многихъ отношеніяхъ стало уже *международнымъ* или міровымъ, это вѣрно относительно изученія исторіи любой отрасли хозяйства, но ни одной изъ нихъ въ такой степени какъ земледѣлія. Но и при всей этой сложности конкретнаго опредѣленія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты руководящими принципами при пониманіи ихъ образованія остаются изложенныя нами начала. Пониманіе это возможно, лишь если отправляться отъ простого къ сложному, и въ строеніи клѣтки искать будущій организмъ.

Остается добавить два слова о понятіи *рынка* на сельскохозяйственные продукты. Очевидно, рынкомъ на сельскохозяйственные продукты является прежде всего не земледѣльческое населеніе. Но даже это опредѣленіе не точно, потому что при существованіи спеціализаціи сельскохозяйственнаго производства возможно, что рынокъ для однихъ продуктовъ сельскаго хозяйства составляютъ производители другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ этомъ элементарномъ смыслѣ сельскохозяйственный рынокъ составляютъ всѣ покупатели продуктовъ земледѣлія, главную лишь массу которыхъ образуетъ неземледѣльческое населеніе.

Въ частности, рынкомъ въ узкомъ смыслѣ является совокупность потребителей продуктовъ *мѣстнаго* земледѣлія. Такимъ мѣстнымъ рынкомъ является, напр., городъ для прилежащихъ деревень. Рынокъ этотъ можетъ быть болѣе или менѣе обширенъ или болѣе или менѣе интенсивенъ: вкругъ него согласно схемѣ Тюнена могутъ идти пояса различнаго радіуса. Изъ мѣстныхъ рынковъ, вліянія которыхъ могутъ переплетаться, скрещиваться, парализоваться, словомъ, вступать во всевозможныя комбинаціи, образуется общій рынокъ. Въ соотвѣтствіи различій

въ степени зависимости отъ мѣстнаго и общаго рынка данный районъ можетъ въ предѣлахъ различныхъ экономическихъ цѣлыхъ играть разную роль: играя роль пояса интенсивнаго воздѣлыванія земли въ одномъ районѣ (одной сферѣ приложенія схемы Тюнена) онъ можетъ играть роль экстенсивнаго земледѣльческаго пояса въ составѣ другого района (или другого земледѣльческаго пояса). Это опредѣленіе какъ и всѣ соотносительныя опредѣленія зависитъ отъ объекта сравненія, большей или меньшей обширности круга сопоставляемыхъ явленій.

На основаніи сказаннаго выясняется и еще одно значеніе, которое можетъ имѣть понятіе рынка. Въ этомъ значеніи рынокъ можно опредѣлить какъ сферу экономической связанности, взаимной зависимости, возможности активнаго и пассивнаго вліянія другъ на друга. Степень связанности отдѣльныхъ экономическихъ единицъ опредѣляетъ разныя формы организаціи хозяйства: мы различаемъ народное хозяйство, міровое хозяйство и т. д. Сфера вліянія можетъ быть значительно шире сферы фактическаго воздѣйствія: какой-либо американскій или остъ-индскій хлѣбъ давитъ на хлѣбный рынокъ столько же путемъ непосредственной конкурренціи, сколько путемъ возможной конкурренціи,—цѣна его становится однимъ изъ условій, опредѣляющихъ общія условія конкурренціи. Какъ уже упомянуто, ни для одной изъ отраслей производства не имѣетъ такого значенія зависимость отъ мірового рынка въ этомъ смыслѣ какъ для земледѣлія, гдѣ невѣжественный русскій мужикъ чувствуетъ, а вмѣстѣ оказываетъ вліяніе на пшеничнаго фабриканта Дакоты или капиталистическаго фермера въ Англіи. Самая консервативная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая отсталая отрасль производства есть въ настоящее время и самая интернаціональная. Результатомъ этой интернаціональности являются многія особенности историческихъ судебъ земледѣлія, къ изученію которыхъ мы теперь и переходимъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Крупное производство въ земледѣліи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исторія англійскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ.

1) Происхожденіе англійской системы.

Англія по справедливости считается типичной страной крупнокапиталистической организаціи земледѣлія. Характерными фигурами являются здѣсь землевладѣлецъ съ одной стороны и капиталистическій фермеръ съ наемнымъ сельско-хозяйственнымъ рабочимъ съ другой. Присутствіе этихъ фигуръ характеризуетъ собою организацію англійскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ, и выясненія происхожденія этой организаціи должно сводиться къ выясненію именно ихъ происхожденія. Ихъ присутствіе датируется сравнительно недавно, всего одно столѣтіе съ небольшимъ, и ихъ происхожденіе достаточно разъяснено въ исторической наукѣ, такъ что здѣсь мы можемъ ограничиться лишь краткимъ изложеніемъ результатовъ этого историческаго анализа.

Англійскій лэндлордизмъ, крупное землевладѣніе имѣетъ корни въ глубинѣ соціальной исторіи: на земельные порядки XIX вѣка падаетъ тѣнь Вильгельма Завоевателя, захватившаго и подѣлившаго земли съ своей дружиной. Далѣе слѣдуетъ эпоха крѣпостнаго права, которое рано отмираетъ въ Англіи естественнымъ путемъ: хотя слѣды его встрѣчаются и въ XVII, даже XVIII вѣкѣ (чего естественно ожидать, принимая во вниманіе постепенность его отмиранія), но его паденіе можно пріурочивать къ концу XIV и XV вѣковъ, когда открытіе Америки и хлынувшее оттуда золото революціей цѣнъ разрѣшили узы крѣпостного права. Крупное землевладѣніе уживается съ существованіемъ мелкаго кре-

стьянства и такъ называемыхъ общинныхъ земель (common-fields или просто commons). Общинныя земли, представлявшія, главнымъ образомъ, пастбища для скота, составляли экономическое условіе существованія многочисленныхъ мелкихъ хозяйствъ.

Вѣянія новаго времени даютъ чувствовать себя въ Англіи уже съ конца XV и начала XVI вѣковъ [1]). Съ этого времени начинается одна изъ самыхъ позорныхъ эпохъ не только англійской, но и вообще міровой исторіи, такъ называемое „огораживаніе", *enclosure* общинныхъ полей. Поднятіе цѣнъ на шерсть сдѣлало выгоднымъ обращеніе общинныхъ полей подъ овечьи пастбища, овцы стали вытѣснять людей, по извѣстному выраженію того времени. Землевладѣльцы начали извлекать изъ общественнаго пользованія участки общинныхъ полей, обнося ихъ рвомъ и огораживая живой изгородью изъ деревьевъ и кустарника (что придаетъ Англіи до сихъ поръ ея обманчиво лѣсистый видъ). Огромныя массы населенія изгонялись, превращались въ нищихъ и бродягъ [2]).

Огораживанія общинныхъ полей и экспропріація сельскаго населенія тянутся черезъ весь XVI и XVII вѣкъ, не вызывая общаго потрясенія и постепенно лишая крестьянина земли, источника его существованія. Процессъ этотъ обостряется въ XVIII вѣкѣ, расчищая тѣмъ самымъ дорогу XIX-му. Чтобы охарактеризовать роль XVIII вѣка въ этомъ процессѣ, приведемъ имѣющіеся (конечно, грубо приблизительные) подсчеты количества общинныхъ полей, огораживаемыхъ въ разныя времена. Было огорожено акровъ въ царствованіе Анны . . 1,439

Георга I	17,960
Георга II	318,778
Георга III:	
a) 1760—1797 . . .	2.980,000
в) 1798—1810 . . .	1.897,980
c) 1810—1820 . . .	1.410,930

---

[1]) См. *Марксъ*. Капиталъ, томъ I, стр. 628. *Ockenkowski*. Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters. Iena. 1879. Стр. 35. Ср. также всю главу *Landwirtschaft*. Также *E. Nasse*. Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft und die Einhegungen des 16. Jahrhunderts in England. Bonn 1869.

[2]) Ср. у Маркса изложеніе законодательства того времени противъ бродяжничества: ibid 641 и слѣд.

1820—30	340,380
1830—40	236,070
1840—50	369,127
1850—86	около 800,000
За 186 лѣтъ	8.372,662 акровъ [1])

Съ наибольшей интенсивностью процессъ этотъ идетъ въ послѣднюю треть XVIII вѣка.

Характеръ этого процесса какъ насилія и ограбленія трудящихся классовъ не измѣняется отъ рѣшенія того спорнаго вопроса, были-ли юридически правы землевладѣльцы, огораживая въ свое исключительное пользованіе общинныя поля. Нѣкоторые компетентные изслѣдователи [2]) думаютъ, что юридически землевладѣльцы имѣли основанія для этой экспропріаціи, но это было то именно право, о которомъ сказано: summum jus-summa injuria. На помощь экспропріаторамъ землевладѣльцамъ пришелъ парламентъ, состоявшій изъ тѣхъ же землевладѣльцевъ; съ поразительнымъ безстыдствомъ этотъ парламентъ легализировалъ частными законодательными актами новые и новые захваты общинныхъ земель. [3])

---

[1]) Заимствую этотъ подсчетъ изъ работы Prothero, давшаго сжатый, но дѣльный историческій очеркъ англійскаго земледѣлія. *Prothero.* Pioneers and progress of english farming. 1888. London. Appendix V.

[2]) Ср. напр. Prof. *Hasbach.* Die englischen Landarbeiter in den letzten hundert Jahren und die Einhegungen. Leipzig. 1894. Мы часто будемъ ссылаться на эту превосходную монографію, представляющую лучшее и исчерпывающее изслѣдованіе по исторіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Англіи.

[3]) Напрашивается любопытное соціологическое сопоставленіе характера раздѣла общинныхъ земель и сопровождающей его экспропріаціи на континентѣ и въ Англіи. Отсутствіе сильной королевской власти и землевладѣльческій составъ парламента обусловили гораздо болѣе разорительный для крестьянъ исходъ экспропріаціи, нежели на континентѣ, гдѣ, согласно изслѣдованіямъ Кнаппа, короли иногда довольно рѣшительно вступались за интересы крестьянъ противъ надменныхъ феодаловъ. Это отмѣчается различными изслѣдователями. Ср. напр. слѣдующее замѣчаніе Маркса относительно огораживанія полей въ XVI вѣкѣ: „крупные феодалы, скорѣе вопреки королевской власти и парламенту, создали несравненно большее число пролетаріевъ насильственнымъ изгнаніемъ крестьянства съ земель и захватомъ ихъ общинныхъ земель“. (Ib. 628—9). Ср., съ другой стороны, слѣдующій отзывъ Тойнби относительно исчезновенія йоменовъ: „одной изъ главныхъ причинъ была наша форма правленія. Послѣ революціи фактически господствовали сельскіе джентри. Не только

Исторія огораживанія такъ единогласно заклеймена исторіей, что можно болѣе на этомъ не останавливаться. Безспорно, что переходъ общинной собственности на землю въ индивидуальную является на извѣстной ступени общественнаго развитія необходимымъ условіемъ хозяйственнаго прогресса [1]), но этотъ переходъ не совершился ни въ одной странѣ съ такимъ циничнымъ торжествомъ классоваго эгоизма какъ въ Англіи.

Одновременно съ обостреніемъ процесса огораживанія общинныхъ полей въ XVIII вѣкѣ обнаружилось стремленіе лэндлордовъ къ консолидаціи фермъ, къ округленію земельныхъ участковъ, „engrossing of farms“. Это стремленіе шло параллельно и независимо отъ огораживанья; оно проистекало изъ общей причины— желанія лэндлордовъ увеличить свою ренту, и имѣло тотъ-же результатъ—уничтоженіе мелкаго производства и расширеніе на его счетъ крупнаго. Наиболѣе пострадали при этомъ естественно самые мелкіе арендаторы, которые были просто на просто изгоняемы и на ихъ мѣсто становились крупные. Эта консолидація сопровождалась и округленіемъ земельныхъ участковъ, вызваннымъ отчасти дѣлежомъ общинныхъ полей, а отчасти стремленіемъ бороться съ чрезполосицей (это находитъ свою аналогію и на континентѣ, именно въ Пруссіи, гдѣ „Zusammenlegung“ играетъ весьма выдающуюся роль въ процессѣ ликвидаціи старыхъ отношеній). Конечно, это округленіе, производившееся также при помощи парла-

---

общая, но даже мѣстная администрація были въ ихъ рукахъ, и естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что земля, основа политической власти, явилась предметомъ общихъ вожделѣній. Мы можемъ противопоставить Францію или Германію, какъ страны, гдѣ земельные собственники какъ таковые не имѣютъ политической власти, вслѣдствіе чего мелкая собственность не подвергается нападеніямъ“. (*Toynbee.* Lectures on industrial revolution in England, 62. Ср. также разсужденія на стр. 64 о формѣ раздѣла общинныхъ полей).

[1]) Въ этомъ смыслѣ, конечно, совершенно справедливо замѣчаетъ *Prothero* (l. c, 21), что „выходъ англійскаго лэндлорда изъ аграрнаго сообщества (copartnership) въ точности соотвѣтствуетъ процессу, который имѣлъ мѣсто въ настоящемъ столѣтіи на континентѣ. Это былъ переходъ отъ общинной къ индивидуальной собственности; земля была раздѣлена между владѣльцемъ имѣнія (lord of the manor) и ассоціаціей; права общины, которыя были обоюдны, были уничтожены. Въ результатѣ, мэноріальныя помѣстья были консолидированы, частью устраненіемъ деревенскихъ фермъ, частью огораживаніемъ пустошей, и многія изъ этихъ аграрныхъ ассоціацій были разрушены“.

ментскихъ актовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно обусловливало обмѣнъ участковъ съ мелкимъ собственникомъ, вело далеко не къ выгодамъ этого послѣдняго. Экспропріаторы простирали свою руку этимъ путемъ туда, куда отказывалось вести jus strictum.

Въ результатѣ совокупнаго дѣйствія всѣхъ этихъ процессовъ соціальная физіономія страны втеченіе XVIII вѣка радикально измѣнилась. Вотъ какими чертами характеризуетъ деревенское общество Англіи первой трети XVIII вѣка проф. Гасбахъ.

„Характерна для стараго деревенскаго общества соціальная и экономическая постепенность. Крупный землевладѣлецъ связанъ чрезъ посредство мелкихъ джентри съ состоятельными фригольдерами, а эти образуютъ переходъ къ крупнымъ наслѣдственнымъ арендаторамъ или просто арендаторамъ. Къ нимъ примыкаютъ мелкіе хозяева, являются-ли они фригольдерами, наслѣдственными или временными арендаторами; рабочаго класса, который существуетъ исключительно на заработную плату, именно на денежную плату, и который оставитъ свое потомство въ томъ же самомъ имущественномъ и соціальномъ положеніи, въ которомъ находится самъ, тогда еще не образовалось, потому что поденщики имѣютъ скотъ, землю и лугъ, или же только лугъ, дворовые надѣются достигнуть скромнаго, но самостоятельнаго положенія. Мелкій хозяинъ не лишенъ еще надежды на улучшеніе своего положенія. Если онъ въ качествѣ коттера или рабочаго скопилъ что-нибудь, онъ можетъ заарендовать небольшой участокъ, затѣмъ перейти къ большему и, можетъ быть, добиться въ награду за трудолюбіе и бережливость положенія мелкаго собственника“ [1]).

Тотъ же авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ новый порядокъ вещей: „во второй половинѣ XVIII вѣка создается новый составъ общества. Крупные землевладѣльцы составляютъ болѣе незначительную часть деревенскаго общества. Даже если они имѣютъ наклонность постоянно жить въ деревнѣ, очень многія деревни должны обходиться безъ землевладѣльца, ибо благодаря семейнымъ фидеикоммиссамъ въ однѣхъ рукахъ скопляется все большее количество имѣній. Затѣмъ исчезаютъ мелкіе сквайры, постепенно за ними слѣдуютъ йомены, къ нимъ присоединяются тысячи временныхъ арендаторовъ, наконецъ изчезаютъ многіе коттеры и сельскіе ремесленники, потерявшіе благодаря огораживa-

[1]) Hasbach, l. c., 102.

ніямъ своихъ заказчиковъ. Отъ этого зла страдали и мелкіе города, игравшіе роль рынковъ. На мѣсто ихъ стали крупные арендаторы нерѣдко городскаго происхожденія, съ городскими нравами и городской склонностью къ торговлѣ ради прибыли, безъ сантиментальныхъ традицій и сыздавна установившихся отношеній къ пролетаризированнымъ массамъ, которымъ они давали заработокъ. . . . Тамъ, гдѣ этотъ процессъ развитія достигъ своего конечнаго пункта, исчезло прежнее строеніе деревенскаго общества, свободное отъ рѣзкихъ переходовъ, равенство или однородность соціальнаго положенія уступила мѣсто противоположности крѣпкихъ капиталомъ предпринимателей и не имѣющихъ капитала рабочихъ, переходъ въ высшее общественное положеніе затрудненъ, дворовая прислуга по оставленіи своего мѣста не имѣетъ никакихъ надеждъ кромѣ невѣрнаго куска хлѣба ничего не имущаго поденщика“ [1]).

Не нужно много словъ для выясненія такого результата совокупнаго дѣйствія огораживанія, округленія и консолидаціи земельныхъ участковъ. Очевидно ихъ значеніе для непосредственно пострадавшихъ лицъ, — мелкихъ фермеровъ, коттеровъ и под., которые безъ дальнихъ разговоровъ по истеченіи срока аренднаго контракта изгонялись съ своихъ мѣстъ. Огораживаніемъ общинныхъ полей было въ корнѣ подорвано существованіе тѣхъ мелкихъ собственниковъ, все хозяйство которыхъ было возможно лишь при условіи общиннаго выгона. Поэтому въ то время погибли не только тысячи арендаторовъ, но и великое множество йоменовъ,— земельныхъ собственниковъ большею частью крестьянскаго типа. Быстрота исчезновенія йоменовъ подала поводъ нѣкоторымъ писателямъ того времени утверждать, что они окончательно погибли въ эту эпоху, и это утвержденіе обмануло даже проницательность Маркса, также высказывающаго мнѣніе, что „около 1750 года yeomanry исчезло“ [2]). Моментомъ, осложняющимъ дѣйствіе огораживанія и т. д. и разрушительно дѣйствовавшимъ на мелкое крестьянское хозяйство, было уничтоженіе

[1]) ib. 113.

[2]) Капиталъ, I, 632. Ошибочность этого мнѣнія отмѣчена была уже Нассе и Гасбахомъ. Мы встрѣтимся еще не разъ съ йоменами въ XIX вѣкѣ; наиболѣе тяжелые удары нанесъ имъ теперешній аграрный кризисъ. Вполнѣ исчезнувшими однако ихъ нельзя считать даже въ настоящее время.

домашнихъ промысловъ подъ вліяніемъ развивающагося денежнаго хозяйства [1]). Этой стороной процессъ сближается съ процессомъ разоренія крестьянства на континентѣ подъ вліяніемъ проникновенія денежнаго хозяйства въ деревню. Мелкіе сквайры гибли, наконецъ, подъ вліяніемъ роста денежныхъ расходовъ и несоотвѣтствіемъ расходамъ ихъ денежныхъ полученій.

Общимъ результатомъ этого процесса было болѣе или менѣе значительное уничтоженіе мелкихъ и среднихъ хозяйствъ, образованіе крупныхъ капиталистическихъ фермъ съ одной стороны и безземельнаго класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ съ другой. Основаніе крупнаго хозяйства и пролетаризація крестьянства въ Англіи были прежде всего и въ наибольшей степени результатомъ насильственной экспропріаціи, а не какого-либо техническаго превосходства крупнаго производства надъ мелкимъ, какъ наивно думаютъ многіе. Крупное производство является здѣсь поэтому *не результатомъ* побѣды, одержанной въ силу

[1]) Вотъ какъ характеризуетъ натуральное хозяйство Prothero: „прежде мелкій фермеръ не имѣлъ нужды въ деньгахъ; домашнее производство удовлетворяло его домашнія нужды; обмѣнъ или взаимная ссуда восполняли возможные недостатки. Богатство существовало лишь въ самыхъ простѣйшихъ формахъ: естественнаго дѣленія занятій еще не существовало, потому что были употребляемы лишь самыя грубыя орудія производства. Быстрое развитіе мануфактуры вызвало ея полное отдѣленіе отъ земледѣлія; приложеніе машинъ къ области ручного труда довершило революцію въ соціальной организаціи; раздѣленіе труда стало экономической необходимостью. Фермеръ и ремесленникъ стали зависѣть другъ отъ друга; натуральнаго обмѣна было уже недостаточно, необходимы были деньги. До сихъ поръ грубыя орудія, которыя требовались для воздѣлыванія почвы, или домашняя утварь, необходимая для потребностей повседневной жизни, дѣлались дома. Фермеръ, его дѣти и слуги въ долгіе зимніе вечера долбили деревянныя лодки, блюда и буковые шары; плели ивовыя корзины; прилаживали къ орудіямъ ручки; готовили ивовые зубцы для бороны и вилъ и обжигали ихъ въ огнѣ; приготовляли упряжь для быковъ и вилы. Странствующіе плотники посѣщали фермы чрезъ рѣдкіе промежутки для выполненія тѣхъ работъ, которыя требовали ихъ спеціальнаго искусства. Женщины плели солому для хомута, сшивали и набивали мѣшки для повозокъ, готовили соломенныя или пеньковыя стремена и поводья, изготовляли ночники. Ткацкое веретено, прялка и иголка никогда не были праздны; грубо изготовленное дома платье и бѣлье удовлетворяло всѣ потребности въ одеждѣ; въ каждомъ домѣ былъ свой котелъ для варки пива. Всѣ домашнія производства, которыми земледѣльцы увеличивали свои доходы или избѣгали необходимости покупать ихъ продукты, въ настоящее время совершаются мануфактуристами“ (Prothero, l. c. 68).

какихъ бы то ни было его преимуществъ, но *отправнымъ пунктомъ* капиталистическаго развитія, формой ликвидаціи феодальнаго строя [1]). Въ этомъ заключается коренное отличіе первоначальнаго, по крайней мѣрѣ, возникновенія крупнаго производства въ земледѣліи и въ промышленности, въ которой крупное производство является въ извѣстномъ смыслѣ вѣнцомъ развитія; первое есть наслѣдіе прошлаго, второе—предвареніе будущаго.

Естественно, такіе процессы какъ описанный нами процессъ пролетаризаціи крестьянства и образованіе капиталистическаго земледѣлія даже въ томъ случаѣ, если они ускоряются насиліемъ, тянутся долгое время и не могутъ быть всецѣло пріурочены къ опредѣленной эпохѣ, хотя бы и характеризующейся наиболѣе интенсивнымъ ходомъ процесса. Какъ справедливо замѣчаетъ Гасбахъ, „экономическій и соціальный переворотъ закончился не во всѣхъ частяхъ Англіи въ одинакое время. Процессъ огораживанія и переходъ къ крупному хозяйству продолжались еще и въ XIX вѣкѣ, хотя уже съ постепенно ослабѣвающей силой. Даже до сихъ поръ существуютъ общины, въ которыхъ не было ни округленія участковъ, ни раздѣла. А потому и сельскіе классы подпали не одновременно обнищанію, изъ года въ годъ ему подпадали все новыя и новыя части. Потому за послѣдніе сто лѣтъ не существуетъ вполнѣ опредѣленнаго класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ, который прошелъ бы приблизительно однородное развитіе [2]).

Вотъ для примѣра нѣсколько цифръ. Уже въ 1794 году было вычислено, что изъ 8,500 приходовъ въ 4,500 существуютъ общинныя поля. Изъ 84,000 акровъ пахатной земли въ Бедфордшайрѣ 24,000 акровъ было неогорожено; изъ 14,700 акровъ въ Кэмбриджшайрѣ 13,200 воздѣлывалось какъ общинныя земли; такимъ же образомъ воздѣлывались 220,000 акровъ

[1]) Марксъ справедливо говоритъ: „только отнятіе земли въ такихъ широкихъ размѣрахъ какъ въ Англіи могло создать поприще для крупнаго сельскаго хозяйства. Въ началѣ это преобразованіе сельскаго хозяйства имѣло скорѣе видъ политической, а не экономической революціи“ (Капиталъ, I, 376—7). Это сужденіе не стоитъ въ связи съ общими воззрѣніями Маркса на эволюцію сельскаго хозяйства; далѣе онъ совершенно забываетъ о немъ и трактуетъ англійскія формы просто какъ результатъ наибольшей степени развитія капиталистическаго производства въ земледѣліи, типичнаго и для другихъ странъ.

[2]) Hasbach, l. c. 114.

изъ 438,000 акровъ пахатной земли въ Беркшайрѣ; въ Букшайрѣ было неогорожено 90,000, въ Линкольншайрѣ 268,000, въ Гендингтонѣ 30,000 акровъ [1]). Все это говоритъ о томъ, что процессъ концентраціи земли далеко нельзя считать законченнымъ въ XVIII вѣкѣ; мы увидимъ еще явственные его слѣды въ концентраціи фермъ, наблюдаемой въ срединѣ XIX вѣка. Легко смѣшать или не различить окончаніе стараго процесса и начало новаго; потому отправляясь далѣе, нужно заручиться возможно точнымъ діагнозомъ того состоянія, отъ котораго мы отправляемся.

Каковы же были чисто экономическіе результаты разсматриваемаго переворота? Какъ отразился онъ на производительности земледѣлія? Большинство авторовъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, независимо отъ ихъ симпатій или антипатій, свидѣтельствуютъ о чрезвычайно отсталомъ и примитивномъ состояніи земледѣлія этого времени. По словамъ Протеро, „до 1780 года лишь въ восточныхъ графствахъ и Лейстерѣ велось земледѣліе для того времени раціонально: въ этихъ округахъ фермеры были хорошо образованы и обладали достаточнымъ капиталомъ и предпріимчивостью, чтобы расходовать значительныя суммы денегъ на воздѣлываніе земли. Во всѣхъ другихъ графствахъ земледѣліе находилось въ плачевномъ состояніи, страдая отъ обилія пустошей, отсутствія арендъ, невѣжества народа, трудностей сообщенія, упорнаго слѣдованія традиціонной практикѣ“ [2]). По словамъ Арнольда Тойнби, „прогрессъ земледѣлія между 1700 и 1760 годами въ общемъ долженъ быть признанъ довольно медленнымъ. Въ 1770 году Артуръ Юнгъ пишетъ, что за послѣдніе 10 лѣтъ сдѣлано больше опытовъ, больше открытій и

---

[1]) Prothero, l. c. 56—7. Артуръ Юнгъ въ своемъ описаніи путешествія по сѣверу Англіи, появившемся въ 1771 году, говоритъ: „мы находимъ, что большая часть королевства подѣлена на среднія (moderate) фермы; потому что фермы размѣромъ ниже 300 акровъ (включая обширныя пространства пустыхъ и безплодныхъ земель) не могутъ считаться обширными для всякаго графства... Этотъ фактъ, добавляетъ Юнгъ, который въ общемъ относился сочувственно къ происходившему перевороту, очень рѣзко противорѣчитъ распространенному мнѣнію, будто все королевство монополизировано крупными фермерами“ (*A. Young.* A six months tour through the North of England. London 1771, vol. IV, 198).

[2]) Prothero, l. c., 38.

вообще въ земледѣліи проявлено больше здраваго смысла, чѣмъ за 60 предшествующихъ лѣтъ“ [1]).

Несмотря на это, количество хлѣба, производимаго для рынка, возросло. Возрастаніе это сопровождалось уменьшеніемъ земледѣльческаго населенія. „Тогда какъ населеніе (въ XVIII вѣкѣ) удвоилось, число лицъ, занятыхъ въ земледѣліи, уменьшилось, не только относительно, но до 1770 года, абсолютно“ [2]). Именно этотъ фактъ и объясняетъ возросшую рыночную производительность земледѣлія, которая не сопровождалась или, по крайней мѣрѣ, сопровождалась не соотвѣтственнымъ повышеніемъ производительности почвы. Здѣсь сказалась уже характерная метода повышенія чистаго дохода въ крупномъ хозяйствѣ: разрѣженіе населенія, уменьшеніе числа ѣдоковъ, соразмѣрно увеличивающее рыночную производительность. Мотивомъ огораживаній, округленій, консолидацій было стремленіе землевладѣльца повысить свой доходъ, свою ренту. При существованіи значительнаго количества мелкихъ производителей, кое-какъ перебивавшихся на маленькомъ клочкѣ земли, рента стоитъ на minimum'ѣ, наибольшая доля продукта съѣдается непосредственными производителями [3]). При этомъ, конечно, затрачивается чрезмѣрно большое количество труда, точнѣе, часть труда населенія, живущаго на данномъ участкѣ, не находитъ приложенія, такъ что съ уменьшеніемъ земледѣльческаго населенія вовсе не необходимо уменьшается и общее количество труда. Округленіе земельныхъ участковъ, уничтожая черезполосицу, парцелляцію, вноситъ извѣстную раціональность въ хозяйство и также уменьшаетъ количество необходимаго труда. Вотъ главныя причины, почему—не говоря объ измѣненіяхъ цѣнъ—огораживаніе и округленіе земельныхъ участковъ способно было при неизмѣнной техникѣ производства и

---

[1]) Toynbee, l. c. 45.

[2]) Prothero, l. c. 38.

[3]) „Землевладѣніе стало представляться (лэндлорду) уже не въ формѣ объекта, который надлежало передать въ хозяйство другихъ, но какъ основа собственнаго хозяйства въ строгомъ смыслѣ слова... Больше земли и больше дохода—таковы были необходимые постулаты данныхъ условій... Потому въ интересахъ собственника было расширеніе собственнаго хозяйства, отобраніе луговъ въ свою пользу и устраненіе прежде пользовавшагося ими“ (*Ochenkowski*. Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters, 39—40).

даже неизмѣнной производительности земли повысить общій доходъ съ имѣнія.

Гасбахъ хорошо резюмируетъ всѣ эти условія повышенія чистаго дохода путемъ пониженія издержекъ производства. „Во-первыхъ. Округленіе участковъ, въ особенности благопріятная комбинація пахатной земли и луга, обусловливали при неизмѣнномъ способѣ хозяйства уменьшеніе количества затрачиваемаго труда. Еще рѣзче выступаетъ это при переходѣ къ пастбищному хозяйству. Во-вторыхъ. Землевладѣлецъ увеличивалъ свой доходъ даже и въ томъ случаѣ, если онъ заставлялъ крупныхъ арендаторовъ платить ренту, равную рентѣ мелкихъ, потому что на немъ не лежали издержки поддержанія домовъ, въ которыхъ прежде жили вышедшіе за штатъ арендаторы, а эти издержки были выше ренты, приносимой этими домами. Въ-третьихъ. Его рента и дѣйствительно возвышалась, потому что послѣ огораживаній онъ получаетъ и за общинный лугъ высшую аренду или получаетъ хотя какую-нибудь аренду, тогда какъ прежде онъ не получалъ ничего или же получалъ очень мало. При „Inclosure“ общинныхъ полей ренты поднимались особенно значительно. Очевидно, что арендаторъ будетъ платить за это высшую ренту, если онъ располагаетъ лугомъ одинъ, но ясно какъ аксіома, что это возможно было лишь потому, что прежде долженъ былъ исчезнуть оттуда скотъ мелкихъ хозяевъ. Такимъ образомъ доходность могла увеличиться, для чего вовсе не нужно было возвышеніе производительности“ [1]). „Наконецъ, огораживанья обозначали уменьшеніе сельскохозяйственнаго населенія“ [2]).

Техническій прогрессъ отмѣчается лишь въ послѣдней четверти XVIII вѣка, отчасти подъ вліяніемъ значительнаго возвышенія цѣнъ въ эту эпоху; въ предшествовавшія же эпохи онъ наблюдается спорадически (напр. въ восточныхъ графствахъ) и далеко не составляетъ общаго явленія [3]).

---

[1]) Hasbach 53—4. Послѣднюю мысль авторъ подтверждаетъ весьма любопытной статистической иллюстраціей, балансомъ хозяйствъ той эпохи.

[2]) Ibid. 56.

[3]) Нельзя считать поэтому справедливымъ въ полномъ объемѣ мнѣніе Маркса: „несмотря на уменьшеніе числа земледѣльцевъ, почва приносила столько же или даже больше продуктовъ, такъ какъ переворотъ въ землевладѣльческихъ отношеніяхъ сопровождался улучшеніемъ способовъ обработки, большимъ развитіемъ сотрудничества, сосредоточеніемъ средствъ

Основнымъ условіемъ, которое только и дѣлаетъ понятнымъ весь происшедшій переворотъ, является образованіе и расширеніе рынка для сельскохозяйственныхъ продуктовъ. XVIII вѣкъ характеризуется какъ эпоха созданія и расширенія рынка для продуктовъ земледѣлія. Именно въ этомъ столѣтіи происходитъ первоначальное отдѣленіе промышленности отъ земледѣлія; въ народнохозяйственномъ масштабѣ создается фундаментъ для дальнѣйшаго промышленнаго развитія Англіи.

Въ концѣ XVII вѣка, по разчету Григорія Кинга, населеніе Лондона и другихъ городовъ и мѣстечекъ составляло около 1.400,000 жителей, а деревенское населеніе около 4.100,000. Англія была еще въ значительной мѣрѣ деревенскою страной. Уже это одно указываетъ на земледѣльческій характеръ страны, преобладаніе натуральнаго хозяйства. Насколько существовала торговля, она была болѣе внѣшней чѣмъ внутренней, предметъ ея составляли главнымъ образомъ продукты земледѣлія. Лучше всего это явствуетъ изъ торговой политики Англіи въ эту эпоху, когда тамъ существовали преміи за вывозъ хлѣба. „Въ 1689 году, говоритъ Кэннингэмъ, платилась пошлина на вывозъ хлѣба въ томъ случаѣ, если цѣна опускалась ниже 48 шилл.; мѣра эта была продолжена, лишь съ пріостановками въ 1698, 1709, 1740, 1757 голодныхъ годахъ. Результаты этой мѣры были въ высшей степени замѣчательны: съ этого времени хлѣбъ начинаетъ трактоваться предметомъ, производимымъ для экспорта“. „Повидимому, продолжаетъ историкъ, это было частью системы, извѣстной подъ названіемъ меркантильной, которая вела происхожденіе изъ Франціи. Франція поощряла промышленность, Данія—мореходство, Англія стремилась къ развитію земледѣлія“. „Трудно для насъ вообразить въ настоящее время, что немного болѣе ста лѣтъ тому назадъ, Англія была страной, регулярно вывозившей хлѣбъ, что поощреніе производства хлѣба разсматривалось какъ косвенное поощреніе нашему мореходству, и что были писатели, которые доказывали, что Швеція и другія страны должны всегда нахо-

---

производства и т. д., и такъ какъ сельскіе рабочіе не только были принуждены интенсивнѣе напрягать свои силы, но также болѣе и болѣе суживать собственное свое производство“ (Капиталъ, I, 652). Причина, указанная во второй части этого положенія, имѣетъ большее значеніе нежели указанная въ первой.

диться въ зависимости относительно снабженія хлѣбомъ отъ нашей исключительно плодородной страны“ [1]). Въ началѣ XVIII вѣка нѣкоторыя изъ англійскихъ колоній ввозили хлѣбъ изъ своей метрополіи; средній вывозъ зерна съ 1697 по 1765 равнялся приблизительно 500,000 квартеровъ въ годъ, ввозъ же выражался въ весьма малой цифрѣ. Вывозъ направлялся въ Россію (!), Голландію и Америку [2]).

Не очевидно-ли, что при тогдашнихъ условіяхъ транспорта въ столь отдаленныя страны какъ Америка вывозъ не могъ быть значительнымъ настолько, чтобы стимулировать развитіе производительности земледѣлія. Для этого необходимъ былъ ближайшій рынокъ, и имъ могъ быть только внутренній. Этотъ внутренній рынокъ и возбуждаетъ алчность лэндлордовъ, выразившуюся въ изгнаніи мелкихъ фермеровъ и огораживаніи общинныхъ полей. Онъ созданъ былъ значительнымъ развитіемъ городскаго населенія [3]) въ XVIII вѣкѣ, предъявлявшаго большой спросъ какъ на хлѣбъ, такъ и на мясо и другіе продукты земледѣлія. Города образовали лишь главный узелъ новыхъ общественныхъ и производственныхъ отношеній; еще большее значеніе имѣетъ развитіе неземледѣльческаго населенія вообще, и прежде всего промышленнаго [4]).

---

[1]) *Cunningham.* The growth of english industry and commerce etc. Modern times. Cambridge. 371, 372, 387. Основнымъ источникомъ поученія о судьбахъ англійскаго земледѣлія въ старыя времена является, конечно, шеститомная работа Роджерса: *James Rogers.* A History of Agriculture and Prices in England from 1259 to 1793 Oxford 1866—1887 Для спеціальнаго вопроса объ аграрномъ протекціонизмѣ ср. изслѣдованіе Faber'a: Die Entstehung des Agrarschutzes in England. Strassburg. 1888.

[2]) Toynbee, l. c., 46.

[3]) Тойнби (l. c. 36—7) указываетъ на необыкновенно быстрый ростъ городовъ между концомъ XVII вѣка и временемъ Ад. Смита: тогда какъ напр. населеніе Норвича выросло только на $^1/_3$, Ворчестера на $^1/_2$, населеніе Шеффильда увеличилось въ 7 разъ, Ливерпуля въ 10 разъ, Манчестера въ 5 разъ, Бирмингама въ 7 разъ, Бристоля болѣе чѣмъ въ 3. Согласно Кингу, писавшему въ 1696 году, Лондонъ имѣлъ 530,000 жителей, другіе города 870,000, села—4.100.000. Между тѣмъ А. Юнгъ 70 лѣтъ спустя считаетъ, что Лондонъ содержитъ $^1/_6$ всего населенія Англіи и дѣлаетъ замѣчаніе, „что въ цвѣтущихъ странахъ, какова Англія, половина страны живетъ въ городахъ“.

[4]) Усчитать ростъ промышленнаго населенія въ отличіе отъ земледѣльческаго для XVIII вѣка, конечно, нельзя. Goldstein (Berufsgliederung und Reichtum. Stuttgart 1897, стр. 16) дѣлаетъ попытку приблизительно

Конецъ XVIII вѣка былъ, какъ это извѣстно изъ всякаго учебника, эпохой великихъ открытій и изобрѣтеній въ Англіи, которыя создали техническую возможность развитія промышленности въ колоссальныхъ размѣрахъ; экономическая тому возможность, именно наличность рабочей силы, порвавшей связь съ землей, была создана не менѣе колоссальной экспропріаціей крестьянъ. Эта экспропріація, вызванная аграрными условіями, стремленіемъ лэндлордовъ къ повышенію ренты, на самомъ дѣлѣ была не только аграрной, но и общеэкономической революціей, основаніемъ новаго способа производства. Соціальный ураганъ, пронесшійся надъ старой Англіей, смелъ устои натуральнаго хозяйства, и на его развалинахъ основалось хозяйство капиталистическое.

Значеніе экспропріаціи крестьянства для англійскаго капитализма классически выяснено Марксомъ, и мы ничего существеннаго не можетъ сюда прибавить. Массы сельскаго населенія хлынули на рынокъ, или, точнѣе, постоянно притекали къ нему благодаря все новымъ и новымъ экспропріаціямъ [1]). Здѣсь нѣкоторымъ (далеко не всѣмъ) удавалось найти занятіе въ промышленности, въ такихъ случаяхъ они также расширяли собой рынокъ для сельскохозяйственныхъ продуктовъ; теперь они покупали то самое, что недавно еще производили сами и потре-

---

опредѣлить эту разницу, сравнивая движеніе населенія въ графствахъ преимущественно земледѣльческихъ съ графствами преимущественно промышленными. Въ графствахъ преимущественно земледѣльческихъ населеніе увеличилось за періодъ 1700—1750 гг. съ 2.359,000 до 2.594,000, т. е. на 235,000, въ 1800 году оно равнялось 3.279,000, т. е. возросло на 685,000. Въ графствахъ преимущественно промышленныхъ населеніе измѣнялось съ 1700 до 1750 года отъ 2.788,000 до 3.476,000 или на 688,000, а въ 1800 году равнялось 5.072,000, т. е. возросло на 1.596.000 человѣкъ.

[1]) Обвиненіе въ обезлюденіи сельскихъ округовъ благодаря огораживаніямъ составляло весьма обычную тему у писателей того времени. Вотъ характерный примѣръ, какъ Артуръ Юнгъ, поклонникъ крупнаго хозяйства и сторонникъ происшедшаго переворота, отражаетъ это обвиненіе: „говорятъ что рабочіе („hands“) оставляютъ нѣкоторыя деревни и идутъ въ города. Почему населяются Гласго съ его окрестностями, Бирмингамъ, Шеффильдъ или Манчестеръ, но за то остаются малолюдными Іоркъ, Винчестеръ, Кэнтербюри? Потому что въ этихъ мѣстахъ мало возможности заработка, потому они и не увеличиваютъ населенія. Не доказываетъ-ли это, что населеніе увеличивается благодаря росту количества занятій?“ (it is employment which creates population) *A. Young*. Political Arithmetic, Part I. London 1774. Стр. 63).

бляли въ собственномъ хозяйствѣ. Экспропріація оказалась вдвойнѣ выгодна лэндлордамъ: благодаря ей они не только освободились отъ ничего не платящихъ или платящихъ очень мало арендаторовъ, но и сдѣлали этихъ арендаторовъ (или по крайней мѣрѣ, часть ихъ) своими покупателями, нашли въ нихъ непрерывно расширяющійся рынокъ. Развитіе земледѣлія вскорѣ не поспѣваетъ уже за этимъ расширеніемъ: въ концѣ XVIII вѣка ввозъ хлѣба начинаетъ превышать вывозъ, и съ тѣхъ поръ Англія становится импортирующей хлѣбъ страной [1]).

2. Англійское земледѣліе до отмѣны хлѣбныхъ законовъ.

Въ теченіе XVIII вѣка создавались устои новыхъ формъ народнаго хозяйства въ Англіи; въ началѣ XIX вѣка мы можемъ уже наблюдать машину въ дѣйствіи. Медовый мѣсяцъ аграрнаго капитализма является бурной эпохой, настоящей Sturm-und-Drang Periode; если въ области промышленности эта эпоха представляла оргію капитала, то въ земледѣліи въ это время происходитъ оргія земельной ренты.

Чтобы не удивляться поразительной безсовѣстности законодательства, касающагося хлѣбной торговли, нужно не забывать, что парламентъ этого времени, когда избирательное право было связано съ землевладѣніемъ, состоялъ изъ землевладѣльцевъ, которые и пользовались своимъ положеніемъ, не стѣсняя себя никакими моральными соображеніями.

Вотъ, прежде всего, нѣсколько основныхъ фактовъ, сюда относящихся [2]). Подъ вліяніемъ роста населенія, въ особенности

---

[1]) Это тотчасъ же отразилось на перемѣнѣ торговой политики Англіи. Въ 1765 году временно отмѣнены были пошлины на ввозную пшеницу и вывозныя преміи, и корона получила право временно совершенно запрещать вывозъ. Само собою понятно, что пошлины на вывозъ никогда уже болѣе не практиковались и были окончательно отмѣнены закономъ въ началѣ XIX вѣка. (Ср. *Ад. Гельдъ.* Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Спб. 1899, стр. 137 слѣд.). Около этого же времени (въ 1772 и 1773 гг.) были отмѣнены ограниченія свободы внутренней торговли хлѣбомъ.

[2]) Прежде всего см. *Tooke.* A History of Prices and of the State of Circulation from 1793 to 1856. 3 vols. London 1838—1857 (Я пользовался главнымъ образомъ нѣмецкимъ изданіемъ Ашера). Ср. также данныя парламентскихъ коммиссій 1821 и 1833 года. Затѣмъ Hasbach, l. c., 182 flg., Гельдъ, ibid.

промышленнаго, цѣна хлѣба начинаетъ въ концѣ XVIII вѣка подниматься, сначала медленно, затѣмъ быстрѣе. Когда въ 1791 году цѣна хлѣба понизилась до 49 шил. 4 пенсовъ съ 56 ш. $2^1/_2$ п., составлявшихъ цѣну его въ предшествующемъ году, былъ изданъ законъ, дозволявшій ввозъ хлѣба при цѣнѣ въ 54 ш. съ налогомъ въ 6 пенсовъ, при цѣнѣ отъ 50 до 54 шил. съ налогомъ въ 2 ш. 6 п., ниже же 50 шил. установлявшій огромный налогъ въ 24 ш. 3 п. Законъ этотъ совпалъ съ эпохой войнъ, случились неурожаи. Въ результатѣ цѣны поднялись такъ, что въ 1801 году цѣна хлѣба стояла на уровнѣ 115 шил. 11 пенсовъ [1]). Затѣмъ, подъ вліяніемъ болѣе обильныхъ урожаевъ цѣна опустилась, хотя и до очень приличнаго уровня— 67.3 въ 1802 году, 60—въ 1803, но это вызвало угнетенное состояніе земледѣлія. Въ 1804 году на помощь былъ изданъ законъ, по которому запретительный налогъ въ 24.3 взимался уже при уровнѣ цѣнъ не въ 54 ш. какъ прежде, а 63 шил. Угнетенному земледѣлію помогли континентальная система, война, плохіе урожаи, въ результатѣ повторилось то же самое, что въ предшествующую эпоху: цѣна поднимается, достигая maximum'а въ 1812 году. Средняя цѣна за пять лѣтъ (по даннымъ Тука) равнялась 100 ш. 4 п. По окончаніи войны, отчасти и подъ вліяніемъ благопріятныхъ урожаевъ цѣны снова понизились до 85 ш. въ 1814, 76 ш. въ 1815 году. Въ послѣднемъ году былъ изданъ новый законъ, запрещавшій ввозъ пшеницы, если цѣна не достигаетъ чудовищнаго для мирнаго времени уровня 80 ш. Но, хотя англійскій парламентъ, какъ извѣстно, можетъ все, кромѣ превращенія женщины въ мужчину, удержать цѣны въ мирное время на военномъ уровнѣ оказалось также свыше его силъ. Послѣ нѣкотораго подъема въ 1816 и 1817 году, цѣна начинаетъ упорно опускаться. Медовый мѣсяцъ кончился. Подведемъ его итоги.

---

[1]) Цифру 115. 11 я беру изъ приложенія къ Report from the Select Committee on Agriculture. 1833. У Тука, таблицы цѣнъ котораго составлены по записямъ Итонскаго колледжа, показана еще болѣе высокая цѣна: въ 1800—127 шил., а въ 1801—128.6 за квартеръ пшеницы. Maximum, котораго достигала цѣна въ 1801 году, равнялся 154 шил. 5 пенсамъ, — это самый высокій уровень въ столѣтіи. Цѣна 1812 года, самая высокая въ среднемъ (по Report'у 122.8, по Туку—128 шил.), не достигаетъ такого maximum'а (150 ш. 3 п.). См. цитированное приложеніе къ Report'у 1833 года.

Ростущія цѣны на хлѣбъ измѣнили направленіе англійскаго земледѣлія, которое прежде въ значительной мѣрѣ сосредоточивалось на скотоводствѣ. Теперь отмѣчается быстрое запахиваніе пастбищъ и обращеніе ихъ подъ хлѣбныя поля. Подъ вліяніемъ безумныхъ цѣнъ на хлѣбъ получало смыслъ воздѣлываніе самыхъ худшихъ земель и онѣ опредѣляли собою уровень цѣнъ (въ эту эпоху и складывалось пессимистическая теорія ренты Рикардо: исторически ясно, что въ данномъ случаѣ не высокія цѣны проистекали отъ высокой ренты, но наоборотъ). Вышедшій въ 1795 году Report on waste lands рекомендуетъ запахиваніе пустошей. Какъ нормальныя состоянія лучше всего познаются нерѣдко въ аномаліяхъ, такъ и состояніе земледѣлія за первые 20 лѣтъ XIX вѣка лучше всего видно при знакомствѣ съ отчетами о состояніи кризиса, когда на первый планъ выступаетъ чрезвычайное расширеніе площади обработки какъ основная черта развитія земледѣлія въ эпоху континентальныхъ войнъ. Развитіе земледѣлія носило, такимъ образомъ, экстенсивный характеръ; иного и трудно ожидать, при колебаніяхъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты, превращающихъ земледѣліе въ азартную игру. Обращеніе пастбищъ подъ пашни или запахиваніе новыхъ участковъ, чисто количественное увеличеніе производства, безъ измѣненія его методовъ, очевидно, не можетъ считаться сельскохозяйственнымъ прогрессомъ: онъ сметается, по крайней мѣрѣ, первымъ измѣненіемъ въ цѣнахъ, также какъ и вызывается первой благопріятной конъюнктурой. Можно сказать поэтому, что для развитія сельскаго хозяйства медовый мѣсяцъ не принесъ почти ничего, или очень мало. Тѣ безпримѣрныя жертвы, которыя были наложены на общество въ видѣ высокихъ цѣнъ, не имѣли даже того результата, который могли бы имѣть: англійскій народъ даже въ эту эпоху не могъ прокормиться своимъ земледѣліемъ [1]), ввозъ чужого

[1]) Вотъ нѣкоторыя сюда относящіяся цифры (заимствую ихъ изъ Appendix'a къ Report from the select committee, to whom the several petitions complaining of the depressed state of the agriculture were referred. 1821).

	Ввозъ.	Вывозъ.		Ввозъ.	Вывозъ.		Ввозъ.	Вывозъ.
1798	64,198	5,253	1803	15.252	4,727	1808	26,091	6,720
1799	116,485	2,856	1804	14,027	32,756	1809	35,250	3,568
1800	19,538	24,901	1805	11,596	115,722	1810	29,969	5,750
1801	130,976	3,393	1806	43,301	6,552	1811	26,319	27,156
1802	113,966	1,614	1807	5,385	16,820	1812	42,840	74,151
						1813	83,667	53,234

хлѣба не прекращался и даже наиболѣе усиливался въ годы самыхъ высокихъ цѣнъ (конечно, потому, что онѣ совпадали и съ неурожаемъ).

Cui bono послужило это непомѣрное поднятіе цѣнъ? Очевидно, поземельной рентѣ. Всѣ источники свидѣтельствуютъ о необычайномъ поднятіи ренты въ это время. Въ отчетѣ парламентской коммиссіи для изслѣдованія угнетеннаго положенія земледѣлія 1821 года ростъ ренты съ 1790 до 1821 года опредѣленъ не менѣе чѣмъ въ 70%. Но эту оцѣнку нужно признать скорѣе преуменьшенною чѣмъ преувеличенною. По отдѣльнымъ свѣдѣніямъ мы можемъ указать случаи роста ренты болѣе чѣмъ вдвое. Напр. рента съ имѣній Гринвичскаго госпиталя въ Нортумберлэндѣ съ £ 6.950 въ $179^3/_4$ году поднялась до £ 15.560 въ $181^4/_5$ году [1]). Относительно одного хозяйства въ Соммерсетшайрѣ мы имѣемъ свѣдѣнія какъ о ростѣ рентъ, такъ и количествѣ затраченнаго капитала и полученной прибыли, что̀ даетъ возможность сравнить относительное измѣненіе того и другого [2]).

Мы видимъ на этой таблицѣ, что въ то время какъ рента съ акра возрасла болѣе чѣмъ вдвое, съ $19^1/_2$ шил. до 41 шил., прибыль абсолютно увеличилась также болѣе чѣмъ вдвое, но еще больше увеличились издержки капитала, какъ основного, такъ и инвентарнаго, такъ что относительно прибыль не увеличилась, скорѣе даже уменьшилась. И вообще, хотя фермеры въ

---

[1]) *Leadam.* What Protection does for the Farmer and Laborer. 5 ed. (1893). Стр. 97. Ср. Hasbach, l. c. 183.

[2]) Reports respecting Grain and the Corn Laws 1814—15. Vol. V, 12. Цитировано у Hasbach, l. c. 184.

	1773—1782	1783—1792	1793—1802	1803—1812
	£ sh. d.	£ sh. d.	£ sh. d.	£ sh. d
Рента съ акра . . .	— 19 6	1 — 6	1 11 6	2 1 —
Основной капиталъ	4,970 — —	5,200 — —	7,900 — —	10,500 — —
Капиталъ хозяйства	1,822 12 —	1,945 17 —	3,023 5 —	4,098 — 13
Профитъ	248 10 —	260 — —	395 — —	525 — —

эпоху высокихъ цѣнъ также пользовались относительнымъ благополучіемъ, нѣтъ основаній думать, чтобы прибыль поднималась выше средней нормы, кромѣ какъ въ видѣ исключенія. Повышеніемъ цѣнъ пользовалась главнымъ образомъ земельная рента, которая въ эту ужасную эпоху англійской исторіи, подобно вампиру, пила народную кровь, спекулировала на народное бѣдствіе.

Повышеніе земельной ренты проистекало, въ особенности, отъ привлеченія къ воздѣлыванію новыхъ, неплодородныхъ участковъ. Производительность земледѣльческаго капитала при переходѣ къ менѣе плодороднымъ участкамъ быстро убывала, и это именно, какъ было замѣчено выше, произвело глубокое впечатленіе на теоретиковъ, формулировавшихъ „law of diminishing returns;“ именно это впечатленіе совершенно осязательно чувствуется въ пессимистическомъ характерѣ теоріи ренты Рикардо [1]). Въ повышеніи ренты въ первую четверть XIX вѣкамы имѣетъ тотъ случай, когда, при ростущей цѣнѣ, производство земледѣльческихъ продуктовъ растетъ сравнительно слабо, такъ что спросъ значительно превышаетъ предложеніе.

Но это благополучіе не могло быть прочнымъ или продолжительнымъ. Англійскій народъ не могъ вести непрерывныя войны, а небо посылать безсмѣнные неурожаи. Оба источника благополучія лэндлордовъ скоро изсякли, цѣны начали приходить въ норму,— тогда начался кризисъ. Все хозяйство, прежде всего ренты, были приспособлены къ голоднымъ и военнымъ цѣнамъ; невозможность

---

[1]) Различіе двухъ хозяйственныхъ эпохъ отражается въ отличіи воззрѣній Андерсона отъ воззрѣній Рикардо. Андерсонъ является выразителемъ агрономической прогрессивности процесса огораживаній и вообще установленія новыхъ сельскохозяйственныхъ отношеній. Какъ мы видѣли выше, округленіе участковъ само по себѣ повышало ихъ доходность. Неземледѣльческое населеніе, не страдавшее непосредственно отъ экспропріаціи крестьянства, склонно было смотрѣть на вещи чрезъ розовые очки. Но уже въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка страна вкусила горькіе плоды новой системы и выразителемъ разочарованія явился Рикардо. — Вопросъ о хлѣбной торговлѣ есть одинъ изъ наиболѣе жарко дебатируемыхъ въ памфлетной литературѣ конца прошлаго и первой четверти нынѣшняго вѣка, богатая коллекція ея имѣется въ библіотекѣ Британскаго Музея. Мы, очевидно, должны здѣсь отклонить отъ себя задачу обзора этой литературы, какъ бы завлекателенъ ни былъ подобный историколитературный экскурсъ.

вести далѣе на этихъ началахъ хозяйство стала очевидна. Въ парламентъ посыпались петеціи о помощи, и въ результатѣ была назначена коммиссія для изслѣдованія угнетеннаго положенія (the depressed state) земледѣлія, по обычаю допросившая много свидѣтелей изъ лицъ, близко стоящихъ къ земледѣлію [1]). Большинство свидѣтелей изъ разныхъ графствъ утверждаютъ, что обработка земли ухудшилась, [2]) количество рабочихъ уменьшено, пашня снова обращается подъ пастбища, между тѣмъ измѣненія въ размѣрахъ ренты не замѣтно [3]); часть ренты должна быть, поэтому, уплачена изъ капитала [4]). Лэндлорды стремятся, такимъ образомъ, перенести рискъ предпріятія на фермеровъ, не желая поступаться своей рентой. Кризисъ осложнился еще тѣмъ, что въ это время, согласно акту Пиля 1819 года, совершалось извлеченіе обезцѣненныхъ бумажныхъ денегъ; это вело, естественно, къ вздорожанію денегъ и еще болѣе понижало цѣну хлѣба, между тѣмъ какъ сумма ренты, условленная въ періодъ инфлаціи, сохраняла свою номинальную величину, что повергало фермеровъ въ еще большія затрудненія [5]).

Намъ нужна новая война, чтобы выйти изъ состоянія кри-

---

[1]) Report from the Select Committee, to whom the several petitions complaining of the Depressed State of the Agriculture of the United Kingdom were referred. With Minutes of Evidence. 1821.

[2]) Ухудшеніе воздѣлыванія земли констатируется свидѣтелями: Harvey изъ Норфолька, Hanning изъ Соммерсетшайра, Ellman изъ Сёссекса, Curwen изъ Кёмберлэнда, Capper изъ Вильтшайра и т. д. Всѣ эти свидѣтели указываютъ и на уменьшеніе количества рабочихъ.

[3]) См. напр. показанія свид. Harvey.

[4]) „Нѣсколько лѣтъ фермеры платили свои огромныя ренты изъ капитала“ (Prothero, l. c. 88) Prothero въ общемъ вѣрно характеризуетъ кризисъ 20-хъ годовъ: „второй сельскохозяйственный кризисъ былъ обязанъ переходу отъ пастбищъ къ воздѣлыванію земли подъ хлѣбъ въ послѣдней половинѣ XVIII и началѣ XIX вѣка“ (ib. 64).

[5]) „Фермеры терпѣли убытки... особенно вслѣдствіе того, что принуждены были платить высокія аренды, установившіяся во времена денежнаго обезцѣненія и уже болѣе не соотвѣтствовавшія измѣнившимся, благодаря возстановленію металлической валюты, денежнымъ отношеніямъ и цѣнамъ“ (*Гельдъ*, цит. соч. 141).

Рикардо въ своемъ памфлетѣ „On protection to agriculture“ (London 1822) даетъ слѣдующую характеристику паденія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. „Причина низкаго уровня цѣнъ на сельскохозяйственные продукты въ настоящее время есть отчасти измѣненіе въ цѣн-

зиса, сказалъ будто бы одинъ фермеръ Коббету во время „Rural Rides“ этого послѣдняго [1]), и этотъ фермеръ былъ правъ, констатируя тѣмъ безграничныя притязанія лэндлордовъ на ренту.

Къ счастью, изслѣдованіе состоянія земледѣлія не дало никакого практическаго результата, и коммисія не присоединилась къ проектамъ дальнѣйшаго повышенія пошлинъ на хлѣбъ, которое испрашивалось въ петиціяхъ. Въ 1828 году была введена перемѣнная скала пошлинъ, повышающихся при низкой и понижающихся при высокой цѣнѣ. Подъ вліяніемъ новаго закона, а также нѣсколькихъ неурожаевъ цѣны снова поднялись. Въ 1829 году цѣны стоятъ на 66 ш. 3 п., а въ 1831 на 66 ш. 4 п., но въ 1833 году цѣна стоитъ уже на 52 ш. 11 п. и еще болѣе понижается слѣдующіе года. Въ 1833 году назначается новая парламентская коммиссія, опять для изслѣдованія „distress of agriculture“ [2]). Въ отчетѣ этой коммиссіи чи-

---

ности денегъ (currency), но главнымъ образомъ избыткомъ предложенія надъ спросомъ“ (79). „Это паденіе было увеличено дѣйствіемъ современныхъ хлѣбныхъ законовъ, которые имѣли тотъ результатъ, что капиталъ устремился къ воздѣлыванію бѣдныхъ земель, а цѣны на хлѣбъ въ этой странѣ въ обычные годы значительно превосходили цѣны въ другихъ странахъ. Цѣна, при такихъ условіяхъ, должна быть высока, но, пропорціонально тому, насколько она поднимается, она способна и къ большему паденію; ибо, въ обильные годы, все возросшее количество хлѣба устремляется на нашъ рынокъ и, если оно превышаетъ то количество, которое мы сами можемъ потребить, оно быстро понижаетъ цѣну, причемъ мы не имѣемъ никакого выхода заграницу, до тѣхъ поръ, пока цѣна не станетъ на уровнѣ, разорительномъ для фермеровъ, которые никогда не могутъ быть столь безопасны, какъ въ такомъ случаѣ, если они могутъ легко прибѣгнуть къ вывозу“ (81).

[1]) Сообщено у Hasbach, l. c. 184. Гасбахъ справедливо говоритъ: „гдѣ земельная рента имѣетъ притязаніе поглотить всякое повышеніе чистаго дохода, тамъ должны возникать при всякомъ паденіи цѣнъ серьезныя замѣшательства. И эта тенденція земельной ренты все болѣе и болѣе выступаетъ, начиная съ 90-хъ годовъ XVIII столѣтія“ (ibid).

[2]) Свидѣтельства объ ухудшеніи состоянія земледѣлія встрѣчаются уже въ отчетѣ коммиссіи о бѣдныхъ 1831 года: Report from the Select Committee of the House of Lords appointed to consider of the poor laws, with the minutes of evidence taken before the Committee 1831. Свид. Hodges изъ Кента, членъ парламента отъ Weald of Kent: также-ли хорошо теперь воздѣлываются земли, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Воздѣлываніе даже на половину не достигаетъ прежняго уровня; и я замѣчалъ это во

таемъ [1]): „коммиссія 1821 года выразила надежду, что „большая часть фермеровъ, благодаря-ли сбереженіямъ отъ болѣе благопріятнаго времени, или кредиту, обильно имѣющемуся въ этой странѣ, обладаютъ средствами, достаточны-ли, чтобы они могли преборотъ тѣ затрудненія, отъ которыхъ они страдаютъ въ настоящее время". Настоящая коммиссія съ грубокимъ прискорбіемъ должна выразить опасеніе, что не только затрудненія эти не уменьшились, но что сбереженія фермеровъ или истощились или подверглись значительному уменьшенію, кредитъ недостаточенъ, а средства вообще истощены; и это мнѣніе сложилось не на основаніи показаній самихъ плательщиковъ ренты (rent-payers), но многихъ весьма уважаемыхъ свидѣтелей, какъ собственниковъ земли, такъ и землемѣровъ и земельныхъ агентовъ. Коммиссія 1821 года—продолжаетъ отчетъ свое сопоставленіе—пришла къ заключенію, что „доходъ съ фермерскаго капитала (the returns of farming capital) былъ въ то время значительно ниже обычной нормы прибыли", и ни одно показаніе, сдѣланное предъ настоящей коммиссіей, не уполномочиваетъ и для настоящаго времени сдѣлать иное заключеніе". Коммиссія констатируетъ, „что фермеры, занимающіе худшія почвы, въ особенности тяжелые глинистые участки, за послѣднее время затрачивали меньшее количество капитала и труда на ихъ воздѣлываніе. Это небреженіе, проистекающее отъ низкаго уровня прибыли и цѣнъ, несоотвѣтствующихъ издержкамъ производства, въ связи съ рядомъ дождливыхъ годовъ, въ особенности неблагопріятныхъ для земель этого рода, вызвало уменьшеніе количества продукта; уменьшеніе въ пользованіи землей, какъ искуственнымъ пастбищемъ, а также и прекращеніе системы чрезмѣрнаго производства зерновыхъ хлѣбовъ (system of over-cropping) ослабили производительную силу этихъ почвъ; тамъ, гдѣ налогъ для бѣдныхъ тяжелъ, воздѣлываніе этихъ земель совсѣмъ прекратилось". То же

многихъ мѣстностяхъ Англіи, что состояніе земледѣлія становится все хуже и вообще воздѣлываніе сокращается въ странѣ (the country getting out of cultivation generally). Существуетъ-ли въ вашемъ округѣ земля вполнѣ незанятая или невоздѣланная? Въ этомъ округѣ осталось много фермъ, которыя остались на рукахъ у лэндлордовъ (21). См. также дальнѣйшія показанія этого свидѣтеля объ общемъ ухудшеніи земледѣлія въ Кентѣ, уменьшеніи количества производства зерновыхъ хлѣбовъ, недостаткѣ капитала у фермеровъ и т. д.

[1]) Report from the Select Committee on Agriculture with the minutes of evidence taken before them. 1833. Стр. V.

свидѣтельствуется въ Minutes of evidence разными свидѣтелями относительно разныхъ мѣстностей [1]). Большинство ихъ констатируютъ прогрессивное ухудшеніе земледѣлія, уменьшеніе количества труда, затрачиваемаго на землю, во вредъ культурѣ подъ вліяніемъ недостатка капитала у фермера, прекращеніе обработки худшихъ земель [2]).

Заслуживаютъ особаго вниманія тѣ показанія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что высокая рента есть одно изъ главныхъ условій кризиса. Вотъ нѣсколько такихъ показаній для иллюстраціи.

Свидѣтель Lee изъ Чешайра. Вопр. 5813. Думаете-ли вы, что положеніе фермеровъ, которое вы описываете столь угнетеннымъ, проистекаетъ главнымъ образомъ отъ тяжести ренты? Да, я думаю, что это такъ, рента слишкомъ высока сравнительно съ продажной цѣной продукта.

Свидѣтель Blamire, членъ парламента отъ Кемберлэнда. Вопр. 6618. Какой причинѣ приписываете вы это ухудшеніе въ положеніи фермеровъ? Давленіе населенія такъ велико, что фермеръ принужденъ давать ренту за свою ферму много выше той, какую онъ въ дѣйствительности можетъ дать. Я зналъ много фермъ, не имѣющихъ никакой цѣны, между тѣмъ какъ спросъ на нихъ былъ очень великъ, и я слышалъ, что конкуррентовъ на эти фермы бывало до 45—6 человѣкъ; конечно, это часто побуждаетъ фермера обѣщать больше нежели онъ можетъ дать. 6619. Думаете-ли вы, что значительная конкурренція на землю подняла ренту много выше того уровня, который соотвѣтствуетъ цѣнамъ? Конечно. 6620. Думаете-ли вы, что ренты поддерживаются дѣйствительно выше этого уровня? Мнѣ неизвѣстно, чтобы ренты

---

[1]) См. напр. свид. Murray, вопр. 273—5, свид. Hughes. вопр. 1065—1067, свид. Downes, вопр. 1402—3, свид. Merry, вопр. 2450—2452, свид. Comely, вопр. 3834—3839, свид. Peters, вопр. 4840, свид. Blamire, вопр. 6617, свид. Turner, вопр. 8309, свид. Hancock, вопр. 9184 — 9185 и многіе другіе.

[2]) Prothero характеризуетъ кризисъ 30-хъ годовъ слѣдующими чертами: „на тяжелыхъ земляхъ затрачивалось меньше труда и капитала; дождливые годы уменьшали доходность земли для фермеровъ и вели къ сокращенію пастбищъ, производства хлѣбовъ и ухудшенію обработки, иногда и вовсе забрасыванію тяжелыхъ почвъ... Много земель находилось въ жалкомъ состояніи. Вспаханныя, когда цѣны на хлѣбъ были высоки, онѣ были снова заброшены, какъ только онѣ упали. Нѣкоторыя земли воздѣлывались поверхностно на два—три года, и затѣмъ забрасывались, соотвѣтственно измѣненіямъ цѣнъ на пшеницу“ (Prothero, l. c. 94).

опускались хотя приблизительно до того уровня, на которомъ онѣ дѣйствительно должны находиться. 6626. Думаете-ли вы, что, если настоящія цѣны при теперешней пошлинѣ, разъ она останется безъ измѣненія, сдѣлаются постоянными цѣнами, теперешняя рента въ графствахъ Кемберлэндѣ, Вестморлэндѣ, Дёрэмѣ (Durham) можетъ остаться на прежнемъ уровнѣ? Я не думаю.

Свид. Turner изъ Герефордшайра: 8308. Можете ли вы вообще сказать, высока или низка рента въ странѣ? Она низка, но недостаточна низка для фермера.

Свид. Hancock изъ Соммерсетшайра. 9146. Приписываете-ли вы угнетенное состояніе фермеровъ незначительному уменьшенію ренты, сравнительно съ паденіемъ цѣны продукта? Я думаю, что наша рента чрезмѣрно высока, по крайней мѣрѣ на 25%, во всѣхъ частяхъ графства, сравнительно съ цѣной земледѣльческаго продукта.

Критическое состояніе земледѣлія продолжалось до 1836 года [1]); цѣны стояли на низкомъ уровнѣ втеченіе всего четырехлѣтія 1833—1836 года. Земледѣліе приспособилось однако къ новымъ условіямъ, а также уровень цѣнъ сталъ выше, чѣмъ въ этотъ періодъ. За десятилѣтіе, отдѣляющее разсматриваемую эпоху отъ паденія хлѣбныхъ законовъ и свободы торговли, англійское земледѣліе, очевидно, пользовалось относительнымъ благополучіемъ. Такъ слѣдуетъ, прежде всего, заключить изъ отсутствія жалобъ и петицій. Между тѣмъ искусственное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ приходило въ противорѣчіе съ ростущей силой промышленнаго и торговаго капитала, накоплялось все больше ненависти противъ классоваго эгоизма землевладѣльцевъ. Эта ненависть и борьба противъ хлѣбныхъ пошлинъ составляетъ одну изъ самыхъ яркихъ и драматическихъ страницъ исторіи Англіи; согласно своей задачѣ мы должны, однако, перевернуть эту страницу, отмѣтивъ лишь, что хлѣбныя пошлины стараніями лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, состоявшей изъ радикальной демократіи [2]) и во главѣ имѣв-

---

[1]) Въ этомъ году снова засѣдала парламентская коммиссія, не представившая, впрочемъ, особаго отчета, а издавшая лишь Minutes of Evidence. Сравнительно съ отчетомъ и свидѣтельскими показаніями 1833 года эта работа особенно новыхъ и интересныхъ данныхъ не представляетъ.

[2]) Замѣчательно, что „рабочій классъ какъ цѣлое, хотя и не поддерживалъ открыто протекціонистовъ, но по большей части онъ держался вдали отъ лиги, предпочитая агитировать въ пользу чартизма и парла-

шей Р. Кобдена и Дж. Брайта, были наконецъ отмѣнены. Въ экономической исторіи Англіи начался новый періодъ—свободной торговли, продолжающійся и до настоящаго момента.

Закончившійся 1846-мъ годомъ періодъ исторіи англійскаго земледѣлія является настолько рѣзкой и краснорѣчивой критикой англійской системы, что намъ нечего отъ себя прибавить. Хлѣбные законы, которыми классъ лэндлордовъ усиливалъ разорительное дѣйствіе войны и неурожаевъ, были легализированной системой ограбленія всего общества въ самую тяжелую для послѣдняго эпоху. Они не оправдывались и интересами земледѣлія, потому что не служили имъ. Повышеніе цѣнъ вело, прежде всего, къ повышенію рентъ, а не повышенію земледѣлія. Для фермеровъ было безразлично, платить-ли высокія ренты при высокихъ цѣнахъ или низкія ренты при низкихъ, какъ это и было засвидѣтельствовано предъ парламентской коммиссіей; но высокія цѣны во время кризисовъ всей тяжестью обрушивались на фермера, который долженъ былъ платить ренту, какъ мы видѣли, изъ своего кармана. Высокія пошлины охраняли, поэтому, не земледѣліе, а земельную ренту, и при англійской системѣ это не могло быть иначе: всякое покровительство земледѣлію роковымъ образомъ превращается здѣсь въ покровительство землевладѣнію, какъ это и слѣдуетъ изъ существованія земельной ренты въ качествѣ особаго вида дохода. Нѣкоторые историки (напр. Cunningham, Prothero) привѣтствуютъ переворотъ XVIII столѣтія за повышеніе производительности земледѣлія, которое онъ обусловилъ, но это повышеніе было куплено слишкомъ дорогой цѣной. Конечно бурныя политическія событія начала XIX вѣка въ Европѣ не могли бы не отразиться потрясеніемъ сельскаго хозяйства, производящаго на рынокъ, при всякой его организаціи (какъ мы увидимъ это и на исторіи Пруссіи). Такія колебанія въ цѣнахъ, а также и въ спросѣ и предложеніи, какія можетъ создавать война или континентальная система, должны во всякомъ случаѣ тяжело отозваться на сельскомъ хозяйствѣ, но въ Англіи было сдѣлано все, чтобы усилить тяжелое дѣйствіе потрясенія какъ на сельское хозяйство, такъ и на все общество. Въ цитированномъ отчетѣ ком-

---

ментской реформы подъ вліяніемъ своихъ вождей, убѣждавшихъ ихъ, что это болѣе дѣйствительное средство достиженія высшей заработной платы" (*Henri Ashworth.* Recollections of R. Cobden and Anti-corn-law-league. 1876. 76—79.

миссіи 1833 года тономъ мягкаго упрека сказано: „колебанія въ цѣнахъ проистекаютъ-ли они отъ измѣненій въ цѣнности денегъ или отъ измѣненія въ хлѣбныхъ пошлинахъ не могутъ не причинить вреда всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, которыя и безъ того, помимо этихъ причинъ, бываютъ всегда подвержены тягостнымъ перемѣнамъ отъ неустойчивости погоды. Искуственныя колебанія, поэтому, только утяжеляютъ естественное зло“ (X).

Но помимо тѣхъ особенностей, которыя свойственны данному періоду какъ результатъ спеціально англійской системы, изученіе его представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что этотъ періодъ даетъ весьма яркую иллюстрацію общаго теоретическаго положенія относительно развитія производительности земледѣлія въ зависимости отъ развитія рынка. Быстрый ростъ населенія, въ особенности промышленнаго, создалъ быстрое увеличеніе спроса на продукты сельскаго хозяйства, а война его усилила. И какъ по щучьему велѣнію растутъ затраты земледѣльческаго капитала, распахиваются новыя земли, общая производительность земледѣлія растетъ съ гигантской быстротой. Ослабѣлъ спросъ, и тотчасъ же количество земли подъ обработкой сокращается, земледѣльческій капиталъ уменьшается, число рабочихъ ограничивается. Вновь увеличивающійся спросъ создаетъ условія новаго оживленія въ земледѣліи.

Что касается общаго характера земледѣлія въ эту эпоху, Prothero справедливо характеризуетъ его какъ экстенсивное (farming by extension). „Британскіе фермеры удовлетворяли нужды растущаго населенія, увеличивая площадь обработки“. „Періодъ съ 1812 до 1845 года является скорѣе предуготовительнымъ къ введенію интенсивнаго хозяйства, нежели періодомъ его осуществленія. Во всѣхъ графствахъ интенсивное хозяйство (high farming) являлось скорѣе исключеніемъ, нежели общимъ правиломъ, въ концѣ-концовъ половина фермеровъ сдѣлали весьма мало успѣховъ сравнительно съ способомъ производства на общинныхъ поляхъ XVIII столѣтія“ [1]).

---

[1]) Prothero, l. c. 104, 106—7. Портеръ въ своемъ извѣстномъ обзорѣ промышленныхъ успѣховъ Англіи въ первую половину XIX вѣка (*G. Porter*. The Progress of the Nation. London. 1851, стр. 161) также высказывается слѣдующимъ образомъ: „есть всѣ основанія надѣяться и ожидать, что техническія усовершенствованія, которыя за послѣднее время начинаютъ вводиться въ сельскомъ хозяйствѣ, далеко не достигли еще своего край-

Въ концѣ этого періода начинается, однако, развитіе земледѣлія на новыхъ началахъ. Оно идетъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, изъ городовъ, отъ представителей теоретической мысли. Въ 1837 году было основано Royal Agricultaral Society, органъ котораго The Journal of the Royal Agricultaral Society of England остается и по настоящее время центральнымъ органомъ англійской агрономической мысли. Начавшаяся въ это время постройка желѣзныхъ дорогъ не могла, конечно, не оказать благотворнаго дѣйствія на сельское хозяйство. Наконецъ, послѣ того какъ Джозіа Паркъ открылъ основы раціональнаго дренированія почвы, имѣющаго при сыромъ англійскомъ климатѣ особенное значеніе, одинъ промышленникъ произвелъ въ Бирмингэмѣ необходимые инструменты, а садовникъ Ридъ изобрѣлъ въ 1843—5 гг. глиняныя трубы, усовершенствованныя Скраггомъ [2]). Въ это же время создаются основанія научной статики земледѣлія, главнымъ образомъ работами Либиха, представляющими развитіе открытія Дэви. Создаются начала для техническаго прогресса земледѣлія, которыя находятъ приложеніе послѣ устраненія препятствій развитію, создававшихся хлѣбными пошлинами. Не будучи въ состояніи удержать цѣны на высотѣ, не соотвѣтствующей общимъ условіямъ производства, хлѣбныя пошлины вносили элементъ азартности и риска въ веденіе сельскаго хозяйства и, будучи выгодны для лэндлорда, сами по себѣ были безразличны для фермера. Онѣ составляли путы для развитія сельскаго хозяйства, которыя должны были быть устранены.

няго предѣла. Даже въ Англіи, гдѣ достигнутый до сихъ поръ прогрессъ былъ настолько значителенъ, чтобы поставить нашихъ фермеровъ во главѣ всѣхъ другихъ странъ, остается еще много сдѣлать относительно распространенія наиболѣе выгодныхъ способовъ производства изъ нѣкоторыхъ округовъ въ остальной части королевства, и консолидаціи мелкихъ хозяйствъ въ пользу фермъ болѣе крупныхъ размѣровъ, находящихся въ рукахъ фермеровъ, располагающихъ какъ капиталомъ такъ и интеллигентностью; вмѣстѣ съ тѣмъ остается еще, вѣроятно, сдѣлать новыя открытія болѣе усовершенствованныхъ методовъ культуры, какъ изысканіями людей науки, такъ и трудами представителей практики. Утверждаютъ, что въ Уэльсѣ земля не производитъ половины того, что способна произвести; и еслибы вся Англія была такъ хорошо воздѣлана какъ Нортумберлендъ и Линкольншайръ, то производилось бы вдвое болѣе того, что получается теперь".

[1]) Hasbach, l. c. 249.

3) Положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ періодъ хлѣбныхъ законовъ.

Мы должны познакомиться теперь съ судьбами англійскихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, горестной эпопеей, когда исторія трудящихся классовъ сливается съ исторіей пауперизма и законодательства о бѣдныхъ. Положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ составляетъ самую мрачную страницу исторіи всего рабочаго сословія этой эпохи, относительно которой вполнѣ нелицепріятный свидѣтель говоритъ: „такого гнета, какъ тотъ, который тяготѣлъ въ первой половинѣ XIX столѣтія на англійскомъ рабочемъ сословіи, не терпѣли ни въ какія времена низшіе классы ни у какого народа, ни даже рабское населеніе“ [1]).

Массовая экспропріація, совершившаяся въ концѣ XVIII вѣка и продолжавшаяся въ началѣ XIX, выбросила и продолжала выбрасывать на рынокъ огромныя количества пролетаріевъ, лишенныхъ средствъ къ существованію и принужденныхъ искать ихъ продажей своей рабочей силы. Этотъ пролетаріатъ составилъ готовый фундаментъ для капиталистической промышленности, доставляя ей необходимый человѣческій матеріалъ. Развитіе промышленности въ натуральномъ хозяйствѣ, гдѣ всѣхъ непосредственныхъ производителей обезпечивалъ бы собственный трудъ, было бы, очевидно, невозможно, она не нашла бы рабочихъ рукъ. Экспропріація составляла въ этомъ смыслѣ, какъ это показано и Марксомъ, историческій prius капиталистическаго производства. Огромное количество пролетаріевъ бросилось въ города, гдѣ и составило матеріалъ для фабричной эксплуатаціи, ужасы которой уже достаточно выяснены въ экономической литературѣ. У насъ нѣтъ средствъ точно измѣрить долю экспропріируемаго населенія, отправлявшагося въ города. Нѣкоторую точку опоры для сужденія объ этомъ дадутъ слѣдующія статистическія сопоставленія, сдѣланныя Гольдштейномъ [2]): въ мѣстечкахъ менѣе 2000 жителей

---

[1]) *Schulze—Gävernitz.* Zum socialen Frieden. 1890. I, 42.

[2]) Goldstein, l. c. 20. Приводимая таблица имѣетъ значеніе лишь иллюстраціи, здѣсь не приняты во вниманіе, какъ это показалъ Баллодъ, всѣ особенности движенія городскаго и сельскаго населенія, которыя должны здѣсь быть учитаны.

сравненіе фактическаго и естественнаго прироста населенія даетъ слѣдующее:

	естествен. приростъ.	фактическій приростъ.	перевѣсъ естественнаго прироста надъ фактическимъ.
1801—1811	755,000	639,000	116,000
1811—1821	1,069,000	872,000	197,000
1821—1831	1,073,000	714,000	359,000
1831—1841	1,086,000	727,000	359,000

Эта таблица даетъ понятіе, какъ мѣстечки ниже 2000 жителей, можно сказать, деревня отдаетъ свое населеніе въ города. Вотъ аналогичныя цифры для городовъ выше 20,000 жителей. Приростъ населенія естественный и чрезъ иммиграцію.

	естественный приростъ.	иммиграція.
1801—1811	207,000	87,000
1811—1821	314,000	150,000
1821—1831	384,000	314,000
1831—1841	415,000	344,000

Первоначальная экспропріація образуетъ такимъ образомъ отправной пунктъ, съ котораго начинается „тяга въ городъ“, продолжающаяся и до нашего времени и возбуждающая столько противорѣчивыхъ чувствъ,—мрачную тревогу въ однихъ, розовыя надежды въ другихъ. Но, очевидно, потребность промышленности въ рабочей силѣ (поскольку она не удовлетворяется еще мелкими производителями, которые теряютъ самостоятельность и идутъ на фабрику: напр. ручные ткачи, суконщики, гвоздари и пр. и пр.) можетъ развиваться медленно и не сразу, между тѣмъ внезапная экспропріація освобождаетъ большое количество рабочихъ рукъ. Если бы размѣры этой экспропріаціи (плюсъ естественный приростъ населенія) были таковы, что лишь удовлетворили бы потребности промышленности, и вся масса экспропріированныхъ отлила бы въ городъ, сельское хозяйство осталось бы въ такомъ положеніи, въ какомъ до извѣстной степени оно находится теперь: безъ рабочихъ или съ ихъ недостаточнымъ количествомъ. Капиталистическое земледѣліе было бы, конечно, невозможно, а слѣдовательно, невозможно и то извлеченіе дохода, ради котораго оно ведется. Условіемъ существованія капиталистическаго земле-

дѣлія является поэтому то, чтобы экспропріація была достаточно велика не только для изобильнаго удовлетворенія человѣческимъ матеріаломъ нуждъ промышленности, но и для обезпеченія потребностей земледѣлія. Земледѣльческій пролетаріатъ есть, такимъ образомъ, самый тяжелый слой, который осаждается внизу при полной степени насыщенія территоріи населеніемъ: переполненіе всѣхъ другихъ сферъ труда есть главная цѣпь, которая привязываетъ сельскохозяйственнаго рабочаго къ землѣ [1]).

Случайныя условія сдѣлали эту цѣпь въ первые 10—12 лѣтъ XIX вѣка не столь тяжелой, какъ она могла бы быть безъ этихъ условій, это—континентальныя войны [2]) и возникшій въ

---

[1]) Извѣстный Вильямъ Якобъ (тотъ самый, который былъ консуломъ въ Германіи и котораго Листъ назвалъ политикоэкономическимъ шпіономъ Великобританіи) далъ слѣдующее показаніе предъ коммиссіей 1821 года: „извѣстна-ли вамъ хоть какая нибудь отрасль промышленности въ странѣ, которая страдала бы отъ недостатка труда (understocked with labour?) 'Я не знаю ни одной" (Minites of evidence, 372). Членъ коммиссіи Curven изъ Кёмберлэнда далъ слѣдующее показаніе: „Думаете-ли вы, что, если рабочіе будутъ вытѣснены изъ земледѣлія, они найдутъ мѣсто въ другихъ занятіяхъ? Нѣтъ, я не вижу возможности этого, потому что то количество людей, которое занято уже въ промышленности, способно произвести на треть болѣе нежели можетъ вмѣстить какой бы то ни было рынокъ; и потому каждый рабочій, теряющій свое мѣсто въ земледѣліи, изъ производительнаго рабочаго непосредственно превращается въ общественное бремя и тягость" (Minutes of evidence, 65).

Извѣстный уже намъ Oliver, бывшій фермеръ изъ Lothian, далъ предъ коммиссіей 1833 года такое показаніе: 3259. „Не думаете-ли вы, что расширеніе мануфактуры, проистекающее изъ возрастанія спроса континента, которое соотвѣтствуетъ нашему спросу на иностранный хлѣбъ, поглотитъ всѣхъ, кто вытѣсненъ изъ земледѣлія? Я не знаю; это очень сомнительно; наше мануфактурное населеніе въ настоящее время вовсе не вполнѣ занято (nothing more than employed); для достиженія этого требуется еще расширеніе нашей внѣшней торговли; это не можетъ быть достигнуто разомъ; во всякомъ случаѣ пройдетъ нѣсколько лѣтъ страданій земледѣльческихъ рабочихъ, прежде, чѣмъ все это устроится".

[2]) Свидѣт. Wakefield даетъ слѣдующее, напр., показаніе передъ коммиссіей 1821 года: „я вспоминаю, что до 1813 года мы затруднялись найти рабочихъ для сбора урожая; я самъ, будучи фермеромъ, опасался, что я не найду рабочихъ рукъ для сбора хлѣба, прежде чѣмъ онъ не перезрѣетъ; но съ тѣхъ поръ какъ спросъ людей для арміи и флота прекратился, рабочіе имѣются въ такомъ изобиліи, что они ищутъ средства для существованія, въ особенности домовую ренту получить отъ прихода и т. д." (Minutes of evidence, 212).

результатѣ ихъ, а также хлѣбныхъ законовъ подъемъ цѣнъ на хлѣбъ, сразу увеличившій площадь земледѣлія. Называю эти условія случайными какъ не вытекающія изъ внутренней логики изучаемаго процесса развитія, но явившіяся плодомъ внѣшнихъ причинъ. Условія эти усилили спросъ на рабочую силу и тѣмъ самымъ подняли заработную плату сельскаго рабочаго. Нельзя съ увѣренностью сказать, чтобы это поднятіе соотвѣтствовало повышенію цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, прежде всего на хлѣбъ, и несомнѣнно, плата эта стояла на самомъ низкомъ Existenzminimum'ѣ, но во всякомъ случаѣ положеніе дѣлъ было еще сносно, сравнительно съ послѣдующей эпохой [1]). Заслуживаетъ вниманія то измѣненіе въ организаціи сельскохозяйственнаго труда, которое было прямымъ результатомъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ въ началѣ вѣка. Категорія рабочихъ, жившихъ на полномъ содержаніи фермера и представлявшихъ нѣчто среднее между рабочими и прислугой, замѣняется наемными рабочими: содержаніе натурой становится невыгоднымъ для фермера, разъ хлѣбъ и другіе продукты потребленія рабочаго находятъ выгодный сбытъ на рынкѣ, на мѣсто первой категоріи становится категорія поденщиковъ. Разумѣется, перемѣна эта вела не къ выгодѣ послѣдней категоріи, какъ это явствуетъ уже изъ того, что экономическій raison d'être этой замѣны состоялъ въ стремленіи къ сокращенію издержекъ [2]).

Начиная съ 1814 года положеніе дѣлъ, какъ мы уже знаемъ, рѣзко измѣняется. Искусственному развитію земледѣлія приходитъ конецъ, начинается угнетенное состояніе. Фермеръ и лэндлордъ стараются переложить другъ на друга тяжесть несенія кризиса.

Рабочій классъ попадаетъ между двухъ движущихся валовъ, оба борющіеся класса стараются вознаградить себя на его счетъ, какъ стороны, неспособной оказать активнаго сопротивленія. Плодомъ этой борьбы является дьявольская система, весь позоръ

---

[1]) По даннымъ Юнга, напр. заработная плата составляла въ 1790—1803 годахъ $16^3/_4$ шил. въ мѣсяцъ, въ 1804—1810 уже 20 шил.; по даннымъ Джозіа Истона она равнялась въ 1773—82 гг. 1 ш. 2 п. въ недѣлю, въ 1783—1792 гг. 1 ш. 3 п., въ 1793—1802 гг. 2 ш., въ 1803—1812 гг. 2 ш. 4 п. Гасбахъ думаетъ, что „положеніе до 1813—14 годовъ было благопріятнѣе нежели можно заключать на основаніи цифръ“ (l. c. 189).

[2]) Обстоятельное выясненіе этого вопроса см. у Hasbach, l. c. 189—191.

которой не можетъ достаточно заклеймить исторія. Всякій, знакомый съ англійской исторіей, догадается, что рѣчь идетъ о законахъ о бѣдныхъ и примѣненіи этихъ законовъ къ сельскохозяйственнымъ рабочимъ.

Въ основаніи системы лежитъ изданный еще въ 1782 году законъ Гильберта, такъ называемый Gilberts Act, который измѣнялъ назначеніе работныхъ домовъ (workhouses) въ томъ смыслѣ, что отнынѣ въ немъ содержатся лишь лица, неспособныя къ труду, лица же, могущія работать, должны быть занимаемы внѣ рабочаго дома. Заработная плата этихъ рабочихъ взималась приходской организаціей, которая выдавала сама содержаніе призрѣваемымъ, независимо отъ количества ихъ заработка, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняго совсѣмъ не было. Такая практика, вначалѣ необязательная, была узаконена въ 1796 году. Законъ этотъ возложилъ, такимъ образомъ, на приходы обязанность содержать работоспособныхъ лицъ, создавая или находя имъ работу въ періоды безработицы.

Другимъ основаніемъ системы былъ такъ называемый Speenhamland Act of Parliament. Подъ этимъ именемъ разумѣется постановленіе относительно доплаты изъ прихода въ случаѣ недостаточности заработной платы работоспособнымъ бѣднымъ. Первоначально практика эта появилась въ Беркшайрѣ, гдѣ мировые судьи опредѣляли скалу заработной платы соотвѣтственно размѣрамъ семейства и цѣнамъ хлѣба. Фермеры приглашались платить согласно этой „bread and children scale“, но въ томъ случаѣ, если этого не дѣлалось, разница доплачивалась изъ приходской кассы для бѣдныхъ. Система доплатъ (allowance) скоро распространилась и въ другихъ графствахъ. Иниціаторъ этой мѣры ректоръ Дэвисъ (Davies) изъ Беркшайра имѣлъ въ виду придти на помощь рабочему населенію въ эпоху быстраго и рѣзкаго поднятія хлѣбныхъ цѣнъ.

Мы имѣемъ мало свѣдѣній о примѣненіи обоихъ этихъ установленій въ періодъ до 1814 года. Можно думать, что они не имѣли обширнаго практическаго значенія. Съ полной силой оно выступаетъ въ эпоху кризиса, когда значительная часть земледѣльческой Англіи оказывается поражена разъѣдающей болѣзнью пауперизма.

Стремленіе ренты сократить земледѣльческій профитъ встрѣчало ожесточенное сопротивленіе со стороны фермеровъ. Профитъ,

побѣжденный въ открытомъ бою, избралъ окольный путь, чтобы переложить на земельную ренту часть тяжести кризиса и соразмѣрно уменьшить ее. Этимъ окольнымъ путемъ явился способъ систематической недоплаты сельскохозяйственнымъ рабочимъ необходимаго для физическаго существованія, причемъ недостающее возмѣщалось тѣмъ или другимъ способомъ изъ приходской кассы; а такъ какъ налогъ для бѣдныхъ взимался со всего населенія, и, прежде всего, съ лэндлорда, то фермерамъ удавалось такимъ образомъ переложить на него часть необходимѣйшихъ издержекъ производства, а тѣмъ косвенно уменьшить и ренту. Превращеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ пауперовъ, получающихъ постоянную поддержку изъ приходскихъ кассъ, было, слѣдовательно, результатомъ борьбы фермеровъ и землевладѣльцевъ, спеціально англійской организаціи сельскаго хозяйства; оттого мы нигдѣ болѣе и не встрѣчаемъ подобной системы.

Охарактеризуемъ эту систему словами оффиціальнаго отчета относительно заработной платы сельскохозяйственныхъ рабочихъ, появившагося въ 1824 году [1]). „Изъ показаній свидѣтелей, а также и другихъ свѣдѣній, собранныхъ настоящей коммиссіей, явствуетъ, что въ нѣкоторыхъ округахъ этой страны работоспособные (able-bodied) рабочіе посылаются [2]) по фермерамъ, и получаютъ часть, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и все свое содержаніе отъ прихода, тогда какъ работаютъ на земляхъ частныхъ лицъ. Такая практика впервые, несомнѣнно, появилась какъ средство создать занятіе для избыточныхъ рабочихъ прихода; но вслѣдствіе злоупотребленій, почти неизбѣжныхъ, обратилась въ средство обязывать приходъ платить за трудъ, который можетъ быть нанятъ и оплаченъ частными лицами. Это злоупотребленіе обыкновенно вытекаетъ непосредственно изъ обычая посылать незанятыхъ рабочихъ на поиски работы на фермахъ въ приходѣ. Фермеръ, чувствуя себя обремененнымъ большимъ количествомъ труда, нежели ему требуется, естественно стремится экономить, отпуская рабочихъ, въ которыхъ онъ наименѣе нуждается, и полагаясь на доставку рабочихъ приходомъ для тѣхъ

---

[1]) Заглавіе этого превосходнаго отчета таково: Report from the Select Committee on labourers wages. 1824.

[2]) Въ подлинникѣ „sent round“. Система отправленія рабочихъ приходомъ съ цѣлью отысканія имъ работы называлась „rounds“, „to be in round“.

работъ, которыя до сихъ поръ выполнялись на его собственный счетъ. Указываютъ примѣръ, что у фермера прекратилась возка, потому что онъ не получилъ того числа посылаемыхъ приходомъ рабочихъ (roundsmen), котораго онъ ожидалъ. Такимъ образомъ, зло отъ такой практики увеличивается само собою; и постоянный усердно трудящійся рабочій, нанимавшійся по договору, превращается въ деградированнаго и непроизводительнаго пенсіонера прихода.

Въ другихъ частяхъ страны эта практика развилась въ весьма обширныхъ размѣрахъ съ той цѣлью, чтобы уменьшить доходы духовенства прихода и платить за издержки одного класса лицъ изъ дохода другихъ. Въ приходѣ Hurtsmonceaux въ Сёссексѣ заработная плата рабочимъ сведена такимъ образомъ до 6 пенсовъ въ день, и священнику сосѣдняго прихода было поставлено условіемъ введеніе того же самаго образа дѣйствій. Такая практика есть естественный результатъ другой, значительно болѣе распространенной, именно доплатъ вспомоществованій рабочимъ для содержанія дѣтей ихъ. Въ нѣкоторыхъ графствахъ, какъ напр. Бедфордшайрѣ эти приплаты обыкновенно начинаются, когда у рабочаго появляется первый ребенокъ, потому что заработная плата такъ низка, что для него является почти невозможнымъ поддерживать жену и ребенка безъ помощи прихода. Зло, проистекающее изъ вышеописанной системы, можетъ быть охарактеризовано слѣдующимъ образомъ.

Во-первыхъ. Предприниматель не получаетъ производительнаго (efficient) труда отъ рабочаго, котораго онъ нанимаетъ. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Норфолька, рабочій совершенно увѣренъ въ полученіи отъ прихода поддержки, вполнѣ достаточной для содержанія своего семейства, слѣдовательно, для него является безразличнымъ, зарабатываетъ ли онъ значительную или малую сумму. Поэтому очевидно, что отвращеніе къ труду является послѣдствіемъ столь порочной системы. Тотъ, чье существованіе обезпечено безъ труда, причемъ однако онъ не можетъ и самымъ тяжелымъ трудомъ добиться большаго, чѣмъ безусловно необходимо для существованія, будетъ естественно лѣнивый и безпечный работникъ [1]). Нерѣдко работа, выполняемая

[1]) Свидѣтель Cooper изъ Нортгамптоншайра, допрошенный предъ коммиссіей 1833 года, далъ слѣдующее показаніе: 9595... „рабочіе на фермахъ въ настоящее время далеко уже не такъ хороши, какъ были обык-

четырьмя или пятью подобными рабочими, не доходитъ по своимъ результатамъ до того, что можетъ быть легко сдѣлано однимъ рабочимъ, получающимъ поурочную плату.

Во-вторыхъ. Лица, которыя не нуждаются въ земледѣльческомъ трудѣ (farm labour), обязываются принимать участіе въ оплатѣ труда, выполняемаго для другихъ. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда рабочіе, которыя необходимо должны быть наняты фермеромъ, получаютъ отъ прихода нѣкоторую часть своей платы, причемъ, если бы она не была выплачена такимъ образомъ, эта плата была бы уплачена самими фермерами.

Въ-третьихъ. Поощряется избыточное населеніе; лица, которыя получаютъ лишь малое подаяніе, знаютъ, что имъ достаточно только жениться, и это подаяніе будетъ увеличено пропорціонально числу ихъ дѣтей. Между тѣмъ предложеніе труда по прежнему регулируется спросомъ, и приходы обременяются 30, 40, 50-ю рабочими, которые не могутъ найти себѣ заработка и которые служатъ къ тому, чтобы ухудшить положеніе своихъ товарищей-рабочихъ того же прихода. Интеллигентный свидѣтель, имѣвшій большой опытъ въ наймѣ рабочихъ, констатируетъ, что, жалуясь на недостаточность приходской помощи, они не рѣдко говорили ему: „мы женимся и вы должны будете насъ поддерживать“ (maintain us) [1]).

новенно прежде. Причина, которой я приписываю это, заключается въ томъ, что они оплачиваются теперь не въ соотвѣтствіи своимъ заслугамъ, они оплачиваются лишь въ соотвѣтствіи своимъ нуждамъ, это вовсе не побуждаетъ его повышать свой трудъ и дѣлаютъ его безразличнымъ относительно полученія необходимаго; потому, если онъ имѣетъ жену и четверыхъ или пятерыхъ дѣтей, онъ можетъ ничего не дѣлая получить отъ наблюдателя (overseer) за бѣдными столько же, сколько онъ можетъ заработать у фермера; поэтому такой человѣкъ очень часто, если онъ не хорошо обставленъ, будетъ намѣренно оскорблять всѣхъ своихъ предпринимателей и становится такимъ образомъ скорѣе въ тягость нежели въ пользу, съ той цѣлью, чтобы поступить на содержаніе прихода, отъ котораго онъ будетъ получать, конечно, ту же самую сумму денегъ, какую онъ могъ бы получить за свой трудъ“.

[1]) Свид. Comely изъ Гампшайра, спрошенный предъ коммиссіей 1833 года, показалъ: 3856. Сравнительно съ своими нуждами не лучше-ли обставленъ рабочій при большемъ, нежели при меньшемъ числѣ дѣтей, напр. съ пятью или шестью не лучше-ли чѣмъ съ двумя или тремя? Конечно, если мужу и женѣ удастся имѣть семью, состоящую изъ ихъ самихъ и 5 маленькихъ дѣтей, онъ живетъ лучше съ поддержкой отъ прихода нежели

Въ-четвертыхъ. Еще болѣе худшимъ послѣдствіемъ этой системы является развращеніе и порча характера рабочаго класса“ (3—4).

Такіе порядки, по словамъ отчета, встрѣчаются по всей Англіи, хотя въ гораздо большихъ размѣрахъ на земледѣльческомъ югѣ [1]), нежели промышленномъ сѣверѣ [2]). Такъ въ Нортум-

---

мужъ съ женой и тремя взрослыми дѣтьми, потому что на маленькихъ дѣтей дается большая приплата, нежели на взрослыхъ“. Свид. Cooper изъ Нортгамтоншайра показалъ: 9707. „... молодые люди, получавшіе малое подаяніе за свой трудъ, женились намѣренно, чтобы увеличить приплаты, получаемыя ими отъ прихода“.

[1]) Эта пауперизація рабочаго населенія въ южныхъ графствахъ Англіи оставила настолько глубокіе слѣды на характерѣ рабочаго, что они чувствуются до сихъ поръ. Russell Garnier въ своей книгѣ The Annals of British Peasantry (London 1895, стр. 418—19) говоритъ: „болѣе низкое качество южныхъ рабочихъ отчасти объясняется, безъ сомнѣнія, этнологическими условіями. Но его можно также приписать дѣйствію пауперизаціи при господствѣ прежнихъ законовъ о бѣдныхъ. Утрата самостоятельности и уваженія къ себѣ, которая постигла тогда наше крестьянство, сдѣлались наслѣдственны. Ибо цѣлый рядъ поколѣній находился на границѣ отъ голодной смерти (half starved) благодаря совокупности обстоятельствъ, которыя дѣлали цѣны высокими, а заработную плату низкою... Для южнаго рабочаго необходимы поэтому самыя точныя указанія со стороны фермера или управляющаго относительно его ежедневныхъ обязанностей. Результатомъ является то, что ни его дневной трудъ, ни заработная плата не могутъ сравняться съ трудомъ и платой сѣвернаго рабочаго“. Перу Garnier принадлежитъ также двухтомная A History of English Landed Interest. London 1892—93.

[2]) Различіе между сѣверомъ и югомъ дѣлаетъ и отчетъ коммиссіи 1833 года: „успокоительны показанія относительно сѣверныхъ графствъ Англіи, гдѣ лица, способныя къ труду, содержатъ себя и свои семейства на заработную плату безъ помощи изъ налога для бѣдныхъ; но значительныя злоупотребленія господствуютъ, повидимому, въ южныхъ графствахъ, гдѣ плата выплачивается изъ налога для бѣдныхъ, гдѣ система „roundsmen“ установилась уже давно, гдѣ отецъ семейства получаетъ увеличенную приплату при рожденіи каждаго ребенка, гдѣ предложеніе труда избыточно, и гдѣ, такимъ образомъ, выдается косвенная премія за непредусмотрительные браки и увеличеніе населенія“ (Report, VI). Ср. также слѣдующую общую характеристику системы въ показаніи свидѣтеля Slaney, депутата отъ Shrewsbury, данномъ предъ коммиссіей о бѣдныхъ 1831 года: „мнѣ кажется, что общее положеніе рабочихъ ухудшается, а естественная цѣнность его труда уменьшается злоупотребленіями въ практикѣ закона о бѣдныхъ въ южныхъ округахъ Англіи. Помимо того, что это является во всѣхъ смыслахъ вреднымъ для рабочихъ, мнѣ кажется также, что это

берлэндѣ плата составляетъ 12 шил. въ недѣлю, и семейные рабочіе не получаютъ здѣсь помощи; тоже въ Кумберлэндѣ, гдѣ рабочіе живутъ „комфортабельно и независимо“. Въ Линкольншайрѣ плата составляетъ 7—8 шил. въ недѣлю; помощь со стороны прихода требуется при трехъ дѣтяхъ. Въ Олдгэмскомъ округѣ плата составляетъ 12—18 шил. въ недѣлю и практика помощи со стороны прихода совершенно неизвѣстна. Въ Іоркшайрѣ плата равняется 12 шил. въ недѣлю, но въ нѣкоторыхъ частяхъ этого графства приходская помощь значительно распространена. Въ Стаффордшайрѣ плата составляетъ около 10 шил., и семейные рабочіе получаютъ помощь отъ прихода. Самая низкая плата существуетъ въ одномъ изъ округовъ Кента, гдѣ въ одномъ приходѣ платится 6 пенсовъ въ недѣлю, въ 4—8 п., въ 11—1 ш. 6 п., въ 4—2 шил. и во многихъ 1 ш. въ день. Въ Суффолькѣ, Сёссексѣ, Бедфордшайрѣ, Беккингэмшайрѣ, Дорсетшайрѣ и Вильтшайрѣ приходская помощь весьма распространена. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ графствъ платится 9 или 8 ш., въ другихъ — 5 шил., въ нѣкоторыхъ округахъ заработная плата была и остается 3 шил. въ недѣлю одному и $4^1/_2$ шил. мужу съ женой. Нужно припомнить, что эти платы существовали въ эпоху такой дороговизны хлѣба и другихъ предметовъ питанія, какой не было во всей дальнѣйшей исторіи, чтобы понять всю ихъ недостаточность и невозможность существованія безъ при-

---

является весьма вреднымъ и для интересовъ сельскихъ жителей (landed jentlemen) этого округа; потому что, кажется, содержать бѣдныхъ такъ, какъ они содержатся въ нѣкоторыхъ изъ южныхъ округовъ Англіи, много дороже, чѣмъ слѣдовать лучшей практикѣ сѣвера, гдѣ рабочіе хорошо оплачиваются.—Какія злоупотребленія вы разумѣете? Въ южныхъ дистриктахъ Англіи преобладаютъ три или четыре злоупотребленія. Прежде всего ренты (домовыя?) работоспособныхъ лицъ выплачиваются изъ налога для бѣдныхъ; во-вторыхъ, приплата для дѣтей ихъ (я говорю все время относительно работоспособныхъ лицъ); въ 3-хъ, заработная плата выплачивается изъ налога для бѣдныхъ. Эта система примѣнялась въ различныхъ изъ южныхъ округовъ. Заработная плата выплачивалась соотвѣтственно размѣрамъ семейства, согласно опредѣленной и неизмѣнной скалѣ, варіирующей лишь въ соотвѣтствіи цѣнѣ пшеницы; въ другихъ мѣстахъ, хотя и безъ этой скалы, но согласно тому же дурному принципу этотъ порядокъ преобладалъ въ 16 или 18 изъ южныхъ графствъ, и я думаю, если провести линію чрезъ королевство отъ Глочестера до Гулля, всѣ графства къ югу отъ этой линіи болѣе или менѣе затронуты этой практикой, о которой я говорю“.

ходской помощи. Позднѣйшіе отчеты показываютъ распространеніе системы приплатъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Цитированныя слова оффиціальнаго отчета даютъ настолько полную характеристику положенія дѣла, что намъ остается прибавить очень немногое.

Какъ уже упомянуто выше, задачей разсматриваемой системы было переложить бремя кризиса съ плечъ фермера на чужія плечи и перевести нѣкоторую часть ренты обратно въ карманъ фермера. Въ отдѣльныхъ случаяхъ цѣль эта достигалась въ такихъ размѣрахъ, которые трудно даже предположить. Указываются примѣры, когда налогъ для бѣдныхъ поглощалъ всю ренту, земля оставалась незапаханной и заброшенной. Неудивительно, что наибольшую вражду къ этому налогу проявили именно лэндлорды. Но наиболѣе сильные изъ нихъ искали освободиться отъ него обходнымъ путемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, если земля большей части прихода составляла собственность одного или немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, они разрушали коттеджи и не дозволяли селиться на своей землѣ. Не забудемъ, что право на поддержку со стороны прихода давалось жительствомъ въ этомъ мѣстѣ, продолжительность котораго опредѣлялась различно. Устраняя возможность „settlement“, лэндлордъ устранялъ и необходимость поддержки бѣдныхъ, которые скоплялись въ сосѣднихъ приходахъ, принадлежавшихъ многимъ мелкимъ владѣльцамъ, и оттуда уже ходили на работу въ „закрытые приходы“ (closed-parishes, въ противоположность open-parishes. Изъ этого различія вытекла система рабочихъ бандъ, съ которой мы познакомимся ниже). Сильнѣйшій перелагалъ тяжесть на слабѣйшаго, но больнѣй всего доставалось при этомъ рабочему, in corpore vili котораго производились всѣ эти эксперименты. Положеніе труда, стѣсненнаго правомъ поселенія (которому соотвѣтствовало law of removal, право высылки недостаточныхъ членовъ, не имѣющихъ правъ на поддержку отъ общины), становилось еще тяжелѣе, оттого что неравномѣрность распредѣленія рабочаго населенія благодаря этимъ мѣрамъ усиливалась. Налогъ для бѣдныхъ тяжело ложился также на мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ, а также на мелкихъ фермеровъ, которые не имѣли возможности переложить его на лэндлордовъ. Въ этомъ обстоятельствѣ Гасбахъ справедливо усма-

триваетъ одну изъ причинъ, способствовавшихъ гибели мелкаго фермерства [1]).

Налогъ для бѣдныхъ далъ возможность фермерамъ не только понизить заработную плату ниже Existenz-minimum'а, но и сократить время, въ теченіе котораго занятъ былъ рабочій. Мы видѣли, что въ эпоху высокихъ цѣнъ на хлѣбъ фермеры стремились замѣнить слугъ, жившихъ въ ихъ домѣ и на ихъ содержаніи, наемными поденщиками, которые восполнялись временно занимаемыми рабочими. Теперь явилась возможность расширить послѣднюю категорію на счетъ первой; въ зимнее время рабочіе поступали на счетъ прихода. Это составило лишнюю возможность переложенія части издержекъ производства на счетъ другихъ общественныхъ классовъ.

Но этимъ не исчерпывается вредное вліяніе приходской помощи на организацію сельскохозяйственнаго труда. Какъ отчасти было указано и выше, „свободные“ рабочіе, т. е. существовавшіе своимъ трудомъ и не получавшіе помощи отъ прихода, вынуждались превращаться въ приходскихъ пенсіонеровъ, ибо плата опредѣлялась, конечно, уровнемъ потребностей этихъ послѣднихъ, слѣдовательно, стояла ниже Existenz-minimum'а. По удачному сравненію Гасбаха, „какъ въ странахъ съ бумажной валютой при ростущемъ дизажіо бумажныхъ денегъ выпускаются все большее количество этихъ послѣднихъ, такъ и въ Англіи съ ростомъ дизажіо свободнаго труда все увеличивалось число безработныхъ и приходскихъ пенсіонеровъ“ [2]).

Таковъ было окончательный итогъ борьбы фермеровъ и лэндлордовъ. Англійскій сельскохозяйственный рабочій былъ не только пролетаризированъ, онъ былъ обезчещенъ; отъ него была отнята возможность существованія честнымъ трудомъ, онъ былъ насильственно превращенъ въ нищаго. Wakefield, знаменитый эконо-

[1]) Hasbach, l. c. 195.

[2]) Hasbach, l. c. 198. Мы встрѣчаемъ даже случаи спекуляціи на этой почвѣ. Свид. Hodges изъ Кента, допрошенный предъ коммиссіей 1826 года относительно эмиграціи, далъ слѣдующее показаніе: 1961. „Приписываете-ли вы приростъ населенія обстоятельству, имѣющему мѣсто въ настоящее время, именно, что плата за трудъ выплачивается изъ налоговъ для бѣдныхъ? Конечно, извѣстно, что безчисленные почти коттэджи были построены за послѣднее время лицами, спекулирующими на приходскія приплаты въ качествѣ ренты за нихъ“ (Report from the Select Committee on emigration from the United Kingdom. 1826. Minutes of evidence).

мистъ того времени, съ которымъ мы еще встрѣтимся впереди, говоритъ: „сельскій рабочій южной Англіи. . . . не рабъ, но и не свободный человѣкъ, онъ—нищій“ [1]). Свидѣтелю Wakefield'у (не имѣющему ничего общаго съ упомянутымъ экономистомъ кромѣ имени), допрошенному коммиссіей 1821 года, былъ заданъ слѣдующій великолѣпный вопросъ: „думаете-ли вы, что понятія сельскохозяйственнаго труда и налога для бѣдныхъ настолько сливаются, что трудно ихъ логически различить между собою“? На что и послѣдовалъ не менѣе великолѣпный отвѣтъ: „въ земледѣльческихъ округахъ они въ значительной степени сливаются между собою“ [2]). Кажется, дальше идти было некуда . . . . [3]).

Нетрудно понять, что изучаемая система превращенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ пауперовъ предполагаетъ наличность одного условія: избыточнаго населенія въ деревняхъ. Безъ этого условія является совершенно необъяснимой возможность

[1]) England and Amerika, v. I, p. 47. Цит. у Маркса, Капиталъ, I, 59.

[2]) In your opinion, are the poor rates and agricultural labour so mixed together, that it is very difficult to distinguish in reasoning, one from the other? In agricultural districts they are much mixed together“ (Report on the state of Agriculture. 1821. Minutes of evidence, 213).

[3]) Съ одинаковымъ негодованіемъ про эту систему говорятъ всѣ писатели, занимавшіеся этимъ вопросомъ. Панегиристъ Портеръ даетъ, напр., слѣдующую характеристику: „однимъ изъ самыхъ большихъ золъ, которыя существовали при администраціи прежнихъ законовъ о бѣдныхъ, была практика уплаты части вознагражденія за трудъ изъ налоговъ, взимаемыхъ на содержаніе неимущихъ бѣдняковъ. Несправедливость этой практики вполнѣ признана въ настоящее время. Это было несправедливо относительно тѣхъ лицъ, которыя, хотя и принимали участіе въ несеніи налога, не могли или не хотѣли примѣнять этотъ способъ пониженія платы; это было еще болѣе несправедливо по отношенію къ самимъ рабочимъ, которые подвергались физическому и моральному злу, и это зло отражалось на обществѣ тысячами различныхъ способовъ. При такой системѣ рабочій земледѣльческихъ округовъ неизбѣжно становился пауперомъ; онъ былъ лишенъ всѣхъ средствъ развитія добродѣтели предусмотрительности, и становился почти неизбѣжно непредусмотрителенъ; онъ привыкалъ смотрѣть на приходскую помощь какъ на свою собственность и т. д.“ (Progress of nations, 92). Ашроттъ, авторъ монографіи объ англійскихъ законахъ о бѣдныхъ, переведенной и на англійскій языкъ, говоритъ: актомъ Гильберта „была похоронена самостоятельность большей части англійскихъ рабочихъ. Они разсматривали себя какъ „пенсіонеровъ кассы бѣдныхъ“, на которую они считали себя уполномоченными, независимо отъ цѣнности и качества труда (Gneist)“ (*Aschrott.* Das englische Armenwesen. Leipzig. 1886, стр. 30).

этой системы, которая предполагаетъ всѣ невыгоды въ сдѣлкѣ между продавцомъ и покупателемъ рабочей силы на сторонѣ перваго, а всѣ выгоды на сторонѣ послѣдняго, что возможно лишь при превышеніи предложенія надъ спросомъ. Мы упомянули уже, что экспропріація доставила готовый источникъ снабженія рабочей силой какъ для капиталистической промышленности, такъ и земледѣлія. Въ высшей степени невѣроятно, чтобы экспропріировано было именно такое количество, которое могло бы быть поглощено рынкомъ,—это совпаденіе можно было бы объяснить лишь случайностью. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что уже при самой экспропріаціи имѣлся избытокъ рабочей силы, который, какъ бы малъ онъ ни былъ, тяжело давилъ на предложеніе; это — запасной фондъ рабочей силы, нужный для обезпеченія ею капиталистическаго производства, расширяющагося на первыхъ порахъ экстенсивно, т. е. создающаго или захватывающаго все новыя и новыя сферы производства. Наличность такого избытка рабочей силы въ результатѣ первоначальной экспропріаціи явствуетъ уже и изъ того, что на первый взглядъ является какъ бы доказательствомъ противоположнаго, а именно изъ отсутствія рѣзко выраженныхъ признаковъ перенаселенія въ первые 12—13 лѣтъ XIX вѣка. Это время отмѣчено чрезвычайнымъ спросомъ на рабочую силу, который созданъ былъ потребностями войны. И несмотря на это значительное ея отвлеченіе, нѣтъ никакихъ серьезныхъ признаковъ (кромѣ отдѣльныхъ указаній), которые показывали бы, чтобы это отвлеченіе болѣзненно чувствовалось въ земледѣліи и промышленности недостаткомъ рабочихъ рукъ. Умолчаніе это краснорѣчиво, если принять во вниманіе, какъ много и охотно жалуются имущіе классы въ первую треть XIX вѣка въ Англіи. Но за то, едва кончилась война и прекратился искусственный спросъ на рабочую силу (правда, съ этимъ совпало и начало земледѣльческой депрессіи), какъ начинается процвѣтаніе системы пауперизаціи рабочихъ. И—краснорѣчивый фактъ! — настоящее гнѣздо эта система свиваетъ себѣ на земледѣльческомъ югѣ, гдѣ, благодаря слабому развитію промышленности и отсутствію копей, спросъ на трудъ меньше, и всего слабѣе на сѣверѣ, центрѣ промышленности и рудниковъ: наиболѣе свободнымъ отъ язвы пауперизма оказывается Нортумберлэндъ, хотя и онъ страдалъ отъ аграрной депрессіи не меньше остальныхъ графствъ.

Есть другая причина, заставляющая предполагать отсутствіе равновѣсія спроса и предложенія. Это—способъ размноженія населенія. Извѣстно различіе между крестьянскимъ и пролетарскимъ способомъ размноженія населенія. Оно выяснится болѣе изъ дальнѣйшаго изложенія, здѣсь достаточно указать общеизвѣстный эмпирически фактъ, что пролетарское размноженіе значительно превышаетъ крестьянское. Экспропріація превратила крестьянъ въ пролетаріевъ, она уничтожила ту простоту задачи приспособленія населенія къ средствамъ существованія, которая отличала крестьянское хозяйство натуральнохозяйственнаго типа. Значительное потрясеніе народной жизни всегда отражается на движеніи населенія. Достойно замѣчанія въ этомъ отношеніи, что въ теченіе всего *XIX* вѣка, да, пожалуй, и всей своей исторіи Англія *никогда* не имѣла такого прироста населенія, какъ въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Вотъ цифры [1]) относительнаго прироста населенія отъ ценза до ценза:

---

[1]) Приростъ населенія слѣдуетъ, до извѣстной степени, отнести, конечно, и на счетъ повышенія ёмкости территоріи вслѣдствіе развитія промышленности, какъ это было замѣчено уже Торнтономъ „Безпечность, проистекающая отчасти вслѣдствіе крайней бѣдности и отчасти вызываемая вліяніемъ законовъ о бѣдныхъ, несомнѣнно значительно увеличила бѣдность благодаря многочисленнымъ бракамъ среди извѣстныхъ классовъ; но нельзя утверждать, чтобы это была единственная или даже главная причина колоссальнаго прогресса, который сдѣлало населеніе въ теченіе настоящаго столѣтія, а также и послѣдней части предыдущаго. Непредусмотрительные браки бѣдняковъ могутъ увеличить только ихъ собственный классъ, но въ промежутокъ отъ 1801 до 1811 года число жителей Англіи и Уэльса возросло съ 8,872,980 до 10,150,615, разница въ 1,277,635, и смѣшно вообразить, чтобы этотъ огромный приростъ состоялъ изъ лицъ, лишенныхъ нужныхъ средствъ существованія. Хотя нѣкоторыя части населенія обѣднѣли, общее богатство націи быстро и непрерывно расло, и много различныхъ классовъ, на которые распространилось это благодѣтельное дѣйствіе прироста богатства, увеличилось пропорціонально увеличенію количества средствъ существованія. Приростъ населенія обязанъ, поэтому, въ значительной мѣрѣ увеличенію средствъ существованія, и, если бы онъ не перешелъ границъ, опредѣляемыхъ этимъ увеличеніемъ, онъ былъ бы скорѣе благодѣяніемъ, нежели зломъ. Но внезапный ростъ пауперизма и нужды свидѣтельствуетъ, что этотъ ростъ перешелъ свои границы, и не можетъ быть сомнѣнія, что главной причиной этого излишка были черезчуръ многочисленные браки среди бѣдняковъ“ (*Thornton.* Overpopulation and its remedy. London. 1846. Стр. 221—3).

1811—1821	18,06%
1821—1831	15,80%
1831—1841	14,48
1841—1851	12,65
1851—1861	11,90
1861—1871	13,20
1871—1881	14,36
1881—1891	11,65

Но въ Англіи приростъ населенія вызывался искусственно, законодательствомъ о бѣдныхъ, скажутъ намъ. Нѣтъ основаній ни утверждать, ни отрицать противное. Я лично думаю, что это законодательство сыграло здѣсь роль усиливающей, а не производящей причины, и приростъ населенія былъ бы значителенъ и безъ этого законодательства, въ силу одного народнохозяйственнаго потрясенія, во время котораго деградированное населеніе теряетъ возможность регулировать такъ или иначе свой приростъ. Замѣтимъ, что изучаемое нами здѣсь перенаселеніе не подходитъ ни подъ одинъ изъ установленныхъ Марксомъ типовъ относительнаго перенаселенія, потому что всѣ они имѣютъ дѣло съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ и находятся въ тѣсной зависимости отъ послѣдняго. Между тѣмъ настоящее перенаселеніе, проистекающее изъ первоначальной экспропріаціи и главное свое сѣдалище имѣющее въ деревнѣ, отличается существенно иными чертами: оно и логически и хронологически является prius капиталистическаго производства, его правильнѣе всего назвать поэтому предкапиталистическимъ перенаселеніемъ. Но оно продолжается и въ первыя эпохи капиталистическаго производства, составляя его запасный фондъ. Ниже нами будетъ выяснено культурно-историческое значеніе предкапиталистическаго перенаселенія. Здѣсь же ограничимся констатированіемъ факта существованія перенаселенія, какими бы причинами, естественными или искусственными, оно ни вызывалось и какое бы значеніе оно ни имѣло.

Фактъ этотъ сознавался современниками, парламентскіе отчеты полны жалобами на существованіе избыточнаго перенаселенія. Въ 1826 году была назначена спеціальная парламентская коммиссія для изслѣдованія вопроса объ эмиграціи, которою думали придти на помощь существующему злу. Въ первомъ отчетѣ этой коммиссіи

читаемъ: „на основаніи свидѣтельскихъ показаній предъ настоящей коммиссіей были установлены слѣдующіе факты. Во-первыхъ, существуютъ обширные дистрикты въ Англіи, Ирландіи и Шотландіи, гдѣ населеніе въ настоящее время избыточно (redundant), другими словами, гдѣ существуетъ весьма значительная часть работоспособныхъ и дѣятельныхъ рабочихъ сверхъ того числа, которому можно найти занятіе при существующемъ спросѣ. Слѣдствіемъ этого перенаселенія является не только то, что часть его ввергается въ глубокую нищету и лишенія, но также и ухудшается общее положеніе рабочаго класса. Такъ какъ благодаря этому является излишекъ въ предложеніи труда сравнительно со спросомъ, заработная плата необходимо понижается до minimum'а, во всякомъ случаѣ недостаточнаго для снабженія населенія средствами существованія, которыя необходимы для обезпеченія здороваго и удовлетворительнаго состоянія общества“ [1]). Какъ средство помощи, коммиссія рекомендуетъ эмиграцію. Любопытна аргументація, гдѣ выступаетъ теорія заработнаго фонда, въ данномъ случаѣ вполнѣ умѣстная и являющаяся адэкватнымъ выраженіемъ реальнаго положенія вещей (такъ же какъ адэкватнымъ выраженіемъ дѣйствительныхъ отношеній эпохи является теорія народонаселенія Мальтуса и ученіе о „желѣзномъ“ законѣ заработной платы Рикардо). „Если въ данномъ дистриктѣ, читаемъ въ отчетѣ, требуется только 900 человѣкъ для его надлежащей обработки, и если фактически здѣсь имѣется 1000, которые всѣ въ большей или меньшей степени заняты, очевидно,—предположимъ-ли мы этотъ случай въ Англіи или въ Ирландіи, — что фондъ вознагражденія за трудъ дѣлится между 1000 вмѣсто 900 человѣкъ, а результатомъ можетъ быть и, вѣроятно, будетъ то, что всѣ 1000 получатъ менѣе чѣмъ необходимо для поддержанія существованія, и что положеніе *всѣхъ* ихъ представляетъ картину нужды и лишеній; но если 100 рабочихъ будутъ удалены изъ этого округа, и такимъ способомъ предложеніе труда сдѣлается пропорціонально реальному спросу, заработная плата необходимо поднимется, и положеніе остающихся 900 будетъ существенно улучшено; и что еще болѣе важно, дѣйствительная работа, выполняемая этими 900 работниками, находящимися теперь въ улучшенномъ

[1]) Report from the Select Committee on Emigration from the United Kingdom. 1826. Стр. 3.

положеніи, можетъ и даже будетъ равняться, если только не превышать работу, которую выполняли прежде 1000 рабочихъ при недостаточной сравнительно оплатѣ ихъ труда“ (10). Приведу еще характерное показаніе свидѣтеля Hodges относительно одной изъ наиболѣе перенаселенныхъ мѣстностей. 1367. „Можете-ли вы освѣдомить коммиссію о состояніи пауперизма въ дистриктахъ, непосредственно примыкающихъ къ вашему мѣстожительству въ Кентѣ? Въ округѣ Кента, въ которомъ я живу, (въ такъ называемомъ Weald of Kent—Кентскій лѣсъ) существуетъ почти въ каждомъ приходѣ и уже въ теченіе многихъ лѣтъ населеніе, значительно превышающее то количество, которое требуется для земледѣлія; послѣдствіемъ является то, что приходы находятся въ значительной нуждѣ, налогъ для бѣдныхъ страшно высокъ, и этимъ людямъ были принуждены давать занятіе на дорогахъ, о вредномъ вліяніи чего я не считаю нужнымъ распространяться; въ результатѣ этого, единственно возможный путь, которымъ приходы могутъ нѣсколько облегчить свою тяжесть, является поощреніе эмиграціи, и волна эмиграціи въ настоящее время направляется изъ этой страны въ Нью-Іоркъ. 1413. Думаете-ли вы, что удаленіе бѣдныхъ рабочихъ будетъ имѣть своимъ результатомъ повышеніе заработной платы остающихся и общее улучшеніе положенія населенія? Несомнѣнно; не существуетъ даже ни малѣйшаго вопроса объ этомъ, еслибы только число лицъ въ каждомъ приходѣ было приведено къ уровню дѣйствительнаго спроса на нихъ; мы можемъ занимать теперь, при усовершенствованныхъ системахъ земледѣлія, большее количество труда, нежели могли 40 лѣтъ назадъ; еслибы многіе изъ этихъ рабочихъ были удалены, оставшіеся могли бы диктовать свои собственныя условія вознагражденія за свой трудъ“ [1]).

Второй отчетъ коммиссіи объ эмиграціи, 1827 года, посвященъ, главнымъ образомъ, перенаселенію въ мануфактурныхъ округахъ. Хотя это не входитъ прямо въ предметъ нашего непосредственнаго изученія, все же интересно и для насъ, насколько показываетъ, что перенаселеніе не ограничивалось только земледѣльческими округами, но что и другія сферы труда были переполнены и не могли дать мѣста избыточному земледѣльческому

---

[1]) Report... on emigration 1826. Minutes of evidence. Ср. также показанія Curteis'a, 1166 и др.

населенію. Приведемъ изъ него поэтому нѣкоторыя выдержки [1]): „въ дополненіе къ общимъ причинамъ, которыя вызвали во многихъ частяхъ Соединеннаго Королевства избыточное населеніе, или, лучше сказать, нарушеніе пропорціональности между спросомъ и предложеніемъ труда, въ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ округахъ произошло важное измѣненіе, которое продолжается постепенно, но неуклонно и теперь, именно переходъ отъ пряденья ручнымъ веретеномъ (Hand-loom) къ механическому (Power-loom). Нѣкоторое время развитіе хлопчатобумажной промышленности было настолько быстро, что поглотило если не всѣ, то почти всѣ руки, вытѣсненныя изъ прежняго занятія, въ новой болѣе продуктивной системѣ производства. Но затрудненія, проистекшія изъ временной заминки въ торговлѣ, скоро обрушились двойной тяжестью на ткачей благодаря соединенному дѣйствію уменьшившагося спроса на продуктъ этой промышленности и возросшей производительности“ [2]). Особенно пострадало графство Ланкастеръ, часть Чешайра, Западный округъ (West Riding) Йоркшайра и Кёмберленда. Существуетъ два разряда ручныхъ ткачей, „почти вполнѣ различныхъ другъ отъ друга: одинъ классъ—тѣ, которые, хотя и работаютъ въ своихъ собственныхъ домахъ или подвалахъ (? cellars), сосредоточиваются въ большихъ мануфактурныхъ городахъ; другой классъ это тѣ, которые разсѣяны въ небольшихъ деревушкахъ или отдѣльныхъ домикахъ въ мануфактурныхъ графствахъ. Коммиссія желала бы обратить вниманіе палаты въ особенности на положеніе этого послѣдняго класса, хотя оба они находятся въ положеніи, въ высшей степени заслуживающемъ сожалѣнія. Повидимому, лица этой категоріи нѣсколько лѣтъ тому назадъ были арендаторами небольшихъ фермъ, изъ небольшого количества акровъ, которое они снимали за высокую ренту; и, соединяя занятіе ручнаго ткача (Hand-loom weaver) съ занятіемъ рабочаго фермера, они возвышали ренту отъ своей земли прибылью отъ своего веретена. Бѣдствія послѣдняго времени обрушились на этотъ классъ съ особенною тяжестью. Тогда какъ упадокъ ихъ мануфактурныхъ занятій сдѣлалъ ихъ неспособными взносить ренты, которыя они должны были платить въ каче-

[1]) Ср. свидѣтельскія показанія, цитированныя выше, въ примѣчаніи къ стр. 201.

[2]) Second report from the Select Committee on Emigration from the United Kingdom. 1827. Стр. 3.

ствѣ земледѣльцевъ, они оказались вынуждены поддерживать еще, какъ плательщики налога для бѣдныхъ, тѣхъ изъ своихъ товарищей-ткачей, которые были заняты только въ одной мануфактурѣ. И остатки честной гордости и стыда удерживали многихъ изъ нихъ, находящихся въ состояніи крайней бѣдности, отъ пользованія приходской помощью; другіе же изъ нихъ, благодаря отдаленности разстоянія недоступные для взоровъ установленныхъ чиновниковъ, влачили существованіе до тѣхъ поръ, пока не была внезапно открыта крайняя степень нищеты и болѣзней, въ которой они находятся“ (5).

Перенаселеніе струилось, такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ, причемъ всѣ источники его приводили къ одному результату, переполненію рабочаго рынка [1]), которому, конечно мало могла помочь эмиграція, при тогдашнихъ условіяхъ незначительная [2]).

Сказаннымъ характеризуется среднее, нормальное состояніе населенія въ эту эпоху. Естественно, что въ пору наибольшаго

---

[1]) Мы имѣемъ прямыя указанія относительно того, что терявшіе свои заработки ткачи являлись конкуррентами рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Правда, они относятся только къ Шотландіи, но нѣтъ основаній думать, чтобы того же не было и въ Англіи. Свидѣтель Maxwell изъ Шотландіи. 626. „... если ткачи испытываютъ затрудненія въ нахожденіи занятій въ своей собственной профессіи, они обращаются къ сельскому труду (country labour) и тѣмъ вызываютъ бѣдствія среди рабочихъ, но ихъ источникъ коренится въ ткацкомъ промыслѣ“. Свидѣтель Hunton, мануфактуристъ изъ Carlisle. 2848. „Не понижается-ли въ вашемъ округѣ вообще норма заработной платы какъ въ земледѣліи, такъ и въ промышленности? Я думаю, что заработная плата сильно понизилась, благодаря тому, что значительное число рукъ потеряло свое занятіе среди ткачей“ (Third report from the Select Committee on Emigration from the United Kingdom. 1827. Minutes of evidence. Отчетъ этотъ посвященъ главнымъ образомъ Ирландіи).

[2]) Точныхъ данныхъ относительно эмиграціи изъ Англіи за этотъ періодъ быть не можетъ, благодаря способу регистраціи: до 1856 года регистрировались всѣ эмигранты, выѣзжавшіе на корабляхъ изъ Соединеннаго Королевства, безъ различія мѣста, откуда направляется эмиграція. Общее число эмигрантовъ изъ Соединеннаго Королевства въ періодъ 1815—20 равно 123,528, въ періодъ 1821—1830 равно 249,910. См. *Rathgen*. Englische Auswanderung und Auswanderungspolitik im neunzehntem Jahrhundert. Leipzig. 1896. Anhang. Ср. также статью *v. Philippovich*. Die Auswanderung aus Grossbritanien. въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 2 Aufl. II, 91—8.

обострения аграрной депрессіи, кризиса, обостряется и болѣзнь. Мы встрѣчаемъ поэтому въ отчетахъ объ аграрной депрессіи усиленныя жалобы на чрезвычайное перенаселеніе, вызванное недостаткомъ капитала и увѣренности („confidence“) у фермеровъ. Острая нужда 1821 года выбросила много рабочихъ, которые до сихъ поръ имѣли занятія. То же обостреніе, хотя и въ меньшей степени, произошло въ 30-хъ годахъ. Приведемъ нѣкоторыя интересныя показанія предъ коммиссіей палаты лордовъ относительно законовъ о бѣдныхъ. Свидѣтель свящ. James Beard, Clergyman and Magistrat Бедфорскаго графства изъ прихода Cranfield. „Вы утверждаете относительно прихода Cranfield, что тамъ теперь около четверти рабочихъ не имѣютъ занятія? Да. Можете-ли вы указать, какъ долго это продолжается? Это продолжается всегда отъ средины ноября до конца февраля. Но сколько лѣтъ это продолжается? Послѣдніе 12 лѣтъ. Не знаете-ли, больше-ли теперь лишенныхъ занятія, чѣмъ раньше? Конечно, да. Не знаете-ли вы причинъ, почему теперь болѣе безработныхъ, нежели было въ эпоху перваго вашего знакомства съ приходомъ? Стали бѣднѣе фермеры. Когда вы начали замѣчать, что обѣднѣніе фермеровъ уменьшило число сельскохозяйственныхъ рабочихъ? Это усилилось со времени вопроса о денежномъ обращеніи [1]).

---

[1]) Report from the select Committee of the House of Lords appointed to consider of the poor laws. 1831. Minutes of evidence, 10. Въ Minutes of evidence предъ коммиссіей 1821 года имѣются слѣдующія характерныя показанія. Свид. Harvey. „Вы свидѣтельствуете, что въ разсматриваемыхъ приходахъ нѣтъ мануфактуръ и что налогъ для бѣдныхъ съ 1814 года возросъ до 4 шиллинговъ съ фунта, можете-ли вы объяснить это? проистекаетъ-ли это вслѣдствіе прироста населенія, низкаго уровня заработной платы или отъ какой-либо другой причины? Оттого, что худшіе (inferior) рабочіе потеряли заработокъ, и потому приходится занимать ихъ на дорогахъ подъ наблюденіемъ надзирателя забиваньемъ пескомъ ямъ. Не знаете-ли вы какихъ-либо другихъ причинъ? Конечно, знаю; неспособность фермеровъ платить имъ—первая причина; сравнительно лишь немного лѣтъ я знаю рабочихъ въ нашемъ приходѣ, не имѣющихъ заработка; лишь самые послѣдніе нѣсколько лѣтъ мы были обязаны поддерживать лицъ, въ которыхъ мы не нуждаемся, но мы посылаемъ на дороги по 8, 9, 10 человѣкъ; отъ этого мало толку, но все же это лучше чѣмъ праздность. По вашему мнѣнію, налогъ для бѣдныхъ возросъ вслѣдствіе неспособности земледѣльцевъ дать занятіе бѣднымъ? Конечно“. Свидѣтель Edmonds изъ Соммерсетшайра: „вообще говоря, имѣется-ли избыточное населеніе въ Соммерсетшайрѣ? Да, конечно; иногда мы обязаны

Свид. Hodges изъ Кента. „Вы приписываете значительную долю вашихъ теперешнихъ затрудненій въ вашемъ графствѣ избыточному населенію? Безъ сомнѣнія“. Свидѣтель всегда находилъ, что въ графствѣ населеніе имѣетъ тенденцію возростать больше, чѣмъ спросъ на трудъ; но прежде молодые люди шли въ Лондонъ и другіе большіе города, а за послѣднее время они такъ запружены ирландскими рабочими, что уже нѣтъ отлива перенаселенія. (21). Свид. Partington изъ Сёссекса также далъ показаніе: „извѣстно-ли вамъ, что въ Weald of Sussex существуетъ значительное избыточное населеніе? Весьма значительное“ (70). Налогъ для бѣдныхъ не можетъ быть, по мнѣнію свидѣтеля уменьшенъ, пока существуетъ такое „overpopulation“. Вообще вопросъ о существованіи „superabondant“, „surplus“ или „over-population“ предлагается почти всѣмъ свидѣтелямъ, допрошеннымъ передъ коммиссіей, и почти всѣ они отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно. Въ отчетѣ коммиссіи 1833 года точно также читаемъ: „общій характеръ (general tenor) свидѣтельскихъ показаній таковъ, что во многихъ округахъ страны предложеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ болѣе чѣмъ спросъ на нихъ, и что несоотвѣтствіе проистекаетъ главнымъ образомъ вслѣдствіе неспособности фермеровъ затрачивать такое количество труда на землю, которое требуется для ея наилучшей (perfect) обработки“ (Report, ix). Нѣкоторыя интересныя свидѣтельскія показанія приводимъ въ примѣчаніи [1]).

посылать сразу по 30—40 человѣкъ, даже женщинъ, таскать камни изъ каменоломни въ зимнее время; я самъ посылалъ заразъ по 35—40 человѣкъ“ (186). Этотъ способъ созданія занятія безработнымъ въ видѣ какихъ-нибудь малополезныхъ или безполезныхъ работъ Гасбахъ не безъ основанія сравниваетъ съ практикой французскихъ національныхъ мастерскихъ въ 1849 году. Да и вообще организація труда чрезъ посредство прихода носитъ нѣкоторыя *внѣшнія* соціалистическія черты. Усиленно подчеркивая слово „внѣшнія“, я хочу привести лишній примѣръ того, какъ мало значитъ форма безъ содержанія или какое противоположное значеніе можетъ имѣть таже форма при разномъ содержаніи. Это показываетъ, какъ малообоснователна вѣра во всемогущество извѣстныхъ формъ организаціи народнаго хозяйства самихъ по себѣ, безъ соотвѣтствующихъ экономическихъ, психологическихъ и общественныхъ предпосылокъ,— результатъ преувеличенно механическаго воззрѣнія на общество и его развитіе.

[1]) Свид. Murrey, земельный агентъ. 179. „Не улучшается-ли постепенно положеніе рабочихъ? Нѣтъ, я не думаю, чтобы оно постепенно улучшалось; теперь занято не такъ много рабочихъ; лишь хорошіе рабочіе имѣютъ

Нужно-ли добавлять, что положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ оставалось неизмѣнно или даже ухудшалось, какъ о томъ свидѣтельствуютъ всѣ отчеты того времени. Лишь въ отчетѣ коммиссіи 1833 года отмѣчается нѣкоторое улучшеніе въ положеніи рабочихъ, имѣющихъ постоянное занятіе (Report, vii), но

занятіе въ настоящее время. 180. Много-ли рабочихъ не имѣютъ занятій въ Южномъ Уэльсѣ? Да, значительное число посредственныхъ (indifferent) рабочихъ". Изъ этого показанія видно, что избытокъ рабочихъ рукъ давалъ фермерамъ возможность выбирать наилучшихъ рабочихъ за самую дешевую плату. Въ томъ же смыслѣ интересно и слѣдующее показаніе Hughes изъ Woodford'a (въ Вильтшайрѣ). 1105 „Лучше или хуже положеніе имѣющихъ занятіе рабочихъ нежели было до сихъ поръ? Еслибы рабочіе имѣли постоянное занятіе и имъ платилась бы справедливая (fair) заработная плата, то я не знаю времени. когда бы они находились въ лучшемъ положеніи чѣмъ теперь (Отвѣтъ по истинѣ дипломатическій!) 1108. Если существуетъ много излишнихъ рабочихъ въ каждомъ приходѣ, почему же норма заработной платы не падаетъ вслѣдствіе конкурренціи? Это вообще является желаніемъ землевладѣльцевъ, чтобы заработная плата не опускалась ниже извѣстнаго уровня, и вообще говоря, я не знаю фермеровъ, которые бы особенно желали спускать ее ниже уровня справедливой заработной платы; они платятъ излишнимъ работникамъ очень низкія цѣны, но постоянные рабочіе оплачиваются очень хорошо. 1109. Какимъ же образомъ дѣлается выборъ между избыточными (surplus) и постоянными рабочими? Избыточные рабочіе суть тѣ, которыхъ никто не хочетъ брать; обыкновенно это люди, обладающіе самымъ дурнымъ характеромъ въ приходѣ, и никто не хочетъ ихъ брать, хотя бы и могъ имъ помочь; тѣ же, которые занимаютъ ихъ, говорятъ: „я не нуждаюсь въ васъ, и если вамъ нужно получить занятіе, то я даю вамъ очень низкую цѣну". 1110. Эти лица, вообще говоря, суть дѣйствительно лѣнивый народъ съ дурнымъ характеромъ? Не всѣ; конечно, они не обладаютъ лучшимъ характеромъ, но многіе изъ нихъ, могу сказать, очень честные, хорошіе люди". Великолѣпно это различіе „хорошихъ" и „дурныхъ" характеровъ, которое оплачивается различной платой! Перенаселеніе даетъ фермеру почти феодальныя привиллегіи. Свидѣтель указываетъ далѣе увеличеніе „излишнихъ" рабочихъ и соотвѣтствующее уменьшеніе постоянныхъ, въ особенности послѣдніе три-четыре года. Свидѣтель наивно добавляетъ: „вообще говоря, лѣтомъ нѣтъ избыточныхъ работниковъ, но они есть въ зимнюю часть года" (1118). Итакъ, лѣтомъ характеръ рабочихъ исправляется, а зимой портится. 1122. „Если фермеръ нуждается въ нихъ только въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, развѣ не естественно, чтобы онъ содержалъ ихъ и въ зимніе мѣсяцы? Когда я только начиналъ свое дѣло, было въ обычаѣ нанимать ихъ на цѣлый годъ и давать имъ занятіе зимой, но теперь этого уже нѣтъ". Свидѣтель объясняетъ это недостаткомъ капитала у фермеровъ.

эта категорія составляла меньшинство, къ тому же постоянно убывавшее, а съ другой стороны и это свидѣтельствуется далеко не единодушно. На 30-е годы падаетъ эпоха поджоговъ со стороны сельскохозяйственныхъ рабочихъ, выведенныхъ изъ себя дружными усиліями лэндлордовъ и фермеровъ.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что наличность аграрнаго перенаселенія, которое предполагаетъ своимъ условіемъ общее перенаселеніе, переполненіе всѣхъ сферъ и промышленнаго труда, составляетъ отличительную черту экономической жизни Англіи первой трети XIX вѣка. Мы не встрѣчаемъ ни до, ни послѣ такихъ сплошныхъ жалобъ на перенаселеніе, которыми переполнены тогдашніе отчеты. У насъ нѣтъ средствъ выдѣлить, насколько перенаселеніе это было результатомъ естественныхъ причинъ, и насколько оно усиливалось законодательствомъ о бѣдныхъ. Но во всякомъ случаѣ остается непонятнымъ и составляетъ особый вопросъ, какимъ образомъ могла существовать такая безумная система въ теченіе 40 лѣтъ. Объяснять это ошибкой или недоразумѣніемъ было бы наивностью; къ тому же вредъ ея достаточно ясно сознавался современниками, какъ видно изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ. Единственно возможнымъ способомъ объяснить это яввяется предположеніе, что какіе-нибудь могущественные интересы стояли за эту систему, что для кого-нибудь она была выгодна, или, по крайней мѣрѣ, что отрицательныя стороны системы неразрывно были связаны съ положительными выгодами, и ради послѣднихъ терпѣлись и первыя. Ясно, что весь этотъ порядокъ вещей создался и поддерживался сильною рукой фермерства, для котораго законы о бѣдныхъ служили средствомъ удешевленія рабочей силы и пониженія издержекъ производства.

Неужели, однако, превращеніе свободнаго рабочаго въ пауперa, одичаніе рабочаго является средствомъ удешевленія труда? Такой способъ пониженія издержекъ производства для всякой сферы промышленнаго труда былъ бы самоубійственнымъ: вѣдь это почти то же, что отдать современныя (или даже тогдашнія) орудія труда, машины и т. д. рабамъ, ради дешевизны рабочей силы рабовъ. Для каждаго ясно, что рабскій трудъ оказался бы крайне дорогимъ, если бы вообще производство при этомъ условіи было возможно; крайне сомнительно, чтобы иной результатъ получился и при такой пауперизаціи рабочаго населенія, какъ это было въ сельскомъ хозяйствѣ. Совсѣмъ напротивъ въ этомъ

послѣднемъ. Я не отважусь утверждать, чтобы здѣсь оказался выгоденъ трудъ рабовъ, но выгодность труда пауперовъ—историческій фактъ. Фактъ этотъ можетъ быть понятенъ только изъ общаго характера земледѣльческаго труда, какъ онъ выясненъ былъ во введеніи. Въ силу того, что земледѣліе является для деревенскихъ жителей самымъ простымъ, грубымъ трудомъ, здѣсь второстепенную роль играетъ качество труда, оно можетъ быть замѣщаемо количествомъ. Фермеръ и слѣдовалъ именно этому методу: тамъ, гдѣ требуется 10 рабочихъ, онъ ставилъ 15 пауперовъ, они дѣлали ему то же самое, а онъ платилъ имъ за это дешевле, предоставляя приплачивать изъ приходской кассы, т. е. въ значительной мѣрѣ изъ чужого кармана недостающее для скуднаго существованія. Трудъ пауперовъ имѣлъ, такимъ образомъ, главное достоинство въ глазахъ фермера, —дешевизну, и на этой дешевизнѣ строилось поддержаніе statu quo въ эпохи депрессіи или даже прогрессъ сельскаго хозяйства. Въ цитированномъ уже показаніи священника Beard'a предъ коммиссіей о бѣдныхъ 1831 года находимъ слѣдующее любопытное сообщеніе: „По вашимъ словамъ, земли воздѣлываются теперь по прежнему хорошо? Да. Вы теперь на тѣ же деньги покупаете гораздо большее количество труда? Бѣдные работаютъ дешевле? Да; бѣдные работаютъ дешевле, много дешевле, конкурренція труда такъ велика. Увеличилось-ли количество хлѣба, производимаго въ Англіи, насколько вы можете судить на основаніи своихъ наблюденій? Я долженъ рѣшительно сказать, что насколько это касается всего Бедфордшайра, земледѣліе въ графствѣ весьма улучшилось, а урожаи теперь много лучше чѣмъ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ, потому что трудъ настолько дешевъ, что можетъ быть купленъ менѣе чѣмъ за полцѣны. Возрастаніе производства продукта имѣло причиной увеличеніе количества труда? Да“. (Minutes of evidence, 11).

Итакъ, эта дешевизна труда имѣла причиной несоотвѣтствіе спроса и предложенія на рабочемъ рынкѣ. Самую систему приходской помощи можно разсматривать какъ результатъ перенаселенія, наиболѣе она процвѣла въ перенаселенныхъ округахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ она и сама служила источникомъ перенаселенія. Но это послѣднее, увеличивая предложеніе рабочей силы, позволяло понижать заработную плату и превращать рабочихъ, занятыхъ круглый годъ, въ сезонныхъ рабочихъ, отпускаемыхъ на зиму.

Перенаселеніе оказалось такимъ образомъ благодѣтельнымъ для земледѣльческихъ капиталистовъ, въ особенности послѣ того, какъ имъ удалось свалить на плечи прихода тяжесть этого перенаселенія. Вотъ причина необычайной устойчивости законовъ о бѣдныхъ.

Но est modus in rebus, и это должно было скоро обнаружиться и въ данномъ случаѣ. Несмотря на временную выгодность для извѣстной части общества, система эта несетъ въ себѣ свое экономическое осужденіе. Нельзя безнаказанно развращать рабочій классъ, какъ нельзя безнаказанно безъ конца умножать число этихъ развращенныхъ пауперовъ. Ясно, что, если земледѣліе не спрашиваетъ о качествѣ труда, то и оно требуетъ извѣстнаго нравственнаго уровня рабочаго. Къ концу періода господства закона о бѣдныхъ лучшіе хозяева стали уже избѣгать труда приходскихъ пенсіонеровъ, настолько они были лѣнивы, безчестны, ненадежны. Этотъ роковой результатъ законовъ о бѣдныхъ ослабилъ энергію фермеровъ въ ихъ отстаиваніи.

Но съ другой стороны, ростъ количества пауперовъ и ростъ налога для бѣдныхъ въ земледѣльческихъ округахъ сталъ принимать угрожающій характеръ [1]). Бывали случаи, когда налогъ поглощалъ всю ренту, земли оставались незанятыми, ростъ пауперизма находилъ свои естественные предѣлы. Заинтересованные классы, прежде всего, конечно, землевладѣльцы напрягли свою энергію, и законы о бѣдныхъ были измѣнены въ 1834 году. Эту отмѣну долженъ привѣтствовать, конечно, всякій, кому дороги интересы человѣчества [2]), но едва-ли можно считать желательной

---

[1]) По даннымъ Sir *George Nichols*. A History of the english poor law New ed. London. 1898. Томъ II, 287, первый максимумъ налога на бѣдныхъ приходится на 1818 годъ, когда онъ составлялъ 13 ш. 3 п. на голову, при цѣнѣ хлѣба въ 81 ш. 1 п. за квартеръ; второй максимумъ наступаетъ въ 1832 году, когда налогъ составляетъ 10 ш., но при цѣнѣ хлѣба въ 63 ш. 4 п. за квартеръ. Въ 1834 году, въ годъ отмѣны закона, налогъ составлялъ 8 ш. $9^1/_2$ п. при цѣнѣ хлѣба въ 51 ш. 11 п. Но эти общія цифры, въ которыхъ главная доля, вѣроятно, падаетъ на аграрные округа, всетаки не могутъ дать точнаго представленія о ходѣ дѣла въ этихъ послѣднихъ, потому что мы не можемъ выдѣлить ихъ.

[2]) Говоря объ отмѣнѣ законовъ о бѣдныхъ, нельзя не помянуть съ глубокимъ уваженіемъ Мальтуса, который съ рѣдкой любовью къ правдѣ еще въ 20-хъ годахъ указывалъ безсиліе и вредъ законовъ о бѣдныхъ. „Втеченіе этихъ (1815, 1816 и 1817) лѣтъ были установлены два пункта величайшей важности, такъ что они не могутъ уже возбуждать сомнѣнія въ умѣ каждаго мыслящаго человѣка, читаемъ мы у Мальтуса.

отмѣну этихъ законовъ *разомъ*, безъ всякихъ мѣръ для смягченія зла, которое было уже создано и еще имѣло быть создано въ трудную переходную эпоху. Рабочій классъ и здѣсь явился игрушкой интересовъ борющихся классовъ, и нынѣшніе приходскіе пен-

---

Во-первыхъ, что страна фактически не выполняетъ обѣщанія, которое она дѣлаетъ по отношенію къ бѣднымъ въ законахъ о бѣдныхъ,— содержать ихъ и давать занятіе посредствомъ приходскаго обложенія тѣмъ, которые неспособны поддерживать себя или свое семейство, отъ недостатка-ли работы или по какой-либо другой причинѣ. И во-вторыхъ, что при значительномъ ростѣ приходскаго обложенія, вспомоществуемаго щедрыми и похвальными даяніями частной благотворительности, страна совершенно неспособна найти соотвѣтствующее занятіе для многочисленныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, которые могутъ и хотятъ работать". (Essay on population, 6-е изд. 1826 года, послѣднее при жизни автора, т. II, 96). Тѣ, кто считаютъ Мальтуса врагомъ рабочихъ, пусть оцѣнятъ мужественную правдивость слѣдующаго отзыва: „Не можетъ быть серьезно утверждаемо, что законы о бѣдныхъ исполняютъ дѣйствительно то, что они обѣщаютъ, разъ извѣстно, что многія, почти умирающія отъ голода семейства были находимы въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ,— они удерживались отъ того, чтобы идти въ рабочіе дома, грязные, нездоровые, переполненные, если только они и туда могли быть приняты; разъ извѣстно, что многіе приходы абсолютно неспособны повышать необходимое обложеніе, ростъ котораго, согласно существующимъ законамъ, стремится отдать на руки прихода все большее число лицъ, дѣлая такимъ образомъ все менѣе достаточнымъ собираемое; и разъ извѣстно, что раздается общій крикъ съ одного конца королевства до другого о помощи частной благотворительности вдобавокъ къ приходскому обложенію. Эти строгія доказательства недѣйствительности законовъ о бѣдныхъ могутъ быть разсматриваемы не только какъ неопровержимый аргументъ въ пользу того факта, что они не исполняютъ обѣщаннаго, но и дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что они и не могутъ сдѣлать этого. Наилучшая изъ всѣхъ причинъ для нарушенія обѣщанія это абсолютная невозможность его исполнить; это единственное оправданіе, которое всегда имѣетъ силу Но хотя, можетъ быть, и вполнѣ простительно не выполнять невозможнаго, но непростительно сознательно давать такія обѣщанія" (97). Мальтусъ говоритъ далѣе, что его обвиняютъ въ желаніи закономъ воспретить бракъ бѣднякамъ; это не правда. „Въ дѣйствительности я предложилъ совсѣмъ другую мѣру. Это *постепенная и очень постепенная* (*gradual* and *very gradual*) отмѣна законовъ о бѣдныхъ" (109. Курсивъ автора. Мы видѣли, что пожеланіе Мальтуса относительно постепенности отмѣны законовъ о бѣдныхъ не было исполнено). „И причиной, благодаря которой я рѣшился предложить на разсмотрѣніе такое предложеніе, является мое твердое убѣжденіе, что они несомнѣнно понизили заработную плату, сдѣлали общее положеніе рабочихъ классовъ значительно хуже, чѣмъ оно было бы, еслибы эти законы никогда не

сіонеры по волѣ одного класса завтра предоставляются самимъ себѣ по волѣ другого.

Законъ 1834 года постановилъ, что лица, нуждающіяся въ поддержкѣ, призрѣваются въ рабочихъ домахъ (in-door relief); приходы не должны болѣе искать работы для незанятыхъ рабочихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣняется и система приплатъ къ заработной платѣ (allowance). Рабочіе, около 40 лѣтъ бывшіе приходскими пенсіонерами, предоставляются теперь самимъ себѣ. Въ исторіи англійскихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ начинается новая эра. Но прежде, чѣмъ обратиться къ дальнѣйшему изученію ихъ судебъ, намъ слѣдуетъ познакомиться еще съ однимъ результатомъ законовъ о бѣдныхъ, который хронологически является запоздалымъ, но находится въ несомнѣнной съ ними связи. Я разумѣю знаменитую систему бандъ (gangs) сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Мы помнимъ, что крупные лэндлорды, болѣе или менѣе безраздѣльно властвовавшіе въ приходѣ, чтобы освободиться отъ уплаты налога для бѣдныхъ, сносили рабочіе коттэджи и дѣлали такимъ образомъ приходы „закрытыми“ (closed parishes) для поселенія рабочихъ, которые поселялись тогда въ сосѣднихъ „открытыхъ“ (open) приходахъ, гдѣ не было деспотическаго вліянія крупнаго земельнаго собственника. Это раздѣленіе созданное въ эпоху старыхъ законовъ о бѣдныхъ, поддерживалось и послѣ 1834 года, потому что новый законъ не отмѣнилъ принципа территоріальнаго распредѣленія приходской помощи, вслѣдствіе чего данный приходъ обязывался содержать лишь своихъ бѣдняковъ. (Продолжительность settlement дающаго право на поддержку прихода, опредѣлялась въ разныя времена различно, но принципъ этотъ остается въ силѣ и по настоящее время). На почвѣ этого раздѣленія и выросло болотное растеніе—сельскохозяйственныя банды.

существовали“ (ib.). Практическое вліяніе сочиненій Мальтуса на отмѣну законовъ о бѣдныхъ общепризнано. „Безъ споровъ, возбужденныхъ Essay on Population, едва-ли общественное мнѣніе настолько созрѣло бы, чтобы въ 1834 году могъ сдѣлаться закономъ билль такого содержанія. Отмѣна помощи бѣднымъ внѣ рабочаго дома (out-door relief) для работоспособныхъ лицъ была равнозначуща почти съ революціей“ (*Bonar*, Malthus and his work, 1885, стр. 317). За свою агитацію противъ законовъ о бѣдныхъ Мальтусъ долженъ быть причисленъ къ самымъ вѣрнымъ и умнымъ друзьямъ рабочаго класса, защитникамъ его чести.

Страшный призракъ этотъ глянулъ въ глаза англійскому обществу въ 1843 году, когда банды были впервые описаны въ отчетѣ относительно занятія дѣтей и женщинъ въ земледѣліи [1]), но, какъ явствуетъ на основаніи данныхъ этого же отчета, банды появились въ началѣ 30-хъ годовъ (а, можетъ быть, и ранѣе), при старыхъ законахъ о бѣдныхъ и какъ ихъ непосредственный результатъ. Въ отчетѣ констатируется существованіе бандъ на капиталистическомъ югѣ, странѣ крупныхъ капиталистическихъ фермъ и наибольшаго разцвѣта аграрнаго пауперизма, въ Суффолькѣ, Норфолькѣ и Линкольншайрѣ (отдѣльные случаи встрѣчаются и въ другихъ графствахъ). Система бандъ состоитъ въ томъ, что толпы сельскохозяйственныхъ рабочихъ, состоящія изъ рабочихъ обоего пола и дѣтей подъ предводительствомъ gangmeister'a (который мало отличается отъ нихъ) странствуютъ изъ открытыхъ приходовъ по фермамъ закрытыхъ приходовъ и выполняютъ здѣсь всю нужную работу, ночуя въ хлѣвахъ и стойлахъ или же на ночь возвращаясь къ себѣ домой. Вся позорящая жестокость этой системы, превращающей человѣка въ рабочій скотъ, такъ очевидна, что не стоитъ на этомъ и останавливаться. Въ отчетѣ съ особенной подробностію описано одно такое „открытое“ село, Castle Acre, изъ котораго отправлялись банды въ разныя стороны. Село это было, натурально, сплошнымъ вертепомъ, это былъ неизбѣжный результатъ искусственнаго скопленія низшихъ слоевъ земледѣльческаго пролетаріата. „Но какъ ни плоха эта система“,—говоритъ mr. Dennison, авторъ отчета о бандахъ, „я думаю, что злу, существующему въ Castle Acre, нельзя помочь, положивъ конецъ „ganging“: причины его лежатъ глубже. Еслибы при настоящемъ состояніи прихода былъ бы внезапно положенъ конецъ „ganging“, я боюсь, что значительное число лицъ потеряло бы работу, и безнравственность и преступленія въ этомъ селѣ увеличились бы благодаря праздности и бѣдности“ (225). Причину авторъ справедливо видитъ въ политикѣ лэндлордовъ, превращавшихъ свои приходы въ закрытые.

---

[1]) Report of Special Assistant Poor Law Commissioners on the employment of women and children in agriculture. 1843. Обширныя выдержки изъ этого отчета сдѣланы въ приложеніи къ сочиненію Гельда: Zwei Bücher etc. (также и въ русскомъ переводѣ). См. также обстоятельное изложеніе у Гасбаха: l. c., 200 слл. Система бандъ подробно описана также въ книгѣ *Н. А. Каблукова*. Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Москва. 1883.

Систему бандъ въ полномъ разцвѣтѣ застаетъ еще 1867 годъ, когда она была снова описана въ VI отчетѣ о занятіяхъ дѣтей [1]). Существованіе бандъ въ этомъ отчетѣ отмѣчается опять почти исключительно на югѣ и юговостокѣ Англіи: въ Линкольншайрѣ, Гентингтоншайрѣ, Кэмбриджшайрѣ, Норфолькѣ, Суффолькѣ, Ноттингэмшайрѣ. Спорадически банды встрѣчаются въ Нортгамптонѣ, Бедфордѣ и Рутландѣ. И здѣсь причиной этой системы указываются съ одной стороны „закрытые“ приходы, а съ другой привлеченіе къ воздѣлыванію нѣкоторыхъ новыхъ земель, главнымъ образомъ осушенныхъ болотъ (напр. въ такъ называемомъ Fen-district), гдѣ не были построены коттеджи и потребность въ рабочихъ удовлетворялась рабочими бандами.

Я не буду излагать подробно содержаніе обоихъ отчетовъ, посвященныхъ земледѣльческимъ бандамъ, такъ какъ онѣ уже не разъ описаны въ литературѣ. Отталкивающее безобразіе этого явленія было причиной тому, что его размѣръ и значеніе представляются, быть можетъ, въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ. На самомъ дѣлѣ, широкаго количественнаго распространенія эти банды никогда не достигали, и въ эпоху ихъ наибольшаго развитія, въ 1867 году, число лицъ, занятыхъ въ „public gangs“, (насколько оно можетъ, быть, конечно, опредѣлено), по оцѣнкѣ авторовъ отчета, было около 6,399. Для насъ явленіе это имѣетъ скорѣе симптоматическое значеніе, какъ наиболѣе яркое выраженіе особенностей положенія наемнаго земледѣльческаго труда. Слѣдуетъ указать на два общія условія, благодаря которымъ возможна система бандъ (мы упомянули уже вліяніе законовъ о бѣдныхъ и политики лэндлордовъ). Во-первыхъ, она предполагаетъ наличность аграрнаго перенаселенія, въ выше разъясненномъ смыслѣ, т. е. такого избыточнаго населенія, которое, не находя достаточнаго занятія въ земледѣліи, въ то же время не можетъ по условіямъ даннаго момента найти себѣ и не земледѣльческое занятіе. Существованіе перенаселенія было гарантіей того, что фермеръ найдетъ, когда ему нужно, необходимое количество рабочихъ въ „открытыхъ“ приходахъ, и потому ему нѣтъ нужды нанимать

[1]) Children employment Commission. Sixth Report of the Commissioners with Appendix. 1867. Содержаніе наиболѣе интересныхъ частей этого отчета подробно разсказано Марксомъ, который, впрочемъ, совсѣмъ не связалъ этого явленія съ общими судьбами класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

ихъ на постоянный срокъ. Косвеннымъ тому доказательствомъ являются два факта: во-первыхъ, территоріальное распространеніе системы бандъ,—онѣ процвѣтаютъ все на томъ же перенаселенномъ югѣ или юговостокѣ и совершенно чужды промышленному сѣверу, гдѣ эти банды, очевидно, вмѣсто того, чтобы ожидать, когда онѣ понадобятся фермеру, ушли бы на фабрики или въ копи; во-вторыхъ, банды словно куда-то изчезаютъ, какъ только прекращается то предкапиталистическое аграрное перенаселеніе, которое ихъ создавало, приблизительно къ концу 70-хъ годовъ; въ ближайшей по времени коммиссіи 80-хъ годовъ, гдѣ изслѣдуются въ числѣ другихъ и мѣстности наибольшаго процвѣтанія бандъ, о бандахъ нѣтъ и упоминанія: вѣроятно, они ушли въ города или переселились въ Америку. Коммиссіи 90-хъ годовъ находятъ лишь незначительные ихъ остатки. Вторымъ условіемъ существованія бандъ является ихъ выгодность, дешевизна ихъ труда, т. е. труда одичавшихъ, доведенныхъ до варварскаго состоянія мужчинъ, женщинъ и дѣтей сравнительно съ трудомъ „свободнаго“ рабочаго. Я не буду останавливаться на подробностяхъ этой рабочей организаціи; въ нашихъ цѣляхъ довольно указать общую возможность выгоднаго приложенія столь низкаго качества рабочей силы. Это объясняется также, какъ и выгодность труда приходскихъ пенсіонеровъ: земледѣліе не требуетъ опредѣленнаго качества труда, высшаго качества трудъ можетъ быть замѣненъ большимъ количествомъ нисшаго труда, но болѣе дешеваго. Пусть не забываютъ, что эти одичалыя банды работали на лучшихъ хлѣбныхъ поляхъ Англіи, въ эпоху наивысшаго разцвѣта земледѣлія, при обильномъ примѣненіи машинъ и т. д. „Норфолькская система“ и паровой плугъ, очевидно, мирятся съ рабочими бандами.

Но возвратимся къ 1834 году. Онъ принесъ дѣйствительно цѣлую экономическую революцію, ибо какъ можно иначе назвать лишеніе однимъ законодательнымъ актомъ привычнаго содержанія со стороны прихода для многихъ и многихъ людей. Этотъ актъ долженъ былъ обострить то состояніе перенаселенія, въ которомъ находились многіе аграрные округа въ особенности во время аграрнаго кризиса. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ для характеристики этой эпохи: теперь, когда ни лэндлорды, ни фермеры уже не заинтересованы были возбуждать парламентскія изслѣдованія, первые—чтобы опорочить законы о бѣдныхъ, вто-

рые—чтобы жаловаться на депрессію, на судьбы рабочаго класса на долгое время опускается занавѣсъ, который лишь случайно приподнимается, время отъ времени, въ разныхъ уголкахъ. У насъ есть нѣсколько отрывочныхъ показаній изъ Minites of evidence предъ коммиссіей 1836 года, свидѣтельствующихъ о наличности перенаселенія, но совершенно недостаточныхъ, чтобы заполнить недостающую высокодраматическую страницу въ исторіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Милостивая судьба улыбнулась имъ въ ихъ бѣдѣ: отмѣна законовъ о бѣдныхъ совпала съ эпохой промышленнаго подъема 1833—36 гг., а вмѣстѣ и постройки желѣзныхъ дорогъ; это обусловило нѣсколько высшій чѣмъ обычный спросъ на рабочія руки; бывшіе приходскіе пенсіонеры отливали въ города и на постройку желѣзныхъ дорогъ. Были приняты мѣры, содѣйствующія эмиграціи. Но мы не можемъ сказать увѣренно, когда и достаточно ли разрѣжено было населеніе. Косвеннымъ свидѣтельствомъ существованія перенаселенія въ 40-хъ или даже 60-хъ годахъ является только что описанная система рабочихъ бандъ. Мы имѣемъ отъ 50-хъ годовъ свидѣтельство Кэрда, которому нельзя отказать въ знаніи англійскаго земледѣлія (хотя вообще его сочиненія не отличаются никакими теоретическими достоинствами, а его научная репутація гораздо выше той, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ заслуживаетъ). Въ своемъ описаніи англійскаго земледѣлія въ 1850—51 гг. [1]), онъ говоритъ относительно рабочихъ Вильтшайра: „какъ фермеры, такъ и рабочіе страдаютъ теперь въ этой мѣстности отъ излишняго предложенія труда. Фермеръ вынужденъ употреблять большее количество рабочихъ, нежели требуетъ его теперешній способъ хозяйства, и для того, чтобы не обидѣть себя, онъ платитъ имъ норму заработной платы низшую, чѣмъ достаточно для полученія того количества физической силы, которая необходима для выполненія настоящаго дневного труда. Его трудъ оказывается, поэтому, фактически дороже, нежели тамъ, гдѣ платится достаточная плата, а, соотвѣтственно, и во всѣхъ случаяхъ поурочной платы норма ея здѣсь выше, чѣмъ въ другихъ странахъ, въ которыхъ общее положеніе труда лучше. Мы встрѣчаемъ особенное желаніе эмигрировать среди самихъ рабочихъ, такъ какъ это единственный способъ помочь какъ тѣмъ, которые уходятъ, такъ и тѣмъ, которые остаются

[1]) *James Caird.* English Agriculture in 1850—51. London 1852. Стр. 85.

на мѣстѣ“. Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ системы allowances вкусы фермеровъ насчетъ перенаселенія рѣзко измѣнились. Кэрдъ такъ характеризуетъ югъ и сѣверъ: „избытокъ труда, который лежитъ тягостью на собственности и понижаетъ заработную плату на югѣ, не только устранится, какъ только рабочему будетъ предоставлена свобода селиться, гдѣ ему угодно, но эта перемѣна, уравнявъ рынокъ труда, удешевитъ издержки производства и вызоветъ прогрессъ его на сѣверѣ.... отмѣченное неравенство заработной платы и бѣдности не ограничивается отдѣльными приходами или графствами, но раздѣляетъ королевство весьма отчетливой линіей на два географическихъ района. Мы можемъ провести линію по картѣ Англіи: къ югу отъ этой линіи мы будемъ имѣть высокіе налоги для бѣдныхъ и низкую заработную плату, а къ сѣверу отъ нея высокую заработную плату и низкій налогъ для бѣдныхъ; по одну сторону насильственный излишекъ труда, установляющій его цѣну на несправедливомъ уровнѣ и неблагопріятно вліяющій на издержки производства; въ обоихъ этихъ частяхъ тотъ же самый народъ, тотъ же языкъ, нравы и учрежденія, дешевое и быстрое сообщеніе между ними, и нѣтъ другихъ препятствій, кромѣ закона, который усиливаетъ естественное нерасположеніе къ передвиженію и препятствуетъ рабочему человѣку искать наилучшаго рынка для своего труда“ [1]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, правъ или не правъ Кэрдъ въ сужденіи о роли law of settlement, изъ приведеннаго отзыва ясно, что въ это время перенаселеніе еще осязательно чувствовалось на земледѣльческомъ югѣ, и что сѣверные фермеры охотно спустили бы плату своимъ рабочимъ, еслибы имъ удалось пріобщиться къ этому источнику.

Была еще спеціальная причина, которая усиливала и дѣлала болѣе тягостнымъ зло перенаселенія. Припомнимъ, что южные фермеры привыкли не платить своимъ рабочимъ полной заработной платы. Когда „out-door relief“, занятіе работоспособныхъ лишь внѣ рабочаго дома, а также и система приплатъ была отмѣнена закономъ, фермеръ оказался вынужденъ платить рабочимъ сполна изъ своего кармана. Это непріятное само по себѣ увеличеніе издержекъ производства становилось вдвойнѣ непріятно потому, что на фермерѣ самомъ тяготѣла рента, которую лэндлордъ,

[1]) Caird, l. c. 517.

натурально, не имѣлъ охоты спускать. И потерявъ возможность экономить на счетъ шкуры рабочаго косвенно, чрезъ посредство прихода, фермеръ теперь обращается непосредственно къ этой шкурѣ и ищетъ возможности удешевить производство на ея счетъ. Для этого мало было безграничнаго пониженія въ перенаселенныхъ округахъ платы взрослымъ рабочимъ, подходящимъ средствомъ является эксплуатація труда женщинъ и дѣтей. Количество еще разъ замѣняетъ качество труда, на этотъ разъ въ самой ужасной, безпощадной формѣ. Въ эпоху господства законовъ о бѣдныхъ не слышно о примѣненіи дѣтскаго и женскаго труда въ земледѣліи, — въ нихъ не было нужды, потому что слишкомъ дешево стоилъ трудъ взрослаго рабочаго. Когда отчетомъ 1843 года открывается уголокъ занавѣса, которымъ закрыты были для насъ судьбы рабочихъ, то мы застаемъ уже эксплуатацію женскаго и дѣтскаго труда на всемъ ходу. Но лучше приведемъ подлинныя слова отчета. Mr. Austin сообщаетъ относительно Вильтшайра, Дорсетшайра, Девоншайра и Сомерсетшайра: „повидимому, здѣсь найдется немного семействъ, въ которыхъ бы жена, или ребенокъ, или нѣсколько дѣтей не были заняты въ земледѣльческомъ трудѣ (farm-labour). Дѣти бываютъ заняты гораздо чаще нежели жена; и рѣдко случается найти болѣе или менѣе обширное хозяйство, въ которомъ не работало бы нѣсколько членовъ, кромѣ главы его. Самый низкій заработокъ ребенка, приблизительно, хотя и не вполнѣ, достаточенъ, чтобы содержать его; при этомъ заработокъ жены, тамъ, гдѣ она бываетъ занята, составляетъ очень важное дополненіе къ заработкамъ мужа. Обыкновенно жена и дѣти восполняютъ также средства къ существованію собираніемъ колосьевъ“.

Заработокъ жены и дѣтей отъ сельскохозяйственнаго труда одинаковъ во всѣхъ этихъ графствамъ; но въ значительной части Дорсетшайра, а равно и въ обширныхъ округахъ Девоншайра, существуютъ и другія занятія, въ которыхъ „жена и дѣти сельскохозяйственнаго рабочаго зарабатываютъ столько же или даже больше, чѣмъ могли бы зарабатывать въ земледѣліи“. Такимъ занятіемъ является дѣланіе пуговицъ, изготовленіе кружевъ и т. под. [1]). Отчетъ рисуетъ самое ужасное состояніе жилищныхъ

[1]) Report of Special Assistant Poor Law Commissioners on the employment of women and children in agriculture. 1843. Стр. 16.

условій; женщины и мужчины спятъ въ одной комнатѣ, на одной постели спитъ по нѣскольку человѣкъ; одежда представляетъ собою рубище. И тѣмъ не менѣе въ отчетѣ говорится: „общее заключеніе относительно физическаго состоянія женщинъ, занятыхъ въ земледѣліи, таково, что оно лучше вообще, чѣмъ женщинъ того же класса, но не занятыхъ такимъ образомъ. Причина очевидна: средства семейства увеличиваются благодаря этому заработку; она имѣетъ больше пищи, лучше одѣта и имѣетъ лучшее жилище. Потому ея здоровье лучше“ (23). Низкая заработная плата дѣлаетъ, такимъ образомъ, трудъ женщинъ, а равно и дѣтей экономической необходимостью: это извѣстная метода удешевленія рабочей силы разложеніемъ стоимости ея содержанія на заработки всей семьи. Конечно, нравственность населенія, особенно половая, находится на самомъ низкомъ уровнѣ. Занятія земледѣліемъ исключаютъ для дѣтей возможность посѣщенія школы. Что же получается въ результатѣ труда всей семьи? Объ этомъ краснорѣчиво говоритъ свидѣтельство д-ра Greenup'a изъ Calne, въ Вильтшайрѣ. Онъ находитъ, что хотя земледѣлію не свойственны какія-либо профессіональныя болѣзни, но что здѣсь много болѣзней проистекаетъ отъ недостатка питанія, для котораго заработная плата вполнѣ недостаточна, а равнымъ образомъ отъ недостатка одежды, отъ грязи и т. п. „Но хотя всѣ эти послѣднія условія важны и сами по себѣ, но всѣ они отступаютъ на задній планъ по сравненію съ великимъ зломъ — недостаточностью пищи“ (59). Всякія слова блѣднѣютъ предъ этимъ краснорѣчіемъ сухого оффиціальнаго отчета!

Также и извѣстный намъ уже Mr. Dennison свидѣтельствуетъ въ своемъ отчетѣ относительно Суффолька, Норфолька и Линкольна: „настоящее положеніе рабочаго рынка, соединенное съ дѣйствіемъ новаго закона о бѣдныхъ, который предоставилъ рабочій классъ главнымъ образомъ собственнымъ силамъ, принуждаетъ родителей брать своихъ дѣтей изъ школъ, какъ только они могутъ что-либо зарабатывать. И я думаю, является общимъ правиломъ въ этихъ графствахъ, что ученіе приносится въ жертву возможности заработка“ [1]).

---

[1]) ibid., 217. Ср. также показанія Кау предъ Lords Committee on the Poor Law Amendment Act. Цитировано у Гасбаха. l. c. 232. Гасбахъ даетъ слѣдующую характеристику измѣненія положенія рабочаго: „ходъ развитія англійскаго рабочаго былъ таковъ. Послѣ того какъ онъ былъ все полнѣе

Таковъ былъ заключительный моментъ эволюціи рабочаго класса въ эпоху аграрнаго протекціонизма, и въ такомъ положеніи застаетъ его отмѣна хлѣбныхъ законовъ. Англійское земледѣліе переживало разцвѣтъ и упадокъ, ренты расли и уменьшались, колебался и доходъ фермера,—лишь доходъ рабочаго былъ неизмѣнно нищенскимъ, и за свое полуголодное существованіе онъ долженъ былъ отдать сначала свою честь, а затѣмъ слезы своихъ дѣтей [1]). Онъ былъ игрушкой въ борьбѣ профита и ренты. Упомянутое выше сатирическсе изображеніе англійскихъ аграрныхъ отношеній вполнѣ соотвѣтствуетъ расмотрѣнной эпохѣ исторіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ: на фермерѣ сидитъ лэндлордъ, а фермеръ сидитъ на рабочемъ, послѣдній же сгибается подъ двойною тяжестью ихъ обоихъ... [2])

отдѣляемъ отъ владѣнія землей, онъ становился игрушкой цѣнъ и фермерскаго капитала. Такъ какъ земельная рента жадно всасывала всякій избытокъ дохода сверхъ издержекъ производства, онъ не могъ добиться достаточнаго содержанія посредствомъ своего труда; въ борьбѣ между поземельной рентой и прибылью на капиталъ онъ сдѣлался приходскимъ бѣднякомъ,—черезъ это профитъ косвенно нѣсколько уменьшилъ ренту, чего онъ не могъ добиться прямо. Затѣмъ земельная рента добилась того, что приплаты были отмѣнены и профитъ снова побѣжденъ. Побѣда поземельной ренты означала для рабочаго свободу отъ кассы для бѣдныхъ, но вмѣстѣ и свободу отъ дохода. Такъ какъ онъ не могъ просуществовать на заработную плату, сбитую въ господство закона о бѣдныхъ, то ему пришлось пустить въ ходъ свою семью, что и помогло прибыли на капиталъ снова выйти изъ труднаго положенія. Ибо рабочая сила малолѣтнихъ была особенно дешева, какъ это открыли фермеры восточныхъ графствъ, содержащіе Gangs. Арендаторы прочихъ графствъ также поняли это и стали занимать въ возрастающемъ количествѣ женщинъ и дѣтей“ (ib.). У Гасбаха см. также детали относительно заработной платы: глава четвертая, I.

[1]) „Англійское земледѣліе получило свой опрятный, нарядный характеръ, бросавшійся въ глаза континентальному наблюдателю, лишь благодаря тому, что оно воспользовалось недостаточно оплаченнымъ трудомъ дѣтей, и оно могло ими воспользоваться лишь потому, что рабочіе были слишкомъ невѣжественны, чтобы понимать свои потери, и должны были заботиться о томъ, чтобы добыть каждый пенсъ“ (Hasbach, l. c. 237).

[2]) Оптимистическій Кэрдъ дѣлаетъ слѣдующее сопоставленіе своего времени (начала 50-хъ годовъ) съ временемъ Юнга: за 80-лѣтній періодъ средняя рента пахатной земли выросла на 100%, средняя производительность акра пшеницы на 14%, заработная плата на 34%, а рента за коттэджи (платимая лэндлорду) на 100%. Цѣна хлѣба за это время не измѣнилась, масло—поднялось на 100%, мясо около 70%, шерсть около 100%. (English Agriculture, 475).

4) Англійское земледѣліе и сельскохозяйственные рабочіе въ эпоху отъ паденія хлѣбныхъ законовъ до начала аграрнаго кризиса.

Слѣдующее тридцатилѣтіе, отъ конца сороковыхъ до конца семидесятыхъ годовъ было золотымъ временемъ англійскаго земледѣлія, когда оно стяжало себѣ міровую извѣстность. Освободясь отъ ненормальнаго покровительства, связывавшаго его естественное развитіе, сельское хозяйство Англіи не только не погибло, какъ это пророчили сторонники хлѣбныхъ законовъ, оно приняло участіе въ общемъ прогрессѣ, который характеризуетъ экономическую жизнь Англіи въ эту эпоху. На лицо для этого были основныя условія въ видѣ пышно развившейся промышленности и промышленнаго населенія, и въ то же время еще не чувствовалась въ такой силѣ какъ теперь иностранная конкурренція.

Переходъ отъ сильнаго протекціонизма къ свободѣ торговли, которая явилась особой формой протекціонизма для промышленнаго капитала [1]), не могъ, конечно, не произвести потрясенія въ

[1]) Справедливо по этому поводу замѣчаетъ Фуксъ (*Fuchs*. Die Handelspolitik Englands und seiner Kolonien in den letzten Jahrzehnten. Leipzig. 1893. Стр. 10—11) „... это усиленное покровительство крупному землевладѣнію, находилось въ противорѣчіи съ новыми потребностми и въ данномъ случаѣ съ интересами ихъ представителя крупнаго капитала, который благодаря биллю о реформѣ 1832 года получилъ перевѣсъ въ парламентѣ. Возникновеніе крупнаго капитала и великія техническія изобрѣтенія впервые вызвали къ жизни производящую для вывоза индустрію, которая до сихъ поръ безраздѣльно господствовала на иностранныхъ рынкахъ, но тогда начинала уже страдать отъ собственной конкурренціи континентальныхъ странъ. Она не нуждалась болѣе въ покровительственныхъ пошлинахъ, но ея интересы требовали уже отмѣны пошлинъ на сырье, которыя возвышали издержки производства; къ отмѣнѣ пошлинъ на хлѣбъ стремились также не только для того, чтобы чрезъ то удешевить содержаніе рабочихъ и быть въ состояніи вслѣдствіе этого понизить заработную плату, но также и для того, чтобы, допустивъ свободный ввозъ хлѣба въ Англію, добиться этимъ свободнаго допущенія на континентальные рынки англійскихъ фабрикатовъ и вообще благодаря этому хлѣбному вывозу дать имъ возможность взамѣнъ за эти цѣнности ввозить въ соотвѣтственной мѣрѣ произведенія англійской промышленности. Надѣялись такимъ образомъ удержать континентальныя государства на уровнѣ земдѣльческихъ государствъ, такъ какъ думали, что англійская торговая политика затрудненіемъ ввоза ихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, скорѣе побудитъ ихъ къ собственной промышленной дѣятельности".

хозяйствѣ, приспособившемся къ высокимъ пошлинамъ. Цѣны, какъ и слѣдовало ожидать, пошли внизъ, и немало слабыхъ и мелкихъ хозяйствъ погибло во время этого перехода. Пониженіе цѣнъ произошло, правда, не сразу, но высокія сравнительно цѣны конца 40-хъ годовъ вызваны были рядомъ неурожаевъ, произведшихъ кратковременный, но чрезвычайно острый кризисъ. Но, если не считать этого неблагопріятнаго осложненія, милостивая судьба сдѣлала все, чтобы возможно облегчить англійскому земледѣлію тяжелое переходное время. А именно она ниспослала ему то, о чемъ напрасно вздыхали фермеры въ 20-хъ годахъ, — войну, сначала Крымскую, освободившую англійское земледѣліе отъ самаго серьезнаго въ то время конкуррента — Россіи. Начиная съ 1853 года цѣны обнаруживаютъ опять повышательное движеніе, и въ 1855 году цѣна стоитъ на давно уже небываломъ уровнѣ 74 ш. 8 п. за квартеръ пшеницы [1]). Не успѣла окончиться Крымская война, какъ началась американская междоусобная война (1860—65), устранившая временно другого еще болѣе страшнаго конкуррента, который только что началъ появляться на европейскомъ рынкѣ. Условіемъ, благопріятнымъ для англійскаго сельскаго хозяйства, можно считать также открытіе золотыхъ и серебряныхъ калифорнійскихъ и австралійскихъ рудниковъ, которое также повышало цѣны на сельскохозяйственные продукты (это измѣненіе въ области валюты должно было имѣть, конечно, особенное значеніе для твердыхъ платежей, выраженныхъ въ опредѣленной суммѣ прежней валюты). Въ общемъ можно поэтому сказать, что ликвидація стараго порядка совершилась при благопріятныхъ условіяхъ.

Вскорѣ послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ Кэрдъ выпустилъ памфлетъ подъ характернымъ заглавіемъ: „Интенсивное хозяйство при свободѣ торговли есть лучшая замѣна покровительства“ [2]);

---

[1]) Всѣ данныя о цѣнахъ, а также и другія данныя сельскохозяйственной статистики заимствованы изъ оффиціальной англійской статистики, а именно: Boarde of Agriculture. Agricultural Returns for Great Britain shewing the Acreage and Produce of Crops, Prices of Corn, and Number of Live Stock with Agricultural Statistics for the United Kingdom, British Possesions and Foreign Countries. London. 1899. И затѣмъ Statistical Abstract for the United Kingdom за соотвѣтствующіе года.

[2]) *James Caird.* High farming under liberal covenants the best Substitute for Protection. London. Цит. по 3-му изд. 1849. Цитируемое мѣсто находится на стр. 32.

въ этомъ памфлетѣ имѣются слѣдующія слова, могущія послужить эпиграфомъ для исторіи изучаемаго періода развитія земледѣлія въ Англіи: „отмѣна покровительства, если она можетъ повести къ значительному пониженію цѣнъ, будетъ чувствоваться очень тяжело фермерами съ недостаточнымъ (inadequate) капиталомъ. Но тамъ, гдѣ могутъ соединиться капиталъ, искусство и взаимная кооперація лэндлорда и фермера, введеніе интенсивнаго хозяйства будетъ наиболѣе отвѣчать истиннымъ интересамъ лэндлордовъ и явится наилучшимъ покровительствомъ для фермеровъ“. Возможность этого Кэрдъ иллюстрируетъ примѣромъ собственной фермы.

И, дѣйствительно, этотъ періодъ единогласно характеризуется какъ періодъ высшаго развитія англійскаго интенсивнаго земледѣлія. Приведу нѣсколько отзывовъ. Уже извѣстный намъ Протеро [1]) говоритъ: „1845 годъ раздѣляетъ два періода науки и практики; онъ открываетъ новую эру. Онъ отмѣчаетъ переходъ отъ экстенсивнаго хозяйства къ интенсивному... Прекращеніе паники, возбужденной свободной торговлей, возстановленіе спокойствія, распространеніе земледѣльческихъ усовершенствованій, расширеніе торговли, приростъ количества драгоцѣнныхъ металловъ благодаря открытію золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ въ Австраліи и Калифорніи и Крымская война вывели земледѣліе изъ его затруднительнаго положенія... Съ 1846 года до 1877 въ парламентъ не было внесено ни одного предложенія объ изслѣдованіи состоянія земледѣлія, если не считать изслѣдованія о фермерскомъ правѣ 1848 года и о земельныхъ улучшеніяхъ въ 1873 г. “. Признакъ, указываемый Протеро, дѣйствительно чрезвычайно характеренъ: въ странѣ съ такой развитой иниціативой, какъ въ Англіи, отсутствіе жалобъ, составляющихъ почти признакъ хорошаго тона для дѣлового человѣка, въ высшей степени краснорѣчиво: дни счастья переживаются молча,—о нихъ всегда найдется меньше разсказать, чѣмъ о дняхъ несчастья, вотъ почему этотъ періодъ вообще скуденъ свѣдѣніями. Протеро видитъ „характерную особенность періода 1845—73 гг. не въ изобрѣтеніи новыхъ способовъ, но въ болѣе широкомъ распространеніи лучшихъ способовъ обработки“. Панегирическій обозрѣватель Quar-

---

[1]) Prothero, l. c. 104—6.

terly Review [1]) говоритъ захлебываясь: „фермеры благоденствуютъ, лэндлорды склонны къ улучшенію своихъ имѣній, рабочіе перестали ненавидѣть сѣялку и молотилку; во время послѣднихъ жатвъ въ употребленіе вошла жатвенная машина; и компетентные судьи думаютъ, что паровая обработка почвы почти усовершенствована“ (391). „Духъ стараго земледѣлія и новаго діаметрально противоположны между собою, духъ стараго земледѣлія былъ духъ застоя, новаго—прогресса“ (434). Не менѣе восторженный тонъ беретъ позднѣйшій обозрѣватель того же журнала [2]): „съ 1820 года [3]) современное сельское хозяйство развивалось гигантскими шагами. Обширный капиталъ былъ израсходованъ на зданія и дрэнированіе почвы... Паръ и машины сдѣлали почву болѣе легкой и увеличили количество производства. Системы обработки лучше приспособлены къ требованіямъ почвы и климата; пріобрѣтено больше скота, и онъ лучше питается и лучше выкармливается. Средства фермеровъ, выражающіяся въ жатвахъ, въ зимнемъ кормѣ, пастбищахъ, орудіяхъ, увеличились. Новые пути сообщенія приближаютъ рынки къ самымъ отдаленнымъ уголкамъ. Но главнымъ улучшеніемъ является распространеніе знаній и просвѣщенія... Въ настоящее время хорошій фермеръ соединяетъ въ себѣ научныя знанія съ практической опытностью... За послѣднее столѣтіе механики, капиталисты, архитекторы, геологи, химики, физіологи, ботаники вербуются фермерами. Земледѣльческій прогрессъ въ настоящемъ столѣтіи, дѣйствительно, явился результатомъ соединеннаго приложенія науки и капитала къ воздѣлыванію почвы“ (353—4). Извѣстно, какое впечатлѣніе произвело англійское земледѣліе на де-Лаверня, объявившаго его лучшимъ въ Европѣ [4]).

Отъ этихъ общихъ характеристикъ обращаясь къ деталямъ, мы должны прежде всего отмѣтить ростъ земельныхъ меліорацій. Когда лэндлорды потеряли возможность поднимать цѣну на хлѣбъ при помощи высокихъ пошлинъ и тѣмъ возвышать свою ренту, имъ осталось одно изъ двухъ: либо терпѣть пониженіе ренты,

---

[1]) Статья „The progress of English Agriculture“. Quarterly Review, 1858 (vol. 103).

[2]) Статья „The pioneers and prospects of English Agriculture“. Quarterly Review, 1885 (vol. 159).

[3]) Эта дата, какъ уже знаетъ читатель, неточна.

[4]) Léonce de Lavergne, op. cit. Préface.

либо меліорировать. Большинство пошло, конечно, вторымъ путемъ, и потому первое, чему подала знакъ отмѣна хлѣбныхъ законовъ, было усиленное меліорированіе почвы. Особенно много для англійской почвы сдѣлалъ дренажъ, превратившій болотистыя мѣстности юго-восточной Англіи, въ житницу Англіи, гдѣ произросла пшеница и... какъ не забылъ читатель, рабочія банды. Огораживаніе полей, послѣ Акта 1845 года, не играетъ уже большой роли, лэндлорды должны увеличивать свой доходъ на старой территоріи; и хотя эта территорія увеличивается слабо, но мы наблюдаемъ непрерывный ростъ воздѣлываемой площади, очевидно, благодаря превращенію непригодной къ воздѣлыванію земли въ культурную площадь.

Поземельная рента, по словамъ Протеро, за періодъ съ 1857 и 1878 гг., возрасла по крайней мѣрѣ на 20% [1]). Нельзя отрицать, что въ повышеніи ренты извѣстную долю сыгралъ процентъ на меліораціонный капиталъ; практически невозможно выдѣлить эту долю изъ общаго состава ренты, между тѣмъ мы видѣли, что разсматриваемая эпоха есть эпоха земельныхъ меліорацій. Съ другой стороны, повышенію ренты содѣйствовала дальнѣйшая консолидація земельныхъ участковъ, продолженіе того процесса, начало котораго лежитъ еще, какъ мы уже знаемъ, въ *XVIII* вѣкѣ. Мелкія потребительскія хозяйства, преимущественно натуральнаго характера, соединялись въ болѣе крупныя. *Эта* консолидація земельныхъ участковъ представляется отнюдь не результатомъ борьбы крупнаго и мелкаго производства, а сознательнаго стремленія лэндлордовъ къ повышенію своей ренты соединеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ хозяйствъ, платившихъ весьма низкую ренту, въ крупное, могущее платить большую ренту; главнымъ методомъ повышенія ренты является здѣсь изгнаніе непосредственныхъ производителей,—это родъ экспропріаціи. Рядомъ съ этимъ старымъ процессомъ шелъ и новый: ростъ среднихъ размѣровъ фермы, концентрація производства, позволяющая, раціонализируя хозяйство, повышать земельный доходъ. Разъ хозяйство поставлено на капиталистическую ногу, то безспорно, что, въ извѣстныхъ границахъ, крупное капиталистическое хо-

[1]) Изъ данныхъ статистики подоходнаго налога нельзя извлечь точныхъ указаній относительно роста ренты съ земледѣльческой площади потому что въ шедулѣ А она сосчитывается вмѣстѣ съ доходомъ отъ земель подъ постройками, желѣзными дорогами и т. д.

зяйство имѣетъ несомнѣнныя преимущества надъ мелкимъ капиталистическимъ. Преимущества эти, прежде всего вытекаютъ изъ общихъ преимуществъ крупнаго капитала надъ мелкимъ, его большей способности къ риску, къ кредиту, къ болѣе успѣшной утилизаціи орудій производства и къ болѣе цѣлесообразному выбору ихъ. Границы, за которыми ослабѣваютъ или даже прекращаются выгоды концентраціи, опредѣляются общимъ состояніемъ сельскаго хозяйства, степенью его интенсивности и пр. Очевидно также, что объ усиленіи мелкихъ, крестьянскихъ хозяйствъ при всей совокупности данныхъ условій не могло быть и рѣчи: съ одной стороны, общія экономическія условія и, прежде всего, колоссальное развитіе промышленности притягивало сельское населеніе въ города, а съ другой стороны—что еще важнѣе—мелкое хозяйство оказывалось бы слишкомъ мѣшкотнымъ, слишкомъ коснымъ и не поспѣло бы за тѣмъ расширеніемъ рынка, (а слѣдовательно и возможностью увеличенія сельскохозяйственнаго барыша), которое являлось результатомъ упомянутаго развитія промышленности; крупное хозяйство съ крупнымъ капиталомъ и самой совершенной техникой одно могло хотя отчасти поспѣть за этимъ бѣшенымъ развитіемъ рынка, а потому обезпечить наибольшій доходъ землевладѣльцу. Можно считать поэтому очевиднымъ, что возможность развитія крестьянскаго хозяйства исключена всѣмъ развитіемъ экономической жизни Англіи въ эту эпоху; сельское хозяйство могло развиваться только въ сторону концентраціи.

Наконецъ, землевладѣлецъ еще выигрываетъ, сберегая на постройкѣ зданій, коттэджей для рабочихъ и т. д., каковое сбереженіе является естественнымъ результатомъ увеличенія размѣровъ фермъ. (Не нужно забывать, что постройка хозяйственныхъ зданій, коттэджей для рабочихъ и др. лежитъ въ Англіи на землевладѣльцахъ).

У насъ нѣтъ удовлетворительной статистики относительно измѣненія размѣровъ хозяйствъ этого времени.

Нѣсколько графствъ доставили добровольно свѣдѣнія о числѣ фермъ различныхъ размѣровъ въ 1851 и 1861 году [1]). Вотъ эти данныя [2]).

---

[1]) Графства эти: Бэккингэмъ, Кэмбриджъ, Честеръ, Кумберлэндъ, Линкольнъ, Норфолькъ, Салопъ, Сéссексъ, Вильтсъ, Сѣверный Округъ Йорка.

[2]) Приведены въ цензѣ 1861 года. Данныя эти приводитъ (Капиталъ, I, 569) между прочимъ Марксъ; кстати замѣтимъ, что эти довольно случай-

Размѣръ фермы.	Абсолютныя цифры		Относительная въ $^0/_{000}$		Абсолютная убыль за 10 лѣтъ.
	1851	1861	1851	1861	
Ниже 10 акр. . .	5,374	3,742	—	—	1,632
10—20 акр. . . .	5,603	4,676	—	—	927
20—30 „	3,967	3,434	—	—	533
30—40 „	3,298	2,955	—	—	343
40—50 „	2,897	2,621	—	—	276
Всего ниже 50 ак.	21,139	17,428	—	—	3,711
50—100 акр. . . .	10,444	9,139	—	—	1,305
Всего ниже 100.	31,583	26,576	600,99	571,00	5,015
100—200 акр. . .	11,035	10,022	209,98	215,41	—
200—300 „ . . .	4,869	4,666	92,65	100,29	—
300—400 „ . . .	2.153	2,285	40,97	46,11	—
400—500 „ . . .	1,060	1,096	20,17	23,56	—
500 - 600 „ . . .	648	640	12,33	17,76	—
600—1,000 „ . . .	881	942	16,76	20,25	—
Выше 10,000 . . .	323	308	6,15	6,62	—
Всего	52,552	46,526	1000,00	1000,00	6,026

Наиболѣе значительное уменьшеніе наблюдается относительно фермъ менѣе 100 акровъ (около 35 десятинъ): въ большей части категорій выше 100 акровъ число фермъ увеличилось.

Въ цензѣ 1871 года были получены данныя относительно числа и площади разныхъ хозяйствъ въ 1851 и 1871 годахъ изъ 17 типичныхъ (represantative) графствъ [1]). Данныя

ныя и ненадежныя цифры есть единственный статистическій матеріалъ который имѣлся у него по данному вопросу (да и вообще имѣлся въ это время) и который послужилъ статистическимъ фундаментомъ его теоріи концентраціи въ области земледѣлія.

[1]) Графства эти слѣдующія: Серрей (внѣлондонская часть), Сёссексъ, Гантшайръ, Беркшайръ, Эссексъ, Суффолькъ, Норфолькъ, Лейстеръ, Рутландъ, Линкольншайръ, Ноттингэмшайръ, Дербишайръ, Дерэмъ, Нортумберландъ, Кёмберлэндъ и Вестморлэндъ.

эти также свидѣтельствуютъ о существованіи тенденціи къ концентраціи.

	Число фермъ.		Площадь въ акрахъ.	
	1851 г.	1871 г.	1851 г.	1871 г.
Ниже 5 акр. . .	2,047	1,984	6,141	5,952
5—10 акр. . . .	4,160	4,017	31.200	30,128
10—20 „ . . .	6,734	6,074	101,010	91,110
20—30 „ . . .	4,943	4,193	123,575	104,825
30—40 „ . . .	4,126	3,363	144,410	117,705
40—50 „ . . .	3,678	3,048	165,510	137,160
50—75 „ . . .	8,253	6,370	515,813	398,125
75—100 „ . . .	5,198	4,113	454,825	359,888
Всего ниже 100 ак.	39,139	33,162	1,542,484	1,224,823
100—200 акр. . .	14,795	12,047	2,131,875	1,741,175
200—300 „ . .	6,930	6,251	1,682,800	1,522,675
300—400 „ . .	3,313	3,392	1,133,075	1,160,700
400—500 „ . .	1,703	1,824	766,350	820,800
500—600 „ . .	1,006	1,098	553,300	603,900
600—700 „ . .	567	666	368,550	432,900
700—800 „ . .	319	390	239,250	292,500
800—900 „ . .	243	270	206,550	229,500
900—1000 „ .	128	183	121,600	178,600
1000—1200 „ . .	206	249	226,600	273,900
1200—1500 „ . .	128	159	172.800	214,650
1500—2000 „	94	84	164,500	147.000
Выше 2000 акр.	69	90	160,000	225,500

Эта таблица свидѣтельствуетъ объ убываніи площади и числа фермъ ниже 100 акровъ (даже 300 акровъ) и увеличенія на счетъ ихъ фермъ большихъ размѣровъ. Это выражается и въ

уменьшеніи общаго числа сравниваемыхъ фермъ въ 1871 году, когда оно было 59,870, сравнительно съ 1851 годомъ, когда оно равно уже 68,635.

Тенденція къ концентраціи фермъ обнаруживается и въ концѣ 70-хъ годовъ, для которыхъ мы имѣемъ статистическія данныя уже для всей Англіи. Тенденція эта обнаруживается здѣсь, однако, довольно слабо и нерѣшительно. Но вотъ подлинныя цифры (для Англіи безъ Уэльса).

Классы хозяйствъ.	Число хозяйствъ.		Площадь каждой категоріи въ акр.			
	1875 г.	1880 г.	1875 г.	%	1880 г.	%
50 акр. и ниже . .	293,469	295,313	3,550,405	15	3,528,840	14
50—100 акр. . . .	44,842	44,612	3,259,110	14	3,233,053	13
100—300 „	58,450	58,677	10,042,162	42	10,197,913	41
300—500 „	11,245	116,17	4,202,402	17	4,359,794	18
500—1000 „	3,871	4,095	2,513,903	10	2,654,360	11
Выше 1000 акр. . .	463	500	571,984	2	637,311	1
Всего	412,340	414,804	241,391,976	100	24,611,271	100

Здѣсь бросается въ глаза увеличеніе самыхъ мелкихъ хозяйствъ при одновременномъ уменьшеніи (абсолютномъ и относительномъ) ихъ площади; всего вѣроятнѣе, это увеличеніе приходится на долю не чисто земледѣльческихъ хозяйствъ, а мелкихъ участковъ промышленныхъ рабочихъ, желѣзнодорожныхъ, рудокоповъ и под. Съ другой стороны, увеличиваются хозяйства выше 300 акровъ. Но это увеличеніе, въ общемъ, довольно слабо. Заслуживаетъ вниманія, что наибольшую относительно долю занимаютъ среднія хозяйства отъ 100 до 300 акровъ, т. е. не выше 100 десятинъ. Имъ принадлежитъ, очевидно, самое выгодное мѣсто въ сельскомъ хозяйствѣ [1]).

[1]) Средній размѣръ хозяйствъ почти равенъ въ 1875 году и 1880, около 59 акровъ (поскольку вообще здѣсь имѣютъ какое-либо значеніе среднія). Это подходитъ къ тому размѣру, какъ опредѣлялъ его для 50-хъ годовъ де-Лавернь: „британская почва раздѣлена не столько между крупными фермами, сколько между крупными собственниками. Безъ сомнѣнія, существуютъ очень крупныя хозяйства, также какъ и очень крупныя помѣстья. Въ то же время тамъ существуетъ огромное количество болѣе

Можетъ быть здѣсь, разъ уже рѣчь зашла о размѣрахъ хозяйствъ, умѣстно коснуться и вопроса о распредѣленіи землевладѣнія. Всѣмъ извѣстно, что Англія есть страна крупнаго землевладѣнія, но далѣе этого свѣдѣнія не шли до 1873 года, когда было произведено хотя и крайне неудовлетворительное, но въ своемъ родѣ единственное изслѣдованіе, такъ называемая New Doomesday Book [1]).

По даннымъ этой книги положеніе земельной собственности въ Англіи и Уэльсѣ рисуется слѣдующимъ образомъ:

I группа владѣній свыше 1,000 акровъ: 4,217 лицъ владѣютъ 18,546,000 акровъ.
II „ владѣній отъ 1,000 акровъ до 100: всего 33,937 лицъ владѣютъ 8,927,000 акровъ.
III „ владѣній отъ 100 по 1 акра 217,009 лицъ владѣютъ 3,931,000 акровъ.
IV „ „Public bodies“ (юридическія лица) 14,419 владѣютъ 1,443,500 акровъ.
V „ владѣній ниже 1 акра 703,200 лицъ владѣютъ 151,000 акровъ.

Слѣдовательно 4,217 лицъ владѣютъ половиной Англіи и Уэльса, причемъ владѣнія эти каждое превышаетъ 1000 акровъ.

чѣмъ умѣренныхъ фермъ, которыя считались бы такими даже во Франціи, число мелкихъ фермеровъ тамъ несравненно больше нежели мелкихъ собственниковъ. Ихъ считаютъ въ одной Англіи не меньше 200,000, что дастъ около 60 гектаровъ на ферму, считая здѣсь даже невоздѣланныя земли“. (Lavergne, l. c. 117). Оцѣнка Лаверня даже выше той цифры, которую мы получили для 70-хъ годовъ.

[1]) Полное заглавіе этой книги: Return of Owners of Land in England and Wales exclusive of the metropolis. 1874. 2 Parts. Общее число землевладѣльцевъ здѣсь несомнѣнно выше дѣйствительнаго, благодаря массѣ ошибокъ. Такъ лордъ Беклей сосчитанъ 14 разъ, другіе 4 лорда сосчитаны какъ 44 землевладѣльца. Корона, желѣзнодорожныя общества, церковныя учрежденія, колледжи также являются въ значительно преувеличенномъ числѣ: North Western Railway Company напр. какъ 28 владѣльцевъ, корона какъ 49, Ecclesiastical Commissioners тоже какъ 49, не говоря уже о мелкихъ ошибкахъ. Кромѣ того, земля не различается на назначенію, и потому сельскохозяйственная площадь не можетъ быть особо выдѣлена. Всѣ эти недостатки многократно отмѣчались различными авторами: Нассе, Prothero, Арнольдомъ (предъ коммиссіей „on Small Holdings“, 1890) и др.

Бэтеманъ [1]) сдѣлалъ нѣсколько иную группировку данныхъ New Doomesday Book, не менѣе краснорѣчивую:

Число собственниковъ.		Площадь въ акрахъ.
400	Перы (Peers and Peeresses) . .	5,728,979
1,288	Крупные землевладѣльцы . . .	8,497,699
2,529	Сквайры	4,319,271
9,585	Крупные йомены	4,782,627
24,412	Мелкіе йомены	4,144,272
217,049	Мелкіе собственники	3,931,806
703,289	Cottagers (владѣльцы коттэджей).	151,148
	I группа	165,427
14,450	Public bodies II „ . .	947,655
	III „	330,466
973,011	Waste (пустоши)	1,524,624
	Всего	34,523,964

Эта таблица еще краснорѣчивѣй предыдущей свидѣтельствуетъ объ аристократическомъ характерѣ и страшной концентраціи земельной собственности; это — окончательный итогъ завоеванія Вильгельма Оранскаго, огораживаній, скупки земли у мелкихъ собственниковъ (съ чѣмъ мы еще познакомимся) и т. д.

Сопоставленіе данныхъ о землевладѣніи и размѣрахъ фермъ научаетъ, что фермы не обнаруживаютъ даже въ отдаленной степени такой тенденціи къ концентраціи, какая была бы возможна по условіямъ землевладѣнія. Поэтому ссылка на условія земельной собственности, въ объясненіе недостаточно выраженной концентраціи земледѣлія, была бы, очевидно, здѣсь неприложима; даже и для этой эпохи наибольшей концентраціи хозяйства существующіе размѣры землевладѣнія оказываются ненужными; поэтому можно заключить a fortiori, что крупное землевладѣніе въ Англіи, результатъ ряда историческихъ грабежей, *никогда не имѣло экономическаго оправданія*. Но возвратимся къ нашему вопросу о развитіи сельскаго хозяйства послѣ 1845 года.

Помимо указанныхъ условій повышенія ренты, главною его причиной является, конечно, ростъ производства и земледѣльче-

[1]) *Batemann.* The great Landowners of Great Britain and Ireland. London 1884, стр. 515. Изъ этого капитальнаго изслѣдованія таблицы переходятъ отъ автора къ автору.

скаго капитала. Характеръ повышенія ренты въ данную эпоху въ этомъ смыслѣ противоположенъ эпохѣ предшествующей. Ибо въ эту послѣднюю ростъ ренты обусловливался не столько абсолютными размѣрами производства, сколько тѣми особенными его условіями, которыя позволяли поднимать цѣну и обращаться къ воздѣлыванію худшихъ земель, не исчерпавъ далеко возможнаго повышенія производства лучшихъ земель. Бичъ конкурренціи, непрерывно подъятый надъ англійскимъ фермеромъ и лэндлордомъ послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, вынуждалъ напрягать все производительное искуство, благодаря чему удавалось при прежнемъ уровнѣ цѣнъ получать больше ренты. Здѣсь проявилась особенность ренты, отмѣченная и Родбертусомъ и Марксомъ, именно, что она ростетъ съ ростомъ количества капитала на данномъ участкѣ. Можетъ быть, найдется кто-нибудь, кто увидитъ въ фактѣ роста производительности англійскаго земледѣлія при неизмѣнныхъ цѣнахъ опроверженіе закона убывающей производительности почвы, какъ выраженія общаго развитія земледѣльческаго производства. Но независимо отъ того, что законъ этотъ вовсе не отрицаетъ возможности земледѣльческаго прогресса, въ данномъ случаѣ искусственно задержаннаго протекціонизмомъ, слѣдуетъ помнить, что поддержаніе даже прежняго уровня цѣнъ послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ фактически было само по себѣ относительнымъ повышеніемъ ихъ, потому что теперь данный уровень цѣнъ установлялся уже при условіяхъ свободной конкурренціи. Кромѣ того, достигнутый уровень земледѣльческаго прогресса допускаетъ извѣстное экстенсивное расширеніе производства, безъ уменьшенія производительности труда; именно этотъ случай отмѣчаетъ Паттенъ своимъ „law of limited returns“.

Итакъ, повышеніе ренты въ эту эпоху главнымъ источникомъ имѣло повышеніе общей производительности земледѣлія и общей затраты земледѣльческаго капитала, который, замѣтимъ къ тому же, оплачивался теперь уже нисшей прибылью, въ результатѣ общаго развитія капиталистическаго производства.

Обращаясь къ характеристикѣ фермерскаго хозяйства, мы должны отмѣтить, прежде всего, утрату имъ самостоятельности и подчиненіе условіямъ международнаго хлѣбнаго рынка. Это было естественнымъ результатомъ введенія свободной торговли. Мы знаемъ, что англійское земледѣліе давно уже, весь XIX вѣкъ, не владѣло всецѣло внутреннимъ рынкомъ, потому что Англія

не могла и тогда обходиться безъ ввоза сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; но это вліяніе умѣрялось или парализовалось, съ одной стороны, пошлинами, а съ другой, абсолютной и относительной незначительностью этого ввоза. Но ко второй половинѣ XIX вѣка Англія уже далеко ушла по пути индустріализаціи (что́ и выразилось, между прочимъ, въ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ), а соразмѣрно этому возросъ и ввозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Роль ввоза, напр., пшеницы, ясно видна изъ слѣдующей таблицы [1]).

	Собственное производство.	Привозный хлѣбъ.	Потребленіе на голову въ бушеляхъ.		
			Всего.	Собственное производство.	Привозный хлѣбъ.
$185^2/_3$—$18^{59}/_{60}$ . .	73,1 %	26,9 %	5,19	3,82	1,37
$18^{60}/_{61}$—$186^7/_8$ . .	59,5 „	40,5 „	5,60	3,36	2,24
$186^8/_9$—$187^5/_6$ . .	52,0 „	48,0 „	5,69	2,97	2,72
$187^6/_7$—$188^3/_4$ . .	35,3 „	64,7 „	5,83	2,07	3,76

Подобная же, если и не такая точно зависимость существовала и относительно другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства. При такихъ условіяхъ предъ сельскимъ хозяйствомъ Англіи ставилась задача, состоящая не въ томъ, какъ прокормить населеніе страны, удовлетворить настоятельный спросъ на продукты питанія, а въ томъ, какъ, при данныхъ условіяхъ иностранной конкурренціи, найти отрасль хозяйства наиболѣе доходную, т. е. обезпечивающую наивысшую ренту, или, при данномъ уровнѣ ренты, наивысшую прибыль. Рѣшающую роль здѣсь играетъ, стало быть, внѣшнее предложеніе, въ зависимости отъ котораго фермеръ и долженъ планировать свое хозяйство. Хотя аграрный кризисъ еще не начинался, но было уже на лицо его основное условіе— зависимость англійскаго сельскохозяйственнаго рынка отъ иностраннаго земледѣлія. Тогда, какъ и теперь, вслѣдствіе значительнаго спроса на мясо со стороны огромнаго и постоянно ростущаго городского населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ трудности до-

[1]) *Laves and Gilbert.* Home Produce Imports, Corn-Consumption and Price of Wheat, over Forty Harvest Years, 1852—3 to 1891—2. Appendix II, Table II (Journal of the Royal Agricultural Society, 1893).

ставки скота сравнительно съ хлѣбомъ, производство скота на убой оказалось гораздо выгоднѣе производства хлѣба. Англія имѣла, къ тому же, для этого исключительно благопріятныя условія въ своемъ умѣренномъ и влажномъ климатѣ и тучной почвѣ; особенно отличались этими свойствами нѣкоторыя, преимущественно западныя, графства, Grazing Counties въ противоположность Corn Counties [1]). Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ, начиная съ средины 70-хъ годовъ площадь пахатной земли начинаетъ уменьшаться, сначала медленно, а затѣмъ быстрѣе; въ 90-хъ годахъ процессъ этотъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Одновременно съ этимъ увеличивается площадь постоянныхъ пастбищъ, какъ на счетъ пахатной земли, такъ и вслѣдствіи общаго увеличенія культурной площади, которая непрерывно растетъ. Объ истинныхъ причинахъ такого измѣненія краснорѣчиво учитъ слѣдующее сопоставленіе.

Цѣны на скотъ и на пшеницу были въ среднемъ за 5-лѣтіе:

	Пшеница [2]) за бушель.		Волы и быки.			Коровы.			Телята.			Овцы.		
	sh.	d.	£	sh.	d.	£	sh.	d.	ℱ	sh.	d.	ℱ	sh.	d.
1861—65. .	5	11	17	5	0	15	16	2	4	11	5	1	16	7
1865—70. .	6	7	18	13	9	16	17	10	4	13	9	1	14	6
1870—75. .	5	11	19	15	5	17	3	7	4	5	3	2	1	11
1875—1880	5	11	21	17	6	17	12	10	4	15	6	2	7	1

Начиная съ 70 года, цѣна пшеницы идетъ, такимъ образомъ, на пониженіе и болѣе уже не повышается, между тѣмъ всѣ сорта

[1]) Группу Grazing Counties составляютъ: Честеръ, Корнваллисъ, Кумберлэндъ, Дербишайръ, Девонъ, Дорсетшайръ, Дерэмъ, Глостеръ, Герефордъ, Ланкастеръ, Лейстеръ, Монмаусъ, Нортумберлэндъ, Салопъ, Соммерсетъ, Стаффордшайръ, Вестморлэндъ, Вильтшайръ, Ворчестеръ, Йоркъ (Сѣверный округъ) и Йоркъ (Западный округъ). Къ группѣ Corn Counties принадлежатъ: Бедфордшайръ, Беркшайръ, Бекшайръ, Кэмбриджшайръ, Эссексъ, Гантшайръ, Гертфордъ, Гентингтонъ, Кентъ, Линкольнъ, Мидлсэксъ, Норфолькъ, Нортгамптонъ, Ноттингэмъ, Оксфордшайръ, Рутландъ, Суффолькъ, Серрей, Сессексъ, Варвикъ, Йоркъ (Восточный округъ).

[2]) Пшеница избирается здѣсь какъ типичный представитель зерновыхъ хлѣбовъ. Движеніе цѣнъ другихъ видовъ хлѣбовъ не представляетъ сколько-нибудь существенныхъ отличій.

мясного скота повышаются въ цѣнахъ. Послѣ этого вполнѣ естественно наблюдать слѣдующее [1]):

	Число акровъ подъ пшеницей.	Подъ зерновыми хлѣбами.	Постоянныя пастбища.
1868	3,652,125	9,433,532	12,136,031
1869	3,688,357	9,758,037	12,735,897
1870	3,500,543	9,548,041	12,072,856
1871	3,571,894	9,675,261	12,435,442
1872	3,598.957	9,573,551	12,574,570
1873	3,490,380	9,458,928	12,915,929
1874	3,630,300	9,431,490	13.178,012
1875	3,342,481	9,451,650	13,312,621
1876	2,995,957	9,394,669	13,515,944
1877	3,168,540	9,210,129	13,728,355
1878	3,218,417	9,167,646	13,911,296
1879	2,890,244	8,985,234	14,166,724
1880	2,909,433	8,875,702	14 426,959

Зависимость измѣненія въ характерѣ хозяйства отъ цѣнъ выступаетъ здѣсь съ полной очевидностью; съ этимъ сходится и показаніе компетентнаго современника, которымъ является

---

[1]) Въ дополненіе къ этимъ даннымъ привожу относительное распредѣленіе различныхъ хлѣбовъ и пастбищъ (заимствую эту таблицу изъ извѣстнаго изслѣдованія проф. Паашс: *Paasche.* Die Entwickelung der britischen Landwirtschaft unter dem Drucke der ausländischen Konkurrenz въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, Band 58, 1892.

	1870.	1880.
Пшеница	19,1	16,5
Ячмень	12,9	14,0
Овесъ	15,1	15,8
Рожь	0,4	0,2
Бобы	2,9	2,4
Горохъ	1,7	1,3
Картофель	3,2	3,1
Свекла	16,4	16,6
Клеверъ и лугъ . .	24,6	25,1
Паръ	3,3	4,6

Кэрдъ, писавшій въ (1878 году) [1]): „эта страна (Англія) получаетъ изъ-заграницы не только половину своего хлѣба и приблизительно четверть своего мяса и молочныхъ продуктовъ, но должна также зависѣть отъ иностранцевъ на всю почти прибавку, которая требуется въ будущемъ для непрерывно ростущаго населенія. За послѣдніе 10 лѣтъ уже не было увеличенія количества акровъ подъ хлѣбами и малое увеличеніе подъ скотомъ... Но, исключая хорошія земли, которыя могутъ сдѣлаться плодородны благодаря дренажу, мнѣ кажется, мы дошли до того пункта въ земледѣльческомъ производствѣ, за которымъ капиталъ можетъ выгоднѣе прилагаться въ этой странѣ въ какомъ-нибудь другомъ занятіи. Для насъ, какъ націи, выгоднѣе получать излишки изъ богатыхъ странъ какъ Америка или южная Россія съ неистощенной дѣвственной почвой или изъ Индіи“. Эти слова краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о всемогуществѣ закона убывающаго плодородія почвы. У Кэрда вырывается уже въ этомъ же сочиненіи пророческія слова: „эта страна становится съ каждымъ десятилѣтіемъ все менѣе и менѣе фермой и болѣе и болѣе лугомъ, садомъ и мѣстомъ для игръ“ (playground) (143).

Расширеніе пастбищъ насчетъ пахатныхъ земель не есть необходимо замѣна интенсивнаго хозяйства экстенсивнымъ. Это есть лишь *упрощеніе* хозяйства, не полная утилизація производительныхъ силъ почвы; всестороннее развитіе производительности почвы требуетъ, какъ выяснено во введеніи, возможнаго разнообразія хозяйства; при такомъ упрощеніи хозяйства земля не получаетъ уже назначенія служить для прокормленія живущаго на ней населенія, а является простымъ источникомъ извлеченія дохода, какъ и всѣ другія сферы приложенія капитала. Но не слѣдуетъ думать, чтобы система эта была сама по себѣ неинтенсивна; въ своей особенной формѣ она можетъ быть высокоинтенсивной, и такой именно и была система обращенія пашни подъ постоянныя

[1]) *Caird.* Landed Interest, 1878, стр. 5. На растущее значеніе хлѣбнаго импорта Кэрдъ съ безпокойствомъ указываетъ уже въ 1868 году въ статьѣ On the Agricultural Statistics of the United Kingdom въ Journal of the Royal Statistical Society, 1868, June, стр. 127. Prothero также указываетъ на невыгодность производства хлѣба: „хлѣбъ оплачивается такъ низко, что, какъ самостоятельное производство, производство хлѣба перестало оплачиваться. Но ростъ въ цѣнахъ мяса позволялъ фермерамъ производить хлѣбъ съ выгодой въ соединеніи съ производствомъ скота“. Prothero, l. c., 106.

пастбища. Еще Нассе въ своемъ извѣстномъ описаніи англійскаго земледѣлія, относящемся къ 70-мъ и началу 80-хъ годовъ [2]), давалъ слѣдующую характеристику пастбищнаго хозяйства: „пастбищное хозяйство, вытѣсняющее въ настоящее время пашню въ Англіи, вовсе не есть болѣе экстенсивная хозяйственная система, чѣмъ производство хлѣбовъ. Обыкновенно капиталъ, затрачиваемый на единицу площади, при этомъ переходѣ возрастаетъ. Но это есть переходъ къ болѣе капиталоинтенсивнымъ системамъ, нежели трудоинтенсивнымъ. Количество рабочихъ, занимаемыхъ на данной площади, будетъ безъ сомнѣнія уменьшаться".

Въ цитированномъ мѣстѣ указано еще одно преимущество, представлявшееся этой системой: это возможность уменьшить количество живого труда, которое, по техническимъ условіямъ, при пастбищномъ хозяйствѣ ниже чѣмъ при зерновомъ. Особенность эта вытекаетъ, между прочимъ, изъ меньшей сложности и большаго однообразія производства здѣсь нежели тамъ, а мы уже видѣли, что это есть одно изъ условій, облегчающихъ замѣну труда машиной. Фермеръ, на котораго съ одной стороны давила высокая рента, а съ другой иностранная конкурренція, подъ этимъ двойнымъ прессомъ искалъ въ чемъ только можно урѣзать издержки производства, а наиболѣе доступной сокращенію оказалась статья расхода на рабочую силу, „labor bill". Эта статья должна была еще и потому привлечь особенное вниманіе фермеровъ, что она, какъ мы увидимъ, имѣла тенденцію относительно повышаться съ хозяйственнымъ развитіемъ, а между чѣмъ гнетъ иностранной конкурренціи становился все чувствительнѣе. Замѣна зернового хозяйства пахатнымъ была однимъ изъ средствъ уменьшить требующуюся рабочую силу: она была такимъ образомъ вдвойнѣ мѣрой приспособленія къ иностранной конкурренціи, какъ со стороны цѣнъ, такъ и со стороны издержекъ производства.

Стремленіе къ сокращенію издержекъ производства, вполнѣ естественное при данныхъ условіяхъ, въ соединеніи съ стремленіемъ къ возможному техническому прогрессу [2]) выразилось въ значитель-

---

[2]) Prof. *Erwin Nasse*. Agrarische Zustände in England. Leipzig, 1884. Стр. 170.

[2]) Цитируемый Марксомъ отзывъ президента Royal Agricultural Society Пузей (Капиталъ, I, 593), будто относительныя хозяйственныя издержки вслѣдствіе введенія новыхъ сельскохозяйственныхъ машинъ уменьшились

номъ распространеніи сельскохозяйственныхъ машинъ. Число владѣльцевъ сельскохозяйственныхъ машинъ въ 1855 году было 55, въ 1861 году 236, а число работающихъ ими 1205. Въ 1871 году обѣ эти категоріи сосчитаны вмѣстѣ и общее число равно 2160, на 50% болѣе чѣмъ въ 1861 году; въ 1881 году оно равно уже 4222. Развивавшая въ это время городская индустрія заплатила щедрую дань земледѣлію изобрѣтеніемъ и распространеніемъ сельскохозяйственныхъ машинъ.

Мы подошли къ самой интересной особенности экономическаго развитія Англіи въ эту эпоху, особенности, возбуждавшей самыя различныя толкованія, именно уменьшенію числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Прежде чѣмъ обращаться къ объясненію этого факта, установимъ его въ полныхъ размѣрахъ.

Число „сельскохозяйственныхъ рабочихъ“ (agricultural laborer) за все время регистраціи, т. е. начиная съ 1851 года рѣзко падаетъ. Вотъ данныя по тѣмъ категоріямъ, по которымъ исчисляются сельскохозяйственные рабочіе:

	Рабочіе.	Слуги.	Пастухи.	Всего.
1851 г.	952,997	288,272	12,517	1.253,786
1861 „	958,265	204,962	25,559	1.188,786
1871 „	798,087	158,756	23,335	980,178

Эти цифры могутъ быть восполнены данными о раздѣленіи по поламъ:

	Рабочіе.		Слуги.	
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
1851 г.	908,678	44,319	189,116	99,156
1861 „	914,301	43,964	158,401	56,561
1871 „	764,574	33,513	134,157	24,599

Статистика распредѣленія по возрастамъ недостаточна, а главное едва-ли статистика можетъ уловить всѣ тѣ услуги земледѣлію, которыя оказываютъ то тамъ, то здѣсь въ разныя времена года, а особенно во время жатвы дѣтскія руки, между тѣмъ эти не регистрируемыя статистикой услуги играютъ очень важную роль.

почти на половину, слѣдуетъ во всякомъ случаѣ признать преувеличеннымъ, въ особенности если принять во вниманіе низкій уровень заработной платы въ это время сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которыхъ замѣщали машины.

Добавлю здѣсь же, что процессъ уменьшенія числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ съ увеличенной силой продолжался и продолжается теперь, хотя въ настоящее время причины его въ видѣ аграрнаго кризиса ясны для всѣхъ. Число сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ 1881 г. было уже 870,800, а въ 1891 году уже 780,900 человѣкъ и, безъ сомнѣнія, въ настоящее время оно значительно ниже.

Данныя эти однако весьма ненадежны, какъ объ этомъ предупреждаютъ сами авторы цензовъ. Въ послѣднемъ цензѣ 1891 года мы, напр., читаемъ: [1]) „данныя о сельскохозяйственныхъ рабочихъ никогда не являются очень надежными (never very trustworthy). Нѣтъ сомнѣнія, что значительное число сельскохозяйственныхъ рабочихъ заявляютъ себя просто какъ „рабочіе“ (laborers), ничего не прибавляя о томъ, что они работаютъ на фермахъ, и такіе классифицируются какъ general labourers. Равнымъ образомъ есть серьезныя основанія думать, что многіе сельскохозяйственные возчики (carters and waggoners), благодаря неудовлетворительному способу, которымъ они опредѣляютъ свое занятіе, зачисляются въ возчики, носильщики, бечевщики общихъ средствъ сообщенія“. Подобное же заявленіе мы встрѣчаемъ и въ цензѣ 1871 года [2]): „не взирая на ясныя инструкціи хозяевамъ и счетчикамъ, не невѣроятно, что многіе сельскохозяйственные рабочіе заявляютъ себя просто рабочими“.

Категорія „laborers“ или „general laborers“ охватываетъ собою довольно обширную группу низшихъ слоевъ пролетаріата, не имѣющихъ опредѣленной профессіи, но существующихъ случайными работами. Категорія эта представляетъ, такимъ образомъ, мѣсто стока избыточнаго (относительно) населенія, это настоящая резервная армія капитализма. Между занятіями ихъ весьма важную роль играютъ земледѣльческія работы. Выдѣленіе извѣстной части земледѣльческихъ работъ случайнымъ и сторонним рабочимъ является лишь продолженіемъ той политики сокращенія издержекъ на рабочую силу, которая ранѣе началась вытѣсненіемъ слугъ, жившихъ въ домахъ хозяина, поденщиками, нанимаемыми на болѣе или менѣе продолжительный, но во всякомъ случаѣ опредѣленный срокъ. Слѣдующій шагъ состоялъ именно

---

[1]) Census of 1891. General Report, 43.

[2]) Census of 1871. General Report, XLV.

въ томъ, чтобы освободить себя и отъ этой обязанности, приглашая и оплачивая рабочаго прямо за опредѣленныя работы. Замѣчательно, что параллельно уменьшенію сельскохозяйственныхъ рабочихъ растетъ эта категорія general laborers: въ 1851 году ихъ было 324,594, въ 1861 году по неизвѣстнымъ причинамъ (можетъ быть, тоже благодаря неточности регистраціи) ихъ было лишь 306,544, въ 1871 году—509,456, въ 1881—559,769 и, наконецъ въ 1891 году—596,075. Совпаденіе это наводитъ на предположеніе, что сельскохозяйственные рабочіе, уменьшаясь въ одной формѣ, увеличиваются въ другой, что дѣло идетъ не столько объ измѣненіи количества сельскохозяйственныхъ рабочихъ, сколько объ измѣненіи организаціи труда, направленномъ къ удешевленію рабочей силы, конечно, съ явной невыгодой для рабочаго. Правда, у насъ нѣтъ основаній считать всѣхъ „общихъ рабочихъ“ сельскохозяйственными, но любопытно, что сами рабочіе обоихъ категорій признаютъ себя конкуррирующими другъ съ другомъ; это выразилось въ томъ, что въ попыткахъ профессіональныхъ организацій общіе и сельскохозяйственные рабочіе нерѣдко объединялись въ одинъ трэдъ-уніонъ, „agricultural and general laborers union“, это было признано необходимымъ въ интересахъ достиженія цѣли организаціи [1]).

Если сосчитать вмѣстѣ число general laborers и сельскохозяйственныхъ рабочихъ, какъ это сдѣлано было въ цензѣ 1871 г.,

---

[1]) Kleinwächter говоритъ объ этомъ. „Въ Bee-Hive (газета, посвященная интересамъ уніоновъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ) повторяются жалобы, что сельскіе и неквалифицированные городскіе рабочіе часто выходятъ изъ своихъ собственныхъ сферъ и взаимно конкуррируютъ другъ съ другомъ; что напримѣръ „general labourers“ лѣтомъ регулярно приходятъ изъ городовъ въ деревню, чтобы принимать участіе въ сельскохозяйственныхъ работахъ и тѣмъ уменьшаютъ заработокъ сельскихъ рабочихъ, а послѣдніе, можетъ быть, еще чаще ищутъ занятія въ строительномъ промыслѣ, сахарныхъ заводахъ, докахъ и тому под. Чтобы устранить это зло, Mr. Th. M. Kelley, General Secretary of „West of England and South Wales General Operative Labourers' Unions' Association“ предложилъ раздѣлить на дистрикты все королевство и каждый уніонъ, сельскихъ или городскихъ рабочихъ, долженъ избирать извѣстное число делегатовъ, чтобы такимъ образомъ устроить „Federal Amalgamation“ всѣхъ союзовъ, которыя руководили бы въ высшей инстанціи дѣлами рабочихъ“. (*Kleinwächter.* Zur Geschichte der englischen Arbeiterbewegung in den Jahren 1873 und 1874. Erster Supplementband къ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena 1878, стр. 64—5).

то мы получимъ не столь значительное уменьшеніе, какъ то, которое получается, если считать отдѣльно однихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, а именно: для 1851 года—1.434,905, для 1861 года—1.404,805 и для 1871 года—1.431,510.

Но даже если принять цѣликомъ эти цифры, на что мы не имѣемъ права, то и тогда остается внѣ сомнѣнія, если не уменьшеніе, то нѣкоторая неподвижность числа сельскозяйственныхъ рабочихъ, которая, принимая во вниманіе ростъ сельскоственнаго производства, является во всякомъ случаѣ относительнымъ уменьшеніемъ. Чѣмъ объяснить это явленіе?

Причины его сложны и многообразны. Одною изъ самыхъ главныхъ причинъ, до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, неотмѣченною въ литературѣ, является *существованіе перенаселенія въ предыдущій періодъ*, образованіе въ народнохозяйственномъ организмѣ инфильтрата перенаселенія, который теперь разсасывается. Мы осязательно нащупали этотъ инфильтратъ въ первую половину XIX вѣка, его образованію содѣйствовали и естественныя и искусственныя причины. Аграрное перенаселеніе, какъ было уже замѣчено, есть самый тяжелый слой перенаселенія, который предполагаетъ избытокъ населенія въ другихъ сферахъ, но, конечно, при первой возможности онъ стремится удалиться изъ деревни, гдѣ нѣтъ другихъ занятій, кромѣ земледѣлія. Что это аграрное перенаселеніе существуетъ еще въ началѣ 50-хъ годовъ, уже свидѣтельствовалъ намъ Кэрдъ. Дальнѣйшее развитіе промышленности, а также отчасти и эмиграція должны были постепенно поглощать этотъ избытокъ. Поэтому, при прежней или даже нѣсколько большей потребности сельскаго хозяйства въ *рабочей силѣ* число *рабочихъ* должно было во всякомъ случаѣ уменьшиться, причемъ естественнымъ результатомъ этого является прекращеніе безсовѣстной растраты рабочей силы, какъ она практиковалась въ эпоху старыхъ законовъ о бѣдныхъ, и болѣе полное и разумное использованіе рабочей силы каждаго рабочаго.

Косвенное подтвержденіе высказаннаго предположенія заключается въ томъ фактѣ, что, по имѣющимся у насъ статистическимъ даннымъ, это уменьшеніе числа рабочихъ болѣе или менѣе равномѣрно происходитъ во *всѣхъ* классахъ хозяйства, отъ самыхъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ,—ясное указаніе, что это проистекаетъ изъ *общихъ* народнохозяйственныхъ причинъ и не составляетъ особенной принадлежности даннаго типа хозяйства.

Въ цензѣ 1871 года, вмѣстѣ съ данными объ измѣненіи хозяйствъ въ 17 типичныхъ графствахъ, приведены и данныя относительно измѣненія въ числѣ фермъ, классифицированныхъ по количеству рабочихъ, которые заняты въ каждомъ хозяйствѣ, а равнымъ образомъ сопоставлены и количества рабочихъ, принадлежащихъ въ 1851 и 1871 году къ каждому изъ типовъ хозяйствъ. Сравненіе это обнаруживаетъ уменьшеніе числа фермъ и занятыхъ въ нихъ рабочихъ по всѣмъ группамъ (нѣсколько увеличивается лишь группа хозяйствъ, не держащихъ рабочихъ, но она насъ здѣсь не интересуетъ). Вотъ эти данныя [1]).

Число рабочихъ на фермѣ.	Число фермъ, держащихъ данное число рабочихъ.		Число рабочихъ каждой группы.	
	1851	1871	1851	1871
0	23,540	25,618	—	—
1	9,550	7,198	9,550	7,198
2	8,357	6,207	16,714	12,414
3	5,642	4,350	16,926	13,050
4	4,772	3,317	19,088	13,268
Ниже 5	51,861	46,690	—	—
5—10	9,279	8,431	52,200	39,113
10—15	4,176	3,129	27,440	20,668
15—20	1,568	1,182	24,705	14,423
20—25	1,098	641	12,018	7,920
25—30	437	288	12,480	5,233
30—35	384	161	4,988	2,475
35—40	133	66	6,248	30,18
40—45	147	71	3,088	1,235
45—50	65	26	3,833	1,103
50—55	73	21	1,725	978
55—60	30	17	9,800	4,000
Выше 60	98	46	—	—

[1]) Данныя относительно числа фермеровъ, нанимающихъ то или другое количество рабочихъ для всей Англіи за 1851 и 1871 года, также имѣются въ цензѣ, но они не даютъ ничего новаго и потому здѣсь ихъ не приводимъ. Желающіе найдутъ ихъ у Hasbach'a l. c. 261.

Слѣдующей причиной, которая могла до нѣкоторой степени содѣйствовать уменьшенію числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ вслѣдствіе болѣе производительной ихъ утилизаціи, является, конечно, консолидація земельныхъ участковъ и въ особенности болѣе цѣлесообразное ихъ расположеніе. Не требуется особыхъ поясненій, что и то, и другое содѣйствовало болѣе экономному потребленію рабочей силы. Опредѣлить удѣльный вѣсъ или степень вліянія этой причины мы не можемъ, общее наше впечатлѣніе таково, что эта причина не была изъ первостепенныхъ и въ своемъ значеніи далеко отступаетъ во всякомъ случаѣ передъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ, только что указанной [1]).

Дальнѣйшей причиной уменьшенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ является введеніе сельскохозяйственныхъ машинъ, относящееся главнымъ образомъ къ этому періоду. Мы видѣли во введеніи, что сельскохозяйственныя машины могутъ въ извѣстныхъ предѣлахъ замѣщать рабочую силу; въ особенности ихъ вліяніе проявляется въ урегулированіи потребности на рабочую силу, въ устраненіи или, по крайней мѣрѣ, ослабленіи неравномѣрности ея употребленія въ разные моменты производства (хотя возможно

[1]) По этому поводу у насъ имѣется свидѣтельство Mr. Culley, въ его докладѣ относительно Оксфордшайра, Беркшайра, Дербишайра и Гертфордшайра, сдѣланномъ коммиссіи о занятіяхъ въ земледѣліи дѣтей, молодыхъ лицъ и женщинъ. Culley характеризуетъ заразъ вліяніе концентраціи хозяйствъ и введенія машинъ, что, конечно, находится въ тѣсной связи между собою и, до извѣстной степени, обусловливаетъ одно другое. „Слышатся всеобщія жалобы среди тѣхъ рабочихъ, которые оказываются лишенными заработка (каковыхъ было необыкновенно много прошлую зиму), что̀ вызывается тенденціей къ увеличенію размѣровъ хозяйствъ, и онѣ подтверждаются мнѣніями чиновниковъ комитета попеченія о бѣдныхъ, которыхъ я спрашивалъ объ этомъ; но если однако вы разсмотрите записи о количествѣ труда, вы найдете, что онѣ показываютъ весьма малую разницу въ числѣ лицъ, употребляемыхъ на единицу площади въ мелкихъ и крупныхъ хозяйствахъ, скажемъ въ хозяйствахъ менѣе 300 акровъ и фермахъ отъ 500 до 800 акровъ, и причина я думаю, въ томъ, что эта тенденція къ увеличенію размѣра фермъ до сихъ поръ сопровождалась тенденціей къ улучшенію воздѣлыванія; что, на самомъ дѣлѣ, болѣе обширныя фермы обыкновенно гораздо лучше обрабатываются, а потому естественное уменьшеніе въ относительномъ числѣ рабочихъ, которое позволяетъ сдѣлать расширеніе площади фермы, было парализовано лучшимъ воздѣлываніемъ“. Commission on the employment of children, young persons and women in agriculture. Second report of the commissioners with appendix. Part I. 1869. Стр. 80.

и обратное). Уменьшая число рабочихъ, потребныхъ, напр., во время жатвы, сельскохозяйственная машина совсѣмъ отрываетъ отъ земледѣлія тотъ многочисленный классъ рабочихъ, который не имѣетъ постояннаго заработка, а привлекается лишь въ пору усиленныхъ работъ. Такіе рабочіе, конечно, совсѣмъ устраняются машиной или же поступаютъ въ general laborers.

Цитированный (въ примѣчаніи) Mr. Culley говоритъ по этому поводу: „большее употребленіе машинъ и увеличеніе размѣровъ фермъ, которыя идутъ, можно сказать, рука объ руку, принесли большое благодѣяніе какъ фермерамъ, такъ и странѣ, увеличивая ея производительныя силы, но не уменьшая, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, числа лицъ, у которыхъ находятъ занятія сельскохозяйственные рабочіе; при этомъ они оказали вліяніе въ томъ смыслѣ, чтобы уравнять потребность въ мужскомъ трудѣ въ разныя времена года“ [1]).

Но не слѣдуетъ преувеличивать значеніе и этой причины уменьшенія числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ: мы знаемъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ машина только въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ замѣщаетъ рабочаго; это относится, притомъ,

---

[1]) Ibid. Въ томъ же отчетѣ находимъ слѣдующее любопытное указаніе, хорошо иллюстрирующее экономическія условія примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ: „какъ въ Оксфордшайрѣ такъ и Беркшайрѣ употребленіе сельскохозяйственныхъ машинъ сдѣлало большіе успѣхи съ 1854 года, однако съ однимъ или точнѣе двумя естественными исключеніями, именно сравнительно мало употреблялись жатвенныя или косильныя машины. Конечно, многихъ фермеровъ удивитъ, что тѣ же самыя лица, которыя имѣютъ достаточно средствъ платить за паровой плугъ, нерѣдко, скажу даже повсемѣстно въ этихъ графствахъ, не имѣютъ ни жней, ни косилокъ. Когда я заводилъ объ этомъ разговоръ, а я дѣлалъ это со многими фермерами, то они отвѣчали, или что они могутъ найти много рукъ (a plenty of hands), чтобы сжать свой хлѣбъ, или же что, если бы они жали свой хлѣбъ машинами, ихъ люди отказались бы жать то, чего не можетъ сжать машина. Судя по большому количеству лицъ, которыхъ я находилъ зимой безъ работы въ открытыхъ деревняхъ, здѣсь, нѣтъ сомнѣнія, существуетъ много рукъ, которыя могутъ быть наняты на время жатвы или сѣнокоса и которыя имѣютъ очень мало дѣла на фермѣ въ другое время; мнѣ кажется, что одной изъ самыхъ важныхъ услугъ жней и косилокъ было бы то, что онѣ вытѣснили бы этихъ излишнихъ рабочихъ, которые влачатъ здѣсь жалкое существованіе, поддерживаемое исключительно этими полученіями, часть послѣднихъ могла бы быть сбережена фермеромъ, а остатокъ употребленъ на повышеніе платы его постоянныхъ рабочихъ“ (81).

не столько къ постояннымъ сельскохозяйственнымъ рабочимъ, сколько временнымъ, сезоннымъ,—на нихъ проявляется, главнымъ образомъ, вліяніе машинъ.

Остается послѣдняя и очень важная причина: тѣ измѣненія въ характерѣ англійскаго земледѣлія, которыя произошли подъ вліяніемъ заграничной конкурренціи, именно извѣстное уже намъ расширеніе пастбищъ на счетъ пахотныхъ земель. По техническимъ условіямъ, довольно понятнымъ безъ дальнихъ поясненій, пастбищное хозяйство требуетъ меньше рабочихъ, нежели зерновое или вообще сложныя многопольныя системы земледѣлія. Такое направленіе развитія само по себѣ способно не только задержать ростъ числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ, но вызвать ихъ уменьшеніе [1]). Англійское земледѣліе уже переставало въ это время быть земледѣліемъ въ собственномъ смыслѣ, его уже начинало постигать своеобразное вырожденіе или, лучше сказать, перерожденіе изъ сложнаго и многосторонняго производства въ одну или нѣсколько гипертрофированныхъ вѣтвей его.

Итакъ, основною причиною уменьшенія числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ является, въ нашихъ глазахъ, въ періодъ 1851—1871 гг. (и до конца 70-хъ годовъ), соединенное вліяніе устраненія первоначальнаго аграрнаго перенаселенія и измѣненія системъ хозяйства подъ давленіемъ иностранной конкурренціи; второстепенными причинами (и, до извѣстной степени, косвеннымъ результатомъ обоихъ предыдущихъ) является консолидація хозяйствъ и введеніе сельскохозяйственныхъ машинъ.

Мы потому такъ подробно остановились на разборѣ этого факта, что онъ (именно измѣненіе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ періодъ 1851—1861) далъ фактическое основаніе для утвержденія Маркса о повышеніи органическаго состава капитала съ развитіемъ земледѣлія, что явилось, въ свою очередь, базисомъ теоріи скрытой формы относительнаго перенаселенія. Фактъ этотъ рѣшительно не имѣетъ общаго значенія, приданнаго

---

[1]) Явленіе это предугадывалъ даже и извѣстный уже намъ Оливеръ, который въ своемъ замѣчательномъ показаніи предъ коммиссіей 1833 года, между прочимъ, говоритъ: „мы ввозимъ весьма значительное количество иностраннаго хлѣба, производство хлѣба дома должно быть соотвѣтственно уменьшено, и уменьшеніе занятія для сельскохозяйственныхъ рабочихъ должно быть равно уменьшенію производства зерна“. (Minutes of evidence, 3195).

ему Марксомъ, который съ изумительнымъ самоослѣпленіемъ не видитъ, что въ Англіи самостоятельное значеніе и самостоятельное развитіе ея собственнымъ земледѣліемъ уже утрачивается. Ему извѣстны, конечно, всѣ эти факты [1]), но онъ нигдѣ не останавливается надъ выясненіемъ ихъ значенія. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, что уменьшеніе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ эту эпоху въ Англіи есть явленіе sui generis, и дѣлать изъ него какія-либо общія заключенія о *развитіи земледѣлія вообще* не имѣется никакихъ основаній [2]).

Куда же дѣвались сельскохозяйственные рабочіе, которые уже не находили себѣ занятій въ земледѣліи? Они эмигрировали (у насъ нѣтъ возможности выдѣлить изъ общаго числа эмигрантовъ спеціальную цифру сельскохозяйственныхъ рабочихъ), но главнымъ

---

[1]) Едва ли, впрочемъ, Марксъ признавалъ существованіе аграрнаго перенаселенія въ первой половинѣ вѣка, въ томъ смыслѣ, какъ это изложено было въ текстѣ. При всей обширности его знакомства съ парламентскими отчетами, мнѣ совсѣмъ не пришлось встрѣтить у него ссылокъ на отчеты первой трети вѣка, которые цитировались выше и на основаніи которыхъ можно утверждать существованіе перенаселенія (единственную ссылку на показаніе предъ эмиграціоннымъ комитетомъ 1827 года, притомъ изъ вторыхъ рукъ, встрѣтили мы на стр. 377/8,прим. 202, Капиталъ, томъ I). Мы не рѣшимся на этомъ основаніи утверждать, что Марксъ не зналъ ихъ, но, не принявъ во вниманіе сообщаемыхъ въ нихъ фактовъ, имѣющихъ значеніе и для пониманія общаго экономическаго развитія Англіи, онъ пропустилъ цѣлую и притомъ высокопоучительную страницу исторіи англійскаго капитализма, которая, вѣроятно, заставила бы его измѣнить нѣкоторые выводы, въ особенности въ теоріи населенія.

[2]) Замѣчательно, что фактъ этотъ побуждаетъ къ неправильнымъ (въ своей общности) выводамъ даже такого серьезнаго и осторожнаго изслѣдователя какъ Гасбахъ, который говоритъ: „эти цифры... весьма цѣнны, потому что онѣ выразительно опровергаютъ традиціонный взглядъ что большая интенсивность хозяйства требуетъ большаго количества рабочей силы. Англійская аграрная исторія послѣднихъ ста лѣтъ не разъ опровергаетъ это школьное положеніе. Слѣдуетъ различать капиталоинтенсивность и трудоинтенсивность. Первая связана съ крупнымъ хозяйствомъ, слѣдовательно, съ экономіей издержекъ производства, послѣдняя есть экономическая консеквенція мелкаго хозяйства“ (1 с. 265). Мы находимъ, что англійская аграрная исторія ни мало не уполномочиваетъ къ такимъ заключеніямъ, а что разсматриваемыя цифры совсѣмъ не могутъ подтверждать воззрѣнія Гасбаха и Маркса. Вѣрны или невѣрны эти воззрѣнія сами по себѣ, но цифры числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ, по изложенныъ въ текстѣ соображеніямъ, не даютъ права на такое заключеніе.

образомъ выселились въ города, составляя новый и новый контингентъ для развивающейся промышленности, восполняя городское населеніе. Косвеннымъ показателемъ интенсивности этого процесса могутъ послужить уже приводившіяся нами сопоставленія [1]) относительно разницы между естественнымъ и дѣйствительнымъ приростомъ населенія въ мѣстечкахъ ниже 2,000 жителей. Несмотря на нѣсколько низшій общій приростъ населенія, отливъ населенія изъ нихъ гораздо больше, чѣмъ въ предыдущія десятилѣтія. А именно: 1841—51 гг. отливъ этотъ равенъ 560,000 (противъ 359,000 предыдущаго десятилѣтія), 1851—61 гг.—405,000, въ 1861—71 гг.—452,000. Зданіе англійскаго народнаго хозяйства накреняется все больше и больше на одну сторону, земледѣліе убываетъ и абсолютно и относительно [2]). Чтобы дать общую характеристику состоянія народнаго хозяйства въ Англіи и относительнаго значенія въ немъ земледѣлія, приведу слѣдующую таблицу [3]) распредѣленія промышленнаго населенія по профессіямъ (до 1881 года). (См. стр. 262).

Выражающееся въ этихъ цифрахъ направленіе хозяйственнаго развитія Англіи было условіемъ процвѣтанія сельскаго хозяйства, но оно же подготовило гибель этому послѣднему. Но объ этомъ ниже, а пока познакомимся съ тѣмъ, какъ же жилось рабочему въ этотъ періодъ расцвѣта англійскаго земледѣлія. Мы видѣли уже, что благополучны были лэндлорды,—ренты ихъ росли, благополучны были и фермеры, получавшіе высокую прибыль, но благополучіе это по прежнему не распространялось на „сѣятеля и кормителя“—

---

[1]) Goldstein, l. c. 20.

[2]) Longstaff (Rural depopulation въ Journal of the Royal Statistical Society, 1893, стр. 388) даетъ слѣдующую характеристику причинъ „деревенскаго обезлюденія“: „...здѣсь я долженъ указать одну причину, а именно свободу торговли. Свобода торговли усилила движеніе изъ деревни въ городъ двумя способами: ея дѣйствіе было заразъ отталкивающимъ и притягивающимъ. Понижая цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, спеціально пшеницы, оно сдѣлало хозяйство менѣе доходнымъ, обратила хлѣбныя поля въ пастбища и такимъ образомъ заставляла людей оставлять деревню. Увеличивая размѣры внѣшней торговли, она увеличила спросъ мануфактурныхъ дистриктовъ на рабочія руки и тѣмъ привлекала рабочихъ въ города“.

[3]) Изъ статьи извѣстнаго статистика *Charles Booth*, Occupations of the People of the United Kingdom, 1801—1881 въ Journal of the Royal Statistical Society 1886, издана также отдѣльной брошюрой.

	1851		1861		1871		1881	
	Абсол. въ 1,000	%	Абсол. въ 1,000	%	Абсол. въ 1,000	%	Абсол. въ 1,000	%
Земледѣліе	1,760	20,9	1,700	18,0	1,504	14,2	1,341	11,5
Рыболовство. . . .	17	0.2	17	0,2	21	0,2	30	0,3
Горное дѣло. . . .	335	4,0	425	4,5	475	4,5	562	4,8
Строительн. дѣло	461	5,5	549	5,8	664	6,3	796	6,8
Мануфактура. . .	2,755	32,7	3,117	33,0	3,358	31,6	3,599	30,7
Транспортъ. . . .	345	4,1	436	4,6	524	4,9	654	5,6
Торговля	547	6,5	674	7,1	838	7,8	924	7,8
Industrial Service .	377	4,5	378	4,0	636	6,0	785	6,7
Обществен. должности и либеральныя профессіи . .	399	4,6	505	5,3	578	5,5	660	5,6
Прислуга	1,121	13,3	1,384	14,6	1,684	15,8	1,838	15,7
Рантье	211	2,5	186	2,0	218	2,0	255	2,2
Неопредѣленной профессіи	101	1,2	82	0,9	125	1,2	269	3,3
Общая сумма. . .	8,429	100	9,453	100,0	10,624	100,0	11,713	100

сельскохозяйственнаго рабочаго,—онъ, по прежнему, влачилъ полунищенское существованіе.

Переломъ, который испытало англійское земледѣліе съ отмѣной хлѣбныхъ законовъ, больнѣе всего почувствовался, конечно, рабочимъ, плата котораго тотчасъ же понизилась; правда, понизились и цѣны средствъ существованія, но не въ такой пропорціи, какъ заработная плата. Явленіе, наблюдаемое почти вездѣ и всегда при рѣзкихъ измѣненіяхъ цѣнъ на предметы первой необходимости, что заработная плата медленно и не вполнѣ приспособляется къ новымъ цѣнамъ и измѣненіе денежной заработной платы первое время, по крайней мѣрѣ, сопровождается пониженіемъ натуральной. Заработная плата пришла въ соотвѣтствіе, по даннымъ Кэрда, къ тому уровню, который она имѣла, по свидѣтельству Юнга, въ 1770 году, и положеніе рабочаго теперь мало чѣмъ превосходитъ положеніе тогдашняго рабочаго.

80 лѣтъ униженія и горя были пережиты напрасно. Не измѣнилось къ лучшему положеніе рабочихъ и въ слѣдующее десятилѣтіе. Сравненіе данныхъ Кэрда и парламентскаго изслѣдованія 1860 года приводитъ къ выводу, что „хотя цѣны жизненныхъ средствъ поднялись на 40—50%, какъ Ньюмарчъ вычислилъ для 1857 года, но заработная плата увеличилась лишь на 20%, положеніе рабочихъ съ 1851 года, слѣдовательно, ухудшилось“ [1]). Денежная плата продолжаетъ, значитъ, по прежнему отставать отъ роста цѣнъ, и натуральная плата падаетъ. Положеніе рабочихъ въ 60-ые года было предметомъ изслѣдованія нѣсколькихъ коммиссій, прежде всего коммиссіи о „Children and women employment in agriculture commission“, а затѣмъ многочисленныя изслѣдованія о жилищахъ рабочихъ, раскрывшія весь ужасъ антисанитарнаго и антиморальнаго положенія рабочихъ, объ ихъ питаніи и т. д. Обширныя выдержки изъ этихъ отчетовъ имѣются у Маркса [2]), содержаніе ихъ подробно излагается также у Гасбаха [3]), и мы, стремясь къ выясненію основныхъ причинныхъ зависимостей, можемъ миновать эти подробности. Приведемъ лишь общій отзывъ отчета о положеніи рабочихъ, характеризующій это послѣднее къ концу 60-хъ годовъ: „общее заключеніе, вытекающее изъ даннаго разсмотрѣнія положенія сельскохозяйственнаго рабочаго, таково, что онъ потерялъ средства и возможность улучшить свое положеніе, которое принадлежало этому классу въ

---

[1]) Hasbach, l. c. 256.

[2]) Капиталъ, I, 592—606.

[3]) Hasbach, Viertes Kapitel, IV. На основаніи отчетовъ Children and women employment commission составлена (въ 1-мъ изданіи 1870 года) поверхностная книжка *T. E. Kebbel.* The agricultural labourer. См. также у г. *Каблукова*, op. cit. Какъ легко замѣтитъ читатель, знакомый съ сочиненіемъ г. Каблукова, различіе между воззрѣніями, выраженными въ этой книгѣ и развиваемыми въ настоящемъ сочиненіи, настолько значительно, что авторъ предпочелъ совсѣмъ воздержаться отъ частичной полемики. Главный недостатокъ конструкціи г. Каблукова—ея чрезмѣрная упрощенность, съ которой онъ разсматриваетъ вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Эта же упрощенность помѣшала, по нашему мнѣнію, и правильному выясненію общей эволюціи англійскаго земледѣлія, а равно и спеціально отличающихъ его особенностей (борьба лэндлордовъ и фермеровъ на счетъ рабочаго). Сказанное не препятствуетъ намъ считать эту работу, основанную на изученіи англійскихъ парламентскихъ отчетовъ и статистической литературы, однимъ изъ выдающихся сочиненій своего времени по аграрному вопросу.

прежнія времена. (Авторъ отчета Stanhope впадаетъ въ обычную въ подобныхъ случаяхъ идеализацію прошлаго, для которой никакихъ реальныхъ основаній, какъ мы видѣли, не имѣется). Его теперешнія денежныя средства такъ незначительны, что было бы несправедливостью лишать его и его семейство возможности увеличить недѣльный заработокъ небольшими суммами, которыя могутъ быть получаемы за трудъ его дѣтей самаго ранняго возраста, какой только можетъ быть употребляемъ для работы, съ условіемъ, чтобы работа не была вредна по возрасту ребенка или по продолжительности“ [1]). Такимъ образомъ, и теперь таже роковая необходимость эксплуатировать своихъ дѣтей, и лишь изъ-за того, чтобы влачить самое жалкое существованіе.

Итакъ, если протекціонизмъ былъ не въ пользу сельскохозяйственнымъ рабочимъ, то и свободная торговля и разцвѣтъ земледѣлія имъ не помогли. Но заслуживаетъ вниманія, что и тогда уже рѣзко разнились промышленный сѣверъ, гдѣ спросъ на рабочаго былъ значителенъ, и земледѣльческій югъ, перенаселенный, гдѣ фермеръ могъ не церемониться съ рабочими [2]). Различіе это было отмѣчено уже въ началѣ 50-хъ годовъ, какъ мы видѣли, Кэрдомъ. И тогда уже заработная плата на сѣверѣ была въ общемъ (по даннымъ Кэрда) на 37% выше чѣмъ на югѣ. Не менѣе важно различіе въ способѣ найма: тамъ, гдѣ фермеръ дорожилъ рабочимъ, котораго могъ легко потерять, онъ нанималъ его на болѣе продолжительный срокъ и на болѣе выгодныхъ для него условіяхъ, чѣмъ на югѣ. Гасбахъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ это различіе на основаніи внимательнаго изученія парламентскихъ отчетовъ: „Организація труда на сѣверѣ, страдающемъ недостаткомъ рабочихъ силъ, обнаруживаетъ стремленіе къ расширенію труда рабочихъ, живущихъ у фермера, слугъ, тогда какъ на югѣ съ избыткомъ рабочей силы преобладаетъ стремленіе къ усиленію поденнаго труда. На сѣверѣ даже случайныя работы пытаются ввести въ систему труда

---

[1]) Commission on the employment of children, young persons and women in agriculture. First report of the commissioners with appendix. Part I. 1868. Стр. XLIX.

[2]) Это различіе осложняется еще различіемъ между Corn и Grazing Counties, причемъ первыя тогда уже терпѣли отъ хлѣбной конкурренціи больше послѣднихъ, и это отражалось различіемъ въ положеніи рабочихъ.

слугъ, обязывая ихъ поставлять въ извѣстное время работницъ[1]) или увеличивая число слугъ. На югѣ стремятся къ тому, чтобы даже постояннымъ слугамъ, насколько возможно, дать положеніе поденщиковъ“ и т. д.

Для характеристики организаціи труда на сѣверѣ я приведу описаніе положенія рабочихъ въ Ланкашайрѣ (изъ отчета Tremenhere): „рудники оказываютъ существенное вліяніе на предложеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Заработная плата обыкновеннаго рудокопа такъ высока, что для фермеровъ въ высшей степени трудно получить нѣсколько поденщиковъ, а тѣмъ болѣе удержать ихъ въ своемъ распоряженіи.

Такъ какъ залежи желѣза находятся на незначительной глубинѣ, извлеченіе его имѣетъ характеръ скорѣе труда каменоломовъ, чѣмъ рудокоповъ, и это занятіе, будучи высоко оплачиваемо, составляетъ предметъ горячихъ стремленій. Обративъ вниманіе на то, что коттэджи здѣсь очень рѣдки, кромѣ какъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ копями, я получилъ объясненіе отъ крупнаго фермера, что было бы безполезно строить коттэджи для сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ графствѣ, гдѣ, если вы и поселите въ нихъ кого-нибудь, онъ навѣрно оставитъ свою работу черезъ нѣсколько недѣль ради занятій въ копяхъ. Поэтому фермеры въ этихъ округахъ пользуются слугами (servants), которымъ они даютъ столъ и квартиру за воздѣлываніе ихъ земли. Даже самыя легкія операціи хозяйства, такія напр. какъ пропалыванье полей и рѣпы, выполняются мужчинами. Нельзя нанять ни женщинъ, ни дѣтей, и издержки на заработную плату составляютъ при этихъ условіяхъ весьма обременительную сумму въ балансѣ фермы“ [3]). Несмотря на это, здѣсь

---

[1]) Система *boundsmen*, соотвѣтствующая нѣмецкому Scharwerk, Scharwerker и встрѣчающаяся въ графствахъ съ недостаткомъ рабочихъ, состоитъ въ томъ, что рабочій, нанимаясь, обѣщаетъ найти помощника или помощницу въ извѣстное время, на извѣстныя работы и за извѣстное вознагражденіе. Вообще говоря, система эта является скорѣе признакомъ высокаго положенія рабочаго, чѣмъ наоборотъ. Г. Каблуковъ ошибочно переводитъ названіе boundsmen „система невольничества“, и характеризуетъ этимъ названіемъ и самую систему, между тѣмъ какъ еще Торнтонъ (Overpopulation) указалъ, что старинное слово *bound* здѣсь значитъ „условіе“.

[2]) Hasbach, l. c. 288.

[3]) Children Employment Commission, Part I, 1869, стр. 153. „Общій недостатокъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Лэнкашайрѣ есть необхо-

земледѣліе стоитъ высоко, и большія фермы, съ арендой отъ 600 £ до 1,000 £ въ годъ, даютъ „превосходные урожаи пшеницы“.

Промышленные округа составляютъ свѣтлыя точки на мрачномъ фонѣ картины. Но къ концу разсматриваемаго періода мракъ безнадежности, окутывавшій собою судьбы рабочаго, начинаетъ рѣдѣть, если еще не разсѣиваться. Улучшеніе обнаруживается сначала въ положеніи дѣтей, въ которыхъ принимаетъ участіе государство. Мѣры эти направляются, впрочемъ, не прямо противъ дѣтской эксплуатаціи, а настигаютъ ее лишь косвенно, путемъ школьныхъ законовъ. Прямыя мѣры были приняты лишь къ смягченію ужасовъ бандъ, которые, какъ помнитъ читатель, были раскрыты именно въ отчетахъ Children, young person and women employment commission in agriculture [1]). Закономъ 1876 года было введено обязательное обученіе, и въ соотвѣтствіи этому закону урегулирована работа дѣтей въ сельскомъ хозяйствѣ (ранѣе урегулированная Agricultural Children Act 1873). По этому закону дѣти раньше 10-лѣтняго возраста не должны быть вообще занимаемы въ сельскомъ хозяйствѣ, дѣти же отъ 10 до 14 лѣтъ могутъ быть занимаемы лишь въ томъ случаѣ, если они представили свидѣтельство школы или могутъ доказать, что за ними числится извѣстное число посѣщеній школы. Замѣчательно, что сказаннымъ и исчерпывается все, что сдѣлано было для охраны сельскохозяйственнаго труда законодательствомъ, не только въ этотъ періодъ, но и до настоящаго времени.

Къ этому же времени относятся попытки къ самостоятельному отстаиванію сельскохозяйственными рабочими своихъ интересовъ, именно ихъ профессіональной организаціи: въ 1875 году былъ

димое слѣдствіе его обширнаго мануфактурнаго развитія. Его угольныя копи и хлопчатобумажныя фабрики предлагаютъ вознагражденіе за трудъ, въ значительной степени превосходящее все, что можетъ дать фермеръ; поэтому значительное количество уроженцевъ живетъ въ городахъ, а сельскіе округа сравнительно заброшены“ (Ibid.). Ср. также *Kebbel*, l. c. 2.

[1]) Банды были поставлены подъ полицейскій контроль приходскихъ комитетовъ попеченія о бѣдныхъ. Было запрещено занимать въ Gangs дѣтей младше 8-лѣтняго возраста, женщины не должны были быть въ одной Gang съ мужчинами, отъ руководителя банды требовалось полицейское разрѣшеніе и т. д. Въ 1873 году граница возраста, съ котораго воспрещалось участіе въ „Gangs“, повышена до 10 лѣтъ.

основанъ первый трэдъ-юніонъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, но исторіи трэдъ-юніоновъ мы коснемся ниже.

Во всякомъ случаѣ, къ концу этого періода начинаетъ замѣчаться подъемъ въ положеніи рабочихъ, который вполнѣ обнаружится въ слѣдующій періодъ.

5. Эпоха аграрнаго кризиса.

Коммисаръ Doyle въ своемъ отчетѣ, представленномъ коммиссіи 1881 года [1]), высказываетъ слѣдующую безспорную мысль о причинахъ процвѣтанія британскаго земледѣлія: „насколько состояніе земледѣлія зависитъ отъ способа, которымъ распредѣляется населеніе, пропорція городского и сельскаго населенія въ разсматриваемыхъ округахъ англійскихъ графствъ кажется въ высшей степени благопріятной... Чтобы понять истинность этого положенія, слѣдуетъ принять во вниманіе огромныя количества сельскохозяйственныхъ продуктовъ, которые посылаются для ежедневнаго потребленія плодовитаго городского населенія такихъ графствъ, какъ Ворвикъ, Стаффордъ, Ворчестеръ и Глостеръ. Если фермеры жалуются, какъ это они не рѣдко дѣлаютъ, на эмиграцію изъ деревни въ городъ, они должны имѣть въ памяти тотъ очевидный фактъ, что каждая прибавка къ промышленному населенію расширяетъ рынокъ для земледѣльческихъ продуктовъ“.

Расширеніе рынка для сельскохозяйственныхъ продуктовъ, результатъ роста промышленнаго населенія, было, дѣйствительно, основнымъ условіемъ прогресса земледѣлія въ Англіи, но именно эта причина привела къ тому угнетенному состоянію земледѣлія, такъ называемому аграрному кризису [2]), который продолжается и

---

[1]) Reports from Commissioners, Inspectors and others. 1881. Agricultural Interests. Отчетъ Дойля относится къ графствамъ Оксфордшайру, Стаффордшайру, Варвикшайру, Глостеру, Ворчестеру, Салопу, Герефорду и Монмаусу. Стр. 263.

[2]) Обозначеніе „кризисъ“, конечно, не примѣнимо къ состоянію, продолжающемуся уже болѣе 20 лѣтъ и ставшему хроническимъ; его гораздо лучше выражаетъ англійское выраженіе „agricultural depression“. Но, во избѣжаніе недоразумѣній, мы предпочитаемъ сохранить привычное словоупотребленіе.

въ настоящее время и грозитъ окончательно уничтожить англійское земледѣліе.

Основная причина теперешняго аграрнаго кризиса, не только въ Англіи, но и во всей западной Европѣ, — не считая цѣлаго ряда второстепенныхъ, осложняющихъ обстоятельствъ, лежитъ въ той особенности развитія производительности земледѣлія, которую мы формулировали какъ законъ убывающаго плодородія почвы. Какъ мы знаемъ, особенность эта состоитъ въ томъ, что развитіе производительности земледѣлія сопровождается, вообще говоря, не пониженіемъ, а повышеніемъ издержекъ производства и соотвѣтственнымъ удорожаніемъ продукта. Если страна не хочетъ или не можетъ прокармливать своего населенія своимъ собственнымъ земледѣліемъ и обращается къ помощи земледѣлія другихъ странъ, то единственнымъ raison d'être такого обращенія служитъ то, что страны эти могутъ поставлять хлѣбъ и другіе продукты пищи дешевле, нежели это было бы возможно при собственномъ производствѣ. Тѣмъ самымъ страна эта, значитъ, подвергаетъ собственное земледѣліе завѣдомо опасному конкурренту, который способенъ парализовать его развитіе. Если разница въ степени производительности обѣихъ странъ невелика и можетъ выравниваться издержками транспорта, то вліяніе конкурренціи сказывается въ застоѣ или замедленіи темпа развитія собственнаго земледѣлія. Какъ ни быстро развивалось англійское земледѣліе въ третью четверть XIX вѣка, все же этотъ ростъ совершенно несоотвѣтствовалъ развитію рынка для сельскохозяйственныхъ продуктовъ, росту англійскаго населенія. Но увеличьте эту разницу между условіями производства въ странѣ, ввозящей и вывозящей хлѣбъ, и вы получите аграрный кризисъ въ ввозящей странѣ.

Очевидно, эта послѣдняя будетъ тѣмъ чутче къ иностранной конкурренціи, чѣмъ выше уровень развитія ея земледѣлія; наиболѣе нѣжнымъ и чувствительнымъ должно было оказаться англійское земледѣліе, въ то время самое первое въ Европѣ. Съ другой стороны, кризисъ будетъ тѣмъ ожесточеннѣе и опустошительнѣе, чѣмъ больше эта разница. Былъ цѣлый рядъ условій, стремившихся эту разницу увеличить: сюда прежде всего слѣдуетъ отнести колоссальное развитіе водныхъ и сухопутныхъ средствъ сообщенія и удешевленіе транспорта, что явилось, конечно, необходимымъ дѣломъ экспортирующей индустріи, затѣмъ выступле-

ніе на хлѣбный рынокъ новыхъ странъ и земель въ Соединенныхъ Штатахъ, Аргентинѣ и др., увеличеніе вывоза изъ старыхъ странъ: какъ-то Россіи, Индіи. Я не буду докучать читателю цифровыми иллюстраціями этихъ общеизвѣстныхъ фактовъ, которыя онъ найдетъ въ любомъ справочномъ изданіи.

Итакъ, основное отличіе старыхъ и новыхъ странъ заключается въ рѣдкости или густотѣ ихъ населенія, заставляющей болѣе или менѣе напрягать силы природы. Но былъ, конечно, и цѣлый рядъ осложняющихъ обстоятельствъ. Такими обстоятельствами являются высокая рента старыхъ странъ [1]) и (относительно) высокая заработная плата. Послѣдняя не чувствуется какъ бремя въ странѣ новой (напр. Соединенныхъ Штатахъ) съ изобиліемъ нетронутыхъ естественныхъ богатствъ, но становится весьма тяжелымъ бременемъ для старой страны, угнетаемой тяжелымъ кризисомъ. Въ виду того, что въ земледѣліи отсутствуетъ „экономія высокой заработной платы“, повышеніе послѣдней является чистымъ бременемъ, которое становится вдвойнѣ тяжеле, если плата повышается одновременно съ обостреніемъ кризиса, какъ теперь въ Англіи. Сказаннаго пока достаточно для уразумѣнія основныхъ особенностей аграрнаго кризиса. Обратимся теперь къ цифровой его характеристикѣ.

Съ конца 70-хъ годовъ начинается паденіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, которое, конечно, съ неизбѣжными колебаніями, продолжается и до настоящаго времени. Въ прилагаемой таблицѣ сопоставлены цѣны на важнѣйшіе продукты сельскаго хозяйства [2]). (См. стр. 270).

Мы видимъ общее и глубокое паденіе цѣнъ на всѣ важнѣй-

---

[1]) Антитеза промышленныхъ и земледѣльческихъ странъ хорошо выяснена въ замѣчательной, несмотря на ортодоксальность, работѣ Parvus'a: Der Weltmarkt und Agrarkrisis (рядъ статей въ Neue Zeit, есть и въ русскомъ переводѣ). Ошибкой г. Парвуса является то, что различія въ земледѣліи странъ промышленныхъ и земледѣльческихъ онъ характеризуетъ какъ различія въ рентѣ („абсолютной“), между тѣмъ какъ рента является условіемъ, не создающимъ, а лишь осложняющимъ аграрный кризисъ. Эта талантливая работа, въ которой, къ сожалѣнію, гораздо больше ставится чѣмъ разрѣшается интересныхъ теоретическихъ проблемъ, стоитъ, по нашему мнѣнію, гораздо выше работы Каутскаго, по обилію интересныхъ мыслей и построеній.

[2]) Конечно, соотвѣтственно цѣнамъ на живой скотъ измѣнялись и цѣны мяса, которыхъ здѣсь не приводимъ.

	Пшеница.		Ячмень.		Овесъ.		Лошади.			Телята.			Быки и волы.			Коровы.			Овцы.			Свиньи.		
	sh.	d.	sh.	d.	sh.	d.	£	sh.	d.	£	sh.	d.	£	sh.	d.	£	sh.	d.	£	sh.	d.	£	sh.	d.
1878	46	5	40	2	24	4	30	9	6	4	17	6	22	12	1	16	16	0	2	8	8	3	11	9
1879	43	10	34	0	21	9	25	13	7	4	14	8	21	17	6	16	17	9	2	7	8	3	9	11
1880	44	4	33	1	23	1	25	4	8	1	14	11	22	0	11	18	5	7	2	8	1	3	9	10
1881	45	4	31	11	21	9	22	5	7	4	13	1	21	15	2	19	9	11	2	6	10	3	7	5
1882	45	1	31	2	21	10	24	0	6	4	13	3	21	4	11	19	10	1	2	5	6	3	13	5
1883	41	7	31	10	21	5	20	7	5	4	13	10	21	11	4	19	14	3	2	5	1	3	8	6
1884	35	8	30	8	20	3	19	17	3	4	14	6	21	19	10	19	12	0	2	5	5	3	3	7
1885	32	10	30	1	20	7	15	0	5	4	11	2	21	2	10	19	6	11	2	3	3	3	16	6
1886	31	0	26	7	19	0	17	4	6	3	18	8	18	1	2	13	5	10	1	18	8	2	19	4
1887	32	6	25	4	16	3	16	19	8	3	17	5	17	6	11	12	12	3	1	13	10	2	18	7
1888	31	10	27	10	16	9	16	14	10	3	12	10	17	17	2	12	15	4	1	16	4	3	1	0
1889	29	9	25	10	17	9	20	1	0	3	16	8	18	8	2	12	2	7	1	15	3	3	15	3
1890	31	11	28	8	18	7	17	8	4	3	19	11	18	0	11	12	2	2	1	18	10	3	11	9
1891	37	0	28	2	20	0	19	18	11	3	13	4	18	7	5	12	5	6	1	18	6	3	6	9
1892	30	3	26	2	19	10	20	5	3	3	18	2	18	9	8	14	18	6	1	11	10	3	6	2
1893	26	4	25	7	18	9	27	9	10	4	5	11	18	8	8	16	16	11	1	8	3	2	19	10
1894	22	10	24	6	17	1	23	19	5	5	2	1	17	8	8	16	17	7	1	13	3	2	0	0
1895	23	1	21	11	14	6	27	0	7	3	7	9	17	6	0	16	10	4	1	13	5	2	1	7
1896	26	2	22	11	14	9	25	5	4	6	13	7	16	11	0	15	12	2	1	9	6	2	10	0
1897	30	2	23	6	16	11	25	6	7	5	3	5	16	18	6	16	16	5	1	10	1		—	
1898	34	0	27	2	18	5	26	13	8		—			—			—		1	9	8	2	5	4

шіе продукты земледѣлія и скотоводства (исключеніе составляютъ въ послѣднее время лошади, которыя употребляются болѣе въ цѣляхъ роскоши и перевозки, нежели сельскохозяйственныхъ). Въ соотвѣтствіи съ этимъ, роль собственнаго земледѣлія въ Англіи сошла до minimum'a: такъ напр. изъ всего количества потребляемой въ Англіи пшеницы въ 8-лѣтіе отъ 1884/5 до 1891/2 года 31,9% было собственнаго производства и 68,1% привоза. Въ 1897 году въ Соединенномъ Королевствѣ было произведено

своей пшеницы около 1,717,517 cwt., а ввезено было въ зернѣ 62,544,873 cwt., и, сверхъ того, въ мукѣ 18,472,706; собственное производство составляетъ, такимъ образомъ, совершенно ничтожную долю. Въ 1896 году на голову населенія приходилось около 178 lbs. привозной пшеницы, плюсъ 53 привозной муки; собственнаго же производства всего около 7 lbs. на душу. Подобныя сопоставленія можно привести и относительно другихъ видовъ пищи. Въ настоящее время Соединенное Королевство съ своимъ огромнымъ населеніемъ и своими городами едва ли могло бы просуществовать двѣ недѣли своимъ собственнымъ земледѣліемъ; „верстакъ вселенной“ собираетъ хлѣбную дань со всего свѣта.

Общая площадь воздѣлываемой земли, несмотря на кризисъ, всетаки продожаетъ расти до 1891 года, но съ этого года начинаетъ падать; слѣдовательно, часть земли начинаетъ забрасываться. Параллельно съ этимъ продолжается процессъ превращенія пахотной земли подъ постоянныя пастбища. Все это видно изъ слѣдующей таблицы, показывающей общее количество воздѣлываемой земли въ Англіи и ея распредѣленіе на пахотныя земли и пастбища [1]). (См. стр. 272).

Сопоставленіе цифръ роста пастбищъ и скотоводства наглядно показываетъ, что мы имѣетъ здѣсь дѣло даже не съ перемѣной системы сельскаго хозяйства, а съ постепеннымъ разрушеніемъ послѣдняго. За разсматриваемый періодъ увеличилось, хотя и незначительно, только число лошадей; что касается рогатаго скота, то его количество, сначала возрастая до 1892 года, затѣмъ идетъ назадъ, несмотря на увеличеніе пастбищъ, и эта убыль рогатаго скота не возмѣщается прибылью другихъ видовъ скота [2]), потому что мы видимъ, что количество овецъ также почти не увеличилось, равно какъ и свиней [3]).

---

[1]) Конечно, это распредѣленіе различно для Grazing Counties, гдѣ постоянныя пастбища составляютъ около 64%, и для Corn Counties, гдѣ лишь около 40%.

[2]) У насъ нѣтъ также основаній думать, чтобы это уменьшеніе количества наверстывалось повышеніемъ качества скота.

[3]) Такимъ образомъ плохо пока подтверждается статистикой тотъ оптимизмъ, который обнаружилъ въ 1893 году проф. Пааше: „англійское земледѣліе, хотя и медленно и съ тяжелыми жертвами, приспособилось къ измѣнившимся благодаря расширенію рынка обстоятельствамъ, и для земледѣлія Соединеннаго Королевства начинаются лучшія времена“ (l. c. 54). Отвѣтомъ на этотъ оптимизмъ явился жесточайшій кризисъ 1894—6

	Общая площадь (въ акрахъ).	Пахатная земля.	Пастбища въ акрахъ.	Число лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.	Свиней.
1881—85 (среднее).	24,783,997	12,805,474	11,978,523	1,085,940	4,324,641	15,832,671	2,066,212
1888	24,964,483	12,348,594	12,605,889	1,091,500	4,352,826	15,788,794	2,118,420
1889	24,991,015	12,290,441	12,700,574	1,091,041	4,352,657	15,839,882	2,355,760
1890	25,008,147	12,171,947	12,826,200	1,099.557	4,617,641	16,841.288	2,461,185
1891	25,113,343	12,028,226	13,085,117	1,143,050	4,870,215	17,874,722	1,128,285
1892	24,924,204	11,887,233	13,036.971	1,169,146	4,968,590	17,993,756	1,828,542
1893	24,897,562	11,769,184	13,128,378	1,173,809	4,744,059	16,805,280	1,793,456
1894	24,880,717	11,752,929	13,127,788	1,176,248	4,450,607	15,509,985	2,013,823
1895	24,844,688	11,599.841	13,244,847	1,184,747	4,472,565	15,557,571	2,471,090
1896	24,831,403	11,477,008	13,354,395	1,190,038	4,523,603	16,031,095	2,476,480
1897	24,793,980	11,602,191	13,191,789	1,168,763	4,567,834	15,721,213	1,990 534
1898	24,757,490	11,503,141	13,254,349	1,163,625	4,674,803	15,886,518	2,078,898

Сумма капитала, показанная въ шедулѣ B, включающей, какъ извѣстно, фермерскій капиталъ („the Occupation of Land, Tenements, and Hereditaments, — послѣдняя статья, конечно, затемняетъ движеніе фермерскаго капитала), въ 1867 году для Англіи равная 46,500,880 £ и къ 1880 году выростающая до 51,625,569 £, въ 1890 году равна уже 42,031,230 £, а 1896 (послѣднемъ отчетномъ году) равняется 39,428,803 £. Эти цифры показываютъ, какъ быстро таялъ фермерскій капиталъ подъ вліяніемъ кризиса. Уменьшеніе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которое въ 1891 году равно было 780,900, а теперь, конечно, гораздо менѣе, намъ уже извѣстно [1]).

годовъ. Приводимыя въ текстѣ цифры опровергаютъ оптимизмъ и другого позднѣйшаго изслѣдователя König'a (Die englische Landwirtschaft unter dem Drucke der ausländischen Konkurrenz. 1896. Jena), который полагалъ: „теперь, я думаю, мы можемъ надѣяться, что, хотя для фермера въ Corn Counties и предстоятъ еще тяжелыя времена, но въ Grazing Counties англійскіе фермеры процвѣтаютъ и даже отчасти (theilweise) могутъ заработать и деньги. Ограниченіемъ производства хлѣбовъ и расширеніемъ производства кормовъ въ цѣляхъ заведенія молочнаго хозяйства скоро и восточная часть Англіи достигнетъ болѣе здороваго состоянія, — тогда можно уже будетъ утверждать, что Англія пережила сельскохозяйственный кризисъ и что англійское земледѣліе снова процвѣтаетъ“ (412). До сихъ поръ оптимизмъ этотъ остается лишеннымъ всякихъ основаній.

[1]) Замѣчательно, что несмотря на уменьшеніе фермерскаго капитала и общей интенсивности хозяйства средняя производительность съ акра

Приведенныя цифровыя данныя говорятъ объ общемъ упадкѣ англійскаго земледѣлія, который продолжается и въ настоящее время. Этотъ упадокъ въ различной степени ощущается въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, въ зерновомъ хозяйствѣ гораздо сильнѣе нежели въ пастбищномъ (а соотвѣтственно, какъ мы еще увидимъ, въ Corn Counties сильнѣе нежели въ Grazing Counties). Есть отрасли сельскаго хозяйства, которыя сравнительно пощажены заграничной конкурренціей и даже медленно развиваются. Это молочное хозяйство, вызванное развитіемъ городовъ [1]); затѣмъ садоводство, вызванное потребностями того же городского населенія (площадь подъ „small fruit“ въ 1888 году равна была 32,776 акровъ, а въ 1898 уже 63,438, въ 1871 году насчитывалось 119,651 лицъ, занятыхъ садоводствомъ, а въ 1891—174,290), огородничество, словомъ, отрасли подгороднаго, „вольнаго“ хозяйства.

Но развитіе этихъ отраслей не настолько значительно, чтобы измѣнить картину кромѣ какъ въ деталяхъ. Соотвѣтственно этому число лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ вообще, составляло въ 1891 году 6,1% всего населенія (свыше 10 лѣтъ) и 10,4% всего промысловаго населенія, какъ это явствуетъ изъ слѣдующей таблицы [2]): (см. стр. 274)

пашни въ общемъ не уменьшается, подчиняясь лишь обычнымъ колебаніямъ урожайности. Эту особенность я могу объяснить только тѣмъ, что при обращеніи пашни въ пастбища подъ зерновыми хлѣбами остаются лишь самыя плодородныя или удобно расположенныя земли, которыя при меньшей затратѣ капитала даютъ большее (относительно) количество продукта.

[1]) Молочное хозяйство также жестоко страдаетъ отъ заграничной конкурренціи. Вотъ нѣсколько цифръ, которыя пояснятъ это. Въ 1886 году было ввезено масла 1,543,566 центнеровъ на сумму 8,141,438 £, въ 1898 уже 3,209,093, на сумму 15,960,571 £; въ 1886 году среднее количество ввезеннаго масла и маргарина на душу было 7,5 фунтовъ, а въ 1897 уже 11,7. Сыра было ввезено въ 1886 году 1,734,890 цент. на сумму 3,871,359 £, а въ 1898—2,339,452 ц. на сумму 4,970,247 £; ввозъ составлялъ 5,4 фунта на душу въ 1886 году, и 7,3 въ 1897. Молока (конденсированнаго) было ввезено въ 1888 году 352,333 цент., а въ 1898 уже 817,268 и т. д. Молочные продукты обнаруживали при этомъ такое же паденіе цѣнъ какъ и другіе продукты сельскаго хозяйства: масло, напр., которое стоило въ 1886 году £ 5. 10. 10 за центнеръ, въ 1898 году стоило уже £ 4. 19. 6 и т. д.

[2]) Подсчетъ сдѣланъ у Goldstein, l. c. 53.

	Общее число мужч. и жен.	% общаго числа.	% промысловаго насел.
Общественная служба и либеральныя профессіи .	926,100	4,2	7,2
Прислуга	1,900,400	8,6	14,7
Торговля и средства сообщенія	1,399,800	6,9	10,8
Земледѣліе и рыболовство . .	1,336,900	6,1	10,4
Промышленность . . .	7,336,300	33,3	56,9
Не занятое населеніе . . .	9,154,400	41,5	—

Теперь земледѣльческое населеніе, конечно, составляетъ еще меньшую—и абсолютно, и относительно—часть англійскаго населенія, какъ это, по всей вѣроятности, обнаружитъ ближайшій цензъ (1901 года). Невольно напрашивается на сопоставленіе Англія временъ Григорія Кинга, когда она представляла собой вполнѣ земледѣльческое государство.

Серьезная болѣзнь, которою страдаетъ послѣднюю четверть XIX вѣка англійское земледѣліе, а съ нимъ и все англійское хозяйство, естественно приковываетъ къ себѣ вниманіе англійскаго общества. Послѣ періода благополучія, когда представители земледѣлія предпочитали оставаться въ тѣни, теперь снова наступаетъ эпоха петицій и парламентскихъ изслѣдованій. Никогда англійское земледѣліе не играло такой незначительной роли въ экономіи страны, какъ послѣднюю четверть настоящаго вѣка, но и никогда земледѣлію не посвящалось такъ много вниманія какъ теперь. Въ теченіе 12-лѣтняго промежутка англійское земледѣліе было сдѣлано предметомъ изслѣдованія двухъ коммиссій, въ 1881 (такъ называемая Richmond Commission) и въ 1894—6 („Royal Commission on Agriculture“). Если первая коммиссія выпустила цѣлый рядъ обстоятельныхъ отчетовъ и допросила массу свидѣтелей, то труды послѣдней коммиссіи, засѣдавшей три года, представляютъ нѣчто безпримѣрное даже въ богатой литературѣ парламентскихъ изслѣдованій. Изданные въ 8 толстыхъ томахъ (въ осьмомъ—заключительный отчетъ) труды эти[1]) даютъ самую под-

[1]) Само собою разумѣется, чтобы изложить *все* содержаніе этихъ отчетовъ (въ которыхъ очень много мѣста посвящено изученію спеціальныхъ и для насъ неинтересныхъ вопросовъ), нужно написать цѣлую книгу. Конечно, мы не задавались этой цѣлью, пользуясь данными отчетовъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для общей картины, нами рисуемой.

робную картину современнаго положенія англійскаго земледѣлія въ разныхъ частяхъ королевства. Но и этимъ не исчерпывается все, предпринятое для изученія земледѣлія. Въ 1889 году назначается коммиссія о «мелкихъ хозяйствахъ» (on small holdings), издающая въ 1890 году свой отчетъ (съ Minutes of evidence). „Commision on labour" изучаетъ положеніе сельскохозяйственнаго труда (результаты этого изученія въ шести Parts составляютъ три тома; здѣсь, конечно, также проливается не мало свѣта на общее положеніе земледѣлія). Если присоединить сюда превосходную текущую статистику, то можно сказать, что для изученія сельскаго хозяйства Англіи въ эпоху упадка мы располагаемъ идеальнымъ матеріаломъ.

Richmond' Commission 1881 года была вызвана первымъ обостреніемъ кризиса, которое почувствовалось съ особою силою въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ. Какъ было выяснено коммиссіей, причиной кризиса является совокупное дѣйствіе неурожаевъ вслѣдствіе дождливой погоды (wet season) и паденія хлѣбныхъ цѣнъ, рядомъ съ поднятіемъ издержекъ производства, прежде всего, стоимости сельскохозяйственнаго труда, но также и ренты.

James Caird, спрошенный предъ коммиссіей о причинахъ кризиса, показалъ [1]), что такими причинами являются, во-первыхъ, „цѣлый рядъ неблагопріятныхъ по погодѣ лѣтъ, не имѣющій въ прошломъ ничего подобнаго по непрерывности и продолжительности; во-вторыхъ, пониженіе цѣнъ, обязанное отчасти иностранному ввозу, а отчасти низкому качеству домашняго производства, а, въ-третьихъ, нѣтъ сомнѣнія, ростъ ренты съ 1867 года". Послѣднее свидѣтельствуется и въ другихъ отче-

---

Содержаніе *части* отчетовъ (до 1895 года) изложено въ цитированной уже книгѣ *König*'а: Die Lage der englischen Landwirtschaft etc. Хорошая, хотя и чисто внѣшняя сводка данныхъ отчетовъ сдѣлана въ книгѣ члена парламента и вмѣстѣ члена коммиссіи *Alston Channing.* The truth about agricultural depression. An economic study of the evidence of the Royal Commission. London. 1897. Болѣе распространенъ удобный для общаго знакомства съ содержаніемъ трудовъ коммиссіи, но въ общемъ слабый и безцвѣтный Final Report of Her Majesty Commissioners appointed to inquire into the subject of agricultural depression. London. 1897. Повидимому, тому же посвящена неизвѣстная мнѣ книга *Oskar Stillich.* Die englische Agrarkrisis, ihre Ausdehnung, Ursachen und Heilmittel. Nach der Enquête der „Royal Commission on Agriculture". 1899.

[1]) Minutes of evidence, qu. 62,645.

тахъ [1]). Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ производство, какъ это доказывается несомнѣннѣйшими цифровыми расчетами, въ многихъ случаяхъ является для фермера убыточнымъ [2]).

Жалобы на высоту ренты не составляютъ чего-либо новаго: онѣ, естественно, повторяются при всякомъ кризисѣ. Но то, что накладываетъ печать историческаго момента на разсматриваемый кризисъ,—это жалобы на дороговизну рабочей силы. Эта новая нота, впервые прозвучавшая именно въ эту эпоху, звучитъ чѣмъ далѣе, тѣмъ громче. Нужно замѣтить, что жалуются не на недостаточное снабженіе рабочими руками: какъ правило, такихъ жалобъ въ отчетѣ нѣтъ. Наоборотъ, и изъ земледѣльческихъ и изъ промышленныхъ округовъ сообщается [3]), что предложеніе труда достаточно (свидѣтельства см. въ примѣчаніи).

---

[1]) Напр. Mr. Little въ своемъ отчетѣ свидѣтельствуетъ: „во всѣхъ сообщеніяхъ, которыя я получилъ, общее мнѣніе таково, что за послѣднее время ренты вообще значительно возрасли. Общій размѣръ этого роста опредѣляется различно, отъ 5% до 30%“ (51).

[2]) Вотъ одинъ изъ такихъ разсчетовъ, приводимый Литтлемъ въ Appendix'ѣ къ отчету объ южныхъ графствахъ. Принимая валовой доходъ за 100, вотъ въ какихъ относительныхъ числахъ представятся разныя статьи расходовъ сперва за 12 лѣтъ 1868—79 (I), затѣмъ за три года 1877—79 (II) и за 1879 (III):

	I.	II.	III.
Рента, налоги, десятины	28,91	28,49	27,09
Трудъ	20,32	21,61	21,56
Куплено скота	8,84	18,87	29,04
Куплено корма	13,24	24,69	29,52
Куплено искусственнаго удобренія .	2,74	9,60	31, 3
Разное	16,05	17,68	18,07
Всего издержекъ . . .	90,10	114,94	122,41
Прибыли	9,90	—	—
Сумма . . .	100,00	114,94	122,41

Такимъ образомъ, въ среднемъ за 12 лѣтъ фермеръ этотъ получалъ прибыли на свой капиталъ 5,47%, за 3 года 1877—79 средній убытокъ составлялъ 3,37%, и за 1879 годъ убытокъ составилъ уже 21,66%.

[3]) Doyle въ приложеніи къ своему отчету приводитъ отвѣты на вопросы о рабочихъ, предложенные предпринимателямъ. Такихъ вопросовъ было предложено въ Оксфордѣ—13, Стаффордѣ—16, Ворвикѣ—36, Глостерѣ—9, Герефордѣ—13 и т. д. Первый вопросъ гласилъ: „хорошо или плохо вы снабжены трудомъ, какъ относительно числа рабочихъ, такъ и качества ихъ?“ Почти во всѣхъ случаяхъ получился отвѣтъ, что число рабочихъ достаточно, лишь въ двухъ-трехъ „moderately“, жалобъ на недостатокъ рабочихъ нѣтъ ни въ одномъ.

Чтобы дать понятіе о томъ, на что именно жалуются фермеры, приведу яркую характеристику положенія вещей, которую даетъ въ своемъ отчетѣ Mr. Little [1]): „общее мнѣніе таково, что всѣ виды сельскохозяйственныхъ работъ стоятъ теперь дороже на 25%—30%, чѣмъ 15 лѣтъ назадъ. До 1875 года заработная плата непрерывно почти поднималась, и хотя она съ тѣхъ поръ нѣсколько опустилась, она всетаки остается гораздо выше уровня прежнихъ лѣтъ; при этомъ не только недѣльная плата повысилась, но сократились и часы труда; хотя всѣ фермеры согласились сообща прижать рабочаго, но онъ всетаки дѣлаетъ меньше, и это меньшее дѣлаетъ хуже. Населеніе аграрныхъ округовъ уменьшилось, болѣе сильные и интеллигентные изъ молодыхъ рабочихъ ушли въ города или въ желѣзнодорожную службу; и лишь остатокъ достался на долю фермеровъ. Въ настоящее время я не могу вспомнить, чтобы хоть разъ въ теченіе всего моего изслѣдованія было выражено мнѣніе, что заработная плата слишкомъ высока, но я повсюду слышалъ: „мы готовы давать эту плату, лишь бы рабочіе за эти деньги выполняли правильную дневную работу“. Затѣмъ значительное возростаніе стоимости заработной платы было неизбѣжно вызвано приложеніемъ Education Act... Введеніе сберегающихъ трудъ машинъ, нѣтъ сомнѣнія, избавило фермера отъ нѣкоторыхъ затрудненій, безъ нихъ

Druce въ своемъ отчетѣ относительно промышленныхъ округовъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія: относительно Линкольншайра сообщается что онъ „весьма хорошо снабженъ взрослыми земледѣльческими рабочими...Чувствительное уменьшеніе въ снабженіи ими ощущалось въ этомъ графствѣ въ періодъ великаго мануфактурнаго и коммерческаго процвѣтанія, предшествовавшаго 1875 году, но съ этого времени предложеніе, по мнѣнію многихъ моихъ свидѣтелей, возросло“ (54). Въ Миддльсексѣ „предложеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ недостаточно (not good), но въ новѣйшее время рабочіе скорѣе возросли, чѣмъ уменьшились въ числѣ“ (63). Норфолькъ „вполнѣ хорошо снабженъ сельскохозяйственнымъ трудомъ, и предложеніе его скорѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось за послѣдніе 2—3 года“ (67).

По отчету Colemann'a относительно Нортумберланда здѣсь, какъ и въ предшествовавшую эпоху, „каждая крупная ферма представляетъ собою небольшую колонію, съ приспособленіями, соотвѣтствующими потребностямъ труда, для всѣхъ же чрезвычайныхъ потребностей, какъ-то во время жатвы или сѣнокоса, употребляются сторонніе, главнымъ образомъ, ирландскіе рабочіе“ (6).

[1]) Report by Mr. Little on Devon, Cornwall, Dorset and Sommerset. 1882, стр. 54.

было бы невозможно обрабатывать землю принятымъ въ настоящее время способомъ; но въ высшей степени сомнительно, чтобы фермеръ, сосчитавъ первоначальную стоимость машинъ, издержки починки, въ добавокъ, лошадиную силу, требующуюся для нихъ, могъ убѣдить самого себя, чтобы онъ сберегалъ издержки производства. Машины есть необходимое средство и притомъ очень дорогое; но сумма, платимая за мужской трудъ, продолжаетъ возрастать и pro tanto уменьшаетъ опредѣляемую рентой цѣнность земли". Little заканчиваетъ выраженіемъ убѣжденія, что въ будущемъ тяжесть повышенія платы ляжетъ на лэндлорда (предсказаніе, дѣлающее честь проницательности коммисара).

То же самое объ удорожаніи труда повторяетъ и Druce, [1]) который затѣмъ прибавляетъ: „Повидимому, существуетъ духъ — не скажу недовольства, но безпокойства и склонности къ перемѣнамъ среди рабочихъ; и во многихъ частяхъ моего округа проявляется рѣзко выраженный недостатокъ довѣрія между фермерами и ихъ рабочими. Фермеры не могутъ теперь свободно располагать трудомъ, когда онъ имъ наиболѣе нуженъ. Даже въ теченіе этой послѣдней (1881) жатвы рабочіе на одной Норфолькской фермѣ сдѣлали стачку изъ-за повышенія платы за жатву. Правда, хозяинъ скоро помогъ бѣдѣ, выписавши рабочихъ откуда-то изъ другого мѣста, но остается всетаки тотъ фактъ, что, несмотря на жестокія потери, которыя понесли фермеры за послѣдніе нѣсколько лѣтъ и которыя для рабочихъ чувствительны не менѣе чѣмъ для хозяевъ, рабочіе недовольны весьма разумной заработной платой, имъ предлагаемой".

Оба показанія, характерныя для цѣлаго ряда свидѣтельствъ, имѣющихся въ текстѣ, обнаруживаютъ, насколько фермеры (вмѣстѣ съ лэндлордами) привыкли къ низкой заработной платѣ эпохи аграрнаго перенаселенія. Теперь они говорятъ (а за ними повторяютъ и черезчуръ иногда довѣрчивые коммиссіонеры), что качество труда слишкомъ низко, между тѣмъ какъ въ былыя времена они не считали слишкомъ низкимъ качество труда наупе-

[1]) Report by Druce on Bedford, Bucks, Cambs, Derby, Essex, Herts, Hunts, Leicester, Lincoln, Middlesex, Norfolk, Northhampton, Notts, Rutland и Suffolk. 1882. Стр. 106.

Ср. также свидѣтельство Colemann'a, отчетъ котораго относится къ Нортумберлэнду, Ланкашайру и Чешайру: „не можетъ быть и сомнѣнія, что прибыль фермеровъ серьезно пострадала благодаря увеличенію заработной платы" (6).

ровъ, женщинъ, дѣтей, отребья человѣчества, которое собиралось въ сельскохозяйственныя банды! Гнѣвная Немезида подняла свой бичъ, дѣйствительно, въ тяжелую минуту для фермера, именно когда требовалось измѣнить условія распредѣленія дохода между фермеромъ и лэндлордомъ и свалить на послѣдняго часть новой тяжести; это было, конечно, не такъ легко, какъ перевалить тяжесть на плечи рабочаго, которыя несли на себѣ, какъ мы видѣли, значительную долю тяжести прежнихъ кризисовъ [1]). То, что въ деревняхъ оставались наихудшія рабочія силы, есть естественный результатъ всѣхъ униженій, которымъ подвергался здѣсь сельскохозяйственный рабочій въ теченіе своей исторіи, т. е. XIX вѣка [2]).

Если изслѣдованія 1881—82 годовъ раскрыли картину угнетеннаго положенія сельскаго хозяйства, то изслѣдованія 1894—6 годовъ рисуютъ безотрадную картину разоренія сельскаго хозяйства Англіи, которое сказывается въ различныхъ округахъ съ неравной силой—въ Grazing Counties слабѣе, чѣмъ въ Corn Counties, но наблюдается повсемѣстно.

Интересной особенностью положенія вещей въ 90-хъ годахъ является то, что сильнѣе всего пострадала отъ кризиса земельная рента: фермерамъ удалось сложить значительную часть бремени съ своихъ плечъ на плечи лэндлорда (какъ мы еще уви-

[1]) Весьма характерно, что относительно промышленныхъ округовъ (прежде всего Нортумберлэнда, гдѣ никогда не было развращающаго и предпринимателя и рабочаго перенаселенія, мы и теперь читаемъ въ отчетѣ Colemann'a слѣдующее: несмотря на высшую заработную плату „является фактомъ, заслуживающимъ большого вниманія, то, что издержки на акръ въ Нортумберлэндѣ не только не превосходятъ, но часто ниже, чѣмъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ плата ниже на 25%—40%. Это слѣдуетъ приписать 1) высшему качеству труда, какъ въ физическомъ, такъ и моральномъ отношеніи, 2) широкому примѣненію труда женщинъ и дѣтей, 3) болѣе систематическому и экономному управленію. Съ чувствомъ удовлетворенія можно отмѣтить, что качество труда не ухудшилось, что рабочіе наклонны и способны выполнять полный рабочій день и т. д." (70).

[2]) Марксъ дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, справедливость котораго подтверждается исторіей не только Англіи, но и другихъ странъ: „The labour question" (рабочій вопросъ) въ англійскихъ земледѣльческихъ округахъ въ отличіе отъ всего остального цивилизованнаго міра, обозначаетъ именно the landlords' and farmers question (вопросъ лэндлордовъ и фермеровъ), т. е. какимъ бы образомъ увѣковѣчить, несмотря на постоянно возрастающій отливъ крестьянъ, достаточный „относительный убытокъ населенія" въ селахъ, а слѣдовательно также и „minimum рабочей платы" сельскому работнику?" (Марксъ. Капиталъ, I, 610, прим. 185).

димъ, широкія плечи рабочаго класса, къ счастью, оказались на этотъ разъ недоступными для этой цѣли), и, если на сторонѣ поземельной ренты числится какая-нибудь экономическая заслуга въ продолженіе всего XIX вѣка, такъ это та, что рента облегчила на свой счетъ несеніе кризиса и ослабила его разрушительное дѣйствіе. Возможность свалить часть своего бремени на третье лицо выгодно отличаетъ положеніе сельскихъ хозяевъ Англіи въ эпоху кризиса отъ положенія ихъ на континентѣ, гдѣ поземельная рента ложится мертвой петлей въ видѣ гипотеки и тѣмъ утяжеляетъ несеніе кризиса. Справедлива русская поговорка: нѣтъ худа безъ добра.

Пониженіе ренты было очень значительно и, въ общемъ, конечно, отвѣчаетъ степени угнетенія земледѣлія (слѣдовательно, и здѣсь различаются Grazing и Corn Counties). Гиффенъ, въ своихъ показаніяхъ предъ Коммиссіей, опредѣлилъ уровень ренты еще 1889 года равнымъ уровню 1842 года [1]). Ashby и King сообщаютъ относительно нѣсколькихъ деревень средней (Midland) Англіи: „годовая цѣнность земельной собственности превосходила цѣнность 1815 года только на 4%, и такъ какъ это повышеніе не соотвѣтствуетъ увеличенію цѣнности зданій желѣзныхъ дорогъ и т. д., то рента земледѣльческой земли по всей вѣроятности ниже чѣмъ въ 1815 году“ [2]). Нужно замѣтить, что это было *до* опустошительнаго кризиса 1894—6 годовъ.

Приведемъ для примѣра нѣсколько свидѣтельствъ изъ отчетовъ коммиссаровъ, изслѣдовавшихъ, по порученію коммиссіи, разные округа. W. Fream свидѣтельствуетъ [3]) относительно Ан-

[1]) Royal Commission on Agriculture. Minutes of evidence taken before Her Majesty's Commissioners appointed to inquire into the subject of agricultural depression. Vol. II. 1894. Qu. 18,260—5. Любопытно, что Гиффенъ добавилъ: „одной изъ причинъ, содѣйствовавшихъ пониженію ренты, я считаю улучшеніе положенія труда 18,280. Какой трудъ вы имѣете въ виду,— трудъ вообще или въ частности сельскохозяйственный трудъ? Конечно, насколько дѣло касается ренты, то имѣется въ виду именно сельскохозяйственный трудъ“. Гиффенъ констатируетъ такимъ образомъ, что фермерамъ удалось переложить на лэндлордовъ повышеніе заработной платы рабочихъ.

[2]) *Joseph Ashby and Bolton King.* Statistics of some Midland Villages. (The Economic Journal, 1892, March, стр. 2).

[3]) Report by W. Fream on the Andover District of Hampshire and the Maidstone District of Kent. 1894. стр. 7. Hampshire и Kent принадлежатъ къ Corn Counties. Никакихъ отличій не представляютъ и Statford-on-Avon, district Warwickshire, описанный коммиссаромъ Jabez Turner'омъ.

доверскаго округа (въ Гампшайрѣ): „я не встрѣтилъ ни одного исключенія изъ того правила, что ренты понизились за послѣднія 12 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это пониженіе было такъ значительно, что фактически фермеры сами установляютъ себѣ ренту. Одинъ крупный фермеръ сказалъ мнѣ: „дѣло дошло до того, что вы можете считать теперь землю фактически неимѣющей цѣнности и видѣть въ рентѣ только покрытіе процентовъ на стоимость дома и строеній“. И онъ добавилъ, что послѣ того, какъ лэндлордъ покроетъ всѣ эти издержки, едва-ли что-либо останется ему сверхъ этого. Не только уменьшились размѣры ренты, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она не платится за цѣлые годы, хотя сбавки были доведены до послѣдней возможности и рента почти вся ими уничтожена. Въ одной части этого округа меня увѣряли, что за послѣднія 8 лѣтъ рента уменьшена болѣе, чѣмъ на половину, но что земля не стоитъ даже и теперешней ренты“. То же свидѣтельствуется и относительно Мэдстонскаго округа въ Кентѣ: и здѣсь положеніе гораздо хуже, чѣмъ въ 1878 году, часть земли совсѣмъ не воздѣлывается, несмотря на то, что „во многихъ частяхъ округа сдѣланы весьма значительныя пониженія ренты. Размѣръ ихъ колеблется отъ 15% до 100%; въ послѣднемъ случаѣ фермеры платятъ лишь столько, сколько требуется для взноса десятины“ (31).

W. Fox въ своемъ отчетѣ о Суффолькѣ приводитъ [1]) феноменальные примѣры пониженія ренты: „до 1869 года—показалъ ему одинъ фермеръ — мы арендовали ферму въ 300 акровъ за 495 £ въ годъ, и снимали ее 16 лѣтъ, имѣя доходъ. Съ 1885 до 1889 года мы имѣли убытокъ. Тогда ферма сдана была за 150 £ (безъ десятины) въ годъ (пониженіе 69,9%). Мою теперешнюю ферму въ 200 акровъ отецъ мой арендовалъ въ 1864 году за 250 £, а теперь я пользуюсь ею даромъ; но отецъ мой пользовался отъ нея большимъ доходомъ, нежели я теперь. — Ферма въ 96 акровъ сдавалась до 1889 года за 160 £, не считая десятины; съ этого времени сдается за 40 £ безъ десятины, съ произрастаніями, которыя фермеръ сдаетъ за 20 £. Ферма въ 263 акра сдавалась до 1892 года за 344 £ въ годъ; съ этого времени сдается за 100 £ безъ десятины, пониженіе въ 70,9%“ (и далѣе цѣлый рядъ подобныхъ примѣровъ).

---

[1]) Report by Wilson Fox on the County of Suffolk. 1895. Стр. 39.

H. Rew въ отчетѣ о Дорсетѣ [1]) говоритъ: „какъ правило, лэндлорды сдѣлали значительныя пониженія ренты, которыя однако должны еще болѣе увеличиться. Земельная собственность становится фактически предметомъ роскоши, которой могутъ пользоваться только лица, имѣющія какой-либо другой источникъ дохода“.

Относительно Норфолька тотъ же Rew [2]) говоритъ: „пониженіе ренты въ размѣрахъ отъ 20% до 60% привело къ разоренію многихъ землевладѣльцевъ, нерѣдко обремененныхъ ранѣе долгами“.

Но всѣ эти пониженія ренты не спасли, однако, фермеровъ, которые ухудшаютъ хозяйство и въ большомъ количествѣ разоряются, особенно въ Corn Counties. Изъ безконечнаго ряда свидѣтельствъ этого рода приведу нѣсколько для примѣра. Коммиссаръ Pringlie въ своемъ отчетѣ о 4-хъ округахъ Эссекса [3]) говоритъ: „количество земли, совсѣмъ незанятой, весьма незначительно, но количество земли невоздѣланной и приносящей лишь номинально ренту какъ травяное пастбище весьма велико“. Вотъ краснорѣчивый примѣръ. Ферма близъ Southminster, центра одной изъ наиболѣе пораженныхъ кризисомъ мѣстностей Dengie Hundred „вышла изъ воздѣлыванія уже 15 лѣтъ. Она составляетъ около 530 акровъ, которые всегда разсматривались какъ превосходная ферма для зерновыхъ хлѣбовъ. Большая ея часть остается нетронутой съ тѣхъ поръ, какъ была вспахана послѣдній разъ 15—16 лѣтъ назадъ. Теперь она поросла самой худшей кормовой травой и сорными травами, которыя въ такое сухое лѣто какъ послѣднее не даютъ абсолютно ничего для кормовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она была вовсе оставлена, и владѣлецъ десятины продавалъ ростущія травы, чтобы выручить сколько можно. 38 лѣтъ тому назадъ она сдавалась за 1,000 £ въ годъ, причемъ фермеръ платилъ за десятину и прочія издержки. Сосѣдняя ферма также находится въ подобномъ же положеніи и такое же число лѣтъ остается безъ обработки“.

Въ Андоверскомъ округѣ „въ теченіе послѣднихъ 10 или 12 лѣтъ площадь подъ пшеницей подверглась уменьшенію, а площадь, засѣянная ячменемъ, хотя и возросла, но не въ равной степени;

---

[1]) Rep. by Henry Rew on the County of Dorset. 1895. Стр. 38. Dorset принадлежитъ къ Grazing Counties.

[2]) Report by H. Rew on the County of Norfolk. 1895. Стр. 74.

[3]) Rep. by Pringlie on Ongar, Chelmsford, Maldon and Braintree districts of Essex. 1895. Стр. 48—9.

умѣренная площадь обращена подъ пастбище, тогда какъ болѣе обширная просто заброшена или обращена подъ естественный лугъ. Очень сухой округъ, съ тонкимъ слоемъ почвы на известковой подпочвѣ, оказывается неприспособленъ даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ для значительнаго распространенія постоянныхъ пастбищъ... Не мало попытокъ устроить постоянныя пастбища окончились неудачей и привели къ крупному убытку“ [1]).

H. Pringlie въ своемъ отчетѣ [2]) о графствахъ Бедфордъ, Гёндингдонъ и Нортгамптонъ говоритъ: „истина, высказанная и доказанная мнѣ самымъ несомнѣннѣйшимъ образомъ многими фермерами и лэндлордами, состоитъ въ томъ, что аграрная депрессія, сначала раскрытая Mr. Druce'омъ, а теперь составляющая предметъ моего отчета, внесла такія перемѣны и обнаружила такую разрушительную энергію, что трудно ее описать и еще труднѣе охватить разумомъ. Даже въ самыхъ лучшихъ округахъ были случаи разоренія, и повсемѣстно понесены большія потери капитала. Чѣмъ тяжеле почва и чѣмъ выше пропорція пахатной земли къ пастбищной, тѣмъ серьезнѣе чувствуется депрессія“ [3]).

W. Fox въ своемъ отчетѣ о Кэмбриджшайрѣ [4]) сообщаетъ: „перемѣны въ хозяйствѣ, особенно въ Южномъ Кэмбриджшайрѣ, весьма многочисленны. Извѣстные фермеры или вовсе прекратили хозяйство, отчаявшись, или вынуждаются продолжать его въ силу необходимости. Лица, которыя давно уже были извѣстны своими

---

[1]) Fream, l. c. 11.

[2]) Report by Hunter Pringiei (Assistant Commissioner) on the Counties of Bedford, Huntingdon and Northampton. London. 1895. Стр. 85.

[3]) „Четыре класса фермеровъ, добавляетъ докладчикъ, перенесли грозу такъ, что у нихъ сохранились еще внѣшніе признаки благосостоянія. 1) Тѣ, которые имѣютъ частные средства; 2) тѣ, которые заняты въ другихъ предпріятіяхъ или соединяютъ съ фермерствомъ торговлю или агентство; 3) тѣ, которые снимаютъ землю вблизи отъ городовъ и имѣютъ выгодный сбытъ для молока, картофеля, овощей, сѣна и соломы; 4) которые не слишкомъ вовлечены были въ производство зерновыхъ хлѣбовъ. Травяные фермеры (grass farmers), фермеры болотныхъ округовъ (Fen farmers), садоводы и молочные хозяева находились въ наивыгоднѣйшемъ положеніи. Вѣроятно, немногимъ изъ нихъ удалось за это время сберечь небольшую сумму денегъ, но можно увѣренно сказать, они не потеряли, если брать послѣдній 15-лѣтній періодъ какъ цѣлое. Съ этими небольшими исключеніями, всѣ, занятые въ земледѣліи, понесли денежныя потери“ (ib.).

[4]) Rep. by Wilson Fox on the County of Cambridge. 1895. Стр. 39—40.

стадами овецъ, вынуждены были распродать ихъ. Словомъ, исключая нѣсколько благопріятныхъ округовъ, фермеры потеряли свой капиталъ". — „Вполнѣ очевидно, что при теперешнихъ цѣнахъ и условіяхъ многія земли въ южномъ Кэмбриджшайрѣ воздѣлываться не могутъ".

H. Rew въ отчетѣ о Дорсетѣ [1]) говоритъ: „разнообразіе условій въ этомъ графствѣ затрудняетъ общіе выводы. Но съ увѣренностью можно сказать, что у фермеровъ — съ очень незначительными исключеніями, если они вообще существуютъ — значительно сократились доходы и капиталъ ихъ серьезно уменьшился. — Нѣкоторые изъ лучшихъ и наиболѣе состоятельныхъ, а въ былыя времена и наиболѣе успѣшныхъ фермеровъ на югѣ Англіи находились именно въ Дорсетѣ, но теперь кажется, что эта раса словно вымираетъ. Конечно, иные еще остаются, но другіе оставляютъ добровольно или по принужденію занятіе, въ которомъ они не могутъ болѣе находить справедливаго дохода на свой капиталъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно капиталъ постоянно покидаетъ земледѣліе".

Тотъ же H. Rew въ отчетѣ о Норфолькѣ [2]) говоритъ: „ничто изъ того, что̀ мнѣ встрѣчалось съ тѣхъ поръ, какъ я посѣтилъ графство, не побуждало ослабить грустные выводы, къ которымъ я пришелъ въ результатѣ своего изслѣдованія. Слава Норфолька стояла такъ высоко въ прошедшемъ, и графство такъ неуклонно шло всегда во главѣ земледѣльческаго прогресса, что трудно повѣрить, чтобы здѣсь такъ тяжело легла аграрная депрессія. Въ эпоху Richmond Commission „хорошія времена" уже нѣсколько лѣтъ были дѣломъ прошлаго, но съ тѣхъ поръ дѣло шло отъ плохого къ худшему, и, несмотря на мимолетный лучъ надежды, темное облако депрессіи становилось все чернѣе и чернѣе, пока полная тьма не опустилась надъ страной. Старыя фамиліи удалились, старыя поля оставлены или пріобрѣтены въ собственность или сняты въ аренду новыми людьми... Многіе изъ самыхъ старыхъ фермеровъ съ лучшихъ фермъ, лучшихъ имѣній отказались отъ нихъ и несогласны продолжать дѣло ни на какихъ условіяхъ. Они рѣшили въ своемъ умѣ уйти отсюда, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, потерявъ всякую охоту къ своему дѣлу и всякую вѣру въ будущее. Многіе изъ наилучшихъ

[1]) Rep. by Henry Rew on the County of Dorset. 1895. Стр. 38.

[2]) Rep. by Henry Rew on the County of Norfolk. 1895. Стр. 74.

и наиболѣе уважаемыхъ фермеровъ уже разорены, а тѣ, которые остаются пока неразоренными, со страхомъ ждутъ той же участи".

Рядъ подобныхъ свидѣтельствъ можно удлиннить ad libitum. Правда, почти всѣ эти показанія относятся къ наиболѣе пострадавшимъ Corn Counties, въ Grazing Counties дѣло не обстоитъ такъ плохо, но это различіе только въ степени. Вотъ какъ подводятъ заключительные итоги сами члены коммиссіи въ предварительномъ отчетѣ, подписанномъ большинствомъ (кромѣ трехъ): „показанія, сдѣланныя предъ нами, убѣдили насъ въ весьма тяжеломъ (extreme gravity) положеніи земледѣлія... Несомнѣнно справедливо, что тяжесть депрессіи значительно варіируетъ въ различныхъ округахъ, но мы пришли къ тому заключенію, что не существуетъ ни одной части Великобританіи, про которую можно было бы сказать, чтобы тамъ эта тяжесть вполнѣ отсутствовала. За рѣдкими исключеніями, она существуетъ и увеличивается въ странѣ за послѣдніе 12 или 15 лѣтъ. Во многихъ округахъ она достигла столь остраго состоянія, что послѣдствія ея оказали уже весьма разрушительное вліяніе" [1]).

Картина, рисуемая отчетами, неотразимо свидѣтельствуетъ, что высокая рента, если и играла роль въ обостреніи кризиса въ первую его половину, теперь уже утратила или утрачиваетъ это значеніе, потому что кризисъ уничтожилъ и уничтожаетъ ее

[1]) Second Report of Her Majesty Commission appointed to inquire into the subject of agricultural depression. 1896. Второй отчетъ или, точнѣе, особое мнѣніе было подписано предсѣдателемъ коммиссіи Shaw-Lefevre, лордомъ Rendel и извѣстнымъ статистикомъ Робертомъ Гиффеномъ. Въ этомъ интересномъ и отчасти парадоксальномъ особомъ мнѣніи (съ которымъ мы еще будемъ имѣть дѣло) съ особеннымъ удареніемъ указывается на то различіе, которое существуетъ между отдѣльными округами относительно аграрной депрессіи: „мы считаемъ необходимымъ отмѣтить..., что депрессія была и остается до сихъ поръ болѣе серьезной въ восточныхъ и южныхъ графствахъ Англіи, площадь которыхъ много болѣе трети Англіи и Уэльса, включая такія графства, какъ Вильтшайръ, Глостершайръ, Ворчестершайръ и Оксфордшайръ или ихъ значительныя части, нежели въ остальныхъ частяхъ королевства". (22) Площадь наибольшаго вліянія депрессіи опредѣлена здѣсь, какъ это можно судить даже на основаніи выдержекъ, приводимыхъ въ текстѣ, черезчуръ ограниченно (характерно, что первыя три графства, перечисленныя здѣсь, принадлежатъ къ „травянымъ", Grazing Counties). Авторы указываютъ въ числѣ причинъ, между прочимъ, неблагопріятную погоду въ началѣ 90-хъ годовъ, чего не было на сѣверѣ и на западѣ, а также большую распространенность зернового хозяйства.

самое, не ослабѣвая, однако, въ своей силѣ. Причина его лежитъ, очевидно, не въ мѣстныхъ условіяхъ англійскаго земледѣлія, а въ общихъ условіяхъ развитія земледѣльческаго производства, выражающихся въ законѣ убывающаго плодородія почвы. Паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, вызванное конкурренціей новыхъ странъ, дѣлаетъ невозможнымъ выгодное продолженіе производства въ прежнихъ размѣрахъ [1]).

Паденіемъ цѣнъ не исчерпываются, однако, злоключенія фермеровъ: при падающихъ цѣнахъ имъ приходится нести тяжесть растущихъ издержекъ производства, именно повышающейся заработной платы. Мы слышали жалобы на дороговизну рабочей силы, сопровождающуюся низкимъ качествомъ труда, уже въ 80-хъ годахъ, въ отчетахъ Richmond Commission. Теперь все это страшно усиливается: въ стремленіи понизить издержки производства, фермеру удалось покорить лэндлорда и свести ренту до minimum'a, но ему совершенно не удалось того же съ сельскохозяйственнымъ рабочимъ. Тогда онъ пошелъ путемъ, намѣчавшимся уже раньше, уменьшая до послѣдней возможности самое число рабочихъ или, по крайней мѣрѣ, постоянныхъ рабочихъ,—система, получившая краснорѣчивое названіе: „labour-starving of land". Намъ уже извѣстно, что число сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ 1881 году уменьшилось до 870,800 (противъ 980,000 въ 1871 году), а въ 1891 г. уже до 780,900, а параллельно съ этимъ увеличилось и число „general laborers", отношеніе которыхъ къ сельскому хозяйству намъ уже извѣстно.

Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Англіи 90-хъ годовъ нашелъ прекрасное освѣщеніе въ трудахъ коммиссіи о положеніи труда въ Соединенномъ Королевствѣ, этой монументаль-

---

[1]) Паденіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты, какъ главная причина кризиса, указывается и Alston Channing'омъ въ упомянутой его книгѣ: The Truth about Agricultural Depression, стр. 311: „упадокъ земледѣлія, сравнительно съ періодомъ процвѣтанія 25 лѣтъ тому назадъ, хотя время отъ времени и усиливался благодаря неблагопріятной погодѣ, но главнымъ образомъ обязанъ паденію цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Паденіе цѣнъ было въ главнѣйшей мѣрѣ, если не исключительно, вызвано быстрымъ развитіемъ земледѣльческаго производства въ новыхъ странахъ, удешевленіемъ и улучшеніемъ средствъ сообщенія и изобрѣтеніями, дѣлающими возможной доставку колоніальнаго мяса и молочныхъ продуктовъ въ свѣжемъ видѣ. Кромѣ паденія цѣнъ, главной причиной земледѣльческой депрессіи была чрезмѣрно высокая рента на землю".

ной работѣ, составляющей украшеніе богатой литературы парламентскихъ отчетовъ [1]).

Какъ и въ 80-хъ годахъ, жалуются не на абсолютный недостатокъ рабочихъ, отъ котораго страдало бы сельское хозяйство. „Въ значительномъ большинствѣ случаевъ—читаемъ въ общемъ отчетѣ намъ уже извѣстнаго Mr. Little'a—коммиссары отмѣчаютъ достаточное количество труда, по крайней мѣрѣ, для теперешнихъ потребностей, при незначительномъ недостаткѣ въ исключительно короткіе періоды времени; главныя жалобы относятся къ качеству труда, а не количеству его“ [2]). „Въ 27 округахъ изъ 38 общій тонъ отчетовъ таковъ, что предложеніе приблизительно равно теперешнему спросу. Съ другой стороны лишь въ трехъ округахъ положительно констатируется недостатокъ труда“ [3]).

---

[1]) Короткую внѣшнюю сводку богатѣйшаго матеріала этой коммиссіи даетъ *Spyers* въ небольшой книжкѣ The Labour Question. London. 1894.

[2]) Royal Commission on Labour. The agricultural labourer. Volume V. Part I. General Report by Mr. William C. Little (Senior Assistant Agric. Commissioner) 1894. Стр. 38.

[3]) Cecil Cheapmann въ своемъ отчетѣ относительно нѣкоторыхъ округовъ Беркшайра, Бёккингэмшайра, Кэмбриджшайра, Корнволла, Девоншайра, Гертфордшайра, Оксфордшайра (Part. II. 1893) говоритъ: „весьма часто предприниматели говорятъ, что сельскохозяйственные рабочіе ни въ какомъ случаѣ не отличаются такимъ искусствомъ какъ прежде. Это объясняется прежде всего фактомъ, что всесторонніе рабочіе, которые могутъ ставить изгородь, накрывать скирды, класть дренажныя трубы, стричь овецъ становятся дѣломъ прошлаго. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но это не предполагаетъ необходимо, что рабочіе потеряли свою производительность и относительно тѣхъ видовъ труда, которые отъ нихъ требуются. Принципъ раздѣленія труда на большихъ фермахъ примѣняется такъ широко, что каждый пріучается къ отдѣльному виду труда и имѣетъ мало шансовъ изучить другое дѣло, такъ что если требуется сдѣлать что-нибудь особенное, приглашается спеціалистъ. Работы, требующія обученія (skilled work), въ нѣкоторыхъ округахъ выполняются также хорошо теперь, какъ и прежде, но не такъ часто обыкновенными рабочими фермы. Съ другой стороны, употребленіе машинъ развиваетъ особую смѣтку, и можно сказать, что теперь рабочіе болѣе умѣлы въ употребленіи машинъ, но менѣе умѣлы въ употребленіи ручныхъ инструментовъ, чѣмъ они были прежде. — Принимая во вниманіе всеобщія свидѣтельства, что лучшіе и интеллигентнѣйшіе рабочіе идутъ въ города, скорѣе удивительно, что слышится такъ мало жалобъ на качество средняго труда на фермѣ“. (17) Интересно, далѣе, слѣдующее замѣчаніе: „на мелкихъ фермахъ, гдѣ мало машинъ, вообще болѣе искусства въ употре-

Такое положеніе вещей можно объяснить только тѣмъ, что какъ ни великъ отливъ населенія въ города, все же благодаря „labor-starving“ онъ не является чрезмѣрно большимъ. Что разсматриваемый фактъ имѣетъ именно такое значеніе, слѣдуетъ изъ дальнѣйшихъ словъ отчета: „хотя и очень мало показаній относительно недостатка рабочихъ, за то всѣ почти единогласно сходятся въ томъ, что, еслибы система хозяйства оставалась прежней, то испытывались бы затрудненія въ нахожденіи нужныхъ рабочихъ рукъ. Такъ Mr. Spencer говоритъ въ своемъ заключительномъ отчетѣ: „еслибы большинство фермеровъ не употребляло значительно меньшаго количества труда, отчасти благодаря тому, что возросло употребленіе машинъ, отчасти потому, что способъ воздѣлыванія менѣе интенсивенъ и больше земли обращается подъ траву, отчасти, наконецъ, потому, что земля теперь хуже и менѣе внимательно обрабатывается, чѣмъ прежде,—несомнѣнно обнаружился бы при теперешнемъ населеніи серьезный недостатокъ труда“ [1]). Mr. Cheapman докладываетъ: „результаты уменьшенія въ предложеніи труда для фермеровъ были бы бѣдственны, еслибы они въ теченіе этого періода не экономили труда. Количество рабочихъ на фермѣ вообще уменьшено, машины прилагаются насколько это возможно и насколько фермеръ въ состояніи ихъ завести, чистота фермъ въ общемъ пренебреженіи, и въ большинствѣ мѣстъ земля болѣе поросла травой, нежели это слѣдуетъ, сорныя травы болѣе уже не выпалы-

---

бленіи ручныхъ орудій, а на холмистыхъ фермахъ Уэльса, гдѣ раздѣленіе труда меньше и каждый человѣкъ употребляется для разныхъ видовъ труда, я совсѣмъ не слышалъ жалобъ на упадокъ въ искусствѣ труда“ (ib).

[1]) Aubrey Spencer въ своемъ отчетѣ о нѣкоторыхъ дистриктахъ Кента, Дорсета, Эссекса, Соммерсета, Сёррея, Вильтшайра, Ворчестера (Part V) дѣлаетъ по этому поводу еще слѣдующее любопытное замѣчаніе: „экономія въ употребленіи труда была обусловлена во многихъ округахъ консолидаціей фермъ, благодаря которой нерѣдко двѣ или болѣе небольшихъ фермъ соединяются въ одну обширную. Очевидно, что такимъ образомъ достигается экономія труда и что также точно, какъ и въ прочихъ занятіяхъ, сельское хозяйство можетъ быть ведено выгоднѣе въ болѣе крупныхъ чѣмъ мелкихъ размѣрахъ. Такая консолидація фермъ весьма непопулярна среди рабочихъ, которые враждебны ко всему, что уменьшаетъ занятіе для труда“ (6—7). Оставляя на совѣсти автора его обобщенія, замѣтимъ, что указываемый имъ способъ въ эту эпоху, очевидно, уже не имѣлъ распространенія и является скорѣе исключеніемъ, какъ это будетъ видно выше.

ваются, но срѣзаются, и изгороди не поддерживаются, какъ это было согласно увѣреніямъ 15—20 лѣтъ назадъ". „Перемѣна системы хозяйства во всѣхъ округахъ съ пахатнымъ хозяйствомъ ведетъ свое начало съ земледѣльческаго локкаута 1874 года". Фермеры были тогда вынуждены замѣнять машинами мужской трудъ насколько это возможно, вмѣстѣ съ тѣмъ они были побуждены къ сокращенію площади тѣхъ хлѣбовъ, которые требуютъ наибольшаго количества труда. Значительный ростъ заработной платы побуждалъ фермеровъ занимать меньшее количество лицъ и оставлять невыполненными всѣ тѣ работы, которыя только могутъ быть оставлены. То былъ очень безпокойный періодъ, и много рабочихъ оставили свои родныя деревни и или эмигрировали или были поглощены городскимъ населеніемъ.

Сырая и неблагопріятная погода 1878—1881 годовъ и паденіе цѣнъ на хлѣбъ вызвали обращеніе земли подъ пастбища, а въ то же время повредили фермерамъ и побудили значительное большинство ихъ свести количество труда до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ, и съ этого времени значительно понизившійся общій уровень цѣнъ на зерновые хлѣба усилилъ затрудненія фермеровъ и уменьшилъ размѣры спроса на трудъ".

Само собою разумѣется, усиленіе депрессіи въ 1894—96 гг. еще болѣе обострило этотъ процессъ и увеличило эмиграцію въ города [1]).

---

[1]) Приведемъ нѣкоторыя свидѣтельства. Въ отчетѣ Fream'a объ Андоверскомъ округѣ читаемъ: „извлеченіе земли изъ подъ пшеницы, удлиненіе времени, въ теченіе котораго урожай зерновыхъ хлѣбовъ остается на полѣ, и совершенное прекращеніе обработки значительной площади своимъ совокупнымъ дѣйствіемъ уменьшили спросъ на трудъ. Большинство фермеровъ стараются уменьшить составъ своихъ рабочихъ на одного—двухъ въ теченіе наступающей зимы. Условія въ Михайловъ день (Michaelmas engagement) заключаются не такъ легко, какъ обыкновенно, и, послѣ періода необычнаго благополучія, рабочій внезапно оказывается лицомъ къ лицу съ бѣдой. Въ теченіе октября былъ уже замѣтенъ приростъ рабочихъ безъ постоянныхъ занятій (casuals), искавшихъ помощи въ приходахъ Андовера и вокругъ его. Городъ Андоверъ, который почти всецѣло зависитъ отъ земледѣлія, такъ же страдаетъ, и торговцы встрѣчаютъ наступающую зиму съ чувствомъ страха" (Rep. by Fream, 11).

Въ отчетѣ Pringle относительно Эссекса читаемъ: „послѣдствія перемѣнъ въ хозяйствѣ—а онѣ вызваны исключительно земледѣльческой депрессіей—для рабочаго населенія Эссекса были очень серьезны. Нѣкогда хлѣбныя поля Эссекса давали занятіе значительному количеству рабо-

На вопросъ о томъ, является ли эмиграція сельскохозяйственныхъ рабочихъ причиной сокращенія фермерами числа ихъ, или же наоборотъ, мнѣнія расходятся. Mr. Little, авторъ цитированнаго нами общаго отчета, по этому поводу говоритъ: „безъ сомнѣнія многіе держатся того мнѣнія, что недостатокъ занятій (want of employment) былъ причиной эмиграціи рабочихъ въ города, но я отваживаюсь утверждать, вмѣстѣ съ Mr. Wilkins'омъ (однимъ изъ коммиссаровъ), что уменьшеніе числа рабочихъ на фермахъ было слѣдствіемъ, а не причиной эмиграціи". Это мнѣніе не раздѣляется большинствомъ коммиссаровъ, а также и другихъ изслѣдователей. Напр., Ioseph Ashby and Bolton King, авторы весьма дѣльнаго изслѣдованія о нѣсколькихъ деревняхъ средней Англіи [1]), выражаютъ слѣдующее убѣжденіе: „три четверти эмиграціи, по крайней мѣрѣ за послѣдніе два-три года, вѣроятно, могутъ быть приписаны недостатку занятій. Большое уменьшеніе спроса на сельскохозяйственный трудъ, обусловленное обращеніемъ пашень въ пастбища, и нежеланіе фермеровъ употреблять столько труда, какъ прежде, сдѣлали невозможнымъ для значи-

---

чихъ; теперь во многихъ частяхъ остается лишь нѣсколько служащихъ на фермѣ. Между 1881 и 1891 гг. населеніе нѣкоторыхъ чисто земледѣльческихъ округовъ Малдона и Чельмсфорда уменьшилось на 15%—18%, и если бы снова было произведено изслѣдованіе, обнаружилось бы дальнѣйшее уменьшеніе. Какъ сообщаетъ Mr. Aubrey Spencer въ своемъ отчетѣ Королевской Коммиссіи Труда, заработная плата составляетъ отъ 14 до 16 шил. въ недѣлю, включая жатву и прочіе виды поурочнаго труда. Съ тѣхъ поръ какъ онъ посѣтилъ Maldon Division, занятій для труда, какъ я имѣю основаніе думать, стало гораздо меньше, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаружилось медленное пониженіе заработной платы. Предприниматели утверждаютъ, что они не могутъ давать прежнюю плату при настоящемъ положеніи ихъ финансовъ, и со всѣхъ сторонъ я получалъ увѣреніе, что такъ какъ нѣтъ сѣна (with no hay), очень мало хлѣба и соломы, то зимой не будетъ нужды и въ рабочихъ. Все обѣщаетъ на зиму и весну исключительно тяжелыя лишенія для рабочихъ нѣкоторыхъ частей Эссекса" (Rep. by Pringlie, 5).

Въ Норфолькѣ, по свидѣтельству Rew, „занятія для рабочихъ уменьшились" (Rep. by Rew, 74).

[1]) *Joseph Ashby and Bolton King.* Statistics of Some Midland Villages (The Economic Journal, 1893, March—June). Они изслѣдовали нѣсколько деревень, обнимающихъ одинъ „Poor Law Union" цѣликомъ, значительную часть другого и части еще 4-хъ союзовъ, всего 69 приходовъ и 56 деревень, имѣющихъ болѣе чѣмъ по 100 жителей. Округъ этотъ главнымъ образомъ земледѣльческій.

тельнаго числа рабочихъ найти заработокъ дома. Въ деревняхъ, гдѣ земледѣльческія занятія даютъ регулярный заработокъ или гдѣ распространены огороды (allotments), выселеніе очень незначительно; оно достигаетъ вообще наибольшихъ размѣровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда благодаря качеству почвы или дурному управленію имѣніемъ, земледѣліе стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ“ [1]). Привлекательность высшей заработной платы въ городахъ, несомнѣнно, оказываетъ широкое вліяніе, но не столь значительное, какъ теперешній недостатокъ въ занятіяхъ. Привязанность къ дому противодѣйствуетъ, до извѣстной степени, перспективѣ повышенія дохода, и сельскій рабочій хорошо освѣдомленъ о растущихъ издержкахъ городской жизни. Возвышеніемъ заработной платы нельзя объяснить теперешнее стремленіе къ выселенію“ [2]).

Отвѣтить на вопросъ въ строгой его постановкѣ, въ сущности, также невозможно, какъ на вопросъ, представляющій классическій примѣръ такой questio pergplexa: что явилось раньше, яйцо или курица? И эмиграція изъ деревни и иммиграція въ города являются различными симптомами извѣстнаго народнохозяйственнаго состоянія, вогнутой и выпуклой сторонами рельефа. Съ одной стороны, иммиграція въ города была бы невозможна, еслибы тамъ не развивалась промышленность, торговля и т. д., но въ такомъ случаѣ тѣмъ самымъ не создавались бы условія для аграрной депрессіи, и, слѣдовательно, соразмѣрно устранялась бы необходимость выселенія изъ деревни. Однако можно поставить вопросъ: при данномъ фактическомъ положеніи вещей, что̀ явилось *непосредственнымъ поводомъ* къ выселенію изъ деревни въ города,— недостатокъ ли занятія въ деревнѣ или же привлекательность высшей заработной платы въ городахъ? Дать общій отвѣтъ относительно всѣхъ случаевъ, конечно, невозможно, но у насъ есть данныя утверждать, что фермеры изгоняли рабочихъ, а не ра-

[1]) Iune, 196—7. „Въ нѣсколькихъ приходахъ, гдѣ земледѣліе стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ, а еще болѣе въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда фермы не сданы, бываетъ занято очень немного взрослыхъ мужчинъ. Въ крайнемъ случаѣ 5 взрослыхъ мужчинъ были заняты на 1.300 акровъ“. (March, 5—6).

[2]) Iune, 197. Авторы дѣлаютъ далѣе слѣдующее мѣткое замѣчаніе: „сосѣдство желѣзныхъ дорогъ имѣло, несомнѣнно, сильное вліяніе въ прошломъ, но теперь, когда сообщеніе удобно во всѣхъ мѣстахъ, вліяніе его слишкомъ всеобще, чтобы быть квалифицированнымъ въ качествѣ спеціальной причины“ (ib. 198).

бочіе бросали фермеровъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ отсутствіе жалобъ на недостатокъ рабочихъ какъ въ 80-ые, такъ и въ 90-ые годы (см. выше); это краснорѣчивое молчаніе дѣловыхъ людей, любящихъ и умѣющихъ жаловаться на свои горести, неотразимо свидѣтельствуетъ о томъ, что въ большинствѣ случаевъ сокращеніе рабочаго штата фермерами обгоняло эмиграцію рабочихъ въ города, такъ что тягость происходящихъ измѣненій въ хозяйствѣ въ гораздо большей мѣрѣ ложилась на плечи рабочаго нежели фермера.

Въ одномъ фермеры должны были со вздохомъ вспоминать прекрасныя старыя времена: аграрное перенаселеніе, столь характерное для предыдущей эпохи и столь выгодное фермерамъ, въ разсматриваемую эпоху отсутствуетъ. Предложеніе рабочей силы, самое большее, только равно спросу, съ возможностью каждую минуту отклониться въ сторону превышенія спроса надъ предложеніемъ. Пора безграничнаго хозяйничанья надъ рабочимъ прошла. Жозефъ Арчъ, этотъ Моисей сельскохозяйственныхъ рабочихъ, зналъ, что нужно было сдѣлать для повышенія благосостоянія сельскохозяйственныхъ рабочихъ и, съ одной стороны организуя трэдъ-юніонъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, онъ въ то же время организуетъ ихъ эмиграцію въ Америку, считая, очевидно, недостаточно быстрой ихъ эмиграцію въ города. Вотъ его собственныя показанія предъ Richmond Commission по этому поводу. 58,421. „Какимъ образомъ вы поступили, чтобы добиться повышенія заработной платы сельскохозяйственнымъ рабочимъ? Мы весьма значительно уменьшили число рабочихъ на рынкѣ. 58,422. Какимъ же образомъ? Мы выселили до 700,000 душъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, до 8 и 9 лѣтняго возраста. 58,431. Цѣлью эмиграціи было повысить заработную плату? Уменьшить число робочихъ на рынкѣ. 58,432. И такимъ образомъ повысить заработную плату? Да, если можно, повысить заработную плату“ [1]). У насъ нѣтъ точныхъ статистическихъ данныхъ, чтобы опредѣлить долю сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которые эмигриро-

---

[1]) Характерны дальнѣйшія показанія: 58, 433. „Находите-ли вы, что это удалось? Нѣтъ, фермеры лишаютъ землю труда (are starving the land), удаляя людей отъ земли и теперь. 58, 442. Страдаетъ-ли рабочій благодаря земледѣльческой депрессіи? Я думаю, не столько, какъ ремесленники въ городахъ“. Въ общемъ и Арчъ признаетъ улучшеніе въ положеніи сельскохозяйственнаго рабочаго.

вали въ Америку, чтобы оттуда конкуррировать, въ качествѣ тамошнихъ землевладѣльцевъ, съ своими европейскими собратьями. Но, несомнѣнно, еще большее значеніе имѣетъ эмиграція въ города, которою питается городское населеніе Англіи, увеличиваясь на счетъ деревенскаго прироста населенія [1]).

Указаннымъ отливомъ земледѣльческаго труда въ города или заграницу объясняется одинъ изъ интереснѣйшихъ народнохозяйственныхъ парадоксовъ, проливающій яркій свѣтъ на условія развитія капиталистическаго земледѣлія,—именно ростъ заработной платы и благосостоянія рабочаго въ эпоху кризиса, причемъ, въ общемъ, цѣна на сельскохозяйственные продукты и заработная плата движутся въ прямо противоположномъ направленіи [2]).

Первые несомнѣнные признаки подъема въ положеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ замѣчаются въ концѣ 70-хъ годовъ, какъ мы видѣли это выше [3]). Richmond Commission пришла

---

[1]) Въ заключительномъ отчетѣ Королевской Коммиссіи Труда мы находимъ справедливую характеристику отношеній городскихъ и сельскихъ рабочихъ: „изслѣдованіе трехъ особыхъ коммиссаровъ относительно положенія сельскохозяйственнаго труда въ Соединенномъ Королевствѣ было предпринято вслѣдствіе мнѣнія, раздѣлявшагося многими членами этой коммиссіи, что положеніе земледѣлія, уменьшеніе занятій въ деревнѣ, переселеніе сельскихъ рабочихъ изъ сельскихъ округовъ въ большіе города и промышленные дистрикты и ихъ конкурренція съ другими классами рабочихъ оказываетъ значительное вліяніе на весь рабочій вопросъ вообще; и что мѣры, предпринятыя съ цѣлью улучшенія положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ, могутъ косвенно, склоняя его оставаться въ деревнѣ, оказаться благодѣтельными для всего рабочаго населенія“ (Fifth and final Report of the Royal Commission on Labour. Part I. 1894. Стр. 110).

[2]) „Наиболѣе характерный симптомъ аграрной депрессіи настоящаго времени по сравненію съ прежнимъ состоитъ въ томъ, что наемный трудъ менѣе, а не болѣе всѣхъ страдаетъ отъ депрессіи“. (Prothero, l. c., 224).

[3]) Въ отчетѣ Коммиссіи Труда сопоставлено нѣсколько отзывовъ того времени. Въ первомъ изданіи своей книги (1870 г.) Kebbel писалъ, резюмируя, какъ мы уже знаемъ, данныя Ch. Empl. Comm. in Agr., слѣдующее: „мнѣ кажется, что положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго медленно, но несомнѣнно, улучшается (Agricultural labourer, 221). Въ изданіи этой же книги въ 1887 году онъ уже добавляетъ: „пророчество это, не нужно и говорить, нашло многочисленныя подтвержденія“. J. Caird въ своей книгѣ The landed Interest (1878 г.) говоритъ: „общее положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ никогда не было лучше, чѣмъ въ настоящее время“ и т. д. (65 стр. Въ дальнѣйшемъ отзывѣ Кэрда много преувеличеннаго оптимизма).

уже къ слѣдующему выводу: „тогда какъ затрудненія фермеровъ возрасли, болѣе высокая заработная плата и болѣе постоянныя занятія соотвѣтственно улучшили положеніе рабочаго. Съ большимъ удовлетвореніемъ мы получали увѣренія, что рабочій классъ весьма слабо страдаетъ (если вообще страдаетъ) отъ бѣдствія, которое всей тяжестью обрушилось на фермеровъ и собственниковъ. Продукты стали дешевы, а занятія многочисленны (?), тогда какъ заработная плата подверглась очень слабому уменьшенію лишь въ немногихъ округахъ“ [1]). Протеро [2]) дѣлаетъ слѣдующее интересное сопоставленіе заработныхъ платъ (по частнымъ и оффиціальнымъ даннымъ за рядъ лѣтъ.

Таблица средней недѣльной заработной платы мужчинъ въ земледѣліи.

	1824	1836	1860	1870	1881
	sh. d.	sh. d.	sh. d.	sh. d.	sh. d.
Сѣверовосточныя и восточныя графства	9 5	10 3	11 1	11 7	13 10
Юговосточныя и зап. часть Средней Англіи (Midland)	8 2	8 10	9 1	11 1	13 0
Югозападныя и вост. часть Средней Англіи	9 8	10 0	11 9	12 2	14 0
Сѣверныя и сѣверозападныя	11 3	12 1	13 3	15 2	16 10

Несмотря на мѣстныя различія въ заработной платѣ, мы видимъ всеобщее повышеніе денежной платы; реальная плата увеличилась еще болѣе вслѣдствіе пониженія цѣнъ на всѣ предметы необходимости, не исключая хлѣба.

---

[1]) Въ отчетѣ Druce'a о Норфолькѣ, гдѣ рабочимъ жилось особенно скверно, читаемъ: „повидимому, рабочіе избѣгли послѣдствій тяжелаго времени болѣе благополучно, чѣмъ можно было ожидать, и перенесли бурю съ меньшими потерями, чѣмъ землевладѣльцы и фермеры. Конечно, плата теперь меньше, чѣмъ была въ хорошія времена отъ 1870 до 1874, или 1875, но она не низка сравнительно съ затратами и потерями фермера, и почти все, что требуется рабочему, его мясо, напитки, одежда значительно дешевле чѣмъ прежде“. (Rep. by Druce. 1882, стр. 106).

[2]) Prothero, l. c. Appendix XV. Здѣсь приведены данныя по всѣмъ графствамъ въ отдѣльности.

За 10 лѣтъ кризиса, протекшихъ до изслѣдованія 90-хъ годовъ, положеніе рабочихъ еще болѣе улучшилось. Въ цитированномъ уже общемъ отчетѣ Mr. Little'a читаемъ: „въ отчетахъ всѣхъ особыхъ коммиссаровъ единогласно выражается мнѣніе, что положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ значительно улучшилось за послѣдніе 15 или 20 лѣтъ... Если сравнить теперешнее положеніе вещей съ тѣмъ, которое существовало 25 лѣтъ назадъ, является безспорнымъ, что доходы всѣхъ классовъ рабочихъ возрасли, а также возрасла и покупательная сила денегъ; часы труда стали короче; машина освободила рабочаго отъ наиболѣе тяжелаго труда, который онъ долженъ былъ выполнять. Во многихъ графствахъ жены рабочихъ совершенно освобождены отъ полеваго труда; уже много лѣтъ назадъ занятія малолѣтнихъ дѣтей воспрещены; появилась большая возможность давать имъ свободное воспитаніе, и что касается жилищъ рабочаго, то нельзя сомнѣваться, что, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, средній уровень удобствъ значительно возросъ. Рабочій теперешнихъ дней, который лучше питается, лучше одѣвается, лучше живетъ чѣмъ его отцы, можетъ не вполнѣ сознавать происшедшія улучшенія, потому что его идеи стали шире, его потребности, подобно потребностямъ всѣхъ другихъ классовъ, возрасли. Тѣмъ не менѣе онъ живетъ съ меньшими неудобствами, его трудъ менѣе суровъ, его дѣти имѣютъ надежду на лучшее будущее и такія благопріятныя условія, какими онъ никогда не пользовался“ (159 [1])[2]).

---

[1]) Въ особомъ мнѣніи Shaw-Lefevre, Lord Rendel и R. Giffen, отчасти уже цитированномъ и выше, также читаемъ: „въ большей части Великобританіи поддерживался высшій уровень заработной платы, и во многихъ мѣстахъ она еще возрасла. Въ восточныхъ и южныхъ графствахъ было вообще паденіе заработной платы (рѣчь идетъ о кризисѣ 1894—1896 гг.), хотя и не до такого уровня, на которомъ она стояла до 1873 г. Но если принять во вниманіе весьма значительное пониженіе цѣнъ на всѣ главные предметы потребленія рабочаго, происшедшее съ этого времени, несомнѣнно, что, если сравнить среднюю прибыль фермеровъ, процентъ на капиталъ и ренту на землю, произошло значительное увеличеніе реальной заработной платы, и это составило одно изъ главныхъ затрудненій для земледѣльцевъ“.

[2]) Вмѣстѣ съ аграрнымъ перенаселеніемъ исчезаетъ почти и исконный его продуктъ—Gangsystem въ дозволенныхъ закономъ границахъ. W. Fox открылъ ее въ Норфолькѣ и Суффолькѣ лишь въ одномъ Swaffham Poor Law Union, между тѣмъ прежде эти графства были главнымъ центромъ этой системы. Cheapmann нашелъ ее въ болотахъ (fens) North-Witch-

Не нужно забывать, конечно, что рѣчь идетъ о *сравнительномъ* улучшеніи, и положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ оставляетъ желать многаго и теперь, какъ это настойчиво указывается въ отчетахъ коммиссаровъ. Mr. Cheapmann говоритъ напр.: „было бы большой ошибкой думать, что положеніе средняго сельскохозяйственнаго работника удовлетворительно. Нужно лишь сравнить недѣльный бюджетъ съ недѣльнымъ заработкомъ, чтобы видѣть, что огромное большинство сельскохозяйственныхъ рабочихъ вырабатываетъ лишь на самое необходимое и не можетъ ничего сберечь про старость или на время безработицы. Огромное число ихъ живетъ въ состояніи хронической задолженности и безпокойства и зависятъ въ весьма прискорбной степени отъ благотворительности. Ихъ коттэджи дурны и часто содержатъ лишь минимумъ обстановки; для нихъ очень трудно достать молока для своихъ дѣтей“ и т. д. Mr. Richards пишетъ: „общее положеніе земледѣльческаго рабочаго, конечно, лучше чѣмъ его дѣдовъ, но его положеніе остается далеко позади положенія прочихъ рабочихъ“ [1]).

---

ford въ Кэмбриджшайрѣ, и онъ замѣчаетъ: „говорятъ, что эта система теперь постепенно вымираетъ“. Упоминается еще существованіе Gangs въ Penrith въ Кумберлэндѣ. Линкольншайръ, по словамъ Wilkinson'a, есть единственная страна, гдѣ Gangsystem довольно обычна, но и здѣсь она развита много меньше нежели прежде. Сопоставлено у Hasbach, l. c. 355—6.

[1]) Нѣкоторые коммиссары ставятъ положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ даже выше положенія городскихъ рабочихъ. Mr. W. Bear, Assistant Commissioner, изслѣдовавшій отдѣльные дистрикты Бедфорда, Гампшайра, Гёндингдона, Лейстера, Ноттингэма и Сёссэкса, въ Summary Report (1893) говоритъ: „я далекъ отъ того, чтобы находить положеніе рабочаго удовлетворительнымъ, потому что люди, получающіе 15 sh. и менѣе въ недѣлю, должны вести жестокую борьбу за существованіе, если они должны содержать нѣсколько дѣтей, ничего не зарабатывающихъ. Но если придавать какое-либо значеніе показаніямъ, такая грязная бѣдность, какая обычна въ большихъ городахъ, совершенно не извѣстна въ деревенскихъ округахъ, посѣщенныхъ мною, а та, которая существуетъ, неизмѣнно вызывается пьянствомъ“ (12). Aubray Spencer говоритъ въ своемъ отчетѣ: „номинальная плата безъ сомнѣнія выше въ городахъ и каменноугольныхъ округахъ нежели на фермахъ. Однако большая стоимость жизни дѣлаетъ выгоды менѣе дѣйствительными, гдѣ кажется на первый разъ, или даже уничтожаетъ ихъ“ (7). Также въ отчетѣ о Шотландіи (Part II), составленномъ Hunter Pringlie и Edward Wilkinson, читаемъ: „различіе между чисто земледѣльческими округами и тѣми, гдѣ встрѣчаются города или копи, весьма замѣчательно. Нуждаются-ли эти люди въ работѣ постоянно или не могутъ найти постояннаго заработка,

Денежная заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ началѣ 90-хъ годовъ скорѣе понизилась, чѣмъ повысилась сравнительно съ 80-ми годами: средняя плата для Англіи въ 1880—81 году составляла 14 ш. 1 п. въ недѣлю, а въ 1892 году 13 ш. $5^2/_3$ п.; въ 1894—96 г.г. во время особеннаго паденія цѣнъ она, повидимому, была еще ниже. Но благодаря удешевленію сельскохозяйственныхъ продуктовъ и всѣхъ другихъ предметовъ необходимости натуральная заработная плата повышалась.

Читатель не откажется заглянуть въ современную англійскую деревню, къ чему даетъ прекрасную возможность изслѣдованіе Ashby и King'a, относящееся, какъ мы уже знаемъ, къ вполнѣ земледѣльческимъ округамъ. „Проявленія соціальной жизни, говорятъ эти статистики, весьма разнятся отъ деревни къ деревнѣ. Вотъ списокъ учрежденій, поддерживаемыхъ самимъ населеніемъ (popularly managed), въ двухъ благопріятныхъ случаяхъ. А) село въ 750 жителей, кооперативная лавка, School Board (есть также и вечерніе классы), двѣ нонконформистскія часовни, читальня, два мѣстныхъ friendly societies, политическая ассоціація, общество страхованія свиней, коммиссія по выставкѣ цвѣтовъ, Hospital Sunday Committee, клубъ для футбола, клубъ для крикета, оркестръ. В) чисто земледѣльческое село съ 300 жителей: кооперативная лавка, общество доставки угля, общество страхованія свиней, коммиссія о читальнѣ, коммиссія техническихъ классовъ, коммиссія управленія огородами (Allotment Management Committee), коммиссія по выставкѣ цвѣтовъ, Hospital Sunday Committee, клубъ для крикета. Съ другой стороны, лишь въ крайнемъ случаѣ здѣсь не найдется средствъ разсѣять однообразіе жизни. Но найдется лишь немного такихъ деревень, гдѣ энергія не нашла бы какого-нибудь приложенія, и въ виду фактовъ, подобныхъ этимъ, нѣкоторыя современныя обобщенія относительно умственнаго и нравственнаго уровня деревни представляется грубѣйшей клеветой (libel). Можетъ быть, нигдѣ прогрессъ не яв-

---

но тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что около угольныхъ копей юго-западнаго Fife, а въ равной степени и въ городахъ съ винокуренными, дистилляціонными и фабричными заведеніями я видѣлъ значительное количество празднаго, полупьянаго народа въ лохмотьяхъ, между тѣмъ какъ въ чисто земледѣльческихъ округахъ каждый опрятенъ и занятъ усердно трудомъ“ (34).

ляется болѣе быстрымъ и не окажется такимъ прочнымъ, какъ во многихъ сельскихъ округахъ". „Изъ 53 элементарныхъ школъ въ округѣ (обнимающемъ 56 деревень) 10 суть Board Schools. Въ 14 деревняхъ устроены вечерніе классы, въ 10 случаяхъ отчасти или вполнѣ подъ вѣдѣніемъ County Council; предметы, преподаваемые въ послѣднихъ, суть ариѳметика, геометрія, рисованіе, рѣзьба, плотничье ремесло. Отъ County Council устрояется много лекцій для женщинъ и дѣвушекъ относительно стряпни и кормленія дѣтей. Какъ правило, оба пола относятся съ большимъ пыломъ къ преимуществамъ школы. Въ 38 деревняхъ существуетъ нѣчто въ родѣ читаленъ или клубовъ,—около 20 изъ нихъ контролируются членами, 7 носятъ политическій характеръ. Отдѣленія кооперативной лавки имѣютъ безплатную библіотеку, которая имѣетъ много абонентовъ" [1]).

Патріархъ англійскихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ Жозефъ Арчъ вотъ какъ выражаетъ перемѣну, происшедшую въ теперешнемъ положеніи рабочихъ: „что касается будущаго сельскохозяйственныхъ рабочихъ, я съ довѣріемъ смотрю впередъ. Я знаю хорошо, что не все блеститъ какъ золото въ его судьбѣ; но улучшеніе его положенія, проясненіе его жизни въ его рукахъ. Когда я начиналъ, у него не было ничего. Теперь онъ имѣетъ политическій телефонъ въ видѣ своего вота, свои Board Schools, свои County Councils, свои Parish Councils. Такимъ образомъ у него въ рукахъ есть средства улучшенія и прогресса, если только онъ захочетъ пользоваться ими, руководясь твердымъ, разумнымъ, независимымъ сужденіемъ. Я весь за самопомощь. Дайте рабочему мыслить и разсуждать, дайте ему возможность пользоваться книгами и всѣми средствами для развитія, которыя возможны на его пути, но никогда не заставляйте его стыдиться своего жизненнаго призванія, своего труда" [2]).

Мы не познакомились еще съ одной стороной соціальной дѣятельности англійской деревни, именно съ профессіональной организаціей сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Отдѣльныя попытки организаціи сельскохозяйственныхъ рабочихъ восходятъ къ 30-мъ годамъ [3]). Но серьезное значеніе они получаютъ лишь съ 1872

---

[1]) Ashby and King, l. c. march, 21—22.

[2]) *Joseph Arch.* The story of his life, told by himself. London, 1898. Стр. 404.

[3]) Въ 1834 году шесть рабочихъ, истощенныхъ перерабатываньемъ и голодной заработной платой, пытались, полагаясь на данную въ 1824 году

года, въ эпоху полной свободы для профессіональныхъ организацій, а вмѣстѣ съ тѣмъ высшаго разцвѣта англійскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ. Зародившись сначала въ Ворвикѣ, гдѣ онѣ были много обязаны энергіи бывшаго проповѣдника методической общины и вмѣстѣ съ тѣмъ сельскохозяйственнаго рабочаго Жозефа Арча, трэдъ-юніоны стали быстро вербовать членовъ въ странѣ. Къ 1873 году число организованныхъ рабочихъ составляло уже 71,835 человѣкъ, а къ концу мая 1874 года уже 86,214 человѣкъ. Въ 1874 году фермеры дали сраженіе новому врагу — знаменитый локкаутъ, когда временно потеряло работу до 10,000 рабочихъ. Сраженіе окончилось пораженіемъ рабочихъ и стоило уніонистамъ значительныхъ издержекъ [1]). [2]). Съ этого

свободу коалицій, основать въ Дорсетшайрѣ организацію сельскохозяйственныхъ рабочихъ; они были арестованы, и судья баронъ Вильямсъ присудилъ ихъ къ 7-лѣтней ссылкѣ въ Австралію, на основаніи закона о бунтѣ, установленнаго для войска и флота. Лишь подъ давленіемъ общественнаго негодованія „возмутители“ были возвращены черезъ три года. (Hasbach, l. c. 303).

[1]) Исторія локкаута, а также и вообще профессіональныхъ организацій сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которой мы можемъ коснуться бѣгло, разсказаны въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Arthur Clayden* (одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ движенія) The revolt of the Field. London. 1874. *Frederic Clifford* (корреспондентъ Times'a) The agricultural lock—out of 1874. Edinbourgh and London 1875. *Kleinwächter*. Zur Geschichte der englischen Arbeiterbewegung in den Jahren 1873 und 1874. I. Supplem. der Conrads Jahrb. u. s. w. 1878. *Lloyd Jones*. Die jungste Landarbeiterbewegung in England. Landw. Jahhrb. 1875. *F. S. Heath*. The english peasantry. 1893. *Joseph Arch*. The story of his life. 1898. *Hasbach*, op. cit. *Каблуковъ*. Цит. соч.

[2]) Въ исторіи этого локкаута сказались специфическія трудности веденія стачки въ сельскомъ хозяйствѣ. Kleinwächter указываетъ, по отчету Times'a, цѣлый рядъ ошибокъ. Промышленные рабочіе начинаютъ стачку, когда хорошо освѣдомлены относительно положенія рынка, цѣнъ, платежеспособности предпринимателя, предвидятъ возможную продолжительность стачки и ея издержки. Ничего этого не было у вожаковъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Они начали стачку въ самый неблагопріятный моментъ, когда весной поля были уже обработаны и фермеры всего легче могли обойтись безъ рабочихъ. Они надѣялись на спросъ на рабочую силу во время жатвы, но не взвѣсили, что въ другихъ мѣстахъ имѣется избытокъ рабочихъ, которые станутъ ихъ конкуррентами, и что фермеры могутъ, измѣнивъ способъ хозяйства, разъ навсегда обойтись безъ прежняго количества рабочихъ (что и произошло). Они требовали повышенія платы, но никто изъ нихъ въ точности не зналъ, сколько дѣйствительно получаетъ рабочій, если сосчитать разныя натуральныя приплаты. Они не

времени число организованныхъ рабочихъ снова начинаетъ уменьшаться. Организація стремилась не только къ повышенію заработной платы прямымъ путемъ, но и косвеннымъ, поощряя эмиграцію (показаніе Арча). Фермеры же отвѣчали въ свою очередь „labor-starving of land“ и обращеніемъ пашенъ въ пастбища. Къ концу 70-хъ годовъ движеніе замираетъ [1]). Оно мало сдѣлало для поднятія экономическаго положенія рабочихъ, но не прошло безслѣдно. „Хотя союзы и не могли, говоритъ проф. Гасбахъ, принести прочнаго улучшенія въ положеніи рабочаго, но они пробудили его изъ равнодушія и безнадежности, они внушили ему стремленіе добиваться лучшихъ условій труда, они воспитали его политически. Безъ профессіональныхъ союзовъ едвали имъ удалось бы получить избирательное право въ 1894 году“ (l. c. 325).

Нѣкоторое, больше кажущееся, чѣмъ дѣйствительное возрожденіе трэдъ-юніоновъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ имѣло мѣсто въ началѣ 90-хъ годовъ, послѣ того какъ образовались трэдъ-юніоны необученныхъ рабочихъ, послѣ побѣды докеровъ. Волна, всколыхнувшаяся въ Лондонѣ, докатилась и до деревни, и подъ бодрящимъ впечатлѣніемъ городовъ снова возникли попытки организацій. Но по личнымъ наблюденіямъ въ 1893—94 гг. и изъ разговоровъ съ вожаками рабочаго движенія проф. Гасбахъ сдѣлалъ заключеніе, что „большинство ихъ снова находятся въ стадіи разложенія“ (l. c. 329). Это заключеніе вполнѣ подтверждается и позднѣйшими статистическими данными, имѣющимися въ ежегодныхъ парламентскихъ отчетахъ о трэдъ-юніонахъ.

Вотъ данныя за 1894, 1895 и 1896 года [2]).

обезпечили, наконецъ, отступленія въ случаѣ неудачи, и пришлось въ концѣ концовъ просить милости фермеровъ.

[1]) Около 1879 года „союзы сельскохозяйственныхъ рабочихъ, выросшіе сразу какъ грибы или исчезаютъ или превращаются въ незначительные benefit clubs“ (*S. and B. Webb.* The history of trade unionism. London. 1894. стр. 334—5).

[2]) Statistics of Trade Unions. Boarde of Trade, Labour Department. Eighth Report by the Chief Correspondent on Trade Unions, 1894 and 1895. London 1896. Ninth Report on Trade Unions. 1896. London. 1897. Въ 8-мъ отчетѣ о трэдъ-юніонахъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ сказано: „большинство союзовъ этой группы новѣйшаго происхожденія. Они менѣе устойчивы по своей природѣ, чѣмъ союзы въ занятіяхъ, требующихъ обученія (skilled trades). Весь доходъ 1894 года былъ равенъ 47,418 £, весь расходъ— 46,569 £, и общая наличность 28,145 £“ (l. c., XX).

Agriculture and General Labour.

	1892	1893	1894	1895
Число союзовъ, дающихъ о себѣ свѣдѣнія	38	45	39	44
Число членовъ этихъ союзовъ . .	155,661	124.518	89,053	—

Въ частности въ Англіи и Уэльсѣ были слѣдующіе союзы. National Agricultural Labourers Union (прекратился): 1875—40,000 членовъ, 1880—20,000, 1881—15,000, 1882—15,000, 1883—15,000, 1884—18,000, 1885—10,700, 1886—10.366, 1887—5.300. Berkshire Agricultural and General Workers Union — прекратился въ мартѣ 1896 г. Eastern Counties Labour Federation — прекратился въ 1896. Amalgamated Labour League 1881—1020, 1882—850, 1884—94, 1885—154, 1886—99, 1887—68, 1896—40. Agricultural Farm Labourers at Dorset: 1894—500, 1896—533. Herefordshire Agricultural and General Workers Union 1893—500, въ январѣ 1896 прекратился. Hertfordshire and Bedfordshire Land and Labour League прекратился въ январѣ 1896 года. Norfolk and Norwich Federated Labour Union 1891—840, 1892—675, 1893—700, 1894—400, 1895—20, прекратился. Norfolk Federal Union Harleston District 1892—136, 1893—98, 1894—32, въ ноябрѣ 1892 года прекратился. Warwickshire Agricultural and General Workers Union 1893—562, 1894—450. Wiltshire General and Agricultural Workers Union—1893—1,500, 1894 — 1,500, 1895—330, 1896—200 (слился съ Gasworkers and General Workers Union). Какъ видитъ читатель, всѣ эти союзы погибаютъ съ такою же легкостью и быстротой какъ и возникаютъ. Основываясь на этихъ данныхъ, мы должны неизбѣжно сдѣлать заключеніе, что въ настоящее время профессіональныхъ организацій сельскохозяйственныхъ рабочихъ *нѣтъ* [1]).

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что движеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ никогда не носило соціалистическаго характера. Союзы ставили сознательной цѣлью расширеніе личнаго землевладѣнія сельскохозяйственныхъ рабочихъ (въ формѣ-ли allotments или мелкихъ хозяйствъ). Лучше всего

Чѣмъ же объясняется такой неуспѣхъ профессіональныхъ организацій сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Англіи, странѣ, гдѣ, кажется, даны всѣ условія для ихъ широкаго развитія,—полная свобода коалицій съ одной стороны, и господство капиталистической формы земледѣлія, основаннаго на наемномъ трудѣ, съ другой?

Общія трудности организаціи сельскохозяйственнаго труда понятны. Этотъ видъ труда, какъ выяснено во введеніи, принадлежитъ къ „необученному“ труду, гдѣ количество способно замѣняться качествомъ труда и наоборотъ. Съ нимъ конкуррируютъ, поэтому, большая часть представителей необученнаго труда, извѣстныхъ намъ уже general labourers, организація которыхъ представляетъ вполнѣ понятныя трудности. Даже еслибы удалось организовать всю категорію необученныхъ рабочихъ, что, очевидно, невѣроятно, то и тогда возможна конкурренція чужестранныхъ рабочихъ,—напр., ирландскіе рабочіе оказывали сильную конкурренцію, именно во время стачки, англійскимъ сельскохозяйственнымъ рабочимъ. Наконецъ, потребность въ извѣстномъ количествѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ вовсе не есть что-либо постоянное; измѣнивъ систему хозяйства или направленіе производства, или заведя машины, фермеры могутъ уменьшить количество потребной рабочей силы, какъ это и было въ результатѣ локкаута 1874 года, и такимъ пассивнымъ сопротивленіемъ разбить на голову рабочую организацію. Ко всему этому присоединяются специфическія трудности организаціи сельскохозяйственнаго труда,—его территоріальная разбросанность. „Разсѣяніе сельскихъ работниковъ на большихъ пространствахъ сламываетъ

это явствуетъ изъ слѣдующаго мѣста автобіографіи Арча, составляющей какъ бы его политическое завѣщаніе: „добивайтесь земли, но своими собственными силами,—я не вѣрю въ государственную помощь и націонализацію земли. Берите кусокъ земли за справедливую ренту и подвергайте его наилучшей обработкѣ, вотъ что долженъ дѣлать рабочій. Лишь въ послѣдней крайности я рекомендовалъ бы насиліе. Самопомощь и свобода, порядокъ и прогрессъ, вотъ что я рекомендовалъ бы вамъ. Я думаю, что съ теченіемъ времени явятся новыя идеи... Соціализмъ нашихъ дней рано или поздно умретъ естественной смертью. На мой взглядъ, соціализмъ будущаго будетъ состоять въ развитіи и укрѣпленіи силъ—физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ—городскаго и сельскаго населенія Англіи“ (Arch, l. c. 404). Какъ извѣстно, Арчъ, въ качествѣ члена парламента, принадлежитъ къ либеральной партіи.

силу ихъ сопротивленія, между тѣмъ какъ скопленіе городскихъ рабочихъ увеличиваетъ его", замѣтилъ уже Марксъ [1]). Къ этому присоединяется и низкій уровень развитія сельскихъ рабочихъ сравнительно съ городскими, и низкій сравнительно уровень ихъ заработной платы, благодаря чему взносы ихъ необходимо ограниченны, а кассы скудны. Сельское хозяйство составляетъ по всѣмъ этимъ качествамъ настолько неподходящую отрасль для профессіональной организаціи рабочихъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если нигдѣ, кромѣ Англіи, не было даже зачатковъ профессіональнаго движенія сельскохозяйственнымъ рабочихъ, а въ Германіи они до сихъ поръ не пользуются даже свободой коалицій. Крупное производство въ земледѣліи, такимъ образомъ, совершенно лишено тѣхъ положительныхъ соціальныхъ послѣдствій для трудящихся классовъ, ради которыхъ можно его привѣтствовать въ обрабатывающей промышленности.

Мы оставили, однако, неразъясненной одну любопытную черту въ исторіи профессіональныхъ организацій сельскихъ рабочихъ, ту именно, что онѣ, возникши въ пору наибольшаго процвѣтанія земледѣлія, фактически исчезаютъ или, по крайней мѣрѣ, теряютъ вліяніе въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, въ эпоху аграрнаго кризиса. Совпаденіе это не случайно, оно имѣетъ весьма серьезное значеніе. Оно указываетъ на общее условіе возможности профессіональной организаціи труда, именно жизнеспособность, экономическую крѣпость соотвѣтствующей отрасли промышленности, позволяющую вынести тяжесть, которая необходимо возлагается на эту отрасль въ видѣ повышенія заработной платы и под. подъ вліяніемъ организаціи. Напротивъ, на отрасли промышленности слабыя или нежизнеспособныя возникновеніе организаціи дѣйствуетъ какъ средство, ускоряющее ихъ разрушеніе. Политика развитія трэд-юніонизма въ подобныхъ случаяхъ была бы противорѣчива, потому что вела бы къ скорѣйшему уничтоженію той отрасли промышленности, въ которой добивались улучшенія своего положенія рабочіе. Потому развитіе трэд-юніоновъ среди земледѣльческихъ рабочихъ Англіи повело бы къ еще скорѣйшему разрушенію капиталистическаго земледѣлія и потому, въ концѣ концовъ, вѣроятно, ухудшило бы положеніе рабочихъ, въ томъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ, еслибы процессъ этотъ пошелъ быстро и сразу образовалось бы

[1]) Капиталъ, I, 441.

большое количество избыточныхъ рабочихъ. Отсутствіе профессіональныхъ организацій въ эпоху аграрной депрессіи въ извѣстномъ смыслѣ можно разсматривать какъ инстинктивную мѣру самосохраненія со стороны класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ, примѣненіе которой тѣмъ легче, что положеніе рабочаго, какъ мы уже видѣли, улучшается само собою.

Но не въ этомъ только смыслѣ аграрная депрессія противодѣйствуетъ развитію рабочихъ организацій. Она дѣйствуетъ еще и тѣмъ, что лишаетъ организацію ея естественнаго фундамента — постояннаго контингента рабочихъ. Если классъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ его цѣломъ находится на пути въ городъ, который ежедневно поглощаетъ все новыхъ и новыхъ его членовъ, такое положеніе, конечно, не только не способно создавать соотвѣтственной заинтересованности въ организаціи, но прямо уничтожаетъ психическую ея возможность. Улучшенія условій жизни ищутъ переселеніемъ въ городъ, а не труднымъ путемъ организаціи; къ тому же конкуррентами организаціи при этомъ условіи явились бы не только general labourers, число которыхъ такъ сильно растетъ, не только ирландцы, но и свои же собственные товарищи, теряющіе занятія благодаря labour starving of land. При такомъ положеніи возможность диктовать условія предложенія труда, безъ которой немыслимъ успѣхъ организаціи, безусловно отсутствуетъ. Само собою разумѣется, что такая возможность абсолютно отсутствовала въ золотое время крупнаго хозяйства — въ эпоху аграрнаго перенаселенія, когда, сверхъ того, не существуетъ соціальныхъ и политическихъ условій организаціи.

Такимъ образомъ, подъемъ въ положеніи рабочихъ, происшедшій въ 80-хъ и 90-хъ годахъ и такъ странно противорѣчащій упадку самого земледѣлія, не можетъ быть приписанъ дѣйствію рабочихъ организацій. Онъ всецѣло явился результатомъ естественныхъ причинъ,—благопріятнаго для рабочихъ измѣненія въ соотношеніи спроса и предложенія благодаря устраненію аграрнаго перенаселенія; при такихъ условіяхъ высокая плата городскихъ рабочихъ становится регулирующей и въ деревнѣ, хотя, конечно, плата сельскихъ рабочихъ не сравнивается съ платой городскихъ. Совокупность этихъ условій хорошо была отмѣчена еще Нассе, слова котораго лишь подтверждаются всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ: „улучшеніе положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ есть, конечно, въ меньшей степени слѣдствіе внутренняго развитія земле-

дѣльческой промышленности, чѣмъ отраженнаго дѣйствія (Rückwirkung), которое оказало общее развитіе всего рабочаго сословія въ Англіи и возможность эмиграціи въ Америку и Австралію на самую отсталую часть англійскихъ рабочихъ. Въ частности улучшеніе въ положеніи промышленныхъ рабочихъ при существованіи движенія изъ деревни въ промышленные округа также должно было оказаться выгоднымъ для сельскохозяйственныхъ рабочихъ". Основное же условіе, благодаря которому становится понятна вся эта эволюція есть, отсутствіе экономіи высокой заработной платы въ земледѣліи, чѣмъ оно отличается отъ главныхъ отраслей промышленности. При этомъ условіи единственнымъ регуляторомъ движенія заработной платы сельскохозяйственныхъ рабочихъ является спросъ и предложеніе [1]).

Интересно, какія измѣненія въ относительномъ распредѣленіи

---

[1]) Мысль эта неоднократно выражалась въ парламентскихъ отчетахъ и литературѣ. Напр. свидѣтель Curwen показалъ предъ коммиссіей 1821 года, что цѣна труда не зависитъ, по его мнѣнію, отъ цѣны хлѣба, „потому что цѣна труда (labour) зависитъ отъ количества труда и спроса на него, и то, что̀ мы считаемъ общей нормой заработной платы, можетъ быть понижено увеличеніемъ числа лицъ, конкуррирующихъ изъ-за платы на рынкѣ; можетъ быть, я говорю это больше на основаніи примѣра собственной фермы; къ намъ приходитъ много ирландцевъ, которые значительно понижаютъ цѣну труда сравнительно съ тѣмъ, какъ она была бы иначе" (Minutes of evidence, 65). Кэрдъ дѣлаетъ также справедливое замѣчаніе (которое напрасно оспаривается Гасбахомъ): „большая разница въ нормѣ заработной платы въ южныхъ и сѣверныхъ графствахъ, есть достаточное доказательство того, что плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ не зависитъ отъ цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ. Высшая заработная плата не является также прямымъ послѣдствіемъ изобилія капитала, потому что бѣдный фермеръ Дёрэма или Нортумберлэнда платитъ 11 шил. въ недѣлю, тогда какъ крупный капиталистъ, воздѣлывающій половину прихода въ южномъ Вильтшайрѣ или Дорсетѣ платитъ за трудъ лишь 7 шил. Высшая норма заработной платы очевидно объясняется возросшимъ спросомъ на трудъ" (*J. Gaird.* English Agriculture in 1850—51. London. Стр. 519). Этимъ же объясняется, наконецъ, почти полное отсутствіе системы участія въ прибыляхъ, по крайней мѣрѣ, въ хозяйствахъ на чисто коммерческихъ началахъ. *Albert Grey*, въ своей интересной статьѣ Profit—sharing in Agriculture (въ Journal of the Royal Agricultural Society, 1891) описавшій удачное примѣненіе profit-sharing въ собственномъ хозяйствѣ, совершенно напрасно поэтому „удивляется, что въ Англіи было такъ мало сдѣлано серьезныхъ попытокъ приложенія этого принципа" (778). Это вытекаетъ изъ самыхъ глубокихъ основаній экономики земледѣлія.

хозяйствъ разныхъ размѣровъ проистекаютъ въ результатѣ новѣйшей эволюціи сельскаго хозяйства? У насъ есть рядъ свидѣтельствъ, что концентрація хозяйства зашла слишкомъ далеко, по крайней мѣрѣ, для условій настоящаго времени [1]), почему замѣчается обратная тенденція [2]). Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ свидѣтельствъ.

Въ отчетѣ Fream'a объ Андоверскомъ округѣ, гдѣ преобладаютъ крупныя фермы, читаемъ [3]): „что касается того, обнаруживается-ли въ новѣйшее время тенденція къ расширенію или же сокращенію фермъ, господствуетъ единодушное мнѣніе, что всѣ измѣненія въ этой области ведутъ къ раздробленію, т. е. превращенію крупныхъ фермъ въ нѣсколько болѣе мелкихъ. Однако въ виду того, что такое дѣленіе крупной фермы на нѣсколько меньшихъ обыкновенно вызываетъ сооруженіе новаго зданія для фермы и отдѣльной группы построекъ, это движеніе не развивается съ той быстротой, какую оно могло бы получить, еслибы землевладѣльцы обладали достаточнымъ капиталомъ для покрытія стоимости необходимыхъ построекъ. Въ результатѣ получается то, что крупныя фермы уменьшаются путемъ сокращенія (contraction): воздѣлываніе наиболѣе отдаленныхъ отъ мѣста жилья участковъ оставляется, и обрабатываемая площадь фермы соотвѣтственно сокращается“.

---

[1]) „Все говоритъ въ пользу значительнаго уменьшенія въ размѣрахъ хозяйствъ и болѣе тѣсныхъ отношеній между трудомъ и землею. Капиталъ въ формѣ денегъ извлекается изъ земли; крупные фермеры становятся рѣдки, крупныя фермы съ трудомъ находятъ арендаторовъ“ и т. д. (Prothero, l. c. 226).

[2]) Жалобы этого рода были слышны уже въ 1882 году. Такъ напримѣръ: въ отчетѣ Little'a о южныхъ графствахъ (Девонъ, Корнволлъ, Дорсетъ и Соммерсетъ) читаемъ: „хотя среди самихъ фермеровъ почти всеобщимъ мнѣніемъ является то, что мелкіе фермеры обладаютъ меньшей устойчивостью нежели крупные, но земельные собственники и ихъ агенты, напротивъ, выражаютъ то мнѣніе, что фермы стали слишкомъ велики и что многіе берутся за большее дѣло, чѣмъ они могутъ справиться, и что поэтому арендаторы большихъ фермъ хозяйничаютъ менѣе успѣшно, чѣмъ другіе. Но эти мнѣнія отчасти объясняются и тѣмъ фактомъ, что въ настоящее время находится по нѣскольку лицъ, желающихъ снять среднія и мелкія фермы, тогда какъ если освобождается крупная ферма, находится немного такихъ, кто имѣетъ достаточный капиталъ и охоту вложить его въ земледѣліе“. (Rep. by Little. 1882. Стр. 44).

[3]) Rep. by Fream etc., 10.

Henry Rew говоритъ [1]) о Девонѣ: „у части землевладѣльцевъ замѣтна нѣкоторая тенденція по возможности дѣлить фермы, и лишь затраты, неизбѣжныя при такомъ дѣленіи, вѣроятно, мѣшаютъ этой тенденціи обнаружиться въ большей степени. Тамъ, гдѣ фермы, какъ это нерѣдко встрѣчается, консолидированы лишь 20—30 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время представляется удобный случай подѣлить ихъ снова. Здѣсь существуетъ большій спросъ на мелкія фермы, и землевладѣльцы склонны оказывать предпочтеніе мелкимъ фермерамъ, которые работаютъ сами; по крайней мѣрѣ таково было мнѣніе, выраженное мнѣ опытнымъ агентомъ, завѣдовавшимъ крупнымъ имѣніемъ“.

Въ отчетѣ Austin Spencer объ Vally of Aylesbury и Герефордѣ читаемъ: „здѣсь существуетъ полное единогласіе мнѣній между земельными агентами, что мелкія фермы много легче сдать въ аренду нежели крупныя. Въ Герефордѣ одинъ агентъ сказалъ, что въ теченіе своихъ занятій онъ получалъ много предложеній относительно фермъ отъ 100 до 200 акровъ, но не получилъ ни одного, ни на какихъ условіяхъ относительно фермъ размѣромъ въ 300 или 400 акровъ. Такимъ образомъ, было установлено, что было бы очень желательно раздроблять крупныя фермы, если имѣется капиталъ для сооруженія новыхъ зданій“. [3]).

Впечатлѣніе, получаемое отъ этихъ отрывочныхъ показаній,

---

[1]) Rep. by Rew etc., 16.

[2]) Rep. by Austin Spencer on the Vally of Aylesbury and the County of Hereford. 1895. Стр. 16.

[3]) Свидѣтель Ross изъ Россшайра (Шотландія) далъ предъ коммиссіей о мелкихъ хозяйствахъ слѣдующее показаніе: Qu. 8726. Первоначально замѣчался процессъ консолидаціи фермъ, что вызывалось слѣдующими соображеніями. „Прежде всего, для крупныхъ фермъ требуется меньше зданій; фермеры, если они не имѣютъ права требовать чего-либо за свои прочныя улучшенія, конечно, не станутъ строить, лэндлордъ же, которому предстоитъ строить, разсуждаетъ такъ, что чѣмъ меньше онъ затратитъ на постройки, тѣмъ лучше, и потому, онъ стремится къ консолидаціи. 8277. Процессъ консолидаціи шелъ непрерывно и пріостановился 10—20 лѣтъ тому назадъ, когда началась земледѣльческая депрессія. Несмотря на весьма значительный спросъ на меньшія фермы, лэндлорды предпочли бы консолидировать, разъ только имѣлась бы къ тому возможность. Но съ тѣхъ поръ, какъ началась аграрная депрессія, лэндлорды находятъ, что фермеры не имѣютъ достаточныхъ средствъ для крупнаго хозяйства, и процессъ консолидаціи поэтому пріостановился“. (Report from the Select Committee on Small Holdings. Minutes of evidence. 1889).

подтверждается данными статистики относительно размѣровъ хозяйствъ въ Англіи. Сравненіе данныхъ 1880 и 1885 годовъ [1]) обнаруживаетъ весьма слабыя, почти неуловимыя перемѣны въ относительныхъ размѣрахъ каждой изъ категорій хозяйствъ, что и понятно въ виду незначительности сравниваемаго періода времени.

Размѣръ хозяйствъ.	1880 Число хозяйствъ.	1880 %	1885 Число хозяйствъ.	1885 %	1880 Площадь въ акрахъ.	1885 Площадь въ акрахъ.
До 50 акр. . . .	295,313	71	294,726	71	3,528,840	3,558,557
50—100 акр. . .	44,602	11	44,893	11	3,233,053	3,285,350
100—300 „ . .	58,677	14	59,180	14	10,197,913	10,285,988
300—500 „ . .	11,677	3	11,452	3	4,359,794	4,328,722
500—1000 „ . .	4,095	1	4,131	1	2,654,360	2,697,794
Выше 1000 акр. .	500	—	565	—	637,311	735,138
Всего . . .	414,804	100	414,950	100	24,611,277	24,891,539

Небольшой приростъ площади, который обнаруживаютъ почти всѣ группы (кромѣ одной, отъ 300 до 500 акровъ), объясняется увеличеніемъ культивируемой площади; уменьшенія въ числѣ хозяйствъ нѣкоторыхъ группъ парализуются увеличеніемъ площади; въ общемъ можно сказать, что картина распредѣленія хозяйствъ въ 1880 и 1885 годахъ остается неизмѣнна. Болѣе опредѣленная тенденція въ сторону раздробленія фермъ замѣчается при сравненіи данныхъ 1885 и 1895 года. Вотъ эти данныя [2]).

---

[1]) Данныя за 1885 годъ заимствуемъ изъ Returns of the Number of Allotments and of Agricultural Holdings in Great Britain, obtained for the Agricultural Department etc. London. 1886.

[2]) Board of Agriculture. Returns as to the Number and Size of Agricultural Holdings in Great Britain in the year 1895. London. 1896. Чтобы сдѣлать данныя 1885 и 1895 года сравнимыми, пришлось взять нѣсколько иную группировку.

Размѣръ хозяйствъ.	Число хозяйствъ абсолютно.		% каждаго класса.		Площадь въ акрахъ абсолютно.		% каждаго класса.	
	1885	1895	1885	1895	1885	1895	1885	1895
Отъ 5 до 20 акр.	109,285	108,145	37,60	36,89	1,219,663	1,210,716	4,96	4,93
20—50 акр.	61,146	62,446	21,04	21,30	2,042,370	2,077,953	8,30	8,45
50—100 „	44,893	46,574	15,45	15,89	3,285,350	3,403,761	13,36	13,85
100—300 „	59,680	60,381	20,36	20,60	10,285,988	10,434,138	41,82	42,45
300—500 „	11,452	11,112	3,94	3,79	4,328,722	4,188,651	17,60	67,04
500—1000 „	4,131	3,942	1,42	1,35	2,697,794	2,570,684	10,97	10,46
1000 и выше	565	524	0,19	1,018	735,138	693,517	2,99	2,82
Всего . .	290,652	293,124	100	100	24,595,025	24,579,420	100	100

Здѣсь очевидно выступаетъ и относительное и абсолютное усиленіе среднихъ группъ, хозяйствъ отъ 50 до 100 и отъ 100 до 300 акровъ, и, напротивъ того, явственно убываютъ крайнія группы, менѣе 20 акровъ и свыше 300.

Возможно, что не безъ вліянія на этотъ процессъ оказалось увеличеніе постоянныхъ пастбищъ на счетъ пахатныхъ земель. Статистика показываетъ, что наибольшее распространеніе постоянныя пастбища имѣютъ именно въ среднихъ хозяйствахъ; сопоставленіе данныхъ о числѣ и размѣрахъ хозяйствъ въ связи съ измѣненіями распредѣленія общей площади на пастбища и пашню подтверждаетъ наше предположеніе [1]).

---

[1])

Размѣръ хозяйствъ.	Число хозяйствъ состоящихъ изъ						Площадь			
	постоянныхъ пастбищъ.		пахатной земли.		смѣшанныхъ		пастбищъ.		пахатной земли.	
	1885	1895	1885	1895	1885	1895	1885	1895	1885	1895
1—5 акр.	58,694	51,178	25,291	17,384	19,244	18,493	200,825	193,973	05,701	71,295
5—20 »	54,559	56,528	14,217	10,659	40,509	40,958	875,059	911,565	344,604	299,151
20—50 »	18,664	20,940	4,730	3,431	37,752	38,075	1,280,284	1,385,639	62,086	692,314
50—100 »	6,402	7,558	1,779	1,372	36,712	37,644	1,775,467	1,957,646	1,509,883	1,446,115
100—300 »	3,487	4,109	1,007	710	54,686	55,562	4,936,140	1,433,810	5,349,748	5,000,328
300—500 »	366	453	83	53	11,002	10,606	1,838,911	1,964,509	2,489,811	2,224,142
500—1000 »	111	135	27	11	3,923	3,796	1,032,957	1,078,035	1,664,837	1,492,649
Выше 1000 »	14	15	—	—	551	509	309,806	319,670	425,332	373,847

Заслуживаетъ упоминанія, что въ разсматриваемую эпоху продолжалось, хотя и очень медленно, увеличеніе арендаторскаго хозяйства на счетъ хозяйства на собственной землѣ, какъ это иллюстрируется слѣдующими цифрами: въ 1888 году въ Англіи воздѣлывалось арендаторами 20,297 тысячъ акровъ, а собственниками — 3,968, въ 1898 году уже 21,163 арендаторами и 3,595 собственниками,—убыль въ 13,9% [1]).

Остается еще интересный вопросъ,—о судьбѣ мелкихъ хозяйствъ въ эпоху кризиса. Хотя Англія является страной главнымъ образомъ среднихъ фермъ (средній размѣръ фермъ въ Англіи равенъ былъ въ 1895 году всего 65 акрамъ), но она имѣетъ довольно значительное количество и мелкихъ хозяйствъ. Если считать мелкимъ хозяйствомъ, вслѣдъ за Committee on Small Holdings, хозяйство, не превышающее 50 акровъ и не ниже 1 акра, то общее число такихъ хозяйствъ въ Англіи было въ 1895 году 257,646 (или 67,77% общаго числа), а площадь составляла 3.553,937 акровъ (14,20%) ко всей площади. Значительное большинство этихъ хозяйствъ ведется мелкими фермерами, а именно въ 1895 году на арендованной землѣ велось 210,437 хозяйствъ, на собственной—26,236 и смѣшаннаго характера—10,993; площадь арендуемой земли составляла 3.050,774 акровъ, обрабатываемой собственниками—503,163 акра. Выдѣлить отсюда садовыя, фруктовыя, огородныя, молочныя и т. д. хозяйства, составляющія, вѣроятно, немалую долю, у насъ нѣтъ возможности. Сравненіе данныхъ 1885 и 1895 года не обнаруживаетъ значительныхъ перемѣнъ. Нѣсколько уменьшилась группа мелкихъ хозяйствъ 1—5 акровъ съ 103,229 въ 1885 году до

Увеличеніе пастбищъ на счетъ пашни, естественно, обнаруживаютъ всѣ группы, но въ среднихъ группахъ оно гораздо значительнѣе какъ по числу хозяйствъ такъ и по количеству площади, нежели въ крайнихъ группахъ (убыль только въ группѣ мелкихъ хозяйствъ 1—5 акровъ)

[1]) Замѣчу кстати, что планъ этого сочиненіи не позволяетъ намъ останавливаться на арендномъ правѣ, составляющемъ интересную подробность англійскаго аграрнаго строя. Анкета 1894—6 годовъ много занимается „Agricultural Holdings Act“ и желательными измѣненіями въ урегулированіи отношеній лэндлордовъ и фермеровъ. Только полное игнорированіе существованія и возможности такого регулированія законодательнымъ путемъ могло дать возможность Каутскому повторять старый предразсудокъ, что система арендъ препятствуетъ затратѣ капитала на улучшенія со стороны фермера.

101,428 въ 1895 г., а соотвѣтственно измѣнилась и площадь, составлявшая въ 1895 году 286,526 акровъ, въ 1895 году— 279,641; но за то соразмѣрно увеличилась группа хозяйствъ отъ 5 до 50 акровъ, именно по числу хозяйствъ съ 170,431 въ 1885 году до 170,591 въ 1896 году, а по площади съ 3.262,033 акровъ въ 1885 году до 3.288,669 въ 1895 году; въ окончательномъ итогѣ вся группа хозяйствъ отъ 1 до 50 акровъ нѣсколько уменьшилась въ числѣ—съ 273,660 въ 1885 году до 272,019 въ 1895 г. и нѣсколько увеличилась въ площади, съ 3.548,559 до 3.568,310.

Протекшее десятилѣтіе смело, такимъ образомъ около 2,000 карликовыхъ хозяйствъ, но земля ихъ осталась въ той же группѣ и пошла на усиленіе другихъ хозяйствъ. Въ общемъ это измѣненіе для эпохи ломки аграрныхъ отношеній можно считать совершенно незначительнымъ, другія группы обнаруживаютъ за это время болѣе чувствительныя перемѣны.

Цифры не раскрываютъ, такимъ образомъ, драматическихъ страницъ пережитой за это время мелкими хозяйствами исторіи. Но онѣ раскрываются въ отчетахъ коммиссій, которые, почти безъ исключеній, съ удивительной настойчивостью утверждаютъ, что наиболѣе тяжело кризисъ легъ именно на мелкихъ хозяевъ. Въ интересахъ ясности ихъ слѣдуетъ раздѣлить на двѣ неравныя по размѣрамъ и очень различающіяся по экономическому характеру группы, мелкихъ собственниковъ и мелкихъ арендаторовъ.

Какъ мы видѣли на цифрахъ, лишь жалкіе остатки нѣкогда многочисленныхъ йоменовъ сохранились до нашего времени. Погромъ, бывшій результатомъ аграрнаго переворота, превратилъ огромное большинство ихъ, какъ мы уже знаемъ, въ наемныхъ рабочихъ [1]). Но все-таки нѣкоторая, хотя и небольшая часть

---

[1]) Совершенно фантастическую конструкцію создаетъ для объясненія происхожденія класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ и гибели уеотанту въ своей „Die Lage der arbeitenden Klassen in England“ Энгельсъ. „Тогда какъ промышленный пролетаріатъ развивался благодаря первой хотя и несовершенной машинѣ, таже машина дала поводъ и къ возникновенію земледѣльческаго пролетаріата. До сихъ поръ существовало большое количество мелкихъ земельныхъ собственниковъ, которые назывались йоменами и которые прозябали въ тихой и безсмысленной жизни, какъ и ихъ сосѣди, ткачи, занимавшіеся земледѣліемъ. Они воздѣлывали свой клочекъ земли небрежнымъ традиціоннымъ способомъ... Между ними были

ихъ была пощажена экспропріаціей (они встрѣчаются въ XIX вѣкѣ или подъ старымъ именемъ yeomen, или estatesmen на сѣверѣ Англіи, или просто freeholders). Затерянные среди крупныхъ землевладѣльцевъ, съ жадностью готовыхъ захватить ихъ участки, йомены были подвергнуты всѣмъ бурямъ и невзгодамъ, которыми такъ обильна была первая половина вѣка для земледѣлія. Колебанія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, бывшія результатомъ съ одной стороны войнъ, а съ другой таможенной борьбы промышленнаго капитала съ землевладѣніемъ, въ которой побѣда склонялась то на ту, то на другую сторону, тяжело ложились на ни въ чемъ не повинное йоменское хозяйство. Такъ намъ извѣстно, напр., что кризисъ 30-хъ годовъ подкосилъ существованіе многихъ йоменскихъ хозяйствъ; [1]) то же отмѣчается относительно Дерэмскихъ estatesmen въ Ch. Empl. Com.; вѣроятно, то же было послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Вообще въ теченіе средины *XIX* вѣка погибло много йоменскихъ хозяйствъ не съумѣвшихъ при-

---

фермеры, не въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, но люди, которые, или по договору, или по старой традиціи получивъ свой клочекъ земли отъ отцовъ и дѣдовъ, владѣли имъ какъ собственники. Теперь, такъ какъ промышленные рабочіе отвлекаются отъ земледѣлія, освобождается множество земельныхъ участковъ и на нихъ водворяется новый классъ крупныхъ арендаторовъ, которые снимаютъ сразу по 50, 100, 200 и болѣе моргеновъ... и, благодаря лучшей обработкѣ земли, умѣли поднять доходность этихъ участковъ. Они могли продавать свои продукты дешевле, чѣмъ мелкіе йомены, и имъ осталось лишь, такъ какъ ихъ участки уже болѣе ихъ не прокармливали, ихъ продать и купить дженни или ткацкій станокъ или же превратиться въ поденщика, сельскаго пролетарія у крупнаго фермера“ (Die Lage etc. стр. 5 по изд. 1892 г.). Наивность этого объясненія, вполнѣ понятная для молодого автора 1845 года, не заслуживала бы, конечно, особаго замѣчанія, еслибы авторъ не санкціонировалъ, такъ сказать, этихъ воззрѣній въ 1892 году, когда вышло новое изданіе книги, въ которомъ онъ отмѣчалъ примѣчаніями или какъ-нибудь иначе мѣста устарѣвшія, причемъ, однако, настоящее мѣсто осталось неотмѣченнымъ. Между тѣмъ, никто иной какъ Марксъ въ I томѣ *Капитала* показалъ всю ошибочность подобныхъ воззрѣній, не говоря уже о цѣломъ рядѣ другихъ историческихъ изслѣдованій.

[1]) Въ Report on Agriculture 1833 читаемъ по этому поводу: „въ графствахъ Англіи, гдѣ изобиловали йомены, обрабатывающіе свои собственныя имѣнія, въ новѣйшее время произошла значительная перемѣна собственности“ и т. д. стр. IX. Гасбахъ на основаніи этого мѣста ошибочно заключаетъ, что въ это время „die alte yeomanry zu Grunde ging“ (l. c, 186, Note). Этого нельзя сказать даже относительно настоящаго времени.

способиться къ новымъ условіямъ, земля же была присоединена къ крупному землевладѣнію.

Особыя условія англійской жизни создали въ *XIX* вѣкѣ совершенно исключительный спросъ на земельную собственность. Съ одной стороны, какъ мы знаемъ, земля была источникомъ политическихъ правъ, къ которымъ такъ стремился классъ денежныхъ капиталистовъ; съ другой, благодаря особенностямъ земельнаго права, земли крупныхъ землевладѣльцевъ фактически были исключены отъ продажи, и земля мелкихъ собственниковъ составляла почти единственный фондъ земли, обращавшейся на рынкѣ. При такомъ условіи цѣна земли поднималась выше своего естественнаго уровня, что давало возможность не только пріобрѣтать земли разорившихся хозяевъ, но побуждало къ отчужденію земли даже достаточныхъ хозяевъ, которые, получивъ деньги, отправлялись въ города, гдѣ могли найти многочисленныя помѣщенія для своего капитала.

Вліяніе такого не-экономическаго спроса на земли хорошо выяснено Rae. „Практика энтайлированія земли исключала съ рынка весьма большое ея количество, а съ ростомъ торговли, мануфактуры, колоній накопилось безпримѣрно большое количество капитала въ нашей странѣ, и этимъ было создано большое количество крупныхъ состояній, жаждущихъ помѣщенія въ землю. Спросъ на землю страшно возросъ, между тѣмъ какъ въ то же самое время предложеніе было искусственно сокращаемо... Для людей богатыхъ земля не является уже орудіемъ производства, но предметомъ потребленія; это — предметъ роскоши. То, что покупается съ землей, вовсе не есть сельскохозяйственная площадь, но соціальное значеніе, и пока соціальное значеніе связано исключительно съ земельной собственностью, и число лицъ, способныхъ уплатить премію для того, чтобы ея добиться, продолжаетъ расти, дѣйствительный земледѣлецъ будетъ всегда оставаться въ проигрышѣ при этомъ соревнованіи“ [1]).

---

[1]) *Rae.* Why have the yeomanry perished? (Contemporary Review, 1883, vol. XLIV, 554, 561). Ср. также слѣдующее сужденіе Бродрика: „йомены продаютъ свои имѣнія или потому, что они разорились пьянствомъ или непредусмотрительностью, или потому, что находятъ, что, обративъ ихъ въ деньги, они много выиграютъ какъ увеличеніемъ дохода, такъ и въ надеждахъ на будущее. Дворянинъ или сквайръ покупаетъ землю по цѣнамъ, которыя не соотвѣтствуютъ доходности ея (not commercially remu-

До эпохи аграрнаго кризиса уцѣлѣло такимъ образомъ, незначительное количество йоменовъ. Тѣ самыя условія, которыя поднимали цѣну на землю въ предшествовавшую эпоху, — земледѣльческое процвѣтаніе, внѣземледѣльческій спросъ на землю, теперь, въ эпоху паденія цѣнъ на земледѣльческіе продукты и земельной ренты, оказались условіемъ гибели йоменовъ. Многіе изъ нихъ наложили гипотечные долги на свои имѣнія, иные, хотя количество такихъ не могло быть значительно, пріобрѣли вновь эти имѣнія съ наложеніемъ долга. Если даже долгъ этотъ былъ не высокъ для эпохи благополучія, онъ долженъ былъ неизбѣжно оказаться мертвой петлей въ эпоху кризиса и повлечь за собою

---

nerative), или для того, чтобы помѣшать застроить ее зданіями, или потому, что она особенно нужна для его сельскохозяйственныхъ плановъ, или потому, что онъ нуждается въ расширеніи своего вліянія въ графствѣ; по той или иной причинѣ она дороже для него, чѣмъ для всякаго другого. Относительно нѣкоторыхъ частей этой страны извѣстно, что тамъ въ высшей степени безполезно пытаться дать высшую цѣну, чѣмъ даетъ крупный лордъ этого округа; его агентамъ предписано покупать всю продажную земельную собственность въ этомъ округѣ за какую бы то ни было цѣну. Въ другихъ частяхъ страны люди, пріобрѣвшіе свои имущества торговлей, также алчны на землю, которая является для нихъ единственнымъ вѣрнымъ паспортомъ для достиженія соціальнаго значенія, а затѣмъ тоже стремятся энтайлировать эту землю“ (Systems of Land Tenure in various Countries. Ed. by Cobden Club. 1881. *Brodrick.* The law and custom of primogeniture, 109—10). Предъ коммиссіей о мелкихъ хозяйствахъ Collings показалъ: 22. „Въ теченіе коммерческаго благополучія и вообще хорошаго времени, а также въ тѣ времена, когда существовалъ большой спросъ на земли ради соціальныхъ и политическихъ правъ, связанныхъ съ нею, крупными землевладѣльцами и капиталистами предлагались цѣны, которымъ не могли противостоять мелкіе собственники, они продавали землю, и такимъ образомъ изчезло великое множество собственниковъ.“ Свидѣтель приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ письма къ нему отъ главы большой фирмы землемѣровъ: „имѣніе съ 50,000 £ годового дохода образовалось путемъ такихъ покупокъ всецѣло на моей памяти; за послѣдніе 50 лѣтъ земля фактически стала предметомъ роскоши, которую можетъ позволить себѣ только богатый человѣкъ“ (Rep. from the select committee on small holdings. Minutes of evidence. 1889). Извѣстный намъ Druce, допрошенный предъ той же коммиссіей, показалъ, что причина уменьшенія числа мелкихъ собственниковъ въ томъ, что „прибыль, получаемая отъ помѣщенія капитала въ промышленности, значительно больше, чѣмъ въ земледѣліи; лица, владѣвшія землей и могшія выручить за нее небольшой капиталъ, продавали свою собственность и вырученный капиталъ помѣщали въ промышленности“ и т. д. (Qu. 7414 слл.).

гибель мелкаго собственника (какъ мы знаемъ, бремени старой задолженности не выдерживали въ это время даже крупные лэндлорды). Мы имѣемъ свидѣтельства о тяжеломъ положеніи задолженныхъ йоменовъ уже въ изслѣдованіи 1881—2 гг. [1]), но особенно настойчивы и многочисленны они въ 90-хъ годахъ. Приведемъ для характеристики нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ.

H. Pringlie въ отчетѣ о мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Jsle of Axholm, свидѣтельствуетъ, что „тяжело задолженные собственники (freeholders) наиболѣе пострадали. Ихъ положеніе очень тягостно, мѣстами безнадежно“ [2]). W. Fox даетъ слѣдующую характеристику мелкихъ хозяйствъ въ остальномъ Линкольншайрѣ (кромѣ острова Эксгольма): „положеніе мелкихъ хозяевъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ является неудовлетворительнымъ, а отчасти даже прискорбнымъ. Мелкимъ хозяиномъ (small holder) я считаю того, кто живетъ исключительно земледѣліемъ и не пользуется стороннимъ трудомъ. Вообще говоря, размѣръ такихъ владѣній колеблется отъ 40 до 80 акровъ. Мелкіе собственники могутъ быть раздѣлены на два класса,—одни, у которыхъ земля не заложена, и другіе, у которыхъ заложена. Значительное большинство ихъ принадлежитъ къ этому послѣднему классу и состоитъ изъ лицъ, которые купили сполна или отчасти землю въ лучшія времена, нерѣдко наложивъ въ видѣ гипотеки 60%, 70% и даже 80% покупной цѣны и притомъ во многихъ случаяхъ за $4^1/_2$% или $5^1/_2$%, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже за 6%. Впрочемъ, нѣкоторые унаслѣдовали свои имѣнія съ стариннымъ долгомъ на нихъ или съ обязательствомъ уплаты другимъ членамъ семьи, которые признаются имѣющими права на эту собственность... Они платили обыкновенно отъ 80 £ до 120 £ съ акра до 1878 или 1879 года, и до этого времени считались благополучными и помѣстившими свой капиталъ надежно. Какъ правило, такія лица оперировали съ едва достаточнымъ капиталомъ и примѣняли всѣ свои разсчеты къ рыночнымъ цѣнамъ. Въ лучшія времена, предшествовавшія 1879, даже уплачивая проценты въ размѣрѣ 4 £ или 5 £ съ акра, многіе

---

[1]) См. свидѣтельство Colemann'a объ estatesmen въ Durham, Druce о Линкольншайрѣ, Doyle объ Уэльсѣ (Mr. Doyle's Report on Wales. 1882). Отчетъ Дойля проникнутъ недоброжелательнымъ отношеніемъ къ мелкимъ хозяевамъ и содержитъ ошибочныя и пристрастныя сужденія.

[2]) Rep. by Hunter Pringlie on Isle of Axholm, 19.

изъ нихъ благоденствовали и были способны расширять свое хозяйство, но тѣ, которые купили землю около 1878 и начали хозяйничать безъ достаточнаго капитала, оказались лицомъ къ лицу съ постояннымъ паденіемъ цѣнъ, съ рядомъ неблагопріятныхъ дождливыхъ лѣтъ и съ необходимостью платить проценты, значительно превышавшіе ренту, которую платили за подобную землю кругомъ... Земельная собственность оказалась при такихъ условіяхъ причиной погибели для сотенъ изъ нихъ, а у другихъ лежитъ теперь какъ жерновъ на шеѣ. И если настоящія цѣны продолжатся, то многіе должны еще погибнуть, потерявъ при этомъ сбереженія всей своей жизни".

Между тѣмъ какъ положеніе этого класса ухудшилось, положеніе рабочаго класса, какъ мы знаемъ, въ разсматриваемую эпоху значительно улучшилось. Неудивительно, если сравненіе положенія того и другого класса оказывается не въ пользу мелкихъ собственниковъ. „Дома ихъ хуже среднихъ коттэджей рабочихъ. Нѣкоторые изъ нихъ очень плохи. Работа всѣхъ ихъ удивительно тяжела и значительно продолжительнѣе, чѣмъ рабочихъ, причемъ многіе изъ нихъ говорятъ, что они не находятся въ столь выгодномъ матеріальномъ положеніи, какъ послѣдніе, что они живутъ не такъ хорошо и рѣдко ѣдятъ свѣжее мясо. Многіе изъ нихъ платятъ по 3—4 фунта ст. съ акра процентовъ за гипотечный долгъ, а нѣкоторые 5 £. Сыновья и дочери большинства ихъ работаютъ лишь за пищу и одежду" [1]).

Тотъ же W. Fox пишетъ о Кэмбриджшайрѣ: „вліяніе депрессіи на фермеровъ было весьма опустошительно. Йомены, обремененные гипотеками, погибли первые, и изъ остальныхъ многіе понесли несомнѣнно тяжелый ущербъ. Въ различныхъ округахъ я получалъ свидѣтельства отъ частныхъ лицъ и однажды отъ

---

[1]) Rep. by W. Fox on the county of Lincolnshire. 1895. Стр. 66—7. Докладчикъ добавляетъ: „къ несчастью, многое изъ того, что я сказалъ относительно упадка мелкихъ собственниковъ, приложимо и къ мелкимъ фермерамъ, но, хотя многіе изъ нихъ разорились, а многіе находятся въ весьма печальномъ положеніи, однако положеніе ихъ въ общемъ лучше положенія собственниковъ. Такимъ образомъ, будущее мелкихъ фермеровъ свѣтлѣе, чѣмъ собственниковъ, потому что ихъ рента, какъ правило, меньше съ акра, чѣмъ процентъ, платимый собственникомъ. Кромѣ того, фермеры могутъ оставить ферму, когда найдутъ, что они теряютъ на ней деньги, какъ бы убыточно ни было это, или они могутъ платить часть ея, и это сократитъ ихъ издержки и рискъ". (ib. 74).

джентльмена, по своему положенію знакомому съ дѣломъ, что всѣ йомены здѣсь обременены тяжелыми ипотечными долгами... Лица, находящіеся въ такомъ положеніи, не рѣшаются оставить хозяйство, потому что продажа скота и мертваго инвентаря при теперешнихъ цѣнахъ потребовала бы разорительныхъ жертвъ. Далѣе, чтобы раздѣлаться съ фермой, нужно расплатиться съ кредиторами, что, говорятъ, во многихъ случаяхъ они не въ состояніи сдѣлать. Я не разъ слышалъ утвержденія такого рода, что „половина графства обрабатывается въ пользу банкировъ“ и, хотя я не могу подтвердить это прямыми показаніями, но могу утверждать съ нѣкоторой увѣренностью, что въ этомъ много истины“ [1]).

Henry Rew сообщаетъ относительно Норфолька: „я приходилъ въ соприкосновеніе со многими йоменами разнаго рода и мнѣ казалось, что почти безъ исключеній всѣ они живутъ подъ тяжестью ипотечной задолженности. Многіе признаютъ это, а тѣ, которые менѣе общительны, выдаютъ это въ своихъ показаніяхъ. Надъ значительною частью Норфолька ипотеки тяготѣютъ какъ жерновъ на шеѣ всѣхъ классовъ собственниковъ. Вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ земля, еслибы была продана теперь, не оплатила бы долговъ. Положеніе собственника въ такихъ случаяхъ ужасно во всѣхъ слояхъ; но съ наибольшей силою это проявляется на судьбѣ мелкихъ борющихся йоменовъ“ [2]).

W. Fox сообщаетъ относительно Кумберлэнда: „я долженъ сообщить относительно положенія собственниковъ или „statesman“, какъ они здѣсь называются, что этотъ классъ постепенно уменьшается въ числѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, и положеніе нѣкоторыхъ его членовъ хуже, чѣмъ фермеровъ, благодаря, главнымъ образомъ, ипотечному бремени, наложенному ими или ихъ предшественниками на земли. Затруднительно сказать, насколько значительна доля тѣхъ, которые задолжены до такой степени, что платятъ въ формѣ процентовъ больше нежели сосѣдніе фермеры въ формѣ ренты. Я склоненъ думать, что, вообще говоря, „statesman“ находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ фермеры, особенно же въ томъ случаѣ, если надъ ними тяготѣютъ фамильные долги“ [3]) [4]).

---

[1]) Rep. by Wilson Fox on the County of Cambridge. 1895. Стр. 39.

[2]) Rep. by Henry Rew on the County on Norfolk. 1895. Стр. 36.

[3]) Rep. by W. Fox on Cumberland. 1895, стр. 32.

[4]) Въ отчетѣ Эдварда Вилькинсона, изслѣдовавшаго положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Дербишайрѣ, Линкольншайрѣ, Стаффорд-

Если погибель йоменовъ объясняется, главнымъ образомъ, ипотечной задолженностью, ведущей свое происхожденіе изъ лучшихъ временъ англійскаго земледѣлія и оказавшейся разорительной въ тяжелую эпоху кризиса, то гибель мелкихъ фермеровъ, ведущихъ хозяйство не на собственной, а на наемной землѣ, объясняется недостаточной силой сопротивленія, которое они могли оказать опустошительному урагану, пронесшемуся надъ сельскимъ хозяйствомъ Англіи; естественно, что, когда разорялись даже крупныя фермы съ большими капиталами, способныя долгое время хозяйничать въ убытокъ, на счетъ капитала, мелкіе фермеры, конечно, не имѣвшіе такихъ запасовъ, разорялись первые. Приведемъ нѣсколько показаній для характеристики тяжелаго положенія мелкихъ фермеровъ.

W. Fox въ отчетѣ о Нортумберландѣ [1]) говоритъ: „многіе мелкіе фермеры, работавшіе недавно въ качествѣ слугъ на фермѣ, говорятъ, что быть мелкимъ фермеромъ въ настоящее время не болѣе выгодно, если еще равно по выгодности работѣ по найму и требуетъ болѣе тяжелаго труда, но они дорожатъ свободой и тѣми перспективами (freedom and speculation), которыя открываются при собственномъ хозяйствѣ“ [2]).

шайрѣ и Йоркшайрѣ (N. E. and W. Riding) читаемъ (Part IV, 19—11): „я не могу по совѣсти сказать, чтобы я считалъ положеніе мелкихъ хозяевъ завиднымъ. Работа ихъ страшно тяжела и они экономятъ во всемъ такъ, какъ это дѣлаютъ лишь немногіе рабочіе. Говорятъ, что многіе находятся въ долгу, и я не думаю, чтобы многіе теперь дѣйствительно процвѣтали. Паденіе на 1 £ цѣны квартера пшеницы измѣняетъ положеніе семьи, самостоятельно воздѣлывающей свою землю и жившей весьма обильно, отъ удовлетворительнаго комфорта до бѣдности. Большинство изъ нихъ сводитъ концы съ концами въ значительной мѣрѣ благодаря случайной работѣ, если они, конечно, могутъ отлучаться съ своей земли. Вспахиваніе полевыхъ огородовъ, перевозка угля и песку, а въ нѣкоторыхъ частяхъ строевого лѣса, вотъ нѣкоторые изъ видовъ работъ, на которыя они всегда готовы. Дѣйствительно, мелкіе хозяева часто очень безпокоются найти работу для своихъ лошадей, чтобы послѣднія сами себя прокармливали. Во многихъ случаяхъ они черезчуръ даже радуются, если выпадетъ случайно новая работа у сосѣдняго фермера. Поэтому кажется, что, какъ правило, мелкіе хозяева не пользуются большимъ благополучіемъ, и если они живутъ иногда довольно комфортабельно, то это скорѣе благодаря работѣ помимо своего хозяйства, нежели благодаря этому послѣднему“.

[1]) Rep. by Mr. Arthur Wilson Fox (Assistant Commissioner) upon the Glendale District of Northumberland, стр. 83.

[2]) Относительно Нортумберланда, гдѣ положеніе сельскохозяйствен-

Въ отчетѣ того же Фокса о Суффолькѣ читаемъ: „здѣсь выражается общее мнѣніе, что мелкіе фермеры (впрочемъ, немногочисленные) пострадали отъ депрессіи больше нежели крупные. Это не значитъ, чтобы мелкіе фермеры потеряли больше денегъ; относительно они потеряли меньше, такъ какъ во многихъ случаяхъ имъ было мало что терять; но благодаря недостатку капитала они скорѣе сокращаютъ издержки на своихъ фермахъ, нежели крупные фермеры“ [1]).

Въ отчетѣ H. Pringlie объ южномъ Дёрэмѣ и Йоркшайрѣ читаемъ: „мелкіе фермеры, ведущіе молочное хозяйство или занимающіе подгородную землю, еще справляются до тѣхъ поръ, пока пользуются неоплаченнымъ трудомъ членовъ семьи. Но съ того момента, когда дѣти уходятъ и появляется наемный рабочій, прибыль изчезаетъ. Глава крупной банковой фирмы увѣрялъ меня, что еслибы не помощь, которую они оказываютъ мелкимъ фермерамъ, рента едва ли могла бы быть уплачена за послѣдніе 4—5 лѣтъ“ [2]).

Въ отчетѣ того же H. Pringlie относительно графствъ Бедфорда, Гёндигдона и Нортгамптона читаемъ: „существуютъ крупныя хозяйства, которыя ведутся плохо и страдаютъ недостаткомъ капитала, и мелкія, которыя ведутся хорошо и имѣютъ достаточный капиталъ, но, разсматривая три эти графства въ цѣломъ, крупныя хозяйства обнаруживаютъ гораздо менѣе признаковъ депрессіи нежели мелкія. Не только капиталъ мелкихъ фермъ ниже по качеству, но большая часть его фактически не принадлежитъ фермеру, будучи взята взаймы“ [3]).

наго рабочаго, какъ знаетъ читатель, всегда было хорошо, ср. слѣдующее сужденіе: „матеріальное положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго въ Нортумберландѣ настолько удовлетворительно, что я не могъ бы назвать никого, кто бы, обладая здравымъ смысломъ, рѣшился сказать, что положеніе рабочаго можетъ быть улучшено превращеніемъ его изъ наемника въ крестьянина собственника. Его матеріальное положеніе, сравнительно съ положеніемъ мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ весьма мелкихъ фермъ, чрезвычайно хорошо“. (*A. Grey.* The profit-sharing in agriculture, J. R. A. S. 1891, стр. 772).

[1]) Rep. by W. Fox on the County of Suffolk, 58.

[2]) Rep. by H. Pringlie on South Durham and selected districts of the North and East Ridings of Yorkshire. Стр. 27.

[3]) Rep. by Pringlie on the Counties of Bedford, Huntingdon and Northhampton. 1895. Стр. 37. Здѣсь также указывается на безплатность труда членовъ семьи, какъ необходимое условіе преуспѣянія мелкаго хозяйства.

Интересно слѣдующее свидѣтельство Фокса о Кэмбриджшайрѣ: „показанія о томъ, какого размѣра фермы наиболѣе пострадали отъ депрессіи, иногда противорѣчивы, но большинство ихъ склоняется однако къ тому, что крупныя или среднихъ размѣровъ фермы на довольно хорошей почвѣ, если фермеры обладаютъ достаточнымъ капиталомъ, пострадали наименѣе. Однако существуютъ округа въ Кэмбриджшайрѣ, въ Фенѣ, которые весьма удобны для мелкихъ фермъ,—земля хороша и легко воздѣлываема и можетъ производить торговыя растенія и фрукты. Въ частности, тамъ, гдѣ такіе округа находятся вблизи отъ рынковъ, встрѣчаются лица, положеніе которыхъ можетъ считаться удовлетворительнымъ. Но такіе случаи не составляютъ общаго правила, и, вообще говоря, мелкіе фермеры часто погибаютъ или ведутъ вмѣстѣ съ своими семьями жизнь, полную непрерывнаго труда и душевнаго безпокойства о томъ, чтобы добыть средства для существованія. Мелкій фермеръ не имѣетъ капитала, чтобы противустоять ряду неблагопріятныхъ лѣтъ, причиняющихъ постоянныя потери. Слишкомъ часто онъ и приступаетъ къ веденію хозяйства съ недостаточнымъ капиталомъ, нерѣдко взятымъ въ долгъ“ [1]).

H. Rew свидѣтельствуетъ о Норфолькѣ: „не существуетъ сомнѣнія, что многіе мелкіе фермеры ощущаютъ депрессію также тяжело, какъ и крупные. Однако, какъ правило, мелкіе фермеры удержали свою позицію благодаря особаго рода естественному отбору. Въ самомъ дѣлѣ, положенія этого достигали способнѣйшіе изъ рабочаго класса, и именно они способны къ самому энергичному веденію трудной борьбы. Что жизнь фермера, арендующаго 20—30 акровъ, полна непрерывнаго и неослабнаго труда, очевидно. Они живутъ, однако, съ своими семействами главнымъ образомъ продуктомъ своихъ фермъ, и если они еще въ состояніи продавать достаточно для того, чтобы оплатить ренту и налоги, они еще могутъ выдержать борбу. Паденіе цѣнъ означаетъ, можетъ быть, нѣкоторое пониженіе ихъ скромнаго standart of life, но это не касается дѣйствительныхъ средствъ существованія семьи. Они потребляютъ столь большое количество своего продукта сами, что для нихъ не представляетъ большой разницы, высоки или низки цѣны. Даже болѣе, что касается содержанія семьи, то теперь оно достается, вѣроятно, дешевле чѣмъ прежде. Что жизнь

---

[1]) Rep. by W. Fox on the County of Cambridge, стр. 42.

мелкаго фермера безконечно тяжеле, чѣмъ работника, едвали нужно и добавлять. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ рабочій работаетъ меньше, чѣмъ прежде, мелкій хозяинъ долженъ работать больше, чѣмъ когда-либо“ [1]) [2]).

Свидѣтельства съ рѣзко опредѣленнымъ мнѣніемъ о большей или меньшей выносливости и устойчивости разныхъ размѣровъ хозяйствъ имѣются, вообще говоря, въ меньшинствѣ случаевъ. Большинство же свидѣтельствъ отличаются неяснымъ и неопредѣленнымъ харктеромъ, причемъ нерѣшительность авторовъ объясняется, повидимому, дѣйствительной трудностью высказать опредѣленное мнѣніе.

Однако уже приведенныя мнѣнія устраняютъ всякую возможность сомнѣнія, что тяжесть кризиса легче переносится болѣе крупными и состоятельными фермерами нежели мелкими, т. е. что послѣдніе разоряются быстрѣе, чѣмъ первые, хотя разоряются, въ концѣ концовъ, и тѣ и другіе. Мы должны отнестись поэтому отрицательно къ особому мнѣнію трехъ членовъ коммиссіи (Shaw-Lefevre, Lord Rendel, Giffen), приложенному ими къ предварительному отчету, гдѣ особая суровость кризиса въ южныхъ и юговосточныхъ графствахъ, наряду съ другими причинами, приписывалась господству здѣсь крупныхъ хозяйствъ и сравнительному отсутствію мелкихъ [3]). Мы думаемъ, что распространен-

---

[1]) Rep. by H. Rew on the County of Norfolk, стр. 38. Ссылки на натурально хозяйственный характеръ мелкихъ фермъ, какъ въ этомъ свидѣтельствѣ, въ общемъ составляютъ исключеніе.

[2]) Свидѣтельства подобнаго же характера приходятъ и изъ Шотландіи. См. отчетъ James Hope o counties of Perth, Fife, Forfar and Aberdeen, стр. 14.

[3]) „Третья причина различія состоитъ въ сравнительномъ отсутствіи мелкихъ фермъ на востокѣ и югѣ Англіи, сравнительно съ прочими округами, исключая юго-востока Шотландіи. Свидѣтельскія показанія обнаруживаютъ предъ нами, что, какъ общее правило, арендаторы мелкихъ фермъ перенесли удары послѣднихъ лѣтъ лучше чѣмъ арендаторы крупныхъ. Они не испытывали такихъ затрудненій относительно наемнаго труда; они обрабатываютъ свои фермы сами, съ помощью своихъ семействъ, они прилагаютъ больше вниманія къ менѣе обширмому продукту своей фермы, они посвящаютъ себя болѣе молочному хозяйству, нежели производству зерновыхъ хлѣбовъ. Является общепризнаннымъ, что консолидація фермъ, происшедшая въ столь обширныхъ размѣрахъ на востокѣ и югѣ Англіи за послѣдніе 30 лѣтъ, предшествовавшіе депрессіи, оказалась неблагопріятна по своимъ результатамъ“. (Second Report etc. 1896, стр. 22).

ность мелкихъ хозяйствъ, ceteris paribus, сдѣлала бы вліяніе кризиса въ этихъ наиболѣе пострадавшихъ Corn Counties еще опустошительнѣе нежели теперь.

Итакъ, предъ нами картина общаго разоренія англійскаго земледѣлія—обезлюденія деревень, забрасыванья полей, скопленія въ городахъ населенія [1]). Естественно, что такое положеніе вещей тревожитъ умы всѣхъ мыслящихъ людей въ Англіи и заставляетъ искать средствъ помочь бѣдѣ. Замѣчательно, что одно средство, прежде всего напрашивающееся въ данномъ случаѣ, именно пошлины на хлѣбъ, считается безусловно непригоднымъ не только представителями промышленности и торговли, но даже и представителями земледѣлія. Для послѣднихъ очевидно, что мечтать о

---

[1]) Какъ это протуворѣчитъ тому, о чемъ мечталъ въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія Бруно Гильдебрандъ, который на вопросъ: „что сдѣлается съ фабричнымъ населеніемъ, потерявшимъ работу благодаря развитію машиннаго производства въ Англіи?“ отвѣчалъ такъ: „рабочее населеніе, которое за послѣднія 60 лѣтъ стремится изъ деревни на фабрику, будетъ втеченіе этого столѣтія, насколько не найдетъ подходящаго занятія въ ремеслѣ и торговлѣ, возвращаться къ земледѣлію. Мелкіе самостоятельные земледѣльцы заступятъ мѣсто крупныхъ землевладѣльцевъ. Обширные увеселительные парки, служащіе лишь удовольствію немногихъ семействъ, уменьшатся и отчасти превратятся въ плодоносную пашню. И на некультивированной до сихъ поръ почвѣ проведетъ плугъ свою борозду. Земледѣльческое населеніе придетъ снова въ равновѣсіе съ промышленнымъ. Англійская почва станетъ снова прокармливать англійское населеніе, и оно не только сдѣлается независимымъ отъ иностраннаго привоза хлѣба, но и внутренній рынокъ британскихъ фабрикатовъ увеличится; и изъ массы безземельныхъ рабочихъ образуется мало-помалу новый классъ землевладѣльцевъ, которые, воспитавшсь на фабрикѣ въ искусныхъ, крѣпкихъ волей людей, будутъ пользоваться машинами, съ которыми ихъ отцы враждовали, легко будутъ удовлетворять свои потребности въ фабрикатахъ и благодаря общему своему положенію будутъ въ состояніи достугнуть высшей духовной культуры“ (*Bruno Hildebrand.* Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunt. Frankfurt 1848. Стр. 238). Золотые сны! Они теперь составляютъ такой же предметъ мечтаній лучшихъ людей Англіи, какъ и болѣе полвѣка тому назадъ. Любопытно, что направленіе развитія англійскаго народнаго хозяйства тревожило еще Мальтуса и онъ ставилъ такой вопросъ: „является-ли для страны, имѣющей наиболѣе развитую промышленность, какую только знаетъ исторія, но вмѣстѣ имѣющей и земледѣліе, развитіе котораго, до извѣстной степени, соотвѣтствуетъ развитію индустріи, значительнымъ благомъ относительное увеличеніе промышленнаго и относительное уменьшеніе земледѣльческаго населенія?“ (Drei Schriften über Getreidezölle, 23).

возстановленіи хлѣбныхъ законовъ было бы самымъ безнадежнымъ утопизмомъ, который только можно себѣ представить (помимо того, что едва-ли можно ожидать отъ нихъ серьезной помощи). Затруднительное положеніе Англіи на міровомъ рынкѣ и очевидная зависимость всей національной жизни Англіи отъ промышленности и торговли возводятъ всякую попытку къ обремененію ихъ хлѣбными законами на степень національной опасности. Для всѣхъ ясно, что средство это совершенно непригодно.

Но это не уничтожетъ стремленій возстановить разрушенное земледѣліе другими мѣрами. Стремленіе остановить „тягу въ городъ“ объединяетъ и оба общества націонализаціи земли (Land Nationalisation и Land Restoration Society), и общество „Free Land“, и „Land Colonisation Society“, и вліятельные парламентскіе круги, и отдѣльныхъ выдающихся экономистовъ — назову, напр. хорошо извѣстнаго русской публикѣ Гобсона, члена парламента Jesse Collings, этого вѣрнаго друга сельскохозяйственныхъ рабочихъ и многихъ другихъ. Къ тому же, если до послѣдняго времени эмиграція изъ деревни въ города составляла условіе развитія англійской промышленности, поставляя для него контингентъ рабочей силы, теперь, когда положеніе Англіи на міровомъ рынкѣ становится всё затруднительнѣй, англійская промышленность уже не такъ легко поглащаетъ вновь прибывающихъ рабочихъ, благодаря чему усиливается безработица [1]).

---

[1]) Приведу для характеристики нѣсколько отзывовъ. Гобсонъ въ предисловіи къ сборнику: „Cooperative labour upon the Land“. London. 1895. IX, говоритъ: „совпаденіе двухъ феноменовъ—не обрабатываемой земли и не находящей приложенія рабочей силы необходимо ставитъ практическій вопросъ: „насколько возможно обратить этотъ излишній трудъ на пустующую или полувоздѣланную землю, такъ чтобы производительность возрасла, и работники эти жили съ комфортомъ и достаткомъ“? Такой способъ дѣйствій, еслибы онъ оказался осуществимымъ, достигъ бы трехъ цѣлей: онъ остановилъ бы дальнѣйшій упадокъ англійскаго земледѣлія и дальнѣйшее движеніе изъ англійскихъ деревень въ города; онъ возстановилъ бы болѣе здоровыя условія труда и жизни, въ особенности для тѣхъ, кто не можетъ найти себѣ занятія въ городѣ; наконецъ, онъ уменьшилъ бы возбуждающую тревогу зависимость отъ внѣшняго рынка относительно средствъ физическаго существованія“. (Ср. въ самомъ сборникѣ докладъ Burrows, стр. 13). Въ Observations appended to the Report of Royal Commission on Labour by Jesse Collings читаемъ: „много лѣтъ тому назадъ, когда мануфактуры наши развивались очень успѣшно, было возможно, что притокъ труда со стороны могъ быть поглощаемъ промышленными центрами

Средствомъ къ поднятію земледѣлія и удержанію земледѣльческаго населенія въ деревняхъ настойчиво указывалось созданіе класса, уничтоженнаго переворотомъ XVIII и первой половины XIX вѣка,—мелкаго крестьянства. Уступая давленію общественнаго мнѣнія, парламентъ назначилъ въ 1889 году „Select Committee on Small Holdings“, коммиссію, которая изслѣдовала бы вопросъ о мелкихъ хозяйствахъ. По обычаю, коммиссія вызвала свидѣтелей разныхъ общественныхъ состояній изъ разныхъ частей Великобританіи, — minutes of evidence ея нѣсколько напоминаютъ академическое обсужденіе столь популярнаго у насъ вопроса о преимуществахъ и недостаткахъ крупнаго и мелкаго хозяйства въ земледѣліи. Различаясь во мнѣніяхъ, „всѣ свидѣтели признаютъ, что существованіе многочисленнаго и достаточнаго крестьянства есть условіе національнаго здоровья и и что болѣе широкое распредѣленіе собственности на землю будетъ содѣйствовать прочности собственности и довольству населенія“. „Возможность улучшенія своего положенія для искусныхъ и прилежныхъ рабочихъ есть предметъ огромной соціальной важно-

---

съ выгодой для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Однако, за послѣдніе годы, когда торговля и мануфактуры находятся въ неподвижномъ состояніи, если не въ упадкѣ, повидимому, остается внѣ сомнѣнія, что обширное и непрерывное переселеніе сельскихъ рабочихъ въ города и другіе центры промышленности можетъ повести къ ненормальному и чрезмѣрному предложенію труда на общемъ рабочемъ рынкѣ. Сами иммигранты, приходя изъ округовъ, гдѣ условія жизни суровы и плата низка, могутъ улучшать свое индивидуальное положеніе, но они конкуррируютъ и вытѣсняютъ другихъ, и въ результатѣ количество безработныхъ вполнѣ или отчасти увеличивается въ населенныхъ округахъ“ (121). Вмѣстѣ съ тѣмъ земля не получаетъ достаточнаго количества труда, „land labour starved“, нельзя „to do justice to the land“. „Потому мнѣ представляется что всякія практическія мѣры возстановленія правильнаго отношенія между городомъ и деревней, между земледѣліемъ и прочими отраслями промышленности имѣютъ прямое отношеніе къ изслѣдованіямъ этой коммиссіи, и что востановленіе благосостоянія въ деревенскихъ округахъ есть наиболѣе надежное рѣшеніе даннаго вопроса“ (Ср. также его предисловіе къ *Green.* The rural industries in England). Въ отчетѣ коммиссіи Distress from want of employment. 1895 также указывается на эмиграцію изъ деревень какъ одну изъ причинъ безработицы въ городахъ и рекомендуются мѣры, задерживающія эту эмиграцію. На преходящей характеръ эмиграціи въ города указываетъ *Anderson Graham.* The rural exodus. London. 1892. Стр. 29 слѣд.). См. также *Moore.* Back to the land, содержаніе этой книги достаточно характеризуется заглавіемъ.

сти. Это есть главное средство, которое можетъ быть найдено противъ выселенія изъ деревни въ города, благодаря чему сельскіе округа постепенно обезлюживаются, а въ то же время обостряется конкурренція между рабочими въ промышленныхъ городахъ“ [1]). Коммиссія предначертала тѣ основанія, которыя должны, по ея мнѣнію, лечь въ основу законодательнаго содѣйствія образованію мелкихъ хозяйствъ, признаннаго коммиссіей совершенно необходимымъ. Въ 1892 году въ парламентѣ прошелъ законъ, такъ называемый Small Holdings Act, представляющій, до извѣстной степени, осуществленіе пожеланій коммиссіи и являющійся однимъ изъ любопытныхъ памятниковъ соціальнаго законодательства Англіи конца XIX вѣка. Цѣль „закона о мелкихъ хозяйствахъ“ была слѣдующимъ образомъ выражена въ рѣчи консервативнаго министра земледѣлія Chaplin'a, которой онъ сопровождалъ внесеніе билля въ палату общинъ. „Одна изъ главныхъ задачъ, которыя имѣются нами въ виду, есть болѣе широкое распредѣленіе земли между населеніемъ этой страны, возвращеніе его къ землѣ, если возможно, путемъ законодательныхъ мѣръ, возстановленіе того класса общества, который постепенно уменьшался въ теченіе многихъ лѣтъ и который въ настоящее время быстро изчезаетъ, но который, мы не должны этого забывать, существовалъ, и не только существовалъ, но и процвѣталъ въ прежніе дни въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ теперь; я убѣжденъ, что всѣ секціи палаты желали бы, если возможно, видѣть его возстановленнымъ. Я говорю о классѣ, который обыкновенно назывался йоменами или, другими словами, о собственникахъ мелкихъ земельныхъ участковъ“ [2]). Лицемѣрны или искренны эти слова министра, но въ

---

[1]) Report from the Select Committee on Small Holdings. 1890. Стр. iii. Коммиссія формулировала извѣстное старинное пожеланіе Дж. Ст. Милля, которое теперь находитъ гораздо больше сторонниковъ чѣмъ тогда. Напр., извѣстный намъ Little въ цитированномъ отчетѣ коммиссіи труда говоритъ: „я думаю, что средствомъ противъ вышепоименованныхъ золъ (эмиграціи изъ деревни и т. д.) является увеличеніе мелкихъ производителей, въ которыхъ превращались бы сельскохозяйственные рабочіе; они были бы способны производить нѣкоторые виды пищевыхъ продуктовъ, которые теперь въ столь огромномъ количествѣ вывозятся изъ-за границы“ (122). Ср. также *W. Bear.* A study on small holdings. Ed. by Cobden Club. London. 1893, стр. 93. *J. L. Green.* The old yeomen of England and small holdings in Land. London. 1892. стр. 5.

[2]) Hansard's Parliamentary Debates. 1892. I. 911—12.

первый разъ прозвучала такая рѣчь въ англійскомъ парламентѣ; контрастъ между началомъ и концомъ XIX вѣка, эпохой Enclosures Act'овъ и Small Holdings Act'a, разителенъ.

Small Holdings Act 1892 (55 and 56 Vict. Ch. 31) дѣло устроенія мелкихъ хозяйствъ, размѣры которыхъ опредѣлены при пріобрѣтеніи земли въ собственность отъ 1—50 акровъ, а при арендѣ отъ 1—15 акровъ, поручаетъ совѣтамъ графства, County Council, играющимъ столь крупную и въ общемъ благодѣтельную роль въ политической и общественной жизни современной Англіи. County Council дѣйствуетъ непосредственно или назначаетъ особую коммиссію, если сочтетъ нужнымъ примѣненіе этого акта, или по собственному почину, или на основаніи петиціи объ этомъ одного или нѣсколькихъ избирателей [1]). Участки съ цѣлью заведенія мелкихъ хозяйствъ могутъ быть продаваемы какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и кооперація̀мъ (amendment Джесси Коллинза). Покупатель долженъ уплатить непосредственно лишь $^1/_5$ цѣны, остальные $^4/_5$ ссужаетъ ему County Council, причемъ $^1/_4$ часть цѣны можетъ лечь на имѣніе вѣчной рентой (хотя и погасимой), остальныя же $^{11}/_{20}$ онъ долженъ уплатить въ теченіе 50 лѣтъ равными взносами или же частями капитала съ добавленіемъ процентовъ остающагося долга [2]). При этомъ County Council играетъ роль посредника, а не благотворительнаго учрежденія, почему цѣна должна быть расчитана такъ, чтобы не оставитъ его въ убыткѣ. Правительство открываетъ на этотъ предметъ кредитъ изъ 3%, причемъ долгъ этотъ долженъ быть погашенъ въ теченіе 50 лѣтъ и не считается входящимъ въ составъ долга графства. Платежи покупателей идутъ, конечно, на покрытіе долга. Въ извѣстныхъ случаяхъ County Council можетъ прибѣгнуть даже къ County Rate (налогу), но не выше одного пенса съ фунта. Прежде чѣмъ предоставить землю покупщикамъ или арендаторамъ, County

---

[1]) Въ составъ этой коммиссіи входятъ съ 1894 года два члена приходскаго совѣта (Parish Council) того прихода, въ которомъ находятся эти земли. Этимъ вносится вліяніе демократическихъ элементовъ, которые получили такую силу въ приходскихъ совѣтахъ съ закона 5 марта 1894 года.

[2]) Можетъ случиться, что арендаторъ какого-либо мелкаго участка хочетъ купить его, но у него не хватаетъ денегъ. County Council можетъ ссудить ему $^4/_5$ покупной цѣны и затѣмъ такой случай подлежитъ общему регулированію Small Holdings Act.

Council можетъ произвести нужныя меліораціи, построить зданія, домъ и т. д., если сочтетъ это цѣлесообразнымъ.

Предоставляя, такимъ образомъ, рядъ льготъ покупщику, законъ налагаетъ и весьма существенныя ограниченія на свободу пользованія этимъ участкомъ. § 9 закона опредѣляетъ: „Каждое мелкое хозяйство, купленное при помощи совѣта графства, должно втеченіе 20 лѣтъ со времени покупки и сверхъ 20 лѣтъ пока часть покупныхъ денегъ остается неуплаченной, соблюдать слѣдующія условія:

a) Періодическія уплаты покупной суммы должны производится исправно.

b) Хозяйство не должно быть дѣлимо, подраздѣляемо, сдаваемо или пересдаваемо безъ согласія County Council.

c) Участокъ долженъ воздѣлывается собственникомъ или арендаторомъ, и не долженъ получать иного назначенія, кромѣ какъ земледѣльческаго.

d) Не должно быть построено болѣе одного жилого дома на землѣ

e) Каждый жилой домъ, построенный на этой зомлѣ, долженъ удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя можетъ предъявить совѣтъ графства въ интересахъ сохраненія здоровья и во избѣжаніе переполненія.

f) Домъ или строенія на этой землѣ не должны быть употребляемы для продажи спиртныхъ напитковъ.

g) Въ извѣстныхъ случаяхъ совѣтъ можетъ не разрѣшать постройки жилого дома“.

Въ случаяхъ несоблюденія этихъ условій, совѣтъ можетъ возбудить вопросъ о продажѣ имѣнія съ публичнаго торга, равно какъ и въ случаѣ смерти собственника, если послѣ нея имѣніе должно быть раздѣлено между нѣсколькими наслѣдниками, которые получаютъ въ такомъ случаѣ пропорціональныя части покупной суммы. Совѣтъ имѣетъ право лишь въ особыхъ случаяхъ освобождать собственника отъ этихъ обременительтыхъ ограниченій. Даже и по истеченіи 20 лѣтъ, если собственникъ хочетъ продать имѣніе, то право преимущественной покупки принадлежитъ совѣту графства, затѣмъ лицамъ, прежде владѣвшимъ этой землей, и, наконецъ, сосѣдямъ [1]).

[1]) Кромѣ оффиціальнаго изданія, законъ 1892 года съ комменатаріемъ изложенъ въ брошюрѣ *Theodor Dodd.* The Small Holdings Act 1892, with

Всѣ эти ограниченія свободы собственника, напоминающія прусское законодательство о Rentengüter (со всей, впрочемъ, разницей, какую представляетъ демократическое самоуправленіе Англіи и бюрократическій строй Пруссіи), стремятся упрочить крестьянство, хотя, весьма возможно, именно эти мѣры поведутъ къ противоположнымъ результатамъ и ослабятъ благодѣтельное дѣйствіе закона.[1]) Но рядомъ съ преувеличенной заботливостью о томъ, чтобы удержать крестьянъ на землѣ, законъ этотъ страдаетъ значительной незаконченностью, которая напередъ исключаетъ возможность его широкаго примѣненія: онъ не даетъ County Council права принудительной экспропріаціи земли, котораго безуспѣшно добивалась либеральная оппозиція, въ цѣляхъ устройства мелкихъ хозяйствъ (какъ получили это право въ 1894 году приходскіе совѣты въ цѣляхъ устройства allotments [2]), полевыхъ огородовъ). Эта мѣра явилась бы необходимымъ условіемъ широкаго примѣненія закона 1892 при томъ предположеніи, если сохраняется теперешнее зе-

---

general sketch of the Act, and Forms. London. 1892. Содержаніе акта изложено также у *Maurice Vautier*. Le gouvernement local de l'Angleterre. Paris 1895. Русскій переводъ В. В. Водовозова: Мѣстное самоуправленіе въ Англіи. Спб. 1896. Глава III, III (стр. 102—110).

[1]) *Shaw Lefevre* (Agrarian tenures. London. 1893, стр. 84) слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Small Holdings Act: «эта мѣра, какъ она была принята въ парламентѣ, представляетъ собой интересное смѣшеніе различныхъ противорѣчивыхъ вліяній и политическихъ идей. Онъ стремится въ своей основѣ къ индивидуализму, путемъ умноженія мелкихъ собственниковъ, но вмѣстѣ съ этимъ въ немъ существуетъ опредѣленная тенденція въ сторону націонализаціи земли, такъ какъ онъ подчиняетъ пользованіе ею извѣстнымъ условіямъ и ограниченіямъ въ теченіе 20 лѣтъ и установляетъ на нее постоянныя уплаты ренты, равныя одной пятой процентовъ съ покупной цѣны. Въ другой своей части онъ содержитъ зачатки политики муниципализаціи земли, поручая снятіе земли въ количествѣ до 15 акровъ Совѣту Графствъ; и такъ какъ совѣты имѣютъ полномочіе строить дома и постройки для фермы, практически они окажутся въ положеніи лэндлордовъ по отношенію къ мелкимъ фермерамъ“ и т. д.

[2]) Свѣдущій читатель, конечно, давно уже замѣтилъ, что въ настоящемъ сочиненіи совершенно оставленъ въ сторонѣ вопросъ объ allotments (полевыхъ огородахъ), который игралъ довольно видную роль въ литературѣ, а также и законодательствѣ. Представляя собою лишь деталь въ исторіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ, этотъ вопросъ не внесъ бы новыхъ точекъ зрѣнія, между тѣмъ его изложеніе потребовало бы много отвлекающихъ подробностей, почему мы и рѣшились совсѣмъ обойти его молчаніемъ.

мельное законодательство. Мы знаемъ уже, что въ Англіи держатся совершенно средневѣковыя нормы земельнаго права и процесса, фактически дѣлающія землю res extra commercium или, по крайней мѣрѣ, страшно ограничивающія предложеніе земли, связывая ея мобилизацію. Всякія серьезныя мѣры демократизаціи землевладѣнія должны начать съ радикальной, даже революціонной ломки старыхъ порядковъ землевладѣнія (за которые держится, къ слову сказать, и вмѣстѣ съ которыми должна погибнуть и палата лордовъ). Ни одинъ пророкъ не скажетъ, въ какой мѣрѣ англійскій народъ окажется способенъ къ такой ломкѣ; въ зависимости отъ этого будущее можетъ принадлежать хозяйству собственниковъ, или арендаторовъ, или же смѣшанному типу. Но законъ 1892 года проявилъ во всякомъ случаѣ большую деликатность къ интересамъ крупнаго землевладѣнія, которое пока еще крѣпко держится въ своей позиціи.

Двухъ пунктовъ должна коснуться реформа англійскаго земельнаго права: процесса и положительнаго права (обычнаго и писаннаго). Сложность юридическихъ формальностей при переходѣ земли, подающая поводъ къ безчисленнымъ и безконечнымъ процессамъ, вошла въ пословицу. Очевидно, здѣсь необходимо введеніе гипотечныхъ книгъ, которыя отвѣчали бы всѣмъ требованіямъ современной юридической техники [1]).

Въ области положительнаго права главнымъ зломъ является законъ первородства (law of primogeniture) и обычай энтайлиро-

---

[1]) „Рынокъ можетъ быть переполненъ землей, но до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать теперешняя система доказательства права собственности, взысканія долговъ и полученія передаточной записи, покупатели изъ класса крестьянскихъ собственниковъ не могутъ и не будутъ увеличиваться въ числѣ. The Settled Land Act 1882 далъ пожизненнымъ арендаторамъ право продавать землю, но онъ не могъ сдѣлать землю дѣйствительно продажной. Затрудненіе не въ томъ, какъ увеличить количество земли для продажи, но какъ удвоить число покупщиковъ. На рынкѣ существуетъ много земли, но мало покупателей, потому что, помимо другихъ причинъ, земля есть неподходящій объектъ для собственности, неудобный для распоряженія имъ, и потому доступный только для богатыхъ. Результатомъ этой системы является то, что большинство лицъ въ этой странѣ не имѣютъ симпатіи къ пріобрѣтенію собственности на земли". (Prothero, l. c., 184). Слова о переполненіи продажною землею рынка — явное преувеличеніе. Для характеристики англійскаго земельнаго права вообще см. работу *Pollock*. The english Land Laws, есть и нѣмецкій переводъ.

ванія имѣній (entails). Первый вступаетъ въ силу въ томъ случаѣ, если не было сдѣлано завѣщанія (law of intestacy): имѣніе переходитъ по закону въ нераздробленномъ видѣ къ старшему сыну. Какъ справедливо замѣчаетъ Бродрикъ, «сказать, что первородство имѣетъ прямую тенденцію противодѣйствовать раздробленію имѣній, значитъ только сказать, что оно выполняетъ то назначеніе, для котораго существуетъ. Едва ли менѣе очевидно, что оно должно имѣть дальнѣйшимъ результатомъ облегченіе накопленія земли въ небольшомъ и постоянно уменьшающемся числѣ рукъ“ [1]).

Подъ энтайлированіемъ имѣнія разумѣется право завѣщателя распоряжаться въ завѣщаніи (Settlement) землей не только относительно непосредственнаго наслѣдника, но и ряда послѣдующихъ, включая неродившагося, но имѣющаго родиться, наслѣдника мужского пола, который съ наступленіемъ 21 года и является полновластнымъ господиномъ имѣнія и можетъ уничтожить entail, съ согласія однако «протектора» завѣщанія. Въ завѣщаніи можетъ быть запрещена продажа имѣнія (а также и отчужденіе его за долги) или уменьшеніе его, равнымъ образомъ обремененіе ипотечнымъ долгомъ безъ согласія всѣхъ остальныхъ, поименованныхъ въ завѣщаніи, наслѣдниковъ (life-tenant). Въ завѣщаніи можетъ также быть указанъ особенный способъ пользованія имѣніемъ. Поименованные въ завѣщаніи наслѣдники не являются такимъ образомъ собственниками земли, а лишь пожизненными ея пользователями, life-tenants. Shaw Lefevre [2]) считаетъ, что этотъ обычай и право энтайлированія участковъ существуетъ уже болѣе 200 лѣтъ, причемъ около $^3/_4$ земельной собственности страны связаны такимъ способомъ. Обыкновенно съ наступленіемъ 21 года entail снимается съ тѣмъ, чтобы быть снова тотчасъ же возобновленнымъ: для послѣдняго наслѣдника это представляетъ матеріальный интересъ, потому что тогда онъ немедленно вступаетъ въ число life-tenants и получаетъ свою долю въ доходахъ имѣнія. «Періодическое возобновленіе энтайлей имѣетъ цѣлью оградить наслѣдственную собственность отъ риска быть раздробленной; и она дѣйствительно рѣдко попадаетъ на рынокъ, кромѣ какъ въ результатѣ скандальныхъ растратъ или проигрыша со стороны пожизненныхъ пользователей. Типичное англійское фамильное

[1]) *Brodrick.* The Law and Custom of Primogeniture, 109. (Также *его же:* English land and english landlords. 1881, куда вошла и эта статья).

[2]) *Shaw Lefevre.* English and Irish Land Questions. 1881. Стр. 39.

имѣніе ни увеличивается, ни уменьшается въ теченіе ряда поколѣній, и такихъ имѣній особенно много въ графствахъ, удаленныхъ отъ Лондона“ [1]).

Средневѣковаго характера земельной собственности въ Англіи не поколебало вѣковое развитіе капитализма; специфическій консерватизмъ земельныхъ отношеній, поддерживаемый сословными предразсудками и привиллегіями, устоялъ противъ величайшаго переворота, который принесъ съ собою во всѣхъ областяхъ жизни XIX вѣкъ. Само собою разумѣется, что система эта ни въ комъ не встрѣчаетъ сочувствія и осуждается наукой еще со времени Дж. Ст. Милля [2]). Отмѣна ограниченій свободы обращенія земельной собственности на рынкѣ преслѣдуется также Free Land League, считающей среди своихъ членовъ (въ началѣ 90 годовъ) около 100 членовъ обоихъ палатъ парламента. (Цѣли этой лиги понятны изъ ея названія). Значеніе этихъ ограниченій, искусственно поддерживающихъ концентрацію земельной собственности, для развитія мелкихъ хозяйствъ слишкомъ очевидно. Съ особенной энергіей оно было указано предъ коммиссіей о мелкихъ хозяйствахъ президентомъ Free Land League, членомъ парламента Арнольдомъ, который заявилъ, что «скопленіе земли въ крупныхъ имѣніяхъ есть главное препятствіе къ созданію мелкихъ хозяйствъ, каковое скопленіе поддерживается и поощряется практикой primogeniture и settlements» (Minutes of evidence, qu. 195).

Намъ неизвѣстно, чтобы законъ 1892 года имѣлъ какіенибудь существенные практическіе результаты, да и трудно было

---

[1]) *Brodrick.* English Land and English Landlords, 129.

[2]) Милль писалъ въ „Principles of political economy“, что „уничтоженіе энтайлей, удешевленіе передачи собственности, словомъ все, что усиливаетъ естественную тенденцію земли къ свободѣ, къ переходу изъ рукъ тѣхъ, которые мало пользуются ею, въ руки тѣхъ, которые могутъ болѣе пользоваться ею... (вмѣстѣ съ урегулированіемъ арендныхъ отношеній)... были бы столь же важными средствами улучшенія производства, какъ изобрѣтеніе самопрялки и паровой машины“ (I, 233). Литература противъ существующей системы и въ пользу свободы земли довольно обширна. Много работаетъ въ этомъ направленіи своими изданіями Cobden Club. Кромѣ цитированныхъ ср. еще изъ старыхъ *W. Fowler.* Thoughts on free trade in land. London. 1869. *Arnold.* Free Land. 1881. *A. Wilson.* Reciprocity, bimetallism and land-tenure reform. London 1880 (стр. 245 сл.). *Ioseph Kay.* Free Trade in Land. London. 1879. (Посмертное изданіе съ предисловіемъ Дж. Брайта). *Kinnear.* Principles of property in land. London. 1880. Ср. также Нассе и др.

ожидать ихъ. Онъ имѣетъ скорѣе симптоматическое значеніе, характеризуя общественное настроеніе и предваряя будущее, но опережая настоящее. Не забудемъ, что вслѣдъ за выходомъ этого закона наступилъ такой жестокій кризисъ 1894—1896 гг., которому подобнаго не было въ XIX вѣкѣ. Послѣдующіе годы, если и не дали такого остраго кризиса, то во всякомъ случаѣ были — и до сегодня—временемъ неослабной депрессіи. Очевидно, пока продолжается такой кризисъ, для англійскаго земледѣлія немыслимо возрожденіе, ни въ формѣ крупнаго, ни въ формѣ мелкаго хозяйства. Этимъ и объясняется (помимо частныхъ недостатковъ) неуспѣхъ Small Holdings Act 1892. Онъ могъ, конечно, содѣйствовать созданію мелкихъ хозяйствъ, но при непремѣнномъ условіи общаго подъема англійскаго земледѣлія. Вызвать такой подъемъ, очевидно, законъ этотъ безсиленъ. Потому дѣйствіе этого закона можетъ принадлежать только будущему, тому туманному будущему, котораго пока нѣтъ еще и намека въ настоящемъ и наступленіе котораго необходимо предположить какъ заключеніе изъ двухъ несомнѣнныхъ посылокъ,—роста собственнаго населенія экспортирующихъ хлѣбъ странъ и ограниченности ихъ земледѣльческой территоріи. [1]) По этимъ двумъ причинамъ аграрный кризисъ, очевидно, долженъ рано или поздно прекратиться, а теперешнее паденіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты должно

---

[1]) „Въ общемъ существуетъ достаточное основаніе, по моему мнѣнію, смотрѣть съ надеждой на будущее земледѣльческой конкурренціи. Одинъ крупный фактъ безспорно говоритъ въ пользу производителей пищи: именно, тогда какъ количество народа, который долженъ быть прокормленъ, растетъ постоянно въ числѣ, площадь земли, на которой пища можетъ производиться, представляется ограниченной. Справедливо. что воздѣлываемая площадь возрастаетъ и будетъ возрастать при слѣдующихъ поколѣніяхъ; но мы пришли къ тому времени, когда трудность открыть новыя страны значительно больше чѣмъ она была 20 лѣтъ назадъ. Умѣренный поясъ почти весь заселенъ, между тѣмъ какъ производство обыкновенныхъ продуктовъ пищи въ подропическихъ или полярныхъ областяхъ сопряжена съ большими трудностями. Система хозяйства будетъ, конечно, улучшаться, въ особенности во вновь заселенныхъ странахъ, гдѣ существуетъ обширное поле для улучшеній; слѣдовательно, производство пищи на данной площади будетъ увеличиваться. Но продуктъ будетъ получаться съ большими издержками, такъ что нужное увеличеніе продукта будетъ получаться только при условіи поднятія цѣнъ“. (*W. Bear.* The Future of Agricultural Competition въ Journal of the Royal Agricultural Society, 1891, стр. 770—1).

когда-нибудь смѣниться противоположной тенденціей. Здѣсь мы можемъ ограничиться этими общими замѣчаніями, отлагая обсужденіе вопроса до заключительной главы. Очевидно однако, что широкое развитіе мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ Англіи мыслимо только съ прекращеніемъ теперешняго аграрнаго кризиса или, по крайней мѣрѣ, съ началомъ этого прекращенія.

Но, возникаетъ естественный вопросъ, имѣютъ-ли воообще какое либо будущее мелкія крестьянскія хозяйства, не осуждены ли уже они исторіей? Намъ не кажется, чтобы исторія Англіи давала достаточныя основанія для этого приговора. Исторія уничтоженія крестьянскихъ хозяйствъ говоритъ, что они погибли жертвой легализированнаго и нелегализированнаго насилія. Положеніе уцѣлѣвшихъ было настолько исключительнымъ, въ виду значительнаго спроса на землю и ограниченности ея предложенія, что уменьшеніе ихъ въ дальнѣйшія эпохи является фактомъ индифферентнымъ для какого-нибудь общаго сужденія объ ихъ хозяйственной жизнеспособности. Наконецъ, жестокое разореніе хозяйствъ, сохранившихся до эпохи аграрнаго кризиса, говоритъ только о томъ, что мелкіе производители въ подобныхъ случаяхъ погибаютъ скорѣе, нежели крупные,—не болѣе. Сдѣлать отсюда какое-либо заключеніе объ ихъ общей экономической жизнеспособности совершенно невозможно, ибо въ эту эпоху оказалось несостоятельно все англійское земледѣліе. Мы считаемъ, поэтому, возможнымъ ссылку на гибель мелкихъ хозяйствъ въ эпоху кризиса въ качествѣ аргумента противъ возможности ихъ будущаго развитія, выражаясь юридически, отвести.

Напротивъ, является наиболѣе вѣроятнымъ—очевидно, здѣсь можетъ идти рѣчь только о вѣроятности — что, когда пробьетъ часъ возрожденія англійскаго земледѣлія, то возрожденіе это совершится именно въ формѣ возсозданія крестьянства. Съ того момента, когда Англія принуждена будетъ обратиться къ своей землѣ, какъ источнику средствъ существованія, теперешняя „тяга въ городъ“ должна смѣниться противоположнымъ теченіемъ, „тягой въ деревню“. Весьма сомнительно, чтобы городской рабочій добровольно промѣнялъ свое положеніе на положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго, если не будетъ надѣяться встрѣтить тамъ, по крайней мѣрѣ, равныхъ условій что и въ городѣ. Иначе его можетъ погнать туда только нужда и безработица. Подобное общественное бѣдствіе, конечно, возможно, но, вѣроятнѣе, разви-

той городской рабочій сумѣетъ предотвратить его эмиграціей, замедленіемъ прироста населенія и т. д. Въ благопріятномъ случаѣ онъ пойдетъ въ ходжи только за равную или высшую плату. Едва-ли земледѣліе при такомъ условіи составитъ привлекательную сферу для приложенія капитала: оплачивать требовательному городскому рабочему полностью годовой рабочій день, въ земледѣліи пористый и прерывистый, слишкомъ невыгодно, если, конечно, не присоединяется при этомъ какое нибудь сельскохозяйственное производство. Капиталъ займетъ только тѣ позиціи, гдѣ онъ можетъ платить безъ убытка полную заработную плату, и едва-ли такихъ случаевъ будетъ большинство [1]).

Но за то перспектива собственнаго хозяйства, столь привлекательная для многихъ рабочихъ теперь, будетъ болѣе надежнымъ, да и почти единственно возможнымъ средствомъ возвратить населеніе на землю. Если возрожденіе земледѣлія явится *государственной необходимостью*, то, вѣроятно, та же необходимость понудитъ государство принять болѣе рѣшительныя мѣры для созданія крестьянства, изъ орудія экспропріаціи оно обратится въ орудіе возвращенія земли трудящимся классамъ. Возможно, что государство будетъ подвинуто къ этому и популяціонистическими соображеніями. Извѣстно, что городское населеніе въ значительной степени питается сельскимъ. Про Англію можно сказать это въ меньшей степени, чѣмъ про другія государства, но и въ ней городское населеніе пополняется постоянно сельскимъ. Деревенское населеніе Англіи грозитъ изсякнуть, цѣликомъ переселившись въ нездоровые городскіе центры. Нація въ цѣломъ подвергается при этомъ опасности, если не полнаго физическаго вырожденія, то во всякомъ случаѣ пониженія типа. Созданіе достаточнаго крестьянскаго населенія явится могучимъ средствомъ физическаго оздоровленія расы [2]) [3]).

---

[1]) По отзывамъ нѣкоторыхъ коммиссіонеровъ, городской рабочій прямо таки не годится для сельскохозяйственныхъ работъ. Слѣдовательно, трудъ будетъ, сверхъ всего, по крайней мѣрѣ, первое время и низкаго качества.

[2]) Karl Ballod неопровержимо доказалъ детальнымъ статистическимъ анализомъ, что условія городской жизни до сихъ поръ остаются менѣе благопріятны для продолжительности жизни населенія, чѣмъ сельской. См. его „Lebensfähigkeit ländlicher und städtischer Bevölkerung. Leipzig. 1897. *Его же.* Die mittlere Lebensdauer in Stadt und Land. Leipzig. 1899. Въ послѣднемъ сочиненіи относительно Англіи читаемъ: „въ Англіи средняя продолжительность жизни не только не увеличилась, но даже нѣсколько

Пишущій эти строки всего менѣе склоненъ къ прорицаніямъ относительно такого будущаго, куда не хватаетъ историческое зрѣніе, въ особенности въ нашъ разочарованный въ предсказаніяхъ вѣкъ. Предсказаніе, сдѣланное въ предыдущихъ строкахъ, есть не болѣе какъ выраженіе вѣроятности, съ наибольшимъ основаніемъ вытекающей изъ прошлаго, но не включающей новыхъ факторовъ будущаго. Между тѣмъ будущее ни одной страны въ Европѣ не представляется столь неяснымъ и загадочнымъ, какъ Англіи. Эта загадочность открываетъ широкую дорогу предсказаніямъ и догадкамъ, которыя однако силою вещей лишены серьезнаго основанія [1]).

Отъ будущаго возвратимся еще разъ къ прошлому и, на-

уменьшилась, и эта перемѣна начинается именно съ 27-лѣтняго возраста. И все это несмотря на замѣтно улучшившіяся за послѣднія 50 лѣтъ жизненныя условія, несмотря на всѣ санитарныя улучшенія. Очевидно, что все, пріобрѣтенное въ этой области, пошло на пользу болѣе молодымъ классамъ населенія“ (26). „Въ таблицѣ смертности по профессіямъ 1890—92 г. бросается въ глаза огромная разница въ смертности сельскохозяйственнаго населенія сравнительно съ промышленнымъ... Главнымъ образомъ благодаря прогрессирующей индустріализаціи въ Англіи произошло небольшое увеличеніе въ общей смертности взрослаго мужскаго населенія“ (29). *H. Cox* приводитъ слѣдующія данныя: на 10,000 въ Англіи и Уэльсѣ умирало въ 1888 году: въ городѣ 190, въ деревнѣ 166 человѣкъ, въ 1889—193 и 164, въ 1890—209 и 174 (Land Nationalisation, 135).

[3]) Возможно, что ростъ шовинизма, способный вызвать введеніе обязательной проскрипціи въ Англіи, будетъ однимъ изъ факторовъ, склоняющихъ общественное мнѣніе въ пользу крестьянства, которое считается многими наилучшимъ источникомъ военной силы. Этотъ аргументъ весьма популяренъ въ Пруссіи.

[1]) Само собой разумѣется, что будущее развитіе крестьянства въ Англіи сопровождается, въ нашихъ глазахъ, широкимъ развитіемъ крестьянскихъ кооперацій, для которыхъ свободныя учрежденія Англіи даютъ такъ много простора. Но что касается *кооперативной формы земледѣльческаго предпріятія*, то въ этомъ отношеніи соціальное творчество XIX вѣка въ Англіи (да и не въ одной Англіи) равно нулю (если не считать отдѣльныхъ экспериментовъ). Не находя возможнымъ сочинять изъ головы по апріорному рецепту эти новыя формы, которыя могутъ быть лишь выработаны жизнью, мы не имѣемъ логическаго права вводить ихъ въ картину будущаго, поскольку она рисуется по даннымъ прошлаго и настоящаго, слѣдовательно, поскольку мы можемъ судить о ней. О кооперація въ англійскомъ земледѣліи вообще см. Prof. *James Long*. Cooperation as applied to Agriculture въ Cooperative Wholesale Societies Annual 1899. *G. Hines*. Cooperation in its Application to Agriculture (Annual 1887). *Bolton King* Cooperative Agriculture (Annual 1885) и др.

помнивъ основные его моменты, дадимъ схематическую картину всего хода развитія земледѣлія въ Англіи въ *XIX* вѣкѣ.

Происхожденіе крупнаго капиталистическаго земледѣлія въ Англіи было плодомъ экспропріаціи непосредственныхъ производителей, начало которой относится еще къ *XVI* вѣку, а усиленіе къ концу *XVIII* и первой половинѣ *XIX*. Эта экспропріація положила начало капиталистическому земледѣлію въ двухъ смыслахъ: съ одной стороны, выбросивъ массы пролетаризированнаго населенія въ города, она снабдила готовымъ контингентомъ рабочихъ рукъ развивающуюся промышленность и тѣмъ создала для себя рынокъ; съ другой, она обезпечила обильное предложеніе наемныхъ рабочихъ рукъ въ той части пролетаризированнаго населенія, которая осталась въ деревнѣ и которая, отчасти благодаря быстротѣ размноженія, а отчасти широкимъ размѣрамъ экспропріаціи превышала спросъ на рабочія руки. Подъ вліяніемъ растущаго рынка земледѣліе быстро развивается и земледѣльческій доходъ ростетъ. Съ внѣшней стороны первая половина XIX вѣка была эпохой аграрнаго протекціонизма, осложненная, кромѣ того, рядомъ войнъ и кризисовъ. Наиболѣе выгодна была эта эпоха для лэндлордовъ, которые старались увеличить свою ренту— и отчасти успѣвали въ этомъ—на счетъ фермера, въ свою очередь стремившагося вознаградить себя на счетъ рабочаго. Для рабочаго эта эпоха была порой такой нищеты, позора и униженія, которая едва-ли имѣетъ себѣ равную въ исторіи XIX вѣка; аграрное перенаселеніе, обезсиливавшее сопротивленіе рабочаго, составляло источникъ благополучія для фермера,— именно, возможность пониженія заработной платы; положеніе рабочаго становилось еще тяжеле благодаря борьбѣ фермера и лэндлорда, результатомъ которой явились законы о бѣдныхъ до 1834 года. Третья четверть XIX вѣка была золотымъ временемъ англійскаго земледѣлія. Растущій рынокъ, отсутствіе рѣдкихъ колебаній, благопріятныя войны и т. д. повышали производительность земледѣлія, которому въ это время оказываетъ наибольшую помощь наука. Въ эту эпоху одинаково благополучны были и фермеръ и лэндлордъ. Положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго было почти по прежнему безотрадно; наличность аграрнаго перенаселенія въ связи съ эксплуатаціей женскаго и дѣтскаго труда все еще давала тягостно себя чувствовать для рабочихъ. Въ это время все усиливалась зависимость Англіи отъ внѣшнихъ рынковъ и внѣшней торговли и

увеличивалась та часть населенія, которая существовала чужимъ хлѣбомъ. Пока издержки транспорта были высоки, а хлѣбный экспортъ направлялся изъ странъ, сравнительно густо населенныхъ, конкурренція ихъ была особенно чуствительна, но съ развитіемъ средствъ сообщенія и выступленія новыхъ странъ начинается паденіе цѣнъ. Высококультурное земледѣліе Англіи все болѣе и болѣе начинаетъ уступать разрушительному дѣйствію конкурренціи, которая уничтожаетъ значительную часть земельной ренты и фермерской прибыли, а вмѣстѣ понижаетъ уровень англійскаго земледѣлія до послѣдней степени. Въ то же время переселеніе рабочихъ въ города совершается все въ большихъ размѣрахъ; крупное хозяйство дѣйствуетъ какъ помпа, накачивающая рабочую силу въ города, причемъ резервуаромъ является аграрное перенаселеніе. Къ разсматриваемой эпохѣ резервуаръ этотъ болѣе или менѣе исчерпывается, и для рабочихъ является возможность улучшить свое положеніе. Вмѣстѣ съ разрушеніемъ англійскаго земледѣлія поднимается заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ: одна и таже сила,—развитіе промышленности, уничтожая земледѣліе, поднимаетъ положеніе рабочихъ. Такимъ образомъ, интересы рабочихъ и капиталистическаго земледѣлія оказываются противоположны въ томъ смыслѣ, что время процвѣтанія послѣдняго является временемъ страданій рабочихъ, зло аграрнаго перенаселенія является высшимъ благомъ для капиталистическаго земледѣлія, и благосостояніе рабочаго, устраненіе этого перенаселенія, обусловлено причинами, лежащими внѣ земледѣлія или ему враждебными. Крупное капиталистическое земледѣліе по экономическимъ своимъ свойствамъ заинтересовано въ возможномъ удешевленіи рабочей силы, заинтересовано поэтому въ аграрномъ перенаселеніи и, само по себѣ, не можетъ дать рабочему ничего, кромѣ униженія и бѣдности [1]).

Описанный циклъ развитія, конечно, возможенъ былъ лишь при извѣстномъ состояніи мірового рынка, въ извѣстную эпоху

---

[1]) Не даромъ столь объективный, осторожный и серьезный изслѣдователь, какъ проф. Гасбахъ, послѣ всесторонняго изученія исторіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ не поколебался произнести приговоръ, что „крупное хозяйство въ земледѣліи не совмѣстимо съ крѣпкимъ, здоровымъ, обладающимъ покупательной силой населеніемъ“ (Der landwirtschaftliche Grossbetrieb ist mit einer starken, gesunden, kaufkräftigen ländlichen Bevölkerung unverträglich) (l. c. 380).

развитія мірового капитализма; еслибы не было опредѣленнаго состоянія мірового рынка, то судьбы Англіи и англійскаго земледѣлія были бы, конечно, другія, и, очевидно, онѣ не повторялись и не повторятся въ исторіи другой страны. Своими основными чертами англійское развитіе есть явленіе sui generis, не составляющее нормальнаго, т. е. общаго типа развитія. Въ этомъ пунктѣ эволюція англійскаго земледѣлія входитъ какъ часть во всемірно-историческое развитіе капитализма.

Конечнымъ итогомъ развитія англійскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ является стремленіе—и въ обществѣ, и законодательствѣ, и литературѣ—возстановить то, разрушеніемъ чего началась его исторія,—крестьянское хозяйство; въ этомъ заключается, косвеннымъ образомъ, осужденіе пройденнаго пути, приговоръ надъ капиталистической организаціей земледѣлія, съ которымъ согласуется и обвинительный вердиктъ исторіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ВВЕДЕНІЕ.

Общія условія земледѣльческаго производства.

Стр.

Глава I. Основные факторы земледѣльческаго производства . . . . . 1—74

1) *Земля. Законъ убывающаго плодородія почвы.* Общая роль природы въ земледѣльческомъ производствѣ 1—3. Исторія ученія о law of diminishing returns: Тюрго 3—5. Андерсонъ, Смитъ, Мальтусъ 5—6. Вэстъ, англійскіе экономисты, Маршаллъ 7—8. Паттенъ, фонъ-Тюненъ 8—10. Техническая и экономическая сторона вопроса объ убывающемъ плодородіи почвы 11—12. Воззрѣнія Либиха 13—15. Формулировка закона убывающаго плодородія почвы 16—17. Соціальноэкономическое и культурно-историческое значеніе закона убывающей производительности почвы 18—21. 2) *Трудъ.* Несовпаденіе рабочаго періода и времени производства въ земледѣліи 21—22. Неравномѣрное распредѣленіе потребности въ рабочей силѣ въ разныя времена года въ земледѣліи 22—23. Отсутствіе выгодъ кооперації въ земледѣліи 24—26. Ограниченная возможность раздѣленія труда въ земледѣліи 27. Мнѣніе Смита 28. Измѣненіе количества труда, нужнаго въ земледѣліи, съ развитіемъ производста 29—31. Данныя Фюлинга, Зеттегаста, Бензинга 31—32. Экономія высокой заработной платы въ промышленности и низкой въ земледѣліи 33—35. Трудность организаціи сельскохозяйственныхъ рабочихъ 36—38. 3) *Орудія земледѣльческаго производства. Сравненіе крупнаго и мелкаго производства.* Ученіе Маркса о машинномъ производствѣ 39—41.

Стр.

Условія широкаго приложенія машинъ 42. Ограниченная роль машинъ въ земледѣліи 43—45. Техническія особенности машиннаго производства въ земледѣліи 46—47. Общее заключеніе о сельскохозяйственныхъ машинахъ 48. Измѣненіе въ степени участія машинъ въ земледѣльческомъ производствѣ 48—50. Вытѣсняетъ ли машина ручной трудъ въ земледѣліи? 50—52. Классификація системъ хозяйства 53. Характеристика продукта крупнаго производства въ промышленности 54—5. Характеристика земледѣльческаго продукта: его однородность и дробимость 55—6. Сравненіе крупнаго и мелкаго производства 57—8. Особенные случаи господства крупнаго или мелкаго производства въ земледѣліи 59—60. Измѣненіе крайнихъ предѣловъ,—maximum'a и minimum'a сельскохозяйственнаго предпріятія 61—2. Лучшая форма хозяйства—самая богатая капиталомъ 63. Понятіе производительности земледѣлія и условія ея развитія 64—5. Разнообразіе хозяйства и спеціализація 66—7. Условія развитія производительности земледѣлія 68—70. Несамостоятельное развитіе земледѣльческой техники 70—72. Общая характеристика развитія земледѣлія въ XIX вѣкѣ 72—3. Несамостоятельный характеръ развитія земледѣлія 73—4.

Глава II. Экономическія особенности земледѣлія (цѣна хлѣба, поземельная рента, цѣна земли) . . . 74—171

1) *Англійская рента*: Характеръ экономическихъ категорій 75—7. Отношенія свободной конкурренціи: цѣнность и капиталъ 78—79. Отношенія монополіи: земледѣліе 79—80. Противорѣчивость различій въ условіяхъ производства земледѣльческихъ продуктовъ 81. Понятіе наименѣе благопріятныхъ условій производства 82. Мѣсто закона спроса и предложенія при объясненіи экономическихъ явленій 83. Опредѣленіе цѣны хлѣба 84—85. Рента дифференціальная и абсолютная 86—7. Формальное опредѣленіе ренты 87—8. Цѣна хлѣба и рента 89. Рента и законъ убывающаго плодородія почвы 90. Цѣнность ли рента 91—2. Вопросъ этотъ у Рикардо 93—у Маркса 94—96. Вопросъ о прибыли земледѣльческаго капитала 97—100. Воззрѣніе Маркса на вопросъ 100—107. Родбертуса 107—111. Природа ренты 112 — 115. Соціальное значеніе ренты 115—118. Рента и профитъ 118. Вопросъ о національзаціи

Стр.

земли 119—20. Отдѣльные случаи англійской ренты 120—123. 2) *Рента въ помѣщичьемъ хозяйствѣ.* Отличіе помѣщичьяго хозяйства отъ англійской системы 123—4. Характеристика помѣщичьей ренты 125—6. Раціональность помѣщичьяго хозяйства 127—9. Цѣна хлѣба при англійской системѣ и въ помѣщичьемъ хозяйствѣ 130—1. Земельный капиталъ 131—2. Измѣненія ренты 132—3. Цѣна земли 133—4. Вопросъ о природѣ ренты 135. Сравнительное соціальное значеніе англійской системы и помѣщичьяго хозяйства 136. Задолженность въ помѣщичьемъ хозяйствѣ 137—40. Вопросъ о національзаціи земли 140—1. 3) *Цѣна хлѣба и земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ.* Общая характеристика крестьянскаго хозяйства 141—3. Условія образованія цѣнъ въ крестьянскомъ производствѣ 144—5. Standart of life крестьянина какъ элементъ опредѣленія цѣнъ на хлѣбъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ 146—7. Цѣнность средствъ производства какъ элементъ опредѣленія цѣнъ 148—9. Сравненіе установленія цѣнъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и прочихъ организаціяхъ земледѣлія 153—4. Вопросъ о прибавочной цѣнности, производимой земледѣльческимъ капиталомъ 155—7. Цѣна земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ 158—160. Измѣненія цѣнъ на крестьянскую землю 161—2. Вредъ цѣны земли 162—3. Мелкая аренда 164—66. Промежуточныя формы 166—7. Реальное опредѣленіе цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ 168—70. Понятіе рынка 170—1.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Крупное производство въ земледѣліи.

Глава III. Исторія англійскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ. 172—338

1) *Происхожденіе англійской системы.* Происхожденіе лэндлордизма 172. Огораживанія общинныхъ полей 173—4. Консолидація земельныхъ участковъ 175. Общіе итоги обоихъ процессовъ 176—80. Экономическіе результаты переворота 180—82. Условія прогресса земледѣлія 183—4. Итоги 185—6. 2) *Англійское земледѣліе до эпохи хлѣбныхъ законовъ.* Цыфры и факты 186—7. Измѣненіе земледѣлія подъ вліяніемъ роста цѣнъ 188. Поднятіе земельной ренты 189—190. Кри-

Стр.

зисъ 20-хъ годовъ 191. Кризисъ 30-хъ годовъ 192—5. Общая характеристика земледѣлія въ этотъ періодъ 196—8. 3) *Положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ періодъ хлѣбныхъ законовъ.* Первоначальная экспропріація 199—201. Положеніе сельскихъ рабочихъ въ началѣ XIX вѣка 202—203. Законы о бѣдныхъ и ихъ значеніе для сельскохозяйственныхъ рабочихъ 203—11. Перенаселеніе 211—222. Экономія низкой заработной платы 222—4. Угрожающій ростъ пауперизма и отмѣна старыхъ законовъ о бѣдныхъ 224—226. Рабочія банды 226—229. Судьба рабочихъ послѣ 1834 года 229—31. Трудъ женщинъ и дѣтей 231—234. 4) *Англійское земледѣліе и сельскохозяйственные рабочіе въ эпоху отъ паденія хлѣбныхъ законовъ до начала аграрнаго кризиса.* Переходъ къ свободной торговлѣ 235—236. Интенсивность англійскаго земледѣлія въ этотъ періодъ 237—239. Концентрація хозяйствъ 239—243—земельной собственности 244—5. Характеристика развитія сельскаго хозяйства въ эту эпоху 246—251. Сокращеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ 252—62. Движеніе заработной платы въ этотъ періодъ 262—4. Измѣненія въ положеніи рабочаго класса и организаціи труда 264—7. 5) *Эпоха аграрнаго кризиса.* Основныя причины кризиса 267—69. Статистическая характеристика кризиса 270—74. Изслѣдованія состоянія англійскаго земледѣлія 275—6. Характеръ кризиса въ 80-хъ годахъ по даннымъ Richmond Commission 276—280. Въ 90-хъ годахъ по даннымъ Royal Commission on Agriculture 280—7. Рабочій вопросъ въ новое время 287—94. Улучшеніе положенія труда 294—299. Профессіональныя организаціи сельскихъ рабочихъ 299—306. Тенденція хозяйствъ къ раздробленію 307—310. Судьба мелкихъ хозяйствъ до эпохи аграрнаго кризиса 312—314. Судьба мелкихъ собственниковъ въ эпоху кризиса 315—18. Судьба мелкихъ фермеровъ въ эпоху кризиса 319—322. Общее состояніе англійскаго земледѣлія 323—4. Коммиссія и законъ о мелкихъ хозяйствахъ, его критика 325—334. Вѣроятное будущее англійскаго земледѣлія 334—36. Общій обзоръ 337—338.

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ, искажающія смыслъ:

Страница:	*Сторока:*	*Напечатано:*	*Надо читать:*
5	10 сверху	безсилія	безсиліе
33	14 снизу	покучило	получило
94	1 снизу (въ текстѣ)	оставлялъ	составлялъ
120	9 сверху	мысль обращенія справедливости	мысль о справедливости обращенія
142	5 сверху	спеціальнаго	соціальнаго
193	4 сверху	достаточны-ли	достаточными

С. Булгаковъ.

19156.

БИБЛІОТЕКА Ученаго Комитета М-ва Нар. Просв.

КАПИТАЛИЗМЪ и ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.
1900.

БИБЛІОТЕКА Ученаго Комитета Мин. Фин.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Крупное производство въ земледѣліи.

(Продолженіе).

ГЛАВА IV.

Исторія германскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ.

1) Развитіе земледѣлія въ Пруссіи въ XIX вѣкѣ до эпохи теперешняго аграрнаго кризиса (до 70-хъ годовъ).

Изученіе исторіи германскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ представляетъ большія трудности сравнительно съ англійскимъ. Эти трудности проистекаютъ изъ трехъ главныхъ причинъ. Первая изъ нихъ лежитъ въ общей невыясненности экономическаго развитія Германіи XIX вѣка, безъ пониманія котораго, очевидно, невозможно и выясненіе развитія земледѣлія. Между тѣмъ какъ промышленное развитіе Англіи въ основныхъ своихъ чертахъ настолько изучено, что можно было предположить ходъ его извѣстнымъ и достаточно было лишь общихъ указаній, экономическое развитіе Германіи, особенно первой половины XIX вѣка, во многихъ отношеніяхъ представляетъ родъ tabula rasa. Безпримѣрные успѣхи экономической науки въ современной Германіи до сихъ поръ не привели еще къ общему синтезу, не дали цѣльной картины всего хода экономическаго развитія; изученіе, согласно общему духу исторической школы, устремилось главнымъ образомъ на детальныя изслѣдованія, давшія не мало цѣнныхъ спеціальныхъ монографій, но еще не было сдѣлано попытки подвести

итоги этого изученія [1]). Можно сказать безъ преувеличенія, что въ современной наукѣ ходъ экономическаго развитія нѣкоторыхъ весьма удаленныхъ эпохъ средневѣковья яснѣе, чѣмъ экономическая исторія XIX вѣка. Авторъ, не могъ, конечно, взять на себя трудную задачу выясненія общаго хода развитія въ XIX вѣкѣ въ полномъ объемѣ, для чего ему пришлось бы черезчуръ расширить рамки своего изученія, хотя ему и не удалось уклониться отъ задачи установленія хотя бы въ самыхъ грубыхъ чертахъ основныхъ моментовъ этого развитія.

Однако задача эта оказывается не вполнѣ выполнима по характеру источниковъ,—и въ этомъ заключается вторая причина трудности изученія германскаго земледѣлія сравнительно съ англійскимъ. Парламентскихъ изслѣдованій, подобно англійскимъ, англійской статистики и, наконецъ, литературы не имѣетъ въ первую половину вѣка ни одна европейская страна. Источники, по которымъ могла бы быть написана исторія развитія Германіи, недостаточны, отрывочны, случайны. Приходится идти во многихъ случаяхъ путемъ догадокъ, аналогій и конструкцій, тамъ, гдѣ измѣняютъ твердыя фактическія данныя. Естественно, это затрудняетъ работу установленія общаго хода развитія даже въ тѣхъ узкихъ границахъ, которыя поставилъ для себя авторъ. Въ третьихъ, та же невыясненность присуща не только исторіи XIX вѣка, но и исторіи происхожденія новаго народнохозяйственнаго строя, которая лежитъ еще за границей того пункта, гдѣ историкъ передаетъ продолженіе работы экономисту. При изученіи развитія земледѣлія приходится имѣть дѣло съ готовыми уже формами, которыя экономисту приходится принять какъ фактъ, не подвергая собственному изслѣдованію. Но тѣмъ не менѣе прошлое этихъ формъ должно быть ясно, какъ необходимое условіе пониманія ихъ даннаго состоянія. Порогъ отъ XVIII вѣка къ XIX въ большинствѣ западно-европейскихъ странъ составляетъ освобожденіе крестьянъ со всей его экономической обстановкой. И какъ исторія освобожденія крестьянъ, такъ и въ особенности помянутая экономическая ея обстановка далеко не выяснены относительно различныхъ областей Германіи. Не нужно забывать, что теперешняя Германія существуетъ только съ 1871 года. Каждое изъ многочисленныхъ союзныхъ государствъ имѣетъ свою самостоятельную

[1]) Къ этой работѣ намѣренъ, повидимому, приложить свою мастерскую руку В. Зомбартъ, какъ можно судить по напечатанной въ русскомъ

исторію, представляющую рѣзкія отличія какъ въ политическомъ такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Это вообще очень затрудняетъ изученіе исторіи Германской имперіи до 1871 года, потому что большая часть статистическихъ данныхъ, относящихся къ разнымъ союзнымъ государствамъ, несогласуема и несравнима, между собою (конечно, кромѣ статистики Таможеннаго Союза). Но съ особенной силой это различіе историческаго развитія сказывается на томъ первоначальномъ состояніи, въ которомъ застаетъ ихъ XIX вѣкъ, и которое образуетъ для насъ отправную точку изученія. Мы имѣемъ, правда, капитальныя изслѣдованія Кнаппа относительно восточной Пруссіи, и нѣкоторыхъ его учениковъ относительно другихъ мѣстностей [1]), но цѣлыя области остаются неизученными [2]). Конечно, это заставляло насъ сосредоточить изученіе больше всего на Пруссіи, дѣлая лишь отдѣльные экскурсы относительно другихъ союзныхъ государствъ.

Оффиціальная статистика Пруссіи ведетъ свое начало съ 1816 года, когда было основано Прусское статистическое бюро, первымъ директоромъ котораго былъ извѣстный въ свое время

переводѣ главѣ изъ его обширнаго труда: Германія наканунѣ экономическаго переворота. Спб. 1900.

[1]) *Knapp*, Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. Leipzig, 1887; 2 тома (первый переведенъ и по русски). Ср. его же статью Bauernbefreiung (in Preussen) въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften (русскій переводъ въ сборникѣ „Освобожденіе крестьянъ на западѣ“). *Его же.* Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit 1891 (русскій переводъ въ „Исторіи труда“). *Его же.* Grundherrschaft und Rittergut. 1897. Изъ старыхъ сочиненій: *Georg Hansen.* Aufhebung der Leibeigenschaft und die Umgestaltung der gutsherrlich bauerlichen Verhältnisse überhaupt in den Herzogthümern Schleswig und Holstein. 1861. St. Petersburg. *Sugenheim.* Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft. St. Petersburg 1861. Изъ школы Кнаппа вышли работы: *J. C. Fuchs.* Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften. Strassburg, 1888, Также *L. Hausmann.* Die Grundentlastung in Bayern. Strassburg. 1892. Непосредственно къ работамъ Кнаппа примыкаютъ и изслѣдованія Грюнберга объ Австріи. См. главнымъ образомъ *Carl Grünberg.* Die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlich bäuerlichen Verhältnisses in Böhmen Mähren und Schlesien. 2 Bde. Leipzig. 1893—94.

[2]) Для характеристики состоянія историческаго изслѣдованія сошлюсь хотя бы на то, что вопросъ о причинахъ различія аграрнаго строя въ Баваріи, странѣ крестьянства, и восточной Пруссіи, странѣ крупнаго землевладѣнія, впервые ставится въ литературѣ въ 1899 году, именно

статистикъ Гофманъ [1]). Раньше этого времени статистическія свѣдѣнія (черпавшіяся изъ оффиціальныхъ донесеній чиновниковъ, списковъ населенія, актовъ и т. д.) собирались большей частью частными лицами. Главнымъ источникомъ нашего познанія о состояніи Пруссіи въ началѣ XIX вѣка являются сочиненія нѣмецкаго физіократа Круга, искусною рукой нарисовавшаго самую подробную картину промышленной жизни своей эпохи. Сочиненіямъ Круга присущи недостатки, проистекающіе изъ его физіократическихъ воззрѣній (его вычисленія національнаго валового и чистаго дохода являются, напр., статистическимъ курьезомъ, въ которомъ черезчуръ явственно отпечатлѣлось вліяніе Tableau économique); данныя его очень различаются по качеству и всѣ приблизительны. Но за нѣкоторыми изъ нихъ нельзя отрицать пригодности для характеристики эпохи, въ чемъ особенно убѣждаетъ ихъ соотвѣтствіе даннымъ позднѣйшихъ изслѣдованій статистическаго бюро [2]) [3]).

Пруссія стараго состава (слѣдовательно, съ герцогствомъ Варшавскимъ, которое отошло отъ нея по Тильзитскому миру) имѣла 9,3 милліоновъ населенія, изъ которыхъ 2,3 милл. живутъ въ

проф. *Брентано* въ статьѣ Warum herrscht in Altbayern bäuerlicher Grundbesitz (см. *Brentano*. Gesammelte Aufsätze. Erbrechts-politik. Stuttgart. 1899).

[1]) Обзоръ перваго 50-лѣтія дѣятельности Прусскаго Статистическаго бюро см. у *R. Bock*. Geschichliche Entwickelung der amtlichen Statistik das preussischen Staats. Berlin. 1863.

[2]) Кругъ написалъ два сочиненія, посвященныя описанію Прусскаго Государства: *Leopold Crug*. Abriss der neuesten Statistik des preussischen Staats. Halle. 1804. И затѣмъ Betrachtungen über den Nationalreichthum des preussischen Staats und über den Wohlstand seiner Bewohner. Berlin. 1805, 2 тома. Кругъ называетъ второе сочиненіе комментаріемъ къ первому. Нужно замѣтить однако, что данныя Abriss и Betrachtungen иногда разногласятъ между собою (напр. относительно статистики городскаго и сельскаго населенія и др.). Трудно сказать, является-ли это послѣдствіемъ общей шаткости данныхъ или же какихъ-либо другихъ причинъ. Мы придерживались въ случаяхъ разногласія данныхъ Abriss. Изъ другихъ сочиненій ср. еще *J. D. F. Rumpf und P. Sinnhold*. Neueste geographisch statistische Darstellung des Preussischen Stäats. Berlin, 1816. *C. G. Stein*. Handbuch der Geographie und Statistik des Preussischen Staats. Berlin. 1818.

[3]) Основной принципъ Круга относительно государственнаго управленія состоитъ въ „устраненіи всѣхъ препятствій которыя стоятъ на пути развитія физическаго, экономическаго, нравственнаго и интеллектуальнаго благосостоянія націи". (Betrachtungen, I, 2). Вопреки мнѣнію теперешнихъ экомистовъ Кругъ считаетъ, что „Wohlstand in ökonomischer Hinsicht in

городахъ и остальные 7 милл. въ деревняхъ. Этого одного достаточно, чтобы считать Пруссію того времени деревенской страной [1]). Характеръ Пруссіи какъ деревенской страны станетъ для насъ еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе, что это были за города. Если вычесть пять болѣе значительныхъ городовъ: Берлинъ, Варшаву, Бреславль, Кёнигсбергъ и Данцигъ [2]), то среднее населеніе каждаго изъ оставшихся городовъ (которыхъ было 1006 противъ 41,000 деревень) равняется всего 1880 человѣкъ [3]). Города эти были, такимъ образомъ, крупными деревнями, не болѣе того (теперешняя статистика minimum'омъ, выше котораго начинаются городскія поселенія, считаетъ 2000 жителей).

Сказать, что главнымъ занятіемъ прусскаго населенія было земледѣліе, значитъ только придать иное словесное выраженіе факту значительнаго преобладанія сельскаго населенія надъ городскимъ. Если можно придавать какую-нибудь цѣну подробнымъ свѣдѣніямъ, которыя приведены у Круга относительно числа рабочихъ и цѣнности производства ихъ—а эти данныя могутъ имѣть значеніе, по крайней мѣрѣ, иллюстраціи,—то число рабочихъ, профессіонально занятыхъ въ промышленности, равняется въ это время 164,244, которые произвели товаровъ на 51,169,289 талеровъ [4]). Выдѣляются своимъ особеннымъ развитіемъ лишь шер-

---

der Regel da am grössten, wo Erzeugniss roher Producte Hauptzweig ist, am geringsten wo die Menschen blos von den Fabrikarbeiten leben" (Abriss, 85).

[1]) Самъ Кругъ справедливо видитъ въ этомъ „ein Zeichen von Verfall der Städte gegen das platte Land" (Abriss 15).

[2]) Берлинъ имѣлъ 170,000 жителей, Варшава 75 тыс., Кёнигсбергъ 63 т., Бреславль—62 т., Данцигъ—47 т.

[3]) По даннымъ Betrachtungen кромѣ 18 городовъ съ населеніемъ выше 10 тысячъ, было два города съ населеніемъ 9—10 тыс.; 6 городовъ имѣющихъ 8—9 т., 7 городовъ отъ 8—7 т., 7 городовъ 7—6 т., 13 городовъ 6—5 т., 18 городовъ 5—4 т., 45 городовъ 4—3 т., 124 города 2—3 т., 377 городовъ 2—1, *393 города имѣли менѣе одной тысячи жителей* Сельскій характеръ страны отражаетъ и статистика домовъ. Число „massive Häuser" было 24,143, число домовъ съ кирпичной или черепичной крышею—145,763, число домовъ съ кровлей изъ соломы или коры—119,236, и наконецъ, число очаговъ (Feuerstellen) безъ всякаго дальнѣйшаго обозначенія было было 1,164,833 (Betracht. 297).

[4]) Вотъ подробныя данныя (пользуюсь подсчетомъ Дитерици, приведеннымъ въ Tabellen und amtliche Nachrichten über den Preussischen Staat für das Jahr 1849. Berlin. 1855. Стр. 997):

стяныя мануфактуры, на развитіе которыхъ потратилъ столько усилій Фридрихъ Великій [1]), льняныя, бумажныя и шелковыя мануфактуры. Эти товары составляютъ и предметъ экспорта.

Нужно, однако, не забывать, что не только въ данное время, но, какъ мы увидимъ, и въ позднѣйшую эпоху обрабатывающая промышленность гнѣздится въ деревняхъ, составляя подсобное занятіе къ земледѣлію и уклоняясь отъ статистической регистраціи. Теперешняго раздѣленія общественнаго труда еще не знаетъ тогдашняя Пруссія. По свидѣтельству Круга, „въ различныхъ мѣстностяхъ Вестфаліи, Помераніи, отчасти Силезіи и во многихъ другихъ мѣстахъ существуетъ побочный трудъ (Nebenarbeit) и въ домахъ многихъ крестьянъ и другихъ сельскихъ жителей имѣются ткацкіе станки. Въ Силезскихъ горахъ существуютъ даже тысячи лицъ, единственнымъ занятіемъ которыхъ

	Число станковъ.	Число рабочихъ.	Сумма фабрикатовъ.
I. Шерстяные товары	14,039	52,140	13.046,975
II. Льняные товары.	48,315	66,747	11.557,573
III. Бумажные товары	7,323	11,355	—
IV. Шелковые товары	4,383	7,906	2.831,492
V. Кожа и кожаные товары	—	4.038	3.223,492
VI. Металлическіе товары	—	8,503	4.596.065
VII. Маслобойни, крупитчатыя и пильныя мельницы	—	1,030	882,927
VIII. Бумажныя мельницы	—	966	318,174
IX. Табачныя фабрики	—	3,192	3.344,268
X. Сахароварни	—	478	2.502,980
XI. Стеклянныя фабрики	—	589	218,062

Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько мелкихъ производствъ.

[1]) Любопытны для характеристики эпохи критическія замѣчанія Круга относительно порядковъ, представляющихъ pendant соотвѣтственнымъ эпохамъ англійской исторіи: „можно думать съ полнымъ основаніемъ, что законодательныя опредѣленія цѣнъ ручного труда и заработной платы (Dienstlohn) слишкомъ низки и недостаточно вознаграждаютъ служащій классъ. Но можно вполнѣ основательно утверждать, что тѣ самые законы, которые установляютъ плату за трудъ и оказанныя услуги, рѣдко соблюдаются и довольно часто обходятся. Въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ очень дурно, если существуютъ законы, вредъ которыхъ смягчается посредствомъ ихъ нарушенія, и если тѣ учрежденія, которыя должны слѣдить за исполненіемъ закона, допускаютъ изъ чувства справедливости его нарушеніе или, по меньшей мѣрѣ, его игнорируютъ“. (Betracht., II, 213).

является ткачество и пряденье на продажу“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ значительная часть потребностей удовлетворялась собственнымъ производствомъ, не только относительно продуктовъ питанія, но и другихъ потребностей, очень несложныхъ, вела, другими словами, натуральное хозяйство.

Замѣчательно, что, если мы обратимся къ статистикѣ ввоза и вывоза, насколько, конечно, надежна эта послѣдняя, мы съ удивленіемъ видимъ, что, наряду съ экспортомъ земледѣльческихъ продуктовъ, самая значительная относительно доля вывоза состоитъ изъ продуктовъ обрабатывающей промышленности. Экспортъ имѣетъ такой видъ, какъ будто бы мы имѣемъ дѣло съ „промышленной страной“ въ теперешнемъ смыслѣ слова. У насъ есть данныя о цѣнности внѣшней торговли Пруссіи, относящіяся къ 1795/6 (включая и транзитъ) [2]) въ талерахъ.

	Ввозъ.	Вывозъ.
1) Мѣстные продукты и жизненныя средства	10.398,393	9.960,203
Въ томъ числѣ хлѣбъ, главнымъ образомъ пшеница и рожь.	2.900,909	4.715,106
2) Напитки	3.809,926	1.719,461
3) Колоніальные товары . . .	14.537,708	8.918,992
Сахаръ и сиропъ	6.466,871	4.321,777
4) Фабричные матеріалы. . .	9,803,732	6.042,367
Шелкъ, шерсть, хлопокъ, ленъ, нитки, пряжа	6,519,728	4,074,415
5) Фабрикаты	14.748,974	24.851,597
6) Особо не обозначенные товары.	43,223	74,433
Всего . .	53.341,956	51.567,053

[1]) *Krug.* Abriss, 70. Кругъ замѣчаетъ далѣе относительно силезскихъ кустарей: „заработокъ ихъ колеблется и зависитъ отъ иностранныхъ конъюнктуръ... Здѣсь возникаетъ уже нужда, разъ только хлѣбъ или картофель хоть нѣсколько поднимаются въ цѣнѣ“.

[2]) Заимствуемъ эту таблицу изъ сочиненія *Viebahn.* Statistik des zollvereinten und nördlichen Deutschlands. Band I. Berlin. 1858. Это трехтомное сочиненіе составляетъ самую полную и добросовѣстную сводку всего статистическаго (а также историческаго, географическаго и т. д.) матеріала, который имѣется въ литературѣ первой половины XIX вѣка. Не будучи, конечно, въ состояніи замѣнить знакомство съ первоисточниками, Viebahn даетъ тѣмъ не менѣе весьма удобную группировку

Съ этимъ фактомъ мы встрѣтимся еще не разъ ниже. Потому дадимъ ему теперь же посильное объясненіе. Статистическая иллюзія, производимая этими цифрами, разсѣевается, если мы обратимъ вниманіе на незначительность общихъ размѣровъ внѣшней торговли, показывающую, что ея вліяніе касается лишь верховъ народнаго хозяйства, не затрагивая народнаго потребленія въ собственномъ смыслѣ, которое носитъ еще натуральный характеръ. Въ составѣ экспорта есть только одна статья, до извѣстной степени характеризующая и основные устои народнаго хозяйства,— перевѣсъ вывоза жизненныхъ продуктовъ надъ ввозомъ. Это значитъ, что страна удовлетворяетъ своими силами не только собственныя потребности, но производитъ даже избытки (велики они или малы, второстепенный вопросъ; низкая цѣнность вывоза жизненныхъ средствъ понятна, если мы примемъ во вниманіе, съ одной стороны, громоздкость земледѣльческихъ продуктовъ, а, съ другой, тогдашніе пути сообщенія и низкую цѣну земледѣльческихъ продуктовъ). Этихъ признаковъ достаточно, чтобы увѣренно сказать, что мы имѣемъ дѣло съ земледѣльческой и въ значительной мѣрѣ натурально-хозяйственной страной.

Что касается всетаки значительной роли промышленнаго экспорта, тонкое объясненіе этому даетъ въ новѣйшее время *Зомбартъ*, который видитъ въ первенствующей роли экспорта признакъ младенческаго состоянія промышленности и слабаго развитія внутренняго рынка [1]). Я могу добавить къ этому лишь

статистическаго матеріала. Въ области аграрной статистики сочиненіе Viebahn'a имѣетъ pendant въ видѣ монументальной сводки (а частью и самостоятельнаго изслѣдованія) Августа Мейцена: Grund und Boden des Preussischen Staats. 4 тома (выходили, начиная съ 1868 года).

[1]) Слова Зомбарта относятся къ 40-мъ годамъ Германіи, но могутъ быть a fortiori примѣнены къ разсматриваемой эпохѣ: «... характернымъ признакомъ недостаточнаго развитія промышленности (является) *зависимость отъ внѣшняго производства и первенствующая роль экспорта.* Такъ, напр. большая часть пряжи, перерабатывавшейся тогда на ткацкихъ фабрикахъ Германіи, привозилась изъ-за границы. Разумѣется, потребность въ желѣзѣ, стали и машинахъ тоже покрывалась, главнымъ образомъ, привозомъ изъ-за границы. Съ другой стороны, очень значительная часть изъ общей суммы произведеній тогдашней нѣмецкой индустріи *вывозилась за границу*; мы убѣждаемся въ этомъ изъ цифръ экспортной статистики, которыя, какъ бы то ни было, всетаки очень велики въ сравненіи съ несомнѣннымъ убожествомъ тогдашней промышленности. До сихъ поръ наука не обращала должнаго вниманія на этотъ признакъ младенческаго

то, что, поскольку вывозъ состоитъ изъ фабрикатовъ, значительность его размѣровъ обусловлена обширнымъ ввозомъ полуфабрикатовъ: цѣнность ввоза полуфабрикатовъ прошлаго года проявляется и соразмѣрно повышаетъ цѣнность вывоза фабрикатовъ нынѣшняго года. Такъ или иначе, но остается безспорнымъ, что статистика внѣшней торговли не способна характеризовать положительнымъ образомъ народное хозяйство, значительная часть котораго остается еще натуральнымъ; самое большее она можетъ дать лишь отрицательную характеристику.

Обращаясь къ земледѣлію, мы должны отмѣтить, что оно испытываетъ въ это время особенный подъемъ. Это выражается въ различныхъ симптомахъ,—самымъ яркимъ и самымъ наглядным является поднятіе цѣнъ на землю и арендныхъ платъ. Одинъ авторъ конца прошлаго вѣка свидѣтельствуетъ: [1]) „нѣтъ ни одной провинціи въ Прусскомъ государствѣ, въ которой за послѣдніе примѣрно 24 года не поднялись бы въ цѣнѣ всѣ земельные участки. Съ особенной силой наблюдается это въ задней Помераніи. Многіе городскіе и сельскіе участки, главнымъ образомъ сельскія имѣнія, безъ различія мѣстоположенія, оплачиваются вдвое выше, чѣмъ въ предшествующую эпоху, а равно и сдаются въ аренду“. Судя по отдѣльнымъ примѣрамъ, приводимымъ Кругомъ (см. въ примѣчаніи) [2]), ростъ арендъ и цѣнъ на землю

состоянія промышленности: послѣдняя долгое время ищетъ сбыта на чужихъ рынкахъ и лишь впослѣдствіи обращается къ туземному рынку. Впрочемъ, если вспомнить плачевное состояніе тогдашнихъ путей сообщенія, насъ нисколько не удивитъ, что золингенскіе фабриканты находили болѣе удобнымъ вывозить свои произведенія въ Египетъ или Южную Америку, нежели въ Саксонію или Силезію. Мы должны всегда имѣть въ виду это преобладаніе экспорта въ примитивной промышленности, чтобы не ошибиться въ оцѣнкѣ тогдашняго экономическаго развитія Германіи“. (*Зомбартъ*. Германія наканунѣ экономическаго переворота, 28—29). По оцѣнкѣ Круга, внутреннее потребленіе мануфактуратовъ никоимъ образомъ не можетъ однако быть признано незначительнымъ. Общая ихъ цѣнность по даннымъ Fabriktabellen и Steuerbehörden опредѣляется въ 51.169,289 талеровъ, изъ этой суммы вывезено было на 18.237,499 т., остается для внутренняго потребленія 32.931,790 тал., т. е. около $^2/_3$ всего производства.

[1]) Versuch über das Steigen der Preise von allen Grundstücken, besonders der Landgüter in Hinterpommern. Stargard. 1798. Стр. 1.

[2]) Вотъ нѣсколько примѣровъ повышенія арендной платы (данныя извлечены Кругомъ изъ актовъ и потому достовѣрны): лютеранская цер-

былъ просто головукружительный, чудовищный, особенно, если принять во вниманіе, что тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни другихъ условій стремительнаго поднятія цѣны земельныхъ участковъ, какія знаетъ новое время (значительнаго измѣненія въ цѣнности денегъ за это время также не произошло).

Само собою разумѣется, что источникомъ повышенія цѣнъ на землю является поднятіе цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства; въ прилагаемой таблицѣ [1]) приведены цѣны на Берлин-

---

ковь въ Страссбургѣ сдавала земли въ 1798 году въ среднемъ по 250 тал. 10 гр. за гуфу, въ 1800 по 304 т. 22 гр., въ 1804 по 515 т. (Betrachtungen. 244). Deutschbeinsche Stiftung въ Кальбѣ (въ Магдебургскомъ округѣ) сдавали свои 95 морг. въ 1798 году за 102 т. 12 гр. золотомъ и 320 т. 23 гр. размѣнной монетой, въ 1804 году она сдавала ту же землю за 220 т. 21 г. золотомъ и 662 т. 13 гр. размѣнной монетой. Монастырь святого Іоанна въ Гальберштадтѣ до 1804 года сдавалъ свои $590^1/_2$ морг. за 754 т., королевская коммиссія сдала ее съ 1805 по 1811 годъ за 1836 т. золотомъ ежегодно. Подобныхъ примѣровъ можно найти большое количество у Круга. Онъ же приводитъ длинный рядъ примѣровъ повышенія цѣнъ на землю, изъ которыхъ приводимъ нѣкоторые для иллюстраціи. Имѣніе Генгвицъ въ Силезіи было продано въ 1770 году за 6,000 талеровъ.

„ 1776 „ „ 8,000 „
„ 1790 „ „ 11,000 „
„ 1795 „ „ 20,000 „
„ 1796 „ „ 30,000 „

Имѣніе Таукиттенъ въ восточной Пруссіи было продано:

въ 1772 году за 9,333 талеровъ.
„ 1793 „ „ 13,500 „
„ 1794 „ „ 17,000 „
„ 1799 „ „ 20,250 „

Имѣніе Паульвицъ въ Силезіи было продано:

въ 1754 году за 10,000 талеровъ.
„ 1794 „ „ 20,000 „
„ 1799 „ „ 19,500 „
„ 1800 „ „ 46,000 „ и т. д. (Betr. I, 404 слл.).

[1]) *Ucke.* Die Agrarkrisis in Preussen während der Krisis zwanziger Jahre dieses Jahrhunderts. Halle 1888. Таблица I Подъемъ цѣнъ чувствителенъ уже въ серединѣ XVIII вѣка. Такъ въ сочиненіи „Zufällige Gedanken über die Frage: warum der heutige Landmann, obgleich die Landgüter gegen die Zeiten unserer Vorfahren eine weit stärkere Einnahme gewähren, dennoch bei deren Bewirtschaftung mehr arm als reich wird von dem Verfasser der Oekonomiae forensis (Бенкендорфъ). Halle. 1786, стр. 10, читаемъ: „я самъ очевидецъ, что послѣднія 50—60 лѣтъ въ Неймаркѣ очень часто вынуждены бывали продавать хлѣбъ по 8 гротей за шеффель, тогда какъ теперь и уже съ довольно давняго времени за шеффель платится не менѣе

скомъ рынкѣ. Цѣна прусскаго шеффеля въ зильбергрошахъ и пфенигахъ была:

	Пшеница.		Рожь.		Горохъ.		Ячмень.	
	Згр.	Пф.	Згр.	Пф.	Згр.	Пф.	Згр.	Пф.
1776—1770	—		33	7	24	7	19	—
1771—1780	51	4	39	2	27	8	21	11
1781—1790	50	10	38	6	29	2	22	11
1791—1800	59	10	43	8	35	9	27	—
1801—1810	96	4	72	8	57	10	41	5

Мы видимъ сильный и почти непрерывный ростъ цѣнъ на всѣ хлѣба, достигающій своего кульминаціоннаго пункта въ эпоху войнъ начала XIX вѣка.

Причина такого необычайнаго роста цѣнъ не могла лежать во внутренней экономической жизни страны. Хотя вліяніе расширенія внутренняго рынка для земледѣльческихъ продуктовъ въ видѣ растущаго неземледѣльческаго населенія, вѣроятно, играло здѣсь роль, но это расширеніе было слишкомъ медленно, чтобы вполнѣ объяснить повышеніе цѣнъ. Быть можетъ, здѣсь оказала вліяніе 7-лѣтняя война, которая, разрушивъ много хозяйствъ и разрѣдивъ населеніе (ея вліяніе чувствуется долго спустя недостаткомъ рабочей силы), сократила предложеніе хлѣба. Но главная и основная причина поднятія цѣнъ была внѣшняго характера, лежала въ экономическомъ развитіи не Пруссіи, а Англіи. Мы знаемъ уже, что около этого времени населеніе въ Англіи обгоняетъ собственное производство земледѣльческихъ продуктовъ, и они начинаютъ ввозиться изъ-за границы. Естественно, что Пруссія, какъ близлежащая страна, приняла большое участіе въ этомъ ввозѣ, особенно же приморскія ее провинціи. По донесенію британскаго консула Якоба [1]), вывозъ хлѣба изъ гаваней Данцига и Эльбинга составлялъ:

---

20 грошей и до 1 талера, это поднятіе цѣнъ наблюдается не только относительно одного хлѣба, но и относительно всѣхъ другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства".

[1]) Report on the trade in foreign corn and on the agriculture of the north of Europa. London. 1826. Appendix 10.

1791—95 гг. 212,960$^{3}/_{5}$ ластовъ, въ среднемъ ежегодно 42,584$^{3}/_{25}$
1796—1800 гг. 255,374$^{4}/_{5}$ „ „ „ „ 51,074$^{24}/_{25}$
1800—1805 гг. 382,735$^{7}/_{10}$ „ „ „ „ 76,547$^{7}/_{50}$

Чрезвычайное поднятіе цѣнъ на хлѣбъ въ Англіи въ началѣ вѣка вслѣдствіе войнъ намъ уже извѣстно, и, конечно, это поднятіе непосредственно отразилось и на Пруссіи. Послѣдняя принимаетъ мало по малу характеръ земледѣльческаго округа Англіи.

Развитіе англійскаго рынка было немаловажнымъ толчкомъ къ тѣмъ техническимъ и соціальнымъ измѣненіямъ, которыя произошли въ началѣ XIX вѣка въ прусскомъ земледѣліи. До сей поры способъ воздѣлыванія полей отличался здѣсь крайнимъ убожествомъ и экстенсивностью. Послѣднее лучше всего подтверждается свидѣтельствомъ Круга, что культивируемое поле составляетъ всего $^{3}/_{10}$ площади или 18,75%. (Въ 1893 году это поле составляло 42,57%). Господствующей системой полеводства было наше исконное трехполье, которое „приблизительно съ IX до первой трети XIX вѣка, слѣдовательно примѣрно тысячу лѣтъ, являлось господствующей системой полеводства“ [1]).

„Наиболѣе широко распространенной системой земледѣлія — читаемъ мы у Кнаппа,—было, какъ извѣстно, трехпольное хозяйство. Поле (Flur) дѣлилось на три части, которыя въ экономическомъ смыслѣ были равны, т. е. были такихъ размѣровъ, что производили равное количество хлѣба. Каждый хозяинъ, крестьянинъ также какъ и помѣщикъ такъ распредѣлялъ свои разсѣянные участки, что, вмѣстѣ взятые, въ каждомъ изъ трехъ полей они были экономически приблизительно равны... На одномъ полѣ производилось озимое, на другомъ яровое; третье же поле въ это время оставалось подъ паромъ“ [2]). Вмѣстѣ съ этимъ царила страшная черезполосица: господскія поля были перемѣшаны съ крестьянскими, каждый владѣлецъ имѣлъ свои поля разсѣянными во многимъ участкахъ, въ результатѣ чего былъ принудительный сѣвооборотъ (Flurzwang). Пастбище для скота было общее; оно отличалось, конечно, весьма низкимъ качествомъ; оттого скотъ питался скверно, а „недостаточное питаніе скота вызывало постоянный недостатокъ въ удобреніи, и это, въ свою очередь, обусловливало чрезвычайную экстенсивность хозяйства“ [3]).

---

[1]) Статья ф. д. Гольца „Ackerbausysteme“ въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ 2-te Ausg. I, 40.

[2]) *Knapp.* Bauernbefreiung, I, 6.

[3]) Ibid. 7.

Въ началѣ XIX вѣка пробуждается стремленіе къ поднятію уровня сельскаго хозяйства [1]). Теоретическимъ выразителемъ этого стремленія явился Albrecht Thaer. [2]) Онъ систематизировалъ и далъ посильное научное объясненіе эмпирическимъ наблюденіямъ относительно разныхъ системъ полеводства въ своихъ Grundsätze der rationellen Landwirtschaft 1810—12, въ своемъ журналѣ Möglinsche Annalen der Landwirtschaft и т. д. Оставляя въ сторонѣ теоретическія воззрѣнія Таэра, въ настоящее время представляющія лишь историческій интересъ (теорія гумуса), отмѣтимъ его практическую дѣятельность. И собственнымъ примѣромъ въ своемъ Мёглинскомъ имѣніи, и литературной дѣятельностью, и чрезъ посредство своихъ учениковъ Таэръ явился ревностнымъ пропагандистомъ многопольныхъ и болѣе интенсивныхъ системъ земледѣлія (главнымъ образомъ четырехполья по англійскому образцу). Роль Таэра ограничивается главнымъ образомъ Пруссіей, за предѣлы которой его вліяніе переходило мало. Естественно, что техническій прогрессъ въ то время былъ доступенъ только крупному хозяйству (не крѣпостное же или только что раскрѣпощаемое населеніе могло явиться его носителемъ!). Къ потребностямъ и условіямъ этого крупнаго хозяйства приспособлено и ученіе Таэра. [3])

---

[1]) „Многіе землевладѣльцы старались ввести англійскую систему сельскаго хозяйства въ Германіи; другіе—поднять его отдѣльныя вѣтви, третьи улучшить породу овецъ“ и т. д. (*Gülich.* Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaues der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unserer Zeit. Band II. Jena. 1830. Стр. 324).

[2]) Характеристику воззрѣній и значенія Таэра см. въ статьяхъ Ackerbau, Landwirtschaft въ Handw. d. St., а также общихъ сочиненіяхъ по исторіи и теоріи сельскаго хозяйства: *Goltz.* Handbuch der gesammten Landwirtschaft (3 тома 1889—90) *Fraas.* Geschichte der Landwirtschaft 1852 и др.

[3]) Эта особенность тонко подмѣчена и охарактеризована французскимъ агрономомъ: „Таэръ былъ представителемъ крупнаго хозяйства (l'homme de la grande culture), и предметомъ его теоретической и практической дѣятельности было управленіе обширными имѣніями или производство зерновыхъ хлѣбовъ, искусственныхъ пастбищъ, корнеплодовъ и промышленныхъ растеній, въ соединеніи съ пастбищнымъ хозяйствомъ. Слѣдуетъ особенно отмѣтить этотъ фактъ, потому что онъ оказалъ значительное вліяніе на всѣ сочиненія Таэра. Легко понять, въ самомъ дѣлѣ, что мелкой культурѣ мало дѣла до тѣхъ многочисленныхъ и различныхъ комбинацій, которыми балансируетъ крупное хозяйство и распредѣляетъ

Но главнымъ и непримиримымъ препятствіемъ къ улучшенію земельной культуры является крѣпостное право, отмѣна котораго образуетъ поэтому не только эпоху въ исторіи человѣчества, но и переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ, могущій быть смѣло поставленнымъ рядомъ съ великими открытіями и изобрѣтеніями въ промышленности. Экономическая необходимость отмѣны крѣпостного права была слѣдующимъ образомъ охарактеризована ф. д. *Гольцемъ*: „ранѣе существовавшая несвобода и зависимость рабочаго класса съ необходимостью обусловливала низкую производительность труда; поэтому она могла существовать, лишь пока система хозяйства требовала мало рабочей силы и сохраняла примитивныя формы. Какъ трехполье, такъ и травяное хозяйство, которыя господствовали, за небольшими исключеніями, въ теченіе ряда столѣтій въ Германіи, одинаково характеризуются тѣмъ, что они требовали очень мало рабочей силы и незначительнаго искусства рабочихъ. Съ появленіемъ новыхъ системъ полеводства и съ преобразованіемъ формы сельскохозяйственнаго предпріятія вообще выяснилась и необходимость улучшенія положенія работника. Является не случайнымъ совпаденіемъ, но соединено глубокой внутренней связью то, что, въ одно и то же время, когда Таэръ писалъ свои безсмертные Grundsätze der rationellen Landwirtschaft, въ Пруссіи и въ другихъ нѣмецкихъ странахъ было отмѣнено крѣпостное право, и были устранены ограниченія свободы пользованія землей. Необходимость введенія раціональнаго хозяйства вынуждала отмѣну личной несвободы низшаго населенія, также какъ, съ

свои силы. Мелкое хозяйство оперируетъ на ограниченной площади; оно не нуждается въ тѣхъ вычисленіяхъ, которыя въ крупномъ хозяйствѣ необходимы въ каждый данный моментъ, чтобы извлекать наибольшій доходъ изъ земельныхъ участковъ, обладающихъ различными свойствами. Оно не имѣетъ въ одномъ и томъ же хозяйствѣ нѣсколькихъ различныхъ сѣвооборотовъ, эксплуатаціи земли подъ пашнями, подъ пастбищами, подъ лугами и лѣсами. Оно не имѣетъ доходовъ, соединенныхъ съ фермой. Потому наука о пропорціяхъ (science des proportions), наука сельскохозяйственной экономіи теряетъ здѣсь значительную часть своего значенія, и было вполнѣ естественно, что Таэръ, въ виду общаго положенія своей страны, гдѣ крупнымъ національнымъ интересомъ являлось улучшеніе обширныхъ хозяйствъ, имѣлъ въ виду въ своемъ руководствѣ сельскохозяйственной экономіи крупное хозяйство въ гораздо большей степени, чѣмъ мелкое. Этимъ онъ характеризуется, какъ человѣкъ своей страны и своей эпохи". *Eduard Lecouteux.* Cours d'économie rurale, t. I, 20).

другой стороны, возникновеніе класса свободныхъ рабочихъ вело нерѣдко къ измѣненію прежней системы хозяйства". [1]) Таэръ считалъ трудъ двухъ свободныхъ рабочихъ равнымъ, по крайней мѣрѣ, труду трехъ крѣпостныхъ.

Свобода отъ крѣпостной зависимости дана была сельскому населенію королевскимъ эдиктомъ 1807 года. Но этотъ эдиктъ, естественно, явился только началомъ ликвидаціи старыхъ отношеній, самую трудную часть которой составляло распредѣленіе хозяйственныхъ правъ и обязанностей между бывшими помѣщиками и крѣпостными. Отсылая за подробностями къ Кнаппу, раскрывшему исторію „Штейнъ-Гарденберговскаго законодательства" (нѣмецкаго Смитіанизма), ограничимся лишь изложеніемъ основныхъ экономическихъ результатовъ реформы, явившейся весьма сложнымъ компромиссомъ различныхъ стремленій.

Крестьянскія хозяйства при господствѣ крѣпостного права были далеко не одинаковыхъ размѣровъ: различались Vollbauern, Halbbauern, Viertelbauern и т. д., затѣмъ „spannfähige Nahrungen" и „unspannfähige", хозяйства, имѣвшія рабочій скотъ,— обычно пару лошадей, и его не имѣвшія; по характеру правъ на землю различались полные собственники, наслѣдственные арендаторы, временные арендаторы и т. д. Реформа коснулась только тѣхъ крестьянъ, которые были spannfähig и, кромѣ того, alten Bestands (т. е. не принадлежали къ числу хозяйствъ, созданныхъ законодательствомъ Фридриха Великаго). Эдиктомъ о регулированіи 1811, видоизмѣненнымъ декларацією 1816 года, было опредѣлено, что наслѣдственные и ненаслѣдственные арендаторы получаютъ право собственности на свою землю и освобождаются отъ барщинныхъ повинностей и сервитутныхъ правъ помѣщика на землю, теряя въ то же время право на поддержку и покровительство со стороны помѣщика; за это они уступаютъ помѣщикамъ часть своей земли, третью часть, если крестьянинъ былъ наслѣдственнымъ владѣльцемъ, и цѣлую половину, если не былъ наслѣдственнымъ. Регулированіе было, такимъ образомъ, довольно беззастѣнчивой экспропріацією части земли у ея фактическихъ владѣльцевъ, что̀ представляло особый интересъ для помѣщика въ эту эпоху растущей земельной ренты. Никакихъ сроковъ для совершенія регулированія, совершавшагося по прошенію одной

[1]) *v. d. Goltz.* Die ländliche Arbeiterfrage. 1874. Стр. 5.

изъ заинтересованныхъ сторонъ, установлено не было, и революція 1848 года застала еще много барщинныхъ повинностей крестьянъ, такъ что потребовалось въ 1850 году законодательное подтвержденіе закона о регулированіи. „Положеніе о выкупѣ“ (Ablösungsordnung) 1821 года, касающееся одинаково доманіальныхъ и частныхъ крестьянъ (во всемъ предыдущемъ изложеніи рѣчь идетъ о частныхъ крестьянахъ, положеніе которыхъ было вообще хуже, чѣмъ доманіальныхъ), опредѣлило порядокъ выкупа барщинныхъ повинностей тѣхъ крестьянъ, которые имѣли прочныя права на землю (собственности или наслѣдственной аренды) и не были регулированы изложенными законами. Хотя они удерживали свою землю, но должны были выкупить повинности. Вообще говоря, центръ тяжести для помѣщика лежалъ не въ денежныхъ и натуральныхъ рентахъ, но именно въ этихъ повинностяхъ. „Помѣщикъ живетъ не полученіемъ ренты, платимой ему крестьянами, но онъ самъ является сельскимъ хозяиномъ, имѣетъ обширное хозяйство, значительно превосходящее по размѣрамъ крестьянское, живетъ доходомъ отъ своего имѣнія и получаетъ съ крестьянина главнымъ образомъ не деньги и не плоды, но трудъ. Устройство помѣстныхъ крестьянъ есть по самому глубокому своему смыслу организація труда, именно спеціальная организація труда въ крупномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ тогдашняго времени“ [1]). Естественно, что помѣщикъ не хотѣлъ даромъ лишиться своихъ правъ на трудъ даже крестьянъ-собственниковъ. Выкупъ другихъ повинностей, кромѣ барщины, совершался уплатой ежегодной ренты, отъ которой можно было освободиться посредствомъ единовременнаго взноса въ пользу помѣщика суммы, въ 25 разъ превышающей ренту. Право выкупать барщинныя повинности имѣли только „spannfähige“; взамѣнъ повинностей они также могли уступать часть земли или же платить ренту, которая погашалась уплатой суммы, превосходящей ее въ 25 разъ. (Въ 1850 году учрежденъ былъ рентный банкъ). По вычисленіямъ Мейцена, помѣщики получили съ крестьянъ круглую сумму въ 213,861,035 талеровъ [2]); реформа дала имъ, такимъ образомъ, и деньги и землю. Но она же дала имъ и то, что такъ необходимо для процвѣтанія крупнаго хозяй-

[1]) Knapp, I, 20.

[2]) Meitzen, op. cit., I, 386.

ства,—рабочую силу. Источникомъ ея явился столь обиженный законодательствомъ классъ крестьянъ всевозможныхъ наименованій (ласситовъ, коссэтовъ и т. д.) и разнообразныхъ правъ, кромѣ подвергнувшихся регулированію (а также spannfähige Nahrungen, ведущія начало отъ Фридриха Великаго). Земли этого класса составили новую прибавку къ помѣщичьему землевладѣнію, барщинныя повинности (конечно, пѣшія) остались на немъ въ прежнемъ видѣ. На мѣсто прежняго хозяйства, хотя и небольшого, но всетаки занимавшаго рабочую силу крестьянина, изобрѣтательные помѣщики стали сдавать избу съ прилежащимъ къ ней участкомъ на тотъ срокъ, на какой заключался съ нимъ рабочій договоръ, опредѣлявшій ихъ обязанности; когда законъ 1850 года постановилъ регулированіе земельныхъ правъ и этой категоріи крестьянъ, регулировать было уже нечего, потому что большая часть старыхъ ласситовъ переведена была на новое положеніе инстовъ (Instenverhältniss, Dienstleute). Классъ инстовъ, существующій и въ настоящее время, хотя и идущій на убыль, представляетъ уродливое образованіе, пережитокъ крѣпостной эпохи, приспособленный къ требованіямъ новаго времени. Это организація наемнаго сельскохозяйственнаго труда въ странѣ съ рѣдкимъ населеніемъ, съ отсутствіемъ большихъ деревень [1]). Но далеко не вся пролетаризированная часть крестьянскаго населенія превращена была въ инстовъ, которые явились еще аристократіей среди сельскохозяйственныхъ рабочихъ; тамъ, гдѣ это не вызы-

---

[1]) „Установленіе особаго состоянія сельскохозяйственнаго труда,—именно положенія инстовъ,—оказалось необходимо повсюду тамъ, гдѣ имѣнія обширны, населеніе рѣдко и деревни попадаются нечасто... Здѣсь крупный землевладѣлецъ не могъ обезпечить рабочей силы, нужной для своего хозяйства, иначе какъ поселяя людей на собственной землѣ и обязывая ихъ по контракту на продолжительный срокъ работы. Эти обстоятельства наблюдались лишь въ сѣверной Германіи, а въ южной Германіи уже въ эпоху отмѣны крѣпостного права имѣнія были меньше, деревни многочисленнѣе, а населеніе большей частью гуще. Потому мы находимъ классъ инстовъ почти исключительно на сѣверѣ Германіи“ (*Goltz.* Die ländliche Arbeiterfrage, 1874. Стр. 15). Въ прусскихъ провинціяхъ Пруссіи, Познани, Помераніи, Бранденбургѣ и Шлезвигъ-Голштейнѣ, также въ Мекленбургѣ они составляютъ главный контингентъ поденщиковъ; въ провинціяхъ Силезіи, Саксоніи, Ганноверѣ, а также въ Брауншвейгѣ они составляютъ значительную долю. Въ меньшемъ количествѣ они встрѣчаются въ королевствѣ Саксоніи, а также въ сѣверныхъ частяхъ Вестфаліи и Рейнской провинціи и рѣдки на югѣ Германіи.

валось необходимостью, потребность въ рабочихъ, по крайней мѣрѣ, отчасти удовлетворялась не контрактовыми (kontraktlich gebundene) рабочими, а нанимавшимися на короткій срокъ по свободному найму (freie, Häusler, Einlieger и под.).

Естественнымъ восполненіемъ изложенныхъ мѣръ является законодательство о раздѣлѣ общинныхъ полей (Gemeinheitstheilung-Ordnung 1821 г.) и размежеваніи полей (Separation) такъ, чтобы прекратилось чрезполосица и принудительный сѣвооборотъ (Flurbereinigung).

Подвести статистическіе результаты реформы нѣтъ возможности за отсутствіемъ удовлетворительныхъ статистическихъ данныхъ [1]). Несомнѣнно однако, что „въ восточныхъ провинціяхъ, особенно четырехъ старыхъ, перешло въ новую организацію много менѣе крестьянъ, чѣмъ было ихъ при условіяхъ 1756 года, которыя поддерживались закономъ до 1807 года, потому что благодаря отчасти войнѣ, отчасти закономъ дозволенной экспропріаціи исчезло много ласситскихъ крестьянъ (Lassbauern), не говоря уже о позднѣйшей скупкѣ такихъ имѣній, которыя или сначала обладали лучшими правами владѣнія или получили ихъ путемъ регулированія. Невѣроятно, чтобы такое же количество крестьянскихъ владѣній возникло вновь благодаря другимъ причинамъ, напр. дробленію господскихъ имѣній. Четыре восточныя провинціи являются теперь бѣднѣе, чѣмъ прежде крестьянами“ [2]). Помѣщики получили, слѣдовательно, новыя земли для своего хозяйства, изрядную денежную сумму и классъ свободныхъ рабочихъ, болѣе соотвѣтствовавшій требованіямъ новѣйшей техники; были устранены, наконецъ, остатки средневѣкового пользованія полями. Въ конечномъ итогѣ мы имѣемъ крупное земледѣльческое хозяйство въ современномъ смыслѣ; его происхожденіе сводится, такимъ образомъ, къ экспропріаціи непосредственныхъ производителей, къ акту въ извѣстномъ смыслѣ насильственному, а не является результатомъ побѣды крупной формы производства въ борьбѣ

---

[1]) Ср. Knapp, I, VI Кар. § 2. Meitzen, l. c. B. IV, стр. 302. Denkschrift des Ministeriums für Landwirtschaftliche Angelegenleiten въ Zeitschrift des kgl. preussischen statistischen Bureaus, 1865, стр. 5. Самое понятіе Spannfähigkeit различно понимается въ разныхъ мѣстахъ, въ однихъ мѣстностяхъ требуется пара лошадей или быковъ, въ другихъ лишь одна лошадь (Knapp, l. c., I, 259).

[2]) Knapp, I, 325.

конкурренціи. Крупное капиталистическое предпріятіе въ земледѣліи долгое время стоитъ одиноко, не имѣя подобныхъ себѣ въ области промышленности, въ которой господствуетъ мелкое производство; оно принадлежитъ по свому происхожденію прошлому, его появленіе является лишь предвѣріемъ новаго времени, а не его продуктомъ.

Нѣкоторыя добавочныя характерныя черты выяснятся, можетъ быть, изъ сопоставленія историческихъ судебъ Англіи и Пруссіи. Происхожденіе крупнаго земледѣлія въ Англіи, хотя тамъ и не существовало крѣпостного права въ разсматриваемую эпоху, сводится какъ и въ Пруссіи къ экспропріаціи непосредственнаго производителя и превращенія его въ наемнаго рабочаго. Но несмотря на это отсутствіе крѣпостного права, экспропріація произведена была въ Англіи беззастѣнчивѣй и безпощаднѣй, нежели въ Пруссіи, гдѣ ею была, по крайней мѣрѣ, отчасти пощажена цѣлая категорія крестьянъ, общее количество которыхъ, поэтому, гораздо обильнѣй даже въ восточной Пруссіи нежели въ Англіи. Причиной этого различія является отсутствіе здѣсь того политическаго фактора, который въ Пруссіи въ рѣшительныя минуты склонялъ вѣсы болѣе или менѣе въ пользу крестьянъ и умѣрялъ классовый эгоизмъ помѣщиковъ, въ Англіи не знавшій никакого удержа. Факторомъ этимъ была сильная королевская власть, которая въ лицѣ Фридриха Великаго становится на сторону крестьянъ (см. объ этомъ у Кнаппа). Дальнѣйшимъ различіемъ между Англіей и Пруссіей является то, что въ Пруссіи по завершеніи экспропріаціи почти всѣ землевладѣльцы, оставаясь въ деревнѣ, сами продолжали заниматься сельскимъ хозяйствомъ, между тѣмъ какъ въ Англіи веденіе его перешло въ руки крупныхъ арендаторовъ. Это различіе обусловлено цѣлымъ рядомъ причинъ, коренящихся въ экономической и политической исторіи Пруссіи и Англіи. Прежде всего, въ Пруссіи не было того класса болѣе или менѣе состоятельныхъ арендаторовъ, которые могли бы замѣстить собственника: развитію такого класса совершенно не оставляло мѣста крѣпостное право; къ тому же помѣщики получили на веденіе хозяйства капиталъ въ видѣ выкупа, остальное дали гипотеки [1]); полити-

[1]) Гипотечные банки были основаны при Фридрихѣ Великомъ, и отсюда уже ведетъ свое начало гипотечная задолженность крупнаго землевладѣнія, въ которой видятъ иногда признакъ уже развитого капитализма.

ческія условія, требовавшія нерѣдко присутствія англійскаго землевладѣльца въ Лондонѣ, склоняли, наоборотъ, прусскаго оставаться въ деревнѣ, юнкерское имѣніе „должно было продолжать свое существованіе по причинамъ политическаго характера“ (Кнаппъ). Это первоначальное различіе кладетъ свой отпечатокъ на всю дальнѣйшую исторію крупнаго хозяйства въ Пруссіи и Англіи, какъ мы будемъ въ этомъ убѣждаться не разъ. Наконецъ, заслуживаетъ упоминанія и чисто количественная разница въ размѣрахъ экспропріаціи: тогда какъ въ Англіи она коснулась въ большей или меньшей степени всего острова, вездѣ превращая крестьянство въ пролетаріатъ, въ Пруссіи она имѣла мѣсто только на востокѣ, да и то въ слабѣйшей степени; во всемъ составѣ Германской Имперіи (гдѣ по условіямъ къ востоку Пруссіи подходятъ болѣе всего оба Мекленбурга) это составитъ значительно менѣе половины страны. Это количественное различіе дѣлаетъ понятнымъ всю разницу въ интенсивности процесса эмиграціи въ города и роста городского населенія, какъ онъ совершался въ XIX вѣкѣ въ Германіи и въ Англіи.

Освобожденіе крестьянства знаменуетъ начало новой эры въ развитіи народнаго хозяйства, переходъ къ свободному труду. Начинающуюся съ 1807 года эпоху развитія можно подѣлить— въ грубыхъ, конечно, чертахъ—на три части: первая эпоха до 1849 года — развитіе аграрнаго государства, непосредственно связанное съ освобожденіемъ крестьянъ; періодъ съ 1850 примѣрно до 70-хъ годовъ,—переходная эпоха, и, наконецъ, съ 70-хъ годовъ и до нашего времени, — періодъ земледѣльческо-промышленнаго государства, съ растущимъ преобладаніемъ индустріи; этому ходу развитія всего народнаго хозяйства въ общемъ соотвѣтствуетъ и ходъ развитія земледѣлія.

Само собою понятно, что у насъ отсутствуютъ достаточныя свѣдѣнія о первомъ періодѣ. При отсутствіи удовлетворительныхъ прямыхъ данныхъ, приходится обратиться къ косвеннымъ. Прочной статистической основой для сужденія у насъ являются дан-

---

Отдѣльные примѣры задолженности см. у Круга: Beitr. I, 453. Бухенбергеръ (Grundzüge der deutschen Agrarpolitik. Berlin. 1897. стр. 103) приводитъ примѣры задолженности имѣній: въ 1775 году $^1/_8$ всѣхъ рыцарскихъ имѣній въ Мекленбургѣ находилась въ конкурсѣ. Въ Пруссіи въ 1805 году процентъ задолженности колеблется отъ 25,9% до 75,4% цѣнности (по доходности или по оцѣнкѣ) въ среднемъ для всѣхъ провинцій 58,0%.

ныя статистики движенія населенія, которыя съ 1816 года (годъ основанія статистическаго бюро) собираются каждое трехлѣтіе (съ 1816 по 1822 жители исчислялись ежегодно); при всѣхъ недостаткахъ, эти данныя являются всетаки самымъ надежнымъ, а вмѣстѣ и самымъ обильнымъ источникомъ поученія о народнохозяйственныхъ судьбахъ Пруссіи первой половины XIX вѣка. Къ этому присоединяются данныя статистики скотоводства и нѣк. др.

Періодъ до 1849 года характеризуется:

a) *значительнымъ приростомъ деревенскаго населенія, при слабомъ, относительно почти неподвижномъ состояніи городского населенія.*

b) *слабымъ развитіемъ промышленности, хотя цифра экспорта фабричныхъ издѣлій сравнительно довольно значительна.*

c) *перевѣсомъ вывоза продуктовъ земледѣлія надъ ввозомъ.*

d) *абсолютной бѣдностью населенія, которая усиливается благодаря тому, что значительный приростъ населенія далеко не сопровождается соотвѣтственнымъ ростомъ народнаго богатства и производительности народнаго труда.*

Въ началѣ XIX вѣка какъ вся теперешняя Германская Имперія, такъ и въ особенности Пруссія обнаруживаютъ такой приростъ населенія, котораго не наблюдается даже въ послѣднюю четверть этого вѣка, эпоху изумительнаго промышленнаго подъема и колоссальнаго роста народнаго богатства. Вотъ цифры, показывающія процентъ средняго ежегоднаго прироста населенія [1]).

---

[1]) Подсчетъ заимствованъ у *W. Kähler*. Die Zunahme der Bevölkerung in den haupsächlichen Kulturstaaten въ Conrad's Jahrbucher, III F. B. 16, 1898. Быстрый ростъ населенія вызывалъ безпокойство у современниковъ, и вопросъ о перенаселеніи возбуждался и въ литературѣ. См. напр. сочинія мальтузіанца Weinhold'a, который зашелъ въ проэктѣ полицейской регламентаціи прироста населенія до геркулесовыхъ столбовъ, предлагая „инфибуляцію“ (См. рядъ его брошюръ. Von der Uebervölkerung in Mitteren Europa. Halle. 1827. Von der überwiegenden Reproduktion des Menschenkapitals gegen das Betriebskapital etc. Leipzig 1828. Das Gleichgewicht der Bevölkerung, als Grundlage der Wohlfahrt. Leipzig 1829 и др. соч. Вейнгольду возражалъ Ernst Wahrhold). Тому же вопросу посвящена и брошюра Гофмана. Ueber die Besorgnisse, welche die Zunahme der Bevölkerung erregt. Berlin. 1835 (вошло и въ Kleine Schriften).

Годы.	Германская имперія.	Годы.	Пруссія.
1816	—	1816	—
1820	1,43	1822	2,11
1825	1,34	1831	1,31
1830	0,98	1840	1,61
1835	0,94	1849	1,04
1840	1,16	1858	0,95
1850	0,76	1867 *)	1,21
1860	0,64	1867	—
1870	0,79	1875	0,85
1880	1,03	1880	1,20
1885	0,70	1885	0,75
1890	1,07	1890	1,12
1895	1,11	1895	1,22

Если даже откинуть цифру за первый счетный періодъ, такъ какъ высокій процентъ можетъ объясняться здѣсь неполнотою перваго подсчета, всетаки остается неоспоримымъ фактъ чрезвычайнаго прироста населенія въ началѣ вѣка, особенно въ Пруссіи.

Характернымъ симптомомъ является то обстоятельство, что этотъ приростъ обязанъ своимъ происхожденіемъ не только высокой рождаемости (которой соотвѣтствовала, однако, и высокая смертность), но и иммиграціи, на долю которой приходится изъ общаго прироста населенія, равнаго за 24 лѣтній періодъ 1816—1843 гг. 4.579,470 человѣкъ, 1.053,833 или 20,94%. Правда, значительная доля этого числа должна быть отнесена (помимо недостатковъ статистики) на счетъ выселенія жителей изъ областей, отошедшихъ отъ Пруссіи по Тильзитскому миру, но эта причина имѣла силу, самое большее, на 10-лѣтіе [1]), между тѣмъ перевѣсъ иммиграціи продолжается почти до 1846 года. Это показываетъ слѣдующая таблица прироста населенія:

---

*) Стараго состава.

[1]) См. *Hofman.* Sammlung kleiner Schriften des staatswirtschaftlichen Inhalts. Berlin. 1843. Статья Uebersicht der im Preussischen Staate im Jahre 1841 vorgekommenen Geburten, Trauungen und Todesfälle, und Würdigung ihrer staatswirtschaftlicher Bedeutung, verglichen mit den ähnlichen Ereignissen in dem Zeitraume von 1816 bis 1840. Стр. 2.

Годы.	Перевѣсъ рожденій надъ смертностью.	Иммиграція.
1816—19	72,01%	27,99%
1819—22	86,86	13,14
1822—25	94,97	5,03
1825—28	89,95	10,05
1828—31	77,24	22,76
1831—34	67,32	32,68
1834—37	75,92	24,08
1837—40	58,64	41,36
1840—43	96,58	3,42

Иммиграція составляется, по словамъ Гофмана, главнымъ образомъ, изъ молодыхъ, работоспособныхъ людей, которые отправляются въ Пруссію въ цѣляхъ обученія или заработка и остаются затѣмъ на постоянное жительство [1]).

Фактъ этотъ можетъ показаться прямо загадочнымъ, если мы припомнимъ еще, что теперешнія самыя промышленныя страны, обладающія гораздо большей емкостью населенія, какъ Англія и та же самая Пруссія, не принимаютъ иммиграціи, а, наоборотъ, сами отдаютъ избыточное населеніе. Какъ ни уменьшаются дѣйствительные количественные размѣры перевѣса иммиграціи съ принятіемъ во вниманіе политическихъ событій и недостатковъ статистики, все-таки приходится признать, что сравнительно съ другими государствами Пруссія того времени представляла, очевидно, большее поле приложенія труда. Но мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, изъ какихъ странъ направлялась иммиграція, поэтому и должны отказаться отъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ заключеній. Фактъ перевѣса иммиграціи надъ эмиграціей интересенъ для насъ не положительнымъ, а отрицательнымъ своимъ значеніемъ: онъ показываетъ, что при тогдашнемъ состояніи населенія Европы — а эмиграція въ Америку была незначительна благодаря несовершеству путей сообщенія—другія страны, кромѣ Пруссіи, были склонны

[1]) Гофманъ дѣлаетъ патріотическое замѣчаніе: „какое бы сужденіе относительно несовершенствъ, которыя тяготѣютъ еще на Прусскомъ государствѣ, ни имѣлъ каждый отдѣльный человѣкъ, нельзя всетаки игнорировать, что въ отмѣченномъ перевѣсѣ иммиграціи обараруживается благопріятное сужденіе общественнаго мнѣнія“. (Hofman, l. c. 29).

отдавать, а не принимать избыточное населеніе, что изъ числа тѣхъ странъ, которыя обмѣнивались между собою населеніемъ, Пруссія была наименѣе перенаселенная страна, а потому и быстрый приростъ населенія, отвѣчалъ или не отвѣчалъ онъ темпу развитія производительныхъ силъ страны, осаживался здѣсь же, подъ давленіемъ болѣе плотнаго (относительно) населенія другихъ странъ. Объясненіе это, конечно, гипотетично, но оно есть единственное, какое можно дать. Самое же простое объясненіе, будто перевѣсъ иммиграціи свидѣтельствуетъ о столь быстромъ ростѣ производительныхъ силъ страны, что за нимъ не поспѣваетъ собственный ростъ населенія, противорѣчитъ всему, что мы знаемъ объ экономическомъ развитіи Пруссіи въ разсматриваемую эпоху; несообразность этого предположенія, надѣемся, выяснится на ближайшихъ страницахъ.

Чтобы дать самую суммарную характеристику экономическаго развитія Пруссіи, насколько оно явствуетъ изъ статистики населенія, приведемъ данныя о ростѣ городского и сельскаго населенія [1]).

	1817 годъ.		1831 годъ.		1837 годъ.		1843 годъ.	
	Абсолютно	На 10,000	Абсолютно	На 10,000	Абсолютно	На 10,000	Абсолютно	На 10,000
Городское населеніе .	2,895,818	2,348	3,592,355	2,756	3,854,496	2,734	4,263,413	2,756
Сельское населеніе .	7,640,753	7,252	9,446,605	7,244	10,243,629	7,266	11,207,352	7,244
Общее количество населенія . . .	10,536,571	1,1000	13,037,960	10,000	14,098,125	10,000	15,47 ,765	10,000

Городское населеніе за 26 лѣтъ увеличилось не болѣе чѣмъ на 0,3%. Ростъ городскаго населенія нѣсколько усиливается лишь съ конца 40-хъ годовъ. И пусть не думаютъ, чтобы значительная часть этихъ городовъ сильно отличалась отъ деревни.

---

[1]) См. сопоставленія у *Schubert.* Handbuch der allgemeinen Staatskunde von Europa. Der Preussische Staat. Band I. Königsberg 1846. Стр. 377 и сл. См. тамъ же подробныя вычисленія прироста населенія по регирунгсбециркамъ.

Для сужденія объ этомъ приведемъ для примѣра свѣдѣнія о неселеніи различныхъ городовъ для 1837 года [1]).

Свыше 100,000 былъ 1 городъ (Берлинъ) съ населеніемъ.					365,394 жит.
Отъ 50,000 до	100,000	было	5	город. съ насел.	329,721 „
20,000 „	50,000	„	11	„ „ „	305,424 „
10,000 „	20,000	„	26	„ „ „	326,859 „
6,000 „	10,000	„	59	„ „ „	447,338 „
3,500 „	6,000	„	126	„ „ „	569,541 „
2,500 „	3,500	„	177	„ „ „	577,185 „
1,500 „	2,500	„	298	„ „ „	577,185 „
600 „	1,500	„	239	„ „ „	268,044 „
Ниже 600		„	24	„ „ „	10,869 „

Немалая доля городскаго населенія экономически должна быть причислена къ сельскому населенію.

Дальнѣйшее выясненіе характера экономическаго развитія Пруссіи первой половины вѣка позволяютъ данныя о распредѣленіи прироста населенія для разныхъ прусскихъ провинцій. Мы знаемъ, какое рѣзкое различіе, во многихъ отношеніяхъ даже контрастъ представляютъ собою востокъ и западъ Пруссіи: первый характеризуется значительной долей земледѣльческаго населенія, сравнительной рѣдкостью населенія и относительно слабымъ развитіемъ промышленной жизни; противоположными чертами характеризуется западъ. Различіе это обусловлено прежде всего разницей естественныхъ условій: на западѣ сосредоточены каменноугольныя копи, которыя имѣютъ способность уплотнять кругомъ себя, по совершенно понятнымъ причинамъ, населеніе [2]); тамъ болѣе мягкій климатъ, позволяющій болѣе интенсивное и разнообразное воздѣлываніе земли; тамъ проходитъ великій водный путь—Рейнъ, важнѣйшая въ прежнія времена торговая артерія западной Европы, пересѣкающая богатыя государства запада; между тѣмъ какъ восточная Пруссія имѣетъ своей со-

---

[1]) Die Bevölkerung des Preussischen Staats. 1839. Стр. 107—8. Для 1848 года см. цифры у Зомбарта, l. c. 39.

[2]) Гольдштейнъ справедливо замѣчаетъ относительно Англіи: „если сравнить приростъ населенія съ дѣленіемъ населенія по профессіямъ, ясно выступаетъ такое обстоятельство, что графства, обнаруживающія наибольшій приростъ населенія, обладаютъ въ то же время и наибольшимъ обиліемъ угля“. (*Goldstein* Berufsgliederung etc., 55).

сѣдкой Польшу и Россію, и невыгодность ея положенія смягчается лишь близостью къ морю, что имѣетъ особенное значеніе для хлѣбной торговли съ Великобританіей. Вдобавокъ къ этимъ естественнымъ различіямъ, соціальныя условія сложились далеко не въ пользу востока: достаточно указать, что въ то время какъ востокъ только стряхивалъ съ себя крѣпостное право, западъ былъ уже свободенъ отъ него. Другія различія мы еще увидимъ. Различіе въ плотности населенія восточныхъ (вост. и зап. Пруссія, Бранденбургъ, Познань, Померанія) и западныхъ провинцій (Рейнландъ и Вестфалія) замѣтно уже въ началѣ XIX вѣка; Силезія и Саксонія и географически, и экономически занимаютъ между ними промежуточное мѣсто. Вотъ нѣсколько цифровыхъ иллюстрацій. Въ 1817 году [1]) вост. Пруссія имѣла 1,308 человѣкъ на квадратную милю, зап. Пруссія 1,249, Познань—1,574, Бранденбургъ—1,732 (Берлинъ!), Померанія—1,237, Силезія—2,767, Саксонія—2,651, Вестфалія—2,929, Клевебергъ—5,902, Нидеррейнъ — 3,377. Преобладающій земледѣльческій характеръ востока явствуетъ изъ слѣдующаго сопоставленія, показывающаго, на какое число лицъ приходятся каждые 100 человѣкъ, занятыхъ земледѣліемъ какъ главнымъ промысломъ, въ 1849 году: въ Пруссіи (вост. и зап.)—184, Познани—198, Помераніи—211, Силезіи—255, Рейнландѣ—260, Вестфаліи—281, Саксоніи—321, Бранденбургѣ—338.

Изъ статистики движенія населенія вытекаетъ съ несомнѣнностью, что приростъ населенія въ первой половинѣ вѣка въ гораздо большей степени падаетъ на земледѣльческій и деревенскій востокъ, чѣмъ западъ. Вотъ цифры, характеризующія это въ самыхъ общихъ чертахъ. Процентъ прироста населенія съ 1816 до 1849 года равнялся:

Восточная Пруссія . .	65%
Западная Пруссія . .	80%
Бранденбургъ	57%
Померанія	75%
Познань	65%
Силезія.	57%

[1]) Uebersicht der Bodenfläche und Bevölkerung des Preussischen Staats. 1817. Стр. 19. Ср. еще данныя Круга: Abriss, 14—15.

Саксонія	50%
Вестфалія	37%
Рейнландъ.	55%

Картина движенія населенія [1]) діаметрально противоположна той, какую мы имѣемъ теперь. Она полнѣе выяснится намъ съ принятіемъ къ свѣдѣнію слѣдующихъ деталей. Хотя перевѣсъ восточныхъ провинцій относительно прироста населенія свидѣтельствуетъ уже самъ по себѣ о преобладаніи роста деревенскаго и главнымъ образомъ земледѣльческаго населенія, но и въ этихъ восточныхъ провинціяхъ относительный приростъ деревенскаго населенія значительнѣе чѣмъ городского. Если принять состояніе населенія въ 1816 году за 1000, то цифра всего населенія, а затѣмъ городской и деревенской его части въ 1840 году для отдѣльныхъ округовъ будетъ такова. (См. стр. 28).

Кто дастъ себѣ трудъ всмотрѣться въ эту таблицу [2]), увидитъ, что, во-первыхъ, приростъ населенія совершается вполнѣ противоположнымъ способомъ, чѣмъ въ настоящее время, когда городъ обгоняетъ деревню въ своемъ ростѣ, а во-вторыхъ, что именно въ восточныхъ провинціяхъ деревня страшно обгоняетъ городъ, между тѣмъ какъ во многихъ округахъ запада городское населеніе обнаруживаетъ нѣкоторое превышеніе надъ сельскимъ, въ чемъ обнаруживается уже тогда намѣчавшійся характеръ ихъ промышленнаго развитія. Способъ прироста населенія, изображен-

---

[1]) Интересно, что даже распредѣленіе иммиграціи въ общемъ слѣдуетъ распредѣленію прироста населенія. Въ промежутокъ 1840—1843, за который мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія относительно распредѣленія иммиграціи по провинціямъ, изъ общаго числа иммигрантовъ 18,595 на долю Пруссіи приходится 10,405, Познани—1,913, Бранденбурга 10,051, Силезіи 2,831, Рейнланда 5,624; напротивъ, Померанія потеряла 2,084. Саксонія—4,864, Вестфалія—4,864. Также и свѣдѣнія относительно эмиграціи, которыя приводитъ Бёдикеръ (*T. Bödiker.* Die Auswanderung und die Einwanderung des preussishen Staates въ Zeitschrift des kön. preussischen statistischen Bureaus, 1873 № 1) за періодъ 1844—59, показываютъ, что изъ восточныхъ провинцій эмиграція въ это время наинизшая, и ее рѣшительно превосходитъ и абсолютно и относительно эмиграція изъ западныхъ округовъ. Подлинныя цифры см. ниже.

[2]) Составлена на основаніи подсчетовъ въ статьѣ о движеніи населенія въ Zeitschr. d. kön. pr. st. Bur. Jahrgang I, 1861 (стр. 8) и Котельмана (*Kotelmann.* Die preussische Landwirtshaft nach den amtlichen Quellen statistisch dargestellt. Berlin. 1853).

		Всего.	Городское.	Сельское.
Пруссія.	Кёнигсбергъ . .	1,494	1.296	1,576
	Гумбинненъ . .	1,690	1,266	1,764
	Данцигъ.	1,540	1,248	1,709
	Маріенвердеръ.	1,644	1,371	1,739
Познань.	Позенъ	1,433	1,340	1,474
	Бромбергъ . . .	1,670	1,392	1.777
Бранденбургъ.	Франкфуртъ . .	1,344	1.386	1,327
	Потсдамъ с. Берл.	1,529	1,563	1,462
Померанія.	Штеттинъ. . . .	1,554	1,537	1,563
	Кёслинъ.	1,698	1,572	1 680
	Штральзундъ. .	1,329	1,289	1,353
Силезія.	Бреславль. . . .	1,426	1,360	1,449
	Оппельнъ	1,726	1,634	1,746
	Лигницъ.	1,321	1,353	1,315
Рейнландъ.	Кёльнъ	1,365	1,534	1,306
	Дюссельдорфъ .	1,370	1,652	1,230
	Кобленцъ	1,388	1,302	1,410
	Триръ.	1,572	1,383	1,604
	Аахенъ	1,251	1,366	1,217
Саксонія.	Магдебургъ. . .	1,345	1,450	1,346
	Мерзебургъ. . .	1,391	1,464	1,358
	Эрфуртъ	1,288	1,374	1.353
Вестфалія.	Мюнстеръ. . . .	1,303	1,015	1,223
	Минденъ	1,173	1,110	1,358
	Арнсбергъ . . .	1,408	1,341	1,432
	Все государство	1,447	1,411	1,461

ный въ этой таблицѣ, настолько характеренъ, что ея одной безъ всякихъ комментаріевъ было бы достаточно для экономиста, чтобы опредѣлить, какой экономической формаціи онъ соотвѣтствуетъ.

Слѣдуетъ однако не забывать, что если городское населеніе въ ту эпоху является нерѣдко земледѣльческимъ, то и сельское населеніе во многихъ случаяхъ является промышленнымъ (на это энергично указывалъ и Дитерици, замѣститель Гофмана въ статист. бюро). Того отдѣленія города отъ деревни, которое состоитъ прежде всего въ отдѣленіи промышленности отъ земледѣлія, тогда почти не существовало, какъ это станетъ ясно изъ слѣдующихъ статистическихъ иллюстрацій. Въ 1837 году въ льняномъ производствѣ въ Пруссіи было занято 35,877 станковъ „gewerbsweise“ и 246,294 какъ подсобное занятіе. Почти $^5/_7$ всего льнянаго ткачества производилось въ деревнѣ, и даже изъ профессіонально употребляемыхъ станковъ болѣе $^2/_3$ стояли въ деревняхъ или мѣстечкахъ (Flecken) или небольшихъ горо-

дахъ сельскаго характера. Шерсть перерабатывалась въ томъ же году на 16,937 профессіонально употребляемыхъ станкахъ и 4,085 въ качествѣ подсобнаго занятія, причемъ большая часть стояла въ деревнѣ и т. д. [1]). Несмотря на то, что многія отрасли промышленности производили даже для вывоза [2]), господствующей формой промышленности является кустарная и ремесленная. Нѣсколько цифръ пояснятъ это въ достаточной степени. Въ 1849 году для машиннаго ткачества изъ хлопка было 132 заведенія съ 5,201 рабочихъ, въ мелкомъ же производствѣ надъ тѣмъ же работали 57,981 мастеровъ и 26,305 подмастерьевъ, всего 84,286 человѣкъ. (Уже это соотношеніе между числомъ мастеровъ и подмастерій показываетъ, что господствовалъ одиночный трудъ). Въ льняномъ ткачествѣ машинное производство занимало 2,963 человѣкъ, работавшихъ на 46,074 веретенахъ, между тѣмъ какъ во всемъ этомъ производствѣ было занято 25,420 рабочихъ, работавшихъ на 697,466 веретенахъ. Для общей характеристики всей ткаческой промышленности могутъ послужить слѣдующія цифры: въ 1849 году занимались ткачествомъ на 178,933 станкахъ, 106,662 мастеровъ и 103,785 подмастерьевъ и учениковъ, причемъ на долю машиннаго ткачества приходится 25,420 рабочихъ. Характеристику прусской промышленности

---

[1]) См. Die Bevölkerung des Preussischen Staats. Berlin. 1839. Стр. 156 и сл. Статистика промышленности въ первой половинѣ вѣка въ Германіи отрывочна и чрезвычайно недостаточна. Имѣющіяся данныя сгруппированы у Viebahn I, 181 и сл., ср. также *G. Schmoller*. Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19. Jahrhundert. Halle, 1870. Болѣе или менѣе удовлетворительныя данныя о числѣ промышленниковъ приводитъ Дитерици въ издаваемыхъ имъ „Die statistischen Tabellen des Preussischen Staats“ лишь начиная съ 1843 года, причемъ данныя эти прямо сравнимы только съ данными 1852 года и уже несравнимы съ данными за 1858 годъ. Но и здѣсь требуется спеціальное изслѣдованіе и критика матеріаловъ, чтобы придти къ какимъ-либо опредѣленнымъ выводамъ.

[2]) „Шелковыя мануфактуры Крефельда, Эльберфельда, Фирсена, Берлина, Бранденбурга завоевали не только внутренній рынокъ, вывозъ ихъ расширяется—причемъ полушелковые товары выдерживали побѣдоносно конкурренцію даже съ французскими—настолько, что цѣнность ихъ превзошла всю цѣнность ввознаго сырого шелка. Нитяныя фабрики въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Эльберфельдѣ, Гладбахѣ и Мюльгаузенѣ занимали рабочія руки въ Силезіи, Лаузицѣ, Эйхсфельдѣ. Суконныя мануфактуры Аахена, Леннепа, Вердена, Гюккесвагена, Лигница, Коттбуса, Люккенвальда, Бурга значительно возрасли“. и т. д. (Viebahn, I, 182).

нужно дополнить слѣдующими общими цифрами: число фабрикъ (подъ которыми разумѣется или производство въ помѣщеніи фабрики или же раздача фабрикантомъ работы на домъ) въ 1849 году было 14,058 заведеній съ 180,684 рабочими (въ среднемъ около 12 человѣкъ на заведеніе), въ ремесленномъ же производствѣ было занято 942,373 человѣкъ, изъ которыхъ было 535,232 мастеровъ и 407,141 подмастеревъ. Число паровыхъ машинъ и лошадиныхъ силъ пара было:

	Число машинъ.	Лошадиныхъ силъ.
1837	423	7,513½
1840	634	12,278½
1843	1,090	27,240½
1846	1,491	41,129½
1849	1,964	67,149

Чтобы показать сравнительную ничтожность этихъ цифръ, причемъ значительная доля лошадиныхъ силъ пара падаетъ еще на начинавшееся въ это время развитіе желѣзнодорожной сѣти [1]), а не промышленность, припомнимъ, что въ 1879 году Пруссія располагала 35,337 машинами съ 934,884 лошадиныхъ силъ, а въ 1897 году машинъ было 81,060 съ 2,881,799 лошадиными силами [2]).

Характеръ промышленности Пруссіи былъ въ то время, слѣдовательно, преимущественно ремесленный и въ этомъ отношеніи Пруссія мало различалась отъ другихъ частей Германіи. Характеристика промышленнаго развитія Германіи, геніальною рукою набросанная въ вышедшемъ тогда (1847) *Коммунистическомъ Манифестѣ*, представляетъ поэтому лишь пророчество относительно будущаго, но совершенно невѣрно изображаетъ экономическую дѣйствительность. Это касается какъ изображенія борьбы различныхъ формъ промышленности въ то время (мы видимъ, напримѣръ, что ремесло въ это время еще успѣшно „поворачиваетъ назадъ колесо исторіи“, число ремесленниковъ и под-

[1]) Постройка желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи начинается съ 1838 года, когда длина линіи равнялась 34,7 километрамъ, чрезъ 10 лѣтъ она была равна 3390,5 Въ 1897 году вся сѣть составляла 29367,1. (Statistisches Handbuch für den Preussischen Staat. Band. III. Berlin. 1898. Стр. 315).

[2]) Ibid. 309).

мастерьевъ за періодъ 1849—52 увеличивается на 56 тысячъ), такъ и общей роли, которую играла тогда промышленность во всей экономіи страны. О томъ, какъ незначительна цифра промышленнаго населенія, сравнительно съ общей цифрой населенія, можно судить уже по приведеннымъ даннымъ. Дитерици для 1843 года дѣлаетъ гипотетическій подсчетъ всего прусскаго населенія, существующаго отъ промышленности (онъ принимаетъ при этомъ средній размѣръ семьи въ 4 человѣка, при двухъ дѣтяхъ, и считаетъ, что половина промышленниковъ неженаты).

		%
Механическіе мастера и ремесленники (mechanische Künstler und Handwerker).	2,040,566	13,19
Фабричные рабочіе.	331,224	2,15
Пивовареніе и винокуреніе.	179,443	1,16
Горное производство	262,443	1,69
Мельницы всякаго рода	237,177	1,53
Машинное ткачество	58,356	0,38
Ткачество	505,161	3,27
	3,614,370	23,37

Такимъ образомъ, отъ промышленности (понятіе которой берется здѣсь довольно широко) существовало въ то время немного болѣе $^1/_5$ населенія. Напротивъ, отъ земледѣлія, какъ отъ главнаго промысла въ 1849 году существовало 6,591,695 человѣкъ, какъ отъ добавочнаго 1,776,300. Для 1852 года Дитерици подводитъ такіе итоги: изъ мужского населенія выше 15-лѣтняго возраста добывало средства существованія въ земледѣліи — 50,95%, въ промышленности 30,94%, торговлѣ — 6,05, не имѣющихъ непосредственнаго заработка (nicht unmittelbar erwerbende) — 12,06%.

Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ, что несмотря на усилія Пруссіи вмѣстѣ со всей Германіей развить собственную промышленность, въ ряду которыхъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить основаніе таможеннаго союза, бывшее весьма благотворной и цѣлесообразной мѣрой, но неспособной всетаки привести къ немедленнымъ результатамъ, прусская промышленность представляется въ половинѣ XIX вѣка на весьма низкомъ уровнѣ техническаго развитія при господствѣ земледѣлія и натуральнаго хозяйства, производства для собственнаго потребленія [1]). Этому

[1]) Подробности относительно положенія ремесла см. у Зомбарта, l. c.

не противорѣчитъ, какъ уже было замѣчено, то обстоятельство, что мануфактурные продукты играютъ весьма большую роль въ экспортѣ, напротивъ, при данныхъ условіяхъ это подтверждаетъ характеристику [1]).

На основаніи приведенныхъ данныхъ можетъ быть сдѣлано два вывода.

Во-первыхъ, значительный приростъ населенія не сопровождался измѣненіями въ промышленной техникѣ; увеличеніе промышленнаго населенія, если оно и совершается, то лишь благодаря чисто количественнымъ измѣненіямъ въ числѣ промышленниковъ, при неизмѣнности общественной и технической организаціи промышленнаго труда. Ремесло, а также и весь народохозяйственный укладъ эпохи съ трудомъ допускали расширеніе; отсюда болѣе медленный приростъ населенія въ промышленныхъ провинціяхъ запада; территорія представляется здѣсь уже насыщенной населеніемъ, ибо земледѣльческое населеніе плотно, а ремесло даетъ мало простора для увеличенія населенія. Контрастъ между ремесленной и капиталистической организаціей производства относительно емкости территоріи разителенъ: достаточно сравнить (см. ниже) приростъ населенія въ западныхъ провинціяхъ въ первую и вторую половину XIX вѣка.

Второй выводъ тотъ, что, если промышленное населеніе къ концу разсматриваемаго періода составляетъ лишь небольшую долю всего населенія, и, сверхъ того, нѣтъ основаній вообще предполагать его значительнаго роста, необходимо отнести главную долю

---

[1]) По даннымъ, которыя приводитъ Дитерици относительно внѣшней торговли Пруссіи за 1828 годъ (*Dieterizi.* Der Volkswohlstand im Preussischen Staat. 170—1) вывозъ мануфактуратовъ составлялъ болѣе половины всего вывоза. Статистика внѣшней торговли Пруссіи за періодъ 1829—31 имѣется еще у *Lengerke.* Landwirtschaftlche Statistik der deutschen Bundesstaaten. Band I 232—3. Со времени учрежденія Таможеннаго Союза статистика внѣшней торговли исчисляется относительно всего союза (для начала 40-хъ годовъ см. *Frhr. v. Reden.* Werth und Richtung des auswärtigen Handels Deutschlands въ Zeitschrift des Vereins für die deutsche Statistik, 1847 стр. 65. *O. Hübner* въ Jahrbuch für Volkw. u. Stat. Leipzig 1852, 1856, 1857. Ср. также Dieterizi, l. c. Для дальнѣйшаго времени *Bienengräber.* Statistik des Verkehrs und Verbrauchs im Zollverein für die Jahre 1842—1864. Berlin. 1868). Но эта статистика мало примѣнима въ нашихъ цѣляхъ, такъ какъ территорія Союза весьма обширна и включаетъ весьма разнообразныя экономически части, которыя нѣтъ возможности выдѣлить и разсмотрѣть особо.

прироста населенія насчетъ земледѣлія [1]). Это вполнѣ подтверждается и всѣми имѣющимися у насъ данными о распредѣленіи прироста населенія, какъ они были изложены выше. *Ростъ Прусскаго населенія въ первой половинѣ XIX вѣка падаетъ большей своей частью на счетъ деревни* (а также сельскохозяйственныхъ городовъ). Этотъ фактъ имѣетъ капитальную важность не только для пониманія разсматриваемой эпохи, но и всего экономическаго развитія Пруссіи (а отчасти и Германіи) въ XIX вѣкѣ.

Чѣмъ же обусловливается этотъ прогрессъ населенія? Является-ли онъ результатомъ развитія производительности земледѣлія или другихъ причинъ? Прогрессъ земледѣлія игралъ здѣсь, несомнѣнно, извѣстную роль; мы охарактеризуемъ его ниже. До извѣстной степени приростъ населенія самъ по себѣ сопровождался повышеніемъ производительности почвы, что̀ понятно какъ результатъ приложенія большаго количества труда на единицу площади вслѣдствіе увеличенія числа рабочихъ рукъ. Но есть основаніе думать, что ростъ населенія въ эту эпоху перешелъ границы, опредѣляемыя ему средствами существованія, и покупался цѣною пониженія уровня потребностей населенія, его обѣднѣнія, которое въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ вело къ голодному вымиранію населенія.

Великія потрясенія въ жизни народовъ выражаются иногда въ необычайномъ приростѣ населенія, несообразующимся ни съ какими хозяйственными условіями. Мы видѣли, что такимъ толчкомъ въ Англіи была массовая экспропріація и пролетаризація сельскаго населенія, за которыми послѣдовали самыя прискорбныя явленія перенаселенія. Такимъ толчкомъ для Пруссіи послужила *отмѣна крѣпостнаго права* (наибольшій приростъ населенія падаетъ именно на тѣ области, гдѣ оно ранѣе господствовало). Значеніе этой отмѣны для прироста населенія слишкомъ понятно.

[1]) Это понималось и современниками. Такъ напр. Котельманъ (фритрэдеръ) говоритъ: „насколько представляется поразительнымъ прогрессъ населенія Пруссіи, мы должны приписать его лишь прогрессу земледѣлія, подъему тѣхъ сельскохозяйственныхъ округовъ, которые столь удалены отъ фабричныхъ округовъ и столь недостаточно связаны съ ними искусственными путями сообщенія, что значительная торговля трудно транспортируемымъ хлѣбомъ между ними можетъ происходить лишь въ незначительной степени“ (*Kotelmann.* Die preussische Landwirtschaft. Berlin 1853, стр. 16).

Крѣпостной составляетъ орудіе производства для своего господина; послѣдній опредѣляетъ, въ какомъ количествѣ нужно это орудіе, свободы размноженія крѣпостной не имѣетъ. Въ этомъ смыслѣ съ раскрѣпощеніемъ населенія Европа вступила въ новую фазу популяціонистическаго развитія, когда свобода размноженія (и его регулированія) вошла неотъемлемой частью въ полноту правъ свободной, но экономически самоотвѣтственной личности. Война, голодъ, болѣзни производили опустошенія въ рядахъ крѣпостного населенія, нерѣдко слышатся жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ (иногда этотъ недостатокъ обусловливаетъ цѣлую хозяйственную революцію, вспомнимъ Черную Смерть въ Англіи), но здѣсь нѣтъ мѣста перенаселенію. Кнаппъ говоритъ о Пруссіи: „Въ рыцарскихъ имѣніяхъ всегда жалуются на значительный недостатокъ въ людяхъ; это можетъ проистекать и оттого, что подданный не имѣетъ права свободно вступать въ бракъ; требуется дозволеніе помѣщика. Хотя законъ и говоритъ, что въ этомъ согласіи можетъ быть отказано только при извѣстныхъ условіяхъ, но сколько средствъ имѣется въ распоряженіи у помѣщика, чтобы затруднить женитьбу! Въ особенности если онъ нуждается въ холостыхъ рабочихъ, онъ умѣетъ прогнать охоту жениться у своихъ людей“ [1]).

Когда путы, насильственно связывавшія движеніе населенія, порвались, населеніе неизбѣжно должно сдѣлать скачокъ, какъ освободившаяся отъ давленія пружина. При этомъ является, конечно, дѣломъ случайнаго совпаденія, позволяютъ или непозволяютъ условія экономическаго развитія этотъ скачекъ. Сюда присоединяется еще и то, что съ отмѣной крѣпостного права населеніе вступаетъ какъ бы въ новый экономическій міръ, условія котораго ему еще неизвѣстны, а потому и болѣе или менѣе сознательное приспособленіе размноженія къ средствамъ существованія невозможно; новый экономическій modus vivendi, въ которомъ не послѣднюю роль играетъ относительное количество населенія, еще предстоитъ создать. Эта неизвѣстность сходитъ за положительное условіе для способности человѣка къ размноженію, которая всегда вообще, а при крѣпостномъ правѣ въ особенности находится въ подавленномъ состояніи, въ положеніи упругой пружины, придавленной тяжестью борьбы за существованіе и поль-

[1]) Кнарр, I, 67.

зующейся всякой возможностью расправиться. Наконецъ, къ числу условій, поощряющихъ быстрое размноженіе, слѣдуетъ еще присоединить то обстоятельство, что нѣкоторая часть крестьянства была не только освобождена, но и обезземелена (nicht spannfähige и нѣкоторые изъ spannfähige), превращена въ пролетаріевъ. А извѣстно, что пролетаріи, безъ всякаго настоящаго и будущаго, размножаются быстрѣе всѣхъ другихъ классовъ населенія,—психологически это вполнѣ понятно, какъ результатъ безнадежности ихъ положенія. Пролетарское размноженіе въ промышленныхъ городахъ еще имѣетъ экономическій raison d'être; но въ деревняхъ, если излишнее населеніе не имѣетъ отлива въ города, оно образуетъ самый тяжелый соціальный осадокъ, создаетъ язву аграрнаго пауперизма, единственнымъ средствомъ излеченія которой является голодная смерть. Мы будемъ еще изучать явленіе аграрнаго пауперизма; здѣсь укажемъ только, что пауперы и составляли именно ту категорію, которая размножалась съ наибольшей энергіей. Энергію размноженія у другихъ, менѣе обиженныхъ при освобожденіи, крестьянъ усиливало обстоятельство, что они также были если не вполнѣ, то полуобезземелены и, слѣдовательно, сдѣлали крупный шагъ въ сторону пролетаріата, въ ряды котораго и попадали менѣе счастливые изъ нихъ.

У насъ есть драгоцѣнное свидѣтельство относительно характера роста населенія въ эту эпоху, проистекающее отъ одного изъ авторитетовъ статистики того времени, проф. Шуберта. Правда, свидѣтельство это относится только къ провинціи Пруссіи, слѣдовательно, имѣетъ въ виду ограниченную территорію. Но эта территорія находится въ среднихъ условіяхъ прусскаго востока, и выводы относительно ея могутъ быть съ нѣкоторымъ правомъ распространены на весь востокъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ утверждаютъ насъ свидѣтельства другого сельскохозяйственнаго авторитета того времени Александра фонъ-Ленгерке. Но за то относительно провинціи Пруссіи мы имѣемъ двѣ мастерскія картины, относящіяся къ моментамъ, отдѣленнымъ 10-лѣтіемъ, и потому дающимъ превосходный матеріалъ для сравненія [1]).

---

[1]) *Prof. Schubert.* Statistische Beurtheilung und Vergleichung einiger früherer Zustände mit der Gegenwart für die Provinz Preussen mit besonderer Berücksichtigung des jetzigen Nothstands dieser Provinz въ Zeitschrift des Vereins für deutsche Statistik. Berlin. 1847. Стр. 28 слл. Далѣе см. Prof. *Schubert.* Statistische Darstellung der fortschrittlichen Entwickelung der Landwirtschaft

Населеніе деревни (des platten Landes) въ Пруссіи, несмотря на холеру (1831 годъ) и другія мѣстныя эпидеміи (1829) возрастало въ гораздо сильнѣйшей степени чѣмъ городское. Въ декабрѣ 1843 года на 100 городскихъ жителей въ Пруссіи приходилось 380 сельскихъ; если сравнить эту цифру съ цифрой 1819 года, то за 24 года городское населеніе возросло лишь на 27%, а сельское на 53%. (Въ регирунгсбециркѣ Гумбиненѣ на 100 городскихъ жителей въ 1843 году приходилось 822 сельскихъ, и приростъ населенія съ 1819 года составлялъ для городского населенія 24%, а для сельскаго 54%). Приростъ этотъ въ незначительной степени падаетъ на долю помѣщиковъ, число которыхъ увеличилось благодаря дѣлежамъ имѣній всего на нѣсколько сотенъ; за то уменьшилось число крестьянскихъ владѣльцевъ, по мнѣнію Шуберта, по крайней мѣрѣ, на 20%. Число инстовъ, садовниковъ и сельскихъ ремесленниковъ также увеличилось мало. Такимъ образомъ, вся масса прироста падаетъ на категоріи Eigenkäthner (имѣющихъ въ собственности одну хату), Häusler (не имѣвшихъ даже и хаты и селившихся у другихъ крестьянъ) и Losleute (безземельныхъ и неимущихъ), слѣдовательно, на самые бѣдные классы общества, земледѣльческій пролетаріатъ („Ackerbauproletarier“), главныя средства къ жизни получающій отъ воздѣлыванія картофеля. Послѣдній воздѣлывается, конечно, худо, а въ случаѣ неурожая наступаетъ голодъ. Вотъ данныя относительно питанія этого населенія. Въ 1802 году на площади въ 1,178 кв. миль (безъ водъ 1,116) кормилось 1,573,000 жителей, въ 1819—1,638,000, а въ 1843 году уже 2,406,000. Если мы будемъ считать продовольственную норму только въ 4 шеффеля хлѣба на душу (въ оффиціальномъ актѣ того времени эта норма опредѣлена въ 6 шеффелей), то Пруссія за 24 года должна была бы увеличить свое потребленіе на 3,072,000 шеффелей хлѣба, чтобы прокормить въ 1843 году населеніе также какъ въ 1819 году. Но какъ ни были

---

und des auswärtigen Handelsverkehrs in der Provinz Preussen in den letzteren zehn Jahren въ Archiv für Landeskunde der preussischen Monarchie 4-er Band. IV Quartal. Berlin 1856. Стр. 252 слл. Имѣющееся въ виду сочиненіе *Lengerke*: Die ländliche Arbeiterfrage. Beantwortet durch die bei dem Königlich-Landes-Oeconomie Collegium aus allen Gegenden der preussischen Monarchie eingegangenen Berichte landwirtschaftlicher Vereine über die materiellen Zustände der arbeitenden Klassen auf dem platten Lande. Berlin. 1849.

значительны успѣхи сельскохозяйственной культуры за это время, всякій скажетъ, что увеличеніе это недостигнуто и на половину. Къ тому же увеличился вывозъ хлѣба изъ Пруссіи. За періодъ 1829—43 имѣются надежныя данныя, показывающія, что никогда вывозъ хлѣба не былъ такъ великъ какъ именно въ этотъ періодъ. Кёнигсбергъ въ самый цвѣтущій періодъ своей хлѣбной торговли, отъ американской освободительной войны до 1802 года, отправлялъ въ среднемъ ежегодно прусскаго хлѣба около 10,000 ластовъ, Эльбингъ за тотъ же періодъ—7,000 ластовъ, Данцигъ въ цвѣтущій періодъ 1797—1802 ежегодно 16,000 ластовъ. Слѣдовательно ежегодно изъ трехъ главныхъ гаваней страны вывозилось хлѣба собственнаго производства 33,000 ластовъ. Напротивъ, за періодъ 1829—1843 эта средняя для Кёнигсберга выше 17,000 ластовъ, Данцига—20,000 ластовъ, Эльбинга — 7,000 ластовъ, всего изъ трехъ гаваней, стало быть, 44,000 ластовъ (не считая Браунсберга, Мемеля, Фишгаузена).

Пособить себѣ въ случаѣ нужды можетъ только тотъ, кто имѣетъ сторонніе заработки, какъ это показываетъ примѣръ Вестфаліи и Рейнланда. Въ провинціи же Пруссіи „безъ преувеличенія цѣлая треть всего сельскаго населенія питается картофелемъ и лишена хлѣба, въ качествѣ обычной повседневной пищи“ [1]).

Уменьшеніе благосостоянія населенія пров. Пруссіи Шубертъ доказываетъ и на основаніи статистики скотоводства; число коровъ, напр., относительно уменьшилось: въ 1802 году было 100 коровъ на 379 человѣкъ, въ декабрѣ 1825 уже на 548 человѣкъ, а въ декабрѣ 1843 года на 565 человѣкъ. Относительное уменьшеніе произошло и въ количествѣ лошадей.

Замѣтимъ здѣсь, что относительное количество коровъ и рогатаго скота (о лошадяхъ скажемъ ниже) понижается вообще для

---

[1]) V. *d. Goltz* замѣчаетъ: „характеристика тогдашняго положенія вещей, данная Шубертомъ, по существу справедлива, хотя, можетъ быть, онъ и изобразилъ положеніе сельскаго населенія черезчуръ мрачными красками. Аграрнымъ законодательствомъ 1807 — 21 годовъ была предоставлена возможность и побужденіе къ необыкновенно значительному приросту низшихъ классовъ сельскаго населенія, между тѣмъ какъ въ то же время техника сельскаго хозяйства и сельскохозяйственное производство прогрессировали съ большой постепенностью“. (Die Entwickelung der ostpreussischen Landwirtschaft въ Jahrbuch für Volkswirtschaft und Verwaltung, hrsg. von G. Schmoller. 1883, стр. 812).

всего Прусскаго государства, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ. Одна штука приходилась на:

Годы.	Рогатаго скота.	Коровъ.
1816	4,8 человѣкъ.	2,58 человѣкъ.
1819	4,75 „	2,57 „
1822	4,94 „	2,75 „
1825	4,97 „	2,81 „
1828	5,09 „	2,91 „
1831	5,18 „	2,93 „
1834	5,13 „	2,83 „
1837	5,18 „	2,91 „
1840	5,34 „	3 „
1843	5,38 „	3,07 „

Приведя эти данныя, оптимистичный Дитерици не рѣшается объяснить относительное уменьшеніе скота улучшеніемъ его породы, а допускаетъ, что таблица эта „правильно изображаетъ дѣйствительное положеніе вещей“. Пониженіе народнаго благосостоянія выражается и въ уменьшеніи средняго потребленія спирта на душу населенія [1]).

Естественнымъ результатомъ такого развитія были голодовки и эпидеміи, благодаря которымъ смерть уносила избыточныя существованія. Яркую характеристику этого трагическаго процесса, который слишкомъ знакомъ русскому человѣку и—увы!—въ удесятеренной пропорціи, даетъ свидѣтельство того же Шуберта 10 лѣтъ спустя. Общее положеніе дѣла улучшилось за это время, пропорція городского населенія увеличилась,—на 100 городскихъ

---

[1]) Изслѣдуя производство спирта до 40-хъ годовъ, оптимистичный Гофманъ (см. Sammlung der kleinen Schriften des staatswirtschafttlichen Inhalts, статья „Darstellung des Zustandes, worin sich die Bereitung und der Verbrauch des Branntweins in Bezug auf Staatswirtschaft und sittliche Verhältnisse dermalen im Preussischen Staat befindet“ Berlin. 1843. Стр. 480) приходитъ къ выводу, что, несмотря на значительное производство спирта, потребленіе его не увеличилось. Напротивъ, Котельманъ (Die Preussische Landwirtschaft, 188 слл.) доказываетъ для 40-хъ годовъ, сопоставляя цифры уменьшившагося производства и увеличившагося вывоза, рѣшительное уменьшеніе потребленія спирта на голову населенія. Подробную статистику производства спирта см. въ цитированныхъ сочиненіяхъ Гофмана и Котельмана, а также у Мейцена.

жителей въ 1855 году приходится уже 365 сельскихъ, противъ 380 въ 1843 году. Но улучшеніе это, по словамъ самого Шуберта, объясняется нестолько приростомъ городского населенія, сколько *вымираніемъ* сельскаго. Въ округѣ Гумбинненѣ за десятилѣтіе 1820—30 г. былъ сильнѣйшій въ государствѣ приростъ населенія, по переписи же 1855 года сравнительно съ 1852 г. обнаруживается *убыль*, хотя и незначительная (0,07% въ годъ). Причиной этого являются, „несомнѣнно, голодные года съ опустошительными болѣзнями, какъ ихъ послѣдствіемъ“.

Изъ оффиціальной статистики извѣстно, что уже за трехлѣтіе 1846—49 населеніе уменьшилось въ обоихъ округахъ восточной Пруссіи (Кенигсбергъ и Гумбинненъ), гдѣ былъ голодъ въ 1847 году; въ Познани (въ обоихъ округахъ: Познани и Бромбергѣ), гдѣ былъ голодъ въ 1847 году, а въ 1848 была особенно чувствительна политическая буря; въ Силезскомъ округѣ Оппельнъ, гдѣ тифъ похитилъ много жертвъ. Изъ памяти современниковъ совершенно изгладилось, что теперешняя Пруссія всего полстолѣтія тому назадъ была опустошаема въ аграрныхъ своихъ округахъ голодовками и въ результатѣ ихъ эпидеміями.

Характеристика Шуберта вполнѣ подтверждается въ анкетѣ Landes-Oekonomie-Collegium, изданной Ленгерке. Заслуживаетъ замѣчанія, что свѣдѣнія туда были доставлены сельскохозяйственными союзами, состоящими исключительно изъ предпринимателей [1]), потому, если они и могутъ быть тенденціозны, то только въ сторону оптимизма. И тѣмъ не менѣе картина, рисуемая этими отчетами, поражаетъ своей мрачностью, по крайней мѣрѣ, относительно восточныхъ провинцій.

Рѣзко различаются двѣ категоріи сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Положеніе инстовъ, имѣющихъ постоянный заработокъ, рисуется повсемѣстно удовлетворительными чертами. „Инсты въ Прусской монархіи повсюду могутъ удовлетворять свои потребности своими заработками достаточно, хотя и не вездѣ постоянно“ [2]). За то положеніе „свободныхъ“ т. е. нанимаемыхъ не по контракту, а сдѣльно рабочихъ, какъ живущихъ въ соб-

---

[1]) Отвѣты на циркуляръ Landes-Oekonomie-Collegium были получены всего отъ 168 ферейновъ, именно изъ Пруссіи 39, Бранденбурга 18, Помераніи 18, Силезіи 38, Саксоніи 14, Вестфаліи 13, Рейнланда 25.

[2]) *A. v. Lengerke.* Die ländliche Arbeiterfrage 14.

ственныхъ избахъ такъ и въ чужихъ весьма тяжело. Относительно первыхъ говорится, что ихъ положеніе „въ общемъ менѣе благопріятно, чѣмъ положеніе инстовъ во многихъ мѣстностяхъ и во многихъ случаяхъ оно даже не лучше, чѣмъ положеніе бездомовныхъ“ (14), а относительно послѣднихъ сообщается, что „ихъ существованіе въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ скудное и безнадежное“ (17). Приведемъ нѣсколько деталей относительно нѣкоторыхъ округовъ.

Положеніе Einlieger (бездомовныхъ) въ округѣ Кенигсбергъ рисуется слѣдующими чертами. Лѣтомъ они обыкновенно находятъ работу, зимою въ нѣкоторыхъ дистриктахъ ея нѣтъ. Въ работѣ принимаютъ участіе и женщины, и дѣти. Заработная плата мужчины колеблется отъ 4 до 10 зильбергрошей [1]) и женщины отъ 4 до 6. На вопросъ, увеличивается-ли этотъ классъ, данъ отвѣтъ: „происходитъ прогрессивное увеличеніе“. (92).

Еще худшими чертами рисуется положеніе этого же класса въ Гумбинненѣ: постоянную работу этотъ классъ находитъ лишь въ немногихъ округахъ и притомъ рѣдко; какъ правило, онъ имѣетъ ее только лѣтомъ, и притомъ весьма нерегулярно, часто лишь во время жатвы; во время жатвы работаютъ также и жены ихъ, которыя зимой прядутъ (какъ и въ Кенигсбергѣ), дѣти употребляются лѣтомъ въ качествѣ пастуховъ. Обычная заработная плата мужчины 5—6 зильбергрошей, женщины 3—5; зимой заработная плата понижается еще на 1 згр. и даже болѣе.

Увеличивается-ли число этихъ рабочихъ сравнительно съ инстами? „Сепарація, благопріятные годы, склонность къ независимости и заключеніе легкомысленныхъ браковъ послужили условіями, благопріятствующими прогрессивному увеличенію этого класса сравнительно съ инстами; за послѣднее время однако недороды и дороговизна снова положили предѣлы растущему увеличенію. Ростъ населенія соотвѣтствуетъ въ общемъ непосредственно урожаямъ картофеля“. Это относится ко всѣмъ свободнымъ рабочимъ вообще. Въ частности что касается бездомовныхъ, то „картофель имѣетъ для нихъ то же значеніе. Положеніе ихъ всегда и повсюду ненадежное (precaire), худшее, чѣмъ всѣхъ другихъ категорій. Не родится это главное средство ихъ питанія, они тотчасъ же впадаютъ въ голодъ и нищету“ (102).

---

[1]) Зильбергрошъ—около 4—5 коп.

Въ округѣ Данцигѣ „хотя положеніе отдѣльныхъ представителей этого класса различается соотвѣтственно различной возможности заработка, трудолюбію и искусству, но въ общемъ оно представляется тяжелымъ, невѣрнымъ, отяготительнымъ для общества“ (105). Заработная плата мужчины поднимается до 15 згр. лѣтомъ, женщины до 7.

Въ Маріенвердерѣ заработная плата мужчины 6 — 10 згр., женская — 4—6 згр. лѣтомъ. Положеніе рабочихъ жалкое, хотя особеннаго недостатка въ работѣ нѣтъ.

Въ Штеттинѣ работа находится также только лѣтомъ, зимою не всегда. Заработная плата колеблется для мужчины отъ 5 до 15 згр.; для женщинъ отъ 5 до $7^1/_2$ згр. и т. д.

Читатель видитъ, что нищенскія условія существованія этого класса сельскаго населенія могли бы быть улучшены только значительнымъ отливомъ населенія въ города, въ промышленность, но мы видѣли уже по задержанному приросту населенія городовъ и промышленныхъ провинцій, что они вполнѣ насыщены населеніемъ. Излишекъ населенія аграрныхъ округовъ при слабости эмиграціи долженъ поэтому оставаться на мѣстѣ, порождая аграрный пауперизмъ. Мы вправѣ характеризовать состояніе Пруссіи къ концу сороковыхъ годовъ, какъ *состояніе общаго перенаселенія*, которое могло быть устранено только переходомъ къ высшей хозяйственной формѣ, допускающей большую емкость территоріи относительно населенія. Емкость территоріи при старыхъ способахъ производства была исчерпана, въ этомъ смыслѣ старая организація народнаго хозяйства достигла мертваго пункта, съ котораго необходимо должна была сойти, движеніемъ впередъ (какъ это фактически и произошло) или назадъ (какъ мы будемъ это наблюдать въ Ирландіи) [1]).

[1]) Ср. Зомбартъ: „въ срединѣ XIX столѣтія экономическое развитіе Германіи дошло до мертвой точки: старыя организаціонныя формы отказывались служить, а новыя еще не окрѣпли. Этимъ объясняются тѣ жалобы на „нужду“ и „бѣдность“, которыя мы слышили тогда со всѣхъ сторонъ Германіи. Перенаселеніе, излишекъ рабочихъ въ деревняхъ, безработица въ городахъ, вѣчное исканіе работы въ городѣ и деревнѣ— вотъ характерныя черты того времени“ (l. c. 17). Зомбартъ не поясняетъ однако этой черезчуръ общей характеристики выдѣленіемъ основныхъ моментовъ, дѣлавшихъ положеніе вещей переходнымъ и критическимъ. Я лично вижу основной моментъ въ состояніи населенія какъ Пруссіи, такъ и всей Германіи въ эту эпоху.

Характеристика Пруссіи въ первую половину XIX вѣка какъ аграрнаго государства приложима, въ общемъ, и къ остальной территоріи Таможеннаго Союза, которая приблизительно совпадаетъ съ территоріей теперешней Германской имперіи. Разумѣется, и здѣсь представляются тѣ же различія между болѣе и менѣе промышленными частями страны, какъ между западомъ и востокомъ Пруссіи. Самой промышленной частью Союза съ наибольшимъ преобладаніемъ городскаго населенія является тогда, какъ и теперь, Саксонія. Уже въ 1834 году здѣсь считалось на 1,595,668 жителей общаго населенія 523,771, т. е. около $^1/_3$ городского [1]). Въ 1849 году населеніе распредѣлялось здѣсь по профессіямъ такъ: на сельское хозяйство, лѣсоводство и т. под. 32,27%, на горное дѣло, промышленность и т. под. 47,62%, на торговлю и средства сообщенія 4,63% [2]). Дитерици писалъ о промышленномъ развитіи Саксоніи [3]), что „эта склонность населенія къ занятіямъ промышленностью въ Саксоніи весьма древняго происхожденія и ведетъ его, можетъ быть, уже съ 5-го и 6-го столѣтія“. Хотя земледѣліе находится здѣсь и въ цвѣтущемъ состояніи, однако „несмотря на заботливое воздѣлываніе собственныхъ полей, благодаря плотности населенія, не хватаетъ хлѣба, въ особенности же нуждается въ привозѣ хлѣба изъ другихъ государствъ переполненный рудокопами и премышленниками горный округъ“. Хотя Саксонія была и наиболѣе промышленной частью Германіи, но характеръ промышленности остается и здѣсь одинъ и тотъ же, т. е. преобладаетъ мелкая форма промышленности. За то всѣ остальныя части Таможеннаго Союза носятъ рѣзко выраженный аграрный характеръ. Напримѣръ, въ Тюрингенѣ [4]) процентъ городскаго населенія, равный въ 1834 г.

---

[1]) Statistisches Jahrbuch für das Königreich Sachsen für das Jahr 1877 Dresden. Стр. 110.

[2]) *Langsdorf.* Die Landwirtschaft in Königreich Sachsen und ihre Entwicklung in den Jahren 1876 bis einschliesslich 1879. Dresden. 1881. Стр. 46. Ср. также Das Königreich Sachsen in statistischer und staatswirtschaftlicher Beziehung von *E. Engel* Dresden. 1853. Band I, 608—9.

[3]) *Dieterizi.* Statistische Uebersichten der wichtigsten Gegenstände des Verkehrs und Verbrauchs im Preussischen Staat und im deutschen Zollverbande in dem Zeitraum von 1831 bis 1836 Berlin, Posen und Bromberg 1838. Стр. 67.

[4]) *Hildebrand.* Statistik Thüringens. Jena. 1866. Стр. 105. Дитерици въ цитир. сочиненіи говоритъ о Тюрингенѣ: „земледѣліе и скотоводство находятся въ Тюрингенѣ въ цвѣтущемъ состояніи и вполнѣ удовлетворяетъ

30,05%, въ 1849 равняется лишь 20,38%, за 15 лѣтъ приростъ на $^1/_3$%. Въ Баваріи въ 1840 году городское населеніе равно 766,623 при 4,370,977 общаго населенія; за промежутокъ 1834—40 городское населеніе остается относительно неподвижно, между тѣмъ какъ сельское увеличивается на 0,27% [1]). Нечего и говорить о мелкихъ государствахъ,—Баденѣ, Вюртембергѣ, которыя и до сихъ поръ носятъ въ значительной степени аграрный характеръ [2]). Для всего Союза является знаменательнымъ фактомъ превышеніе вывоза продуктовъ земледѣлія надъ ввозомъ, которое, при данныхъ условіяхъ, является самымъ несомнѣннымъ признакомъ аграрнаго характера страны [3]).

потребности густого населенія, хотя хлѣбъ и не составляетъ важнаго предмета вывоза" (70).

[1]) См. Jahrbuch für Statistik Bayerns 1894—95. Для болѣе раннихъ эпохъ см. въ особенности *Ignaz Rudhart.* Ueber den Zustand des Königreichs Bayern. Stuttgart. 1825 I—III.

[2]) Въ Баденѣ, напр., уже въ 1864 году приходилось на 1,428,035 населенія 370,878 городскихъ жителей (Statistisches Jahrbuch für das Grossherzogthum Baden, томъ 20, стр. 14—15, также томъ 27, стр. 30—31).

[3]) Вотъ данныя о ввозѣ и вывозѣ разныхъ хлѣбовъ (въ шеффеляхъ) относительно таможеннаго Союза, а параллельно и Пруссіи.

Годы.	Ввозъ.		Вывозъ.	
	Союзъ.	Пруссія.	Союзъ.	Пруссія.
1832	1,691,442	—	4,878,278	—
1833	593,231	—	4,599,378	—
1834	697,247	—	5,330,603	—
1835	485,090	—	4,381,864	—
1836	729,343	—	8,110,710	—
1837	1,040,878	174,236	8 811,623	6,563,121
1838	1,922,020	202,310	8,462.501	6,368,102
1839	2,304,726	305,471	11,997,861	9,083,479
1840	1,549.874	410,099	11,348,234	9,067,909
1841	1,031,757	186,837	13,693,354	11,353,026
1842	1,356,370	202,846	9,976,600	8,561,002
1843	2,755.239	1,378,330	6,693,225	4,538,995
1844	3,256,634	890,138	7,625,530	5,801,985
1845	2,857,949	1,140,487	7,835.957	5,636,498
1846	5,861,139	3.972,127	7,083,088	4,938,453
1847	8.058,844	6,251.183	6,902,185	5,255,884
1848	850,422	313,575	12,901,204	10,250,227
1849	889,561	194,525	13,959,814	10,430,212
1850	1.149,773	229,198	16,653,107	12,725,006

(Kotelman, l. c. 25—26).

Но возвратимся къ прусскому земледѣлію. Не взирая на общій народнохозяйственный застой, прусское земледѣліе въ эту эпоху испытываетъ чрезвычайное оживленіе, обнаруживаетъ значительные успѣхи, возможность которыхъ создана была освободительнымъ законодательствомъ. *Ф. д. Гольцъ* слѣдующимъ образомъ характеризуетъ прогрессъ земледѣлія въ первой половинѣ XIX вѣка. „Благодаря аграрному законодательству и усиліямъ отдѣльныхъ выдающихся представителей науки и практики нѣмецкое земледѣліе и сельское населеніе въ первой половинѣ XIX вѣка испытали полный переворотъ. Каждый землевладѣлецъ отъ мелкаго владѣльца одной лишь усадебной земли до владѣльца рыцарскаго имѣнія могъ располагать теперь свободно собою, а также и своею землею... Чистое трехполье исчезло; оно было замѣнено улучшенной трехпольной системой или же плодоперемѣннымъ хозяйствомъ. Точно также полный переворотъ испытало и травяное хозяйство, которое стало вестись на основаніи правилъ относительно послѣдовательности разныхъ растеній. Были введены новыя и лучшія орудія и машины; землю не вспахивали уже какъ прежде, на глубину 4—5 дюймовъ, но на 8—10 дюймовъ. Заведенъ былъ болѣе работоспособный скотъ; кормленіе скота стало обильнѣе и болѣе приспособлено къ спеціальной цѣли. Чрезъ это достигалось вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе обильное производство удобренія, а при этомъ и возможность интенсивнѣе воздѣлывать поле и получать съ него большій доходъ. Прогрессъ, сдѣланный нѣмецкимъ земледѣліемъ за полстолѣтіе 1800—1850, больше чѣмъ тотъ, который былъ имъ испытанъ за предшествующее тысячелѣтіе“ [1]).

Прогрессъ этотъ, поскольку онъ распространялся на всѣ слои населенія, былъ прямымъ результатомъ роста населенія и соотвѣтствующаго роста натуральнаго потребленія, которому и отвѣчало расширеніе производства. Связь этихъ явленій понятна сама собою. Но есть всѣ основанія думать, что земля въ это время (даже еще и въ предшествующую эпоху) разсматривается все болѣе и болѣе какъ источникъ дохода; черты натуральнохозяйственной, самодовлѣющей организаціи общества уступаютъ все болѣе чертамъ хозяйства мѣнового, крупное хозяйство становится постепенно капиталистическимъ предпріятіемъ, производящимъ на ры-

[1]) *v. d. Goltz.* Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik, 42.

нокъ, ради дохода, и отъ рынка зависящимъ. Внѣшнимъ событіемъ, раздѣляющимъ эпоху преобладанія натуральнаго хозяйства въ земледѣліи и мѣнового, явилось освобожденіе крестьянъ, бывшее, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніемъ капиталистическаго земледѣльческаго предпріятія и ликвидаціей старинныхъ обязанностей помѣщика относительно крестьянъ. Если крестьянское хозяйство могло усиливать производство въ цѣляхъ своего потребленія, то помѣщичье хозяйство стало производить спеціально для обмѣна (само собою разумѣется, за вычетомъ натуральнаго потребленія рабочихъ, которое могло составлять, конечно, различную долю всего производства, въ зависимости отъ общей производительности сельскаго хозяйства). Но было бы даже для этого періода неправильно разсматривать и крестьянское хозяйство только какъ потребительское. И къ нѣмецкому крестьянину того времени примѣнимо удачное выраженіе Щербины, сказанное о русскомъ крестьянинѣ, что онъ можетъ не покупать, но онъ не можетъ не продавать. Хотя нѣмецкій мужикъ былъ въ весьма малой степени потребителемъ рыночныхъ продуктовъ, но это не мѣшало ему быть плательщикомъ—не только налоговъ, по и выкупныхъ платежей, составлявшихъ сумму не малую [1]).

---

[1]) Поэтому неправъ Зомбартъ, давая слѣдующую характеристику (уже для конца 40-хъ годовъ): „тоже... что о крестьянскихъ хозяйствахъ, въ сущности можно сказать и о помѣщичьихъ хозяйствахъ того времени. Помѣщичьи хозяйства являются еще автономными производительными и потребительными единицами. Производство излишка еще слишкомъ незначительно: вывозъ хлѣба играетъ лишь второстепенную роль въ сравненіи съ общими цифрами урожая. Въ то время какъ вывезено было 2,6 милл. шеффелей пшеницы, на мѣстное употребленіе ушло 10,3 милл. шеффелей; ржи было вывезено 2,4 милл., а потреблено на мѣстѣ цѣлыхъ 53. милл. Изъ суммъ, приходящихся на мѣстное потребленіе, въ города отправлялось лишь нѣсколько болѣе одной четверти; остальной хлѣбъ потреблялся тамъ же, гдѣ былъ собранъ“ (l. c. 54). Приведенныя цифры нисколько не подтверждаютъ выставленнаго положенія: мѣстное потребленіе населенія во всякомъ случаѣ составляетъ значительную долю земледѣльческаго продукта даже при самой высшей степени развитія земледѣлія; еще менѣе эти цифры способны подтвердить натуральный характеръ помѣщичьяго хозяйства, потому что по нимъ нельзя судить, какая доля отчуждаемаго хлѣба производится въ помѣщичьемъ и какая въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и, очевидно, первая доля будетъ много выше второй. Не думаю, чтобы современное крупное земледѣльческое хозяйство, которое и Зомбартъ не признаетъ за натуральное, отчуждало относительно

Прогрессъ земледѣлія шелъ, такимъ образомъ, какъ со стороны натуральнаго потребленія, такъ и производства для обмѣна. Но онъ обнаруживается по преимуществу въ мѣновыхъ хозяйствахъ, т. е. хозяйствахъ крупныхъ.

Необходимымъ условіемъ этого прогресса было, очевидно, расширеніе рынка. Но рынокъ, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, былъ необходимо ограниченъ, и отдѣльныя части территоріи могутъ быть болѣе удалены другъ отъ друга чѣмъ государства. Расширеніе рынка проистекало изъ двухъ основныхъ условій. Первымъ былъ ростъ городского неземледѣльческаго населенія. Мы знаемъ, что относительно городское населеніе было почти неподвижно, но для насъ имѣетъ здѣсь значеніе *абсолютный* ростъ городского населенія, ибо, если относительная цифра городского населенія характеризуетъ общій характеръ народнаго хозяйства, то для земледѣльческаго производства, имѣющаго дѣло съ опредѣленной площадью, важно и абсолютное число потребителей продуктовъ земледѣлія. Наибольшее количество городского населенія было на западѣ Германіи, и это отражалось на уровнѣ цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства, причемъ разница между цѣнами въ разныхъ провинціяхъ, соотвѣтственно слабому развитію путей сообщенія, была очень велика. Вотъ для примѣра данныя о среднихъ цѣнахъ на пшеницу въ 1831 году: среднее для государства 78,9 згр., въ Пруссіи 75,5, Познани 78,2, Помераніи и Бранденбургѣ 74,9, Силезіи 71,9 Саксоніи 67, Вестфаліи 92,11, Рейнландѣ 91,2 [1]). Высокій уровень цѣнъ на западѣ объясняется, впрочемъ, не только значительнымъ городскимъ населеніемъ, но и сосѣдствомъ густонаселенныхъ мѣстностей Европы, куда и Вестфалія и Рейнская провинція въ это время еще вывозятъ хлѣбъ [2]).

большую долю производимыхъ имъ хлѣбовъ, нежели тогда. Добавимъ, что цифры эти весьма проблематичны, за отсутствіемъ статистики посѣвовъ, урожайности и т. д., такъ что, строго говоря, не могутъ служить въ качествѣ аргумента pro или contra. Наконецъ, вывозъ продуктовъ сельскаго хозяйства не исчерпывается хлѣбомъ, а включаетъ шерсть, водки и т. д.

[1]) Kotelmann, 18. Къ 50-мъ годамъ эта разница цѣнъ уже нѣсколько сглаживается. Въ 1851 году напр.: при средней цѣнѣ 62,10 наивысшая цѣна (въ Рейнской пров.) была 68,5, наинизшая 60,3 (въ Познани).

[2]) Дитерици (Statistische Uebersichten etc., 29) въ 1834 году писалъ о Рейнландѣ и Вестфаліи, что, несмотря на чрезвычайную густоту населенія, „почти повсемѣстно плодородная почва прокармливаетъ при заботливомъ воздѣлываніи населеніе“. А въ 1847 году еще Ленгерке пишетъ, что

Сомнительно, чтобы вліяніе высокихъ цѣнъ запада достигало восточныхъ провинцій, только что стряхнувшихъ съ себя крѣпостное право: ихъ раздѣляло слишкомъ обширное пространство, при отсутствіи непрерывнаго воднаго пути. Источникъ своего благополучія эти провинціи нашли, какъ мы уже знаемъ, въ англійскомъ рынкѣ; экономическое развитіе Англіи обусловило разцвѣтъ прусскаго капиталистическаго земледѣлія; восточныя провинціи Пруссіи составляютъ въ это время аграрный округъ Англіи, и дѣлятъ радость и горе вмѣстѣ съ англійскимъ земледѣліемъ [1]). Извѣстно, въ чемъ состояли радости: это былъ подъемъ цѣнъ, вызываемый постепеннымъ ростомъ рынка и дозволявшій прогрессивное повышеніе производительности почвы [2]). Движенію цѣнъ на англійскомъ рынкѣ, въ общемъ, соотвѣтствовало повышательное движеніе на прусскомъ рынкѣ, хотя и безъ такихъ колебаній обусловленныхъ таможенной политикой. Среднія цѣны въ Берлинѣ за шеффель пшеницы были: 1821 — 30 гг. 55 згр. 1831 40 гг.—63 згр., 1841—46 гг. 69,2 згр.; на рожь за тѣ же періоды: 36,1,—42,11,—48,10 згр.; на ячмень 23,—26,6,—28,3. Вмѣстѣ съ тѣмъ, частью подъ вліяніемъ повыше-

главнымъ продуктомъ рейнскаго земледѣлія былъ хлѣбъ, особенно пшеница,—„которая не только вполнѣ удовлетворяютъ значительныя потребности самой провинціи, но въ сѣверозападной ея части, гдѣ земледѣліе особенно процвѣтаетъ, производится даже для вывоза“ (A. von *Lengerke*. Beiträge zur Kenntniss der Landwirtschaft in den Königlich Preussischen Staaten. B. II. I Abth. Entwurf einer Agrikulturstatistik des preussischen Staates. Berlin. 1847, стр. 187). О высокой доходности западнаго земледѣлія см. у Рейхеншпергера (*Reichensperger*. Die Agrarfrage. Trier. 1847. 410 слл.) Котельманъ въ 1850 году причисляетъ Рейнскую провинцію уже къ числу ввозящихъ хлѣбъ, въ разрядъ которыхъ она несомнѣнно попадаетъ во второй половинѣ XIX вѣка.

[1]) Листъ смѣялся надъ этой ролью Пруссіи относительно Англіи, явно карикатуря экономическую сторону этихъ отношеній: „нѣмецкое земледѣліе снабжаетъ англичанъ на 1 день и 9 часовъ жизненными припасами, чтобы они дали нѣмцамъ 1 лотъ шерсти для одежды (слѣдовательно, удовлетворили ихъ потребность въ шерсти на одинъ только день въ году) и позволили каждому лицу мужского пола ежегодно выпить 10 капель рейнвейна“ (*Friedrich List*. Gesammelte Schriften, II, 283. Статья „Ueber die Beziehung der Landwirtschaft zur Industrie und zum Handel“).

[2]) Статистика вывоза съ 1837 года была уже дана выше. Свѣдѣнія о вывозѣ въ Англію см. въ цитированномъ отчетѣ консула Якоба (Appendix X). За періодъ 1823—28 перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ пшеницы и полбы изъ Пруссіи равенъ 7,068,268 шеффелей, въ среднемъ 1,178,044$^{2}/_{3}$ шеффелей.

нія дохода отъ земли, а частью спроса на нее со стороны возрастающаго населенія расли цѣны на землю [1]).

Прусское земледѣліе должно было отчасти дѣлить и горести англійскаго, что̀, пожалуй, еще характернѣе для пониманія ихъ взаимныхъ отношеній. Мы знаемъ уже, какую острую болѣзнь пережило въ 20-хъ годахъ XIX вѣка англійское земледѣліе; эту же болѣзнь пережило по своему и прусское земледѣліе, въ исторіи котораго кризисъ 20-хъ годовъ составляетъ весьма яркую страницу [2]). Паденіе цѣнъ въ Англіи въ результатѣ прекращенія войнъ тѣмъ острѣе почувствовалось въ сѣверовосточныхъ провинціяхъ Пруссіи, что совпало съ рядомъ необыкновенно благопріятныхъ урожаевъ; благословеніе неба здѣсь, какъ и въ Англіи, послужило источникомъ бѣдствій для капиталистическаго земледѣлія, которое, естественно, являлось главнымъ поставщикомъ на англійскій рынокъ. Между тѣмъ предшествовавшее повышеніе цѣнъ придало земледѣлію чрезмѣрно быстрый темпъ развитія. Цѣны упали такъ, что въ Берлинѣ въ 1824 году 100 килограммовъ пшеницы стоили 9,98 марокъ, между тѣмъ какъ средняя цѣна за 10-лѣтіе 1801 — 1810 была 23,24 марки [3]). Вывозъ хлѣба въ Англію изъ Данцига и Эльбинга,

---

[1]) По мнѣнію Гольца, „можно утверждать, что уже съ 30-хъ годовъ 19 вѣка продажная цѣна земли опредѣлялась выше нежели въ соотвѣтствіи цѣнности ея по доходу. Какъ покупатели, такъи продавцы расчитывали съ вѣроятностью, что въ будущемъ можно ожидать еще дальнѣйшаго роста чистаго дохода, а вмѣстѣ и капитальной цѣнности, и соотвѣтственно опредѣляли свои предложенія и требованія. Этотъ расчетъ оказывался для 30—40 годовъ удовлетворительнымъ“ (l. c. 43).

[2]) Исторія кризиса 20-хъ годовъ нашла исчерпывающее изложеніе въ монографіи *Ucke*. Die Agrarkrisis in Preussen während der zwanziger Jahre dieses Jahrhunderts Halle 1888. (На этой работѣ основано изложеніе Конрада въ статьѣ Agrarkrisis въ Handw. d. Staatsw.). Изъ сочиненій того времени важнѣйшія: цитированный отчетъ Якоба, далѣе цит. работы Шуберта; особенно *Avenarius* Ueber den Verkauf zahlreicher adeliger Güter in der Provinz Preussen. Halberstadt. 1828. Изъ новой литературы ср. еще *Carl Jentsch*. Die Agrarkrisis. Leipzig 1899, глава I.

[3]) Въ началѣ кризиса процвѣтало овцеводство, поощряемое пониженіемъ пошлины на шерсть въ Великобританіи. Въ 1816 году ввозъ прусской шерсти въ Англію оцѣнивался въ 3 милл. ф. ст., въ 1823 году уже выше 12 м. ф. ст., въ 1824 году выше 15 м., еще выше въ 1825 году, когда всего было ввезено шерсти въ Англію на 44 м. ф. ст. и прусскій ввозъ составлялъ около половины. Но съ 1825 года падаютъ цѣны и на шерсть,

въ 1800—05 гг. составлявшій 382,735$^{7}/_{10}$ ластовъ, въ 1821—1825 въ среднемъ составлялъ всего 52,958$^{1}/_{10}$. Въ результатѣ страшнаго пониженія цѣнъ на продукты земледѣлія въ Англіи, „въ лежащихъ у Остзе странахъ, привыкшихъ опредѣлять цѣну своихъ продуктовъ соотвѣтственно сбыту въ Англію, цѣна сельскихъ имѣній пала невѣроятно, уплата процентовъ за долги въ значительной степени прекратилась; большая часть землевладѣльцевъ не могли удержать своихъ задолженныхъ имѣній; кромѣ того, многіе поспѣшили продать свои имѣнія, чтобы благодаря ихъ бездоходности не впасть въ полнѣйшую бѣдность; субгастаціи еще болѣе увеличивали предложеніе имѣній, и покупатели находились только за самыя ничтожныя цѣны“ (Шубертъ). Высокую задолженность крупнаго землевладѣнія, оказавшуюся для него гибельной во время кризиса, Авенаріусъ объясняетъ тѣмъ, что у помѣщиковъ, расширившихъ свое землевладѣніе насчетъ крестьянскаго въ результатѣ реформы, не хватало капитала на воздѣлываніе, тѣмъ болѣе, что и на прежнихъ своихъ земляхъ, раньше воздѣлывавшихся крестьянскимъ инвентаремъ, теперь приходилось уже работать своимъ собственнымъ. Осложняющимъ и обостряющимъ кризисъ моментомъ явился поэтому переходъ отъ хозяйства, основаннаго на крѣпостномъ трудѣ, къ хозяйству, основанному на свободномъ трудѣ и затратѣ предпринимательскаго капитала [1]). Кризисъ поднялъ цифру роста задолженности за 10-лѣтіе 1815 — 1825 до 21 милл. марокъ, противъ 10 милл. предыдущаго 10-лѣтія и 17 милл. послѣдующаго (несмотря на паденіе цѣнъ на землю).

Кризисъ этотъ, имѣвшій характеръ острой болѣзни, не оказалъ глубокаго вліянія на прусское земледѣліе; слѣды его изглаживаются уже въ 30-хъ годахъ. Онъ имѣетъ скорѣе симптоматическое значеніе, являясь, до извѣстной степени, капиталистическимъ крещеніемъ для прусскаго земледѣлія. Естественно, что онъ коснулся гораздо болѣе крупнаго земледѣлія, производившаго на вывозъ

и перестаетъ быть доходнымъ и овцеводство; кромѣ какъ въ крупныхъ хозяйствахъ.

[1]) „Переходъ отъ старыхъ патріархальныхъ отношеній въ новое положеніе былъ связанъ съ большими издержками и затратами, что́ было для землевладѣльца тѣмъ тяжеле, чѣмъ ограниченнѣе было его состояніе... чѣмъ болѣе онъ былъ обремененъ ипотекой и другими долгами“ (Avenarius, 17).

въ Англію, но, если количественно его разрушительное вліяніе было наиболѣе сильно для крупнаго хозяйства, то оно было зато гораздо гибельнѣе для мелкихъ хозяйствъ, которыхъ только оно коснулось. У насъ есть лишь единичныя указанія (по даннымъ Шмальца, въ литаускомъ департаментѣ въ 1822 году изъ 1,600 крестьянскихъ имѣній не менѣе 1,000 было продано съ торговъ за самыя низкія цѣны, потому что владѣльцы ихъ не въ состояніи были платить налоговъ). Но нетрудно понять, что тамъ, гдѣ крупный хозяинъ могъ спастись, войдя въ новые долги, мелкое хозяйство гибло, особенно хозяйство, только что возникающее послѣ крѣпостной зависимости крестьянъ и потрясенное еще войнами начала вѣка [1]).

Мы коснулись важнаго и интереснаго вопроса объ отношеніяхъ крупнаго и мелкаго хозяйства въ первую половину вѣка. При разсмотрѣніи этого вопроса слѣдуетъ рѣзко разграничить востокъ, гдѣ господствовало крѣпостное хозяйство, и западъ Пруссіи, въ которомъ XIX вѣкъ застаетъ уже значительную парцелляцію земли и мелкое крестьянское хозяйство. Шнееръ [2]) даетъ такую характеристику земледѣлія въ Рейнской провинціи: „крупныя имѣнія (рыцарскія имѣнія въ смыслѣ восточныхъ провинцій) въ Рейнской провинціи очень рѣдки, а тамъ, гдѣ они и существуютъ какъ извѣстныхъ размѣровъ земельная собственность, воздѣлываніе ихъ въ цѣломъ уже прекратилось, и его мѣсто заступила сдача въ аренду большей части принадлежащихъ къ имѣнію земель. Равнымъ образомъ и крупныя крестьянскія имѣнія уже давно уменьшились въ размѣрѣ благодаря отчужденію

[1]) О томъ, какъ разорительны были эти войны для сельскаго хозяйства, даютъ понятіе слѣдующія цифры. По свидѣтельству Шуберта, восточная Пруссія одна потеряла въ 1807 году 22% лошадей и 37% рогатаго скота цѣнностью всего въ 23 милл. талеровъ, а въ 1813 году 40% лошадей и 30% рогатаго скота цѣнностью въ 14 милл. талеровъ. Въ другихъ провинціяхъ количество скота уменьшилось вслѣдствіе войнъ еще болѣе, на половину или, по крайней мѣрѣ, на треть. Само собою разумѣется, что такая значительная потеря скота разоряла въ гораздо большей степени крестьянъ, чѣмъ крупныхъ хозяевъ.

[2]) *Schneer*. Die Dismembrationsfrage, mit Benutzung der amtlichen Quellen des königlich Preussischen Ministeriums des Innern въ Archiv der politischen Oeconomie und Polizeiwissenschaft, herausgegeben von Rau und Hanssen. 1845, стр. 33. Характеристика эта подтверждается всѣми писателями того времени, напр. Ленгерке, а также Марксомъ и Энгельсомъ (въ Deutsch-französische Jahrbücher).

или сдачѣ въ аренду мелкихъ участковъ земли. Напротивъ, быстро увеличивается число мелкихъ хозяйствъ, въ особенности же такихъ, которыя воздѣлываются или только одной лошадью или же руками". У насъ нѣтъ статистики для сужденія объ измѣненіяхъ въ характерѣ хозяйствъ въ различные періоды времени (ниже будетъ приведена статистика *владѣній*, которая не вполнѣ совпадаетъ съ статистикой хозяйствъ). Однако, увѣренно можно сказать, что Рейнская провинція, конечно, не безъ колебаній въ ту и другую сторону, сохраняетъ въ общемъ свой характеръ страны мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ теченіе всего XIX вѣка, и до нашихъ дней. То же слѣдуетъ сказать и о Вестфаліи гдѣ преобладающимъ типомъ является крупнокрестьянское хозяйство, система хуторовъ [1]). Экономически сюда же подходятъ и мелкокрестьянскія страны Баденъ и Вюртембергъ, а также крестьянская Баварія, которыя и въ первой половинѣ XIX вѣка носятъ въ общемъ такой же характеръ какъ и въ настоящее время, хотя, разумѣется у насъ нѣтъ данныхъ для характеристики всѣхъ уклоненій и колебаній [2]). Крестьянское хозяйство въ этихъ странахъ укрѣпилось сыздавна, и конкурренція крупнаго хозяйства здѣсь почти не чувствуется.

Не то на востокѣ, гдѣ мелкое крестьянское хозяйство было создано вмѣстѣ съ крупнымъ путемъ ликвидаціи стараго крѣпост-

---

[1]) Въ 1858 году Рейнская провинція и Вестфалія имѣли слѣдующее распредѣленіе (въ относительныхъ цифрахъ):

	Вестфалія.		Рейнская пров.		Государство.	
	Число.	Площадь.	Число.	Площадь.	Число.	Площадь.
Ниже 5 морг.	49,59	3,65	68,63	10,26	51,33	2,38
5—30 „	30,75	15,20	24,97	26,64	28,83	8,99
30—300 „	18,8	56,37	6,02	33,70	18,29	38,32
300—600 „	0,57	8,13	0,2	6,77	0,7	6,45
Выше 600 „	0,29	16,65	0,68	22,63	0,85	43,46

[2]) Для Вюртемберга Меммингеръ (1841) опредѣляетъ число парцеллъ до 4 милліоновъ, причемъ каждая имѣетъ по $^3/_4$ моргена; оно распредѣляется между 154,000 семействъ, живущихъ земледѣліемъ, такъ что на каждое приходится въ среднемъ 26 парцеллъ (18 моргеновъ). Въ 1858 году число владѣній опредѣлялось въ 449,594, которыя распредѣлялись такъ:

ного хозяйства. Взаимное отношеніе ихъ въ первой половинѣ XIX вѣка (или даже нѣсколько долѣе) можетъ быть въ общемъ охорактеризовано какъ рѣшительный перевѣсъ крупнаго хозяйства надъ мелкимъ, причемъ послѣднее теряло свою территорію въ пользу крупнаго. Фактъ этотъ объясняется, съ одной стороны, условіями освободительной реформы, а съ другой, общимъ состояніемъ народнаго хозяйства.

Условія, неблагопріятствовавшія крестьянскому хозяйству, настолько, многочисленны, что нужно еще удивляться устойчивости послѣдняго сохранившаго въ цѣлости значительную часть своей территоріи. Вотъ главныя изъ этихъ условій. Послѣ реформы, крестьянинъ вышелъ полуобезземеленнымъ; земля его, составлявшая прежде цѣльный хозяйственный комплексъ, расположинена, причемъ

718	владѣній	свыше	200	моргеновъ
2.895	„	„	100—200	„
11,727	„	„	50—100	„
16,795	„	„	30— 50	„
61,098	„	„	10— 30	„
73,243	„	„	5— 10	„
283,124	„	ниже	5	моргеновъ.

Если считать имѣнія ниже 30 моргеновъ „nichtspannfähig“, то число имѣній, обладающихъ упряжнымъ скотомъ, составляетъ лишь 7%, остальные 93% не обладаютъ имъ. Фридрихъ Листъ имѣлъ въ виду прежде всего Вюртембергъ, въ которомъ жилъ, въ своемъ памфлетѣ о карликовомъ хозяйствѣ (Die Ackerverfassung, die Zwergwirtschaft und die Auswanderung). Рюмелинъ въ изслѣдованіи о Вюртембергѣ (Das Königreich Würtemberg. Herausgeg. vom. K. stat.-topogr. Bureau. Stuttgart. 1863, стр. 312), относительно наиболѣе населеннаго Неккарланда говоритъ, что характерной чертой его населенія является преобладаніе сельскаго населенія, въ которыхъ „главнымъ элементомъ являются мелкіе земледѣльцы и сельскіе ремесленники“.

Въ Баваріи по Zierl'ю въ 1839 году было слѣдующее распредѣленіе имѣній:

34,722	владѣнія	ниже	5	тагеверковъ.
24,582	„	„	5— 15	„
13,007	„	„	15— 30	„
17,955	„	„	30—100	„
3,352	„	„	100—200	„
481	„	„	200—300	„
244	„	„	300—600	„
102	„	„	600—1,000	„
96	„	выше	1,000	„

(См. *Viebahn*, op. cit., II).

на долю крестьянина достались, если судить по русскому образцу, навѣрно не лучшія и не удобнѣйшія земли; къ тому же раздѣлъ общинныхъ полей лишилъ ихъ пастбищъ. Ослабленный сравнительно съ прежнимъ своимъ положеніемъ, вчерашній крѣпостной сегодня долженъ былъ превратиться, по крайней мѣрѣ, отчасти въ товаропроизводителя. Понятно безъ дальнихъ объясненій, что приспособленіе къ новому строю не могло обойтись безъ многихъ жертвъ, остались лишь хозяйства наиболѣе крѣпкія и наиболѣе приспособленныя къ товарному производству. Процессъ этого приспособленія тянется десятилѣтія. Къ этому слѣдуетъ добавить, что на голову крестьянина обрушивались еще такія чрезвычайныя бѣдствія какъ опустошительныя войны и не менѣе опустошительный кризисъ 20-хъ годовъ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи для крестьянскаго хозяйства весьма губительнымъ оказался черезчуръ быстрый приростъ населенія, который велъ къ чрезмѣрной парцелляціи земельныхъ участковъ, подрывавшей жизнеспособность крестьянскихъ хозяйствъ. Съ другой стороны,—для крестьянства восточныхъ провинцій, поскольку ему приходилось имѣть дѣло съ рынкомъ, болѣе важнымъ является внѣшній, англійскій, нежели внутренній, мѣстный, рынокъ, чѣмъ судьбы его невыгодно отличаются отъ западнаго крестьянства. Очевидно, крестьянству, воспитывавшемуся въ экономической школѣ крѣпостного права и только что ее оставившему, не подъ силу было владѣть такимъ рынкомъ, не подъ силу было обозрѣвать состояніе тогдашняго мірового рынка и избирать въ соотвѣтствіи съ этимъ систему полеводства. Слѣдуетъ принять во вниманіе еще тогдашніе пути сообщенія; немаловажно, кромѣ того, и то, что отправка заграницу хлѣба возможна только оптомъ, въ большихъ количествахъ, слѣдовательно, на шею крестьянству садится еще посредникъ — скупщикъ; при этомъ всѣ выгоды, очевидно, на сторонѣ крупнаго производства и крупнаго капитала (напр., возможность кредита). Чему же удивляться, если выросшее въ крѣпостномъ состояніи крестьянство является несостоятельнымъ въ роли поставщика на англійскій рынокъ и, подъ вліяніемъ всѣхъ перечисленныхъ условій, оказывается во многихъ случаяхъ неустойчивымъ?

Злоключенія крестьянскаго хозяйства сами по себѣ вовсе не предполагаютъ, что на мѣсто погибающихъ мелкихъ хозяйствъ становится крупное хозяйство; этого можетъ и не быть, и въ

такомъ случаѣ на мѣсто разрушающихся мелкихъ хозяйствъ становятся другія, болѣе крѣпкія, но мелкія же; происходитъ индивидуальная смѣна хозяевъ, но она не сопровождается соціальнымъ видоизмѣненіемъ типа хозяйства. Процессъ же замѣщенія мелкаго хозяйства крупнымъ есть двусторонній: онъ предполагаетъ, съ одной стороны, наличность условій, нарушающихъ устойчивость крестьянскаго хозяйства, но съ другой стороны, условій, благопріятствующихъ крупному хозяйству. Въ Пруссіи первой половины XIX вѣка для крупнаго хозяйства имѣлись чрезвычайно благопріятныя условія. Со стороны сбыта, мы уже знаемъ, для прусскаго земледѣлія раскрывался необъятный и прогрессивно растущій англійскій рынокъ, цѣны на продукты сельскаго хозяйства расли, вмѣстѣ съ земельною рентой. Рядомъ съ этими внѣшними благопріятными условіями не менѣе благопріятны были и внутреннія. Какъ мы уже знаемъ, въ результатѣ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній помѣщики получили и землю, и деньги, и обезпечили себѣ трудъ наемныхъ рабочихъ. Свои капиталы они восполнили кредитомъ; цифра задолженности землевладѣнія растетъ въ это время вмѣстѣ съ ростомъ ренты, который гарантируетъ возможность получить добавочное количество капитала. Что касается труда, то прусскіе юнкера располагали тѣмъ же источникомъ благополучія крупнаго хозяйства въ земледѣліи, что и ихъ англійскіе коллеги въ нѣсколько болѣе раннюю эпоху: *аграрнымъ перенаселеніемъ*. Мы уже видѣли, какое существованіе влачили сельскохозяйственные рабочіе, какъ дешевъ былъ трудъ; „рабочимъ вопросомъ въ сельскомъ хозяйствѣ“ тогда и не пахло [1]). При такой совокупности благопріятныхъ условій, очевидно, было весьма выгодно расширеніе землевладѣнія, въ особенности насчетъ разоряющагося крестьянства, продававшаго свои земли за безцѣнокъ. „Значительная часть—говоритъ проф. Шубертъ относительно провинціи Пруссіи—крестьянскихъ дворовъ, перешедшихъ въ это время въ свободную собственность, была выкуплена сосѣдними землевладѣльцами за самую ничтожную цѣну, другая часть была раздроблена, чтобы затѣмъ по частямъ сдѣлаться принадлежностью крупнаго же землевладѣнія. Помѣстья, принадлежавшія цѣлымъ деревнямъ крестьянъ, были въ это время выкуплены такимъ же образомъ“ [2]).

[1]) Schubert, l. c. 28.

[2]) Несмотря на весь техническій прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ, употребленіе машинъ въ половинѣ XIX вѣка въ прусскомъ земледѣліи

Единственныя статистическія данныя, какъ мы уже знаемъ, весьма ненадежныя, имѣются относительно измѣненій въ числѣ хозяйствъ, имѣющихъ упряжной скотъ (Spannfähige Nahrungen) въ 1816 и 1859 году[1]). Вотъ эти данныя.

Число крестьянскихъ „Spannfähige Nahrungen“ за періодъ 1816—59 въ свободномъ оборотѣ уменьшилось слѣдующимъ образомъ.

			Потеряли землю въ пользу: Мелкаго хоз.		Крупнаго хоз.		
		%	Моргеновъ. *)	%	Моргеновъ.	%	Всего %
Пруссія . . .	1,920	2,27	224,549	2,2	143,237	1,3	3,5
Померанія (безъ Штральзунда)	1,704	7,97	180,776	6,0	123,025	4,1	10,1
Бранденбургъ .	2,196	4.29	202,850	3,6	69,393	1,2	4,8
Познань . . .	208	0,43	129,753	3,7	24,191	0,7	4,4
Силезія. . . .	852	1,22	372,305	7,9	66,277	1,4	9,3
Сумма . .	6,880	2,50	1,110,233	4,2	417,123	1,6	5,8

совершенно ничтожно, какъ ясно изъ слѣдующихъ данныхъ: во всемъ прусскомъ государствѣ было:

	1848 г.	1849 г.	1852 г.	1855 г.	1861 г.
Число машинъ	48	63	74	97	242
Число лошадиныхъ силъ (по 480 Fusspfund въ секунду)	504	598	836	1,262	4.172
Средняя производительность каждой машины въ лошадиныхъ силахъ .	10,5	9,5	11 3	13	17.2

(*Meitzen*, l. c. II, 76).

Причина этому лежитъ столько же въ слабомъ развитіи машиннаго производства вообще, сколько и въ экономическихъ условіяхъ: перенаселеніе дѣлало всякія машины излишними, потому что понижало цѣну рабочей силы дешевле всякой машинной работы. Начиная съ 60-хъ годовъ, когда экономическія условія начинаютъ измѣняться, машины вводятся гораздо быстрѣе.

[1]) Кромѣ журнала прусскаго статистическаго бюро, гдѣ напечатана подлинная Denkschrift, а также сочиненія Мейцена, въ весьма удобномъ для обозрѣнія видѣ данныя эти сгруппированы у Зеринга (Die innere Kolonisation im östlichen Deutschland. Leipzig. 1893. Приложеніе).

*) Моргенъ (прусскій) составляетъ около $^1/_4$ гектара (1 ha = 3,92 моргенамъ).

Напротивъ, Саксонія и Вестфалія, хотя потеряли въ числѣ своихъ Spannfähige Nahrungen, первая 1,744 или 4,26%, вторая 12 или 0,03%, за то увеличили ихъ площадь, первая на 67,829 или 1,76%, вторая на 360,877 или 9,94% (различіе характерное!). Эти цифры, конечно, не характеризуютъ судьбы *всего* крестьянскаго хозяйства. Но нужно замѣтить, что убыль мелкаго хозяйства въ пользу крупнаго совершенно незначительна и, во всякомъ случаѣ, гораздо меньше чѣмъ можно было бы ожидать, принимая во вниманіе всѣ неблагопріятныя условія.

Обслѣдованіе сельскохозяйственныхъ владѣній было произведено Прусскимъ статистическимъ бюро въ 1849, 1852, 1855 и 1858 годахъ. Сравненіе данныхъ этого обслѣдованія не позволяетъ заключить о существованіи процесса концентраціи хозяйства (наши данныя относятся къ владѣніямъ, но можно, въ виду слабой распространенности аренды въ Пруссіи, характеризовать хотя и съ грубой приблизительностью измѣненія въ хозяйствахъ измѣненіями во владѣніяхъ). Цифры свидѣтельствуютъ объ одновременномъ увеличеніи площади всѣхъ категорій хозяйствъ, — причины чего въ точности неизвѣстны, но, вѣроятно, относятся, главнымъ образомъ, къ расширенію сельскохозяйственнаго землевладѣнія воздѣлываніемъ новыхъ земель и, быть можетъ, еще объясняются болѣе точнымъ подсчетомъ. Но приростъ этотъ распредѣляется неравномѣрно: крупныя хозяйства растутъ значительнѣе чѣмъ мелкія, такъ что общее относительное распредѣленіе площади измѣняется въ пользу крупныхъ, другими словами, относительная доля крупнаго хозяйства становится больше. Процессъ этотъ, при поверхностномъ взглядѣ носящій всѣ черты процесса концентраціи, на самомъ дѣлѣ не характеризуется выясненной выше двусторонностью этого послѣдняго процесса: разрушеніе мелкаго хозяйства при этомъ отсутствуетъ, оно удерживаетъ свою старую позицію, но зато увеличивается территорія крупнаго хозяйства. Процессъ этотъ свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о значительной жизнеспособности въ разсматриваемый періодъ крупнаго хозяйства, превосходящей таковую же мелкаго. Не невозможно, что причины этого лежали и въ техническихъ условіяхъ,—во многихъ случаяхъ новыя земли могутъ воздѣлываться только въ крупныхъ размѣрахъ, напр. требуютъ дренажа или орошенія и т. под.

Мы приведемъ для сравненія цифры, относящіяся къ 1852 и 1858 годамъ (цифры 1849 года, по настоятельнымъ заявленіямъ самого Дитерици, совершенно не заслуживаютъ довѣрія въ виду того, что обслѣдованіе производится первый разъ и, слѣдовательно, представляетъ возможность ошибокъ) [1]).

Число хозяйствъ разныхъ размѣровъ въ 1852 и 1858 году было:

	1852		1858	
	абсол.	относ.	абсол.	относ.
Ниже 5 моргеновъ . .	990,846	50,20 %	1,099,333	51,33
Отъ 5 до 30 морген. .	565,208	28,76 „	617,420	28,83
„ 30 — 300 „	382,785	19,46 „	391,596	18,29
„ 300 — 600 „	14,111	0,71 „	15,079	0,70
Выше 600 „	17,048	0,87 „	18,302	0,85

Площадь распредѣлялась слѣдующимъ образомъ (въ относительныхъ цифрахъ):

	1852	1858	Абсолютныя цифры (моргеновъ). 1852	1858
Ниже 5 моргеновъ. . .	2,52	2,38	2,220,369	2,227,812
Отъ 5 до 30 морген. .	9,13	8,99	8,013,169	8,428,751
„ 30 — 300 „	40,76	38,32	35,424,291	35,918,047
„ 300 — 600 „	6,52	6,45	5,687,062	6,648,222
Выше 600 „	41,07	43,86	37,121,410	41,117,312

(Цифръ для отдѣльныхъ провинцій здѣсь не приводимъ, такъ какъ онѣ мало измѣняютъ общую картину и представляютъ

---

[1]) Для 1849 года въ оффиціальныхъ источникахъ не приводится также данныхъ о площади и, слѣдовательно, о среднихъ размѣрахъ имѣнія каждой категоріи. Сравненіе данныхъ 1849 и 1852 года даетъ совершенно тѣ же результаты, что и послѣдующихъ годовъ, т. е. болѣе быстрый ростъ крупнаго хозяйства. Надо замѣтить, что число владѣній и собственниковъ не совпадаетъ. Число собственниковъ измѣнилось съ 1852 года до 1855 съ 902,811 до 884,815, слѣдовательно, уменьшилось, но что значитъ это уменьшеніе, на счетъ чего его нужно отнести, сказать рѣшительно невозможно, въ виду отсутствія всякихъ детальныхъ данныхъ. То обстоятельство, что группировки владѣній совершенно не совпадаютъ здѣсь съ тѣми группировками, которыя приняты въ позднѣйшей сельскохозяйственной статистикѣ, дѣлаетъ эти данныя совершенно несравнимыми съ позднѣйшими, благодаря чему научное ихъ значеніе почти обезцѣнивается.—Всѣ приводимыя въ текстѣ данныя взяты изъ Tabellen und amtliche Nachrichten über den Preussischen Staat, а цифры 1858 года см. въ Jahrbuch für amtliche Statistik des Preussischen Staats, I. 1863.

тотъ же самый процессъ лишь съ разной степенью интенсивности) [1]).

Послѣдніе слѣды этого процесса мы можемъ уловить въ вост. Пруссіи еще въ 60-хъ годахъ [2]). За время послѣ 1859 года не существуетъ данныхъ, но они есть для періода 1865—67 гг. За этотъ періодъ въ пров. Пруссіи „spannfähige bäuerliche

---

[1]) Viebahn (op. cit., II, 561) слѣдующимъ образомъ формулируетъ свое впечатлѣніе отъ этихъ цифръ: „характерно, что крупныя и среднія имѣнія, въ которыя крупный капиталистъ охотнѣе вкладываетъ свои фонды и на которыхъ раціональное хозяйство и планомѣрное раздѣленіе труда можетъ повышать доходность, увеличились значительнѣе, нежели крестьянскіе дворы".

[2]) Этотъ фактъ нашелъ отраженіе и въ литературѣ. Въ 1873 году Рудольфъ Мейеръ, интересный здѣсь для насъ больше всего своимъ нервнымъ и впечатлительнымъ темпераментомъ, писалъ (*R. Meyer*. Die ländliche Arbeiterfrage in Deutschland. Berlin. 1873. Стр. 51): „хотятъ снова создать на востокѣ крестьянское сословіе. Это, по моему воззрѣнію, невозможно. Крупное хозяйство есть единственно возможное на будущее время и для земледѣлія.. Я предвижу, что наше крестьянство будетъ мало по малу исчезать и даже рыцарскія имѣнія востока окажутся слишкомъ малы для той формы хозяйства, которой принадлежитъ будущее и притомъ не особенно отдаленное". „Недостатокъ рабочихъ, разсуждаетъ далѣе Мейеръ, приводитъ обыкновенно къ употребленію машинъ. Но если значительная часть—положимъ 20—30% обработанной земли—будетъ воздѣлываться машинами, то прочіе владѣльцы не въ состояніи уже конкуррировать съ тѣми, которые примѣняютъ машины въ большихъ размѣрахъ. Въ настоящее время хозяйства ниже 600—800 моргеновъ въ Помераніи и Пруссіи страдаютъ уже оттого, что они слишкомъ малы для примѣненія сѣялокъ, косилокъ и молотилокъ... Крупныя имѣнія (Complexe), управляемыя по единому плану, позволяютъ и болѣе цѣлесообразное пользованіе естественными различіями разныхъ участковъ, между тѣмъ какъ мелкій владѣлецъ долженъ включать въ свой оборотъ и неподходящія парцеллы... Крупныя владѣнія требуютъ относительно мало построекъ... Далѣе, скоро уже никто не въ состояніи будетъ конкуррировать съ обладателемъ пароваго плуга"... затѣмъ Мейеръ упоминаетъ о выгодахъ скотоводства, страхованія, кредита и т. д. для крупнаго хозяйства и заключаетъ: „довольно; мнѣ кажется, что дни мелкаго производства въ земледѣліи сочтены; мелкое землевладѣніе изчезаетъ, также какъ изчезаетъ ремесло". Въ этой интересной діатрибѣ соединено все, что приводилось впослѣдствіи въ пользу крупнаго хозяйства, кончая Каутскимъ. Но Р. Мейеръ подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній оказался способенъ измѣнить свою точку зрѣнія и въ 1892—3 гг. написалъ рядъ статей о „близкомъ концѣ крупнаго земледѣльческаго хозяйства" (Das nahende Ende des landwirtschaftlichen Grossbetriebes. Neue Zeit. 1892—3).

Nahrungen“ потеряли 43,958 моргеновъ. Потеря приходится главнымъ образомъ, на счетъ дробленія крестьянскихъ хозяйствъ, благодаря же консолидаціи съ рыцарскими имѣніями или прочими некрестьянскими владѣніями крестьянское хозяйство потеряло лишь 9,036 моргеновъ. Ф. д. Гольцъ, изъ работы котораго мы заимствуемъ эти данныя, добавляетъ: „какъ ни мало надежны эти данныя, но изъ нихъ вытекаетъ, что крестьянскія хозяйства, обладающія упряжнымъ скотомъ, постепенно уменьшаются, но это уменьшеніе совершается однако болѣе въ пользу мелкаго, нежели крупнаго землевладѣнія“ [1]).

На тотъ же характеръ преобладанія крупнаго хозяйства указываютъ и нѣкоторые второстепенные признаки, касающіеся самаго веденія хозяйства, въ частности направленія скотоводства [2]). Тогда какъ количество рогатаго скота и коровъ относительно убываетъ, чрезвычайно быстро увеличивается количество овецъ; при этомъ наиболѣе увеличиваются мериносы, улучшенныя породы овецъ и полуулучшенныя, т. е. имѣющія наиболѣе тонкіе сорта шерсти.

Общее количество овецъ съ 1816 года до 1852 увеличилось съ 8.260,396 до 16,530,964, въ частности мериносовъ съ 719,200 до 4,821,057, полуулучшенныхъ овецъ съ 2,367,010 до 7,897,072, число же обыкновенныхъ уменьшилось съ 5,174,186 до 3,812,835. Сопоставленіе роста овцеводства съ ростомъ населенія показываетъ, насколько послѣднее опережалось первымъ. Вотъ цифры. (См. стр. 60).

Быстрѣе всего, сравнительно съ населеніемъ, увеличивается число мериносовъ, за ними слѣдуютъ полуулучшенныя овцы; напротивъ, обыкновенная крестьянская овца все время отстаетъ отъ роста населенія (это служитъ лишней иллюстраціей къ тому, что сказано было выше о пониженіи народнаго благосостоянія въ этотъ періодъ).

---

[1]) *v. d. Goltz.* Die Entwickelung der ostpreussischen Landwirtschaft während der letzten 25 Jahre (1856—1881) въ Schmoller's Jahrbuch, 1883, стр. 841.

[2]) Статистика скотоводства велась съ 1816 года чрезвычайно обстоятельно и подробно; это самая разработанная область сельскохозяйственной статистики того времени. Удобная для обозрѣнія сводка матеріала, разбросаннаго въ оффиціальныхъ статистическихъ изданіяхъ, дана въ книгѣ *E. Hauser.* Die Entwickelung der Viehzucht in Preussen von 1816 bis 1863. Halle. 1887. Для того же періода см. также Мейцена, op. cit. Общія цифры даны также въ Statistisches Handbuch für den Preussischen Stat.

	Одинъ мериносъ на—человѣкъ.	Полуулучшенная овца—на челов.	Обыкновенная овца на—челов.	Всякая овца на—челов.
1816	14,4	4,4	2	1,2
1819	13,1	3,7	2,1	1,2
1822	10,4	3,2	2,2	1,2
1825	7,1	2,7	2,3	1,1
1828	5,3	2,5	2,5	1,0
1831	5,4	2,5	3,2	1,1
1834	4,8	2,3	3,4	1,1
1837	3,9	1,97	3,3	0,94
1840	3,6	1,90	3,4	0,91
1843	3,7	1,98	3,6	0,91
1846	3,7	1,97	4	0,98
1849	3,7	2,05	4,2	1,0
1852	3,5	2,14	4,42	1,02

Такое чрезвычайное увеличеніе числа тонкорунныхъ овецъ обязано, безъ сомнѣнія, въ значительной степени развитію вывоза шерсти въ Англію, которое послѣдовало вслѣдъ за отмѣной запрещенія вывоза шерсти въ 1809 году. Гофманъ предполагалъ, что около $^1/_4$ всей шерсти вывозится; изъ 97,371 тюковъ шерсти, которые ввезла въ 1831 году Великобританія, на долю Германіи приходится 60,822 тюка, почти двѣ трети всего ввоза [1]). Когда развивается ввозъ шерсти въ Англію и изъ другихъ странъ, кромѣ Пруссіи [2]), прусское овцеводство сначала замедляется въ своемъ развитіи, а затѣмъ (съ 1867 года) рѣшительно идетъ назадъ [3]). Съ другой стороны, развитіе овцеводства

---

[1]) *Nebenius.* Der deutsche Zollverein, sein System und seine Zukunft. Carlsruhe. 1835. Стр. 26 и сл. Небеніусъ приводитъ расчетъ, по которому Германія вывозила заграницу около половины своей шерсти, слѣдовательно, опредѣляетъ эту долю вдвое выше чѣмъ Гофманъ (правда, расчетъ относится только къ Пруссіи, но она была главнымъ поставщикомъ шерсти). Это показываетъ, насколько приблизительны оба расчета.

[2]) Объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія цифры: въ 1825 году было ввезено въ Великобританію изъ Австраліи, Южной Америки, Капланда, Остъ-Индіи и Испаніи 8,903,000 фунтовъ, а въ 1849 уже 51,581,000 фунтовъ.

[3]) Въ 1858 году въ Пруссіи (стараго состава) было 15,374,717 овецъ, въ 1861—17,457,228, въ 1864—19,329,035, въ 1867—18,820,023, въ 1873—16,762,617, въ 1883—12,342,509, въ 1892—8,231,668 и въ 1897—6,245,340.

служитъ признакомъ экстенсивнаго еще характера земледѣлія, въ Англіи соотвѣтствующій періодъ былъ пережитъ еще въ XVI—XVIII вѣкахъ. Съ ростомъ населенія и болѣе интенсивнымъ воздѣлываніемъ почвы овцеводство въ цѣляхъ производства шерсти исчезаетъ само собою, переходитъ въ колоніи. „Schaf weicht der Kultur“,—овцы исчезаютъ съ культурой,—этотъ нѣмецкій афоризмъ хорошо характеризуетъ описанный ходъ развитія.

Это же самое можно наблюдать и въ распредѣленіи овцеводства по разнымъ провинціямъ Прусскаго государства, гдѣ оно въ наибольшей степени распространилось въ малокультурныхъ и рѣдконаселенныхъ провинціяхъ Познани, Помераніи, Бранденбургѣ, Силезіи, Саксоніи и гораздо менѣе въ промышленныхъ Вестфаліи и Рейнландѣ [1]).

Насъ интересуетъ здѣсь особенно то обстоятельство, что развитіе овцеводства связано обыкновенно съ крупнымъ хозяйствомъ и является поэтому спутникомъ послѣдняго. Фибанъ приводитъ его прямо въ связь съ латифундіями [2]), и это мнѣніе подтверждается и тѣмъ, что центромъ овцеводства являются провинціи, въ которыхъ господствуетъ крупное хозяйство. Разведеніе тонко-

---

[1]) Въ 1837 году, напр., на квадратную милю приходилось овецъ: въ Пруссіи—1,816, Познани—4,035, Бранденбургѣ—3,406, Помераніи—3,687, Силезіи—3,737, Саксоніи—4,703, Вестфаліи—1,495, Рейнландѣ—1,250. Сравненіе количества овецъ въ разныхъ регирунгсбециркахъ за 1825—1849 гг. см. у Котельмана, l. c. 115—117.

[2]) Viebahn (l. c. III, 181) даетъ слѣдующую тонкую характеристику развитія скотоводства въ связи съ общимъ развитіемъ сельскаго хозяйства и движеніемъ населенія: „I. Потребности населенія и, при неизмѣнномъ уровнѣ этихъ потребностей, его плотность опредѣляютъ главное направленіе скотоводства. II. При возрастающей плотности населенія число лошадей остается неизмѣнно, число овецъ, разводимыхъ для шерсти, уменьшается, козъ и свиней—увеличивается, также какъ и рогатаго скота, но послѣдняго болѣе по качеству, чѣмъ количеству. III. Число стадъ овецъ зависитъ отъ крупныхъ имѣній; увеличеніе свиней, козъ, а также и коровъ поощряется увеличеніемъ мелкихъ хозяйствъ и семействъ „свободныхъ“ „поденщиковъ“. Измѣненіемъ общихъ экономическихъ условій объясняетъ уменьшеніе овцеводства и Шубертъ. „Овцеводство требуетъ незначительнаго капитала и небольшого числа рабочихъ рукъ, слѣдовательно наиболѣе подходитъ къ экстенсивному хозяйству и именно крупному. То и другое, экстенсивность хозяйства и крупные его размѣры имѣются на прусскомъ востокѣ“ (*Backhaus*. Agrarstatistische Untersuchungen, Berlin. 1898. стр. 193).

рунныхъ овецъ есть симптомъ преобладанія крупнаго хозяйства, ведущагося сравнительно экстенсивнымъ способомъ.

Развитіе крупнаго хозяйства и упадокъ мелкаго свидѣтельствуется и характеромъ развитія другой и притомъ важнѣйшей отрасли сельскохозяйственнаго скотоводства—именно коневодства. Хотя число лошадей и растетъ, но гораздо медленнѣе чѣмъ растетъ населеніе: въ 1816 году одна лошадь приходилась на 8,32 человѣка, а въ 1849 уже на 10,37 [1]). Сопоставляя это явленіе съ общимъ развитіемъ народнаго хозяйства за это время и, въ частности, съ преобладаніемъ прироста сельскохозяйственнаго населенія, мы должны отнести его насчетъ обезлошаднѣнія части крестьянства; а повышеніе качества лошадей, о которомъ свидѣтельствуетъ и Дитерици и Шубертъ, слѣдуетъ отнести насчетъ успѣховъ крупнаго хозяйства. Въ нѣкоторыхъ округахъ крестьянское хозяйство обнаруживаетъ даже абсолютную убыль лошадей; такъ въ злосчастныхъ округахъ, описанныхъ Шубертомъ, за 41 годъ число лошадей убыло на 11,6%, тогда какъ населеніе возросло на 52%. „Если принять во вниманіе,—говоритъ Шубертъ, приведя этотъ фактъ,—что современное состояніе лошадей въ общемъ теперь лучше, чѣмъ было въ 1802 году, то уменьшеніе ихъ числа является очевиднымъ свидѣтельствомъ, сколько мелкихъ хозяйствъ погибло за это время, причемъ, благодаря присоединенію ихъ къ крупнымъ, стало возможно значительное сбереженіе въ числѣ лошадей“ (33). Но положеніе дѣлъ въ восточной Пруссіи является только крайнимъ выраженіемъ того процесса, который шелъ по всему прусскому востоку и центру [2]); при этомъ

---

[1]) Несмотря на колоссальное развитіе желѣзнодорожной сѣти мы замѣчаемъ во второй половинѣ XIX вѣка болѣе значительное развитіе коневодства нежели въ первой. Вотъ цифры: въ 1816 году было 1,243,261 лошадей, въ 1822—1,363,249, въ 1831—1,374,594, въ 1840—1,512,429, въ 1849—1,575,417, въ 1858—1,622,400, въ 1861—1,680,624, въ 1873—1,877,639, въ 1883—1,983,728, въ 1897—2,312,273 (все время имѣется въ виду Пруссія стараго состава).

[2]) Надо замѣтить, что, несмотря на густоту населенія, при которой много сельскохозяйственныхъ работъ выполняются руками, Рейнландъ и Вестфалія не обнаруживаютъ меньшаго количества лошадей нежели востокъ. Такъ въ 1837 году на квадратную милю было лошадей въ пров. Пруссіи—375, въ Познани—250, въ Бранденбургѣ—246, Помераніи—235, Силезіи—244, Саксоніи—320, Вестфаліи—324, Рейнской провинціи—251, во всемъ государствѣ—290.

убыль лошадей вовсе не возмѣщается прибылью рогатаго скота, приростъ котораго также, какъ мы уже видѣли, отстаетъ отъ роста населенія [1]).

Слѣдующимъ признакомъ процвѣтанія крупнаго хозяйства приходится считать процвѣтаніе винокуренія, которое соединяется съ значительнымъ вывозомъ спирта за границу [2]) (сопровождаемымъ, однако, какъ мы уже знаемъ, уменьшеніемъ внутренняго потребленія). Роль вывоза спирта въ составѣ общаго сельскохозяйственнаго экспорта охарактеризована Котельманомъ [3]) такъ: „Большое значеніе винокуреннаго дѣла для нашихъ восточныхъ провинцій основывается, какъ извѣстно на томъ, что черезъ это воздѣлываніе картофеля, который благодаря своему значительному вѣсу годится для обращенія часто лишь въ предѣлахъ данной округи, въ формѣ спирта съ значительной легкостью и дешевизной можетъ быть пересылаемъ, и благодаря этому становится возможно воздѣлываніе обширныхъ песчаныхъ равнинъ нашихъ восточныхъ провинцій, между тѣмъ, будучи засѣяны хлѣбомъ, онѣ принесли бы ничтожный доходъ или же никакого. Сюда относятся въ особенности Бранденбургъ, задняя Померанія и правый берегъ Одера въ Силезіи“. Большинство винокуренъ находится въ деревняхъ, по словамъ Котельмана, только $^1/_5$ всѣхъ

---

[1]) Viebahn говоритъ о прусскомъ коневодствѣ этого времени: „лошади потому уменьшились сравнительно съ другими видами скота, что естественные луга, которые ранѣе повсемѣстно были общедоступны, благодаря раздѣлу общинныхъ земель, выкупу пастбищъ и обращенію ихъ подъ пашню уменьшились или исчезли, что значительная часть воздѣлыванія почвы въ густо населенныхъ мѣстностяхъ съ садовой культурой перешла на долю человѣческихъ рукъ, что, хотя разведеніе быковъ и уменьшилось, но большее количество коровъ привлекается къ упряжкѣ и то, что лошади, прежде содержавшіяся для обширнаго транспорта, теперь большей частью замѣнены локомотивами“ (Band III, 405).

[2]) Вотъ данныя о ввозѣ и вывозѣ всякихъ водокъ въ Пруссію (надо замѣтить, что ввозились въ Пруссію главнымъ образомъ тонкія водки). Въ 1825 году было вывезено 45,960 прусскихъ центнеровъ, ввезено 19,295, въ 1830 году вывезено 66,208 центнеровъ, ввезено 19,303, въ 1840 вывезено 116,323 ц., ввезено 19,367, въ 1845 вывезено 169,108 центн., ввезено 28,475, въ 1849 вывезено 246,348 ц., ввезено 34,697. Пруссія была главной поставщицей водокъ на европейскій рынокъ въ это время; цифра вывоза всего Таможеннаго Союза повышается незначительно сравнительно съ цифрой одного прусскаго вывоза.

[3]) Kotelmann, l. c. 186.

винокуренъ помѣщается въ городахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ естественнаго хода вещей, а отчасти акцизнаго законодательства винокурни сосредоточивались главнымъ образомъ въ крупныхъ имѣніяхъ, были придаткомъ крупнаго хозяйства. „Ближайшимъ слѣдствіемъ теперешняго направленія въ винокуренной промышленности,—говоритъ Гофманъ [1]) въ качествѣ вывода изъ изслѣдованія положенія винокуреннаго дѣла въ Пруссіи,—является то, что выгоды, проистекающія для улучшенія почвы изъ соединенія винокуренъ съ сельскимъ хозяйствомъ, сосредоточиваются все болѣе и болѣе на *отдѣльныхъ* имѣніяхъ. Теперь этого преимущества лишена не только та часть земель, которая находится подъ крестьянскими владѣніями или даже входитъ въ составъ крупныхъ имѣній, не достигающихъ по оцѣнкѣ цѣнности 15 тысячъ талеровъ, но имъ не можетъ уже пользоваться значительная часть крупныхъ имѣній вслѣдствіе трудности найти добавочный сбытъ для новаго продукта“. Производство и рынокъ были монополизированы въ рукахъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ [2]).

Характеристика прусскаго земледѣлія въ первой половинѣ XIX вѣка будетъ неполна, если мы не заключимъ ее эпизодомъ, имѣвшимъ мѣсто много позднѣе, въ концѣ 60-хъ годовъ, но проливающимъ яркій свѣтъ на развитіе именно данной и ближайшей эпохи, это кредитный кризисъ (Creditnoth des Grundbesitzes), нашедшій своего историка и теоретика въ Родбертусѣ. Какъ мы видѣли во введеніи, ипотечная задолженность вытекаетъ изъ экономическихъ особенностей помѣщичьяго хозяйства, соединенія въ одномъ лицѣ землевладѣльца и капиталиста-предпринимателя. Насколько причины ипотечной задолженности не сводятся къ индивидуальнымъ свойствамъ землевладѣльца, напр. расточительности или под., она является совершенно нормальной функціей крупнаго хозяйства и, въ извѣстныхъ границахъ и при извѣстныхъ условіяхъ, является условіемъ, а вмѣстѣ и результатомъ

---

[1]) Hofmann, l. c. 489.

[2]) Напротивъ сахароваренiе развивается туго, и ввозъ сахара перевѣшиваетъ вывозъ даже для 40-хъ годовъ. Разведеніе сахарной свеклы еще только начинается. Статистику для ранняго періода см., между прочимъ, у *Ferber*. Beiträge zur Kenntniss des gewerblichen und commerciellen Zustandes der Preussischen Monarchie. Berlin 1829, а для 40-хъ годовъ Котельманъ; ср. также Мейценъ, l. c. Band IV, 558 слл.

хозяйственнаго прогресса. Границы ея теоретически опредѣлить, конечно, трудно, но практически онѣ обыкновенно ясны; при ростѣ ренты сумма долга можетъ увеличиваться, составляя неизмѣнную долю общей цѣнности земли [1]); но самый ростъ ренты является результатомъ сельскохозяйственнаго прогресса. Причины гипотечной задолженности, какъ это выяснено тѣмъ же Родбертусомъ. двояки: она проистекаетъ или изъ мобилизаціи земли или изъ потребности въ капиталѣ въ цѣляхъ веденія хозяйства. Но и то и другое является слѣдствіемъ и условіемъ хозяйственнаго прогресса. Съ неподвижностью земельной собственности не мирится наша экономическая жизнь еще болѣе чѣмъ съ земельной спекуляціей, выражающейся въ черезчуръ быстромъ обращеніи земельной собственности, которое вызывается не хозяйственными, но спекулятивными соображеніями; а необходимость увеличенія размѣровъ капитала при увеличивающейся интенсивности хозяйства ясна сама собою, она не имѣетъ ничего общаго съ той жаждой кредита во что бы то ни стало, которая является у разоряющихся помѣщиковъ и пугаетъ теоретиковъ, мечтающихъ объ ограниченіи свободы наложенія гипотекъ. Обѣ эти причины дѣйствовали съ большой силой въ теченіе первой половины XIX вѣка, и гипотечная задолженность, которая расла въ это время, должна быть нами признана *хозяйственно прогрессивною.*

Мы знаемъ, что свобода земельнаго обращенія не пользуется полнымъ признаніемъ со стороны законодательства и въ настоящее время; еще менѣе, конечно, этой свободы было въ первой половинѣ XIX вѣка, но нужно всетаки указать, что свободная земельная собственность, въ отличіе отъ старой, феодальной, появляется именно въ XIX вѣкѣ, какъ одинъ изъ благодѣтельныхъ резуль-

---

[1]) Мейценъ приводитъ нѣкоторые примѣры чрезвычайно высокой, но относительно неповышающейся гипотечной задолженности. Для округовъ Niedering и Könitz въ Пруссіи, Lauenburg въ Помераніи, Wirsitz въ Познани, Sternberg въ Бранденбургѣ и Ribnik въ Силезіи сравненіе 1837, 1847 и 1857 годовъ даетъ слѣдующіе результаты. Заявленная цѣнность имѣній въ 1837 году—6,895,772 талера; долгъ составлялъ—5,498,824 или $^{8}/_{10}$ цѣнности. Въ 1847 году заявленная цѣнность 10,144,654 талера, долгъ—8,787,280 или $^{84}/_{100}$; въ 1857 году заявленная цѣнность 13,737,029, долгъ—11,076,974 или $^{8}/_{10}$ (Meitzen, l. c. Band III, 110). Задолженность расла (по Укке) для всей Пруссіи такъ: 1835—45 около 7 милл. талеровъ, 1845—55 ок. 17 милл., 1855—65 ок. 47 милл., 1865—75 ок. 123 милл., 1875—85 ок. 132 милл.

татовъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Родбертусъ собралъ статистику о переходахъ изъ рукъ въ руки разными способами рыцарскихъ имѣній въ періодъ 1835—64. Оказалось, что на 11,771 рыцарскихъ имѣній Пруссіи, Помераніи (за исключеніемъ Новопомераніи), Познани, Силезіи, обоихъ Марокъ, Саксоніи и Вестфаліи приходится 23,654 случая переходовъ имѣнія изъ рукъ въ руки, слѣдовательно въ общемъ каждое имѣніе перемѣнило собственника за этотъ періодъ болѣе *двухъ разъ*. Изъ этого числа 7,903 или 34,7% приходится на переходъ по наслѣдству, 14,404 или 60,2% на случаи добровольной продажи, а 1,347 или 5,1%—продажи съ молотка. Слѣдовательно, въ среднемъ за это время каждое имѣніе перемѣнило добровольно владѣльца $1^1/_3$ разъ; вопреки Родбертусу, который смотритъ на это съ предвзятой мрачностью, мы совсѣмъ не считаемъ этой цифры чрезмѣрно высокою. И характерно распредѣленіе этихъ добровольныхъ продажъ: въ Вестфаліи такимъ образомъ было продано лишь 23% имѣній, въ Силезіи 154%, въ Саксоніи—88%, въ Познани 117%. Мы видимъ, слѣдовательно, что процентъ продажъ повышается тамъ, гдѣ сильнѣе бьется пульсъ хозяйственной жизни въ это время и чувствительнѣе прогрессъ — на аграрномъ востокѣ; западъ, который находится, сравнительно, въ застоѣ, отличается и слабостью земельной мобилизаціи,—происходитъ ли она вслѣдствіе связанности имѣнія фидеикоммиссами, или же общей вялости хозяйственной жизни [1]).

Потребность въ кредитѣ въ хозяйственныхъ цѣляхъ самъ Родбертусъ видитъ въ томъ, что „лѣтъ 30 тому назадъ (писано

---

[1]) *Rodbertus-Jagetzow.* Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes. 2-te Auflage Berlin 1893. Стр. 28—29. На основаніи Agrarstatistische Untersuchungen Конрада Бакгаузомъ сдѣлано слѣдующее сопоставленіе:

	% дворянскихъ землевладѣльцевъ.	% площади.	% недворянскихъ землевладѣльцевъ.	Площадь.
Восточная Пруссія. .	19	36	79	54
Западная Пруссія. . .	22	34	76	60
Померанія.	39	58	59	37
Познань.	42	66	56	33

(Backhaus, l. c. 31). Недворянское землевладѣніе есть, конечно, результатъ земельной мобилизаціи, отчужденія земельной собственности первоначальными дворянскими владѣльцами; мы видимъ, какъ высокъ процентъ такихъ земель.

въ 1867) сѣверногерманское земледѣліе перешло къ болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйства, нежели существовавшія раньше. Такой болѣе интенсивный способъ воздѣлыванія полей всегда обусловливается общимъ хозяйственнымъ развитіемъ и находится съ нимъ въ органическомъ взаимодѣйствіи...“ Ростъ интенсивности хозяйства вызвалъ потребность въ увеличеніи капитала. Сначала эта потребность удовлетворялась на счетъ наступившаго съ половины 30-хъ годовъ повышенія цѣнъ. (Къ этому нужно еще добавить капиталъ, который былъ полученъ помѣщиками въ качествѣ выкупныхъ платежей). Но этого стало недостаточно. Поэтому землевладѣльцы „оказываются вынуждены налагать гипотеку для того, чтобы получить капиталъ для веденія хозяйства (Betriebskapital)... Можно сказать съ увѣренностью, что не только большая часть вновь заключенныхъ по закладнымъ записямъ долговъ, но и вновь налагаемыя обычнымъ порядкомъ гипотеки имѣютъ назначеніе послужить средствами для веденія хозяйства“ [1]).

Самый кредитный кризисъ состоялъ въ томъ, что, когда въ 60-хъ годахъ спросъ на капиталъ благодаря заключенію въ Германіи американскихъ долговъ, колоссальнаго расширенія желѣзнодорожной сѣти и т. д. усилился, и въ результатѣ почувствовался недостатокъ капитала, выразившійся въ подъемѣ заемнаго процента, то это отразилось тяжело на сельскомъ хозяйствѣ (конечно, крупномъ). Вліяніе этого удорожанія капитала было двустороннее: какъ должники, землевладѣльцы были принуждены платить болѣе высокіе проценты, а капитальная цѣнность ихъ земли должна была упасть, вслѣдствіе повышенія процента, изъ котораго капитализировалась рента. Въ то же время они получали на болѣе тяжелыхъ условіяхъ новый капиталъ или вовсе не получали, между тѣмъ какъ онъ былъ имъ необходимъ для веденія хозяйства. Кризисъ этотъ былъ вызванъ временнымъ состояніемъ денежнаго рынка и, будучи непродолжителенъ, оставилъ болѣе глубокіе слѣды въ экономической литературѣ (въ видѣ трактата Родбертуса), чѣмъ на сельскомъ хозяйствѣ. Но онъ представляетъ теоретическій интересъ именно для пониманія развитія земледѣлія въ изучаемую теперь эпоху, потому что нѣкоторыя особенности развитія 40—50-хъ годовъ проэцируются на будущее, и фокусомъ въ этой проэкціи является кредитный кризисъ. Какъ нерѣдко

---

[1]) Rodbertus, l. c., 64—67.

бываетъ, болѣзнь даетъ легче уразумѣть нормальное положеніе, нежели здоровое состояніе организма.

Теперь возвратимся снова къ прерванному изложенію общаго экономическаго развитія Пруссіи и Германіи. Намъ предстоитъ теперь изученіе эпохи, образующей переходъ отъ старой Пруссіи къ современной, которую нужно считать съ 70-хъ годовъ. Какъ переходная эпоха, періодъ отъ 50-хъ до 70-хъ годовъ во многомъ носитъ еще черты стараго времени, но уже можно распознать созидающіеся устои новаго народнохозяйственнаго строя. Начнемъ съ разсмотрѣнія движенія народонаселенія, статистика котораго и для этой эпохи даетъ самыя надежныя свѣдѣнія для сужденія объ общемъ экономическомъ развитіи. Популяціонистически порогъ между старой и новой Пруссіей образуетъ періодъ 1846—49 г., когда впервые эмиграція беретъ верхъ надъ иммиграціей и фактическій приростъ населенія становится ниже естественнаго. Перевѣсъ эмиграціи, который могъ бы быть объясненъ для этого періода соединеннымъ дѣйствіемъ революціи и холеры, остается съ тѣхъ поръ, однако, постояннымъ явленіемъ въ движеніи населенія, онъ служитъ какъ бы внѣшнимъ показателемъ, что старый экономическій строй исчерпываетъ свои потенціи, и государство въ многотрудномъ процессѣ перехода къ новымъ экономическимъ формамъ теряетъ прежній ростъ емкости территоріи относительно населенія.

Если мы обратимся къ статистикѣ движенія населенія въ разныхъ провинціяхъ, то увидимъ, что прежнее различіе между быстро населявшимся востокомъ и трудно увеличивавшимъ свое населеніе западомъ начинаетъ блѣднѣть, чтобы затѣмъ уступить мѣсто совершенно новой картинѣ движенія населенія.

Пусть читатель сравнитъ два слѣдующихъ ряда цифръ: (см. стр. 69).

Помимо общаго замедленія въ темпѣ прироста населенія сравнительно съ предшествующимъ періодомъ [1]),—результатъ переходной эпохи,—бросается въ глаза, что прежнее различіе между западомъ и востокомъ въ періодъ 1849—64 слабо, почти неуловимо; но уже въ послѣдующій періодъ движеніе населенія принимаетъ болѣе опредѣленный характеръ и противъ одной изъ самыхъ

---

[1]) Съ 1844 по 1871 годъ Пруссія потеряла населенія путемъ эмиграціи 533,397 человѣкъ, или 19,755 человѣкъ ежегодно.

	Приростъ населенія въ періодъ 1849—64.		Приростъ населенія въ періодъ 1864—71.	
Восточная Пруссія .	20% ежегодно	1,3%	3% ежегодно	0,4%
Западная Пруссія . .	22 „ „	1,4 „	5 „ „	0,7 „
Бранденбургъ (безъ Берлина)	16 „ „	1,0 „	3 „ „	0,4 „
Померанія.	20 „ „	1,3 „	—0,4 „ „	—0,05 „
Познань	13 „ „	0,8 „	4 „ „	—0,5 „
Силезія.	15 „ „	1,0 „	5 „ „	0,7 „
Саксонія	15 „ „	1,0 „	2 „ „	0,2 „
Вестфалія	14 „ „	0,9 „	6 „ „	0,8 „
Рейнландъ	19 „ „	1,3 „	7 „ „	1,0 „

земледѣльческихъ провинцій востока—Помераніи появляется зловѣщій и знаменательный минусъ, между тѣмъ какъ приростъ населенія въ провинціяхъ запада (къ нимъ, до извѣстной степени присоединяется Силезія, а впослѣдствіи присоединится и Саксонія) становится самымъ значительнымъ въ государствѣ. Уже эта перемѣна въ движеніи населенія показываетъ, что въ народномъ хозяйствѣ происходитъ переломъ, и центръ тяжести его подвигается съ запада на востокъ. Характеръ этой перемѣны будетъ ясенъ изъ слѣдующихъ статистическихъ сопоставленій.

Намъ извѣстно уже, какъ туго расло городское населеніе въ первой половинѣ XIX вѣка; въ разсматриваемый періодъ ростъ его значительно ускоряется, хотя и не достигаетъ того темпа, который характеризуетъ Пруссію въ этомъ отношеніи въ новѣйшее время. Характеръ эпохи 50-хъ, 60-хъ и начала 70-хъ годовъ какъ переходной выступаетъ съ полной ясностью, если мы сопоставимъ данныя (въ относительныхъ цифрахъ) о движеніи городского и сельскаго населенія втеченіе всего XIX вѣка.

	Городское населеніе.	Сельское населеніе.
1816.	25,46%	73,50%
1849.	26,76 „	71,73 „
1871.	32,46 „	67,54 „
1895.	40,66 „	59,34 „

За 33-хлѣтіе 1816—49 относительная доля городского населенія увеличилась лишь на 1,3%, за 22-хлѣтіе 1849—1871 гг. уже на 5,7%, въ 24-хлѣтіе 1871—95 гг. уже на 8,2%.

Ростъ городского населенія, сопровождающійся, какъ было въ данномъ случаѣ, и ростомъ крупныхъ, неземледѣльческихъ городовъ, свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о томъ, что относительное значеніе земледѣлія уменьшается и начинаютъ получать большее значеніе неземледѣльческія занятія. Процентъ земледѣльческаго населенія, еще въ 1852 году составлявшій 50,95%, въ 1861 году составляетъ уже 46%. Число промышленниковъ,—ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ,—до этого года увеличивается вмѣстѣ съ населеніемъ, но съ этого года начинаетъ уже обгонять приростъ населенія, какъ это видно изъ слѣдующаго сопоставленія [1]).

		Абсолютно.	На 10,000 населенія.
1858 г.	Число ремесленниковъ . .	1,414,372	800
	„ фабр. рабочихъ . .	651,935	369
	Сумма . . .	2,066,307	1,169
1861 г.	Число ремесленниковъ . .	1,455,465	790
	„ фабр. рабочихъ . .	699,101	379
	Сумма . . .	2,154,566	1,169
1875 г.	Число ремесленниковъ . .	1,683,742	797
	„ фабр. рабочихъ . .	905,817	429
	Сумма . . .	2,589,559	1,226

Сопоставленіе это показываетъ также, что господствующей количественно формой промышленности все еще остается ремесло, но, уступая ему количественно, его обгоняетъ въ относительномъ

[1]) Jahrbuch für amtliche Statistik, 5. 1883.

ростѣ фабрика. Приведенныя цифры весьма ярко характеризуютъ періодъ борьбы между двумя экономическими формами, крупнокапиталистическимъ и мелкимъ ремесленнымъ производствомъ. Энгель, изслѣдовавшій германскую промышленность въ ту же эпоху, дѣлаетъ слѣдующее сопоставленіе прироста населенія съ одной стороны и промышленнаго населенія съ другой [1]). Принимая общее и промышленное населеніе 1861 года за 100, мы найдемъ, что эти 100 обращаются въ 1875 году въ

	Общее населеніе.	Промышленное.
Пруссіи	113,46	130
Баваріи	107,09	120
Саксоніи	124,06	132
Вюртембергѣ . . .	109,34	112
Баденѣ	109,81	131
Таможенномъ Союзѣ .	112,51	127

Энгель дѣлаетъ справедливое общее заключеніе, что „промысловое населеніе возросло вдвое быстрѣе, чѣмъ общее населеніе, а это значитъ ни что иное, какъ то, что Германская имперія стала въ гораздо большей степени промышленнымъ государствомъ. И въ особенности можно это сказать про Пруссію“ [2]) [3]).

Приведенныхъ данныхъ хотя и недостаточно для характери-

---

[1]) *E. Engel.* Die deutsche Industrie 1875 und 1861. Berlin. 1880. Стр 208—9, 207, табл. 5, 6.

[2]) l. c., предисловіе, X.

[3]) Вотъ нѣкоторыя цифры относительно экономическаго развитія въ это время Баваріи и Саксоніи. Бавaрія за разсматриваемый періодъ также характеризуется абсолютнымъ и относительнымъ приростомъ городскаго населенія.

Періодъ.	% средняго прироста городскаго населенія.	% сельскаго.	% общаго прироста.
1852—58	1,25	0,30	0,20
1858—61	1,51	—	0,53
1861—64	2,41	0,44	0,84
1840—64	1,32	0,22	0,42

Городское населеніе Саксоніи съ 1834 по 1875 годъ выросло на 111,77%, а деревенское на 54,06%, приростъ для всего населенія 73%. По профессіямъ оно распредѣлялось слѣдующимъ образомъ (въ процентахъ):

стики промышленнаго состоянія страны, но вполнѣ достаточно, чтобы намѣтить тѣ основныя условія развитія, которыя важны для пониманія судебъ земледѣлія, а именно растущую индустріализацію страны. Этотъ процессъ дѣлаетъ понятнымъ то измѣненіе въ распредѣленіи прироста населенія по разнымъ провинціямъ, которое мы отмѣтили выше. Ростъ индустріализаціи отразился повышеніемъ прироста населенія въ промышленныхъ и рудныхъ и каменноугольныхъ округахъ [1]). Въ то же время, въ аграрномъ востокѣ перенаселеніе ощущалось уже въ концѣ 40-хъ годовъ; хотя развивающееся земледѣліе и требовало растущаго числа рабочихъ рукъ, но все же приростъ населенія былъ, очевидно, чрезмѣренъ и не могъ быть поглощенъ земледѣліемъ; развитіе же городовъ шло здѣсь гораздо медленнѣе чѣмъ на западѣ [2]). Избыточное населеніе, вмѣсто того, чтобы умирать отъ голода (мы знаемъ, что это не гипербола), получило возможность эмигрировать. У насъ нѣтъ свѣдѣній для этого періода, происходило ли и въ какой мѣрѣ въ этотъ періодъ переселеніе изъ восточныхъ въ западныя провинціи; но развитіе путей сообщенія сдѣлало возможнымъ эмиграцію за океанъ, и эта эмиграція въ наибольшей степени отвлекаетъ земледѣльческое населеніе аграрныхъ округовъ,—въ полную противоположность первой половинѣ XIX вѣка, когда эмиграція шла въ гораздо большей степени изъ западныхъ округовъ. По изслѣдованію Бёдикера [3]), на долю восточныхъ

	1849	1861	1871	1875
Сельское хозяйство, лѣсоводство и т. д.	32,27	25,14	16,21	15,26
Горное дѣло, промышленность и т. д. .	47,62	51, 8	51,83	53,21
Торговля и средства сообщенія	4,63	6,15	10,13	9,17

Уже въ это время Саксонія носитъ характеръ высокопромышленной страны.

[1]) Горное дѣло развивается довольно энергично уже въ началѣ изучаемаго періода. Все горное производство таможеннаго союза въ 1848 году равнялось 14,448,392 талерамъ, занимая 88,265 рабочихъ, а въ 1857 году составляло 45,759,845 талеровъ съ 169,151 рабочими.

[2]) На 100 городскихъ жителей приходилось деревенскихъ въ 1861 и и 1849 годахъ: въ Пруссіи 376 и 343, Познани 276 и 269, Бранденбургѣ 120 и 108, Помераніи 255 и 230, Силезіи 396 и 350, Саксоніи 175 и 166, Вестфаліи 338 и 290, Рейнландѣ 259 и 201, государствѣ 256 и 229.

[3]) Die Auswanderung und die Einwanderung des preussischen Staates von T. Bödicker въ Zeitschrift des König. Statist. Bureaus, 1873, № 1. Первый подсчетъ сдѣланъ Лейдигомъ (*Leidig.* Auswanderungswesen im Königreich Preussen, 453. См. Schriften des Vereins für Sociale Politik, Band 52).

провинцій въ періодъ 1845—54 падаетъ 59,191 эмигрантовъ, а западныхъ 87,462, въ періодъ же 1867—71 на долю восточныхъ 102,201, а западныхъ 35,598; несмотря на гораздо болѣе рѣдкое населеніе, востокъ потерялъ значительно больше жителей, чѣмъ западъ. При этомъ, изъ отмѣченныхъ профессій, всего болѣе потеряло земледѣліе, какъ это явствуетъ изъ слѣдующаго подсчета. Эмиграція 1862—71 года распредѣлялась по профессіямъ такъ:

1) Наука и искусство 2,690 или 1,1%.
2) Торговля, промышленность и ремесло 40,028 или 16,5%.
3) Земледѣліе 58,830 или 24,3%.
4) Слуги, поденщики, ручные рабочіе 28,823 или 11,9%.
5) Прочія профессіи 4,139 или 1,7%
6) Безъ профессіи 108,057 или 44,5%.

Эта выпуклая сторона рельефа дополняется вогнутой, данными статистики объ иммиграціи и ея распредѣленіи по профессіямъ; здѣсь мы имѣемъ, конечно, противоположную картину.

I	группа	1,659	3 %
II	„	19,343	35,2
III	„	6,521	11,9
IV	„	7,316	13,3
V	„	1,510	2,7
VI	„	18,654	33,9

(Надо замѣтить, что кромѣ 3-ей группы, земледѣліе, вѣроятно, не мало считаетъ представителей и въ неопредѣленныхъ 4-ой и 6-ой группахъ).

Такимъ образомъ, въ 60-ые годы мы имѣемъ начало, пока еще слабое, могущественнаго тока населенія съ востока на западъ и за океанъ, характеризующаго наше время.

Обращаясь къ характеристикѣ земледѣлія въ эту эпоху, мы должны, вмѣстѣ съ Гольцемъ, признать ее „счастливѣйшимъ временемъ для нѣмецкаго земледѣлія втеченіе всего XIX вѣка“ [1]) или даже „втеченіе всего его существованія“ [2]). Цѣлый рядъ

---

[1]) *v. d. Goltz.* Die Landwirtschaftslehre und die jetzige Krisis in der deutschen Landwirtschaft. Berlin 1886. Стр. 5.

[2]) *Его же.* Vorlesungen über Agrarwesen etc., 43.

благопріятныхъ условій соединился, чтобы вызвать это благополучіе. Начнемъ съ самаго существеннаго—рынка. Въ эту эпоху въ Пруссіи, да и во всей Германіи развивается *внутренній рынокъ* на сельскохозяйственные продукты. Это обусловливается, съ одной стороны, относительнымъ и абсолютнымъ (который въ данномъ случаѣ еще важнѣе) ростомъ населенія, съ другой развитіемъ путей сообщенія, въ особенности желѣзнодорожной сѣти, которая для одной Пруссіи за періодъ 1850—75 гг. выросла съ 3,868,6 километровъ до 16,877,1. Еще важнѣе направленіе желѣзнодорожныхъ путей: до 1850 года (въ этомъ легко убѣдиться, заглянувъ въ статистику распредѣленія желѣзнодорожной сѣти по регирунгсбециркамъ) они проводились почти исключительно въ густо населенномъ и промышленномъ западѣ; теперь они прорѣзаютъ аграрные округа востока и, соединяя его съ западомъ, фактически создаютъ внутренній рынокъ для сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Но восточная Пруссія не теряетъ черезъ это сосѣдняго англійскаго рынка, соединеннаго съ ней болѣе дешевымъ морскимъ путемъ. Какъ показываютъ англійскія статистическія данныя [1]), ввозъ хлѣба въ Англію изъ Германіи довольно значителенъ даже въ то время, когда Германія сама становится импортирующей хлѣбъ страной вплоть до настоящаго времени, что является, очевидно, результатомъ разницы издержекъ транспорта морскимъ и сухимъ путемъ [2]); благодаря этому оказывается выгоднѣй вывозить хлѣбъ съ одного конца имперіи и ввозить съ другого (насколько здѣсь не присоединяется еще транзитная торговля).

Непосредственнымъ результатомъ роста рынка, при отсутствіи конкурренціи новыхъ странъ, былъ дальнѣйшій ростъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты.

	Пшеница.	Рожь (въ тоннахъ).	Масло (центнеръ).	Говядина.	Свинина.
1841—50	167,8	123	120	56,6	73,6
1851—60	211,4	165,4	146,6	70	91,6
1861—70	204	154,6	178,4	86,6	105
1871—75	235,2	179,2	231,3	114,7	126

[1]) См. Statistical Abstracts за отсутствующіе годы.

[2]) Отпускная торговля хлѣбомъ Кёнигсберга напр. расла слѣдующимъ образомъ: въ 1856 году—1,243,205 центнеровъ, 1857—2,313,045, въ 1880—

Эти цѣны (въ маркахъ) для Прусскаго государства показываютъ между прочимъ, что уже въ это время обнаруживается особенность конъюнктуръ на сельскохозяйственномъ рынкѣ, дѣлающая болѣе выгоднымъ скотоводство, нежели земледѣліе: продукты скотоводства обнаруживаютъ болѣе устойчивое и болѣе значительное поднятіе цѣнъ, вслѣдствіе, конечно, большей трудности заморской конкуренціи [1]).

Въ соотвѣтствіи съ цѣнами сельскохозяйственныхъ продуктовъ, естественно, шли въ гору и цѣны на землю, а равно и арендныя платы. Арендная плата за гектаръ въ 7 восточныхъ провинціяхъ, по Конраду, была на доманіальныхъ имѣніяхъ въ 1849 году 13,9 марокъ, въ 1869 году 26,1, а въ 1879 году 35,6 марокъ.

Все это обусловило ростъ производительности почвы [2])

3,825,994, а въ 1881—5,641,430, другими словами, за 25 лѣтъ по крайней мѣрѣ удвоилась.

[1]) Этотъ фактъ не замедлилъ найти отраженіе и въ теоріи. Въ концѣ 70-хъ годовъ Зеттегастъ писалъ: „въ общемъ слѣдуетъ принять, что конъюнктуры новаго времени въ большинствѣ культурныхъ странъ говорятъ за расширеніе скотоводства, которое нѣсколько десятилѣтій тому назадъ неоспоримо повело бы къ уменьшенію чистаго дохода... Точка зрѣнія сельскаго хозяина въ вопросѣ о направленіи производства является теперь существенно отличной отъ воззрѣній эпохи Таэра, когда производство кормовыхъ травъ и скотоводство разсматривались лишь какъ средство къ цѣли. Тогда ставился вопросъ, какіе размѣры слѣдуетъ дать кормовой площади, чтобы обезпечить производство удобреній, которое не только поддерживало бы плодородіе, но, по возможности, и увеличивало бы его... Наша эмансипація отъ неизбѣжнаго примѣненія навознаго хозяйства позволяетъ намъ вести производство кормовыхъ растеній и скотоводство ради таковыхъ, разъ только конъюктуры дѣлаютъ выгоднымъ ихъ расширеніе“ (*Settegast.* Die Landwirtschaft und ihr Betrieb. Dritte Auflage (въ одномъ томѣ) Breslau. 1885. Стр. 392). Ср. рѣшительное сужденіе Фюлинга: „ранѣе скотоводство разсматривалось какъ необходимое зло, которое терпѣлось ради необходимости производства удобренія, теперь оно является главнымъ факторомъ полученія чистаго дохода“. *Fühling.* Oekonomie der Landwirtschaft. Berlin. 1889, стр. 298).

[2]) Бакгаузъ приводитъ слѣдующій краснорѣчивый примѣръ повышенія производительности почвы въ имѣніи Friedrichshof (см. Кнебель въ Korrespondenz des Bundes der Landwirthe): здѣсь жали въ среднемъ: 1782—91 г. 1,010 шеффелей хлѣба, 1801—1811 г. 2,232 ш., 1821—31 г.—3,214 ш., 1841—51 г.—3,951 ш., 1861—51 г.—5,076. (См. *Backhaus.* Die Verbilligung der landwirtschaftlichen Production въ Festschrift zum 70-en Geburtstage von J. Kühn. 1895. Стр. 191).

и техническій прогрессъ земледѣлія, для котораго новая теоретическая основа создана была Либихомъ; теорія Либиха открываетъ эру минеральныхъ удобреній. Увеличеніе количества минеральныхъ удобреній отмѣчаетъ уже Шубертъ для 50-хъ годовъ, какъ-то мергеля, гипса, гуано и под. Онъ же констатируетъ и болѣе внимательную обработку почвы, и введеніе новыхъ сельскохозяйственныхъ машинъ. Въ этотъ же періодъ развиваются особенно быстро „учрежденія, имѣющія задачей благо сельскаго хозяйства и сельскаго населенія. Сельскохозяйственные союзы растутъ и въ числѣ и въ энергіи своей дѣятельности; сельскохозяйственныя учебныя заведенія самаго различнаго рода вызываются къ жизни; основываются сельскохозяйственныя товарищества съ самыми разнообразными цѣлями; весьма распространяется страхованіе отъ пожаровъ и града; возникаютъ многочисленныя учрежденія для удовлетворенія потребности въ личномъ и реальномъ кредитѣ“ [1]).

У насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ относительно того, является-ли этотъ прогрессъ дѣломъ только крупнаго хозяйства или же и мелкаго; повидимому (а также судя по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя приведены были выше) мелкое хозяйство все еще переживаетъ періодъ приспособленія къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ и, вѣроятно, не стоитъ на высотѣ сельскохозяйственной техники.

У насъ есть монографическое изслѣдованіе о сельскомъ хозяйствѣ того времени только о провинціи Пруссіи, принадлежащее авторитетному перу ф. д. Гольца. Наилучшій знатокъ прусскаго земледѣлія характеризуетъ здѣсь въ весьма яркихъ краскахъ прогрессъ послѣдняго. Въ это время въ Пруссіи развивается, между прочимъ, культура сахарной свеклы и усиливается скотоводство, насчетъ овцеводства. „Машины и орудія, рабочій, мясной и молочный скотъ имѣютъ теперь, по крайней мѣрѣ, въ большихъ имѣніяхъ самое меньшее двойную цѣнность сравнительно съ тѣмъ, какъ было 25 лѣтъ назадъ; и это благодаря тому, что соотвѣтствующія части инвентаря увеличились въ количествѣ и стали выше по качеству. Соотвѣтственно возросъ и оборотный капиталъ“ [2]).

---

[1]) *Goltz.* Vorlesungen etc., 43.

[2]) *v. d. Goltz.* Die Entwicklung der ostpreussischen Landwirtschaft während der letzten 25 Jahre (1856 bis 1881) въ Schmoller's Jahrbuch, 1883, стр. 839.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ условіи, которое дѣлаетъ счастье прусскаго крупнаго земледѣлія въ это время безоблачнымъ: это не исчезнувшее еще аграрное перенаселеніе, благодаря которому заработная плата оставалась низка. Лишь къ концу этого періода, въ началѣ 70-хъ годовъ, раздаются первыя жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ, что въ переводѣ на обыкновенный языкъ значитъ поднятіе заработной платы (если не во всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ подобныхъ жалобъ); эмиграція изъ аграрныхъ округовъ не была на столько значительна и, къ тому же, покрывалась все еще довольно сильнымъ приростомъ населенія. Но слѣдуетъ однако различать двѣ категоріи рабочихъ.

Подъ вліяніемъ ли эмиграціи или же какъ результатъ и условіе техническаго прогресса земледѣлія положеніе постоянныхъ рабочихъ, извѣстныхъ намъ инстовъ, за это время нѣсколько улучшилось. Это отмѣтилъ для своего времени уже Шубертъ. Гольцъ характеризуетъ это улучшеніе для восточной Пруссіи слѣдующими чертами: „работоспособный мужчина зарабатываетъ теперь въ восточной Пруссіи столько, что онъ можетъ доставить своему семейству не только картофель, но и хлѣбъ въ качествѣ ежедневной пищи; большинство сельскихъ рабочихъ употребляетъ,

---

Общая характеристика, которую даетъ онъ земледѣлію вост. Пруссіи, такова: „поля теперь лучше обрабатываются и удобряются, количество земли подъ паромъ уменьшается, воздѣлываются болѣе разнообразныя культурныя растенія, содержатся болѣе доходныя животныя, а также болѣе раціонально вскармливаются, сбытъ для продуктовъ земледѣлія и скотоводства облегченъ благодаря улучшеннымъ и умножившимся путямъ сообщенія, цѣны на хлѣбъ возрасли на 11—12%, а на главные животные продукты какъ мясо, масло, молоко даже на 50%. Конечно, значительно поднялись и издержки производства, но и абсолютно далеко не въ такой степени какъ валовой доходъ. Доказательствомъ тому является повышеніе цѣнъ на землю... Для всякаго, кто знаетъ положеніе дѣлъ въ вост. Пруссіи, очевидно, что теперь имѣнія въ среднемъ поднялись въ цѣнѣ по крайней мѣрѣ на 50%, очень часто на 75% или даже болѣе сравнительно съ тѣмъ какъ были 25 лѣтъ назадъ... Главнымъ образомъ это зависитъ оттого, что теперь таже земельная площадь вслѣдствіе болѣе раціональнаго воздѣлыванія а также вслѣдствіе болѣе благопріятнаго состоянія рынка и цѣнъ приноситъ высшій чистый доходъ“ (809).

О Западной Пруссіи ср. еще: Fünfzig Jahre der Landwirtschaft Westpreussens. Festschrift zum Feier des fünfzigjährigen Bestehens des Hauptvereins Westpreussischer Landwirthe. Danzig. 1872

кромѣ того, если не ежедневно, то нѣсколько разъ въ недѣлю мясо, сало, молоко или другіе продукты скотоводства. Питаніе рабочаго восточной Пруссіи во всякомъ случаѣ въ среднемъ лучше, чѣмъ рабочихъ въ задней Помераніи, Познани и Силезіи“ [1]). Въ другомъ сочиненіи Гольцъ сопоставляетъ для разныхъ округовъ сумму, которую считалъ необходимой для содержанія рабочаго въ 1849 году Ленгерке, и ту, которую фактически получалъ рабочій въ 1873 году, моментъ наибольшаго поднятія заработной платы въ эту эпоху.

Округа.	1849.	1873.
Данцигъ . . .	303 марокъ.	530,7 марокъ.
Маріенвердеръ .	315 „	572,4 „
Кёслинъ . . .	339 „	652,5 „
Штеттинъ. . .	396 „	660,6 „
Познань . . .	300 „	531,15 „
Франкфуртъ . .	390 „	619,2 „
Потсдамъ . .	444 „	635,4 „
Штральзундъ .	428 „	646,8 „
Лигницъ . . .	321 „	510 „
Бреславль . .	288 „	478,5 „
Оппельнъ [2]) . .	288 „	433,5 „

Чтобы не преувеличивать дѣйствительнаго повышенія заработной платы, слѣдуетъ помнить, что за это время значительно поднялись цѣны на предметы первой необходимости, хотя и не въ такой пропорціи, какъ заработная плата.

---

[1]) l. c. 82.

[2]) *v. d. Goltz.* Die ländliche Arbeiterklasse und der Preussische Staat. Jena. 1893. Стр. 113. Гольцъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ различіе заработныхъ платъ въ разныхъ округахъ: „въ Штральзундѣ, бывшей шведской Помераніи, крестьянскіе дворы были массами присоединены къ господскимъ и исчезали, вмѣстѣ съ крестьянскими селами, въ пользу крупнаго землевладѣльца. Тамъ, гдѣ есть крестьянскія села, по совершенно понятнымъ причинамъ, увеличивается и число бездомовниковъ, а также безземельныхъ, но имѣющихъ усадьбу рабочихъ. Обѣ группы представлены въ Штральзундѣ слабо, а потому и заработная плата стоитъ здѣсь высоко. Напротивъ, въ Силезіи число крестьянъ и крестьянскихъ селъ, а соотвѣтственно и число бездомовыхъ и безземельныхъ „рабочихъ очень велико, отсюда и низкій уровень заработной платы“.

Но это небольшое улучшеніе коснулось только нанимаемыхъ по контракту на круглый годъ рабочихъ или инстовъ, эту аристократію сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которая въ годы наибольшаго процвѣтанія сельскаго хозяйства имѣла черный хлѣбъ въ качествѣ даже ежедневной пищи. Не столь завидно было положеніе безземельныхъ (Losleute) и бездомовыхъ рабочихъ, составлявшихъ большинство. По совершенно опредѣленному (и двоекратному) свидѣтельству Гольца [1]), положеніе этой категоріи рабочихъ *нисколько не улучшилось* съ 1849 года: четверть вѣка безпримѣрнаго прогресса земледѣлія не внесли никакого улучшенія въ судьбы большинства сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Мы видимъ здѣсь, такимъ образомъ, совершенно то же, что и въ Англіи. Эмиграція въ Америку пока оказалась способна только устранить голодовки, которыя въ этотъ періодъ уже не случаются.

Инсты появились, мы знаемъ, какъ суррогатъ крѣпостныхъ рабочихъ, которыхъ въ первое время иначе некѣмъ было бы замѣнить. Но помѣщики терпѣли ихъ какъ неизбѣжное зло, которое и стремились уменьшить при первой возможности, явившейся въ видѣ обширнаго класса бездомовыхъ рабочихъ. Хозяева были вдвойнѣ заинтересованы уменьшить число инстовъ: во-первыхъ, къ нимъ возвращались клочки земли, которые отдавались имъ подъ огородъ; хотя они были и не велики, но земля представляла все растущую цѣнность и возбуждала жадность помѣщика; во-вторыхъ, инстамъ приходилось платить (какъ въ деньгахъ, такъ и натурою,—такъ называемый депутатъ) круглый годъ, между тѣмъ какъ „свободнымъ“ рабочимъ оплачивались только рабочіе мѣсяцы. По вычисленію Гольца, свободный рабочій обошелся бы помѣщику на 14% дешевле нежели инстманъ [2]), и эта разница становилась все чувствительнѣй, по мѣрѣ того, какъ расла заработная плата инстовъ, между тѣмъ какъ для свободныхъ рабочихъ она оставалась безъ измѣненія. Отсюда становится понятнымъ слѣдующее: „является незыблемымъ фактомъ, что въ сѣверной Германіи число бездомовыхъ и безземельныхъ рабочихъ (Einlieger) все увеличивается, между тѣмъ какъ число инстовъ увеличивается слабо, мѣстами же и уменьшается. Причины этого явленія лежатъ большей частью въ образѣ дѣйствій

[1]) *v. d. Goltz.* Die Entw. d. ostpr. Landw., 82. *Его же.* Ländliche Arbeiterfrage. Dresden. 1874. 2-ое изд., 61.

[2]) Ländliche Arbeiterfrage, 74.

помѣщиковъ. Инсты представляютъ собою очень дорогую рабочую силу; сельскіе хозяева стараются поэтому обходиться, насколько возможно, свободными рабочими. Многіе заходятъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что оставляютъ пустыми часть прежнихъ жилищъ инстовъ или же занимаютъ ихъ Einlieger'ами. Несмотря на растущую потребность въ рабочей силѣ, въ общемъ рѣдко встрѣчается, чтобы увеличивалось число домовъ для инстовъ“ [1]). Но въ разсматриваемую эпоху мы можемъ наблюдать только начало этого процесса, развитіе котораго относится къ позднѣйшему времени. И здѣсь мы видимъ полное подобіе тому, что совершалось въ Англіи: то же безцеремонное отношеніе къ рабочему и стремленіе свести, пользуясь перенаселеніемъ, издержки на содержаніе труда до послѣдняго minimum'а. Хотя отъ этого и страдало иногда производство, но всетаки въ общемъ это было выгодно благодаря роковой особенности сельскаго хозяйства, — отсутствію здѣсь „экономіи высокой заработной платы“ и возможности возмѣщать высшее качество труда большимъ его количествомъ.

Началомъ 70-хъ годовъ заканчивается счастливая эпоха для сельскаго хозяйства Германіи и начинаются трудные дни аграрнаго кризиса, къ изученію котораго мы теперь и обратимся.

2. Эпоха аграрнаго кризиса въ Германіи.

Съ 70-хъ годовъ открывается новѣйшая исторія Германіи, эпоха ея безпримѣрнаго промышленнаго развитія, темпъ котораго быстрѣе въ настоящее время, чѣмъ во всѣхъ другихъ культурныхъ странахъ. Внѣшней гранью, съ которой начинается новая исторія, являются два политическихъ событія, — неравной важности, но каждое по своему, давшихъ толчокъ промышленному развитію. Первое изъ событій — объединеніе Германіи, великое дѣло Бисмарка; значенія этого событія для всей германской исторіи нельзя преувеличить. Другое событіе — франко-прусская война, послѣ которой опускается мало по малу промышленная звѣзда Франціи и все ярче и ярче разгорается — Германіи. Помимо подъема политическаго значенія и національнаго само-

[1]) Ib. 63.

сознанія, который принесла Германіи эта побѣдоносная война, благодаря военной контрибуціи на германскую почву вылился цѣлый золотой дождь, оплодотворившій ее. Начало теперешняго промышленнаго разцвѣта Германской Имперіи относится именно къ этому времени.

Такъ какъ здѣсь уже кончается исторія и начинается современность, мы можемъ ограничиться лишь самыми основными штрихами въ характеристикѣ этой эпохи развитія. Центральной проблемой новѣйшей экономической исторіи Германіи является борьба промышленнаго капитализма (или шире индустріализма) съ земледѣльческимъ капитализмомъ,—съ крупнымъ производствомъ въ земледѣліи. Борьба эта рѣшительно склоняется въ пользу промышленнаго капитализма, нашедшаго себѣ союзника въ аграрной конкурренціи Америки, и центръ тяжести народнаго хозяйства, поскольку рѣчь идетъ о Пруссіи, окончательно переносится съ востока на западъ.

Приведемъ прежде всего основные факты статистики населенія. Съ развитіемъ городского населенія Пруссіи мы уже знакомы; столь же быстро увеличивалось и относительно и абсолютно городское населеніе всей Германіи.

	Городское населеніе.		Сельское населеніе.	
1871	14,790,798	36,1%	26,219,352	63,9%
1880	18,720,530	41,4%	26,513,531	58,6%
1890	23,243,229	4,7%	26,185,241	53%

Ростъ городского населенія самъ по себѣ [1]) свидѣтельствуетъ о развитіи промышленности и торговли. Опредѣленное понятіе объ этомъ развитіи даютъ слѣдующія цифры промысловой переписи 1882 и 1895 года. Существовали (въ относительныхъ цифрахъ) отъ:

[1]) Параллельно съ развитіемъ городского населенія вообще идетъ и ростъ большихъ городовъ, который начинается собственно съ 1850—60 гг., съ 1870 же идетъ такимъ темпомъ, что многіе большіе города увеличиваютъ свое населеніе вдвое втеченіе 20—25 лѣтъ, тогда какъ общее населеніе страны возрастаетъ за это время едва на 20—25%. (См. *Brückner*. Die Entwickelung der grosstädtischen Bevölkerung im Gebiete des Deutschen Reiches въ Mayr's Allgemeines Statistischer Archiv, Band I. Ср. также поучительныя сопоставленія, искусно сдѣланныя въ новѣйшемъ сочиненіи *A. F. Weber*. The growth of cities in the nineteenth century. A Study in Statistics. 1899. Columbia University Studies in Political Science, vol. XI).

	1882 г.	1895 г.
I. Земледѣлія, садоводства, скотоводства, лѣсоводства и рыболовства	42,51	35,74
II. Горнаго дѣла, промышленности и строительнаго дѣла	35,51	39,12
III. Торговли и средствъ сообщенія	10,02	10,52
IV. Домашнихъ занятій (личное услуженіе и пр.).	2,07	1,71
V. Военной, государственной службы, свободныхъ профессій	4,92	5,48
VI. Безъ опредѣленной профессіи.	4,97	6,43

Первая группа (земледѣліе и пр.) обнаруживаетъ за этотъ періодъ не только относительное, но и абсолютное уменьшеніе, изъ 19,225,455 лицъ, существовавшихъ отъ земледѣлія въ 1882 году, осталось лишь 18,501,307 въ 1895.

Уменьшающаяся роль земледѣлія и увеличивающаяся промышленности вызвала новый способъ распредѣленія прироста населенія. Такъ обращаясь прежде всего къ Пруссіи, мы видимъ здѣсь полную противоположность тому, что наблюдали въ началѣ XIX вѣка. Вотъ приростъ населенія по провинціямъ въ періодъ 1871—95 годовъ.

	Приростъ населенія.	Распредѣленіе населенія по профессіямъ въ 1895 г.		
		I группа.	II группа.	III группа.
Восточная Пруссія . .	— 9,6%	69,56%	21,83%	8,61%
Западная Пруссія. . .	14,4 „	65,23 „	25,60 „	9,17 „
Бранденбургъ (безъ Берлина)	30 „	44,61 „	43,19 „	12,20 „
Померанія	10 „	58,96 „	29,77 „	11,27 „
Познань	14 „	69,67 „	22,55 „	7,78 „
Силезія	19 „	46,99 „	43,29 „	9,72 „
Саксонія	28 „	42,51 „	44,94 „	12,55 „
Вестфалія	52 „	30,95 „	43,07 „	10,33 „
Рейнландъ	43 „	30,64 „	56,22 „	13,14 „
Государство	29,36 „	43,90 „	43,66 „	12,44 „

Мы намѣренно сопоставили съ данными о приростѣ населенія свѣдѣнія о распредѣленіи послѣдняго по профессіямъ; оказывается, что самый низкій приростъ населенія обнаруживаютъ тѣ самыя провинціи восточной Пруссіи, которыя характеризуются преобладаніемъ земледѣлія (изъ числа ихъ переходитъ въ разрядъ промышленныхъ лишь Бранденбургъ, быть можетъ, благодаря вліянію такого центра какъ Берлинъ). Бросается въ глаза, что то различіе между аграрными и промышленными провинціями, которое было такъ велико прежде, теперь не только не стирается, но какъ будто становится еще глубже. Теперь оно превращается въ различіе между провинціями, отдающими избытокъ населенія съ одной стороны и принимающими его съ другой. Высокій приростъ населенія западныхъ провинцій получается насчетъ потери населенія восточными, какъ это очевидно изъ слѣдующихъ сопоставленій для 1885—90 годовъ [1]).

	Приростъ населенія абсолютно.	Ежегодно на 1,000	Приростъ благодаря раждаемости.	Потеря путемъ эмиграціи на 1,000 человѣкъ.
Восточная Пруссія.	— 812	— 0,08	13,37	— 13,45
Западная Пруссія .	+ 25,452	+ 3,58	17,44	— 13,86
Берлинъ	+ 263,507	+ 36,42	10,73	+ 25,69
Бранденбургъ	+ 199,372	+ 16,33	11,39	+ 4,94
Померанія	+ 15,314	+ 2,02	14,09	— 12,02
Познань.	+ 36,024	+ 4,16	17,92	— 13,76
Силезія	+ 112,239	+ 5,39	11,41	— 6,02
Саксонія	+ 151,643	+ 12,11	14,19	— 2,7
Вестфалія.	+ 224,081	+ 19,35	16,02	+ 3,32
Рейкландъ	+ 365,864	+ 16,16	14,10	+ 2,07

Эта таблица вполнѣ наглядно рисуетъ ту тягу на западъ,

[1]) Schriften des Vereins für Soc. Pol. B. 58. Приложеніе къ реферату Майра. Данныя относительно 1885 года см. у *Schumann*. Die inneren Wanderungen in Deutschland въ Allg. Statist. Arch. 1890.

которая характеризуетъ движеніе населенія. А вотъ балансъ движенія населенія за періодъ 1890—95 годовъ.

	Прибыль или убыль населенія путемъ переселеній мужчинъ	женщинъ.
В. Пруссія	— 40,103	— 47,504
З. Пруссія	— 31,608	— 35,987
Бранденбургъ	+ 53,885	+ 62,069
Померанія	— 26,163	— 28,345
Познань.	— 44,736	— 45,478
Силезія	— 40,163	— 37,093
Саксонія	— 41,773	— 27,363
Вестфалія	+ 21,426	+ 14,435
Рейнландъ	+ 8,618	+ 9,234

Къ восточнымъ прусскимъ провинціямъ, по характеру движенія населенія, подходятъ Мекленбурги (Шверинъ и Стрелицъ) которые въ періодъ 1885—90 годовъ теряютъ первый —8,55%, а второй 10,43% своего прироста населенія (во второмъ абсолютная убыль). Напротивъ, къ Рейнланду и Вестфаліи подходитъ кор. Саксонія, эта высокопромышленная страна (въ 1895 году здѣсь было 13,7% земледѣльческаго населенія). За періодъ 1885—90 г. ея приростъ населенія былъ на 4,79% выше естественнаго [1]). Я не буду утомлять читателя данными относительно движенія населенія въ другихъ частяхъ Германской имперіи, отчасти потому,

---

[1]) Весьма поучительныя сопоставленія относительно движенія населенія въ Саксоніи см. въ книгѣ *Lommatsch.* Die Bewegung des Bevölkerungsstandes im Königreich Sachsen während der Jahre 1871—90. Dresden. 1894. Для всего Саксонскаго королевства населеніе въ 1875 году равнялось для городовъ 1,123,179, для деревни—1,637,407, всего 2,760,586, а въ 1890 было въ городахъ 1,481.461, а въ сельскихъ общинахъ 2,021,233, всего 3,502,684. Увеличеніе въ городахъ—358,282, сельскихъ обществахъ 383,816, вмѣстѣ 742,098; это даетъ процентъ прироста для городовъ 31,9, для сельскихъ общинъ—23,4%, всего 26,9%. Перевѣсъ рождаемости надъ смертностью въ городахъ былъ 228,268, а сельскихъ общинахъ 424,477, въ обоихъ 652,745; % къ населенію 1875 года для городовъ—20,3%, для деревни—25,9, всего 23,7%. Перевѣсъ фактическаго прироста населенія въ городахъ надъ естественнымъ—130,014, потеря въ сельскихъ общинахъ въ 40,661, для всей страны перевѣсъ въ 89,353. Процентъ прибыли или убыли сверхъ естественнаго роста сравнительно съ населеніемъ 1875 года для городовъ + 11,6%, для деревни—2,5%, для всей страны + 3,2%.

что оно не такъ характерно, отчасти же потому, что его придется коснуться и въ другой связи. Достаточно здѣсь слѣдующаго общаго итога. По даннымъ 1890 года между *востокомъ*, считая въ немъ вост. и запад. Пруссію, Познань, Бранденбургъ, Померанію, Силезію, Мекленбургъ, Шлезвигъ-Голштейнъ, Любекъ и Гамбургъ, *западомъ*, считая здѣсь Ганноверъ и Липпе, Ольденбургъ, Бременъ, пров. Саксонію, Брауншвейгъ, Ангальтъ, королевство Саксонію, Тюрингенъ, Гессенъ-Нассау и Вальдекъ, Вестфалію и Рейнландъ, и, наконецъ, *югомъ* считая Гессенъ, баварскій Пфальцъ, Эльзасъ, Лотарингію, Баденъ, Вюртембергъ съ Гогенцоллерномъ, Баварію вправо отъ Рейна,—на основаніи свѣдѣній о происхожденіи наличнаго населенія, оказывается, происходилъ слѣдующій обмѣнъ населеніемъ [1]):

востокъ теряетъ . . .	— 156,132	или —	8%
западъ выигрываетъ . .	+ 159,024	„ +	8,1
югъ теряетъ	— 2,892	„ —	0,2

Такимъ образомъ, въ грубыхъ чертахъ характеризуя движеніе населенія всей Германской имперіи, можно сказать, что востокъ отдаетъ населеніе западу, что же касается населенія юга, то оно является самодовлѣющимъ, отдавая совершенно ничтожное количество.

Изъ приведенныхъ сопоставленій мы видимъ, что хотя вся Германія становится промышленной страной, промышленность локализуется, однако, въ нѣсколькихъ центрахъ, гдѣ образуются чрезвычайныя уплотненія населенія (Хемницкій округъ въ Саксоніи 678 жителей на кв. километръ, Ruhrkohlenbezirk—500 и под.)., а въ другихъ мѣстахъ въ то же время населеніе разрѣжается, относительно, но иногда и абсолютно. Географическое распредѣленіе промышленности (а соотвѣтственно и населенія) есть сложный результатъ цѣлаго ряда естественныхъ и соціальныхъ причинъ. Прежде всего, конечно, здѣсь имѣютъ значеніе вѣковые запасы солнечной энергіи, скрытые подъ землею въ видѣ каменнаго угля, а также другія минеральныя богатства; они вездѣ привлекали къ себѣ населеніе культурныхъ странъ. Но, съ другой стороны, здѣсь имѣютъ силу и соціальныя причины. Развитіе промышленности, въ особенности на капиталистической основѣ, требуетъ из-

[1]) Schr. d. V. f. Pol. B. 58, стр. 55. Приложеніе къ реферату Майра: die Bevölkerung des deutschen Reichs n. d. Geburtsort am. 1. I. 90.

вѣстной густоты населенія, обезпечивающей достаточное предложеніе труда. Такими рабочими рынками, а вмѣстѣ и первоначальными очагами капитализма, естественно, явились сыздавна густонаселенные округа запада Пруссіи и королевства Саксоніи. Напротивъ, ими *не могли* явиться округа крупнаго землевладѣнія на прусскомъ востокѣ по той простой причинѣ, что они подразумѣваютъ сами собою рѣдкое населеніе,—густое населеніе и крупное землевладѣніе исключаютъ другъ друга. Поэтому, насколько здѣсь сохранялось крупное землевладѣніе, оно являлось барьеромъ, не допускавшимъ сгущенія населенія; когда же создались въ другомъ мѣстѣ промышленные центры, то оно стало играть роль помпы, выкачивавшей въ эти округа свое населеніе [1]). И разъ создавшись, дѣленіе на промышленные и аграрные округа, даже помимо всякихъ естественныхъ различій, могло становиться лишь все болѣе и болѣе рѣзко выраженнымъ.

Приведемъ здѣсь основныя цифры, касающіяся промышленнаго развитія Германіи. Общій ходъ развитія не можетъ быть выраженъ въ одной простой формулѣ, здѣсь скрещиваются различныя и противоположныя тенденціи, не достаточно еще выясненныя въ наукѣ, несмотря на цѣлое море соціальноэкономической литературы. Нельзя его, конечно. характеризовать только какъ тенденцію къ концентраціи производства, какъ дѣлаютъ это прямолинейные марксисты, хотя *внѣшняя* цифровая картина способна внушить такое впечатлѣніе. Но все же неоспоримъ и несомнѣненъ фактъ, что развитіе крупнокапиталистической промышленности и по размѣрамъ, и по значенію, и по темпу составляетъ самую крупную и яркую черту экономическаго развитія Германіи за послѣднее время, хотя изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было ее считать единственной. Вотъ самыя общія цифры. (См. стр. 87).

Общее впечатлѣніе отъ этихъ цифръ таково, что *количественно* экономическая жизнь Германіи (торговля, промышлен-

---

[1]) Конечно, выраженія густота и рѣдкость населенія нужно понимать въ относительномъ смыслѣ, каковой они получаютъ изъ сравненія различныхъ районовъ одного экономическаго цѣлаго—Германской имперіи. Сопоставленіе плотности населенія и другихъ хозяйственныхъ моментовъ читатель найдетъ для восточныхъ провинцій у *Conrad'a*: Agrarstatistische Untersuchungen въ Jahrb. f. Nat. Oek. u. St. N, F. B. 16, III F. B. 2, 3, 10, 15.

ПРЕДПРІЯТІЯ.	1895 Хозяйства.		1882 Хозяйства.		1895 Лица.		1882 Лица.		Прибыль или убыль.	
	Абсолютно.	%	Абсолютно.	%	Абсолютно.	%	Абсолютно.	%	% предпр.	% лицъ.
Мелкія предпріятія.										
Единичныя безъ двигателей . .	1,714,351	54,5	1,877,872	62,5	1,714,351	16,7	1,877,872	25,6	— 8,7	— 8,7
Предпріятія съ 1—5 рабочихъ	1,220,372	38,8	1,004,896	33,4	3,056,318	29,8	2,457,950	33,4	21,4	24,3
Въ томъ числѣ съ 1 рабочимъ	166,480	5,3	107,836	3,6	166,480	1,6	107,836	14,7	54,4	54,4
Всего.	2,934,723	98,3	2,882,768	95,9	4,770,669	46,5	4,335,822	5,9	1,8	10,0
Среднія предпріятія.										
Отъ 6—10 рабочихъ	113,547	3,6	68,763	2,3	833,409	8,1	500,097	6,8	65,1	66,6
„ 11—50	77,752	2,5	43,952	1,5	1,620,848	15,8	891,623	12,2	76,9	81,8
Всего.	191,299	6,1	112,715	3,8	2,454,257	23,9	1,191,720	19	69,7	76,3
Крупныя предпріятія.										
Отъ 51—200 лицъ.	15,624	0,5	8,095	0,3	1,439,776	14,0	742,688	10,1	93,0	93,9
„ 201—1,000	3,076	0,1	1,752	0,0	1,155,836	11,2	657,399	9,0	75,6	75,8
Свыше 1,000	255	0,0	127	0,0	448,731	4,4	213,160	2,9	100,8	110,5
Всего	18,955	0,6	9,974	0,3	3,044,343	29,6	1,613,247	22	90,0	88,7
Общая сумма.	3,144,977	100	3,005,467	100	10,269,269	100	7,340,789	100	4,6	39,9

ность и т. д.) растетъ по всѣмъ направленіямъ [1]), причемъ умножаются предпріятія всѣхъ видовъ (кромѣ единоличныхъ, которыя терпятъ, именно въ индустріи, значительное сокращеніе), съ наибольшей быстротой однако самыя крупныя. Въ нашихъ цѣляхъ достаточно ограничиться этимъ общимъ выводомъ о развитіи промышленности, который, въ примѣненіи къ земледѣлію, обозначаетъ дальнѣйшее расширеніе рынка для земледѣльческихъ продуктовъ.

Для земледѣлія не наступило, однако, такого разцвѣта, какого можно было бы ожидать на основаніи расширенія рынка. Причина лежитъ въ появленіи въ это время на европейскомъ рынкѣ американскаго, русскаго и т. д. хлѣба, которое повело къ пониженію цѣнъ на земледѣльческіе продукты вообще. Германія начинаетъ ввозить рожь съ начала 60-хъ годовъ, а пшеницу съ начала 70-хъ годовъ; доля ввоза въ общемъ потребленіи страны даже для настоящаго времени не особенно велика, около седьмой—восьмой части всего потребленія, но это не могло, конечно, помѣшать иностранной конкурренціи понизить цѣны на сельскохозяйственные продукты [2]). Пониженіе это начинается, какъ и повсюду, съ половины 70-хъ годовъ, другими словами, оно является вѣрнымъ спутникомъ промышленнаго подъема гер-

[1]) Hausindustrie, которую иные считаютъ осужденной на близкую гибель даже въ Россіи, еще не думаетъ погибать въ Германіи, а напротивъ расширяется. Нѣкоторое уменьшеніе въ числѣ домашнихъ промышленниковъ за періодъ 1882—95 годовъ падаетъ на долю только *одной* отрасли промышленности—текстильной, въ которой машина нанесла тяжелый уронъ мелкому производству, но за то они увеличиваются во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ. Такъ этотъ фактъ и трактовался въ дебатахъ по этому вопросу, имѣвшихъ мѣсто на послѣднемъ съѣздѣ Verein für Socialpolitik въ Бреславлѣ. См. Verhandlungen der Generalversammlung des Vereins für Sociale Politik über die Hausindustrie und ihre gesetzliche Regelung etc. (Schriften, Band LXXXVIII. Leipzig. 1900. См. особенно рефератъ Вебера)—Всѣ приводимыя въ текстѣ цифры заимствуются изъ оффиціальной статистики, данныхъ изслѣдованій 1882 и 1895 года.

[2]) Сопоставленіе цифръ ввоза и вывоза для 80-хъ годовъ см. у Лексиса: *Lexis.* Die Wirkung der Getreidezölle въ Festgabe für G. Hanssen. Tübingen. 1889. Для 90-хъ годовъ см. сопоставленія у *Robert Drill.* Soll Deutschland seinen ganzen Getreidebedarf an Getreide selbst produzieren. Stuttgart. 1895. (Münchener volkswirtschaftliche Studien, hrsg. von L. Brentano und W. Lotz. IX). *H. Thiel.* Kann die deutsche Landwirtschaft das deutsche Volk ernähren? Landw. Kalender von Mentzel und von Lengerke für 1894, 2. Theil. 51 сл. *v. d. Goltz.* Vorlesungen и др. сочиненія.

манскаго народа. Вотъ самыя общія цифры для Прусскаго государства, (въ маркахъ за тонну хлѣбовъ и центнеръ мяса и масла).

	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овесъ	Картофель.	Масло.	Говядина.	Свинина.
1871—75	235,2	179 2	170,8	163,2	60,4	231,3	114 7	126
1875—80	211,2	166,4	162	152 6	60,6	224	114,8	124
1880—85	189,6	160	154,8	145,8	52,6	223,6	117,8	124,8
1886—90	175,3	143	138,4	135,3	45,7	211,5	117	121,8
1891	218,75	204,5	164,6	161,25	65,5	215,25	128	130
1892	188,3	176	155.2	149,4	61,7	222,6	126	130
1893	146,9	127,8	139,2	150,9	41,1	221,9	126	132
1894	135	118	132	139	46	217	124	131
1895	140	121	125	121	50	207	126	126
1896	153	118	130	126	44,5	210	124	120

Мы видимъ, что исключеніе изъ общаго пониженія цѣнъ составляютъ только продукты скотоводства. Пониженіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты не замедлило сказаться сначала замедленіемъ поднятія цѣнъ на землю, затѣмъ полной его пріостановкой, а послѣднее время уже понижательнымъ движеніемъ. За отсутствіемъ прямыхъ статистическихъ свѣдѣній, объ этомъ можно судить по данныхъ о движеніи арендной платы на доменныхъ земляхъ въ 7 восточныхъ провинціяхъ. Она составляла за гектаръ въ маркахъ

1849 : 13,9
1869 : 26,1
1879 : 35,6
1891 : 38,9
1898 : 38,8

Тяжесть кризиса почувствовалась ранѣе всего на крестьянскомъ хозяйствѣ; въ концѣ 70 и началѣ 80-хъ годовъ раздаются тревожные голоса, что крестьянство стоитъ наканунѣ гибели

и поглощенія крупнымъ хозяйствомъ [1]). Въ отвѣтъ на эти голоса Verein für Socialpolitik произвелъ въ 1883 году изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства [2]), въ общемъ показавшее, что опасенія, высказываемыя относительно него, были преувеличены; съ результатами этого изслѣдованія мы отчасти познакомимся въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Скоро выяснилось, что вліяніе кризиса оказывается гораздо разрушительнѣе для крупнаго хозяйства, которое начинаетъ чахнуть подъ гнетомъ кризиса, въ новой экономической атмосферѣ промышленной Германіи. Разрушительныя вліянія шли въ трехъ направленіяхъ: они поражали крупнаго хозяина и какъ землевладѣльца, и какъ капиталиста, и какъ предпринимателя. Разберемъ всѣ эти вліянія отдѣльно.

Особенность положенія помѣщика въ томъ, что онъ соединяетъ въ своемъ лицѣ и землевладѣльца и капиталиста-предпринимателя. Пониженіе ренты не можетъ поэтому быть частнымъ дѣломъ землевладѣльца, безразличнымъ для капиталиста-фермера, какъ при англійской системѣ. Оно поражаетъ помѣщика и какъ землевладѣльца и какъ предпринимателя, и притомъ совершенно своеобразнымъ образомъ.

Мы знаемъ уже, что извѣстная степень гипотечной задолженности является нормальнымъ условіемъ развитія помѣщичьяго хозяйства, въ нѣкоторомъ смыслѣ коррелатомъ этой системы. Но это при условіи растущихъ цѣнъ на землю; достаточно этому росту пріостановиться, даже только замедлиться, и это уже болѣзненно чувствуется должниками. Читатель безъ труда пойметъ все то замѣшательство, которое должно было водвориться, когда

---

[1]) Вотъ для примѣра такой отзывъ. Otto Boldt въ своей вышедшей въ 1883 году книгѣ Die agrarischen Fragen der Gegenwart. Berlin стр. 44, рѣшительно заявляетъ: „крестьянскій средній классъ болѣе уже не способенъ конкуррировать и потому идетъ навстрѣчу неотвратимой гибели. Это не есть предположеніе, основанное на возможностяхъ, но, къ сожалѣнію, положительная увѣренность... Естественный ходъ вещей со всей силой ведетъ къ развитію въ направленіи образованія латифундій. Въ высшей интеллигентности и спеціальномъ образованіи управляющаго хозяйствомъ, въ большемъ капиталѣ и кредитоспособности предпринимателя, возможности большаго раздѣленія труда, болѣе обширнаго примѣненія машинъ, лучшихъ условіяхъ для веденія побочныхъ техническихъ предпріятій крупный землевладѣлецъ имѣетъ, несомнѣнно, превосходство“.

[2]) Bäuerliche Zustände in Deutschland. Три тома. 1883. (Schriften d. Ver. f. S. P.; Bände XXII—XXIV).

цѣна на продукты сельскаго хозяйства, а затѣмъ и на землю стала падать. Существованіе многихъ и многихъ хозяйствъ было подкошено съ нѣсколькихъ сторонъ, для многихъ же создались серьезныя затрудненія.

Прежде всего, остановка роста цѣнъ на землю и ужъ тѣмъ болѣе пониженіе означали относительное повышеніе ранѣе существовавшихъ долговъ. Это ясно само собою. Одновременно съ этимъ изсякаетъ источникъ полученія новаго капитала на веденіе хозяйства безъ повышенія задолженности. Между тѣмъ во многихъ случаяхъ безъ затраты новыхъ количествъ капитала, которыя съ ростомъ интенсивности хозяйства должны все увеличиваться, дальнѣйшее веденіе хозяйства невозможно; такіе помѣщики должны—volens-nolens—входить въ новые долги, дѣлаться все болѣе и болѣе арендаторами своей собственной земли у кредитныхъ учрежденій, которыя тѣмъ отличаются отъ англійскихъ лэндлордовъ, что контрактъ съ ними не можетъ быть разорванъ по желанію фермера. Съ другой стороны, высокая задолженность не позволяетъ понизить интенсивности хозяйства, какъ дѣлаютъ фермеры въ Англіи, потому что иначе понизившагося чистаго дохода не будетъ хватать для уплаты долговъ. Создается порочный кругъ, въ которомъ землевладѣлецъ вредитъ арендатору, а арендаторъ вредитъ землевладѣльцу, и изъ этого круга нерѣдко бываетъ только одинъ выходъ—продажа съ молотка заложеннаго имѣнія.

Итакъ въ результатѣ пониженія цѣнъ ипотечная задолженность становится страшнымъ бѣдствіемъ, вытекающимъ изъ основныхъ чертъ организаціи помѣщичьяго хозяйства. Нельзя не согласиться поэтому съ мнѣніемъ ф. д. Гольца, который относительно теперешняго аграрнаго кризиса говоритъ: „для каждаго непредубѣжденнаго наблюдателя несомнѣнно, что главную причину господствующаго угнетенія среди сельскихъ хозяевъ надо искать въ чрезмѣрной задолженности ихъ имѣній“ [1]).

Статистики задолженности не существуетъ. Но у насъ есть два частичныхъ изслѣдованія, относящихся къ 1883 и 1896 годамъ. Первое изслѣдованіе было предпринято Прусскимъ правительствомъ относительно 42 судебныхъ округовъ 7 восточныхъ провинцій, Шлезвигъ-Гольштейна, Ганновера и Висбадена

[1]) v. d. *Goltz*. Die agrarischen Aufgaben der Gegenwart. Jena 1894. Стр. 45. У автора курсивъ.

(и нѣк. др. округовъ); отчетъ объ этомъ изслѣдованіи былъ составленъ Мейценомъ [1]). Въ 1896 году изслѣдованіе было повторено въ тѣхъ же округахъ [2]). Общіе итоги относительно 42 сравниваемыхъ округовъ таковы:

Общая задолженность.		Приходилось на 1 марку чистаго дохода долговъ.	
1883.	1896.	1883.	1896.
407,275,586	485,166,480	23,59	29,54

Такимъ образомъ, общая задолженность за 13 лѣтъ возрасла и относительно и абсолютно. По провинціямъ приростъ этотъ распредѣлялся такъ. На 1 марку чистаго дохода приходилось долга въ

	1883 г.	1896 г.
восточной Пруссіи . . .	26,40	36,57
западной Пруссіи . . .	25,95	31,70
Помераніи	21,27	25,11
Познани	36,09	42,54
Саксоніи	14,67	18,96
Ганноверѣ	14,43	20,23
Бранденбургѣ	24,64	31,50
Силезіи	28,36	32,61
Шлезвигъ-Голштейнѣ . .	12,09	16,20
Гессенъ-Нассау	10,99	24,19
Въ 10 провинціяхъ . . .	23,59	29,24

[1]) *A. Meitzen.* Ermittelungen über die durchschnittliche Höhe der Grundbuchschulden der bäuerlichen Besitzungen in 52 Amtsgerichtbezirken des Preussischen Staats nach dem Stande des Jahres 1883 (Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbücher 1885, Supplementband II). Изслѣдованіе это было также плодомъ тревоги относительно чрезмѣрной задолженности крестьянскихъ имѣній, между тѣмъ оно показало, что задолженность высока именно въ крупныхъ имѣніяхъ, и что „дѣйствительно тревожныя явленія въ состояніи ипотечной задолженности крестьянскаго землевладѣнія въ границахъ изслѣдованныхъ округовъ на самомъ дѣлѣ могутъ быть отнесены только къ отдѣльнымъ случаямъ и исключеніямъ“ (l. c. 22). Удовлетворительная статистика ипотечной задолженности въ Германіи существуетъ только относительно Ольденбурга (ср. *Kollmann.* Die landwirtschaftliche Verschuldung im Grossherzogthum Oldenberg въ Conrad's Jahrbücher, III F. B. 13).

[2]) Результаты изслѣдованія 1896 года обнародованы въ Zeitschrift des kön. Preuss. Statist. Bureaus, Heft 1 und 2 für 1898. Сопоставленіе данныхъ 1883 и 1896 года въ весьма удобной для сравненія формѣ см. у *Backhaus* Agrarstatistische Untersuchungen, 84 сл. и у *Goltz.* Vorlesungen, Kapitel VIII.

Задолженность выше и приростъ ея значительнѣе въ восточныхъ провинціяхъ или вообще провинціяхъ съ преобладаніемъ крупнаго хозяйства; уже это одно намекаетъ, что наибольшая тяжесть долговъ приходится именно на долю крупнаго хозяйства [1]). То же самое подверждаютъ и прямыя указанія относительно распредѣленія задолженности. Если условиться, вмѣстѣ съ Гольцемъ, считать *высокой* задолженностью — превышающую 60% оцѣночной цѣнности, средней отъ 30% до 60%, низшею менѣе 30%, то эти виды задолженности распредѣлятся слѣдующимъ образомъ:

	Вовсе незадолженныхъ или съ низкой задолженностью.	Съ высокой задолженностью.	Съ средней задолженностью.
I. Фидеикоммиссы . . .	85,9%	3,9%	10,3%
II. Крупныя имѣнія (свыше 1.500 мар. дохода). .	29,6	42,9	27,5
III. Крупнокрестьянскія имѣнія (300—1.500 мар. дохода)	56,9	14,6	28,5
IV. Среднекрестьянскія (90—300 марокъ). . . .	60,2	12,3	27,5
V. Мелкія хозяйства (менѣе 90 марокъ)	56,9	18,1	25

Эта таблица вполнѣ подтверждаетъ выводъ Гольца, что „задолженность имѣетъ внушающіе тревогу размѣры *только въ круп-*

[1]) Тотъ же самый результатъ получается и при распредѣленіи задолженности по регирунгсбециркамъ (цифры см. у Гольца). „Тяжесть долга въ процентахъ ко всему земельному имуществу образуетъ въ 14 большей частью восточныхъ округахъ, по крайней мѣрѣ, вдвое большую долю, нежели въ 20 расположенныхъ на западъ округахъ, въ которыхъ перевѣшиваетъ крестьянское землевладѣніе. Въ первыхъ процентъ этотъ колеблется между 37,72 (Бреславль) и 57,29% (Бромбергъ), а въ послѣднихъ между 13,32% (Аахенъ) и 28,35 (Шлезвигъ). Самая высокая задолженность запада остается поэтому значительно ниже, чѣмъ самая низкая на востокѣ“ (*v. d. Goltz.* Vorlesungen, 125). Нужно замѣтить, что такая же разница между востокомъ и западомъ существуетъ и въ отношеніи задолженности къ капиталу, имѣющемуся въ деревнѣ, какъ его можно опредѣлить по даннымъ о подоходномъ налогѣ. Задолженность по отношенію къ капиталу, принятому за 100, выражалась въ слѣдующихъ относительныхъ цифрахъ: вост. Пруссія—226,5, зап. Пруссія—229,8, Померанія 181,0, Познань—238,9, Саксонія—72,4, Ганноверъ—46,8, Вестфалія 39,3, Рейнская пров.—26,5, Бранденбургъ—82,0, Силезія—83,0, Шлезвигъ-Голштейнъ—67,4,

номъ землевладѣніи; 70,4% обремененыя высокой или средней задолженностью, въ томъ числѣ 42,9% высокой“ [1]).

Эта задолженность именно крупнаго землевладѣнія является не случайностью, но, если можно такъ выразиться, функціональнымъ разстройствомъ, какъ это находится и Конрадъ: „ипотечная задолженность въ новѣйшее время несомнѣнно въ значительной степени сводится къ недостатку капитала на веденіе хозяйства“ [2]) (Defizit im laufenden Betriebe).

Итакъ тамъ, гдѣ англійскій лэндлордъ понижаетъ ренту, давая тѣмъ самымъ возможность фермеру приспособиться къ новымъ условіямъ рынка и, хотя сокративъ затраты капитала и

Гессенъ-Нассау—24,2, государство 82,0. (См. Berichte des landwirtschaftlichen Instituts der Universität Königsberg i. Pr. Hrsg. von Prof. Backhaus. III. Agrarstatistische Untersuchungen über den preussischen Osten im Vergleich zum Westen von Prof. Backhaus mit Assistenz von Dr. Steinbrück. Berlin. 1898. Стр. 83. Это не разъ цитированное изслѣдованіе представляетъ превосходную сводку основныхъ статистическихъ данныхъ, служащихъ къ характеристикѣ востока сравнительно съ западомъ. Оно основано, кромѣ того, на частной анкетѣ, благодаря которой авторами были получены нѣкоторыя новыя данныя).

[1]) v. d. *Goltz*, l. c., 124.

[2]) *Conrad.* Agrarkrisis въ Handw. d. Staatsw. 2-te Ausg. I. 113. См. здѣсь же статистику принудительныхъ продажъ имѣній за долги въ Саксоніи, число которыхъ увеличивается вмѣстѣ съ суммой долга, а равнымъ образомъ статистику роста ипотечнаго долга въ сельскихъ округахъ 7 восточныхъ провинцій и для всего Прусскаго государства, причемъ оказывается, что для всего государства за періодъ 1886—95 сумма долга возросла болѣе чѣмъ на $1^1/_2$ милліарда марокъ. „Такъ какъ за этотъ періодъ цѣнность земли не возрасла, но скорѣе упала, то слѣдовательно соотвѣтственно возрасла и чрезмѣрность задолженности“ (ib.).

Интересныя сопоставленія относительно принудительныхъ отчужденій встрѣчаемъ у Гольца (Die agrarischen Aufgaben der Gegenwart, 89—90). Приходилось на долю каждаго класса владѣній въ государствѣ Пруссіи изъ всей площади (I) и изъ площади имѣній, принудительно отчуждаемыхъ (II).

	Ниже 2 ha.	2—10 ha.	10—50 ha.	Выше 50 ha.
I.	1,52%	14,68%	37,90%	45,90%
II. $18^{86}/_{87}$.	0,79 „	5,10 „	15,99 „	78,12 „
II. $18^{87}/_{88}$.	0,81 „	5,02 „	15,50 „	78,67 „
II. $18^{88}/_{89}$.	0,77 „	5,87 „	15,72 „	77,64 „
II. $18^{86}/_{87}$—$^{88}/_{89}$	0,79 „	5,33 „	15,73 „	78,143 „

Между тѣмъ, какъ на долю владѣній ниже 50 гектаровъ приходится 54,1% площади, выше же 50 гектаровъ 45,9%, изъ всей площади прину-

понизивъ интенсивность хозяйства, всетаки устоять, континентальный помѣщикъ запутывается въ сѣтяхъ гипотечной задолженности, не имѣя возможности идти назадъ, но не имѣя силъ идти и впередъ. Англійская система оказывается болѣе приспособленной къ несенію тяжести аграрнаго кризиса, который на континентѣ чувствуется, къ тому же, гораздо слабѣе нежели въ Англіи. На континентальнаго хозяина тяжеле ложится и другая особенность переживаемой нами хозяйственной эпохи,—это пресловутый недостатокъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

До 70-хъ годовъ аграрные округа страдали, какъ мы знаемъ, перенаселеніемъ, причемъ заработная плата стояла на самомъ низкомъ уровнѣ. Съ средины 70-хъ годовъ и для сельскохозяйственныхъ рабочихъ, по крайней мѣрѣ, для наиболѣе предпріимчивыхъ изъ нихъ открывается возможность улучшать свое состояніе путемъ оставленія прежней своей родины и переселенія въ западные округа или за океанъ. По мѣрѣ того какъ развивалась индустрія, разница между заработной платой въ промышленныхъ и земледѣльческихъ округахъ становилась все ощутительнѣе, она привлекала все большее число рабочихъ съ востока. Когда въ земледѣльческой странѣ развивается промышленность, то, вполнѣ естественно, деревня отдаетъ индустріи свое избыточное населеніе. Сельскохозяйственные рабочіе, какъ несвязанные съ землей собственностью, оказываются самымъ подвижнымъ элементомъ деревни, они прежде всего предлагаютъ свои услуги промышленности. Въ извѣстныхъ границахъ процессъ выселенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ города является неизбѣжнымъ и вполнѣ нормальнымъ явленіемъ хозяйственнаго развитія [1]). Особенностью, небла-

---

дительно отчуждаемыхъ имѣній приходится на 1-ую категорію—21,86%, тогда какъ на вторую 78,4%. Характерно и распредѣленіе этихъ принудительно отчуждаемыхъ имѣній: наибольшая площадь падаетъ на 6 восточныхъ провинцій, съ крупнымъ землевладѣніемъ, затѣмъ слѣдуютъ провинціи Саксонія, Шлезвигъ Голштейнъ и Ганноверъ; въ наиболѣе благопріятномъ положеніи находятся, конечно, Рейнландъ и Вестфалія, а также Гессенъ-Нассау.

[1]) Совершенно правильно замѣчаетъ по этому поводу Маркардъ: „положеніе сельскаго хозяйства пришло бы въ самое печальное состояніе, если бы всѣ рабочія силы, которыя производитъ земледѣліе, должны были бы находить примѣненіе въ сельскихъ работахъ. Подобное положеніе существовало прежде, оно тяжело отражалось на сословіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ и дало, можетъ быть, первый толчекъ къ эмиграціи.

гопріятной для сельскаго хозяйства и вытекающей изъ всей хозяйственной исторіи Германіи, является то, что округа крупнаго землевладѣнія и промышленные округа территоріально раздѣлены. Мы уже говорили, что это является, до извѣстной степени, результатомъ того состоянія населенія, которое застаетъ капитализмъ; округа крупнаго землевладѣнія, которое сопровождается и наиболѣе рѣдкимъ населеніемъ, не мирятся, кромѣ какъ въ исключительно благопріятныхъ случаяхъ, съ развитой промышленностью, требующей густого населенія и избирающей или города или густонаселенные округа [1]). Аграрные округа остаются поэтому обойденными цивилизаціей, а сельскохозяйственные рабочіе лишены ея благъ.

Въ этотъ мракъ безнадежности положенія сельскохозяйственнаго рабочаго пробиваетъ лучъ свѣта и надежды лишь эмиграція, то же самое средствво, какое было испытано и англійскими ходжами. Съ цифрами внутренней миграціи мы уже познакомились выше. Но округа крупнаго землевладѣнія являются и главными

Въ общемъ является поэтому счастливымъ положеніемъ вещей, если промышленность можетъ предъявлять постоянно повышающійся спросъ на рабочую силу деревни. Въ настоящее время она требуетъ болѣе, чѣмъ когда-либо, болѣе, можетъ быть, чѣмъ способно дать земледѣліе" (*Marcard.* Ueber den Mangel an ländlichen Arbeitern въ Landwirtschaftliche Jahrbücher, III. 1874. Стр. 209).

[1]) Справедливо говоритъ тотъ же Маркардъ: „фактически потеря населенія постигаетъ по преимуществу, быть можетъ, даже исключительно, бѣдные промышленностью округа; доказательствомъ тому, повидимому, могло бы послужить и то обстоятельство, что въ богатыхъ промышленностью округахъ недостатокъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ былъ ощутимъ далеко не въ такой степени, какъ въ бѣдныхъ промышленностью. Объясненіе этого явленія заключается въ томъ, что въ округахъ, богатыхъ промышленностью, заработная плата регулируется ея непосредственной конкурренціей къ выгодѣ и сельскихъ рабочихъ. Сверхъ того не слѣдуетъ упускать изъ виду, что имѣетъ значеніе и то, является-ли рабочій данной мѣстности пріуроченнымъ исключительно къ *одному* занятію, или же онъ можетъ выбирать между различными отраслями занятій. Послѣднее положеніе болѣе благопріятно, оно дѣлаетъ рабочаго болѣе независимымъ и позволяетъ рабочему семейству распредѣлять силы своихъ членовъ соотвѣтственно ихъ способностямъ и индивидуальности" (210). Территоріальное раздѣленіе промышленныхъ округовъ и округовъ крупнаго землевладѣнія въ значительной степени исключаетъ возможность примѣненія general labourers, играющихъ такую роль въ Англіи, гдѣ нѣтъ столь рѣзкихъ различій, а, кромѣ того, менѣе значительны разстоянія.

источниками заокеанической эмиграціи. Лейдигъ [1]) даетъ слѣдующее сопоставленіе цифръ эмиграціи изъ Пруссіи для четырехъ группъ: 1) восточныхъ земледѣльческихъ провинцій: — вост. и зап. Пруссіи, Помераніи и Познани, 2) восточныхъ провинцій съ значительной промышленностью,—Бранденбурга, Силезіи, Саксонія, 3) среднихъ провинцій — Ганновера и Шлезвигъ-Голштейна, 4) Вестфаліи, Рейнланда, Гессенъ-Нассау:

Группы:	1880 годъ.		1885 годъ.		1890 годъ.	
	Число эмигрант.	1 эмигр. на жител.	Число эмигрант.	1 эмигр. на жител.	Число эмигрант.	1 эмигр. на жител.
I.	33,886	194,3	32,582	202,2	29,618	225
II.	9,715	999,4	11,085	920	7,432	1471,4
III.	13,761	236	15,351	216,5	9,530	367
IV.	11,240	688,6	10,011	820	4,817	1841,3

Громадное преобладаніе—и относительное и абсолютное—эмиграціи именно изъ восточныхъ округовъ подтверждаетъ общепринятое въ литературѣ мнѣніе, съ особенной настойчивостью выставляемое Гольцемъ [2]), что крупное землевладѣніе враждебно населенію,

---

[1]) *Leidig.* Auswanderungswesen im Kön. Preussen, 453. Ср. еще цифры у Geffken (Bergman). Bevölkerungspolitik. Auswanderung. (Schönberg's Handbuch, 4-te Aufl. B. II. Tübingen. 1898, стр. 500.) Для періода 1891—95 мною произведенъ подсчетъ (по даннымъ Statistisches Handbuch für den Preussischen Staat), изъ котораго слѣдуетъ, что изъ общей потери населенія восточными провинціями около половины (293,258 душъ) эмигрируетъ во внутреннія провинціи, и меньшая половина за океанъ (252,575 душъ). Но слѣдуетъ замѣтить, что данныя Handbuch'а объ эмиграціи, очевидно, неполны, потому что при сопоставленіи итоговъ оказывается необъясненнымъ огромный излишекъ въ 160,757 человѣкъ. Подсчетъ этотъ даетъ основаніе, по крайней мѣрѣ, для самаго грубаго сужденія о соотношеніи миграціи и эмиграціи.

[2]) „Для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что различная степень эмиграціи въ восточныхъ провинціяхъ если не исключительно, то въ высокой степени обусловливается способомъ распредѣленія землевладѣнія и большей или меньшей возможностью имѣть заработокъ посредствомъ несельскохозяйственныхъ занятій. Чѣмъ больше перевѣсъ крупнаго землевладѣнія и менѣе число крестьянскихъ владѣній, тѣмъ сильнѣе эмиграція; точно также она получаетъ тѣмъ больше силы, чѣмъ менѣе имѣетъ распространенія промысловая или иная несельскохозяйственная дѣятельность“ (*v. d. Goltz.* Die ländliche Arbeiterklasse und der preussische Staat, 141). Сравнивая по округамъ распространенность крупнаго землевладѣнія и эмиграціи, Гольцъ приходитъ къ убѣжденію о существованіи прямой пропорціональности между этими явленіями. „Эмиграція и пере-

неспособно удержать его и является главной причиной эмиграціи. Яркое доказательство этому представляютъ оба Мекленбурга (Шверинъ и Стрелицъ), гдѣ рѣзко выражено преобладаніе крупнаго землевладѣнія. Они обнаруживаютъ самый слабый ростъ (періодъ 1890—5 Шверинъ 0,64%, Стрелицъ—0,72 въ годъ, а въ періодъ 1885—90 гг. 0,12% и—0,08%), и это обусловлено необыкновенно высокой эмиграціей и перенаселеніемъ во внутреннія провинціи, въ которомъ главную роль играютъ, конечно, сельскохозяйственные рабочіе [1]).

селеніе въ другія провинціи дополняютъ и взаимно замѣняютъ одна другую. Въ общемъ можно принять, что тамъ, гдѣ существуетъ значительная эмиграція, незначительно переселеніе и наоборотъ. Если эмиграція изъ провинцій Бранденбурга, Саксоніи, Силезіи меньше, чѣмъ изъ Помераніи, Зап. Пруссіи и Познани, то это объясняется не только преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія въ этихъ провинціяхъ, но и тѣмъ, что здѣсь чаще представляется возможность рабочему найти заработокъ въ городахъ и промышленности" и т. д. (147). „Въ Германіи—говоритъ проф. Филипповичъ—слѣдуетъ различать двѣ главныя области эмиграціи: юго-западъ и сѣверо-востокъ, для которыхъ можно установить вполнѣ специфическія причины эмиграціи,—тамъ условія заработка, опредѣляемыя промышленнымъ развитіемъ, здѣсь крупное землевладѣніе и особенности аграрныхъ отношеній. Въ Баденѣ, въ Вюртембергѣ, въ Пфальцѣ, въ южной Баваріи распредѣленіе землевладѣнія достигло той границы, какая только допустима для сохраненія самостоятельнаго крестьянскаго сословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отъ мѣръ экономической политики ожидать такого развитія промышленной дѣятельности, которой былъ бы поглощенъ весь избытокъ населенія. На востокѣ отношеніе всего населенія къ земельной площади не таково, чтобы—говоря совершенно абстрактно—нельзя было путемъ соотвѣтственнаго дѣленія и созданія мелкокрестьянскаго хозяйства найти заработокъ и пропитаніе для растущаго населенія. Такое идеальное дѣленіе земли между населеніемъ есть однако совершенная иллюзія... Въ заработкахъ въ крупныхъ имѣніяхъ, которыя, часто будучи соединены съ сахарными и винокуренными заводами, стремятся къ болѣе интенсивному хозяйству, конечно, недостатка не было бы. Но условія труда, экономическое положеніе рабочихъ и все сильнѣе проявляющееся стремленіе къ свободному передвиженію и возможность получить самостоятельное хозяйство приводятъ къ тому, что тысячи рабочихъ минуютъ эту возможность приложенія своего труда на родинѣ и эмигрируютъ въ далекія страны". (Schr. d. V. f. S. P. B. 52. Auswanderung und Auswanderungspolitik in Deutschland. Einleitung von Prof. *von Philippovich*. Стр. XXIII—XXIV). Филипповичъ не безъ основанія замѣчаетъ: „дальнѣйшее развитіе эмиграціи будетъ зависѣть не столько отъ положенія вещей здѣсь, сколько отъ состоянія странъ, въ которыя направляется эмиграція" (XXV).

[1]) См. въ цитированной анкетѣ Ver. f. Soc. Pol. весьма обстоятельную

Такъ выражается одинъ изъ интереснѣйшихъ народнохозяйственныхъ пародоксовъ (или, по любимому выраженію Гегеля-Маркса, „противорѣчій“), по которому перенаселеніе чувствуется въ рѣдко населенныхъ округахъ и разрѣшается переселеніемъ въ густонаселенные; въ то же время въ этихъ округахъ ощущается не-

---

монографію *Lindig.* Entwickelung und gegenwärtiger Zustand der Auswanderung in Mecklenburg. 289 слл.

Связь между отливомъ населенія и крупнымъ землевладѣніемъ можно въ общихъ чертахъ установить и для Австріи, гдѣ наиболѣе теряютъ населеніе эмиграціей и миграціей провинціи съ крупнымъ землевладѣніемъ, напр. Богемія, Моравія, Силезія, Галиція и др. (Ср. съ одной стороны сопоставленія статистики населенія у *Rauchberg.* Die Bevölkerung Oesterreichs auf Grund der Ergebnisse der Volkszählung von 31 Dezember 1890. Wien. 1895 и съ другой—данныя *Inama-Sternegg.* Zur Charakteristik des Grossgrundbesitzes in Oesterreich въ Statistische Monatsschrift, X, 1884). То же самое наблюдается и въ Венгріи, какъ это было показано еще въ 60-хъ годахъ Дитцемъ, сочиненіе котораго отличается крупными достоинствами и не для своего только времени. (Die ungarische Landwirtschaft. Von Dr. *Heinrich Ditz.* Leipzig. 1867). „Чистый доходъ въ крупныхъ имѣніяхъ — говоритъ онъ—въ среднемъ больше, чѣмъ на крестьянскихъ земляхъ; но этотъ доходъ не привлекаетъ населенія, которое могло бы пользоваться имъ, а прогоняетъ его. Крупныя имѣнія носятъ названіе Puszta или пустыни не безъ основанія, ибо они населены гораздо менѣе нежели крестьянскія земли“. „Хотя крупное имѣніе съ равнаго участка земли приноситъ большій свободный доходъ, вслѣдствіе чего землевладѣлецъ можетъ занимать въ городѣ больше производителей предметовъ роскоши, чѣмъ крестьянская община, за то, съ другой стороны, тѣ промыслы, которые удовлятворяютъ обыкновеннымъ потребностямъ жизни,—въ одеждѣ, платьѣ, жилищѣ и т. д., находятъ гораздо меньшій сбытъ въ районахъ крупныхъ общинъ, нежели крестьянскихъ имѣній. Что болѣе обширный свободный доходъ вотчинъ и проживаемыя въ городахъ ренты землевладѣльцевъ не особенно оживили промышленность, можно сразу видѣть по состоянію венгерскихъ городовъ. Хотятъ разцвѣта и силы венгерскаго земледѣлія. Но для этого требуется близкій рынокъ, покупатели земледѣльческихъ продуктовъ въ собственной странѣ, требуется многочисленное промышленное сословіе и развитая индустрія. Промышленность и промышленники... могутъ привиться однако только тамъ, гдѣ многочисленное населеніе является покупателемъ“ (102—5). „Прежде всего для процвѣтанія венгерскаго земледѣлія необходимо развитіе собственной промышленности. Оно ищетъ теперь потребителей въ отдаленныхъ чужихъ странахъ. Оно должно отказываться отъ значительной части цѣны, которая дается имъ за ихъ продукты, для оплаты издержекъ производства. Въ собственной странѣ венгерское хозяйство имѣетъ мало потребителей. Это было бы иначе, если на мѣстѣ развилась индустрія“ (442). Положеніе дѣлъ въ Венгріи въ настоящее время не многимъ различается отъ нарисованной здѣсь картины.

достатокъ рабочихъ рукъ, и именно рѣдкость ихъ населенія оказывается основной причиной хозяйственной ихъ отсталости, вызывающей перенаселеніе; согласно этому парадоксу, заработная плата и спросъ на трудъ всего выше тамъ, гдѣ наибольшее его предложеніе благодаря густому населенію, а всего ниже тамъ, гдѣ предложеніе труда наименьшее, но за то и наименьшій спросъ: спросъ на трудъ измѣняется прямо пропорціонально предложенію. Въ этомъ противорѣчіи движется новѣйшая хозяйственная исторія Германіи, и промышленный капитализмъ мало по малу поражаетъ на голову аграрный.

Нетрудно видѣть — мы знакомы съ этимъ уже по опыту Англіи,—что эмигрирующіе сельскохозяйственные рабочіе не только получаютъ надежду на улучшеніе собственнаго положенія, но и несомнѣнно улучшаютъ положеніе оставшихся товарищей. Отношеніе между спросомъ и предложеніемъ труда измѣняется въ пользу рабочихъ. Вотъ почему и въ Германіи, хотя и въ слабѣйшей степени, чѣмъ въ Англіи, мы наблюдаемъ одно и то же явленіе, коренящееся въ самыхъ основахъ экономики земледѣлія: положеніе труда, невыносимо тягостное въ эпоху наибольшаго процвѣтанія земледѣлія, становится болѣе благопріятнымъ въ эпоху аграрнаго кризиса. Интересы предпринимателя и рабочаго въ земледѣліи антагонистичны какъ ни въ одной изъ другихъ отраслей промышленности, гдѣ существуетъ извѣстная солидарность интересовъ труда и производства, выражающаяся въ экономіи высокой заработной платы. Антагонизмъ этотъ оказывается фатальнымъ для крупнаго производства, потому что повышеніе заработной платы настигаетъ его въ моментъ наименьшей платежеспособности.

Поднятіе заработной платы сельскохозяйственныхъ рабочихъ становится ощутительнымъ съ 70-хъ годовъ. „Наибольшей высоты заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ достигла— говоритъ Гольцъ—послѣ франко-прусской войны, въ началѣ 70-хъ годовъ. Вся экономическая жизнь испытала тогда необыкновенный подъемъ; значительное количество новыхъ предпріятій было впервые вызвано въ жизнь, уже существовавшія расширялись, спросъ на рабочую силу былъ выше предложенія, золото было въ изобиліи; цѣны какъ на растительные, такъ и животные продукты сельскаго хозяйства достигли такой высоты, какой они никогда не достигали прежде за исключеніемъ нѣсколькихъ голодныхъ годовъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ возрасла заработная плата сна-

чала въ городахъ, въ промышленности. Сельскохозяйственные рабочіе изъ восточныхъ провинцій Пруссіи массами выселялись въ города и промышленные округа западной Германіи, чтобы заработать больше денегъ. Расширеніе желѣзнодорожной сѣти, которое произошло за послѣднее время и на востокѣ, сдѣлало это возможнымъ съ небольшими издержками. Если сельскіе хозяева хотѣли удержать у себя достаточное количество рабочей силы, они должны были значительно повысить цѣны“ [1]). Подобный же подъемъ заработной платы сельскохозяйственныхъ рабочихъ наблюдался и въ Баваріи въ 70-хъ годахъ [2]).

Начиная съ 70-хъ годовъ заработная плата сельскихъ рабочихъ — съ вполнѣ понятными колебаніями — растетъ, и, быть можетъ, не столько растетъ уровень заработной платы наилучше поставленныхъ рабочихъ, сколько уменьшается, а по мѣстамъ даже исчезаетъ тотъ классъ голодныхъ „свободныхъ“ рабочихъ, бездомовныхъ и безземельныхъ, который составлялъ соціальную язву, а вмѣстѣ условіе благополучія сельскаго хозяйства въ первыя три четверти XIX вѣка. Какъ ни разнится и экономическое и соціальное положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ отъ своихъ промышленныхъ собратьевъ, всетаки, подъ оздоровляющимъ вліяніемъ индустріи, въ общемъ оно улучшилось. Такое впечатлѣніе выносится изъ знакомства съ анкетой Союза Соціальной Политики [3]), предпринятой имъ въ началѣ 90-хъ годовъ для выясне-

---

[1]) *v. d. Goltz.* Die ländliche Arbeiterklasse und der Preussische Staat. 113.

[2]) Die Landwirtschaft in Bayern. Denkschrift nach amtlichen Quellen bearbeitet. München. 1890. Стр. 60 сл. Въ Саксоніи то же самое, по свидѣтельству Лангсдорфа, чувствовалось до 1875 года, когда условія предложенія труда снова измѣнились благопріятно для сельскихъ хозяевъ. Это свидѣтельство стоитъ нѣсколько въ разрѣзъ тому, что̀ мы знаемъ о сельскомъ хозяйствѣ Германіи вообще; возможно, что для Саксоніи имѣли мѣсто спеціальныя условія. См. *Langsdorf.* Die sächsische Landwirtschaft in Jahren 1876—79. Стр. 90.

[3]) Schriften des Vereins für Socialpolitik, Bände LIII—V. Erster Band: Die Verhältaisse der Landarbeiter in Nordwestdeutschland. 1892. Zweiter Band: Die Verhältnisse der Landarbeiter in Hohenzollern, im Reg.-Bez. Wiesbaden, in Thüringen, Bayern, im Grossherzogthum Hessen, Reg.-Bez. Kassel, Königreich Sachsen, in den Provinzen Schleswig-Holstein, Sachsen und Hannover Südlicher Theil, in den Herzogthümern Braunschweig und Anhalt, in der Rheinprovinz und im Fürstentlum Birkenfeld. 1892. Dritter Band: Die Verhältnisse der Landarbeiter im Ostelbischen Deutschland. Дебаты по вопросу о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ на общемъ собраніи Союза см. Schr. d. V.

нія положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ (хотя и справедливо, что изслѣдованіе, составленное на основаніи показаній однихъ только предпринимателей, рискуетъ придти къ выводамъ, чрезмѣрно оптимистичнымъ).

Но на основѣ этого общаго фона — постепеннаго улучшенія въ положеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ—развиваются нѣкоторыя тенденціи, стоящія, до извѣстной степени, въ противорѣчіи съ этой общей тенденціей. Важнѣйшей перемѣной въ этомъ отношеніи является постепенная реорганизація сельскохозяйственнаго труда, стремящаяся уменьшить число инстовъ на счетъ свободныхъ рабочихъ и смести такимъ образомъ послѣдніе слѣды крѣпостнаго права въ организаціи труда, сдѣлавъ ее, хотя заднимъ числомъ, болѣе современной, болѣе „капиталистической“.

Процессъ этотъ, какъ мы уже знаемъ, ведетъ свое начало еще съ 70-хъ годовъ. Экономическое raison d'être его для предпринимателя—удешевленіе рабочей силы, для рабочаго—болѣе независимое положеніе, хотя далеко не всегда лучшее. Проф. Максъ Веберъ такъ говорилъ объ этой перемѣнѣ въ общемъ собраніи Союза Соціальной Политики, посвященномъ рабочему вопросу въ сельскомъ хозяйствѣ: „важнѣйшимъ результатомъ анкеты Союза является то, что неотвратимое разложеніе прежней организаціи труда отчасти уже наступило, отчасти происходитъ, и его окончательное наступленіе есть лишь вопросъ времени. Въ матеріальномъ отношеніи двѣ крупныхъ дезорганизующихъ причины вызываютъ это разрушеніе: первой и менѣе важной

---

f. Sos. Pol., Band LVIII. Основные результаты этой обширной анкеты въ удобной для обозрѣнія формѣ сведены и сопоставлены съ данными прежнихъ изслѣдованій въ книгѣ *Kuno Frankenstein.* Die Arbeiterfrage in der deutschen Landwirtschaft. Mit besonderer Berücksichtigung der Erhebungen des Vereins für Socialpolitik über die Lage der Landarbeiter. Berlin. 1899

Нужно замѣтить, что, если вычислять по даннымъ анкеты Союза среднія заработныя платы на востокѣ и западѣ, онѣ вовсе не такъ разнятся между собою, какъ это думаетъ напр. Гольцъ, и что „семейства поденщиковъ Востока въ общемъ поставлены также хорошо, въ Помераніи даже лучше, чѣмъ въ наиболѣе благопріятныхъ для нихъ мѣстностяхъ монархіи“ (Backhaus, 73). Если даже это и такъ, то одинаковость заработной платы вовсе еще не уравниваетъ тѣхъ выгодъ, которыя имѣетъ рабочій въ болѣе культурныхъ районахъ и которыя проистекаютъ именно изъ этой культурности.

является паровая молотилка [1]), другою—сахарная свекла, которую я привожу здѣсь a potiori, какъ примѣръ интенсивной культуры вообще. Моментомъ, рѣшающимъ съ точки зрѣнія работодателя, является въ концѣ концовъ разница въ потребности въ рабочей силѣ лѣтомъ и зимою; она увеличивается настолько, что держать круглый годъ рабочія силы, нужныя лѣтомъ, является нецѣлесообразнымъ. Это и вызвало уменьшеніе постоянныхъ, осѣдлыхъ, прочно связанныхъ съ имѣніемъ рабочихъ въ пользу сезонныхъ рабочихъ и вообще капиталистическую реорганизацію стараго положенія рабочихъ и превращеніе ихъ въ настоящихъ наемныхъ рабочихъ“ [2]). А въ самой анкетѣ Веберъ слѣдующимъ образомъ высказывается о вліяніи этой перемѣны въ организаціи труда на его положеніе: „въ силу безсознательной телеологіи, присущей соціальнымъ отношеніямъ, капиталистическая реорганизація труда является естественнымъ противникомъ высокаго жизненнаго уровня рабочаго. Если прослѣдить уровень заработной платы въ отдѣльныхъ округахъ, то обнаруживается поразительный фактъ, что на сѣверѣ, именно въ районѣ интенсивной культуры (долина Вислы, Познань) уровень заработной платы *постоянныхъ* рабочихъ имѣетъ тенденцію падать. Это важное обстоятельство затемняется, большей частью, высокимъ уровнемъ платы сезонныхъ рабочихъ, но соотвѣтствуетъ тому, что было выяснено въ отдѣльныхъ монографіяхъ. Значительное примѣненіе женскаго труда, отсутствіе собственнаго скотоводства и вообще собственнаго хозяйства у безземельныхъ рабочихъ и ихъ казарменныя жилища въ „семейныхъ домахъ“ являются спутниками этого новѣйшаго крупнаго хозяйства“ [3]).

Положеніе рабочихъ уничтоженіемъ старой организаніи труда относительно ухудшается, по крайней мѣрѣ, въ матеріальномъ

---

[1]) Паровая молотилка, лишивъ многихъ и многихъ рабочихъ зимнихъ занятій, была, несомнѣнно, значительнымъ зломъ для рабочихъ, которое не окупалось техническими выгодами. На это указываетъ, между прочимъ, и Гольцъ, который выставляетъ даже утопическое пожеланіе: „ограниченіе въ употребленіи молотилокъ, въ особенности паровыхъ молотилокъ составляетъ для всей Германской Имперіи существенное средство для улучшенія положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ, а также для уменьшенія эмиграціи и миграціи“. (Die ländliche Arbeiterklasse, 145).

[2]) Schr. d. V. f. s. P. B. 58, стр. 68.

[3]) Die Verhältnisse der Landarbeiter in Deutschland. III, 792. Ср. *Sering*. Die innere Kolonisation, стр. 10.

смыслѣ, но едва ли какой-либо другъ рабочихъ пожалѣетъ объ исчезновеніи этого уродливаго ублюдка крѣпостного права, обращавшаго свободнаго рабочаго въ родъ временно-обязаннаго. Достаточно указать, что заинтересованныя лица, т. е. рабочіе, хотя и теряютъ матеріально отъ перемѣны своего положенія, но сами стремятся перейти въ сословіе „свободныхъ“ рабочихъ. „Ничто — справедливо замѣчаетъ Веберъ — не является болѣе уничтожающимъ сужденіемъ относительно будущности института инстовъ, какъ именно этотъ моментъ“ [1]).

Аналогію съ инстами представляетъ организація наемнаго труда въ Вестфаліи и Ольденбургѣ, гдѣ распространена система крупныхъ крестьянскихъ дворовъ. Потребность въ рабочихъ тамъ удовлетворяется посредствомъ такъ называемыхъ Heuerlinge, родъ рабочихъ-арендаторовъ. Эта форма представляетъ нѣчто среднее между самостоятельнымъ и несамостоятельнымъ хозяиномъ. Крупное крестьянство не можетъ здѣсь обезпечить себѣ рабочихъ иначе, какъ сдѣлавъ ихъ, по крайней мѣрѣ, полукрестьянами. Колльманъ, описавшій этотъ институтъ относительно ольденбургскаго Мюнстерланда, говоритъ: „главное отличіе мюнстерландскаго и, насколько этотъ институтъ существуетъ и въ другихъ мѣстахъ, вообще сѣверозападнаго Heuermann'а отъ восточнаго инста состоитъ въ томъ, что отводимая ему земля лежитъ не внутри поля имѣнія и не воздѣлывается вмѣстѣ съ полемъ помѣщика и по его распоряженію, притомъ онъ не получаетъ депутата, именно части вымолоченнаго зерна. Напротивъ, Heuermann располагаетъ вполнѣ отдѣленнымъ полемъ и, сверхъ того, лугомъ, и онъ можетъ пользоваться ими по своему усмотрѣнію, обрабатывая руками своими и своихъ домочадцевъ. Также точно онъ можетъ произвольно расширять свое скотоводство въ соотвѣтствіи состоянію своего хозяйства. Поэтому онъ пользуется, насколько онъ является арендаторомъ, всѣми основными преимуществами, которыми пользуется временный арендаторъ. Конечно, значительную долю своего времени и силъ онъ долженъ отдавать въ пользу своего землевладѣльца. Но это не противорѣчитъ его собственному интересу, такъ какъ во всякомъ случаѣ небольшая аренда не можетъ занять всего его рабочаго времени и вполнѣ его прокормить. Какъ правило, онъ не могъ бы просуществовать безъ

[1]) Schr. d. V. f. S. P., Band 58, стр. 70.

добавочнаго заработка въ качествѣ рабочаго“ [1]). Общее положеніе рабочихъ Колльманъ рисуетъ достаточнымъ; положеніе рабочаго мало разнится отъ положенія хозяина, и здѣсь сохраняются патріархальныя отношенія въ лучшемъ смыслѣ слова. У насъ нѣтъ статистики относительно этого класса рабочихъ и данныхъ, чтобы судить объ его измѣненіяхъ. Повидимому, онъ до сихъ поръ сохраняетъ еще свою жизнеспособность. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что между положеніемъ инста и Heuerling'а существуетъ большая разница въ пользу послѣдняго; крестьянскіе хутора съумѣли лучше обезпечить себя рабочей силой, чѣмъ юнкерскія имѣнія, но это цѣною сокращенія собственнаго хозяйства до размѣровъ, почти равныхъ хозяйству своего рабочаго. Между тѣмъ однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ сокращенія числа инстовъ является, какъ уже было замѣчено, жадность къ землѣ. И если до сихъ поръ раздаются упрямые голоса (какъ напр. Гольца), что рабочій вопросъ на востокѣ Пруссіи можно разрѣшить созданіемъ класса надѣленныхъ землею рабочихъ, то ничего не можетъ быть утопичнѣе этихъ половинчатыхъ проэктовъ: съ одной стороны, крупному производству пришлось бы въ стремленіи къ повышенію интенсивности хозяйства, сопровождающемуся увеличеніемъ количества труда, отдавать все больше и больше до-

---

[1]) *Paul Kollmann.* Die Heuerleute im oldenburgischem Münsterlande (Conrad's Jahrbücher, Ш. F., Band 16, Heft 2, стр. 148). Этотъ же порядокъ существуетъ въ Вестфаліи и въ округѣ Оснабрюкѣ. Для мюнстерской, теперь ольденбургской области Heuerlinge относятся къ позднѣйшему времени, по крайней мѣрѣ въ регистрахъ начала XIX вѣка нѣтъ о нихъ упоминанія. — Среднее между инстомъ и Heuermann'омъ представляетъ рабочій Бадена, описаніе котораго относится къ 60-мъ годамъ: „крестьянинъ, работы котораго сосредоточиваются на короткое время, нуждается для нихъ въ постороннихъ рукахъ и, несмотря на значительное населеніе, ихъ трудно бываетъ получить; онъ долженъ поэтому напередъ обезпечить себя ихъ помощью. Это происходитъ такъ, что кромѣ обыкновенной прислуги онъ держитъ еще поденщиковъ, которыхъ онъ поселяетъ обыкновенно на всю жизнь на своей землѣ, предоставляя имъ маленькій домъ и нѣсколько клочковъ земли для производства картофеля, вдобавокъ къ чему они сами пріарендовываютъ нѣсколько, чтобы держать корову“. (Festschrift für die Mitglieder der XXI Versammlung deutscher Land-und Forstwirthe. Beiträge zur Kenntniss der Land-und Forstwirtschaft im Grossherzogthum Baden. Heidelberg. 1860. Стр. 203). — Ср. еще *v. Miaskovsky.* Das Erbrecht und die Eigenthumsvertheilung im Deutschen Reiche. I. 1882 Стр. 94 сл.

рожающей земли рабочимъ, вести эту внутренне противорѣчивую и самоубійственную политику, съ другой стороны, это ничуть не удержало бы рабочихъ отъ того, что составляетъ идеалъ для всѣхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, — основанія собственнаго хозяйства, при извѣстныхъ размѣрахъ котораго онъ уже теряетъ свою цѣну какъ наемный рабочій, причемъ неудачники по прежнему бы эмигрировали. Вотъ почему попытки разрѣшить вопросъ о рабочихъ путемъ аграрнаго компромисса, а не прямого поднятія заработной платы, осуждены на неудачу. Такова была судьба и попытокъ колонизаціи рабочими прусскаго востока, результаты которой выражены Кнаппомъ въ слѣдующемъ афоризмѣ: „колонизація рабочихъ не удается, колонизація крестьянъ удается“ [1]).

Такъ или иначе, фактъ постепеннаго исчезновенія инстовъ не подлежитъ сомнѣнію. Его можно приблизительно измѣрить даже статистически. По даннымъ переписей 1882 и 1895 года при общемъ и значительномъ *уменьшеніи* числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ, занимающихся земледѣліемъ въ качествѣ главнаго занятія, съ 5,763,970 до 5,445,924,—умепьшеніе на 318,046,—категорія сельскохозяйственныхъ рабочихъ, имѣющихъ собственную или наемную землю, уменьшилась съ 866,493 до 382,872, т. е. на 483,621 рабочихъ, зато увеличилась группа безземельныхъ рабочихъ—съ 1,373,774 до 1,445,300 или на 71,526. Цифры эти явственно показываютъ перемѣны, происшедшія въ организаціи сельскохозяйственнаго труда.

Для характеристики измѣненій въ положеніи труда слѣдуетъ еще указать на увеличеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ, занятыхъ земледѣліемъ какъ *побочнымъ* промысломъ, другими словами, раздѣляющихъ свое рабочее время, по крайней мѣрѣ, между двумя занятіями. Число такимъ рабочихъ съ 1882 по 1895 годъ возросло съ 3,144.551 до 3,577,798, и особенно безземельныхъ рабочихъ, — съ 1,023,791 до 1,416,990. Съ принятіемъ во вниманіе этой категоріи общее число сельскохозяйственныхъ рабочихъ нѣсколько увеличивается въ періодъ 1882—95, именно съ 6,787,761 до 6,862,914. Къ сожалѣнію, статистика оставляетъ насъ въ невѣдѣніи касательно отношенія къ земледѣлію и промышленности послѣдней категоріи

---

[1]) *Knapp.* Grundherrschaft und Rittergut, 22.

рабочихъ. Можетъ быть, это соединеніе промысловъ съ земледѣліемъ (вмѣстѣ съ значительной эмиграціей, обусловливающей общій недостатокъ рабочихъ) объясняетъ необыкновенно низкій процентъ и колебанія безработицы въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя, несмотря на извѣстную неравномѣрность распредѣленія сельскохозяйственныхъ работъ въ разныя времена года, гораздо меньше, чѣмъ въ промышленности и торговлѣ, какъ это ясно изъ слѣдующаго сопоставленія [1]).

	Не имѣло занятія (въ процентахъ).					
	14 іюня 1895 г.			2 декабря 1895 г.		
	Мужч.	Женщ.	Обоихъ.	Мужч.	Женщ.	Обоихъ.
A. Земледѣліе	0,76	0,56	0,67	3,06	4,39	3,61
B. Промышленность.	2,61	2,37	2,57	6,38	3,97	5,96
C. Торговля	2,82	1,55	2,50	4,49	2,06	3.88
D. Наемная работа измѣнчиваго характера	7,75	2,10	2,81	21,36	3,56	5.81
Сумма.	2,13	1,44	1,89	5 40	3,91	4,88

Превращеніе инстовъ въ свободныхъ рабочихъ было однимъ средствомъ удешевленія труда; другимъ средствомъ является употребленіе вмѣсто постоянныхъ или, по крайней мѣрѣ, мѣстныхъ рабочихъ, пришлыхъ рабочихъ, съ болѣе низкимъ уровнемъ потребностей, потому мирившихся на болѣе низкой заработной платѣ. Веберъ характеризуетъ это такъ: „указанное направленіе развитія (уменьшеніе числа инстовъ) ведетъ къ устраненію постояннаго мѣстнаго рабочаго сословія. Все больше и больше и повсюду оказывалось, что привлекались чужеземныя рабочія силы съ низшимъ уровнемъ потребностей, хотя большая производительность труда мѣстныхъ рабочихъ и стоитъ внѣ сомнѣнія, а тамъ, гдѣ она оспаривается, это основано на томъ

[1]) Vierterljahreshefte zur Statistik des Deutschen Reichs. Jahrg. 1896. Ergänzung zum Vierten Heft. Die beschäftigungslosen Arbeitnehmer im Deutschen Reich am 14 Juni und 2 Dezember 1895. Berlin. 1896. Стр. 4. Таблица по отдѣльнымъ производствамъ см. стр. 5.

простомъ законѣ, что одинъ рабочій съ нѣмецкими потребностями въ пищѣ, если онъ получаетъ лишь $^3/_4$ этого количества, сохраняетъ не $^3/_4$ своей производительности, но менѣе, и потому не такъ производителенъ, какъ напр. польскій рабочій, получающій полное удовлетвореніе своимъ меньшимъ потребностямъ въ пищѣ. Основаніемъ для привлеченія чужеземныхъ рабочихъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣются и мѣстные рабочіе, отчасти—но только отчасти—заключается въ абсолютно низкомъ уровнѣ заработной платы чужеземныхъ рабочихъ, но, сверхъ того, не говоря уже о большей уступчивости со стороны безпомощныхъ рабочихъ на чужой сторонѣ, еще и въ томъ, что при этомъ возможно пользованіе рабочей силой въ лѣтнее время, безъ необходимости заботиться о рабочихъ и зимою. Въ *этомъ* смыслѣ чужеземные рабочіе *всегда* дешевле чѣмъ свои.

Потому, согласно отчетамъ, нѣмецкіе инсты западной Пруссіи, тамъ, гдѣ они еще существуютъ, должны уступать польско-русскимъ рабочимъ; польскихъ коморниковъ отъ этого защищаетъ только ихъ низкій уровень жизни, напротивъ, свободные рабочіе вытѣсняются изъ сельскихъ округовъ этимъ приливомъ съ востока, и въ концѣ концовъ, какъ показываетъ сравненіе заработной платы въ долинѣ верхней Вислы, уровень заработной платы понизился по сравненію съ 1873 годомъ. Медленно, но неуклонно развивается этотъ процессъ и тамъ, гдѣ еще сохраняется патріархальная система, такъ въ восточной Пруссіи и задней Помераніи“ [1]).

Несомнѣнно, въ отдѣльныхъ случаяхъ привлеченіе иностранныхъ рабочихъ является вынужденнымъ вслѣдствіе недостатка собственныхъ, но во всѣхъ случаяхъ оно является средствомъ удешевленія рабочей силы, которое обращается, въ концѣ концовъ, въ свою противоположность, ибо усиливаетъ эмиграцію своихъ рабочихъ, а слѣдовательно и недостатокъ въ нихъ, который не можетъ быть всецѣло возмѣщенъ иностранными рабочими. Точной статистики пришлыхъ рабочихъ, естественно, быть не можетъ. Въоффиціальномъ источникѣ [2]) число это опредѣляется для

---

[1]) Die Verh. d. Landarbeiter in Dtschl. III, 792—3. По словамъ Бакгауза, одинъ изъ его корреспондентовъ (конечно, предприниматель) находитъ, что „введеніе русскихъ рабочихъ было бы очень хорошимъ средствомъ противъ чрезмѣрныхъ требованій нѣмецкихъ рабочихъ“ (Backhaus, l. c. 75).

[2]) См. Denkschrift über die zur Förderung der Landwirtschaft in den

1892 года въ 19,505, 1893 г.—21,979, 1894 года—26,075, 1895 г.—27,249. Хотя, надо думать, эти цифры ниже дѣйствительныхъ, всетаки притокъ иностранныхъ рабочихъ не такъ великъ, чтобы возмѣстить убывающихъ нѣмецкихъ рабочихъ, особенно принимая во вниманіе низшую производительность и интенсивность труда чужеземныхъ работниковъ. Однако число ихъ растетъ и, вѣроятно, будетъ расти; этого достаточно, чтобы внушать прусскимъ патріотамъ небезосновательную тревогу относительно полонизаціи и руссификаціи прусскаго востока, пограничнаго русской Польшѣ. Представители оффиціальнаго патріотизма — прусскіе юнкера, оплотъ консервативной партіи, оставляютъ, однако, свой патріотизмъ, какъ только дѣло заходитъ объ удешевленіи труда.

То, чѣмъ для восточныхъ провинцій являются чужеземные рабочіе, для внутреннихъ провинцій составляютъ рабочіе восточныхъ провинцій. И они отличаются тѣмъ же достоинствомъ, что и чужеземные, — своей сравнительной дешевизлой. И вотъ изъ перенаселенныхъ и бѣдныхъ районовъ восточныхъ провинцій устанавливается токъ въ провинціи съ культурой сахарной свеклы, въ ряду которыхъ первое мѣсто занимаетъ Саксонія, давшая и имя этому виду отхода: Sachsengängerei [1]). Какъ хорошо выяснено въ новѣйшемъ изслѣдованіи о сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Саксоніи [2]), Sachsengänger оказываютъ здѣсь то же

---

letzten Jahren ergriffenen Massnahmen. Berlin. 1896, стр. 11. Рабочіе эти приходятъ изъ австрійской Галиціи и изъ Россіи. Бензингъ (Der Einfluss der landwirtschaftlichen Maschinen, 52) приводитъ на основаніи Deutsche Landwirtschaftliche Presse цифры, нѣсколько отступающія отъ оффиціальныхъ. Сопоставленіе числа отхода рабочихъ изъ восточныхъ провинцій и прихода иностранныхъ даетъ минусъ 212,500 рабочихъ въ три года.

[1]) Обстоятельная монографія объ этомъ видѣ отхода принадлежитъ перу Кергера: *Kärger*. Die Sachsengängerei. Berlin. 1890.

[2]) Die Landarbeiter in den evangelischen Gebieten Norddeutschlands. In Einzeldarstellungen nach den Erhebungen des Evangelisch-Socialen Kongresses herausgegeben von Max Weber. Изъ этого изслѣдованія, составленнаго на основаніи показаній сельскихъ пасторовъ и касающагося, слѣдовательно, лишь протестантскихъ районовъ, вышло до сихъ поръ только два выпуска. Erstes Heft. Die Landarbeiter in der Provinz Sachsen, sowie den Herzogthümern Braunschweig und Anhalt, dargestellt von Dr. *S. Goldschmidt*. Tübingen. 1899. Zweites Heft. Die Landarbeiter in den Provinzen Schleswig. Holstein und Hannover östlich der Weser, sowie in dem Gebiete des Fürsten-

самое разрушительное вліяніе на старую организацію труда, что и чужеземные рабочіе въ восточныхъ провинціяхъ. Стремленіе къ удешевленію труда, усиленное поднятіемъ заработной платы повело къ сокращенію постоянныхъ рабочихъ. „Нѣмецкій востокъ явился резурвуаромъ, изъ котораго сельское хозяйство къ западу отъ Эльбы изъ года въ годъ черпаетъ большую часть своихъ рабочихъ“ [1]). Хотя, по свидѣтельству Гольдшмидта, привлеченіе восточныхъ рабочихъ вызывается технической необходимостью затраты извѣстнаго количества труда, не имѣющагося въ наличности на мѣстѣ, но „во многихъ имѣніяхъ, какъ можно заключить на основаніи отчетовъ, Gachsengänger привлекаются не вслѣдствіе недостатка мѣстныхъ рабочихъ силъ, но исключительно ради ихъ большей дешевизны, являющейся матеріальнымъ выраженіемъ тѣхъ различій, которыя существуютъ въ духовномъ развитіи, а также и жизненномъ уровнѣ между рабочими востока и запада. Даже и тѣ имѣнія, которыя совсѣмъ не производятъ свеклы или производятъ ее въ крайне маломъ количествѣ, пользуются трудомъ Gachsengänger'овъ по выше приведеннымъ основаніямъ“ [2]). Конечно, статистики Sachsengängerei не существуетъ; въ числѣ Sachsengänger встрѣчается много женщинъ и несовершеннолѣтнихъ. Скорѣе всего явленіе это можетъ быть сближаемо съ нашимъ сельскохозяйственнымъ отходомъ.

Мы сказали уже, что охарактеризованныя явленія, хотя и вызываютъ противоположную тенденцію, не могутъ парализовать общей тенденціи къ поднятію заработной платы для сельскихъ рабочихъ. Поднятіе цѣнъ на трудъ, стоящее въ связи съ его ограниченнымъ предложеніемъ, оказывается въ тяжелыя годины кризиса столь же губительно и непереносно для многихъ изъ крупныхъ хозяевъ, какъ и застарѣлая и все растущая гипотечная задолженность. Намъ уже извѣстно, что отъ высокой заработной платы сельскохозяйственныхъ рабочихъ (которая все же ниже платы промышленныхъ) стонетъ востокъ Германіи. Но ту же жалобу мы слышимъ и изъ кор. Саксоніи: „пока хлѣбъ ввозится изъ-заграницы, высокая заработная плата сельскихъ

---

thums Lübeck und der freien Städte Lübeck, Hamburg und Bremen, von Dr *A. Grunenberg*. Tübingen 1899.

[1]) Goldschmidt, l. c. 23.

[2]) Goldschmidt, l. c. 24.

рабочихъ будетъ отягощать сельское хозяйство“ [1]). Подобное же свидѣтельство имѣемъ мы изъ Баваріи. „Трудное положеніе относительно рабочихъ неоспоримо ведетъ къ тому, что теперь существуетъ извѣстный страхъ предъ веденіемъ болѣе или менѣе крупнаго сельскохозяйственнаго предпріятія. Незначительность числа нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, ведущихъ собственное хозяйство, достаточно говоритъ объ этомъ, и многіе крестьяне оказались вынужденными благодаря этому же промѣнивать болѣе крупное хозяйство на менѣе крупное, которое они могли бы обрабатывать при помощи лишь своихъ семействъ“ [2]).

Абсолютное уменьшеніе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ настоящее время вызываетъ уже не только поднятіе заработной платы, какъ это было, повидимому, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, когда, можетъ быть, устранялось лишь избыточное сельское населеніе, хотя привыкшіе къ безцеремонному отношенію къ нему сельскіе хозяева уже вопіяли о недостаткѣ рабочихъ, но дѣйствительный и серьезный недостатокъ рабочей силы. Нѣкоторая противоположность въ показаніяхъ относительно этого свидѣтельствуетъ не объ отсутствіи этого недостатка вообще, а лишь въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, наиболѣе крѣпкихъ и платежеспособныхъ [3]). Въ народно-хозяйственномъ масштабѣ, несомнѣнно

[1]) *Roth.* Welchen Einfluss muss die Umgestaltung der Verkehrs und wirtschaftlichen Verhältnisse auf den Grad der Intensität und die Productionsrichtung der Sächsischen Landwirtschaft ausüben. Leipzig. 1890. Стр. 32.

[2]) Die Landwirtschaft in Bayern. Denkschrift. 1890. Стр. 60.

[3]) „Что касается результатовъ нашего изслѣдованія относительно жалобъ на недостатокъ или плохое качество рабочихъ..., то показанія различныхъ владѣльцевъ расходятся. Значительное число, почти половина констатируетъ, что.. недостатокъ въ постоянныхъ рабочихъ не проявляется въ столь сильной степени; отдѣльные отзывы также показываютъ что эмиграція въ Америку и уходъ въ города въ общемъ сдѣлался менѣе. Эти показанія согласуются съ отчетомъ сельскохозяйственной камеры восточной Пруссіи на 1896 годъ. Самое основное впечатлѣніе таково, что повсюду, гдѣ заботятся о хорошемъ обращеніи, хорошихъ жилищахъ, достаточной заработной платѣ, хорошемъ качествѣ хлѣба, выдаваемаго въ качествѣ депутата, и подобныхъ, собственно само собою разумѣющихся вещахъ, тамъ рѣдко, почти никогда не встрѣчается значительной нужды въ рабочихъ; лишь въ двухъ случаяхъ сообщаютъ землевладѣльцы, что, несмотря на всѣ усилія и благотворительныя учрежденія, они были не въ состояніи удержать рабочихъ. Въ одномъ пунктѣ согласуются всѣ отчеты, именно въ недостаткѣ или даже полномъ отсутствіи Scharwerker“ (Backhaus, 74). Отсутствіе Scharwerker, или тѣхъ рабочихъ, которыхъ обязуется

существуетъ абсолютный недостатокъ рабочей силы, который обусловливается неспособностью многихъ хозяйствъ обезпечить своимъ рабочимъ жизненный уровень, отвѣчающій ихъ растущимъ потребностямъ и уровню культурнаго развитія.

Недостатокъ рабочихъ неминуемо долженъ былъ отразиться на *техникѣ* крупнаго хозяйства, или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ предпріятій, хозяйственная устойчивость которыхъ уже поколеблена. Вліяніе недостатка сельскохозяйственныхъ рабочихъ на общее веденіе хозяйства всѣми компетентными изслѣдователями рисуется въ самыхъ мрачныхъ чертахъ. Особенно много посвящаетъ этому вниманія ф. д. Гольцъ. Онъ вычисляетъ, напримѣръ, что не особенно значительное и вполнѣ осуществимое при теперешней техникѣ повышеніе производительности земли сдѣлало бы Германію способной обходиться безъ ввознаго хлѣба. Для этого требуется однако „прежде всего затрата бо̀льшаго количества труда на земледѣльческое производство“. „Хорошая обработка почвы образуетъ предпосылку для благотворнаго дѣйствія какъ покупныхъ удобреній, такъ и лучшихъ сѣмянъ“. Между тѣмъ „для значительнаго повышенія производства пищевыхъ средствъ, насколько его требуетъ растущее населеніе имперіи, нѣтъ большаго препятствія, какъ недостаточность числа рабочихъ рукъ, которыми располагаетъ земледѣліе. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о восточныхъ провинціяхъ съ ихъ рѣдкимъ сравнительно съ сельскохозяйственной и полевой площадью населеніемъ. Незнакомые съ дѣломъ часто думаютъ, что меньшій валовой доходъ на востокѣ объясняется исключительно неблагопріятными условіями климата и почвы. Но въ общемъ это невѣрно. Сѣверовосточная Германія стоитъ въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, не ниже чѣмъ обширные округа средней и южной Германіи, которые лежатъ выше надъ уровнемъ моря; они не могутъ, конечно, конкуррировать съ долинами и равнинами по части плодородія. Для усиленія производительности почвы на востокѣ не требуется

поставить отъ себя на извѣстное горячее время рабочій, свидѣтельствуетъ только объ отсутствіи избыточнаго населенія и невозможности по прежнему безцеремонно приглашать его на короткое время, притомъ даже не лично владѣльцу, а чрезъ посредство рабочаго. „Съ народнохозяйственной точки зрѣнія—говоритъ и Бакгаузъ—можно возразить многое противъ этого класса, ибо инстъ не есть, конечно, подходящій работодатель, и пропитаніе, а также и общее положеніе Scharwerker въ большинствѣ случаевъ оставляло желать многаго“ (l. c. 74).

ничего болѣе, какъ увеличеніе рабочей силы, занятой въ земледѣліи.

Къ сожалѣнію, при теперешнемъ ходѣ развитія, на это нѣтъ никакихъ надеждъ; скорѣе насъ ждетъ печальный фактъ, что число сельскохозяйственныхъ рабочихъ, хотя повышеніе его настоятельно требуется въ интересахъ земледѣлія и всей націи, будетъ постепенно уменьшаться. Если нельзя опредѣлить этого уменьшенія въ цифрахъ, тѣмъ не менѣе невозможно сомнѣваться въ наличности этого факта“ [1]).

Не менѣе мрачно смотритъ на положеніе вещей проф. Зерингъ: „недостатокъ хорошихъ рабочихъ принялъ такіе размѣры, что часто дѣлаетъ невозможнымъ веденіе раціональнаго хозяйства. Во многихъ случаяхъ площадь зерновыхъ хлѣбовъ замѣняется засѣяннымъ лугомъ. Ежегодно повторяется такое явленіе, что жатва не можетъ быть произведена во-время, сѣно на лугахъ погибаетъ и картофель остается лежать въ полѣ свыше мѣры. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достаточнаго количества рабочихъ силъ нельзя найти даже зимою“ [2]).

---

[1]) Die ländliche Arbeiterklasse, 165—170. Предположеніе Гольца объ уменьшеніи числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ, высказанное въ 1893 году, вполнѣ подтвердилось, какъ уже знаетъ читатель, данными переписи 1895 года.

[2]) *Sering.* Die innere Kolonisation. 1893. Стр. 10. Ср. также Roth о Саксоніи: „изъ года въ годъ сельскохозяйственные рабочіе, число которыхъ должно было бы значительно возрасти съ повышеніемъ интенсивности хозяйства, уменьшалась въ числѣ въ Саксоніи, и дѣйствительно возникла нужда въ рабочихъ“ (l. c. 29). Ср. Герцогъ объ Эльзасъ-Лотарингіи: „мелкіе и средніе землевладѣльцы воздѣлываютъ всѣ свои имѣнія сами, тогда какъ крупные сдаютъ часть земли, чтобы такимъ образомъ избѣжать недостатка въ надежныхъ рабочихъ и освободиться отъ непріятностей, связанныхъ съ веденіемъ крупнаго хозяйства“. *Hertzog.* Die bäuerlichen Verhältnisse im Elsass. Strassburg, 1886. Стр. 26. Ср. также Untersuchungen der Lage und Redürfnisse der Landwirtschaft in Elsass-Lothringen. 1884. Стр. 17. Груненбергъ въ окончательномъ итогѣ новѣйшей анкеты о сельскохозяйственныхъ рабочихъ высказываетъ мнѣніе, что „сельскохозяйственные рабочіе больше чѣмъ прежде, стремятся уходить или, по крайней мѣрѣ, переводить своихъ дѣтей въ другія профессіи. Недостатокъ рабочихъ увеличивается и при данныхъ условіяхъ не достигъ еще своего высшаго пункта. Напротивъ, вѣроятно, что онъ значительно еще будетъ возрастать“. (*Grunenberg.* Die Landarbeiter etc., Tübingen. 1899, стр. 187). Бакгаузъ также не считаетъ возможнымъ сокращеніе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ безъ ущерба для хозяйства: „потребность въ сельско-

Нѣтъ основаній думать, чтобы этотъ недостатокъ рабочей силы могъ быть сполна замѣщенъ машинами: мы знаемъ, что такое замѣщеніе возможно только въ извѣстныхъ, весьма ограниченныхъ предѣлахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ростъ числа машинъ вовсе не былъ настолько значителенъ, чтобы уравновѣсить происшедшее уменьшеніе количества рабочихъ [1]). Кромѣ того, изъ

хозяйственныхъ рабочихъ можетъ быть понижена въ двухъ направленіяхъ: введеніемъ болѣе экстенсивнаго хозяйства и увеличеніемъ производства кормовыхъ травъ и скотоводства, въ особенности пастбищнымъ хозяйствомъ. Первый путь для прусскаго востока слѣдуетъ абсолютно отвергнуть. Напротивъ, растущіе запросы времени и прочее развитіе народнохозяйственныхъ условій востока вынуждаютъ сельскаго хозяина вести болѣе интенсивное хозяйство. Расширеніе производства кормовыхъ травъ уже энергично начато, главнымъ образомъ въ вост. Пруссіи; но и въ этомъ направленіи существуютъ извѣстныя границы и можно утверждать, что даже при большемъ расширеніи этого производства, нежели теперь, потребность въ рабочихъ не становится менѣе, потому что болѣе заботливый уходъ за скотомъ, увеличенное производство зимней пищи, лучшая обработка хлѣба и огородныхъ растеній и въ особенности чрезвычайно цѣлесообразная во многихъ случаяхъ культура корнеплодовъ для корма требуетъ большаго количества рабочей силы... Если такимъ образомъ признать, что и при измѣнившейся хозяйственной организаціи для обширныхъ площадей восточнаго хозяйства потребность въ рабочихъ не уменьшается, напротивъ, судя по всѣмъ признакамъ, будетъ значительно расти, то уже теперь существующее бѣдствіе недостатка въ рабочихъ въ будущемъ приметъ еще болѣе критическій характеръ“ (l. c. 77).

[1]) Сравненіе данныхъ относительно числа различныхъ машинъ въ 1882 и 1895 году можетъ быть сдѣлано въ слѣдующей таблицѣ:

Размѣръ хозяйствъ.	Паровые плуги.		Сѣялки.		Косилки.		Паровыя молотилки.		Прочія молотилки.	
	1882	1895	1882	1895	1882	1895	1882	1895	1882	1895
Ниже 2 гектаровъ.	3	4	4,807	214	48	545	4,211	35,066	6.509	15,951
2—5 . . .	7	25	4,760	551	78	600	10,279	52,830	21,221	66,653
5—20 . .	24	65	19,880	3,252	1,493	6,746	34,863	109,348	138,454	318,521
20—100 .	92	277	22,975	12,091	10,681	19,535	17,960	46,778	115,172	180,515
Выше 100	710	1,325	15,320	12,565	7,334	7,978	8,377	15,342	150,11	15,169
Сумма . .	836	1,696	63,842	380,89	19,634	35,084	75,690	259,346	298,367	596 869

(Число сѣялокъ уменьшилось въ 1895 году, съ одной стороны, вслѣдствіе распространенія другихъ машинъ (Drillmaschinen), а частію по формально-статистическимъ основаніямъ, вслѣдствіе измѣненія способа собиранія

числа машинъ, приходящихся на долю крупнаго хозяйства, нужно исключить молотилки, въ особенности паровыя, наиболѣе распространеный видъ сельскохозяйственныхъ машинъ (въ 1895 году изъ 100 хозяйствъ выше 100 гектаровъ простыя молотилки имѣлись въ 60,53, паровыя въ 61,22). Какъ мы уже знаемъ, молотилки замѣщаютъ рабочую силу въ зимній періодъ, когда она имѣется въ изобиліи, тѣмъ самымъ только обостряя и запутывая „рабочій вопросъ“; въ замѣнѣ же убывающаго числа рабочихъ онѣ не играютъ никакой роли. Сюда же должны быть отнесены, безспорно, и паровые плуги. Остаются сѣялки (breitwürfige Säemaschinen были въ 50,14 хозяйствахъ, Drillmaschinen — въ 57,32), машины для разбрасыванія удобреній [1]) (имѣлись въ 37,32 случаяхъ) и косилки (въ 31,75 случаяхъ). Нужно признать вообще, что распространеніе машинъ въ крупномъ хозяйствѣ, которое работаетъ всегда капиталоинтенсивнѣе, чѣмъ мелкое и потому естественно отдаетъ предпочтеніе механическимъ факторамъ производства сравнительно съ живою рабочей силой, чрезвычайно недостаточно; принимая же во вниманіе происходящее уменьшеніе числа рабочихъ, оно становится еще недстаточнѣе и ужъ совершенно не соотвѣтствуетъ этому уменьшенію.

Наконецъ, ничѣмъ не доказано и, конечно, не можетъ быть доказано, чтобы предпріятія, имѣющія машины и составляющія въ нѣкоторомъ родѣ сельскохозяйственную аристократію, были именно тѣ, которыя наиболѣе страдаютъ отъ недостатка рабочей силы. Есть всѣ основанія думать, что, наоборотъ, тотъ самый недостатокъ капитала, который не позволяетъ удерживать высокой платой рабочихъ, мѣшаетъ обзавестись и хорошими машинами [2]). Итакъ, ссылка на происходящее будто бы замѣщеніе рабо-

---

свѣдѣній). Всѣ эти и дальнѣйшія свѣдѣнія заимствуются изъ анкеты 1895 года: „Die Landwirtschaft im Deutschen Reich. Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, Band 112. Berlin. 1898.

[1]) Да и относительно этихъ машинъ Бензингъ говоритъ: „Сѣялки и машины для разбрасыванія удобренія могутъ даже привлекать рабочихъ въ сельское хозяйство. Тогда какъ прежде для посѣва на опредѣленной площади земли требовался лишь единственный рабочій, Drillmaschine требуетъ напримѣръ для ухода за собой 2–3 человѣкъ, чтобы засѣять площадь равной или почти равной величины съ предыдущей“ (*Bensing*, l. c. 60).

[2]) На недостатокъ капитала, какъ причину недостаточнаго примѣненія машинъ, неоднократно указываетъ Бакгаузъ (l. c. 81, 240, 247). На то же

чихъ машинами, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается совершенно несостоятельной.

На основаніи всего вышесказаннаго общее положеніе крупнаго хозяйства въ Германіи, въ особенности въ Пруссіи, слѣдуетъ признать критическимъ. Тягость эта въ неравной степени, конечно, чувствуется различными хозяйствами. Всего менѣе она чувствуется группой тѣхъ хозяйствъ, которыя соединены съ какими-либо сельскохозяйственными производствами и имѣютъ возможность круглый годъ занимать рабочую силу и восполнять недочеты земледѣлія высокими прибылями сельскохозяйственной промышленности [1]). Но въ такомъ положеніи находятся болѣе

указываетъ большая ихъ распространенность на западѣ, чѣмъ на бѣдномъ капиталами востокѣ. Ср. сопоставленіе у Бакгауза: l. c. 248, Taь. 79.

[1]) Сельскохозяйственная промышленность въ Германіи—сахароваренiе, пивоваренiе, винокуренiе и т. д. развивается довольно успѣшно, хотя, конечно, занимаетъ относительно незначительное число сельскихъ хозяйствъ. Въ 1895 году было 350 или 0,01% хозяйствъ соединено съ сахарными фабриками, 5,922 или 0,11% съ винокуренными заводами, 439 или 0,01% съ крахмальными заводами, 47,098 или 0,85% съ мукомольными, 9,255 или 0,17% съ пивоварнями. И не нужно думать, что они соединены главнымъ образомъ съ крупными хозяйствами. Изъ 100 хозяйствъ, соединенныхъ съ каждымъ изъ производствъ, приходится на долю каждаго класса.

	Сахарное.	Винокуренное.	Крахмальное.	Мукомольное.	Пивоваренное.
Ниже 2 ha . . .	44,00	11,63	7,52	18,78	17,73
2—5	9,72	1,55	6,61	24,15	18,57
5—20	14,86	17,58	10,25	44,30	41,86
20—100.	9,71	17,60	13.21	11,29	19,70
Выше 100.	21,71	46,64	62,41	1,48	2,14

Площадь производства сахарной свеклы составляла въ 1895 году 396,289 ha и занимала 113,244 хозяйствъ или 2,04%, а картофель въ цѣляхъ винокуренiя производился въ 14,023 или 0,25%. Подавляющее количество производилось въ мелкихъ хозяйствахъ:

	Сах. свекла.	Картофель.
Ниже 2 ha	9,52	4,03
2— 5	18,91	6,75
5— 20	41,63	21,56
20— 100	23,53	30,61
Выше 100	6,41	37,05

крѣпкіе капиталомъ предприниматели, которые могутъ имѣть успѣхъ и безъ помощи сельскохозяйственныхъ производствъ. Но тѣмъ безвыходнѣе положеніе задолженныхъ и слабыхъ капиталомъ хозяевъ. Какъ было уже замѣчено выше, ихъ положеніе невыгоднѣе чѣмъ англійскихъ фермеровъ, ибо они не могутъ вести болѣе экстенсивное хозяйство. Этого не позволяетъ высокая задолженность, высокія издержки производства и вся совокупность экономическихъ условій. Кризисъ и паденіе цѣнъ въ Германіи не былъ такъ жестокъ, какъ въ Англіи, и затруднилъ веденіе хозяйства, но не лишилъ его возможности прогрессировать. Мы знаемъ изъ теоретическихъ главъ, что небольшое пониженіе цѣнъ, вызывающее напряженіе техники и сопровождающееся удешевленіемъ средствъ производства и ростомъ рынка, можетъ сопровождаться ростомъ ренты и, слѣдовательно, цѣны земли. Это и было до самаго послѣдняго времени въ Германіи. Но для полнаго использованія земельной ренты требуется извѣстная высота интенсивности хозяйства; въ случаѣ недостаточной ея высоты остается неиспользованнымъ самый дорогой инструментъ производства — земля; при неспособности же вести хозяйство съ полученіемъ максимальной ренты (а это, мы видѣли во введеніи, есть идеалъ именно для юнкерскаго хозяйства), выгоднѣе просто прекращеніе хозяйства и отчужденіе земли. Если въ благопріятныя для крупнаго хозяйства времена его можно было вести и не на высотѣ техники, то теперь техническое совершенство дѣлается единственно возможнымъ условіемъ выгоднаго веденія хозяйства. Аугагенъ [1]) мѣтко замѣчаетъ: „что сельское хозяйство въ столь высокой степени разви-

---

Что касается молочнаго хозяйства и продажи молока, получившихъ особенное распространеніе съ ростомъ городовъ, то доля крупнаго хозяйства здѣсь будетъ ясна изъ слѣдующихъ цифръ. Общее число хозяйствъ, имѣвшихъ молочное дѣло въ городахъ, (I) 41,930, и хозяйствъ, соединенныхъ въ Molkereigenossenschaften или Sammelmolkereien, (II) 148,082, распредѣлялась:

		I.	II.
Ниже	2 ha	21,46	6,95
2—	5	26,35	21,49
5—	20	36,59	36,19
20—	100	13,54	29,42
Выше	100	2,06	5,95

[1]) *Auhagen.* Ueber Gross—und Kleinbetrieb in der Landwirtschaft, 51.

лось во многихъ мѣстахъ въ крупномъ производствѣ, слѣдуетъ приписать угнетенному состоянію земледѣлія". Крупное производство должно теперь прогрессировать, если хочетъ удержаться. На основаніи тѣхъ недостаточныхъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ относительно доходности крупнаго сельскаго хозяйства, мы должны также заключить, что при общей малодоходности и нерѣдко бездоходности хозяйства средній или даже высшій доходъ получается въ тѣхъ хозяйствахъ, которыя стоятъ на высотѣ техники или же соединены съ какимъ-нибудь техническимъ производствомъ [1]).

Итакъ, новѣйшее направленіе развитія народнаго хозяйства создаетъ такую обстановку, при которой нѣкоторая часть крупнаго хозяйства въ земледѣліи оказывается совершенно несостоятельна. Для нея есть болѣе почетный и, главное, болѣе выгодный способъ ликвидаціи, нежели принудительная продажа: это про-

---

[1]) Бакгаузъ сопоставляетъ показанія сельскохозяйственныхъ союзовъ и результаты собственной анкеты: „Восточнопрусскій сельскохозяйственный центральный союзъ рисуетъ общій результатъ какъ для 1896, такъ и 1897 года въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Признается нѣкоторый хозяйственный подъемъ въ 1897 году благодаря улучшенію цѣнъ на скотъ и хлѣбъ и нѣкоторый техническій прогрессъ, но онъ снова задерживается неблагопріятными жатвами, ростомъ общихъ тягостей и въ особенности становящимся все затруднительнѣе рабочимъ вопросомъ. При этомъ сообщается; что цѣна земли непрерывно растетъ. Центральный союзъ для Littauen и Masuren также выражаетъ жалобы, но упоминаетъ въ 1896 году, что болѣе развитое и передовое скотоводство постепенно вызываетъ подъемъ доходности. О 1897 годѣ сообщается, что онъ въ общемъ и цѣломъ не увеличилъ дефицита, но и не оказалъ вліянія въ направленіи его уменьшенія. Сельскохозяйственная камера въ западной Пруссіи основываетъ свои вычисленія относительно результатовъ введенія сельскохозяйственнаго предпріятія на показаніяхъ отдѣльныхъ имѣній, предоставившихъ въ распоряженіе свои балансы. Эти балансы сводятся къ минусамъ, почему камера произноситъ неблагопріятное сужденіе относительно доходности всего сельскаго хозяйства. Сельскохозяйственная камера Помераніи пишетъ о 1896 годѣ: „несмотря на весь прогрессъ, несмотря на всю личную дѣятельность сельскихъ хозяевъ Помераніи, времена становятся все тревожнѣе". (Backhaus, l. c. 252—3). На стр. 254—6 Бакгаузъ приводитъ подлинные отзывы хозяевъ, данные въ отвѣтъ на его запросы. Они весьма разнообразны. Условіемъ благопріятнаго положенія дѣла Бакгаузъ указываетъ: „болѣе значительный капиталъ предпріятія, употребленіе искусственнаго удобренія, техническія производства". Въ общемъ же „отчеты даютъ неблагопріятную картину состоянія доходности сельскаго хозяйства въ цѣломъ" (l. c. 256).

дажа въ раздробь, крестьянскими участками. Мы знаемъ изъ теоретическихъ главъ, почему цѣна мелкихъ участковъ стоитъ выше цѣны крупныхъ участковъ. Здѣсь ограничимся слѣдующей иллюстраціей *выгодности* такого раздробленія имѣній для тѣхъ владѣльцевъ, которые не могутъ сами вести хозяйства. По актамъ Landschaft такого очага латифундій какъ Познань за періодъ 1891—95 цѣны земли за гектаръ были [1]).

при мелкомъ владѣніи .	732	марки.
при среднемъ владѣніи .	654	„
при крупномъ владѣніи .	537	„

Въ извѣстныхъ случаяхъ продажа (тамъ напримѣръ, гдѣ она невозможна какъ въ фидеикоммиссахъ) замѣняется арендой. Въ томъ и другомъ случаѣ смыслъ процесса остается одинъ: *крупное производство въ Германіи уступаетъ мѣсто мелкому крестьянскому.* Пока мы изучили только одну сторону процесса: несостоятельность крупнаго хозяйства. Насколько можно предусматривать условія, вызывающія эту несостоятельность, слѣдуетъ ожидать въ ближайшемъ будущемъ ихъ дальнѣйшаго усиленія [2]).

Направленіе развитія крупнаго хозяйства можно опредѣлить поэтому какъ тенденцію къ разложенію въ мелкое крестьянское

---

[1]) *Sarrazin.* Die Entwickelung der Preise des Grund und Bodens in der Provinz Posen въ Thiel's Landw. Jahrb. 1897, стр. 825 (Цит. у Бакгауза, 87). Кнаппъ говоритъ: „весьма поучителенъ примѣръ изъ округа Kölberg-Köslin. Тамъ съ конца 70-хъ годовъ до 1894 безъ всякаго государственнаго посредства было раздроблено 11 крупныхъ имѣній. Изъ нихъ образовалось 75 имѣній и 239 клочковъ (изъ нихъ отъ 30 до 40 несамостоятельны). Въ высшей степени характерный симптомъ для положенія сельскаго хозяйства на востокѣ" (Knapp. l. c. 23). Ср. интересное сопоставленіе относительно округа Graudenz (статья въ Bäuerliche Zustände: *M. Conrad.* Ueber die bäuerlichen Verhältnisse im Kreise Graudenz): до 60-хъ годовъ здѣсь быстрѣе возрастали цѣны на крупные участки, чѣмъ на мелкіе, въ результатѣ чего мелкіе консолидировались съ крупными; съ 70-хъ годовъ происходитъ обратное: цѣна на мелкіе участки становится выше, чѣмъ на крупные, и послѣдніе раздробляются и распродаются по частямъ.

[2]) *Karl Klawki* въ цитированномъ изслѣдованіи произноситъ слѣдующій приговоръ: „для крупнаго хозяйства прогнозъ на будущее неблагопріятенъ. Бѣдствіе прежде всего лежитъ въ усиливающихся изъ года въ годъ затрудненіяхъ относительно рабочихъ. Пока этому злу нельзя будетъ помочь, крупное хозяйство въ особенности въ эпоху аграрнаго кризиса, будетъ располагать наименьшей устойчивостью" (Thiel's Landw. Jahrb. 1899. III—IV, 483—4).

хозяйство. И въ добрый часъ! Цивилизація только выиграетъ, если исчезнутъ эти свитыя крѣпостнымъ правомъ и до сихъ поръ напоенныя его ядомъ гнѣзда, благополучіе которыхъ основано на невѣжествѣ, безправности и нищетѣ рабочихъ массъ.

Никто не можетъ предсказать, насколько большая часть крупныхъ хозяйствъ будетъ смыта съ лица земли благодѣтельнымъ (въ данномъ случаѣ) дѣйствіемъ аграрнаго кризиса. Несомнѣнно однако, что уцѣлѣютъ лишь дѣйствительно крѣпкія хозяйства, способныя обезпечить своимъ рабочимъ человѣческія условія существованія; старыя формы эксплуатаціи, во всякомъ случаѣ, не возродятся въ этихъ новѣйшихъ формахъ крупнаго хозяйства будущаго. Эти хозяйства въ настоящее время обнаруживаютъ прогрессъ техники и производительности почвы, въ соотвѣтствіи требованіямъ времени. И прогрессъ этихъ хозяйствъ образуетъ встрѣчную тенденцію въ развитіи крупнаго хозяйства, противоположную и затемняющую дѣйствіе предыдущей.

Обратимся теперь къ точнымъ даннымъ статистики,—сравненію сельскохозяйственной переписи 1882 и 1895 года. Основной фактъ, который обнаруживается этимъ сравненіемъ, это выясненное уже нами вытѣсненіе крупнаго хозяйства мелкимъ, и притомъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Приведемъ сперва общія цифры для всей Имперіи и отдѣльно для Пруссіи, Саксоніи и Баваріи.

Хозяйства.	Число хозяйствъ.		Сельскохозяйств. площадь.		Относительныя цифры. Число хозяйствъ.		Сельскохоз. площадь.	
	1895	1882	1895	1882	1895	1882	1895	1882
Ниже 2 ha.	3,236,367	3,061,831	1,808,444	1,825,938	58.23	58,03	5,56	5,73
2—5	1,016,318	981,407	3,285,984	3,190,203	18,28	18,60	10,11	10,01
5—20. . . .	998,804	926,605	9,721,875	9,158,398	17,97	17,56	29,90	28,74
20—100. . .	281,767	281,510	9,869,837	9,908,170	5,07	5,34	30,35	31,09
Выше 100 .	25,061	24,991	7,831,801	7,786,263	0,45	0,47	24,08	24,43
Всего	5,558,317	5,276,344	32,517,941	31,868,972	100	100	100	100

Общая сельскохозяйственная площадь возрасла и благодаря этому увеличилась площадь всѣхъ категорій хозяйствъ (кромѣ хозяйствъ 20—100 гектаровъ), и это увеличеніе затемняетъ

измѣненія въ распредѣленіи хозяйствъ, которое однако, уясняется изъ сопоставленія относительныхъ чиселъ. Но Германская имперія въ цѣломъ представляетъ собою слишкомъ обширную территорію, благодаря чему маскируются процессы, происходящіе въ разныхъ ея частяхъ. Насъ интересуетъ здѣсь прежде всего Пруссія, какъ страна съ наибольшимъ количествомъ крупныхъ капиталистическихъ хозяйствъ. Приведемъ данныя относительно Пруссіи. (См. табл. I на стр. 122).

Процессъ развитія среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ отъ 5 до 20 гектаровъ на счетъ крупныхъ становится яснѣе на данныхъ, касающихся всей Пруссіи; но онъ станетъ еще яснѣе, если мы обратимся къ восточнымъ провинціямъ, настоящей резиденціи крупнаго хозяйства. Изъ экономіи мѣста мы приведемъ только цифры разницы между 1882 и 1895 годомъ (+ значитъ увеличеніе, —уменьшеніе; рядомъ стоятъ и разницы въ относительной величинѣ каждой группы); вмѣстѣ съ цифрами касательно провинцій корол. Пруссіи приводимъ и данныя, относящіяся къ отдѣльнымъ частямъ Германской Имперіи (см. таблицу II на стр. 123—124).

Недвусмысленное свидѣтельство этихъ цифръ заставляетъ признать, что среднекрестьянское хозяйство растетъ повсемѣстно; во многихъ мѣстностяхъ растетъ и мелкое хозяйство. Крупное хозяйство, напротивъ, значительно убываетъ въ своихъ центрахъ, а именно въ зап. Пруссіи, Бранденбургѣ, Помераніи, Познани, Силезіи, Саксоніи (кромѣ лишь одной восточной Пруссіи и Мекленбургъ-Стрелица). Нѣкоторый ростъ оно обнаруживаетъ въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ изстари утвердилось крестьянское хозяйство и гдѣ это увеличеніе представляется необъяснимой случайностью (быть можетъ, новыя земли привлекались здѣсь къ обработкѣ именно въ формѣ крупнаго хозяйства), но этотъ ростъ, не сопровождаясь сокращеніемъ крестьянскаго хозяйства, а наоборотъ дальнѣйшимъ усиленіемъ его, не характеризуетъ общаго направленія развитія. Таковы Вестфалія, Рейнландъ, Гессенъ-Нассау, Баварія, Вюртембергъ, Баденъ. Именно такое территоріальное распредѣленіе абсолютнаго прироста крупнаго хозяйства окончательно убѣждаетъ въ томъ, что приростъ этотъ не характеризуетъ собой эволюціоннаго процесса и его значеніе нейтрализуется, такъ сказать, этимъ распредѣленіемъ.

Особенно наглядно тенденція къ децентрализаціи въ Пруссіи выступаетъ на распредѣленіи аренды. На таблицѣ III (см. стр. 125)

Таблица I.

	Хозяйства ниже 2 ha.		Хозяйства 2—5 ha.		Хозяйства 5—20 ha.		Хозяйства 20—100 ha.		Хозяйства выше 100 ha.	
	Число.	Сельскохоз. пл.	Число.	Сельскохоз. пл.	Число.	Сельскохоз. пл.	Число.	Сельскохоз. пл.	Число.	Сельскохоз. пл.
1895	2,048,113	1,049,664	522,785	1,676,084	528,729	5,192,816	188,114	6,840.992	20,390	6,612,469
	61,91%	4,91%	15,80%	7,84	15,98%	24,30%	5,69%	32,01%	0,62%	30,94%
1882	1,865,158	1,031,256	493 254	1,607,200	474 387	4,777,551	186,958	6,831,394	20,439	6,606,131
	61,35%	4,94%	16,23%	7,71	15,60%	22,91%	6,15%	32,76%	0,67%	31,68%
Разница.	+ 183,955	+ 18,408	+ 29,526	+ 68,884	+ 54 342	+ 415,265	+ 2,156	+ 9,598	— 49	+ 6,338
	+ 0,56	— 0,53	— 0,43	+ 0,13	+ 0,38	+ 1,39	— 0,46	— 0,75%	— 0,05%	— 0,74%

Таблица II.

	До 2 ha		От 2 до 5 ha.		От 5 до 20 ha.		От 20 до 100 ha.		От 100 и выше ha.	
	Хозяйства.	Пашня.	Хозяйства.	Пашня.	Хозяйства.	Пашня.	Хозяйства.	Пашня.	Хозяйства.	Пашня.
Восточн. Пруссія. .	+ 28,222 — 0,78	+ 356 + 0,25	+ 4,520 — 0,38	+ 13.700 + 0,35	+ 6.221 — 0,12	+ 44,426 + 0,98	— 379 — 2,53	— 5,096 — 2,45	+ 232 — 0,19	+ 75,512 + 0,87
Западн. Пруссія. . .	+ 14,226 — 0,32	+ 5,462 + 0,25	+ 3,353 + 0,34	+ 10,148 + 0,51	+ 6,452 + 1,63	+ 60,489 + 3,19	+ 400 — 1,30	+ 9,243 — 0,50	— 111 — 0,35	— 32,551 — 3,45
Брандъ. съ Берлин.	+ 12,658 — 0,36	+ 3,361 + 0,13	+ 4,656 + 0,66	+ 10,105 + 0,43	+ 4,524 + 0,41	+ 31,425 + 1,31	+ 24 — 0,61	— 14.177 — 0,79	— 94 — 0,10	— 20,490 — 1,08
Померанія	+ 5,180 — 1,41	+ 4,970 + 0,18	+ 1,788 — 0,41	+ 695 — 0,06	+ 5.708 + 2,12	+ 52,155 + 2,20	+ 629 — 0,14	+ 11 568 — 0,03	— 83 — 0,16	— 16,253 — 2,29
Познань.	+ 31,613 + 4,23	+ 10,335 + 0,45	+ 3,454 — 0,71	+ 9,204 + 0,38	+ 4,523 — 2,12	+ 43.930 + 1,75	+ 753 — 1,03	+ 20.774 + 0,61	— 119 — 0,37	— 44,457 — 3,18
Силезія	+ 4,96 — 1,06	— 7,427 — 0,34	+ 194 — 0,49	— 267 — 0,13	+ 8,586 + 1,84	+ 63,749 + 2,17	— 601 — 0,27	+ 176,789 — 1,15	— 29 — 0,02	— 4,319 — 0,55
Саксонія	+ 20,573 + 1,89	+ 4,809 + 022	— 174 — 0,99	— 2,209 — 0,19	+ 1,969 — 0,38	+ 6,810 + 0,18	— 201 — 0,49	— 8,561 — 0,81	+ 37 — 0,03	— 15,478 + 0,60
Шлезв. Голшт. . . .	— 2,263 — 1,00	— 978 — 0,09	— 809 — 4,45	— 2,963 — 0 26	+ 1,206 + 1,08	+ 13,365 + 0,71	+ 236 + 0,36	+ 8,970 — 0,16	— 10 + 0,01	+ 111 — 0,20
Ганноверъ	+ 5,823 — 1,13	7.515 — 0,65	+ 5.836 + 0,82	+ 20,218 + 0,81	+ 5.214 + 0,77	+ 46,864 + 28,74	— 380 — 0.46	— 13,036 — 2,12	+ 27 0,00	+ 7,649 0,22
Вестфалія.	+ 32,495 + 1,75	— 892 — 0,58	+ 2,492 — 0,90	+ 8,486 + 0,15	+ 2,504 — 0,54	+ 21,888 + 0,41	+ 380 — 0,31	+ 13,466 — 0,51	+ 26 0,00	+ 8,209 + 0,53
Гессенъ-Нассау . . .	+ 6,988 — 0,29	+ 124 — 0,32	+ 3,532 + 0,29	+ 1,748 + 0,14	+ 2,493 + 0,16	+ 21,519 + 0,38	— 54 — 0,16	— 2,136 — 0,85	+ 21 0,00	+ 6,422 + 0,65
Рейнландъ	+ 27,894 + 0,89	12,411 — 0,45	+ 1.392 — 0,86	— 5,975 — 0,81	+ 4,384 — 0,01	+ 14.228 + 0,09	+ 418 — 0,03	+ 10,793 + 0,33	+ 57 + 0,01	+ 12,412 + 0,84

Таблица II (продолженіе).

	До 2 ha.		Отъ 2 до 5 ha.		Отъ 5 до 20 ha.		Отъ 20 до 100 ha.		Отъ 100 и выше ha.	
	Хозяйства.	Пашня.	Хозяйства.	Пашня.	Хозяйства.	Пашня.	Хозяйства.	Пашня.	Хозяйства.	Пашня.
Пруссія.	+ 183,955 + 0,56	+ 18,408 — 0,03	+ 29,526 — 0,43	+ 68,884 0,13	+ 54,342 + 0,38	+ 415,265 + 1,39	+ 2,156 — 0,46	+ 9,598 — 0'75	— 49 — 0,05	+ 6,338 — 0,74
Баварія.	— 27,768 — 2,85	— 18,394 — 0,46	— 21 + 0.65	+ 4.084 — 0,01	+ 9,013 + 2,17	+ 77,879 — 1,39	— 987 + 0,03	— 41,535 — 1,23	+ 27 0,00	+ 14,131 + 0,31
Кор. Саксонія . . .	— 152 — 0,16	— 3,338 — 0,36	— 513 — 0,33	— 80,793 — 0,13	+ 1,055 + 0,47	+ 8,086 + 0,62	+ 96 + 0,03	+ 409 — 0,10	— 3 — 0,1	+ 409 — 0,03
Вюртембергъ.	— 8.807 — 2,45	— 11,008 — 0,25	+ 3,067 + 1,12	+ 12,326 + 0,41	+ 3,700 + 1,29	+ 31,162 + 1,44	0 + 0,03	— 1,880 — 0,74	+ 15 + 0,01	+ 2,464 + 0,14
Баденъ	+ 1,678 — 0,18	— 2,740 — 0,47	+ 2.125 + 0,43	+ 6,499 + 0,65	+ 189 — 0,18	— 1,397 — 0,49	— 154 — 0,09	— 6,332 — 0,95	+ 34 + 0,02	+ 9,490 + 1,26
Гессенъ.	+ 3,118 + 1,54	+ 1,354 + 0,21	— 167 — 1,01	+ 135 — 0,17	+ 398 — 0,44	+ 4,101 + 0,48	— 34 — 0,08	— 756 — 0,52	— 1 — 0,01	+ 190 0
Эльз. Лот.	— 2,808 — 0,71	— 6,253 — 0,86	— 799 — 0,14	— 2,014 — 0,34	+ 1,722 + 0,85	+ 12,936 + 1.55	— 47 0	— 2,793 — 0,42	+ 13 0	+ 742 — 0,23
Мекл. Швер.	+ 2,596 — 0,54	— 848 — 0,10	+ 1,042 + 0,78	+ 3,054 + 0,34	+ 394 + 0,16	+ 3,745 + 0,42	— 51 — 0,33	— 6,360 — 0,72	— 9 — 0,07	+ 645 + 0,06
Мекл. Стрел.	+ 115 — 0,30	+ 182 + 0,01	+ 70 + 0,34	+ 181 + 0,06	— 11 — 0,12	— 36 — 0,18	+ 10 0	+ 1,893 + 0,32	+ 16 + 0,08	+ 2,554 — 0,21
Герм. Имп.	+ 174,536 + 0,20	— 17,494 — 0,17	+ 34,911 + 0,32	+ 95,781 + 0,10	+ 72,199 + 1,16	+ 563,477 + 1,16	+ 257 — 0,27	— 38,333 — 0,74	+ 1,070 — 0,02	+ 45,538 — 0,35

Таблица III.

	Число хозяйствъ на арендн. землѣ.	Арендная площадь.	Ниже 2 ha.		2—5 ha.		5—20 ha.		20—100 ha.		Выше 100 ha.	
			Число.	Площадь	Число.	Площадь	Число.	Площадь.	Число.	Площадь	Число.	Площадь.
В. Пруссія .	+ 3,239	— 15,387	+ 2,502	+ 1,537	+ 695	+ 5,269	+ 122	+ 4,606	+ 40	— 1,330	— 47	— 25,467
			— 1,51%	+ 1,18	+ 1,91	+ 3,11	+ 0,10	+ 3,16	— 0,22	+ 0,24	— 0,31	— 7,68
З. Пруссія .	+ 4,344	+ 1,893	+ 3,314	+ 1,993	+ 505	+ 3,512	+ 629	+ 10,835	+ 3	— 2,570	— 7	— 12.877
			— 1,60%	+ 1,14	+ 0,46	+ 2,05	+ 1,56	+ 6,36	— 0,23	+ 1,71	— 0,19	— 7,84
Бранден. съ Берлиномъ.	— 1,001	+ 18,049	— 1,756	+ 6,601	+ 600	+ 10,316	+ 152	+ 21,560	+ 37	+ 8,776	— 34	— 29,404
			— 1,40%	+ 0,30	+ 1,09	+ 2,39	+ 0,29	+ 4,91	+ 0,07	+ 1,78	— 0,05	— 10,38
Померанія .	+ 2,328	— 5,608	+ 1,257	+ 1,141	+ 484	+ 5,005	+ 452	+ 15,027	+ 66	+ 7,279	— 31	— 34,060
			— 2,13%	+ 0,30	+ 1,15	+ 1,19	+ 1,15	+ 8,57	+ 0,08	+ 8,81	— 0,25	— 6,87
Познань . . .	+ 8,205	+ 1,175	+ 8,581	+ 6,317	+ 430	+ 4,726	+ 203	+ 9,673	+ 6	+ 1,468	— 15	— 21,009
			+ 1,71%	+ 2,31	— 0,18	+ 1,72	+ 0,14	+ 3,53	— 0,36	+ 0,50	— 1,03	— 8,06
Силезія . . .	+ 162	— 1,433	— 395	+ 183	+ 396	+ 8,333	+ 252	+ 18,478	+ 49	+ 3,613	— 40	— 32,040
			— 1,02%	+ 0,09	+ 0,73	+ 2,15	+ 0,28	+ 4,73	+ 0,09	+ 0,93	— 0,08	— 7,90
Саксонія . .	— 2,811	+ 6,626	— 3,263	+ 1,453	+ 413	+ 3,705	+ 146	+ 12,946	+ 30	+ 6,420	— 37	— 17,798
			- 1,01%	+ 0,16	+ 0,72	+ 0,73	+ 0,21	+ 2,76	+ 0,06	+ 1,31	— 0,03	— 4,96
Вестфалія . .	+ 26,532	+ 43,331	+ 24,671	+ 316	+ 1,363	+ 9,291	+ 391	+ 17,662	+ 101	+ 9,860	+ 6	+ 6,202
			— 1,01%	— 4,95	+ 0,31	+ 0,58	+ 0,06	+ 2,97	— 0,01	+ 0,63	— 0,01	+ 0,77
Рейнландъ .	+ 24,782	+ 33,154	+ 24,572	— 539	+ 175	+ 3,650	— 190	+ 17,141	+ 206	+ 10,200	+ 19	+ 2,702
			+ 1,32%	— 1,79	+ 0,34	— 0,43	— 0,95	+ 1,93	— 0,13	+ 0,08	0	+ 0,21
Пруссія (кор.)	+ 79,456	+ 171,846	+ 65,044	+ 17,805	+ 10,776	+ 83,051	+ 3,157	+ 172,147	+ 685	+ 81,191	— 206	— 172,358
	+ 12,75	+ 4,83	— 1,16%	— 0,05	+ 1,05	+ 1,77	+ 0,22	+ 3,89	— 0,01	+ 1,41	— 0,10	— 7,02

приведены данныя, касающіяся измѣненій съ 1882 по 1895 г. общаго числа хозяйствъ, состоящихъ только изъ арендованной земли, далѣе общей площади арендуемой земли и, наконецъ, каждой группы хозяйствъ по размѣрамъ. Оказывается, что во всѣхъ провинціяхъ съ значительнымъ распространеніемъ крупныхъ хозяйствъ замѣтно сокращаются крупныя аренды и развиваются мелкія: аренда является болѣе чуткимъ показателемъ происшедшихъ перемѣнъ чѣмъ хозяйство на собственной землѣ; и опять нѣкоторый (хотя и незначительный) ростъ крупныхъ арендъ приходится на крестьянскія Вестфалію и Рейнландъ, гдѣ параллельно усиливаются однако и крестьянскія аренды.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ цифръ мы считаемъ совершенно правильнымъ выводъ авторовъ текста въ анкетѣ 1895 года, что среднекрестьянское хозяйство усилилось на счетъ парцеллярнаго хозяйства и крупнаго хозяйства [1]); еще болѣе чѣмъ крупное потеряло крупнокрестьянское хозяйство.

Признакомъ, свидѣтельствующимъ объ упадкѣ крупныхъ хозяйствъ, является, далѣе, увеличеніе латифундій, хотя прогрессъ сельскаго хозяйства, ростъ его интенсивности долженъ сопровождаться ихъ раздробленіемъ. Въ хозяйствахъ выше 100 гектаровъ произошли слѣдующія измѣненія.

	Пашня.	Число.
100— 200 ha	+24,054	+217
200— 500 ha	—80,886	—183
500—1000 ha	+ 8,356	— 21
выше 1000 ha	+94,014	+ 57
Всего выше 100 ha	+45,538	+ 70

Такимъ образомъ, группа отъ 100 ha до 200 получаетъ небольшое увеличеніе, которое однако совершенно уничтожается огромной потерей сосѣдней группы 200—500 ha (эта группа, вѣроятно, и состояла изъ наиболѣе интенсивныхъ хозяйствъ). Зато чрезвычайно значителенъ ростъ латифундій свыше 1000 гектаровъ; крупнѣйшія хозяйства группы отъ 500 до 1000 ha также увеличились въ среднихъ размѣрахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ уменьшеніе ихъ числа, при нѣкоторомъ, хотя и слабомъ, увеличеніи площади. Слѣдуетъ сюда еще присоединить, что хозяй-

[1]) Landwirtschaft im Deutschen Reich, стр. 11.

ство выше 100 ha, несмотря на увеличеніе площади, не увеличили, а уменьшили количество рабочаго скота (хотя и незначительно, на 360 штукъ; единственной группой хозяйствъ, увеличившихъ свой скотъ, оказываются среднекрестьянскія хозяйства отъ 5 до 20 гектаровъ: количество ихъ рабочаго скота возросло на 30,407 штукъ). Уменьшеніе или, по крайней мѣрѣ, неподвижное состояніе рабочаго скота въ крупныхъ хозяйствахъ не можетъ быть объяснено ростомъ числа машинъ, потому что никакія машины (развѣ только паровые плуги) не уменьшаютъ потребности въ рабочемъ скотѣ, наоборотъ, съ ростомъ интенсивности хозяйства она растетъ, а отсутствіе этого роста можетъ быть поставлено въ связь лишь съ регрессомъ крупнаго хозяйства, уменьшеніемъ его интенсивности вмѣстѣ съ ростомъ латифундій; то же значеніе имѣетъ, конечно, выше разъясненный фактъ уменьшенія числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ [1]).

[1]) Любопытно, что одновременно съ уменьшеніемъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ и появленіемъ другихъ признаковъ регресса крупнаго хозяйства увеличивается число высшихъ служащихъ, управляющихъ и т. д. съ 66,644 обоего пола до 96,173. Трудно сказать, чѣмъ объяснить этотъ приростъ: съ одной стороны, ростомъ абсентеизма, который прогрессу сельскаго хозяйства, конечно, никоимъ образомъ не содѣйствуетъ, съ другой ростомъ латифундій, требующихъ болѣе многочисленныхъ служащихъ, абсолютнымъ, хотя и небольшимъ приростомъ общаго числа крупныхъ хозяйствъ, развитіемъ, наконецъ, сельскохозяйственной индустріи, винодѣлія и т. д. За сколько-нибудь существенный признакъ этого увеличенія мы во всякомъ случаѣ не считаемъ. Слѣдующія данныя показываютъ распространенность абсентеизма и веденія хозяйства администраціей въ четырехъ восточныхъ провинціяхъ:

	В. Пруссія.		З. Пруссія.		Померанія.		Познань.	
	Двор.	Недвор.	Двор.	Недвор.	Двор.	Недвор.	Двор.	Недвор.
Число имѣній . .	564	1,545	446	1,124	1,178	1,038	1,232	1,064
Число имѣній, обитаемыхъ владѣльцами	273	1,370	245	920	489	858	617	819
Число имѣній, не обитаемыхъ владѣній	291	175	191	204	682	180	615	245
Число имѣній, управляемыхъ администраціей	145	142	146	221	248	139	459	249

(Backhaus, l. c. 31).

Вполнѣ естественно, что провинціи съ преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія характеризуются вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе интенсивнымъ хозяйствомъ сравнительно съ районами, гдѣ преобладаетъ крестьянское хозяйство. Это видно изъ слѣдующаго сопоставленія средней производительности въ доппельцентнерахъ (100 kg.) съ гектара въ прусскихъ провинціяхъ (данныя относятся къ 1897 году).

	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Картофель.	Овесъ.	Луговое сѣно.	Количество земли подъ паромъ въ 1893 году въ процентахъ.
Вост. Пруссія.	10,3	11,4	8,5	74,4	6,9	21,7	12,57
Зап. Пруссія	9,2	16,1	12,3	96,7	8,6	24,3	7,19
Бранденбургъ.	9,8	15,5	12,7	63,6	10,3	25,0	9,34
Померанія	10,1	16,8	11,9	100,6	9,0	23,0	5,04
Познань	10,4	12,9	10,6	99,4	9,1	23,5	6,28
Силезія	10,5	12,8	12,5	87,7	11,2	28,5	1,41
Саксонія	14,0	20,9	19,0	111,3	15,7	31,2	2,97
Шлезвигъ-Г.	13,1	23,4	14,4	84,7	12,6	25,6	5,17
Ганноверъ	13,3	19,7	14,9	108,2	13,6	30,0	1,87
Вестфалія	13,7	15,2	12,5	109,0	12,9	34,2	3,90
Гессенъ-Нассау . . .	12,5	14,8	11,6	101,7	12,9	34,3	2,77
Рейнландъ	14,3	15,6	13,3	103,0	15,3	31,9	4,50
Кор. Пруссія	11,3	15,9	13,2	96,8	11,4	27,1	5,56
Баварія	12,0	12,9	12,7	96,4	13,5	53,4	
Саксонія	13,6	20,3	16,5	104,6	14,9	38,4	
Герм. Имперія	11,6	15,2	13,5	97,6	12,1	35,9	

Восточныя провинціи обнаруживаютъ самую низкую производительность; сопоставленіе этого признака съ количествомъ земли подъ паромъ не оставляетъ сомнѣнія, что это различіе не можетъ быть объяснено климатическими условіями [1]), но должно коре-

[1]) Проф. Бакгаузъ на основаніи геологическихъ и агрономическихъ изслѣдованій приходитъ къ выводу, что существенныхъ различій съ этой

ниться въ различной степени интенсивности хозяйства. Этому, конечно, соотвѣтствуютъ и различія въ количествѣ земледѣльческаго капитала. У насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ, но на основаніи статистики о подоходномъ налогѣ вся сумма капиталовъ въ деревнѣ (auf dem platten Lande) свыше 3000 марокъ въ 1895—96 году была для вост. Пруссіи 118,76 милліоновъ, зап. Пруссіи 101,10, Помераніи 203,23, Познани 140,71, Саксоніи 505,23, Ганновера 330,86, Вестфаліи 319,37, Рейнланда 603,89, Бранденбурга 718,20, Силезіи 730,89, Шлезвигъ-Голштейнѣ 251,68. „Число цензитовъ съ доходомъ, высшимъ 3000 марокъ—говоритъ Бакгаузъ [1]), у котораго мы заимствуемъ эти цифры,—въ западныхъ провинціяхъ, несмотря на господство крестьянскаго хозяйства, много выше нежели въ восточныхъ; тоже самое, имѣетъ силу и относительно количсства капитала". Съ высшей задолженностью востока въ сравненіи съ западомъ мы уже познакомились. И въ этомъ „отчетливо выступаетъ недостатокъ капитала на востокѣ" [2]).

Сельскохозяйственную отсталость аграрнаго востока сравнительно съ промышленнымъ западомъ, явствующую изъ всѣхъ выше сдѣланныхъ сопоставленій, мы не думаемъ относить исключительно на счетъ господства здѣсь крупнаго хозяйства: рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ, какъ выяснено во введеніи, количество неземледѣльческаго населенія, размѣры рынка (хотя, мы знаемъ, общая экономическая отсталость востока находится несомнѣнно въ связи съ распространенностью здѣсь крупнаго хозяйства и проистекающей отсюда рѣдкостью населенія). Поэтому районами съ наиболѣе высокой производительностью почвы оказы-

стороны между востокомъ и западомъ Пруссіи нѣтъ, климатическія различія, хотя и значительны, и обусловливаютъ нѣкоторую разницу культуръ и повышаютъ издержки производства, но также не могутъ объяснить различій въ производительности востока и запада. „Сельское хозяйство прусскаго востока, согласно результатамъ нашего изслѣдованія, обнаруживаетъ въ общемъ гораздо болѣе экстенсивный характеръ нежели запада. Конечно, существуютъ отдѣльныя исключенія, существуютъ имѣнія, затрачивающія много труда и капитала. Но въ общемъ и цѣломъ обработка почвы, удобреніе, скотоводство, количество промысловъ, затрата капитала,—все это ниже чѣмъ на западѣ и чрезъ это производительность сельскаго хозяйства менѣе" (l. c. 113). Различіе востока и запада сказывается и на цѣнѣ земли, которая уже въ 80-хъ годахъ была вдвое выше на западѣ, чѣмъ на востокѣ.

[1]) Backhaus, l. c. 85.

[2]) Backhaus, l. c. 83.

ваются въ Пруссіи – Рейнская провинція и Вестфалія, а съ другой стороны промышленное королество Саксонія, хотя аграрный строй ихъ довольно различенъ. Но факты эти должны оставить внѣ сомнѣнія даже для слѣпыхъ сторонниковъ крупнаго сельскохозяйственнаго предпріятія, что оно лишь при наличности цѣлаго ряда экономическихъ условій является носителемъ производственнаго прогресса, при другихъ же оно является тормазомъ не только сельскохозяйственнаго, но—что̀ еще важнѣе – общехозяйственнаго развитія страны.

Тормозящая роль крупнаго хозяйства въ теперешней Германіи (превосходно выясненная уже Гольцемъ, см. выше) выступаетъ особенно ярко на фонѣ общаго сельскохозяйственнаго прогресса Германіи, который наблюдается одновременно съ усиленіемъ крестьянскаго хозяйства на счетъ крупнаго и потому, хотя въ извѣстной мѣрѣ, долженъ быть отнесенъ на счетъ мелкаго хозяйства. Прогрессъ этотъ тѣмъ знаменательнѣе, что онъ имѣетъ мѣсто въ самую трудную эпоху для германскаго земледѣлія, въ эпоху аграрнаго кризиса, сопровождаемаго застоемъ и паденіемъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Есть цѣлый рядъ признаковъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ прогрессѣ. Сравненіе данныхъ изслѣдованій 1878 и 1893 года показываетъ, что пашня за это время увеличилась съ 17.415,587 ha до 17.606,290 ha [1]), а луговая площадь за то же время нѣсколько уменьшилась (съ 3.340,000 на 3.273,000 ha). Такимъ образомъ,—въ противность тому, что происходитъ въ Англіи,—здѣсь пашня расширяется и на счетъ луговой земли; изъ всей площади Германской имперіи пахатная земля составляла въ 1878 году 48,51%, въ 1883—48,71%, а въ 1893—48,80.

Несмотря на то, что наибольшее паденіе цѣнъ имѣло мѣсто относительно зерновыхъ хлѣбовъ, расширяется площадь именно этихъ послѣднихъ, какъ показываетъ слѣдующее процентное распредѣленіе общей сельскохозяйственной площади въ 1878, 1883 и 1893 годахъ.

---

[1]) Любопытно слѣдующее сопоставленіе: для старыхъ провинцій Пруссіи въ 1802 году пахатная площадь исчислялась въ 10 милл. гектаровъ въ 1816—12 милл., въ 1893 году наблюдалось дальнѣйшее возрастаніе до 14,57 милл. (Conrad въ Jahrb. für Nat. Oek. N. F. Bd. 18. Стр. 42).

	1878.	1883.	1893.
1) Зерновой хлѣбъ.	52,59	53,46	54,37
2) Стручковыя растенія	6,06	5,54	5,64
3) Прочіе мучнистые зерновые продукты .	1,14	1,06	0,93
4) Корнеплоды и овощи	13,64	15,07	16,15
5) Торговыя растенія	1,60	1,35	0,99
6) Кормовыя травы	9,39	9,19	9,60
7) Полевыя пастбища	5,80	5,69	4,61
8) Паръ	8,89	7,05	5,91
9) Сады фруктовые и при домахъ	0,89	1,59	1,80

Площадь зерновыхъ хлѣбовъ, такимъ образомъ, непрерывно увеличивалась [1]), а земли подъ паромъ сокращались, что указываетъ на несомнѣнный ростъ интенсивности хозяйства. Кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ, производство которыхъ возросло на 4,07%, увеличилось еще производство овощей и корнеплодовъ на 19,20% и кормовыхъ травъ—на 2,90%, уменьшилось нѣсколько производство торговыхъ растеній (сокращеніе льноводства и производства растеній для масла—рапса и др.), которое возмѣщается развитіемъ свекловодства, занимавшаго въ 1878 г. лишь 0,68%, а въ 1893 уже 1,51% садовой и полевой площади; сокращеніе полевыхъ выгоновъ въ связи съ увеличеніемъ производства кормовыхъ растеній указываетъ на болѣе интенсивное веденіе скотоводства.

Увеличеніе площади зерновыхъ хлѣбовъ продолжается и за послѣдніе годы, хотя, конечно, съ неизбѣжными колебаніями въ распредѣленіи урожайной площади подъ отдѣльные виды хлѣбовъ.

	1883. Гектаровъ.	1890. Гектаровъ.	1897. Гектаровъ.
Рожь	5.811,856	5.820,317	5.966,776
Пшеница. . .	1.920,950	1.960,181	1.920,666
Ячмень . . .	1.750,885	1.664,188	1.666,014
Картофель . .	2.906,263	2.905,870	3.067,762
Овесъ	3.763,213	3.904,020	3.999,052
Сумма *) .	16.527,353	16.621,421	16.946,891

[1]) Гольцъ даже находитъ, что „если въ Германской имперіи хлѣбъ занимаетъ 54,37% полевой площади, то это черезчуръ много для наилучшаго использованія почвы“. (Vorlesungen, 9). Потому дальнѣйшее повышеніе интенсивности хозяйства выразится, вѣроятно, въ сокращеніи площади зерновыхъ хлѣбовъ.

*) Здѣсь не приведена за незначительностью площадь посѣвовъ полбы, которая включена однако въ общую сумму.

И этотъ ростъ площади зерновыхъ хлѣбовъ не сопровождается сокращеніемъ площади производства сѣна, которая въ 1887 г. составляла 5.911,461 гектар., въ 1890 году — 5.909,543, а въ 1897 снова 5.911,962. Слѣдовательно, расширеніе площади зерновыхъ хлѣбовъ происходитъ на счетъ пара или ранѣе не обрабатывавшейся земли. Средняя производительность съ гектара (въ доппельцентнерахъ) была такова:

	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	Картофель.	Луговое сѣно.
1887	10,9	14,7	12,9	11,3	86,6	27,7
1888	9,5	13,1	13,1	12,1	75,0	26,2
1889	9,2	12,1	11,5	10,8	91,2	31,2
1890	10,1	14,4	13,7	12,6	80,3	31,9
1891	8,7	12,4	13,9	12,7	63,5	31,7
1892	12,0	16,0	14,3	11,9	95,5	28,1
1893	12,4	14,7	12,0	8,3	106,3	19,4
1894	11,7	15,2	14,9	13,4	96,0	32,1
1895	11,2	14,5	14,3	13,0	104,2	35,5
1896	12,1	15,6	13,8	12,5	95,9	33,7
1897	11,6	15,2	13,5	12,1	97,1	35,9

Таблица эта указываетъ также на постепенное повышеніе, хотя и съ неизбѣжными колебаніями, производительности почвы [1]).

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что прусское земледѣліе непрерывно развивается какъ расширяя свою площадь, такъ и повышая степень интенсивности. Фактъ этотъ въ сопоставленіи съ другимъ фактомъ—уменьшеніемъ сельскохозяйственнаго населенія —возбуждаетъ такой вопросъ: какъ возможно и возможно-ли при уменьшеніи сельскохозяйственнаго населенія возрастаніе производительности земледѣлія? Сперва нужно установить дѣйстви-

[1]) Всѣ данныя, касающіяся новѣйшаго времени, заимствованы изъ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1899.

тельные размѣры этого факта. Число лицъ занятыхъ въ земледѣліи (Erwerbsthätige), какъ въ главномъ промыслѣ, измѣнялось такъ:

	1895.	1882.
Самостоятельные	2 568,725	2.288,033
Рабочіе.	5.627,794	5.881,819
Служащіе. . . .	96,173	66,664
	8.292,692	8.236,496

Такимъ образомъ, общая сумма лицъ, дѣйствительно занятыхъ земледѣліемъ, не уменьшилась, а даже нѣсколько увеличилась. Кромѣ того, въ высшей степени вѣроятно, что и при неизмѣнномъ числѣ *трудящихся* земледѣліе получаетъ большее количество *труда*: это объясняется перемѣнами въ организаціи труда, а именно ростомъ самостоятельныхъ хозяйствъ (какъ мы уже знаемъ, прежде всего среднекрестьянскихъ) на счетъ крупныхъ. А это значитъ, что неусыпный и даже расточительный трудъ въ собственномъ хозяйствѣ замѣняетъ скудный трудъ скупо нанимаемаго на короткій срокъ и остальное время празднаго сельскохозяйственнаго рабочаго.

Дѣйствительно уменьшилось число лицъ, принадлежащихъ къ сельскому хозяйству,—Angehörige, что есть, вѣроятно, результатъ увеличенія заработковъ въ городахъ и въ промышленности [1]) и служитъ скорѣе къ облегченію, нежели ущербу для сельскаго хозяйства. Если сосчитать вмѣстѣ число Erwerbsthätige и Angehörige, то лишь въ такомъ случаѣ общая цифра сельскохозяйственнаго населенія обнаруживаетъ сокращеніе.

	1895.	1882.
Erwerbsthatige	8.292,992	8.236,496
Angehörige . .	9.833,918	10.564,046
Прислуга . . .	374,697	424,913
Сумма . .	18.501,307	19.225,455

Нужно, однако, еще замѣтить, что группа Erwerbsthätige обнаруживаетъ сокращеніе въ числѣ мужчинъ (5.701,587 въ 1882 году и 5.539,538 въ 1895), которое перевѣшивается

[1]) Возможно также, что это есть результатъ растущаго раздѣленія общественнаго труда и уничтоженія домашнихъ занятій, которымъ могли прежде отдавать свои силы Angehörige.

возросшимъ числомъ женщинъ (2.534,909 въ 1882 году и 2.753,154 въ 1895). При прочихъ равныхъ условіяхъ, это обстоятельство создаетъ вычетъ изъ общей суммы земледѣльческаго труда. Преобладаніе женщинъ отмѣчается, конечно, въ группѣ наемныхъ рабочихъ, какъ естественный результатъ стремленія къ замѣнѣ болѣе дорогого, хотя и высшаго качества, мужского труда болѣе дешевымъ женскимъ (въ 1882 году среди рабочихъ было 3.629,959 мужчинъ и 2.251,860 женщинъ, а въ 1895 году 3.239,646 мужчинъ и 2.388,148 женщинъ. — слѣдовательно число мужчинъ значительно уменьшилось, а число женщинъ увеличилось [1]). Въ группѣ самостоятельныхъ хозяевъ мы замѣчаемъ противное (число мужчинъ въ 1882 году было 2.010,865, женщинъ 277,168, а въ 1895 году мужчинъ 2.221,826, а женщинъ 346,899, слѣдовательно число мужчинъ увеличилось здѣсь болѣе чѣмъ на 200 тысячъ, потому усиленіе этой группы было не только количественное, но и качественное).

Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, мы считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ, что общее количество сельскохозяйственнаго *труда* въ земледѣліи, какъ самостоятельномъ занятіи, не потерпѣло существеннаго измѣненія въ ту или другую сторону. За то значительно увеличилось количество его въ земледѣліи, какъ побочномъ промыслѣ. Число лицъ, занятыхъ земледѣліемъ, какъ побочнымъ промысломъ, измѣнялось такъ.

	1895			1882		
	Мужч.	Женщ.	Всего.	Мужч.	Женщ.	Всего.
Самостоятельные.	1,970,356	206,165	2,176,521	1,924,883	203,540	2,133,425
Служащіе	1,689	99	1,788	1,469	80	1,549
Рабочіе	324,622	1,145,306	1,469,928	335,144	719,642	1,054,786
Сумма.	2,296,667	1,351,570	3,648,237	2,266,496	923,262	3,189,758

[1]) Это, конечно, показываетъ еще большій недостатокъ рабочей силы въ крупномъ хозяйствѣ, нежели онъ обнаруживается изъ общихъ цифръ. Такое же значеніе имѣетъ и пониженіе качества труда (слѣдовательно, относительное его удорожаніе), на что́ жалуются сельскіе хозяева. Естественно, что болѣе интеллигентные и энергичные рабочіе уходятъ изъ деревни, и остаются худшіе.

Данныя о распредѣленіи по поламъ приводятъ къ тѣмъ же результатамъ, что и выше: въ группѣ рабочихъ нѣкоторое сокращеніе мужского труда, сопровождаемое весьма значительнымъ увеличеніемъ женскаго, въ группѣ самостоятельныхъ хозяевъ не малое увеличеніе мужского труда и слабое женскаго. Общее число лицъ, занятыхъ земледѣліемъ какъ главнымъ и побочнымъ промысломъ за періодъ 1882—1895 выросло на 4,50%, слѣдовательно, объ общемъ уменьшеніи количества сельскохозяйственнаго труда не можетъ быть и рѣчи: напротивъ, *оно увеличилось*.

Мы не имѣемъ, слѣдовательно, основанія отрицать увеличеніе трудо-интенсивности для всего германскаго земледѣлія въ цѣломъ. Еще болѣе несомнѣнны успѣхи, которые оно сдѣлало за это время и въ смыслѣ капитало-интенсивности, роста капитала на единицу площади, улучшенія орудій производства и т. д. За отсутствіемъ прямыхъ данныхъ приходится судить по отдѣльнымъ примѣрамъ. Мы знаемъ уже, что число сельскохозяйственныхъ машинъ, которыя если и не могли въ значительныхъ размѣрахъ замѣстить трудъ, за то содѣйствовали несомнѣнно улучшенію производства, въ этотъ періодъ увеличилось (данныя см. выше), причемъ, по справедливому замѣчанію авторовъ сельскохозяйственной анкеты 1895 года, „это увеличеніе приходится на долю не только крупнаго, но и средне- и крупно-крестьянскаго хозяйства“ [1]). Что касается удобреній, то, по авторитетному сужденію Гольца, хотя количество ихъ въ точности вычислить и невозможно, но „всякій, кто знакомъ съ сельскохозяйственной практикой за послѣднія 3—4 десятилѣтія, знаетъ, что количество ихъ возросло во много разъ“ [2]) Выяснивъ техническія условія поднятія производительности земледѣлія въ Германіи, обратимся къ экономическимъ, и поставимъ вопросъ: какимъ образомъ возможно это поднятіе, не-

---

[1]) Die Landwirtschaft im deutschen Reich, 36.

[2]) V. d. *Goltz*. Die agrarischen Aufgaben der Gegenwart, 70. Гольцъ приводитъ цифры лишь ввозныхъ удобреній, которыя въ суммѣ даютъ для 1883 года 635,672 тоннъ цѣнностью въ 98,271 тыс. марокъ, а въ 1892 году 1.961,037 тоннъ на 227,844 т. м. Проф. Мэркеръ (*Märcker*. Die Kalidüngung in ihrem Werth für die Erhöhung und Verbilligung der landwirtschaftlichen Production 1893, стр. 13) опредѣляетъ потребленіе калійныхъ солей въ качествѣ удобренія въ Германіи: оно возросло съ 304,385 доппельцентнеровъ въ 1882 году до 2.400,008 въ 1895. Потребленіе карналита и горнаго кизерита было въ 1889 году 377,463 дц., въ 1891—388,931.

смотря на застой и даже паденіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, между тѣмъ какъ мы знаемъ, что нормальнымъ условіемъ сельскохозяйственнаго прогресса является медленное, но неуклонное поднятіе цѣнъ?

Надо думать, здѣсь дѣйствовало нѣсколько различныхъ причинъ. Одной изъ нихъ является, несомнѣнно, возможность удешевленія производства благодаря промышленному прогрессу, поскольку съ развитіемъ промышленности удешевляются и средства производства (удобренія и машины) для земледѣлія; однако эти выгоды парализуются поднятіемъ цѣны сельскохозяйственнаго труда. Другой причиной можетъ быть уменьшающаяся требовательность сельскохозяйственнаго предпринимателя, который, какъ и всѣ другіе предприниматели, не свободенъ отъ вліянія закона паденія средней нормы прибыли, слѣдовательно, прибыль, поскольку она составляетъ элементъ цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ, сокращается. Паденіе цѣнъ, далѣе, коснулось въ неравной степени различныхъ продуктовъ, а на продукты животноводства цѣна даже поднялась. Поэтому открывается возможность, комбинируя разныя отрасли сельскаго хозяйства, избѣжать или ослабить вліяніе пониженія цѣнъ, которое дѣйствуетъ особенно губительно для сельскаго хозяйства, между тѣмъ какъ неподвижное состояніе цѣнъ открываетъ еще достаточно простора для развитія производительности земледѣлія, хотя и въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но главной причиной, почему сельское хозяйство Германіи столь побѣдоносно выходитъ изъ труднаго положенія, созданнаго кризисомъ, мы считаемъ реорганизацію сельскохозяйственнаго предпріятія, усиленіе крестьянскаго хозяйства на счетъ крупнаго капиталистическаго. Ибо, какъ мы видѣли во введеніи, при прочихъ равныхъ условіяхъ крестьянское хозяйство можетъ производить болѣе дешево нежели крупное, благодаря отсутствію здѣсь категоріи прибыли, почему оно и можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ чахнетъ крупное. Это даетъ теоретическое подтвержденіе выводу, который настойчиво навязывается всѣми приведенными выше статистическими данными: своимъ теперешнимъ сельскохозяйственнымъ прогрессомъ, совершенно безспорнымъ, Германія обязана прежде всего крестьянскому хозяйству, и эпоха, когда крупное хозяйство шло во главѣ хозяйственнаго прогресса, отошла въ исторію [1]).

[1]) Историческую роль крупнаго хозяйства въ Германіи считаетъ сыгранной и такой первоклассный знатокъ сельскохозяйственной стати-

Въ заключеніе коснемся двухъ вопросовъ соціальной политики.

Въ виду изложеннаго характера развитія сельскаго хозяйства, спрашивается, что должна взять руководящимъ принципомъ партія, которая на знамени своемъ написала принципы здравой экономической политики, направленной къ развитію наибольшей производительности труда и на почвѣ его къ защитѣ интересовъ трудящихся классовъ, по отношенію къ крупному производству въ сельскомъ хозяйствѣ? Руководящими являются здѣсь два соображенія. Во-первыхъ, данныя историческаго опыта выяснили, что крупное производство само по себѣ не только не обезпечиваетъ благосостоянія сельскихъ рабочихъ, но даже заинтересовано въ удержаніи ихъ на самомъ низкомъ жизненномъ уровнѣ. Всякое повышеніе заработной платы тяжело ложится на сельское хозяйство, въ особенности въ теперешнюю эпоху аграрнаго кризиса. Всякое значительное удорожаніе рабочей силы ведетъ расшатанныя и слабыя хозяйства, и безъ того находящіяся въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, къ дальнѣйшей экстенсификаціи производства или же къ разоренію. Во-вторыхъ, единственнымъ вѣрнымъ средствомъ къ повышенію заработной платы сельскихъ рабочихъ является измѣненіе спроса и предложенія въ благопріятномъ для рабочихъ смыслѣ, недостатокъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Стремленіе улучшить положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ какъ таковыхъ, при предположеніи сохраненія крупной формы производства, оказывается поэтому внутренно противорѣчивымъ: съ одной стороны это улучшеніе обусловлено отсутствіемъ аграрнаго перенаселенія, а съ другой, расшатывая положеніе многихъ крупныхъ хозяйствъ, оно вновь вызываетъ это перенаселеніе. Могущественныя рабочія организаціи или законодательная защита сельскохозяйственныхъ рабочихъ, по всей вѣроятности, имѣли бы результатомъ также сокращеніе крупныхъ хозяйствъ и, слѣдовательно снова перенаселеніе, распаденіе рабочихъ организацій (какъ въ Англіи) или же отливъ этого перенаселенія въ города, гдѣ изъ этихъ рабочихъ съ низшими потребностями создаются опаснѣйшіе конкурренты городскимъ рабочимъ. Такимъ образомъ, всѣ мѣры, направленныя къ защитѣ сельскаго рабочаго, но этою, такъ ска-

---

стики какъ проф. Конрадъ (см. его отчетъ о сельскохозяйственной анкетѣ 1895 года въ Jahrb. f. Nat. Oek. u. St. 1898). Ср. *Carl Jentsch.* Die Agrarkrisis, Leipzig. 1899. Стр. 83.

зать, отрицательною защитою только и ограничивающіяся, безсильны внести въ его жизнь прочныя улучшенія, и въ то же время представляются до извѣстной степени опасными для городскихъ рабочихъ; интересы обоихъ категорій трудящихся классовъ враждебно сталкиваются.

Очевидно, что политика, направленная къ улучшенію положенія рабочихъ классовъ, должна сознательно стремиться къ сокращенію предложенія сельскохозяйственнаго труда, въ соединеніи съ устраненіемъ возможности перенаселенія какъ деревенскаго такъ и городскаго. Цѣль эта могла бы достигаться постольку, поскольку крестьянская колонизація создавала бы возможность постояннаго отлива сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Политика, направленная къ созданію крестьянства въ районахъ, гдѣ царитъ нынѣ крупное землевладѣніе, была бы экономически прогрессивна, потому что, какъ мы видѣли, крестьянское хозяйство болѣе чѣмъ крупное является въ настоящее время носителемъ сельскохозяйственнаго прогресса. Возможность учрежденія самостоятельнаго хозяйства и постоянная его потенціальная конкурренція оказывали бы на заработную плату повышающее вліяніе; въ то же время это поднятіе заработной платы съ одной стороны и возможность выгоднаго отчужденія земли подъ мелкія хозяйства съ другой побуждали бы къ скорѣйшей ликвидаціи тѣ изъ крупныхъ хозяйствъ, которыя страдаютъ недостаткомъ капитала или задолженностью и не могутъ поэтому идти въ уровень съ требованіями экономическаго развитія. Вмѣсто этихъ чахлыхъ и маломощныхъ крупныхъ хозяйствъ, которыя не въ состояніи обезпечить существованіе ни хозяевамъ, наполняющимъ ряды бюрократіи, ни рабочимъ, переполняющимъ города, страна имѣла бы крѣпкія крестьянскія хозяйства, находящіяся въ рукахъ наиболѣе энергичной и предпріимчивой части сельскохозяйственныхъ рабочихъ; изъ крупныхъ же хозяйствъ уцѣлѣли бы дѣйствительно крѣпкія, которыя способны вынести повышеніе заработной платы, обезпечить человѣческое существованіе рабочимъ, а въ то же время примѣнять у себя послѣднее слово сельскохозяйственной техники. Иного пути соціальнаго оздоровленія сельскохозяйственныхъ округовъ, которое сопровождалось бы и дальнѣйшимъ развитіемъ сельскаго хозяйства, а не тѣмъ запустѣніемъ какъ въ Англіи, нѣтъ. И, насколько я умѣю судить, на этотъ путь должна, отбросивъ обветшалые предразсудки и догматы, вступить германская соціальдемократія, если она хочетъ, дѣйствительно,

твердой ногой ступить въ деревнѣ и, въ самомъ дѣлѣ, беретъ близко къ сердцу интересы сельскаго рабочаго; послѣдній самъ по себѣ стремится къ основанію собственнаго хозяйства и будетъ признателенъ тому, кто захотѣлъ бы помочь ему въ этомъ и освободилъ бы отъ горькой необходимости эмигрировать за океанъ или въ городъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя направленію хозяйственнаго развитія, соціальдемократія осталась бы вѣрна истинному духу марксизма, который выше устарѣлой его догмы. Стремленіе къ дальнѣйшему усиленію крестьянскаго хозяйства на развалинахъ части крупныхъ хозяйствъ на прусскомъ востокѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Германіи должно объединить всѣ передовыя партіи Германіи (разумѣется, оно должно сопровождаться и стремленіемъ къ распространенію на сельскихъ рабочихъ правъ промышленныхъ рабочихъ и прежде всего свободы коалицій, законодательства въ защиту труда и т. д.).

Конечно, единственнымъ способомъ вмѣшательства въ естественный процессъ въ данномъ случаѣ является созданіе законодательства, которое облегчало бы или содѣйствовало бы переходу земли въ крестьянскія руки. Въ настоящемъ сочиненіи, посвященномъ исключительно выясненію объективнаго хода сельскохозяйственной эволюціи,—не мѣсто подробнѣе останавливаться на на этомъ законодательствѣ. Попытка въ этомъ направленіи въ формѣ Rentengutgesetzgebung сдѣлана въ послѣднее время [1]), но она, исходя изъ консервативно-аграрныхъ круговъ и имѣя конечною цѣлью созданіе дешевыхъ рабочихъ, а не самостоятельныхъ крестьянъ, обставляетъ владѣніе земельнымъ участкомъ такими ограниченіями личной свободы, которыя совершенно не мирятся съ характеромъ новѣйшей эпохи, (отъ этого несвободенъ даже англійскій Small Holdings Act), почему столь крупные ученые какъ Брентано предрекаютъ ей неуспѣхъ и относятся къ ней отрицательно. Кромѣ того, какъ было помянуто выше, здѣсь

---

[1]) См. объ этомъ *Sering*. Die innere Kolonisation. По русски см. диссертацію г. *М. Соболева*. Мобилизація земельной собственности и новое теченіе аграрной политики въ Германіи. М. 1898. Гл. IX. Ср. также общія руководства Бухенбергера, Гольца и статью въ Handw. d. Staatsw. Ср. также Etudes sur les populations rurales de l'Allemagne et la crise agraire par George Blondel. Paris et Berlin. 1897. II. Ch. IV. (Это описательное сочиненіе, хотя и лишено самостоятельнаго научнаго значенія, представляетъ удобную сводку фактовъ).

преслѣдовалась и чисто политическая цѣль,—противодѣйствовать полонизаціи пограничныхъ провинцій. Эти причины справедливо скомпрометтировали законодательство о колонизаціи прусскаго востока, но оно можетъ быть существенно исправлено [1]).

Само собою разумѣется, возможно только самое отрицательное отношеніе къ тѣмъ мѣрамъ, которыя стремятся сократить земельную мобилизацію, закрѣпить землю въ формѣ крупныхъ родовыхъ имѣній. Сюда относятся фидеикоммиссы (нѣмецкій варіантъ англійскихъ entails), которые особенно часто возникаютъ въ послѣднее время [2]). Кромѣ хозяйственнаго вреда,—помимо всего прочаго, признано, что фидеикоммиссы содѣйствуютъ образованію латифундій [3]),—развитіе фидеикоммиссовъ, встрѣчающихся почти исключительно въ дворянскихъ имѣніяхъ, ведетъ къ искусственному поддержанію политически реакціонныхъ аристократическихъ фамилій (это отчасти примиряетъ съ ними консервативнаго Гольца). Доказывать хозяйственный вредъ и анахронизмъ фидеикоммиссовъ значило бы повторять то, что мы говорили уже въ главѣ объ Англіи.

---

[1]) Съ выхода закона о содѣйствіи учрежденію рентныхъ имѣній въ 1891 году до конца 1895 года было основано при посредствѣ Генеральной Коммиссіи 7,723 рентныхъ имѣнія съ площадью въ 82,380 гектаровъ частными лицами, на правительственныхъ земляхъ 123 имѣнія съ 312 ha. Коммиссія поселенія въ Познани и зап. Пруссіи пріобрѣла площадь въ 89,204 ha, и изъ нихъ передала 32,059 ha. При этомъ возникли 1784 новыхъ поселенія (Landwirtschaft im Deutschen Reich, 9).

[2]) По вычисленіямъ Конрада, изъ общаго числа фидеикоммиссовъ 785 образовались изъ ленныхъ имѣній 260, остальные возникли какъ таковые. Изъ этихъ 785 существовали до 1850 года лишь 434, тогда какъ 351 возникли въ періодъ 1850—1895; причемъ 134 обязаны своимъ возникновеніемъ 1881—95 годамъ. Общая площадь фидеикоммиссовъ незначительна (въ 1895 году 6,09% въ Пруссіи, въ 1894 году 2,12% въ Баваріи).

[3]) „Большинство фидеикоммиссовъ въ Пруссіи имѣетъ обширные размѣры. Только 3,3% владѣльцевъ фидеикоммиссовъ и 3,18% фидеикоммиссовъ принадлежатъ владѣніямъ менѣе 200 ha, 14,2% владѣніямъ 200—500, 20,89% 500—1,000, 61,39% выше 1,000 и 13,4% даже выше 5,000, слѣдовательно, должны быть причислены къ латифундіямъ. Еще рѣзче выступаетъ то же самое положеніе вещей, если исходить изъ соотношеній площадей; почти 92% связанной фидеикоммиссами площади концентрировано въ имѣніяхъ свыше 1,000 гектаровъ. Отсюда выясняется весьма знаменательный фактъ, что фиденкоммиссы прежде всего поддерживаютъ крупныхъ землевладѣльцевъ и тѣмъ самымъ существенно содѣйствуютъ образованію латифундій". *Conrad.* Fideikommisse въ Handw. d. Staatsw. III. 429).

Второй вопросъ соціальной политики, который мы имѣетъ въ виду, это — о хлѣбныхъ пошлинахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что меньшее паденіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты въ Германія нежели въ Англіи, помимо другихъ причинъ, обусловливается существованіемъ пошлины на ввозной хлѣбъ, которая появляется въ германскомъ тарифѣ въ 1879 году, по мощной иниціативѣ Бисмарка. Эта пошлина, сначала умѣренная, въ 1885 и 1887 году значительно повышается, но снова нѣсколько понижается торговыми договорами 1891 и 1894 года (имѣющими силу до 1903 года) [1]). Благотворнаго вліянія этихъ пошлинъ на сельское хозяйство нельзя отрицать, въ то же время нельзя отрицать и того, что эти пошлины удорожаютъ предметы первѣйшей необходимости и, слѣдовательно, представляютъ собою одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ косвенныхъ налоговъ.

Свобода торговли хлѣбомъ есть покровительство обрабатывающей промышленности, хлѣбныя пошлины — покровительство земле-

---

[1]) Размѣры этой пошлины вообще не велики. Со 100 килограммовъ взималось марокъ пошлины съ

	1879.	1885.	1887.	1891/4.
пшеницы	1,00	3,00	5,00	3,50
ржи	1,00	3,00	5,00	3,60
овса	1,00	1,50	4,00	2,80
ячменя	0,50	1,50	2,25	2,00
маиса и гречихи .	0,50	1,00	2,00	1,60
муки	2,00	7,50	10,50	7,30

За періодъ 1816—75 цѣны въ Англіи нерѣдко стояли значительно выше чѣмъ въ Германіи. Со времени введенія хлѣбныхъ пошлинъ дѣло измѣнилось. Центнеръ пшеницы стоилъ

	Въ Англіи.	Въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ.
1876—80.	10,30 марокъ.	10,56 марокъ.
1881—85.	9,00 „	9,45 „
1886—90.	7,14 „	8,76 „
1891.	8,41 „	10,94 „
1892.	7,06 „	9,41 „
1893.	5,98 „	7,34 „
1894.	5,21 „	6,69 „
Среднее 1891—4.	6,66 „	8,59 „

За періодъ 1886—90 цѣны стояли такимъ образомъ въ Пруссіи на 1,62 марки выше за центнеръ чѣмъ въ Англіи, а въ 1891—94 даже на 1,93 марки (*v. d. Goltz.* Vorlesungen, 260).

дѣлію [1]); говоря абстрактно, ни за той, ни за другой отраслью человѣческаго труда нельзя отрицать права на поддержку и покровительство со стороны государства, и ни одна изъ нихъ не имѣетъ на это большаго права чѣмъ другая. Я знаю, какія краснорѣчивыя тирады могутъ быть сказаны на тему о тяжести налоговъ на хлѣбъ для рабочаго человѣка, но не менѣе краснорѣчиво можно говорить и на тему о разореніи сельскаго производителя подъ бременемъ низкихъ цѣнъ. Тамъ, гдѣ сталкиваются противоположные и одинаково оправданные интересы, не можетъ быть дано принципіальнаго разрѣшенія вопроса, его рѣшаетъ фактическое положеніе вещей, удѣльный вѣсъ каждаго изъ интересовъ. Поясню это парадоксальнымъ примѣромъ. Представимъ себѣ, что Германія захотѣла бы разоружиться; эта мѣра, благодѣтельная для всего общества, тѣмъ не менѣе противорѣчила бы интересамъ рабочихъ Круппа и другихъ фабрикантовъ, изготовлявшихъ вооруженіе, потому что закрытіе этихъ фабрикъ выбросило бы ихъ на улицу. Однако здѣсь не можетъ возникнуть никакого колебанія, потому что съ одной стороны затрогиваются весьма важные интересы всего общества, а съ другой имъ противостоятъ интересы небольшой группы. Но несмотря на весь вредъ современнаго милитаризма, вопросъ стоялъ бы далеко не такъ просто, еслибы группа этихъ рабочихъ составляла значительную часть націи. Все сказанное a fortiori имѣетъ силу относительно земледѣлія,—и здѣсь весь вопросъ въ фактической конкретной обстановкѣ, не въ *что*, а *какъ*. Въ первой половинѣ XIX вѣка хлѣбныя пошлины въ Англіи, не оказывая поддержки земледѣлію, обогащали лишь на счетъ всей остальной націи лэндлордовъ, онѣ были вредны. Въ настоящее время хлѣбныя пошлины въ Англіи ради интересовъ небольшой группы населенія легли бы тяжело на всю отпускную промышленность и подвергли бы опасности все народное хозяйство. Напротивъ, теперешнія пошлины въ Германіи, составляя нѣкоторую поддержку земледѣлію, не оказываютъ чувствительнаго вліянія на германскую промышленность,

---

[1]) Конечно, пошлины есть только одна изъ формъ—и притомъ далеко не важнѣйшая — того покровительства земледѣлію, которое можетъ оказать государство: гораздо важнѣе напр. распространеніе сельскохозяйственнаго образованія въ странѣ, организація хлѣбной торговли и т. д. Вопроса о хлѣбныхъ пошлинахъ мы касаемся только въ виду его принципіальнаго значенія.

которая продолжаетъ развиваться, поэтому, онѣ не могутъ вызывать того безусловнаго осужденія, которое онѣ встрѣчаютъ въ части нѣмецкой прессы. (Выразительно оговариваюсь здѣсь, что, разбирая вопросъ лишь съ принципіальной стороны, я совершенно оставляю внѣ разсмотрѣнія всѣ детальные вопросы современнаго тарифнаго законодательства, какъ de lege lata такъ и de lege ferenda). Но дальнѣйшее экономическое развитіе можетъ и здѣсь измѣнить положеніе вещей кореннымъ образомъ.

Рѣшающій моментъ состоитъ въ томъ, какое количество населенія заинтересовано въ хлѣбныхъ пошлинахъ, какое въ свободѣ торговли. Къ послѣдней категоріи, очевидно, относится все неземледѣльческое населеніе, т. е. около половины всего населенія Германской имперіи, и часть земледѣльческаго, именно покупающая хлѣбъ. Нужно однако замѣтить, что метода прямого подсчета количества лицъ, заинтересованныхъ въ повышеніи или пониженіи цѣнъ въ данный моментъ, здѣсь не достаточно, онъ не только не рѣшаетъ вопроса, но придаетъ ему нсвѣрную постановку: широкая экономическая политика не можетъ ограничиться интересами нынѣшняго дня, она всегда должна ставить вопросъ объ условіяхъ дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ страны и, въ частности, земледѣлія. Вопросъ этотъ относительно крестьянскаго хозяйства будетъ изложенъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ, а здѣсь коснемся сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Если заинтересованность въ повышеніи цѣнъ на сельскохозяйственные продукты у юнкеровъ, крупнаго и средняго крестьянства болѣе или менѣе очевидна, то она отрицается иногда для сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Указываютъ, что они тоже являются покупателями хлѣба и другихъ продуктовъ земледѣлія, слѣдовательно такъ же заинтересованы въ низкихъ цѣнахъ на эти продукты (насколько они не получаютъ часть своей заработной платы натурою, въ видѣ такъ называемаго депутата). Но при этомъ совершенно упускается изъ виду то обстоятельство, что сельскіе рабочіе суть не только потребители этихъ продуктовъ, но и *производители* ихъ, и ихъ потребительная способность опредѣляется ихъ успѣхами или неуспѣхами какъ производителей. Другими словами, ясно, что, если и при данномъ состояніи цѣнъ дѣла крупнаго сельскохозяйственнаго предпринимателя плохи, то съ ихъ пониженіемъ они пойдутъ еще хуже, а вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшится и положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго, которому грозитъ или дальнѣйшее пониженіе его зара-

ботной платы или безработица. Не всякое повышеніе цѣнъ на продукты земледѣлія или доходности сельскохозяйственнаго предпріятія ведетъ къ повышенію платы сельскохозяйственнаго рабочаго, но извѣстное пониженіе доходности или же паденіе цѣны ниже издержекъ производства сопровождается физической невозможностью платить даже прежнюю плату [1]).

---

[1]) Гольцъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: „крупный землевладѣлецъ и крупный крестьянинъ суть важнѣйшіе работодатели въ деревнѣ; отъ ихъ экономическаго благосостоянія зависитъ, сколько рабочихъ они занимаютъ и какъ высоко могутъ они ихъ оплачивать. Болѣе экстенсивный способъ хозяйства и еще болѣе низкій уровень цѣнъ на хлѣбъ должны имѣть своимъ слѣдствіемъ, что заработная плата упадетъ и число сельскохозяйственныхъ рабочихъ уменьшится“. (Vorlesungen, 261—2). Любопытно, что въ первой половинѣ XIX вѣка и въ Англіи, сколько разъ вопросъ о выгодности высокихъ цѣнъ для сельскихъ рабочихъ ни ставился при допросѣ свидѣтелей, вызываемыхъ разными коммиссіями, на него неизмѣнно давался утвердительный отвѣтъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ интереснѣйшихъ свидѣтельствъ. Нѣсколько свидѣтелей дали предъ коммиссіей 1821 года то же показаніе, что и Wakefield: „не является ли спросъ на трудъ, даже въ томъ случаѣ, если онъ сопровождается высокими цѣнами на хлѣбъ, болѣе выгоднымъ для рабочихъ нежели низкія цѣны на хлѣбъ безъ такого спроса? Трудъ составляетъ капиталъ бѣднаго человѣка; устраните спросъ на него и человѣкъ перестанетъ существовать“. (Min. of ev., 217). Предъ коммиссіей 1833 года были даны слѣдующія показанія. 1260. „Чѣмъ выше цѣны на хлѣбъ, тѣмъ больше заработка могутъ найти рабочіе. 1261. И при этомъ они оказываются въ силахъ получать предметы необходимости? Въ гораздо большемъ количествѣ; рабочіе вообще находятъ, что имѣть дешевый хлѣбъ для нихъ невыгодно во всѣхъ отношеніяхъ“. Другой свидѣтель показалъ: 2450. „Каково ваше общее впечатлѣніе: доволенъ ли народъ, слыша о поднятіи хлѣбныхъ цѣнъ на рынкѣ или нѣтъ? Впечатлѣніе относительно рабочихъ въ North Riding въ общемъ таково, что они считаютъ высокія цѣны на земледѣльческіе продукты столь же выгодными для себя, какъ и для фермеровъ. 2452. Не слыхали ли вы, чтобы рабочіе иногда говорили, что имъ лучше живется, если цѣны высоки? Постоянно; и какъ ихъ слова, такъ и внѣшній видъ показываетъ, что они ждутъ извѣстій о повышеніи цѣнъ съ такимъ же напряженіемъ, какъ и фермеръ“. Предъ той же коммиссіей была сдѣлана слѣдующая характеристика вліянія уровня цѣнъ на разные слои деревенскаго населенія. 8379. „На вопросъ: „лучше ли вамъ теперь при дешевомъ хлѣбѣ, нежели когда хлѣбъ былъ дорогъ?“ содержатель постоялаго двора скажетъ вамъ (какъ говорилъ мнѣ): „когда хлѣбъ стоилъ гинею за бушель, у меня было множество посѣтителей; моя столовая невмѣщала на половину посѣтителей, а теперь она у меня на половину пуста“. Гвоздарь замѣтитъ: „я имѣлъ больше

Поэтому въ данномъ пунктѣ интересы промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ противоположны, что не устраняетъ, конечно, ихъ солидарности въ другихъ, весьма существенныхъ отношеніяхъ. Антагонизмъ этотъ не только не долженъ быть затушевываемъ, но онъ долженъ быть понятъ во всемъ своемъ объемѣ, ибо только при этомъ условіи можетъ быть установлено правильное къ нему отношеніе и создана почва для ясной и сознательной политики.

До сихъ поръ политически аграрные и промышленные интересы были представлены разными партіями; аграрные интересы представлялись консерваторами и центромъ, соціальдемократія же выражала до послѣдняго времени интересы промышленныхъ рабочихъ и ими руководилась всегда въ вопросахъ торговой политики. Въ стремленіи объединить въ себѣ интересы промышленнаго и сельскохозяйственнаго населенія (рабочихъ и крестьянъ), она оказывается въ самомъ затруднительномъ положеніи, въ виду противорѣчивости ихъ интересовъ въ важнѣйшемъ вопросѣ, рѣшающемся общеимперскимъ законодательствомъ. Очевидно, здѣсь возможенъ только путь компромисса—искусной и предусмотрительной политики; необходимо во всякомъ случаѣ болѣе осторожное отношеніе къ вопросамъ хлѣбной торговли; быть можетъ, здѣсь возможно примиреніе разнорѣчивыхъ интересовъ на почвѣ взаимныхъ уступокъ или компенсацій. Въ противномъ случаѣ теперешнее печальное состояніе раздробленности демократическихъ и трудящихся элементовъ въ различныхъ враждующихъ партіяхъ, благодаря чему онѣ взаимно обезсиливаются и, вслѣдствіе того, усиливаются нежелательныя явленія политической жизни Германіи, станетъ хроническимъ.

Припомнимъ, въ заключеніе, основные моменты развитія крупнаго хозяйства въ германскомъ земледѣліи. Крупное производство въ земледѣліи есть здѣсь самая ранняя форма крупнаго предпріятія

работы и заказовъ, чѣмъ я могъ выполнить, когда хлѣбъ былъ въ цѣнѣ, а теперь, когда хлѣбъ дешевъ, я не могу заработать достаточно денегъ для его покупки". То же самое и плотникъ: „когда хлѣбъ былъ дорогъ, я былъ увѣренъ, что мой счетъ будетъ хорошо оплаченъ, когда бы я его ни представилъ, а теперь я хожу по многу разъ за небольшимъ долгомъ и ничего не получаю". 8380. А что думаютъ рабочіе относительно цѣнъ: предпочитаютъ ли они низкую или высокую цѣну? Если соотвѣтственно поднимается и ихъ заработная плата, то высокую". (Min. of evid.).

вообще, оно существуетъ долгое время, пока въ промышленности царитъ еще всецѣло мелкое производство. Происхожденіе его, какъ это съ полной точностью можетъ быть установлено по крайней мѣрѣ для восточной Пруссіи, центра крупнаго землевладѣнія, связано непосредственно съ средневѣковой исторіей, и порогъ между старымъ и новымъ временемъ образуетъ паденіе крѣпостного права. Отмѣна крѣпостного права совершилась на весьма выгодныхъ для помѣщиковъ условіяхъ: они увеличили въ результатѣ площадь своего хозяйства, обезпечили себѣ наемныхъ рабочихъ, получили въ видѣ выкуца значительный капиталъ. Если не считать потрясеній, нанесенныхъ войнами и кризисомъ 20-хъ годовъ, то время отъ 20-хъ до 70-хъ годовъ слѣдуетъ признать необыкновенно благопріятнымъ для крупнаго земледѣлія. Во-первыхъ, для него былъ обезпеченъ непрерывно растущій рынокъ и высокія цѣны на земледѣльческіе продукты. Такимъ рынкомъ первоначально явилась Англія, относительно которой Пруссія долгое время играетъ роль сельскохозяйственной колоніи или аграрнаго округа. Съ теченіемъ времени такой рынокъ все въ большей степени сталъ создаваться и внутри страны, съ ростомъ неземледѣльческаго и городского населенія. Капиталъ, кромѣ выкупныхъ платежей, доставлялся кредитомъ. Изобильное предложеніе дешеваго труда сельское хозяйство имѣло какъ благодаря созданному освобожденіемъ классу безземельныхъ рабочихъ, такъ и чрезвычайно быстрому ихъ размноженію, толчекъ къ которому далъ именно хозяйственный переворотъ, созданный отмѣной крѣпостнаго права. Аграрное перенаселеніе, которому не было тогда отлива въ другія части страны или въ Америку, было къ выгодѣ крупнаго землевладѣнія; положеніе же класса сельскихъ рабочихъ было весьма тягостно. Эти благопріятныя для сельскаго хозяйства условія достигаютъ наибольшаго количественнаго развитія въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, которые являются потому самымъ счастливымъ временемъ для прусскаго земледѣлія. Что же касается крестьянскихъ хозяйствъ, то на востокѣ Пруссіи многія изъ нихъ, повидимому, падаютъ жертвой переходной эпохи, приспособленія къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ и чрезмѣрной парцелляціи вслѣдствіе черезчуръ быстраго населенія, и ихъ наслѣдникомъ нерѣдко является растущее крупное хозяйство. Съ 50-хъ годовъ въ Германіи завязываются узлы новой промышленной жизни. Сначало медленно, а затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе развивается

промышленность (и въ особенности крупная промышленность), страна прорѣзается во всѣхъ направленіяхъ желѣзнодорожными путями, Германія вступаетъ на путь развитія промышленнаго капитализма. Но этотъ путь оказывается роковымъ для капитализма земледѣльческаго. Начать съ того, что промышленный капитализмъ создаетъ новыя обширныя и постоянно растущія сферы труда, оплачиваемаго притомъ выше, чѣмъ земледѣльческій. Исчезаетъ сначала избытокъ аграрнаго населенія, благодаря которому заработная плата въ деревнѣ держалась на жалчайшемъ уровнѣ, а затѣмъ уменьшается и вообще контингентъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Единственнымъ средствомъ удержать ихъ является платить имъ высокую заработную плату, чего помѣщикъ не можетъ или не хочетъ, а чаще всего то и другое вмѣстѣ. Рядомъ съ промышленными городами и округами мѣстомъ отлива сельскохозяйственныхъ рабочихъ является и Америка, чему возможность создана развитіемъ новѣйшихъ путей сообщенія, стоящимъ въ непосредственной связи съ развитіемъ промышленнаго капитализма и образующимъ одно изъ основныхъ условій послѣдняго. Такимъ образомъ, промышленный капитализмъ нанесъ ударъ земледѣльческому, лишивъ его дешевой рабочей силы. Въ то же время благодаря тому же развитію новѣйшихъ средствъ сообщенія на рынкѣ появился хлѣбъ изъ Россіи и Америки, что создало условія для аграрнаго кризиса, выразившагося въ пониженіи цѣнъ на продукты земледѣлія, а въ концѣ концовъ и цѣнъ на землю или земельной ренты. Это обстоятельство лишило многихъ изъ землевладѣльцевъ капитала для веденія предпріятія, который они почерпали, налагая на свои имѣнія умѣренную гипотеку; при ростѣ цѣны земли она обезпечивала имъ постоянный источникъ предпринимательскаго капитала. Теперь же этотъ источникъ изсякъ; для слабыхъ капиталомъ землевладѣльцевъ оставалось входить въ непосильные долги, что въ трудныя времена нерѣдко вело къ продажѣ съ молотка. Особенно затруднительно было положеніе тѣхъ землевладѣльцевъ, которые купили имѣніе съ наложеніемъ значительнаго долга и по чрезмѣрно высокой цѣнѣ (повышенной еще благодаря царившей до наступленія кризиса увѣренности въ непрерывномъ ростѣ цѣнъ и въ будущемъ). Неудивительно, если ряды крупнаго землевладѣнія дрогнули, и оно стало уступать свое мѣсто (уменьшаясь по мѣстамъ относительно, а по мѣстамъ и абсолютно) крестьянскому хозяйству. Паденіе цѣнъ въ Германіи не было такъ сильно

и такъ опустошительно какъ въ Англіи (къ тому же въ силу своей соціальной организаціи германское земледѣліе менѣе требовательно и потому выносливѣе чѣмъ англійское); это обстоятельство, въ связи съ непрерывнымъ ростомъ рынка, дѣлаетъ понятнымъ, что производительность германскаго земледѣлія во всѣхъ важнѣйшихъ направленіяхъ непрерывно расла до самаго послѣдняго момента. Есть однако всѣ основанія думать что этотъ ростъ обязанъ своимъ существованіемъ въ меньшей степени крупному хозяйству, техническій прогрессъ котораго, взятаго въ цѣломъ, весьма сомнителенъ, нежели крестьянскому хозяйству, во всѣхъ смыслахъ замѣтно усилившемуся. Крупное хозяйство перестало идти во главѣ развитія производительности земледѣлія, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ въ своихъ размѣрахъ. Его историческую роль можно считать поэтому сыгранной, и является весьма вѣроятнымъ и экономически желательнымъ его дальнѣйшее сокращеніе въ пользу крестьянскаго хозяйства.

Напрашивается сопоставленіе съ Англіей. Мы видѣли весьма любопытныя и поучительныя различія въ исторіи англійскаго и германскаго земледѣлія, которыя даютъ лучше понять сущность и особенности этихъ системъ, но еще знаменательнѣе конечное сходство судебъ того и другого. Будучи наслѣдіемъ среднихъ вѣковъ, крупное производство въ земледѣліи является самой ранней формой крупнаго предпріятія; нѣкоторое время оно идетъ во главѣ хозяйственнаго прогресса, сопровождаемаго однако самой беззастѣнчивой эксплуатаціей безпомощнаго и нищенскаго населенія; затѣмъ оно теряетъ эту руководящую роль и, не будучи въ состояніи обезпечить своимъ рабочимъ условія жизни, достойныя новѣйшаго времени, утрачиваетъ и рабочихъ, склоняясь въ концѣ концовъ къ неотвратимому упадку.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Исторія французскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ.

Изученіе экономической исторіи Франціи въ XIX вѣкѣ представляетъ исключительно тяжелую и неблагодарную работу. Прежде всего, исторія эта является не только невоздѣланнымъ, но даже и нераспаханнымъ полемъ: безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что XIX вѣкъ принадлежитъ къ числу наименѣе выясненныхъ въ основныхъ моментахъ экономическаго развитія эпохъ французской исторіи [1]). Объясняется это, съ одной стороны, необыкновенно низкимъ уровнемъ, на которомъ стояла и стоитъ политическая экономія во Франціи, а съ другой сравнительной недостаточностью источниковъ, въ особенности оффиціальной статистики: постоянныя революціи и перемѣны правительствъ, которыми характеризуется XIX вѣкъ во Франціи, далеко не содѣйствовали установленію традиціи въ статистическихъ изслѣдованіяхъ, что́ является однимъ изъ важнѣйшихъ условій цѣнности и сравнимости статистическихъ данныхъ. Исторія экономическаго развитія Франціи, если и можетъ быть написана, потребуетъ отъ

---

[1]) Сочиненій, посвященныхъ выясненію общаго хода экономическаго развитія Франціи въ XIX вѣкѣ, натурально нѣтъ. Ихъ нѣтъ даже для отдѣльныхъ сторонъ, напр. для исторіи сельскаго хозяйства, для исторіи крестьянства, между тѣмъ какъ исторія крестьянства въ прежніе вѣка составила предметъ нѣсколькихъ поучительныхъ сочиненій уже въ 50-хъ годахъ: таковы *Doniol.* Histoire des classes rurales. Paris. 1867. *Dareste de la Chavanne.* Histoire des classes agricoles. Paris. 1858. *Bonnemère.* Histoire der paysans. Paris. 1857. Въ новѣйшее же время см. особенно капитальныя изслѣдованія Авенеля: Vicomte *d'Avenel.* Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées, et de tous les prix en général depuis l'an 1200 jusqu'en l'an 1800. 4 тома. 1891—94. См. въ популярномъ изложеніи *его же*: Paysans et ouvriers depuis sept cent ans. Paris. 1899.

изслѣдователя колоссальной предварительной работы собиранія и критики источниковъ, и лишь послѣ такой работы можетъ быть приступлено къ исторіи французскаго капитализма.

Пониманіе эволюціи сельскаго хозяйства невозможно безъ пониманія общаго народнохозяйственнаго развитія, слѣдовательно, изученіе исторіи французскаго земледѣлія чрезвычайно затруднено благодаря недостаточной выясненности общеэкономической исторіи. Но, помимо того, оно представляетъ почти непреодолимыя трудности вслѣдствіе недостаточности источниковъ: внѣшній шумъ политической исторіи Франціи, особенно Парижа, отвлекалъ вниманіе отъ жизни деревень. Относительно цѣлыхъ историческихъ эпохъ мы ничего не знаемъ, установить связь развитія безъ перерывовъ и неясностей относительно французскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ есть дѣло совсѣмъ невозможное. Здѣсь все, что можетъ дать въ концѣ концовъ изслѣдованіе, есть нѣсколько болѣе или менѣе разрозненныхъ штриховъ, изъ которыхъ самыми цѣнными являются превосходныя сельскохозяйственныя анкеты 1882 и 1892 годовъ; нежеланіе обойти молчаніемъ данныя этихъ анкетъ было главнымъ мотивомъ, побудившимъ автора всетаки включить исторію французскаго земледѣлія въ свое изложеніе, а не оставить ее совершенно въ сторонѣ, какъ пришлось напр. поступить въ концѣ концовъ съ Австро-Венгріей.

Но былъ еще одинъ теоретическій соблазнъ, ради котораго не хотѣлось выключать изъ своего изложенія Францію: это — возможность вынести изъ скудныхъ и отрывочныхъ данныхъ, имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи, больше чѣмъ они непосредственно даютъ, восполнивъ ихъ данными историческаго опыта другихъ странъ, примѣнивъ, другими словами, *методъ исторической аналогіи*. Авторъ хорошо сознаетъ всю опасность этого метода и всю осторожность, которую необходимо соблюдать, чтобы уберечься отъ рискованныхъ и произвольныхъ утвержденій (ни однимъ методомъ такъ не злоупотребляли въ общественной наукѣ какъ методомъ аналогій). Но тѣмъ не менѣе лишь сопоставленіе исторіи Франціи съ исторіей Англіи и Германіи является той живой водой, благодаря которой можно еще попытаться оживить разрозненныя кости скелета, извлечь извѣстные теоретическіе результаты изученія. Исторія сельскаго хозяйства обѣихъ этихъ странъ уже выяснила для насъ нѣкоторые вопросы, которые могутъ и должны быть поставлены и относительно Франціи; она же сдѣлаетъ ощутительными

извѣстныя сходства и различія исторіи сельскаго хозяйства тамъ и здѣсь, она подчеркнетъ значеніе нѣкоторыхъ процессовъ, выраженныхъ недостаточно ярко здѣсь, но болѣе ясно тамъ, а также значеніе отсутствія данныхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто при другихъ условіяхъ, слѣдовательно, не только положительныхъ, но и отрицательныхъ признаковъ. Повторяемъ, только благодаря такому сравненію дѣлается возможнымъ теоретически осмысленное изученіе хотя нѣкоторыхъ чертъ исторіи французскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ.

Порогъ отъ стараго времени къ новому во французской исторіи образуетъ, конечно, великая французская революція, внесшая обновленіе во всѣ сферы жизни. Для нашей цѣли является въ высшей степени существеннымъ пониманіе состоянія народнаго хозяйства въ эпоху, предшествующую революціи, а затѣмъ тѣхъ измѣненій, которыя внесла въ это состояніе послѣдняя. Несмотря на то, что исторія великой революціи какъ въ силу своего всемірно-историческаго значенія, такъ и внѣшняго драматизма привлекала къ себѣ болѣе ума и таланта изслѣдователей чѣмъ какая-либо другая эпоха французской исторіи, однако теперешнее состояніе нашихъ знаній объ этой эпохѣ, особенно съ экономической стороны, способно всего менѣе внушить чувство удовлетворенія. До сихъ поръ остается рядъ неразрѣшенныхъ вопросовъ капитальной важности, на которые даются самые противорѣчивые отвѣты (конечно, здѣсь не мѣсто входить даже въ самое поверхностное обсужденіе этихъ контроверзъ). Такъ, хотя не оспаривается общее утвержденіе еще Юнга, что во Франціи предъ революціей господствовало въ земледѣліи мелкое хозяйство, но существуютъ серьезныя разногласія о томъ, преобладала-ли мелкая собственность или же, согласно новѣйшему мнѣнію, земельная собственность была сосредоточена въ рукахъ привиллегированныхъ сословій и лишь сдавалась въ аренду мелкимъ хозяйствамъ [1]). Еще болѣе рѣзкія разногласія существуютъ относительно

---

[1]) Наиболѣе извѣстнымъ представителемъ перваго мнѣнія является Токвиль, согласно которому „революція не создала, а лишь освободила мелкую собственность“ (*A. de Tocqueville.* L'ancien régime et la revolution). Второе мнѣніе выставляетъ проф. *Карѣевъ* въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи: Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка. Москва. 1879. Къ нему же присоединяется и проф. *М. М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи. Томъ I. Москва. 1895.

того, въ чьи руки попала масса земель, экспропріированныхъ революціей и распроданныхъ съ публичнаго торга: въ руки мелкихъ собственниковъ или же буржуазіи, „третьяго сословія“ [1]).

Не менѣе чѣмъ изученіе заставляетъ желать большаго истолкованіе народнаго хозяйства Франціи въ прошломъ вѣкѣ. Дѣло этого изученія также какъ и истолкованія до сихъ поръ попадало въ руки главнымъ образомъ историковъ, а не экономистовъ, причемъ первые преслѣдуютъ иныя задачи, нежели вторые, главнымъ образомъ установленія фактовъ; выясненіе причинной связи, анализъ экономическихъ формъ и попытка подвести всю конкретную сложность событій подъ простую логическую группировку въ понятіяхъ, измѣрить уровень развитія производительныхъ силъ страны — все это задачи, несоотвѣтствующія эмпирическому, грубому (не въ обиду будь сказано) умственному складу историка и требующія спеціальныхъ знаній, болѣе широкаго логическаго кругозора. Вотъ причина, почему *бѣдность* народа предъ французской революціей, вошедшая въ пословицу и весьма обстоятельно изученная, до сихъ поръ не получила политикоэкономическаго объясненія, и эти объясненія по богатству политикоэкономическихъ идей — я осмѣлюсь это сказать — не ушли далѣе знаменитаго путешествія Артура Юнга, которое и по сейчасъ остается теоретически самымъ значительнымъ, что было написано о французскомъ народномъ хозяйствѣ предъ революціей [2]). И тѣмъ не менѣе намъ нельзя отклонить

---

[1]) Послѣднее мнѣніе поддерживается напр. проф. Ковалевскимъ и Минцесомъ, между тѣмъ какъ проф. Лучицкій утверждаетъ обратное. (*Loutschisky*. La petite propriété en France avant la révolution et la vente des biens nationaux. Paris. 1897).

[2]) Вотъ для примѣра сужденіе столь первокласснаго историка революціи какъ Тэна: „очевидно, что тягость налоговъ является основной причиной (la principale cause) бѣдности; отсюда глубокая и непримиримая ненависть противъ фиска и его агентовъ и т. д.“ (*H. Taine*. Ancien régime, I, 474). Это все равно, какъ если бы голодовки и бѣдность нашего крестьянства объяснять прежде всего тяжестью налоговъ, которые въ подобныхъ случаяхъ числятся обыкновенно въ недоимкахъ. Безграничныя злоупотребленія власти предъ французской революціей, которыхъ отрицать, конечно, невозможно, составляютъ самую близлежащую, поверхностную причину народной бѣдности, за которую легче всего и хватается историкъ-неэкономистъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти злоупотребленія вызывали противъ себя наисильнѣйшее негодованіе современниковъ (да и потомковъ) и по этой причинѣ, такъ сказать, публицистическаго характера выдвигались на первый планъ. Для экономиста ясно однако, что данное

неизбѣжную задачу, хоть въ грубыхъ чертахъ указать, что было, а еще болѣе чего не было въ народномъ хозяйствѣ Франціи въ прошломъ вѣкѣ, потому что не охарактеризовавши этого отправнаго пункта развитія современнаго хозяйства мы не можемъ приступить къ изученію и послѣдняго.

Хотя Франція пережила во время Кольбера эпоху усиленнаго протекціонизма, направленнаго къ развитію промышленности, она не стала всетаки черезъ это промышленной страной. Обрабатывающая промышленность является скорѣе орнаментомъ въ зданіи народнаго хозяйства Франціи. Она сосредоточивается въ нѣсколькихъ большихъ городахъ (прежде всего, въ Парижѣ и Ліонѣ). Насколько малую роль, однако, играетъ городская жизнь во Франціи XVIII вѣка, явствуетъ изъ слѣдующихъ статистическихъ сопоставленій. По даннымъ, представленнымъ Лоу собранію нотаблей въ 1787 году во Франціи кромѣ Парижа было только 78 городовъ, имѣющихъ 1.949,911 жителей [1]; къ этому нужно прибавить населеніе города Парижа, которое опредѣляется Бабо предъ революціей въ 600 тысячъ человѣкъ [2]. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, не болѣе $2^1/_2$ милліоновъ городского населенія, между тѣмъ общая цифра населенія, какъ она опредѣлялась въ 1801 году [3], составляла 27.349,003. Можно поэтому смѣло сказать, что городское населеніе составляло менѣе 10% всего населенія, причемъ значительное большинство городовъ были, вѣроятно, большими деревнями [4]. Итакъ, не будетъ преувеличеніемъ, если мы будемъ харак-

---

состояніе народнаго богатства зависитъ прежде всего отъ развитія производительныхъ силъ страны и обусловливаетъ извѣстную систему обложенія, а не обусловливается ею. Злоупотребленія власти имѣютъ въ данномъ случаѣ значеніе не столько причинъ, сколько симптомовъ извѣстнаго состоянія народнаго хозяйства.

[1]) *Levasseur.* Population française. I, 227.

[2]) *М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи, томъ I, 20.

[3]) *Levasseur*, I. 313. Леонсъ де Лавернь даетъ для 1790 года цифру населенія въ $26^1/_2$ милліоновъ. (*L. de Lavergne.* Agriculture et la population. 2-me éd. 1865. Стр. 316).

[4]) Впрочемъ, всѣ эти цифры отличаются крайне приблизительнымъ характеромъ. Артуръ Юнгъ напр. опредѣляетъ городское населеніе лишь въ 4—$4^1/_2$ раза меньше сельскаго, Лавуазье лишь въ 2 раза. (Ср. *Goldstein.* Bevölkerungsprobleme und Berufsgliederung in Frankreich. Berlin. 1900. Стр. 10—11). Столь же спорной является и цифра населенія Парижа. Во всякомъ случаѣ остается безспорнымъ преобладающій деревенскій характеръ страны.

теризовать Францію XVIII вѣка какъ *по преимуществу деревенскую страну.*

Да и та промышленность, которая сосредоточивалась въ городахъ, носила еще средневѣковой характеръ. Какъ замѣчаетъ проф. Ковалевскій, „фабричное производство только зачиналось во Франціи, промышленная дѣятельность за немногими исключеніями продолжала сосредоточиваться въ рукахъ организованныхъ въ цехи ремесленниковъ“ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что потребности въ мануфактурныхъ продуктахъ огромной массы деревенскаго населенія удовлетворялись домашнимъ, натуральнохозяйственнымъ способомъ.

Итакъ, хотя политическая жизнь Франціи XVIII вѣка болѣе чѣмъ когда либо сосредоточивалась въ городахъ, гдѣ произнесены были историческія слова полуобезумѣвшаго деспота: l'état c'est moi, центръ тяжести экономической жизни Франціи лежитъ въ деревнѣ, а важнѣйшей отраслью народнаго труда является земледѣліе. Напомнимъ читателю основныя и безспорныя черты жизни французской деревни, установленныя историками, и вдумаемся въ экономическій смыслъ ихъ.

Въ отличіе отъ Германіи, гдѣ крѣпостное право застаетъ еще XIX вѣкъ, во Франціи servage, несвобода личности и крѣпость ея землѣ, постепенно уничтожается начиная съ XVI и XVII (даже XV) вѣка; XVIII вѣкъ находитъ только остатки серважа, которые окончательно были сметены революціей. Личность трудящихся свободна; организаціи крупнаго производства, основанной на даровомъ трудѣ крѣпостныхъ, нѣтъ мѣста; крупное производство имѣетъ дѣло съ свободнымъ наемнымъ рабочимъ. Будучи свободнѣе прусскаго, сельское населеніе Франціи не пользуется однако той полнотой личной свободы, какую имѣетъ въ это время сельское населеніе Англіи: въ этомъ отношеніи положеніе Франціи соотвѣтствуетъ ея географическому положенію, между Германіей и Англіей. На сельскомъ населеніи Франціи тяготѣютъ многочисленныя и многообразныя тягости и повинности феодальнаго происхожденія, начиная съ остатковъ барщины (taille) и кончая ius primae noctis и обязанностью ночью пугать лягушекъ, оберегая сонъ сеньера. Повинности эти желѣзными оковами лежатъ на землѣ и земледѣльцѣ, пока ихъ не уничтожаетъ однимъ ударомъ приснопамятная ночь 4-го августа.

---

[1]) М. Ковалевскій, ibid.

Уже по слабому развитію городской жизни и, слѣдовательно, рынка на земледѣльческіе продукты нужно предположить, что хозяйство въ значительной степени носитъ натуральный характеръ. Считается безспорнымъ, что во Франціи предъ революціей было распространено мелкое крестьянское хозяйство. Несмотря на существовавшія среди разныхъ категорій крестьянъ различія, слѣдуетъ принять, что въ большинствѣ случаевъ это было производство для собственнаго потребленія, какъ мы сейчасъ увидимъ, его не хватало даже для этого потребленія. Крестьяне не входили въ соприкосновеніе съ рынкомъ даже въ томъ пунктѣ, гдѣ это было всего естественнѣй, именно въ уплатѣ аренды: аренды въ огромномъ большинствѣ случаевъ носили натуральный характеръ [1]). Самымъ распространеннымъ видомъ аренды въ это время является половничество, métayage, при которомъ крестьянинъ платилъ долей продукта, а не деньгами [2]); денежными аренды были, повидимому, лишь въ случаяхъ крупныхъ фермъ, которыя велись на капиталистическую ногу. Государственные налоги были главной причиной, связывавшей крестьянина съ рынкомъ.

Въ XVIII вѣкѣ французское крестьянство — или нѣкоторая, по крайней мѣрѣ, часть его — насчитываетъ уже болѣе двухъ вѣковъ сравнительно независимаго, экономически самостоятельнаго, существованія. Оно живетъ на той же (или нѣсколько уменьшенной) площади, что жило и раньше; отлива населенія въ города и промышленность за этотъ періодъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ не было; войны, голодовки и эпидеміи разрѣжали время отъ времени населеніе, но не всегда были въ силахъ остановить его естественный ростъ. Какъ же разрѣшалась тогда трудная проблема, — прокармливать все растущее населеніе на неизмѣнной площади и при неизмѣнности организаціи всего народнаго хозяйства? Можно сказать, что эта проблема никакъ не разрѣшалась; конечно, новыя руки приносили съ собой новую рабочую силу, но для продуктивнаго ихъ приложенія требовалось измѣненіе техники земледѣлія, что было, очевидно, не подъ силу

[1]) По многочисленнымъ свидѣтельствамъ историковъ, потребности въ одеждѣ и обуви, очень скудныя, удовлетворялись домашнимъ производствомъ, хотя, конечно, не всегда. Характеристика орудій производства (см. ниже) также говоритъ въ пользу ихъ домашняго происхожденія.

[2]) Юнгъ опредѣляетъ, что métayage встрѣчается въ $^7/_8$ Франціи, напротивъ денежная аренда встрѣчается въ $^1/_6$—$^1/_7$ государства.

невѣжественному, отягченному поборами и деспотизмомъ правительства и сеньеровъ крестьянину. Юнгъ говоритъ, что французское земледѣліе по своей техникѣ принадлежитъ X вѣку. Грубыя орудія производства, полное отсутствіе всякихъ запасовъ, отсутствіе „капитала“, которое больше всего бросалось въ глаза англичанину Юнгу, истощеніе полей до невозможности производить на нихъ чтобы то ни было и забрасыванье ихъ въ результатѣ истощенія, а иногда въ результатѣ наглости сеньеровъ,—такова картина крестьянскаго хозяйства. Приведемъ яркую характеристику его у Тэна [1]): „если случится неурожай, то земля остается невоздѣлана, потому что земледѣлецъ слишкомъ бѣденъ, чтобы купить сѣмянъ и во многихъ случаяхъ ихъ приходится выдавать для него интенданту; безъ этого къ неурожаю текущаго года присоединилась бы еще полная нищета въ слѣдующемъ году. Точно также въ эти времена всякое другое несчастье ложится на будущее также какъ и на настоящее; въ 1784 и 1785 годахъ въ Тулузской области благодаря засухѣ погибъ упряжной скотъ, много земледѣльцевъ принуждены были оставить свои поля невоздѣланными. Съ другой стороны, способы воздѣлыванія являются вполнѣ средневѣковыми. Кромѣ Фландріи и равнины Эльзаса, поля остаются подъ паромъ втеченіе года изъ каждыхъ трехъ, а часто и каждыхъ двухъ лѣтъ. Орудія обработки плохи; нѣтъ желѣзныхъ плуговъ; во многихъ захолустьяхъ держатся въ употребленіи плуги еще Вергилія. Телѣжныя оси и ободья на колесахъ сдѣланы изъ дерева; не однократно бороной служитъ тележный остовъ. Мало скота, мало удобренія; капиталъ, прилагаемый къ обработкѣ, втрое менѣе, чѣмъ въ настоящее время. Производительность слаба, „наши общинныя земли, говоритъ хорошій наблюдатель [2]), даютъ приблизительно среднимъ числомъ урожай самъ—шестъ. Въ 1778 году въ богатой мѣстности, окружающей Тулузу, хлѣбъ родился не больше какъ самъ—пятъ, теперь же самъ—восемь, и тогда же А. Юнгъ вычислялъ, что англійскій акръ въ его время производитъ 28 шепталей зерна, а французскій 18,

[1]) *Taine.* Ancien régime, I, 442—3.

[2]) *Mirabeau.* Traité de la population, p. 29. Мирабо принадлежитъ честь вполнѣ сознательнаго выставленія принципа, яснаго, впрочемъ, для всѣхъ физіократовъ и составляющаго основное зерно ученія Мальтуса именно, что „la mesure de la subsistence est celle de la population“ (L'ami des hommes, I, 12).

и продуктъ производства съ такой же точно земли за тотъ же промежутокъ времени составляетъ цѣнность въ 36 ф. ст. въ Англіи и лишь 26 во Франціи".

По словамъ самого Юнга, низкая производительность французскаго земледѣлія „въ значительной степени происходитъ отъ бѣдности деревенскихъ жителей во Франціи. Политическія учрежденія и общій духъ правительства вели втеченіе ряда вѣковъ къ угнетенію низшихъ классовъ путемъ покровительства высшимъ. Фермеры въ наибольшей части Франціи значительно смѣшались съ крестьянами, и что касается имущественнаго уровня то они стоятъ почти не выше поденщиковъ. Такими бѣдняками являются половники — métayers — , которые не имѣютъ для того, чтобы арендовать ферму, ничего, кромѣ труда и орудій".—„Бѣдность фермеровъ—продолжаетъ Юнгъ—не кажется странной если принять во вниманіе налоги, которымъ они подвержены; ихъ taille и поголовный налогъ (capitation), безсмысленные сами по себѣ, становятся еще безсмысленнѣе благодаря произволу, съ которымъ они взимаются" [1]).

Извѣстно, что Юнга обвиняютъ обыкновенно въ пристрастіи къ крупнымъ фермамъ, вслѣдствіе англійской предвзятости. Это невѣрно. Юнгъ совсѣмъ не является панегиристомъ крупнаго хозяйства во Франціи; къ тому же онъ нападаетъ не на мелкія фермы, а на бѣдность ихъ капиталомъ и на чрезмѣрное дробленіе земли. Зло аграрнаго перенаселенія, которое уже a priori слѣдуетъ предположить въ тогдашней Франціи, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ крестьянскихъ округахъ и которое вело за собою чрезмѣрную парцелляцію земли,—это серьезное зло было подмѣчено Юнгомъ чрезвычайно мѣтко и тонко. Юнгъ говоритъ: „основное зло во Франціи есть чрезмѣрно малый размѣръ фермъ... Дробленіе земли и избытокъ населенія доводятъ бѣдность до крайности". „Главное и наибольшее зло, которое мнѣ бросилось въ глаза во Франціи, это равный раздѣлъ полей послѣ смерти владѣльца между всѣми его дѣтьми, иногда же только между его сыновьями. Участокъ въ 40 или 50 акровъ (=16 до 20 гектаровъ) не обусловливаетъ непремѣнно плохой культуры, но раздѣлъ, ея на участки по 20 акровъ (=8 гектарамъ) ее необходимо предпо-

---

[1]) *Young.* Le voyage en France, traduction par Lesage. Paris. 1860. Tome II, p. 108.

лагаетъ, а тѣмъ болѣе дальнѣйшія дѣленія на участки по 10, 5, 2, 1 акру (4, 2 гектара, 80, 40 аровъ). Населеніе при такомъ порядкѣ вещей часто бываетъ многочисленно, но это приростъ нищихъ. Браки лишь въ идеѣ а не въ дѣйствительности предполагаютъ обезпеченное существованіе. Они производятъ на свѣтъ существа, которыя не требуются для труда ни въ городахъ, ни въ мануфактурахъ и которыя постоянно уничтожаются бѣдностью и эпидеміями, проистекающими отъ этого“ [1]). „Великое зло этой страны есть большое населеніе безъ работы для рукъ, безъ хлѣба для рта“. Мы не будемъ тратить словъ на описаніе бѣдности, задолженности [2]), ужасныхъ условій жизни французскаго крестьянства предъ революціей,—она вошла въ пословицу. Слѣдуетъ видѣть не одностороннее пристрастіе къ крупному хозяйству на счетъ мелкаго, а выраженіе дѣйствительнаго положенія вещей въ слѣдующемъ сужденіи Юнга: „я никогда не видѣлъ хорошей обработки земли у мелкихъ собственниковъ, исключая какъ на очень богатой почвѣ... На земляхъ же болѣе

---

[1]) *Young.* Le voyage en France, II, 215. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „я видѣлъ много разъ, что раздѣлы эти доходили до того, что одно фруктовое дерево съ 10 першей земли составляли цѣлую ферму, привязывавшую къ землѣ семейство“. (198). Юнгъ цитируетъ (323) слѣдующіе краснорѣчивыя строки изъ *Rapport du Comité de mendicité* de l'Assemblée Nationale: „вопреки безъ конца повторяемымъ увѣреніямъ всѣхъ политическихъ писателей, которые видятъ благополучіе имперіи въ чрезвычайно большомъ населеніи, избыточное населеніе безъ значительной потребности въ трудѣ (sans grand travail) и безъ богатаго производства было бы напротивъ разъѣдающимъ бременемъ для государства, потому что этому избыточному населенію пришлось бы раздѣлить благосостояніе тѣхъ, которые, безъ него, имѣли бы достаточныя средства существованія, пришлось бы ту же самую сумму труда дѣлить между большимъ количествомъ рукъ; наконецъ, цѣна труда необходимо понизится благодаря болѣе значительной конкурренціи рабочихъ, въ результатѣ была бы полная нищета для тѣхъ, кто совсѣмъ не получилъ бы труда, и недостаточное существованіе для тѣхъ, кому не было бы отказано“.

[2]) Юнгъ говоритъ: „въ Vatan en Berry меня увѣряли, что почти всѣ года половникъ занимаетъ у собственника хлѣбъ, который позволяетъ ему дожидать жатву. Этотъ хлѣбъ представляетъ смѣсь ячменя и овса, которую я отвѣдывалъ достаточно, чтобы пожалѣть этихъ бѣдныхъ людей; вообще народъ совсѣмъ не знаетъ пшеничнаго хлѣба“ (I, 201). См. описанія жизни французскаго крестьянина предъ революціей у проф. *Карѣева.* Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи, глава IV, особенно стр. 204 слл.

низкаго качества, т. е. въ $^{9}/_{10}$ Франціи и даже въ нѣкоторыхъ превосходныхъ мѣстностяхъ какъ въ Нормандіи, хозяйство въ высшей степени плачевно“ (207). Нетрудно понять, что инымъ и не могло быть крестьянское хозяйство въ эту эпоху натурально-хозяйственнаго аграрнаго перенаселенія, угнетаемое, съ одной стороны, поборами правительства и сеньеровъ, а съ другой собственнымъ невѣжествомъ, нищетой и безпомощностью. Конечно, эту общую характеристику не слѣдуетъ принимать слишкомъ безусловно: въ средѣ французскаго крестьянства (какъ на это съ особенной энергіей указываетъ проф. Карѣевъ) было нѣсколько различныхъ категорій какъ со стороны отношенія къ землѣ такъ и по степени состоятельности; но присутствіе отдѣльныхъ болѣе счастливыхъ элементовъ крестьянства не измѣняетъ общей картины.

Несостоятельность крестьянскаго хозяйства и необходимость экономическаго прогресса во что бы то ни стало была ясно сознана физіократами, — въ ихъ предпочтеніи крупнаго хозяйства и отрицательномъ отношеніи къ мелкому сказываются явственно историческія особенности момента. Физіократы — сторонники мѣнового или народнаго хозяйства, лишь зачинавшагося въ національномъ масштабѣ во Франціи. Produit net, чистаго земледѣльческаго дохода, который бы создавалъ базисъ для мѣноваго хозяйства, нѣтъ или почти нѣтъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ: производительность низка, а населеніе (относительно) густо, — все, что производится, съѣдается въ собственномъ хозяйствѣ. Крупное хозяйство, всегда разрѣжающее населеніе, даже при неизмѣнности техническихъ способовъ производства, имѣетъ нѣкоторый чистый доходъ, produit net [1]), потому что оно должно кормить

---

[1]) Въ максимѣ 15 Кенэ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свое предпочтеніе крупному хозяйству предъ мелкимъ: „земли, производящія зерновые хлѣба, должны быть объединены насколько можно въ крупныя фермы, эксплуатируемыя богатыми земледѣльцами, потому что при этомъ менѣе издерживается на содержаніе и ремонтъ зданій, и, при сравнительно меньшихъ издержкахъ, производится значительно болѣе чистаго продукта въ крупныхъ предпріятіяхъ чѣмъ въ мелкихъ“ (Maximes générales sur le gouvernement, l'agriculture etc.). Л. де-Лаверн по этому поводу замѣчаетъ: „опытъ въ дѣйствительности показываетъ, что мелкая культура можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ приносить не только большій валовой доходъ, но такой же или даже большій чистый доходъ чѣмъ крупная. Въ дѣйствительности же Кенэ критикуетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ не мелкое хозяйство въ собственномъ смыслѣ, но бѣдное хо-

меньше ртовъ. (Вотъ почему физіократы смотрять на вопросъ населенія почти глазами Мальтуса и находятся въ сознательномъ антагонизмѣ меркантилистическому воззрѣнію о благодѣтельности всякаго прироста населенія). Физіократы вѣрно видѣли зло своей эпохи, но при оцѣнкѣ его причинъ и средствъ къ излѣченію они дѣлали рядъ теоретическихъ ошибокъ. Сюда относится то преувеличенное значеніе, которое они придавали различію между крупнымъ и мелкимъ производствомъ въ земледѣліи, упуская изъ виду, что дѣло не въ формѣ земледѣльческаго хозяйства, а въ организаціи всего народнаго хозяйства, и что земледѣліе не можетъ быть улучшено безъ серьезныхъ измѣненій въ этой послѣдней, безъ увеличенія, прежде всего, „непроизводительныхъ“ (stériles), т. е. промышленныхъ классовъ.

Крупное производство во Франціи было менѣе распространено чѣмъ мелкое и сравнительно съ нимъ занимало незначительную площадь. Различались pays de grande и de petite culture [1]).

зяйство. Въ его время крупнаго хозяйства почти не существовало; онъ самъ констатировалъ это въ своихъ статьяхъ въ Энциклопедіи. Прогрессъ могъ осуществляться только въ болѣе богатыхъ и болѣе обширныхъ хозяйствахъ... Въ томъ состояніи бѣдности и невѣжества, въ которомъ находилось сельское населеніе, оно не могло подняться своими собственными силами“. (*L. de Lavergne.* Les économistes français du dix-huitième siècle. Paris. 1870. Стр. 89). Заслуживаетъ замѣчанія, что Кенэ и физіократы, какъ сторонники развитія мѣнового хозяйства, понимали связь между повышающимися цѣнами на хлѣбъ и прогрессомъ земледѣльческой культуры и „bon prix“ выставляли необходимымъ условіемъ послѣдней.

[1]) „По словамъ Тюрго, къ pays de grande culture можно отнести только Пикардію, Нормандію, окрестности Парижа, Фландрію, Орлеаннэ. *Энциклопедія* сходится съ этимъ извѣстіемъ, причисляя къ странамъ съ крупнымъ хозяйствомъ Нормандію, Босъ, Иль-де-Франсъ, Пикардію, французскую Фландрію, Геннегау et peu d'autres. Все остальное принадлежало къ странамъ, гдѣ преобладало мелкое хозяйство. По Тюрго, эти страны составляютъ $^4/_7$ королевства. Кенэ, дающій разсчетъ по арпанамъ, утверждаетъ, что въ мелкой обработкѣ было 30 милліоновъ арпановъ, тогда какъ большое хозяйство велось только на 6 милліонахъ. Инаръ говоритъ, что *la petite culture* занимаетъ въ 5 разъ больше земель, чѣмъ *la grande*. На цифры эти полагаться, конечно, нельзя въ виду несовершенства статистическихъ данныхъ и неопредѣленности терминологіи. Кенэ, напр., отожествляетъ крупное хозяйство съ обработкой земли лошадьми, а мелкое съ обработкой быками. Тюрго основательно возражаетъ противъ такого отожествленія и дѣлаетъ самъ такое различеніе: крупное хозяйство есть фермерское, мелкое—половничество“. (Карѣевъ, цит. соч. 186—7).

Можно думать (отчасти и на основаніи свидѣтельства физіократовъ), что хозяйство на крупныхъ фермахъ велось всетаки лучше, чѣмъ на мелкихъ. Едва-ли это потому, чтобы оно велось здѣсь дѣйствительно хорошо, думать такъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній, но скорѣе потому, что крестьянское хозяйство велось слишкомъ плохо. Единственный экономическій raison d'être веденія хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ заключается въ большей доходности крупнаго хозяйства сравнительно съ мелкимъ. Но эта большая доходность являлась скорѣе исключеніемъ, нежели общимъ правиломъ, какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что всетаки большая часть крупныхъ имѣній сдавалась въ раздробь, половникамъ, владѣльцы ихъ предпочитали жить въ Парижѣ, утопая въ сіяніи „Короля-Солнца“, а крупныхъ капиталистическихъ арендаторовъ находилось мало.

Существованіе крупнаго фермерскаго хозяйства, хотя и въ ограниченномъ количествѣ, ставитъ одинъ любопытный вопросъ,— о классѣ наемныхъ земледѣльческихъ рабочихъ. Очевидно, этотъ классъ существовалъ предъ революціей, но мы ничего не знаемъ объ его численности [1]), объ его судьбахъ, о времени его происхожденія (можно думать, что его появленіе связано съ постепеннымъ открѣпощеніемъ сельскаго населенія, которое сопровождалось и ослабленіемъ связи съ землей), — вообще эта важная страница хозяйственной исторіи Франціи остается совсѣмъ закрыта. Любопытно, что жалобы на выселеніе рабочихъ рукъ изъ деревень въ города раздавались здѣсь уже въ то время,—очевидно, и тогда крупное земледѣліе оказывалось неспособно удержать своихъ рабочихъ, которые предпочитали безработицу въ городахъ положенію наемныхъ

---

[1]) Мы не находимъ отвѣта на этотъ вопросъ у историковъ: „во множествѣ мы встрѣчаемся—говоритъ проф. Карѣевъ, съ указаніями на классъ людей, не имѣющій никакой поземельной собственности; есть много примѣровъ поденщиковъ, живущихъ въ чужомъ домѣ; нерѣдко упоминается о сельскомъ бродячемъ населеніи, не имѣвшемъ опредѣленнаго мѣста жительства и существовавшемъ когда работой, когда нищенствомъ, когда воровствомъ. Если, такимъ образомъ, нельзя сказать, что каждый сельскій рабочій имѣлъ свой домъ и свой клочекъ земли, еще менѣе можно утверждать, чтобы большинство имѣло земли, достаточныя для самостоятельнаго хозяйства... Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ да и вообще не существуетъ статистическихъ данныхъ о разныхъ категоріяхъ сельскаго населенія“ (Карѣевъ, 108—9. См. еще приложеніе 8).

рабочихъ въ деревнѣ [1]). Быть можетъ, это составляло одно изъ препятствій развитію крупнаго земледѣлія.

Границей развитія производительности земледѣлія и для крупнаго производства, какъ и для мелкаго, было общее состояніе тогдашняго народнаго хозяйства: застой въ промышленности, слабое развитіе городского населенія и рынка для сельскохозяйственныхъ продуктовъ, внутреннія стѣсненія торговли и вообще несвобода хозяйственной жизни (противъ которой физіократы подняли свой мужественный голосъ), отсутствіе сносныхъ путей сообщенія, спекуляціи хлѣбной торговли [2]), — все это составляло

[1]) Юнгъ говоритъ: „во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, если вы видите заброшенныя земли, хотя бы онѣ и были способны къ улучшенію, можете увѣренно говорить, что земли эти принадлежатъ крупному сеньеру“ (I, 75). Въ серединѣ XVIII вѣка Deparcieux жалуется, что города такъ заселяются, большей частью за счетъ деревень. (*Deparcieux.* Essai sur les probabilités de la durée de la vie humaine. Paris. 1746. Стр. 92). Конечно, эти жалобы относятся прежде всего къ рабочимъ.—Недостатокъ сельскихъ рабочихъ сыгралъ во французской исторіи (да и не въ одной французской, припомнимъ Черную Смерть въ Англіи и ея соціальныя послѣдствія) крупную и благодѣтельную роль. Виконтъ д'Авенель въ своей Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général depuis l'an 1200 jusqu'en l'an 1800, tome I, 1894, стр. 179, говоритъ: „въ концѣ XIII столѣтія человѣкъ является наиболѣе цѣннымъ благомъ, источникомъ всякаго богатства и могущества. За него держатся, и это стремленіе удержать его повліяло самымъ рѣшительнымъ образомъ на отмѣну рабства. Эта отмѣна, улучшеніе положенія сельскихъ классовъ, произошло, на мой взглядъ, вслѣдствіе потери равновѣсія между землей и людьми. Въ извѣстный моментъ былъ недостатокъ въ людяхъ; сдѣлавшись болѣе рѣдкимъ, человѣкъ дорожаетъ. Работниковъ покупаютъ съ аукціона, а цѣной, платимой ему, является свобода и земля, уступаемая ему на исключительно выгодныхъ условіяхъ“. Это представляетъ аналогію съ тѣмъ общимъ улучшеніемъ въ положеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которое имѣетъ мѣсто въ настоящее время также подъ вліяніемъ измѣненія отношенія спроса и предложенія въ благопріятномъ для рабочаго смыслѣ.

[2]) Рѣзкія колебанія цѣнъ благодаря частымъ неурожаямъ и голодовкамъ съ одной стороны, и внутреннимъ стѣсненіямъ торговли съ другой отличаютъ эту эпоху. Вотъ среднія данныя по десятилѣтіямъ о цѣнахъ на гектолитръ пшеницы:

Періоды.	Цѣна		Колебаніе между maximum и minimum.	
	франки.	сантимы.		
1756—1765	10	70	5	38
1766—1775	15	92	5	56
1776—1785	14	13	2	73
1786—1790	17	16	7	78

тормазъ развитія сельскаго хозяйства. Любопытно, что предъ самой революціей замѣчается начинающаяся тенденція къ округленію земельныхъ участковъ въ цѣляхъ развитія капиталистическаго земледѣлія: жалобы на это встрѣчаются во многихъ крестьянскихъ cahiers. Тенденція эта не была однако настолько значительна, чтобы измѣнить общую картину, — иначе мы имѣли бы другія свѣдѣнія о всемъ народномъ хозяйствѣ Франціи.

Французское земледѣліе *XVIII* вѣка оказывается несостоятельнымъ даже для прокормленія собственнаго населенія, хотя Франція является въ это время земледѣльческимъ и экспортирующимъ хлѣбъ государствомъ. Виконтъ д'Авенель говоритъ: „хлѣбный вопросъ въ теченіе двухъ вѣковъ составлялъ непрерывную заботу правительства. Административная переписка полна замѣтками, отчетами, выраженіями опасеній и сложными вычисленіями относительно того, что будетъ ѣсть населеніе въ ближайшемъ году, какъ проведемъ текущій годъ. И въ то же время, по интересному противорѣчію, Франція, при Людовикѣ XIII и *XIV* была вмѣстѣ съ Польшею главнымъ поставщикомъ хлѣба въ Европѣ. Она фигурировала еще въ срединѣ *XVIII* вѣка среди вывозящихъ хлѣбъ странъ. Ея большой соперницей была Англія, которая продавала иностранцамъ въ среднемъ до 6 милл. гектолитровъ въ годъ“ [1]). Голодовки, какъ острыя, такъ и хроническія были въ это время явленіемъ обыкновеннымъ [2]). Въ общемъ состояніе французскаго

Неудивительно, что на этой почвѣ процвѣтали всякія злоупотребленія негодной администраціи и развращенной знати, вплоть до полумиѳическаго pacte de famine. (См. вообще г. *Афанасьевъ*. Хлѣбная торговля во Франціи въ XVIII вѣкѣ).

[1]) *Vicomte d'Avenel.* Histoire économique etc., tome III. Paris 1898, стр. 213.

[2]) И тѣмъ не менѣе даже голодовки XVIII вѣка блѣднѣютъ предъ средневѣковыми. Дарестъ де-ля-Шаванъ по этому поводу говоритъ слѣдующее: „Исторія голодовокъ въ средніе вѣка представляетъ нѣчто ужасное. Вычислили, что, согласно хроникѣ Радульфа Глабера, въ теченіе 70 лѣтъ отъ 970 до 1040 года—правда, въ эпоху, когда производство и обращеніе хлѣба встрѣчало наибольшія трудности—было 48 лѣтъ голодовокъ и эпидемій. Насчитываютъ также 10 большихъ голодовокъ въ X вѣкѣ, 26 въ XI, 2 въ XII, 4 въ XIV, 7 въ XV и 6 въ XVI. Въ XVIII вѣкѣ ихъ было нѣсколько, между прочимъ въ президенство кардинала Флёри; однако, онѣ были менѣе бѣдственны, чѣмъ средневѣковыя, которыя продолжались нерѣдко по нѣскольку лѣтъ“ (*Dareste de la Chavanne.* Histoire des classes agricoles en France. Paris. 1858. стр. 498).

земледѣлія, въ *XVIII* вѣкѣ, не взирая на наличность противорѣчивыхъ тенденцій, нужно признать не прогрессирующимъ; а такъ какъ неподвижное состояніе надолго есть вещь невозможная, то отсутствіе прогресса скоро переходитъ въ активный регрессъ. И его мы также наблюдаемъ въ сельскомъ хозяйствѣ Франціи: о немъ свидѣтельствуютъ заброшенныя поля, толпы нищихъ, бродящія по дорогамъ и переполняющія города, растущая бѣдность. Перенаселеніе въ деревнѣ, хотя число земледѣльческаго населенія скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается, сопровождается перенаселеніемъ и въ городахъ: промышленность развивается настолько вяло, что неспособна поглотить растущее число пролетаріата, причемъ безчисленная прислуга знати, непроизводительный, экономически паразитарный классъ, увеличивается гораздо быстрѣе, чѣмъ промышленники (среди которыхъ непослѣднюю роль играютъ производители предметовъ роскоши на ту же знать [1]). „Около 150,000 человѣкъ въ Парижѣ ($^1/_4$ парижскаго населенія) находились въ положеніи настолько необезпеченномъ, что малѣйшее возрастаніе цѣнъ на припасы, забастовка въ производствѣ или даже простое сокращеніе его размѣровъ неминуемо ставили ихъ на порогъ нищеты“ [2]). „Въ Ліонѣ въ 1787 году нищенствуетъ 30 тысячъ рабочихъ“ [3]). Свидѣтельства о нищенствѣ и безработицѣ изъ всѣхъ концовъ государства прямо безчисленны. Народное хозяйство Франціи въ *XVIII* вѣкѣ достигло мертваго пункта, дальше котораго оно не могло расширяться простымъ количественнымъ умноженіемъ отдѣльныхъ своихъ элементовъ, тре-

[1]) „По словамъ Мерсье, въ Парижѣ 20,000 человѣкъ заняты разноской воды по домамъ; десятки тысячъ работаютъ въ кофейныхъ и кондитерскихъ,—послѣднихъ насчитывается болѣе 600,—кроютъ, шьютъ, одѣваютъ массу празднаго люда, которому нѣтъ другой работы, какъ мѣнять туалетъ по меньшей мѣрѣ раза два въ день... О числѣ домашней прислуги можно судить потому, что во многихъ домахъ 24 человѣка носятъ ливрею, такъ что, когда въ 1790 году рѣшено было запретить дворянскіе титулы и отличія, эта мѣра выбросила на улицу тысячи человѣкъ, занятыхъ до того или услуженіемъ, или шитьемъ присвоеннаго слугамъ костюма“ (Ковалевскій, I, 21). „Обратившійся скоро въ моду выѣздъ дворянъ за границу поставилъ въ то же положеніе отъ 15 до 20 тысячъ человѣкъ домашней челяди, содержимой прежде не столько изъ нужды, сколько изъ чванства, а теперь поставленной въ необходимость нищенствовать подъ окнами и просить работы у правительства“ (ib. 238—9).

[2]) Ibid.

[3]) Карѣевъ, l. c. 212. Тамъ же и другіе примѣры.

бовалось качественное измѣненіе, организація его на новыхъ началахъ. Что старая форма хозяйства, которую лучше всего назвать ремесленно - земледѣльческой, съ сильнымъ перевѣсомъ натуральнаго хозяйства, давно уже исчерпала свои производительныя потенціи, лучше всего свидѣтельствуетъ отсутствіе повышенія емкости территоріи относительно населенія, неподвижное состояніе послѣдняго втеченіе 18-го вѣка [1]).

Никогда еще не было такого одновременнаго совпаденія кризиса политическаго, финансоваго и экономическаго, какое имѣлось во Франціи предъ революціей. Революція внесла обновленіе во всѣ сферы жизни, въ частности, она была и экономической революціей. Судорожнымъ усиліемъ она вывела французское народное хозяйство изъ состоянія застоя и вызвала къ жизни, а еще болѣе освободила дремлющія силы новаго—капиталистическаго—развитія.

Не будемъ тратить много словъ на выясненіе значенія революціи, болѣе или менѣе общеизвѣстнаго. Революція смела остатки феодализма, стѣсненій промышленной жизни; въ области экономической жизни она явилась осуществленіемъ освободительныхъ

---

[1]) Естественно, что точной статистики населенія въ XVIII вѣкѣ не существуетъ, и данныя шатки и противорѣчивы. (Точку опоры для сужденія о населеніи въ концѣ XVII вѣка даетъ извѣстное сочиненіе *Vauban*, La dîme royale, а для средины вѣка исчисленія очаговъ (feu), по которымъ можно предположительно опредѣлить населеніе). Тѣмъ не менѣе мнѣніе о неподвижномъ состояніи населенія въ XVIII вѣкѣ раздѣляется напр. Тэномъ (L'Ancien Régime, 430, прим. 1). Л. де-Лавернь сообщаетъ: „вслѣдствіе уменьшенія населенія, которое наблюдается въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV, съѣстные припасы понизились въ цѣнѣ; цѣна на хлѣбъ, которая была на Парижскомъ рынкѣ 17 ф. за гектолитръ, въ теченіе трехъ послѣднихъ четвертей столѣтія упала болѣе чѣмъ на треть". (*Lavergne.* Les économistes français, 93).—Замѣчательно, что при всемъ отвращеніи французовъ къ эмиграціи—Франція имѣетъ самый низкій и, въ общемъ, совершенно незначительный процентъ эмиграціи,—въ XVIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ жалобы и на эмиграцію. Галантный Маго напр. выражаетъ свои сожалѣнія въ слѣдующей забавной тирадѣ, которую я боюсь испортить переводомъ: „quoique la France par la bonté de son climat, la fécondité de son sol, les plaisirs qu'on y trouve, l'élégance de son luxe, les charmes de la société, les agréments de celui de deux sexes qui attire l'autre, semble devoir fixer dans son sein ceux qui ont le bonheur d'y être nés, il n'est peut être point d'état dans lequel l'émigration cause les maux plus sensibles" (*Maheau.* Récherches et considerations sur la population de la France, Paris. 1778. I, 243).

стремленій физіократовъ, торжествомъ принципа индивидуализма въ народномъ хозяйствѣ. Ни на чемъ такъ благодѣтельно не сказалось это освободительное дѣйствіе революціи, какъ на сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ вслѣдъ за отмѣной (большей частью безвозмездной) феодальныхъ правъ, вступилъ въ дѣйствіе Code Napoléon, кодексъ хозяйственнаго индивидуализма, гдѣ были брошены на рынокъ и подверглись живительному дѣйствію гражданскаго оборота мертвыя до сихъ поръ экономически имѣнія main morte и аристократіи, принадлежавшія рожденію и привиллегіи, а не хозяйственной энергіи и искусству [1]).

Открывающаяся теперь предъ нами эпоха,—первой половины *XIX* вѣка, представляетъ собою самое интересное время въ новѣйшей французской экономической исторіи, ибо именно въ это

---

[1]) *Arnauné* слѣдующимъ образомъ изображаетъ это значеніе революціи въ сводномъ руководствѣ *Lavisse el Rambaud.* Histoire générale, tome VIII, p. 620—1: „если допустить, вмѣстѣ съ наибольшими авторитетами, что та часть земельныхъ имуществъ духовенства, которая была отчуждена, составляла милліардъ, что имущества эмигрантовъ могли стоить до $1^1/_2$ милліардовъ, можно думать, что десятая часть поземельнаго богатства страны была отдана на аукціонную продажу революціей. Не все перешло къ крестьянамъ; но невозможно, чтобы мелкая собственность не увеличилась благодаря этой земельной операціи. Земля не только была раздроблена въ большей степени, чѣмъ это было до сихъ поръ, но она была освобождена. Старыя церковныя имѣнія были освобождены отъ мертвой руки и вошли въ гражданскій оборотъ. Имѣнія, которыми уже владѣли сельскіе собственники, были освобождены отъ феодальныхъ повинностей, а также и нѣкоторыхъ другихъ. Завоеваніе земли крестьяниномъ было полное. Сначала онъ былъ на ней рабомъ, почти на тѣхъ же правахъ, какъ животное, употребляемое въ хозяйствѣ; рабочаго оспариваютъ другъ у друга и благодаря тому поднимается его цѣна; чтобы удержать его на землѣ, его освобождаютъ и даютъ ему даже землю за извѣстныя повинности и уплаты. Въ теченіе столѣтій освобожденіе раба и сдача земли въ аренду освобожденному рабу распространяются на всѣ провинціи. Такимъ образомъ, возникаетъ свободный земледѣлецъ-арендаторъ. Онъ становится собственникомъ подъ условіемъ уплаты чинша или опредѣленной феодальной ренты и разныхъ другихъ феодальныхъ правъ. Наканунѣ революціи нѣкоторыя изъ этихъ феодальныхъ повинностей въ значительной мѣрѣ были облегчены... Законодательство Конституанты отмѣняетъ, наконецъ, феодальныя повинности; что же касается платежей нефеодальнаго характера, которыя Національное Собраніе объявило подлежащими выкупу, то крестьянинъ освободился отъ нихъ, сжигая архивы съ документами. Съ другой стороны, десятина была отмѣнена. Собственность была освобождена, укрѣплена, упрощена. Земледѣліе могло лишь выиграть отъ этого“.

время создавались основы того народнохозяйственнаго строя, который мы имѣемъ теперь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это самая темная, мало изученная и мало обслѣдованная эпоха французской исторіи. Политическія бури, ее ознаменовавшія, и экономическій романтизмъ въ наукѣ (каковымъ является такъ называемый французскій утопическій соціализмъ) каждое по своему мѣшали научному изслѣдованію дѣйствительности. Намъ приходится характеризовать эту эпоху болѣе на основаніи гаданій и аналогій, нежели фактовъ.

Общій итогъ новаго направленія народнохозяйственнаго развитія выразился въ чрезвычайно значительномъ приростѣ населенія. Мы знаемъ, что въ *XVIII* вѣкѣ Франція страдала перенаселеніемъ, хотя населеніе ея, въ общемъ, было неподвижно. Революція дала такой сильный толчекъ общей экономической жизни страны, что онъ тотчасъ же отразился на этомъ народнохозяйственномъ барометрѣ. Не взирая на всѣ человѣческія жертвы, которыхъ стоили войны и революціонныя бури, населеніе Франціи обнаруживаетъ столь значительный приростъ, что онъ является самымъ высокимъ въ теченіе всего XIX столѣтія. Вотъ, для сравненія, цифры движенія французскаго населенія съ 1820—21 года.

Годы.	Населеніе.	Годичный приростъ.
1820/21	22 871,176	0,87
1825/26	31.129,507	0,81
1830/31	31.787,900	0,41
1835/36	32.759,829	0,59
1840/41	33.406,864	0,39
1845/46	34.546,975	0,66
1850/51	34.901,938	0,20
1855/56	35.174,124	0,15
4860/61	39.844.902	0,37
1865/66	36.495,489	0,36
1870/71	36.102,921	0,18
1875/76	36.905,788	0,54
1880/81	37,672,048	0,41
1885/86	38.218,903	0,29
1890/91	38.343,192	0,07
1895/96	38.517,975	0,09 [1])

[1]) Заимствую этотъ подсчетъ у *Rauchberg*'а: Bevölkerungswesen (Bevölkerungsbewegung der neuesten Zeit) въ Handw. d. Staatsw., 2-te Aufl., I, 656.

Особенно любопытно при этомъ то обстоятельство, что усиленный приростъ населенія, по крайней мѣрѣ, въ періодъ 1801—1846 годовъ [1]), распространяется рѣшительно на всѣ департаменты Франціи, какъ промышленные, такъ и земледѣльческіе, которые во второй половинѣ XIX вѣка уже теряютъ свое населеніе. Это показываетъ, что увеличеніе емкости территоріи относительно населенія обязано не только промышленности, но и земледѣлію.

У насъ нѣтъ точныхъ и прямыхъ данныхъ о развитіи французской промышленности въ эту эпоху (если не считать отрывочныхъ цифръ относительно нѣкоторыхъ отраслей производства). Что индустріализмъ развивался во Франціи за это время довольно интенсивно, косвенно можно судить по даннымъ о развитіи городского населенія, которыя имѣются въ статистикѣ, начиная съ 1846 года. Къ концу *XVIII* вѣка городское населеніе, какъ мы знаемъ, составляло не болѣе 10% всего населенія. Въ 1846 году процентъ городского населенія составляетъ уже 24,4%, и съ тѣхъ поръ непрерывно растетъ, равняясь въ 1891 (пока послѣднемъ отчетномъ году) уже 37,4%. Конечно, промышленное населеніе не совпадаетъ съ городскимъ (послѣднее для насъ особенно интересно, какъ рынокъ для земледѣльческихъ продуктовъ), но вотъ цифры относительно распредѣленія населенія Франціи по профессіямъ:

	На 10,000 приходилось.			
	Земледѣліе.	Промышленность.	Торговля.	Либеральныя профессіи.
1851	5,627	2,768		1,115
1856	5,294	2,907	453	906
1861	5,316	2,735	392	919
1866	5,149	2,879	399	948
1872	5,271	2,406	843	1,116

Ср. также сопоставленія *Foville*. La France économique, стр 10. Также *L. de Lavergne*, Agriculture et population, 316.

[1]) Подробныхъ свѣдѣній о ростѣ населенія по провинціямъ здѣсь не привожу, чтобы не злоупотреблять терпѣніемъ читателя. Желающіе провѣрить сказанное могутъ обратиться или къ *Levasseur*'у: La population française, I, 400 слл. или къ оффиціальнымъ изданіямъ: Dénombrement de la population (изданія Ministère de la commerce и Ministère d'interieur. Послѣдніе изданіе 1896 года).

	На 10,000 приходилось.			
	Земледѣліе.	Промышленность.	Торговля.	Либеральныя профессіи.
1876	5,304	2,593	1,033	1,030
1881	5,003	2,556	1,053	1,016
1886	4,772	2,517	1,150	1,109
1891	4,733	2,589	1,076	1,082 [1])

Слѣдуетъ особо отмѣтить, что съ средины 40-хъ годовъ во Франціи начинается постройка желѣзныхъ дорогъ, прорѣзающихъ страну во всѣхъ направленіяхъ [2]).

Всѣ эти обстоятельства могли имѣть только одно значеніе для земледѣлія: они создавали ему внутренній, непрерывно растущій рынокъ, содѣйствуя утратѣ прежняго натуральнохозяйственнаго характера земледѣлія и превращенію его въ рыночное производство. Первая половина XIX вѣка отмѣчена непрерывнымъ ростомъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты, подъ вліяніемъ расширенія рынка. Цѣна гектолитра пшеницы — въ среднемъ по 10-лѣтіямъ — измѣнялась такъ (въ франкахъ и сантимахъ):

	Фр.	С.
1806—10	19	94
1811—20	24	61
1821—30	18	38
1831—40	18	94
1841—50	19	74
1851—60	22	11

Исключительно высокія цѣны перваго и особенно второго десятилѣтія XIX вѣка объясняются военнымъ временемъ [3]). Намъ

---

[1]) Статистическія данныя тамъ, гдѣ не показанъ спеціально источникъ, заимствуются изъ оффиціальной статистической литературы. Въ частности этотъ послѣдній подсчетъ заимствованъ изъ Dénombrement de la population.

[2]) Начало постройки желѣзныхъ дорогъ во Франціи относится къ 1838 году. Въ 1840 году было желѣзныхъ дорогъ въ общей сложности 427 километровъ, въ 1860—9,439, въ 1870—17,462, въ 1880—26,191, въ 1890—36,672, въ 1897—41,342 (Статья *Wiedenfeld*'a: Eisenbahnstatistik въ Handw. d. Staatsw. 2-te. Aufl., II, 578).

[3]) Это время характеризуется и наибольшими колебаніями цѣнъ: разница между максимальной и минимальной цѣной въ періодъ 1800—10 гг. 10 фр. 67 сант., а 1811—20 гг. 15 фр. 27 сант., между тѣмъ двухъ слѣдующихъ десятилѣтій 7 фр. 10 сант. и 6 фр. 89 сант.

уже извѣстно, что поднятіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты составляетъ самое важное условіе для роста интенсивности и производительности земледѣлія. У насъ нѣтъ статистическихъ данныхъ относительно первыхъ трехъ десятилѣтій; сравненіе можетъ быть сдѣлано лишь для средины XIX вѣка. Измѣненія въ площади воздѣлыванія мы можемъ опредѣлить для періода 1840—1862. Земледѣльческая площадь увеличилась за это время съ 25,227 тысячъ гектаровъ до 26,569 тысячъ; напротивъ, площадь „landes et terres incultes“ уменьшилась съ 9,191 тысячи гектаровъ до 7,346. Ростъ интенсивности хозяйства явствуетъ изъ разныхъ признаковъ. Прежде всего объ этомъ свидѣтельствуетъ сокращеніе площади подъ паромъ (jachères) съ 6,763,281 гектара въ 1840 году до 5,147,862 гектаровъ въ 1862 (не взирая на общій ростъ воздѣлываемой площади). Еще болѣе это явствуетъ изъ роста какъ общаго производства разныхъ хлѣбовъ, такъ и средней производительности гектара. Сравненіе мы можемъ сдѣлать для періода 1834 — 43 и 1856 — 65 годовъ: среднее годовое производство всѣхъ хлѣбовъ возрасло за это время на 45.073,843 гектара (цифра 1834—43 годовъ— 198.980,997).

Средняя производительность гектара.

	1840	1862
Пшеница . . .	12,45	14,69
Рожь	10,79	12,91
Ячмень	14,02	18,87
Овесъ	16,30	24,40
Маисъ	12,06	14,75
Греча	13,01	16,26

Можно сопоставить еще среднюю производительность съ гектара въ деньгахъ, что дастъ общіе результаты повышенія какъ средней производительности гектара, такъ и цѣнъ.

	1834—43 франки.	1856—65 франки.	Разница франки.
Пшеница . . .	197	272	75
Рожь	116	194	78
Ячмень	116	224	108
Овесъ	101	191	90
Маисъ	113	214	101
Греча	94	183	88

Также расло и скотоводство, какъ въ цѣляхъ молочнаго, такъ и мясного хозяйства. Что касается послѣдняго, то количество мяса, полученное отъ убоя скота, составляло въ килограммахъ.

	1840.	1860.	Цѣна килограмма. 1840. фр. с.	1862. фр. с.
Говядина .	309.655,734	479.960,724	6,75	1,11
Баранина .	81.579,706	114.807,913	0,80	1,24
Свинина . .	290.446,475	377.703,832	0,84	1,26
Всего .	681.681,915	972.472,469	—	—

Довольно цифръ. Очевидно, и во Франціи мы наблюдаемъ то же, что мы привыкли наблюдать и въ другихъ государствахъ: повышеніе производительности земледѣлія какъ тѣнь идетъ за развитіемъ рынка и слѣдующимъ въ результатѣ его повышеніемъ цѣнъ, является, если не прямой, то отраженной функціей первыхъ стадій развитія капитализма [1]).

Что касается внутренней организаціи земледѣлія за это время и происходившихъ въ ней измѣненій, мы почти ничего не знаемъ и принуждены довольствоваться одними предположеніями.

Для сужденія о взаимномъ отношеніи крупнаго и мелкаго хозяйства въ разсматриваемый періодъ у насъ есть слѣдующіе отправные пункты. Намъ извѣстно, съ одной стороны, что площадь крупнаго хозяйства предъ революціей была совсѣмъ незначительна (какъ мы видѣли, ее опредѣляли отъ шестой до седьмой доли всей обрабатываемой земли). Въ 1882 году крупная культура выше 40 гектаровъ занимала 44,96% всей площади. Конечно, 40 гектаровъ слишкомъ низкая граница для опредѣленія крупной культуры, особенно въ цѣляхъ сравненія съ XVIII вѣкомъ. Тѣмъ не менѣе мы необходимо должны признать, что площадь крупнаго хозяйства въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII увеличилась. Кромѣ того, есть основанія думать, что съ 60-хъ годовъ она скорѣе убываетъ и во всякомъ случаѣ едва-ли увеличивается. Если такъ, то эпоха главнаго расширенія крупнаго хозяйства во Франціи приходится на первую половину

[1]) Историкомъ французскаго земледѣлія въ это время является Леонсъ де-Лаверн въ своей книгѣ Economie rurale de la France depuis 1789. Paris. 1860. Здѣсь дана характеристика состоянія земледѣлія по различнымъ районамъ.

XIX вѣка; это является естественнымъ продолженіемъ тенденціи къ концентраціи хозяйства, которую мы отмѣтили предъ революціей. Капитализмъ проникалъ и въ земледѣліе.

Однако это вовсе не значитъ, чтобы расширеніе крупнаго хозяйства сопровождалось гибелью крестьянскаго хозяйства. Совсѣмъ напротивъ. Мы знаемъ, что революція бросила на рынокъ массу земель, часть которыхъ—большая или меньшая, это спорно—не могла не попасть въ руки крестьянъ. Они вышли изъ революціи во всякомъ случаѣ не потерявшими своихъ земельныхъ владѣній; революція ни въ какомъ случаѣ не была для нихъ экспропріаціей, какъ освобожденіе крестьянъ въ Германіи и „огораживанье“ въ Англіи. Если опять таки сравнивать два крайніе момента, то мы будемъ имѣть въ качествѣ несомнѣннаго вывода, что крестьянская собственность не уменьшилась, а увеличилась въ теченіе XIX вѣка. Прямыхъ данныхъ о распредѣленіи собственности, нѣтъ, есть статистика податныхъ единицъ — côtes foncières [1]). Для 1881 года Фовиль [2]) даетъ слѣдующую группировку земельной собственности. (См. стр. 173).

Для 1884 года проф. Левитскій [3]) даетъ болѣе удобную группировку.

	На 1,000 владѣній.	На 1,000 гекторовъ.
Мелкая собственность (0—10 ha). .	921	355
Средняя собственность (10—40) . . .	66	258
Крупная собственность (40 и выше).	13	387

[1]) Côte foncière считается участокъ, лежащій въ данной коммунѣ и составляющій собственность одного лица; но если одинъ участокъ лежитъ въ двухъ или нѣсколькихъ коммунахъ, или одно лицо владѣетъ нѣсколькими участками, лежащими въ разныхъ коммунахъ, то одна собственность зачисляется какъ нѣсколько côtes foncières. Потому число этихъ послѣднихъ какъ правило превышаетъ число собственниковъ, и количество côtes foncières разныхъ размѣровъ служитъ только *косвеннымъ* показателемъ распредѣленія земельной собственности. Однако этими данными можно пользоваться, въ особенности для *сравненія* разныхъ періодовъ, не забывая, конечно, о приблизительности этихъ данныхъ. Въ пригодности статистики о côtes foncières для экономической характеристики убѣждаетъ въ особенности общее соотвѣтствіе территоріальнаго распредѣленія côtes foncières и размѣровъ хозяйствъ.

[2]) *Alfred de Foville.* Le morcellement. Paris. 1885. стр. 91.

[3]) Проф. *Левитскій.* Сельскохозяйственный кризисъ во Франціи, стр. 32. Это сочиненіе представляетъ исчерпывающее фактическое описаніе французскаго земледѣлія въ эпоху кризиса.

ГРУППИРОВКА ФОВИЛЯ.	Число.	%.	Площадь.	%.
Очень мелкая собственность (ниже 2 гектаровъ)	10,426,368	74,09	5,211,456	10,53
Мелкая собственность (2—6 гектаровъ)	2,174,188	15,47	7,593,347	15,26
Средняя собственность (6—50 гектаровъ)	1,351,499	9,58	19,217,902	38,94
Крупная собственность (50—200 гектаровъ)	105,070	0,74	9,398,057	19,04
Очень крупная собственность (выше 200 гектаровъ)	17,676	0,12	8,017,542	16,29
	14,074,801	100	49,388,304	100

И по тому и другому расчету земли мелкихъ собственниковъ (до 10 гектаровъ) можно смѣло опредѣлить въ $^1/_3$ всей территоріи; между тѣмъ, къ крестьянамъ же относятся въ большинствѣ случаевъ и средніе собственники,—площадь тѣхъ и другихъ, сосчитанная вмѣстѣ, составляетъ около $^2/_3$ всей территоріи. Между тѣмъ предъ революціей доля всего третьяго сословія, т. е. крестьянъ и буржуазіи, составляла $^1/_3$, а долю собственно крестьянскаго населенія опредѣляютъ значительно ниже [1]). Мы должны поэтому признать, что площадь крестьянскаго землевладѣнія значительно расширилась послѣ революціи. Въ извѣстной мѣрѣ это было дѣломъ самой революціи и распродажи съ аукціона массы земель, часть которыхъ попала въ крестьянскія руки. Но въ извѣстной мѣрѣ это былъ и естественный результатъ „conquête de la terre par paysan“, какъ выражаются иногда во французской литературѣ, результатъ процесса, происходившаго въ XIX вѣкѣ [2]). Косвенное опять-таки подтвержденіе этому мы имѣемъ

[1]) Ср. Карѣевъ, стр. 107, Ковалевскій I, 40.

[2]) Въ точности мы совершенно ничего не знаемъ объ исторіи этого процесса укрѣпленія крестьянской собственности, не знаемъ, между прочимъ, какую роль здѣсь играла гипотечная задолженность крестьянства, хотя можно предполагать, что, вѣроятно, нерѣдки были случаи, когда земля пріобрѣталась и въ долгъ. Но во всякомъ случаѣ мы должны отвергнуть какъ совершенную фантазію, которая проистекаетъ изъ теоре-

въ статистикѣ тѣхъ же côtes foncières, количество которыхъ увеличивается быстрѣе населенія, что свидѣтельствуетъ о происходящей парцелляціи земельной собственности. Вотъ сопоставленія Фовилля [1]):

	Côtes foncières.	Число жителей на каждую côte.
1826.	10.296,693	3,09
1835.	10.893,527	3,05
1842.	11.511,841	2,99
1848.	12.059,172	2,95
1851.	12.394,366	2,88
1858.	13.118,723	2,77
1861.	13.658,018	2,74
1865.	14.027,996	2,71
1871.	13.820,655	2,64
1875.	14.061,294	2,61

Итакъ, мы имѣемъ, съ одной стороны, расширеніе крупнаго хозяйства, съ другой,—ростъ и укрѣпленіе крестьянской собственности.

Такой характеръ эволюціи ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ, на большинство изъ которыхъ не можетъ быть дано отвѣта за недостаткомъ данныхъ. Прежде всего, кто были эти новые крупные землевладѣльцы, которые повели земледѣліе на крупнокапиталистическихъ началахъ? Можно предположить, что въ зна-

---

тическаго предразсудка и не можетъ быть подтверждена никакими историческими данными, слѣдующее утвержденіе Маркса (относящееся къ 50-мъ годамъ XIX вѣка): „крестьянская парцелла есть лишь предлогъ, дозволяющій капиталисту извлекать съ поля ренту, прибыль, процентъ и предоставлять самому земледѣльцу заботу о томъ, чтобы какъ-нибудь получить свою заработную плату. Ипотечный долгъ, тяготѣющій на французской землѣ, обязываетъ французское крестьянство платить годичные проценты въ такомъ количествѣ, какъ процентныя уплаты по всему британскому государственному долгу. Парцеллярная собственность благодаря этой рабской зависимости отъ капитала, къ которой неизбѣжно ведетъ ея развитіе, превратила массу французской націи въ троглодитовъ“ (*Marx.* Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. 3-te Auflage. Hamburg. 1885. Стр. 101). Ср. еще замѣчанія Энгельса въ путевомъ отрывкѣ „Von Paris bis Bern“ въ Neue Zeit, 1899.

[1]) *A. de Foville.* Le morcellement, 65. Данныя 1816 и 1821 годовъ оставляемъ за ихъ несравнимостью (ср. тамъ же, 62—3).

чительной мѣрѣ это были новые люди, не старое дворянство, а „среднее сословіе“. Извѣстно, что въ руки этого средняго сословія переходили земли изъ рукъ разоряющагося дворянства въ теченіе всего XVIII вѣка. Это перемѣщеніе имѣло огромное соціальное и политическое значеніе, создавая реальныя основанія для формулы Сійэса, что „третье сословіе это все“, но осязательные экономическіе его результаты пока были слабы: перемѣна собственности не всегда сопровождалась измѣненіями въ характерѣ культуры, для чего не пришло еще время. Тенденція къ концентраціи фермъ, какъ мы видѣли, была только въ началѣ. Въ огромномъ количествѣ въ руки буржуазіи перевела земельную собственность революція распродажей съ аукціона клерикальныхъ и дворянскихъ имѣній. Старыя, аристократически-феодальныя формы собственности были разрушены, настало время буржуазной собственности, собственности Code Napoléon. Откуда взялись капиталы для воздѣлыванія этихъ земель? Былъ ли это давнишній плодъ „первоначальнаго накопленія“, добыты ли они наложеніемъ гипотеки,— мы ничего не знаемъ.

Далѣе возникаетъ вопросъ: откуда взяло крупное производство наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, потребность въ которыхъ возрасла вмѣстѣ съ его собственнымъ ростомъ. Здѣсь мы подходимъ къ основной особенности французской исторіи, кладущей печать оригинальности на эту послѣднюю и имѣющей капитальное значеніе для всей дальнѣйшей экономической исторіи Франціи. Мы знаемъ, какъ возникало крупное производство въ Англіи и Германіи: оно возникало благодаря экспропріаціи, которая приносила съ собой, съ одной стороны, земли, а съ другой, классъ обезземеленныхъ, „свободныхъ“ рабочихъ. Въ этомъ смыслѣ происхожденіе крупнаго земледѣлія было экономически революціонно. Напротивъ, во Франціи, хотя новая, буржуазная, земельная собственность родилась вмѣстѣ съ политической революціей, происхожденіе крупнаго хозяйства явилось результатомъ долгаго эволюціоннаго процесса, корни котораго восходятъ къ XVI вѣку и въ исторіи котораго революція послужила лишь толчкомъ. Крупное хозяйство существовало во Франціи до революціи, и до революціи было уже сословіе наемныхъ рабочихъ. Революція, вмѣстѣ съ тѣмъ, не обезземелила крестьянства, а наоборотъ, укрѣпила его собственность. Слѣдовательно, изъ этого источника недостатокъ въ наемныхъ рабочихъ восполненъ быть не можетъ. Но остается

одна категорія, на счетъ которой выиграло крупное производство и землями и—что еще важнѣе—рабочей силой: это половники, обширный классъ земледѣльческаго пролетаріата. У насъ нѣтъ никакихъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, но мы вынуждены предположить, что значительная масса этихъ половниковъ была превращена въ наемныхъ рабочихъ (другая же часть, болѣе счастливая, составила контингентъ растущаго крестьянства). За вѣроятность именно такого хода эволиціи говоритъ цѣлый рядъ соображеній. Прежде всего, сопоставляя фактъ роста крупнаго производства, съ одной стороны, и крестьянской собственности съ другой, мы должны въ качествѣ исключеннаго третьяго предположить, что есть одна только группа, на счетъ которой могли укрѣпляться эти обѣ категоріи,—это половничество. Половничество было формой аграрнаго пауперизма, составлявшаго результатъ земледѣльческаго безвременья (вслѣдствіе общаго хозяйственнаго застоя) въ соединеніи съ аграрнымъ перенаселеніемъ. Стремленіе къ концентраціи фермъ, оборотная сторона чего есть изгнаніе половниковъ (въ классическомъ выраженіи это явленіе мы будемъ изучать въ Ирландіи), обнаружилось еще до революціи. Всего естественнѣй предположить, что, съ измѣненіемъ общихъ экономическихъ условій въ благопріятномъ для земледѣлія смыслѣ послѣ революціи, эта тенденція усилилась съ дальнѣйшимъ проникновеніемъ въ деревню буржуазіи. Крестьянство распалось на двѣ, уже рѣзко различныя между собою, части: пролетаріатъ и мелкихъ собственниковъ [1]). Такимъ образомъ, слѣдуетъ предположить (еще разъ оговариваюсь, что это лишь умозаключенія, лишенныя фактической опоры), что и во Франціи, если не было въ столь широкихъ размѣрахъ экспропріаціи какъ въ Англіи и Германіи, но частичная экспропріація имѣла мѣсто. Сельскохозяйственные рабочіе во Франціи, слѣдовательно, двоякаго происхожденія: до-революціоннаго, даже еще средневѣковаго, и послѣ-революціоннаго, новѣйшаго.

[1]) Общее число половниковъ, до революціи составлявшихъ большую часть земледѣльческаго населенія, черезъ 100 лѣтъ, въ 1892 году составляло всего 344,168 или 7,18% всего земледѣльческаго рабочаго населенія (4.792,814), а площадь воздѣлываемой ими земли 3,767 тысячъ гектаровъ изъ общей площади воздѣлываемой земли (безъ лѣса) въ 34, 720,2 или около 10%. Извѣстно, что съ 1862 года число половниковъ не подвергалось значительнымъ измѣненіямъ. Уже изъ этого одного слѣдуетъ, что половничество, по словамъ Юнга встрѣчавшагося въ $^7/_8$ Франціи, дошло до скромныхъ 7,18% въ первую половину XIX вѣка.

Еще вопросъ: было-бы во Франціи то состояніе общаго перенаселенія, которое мы наблюдали въ началѣ капиталистическаго развитія въ Англіи и Германіи и назвали тамъ предкапиталистическимъ? Какъ мы знаемъ, эта форма перенаселенія есть прежде всего деревенская и образуетъ своего рода теплицу для крупнаго земледѣлія, источникъ его благосостоянія и процвѣтанія. Прямыхъ данныхъ для отвѣта и на этотъ вопросъ нѣтъ. Но слѣдуетъ думать, что и во Франціи, можетъ быть, въ слабѣйшей степени имѣли мѣсто тѣ же самыя явленія, что и въ другихъ странахъ. Состояніе Франціи предъ революціей, несомнѣнно, характеризуется какъ состояніе общаго перенаселенія, которое могло быть устранено только переходомъ къ высшей формѣ народнаго хозяйства,—къ развитію индустріализма. Послѣреволюціонная Франція, вѣроятно, еще болѣе страдаетъ—первое время—отъ перенаселенія, нежели до революціи. Для этого существуетъ цѣлый рядъ условій: прежде всего, частичная экспропріація половниковъ, которую мы только что выяснили; затѣмъ, чрезвычайно значительный приростъ населенія, который долженъ быть отнесенъ, съ одной стороны, насчетъ хозяйственнаго прогресса, но съ другой, являлся результатомъ того толчка всей народной жизни, который дала революція. Мы знаемъ уже, что такія потрясенія народной жизни, въ особенности сопровождающіяся измѣненіями въ экономическихъ условіяхъ, вызываютъ болѣе значительный приростъ населенія, чѣмъ въ предшествующую эпоху; населеніе какъ бы пробуетъ помѣстительность новаго народнохозяйственнаго зданія и, въ большинствѣ случаевъ, первое время преувеличиваетъ его дѣйствительные размѣры. Итакъ, оба эти условія говорятъ въ пользу того, что населеніе было достаточно избыточно, чтобы давать надъ собою власть земледѣльческому капиталисту. Но есть условія, которыя вліяли въ обратномъ направленіи. Сюда относится, прежде всего, та же самая причина, которая фигурируетъ и въ ряду причинъ, создавшихъ перенаселеніе,—именно расширеніе крупнаго хозяйства, ибо это послѣднее самымъ фактомъ своего существованія создавало спросъ на рабочую силу. Однако извѣстно, что крупное производство употребляетъ обыкновенно меньше рабочей силы, нежели мелкое производство, имъ вытѣсняемое: разрѣженіе сельскохозяйственнаго населенія, какъ мы не разъ повторяли, есть обычная метода крупнаго производства. Второй причиной является отливъ населенія въ города и

въ промышленность; но мы ничего не знаемъ (до 1846 года) о томъ, какъ интенсивно было это движеніе и способно-ли оно было парализовать перенаселеніе. Есть косвенный (и довольно отдаленный) признакъ, показывающій, что оно не было способно сдѣлать это: признакомъ этимъ служитъ тотъ уже отмѣченный выше фактъ, что приростъ населенія до 1846 года распространялся на *всѣ* департаменты; фактъ этотъ, какъ мы уже замѣтили, служитъ косвеннымъ свидѣтельствомъ тому, что за это время земледѣльческое населеніе вообще растетъ. Слѣдовательно, отсутствуетъ еще обычная въ настоящее время картина убыли населенія или—по крайней мѣрѣ—его застоя въ земледѣльческихъ округахъ. Весьма вѣроятно, что приростъ этотъ приходился въ большей мѣрѣ на долю наемныхъ рабочихъ, чѣмъ на долю крестьянства, въ силу извѣстной разницы въ способѣ размноженія и того и другого. Наконецъ, условіемъ, благопріятнымъ для сельскихъ рабочихъ, являются войны начала вѣка, разрѣжающія населеніе, и, при прочихъ равныхъ условіяхъ, склоняющія чашку вѣсовъ въ сторону превышенія спроса надъ предложеніемъ: съ вліяніемъ войны на судьбы сельскихъ рабочихъ мы уже знакомы изъ исторіи Англіи и Германіи.

Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ, что въ первую половину XIX вѣка Франція—и особенно сельскіе округа ея—были нѣсколько пресыщены населеніемъ, и такимъ образомъ главное условіе благосостоянія капиталистическаго земледѣлія—аграрное перенаселеніе—было на лицо.

Но, какъ и экспропріація, перенаселеніе во Франціи, очевидно, было не такъ значительно и обильно, какъ въ другихъ странахъ, и выселеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ города даетъ себя чувствовать повышеніемъ платы остающихся сравнительно весьма рано. Конечно, жалобы на это повышеніе формулируются какъ жалобы на недостатокъ рабочей силы [1]). Уже въ 1848 году вслѣдствіе

---

[1]) Въ эту эпоху процвѣтанія земледѣлія про жалобы на недостатокъ рабочихъ можно сказать словами Авенеля: „слѣдующее замѣчаніе имѣетъ видъ парадокса, но представляетъ собой строгую истину: недостатокъ рабочихъ рукъ доказываетъ цвѣтущее состояніе земледѣлія. Въ концѣ царствованія Людовика XV жаловались, что земледѣлію не хватаетъ рабочихъ, то же самое во времена Сюлли; и вообще жаловались во всѣ времена сельскохозяйственнаго прогресса. Эта жалоба доказываетъ одно изъ двухъ: или то, что къ воздѣлыванію привлекается площадь большихъ

возмущенія 15-го мая, по требованію Comité du travail, было предписано произвести изслѣдованіе, которое въ числѣ другихъ вопросовъ ставило, между прочимъ, и слѣдующій: „какія средства могли бы удержать сельскохозяйственныхъ рабочихъ отъ эмиграціи въ города, а также направить къ полевымъ работамъ руки, не занятыя въ индустріи [1])?“ Жалобы на недостатокъ рукъ въ это время не свидѣтельствуютъ еще о дѣйствительномъ угнетеніи земледѣлія, но имѣютъ лишь, такъ сказать, симптоматическій характеръ.

Та же особенность экономическаго развитія Франціи имѣетъ и другія послѣдствія, которыя являются по своему значенію безконечно важнѣе указанныхъ и которыхъ удобно коснуться теперь же. Характеръ первоначальной экспропріаціи или—шире—первоначальнаго предкапиталистическаго перенаселенія предопредѣляетъ собою весь характеръ капиталистическаго развитія страны, въ данномъ случаѣ Франціи. Мы видѣли, что въ исторіи Англіи связь населенія съ землей разрывалась насильственно, и огромныя массы населенія оказывались сразу пролетаріями, ждущими своего господина-капитала. То же самое—хотя нѣсколько слабѣе и нѣсколько иначе—было, въ исторіи Пруссіи. Будущіе слуги капитала были на лицо и ожидали своего господина, который, какъ настоящій господинъ, является не прежде, а послѣ слугъ. Во Франціи

размѣровъ, нежели до сихъ поръ, или то, что заработная плата повышается, ибо, когда собственники и фермеры говорятъ, что руки рѣдки, это значитъ, что они находятъ ихъ слишкомъ дорогими и отказываются платить имъ требуемую плату“. (*Vicomte d'Avenel.* Histoire économique etc. I, 181).

[1]) *Levasseur.* La population française, III, 315. Естественно, что, „вопросъ остался безъ отвѣта, а зло, если таковое дѣйствительно существуетъ, безъ исправленія“ (ibid.). „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“ во французской литературѣ, въ сельскохозяйственныхъ обществахъ и прессѣ всплываетъ гораздо раньше, чѣмъ въ Германіи и особенно въ Англіи. Вотъ напр. какъ опредѣляетъ нѣкій Seignouret (сельскій хозяинъ) „обезлюденіе деревень“ (dépopulation des campagnes) уже въ 1864 году въ рѣчи. Note sur la dépopulation des campagnes présentée à la société d'agriculture de la Gironde: „Обезлюденіе деревень, которое мы должны изслѣдовать, состоитъ не въ уменьшеніи количества жителей деревенскихъ общинъ, но именно въ уменьшеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ, въ рѣдкости рукъ, спеціально предназначенныхъ для сельскохозяйственнаго труда и производства питательныхъ продуктовъ“. (*Seignouret.* Essais d'économie rurale et agricole. Paris. 1897. Стр. 175).

онъ не нашелъ слугъ въ такомъ изобиліи какъ въ Англіи и Пруссіи, потому что экспропріація, если и была здѣсь, то въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, а главный контингентъ рабочихъ рукъ доставленъ былъ естественнымъ перенаселеніемъ. Отсюда понятна разница: Англія съ головокружительной быстротой, рядомъ судорожныхъ усилій, дѣлается городской и промышленной страной, и скоро завоевываетъ промышленную гегемонію. Столь же лихорадочнымъ характеромъ отличается развитіе промышленности и городской жизни въ Германіи второй половины XIX вѣка: въ какую-нибудь четверть вѣка она опережаетъ Францію и становится въ первомъ ряду промышленныхъ государствъ, рядомъ съ Англіей. Франція предъ революціей является не менѣе, а скорѣе болѣе развитой экономически страной чѣмъ Германія; она стоитъ немного позади Англіи (для которой еще въ XVIII вѣкѣ она являлась серьезной соперницей), и французская промышленность въ наиболѣе развитыхъ своихъ отрасляхъ имѣетъ уже вѣковую исторію. Въ теченіе первой половины XIX вѣка она въ экономическомъ отношеніи ушла далеко впередъ земледѣльческой Германіи, и тѣмъ не менѣе въ настоящее время она оказывается позади и той и другой, и все болѣе и болѣе затирается въ міровой конкурренціи. Однимъ изъ главныхъ условій является, въ нашихъ глазахъ, отмѣченное (сравнительное) отсутствіе здѣсь экстренныхъ средствъ развитія капитализма въ видѣ массовой экспропоріаціи [1]). Мы видѣли уже изъ статистическихъ данныхъ, какъ медленно, съ какой постепенностью увеличивается во Франціи городское и промышленное населеніе, съ какой вялостью протекаютъ здѣсь всѣ народохозяйственные процессы, какъ слабо пульсируетъ весь общественный организмъ. Въ началѣ вѣка отсутствіе обширнаго пролетаріата помѣшало Франціи стать рядомъ съ Англіей и потягаться съ нею за промышленную супрематію; черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ это было уже поздно. Та же самая причина въ срединѣ вѣка не позволила выдержать болѣе побѣдоносно надвигающуюся

---

[1]) Связь эта ясна для Легуа, который говоритъ: „если сельская эмиграція во Франціи не является настолько быстрой какъ въ Англіи, напримѣръ, гдѣ въ настоящее время только треть занята въ земледѣліи (писано въ 1866 году), это объясняется дробленіемъ земельной собственности, существующимъ въ нашей странѣ“ (далѣе идетъ патріотическая риторика). *Legoyt.* Du morcellement de la propriété en France et dans les principaux états de l'Europe. Marseille. 1865. Стр. 52.

конкурренцію Германіи. Корни теперешняго экономическаго декаданса Франціи нужно искать, такимъ образомъ, за сто лѣтъ тому назадъ,—въ экономическомъ характерѣ французской революціи; отсутствіе злодѣяній, позорящихъ исторію другихъ странъ, какъ напр. Англіи, является причиной теперешняго угнетенія. Исторія не знаетъ человѣческой справедливости...

Возвратимся къ французскому земледѣлію эпохи процвѣтанія. Истиннымъ двигателемъ земледѣльческаго прогресса является растущій рынокъ. Но какая форма земледѣльческаго предпріятія является носительницей этого прогресса? У насъ нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ, остаются гаданія. Позволительно думать, что сельскохозяйственный прогрессъ явился дѣломъ обоихъ усиливающихся въ это время земледѣльческихъ классовъ: крупныхъ капиталистовъ и крестьянскихъ собственниковъ. Приписывать этотъ прогрессъ какому-нибудь одному изъ этихъ классовъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній. Слѣдуетъ замѣтить, что французское земледѣліе производило въ это время на внутренній рынокъ, слѣдовательно, условія сбыта не предоставляли особыхъ преимуществъ крупному производству предъ мелкимъ. Это же подтверждается и имѣющимися у насъ описаніями. Такъ напримѣръ Л. де Лавернь въ своемъ описаніи французскаго земледѣлія въ числѣ мѣстностей съ наиболѣе цвѣтущимъ земледѣліемъ естественно указываетъ на промышленные и густонаселенные департаменты сѣвера Франціи, гдѣ тогда какъ и теперь наиболѣе распространена была мелкая крестьянская культура. „Здѣсь встрѣчается—говоритъ Лавернь,—крупная, средняя и мелкая культура, но господствуетъ мелкая, и она даетъ поразительные результаты“. [1]).

Заслуживаетъ вниманія, что въ XIX вѣкѣ прекращаются во Франціи голодовки, опустошавшія ее въ теченіе всей средневѣковой и новѣйшей исторіи (если не считать отдѣльныхъ недородовъ). Этимъ лучше всего, можетъ быть, характеризуется общественный и сельскохозяйственный прогрессъ Франціи въ XIX вѣкѣ. Не забудемъ, что теперешняя побѣдоносная соперница Франціи Германія знаетъ голодовки до половины XIX вѣка, слѣдовательно, долго спустя послѣ ихъ прекращенія во Франціи.

Нашему изученію подлежитъ теперь эпоха аграрнаго кризиса,

---

[1]) *L. de Lavergne.* L'économie rurale, 71.

первые признаки котораго для Франціи обнаруживаются съ 60-хъ годовъ и который съ теченіемъ времени все усиливается, достигая наибольшей остроты въ наши дни. Вліяніе кризиса обнаруживается для Франціи цѣлымъ десятилѣтіемъ ранѣе, чѣмъ для Германіи (Англію оставляемъ въ сторонѣ, потому что она представляетъ рѣзкое отличіе отъ этихъ обѣихъ странъ). Главная причина этого та, что въ соотвѣтствующій періодъ времени Франція стояла въ промышленномъ отношеніи впереди Германіи, и это выразилось прежде всего въ томъ, что во Франціи не стало хватать собственнаго хлѣба гораздо ранѣе чѣмъ Германіи; въ то время, какъ Германія еще вывозитъ хлѣбъ, Франція давно уже его ввозитъ. Собственно говоря, ввозящей хлѣбъ страной Франція является уже въ началѣ вѣка, но ввозъ этотъ тогда былъ абсолютно и относительно ничтоженъ, къ тому же годы избытка вывоза чередуются съ годами избытка ввоза, встрѣчаясь первое время чаще чѣмъ послѣдніе; съ теченіемъ времени однако такихъ годовъ становится все меньше, а съ средины 70-хъ годовъ и совсѣмъ не встрѣчается (1877 годъ былъ послѣдній, когда было небольшое превышеніе вывоза пшеницы). Вотъ данныя о роли иностранной пшеницы въ потребленіи французскаго народа въ среднемъ по десятилѣтіямъ [1]) (въ тысячахъ гектолитровъ).

	Внутреннее производство.	Перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ.	Вся сумма для потребленія.
1831—1841	68,436	478	68,914
1842—1851	81,041	569	81,611
1852—1861	88,986	1,950	90,936
1862—1871	98,339	3,274	101,613
1872—1881	100,295	10,660	110,955
1882—1891	107,096	15,015	122,111

Ввозъ другихъ хлѣбовъ долженъ быть еще значительнѣе, потому что пшеница является, до извѣстной степени, излюблен-

[1]) Ежегодныя данныя, начиная съ 1831 года, можно найти въ Statistique agricole de la France publié par le ministère de l'agriculture. Résultats généraux de l'enquête décennale de 1892. Paris. 1897. (Цифры эти перепечатаны у г. Левитскаго: l. c., прилож. къ стр. 16). Статистическія данныя касательно эпохи аграрнаго кризиса заимствованы изъ этой превосходной анкеты (а равно и не менѣе превосходной анкеты 1882 года, изд. 1887. Nancy), отчасти также 1862 года, иногда болѣе раннихъ.

нымъ хлѣбомъ французскаго земледѣлія, и ея производство до послѣдняго времени возрастало, между тѣмъ, какъ производство всѣхъ остальныхъ хлѣбовъ (кромѣ овса) идетъ назадъ.

Пониженіе цѣнъ, въ которомъ, какъ мы уже теперь знаемъ, выражается дѣйствіе аграрнаго кризиса, начинается во Франціи для зерновыхъ хлѣбовъ съ 60 годовъ. Это пониженіе, такимъ образомъ, наступаетъ здѣсь раньше, чѣмъ на всемъ міровомъ рынкѣ и есть, очевидно, выраженіе разницы въ условіяхъ производства хлѣба (слѣдовательно, различной напряженности производительныхъ силъ почвы) во Франціи и странахъ, ввозящихъ хлѣбъ. Первое время пониженіе это нестойко и смѣняется даже повышеніемъ, отчасти подъ вліяніемъ войнъ Наполеона III. Вотъ среднія за десятилѣтіе цѣны гектолитра пшеницы.

Годы:	Фр.	С.
1851—60	22	11
1861—70	21	47
1871—80	23	09
1881—90	18	89
1891—96	16	49

Конечно, измѣненія цѣны пшеницы является руководящими и для измѣненій цѣнъ остальныхъ зерновыхъ хлѣбовъ.

Прямымъ отвѣтомъ на это измѣненіе цѣнъ явилось сокращеніе площади зерновыхъ хлѣбовъ, которая составляла въ 1862 году—15,621 тысячу гектаровъ или 28,77% земледѣльческой территоріи, 1882 году—15,096 или 28,56% и въ 1892 году—14,827 или 28,06% общей площади. Нужно, однако, замѣтить, что, не взирая на нѣкоторое сокращеніе земельной площади зерновыхъ хлѣбовъ, культура ихъ на оставшейся площади становилась интенсивнѣе, такъ что общее количество производимой пшеницы (какъ мы видѣли уже изъ одного изъ предшествующихъ сопоставленій) повышалось: пониженіе цѣнъ заставляло, очевидно, выключать изъ состава пшеничной площади лишь худшія земли. Средняя производительность гектара пшеницы возрастала съ 13,99 гектолитровъ въ среднемъ за 10-лѣтіе 1851—60 гг., до 14,28 въ 1861—70 гг., до 14,60 въ 1871—80 гг., до 15,65 въ 1881—90 гг., до 15,83 въ 1891—95 годахъ. Точно также возрасла и средняя производительность единицы площади, заня-

той большинствомъ другихъ зерновыхъ хлѣбовъ (цифрами не буду утомлять читателя) [1]).

Участь зерновыхъ хлѣбовъ раздѣлила и большая часть остальныхъ отраслей земледѣлія: за небольшими исключеніями (вродѣ сахарной свеклы, площадь производства которой выросла съ 136 тысячъ гектаровъ, 0,25% земледѣльческой площади въ 1862 году до 271 тысячи или 1,51% въ 1892) площадь земледѣльческихъ продуктовъ сократилась [2]). Это выражается въ общемъ сокращеніи всей земледѣльческой площади съ 26,559 тысячъ гектаровъ въ 1862 году (что составляло 48,92% всей территоріи) до 25,741 тысячъ (или 48,76%). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что эта площадь, хотя и уменьшившаяся, стала воздѣлываться интинсивнѣе. Объ этомъ можно заключить по непрерывному сокращенію—какъ абсолютному, такъ и относительному—земли подъ паромъ: въ 1862 году она составляла 5,148 тысячъ гектаровъ (9,49% всей площади), въ 1882 году 3,644 тысячи (6,89%), въ 1892 году 3,368 тысячъ (6,37%). [3]).

Наученный опытомъ другихъ странъ, читатель уже a priori предположитъ, что не всѣ отрасли земледѣлія одинаково пострадали отъ кризиса. Сокращеніе земледѣлія сопровождается расширеніемъ скотоводства [4]). Кромѣ условій, коренящихся во вну-

---

[1]) 1892 годъ, когда была послѣдняя анкета, былъ годомъ неблагопріятнаго урожая; потому сравненіе данныхъ о производительности земледѣлія за 1892 годъ приводитъ къ невѣрному заключенію о пониженіи послѣдней, между тѣмъ какъ повышеніе дѣлается очевиднымъ, если сравнивать не отдѣльные годы, а среднія за болѣе обширныя періоды (какъ это и сдѣлано въ анкетѣ: см. стр. 105 и слѣд.).

[2]) Статистическія детали относительно разныхъ отраслей сельскохозяйственныхъ производствъ приводить здѣсь я считаю излишнимъ. Данныя анкеты по этому вопросу перепечатаны у г. Левитскаго: op. cit. passim.

[3]) Такое же значеніе имѣетъ общее расширеніе земледѣльческой площади насчетъ земель, негодныхъ или не воздѣлываемыхъ. Площадь „landes et terres incultes“, въ 1862 году занимавшая 7,346 тысячъ гектаровъ, въ 1882 году составляетъ уже 6,167 тысячъ, а въ 1892—6,165 тысячъ гектаровъ.

[4]) Нѣкоторое сокращеніе площади виноградниковъ (въ 1862 году 2,321 тысяча гектаровъ, въ 1892 году 1,800 тысячъ) объясняется страшными опустошеніями филоксеры. Этими же опустошеніями (какъ замѣчается въ анкетѣ) объясняется расширеніе въ нѣкоторыхъ департаментахъ площади подъ пшеницей (и, слѣдовательно, соотвѣтственное умень-

тренней организаціи сельскаго хозяйства, здѣсь вліяетъ, прежде всего, то обстоятельство, что конкурренція долгое время была гораздо менѣе чувствительна относительно продуктовъ животноводства нежели земледѣлія. Такъ, напримѣръ, средняя цѣна штуки скота espéce bovine въ 1862 году была 189 франковъ, въ 1882 году 237 и въ 1892 году 212. Цѣна килограмма говядины въ 1862 году была 1 фр. 11 сант., 1882 году 1 ф. 58 с., въ 1892 году 1 фр. 46 с. Соотвѣтственно измѣнялись и цѣны другихъ сортовъ мяса.

Неудивительно, при такихъ условіяхъ, что площадь естественныхъ и искусственныхъ луговъ растетъ; пашня обращается въ естественный или искусственный лугъ. Вотъ главныя цифры (въ тысячахъ гектаровъ):

	1862		1882		1892	
Кормовыя травы и корнеплоды	386	0,71%	1,112	2,64%	1,332	3,16%
Искусственные луга . . .	2,773	5,10%	3,538	6,15%	3,532	6,16%
Естественныя пастбища. .	5,021	9,24%	5,537	10,48%	5,920	11,20%

Сильнѣй всего, очевидно, увеличивалась категорія prés naturels et herbages, болѣе экстенсивная форма пастбищнаго хозяйства.

Расширенію пастбищъ соотвѣтствуетъ общее увеличеніе количества скота, которое однако неравно распредѣляется на различные его виды, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы.

	1862	1882	1892	Разница между 1862 и 1882		Разница между 1882 и 1892	
Лошадей . . .	2,774,432	2,837,952	2,794,529	63,520	2,29%	—43,423	—1,53%
Рогатаго скота	12,368,331	12,997,054	13,708,997	628,723	5,08%	711,943	5,47%
Овецъ. .	29,226,786	23,809,433	21,115,713	—5,417,353	—18,53%	—2,693,720	—11,31%
Свиней	5,811,974	7,145,996	7,421,073	1,335,022	22,98%	274,077	3,83%

шеніе суммы общаго сокращенія пшеничной площади): бывшіе виноградники, опустошенные филоксерой, обращаются подъ пшеничныя поля.

Мы видимъ, съ одной стороны, убыль лошадей (быть можетъ, подъ вліяніемъ сокращенія земледѣльческой площади), но зато ростъ мясного скота,—рогатаго и свиней. Въ анкетѣ 1892 года различные виды животныхъ приводятся къ одному вѣсу, такъ что становится возможнымъ сравнить общій итогъ животноводства 1882 и 1892 годовъ. Оказывается, что французское скотоводство выиграло за десятилѣтіе 192 милліона килограмовъ вѣса скота.

Статистика показываетъ, что въ особенности это увеличеніе скотоводства выразилось въ увеличеніи производства мяса[1]). Въ этомъ отношеніи направленіе французскаго и всего западноевропейскаго земледѣлія одно и то же.

Наряду съ указаннымй измѣненіями въ характерѣ сельскохозяйственнаго производства, симптомомъ аграрнаго кризиса является и сокращеніе сельскохозяйственнаго населенія, не только относительное, но послѣднія десятилѣтія и абсолютное. Намъ уже извѣстно, что деревенское населеніе сокращалось втеченіе всего XIX вѣка; но это сокращеніе само по себѣ еще не свидѣтельствуетъ объ убыли сельскохозяйственнаго населенія. Сокращеніе это относится, прежде всего, на счетъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя оставались еще въ деревняхъ и теперь переходятъ въ города: раздѣленіе общественнаго труда проходитъ глубже, и отдѣленіе города отъ деревни въ современномъ смыслѣ совершается полнѣе. Поэтому было возможно, что, при сокращеніи деревенскаго населенія, сельскохозяйственное населеніе расло, хотя и слабо, до 70-хъ годовъ, съ которыхъ оно начинаетъ идти назадъ. Десятилѣтіе съ 1882 по 1892 даетъ слѣдующія цифры [2]).

---

[1]) Въ общемъ итогѣ, считая какъ французское такъ и привозное мясо, среднее потребленіе на голову населенія возрасло, и, что особенно любопытно, этотъ ростъ приходится въ большей степени на долю сельскаго, чѣмъ городского населенія. Вотъ данныя о потребленіи мяса на голову населенія (въ килограммахъ).

	Городск.	Сельск.	Всякое.	Увеличеніе (съ 1862 до 1882 и 1882 до 1892). Городское.	Сельское.	Всякое.
1862	53,60	18,57	25,92	—	—	—
1882	64,60	21,89	33,05	11,00	3,32	7,13
1892	58,12	26,25	35,59	—6,48	4,36	2,54

[2]) Ср. еще статью *François Bernard.* Dépopulation въ Nouveau Dictionnaire d'économie politique publiée sous direction de Leon Say et Joseph Chailley, томъ I, стр. 694.

	1882	1892	Разница.		Приходится на кв. килом.	
			Абсол.	Относит.	1882	1892
Лицъ активно занятыхъ земледѣліемъ (travailleurs agricoles).	6,913,504	6,663,135	— 250,369	— 3,62	13,08	12,60
Семьи ихъ	11,335,705	10,772,753	— 562,952	— 5,05	21,44	20,38
Всего	18,249,209	17,435,888	— 813,321	— 4,45	34,52	32,98

Дѣйствительное значеніе этого факта [1]) можетъ выясниться для насъ вполнѣ только послѣ того, какъ мы сопоставимъ его съ измѣненіями во внутренней организаціи земледѣлія за тотъ же періодъ; къ изученію ихъ мы теперь и обратимся.

Въ самыхъ общихъ чертахъ измѣненія эти характеризуются слѣдующими данными относительно количества и площади сельскохозяйственныхъ единицъ—exploitations [2])—различныхъ размѣровъ.

---

[1]) Надо думать, что теперь цифра земледѣльческаго населенія еще сократилась. Косвеннымъ подтвержденіемъ этому могутъ служить результаты исчисленія населенія въ 1896 году. Сравнительно съ 1891 годомъ исчисленіе 1896 года обнаружило убыль населенія въ большемъ числѣ департаментовъ: именно въ 1891 году убыль населенія была въ 55 департаментахъ, прибыль въ 32 (въ 1886 въ 58 прибыль, а лишь въ 29 убыль), а въ 1896 году убыль обнаружили уже 63 департамента и прибыль 24 большей частью съ рѣзко выраженнымъ индустріальнымъ характеромъ. Изъ департаментовъ, обнаруживавшихъ убыль населенія въ 1891 году, 51 департаментъ обнаружили ее и въ 1896 году (лишь въ 3 измѣнилось движеніе населенія отъ убыли на прибыль). Это позволяетъ думать, что въ 1896 году продолжался одинъ и тотъ же процессъ, который отмѣченъ въ 1891 году. Ср. Démombrement de la population 1891 и 1896 годовъ.

[2]) Вотъ подлинное опредѣленіе exploitation: „sous le nom d'exploitation il faut comprendre *l'ensemble* des terres cultivées par un seul individu (proprietaire agriculteur, fermier, metayer ou même journalier), cultivant un bien rural comme propriétaire ou comme locataire, et que ces terres forment un tout compact ou soient composées de parcelles éparses". En outre, le nombre des exploitations dans chaque commune doit comprendre: „1. les exploitations situées complètement dans la commune; 2. celles qui chevauchant sur deux ou plusieurs communes ne sont renfermées que pour fraction dans la commune, mais dans le cas seulement où le domicile de l'exploitant se trouve dans la commune".

Число (въ тысячахъ).

	1882		1892		Разница	
	абсолют.	относит.	абсол.	относ.	абсол.	относ.
Менѣе 1 гектара	2,168	38,22	2.235	39,21	+67	+0,99
1 —10 гектаровъ	2,635	46,46	2,618	45,90	—17	—0,56
10—40 гектаровъ	727	12,81	711	12,47	—16	—0.34
Выше 40 гектаровъ	142	2,51	139	2,42	+ 3	—0,02
Всего	5,672		5,703		+31	
	Площадь (въ тысячахъ гектаровъ).					
Менѣе 1 гектара	1,083,8	2,19	1,327,3	2,68	+243,5	+0,49
1 —10 гектаровъ	11,366,3	22,92	11.244,7	22,77	—121,6	—0,15
10—40 гектаровъ	14,845,6	29,93	14,313,4	28,99	—532,2	—0,94
выше 40 гектаровъ	22,296,1	44,96	22,493,4	45,56	+197,3	+0,60
Всего	49,591,8		49,378,4		—213,0	

Такимъ образомъ, общія измѣненія въ распредѣленіи хозяйствъ не особенно значительны [1]). Увеличились двѣ крайнія категоріи, парцеллярныхъ хозяйствъ ниже 1 гектара (и по количеству и по площади) и крупныхъ хозяйствъ свыше 40 гектаровъ (гдѣ уменьшеніе числа сопровождалось увеличеніемъ площади), уменьшились

[1]) Я долженъ, изъ экономіи мѣста, отказаться отъ помѣщенія здѣсь данныхъ объ измѣненіи числа и площади каждаго типа хозяйствъ по каждому изъ департаментовъ Франціи. При значительномъ (87) числѣ этихъ департаментовъ таблица вышла бы слишкомъ велика, и пользованіе ею затруднительно; съ другой стороны, департаменты Франціи настолько мелки, что прослѣживаніе измѣненій каждаго типа хозяйствъ въ каждомъ изъ департаментовъ является работой столь же обременительной сколь неблагодарной. Департаменты должны быть соединены въ группы болѣе обширныхъ размѣровъ, отвѣчающія естественнымъ или историческихъ особенностямъ каждаго района (каковы были старыя провинціи, уступившія мѣсто механическому, даже геометрическому дѣленію на департаменты революціоннаго правительства). Конечно, работа эта должна была-бы быть выполнена редакціей анкеты. Нужно вообще замѣтить, что хотя анкета 1882 и 1892 года во многихъ отношеніяхъ можетъ быть признана образцовой, но въ табличной части она имѣетъ много пробѣловъ: напр. отсутствуютъ подсчеты процентнаго распредѣленія хозяйствъ по департаментамъ (какъ авторъ убѣдился по собственному опыту, задача эта, для которой нужно произвести болѣе тысячи однихъ процентныхъ вычисленій, совершенно превышаетъ индивидуальныя силы). Отсутствуетъ и цѣлый рядъ другихъ свѣдѣній и подсчетовъ, которые имѣются, напр. въ германской переписи. Это ограничиваетъ вообще возможность научнаго использованія французской статистики. Данныя о распредѣленіи хозяйствъ по департаментамъ (почему то только для 1882 года) перепечатаны въ приложеніи къ диссертаціи проф. Левитскаго.

мелкія, отъ 1 до 10 гектаровъ, и среднія, отъ 10 до 40. Однако, категоріи, взятыя нами, еще слишкомъ обширны, чтобы на нихъ можно было остановиться. Присмотримся къ нимъ ближе. Займемся, прежде всего, мелкой крестьянской собственностью отъ 1 до 10 гектаровъ, которая—вопреки нашимъ ожиданіямъ и вопреки опыту Германіи—во Франціи оказывается какъ будто уменьшающеюся. Въ предѣлахъ этой группы анкета различаетъ двѣ подгруппы: самыя мелкія хозяйства отъ 1 до 5 ha и настоящія крестьянскія хозяйства отъ 5 до 10 ha (Свѣдѣнія о площади ихъ отсутствуютъ, но въ данномъ случаѣ достаточно и свѣдѣній объ ихъ количествѣ).

		1882		1892		Разница	
		абсолют. (въ тысячахъ).	относ.	абсолют. (въ тысячахъ).	относ.	абсолют. (въ тысячахъ).	отн.
Хозяйства	1— 5 ha	1,866	32,90	1,830	32,08	—36	—0,82
„	5—10	769	13,56	788	13,82	+19	+0,26
„	1—10	2,635	46,46	2,618	45,90	—17	—0,44

Оказывается, что уменьшилось лишь весьма мелкое крестьянское хозяйство, настоящее же крестьянское хозяйство увеличилось, хотя и меньше, чѣмъ уменьшилась предыдущая группа; въ общемъ статистическомъ итогѣ истинный характеръ развитія скрадывается.

Общее положеніе всего мелкаго хозяйства не свыше 10 гектаровъ можетъ быть, слѣдовательно, охарактеризовано такъ. Вся эта группа въ цѣломъ усилилась и по числу хозяйствъ и по площади, но не всѣ категоріи приняли участіе въ этомъ увеличеніи. Именно увеличились парцеллярныя хозяйства ниже 1 ha, но уменьшились весьма мелкія 1—5 ha, и увеличились крестьянскія 5—10 ha. Дальнѣйшія свѣдѣнія о судьбахъ мелкаго хозяйства мы получимъ еще, когда будемъ изучать сельское населеніе.

Что касается среднихъ хозяйствъ отъ 10 до 40 ha, то всѣ его подгруппы, 10—20 ha, 20—30 ha, 30—40 ha, потеряли въ числѣ, съ той однако особенностью, что потеря эта тѣмъ слабѣе, чѣмъ ниже размѣры хозяйства, и достигаетъ минимальныхъ размѣровъ въ подгруппѣ 10—20 ha. Вотъ цифры (въ тысячахъ):

		1882		1892		Разница	
		абсол.	отн.	абсол.	отн.	абсол.	отн.
Хозяйства	10—20 ha	431	7,60	429	7,53	— 2	—0,07
„	20—30 ha	198	3,49	190	3,33	— 8	—0,11
„	30—40 ha	98	1,73	92	1,61	— 6	—0,12
„	10—40 ha	727	12,81	711	12,47	—14	—0,34

Теперь обратимся къ самой обширной группѣ хозяйствъ выше 40 гектаровъ, вмѣщающей въ себѣ и крупнокрестьянскія хозяйства (отъ 40 до 50 гектаровъ и отъ 50 до 100), и крупное хозяйство (отъ 100 до 200) и очень крупное (отъ 200 до 300), и, наконецъ, латифундіи (свыше 300). Если гдѣ общая цифра можетъ быть совершенно безсодержательна, то именно въ примѣненіи къ столь обширной категоріи, обнимающей такое количество столь разнообразныхъ группъ. Итакъ, обратимся къ дѣйствительному, т. е. детальному знакомству съ дѣломъ. Вотъ свѣдѣнія о числѣ разныхъ хозяйствъ (въ тысячахъ).

	1882		1892		Разница	
	абсол.	отн.	абсол.	отн.	абсол.	отн.
Хозяйства отъ 40 до 50 ha	56	0,98	54	0,93	—2	—0,05
„ „ 50—100 ha	57	1,00	52	0,91	—5	—0,09
„ „ 100—200 ha	21	0,38	23	0,40	+2	+0,02
„ „ 200—300 ha	6	0,11	6	0,11	±0	± 0
„ „ 300—выше	2	0,03	4	0,07	+2	+0,04
Всего . . .	142	2,51	139	2,42	—3	—0,09

Содержаніе этой таблицы можетъ быть резюмировано въ немногихъ словахъ. Крупнокрестьянское хозяйство (40—50 ha и 50—100 ha) потерпѣло безусловное сокращеніе; нѣсколько увеличилась группа крупныхъ хозяйствъ (общее число которыхъ однако не особенно значительно) и *вдвое* возрасло количество латифундій свыше 300 гектаровъ: даже абсолютный приростъ ихъ (въ 2 тысячи) чрезвычайно значителенъ, особенно если принять во вниманіе значительный удѣльный вѣсъ каждой единицы.

Общій итогъ движенія можетъ быть, слѣдовательно, выраженъ такъ: укрѣпленіе крестьянства, сокращеніе среднихъ хозяйствъ, слабое увеличеніе крупныхъ и развитіе латифундій. Мы видимъ здѣсь, хотя и слабѣе выраженный (вслѣдствіе общей вялости экономической жизни теперешней Франціи) тотъ же самый процессъ, что и въ Германіи: латифундіарное вырожденіе части крупнаго хозяйства (чему здѣсь не покровительствуетъ, какъ въ Германіи,

институтъ фидеикоммиссовъ, такъ что явленіе можно наблюдать въ чистомъ видѣ) въ соединеніи съ ростомъ крестьянскаго хозяйства. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы продолжимъ эту параллель [1]).

Чтобы устранить возможность объясненія роста мелкихъ хозяйствъ ниже 1 ha увеличеніемъ числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ—предположеніе, которое, хотя и наглядно противорѣчитъ основнымъ даннымъ анкеты (объ этомъ ниже), но всетаки выставляется иными статистическими мудрецами, не идущими дальше самыхъ общихъ цифръ,—замѣтимъ здѣсь, что территоріально приростъ этотъ падаетъ на тѣ области, гдѣ слабо представлено крупное хозяйство и сильнѣе крестьянское. Сюда относится, прежде всего, сѣверъ Франціи (Pas-de-Calais, Somme, Aisne, Oise, Seine-Inférieure, Eure et Eure-et-Loire), затѣмъ Centre-Ouest (Loire Inférieure, Maine-et-Loire, Vendée, les deux Charentes, Deux-Sèvres, Vienne et Haute-Vienne).

Тамъ, гдѣ усиливается мелкое хозяйство, какъ правило, почти повсюду отступаетъ крупное. Именно весь сѣверъ Франціи отъ Ламанша и Атлантическаго океана и до восточной границы

---

[1]) Нужно замѣтить, что Франція принадлежитъ вообще къ числу странъ, гдѣ концентрація производства не только въ земледѣліи, но и въ обрабатывающей промышленности и торговлѣ является наименьшею. Объ этомъ свидѣтельствуетъ чрезвычайно высокая относительная цифра хозяевъ (chefs) среди каждаго изъ этихъ классовъ. „Активное“ населеніе въ 1891 году распредѣлялось такъ:

	Земледѣліе.	Промышленность.	Транспортъ.	Торговля.
Patrons	20,5	10,7	5	22,2
Employés et commis	0,4	2,2	11,7	9,6
Ouvriers	16,6	34,8	20,5	12,1
	37,5	47,7	37,4	43,9

Наиболѣе концентрировано, какъ и слѣдовало ожидать, транспортное дѣло; наименѣе земледѣліе и торговля; промышленность имѣетъ также значительное число предпринимателей. Къ сожалѣнію, сравнить эти данныя съ данными германской статистики нѣтъ возможности, вслѣдствіе разницы въ способахъ регистраціи.

представляетъ область сокращенія площади крупнаго хозяйства, тогда какъ къ югу, напротивъ, наблюдаются увеличенія.

„Дѣйствительный характеръ измѣненій въ числѣ и площади крупныхъ хозяйствъ—читаемъ мы въ анкетѣ 1892 года—можно понять, раздѣливъ Францію на двѣ большія области, изъ которыхъ одна охватываетъ департаменты, расположенные къ сѣверу Луары и тянущіеся по лѣвому берегу Роны до Изеры, а другая охватываетъ департаменты къ югу отъ Луары. Въ такомъ случаѣ увидимъ, что въ большинствѣ департаментовъ перваго района увеличилось число хозяйствъ среднихъ и мелкихъ насчетъ крупной культуры, площадь которой уменьшилась... Что касается мѣстности къ югу отъ Луары, здѣсь наблюдается сокращеніе числа хозяйствъ свыше 40 гектаровъ и увеличеніе ихъ площади“. Въ числѣ спеціальныхъ причинъ этого явленія указывается на опустошеніе филоксерой, сократившей число хозяйствъ. „Увеличеніе площади крупной культуры къ югу отъ Луары объясняется включеніемъ въ эту категорію хозяйствъ среднихъ размѣровъ, соединившихся въ ограниченномъ числѣ хозяйствъ, которые и управляютъ ими какъ цѣльными имѣніями“.

Отъ измѣненій въ числѣ *хозяйствъ* перейдемъ къ измѣненіямъ въ числѣ *хозяевъ*. Это послѣднее измѣнялось такъ:

Общее число хозяевъ (Chefs d'exploitation).

	1862	1882	1892	Разница между 1862 и 1882 годомъ.		Разница между 1882 и 1892 годомъ.	
				Абсол.	Относительно.	Абсол.	Относительно.
1) Собственники, исключительно воздѣлывающіе свое имѣніе, одни или съ помощью своей семьи или другихъ (управляющихъ, слугъ и рабочихъ)	1,812,573	2,150,696	2,199,220	+ 338,123	+ 12,13	+ 48,524	+ 2,25
2) Фермеры	1,035,369	968,328	1,061,401	— 67,041	— 6,41	+ 93,073	+ 9,61
3) Половники (métayers)	405,387	341,576	344,168	— 63,811	— 15,73	+ 2,592	+ 0,76
Всего	3,253,329	3,460,600	3,604,789	+ 207,271	+ 6,39	+ 144,189	+ 4,16

Двѣ особенности бросаются въ глаза при разсмотрѣніи этой таблицы. Прежде всего то, что число хозяевъ значительно меньше числа хозяйствъ (exploitations): тогда какъ первое, напр., въ 1892 году составляло около 3,605 тысячъ, число хозяйствъ

было почти вдвое больше, именно 5,703. Этотъ разительный фактъ естественно наводить на мысль, что статистика хозяйствъ не даетъ вѣрнаго представленія о положеніи вещей и что фактическое дробленіе хозяйствъ почти вдвое меньше чѣмъ его показываетъ эта статистика [1]). Нужно предположить, что въ рукахъ большинства хозяевъ находится не одна, а двѣ или нѣсколько парцеллъ; фактъ чрезвычайнаго распространенія и роста числа парцеллъ ниже гектара получаетъ совершенно иное значеніе при свѣтѣ статистики хозяевъ. (Конечно, нѣтъ никакихъ основаній предполагать значительное количество такихъ случаевъ, когда въ однихъ рукахъ скопляется по нѣскольку крупныхъ имѣній; къ тому же общее ихъ количество—2,42%—настолько незначительно, что въ данномъ случаѣ можетъ быть игнорировано; поэтому случаи подобнаго скопленія могутъ быть всецѣло отнесены насчетъ самыхъ мелкихъ, мелкихъ и, можетъ быть, среднихъ имѣній).

Вторая особенность разсматриваемой таблицы состоитъ въ томъ, что она приноситъ новыя и чрезвычайно убѣдительныя доказательства въ пользу существованія отмѣченной уже выше тенденціи къ росту и укрѣпленію крестьянскихъ хозяйствъ. Непрерывное увеличеніе количества сельскихъ хозяевъ, которое мы въ состояніи констатировать уже съ 1862 года, и прежде всего увеличеніе количества собственниковъ, есть несомнѣннѣйшее свидѣтельство роста крестьянскихъ хозяйствъ. Что это такъ, будетъ ясно, если мы вспомнимъ, что для періода 1882—92 года было

[1]) Хотя и безъ того есть изслѣдователи, которые не видятъ еще чрезмѣрнаго дробленія, если земля подѣлена на парцеллы ниже гектара. Такъ напр. Жимель говоритъ: „нельзя было бы сказать, что собственность распыляется (tombe en poussière) потому только, что $^4/_5$ территоріи составляютъ парцеллы свыше 35 аровъ, типъ, желательный по мнѣнію агрономовъ“ и т. д. (*Gimel.* La division de la propriété. Nancy 1883. Стр. 24). Для правильной оцѣнки парцелляціи земли нужно еще не забывать, что во Франціи очень распространено виноградарство и нѣкоторыя другія интенсивныя культуры, при которыхъ площадь менѣе гектара способна занять все рабочее время. Относительное количество виноградниковъ и и садовъ достигаетъ наибольшихъ размѣровъ именно въ хозяйствахъ ниже 1 гектара: площадь виноградниковъ занимаетъ здѣсь 11% всей сельскохозяйственной площади, въ хозяйствахъ 1—10 ha—6%, 10—40 ha — 2,7%, выше 40 ha — 3%, среднее 4,5%. Площадь садовъ въ хозяйствахъ до 1 гектара — 6%, 1 — 10 ha — 1,6%, 10 — 40 ha — 14,3 выше 40 ha — 0,6% въ среднемъ — 1%.

констатировано общее уменьшеніе числа крупныхъ и среднихъ хозяйствъ; слѣдовательно, ростъ числа хозяевъ приходится исключительно на долю мелкихъ хозяйствъ (къ тому же не забудемъ, насколько незначительны абсолютныя цифры крупныхъ и среднихъ хозяйствъ по сравненію съ мелкимъ; между тѣмъ цифра увеличенія хозяевъ весьма значительна).

Познакомимся детальнѣе съ данными статистики хозяевъ. Для этого возьмемъ нѣсколько иную ихъ группировку. Анкета, различаетъ, съ одной стороны, собственниковъ, воздѣлывающихъ свою собственную землю, и съ другой фермеровъ, воздѣлывающихъ исключительно чужую землю, особую группу, наконецъ, составляютъ тѣ, которые, воздѣлывая собственную землю, работаютъ и за счетъ другого, какъ фермеры, рабочіе и т. д.

	1862	1882	1892	Разница между 1862 и 1882 годомъ.		Разница между 1882 и 1892 годомъ.	
				Абсол.	Относит.	Абсол.	Относит
Работающіе за свой счетъ[1]) (pour leur compte)	1,812,573	2,150,696	2,199,220	+ 383,123	+ 18,66	+ 48,524	2,25
Работающіе за свой и за чужой счетъ а) какъ фермеры	648,836	500,144	475,778	— 148,692	— 22,91	— 24,366	— 4,87
в) какъ половники	203,860	147,128	123,297	— 56,732	— 27,83	— 23,831	— 16,19
с) какъ поденщики	1,134,490	727,374	588,950	— 407,116	— 35,40	— 138,424	— 19,03
Работающіе на чужой землѣ а) какъ фермеры . . .	386,533	468,184	585,623	+ 81,651	+ 21,12	+ 117,439	+ 25,08
в) какъ половники	201,527	194,448	220,871	— 7,079	— 3,51	+ 26,423	13,58

Мы видимъ, съ одной стороны, сокращеніе той промежуточной категоріи, которая соединяетъ работу за чужой и за свой счетъ. Сильнѣе всего это сокращеніе выражено въ группѣ сельскихъ рабочихъ, имѣющихъ клочекъ земли: одновременно съ сокращеніемъ всего числа сельскихъ рабочихъ (о чемъ ниже) сокращается и эта группа. (Нельзя было дать болѣе нагляднаго

[1]) Въ этой группѣ различаются хозяйства, которыя велись самими хозяевами, или при помощи управляющаго (слѣдовательно, завѣдомо крупно-капиталистическія хозяйства). Поучительно, что число послѣднихъ хозяйствъ измѣнялось такъ: въ 1862 году было 10 215, въ 1882 году—17,966, въ 1892 году — 16,091. (См. таблицы, стр. 248).

опроверженія фантастическому утвержденію, будто теперешнее состояніе характеризуется увеличеніемъ такихъ хозяйствъ, въ которыхъ соединяется воздѣлываніе собственнаго клочка земли и наемный трудъ въ крупномъ хозяйствѣ). Двѣ остальныя группы этой категоріи также сократились, но сокращеніе это (имѣвшее, быть можетъ, причиной превращеніе ихъ въ полныхъ собственниковъ) съ избыткомъ компенсируется увеличеніемъ количества арендаторовъ, работающихъ только на чужой землѣ. Несомнѣнно— объ этомъ свидѣтельствуютъ уже значительныя абсолютныя цифры категоріи фермеровъ и ея увеличенія,—дѣло идетъ не о развитіи крупныхъ капиталистическихъ арендъ, а о ростѣ мелкихъ крестьянскихъ. Какъ и въ Германіи, и здѣсь мелкая аренда оказывается одной изъ формъ ликвидаціи крупнаго хозяйства и однимъ изъ средствъ „завоеванія земли крестьянами“. По мѣрѣ того, какъ одни фермеры, уже болѣе окрѣпшіе и имѣющіе собственность, переходятъ въ разрядъ собственниковъ, достигая высшихъ ступеней лѣстницы, другіе только вступаютъ на ея низшія ступени. Слѣдуетъ отмѣтить, что крупное хозяйство уступаетъ даже такому гнилому и негодному орудію—и въ этомъ нельзя не видѣть хозяйственно-реакціоннаго вліянія современнаго аграрнаго кризиса—какъ натуральная аренда (métayage). Хотя и нѣсколько подновленная и улучшенная, эта форма всетаки представляетъ средневѣковой пережитокъ, вновь извлекаемый на свѣтъ божій и реставрируемый кризисомъ. Когда послѣдній чувствовался еще не такъ больно, какъ теперь, въ періодъ 1862—82 гг., число половниковъ сокращалось (въ обоихъ категоріяхъ: какъ хозяевъ, работавшихъ за свой и за чужой счетъ, такъ и исключительно за чужой), и довольно значительно; въ новѣйшее время дѣло приняло опять иной оборотъ. Можно утѣшаться только тѣмъ, что приростъ половниковъ въ послѣднемъ итогѣ не великъ (всего двѣ съ половиной тысячи).

Одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей новѣйшаго развитія земледѣлія, а вмѣстѣ условіемъ упадка крупнаго хозяйства— является сокращеніе числа сельско-хозяйственныхъ рабочихъ всѣхъ категорій, обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Вотъ основныя, относящіяся сюда, цифры. (См. стр 196).

Здѣсь сокращаются—и сокращаются значительно—всѣ категоріи рабочихъ. А вотъ данныя относительно разныхъ кате-

	1862	1882	1892	Разница между 1862 и 1882 годомъ.		Разница между 1882 и 1892 годомъ	
				Абсол.	Относит.	Абсол.	Относит.
Управляющіе [1]) (Régisseurs)	10,215	17,966	16,091	+ 7,751	+ 75,25	— 1,875	— 10,43
Поденщики (Journaliers) .	2,003,744	1,430,687	1,210,081	— 523,057	— 26,81	— 270,606	— 18,21
Слуги (Domestiques de ferme)	2,095,777	1,954,251	1,832,174	— 141,526	— 6,75	— 122,617	— 6,24
Всего	7,363,065	6,913,504	6,663,135	— 656,832	— 15,98	— 394,558	—11,43

горій слугъ или постоянныхъ рабочихъ (лишь для десятилѣтія 1882—92 гг.).

		1882	1892	Разница.	
				Абсол.	Относит.
1) Мужчинъ старше 16 лѣтъ.	a) надсмотрщиковъ (maîtres valets)	130,022	109,581	— 20,441	— 15,71
	b) рабочихъ возчиковъ	541,050	498,613	— 42,437	— 7,84
	c) пастуховъ (bouviers)	113,901	136,537	+ 22,636	+ 19,87
	d) прочихъ . . .	383,466	377,902	— 5,564	— 1,45
2) слугъ мужского пола ниже 16 лѣтъ		253,786	247,631	— 6,155	— 2,42
Всего мужчинъ		1,422,225	1,370,264	— 51,961	— 3,65
Женщинъ, служащихъ на фермѣ		532,026	461,910	— 70,116	— 13,18
Всего		1,954,251	1,832,174	— 122,077	— 6,24

Здѣсь нѣтъ, такимъ образомъ, даже увеличенія числа женщинъ работницъ и подростковъ, которое мы наблюдали въ Германіи. Единственнымъ исключеніемъ является довольно значительное—почти на пятую долю—увеличеніе числа пастуховъ, чрезвы-

[1]) Быть можетъ, слѣдуетъ отнести слишкомъ большую разницу въ количествѣ управляющихъ въ 1862 и 1882 годахъ на счетъ различія способовъ регистраціи?

чайно ярко свидѣтельствующее о томъ измѣненіи въ направленіи сельскаго хозяйства, которое было результатомъ теперешняго кризиса, именно роста пастбищъ на счетъ пашни. Это исключеніе является, слѣдовательно, такимъ, которое всего болѣе подтверждаетъ общее правило.

Основные факты современнаго развитія французскаго земледѣлія установлены. Обратимся къ ихъ объясненію. И прежде всего выяснимъ тѣ условія, которыя способствуютъ регрессивному движенію крупнаго, а за нимъ и средняго хозяйства.

Крупные хозяева пострадали отъ кризиса и какъ землевладѣльцы, и какъ капиталисты, и какъ работадатели.

Очевидно дѣйствіе кризиса на поземельную ренту. Пониженіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты прежде всего должно было поразить земельную ренту. Мы имѣемъ для Франціи точный измѣритель степени паденія земельной ренты въ данныхъ о пониженіи цѣнности земли (капитализированной ренты) и арендной платы (которую можно приблизительно принять соотвѣтствующей рентѣ). Вотъ данныя о продажной цѣнности гектара земли (въ франкахъ [1]).

	1882 г.					1892 г.				
	1-й кл.	2-й кл.	3-й кл.	4-й кл.	5-й кл.	1-й кл.	2-й кл.	3-й кл	4-й кл.	5-й кл.
Пахатныя земли.	3,442	2,644	1,863	1,289	826	2,866	2,175	1,549	1,044	668
Луга и пастбища.	4,467	3,374	2,511	1,838	1,218	3,730	2,895	2,134	1,514	1,008

[1]) Данныя относительно цѣнности виноградниковъ и лѣсовъ оставляемъ въ сторонѣ. Изъ предыдущихъ эпохъ у насъ имѣются для сравненія данныя лишь 1852 года, но тогда, къ сожалѣнію, была принята иная классификація земель, чѣмъ въ 1882 и 1892 годахъ, именно на три класса Вотъ свѣдѣнія о цѣнности гектара земли въ 1852 году (въ франкахъ).

	I классъ.	II классъ.	III классъ.
Пахатныя земли. . . .	2,282	1,559	905
Луга и пастбища. . . .	3,282	2,267	1,385

Вотъ данныя относительно арендной платы съ гектара.

	I классъ.	II классъ.	III классъ.
Пахатныя земли. . .	55	46	29
Луга и пастбища. . .	113	79	50

Арендная плата съ гектара измѣнялась слѣдующимъ образомъ:

	1882 г.					1892 г.				
	1-в кл.	2-й кл.	3-й кл	4-й кл.	5-й кл.	1-й кл.	2-й кл.	3-й кл.	4-й кл.	5-й кл.
Пахатныя земли.	104	80	62	46	33	92	72	54	41	28
Луга и пастбища.	151	120	91	68	50	136	107	82	63	45

Конечно, эти данныя, представляя собой среднія изъ очень различныхъ величинъ и различныхъ районовъ не могутъ претендовать на большую точность, но общее направленіе развитія они отражаютъ. Они показываютъ, между прочимъ, что дѣйствіе аграрнаго кризиса въ Франціи опустошительнѣй, чѣмъ въ Германіи, потому что паденіе цѣнъ на землю тамъ отличается не столь всеобщимъ характеромъ и не столь значительно.

Положеніе французскихъ земельныхъ собственниковъ можетъ быть приравнено къ положенію англійскихъ лэндлордовъ въ тѣхъ немногихъ сравнительно случаяхъ, когда земли сдаются въ аренду крупнымъ капиталистическимъ фермерамъ; оно выгоднѣе положенія ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда земля сдается въ мелкую аренду; но такое состояніе слѣдуетъ разсматривать скорѣе какъ переходное, на пути къ полному раздробленію крупной собственности въ крестьянскую. Нормальнымъ же случаемъ для Франціи слѣдуетъ признать хозяйство юнкерскаго типа, веденіе хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ на собственной землѣ. Въ такомъ случаѣ, какъ было уже разъяснено въ главѣ о Германіи, фактъ паденія земельной ренты поражаетъ землевладѣльца дважды: не только какъ землевладѣльца, но и какъ капиталиста. Нормальнымъ случаемъ юнкерскаго хозяйства является тотъ, когда капиталомъ является сама поземельная рента, реализируемая и антиципируемая въ формѣ гипотеки. Если рента начинаетъ уменьшаться, то этимъ повышается относительная доля прежняго долга и изсякаетъ источникъ новыхъ полученій капитала, который необходимъ для дальнѣйшаго веденія хозяйства [1]). Результатомъ этого нерѣдко является

[1]) То, что Бодрильяръ говоритъ о вліяніи аграрнаго кризиса въ Aisne, можетъ быть сказано и вообще въ примѣненіи къ крупному хозяйству: „кризисъ является въ особенности чувствительнымъ для ренты, онъ поражаетъ ренту собственника. Уже поэтому ему можно было бы придать серьезное значеніе, но оно еще увеличилось бы, если бы было доказано, что рента эта обычно большей частью посвящается на улучшеніе почвы.

продажа имѣнія съ молотка. У насъ нѣтъ статистическихъ данныхъ ни о размѣрахъ гипотечной задолженности, ни о количествѣ субгастацій; но мы съ полной вѣроятностью можемъ и даже должны предположить (и это подверждается общими отзывами французскихъ сельскохозяйственныхъ авторитетовъ) и то, и другое. Во всякомъ случаѣ мы не превысимъ правъ, которыя даютъ намъ наши знанія о французскомъ земледѣліи, если скажемъ, что пониженіе ренты создаетъ трудности для французскихъ помѣщиковъ и въ роли сельскохозяйственныхъ капиталистовъ, какъ это мы наблюдали и относительно Германіи.

Въ тяжелую для крупныхъ хозяевъ пору кризиса возникаетъ во Франціи и „вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“. (Мы знаемъ уже внутреннюю и необходимую связь между этими двумя явленіями; въ сущности это двѣ различныхъ стороны одного и того же процесса развитія индустріализма). Вопросъ этотъ имѣетъ во Франціи, какъ и вездѣ, двѣ стороны, тѣсно связанныя межбу собою. Во-первыхъ, это вопросъ о вздорожаніи рабочей силы вслѣдствіе уменьшенія предложенія сельскохозяйственнаго труда; во-вторыхъ, вопросъ о дѣйствительномъ недостаткѣ рабочихъ.

Что касается перваго, извѣстно, что заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ начинаетъ расти вмѣстѣ съ наступленіемъ и начальнымъ развитіемъ аграрной депрессіи, съ 60-хъ годовъ. Вотъ данныя о движеніи заработной платы въ 1862, 1882 и 1892 годахъ,—сперва относительно постоянныхъ рабочихъ, слугъ (domestiques de ferme), взрослыхъ обоего пола.

	1862	1882	1892	Разница между 1862 и 1882 г.	Разница между 1882 и 1892 г.
	Фр.	Фр.	Фр.	Фр.	Фр.
Старшіе слуги	361	465	493	+ 104	+ 28
Пастухи	230	290	310	+ 60	+ 20
Рабочіе и поденщики	256	324	360	+ 68	+ 36
Женщины	130	235	202	+ 105	— 33

А вотъ свѣдѣнія относительной заработной платы поденщиковъ (въ франкахъ).

Поэтому невозможно, чтобы кризисъ, прежде всего постигающій ренту, не коснулся бы также и всего хозяйства“ (ensemble de la culture). (*Baudrillart.* Les populations agricoles de la France. 2-me série. Maine, Anjou, Touraine-Poitou etc. 1888 Стр. 516.

Зимой.

	1862.			1882.			1892.			Разница 1862–82.			Разница 1882—92.			Разница 1862–92.		
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.
Съ харчами	1,08	0,62	0,43	1,31	0,79	0,52	1,30	0,79	0,47	+ 0,23	+ 0,17	+ 0,09	— 0,01	—	— 0,05	+ 0,22	+ 0,17	+ 0,03
Безъ харчей	1,85	1,14	0,82	2,22	1,42	0,94	2,04	1,35	0,95	+ 0,37	+ 0,28	+ 0,12	— 0,18	— 0,07	— 0,01	+ 0,19	+ 0,21	+ 0,13

Лѣтомъ.

Съ харчами	1,82	1,13	0,77	1,98	1,14	0,74	1,85	1,08	0,69	+ 0,16	+ 0,01	— 0,03	— 0,13	— 0,06	— 0,05	+ 1,03	— 0,05	— 0,08
Безъ харчей	2,77	1,73	1,22	3,11	1,87	1,31	2,94	1,78	1,23	+ 0,34	+ 0,14	+ 0,09	— 0,17	— 0,09	— 0,08	+ 0,17	+ 0,05	+ 0,01

Какъ видно изъ этихъ цифръ, годовое жалованье постоянныхъ рабочихъ почти во всѣхъ случаяхъ повысилось. Напротивъ, нѣкоторое, хотя и незначительное пониженіе обнаруживаетъ сравненіе платы поденщиковъ въ 1882 и 1892 году. Здѣсь сказалось обостреніе кризиса, наступившее въ 90-хъ годахъ (мы знаемъ что самое послѣднее время подъ вліяніемъ такого обостренія понизилась оплата сельскихъ рабочихъ и въ Англіи и въ Германіи). Не нужно, однако, забывать, что это пониженіе совпадаетъ съ значительнымъ пониженіемъ цѣнъ на предметы первой необходимости, т. е. прежде всего на хлѣбъ и мясо, а также и мануфактураты; и тѣмъ не менѣе заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ 1892 году, въ разгаръ кризиса, стоитъ на высшемъ уровнѣ нежели въ 1862 году, въ эпоху высшаго благополучія земледѣлія. Анкета 1892 года отмѣчаетъ, кромѣ того, улучшеніе питанія рабочихъ, какъ тѣхъ, которые находятся на хозяйскихъ харчахъ, такъ и на своихъ собственныхъ; косвенное подтвержденіе этому мы находимъ въ увеличеніи средняго потребленія мяса на душу сельскаго населенія.—Конечно, и приведенныя цифры имѣютъ весьма и весьма относительное значеніе, какъ среднія, выведенныя изъ довольно различныхъ элементовъ, каковыми представляются различныя мѣстности Франціи, но полученныя во всѣхъ случаяхъ однимъ и тѣмъ же способомъ, онѣ даютъ удовлетворительное основаніе для сравненія. Фактъ улучшенія общаго положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ является общепризнаннымъ въ литературѣ; такъ, напр., онъ неоднократно отмѣчается въ извѣстномъ отчетѣ о путешествіи по земледѣльческой Франціи Бодрильяра [1]).

Поднятіе заработной платы сельскихъ рабочихъ, не взирая на угнетенное положеніе сельскаго хозяйства, обязано, какъ и въ

---

[1]) Ср. сопоставленія данныхъ Фовилля и интересныхъ показаній въ анкетѣ національнаго земледѣльческаго общества у проф. *Левитскаго* цит. соч., гл. V, А.—Хотя заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ (по крайней мѣрѣ, реальная) въ настоящее время самая высокая въ продолженіе всего XIX вѣка, однако, если вѣрить Авенелю, золотой вѣкъ французскаго сельскохозяйственнаго рабочаго лежитъ позади, именно въ XV вѣкѣ. „Никогда заработная плата сельскихъ рабочихъ въ средніе вѣка не была такъ высока, какъ въ послѣднюю четверть XV столѣтія. . . Едва ли въ этомъ отношеніи конецъ нашего XIX вѣка можетъ сравниться съ царствованіемъ Людовика XI и Карла VIII (1461—1500)“ (*Vicomte d'Avenel.* Histoire économique de la propriété etc., t. III, Paris, 1898, стр. 38)

другихъ мѣстахъ, почти исключительно измѣненію отношенія между спросомъ и предложеніемъ въ благопріятномъ для рабочаго смыслѣ и отраженному вліянію поднятія заработной платы въ промышленности. Что касается вліянія профессіональныхъ организацій сельскохозяйственныхъ рабочихъ, то напередъ можно сказать, что оно было ничтожно. Прежде всего, самое ихъ возникновеніе относится ко времени уже послѣ 1884 года, какъ извѣстно, составившаго эру въ исторіи французскаго синдикальнаго движенія. А во-вторыхъ, и здѣсь трэдъ-юніоны (или, по французски, синдикаты) сельскохозяйственныхъ рабочихъ широкаго развитія не получили, по тѣмъ же причинамъ, что и въ другихъ странахъ. Приведемъ здѣсь то, что̀ сказано объ этихъ синдикатахъ у извѣстнаго бытописателя французскаго сельскохозяйственнаго кооперативнаго движенія де-Рокиньи.

„Существуютъ земледѣльческіе синдикаты, составленные исключительно изъ рабочихъ, съ цѣлью добиваться повышенія заработной платы и улучшенія условій труда отъ тѣхъ предпринимателей, у которыхъ работаютъ ихъ члены. Они возникли впервые среди дровосѣковъ лѣсныхъ департаментовъ центра и, въ цѣляхъ добиться поднятія заработной платы, устрояли стачки при рубкѣ лѣса. Кромѣ этихъ синдикатовъ дровосѣковъ и вообще лѣсныхъ рабочихъ, существуетъ нѣсколько состоящихъ изъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, виноградарей, поденщиковъ, садовниковъ и т. д. Оставляя въ сторонѣ синдикаты садовниковъ, которые часто встрѣчаются въ значительныхъ городахъ, синдикаты сельскохозяйственныхъ рабочихъ можно слѣдующимъ образомъ распредѣлить, сообразно департаментамъ:

Allier	1	синдикатъ
Ardennes	1	„
Aude	2	„
Cher	30	„
Côte-d'Or	1	„
Gard	1	„
Hérault	3	„
Loir-et-Cher	1	„
Loiret	10	„
Nièvre	14	„
Pyrenées-Orientales . . .	1	„
Seine et Marne	1	„
Всего . .	72	синдиката.

Цѣль, которую преслѣдуютъ эти синдикаты, достаточно ясно опредѣлена въ уставѣ одного изъ нихъ, Syndicat des ouvriers bucherons et terrassiers de Pagny-le-Château (Côte-d'Or). Онъ имѣетъ цѣлью установить цѣну каждаго вида труда при рубкѣ лѣса и подобныхъ работахъ, а также при земляныхъ работахъ, обезпечивая справедливое вознагражденіе за трудъ (d'une manière raisonnablement rémunératrice), а также распредѣлять трудъ по возможности равномѣрно между всѣми членами синдиката“ [1]). Этими отрывочными свѣдѣніями и исчерпываются наши познанія о синдикатахъ сельскихъ рабочихъ, мы не знаемъ даже числа рабочихъ, объединенныхъ въ организаціи; но и на основаніи этихъ данныхъ можно съ полной увѣренностью заключить, что оно ничтожно, встрѣчаясь только въ 12-ти изъ 87-ми департаментовъ Франціи.

Другой стороной рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ является дѣйствительный недостатокъ рабочихъ рукъ, который дѣлаетъ веденіе крупнаго хозяйства въ прежнихъ размѣрахъ и прежнимъ способомъ технически невозможнымъ [2]). Какъ замѣчаетъ (по частному случаю) Бодрильяръ, „это уменьшеніе персонала становится опаснымъ и потому, что и прежнее число сельскохозяйственныхъ рабочихъ должно было бы увеличиться, по крайней мѣрѣ, на четверть, чтобы быть приведено въ соотвѣтствіе съ новыми потребностями культуры“ [3]). До извѣстной степени, убывающее число рабочихъ можетъ быть возмѣщено машинами (въ анкетѣ не приводится, къ сожалѣнію, свѣдѣній о числѣ машинъ, употребляемыхъ въ крупномъ хозяйствѣ; общія цифры

---

[1]) Comte de *Rocquigny*. La coopération de production dans l'agriculture. Syndicats et sociétés coopératives agricoles.—Mission de l'Office du Travail. Résumé du Rapport de Mission. Paris. 1896. Стр. 37—38.

[2]) Уже въ 1879 году *Lecouteux* писалъ: „рабочій вопросъ въ концѣ этого вѣка является однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ вопросовъ для крупнаго производства въ земледѣліи, въ его борьбѣ изъ-за рабочихъ рукъ съ мелкимъ хозяйствомъ, съ фабриками, съ верфями, съ войскомъ, со всѣми этими силами, которыя производятъ опустошеніе въ рядахъ рабочихъ крупныхъ фермъ. И вслѣдствіе всей этой конкурренціи необходимо поднимается заработная плата, подъ вліяніемъ чего крупное хозяйство въ годы пониженія цѣнъ на земледѣльческіе продукты оказывается вообще въ трудномъ положеніи“. (*Lecouteux*. Cours d'économie rurale, tome II, 493).

[3]) *Baudrillart*. Les populations agricoles de la France. Normandie et Bretagne. Paris. 1885. Стр. 323.

ниже). Но, мы знаемъ, это замѣщеніе имѣетъ свои, притомъ чрезвычайно узкія, границы. За этими границами, крупное хозяйство должно или сокращаться, уступая мѣсто мелкому, или же перерождаться въ болѣе простыя низшія формы,—латифундіи и пастбищное хозяйство на мѣсто интенсивнаго зернового хозяйства среднихъ размѣровъ. Какъ мы уже видѣли, во Франціи имѣло мѣсто и то, и другое, и третье.

Нужно-ли прибавлять, что всѣ эти явленія должны наступить гораздо скорѣе и острѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяйство ведется наемнымъ трудомъ, не имѣя однако достоинствъ и въ особенности устойчивости крупнаго хозяйства. Такимъ хозяйствомъ, усвоившимъ себѣ одни недостатки крупнаго хозяйства, является крупнокрестьянское хозяйство. Оно погибаетъ въ наибольшемъ количествѣ, уступая свое мѣсто другимъ хозяйственнымъ формамъ, какъ во Франціи такъ и въ Германіи.

Куда же однако дѣвались убывающіе сельскохозяйственные рабочіе?

Какъ главная, во всѣхъ источникахъ указываемая причина приводится обыкновенно эмиграція рабочихъ въ города и промышленные округа. Причина эта слишкомъ хорошо извѣстна намъ изъ опыта другихъ странъ и совершенно понятна безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій. Благодаря тѣмъ особенностямъ экономической исторіи Франціи, вслѣдствіе которыхъ запасный резервуаръ избыточнаго населенія, предоставляемаго къ услугамъ капитализма, здѣсь никогда не былъ особенно глубокъ, сельскохозяйственные рабочіе тронулись въ городъ ранѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, и недостатокъ ихъ чувствовался и раньше и настойчивѣй. Правда, во Франціи совершенно ничтожна убыль населенія чрезъ эмиграцію въ другія страны, [1]) но за то и нѣтъ того прироста населенія,

---

[1]) „Эмиграція изъ Франціи настолько незначительна, что не представляетъ практическаго интереса. Число тѣхъ, которые эмигрируютъ, болѣе чѣмъ уравновѣшивается иммиграціей“ (*v. Philippovich.* Auswanderung aus Frankreich, статья въ Handw. d. Staatsw., 2-te Aufl., II, 91). Поучительное (хотя и нѣсколько устарѣвшее) сопоставленіе относительно степени участія разныхъ государствъ въ эмиграціи даетъ *de Foville.* La France économique. Paris 1890, стр. 54: въ 80-хъ годахъ на 1000 жителей эмигрировало: изъ Соедин. Королевства 57—90, Германіи 16—47, Италіи 12—30, Швеціи 38—98, Норвегіи 72—150, Португаліи 27—39, Швейцаріи 24—44, Даніи *Франціи* 1—3.

который съ избыткомъ возмѣщаетъ въ другихъ странахъ потери путемъ эмиграціи.

Крупное хозяйство въ земледѣліи оказывается столь же враждебнымъ населенію во Франціи какъ и въ Германіи; оно такъ же разрѣжаетъ населеніе, какъ и тамъ. А такъ какъ развитіе индустріи требуетъ густого населенія, нуждается въ рабочемъ рынкѣ, то узлы промышленности завязываются въ сторонѣ отъ округовъ крупнаго землевладѣнія (само собою разумѣется, что, какъ и повсюду, помимо популяціонистическихъ причинъ здѣсь играютъ роль и естественныя различія, напр. мѣстонахожденіе минеральныхъ богатствъ и пр.). Разъ завязавшись, узлы эти начинаютъ перетягивать къ себѣ рабочее населеніе аграрныхъ округовъ, различіе между аграрными и промышленными округами проходитъ глубже, промышленность и крупное земледѣліе взаимно отталкиваются другъ отъ друга, словомъ, повторяется то же самое, что мы видѣли и въ Германіи [1]).

Теперешній ходъ развитія только усиливаетъ намѣченныя особенности. Большая часть департаментовъ Франціи въ настоящее время теряетъ свое населеніе; какъ мы уже знаемъ, убываетъ земледѣльческое населеніе, притомъ не самостоятельные хозяева— крестьяне, число которыхъ увеличивается, а сельскохозяйственные рабочіе. Современное развитіе французскаго населенія въ двухъ

---

[1]) Дать статистическое подтвержденіе сказанному въ текстѣ гораздо труднѣе чѣмъ для Германіи вслѣдствіе недостатковъ въ статистическомъ матеріалѣ (отсутствіе въ таблицахъ процентныхъ подсчетовъ категорій хозяйствъ разныхъ размѣровъ); чисто механическій характеръ дѣленія Франціи на департаменты также мѣшаетъ удобству обозрѣнія; въ то же время департаментъ является еще слишкомъ крупной единицей въ цѣляхъ изученія вліянія крупнаго хозяйства на населеніе: здѣсь нужны болѣе дробныя дѣленія на округа, чтобы можно было при изученіи по возможности устранить вліяніе другихъ факторовъ. Признакомъ относительнаго распространенія крупнаго хозяйства пришлось взять, за отсутствіемъ другихъ, средній для департамента размѣръ хозяйства. Средній размѣръ для всего государства составляетъ 8,65 гектаровъ; мы же брали тѣ департаменты, въ которыхъ этотъ средній размѣръ превышаетъ 10 гектаровъ. Сопоставляемъ, съ одной стороны, процентъ земледѣльческаго населенія (для всего государства составляющій 45,47%), съ другой плотность населенія (въ 1887 году, по расчету Левассера; съ тѣхъ поръ плотность эта для разсматриваемыхъ департаментовъ не повысилась, а понизилась. Въ 1887 году она составляла въ среднемъ для всего государства 72 на кв. килом.). (См. слѣд. стр.).

словахъ можетъ быть выражено такъ, это—обезлюденіе округовъ крупнаго земледѣлія въ пользу рѣзко обозначенныхъ территоріально очаговъ промышленности. Очагами этими, помимо городовъ, являются промышленные департаменты сѣвера (гдѣ преобладаетъ и мелкая культура) и нижняго теченія Роны; самый сильный приростъ населенія съ 1891 по 1896 г, въ среднемъ для государства составляющій 0,46%, былъ въ департаментахъ Vienne (7,4%) Bouches-du-Rhône (7,3); наиболѣе сильная убыль на-

	Средніе размѣры хозяйства.	Процентъ земледѣльч населенія.	Плотность населенія.		Средніе размѣры хозяйства.	Процентъ земледѣльч. населенія.	Плотность населенія.
Aisne	10,20	38,57	76	Lozère	14,32	70,40	27
Allier	11,71	54,59	58	Landes	20,13	65,42	32
Alpes B.	16,53	71,63	19	Maine-et-Loire .	10,52	52,85	74
Alpes H.	19,26	71,80	22	Marne	12,34	38,27	52
Ardennes	10,03	29,03	64	Marne H. . . .	10,70	40,90	10,70
Aube	10,87	41,25	43	Mayenne	13,09	57,03	66
Cantal	11,49	71,26	42	Nièvre	10,61	54,34	51
Cher	12,65	53,23	49	Oise	10,04	35,38	69
Corse	15,57	50,31	32	Seine Inf. . . .	10,70	24,42	138
Côte-d'Or	10,82	45,94	44	Seine-et-Marne .	11,06	43,27	62
Doubs	10,89	44,92	59	Sèvres (Deux) . .	10,07	63,79	59
Eure-et-Loire . .	11,32	51,96	48	Vendée	12,59	62,77	65
Indre	12,16	60,24	44	H. Vienne	10,20	54,57	66
				Loire-et-Cher . .	12,34	61,36	44

Какъ видитъ читатель, въ большинствѣ департаментовъ съ крупнымъ землевладѣніемъ пропорція земледѣльческаго населенія выше чѣмъ въ среднемъ для государства (для нѣкоторыхъ департаментовъ пониженіе % земледѣльческаго населенія объясняется присутствіемъ здѣсь большихъ городовъ), а плотность населенія въ большинствѣ, напротивъ, значительно ниже средней для государства.

селенія въ департаментѣ Lot—(5,7%, какъ показываютъ детальныя данныя, убыль приходится почти всецѣло на классъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ), Haute-Marne (5%, то же самое), и Hautes-Alpes (4,9%,—департаменты Высокихъ и Низкихъ Альповъ являются вообще центрами крупнаго хозяйства). Такимъ образомъ, цивилизація удаляется отъ округовъ крупнаго хозяйства, но уводитъ за собой и рабочаго.

Другой причиной уменьшенія количества сельскохозяйственныхъ рабочихъ является превращеніе ихъ въ собственниковъ или мелкихъ фермеровъ; статистическія свѣдѣнія о приростѣ этихъ послѣднихъ мы уже имѣли. Идеалъ средняго французскаго рабочаго сдѣлаться самостоятельнымъ крестьяниномъ; вмѣстѣ съ своимъ нѣмецкимъ и англійскимъ собратомъ, онъ не обладаетъ полагающимися ему по чину „пролетарія“ свойствами, у него такой же „антиколлективистическій черепъ“, какъ и у крестьянина. Стремленіе французскаго мужика къ землѣ (съ такимъ энтузіазмомъ описанное Мишле въ Le peuple и подававшее вообще поводъ къ самымъ разнорѣчивымъ оцѣнкамъ) вошло въ пословицу. Нужно имѣть, дѣйствительно, рѣдкую выдержку, чтобы изъ скромнаго жалованья сельскохозяйственнаго рабочаго дѣлать сбереженія, необходимыя для покупки земли, и добиваться послѣдней, не взирая на всѣ трудности, а также на тѣ юридическія затрудненія, которыми обставленъ во Франціи переходъ изъ рукъ въ руки недвижимой собственности [1]), нести тяжесть гипотеки [2]) и т. д. И тѣмъ не менѣе территорія крестьянской собственности, а еще въ большей мѣрѣ крестьянскаго хозяйства все увеличивается, настолько, что окончательный итогъ теперешняго аграрнаго развитія Франціи можетъ быть опредѣ-

---

[1]) Эти трудности хорошо указаны у проф. *Левитскаго*: цит. соч. 162 слл. Тамъ же нѣкоторыя свѣдѣнія о сбереженіяхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ: стр. 148 слл.

[2]) У насъ нѣтъ статистики гипотечной задолженности, но нѣтъ основаній думать, чтобы крестьянская задолженность была больше чѣмъ у крупныхъ земледѣльцевъ (какъ она не превышаетъ ея и въ Германіи, а напротивъ, стоитъ ниже). Отдѣльныя свидѣтельства подтверждаютъ это. Вотъ напр. отзывъ Бодрильяра относительно бретанскаго крестьянина. Онъ, констатируя всеобщій прогрессъ земледѣлія, съ особенной силой однако выразившійся относительно мелкаго хозяйства, говоритъ: „жалобы на гипотеки и недостатокъ кредита, доступнаго собственникамъ, раздаются отнюдь не со стороны мелкой собственности“ (Baudrillart, 1-me série, 273).

ленъ однимъ французскимъ выраженіемъ: la conquête de la terre par les paysans [1]).

Изучивъ измѣненія во внутренней организаціи французскаго земледѣлія, мы можемъ теперь поставить и дать посильный отвѣтъ на вопросы, естественно возникающіе при знакомствѣ съ фактами развитія земледѣлія.

Первый вопросъ таковъ. Эпоха аграрнаго кризиса отмѣчена сильнымъ и всеобщимъ паденіемъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Въ то же время въ общемъ она можетъ быть охарактеризована и какъ эпоха сельскохозяйственнаго прогресса; не взирая на нѣкоторыя измѣненія въ характерѣ хозяйства,— усиленіе скотоводства на счетъ земледѣлія,—которыя могутъ разсматриваться какъ регрессивныя, мы имѣетъ въ то же время рядъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о ростѣ сельскохозяйственнаго производства: сокращеніе пара, повышеніе средней урожайности и т. д. Какъ можно объяснить это соединеніе сельскохозяйственнаго прогресса съ одной стороны и пониженія цѣнъ съ другой, когда мы знаемъ, что нормальнымъ условіемъ

---

[1]) Изъ безчисленнаго количества примѣровъ и свидѣтельствъ этого рода приведемъ нѣсколько изъ путевыхъ впечатлѣній Бодрильяра, относящихся къ разнымъ департаментамъ. Въ департаментѣ Orne мелкая собственность увеличивается на счетъ крупной. „Обычная причина этого является сама по себѣ благопріятной (heureuse). Въ Orne увеличились сбереженія, которыя стремятся быть истраченными на землю. Этотъ фактъ, наблюдавшійся нами много разъ, былъ сдѣланъ очевиднымъ анкетой 1867 года. Дѣленіе собственности, согласно ея даннымъ, увеличило число собственниковъ, но въ той же пропорціи уменьшило нѣкогда многочисленный классъ поденщиковъ, которые, ничего не имѣя, проводили свою жизнь въ работѣ на другихъ. Въ настоящее время болѣе $^7/_{10}$ сельскихъ рабочихъ сдѣлались сами собственниками и работаютъ прежде всего для себя и лишь затѣмъ на крупныхъ собственниковъ. За наемный трудъ они принимаются только въ крайней необходимости, и оставляютъ его при первой возможности“ Baudrillart, I, 278—9). Относительно Анжу Бодрильяръ пишетъ: „всегда повторяютъ, что Анжу есть страна крупныхъ имѣній. Это правда, но это совсѣмъ не исключаетъ значительнаго количества и болѣе мелкихъ хозяйствъ. Крупныя имѣнія почти всѣ являются наслѣдіемъ прошлаго; парцеллярная культура не является, конечно, новостью. Но нужно признать, что она ужасно возрасла за послѣдніе 30 лѣтъ подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Таково развитіе въ самое короткое время многочисленныхъ центровъ, проведеніе шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, столь благопріятное для перевозки продуктовъ садоводства и молочнаго хозяйства. Наконецъ увеличившіяся сбереженія умножили число мелкихъ

развитія земледѣлія является постепенное повышеніе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты? Это явленіе связано съ совершенно опредѣленными измѣненіями соціальнаго характера и, конечно, неспособно поколебать указаннаго положенія. Начнемъ съ условій, связанныхъ съ крупнымъ хозяйствомъ.

Непосредственнымъ результатомъ аграрнаго кризиса явилось паденіе поземельной ренты. Мы знаемъ уже, что рента удорожаетъ продукты земледѣлія сверхъ того, что можно назвать естественной цѣной ихъ; она можетъ быть выше или ниже, а соотвѣтственно можетъ измѣняться и цѣна земледѣльческихъ продуктовъ при неизмѣнныхъ условіяхъ производства. Въ то же время мы знаемъ, что при континентальной системѣ пониженіе ренты далеко не всегда сопровождается сокращеніемъ производства; напротивъ, мыслимо, что расширеніе производства является средствомъ нѣкотораго поднятія ренты, хотя и не до прежней высоты; пониженіе интенсивности хозяйства иногда невозможно для помѣщика, потому что онъ необходимо долженъ получать извѣстнаго

хозяйствъ. Этотъ спросъ на мелкіе участки со стороны небольшихъ хозяйствъ не въ малой степени побудилъ собственниковъ крупныхъ имѣній, раздробляя ихъ, пускать въ оборотъ тѣ *летучія земли* (*terres volantes*), о которыхъ говорятъ съ большимъ ожесточеніемъ“ (ib II. 66). Относительно Артуа читаемъ: „сельскохозяйственная революція, отдающая земли въ руки трудящихся, продолжается въ Артуа. Недавніе рабочіе становятся въ большомъ количествѣ собственниками или арендаторами мелкихъ участковъ. Воздѣлываніе ихъ продолжаетъ занимать съ выгодой ихъ руки. Безъ сомнѣнія персоналъ крупныхъ и среднихъ хозяйствъ уменьшился, въ этомъ сыграла свою роль, конечно, и эмиграція въ города; но персоналъ мелкой культуры рѣшительно увеличился. Стало меньше наемныхъ рабочихъ, но нельзя сказать, чтобы во всѣхъ случаяхъ стало меньше и земледѣльцевъ. Тѣ, которые жили на заработную плату, живутъ на доходъ; тѣ, которые продолжаютъ служить по найму, получаютъ высшую плату вслѣдствіе уменьшенія предложенія труда“ (ib. 362). Относительно Пикардіи мы читаемъ: „Крупный собственникъ, не заинтересованный въ хозяйствѣ, не довольствуется тѣмъ, чтобы назначить управляющаго или сдать землю крупному фермеру, который бы, сохраняя имѣніе въ цѣломъ видѣ, хозяйничалъ бы съ значительнымъ капиталомъ; онъ слѣдуетъ другой методѣ: онъ самъ раздробляетъ свою собственность, не въ цѣляхъ продажи, но сдачи въ наймы. Онъ образуетъ изъ нея значительное количество участковъ, расчитывая, что раздробленіемъ ихъ привлечетъ много охотниковъ, между которыми возгорится конкурренція. Эти расчеты удивительно оправдываются: мелкіе участки сдаются легче даже чѣмъ продаются и по крайней мѣрѣ на одну пятую дороже чѣмъ крупные“ (ib 411) и т. д.

размѣра доходъ для уплатъ по долгамъ, сдѣланнымъ въ лучшія времена. Сказаннымъ объясняется *возможность* неизмѣннаго состоянія и даже поднятія хозяйства при пониженіи цѣнъ. Конечно, образъ дѣйствій различныхъ хозяевъ былъ здѣсь различенъ: если одни оказывались на высотѣ техники, то другіе деградировали, обращаясь къ скотоводству или же слагали орудіе, и хозяйство ихъ входило затѣмъ въ составъ латифундіи или же переходило въ руки мелкихъ хозяевъ.

Не менѣе важнымъ для пониманія изучаемаго явленія представляется и указанный переходъ, измѣненіе организаціи хозяйства въ смыслѣ усиленія мелкаго хозяйства на счетъ крупнаго. Его значеніе мы изучили уже относительно Германіи. Какъ показано во введеніи, мелкое хозяйство производитъ дешевле, чѣмъ крупное, ибо оно не нуждается ни въ прибыли на капиталъ, ни въ рентѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оба эти условія составляютъ raison d'être крупнаго. При наличности извѣстныхъ условій, земледѣліе можетъ прогрессировать въ мелкомъ хозяйствѣ и при понижающихся цѣнахъ, когда чахнетъ крупное хозяйство.

Можно думать, что Франція обязана своимъ сельскохозяйственнымъ прогрессомъ за послѣднюю четверть вѣка мелкому хозяйству гораздо болѣе нежели крупному; ибо въ то время какъ крупное хозяйство, хотя и сохраняло еще старую жизнеспособность, но уже потерявши значительную часть прежнихъ силъ, мелкое хозяйство во многихъ случаяхъ являлось силой новой, восходящей: его существованіе, а тѣмъ болѣе расширеніе мыслимо только благодаря извѣстной мощи. Устойчивость мелкаго хозяйства несравненно менѣе нежели крупнаго: въ такомъ состояніи какъ крупное оно не просуществовало бы и нѣсколькихъ лѣтъ; поэтому уже самый фактъ существованія и расширенія мелкихъ хозяйствъ свидѣтельствуетъ объ ихъ крѣпости. Вмѣстѣ съ Германіей и Франція обязана своему крестьянству тѣмъ, что ея земледѣліе не зачахло въ труднѣйшую для него эпоху, а наоборотъ, развивается, хотя и замедленнымъ темпомъ.

Конечно, кромѣ двухъ указанныхъ основныхъ причинъ, лежащихъ во внутренней организаціи хозяйства, можно указать и внѣшнія причины, содѣйствовавшія сохраненію на прежнемъ уровнѣ или даже поднятію сельскаго хозяйства, несмотря на падающія цѣны. Такими причинами являются прогрессъ сельскохозяйственной науки и распространеніе агрономическихъ свѣдѣній,

распространеніе машинъ и искусственныхъ удобреній [1]), а такъ же и относительное удешевленіе этихъ элементовъ постояннаго капитала,—словомъ, все то, что образуетъ встрѣчную тенденцію закону убывающаго плодородія почвы.

Замѣтимъ здѣсь, что французское земледѣліе, какъ и германское, старается задержать паденіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты хлѣбными пошлинами, которыя появляются въ новѣйшей французской исторіи вмѣстѣ съ наступленіемъ аграрнаго кризиса и знаменующимъ его паденіемъ цѣнъ. Пошлины на пшеницу были введены въ 1885 году въ размѣрѣ 3 франковъ съ 100 килограммовъ; онѣ были повышены въ 1887 году до 5 фр., а въ 1894 до 7 фр. Цѣлесообразность той или другой пошлины составляетъ и здѣсь questio facti, которой мы не будемъ здѣсь разбирать, принципіально же мы ничего не можемъ прибавить къ тому, что сказано было уже по поводу Германіи.

Второй вопросъ, который возникаетъ при изученіи судебъ французскаго земледѣлія, таковъ. Извѣстно, что растущая интенсивность и производительность хозяйства требуетъ увеличивающагося количества рабочей силы. Между тѣмъ, несмотря на общій прогрессивный характеръ развитія французскаго земледѣлія, количество земледѣльческаго населенія уменьшилось не только относительно, но и абсолютно. Какимъ образомъ совмѣщаются обѣ эти черты современнаго развитія.

Здѣсь также вліяетъ нѣсколько условій. Прежде всего, можно сдѣлать общую ссылку, что уменьшеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ еще не значитъ непремѣнно уменьшеніе сельскохозяйственнаго труда: исчезаетъ избыточное населеніе, занятое наполовину, и остающееся населеніе получаетъ чрезъ это больше занятій. Однако нельзя думать, чтобы Франція предъ кризисомъ и въ началѣ его имѣла обширное перенаселеніе: мы знаемъ, что аграрное перенаселеніе во Франціи втеченіе XIX вѣка никогда не было значительно, тѣмъ болѣе во второй его половинѣ. Въ тѣхъ изъ крупныхъ хозяйствъ, гдѣ произошло такое уменьшеніе рабочаго персонала, что оно не могло уже не отражаться на веденіи хозяйства, въ такихъ случаяхъ веденіе дѣла на прежнихъ началахъ прекращалось; хозяйства эти входили въ составъ лати-

[1]) Много свѣдѣній о современномъ французскомъ земледѣліи можно найти у *Daniel Zolla* Les questions agricoles. 1—II série.

фундій, слѣдовательно, типъ ихъ понижался, или же растворялись въ мелкое хозяйство. Такое же значеніе имѣло и расширеніе площади скотоводства, сопровождающееся какъ мы уже знаемъ, сокращеніемъ потребнаго количества рабочихъ.

Условіемъ, компенсирующимъ убыль сельскохозяйственнаго населенія, является замѣщеніе наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ мелкими самостоятельными хозяевами, число которыхъ увеличилось. Трудъ на своей землѣ отличается высшимъ качествомъ, большей внимательностью, большей интенсивностью, чѣмъ наемный трудъ,—это ясно для каждаго. Поэтому сравнительно небольшое увеличеніе числа мелкихъ хозяевъ обозначаетъ гораздо большее, чѣмъ пропорціонально, увеличеніе количества земледѣльческаго труда. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что увеличеніе количества труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ часто возможно и безъ увеличенія крестьянскаго населенія: рабочая сила крестьянина далеко не сполна затрачивается на хозяйство, и нужное количество ея опредѣляется степенью интенсивности хозяйства: если повышается эта послѣдняя, то свободная рабочая сила получаетъ лишь болѣе полную реализацію, но количество трудящихся можетъ оставаться и неизмѣннымъ. Мы и здѣсь приходимъ къ тому же выводу: ростомъ интенсивности своего земледѣлія, поскольку онъ находится въ связи съ количествомъ нужнаго земледѣльческаго труда, современная Франція обязана крестьянскому хозяйству.

Насколько убыль рабочихъ не можетъ быть восполнена качествомъ труда, она выполняется растущей капитало-интенсивностью,—въ частности растущимъ количествомъ сельскохозяйственныхъ машинъ, въ извѣстной мѣрѣ замѣщающихъ рабочаго. Общее количество машинъ во Франціи въ новѣйшее время чрезвычайно возросло: такъ число плуговъ въ 1862 году было 3,206,421, въ 1882 году 3.462,597, въ 1892 году—3,864,793; молотилокъ въ 1862 году 100,733, въ 1882—211,045, въ 1892 году 234,380; механическихъ сѣялокъ въ 1862 году 10,853, въ 1882 году—29,391, въ 1892—47,093; механическихъ сѣнокосилокъ въ 1862 году—9,442, въ 1882 году—19,147, въ 1892—38,753; механическихъ жней въ 1862 году—8,907, въ 1882 году—16,025, въ 1892 году—23,432. Безъ сомнѣнія, значительная доля этихъ машинъ приходится на крестьянское хозяйство; могучую и благодѣтельную роль посредниковъ при

индивидуальномъ и коллективномъ пріобрѣтеніи сельскохозяйственныхъ машинъ, а равно и удобреній играютъ сельскохозяйственные синдикаты.

Все предыдущее изложеніе даетъ достаточное основаніе для совершенно опредѣленныхъ выводовъ. Если критеріемъ добра и зла въ соціальной политикѣ считать соотвѣтствіе разсматриваемыхъ мѣропріятій интересамъ трудящихся (моментъ этическій) и ихъ экономическую цѣлесообразность, ихъ соотвѣтствіе современному направленію развитія производительныхъ силъ, народнаго богатства (моментъ экономическій), то изъ предыдущаго слѣдуетъ соціальнополитическій выводъ о желательности теперешняго усиленія крестьянскаго хозяйства насчетъ крупно-капиталистическаго. Это ясно со стороны этической: положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго улучшается благодаря сокращенію спроса на него (желательность и необходимость мѣръ законодательной защиты труда, конечно, разумѣется сама собою). Во Франціи отливъ сельскихъ рабочихъ въ города совершается еще труднѣе чѣмъ въ Германіи и Англіи, вслѣдствіе крайне медленнаго развитія французской промышленности; потому необходимость другого канала для отлива населенія въ видѣ развитія крестьянскаго хозяйства оказывается настоятельнѣе. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ добиваться всѣхъ мѣръ, содѣйствующихъ этому процессу: прежде всего отрицательныхъ,—напр. устраненія высокихъ пошлинъ при переходѣ недвижимостей, разныхъ нотаріальныхъ затрудненій и под., а затѣмъ и положительныхъ, какъ, напр., организаціи по возможности дешеваго кредита и т. д. Замѣчательно, что во Франціи совершенно отсутствуетъ законодательство, стремящееся содѣйствовать увеличенію числа мелкихъ собственниковъ, подобное Small Holdings Act и Rentengutsgesetzgebung.

Такое направленіе политики было бы и экономически прогрессивнымъ. Мы видѣли уже, что въ настоящее время мелкое хозяйство идетъ впереди въ области земледѣльческаго производства, ему больше всего обязана Франція теперешнимъ земледѣльческимъ прогрессомъ. Слѣдовательно, сельское хозяйство Франціи выиграетъ отъ умноженія мелкихъ хозяйствъ. Но оно выиграетъ въ двухъ смыслахъ. Если въ составъ мелкихъ собственниковъ попадаетъ, какъ правило, наиболѣе трудолюбивая, энергичная и хозяйственная часть населенія, то дальнѣйшее увеличеніе мелкихъ хозяевъ на счетъ наемныхъ рабочихъ будетъ производить подоб-

ный же отборъ и среди крупныхъ хозяйствъ: поднятіе заработной платы въ связи съ мѣрами охраны труда подкоситъ не одно изъ слабыхъ крупныхъ хозяйствъ, еле влачившихъ существованіе, и устоятъ лишь болѣе сильныя, стоящія на высотѣ современнаго производства и способныя создать человѣческія условія для своихъ рабочихъ. Опредѣлить, какъ велико можетъ быть число крупныхъ хозяйствъ, которымъ не устоять въ недалекомъ будущемъ, и мелкихъ хозяйствъ, которымъ суждено возникнуть на ихъ развалинахъ, конечно, невозможно.

Въ общемъ, по вопросамъ соціальной политики намъ приходится относительно Франціи лишь повторить все, сказанное о Германіи.

Въ заключеніе этой главы напомнимъ въ двухъ словахъ читателю основные моменты въ исторіи развитія французскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ. Наканунѣ революціи мы застаемъ во Франціи банкротство натуральнаго хозяйства, перенаселеніе какъ въ городѣ такъ и деревнѣ, крайне низкое состояніе земледѣлія. Господствуетъ мелкое потребительское хозяйство, хотя большая часть земли находится въ рукахъ дворянства, духовенства и третьяго сословія. Послѣднее энергично покупаетъ земли у дворянъ еще предъ революціей; революція переводитъ въ его руки новыя земельныя богатства. Однако относительно всѣхъ этихъ классовъ можно сказать, что ихъ земельная собственность средневѣковаго, феодальнаго происхожденія. Въ этомъ отношеніи не разнится отъ другихъ и собственность третьяго сословія: здѣсь новы были только люди, но не собственность, которая передавалась изъ рукъ въ руки. Мы хотимъ въ особенности указать этимъ, что крупная земельная собственность является *не результатомъ* или окончательнымъ итогомъ борьбы крупнаго и мелкаго хозяйства, процесса концентраціи, но *отправнымъ пунктомъ* развитія. Революція является гранью между старымъ и новымъ, капиталистическимъ, народнымъ хозяйствомъ. Въ области земледѣлія переворотъ вызвалъ экспропріацію части мелкаго крестьянства—половничества (начавшуюся еще до революціи), сопровождавшуюся въ то же время увеличеніемъ количества крестьянъ собственниковъ. Экспропріація расширила площадь крупнаго хозяйства, а вмѣстѣ и увеличила классъ аграрнаго пролетаріата (происхожденіе котораго относится еще къ среднимъ вѣкамъ), отчасти вызвавъ состояніе аграрнаго перенаселенія, столь выгод-

ное для крупнаго производства. Развивающаяся промышленность и городская жизнь создаютъ растущій рынокъ для продуктовъ земледѣлія; потому первая половина XIX вѣка является эпохой разцвѣта французскаго земледѣлія. Съ 60-хъ годовъ обнаруживается уже переломъ въ развитіи. Упадокъ цѣнъ вслѣдствіе иностранной конкуренціи дѣлаетъ положеніе земледѣлія затруднительнымъ. Для крупнаго хозяйства это совпадаетъ и съ обостреніемъ рабочаго вопроса: перенаселеніе исчезаетъ во Франціи рано, количество рабочихъ уменьшается, ихъ заработная плата растетъ. Крупные хозяева теряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ землевладѣльцы вслѣдствіе пониженія ренты, и какъ капиталисты, вслѣдствіе недостатка капитала, котораго нельзя уже восполнить путемъ гипотеки. Крупное хозяйство начинаетъ склоняться къ упадку, который выражается, съ одной стороны, въ ростѣ латифундій, а съ другой въ расширеніи мелкаго хозяйства на счетъ средняго и крупнаго. Не взирая на всѣ злоключенія, въ общемъ сельское хозяйство прогрессируетъ, но, вѣроятно, гораздо больше на счетъ мелкаго нежели крупнаго производства. Мелкое производство вполнѣ успѣшно переживаетъ кризисъ; число мелкихъ хозяйствъ и ихъ территорія увеличиваются.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Мелкое производство въ земледѣліи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Условія развитія крестьянскаго хозяйства.

1) Общая характеристика капитализма какъ явленія популяціонистическаго.

Всякая организація народнаго хозяйства предполагаетъ извѣстные *количественные* размѣры, опредѣленное количество населенія, этой организаціей охваченнаго. Различнымъ ступенямъ народнаго хозяйства соотвѣтствуетъ и различная плотность населенія [1]); это является прямымъ слѣдствіемъ того, что населеніе

---

[1]) Шмоллеръ приводитъ слѣдующую схематическую таблицу емкости территоріи относительно населенія при разныхъ условіяхъ (по Ратцелю):

	На кв. милю.	На кв. килом.
Охотничьи и рыбачьи народы въ бѣдныхъ мѣстностяхъ сѣвера.	0,1—0,3	0,0017—0,0053
Охотничьи народы въ степныхъ областяхъ (бушмены, патагонцы, австралійцы).	0,1—0,5	0,0017—0,0088
Охотничьи народы съ присоединеніемъ въ нѣкоторомъ количествѣ земледѣлія (индѣйцы, дайаки, папуасы, бѣднѣйшіе негры)	10—40	0,17—0,70
Рыбачьи народы на берегахъ, рѣкахъ, островахъ (сѣверозападъ Америки, Полинезія) . .	до 100	до 1,77
Кочевыя пастушечьи племена	40—100	0,70—1,77
Земледѣльцы съ нѣкоторыми промыслами и торговлей (внутренняя Африка, малайцы) . .	100—300	1,7—5,3
Сѣверные индогерманскіе земледѣльцы и скотоводы до Рожд. Хр. (кельты, германцы) .	281—675	5—12
Полукочевники съ земледѣліемъ подъ тро-		

ограничено средствами существованія. Въ то же время населеніе находится въ постоянномъ движеніи,—смѣна поколѣній приноситъ вѣчное обновленіе жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и число людей. Эти измѣненія въ количествѣ населенія являются необходимымъ условіемъ смѣны хозяйственныхъ формъ, которая нерѣдко именно этими измѣненіями и вынуждается. Роль движенія населенія въ ходѣ экономическаго развитія вообще принадлежитъ къ наименѣе изученнымъ и выясненнымъ сторонамъ экономической жизни. Научное изученіе исторіи населенія едва начинается. Надлежащее выясненіе роли движенія населенія значительно измѣнитъ наше пониманіе экономическихъ процессовъ и, быть можетъ, заставитъ внести этотъ моментъ въ наши представленія и о будущемъ развитіи общества [1]).

никами (Кордофанъ, Беннанъ)	200—500	3,4—8,9
Рыбачьи племена съ нѣкоторымъ земледѣліемъ подъ тропиками (острова Тихаго океана).	до 500	до 8,9
Новыя страны съ европейскимъ земледѣліемъ или климатически неблагопріятныя части Европы	до 500	до 8,9
Средне-и-южно-европейскія страны съ трехпольемъ или т. под. хозяйствомъ, начатками промышленногородской культуры, еще значительными лѣсами (примѣрно Грецiя 400—300 до Р. Хр., Италія 300 до 100 по Р. Хр., Средняя Европа 1,200—1,500)	1,000—1,500	17,7—26,6
Среднеевропейскія земледѣльческія мѣстности съ умѣреннымъ городскимъ и промышленнымъ развитіемъ въ эпоху 1600—1850 . .	1,500—2,000	26—35
Чисто земледѣльческія мѣстности южной Европы до настоящаго времени	до 4,000	до 70
Нынѣшнія смѣшанныя земледѣльческопромышленныя области средней Европы	4,000—6,000	70—106
Современныя наилучшія земледѣльческія области Индіи, Явы, Китая.	10,000	177
Области европейской крупной индустріи, крупные города и торговые центры	15,000	266
Области винодѣлія, центральныя области промышленности и горнаго дѣла и т. п. . .	17—18,000	300—308

[1]) Культурно-историческое значеніе роста населенія выдвинуто въ послѣднее время съ особенной силой проф. Ковалевскимъ, который считаетъ возможнымъ объяснить всю историческую эволюцію измѣненіями въ количествѣ населенія. Эта идея можетъ быть благодарна въ качествѣ эвристическаго принципа, потому что она устремляетъ вниманіе на но-

Научному выясненію вопроса о населеніи чрезвычайно мѣшала до сихъ поръ партійная страстность, съ которой онъ обсуждался. Вопросъ, имѣющій, можно сказать, универсально историческое значеніе, былъ суженъ до вопроса о причинахъ бѣдности въ современномъ обществѣ и мѣрахъ борьбы съ ней [1]). Вопросъ обсуждался по преимуществу въ той постановкѣ, которую придалъ ему Мальтусъ. Мальтусу принадлежитъ безсмертная заслуга *общей постановки* вопроса о народонаселеніи, [2]) послѣ которой стало невозможно его игнорировать (мы видѣли также, насколько правъ былъ Мальтусъ относительно Англіи своего времени). Но онъ могъ дать при тогдашнемъ состояніи общественной и экономической науки очень мало для выясненія вопроса. Какъ справедливо замѣчено было Марксомъ, формула Мальтуса отличалась чрезмѣрно абстрактнымъ характеромъ, недопустимымъ относительно такого исторически измѣнчиваго явленія, какъ движеніе населенія, которое зависитъ отъ всей конкретной обстановки, включая сюда и естественныя, и соціальныя, и политическія условія [3]). Уже на осно-

---

вый и доселе незаконно игнорировавшійся моментъ; но въ качествѣ вывода, формулы, выражающей закономѣрность процесса, она недостаточна, какъ ясно для каждаго экономиста. Въ соціальномъ способѣ производства ростъ населенія есть не только обусловливающее, но и обусловливаемое, ростъ населенія нуждается самъ въ соціально-экономическомъ объясненіи Формула эта страдаетъ чрезмѣрной простотой и теоретической незаконченностью.

[1]) Ученіе о народонаселеніи раздѣлило судьбы теоріи цѣнности,— публицистическій элементъ, связывавшійся съ обоими ученіями, одинаково вредилъ ихъ научному обсужденію. Надо думать, что теперь уже настало время разумнаго и спокойнаго отношенія къ вопросу, когда можно безбоязненно, не зачисляясь тѣмъ самымъ въ число враговъ рабочаго класса, приступить къ изученію дѣйствительнаго значенія проблемы населенія.

[2]) Пишущій эти строки долгое время относился къ безсмертному творенію Мальтуса и вообще вопросу о народонаселеніи съ точки зрѣнія ортодоксальнаго марксизма, и лишь дальнѣйшее изученіе и размышленія убѣдили его въ крайней несправедливости Маркса по отношенію къ Мальтусу, а также и въ крайней недостаточности ученія о народонаселеніи самого Маркса.

[3]) Шмоллеръ замѣчаетъ: „очевидно, что процессъ уплотненія населенія совершается легче всего тамъ, гдѣ народъ располагаетъ областью, которая еще обработана отчасти и скудно и имѣетъ болѣе обширныя и плодородныя области нежели обрабатываемыя. Въ такомъ случаѣ значительный приростъ населенія и внутренняя колонизація при неподвижной техникѣ могутъ имѣть мѣсто безъ измѣненія нравовъ и учрежденій. Но

ваніи теперешнихъ знаній можно сказать, что формула, будто населеніе вообще стремится превысить средства существованія, невѣрна. Исторія знаетъ эпохи, когда населеніе почему либо отстаетъ отъ нихъ: подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ такого состоянія населенія происходило раскрѣпощеніе сельскаго населенія Франціи и Англіи, а также, вѣроятно, и прикрѣпленіе населенія къ землѣ.

Но еще менѣе чѣмъ Мальтусъ правы тѣ, которые отрицаютъ самую возможность превышенія населеніемъ средствъ существованія, вмѣстительности данной организаціи народнаго хозяйства, емкости территоріи относительно населенія. Обычное возраженіе въ такихъ случаяхъ, именно что каждый вновь появляющійся ротъ приноситъ съ собой и рабочія руки, можетъ быть устранено тѣмъ соображеніемъ, что эта ссылка совершенно не считается съ общественнымъ характеромъ теперешняго хозяйства. Лишь при существованіи свободныхъ даровъ природы,—земли и т. д.—словомъ, при колоніальныхъ условіяхъ, сопровождающихся, какъ мы увидимъ ниже, и особымъ способомъ размноженія, каждый ротъ, дѣйствительно, приноситъ и новыя руки: процессъ производства носитъ здѣсь еще въ значительной степени черты простой оккупаціи даровъ природы, общественное хозяйство является болѣе собирательнымъ, коллективнымъ, нежели органическимъ единствомъ. Но какъ только вся территорія заселена, и хозяйство становится производствомъ, а не оккупаціей, то его ведетъ уже общественный человѣкъ, организующій производство съ извѣстной планомѣрностью. При этомъ является questio facti, способна ли данная организація вмѣстить новое количество рукъ. Отношеніе между народнохозяйственной организаціей и увеличивающимся населеніемъ можетъ мыслиться въ троякой формѣ. Первый и простѣйшій случай тотъ, когда данная организація обладаетъ еще значительной вмѣстимостью, такъ что происходитъ количественное ея расширеніе, не сопровождающееся качественнымъ измѣненіемъ. Примѣромъ такого отношенія можетъ служить ростъ колоніальнаго населенія, сопровождающійся простымъ расширеніемъ площади, привлекаемой къ обработкѣ (пока вся площадь не будетъ занята);

гдѣ дѣло стоитъ такъ, что вся доступная и хорошая земля уже занята, тамъ уплотненіе еще затруднительнѣе. Но еще болѣе оно затруднительно тамъ, гдѣ требуется для этого общая перемѣна техники, усовершенствованіе всѣхъ хозяйственныхъ силъ и организаціи“ (l. c. 185).

примѣромъ этого же можемъ послужить и современное капиталистическое хозяйство, которое обладаетъ значительной способностью къ количественному расширенію; насчетъ этого расширенія слѣдуетъ отнести ростъ населенія европейскихъ странъ въ XIX вѣкѣ. Отношеніе между народнохозяйственной организаціей и населеніемъ можетъ мыслиться и въ такой формѣ, что приростъ населенія, превышая уже емкость территоріи относительно населенія, стимулируетъ переходъ къ новымъ хозяйственнымъ формамъ, обладающимъ большей емкостью территоріи. Такой случай мы разсмотримъ ниже, говоря о возникновеніи капиталистическаго производства. Замѣтимъ, что здѣсь образуется временное перенаселеніе въ промежуточную эпоху, пока хозяйство не преобразуется соотвѣтственно новымъ требованіямъ. Наконецъ, послѣдній случай отношенія между народнымъ хозяйствомъ и населеніемъ состоитъ въ томъ, что приростъ населенія, обгоняя вмѣстимость данной организаціи, не вызываетъ въ то же время по какимъ бы то ни было причинамъ перехода къ высшимъ хозяйственнымъ формамъ. Этотъ случай и можетъ быть оквалифицированъ какъ *перенаселеніе въ собственномъ смыслѣ*.

Понятіе перенаселенія, конечно, вполнѣ относительно. Его можно опредѣлить какъ такое состояніе населенія, когда имѣется избытокъ рабочихъ рукъ, который не можетъ быть производительно использованъ даннымъ народнымъ хозяйствомъ. Здѣсь рѣчь идетъ, слѣдовательно, не о случайной или временной безработицѣ—возможно, что таковая вытекаетъ изъ данной хозяйственной организаціи и является до извѣстной степени условіемъ ея существованія,—но о наличности постояннаго избытка рабочихъ рукъ (возможно, что этотъ избытокъ выражается въ существованіи опредѣленнаго класса безработныхъ, но возможно, что избыточность распредѣляется на все рабочее населеніе и выражается въ недостаточной занятости послѣдняго). Состояніе перенаселенія можно констатировать, такимъ образомъ, лишь послѣ сложнаго учета баланса всего народнаго хозяйства; чѣмъ сложнѣе народное хозяйство, тѣмъ затруднительнѣе такой учетъ.

Состояніе перенаселенія имѣетъ своимъ послѣдствіемъ нищету, болѣзни и порокъ, то, что Мальтусъ называлъ „restrictive checks“ и что приводитъ населеніе снова къ равновѣсію. Движеніе населенія въ исторіи совсѣмъ не отмѣчено тѣмъ непрерывнымъ и постепеннымъ его ростомъ, къ какому мы привыкли въ XIX вѣкѣ:

населеніе движется зигзагами, то взадъ, то впередъ, то находится въ застоѣ. Задача уплотненія населенія принадлежитъ къ однимъ изъ наиболѣе трудно разрѣшаемыхъ народнохозяйственныхъ задачъ [1]).

Ростъ культуры выражается въ ростѣ потребностей, состояніе бѣдности различно опредѣляется поэтому для разныхъ культуръ. А потому и состояніе перенаселенія ощущается въ высшей культурѣ раньше и острѣе нежели въ низшей, гдѣ оно синонимируетъ нерѣдко съ голодной смертью. Какъ бы ни понималось однако состояніе бѣдности, несомнѣнно, что, при наличности перенаселенія, извѣстная часть бѣдности должна быть отнесена на счетъ *абсолютной бѣдности,* бѣдности производства, а не распредѣленія. Въ первобытныхъ стадіяхъ культуры, гдѣ структура хозяйства проще и яснѣе, это едва-ли можетъ вызывать возраженія. Возможность перенаселенія въ теперешнемъ народномъ хозяйствѣ отрицается обыкновенно ссылкой на неравномѣрность распредѣленія благъ и скопленіе богатствъ въ немногихъ рукахъ. Но не слѣдуетъ забывать, что вопросъ объ отношеніи населенія къ емкости территоріи можетъ быть поставленъ только относительно опредѣленной, конкретной исторической обстановки; ссылки на возможныя, но не существующія условія здѣсь не помогаютъ.

---

[1]) „Исторически эпохи и народы (имѣвшіе густое населеніе) не очень многочисленны: эпоха греческой, римской и германской внутренней колонизаціи, эпохи большихъ, хорошо управлявшихся имперій востока, эпоха эллинизма, разцвѣтъ Рима и арабовъ и, наконецъ, европейскихъ государствъ послѣднихъ столѣтій". Schmoller. l. c. 186). Невѣроятнымъ противорѣчіемъ исторической истинѣ звучитъ слѣдующее тенденціозное сужденіе Лоріа: „именно благодаря тому, что избытокъ населенія объясняется экономическими факторами, связанными съ системой, основанной на наемномъ трудѣ (systême du salaire), избытокъ населенія является феноменомъ существенно историческимъ (essentiellement historique), неизвѣстнымъ другимъ формамъ соціальной экономіи. Напрасно вы стали бы искать избытокъ населенія въ средніе вѣка, въ эпоху феодальной системы и цеховой организаціи ремесла; напротивъ въ эту эпоху находимъ постоянный излишекъ средствъ существованія сравнительно съ числомъ людей, и рабочіе, даже нищіе живутъ достаточно (largement)" (*A. Loria.* Problèmes sociaux contemporains. Paris. 1897, стр. 84—5). Наоборотъ, можно сказать, что перенаселеніе, въ самомъ притомъ буквальномъ смыслѣ, недостатка пищи, встрѣчается тѣмъ чаще, чѣмъ далѣе мы отходимъ въ глубь исторіи. Лоріа употребляетъ здѣсь обычный агитаціонный пріемъ закрашиванья въ черный цвѣтъ настоящаго и въ розовый прошлаго.

Неравномѣрность распредѣленія и скопленіе капиталовъ въ рукахъ немногихъ составляетъ одну изъ существенныхъ особенностей теперешняго капиталистическаго строя, имѣющаго опредѣленную емкость территоріи относительно населенія. Устраните фактъ частнаго капиталовладѣнія, вы измѣните тѣмъ самымъ въ корнѣ теперешнюю народнохозяйственную организацію, и вновь возникшая организація будетъ имѣть иную, можетъ быть, большую, а, можетъ быть и меньшую емкость территоріи. Но въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства извѣстную часть населенія можно при наличности извѣстныхъ признаковъ квалифицировать какъ избыточную: объ этомъ можно судить хотя бы потому, что народное хозяйство, теряя эту часть населенія въ видѣ эмиграціи,— а мы знаемъ уже, какъ колоссальна была въ XIX вѣкѣ европейская эмиграція,—ничего, кромѣ, облегченія, не испытываетъ. Между тѣмъ въ другихъ случаяхъ, теряя даже небольшую часть населенія (напр. эмигрирующихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ), оно чувствуетъ это весьма болѣзненно. Огромныя цифры европейской эмиграціи въ XIX вѣкѣ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что, не взирая на ростъ емкости территоріи, европейское населеніе систематически превышало возможныя границы прироста населенія.

Многимъ изложенныя идеи покажутся отчуждающими, отчасти благодаря разнымъ постороннимъ ассоціацямъ, съ ними связаннымъ. Тѣмъ не менѣе отрицать возможность перенаселенія вообще (въ вышеразъясненномъ смыслѣ) нельзя уже по слѣдующимъ соображеніямъ. Если развитіе соціальноэкономическихъ отношеній представляется процессомъ стихійнымъ, отъ индивидуальной воли не зависящимъ, но ее собой опредѣляющимъ, то такой же стихійной силой представляется человѣческое размноженіе. Дѣторожденіе—актъ индивидуальный, имѣющій мѣсто въ предѣлахъ данной семьи; населеніе же есть соціальное, собирательное понятіе; каждая семья не знаетъ о рождаемости во всѣхъ другихъ семьяхъ, населеніе есть совокупныхъ результатъ рождаемости различныхъ семей. Хотя между формой хозяйства и размноженіемъ и существуетъ извѣстная зависимость, но эта зависимость чувствуется не столько въ положительной, сколько отрицательной формѣ, какъ препятствіе, когда населеніе переступаетъ извѣстныя границы и появляется уже перенаселеніе. Въ отношеніи между населеніемъ и формой хозяйства (Мальтусъ неудачно выражался въ такихъ слу-

чаяхъ: населеніемъ *и средствами существованія*) выражается совокупное дѣйствіе двухъ стихій: стихійной силы соціальныхъ отношеній и не менѣе стихійной силы размноженія, силъ голода и любви. Согласное дѣйствіе обѣихъ этихъ стихій мы можемъ предположить только какъ случайное исключеніе; общимъ правиломъ является ихъ несовпаденіе. Противное можно думать только съ принятіемъ ученія о предустановленной гармоніи, теологическаго оптимизма, долгое время царившаго, да и до сихъ поръ не умершаго въ воззрѣніяхъ на перенаселеніе.

Въ поясненіе долженъ добавить здѣсь, что сказанное относительно перенаселенія вообще не нужно понимать въ смыслѣ *соціальной* теоріи (какъ обычно понимается ученіе Мальтуса). Для насъ это только *экономическая* теорія, понятіе перенаселенія является лишнимъ средствомъ для болѣе точной постановки экономическаго діагноза. Зло, проистекающее изъ перенаселенія, является на извѣстной ступени общественнаго развитія столь же стихійнымъ и фатальнымъ, какъ и зло, проистекающее изъ соціальноэкономическаго состоянія. Ожидать и желать сознательнаго приспособленія населенія къ средствамъ существованія отъ бѣднаго, дикаго и невѣжественнаго населенія есть неменьшій утопизмъ, чѣмъ требовать отъ патагонцевъ или бушменовъ, положимъ, машиннаго производства. Это было бы не только безсмысленное, но и безсодержательное требованіе, потому что пока соціальноэкономическая организація представляетъ собой стихію, недоступную человѣческому контролю, къ ней невозможно разумное приспособленіе. Стихія размноженія можетъ быть регулируема только тогда, когда больше сознательнаго контроля будетъ приложено относительно веденія соціальнаго хозяйства. Разрѣшеніе одной проблемы немыслимо безъ разрѣшенія другой.

Но въ приспособленіи размноженія къ формѣ хозяйства мы видимъ въ всякомъ случаѣ особую проблему, которую предстоитъ разрѣшить будущему человѣчеству. До тѣхъ поръ, пока человѣчество не овладѣетъ стихійною силой размноженія, бѣдность не можетъ быть окончательно искоренена, опасность перенаселенія будетъ всегда у дверей [1]). Мнѣ видится въ будущемъ то состояніе, когда люди

[1]) Справедливо говоритъ *Ланге*: „законъ народонаселенія есть альфа и омега соціальнаго вопроса. Это есть одинъ изъ тѣхъ немногихъ пунктовъ, относительно которыхъ не можетъ быть разницы во мнѣніяхъ а есть только различная степень пониманія. Съ познанія закона народоселенія

будутъ сознательно приспособлять рождаемость къ хозяйственнымъ условіямъ. Этого можно ожидать, конечно, не отъ нравственнаго воздержанія, которое съ лицемѣрной жестокостью рекомендуется иными сторонниками Мальтуса. Можно думать, наоборотъ, что радости семейной жизни станутъ доступны большему числу людей, чѣмъ теперь, когда онѣ составляютъ привиллегію меньшинства. Помощи надо ждать отъ науки, отъ выработки его методовъ регулированія населенія [1]). Конечно, и въ нравахъ должны произойти значительныя измѣненія, лицемѣріе и предразсудки должны уступить мѣсто болѣе честному, строгому и, осмѣлюсь добавить, нравственному отношенію къ вопросу. Люди, имѣющіе чрезмѣрно большое потомство, въ особенности одержимые наслѣдственными болѣзнями, будутъ, по извѣстному выраженію Дж. Ст. Милля, разсматриваться какъ пьяницы или преданные какимъ-либо другимъ излишествамъ. Быть можетъ, человѣчеству предстоитъ не мало испытаній, прежде чѣмъ оно измѣнитъ свое теперешнее отношеніе къ этому вопросу. Зачатки новаго образа мыслей мы видимъ уже теперь въ такъ называемомъ неомальтузіанскомъ движеніи.

Но оставимъ вопросы будущаго для этого будущаго: довлѣетъ дневи злоба его. Въ той постановкѣ, въ какой вопросъ этотъ имѣетъ значеніе и для настоящаго, мы изучимъ его ниже. Итакъ, всякая организація народнаго хозяйства представляетъ собою опредѣленную фазу въ развитіи народонаселенія, его плотности, состава и т. д. Современная, такъ называемая капиталистическая организація, разсматриваемая со стороны населенія, также представляетъ совершенно своеобразное явленіе. Если европейская культура достигла необычайныхъ, небывалыхъ результатовъ въ области развитія производительности труда и созданія народнаго богатства, то еще болѣе удивительными представляются достигнутые ею результаты касательно повышенія емкости территоріи относительно населенія, уплотненія послѣдняго. Европейская куль-

---

и его дѣйствій лишь начинается пониманіе соціальныхъ золъ и ихъ источника, и лишь съ измѣненіемъ закона народонаселенія могутъ исчезнуть послѣдніе слѣды соціальнаго зла“ (*F. A. Lange.* I. St. Mill's Ansichten über die sociale Frage und die angebliche Umwälzung der Socialwissenschaft durch Carey. Duisburg. 1866. Стр. 24).

[1]) Подобныя воззрѣнія были развиты Каутскимъ въ одной изъ его раннихъ работъ: *Karl Kautsky.* Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft. Wien. 1880.

тура достигла въ этомъ отношеніи невиданныхъ и неслыханныхъ результатовъ [1]). Разумѣется, оба эти явленія,—матеріальный прогрессъ и густота населенія, находятся въ связи между собою, это двѣ стороны одного и того же явленія. Но густота населенія образуетъ самостоятельную и великую силу цивилизаціи. Она увеличиваетъ человѣческій матеріалъ, который является субстратомъ культуры, она увеличиваетъ, слѣдовательно, возможность появленія болѣе многочисленныхъ и болѣе разнообразныхъ талантовъ всякаго рода, несущихъ свою лепту въ духовную сокровищницу человѣчества: національная литература, искусства, наука въ томъ развитіи, въ какомъ мы сейчасъ ихъ имѣемъ, находятся въ несомнѣнной связи съ этой обширностью человѣческаго матеріала. Далѣе густота населенія развиваетъ и усиливаетъ общественность, создаетъ болѣе ощутительное психическое треніе людей другъ о друга, обогащаетъ жизнь и повышаетъ ея пульсъ; быть можетъ и въ этомъ лежитъ причина общепризнанной нервности жизни XIX вѣка въ сравненіи со всѣми предыдущими. Города и городская жизнь являются кульминаціонными пунктами этого уплотненія населенія, гдѣ взаимное треніе людей достигаетъ наибольшихъ размѣровъ, и культурный контрастъ деревни городу создается прежде всего именно различіемъ въ количествѣ населенія.

Заслуги капитализма въ области развитія производительности труда общепризнаны; историческая роль капитализма въ этомъ отношеніи, быть можетъ, съ наибольшимъ удареніемъ была отмѣчена Марксомъ. Но гораздо менѣе оцѣненной и понятой осталась другая, неменьшая заслуга капитализма: создаваемая имъ ёмкость территоріи относительно населенія.

Для капитализма въ особенности характерно соединеніе повышенія матеріальнаго благосостоянія съ повышеніемъ плотности населенія: здѣсь увеличивается не голодное и лишенное всякихъ

[1]) Вотъ для поясненія поучительное сопоставленіе. Плотность населенія на квадратный километръ:

Франція.		Германія.		Англія и Уэльсъ.	
Во время Цезаря	7,6	Около Рожд. Хр.	5— 6		
1328	40	1300	17—20	1100	8
1574	27	1620	25	1450—1600	17
1700	42	1700	26—28	1700	33
1800	50	1800	40—45	1800	58
1895	71	1895	92	1891	192

(*Schmoller*, l. c., 183).

потребностей населеніе, но населеніе съ потребностями, непрерывно повышающимся. Этимъ европейскій ростъ населенія и его плотность отличается отъ тѣхъ случаевъ уплотненія населенія, когда оно обязано исключительно благопріятнымъ климатическимъ условіямъ и связаннымъ съ ними minimum'омъ потребностей, который остается неизмѣннымъ или понижается, но не повышается.

Уплотненіе населенія, характеризующее теперешнюю цивилизацію, связано съ совершенно опредѣленными измѣненіями въ народнохозяйственной организаціи, именно съ развитіемъ товарнаго хозяйства, приведшимъ къ отдѣленію промышленности отъ земледѣлія, связано съ развитіемъ индустріализма [1]). Именно индустріализму, развитію обрабатывающей промышленности (какъ мы знаемъ, въ капиталистической ея формѣ) суждено было блистательное разрѣшеніе задачи уплотненія населенія западной Европы

---

[1]) Заслуга выясненія значенія индустріализма въ дѣлѣ повышенія емкости территоріи относительно населенія (также какъ и самый терминъ—Bevölkerungskapazität) принадлежитъ Дюрингу. Дюрингъ слѣдующимъ образомъ развиваетъ свою мысль, опредѣляя понятіе земледѣльческаго хозяйства въ противоположность промышленному: „Земледѣльческій или промышленный характеръ области мы различаемъ по преобладающему значенію того или иного элемента. . . Даже самое примитивное земледѣліе не могло бы существовать безъ всякаго ремесла, и наряду съ нимъ развиваются болѣе или менѣе хотя нѣсколько отраслей домашней промышленности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти зачатки промышленности не могутъ измѣнить общаго характера всего хозяйства, которое даже при наличности нѣсколькихъ мануфактуръ вынуждено будетъ къ тому, чтобы получать изъ-за границы всякое произведеніе болѣе тонкой техники, слѣдовательно, машины и фабрикаты, и платить за нихъ, также какъ и за предметы роскоши и колоніальной торговли, сырыми продуктами и пищей. Этотъ способъ снабжать себя средствами существованія очень дорогъ, ибо при этомъ нельзя ни продавать сырыя произведенія земли на отдаленномъ рынкѣ, ни получать въ достаточномъ количествѣ и удовлетворительнаго качества тѣ средства производства, которыя нужны для улучшенія земледѣлія. Страна слишкомъ слаба и бѣдна, чтобы быть въ состояніи покупать въ значительномъ количествѣ произведенія далекихъ промышленныхъ областей. То, что она можетъ предложить взамѣнъ, хотя на отдаленномъ рынкѣ имѣетъ высокую цѣну, но на мѣстѣ производства—низкую, потому что главная составная часть цѣны поглощается транспортомъ и торговымъ посредничествомъ. Примѣните къ чисто земледѣльческому государству законъ разстояній и транспорта, и вы увидите, что оно не въ силахъ при помощи своей торговли выйти изъ своего состоянія... Промышленное государство обладаетъ несравненно большей емкостью территоріи нежели земледѣльческое... Переходъ къ промышленному государ-

И индустріализмъ разрѣшилъ эту задачу совершенно своеобразнымъ способомъ, кладущимъ печать на всю исторію XIX вѣка. Уплотненіе населенія достигнуто путемъ не болѣе или менѣе равномѣрнаго повышенія ёмкости всей территоріи, а чрезвычайно неравномѣрныхъ скопленій населенія въ ограниченныхъ пунктахъ, *городахъ*, или промышленныхъ центрахъ, между тѣмъ какъ цѣлыя огромныя территоріи повышали свое населеніе слабо, подъ конецъ даже совсѣмъ его теряли. Хотя поднялась ёмкость территоріи относительно населенія и въ земледѣльческихъ округахъ, однако это поднятіе не было ни настолько всеобщимъ, ни настолько значительнымъ, чтобы ослабить справедливость общаго положенія, что уплотненіе населенія совершилось въ XIX вѣкѣ за счетъ развитія городовъ и промышленныхъ центровъ, и распредѣленіе населенія въ наше время носитъ существенно новый характеръ отличаясь большей неравномѣрностью нежели въ какую бы то ни было предшествующую эпоху.

Георгъ Ганзенъ [1]) высказалъ, несмотря на всѣ частныя ошибки, допущенныя имъ при развитіи своей теоріи, чрезвычайно плодотворную мысль, что капитализмъ, развитіе городовъ, является особымъ состояніемъ населенія, фазой въ его развитіи, той именно, когда численность населенія превышаетъ вмѣстительность деревни и предоставляемыхъ ею условій общежитія. Справедливость этой мысли нельзя оспаривать и въ томъ случаѣ, если выселеніе части деревенскаго населенія въ города произошло не въ результатѣ естественно наступившаго перенаселенія, но путемъ экспропріаціи и изгнанія части сельскаго населенія.

Великія перемѣны въ хозяйственной жизни народовъ дѣлаются подъ давленіемъ жестокой необходимости, а не свободнаго выбора. Деревенское населеніе, находившее достаточное удовлетвореніе своихъ потребностей въ деревнѣ, конечно, не пошло бы за невѣрнымъ заработкомъ въ новыя мѣста или города, возможность возникновенія капиталистической промышленности была бы тѣмъ

ству есть средство усилить съ наибольшею возможной скоростью уже задерживающійся приростъ населенія и не только поддержать въ прежнемъ видѣ, но и ускорить ходъ хозяйства". *E. Dühring.* Cursus der National— und Socialökonomie. Berlin. 1873. 109—14. Ср. также вся глава III, Abschn. II). Ученіе Дюринга объ емкости населенія является естественнымъ восполненіемъ ученія Листа о развитіи промышленности.

[1]) Die drei Bevölkerungsstufen. 1889.

самымъ исключена. Необходимо, чтобы его погнала нужда или насиліе, нужда отъ перенасселенія, насиліе отъ землевладѣльцевъ, но во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы было въ наличности населеніе, которое не можетъ уже существовать въ деревнѣ.

Необходимость свободныхъ рукъ, какъ условіе развитія капитализма, была выяснена Марксомъ. Но Марксъ, бравшій всѣ вопросы исторіи капитализма въ англійской ихъ постановкѣ, и здѣсь придалъ чрезмѣрное значеніе индивидуальнымъ условіямъ англійской исторіи, настолько, что не выдѣлилъ общей необходимости, скрывавшейся въ этой особенной исторической формѣ. И дѣйствительно, если имѣть въ виду только англійскую исторію, то легко придти къ выводу, что происхожденіе капитализма стоитъ исключительно въ связи съ рядомъ насилій и экспропріацій [1]). Но если сопоставить рядъ различныхъ условій возникновенія капитализма, то становится яснымъ, что капитализмъ является неизбѣжнымъ какъ средство дальнѣйшаго уплотненія населенія, что экспропріація является здѣсь или случайнымъ совпаденіемъ, или же лишь ускоряетъ естественный ходъ событій, который привелъ бы однако къ тому же исходу. Отправнымъ пунктомъ развитія капитализма является во всякомъ случаѣ перенаселеніе, все равно

---

[1]) „... эти вновь освобожденные (отъ феодальной зависимости) стали продавцами самихъ себя лишь послѣ того, какъ были лишены своихъ собственныхъ средствъ производства и всѣхъ обезпеченій существованія, которыя давали имъ старый феодальный порядокъ. А эта исторія, исторія ихъ экспропріаціи, написана въ лѣтописяхъ человѣчества кровью и желѣзомъ... Въ исторіи первоначальнаго накопленія наиболѣе выдающимися событіями были всѣ перевороты, которые служили рычагами для поднятія возникающаго класса капиталистовъ, въ особенности же тѣ моменты, когда огромныя массы людей внезапно и насильственно отторгались отъ средствъ ихъ существованія и выбрасывались на рабочій рынокъ, какъ свободные и „незакрѣпленные“ пролетаріи. Экспропріація земледѣльческаго производителя, крестьянина, лишеніе его земли — вотъ основа всего процесса. Исторія этой экспропріаціи въ разныхъ странахъ принимаетъ различные оттѣнки, и различные факты проходитъ въ различной послѣдовательности и въ различные періоды времени. Только въ Англіи, которую мы возьмемъ для примѣра, она принимаетъ классическую форму“. (Капиталъ I, 626—7). Англія не только не является типической страной, но составляетъ скорѣе исключеніе или во всякомъ случаѣ не болѣе типична, чѣмъ всякая другая страна. Развитіе капитализма возможно и безъ помощи экспропріаціи просто на развалинахъ натуральнаго хозяйства, оказавшагося несостоятельнымъ въ виду роста населенія.

естественное или же искусственное, усиленное экспропріаціей, является поэтому неизбѣжно нищета и бѣдность, которыя могутъ быть уврачеваны только капитализмомъ [1]). Поэтому, между прочимъ, тѣ бѣдствія, которыми обыкновенно бываютъ ознаменованы первые шаги капитализма, столько же относятся на счетъ этого капитализма, еще не успѣвшаго развить своихъ положительныхъ силъ, сколько на счетъ докапиталистическаго перенаселенія, нищеты не вновь созданной, а полученной по наслѣдству: le mort saisit le vif [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда слѣдуетъ, что первоначальное предкапиталистическое перенаселеніе, съ сопровождающими его горемъ, нуждой и бѣдствіями, было необходимымъ условіемъ созданія теперешней цивилизаціи, цѣной прогресса: *перенаселеніе это было экономически прогрессивнымъ*, какъ необходимое условіе перехода къ высшей формѣ производства. Этотъ выводъ, я знаю, ужаснетъ многихъ, но нужно имѣть мужество быть послѣдовательнымъ; по нѣмецкой поговоркѣ „wer A sagt, muss auch B sagen“, тѣ, кто дорожитъ и гордится блескомъ теперешней цивилизаціи, должны быть въ ясности и относительно того, какой цѣной она куплена.

Перенаселеніе является условіемъ не только происхожденія капиталистическаго производства, но и начальнаго его развитія, до полнаго разцвѣта. Первые шаги развитія капитализма, естественно, еще робки и неувѣренны; долженъ быть готовый контингентъ рабочей силы для того, чтобы могъ затрачиваться капиталъ. Первыя стадіи развитія капиталистическаго производства характеризуются, кромѣ того, широкимъ *экстенсивнымъ* его развитіемъ, созданіемъ многочисленныхъ отраслей производства, которыя только впервые формируютъ свои рабочіе кадры. Позднѣе, когда каждая отрасль промышленности имѣетъ уже собственный контингентъ рабочихъ и развитіе принимаетъ не столько экстенсивный, сколько *интенсивный* характеръ, причемъ основаніе новыхъ отраслей производства уступаетъ мѣсто постепенному расширенію уже су-

---

[1]) Для Россіи это было указано П. Б. Струве, замѣчанія котораго относительно первоначальнаго предкапиталистическаго перенаселенія вообще отличаются большой проницательностью. См. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб. 1894.

[2]) Извѣстно, что это было выставлено въ качествѣ возраженія противъ ученія Маркса уже *Ф. А. Ланге* въ его „Рабочемъ Вопросѣ“. У Ланге возраженія эти носятъ въ общемъ апріорный характеръ.

ществующихъ, промышленность не нуждается въ столь обильномъ предложеніи рабочихъ; кромѣ того, теперь окрѣпшая промышленность можетъ сама *привлекать* ихъ, между тѣмъ какъ раньше ихъ гнала нужда.

Состояніе перенаселенія, предшествующее капитализму, сливается съ тѣмъ перенаселеніемъ, которое сопровождаетъ первыя стадіи уже развивающагося капитализма; въ сущности послѣднее есть непосредственное продолженіе первоначальнаго перенаселенія, почему мы и не различили оба эти состоянія въ терминологіи, безразлично назвавъ ихъ оба *предкапиталистическимъ* перенаселеніемъ

Резервуаръ избыточнаго населенія помѣщается, прежде всего, въ деревнѣ. Наличность болѣе или менѣе обширнаго аграрнаго перенаселенія почти всегда свидѣтельствуетъ о существованіи общаго перенаселенія въ странѣ. Мы знаемъ уже, что съ этимъ перенаселеніемъ связаны судьбы крупнаго хозяйства въ земледѣліи. Въ этомъ отношеніи не различаются судьбы крупнаго земледѣлія во всѣхъ изученныхъ нами странахъ. Волна перенаселенія въ моментъ своего высшаго подъема возноситъ за собой ладью крупнаго хозяйства, но, опускаясь сама, она влечетъ внизъ и это послѣднее. Основные моменты развитія еще свѣжи въ памяти читателя.

Присутствіе перенаселенія настолько существенно для положенія не только деревенскаго, но и всего рабочаго населенія, что въ исторіи развитія капитализма вообще можно различать эти двѣ стадіи (хотя, естественно, границу съ точностью провести чрезвычайно затруднительно): эпоху предкапиталистическаго перенаселенія и эпоху его отсутствія. Избытокъ предложенія рабочей силы надъ спросомъ не можетъ не отражаться на положеніи рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Онъ создаетъ состояніе необезпеченности, усиливаетъ зависимость рабочаго отъ предпринимателя; это не можетъ оставаться безъ вліянія даже на положеніе „обученнаго труда“, которое всетаки зависитъ, до извѣстной степени, и отъ общаго положенія рабочихъ. Приливъ новыхъ рабочихъ силъ изъ деревни, съ низшими потребностями и безъ тѣхъ соціальныхъ навыковъ, которые развиваются уже у городскихъ рабочихъ, ослабляетъ способность къ сопротивленію у этихъ послѣднихъ. Длинный рабочій день и низкая заработная плата,—вообще *экономія низкой заработной платы* (производство *абсолютной* прибавочной цѣнности, по терминологіи Маркса),

характеризуютъ этотъ періодъ развитія капитализма. Эта же эпоха, осложненная еще техническими переворотами, дала основу для созданія Verelendungstheorie (теоріи обнищанія), согласно которой развитіе капитализма сопровождается ростомъ нищеты, ибо контингентъ капиталистической эксплуатаціи въ эту эпоху быстро увеличивается, формы же эксплуатаціи при данныхъ условіяхъ могутъ измѣняться только въ худшую сторону. Такъ какъ въ эту эпоху перенаселеніе и нищета являются необходимымъ условіемъ возможности развитія капитализма и роста народнаго богатства на его основѣ, то для нея справедливо, что ростъ народнаго богатства и народнаго благосостоянія антагонистичны между собою. Всѣ эти положенія старой политической экономіи имѣютъ, такимъ образомъ, относительную справедливость, но приложимы только къ опредѣленному фазису капиталистическаго развитія. Человѣкъ цѣнится дешево въ эту тяжелую эпоху, и еще дешевле цѣнится человѣческая личность.

По мѣрѣ того какъ излишнее населеніе мало-по-малу разсасывается въ народнохозяйственномъ организмѣ, положеніе рабочаго получаетъ возможность измѣняться къ лучшему; нѣтъ, по крайней мѣрѣ, одного изъ самыхъ серьезныхъ препятствій къ этому улучшенію. Наступаетъ періодъ экономіи высокой заработной платы, потому что качество труда теперь не можетъ уже такъ легко замѣняться количествомъ. Человѣкъ дорожаетъ какъ въ городѣ, такъ и деревнѣ, и отъ этого выигрываетъ его гражданская и человѣческая личность. Къ этому періоду относится успѣшное развитіе рабочихъ организацій всякаго рода, и политическихъ, и хозяйственныхъ, и профессіональныхъ, поднятіе заработной платы, сокращеніе рабочаго дня и т. д. Однимъ изъ наиболѣе выигрывающихъ при этомъ (относительно) оказывается сельскохозяйственный рабочій. Характеризуемая эпоха представляетъ собою полный расцвѣтъ капитализма.

Къ сказанному нужно сдѣлать два поясненія.

Предкапиталистическое перенаселеніе кореннымъ образомъ отличается отъ того относительнаго перенаселенія, которое свойственно капитализму, какъ таковому. Предкапиталистическое перенаселеніе есть наслѣдіе предшествовавшей эпохи, задача, которую прошлое оставляетъ будущему и которую капитализмъ разрѣшаетъ постепеннымъ повышеніемъ ёмкости территоріи. Но кромѣ этого состоянія общаго перенаселенія, есть и спеціальныя формы перенаселенія,

точнѣе безработицы, порождаемыя специфическими особенностями капиталистической организаціи производства.

Теорія относительнаго перенаселенія связывается обычно съ именемъ Маркса. Однако заслуга Маркса состоитъ больше всего лишь въ формулированіи общаго принципа относительнаго перенаселенія, его же собственное ученіе о формѣ этого перенаселенія недостаточно, а отчасти невѣрно и неудовлетворительно [1]). Лишь ученіе о „текучемъ перенаселеніи“ можетъ быть удержано для современной науки, да и то въ качествѣ общаго принципа, весьма нуждающагося въ детализаціи [2]). Категорія „скрытаго“ или деревенскаго перенаселенія, во-первыхъ, приспособлена къ спеціально англійскимъ условіямъ, а во-вторыхъ, стоитъ въ связи съ воззрѣніями Маркса на капиталистическое развитіе земледѣлія, которыя считаться правильными ни въ какомъ случаѣ не могутъ [3]).

---

[1]) Для Маркса теорія перенаселенія была прежде всего теоріей бѣдности, *соціальной* теоріей, которую онъ, въ сознательномъ антагонизмѣ Мальтусу, хотѣлъ вплести въ общую ткань своего соціалистическаго міровоззрѣнія. Поэтому значеніе народонаселенія (и перенаселенія), какъ могучаго фактора соціальнаго развитія, а вмѣстѣ и какъ соціологической проблемы осталось ему совершенно чуждо.

[2]) Вотъ въ какихъ общихъ чертахъ характеризуется Марксомъ текучее перенаселеніе: „въ центрахъ современной промышленности — на фабрикахъ, заводахъ, рудникахъ и т. д. - рабочіе, то отталкиваются, то снова притягиваются въ болѣе сильной степени, такъ что въ концѣ концовъ число занимающихся работниковъ возрастаетъ, хотя въ постоянно уменьшающемся отношеніи къ размѣру производства“. (Капиталъ, I, 561).

[3]) Вотъ какъ опредѣляетъ Марксъ эту форму перенаселенія. „Какъ только капиталистическое производство овладѣваетъ земледѣліемъ или по мѣрѣ того какъ оно овладѣваетъ имъ, запросъ на сельское рабочее населеніе абсолютно понижается съ накопленіемъ функціонирующаго здѣсь капитала, но при этомъ отталкиваніе его не дополняется, какъ въ неземледѣльческой промышленности, бо́льшимъ притяженіемъ въ другомъ мѣстѣ. Часть сельскаго населенія находится поэтому постоянно въ переходномъ состояніи превращенія въ городской или мануфактурный пролетаріатъ и въ ожиданіи условій, благопріятныхъ для такого превращенія. Этотъ источникъ прибываетъ, слѣдовательно, постоянно. Но постоянный притокъ къ городамъ предполагаетъ въ самыхъ деревняхъ постоянный, скрытый избытокъ населенія, размѣръ котораго можно видѣть только тогда, когда, въ исключительныхъ случаяхъ, сточные каналы открываются шире. Плата сельскому рабочему понижается поэтому до minimum'а, самъ же онъ всегда одной ногой стоитъ въ болотѣ пауперизма“. (Капиталъ, I, 563). Этимъ исчерпывается ученіе Маркса объ отношеніи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, городомъ и деревнею вообще.

Наконецъ, категорія „неподвижнаго“ перенаселенія включаетъ все, что̀ не можетъ помѣститься въ обѣ предшествовавшія категоріи, безъ всякихъ опредѣленныхъ признаковъ; категорія, включающая въ себя, такимъ образомъ, „все остальное“, не есть экономическая категорія, а пустой и безсодержательный внѣшній ярлыкъ [1]). Излишне и добавлять, что представленіе о предкапиталистическомъ перенаселеніи было совершенно чуждо Марксу.

Сказанное о предкапиталистическомъ перенаселеніи ни мало не затрогиваетъ вопроса объ относительномъ капиталистическомъ перенаселеніи, которое, быть можетъ, такъ неразрывно связано съ капиталистической организаціей производства, что она не можетъ безъ него существовать. Конечно, какъ періодическія, такъ и сезонныя колебанія заработковъ остаются и при полномъ отсутствіи предкапиталистическаго перенаселенія, резервная армія капитализма составляетъ хотя и не дѣйствующую, то все таки необходимую часть арміи. Можетъ или не можетъ быть воспособлено этому злу, во всякомъ случаѣ его происхожденіе иного характера чѣмъ предкапиталистическаго перенаселенія. Однако при отсутствіи послѣдняго и временныя колебанія промышленности и безработицы должны переноситься легче, чѣмъ при его наличности, какъ въ силу лучшаго общаго положенія рабочаго, такъ и меньшаго предложенія рабочей силы, что̀ имѣетъ значеніе какъ для занятыхъ рабочихъ, такъ и лишившихся заработка, но его ищущихъ.

Итакъ, категоріи предкапиталистическаго (или абсолютнаго) и капиталистическаго (или относительнаго) перенаселенія принципіально различаются между собою и мыслятся совершенно независимо другъ отъ друга. Бѣдность и безработица остается, конечно, одна и та же, является ли она результатомъ въ одномъ случаѣ абсолютнаго, въ другомъ относительнаго перенаселенія; но для пониманія причинъ этой бѣдности и всего народнохозяйствен-

[1]) Вотъ какъ опредѣляется неподвижное перенаселеніе: „третья категорія избытка населенія, неподвижный избытокъ, образуетъ часть дѣйствующей рабочей арміи, но безъ всякихъ правильныхъ занятій, такъ что капиталъ имѣетъ при этомъ всегда въ своемъ распоряженіи громадныя массы скрытыхъ рабочихъ силъ. Условія его жизни ниже средняго уровня условій жизни рабочаго класса, что именно и дѣлаетъ его предметомъ особенной отрасли эксплуатаціи“, (ib. 563). Чѣмъ же отличается эта неопредѣленная категорія отъ первой и второй? Она излишня даже съ точки зрѣнія ученія Маркса, за своей полной безсодержательностью.

наго состоянія это различіе очень существенно, обѣ категоріи играютъ роль весьма важныхъ діагностическихъ средствъ.

Второе поясненіе касается отношенія между городомъ и деревнею, точнѣе, деревенскимъ и городскимъ населеніемъ. Мы знаемъ уже, что первоначально избытокъ деревенскаго населенія устремился въ города, чтобы создать тамъ новую экономическую жизнь. Притокъ населенія изъ деревни въ городъ продолжается во всю эпоху предкапиталистическаго перенаселенія. Но онъ не прекращается и послѣ исчезновенія послѣдняго, постоянное движеніе деревенскаго населенія въ города есть нормальное условіе развитія капитализма. Эта необходимость вытекаетъ изъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, развивающееся капиталистическое производство требуетъ увеличивающагося населенія. Между тѣмъ собственный, городской приростъ населенія, если и существуетъ, то слабъ и можетъ оказаться недостаточнымъ и отстающимъ отъ темпа хозяйственнаго развитія. Во-вторыхъ, условія городской и промышленной жизни, несмотря на всѣ усилія санитаріи, оказываются настолько антигигіеничны, что естественный приростъ городского населенія оказывается весьма замедленнымъ, а средняя жизнь до сихъ поръ менѣе продолжительна чѣмъ въ деревнѣ (послѣднее установлено изслѣдованіями Баллода). Ганзенъ высказалъ мнѣніе, которое пытался утвердить разборомъ данныхъ статистики населенія города Мюнхена, что городское населеніе, предоставленное само себѣ, вымерло бы, такъ какъ смертность здѣсь превышаетъ рождаемость [1]). Мнѣніе это подвергается весьма сильной кри-

[1]) Изслѣдованія о ростѣ городского и деревенскаго населенія, ихъ взаимномъ отношеніи, средней продолжительности жизни и т. д. едва начинаются. Только новѣйшая статистика могла доставить данныя, позволяющія поставить эту любопытнѣйшую соціологическую проблему.

Взаимное отношеніе городского и деревенскаго населенія хорошо выясняется изъ слѣдующаго сопоставленія (которое заимствуемъ изъ французской оффиціальной статистики: Denombrement de la population 1891, стр. 72).

Наличное населеніе.		Городское населеніе.	Сельское.	Всего.
30 мая	1886	13,793,524	24,425,379	38,218,903
Рожденія . . . . (7 посл. мѣс.)	1886	198,365	319,750	518,515
„	1887	344,007	555,326	899,333
„	1888	349,001	533,638	882,639
„	1889	351,222	529,231	880,453
„	1890	336,804	501,255	838,059

тикѣ и едва ли окажется правильнымъ послѣ провѣрки въ полномъ объемѣ, но весьма вѣроятно, что относительно многихъ городовъ, а еще болѣе относительно рабочихъ классовъ населенія и въ особенности отдѣльныхъ отраслей производства она окажется правильна. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что въ теперешнемъ обществѣ деревня является источникомъ населенія, и „Zug nach der Stadt“ составляетъ условіе нашей цивилизаціи. Въ этомъ заключается важнѣйшая экономическая функція современной деревни, совершенно необходимая и незамѣнимая: можно упразднить значеніе деревни какъ мѣста земледѣльческаго производства, усиливъ привозъ земледѣльческихъ продуктовъ изъ-за границы, но значеніе деревни какъ источника населенія и національной силы упразднить нельзя. Ссылка на примѣръ Англіи, которая дѣлается иногда въ видѣ опроверженія этого положенія, его совершенно не опровергаетъ, потому что до сихъ поръ и

(три мѣс.) . . .	1891	113,320	170,050	283,370
Всего рожденій. .	—	1,692,719	2,609,250	4,301,969
Отсюда вычесть:				
Смертей въ . . .	1886	194,360	286,832	481,192
(7 посл. мѣс.)				
„	1887	340,722	502,075	842,797
„	1888	343,415	494,452	836,867
„	1889	333,512	461,421	794,933
„	1890	365,909	510,596	876,505
(три мѣс.) . . .	1891	115,930	162,130	278,000
Всего смертей . .	—	1,693,848	2,417,506	4,111,354
Избытокъ смертей.	—	1,129	—	—
Избытокъ рожденій	—	—	191,744	190,615
Населеніе, *исчисленное* къ 11 апр. .	1891	13,792,395	24,617,123	38,409,518
Дѣйствительно констатированное 11 апр.	1891	14,311,292	24,031,900	38,343,192
Разница	—	+ 518,897	— 585,223	— 66,326

Эта таблица даетъ полную возможность понять дѣйствительный характеръ отношеній между городомъ и деревней. Она показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, для французскихъ городовъ нашего времени Ганзенъ вполнѣ правъ, и что, предоставленное себѣ, городское населеніе не въ силахъ даже удержаться на неизмѣнномъ уровнѣ и, слѣдовательно, осуждено на вымираніе. Питаетъ городъ населеніемъ деревня, та самая французская деревня, на которую сыплется такъ много обвиненій въ искусственномъ безплодіи. Относительно того же приблизительно пе-

англійскіе города питаются деревенскимъ населеніемъ: въ города отвлекается весь общій приростъ деревенскаго населенія, а сверхъ того и часть постояннаго его контингента, вслѣдствіе этого постоянно уменьшающагося; до сихъ поръ не было доказано, чтобы англійскіе города, въ санитарномъ отношеніи обставленные наиболѣе благопріятно во всей Европѣ, могли въ такой же степени, какъ до сихъ поръ, увеличивать свое населеніе безъ помощи деревни.

Повторяемъ еще разъ, что, хотя отношеніе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ во всѣхъ подробностяхъ представляетъ собою неразрѣшенную еще проблему, а оздоровленіе городовъ все уменьшаетъ зависимость ихъ отъ деревни со стороны населенія, однако для настоящаго времени и для всего XIX вѣка зависимость эта есть несомнѣнный фактъ.

Такимъ образомъ, деревня постоянно высачиваетъ изъ себя избытокъ населенія, который устремляется въ города. Въ эпоху общаго перенаселенія, когда „тяга въ городъ“ бываетъ особенно сильна, онъ берется изъ общаго резервуара избыточнаго населенія. Въ позднѣйшую эпоху эмиграція въ городъ затрогиваетъ иногда не только резервную, а уже дѣйствительную армію земледѣлія въ томъ случаѣ, если земледѣліе ведется наемнымъ трудомъ и населеніе не связано съ землей: это мы наблюдаемъ повсемѣстно въ теперешнюю эпоху аграрнаго кризиса. Иначе дѣло происходитъ въ томъ случаѣ, если деревенское населеніе состоитъ изъ крестьянъ, которые не такъ легко бросаютъ земледѣліе и не такъ

ріода въ жизни германскихъ городовъ Баллодъ въ результатѣ изслѣдованія приходитъ къ такому выводу. „Въ общемъ можно считать подтверждающимся то воззрѣніе, по которому сельское населеніе питаетъ и должно питать населеніе большихъ городовъ, чтобы послѣднее не пошло назадъ. Вѣроятно, что первоначальное населеніе германскихъ городовъ съ 1816 года, если и не вполнѣ вымерло, какъ слѣдовало бы принять по Ганзену, но въ общемъ осталось неизмѣннымъ или даже должно нѣсколько уменьшиться“. (*Ballod.* Die Lebensfähigkeit der städtischen und ländlichen Bevölkerung. 1897. Стр. 56). *Brückner* (v. Mayr's Statist. Arch., Band I, стр. 136) вычисляетъ, что съ 1816 по 1885 годъ населеніе Имперіи выросло съ 24,8 до 46,8 милл., населеніе же большихъ городовъ болѣе чѣмъ учетверилось, составляя въ 1816 году 4,4% всего населенія, а въ 1885 уже 10,5%. Уже „отсюда очевидно, что если бы городское населеніе обладало бы такою же жизнеспособностью какъ сельское, и тогда оно на половину должно было бы состоять изъ иммигрантовъ“ (ibid. 5).

тяжело страдаютъ отъ аграрнаго кризиса. Здѣсь теоретически мыслимы три возможности, въ зависимости отъ измѣненій емкости территоріи относительно земледѣльческаго населенія. Если эта емкость уменьшается, то часть крестьянства тѣмъ самымъ вытѣсняется изъ земледѣлія и должна идти въ города; если эта емкость неизмѣнна, то въ города направляется лишь естественный приростъ населенія; если эта емкость, наконецъ, увеличивается, то весь приростъ населенія въ деревнѣ долженъ быть настолько значителенъ, чтобы покрыть собой увеличеніе и городского и деревенскаго населенія. Но всѣ эти случаи имѣютъ то общее между собой, что необходимо предполагаютъ въ деревнѣ избыточное населеніе. Эта избыточность должна чувствоваться какъ частичное перенаселеніе (на обычномъ языкѣ это называется малоземеліе). Такимъ образомъ, состояніе частичнаго перенаселенія есть нормальное состояніе деревни даже при полномъ отсутствіи общаго перенаселенія въ странѣ; оно вытекаетъ изъ функціи деревни, какъ источника населенія. Эту форму перенаселенія, которую въ отличіе отъ другихъ, назовемъ *деревенскимъ перенаселеніемъ*, нужно также отличать отъ общаго перенаселенія, хотя главною тяжестью и то и другое обнаруживается въ деревнѣ. Но, очевидно, форма деревенскаго перенаселенія въ чистомъ видѣ исключается состояніемъ общаго перенаселенія, которое выражается, прежде всего, аграрнымъ перенаселеніемъ. Слѣдовательно эта спеціальная форма перенаселенія, какъ таковая, принадлежитъ лишь второй эпохѣ развитія капитализма, когда резервуаръ предкапиталистическаго перенаселенія уже исчерпанъ.

Итакъ, обѣ спеціальныя формы капиталистическаго перенаселенія—и городское, и деревенское—вытекаютъ изъ специфическихъ особенностей капиталистическаго хозяйства, онѣ отличаются поэтому отъ первоначальнаго перенаселенія, которое знаменуетъ историческій переломъ, измѣненіе хозяйственныхъ формъ, и ставитъ капиталистическому хозяйству общую проблему уплотненія населенія. Первыя формы перенаселенія въ извѣстномъ смыслѣ неразрывно связаны съ капиталистическимъ производствомъ, послѣдняя же должна быть устранена его полнымъ развитіемъ.

Мы должны въ заключеніе популяціонистической характеристики капитализма отмѣтить еще одну его особенность. Какъ мы уже знаемъ, то уплотненіе населенія, которое достигается капитализмомъ, обязано по преимуществу индустріализму,—развитію тор-

говли и промышленности. Земледѣліе принимаетъ здѣсь участіе только сначала, а затѣмъ развитіе индустріализма и связанное съ нимъ уплотненіе населенія совершается *на его счетъ*. Задачу уплотненія населенія, которая сводится, конечно, къ задачѣ производства необходимыхъ средствъ существованія на данной территоріи для бо̀льшаго населенія, капитализмъ разрѣшаетъ поэтому не вполнѣ и не прямо. Онъ не разрѣшаетъ, а лишь *обходитъ* ее относительно земледѣлія, уклоняясь отъ тяжелаго ига закона убывающаго плодородія почвы (ср. введеніе). Средства существованія, производимыя въ земледѣліи, въ большей или меньшей степени образуютъ продуктъ ввоза, за который платится вывозомъ продуктовъ индустріи, чѣмъ и создается цѣпь зависимости капиталистическихъ странъ отъ внѣшняго рынка. Капиталистическое хозяйство является, такимъ образомъ, односторонне развитымъ, не самодовлѣющимъ [1]). Мы имѣемъ въ виду при этомъ не то раздѣленіе международнаго труда, которое основывается на климатическихъ и естественныхъ различіяхъ или какихъ-либо выгодахъ особенной спеціализаціи производства и ведетъ къ общей выгодѣ всѣхъ мѣняющихся странъ,—фактъ такого раздѣленія труда экономически прогрессивенъ, и оно усиливается съ развитіемъ культуры; нѣтъ, то различіе между странами земледѣльческими и промыш-

[1]) Эта особенность современнаго развитія въ новѣйшее время хорошо отмѣчена Шмоллеромъ. „Если въ настоящее время страна для того, чтобы прокормить двойное количество населенія, расширяетъ свой фабричный экспортъ и будетъ въ значительной степени жить чужимъ хлѣбомъ, то государственная организація, отношеніе къ заграницѣ, собственная мощь и мощь другихъ государствъ, словомъ, исключительно счастливое совпаденіе многихъ обстоятельствъ можетъ обусловить благополучное разрѣшеніе этой проблемы. Такимъ образомъ, создается положеніе, которое можетъ существовать только при опредѣленныхъ международныхъ и всемірнохозяйственныхъ условіяхъ; именно, если благодаря этому въ фабричныхъ и экспортирующихъ областяхъ живетъ по 8—15,000 на кв. милю, то это предполагаетъ политическую и экономическую зависимость или международныя дружескія отношенія съ областями, большими по размѣру въ 10—100 разъ, но имѣющими 1—3,000 на кв. милю... Такимъ образомъ, является полнѣйшимъ заблужденіемъ, если оптимисты, указывая на 1% земной поверхности, заселенный съ плотностью въ 8,000 душъ на кв. милю и болѣе, говорятъ, что также будутъ заселены и остальные 99%. Значительная часть культурныхъ странъ уже теперь болѣе не допускаетъ увеличенія населенія на 100% или 200%, если техника не научитъ насъ приготовлять хлѣбъ и мясо химическимъ путемъ, не прибѣгая къ земледѣлію“ (*Schmoller*. Grundriss, 186).

ленными, вывозящими и ввозящими продукты земледѣлія имѣетъ совершенно другое значеніе и вытекаетъ не изъ силы, а изъ слабости капиталистическаго производства, связаннаго закономъ убывающей производительности почвы [1]). Уплотненіе населенія въ капиталистическомъ производствѣ совершается въ значительной степени за чужой счетъ; если есть страны промышленныя съ густымъ населеніемъ, то должны быть и страны земледѣльческія, съ рѣдкимъ населеніемъ. Плотность населенія капиталистическаго хозяйства въ извѣстномъ смыслѣ паразитарная, чужеядная. При *теперешнихъ* условіяхъ развитія производства предположить капитализмъ въ качествѣ всемірнаго явленія нельзя, потому что это значило бы уничтожить дѣленіе странъ на промышленныя и земледѣльческія, между тѣмъ одно также невозможно безъ другого какъ человѣкъ безъ тѣни [2]). Мы будемъ еще говорить о значеніи этого факта въ заключительной главѣ настоящаго сочиненія.

2. Емкость территоріи относительно земледѣльческаго населенія.

Емкость территоріи относительно населенія и превышеніе этой емкости, или перенаселеніе, въ примѣненіи ко всему народ-

---

[1]) Смѣшеніе различія земледѣльческаго и промышленнаго государствъ, основывающагося, въ послѣднемъ счетѣ, на законѣ убывающаго плодородія почвы, и международнаго раздѣленія труда, прогрессирующей спеціализаціи производства допускаетъ *Зомбартъ* въ своихъ разсужденіяхъ объ „экспортѣ и культурѣ“. См. *W. Sombart.* Export und Kultur (Sociale Praxis. 1899. № 31).

[2]) Различной степени индустріализаціи соотвѣтствуютъ и общій ростъ населенія въ XIX вѣкѣ, который очень различается для разныхъ странъ, давая живое подтвержденіе вѣрности положенія, что „населеніе необходимо ограничено средствами существованія“. Средняя плотность населенія для Германской Имперіи, напр., съ 1816 до 1895 года возрасла 46,3 человѣкъ на квадр. километръ до 96,7, приблизительно вдвое. Но какъ различается интенсивность прироста въ разныхъ частяхъ Германіи: такъ Пруссія въ 1816 имѣла 35,3 человѣка на кв. километръ, въ 1895 уже 91,4 (а мы знаемъ уже какъ различенъ былъ этотъ приростъ въ разныхъ провинціяхъ), въ королевствѣ Саксоніи было въ 1815 году 78,6, а въ 1895 уже 252,6,—наибольшій приростъ въ Имперіи. Ей противоположенъ крестьянскій Вюртембергъ, гдѣ плотность увеличилась съ 72,3 въ 1816 году до 106,6 въ 1895; Баденъ 66,3 въ 1816 и 114,4 въ 1895; Баварія съ 48,5 въ 1818 и 76,7 въ 1895. Большее или меньшее преобладаніе земледѣлія чувствительно отзывается на общемъ приростѣ населенія.

ному хозяйству есть понятіе довольно абстрактное. Требуется сложный анализъ народнаго хозяйства, чтобы опредѣлить создаваемую имъ ёмкость территорріи или же установить наличность общаго перенаселенія. Иначе обстоитъ дѣло относительно отдѣльной отрасли производства, именно земледѣлія. Здѣсь помѣстительность данной земледѣльческой территоріи есть дѣло очень ясное, можно сказать, наглазное, а переселеніе представляетъ совершенно очевидное явленіе, сопровождающееся тяжелыми страданіями для населенія.

Принципъ народонаселенія, точнѣе ученіе о емкости территоріи относительно земледѣльческаго населенія представляется необычайно важнымъ для пониманія конкретнаго хода развитія земледѣлія; вмѣстѣ съ закономъ убывающаго плодородія почвы онъ долженъ быть поставленъ въ самомъ центрѣ теоріи аграрнаго развитія, между тѣмъ до сихъ поръ его универсальное значеніе въ экономикѣ земледѣлія было выяснено еще менѣе нежели значеніе закона убывающаго плодородія почвы. Мы просимъ поэтому читателя особенно внимательно прослѣдить за ходомъ слѣдущихъ разсужденій.

Ясно, отчего зависитъ емкость территоріи относительно населенія при натуральномъ хозяйствѣ, когда производство имѣетъ главною цѣлью существованіе непосредственныхъ производителей. Земля можетъ прокормить тѣмъ больше ртовъ, чѣмъ она плодороднѣе, чѣмъ благопріятнѣе климатическія условія и чѣмъ выше развитіе сельскохозяйственной техники. Что касается этой послѣдней, то предѣлы ея развитія при натуральномъ хозяйствѣ, какъ показываетъ исторія земледѣлія, чрезвычайно узки. Техника эта оставалась въ общемъ неизмѣнна иногда въ теченіе тысячелѣтія. Ростъ производства обязанъ былъ главнѣйшимъ образомъ росту населенія, т. е. рабочихъ рукъ. Однако понятно, что способность земли производительно всасывать въ себя растущее количество труда находится въ зависимости отъ общаго состоянія земледѣльческой техники. Производительностъ земли не можетъ быть безгранично увеличиваема растущими затратами одного только труда; хотя трудъ и можетъ замѣщать собой другіе факторы прозводства, но только до извѣстной степени. Трудъ, затрачиваемый свыше технически разумныхъ предѣловъ, столь же не производителенъ (если только не вреденъ) какъ трудъ черпанья бочки Данаидъ. Такимъ образомъ, хотя справедливо, что новый ротъ

приноситъ и новыя руки, однако мы еще разъ убѣждаемся, что не всякія новыя руки могутъ быть употреблены съ пользой и способны, слѣдовательно, прокормить своего владѣльца. Если населеніе переходитъ тѣ границы, которыя опредѣляетъ вся сумма техническихъ и естественныхъ условій, образуется вынужденная безработица съ одной стороны (пусть не думаютъ поэтому, что безработица есть явленіе новое, принадлежащее только капиталистическому строю), причемъ эта безработица можетъ выразится въ недостаточной занятости всего населенія или же полной праздности отдѣльныхъ работоспособныхъ лицъ, и недоѣданье съ другой. Однако указываемая возможность представляетъ здѣсь сравнительно хорошій исходъ. Слѣдуетъ ожидать еще худшаго. Чрезмѣрное дробленіе земли, являющееся въ результатѣ перенаселенія, хотя и натурально-хозяйственнаго, ведетъ къ пониженію хозяйственной техники и уменьшенію общаго производства, несмотря на выросшее число ртовъ. Это становится понятно, если мы примемъ во вниманіе, что благодаря уменьшившимся размѣрамъ каждаго хозяйства оно неизбѣжно терпитъ ущербъ въ своей техникѣ: ухудшается качество, а затѣмъ и количество скота, слѣдовательно, и навоза; качество воздѣлыванія почвы понижается; нѣкоторые участки, воздѣлываніе которыхъ было подъ силу крѣпкому хозяйству, теперь совсѣмъ забрасываются. Получается полное противорѣчіе, что растущее число рабочихъ рукъ выражается не только въ ухудшеніи земледѣлія, но и сокращеніи его площади. Натурально-хозяйственная бѣдность, отсутствіе запасовъ приводятъ къ тому, что всякій болѣе или менѣе значительный недородъ или неурожай, составляющіе самое обычное явленіе при полной зависимости примитивнаго земледѣлія отъ случайностей стихій, выражается голодовкой. Этими голодовками полна вся исторія среднихъ вѣковъ до начала XIX вѣка. Благодаря голодовкѣ вымираетъ часть населенія, и послѣднее снова приводится въ соотвѣтствіе съ „средствами существованія“, т. е. съ средствами производства (какъ долженъ былъ бы правильнѣе выразиться Мальтусъ), съ земледѣльческой территоріей. Такое же значеніе имѣютъ войны и опустошительныя эпидеміи, столь обычныя въ средніе вѣка; эпохи послѣ войны отмѣчаются особеннымъ благосостояніемъ трудящихся классовъ.

Итакъ, перенаселеніе, вымираніе лишняго населенія отъ голодовокъ, войнъ и эпидемій, за которымъ слѣдуетъ приведеніе на-

селенія въ соотвѣтствіе ёмкости территоріи, далѣе опять перенаселеніе и т. д.,—такова нехитрая, но ужасающая въ своей простотѣ логика натуральнаго крестьянскаго хозяйства въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. Этимъ цикломъ и исчерпывается вся „экономія сельскаго хозяйства“ этого времени [1]). Правда, количественно сельскохозяйственное производство расло, именно расширялась земледѣльческая территорія, отвоевываемая у лѣсовъ и болотъ или создаваемая человѣческимъ трудомъ посредствомъ обращенія неудобныхъ земель въ культивируемыя. Благодаря этому, главнымъ образомъ, экстенсивному расширенію земледѣльческаго производства мы и наблюдаемъ хотя тугой, но непрерывный ростъ населенія въ средніе вѣка. Но это внѣшнее расширеніе земельной площади при косности тогдашняго, большею частью закрѣпощеннаго населенія совершалось весьма медленно и трудно; притомъ оно не только не исключаетъ, но даже предполагаетъ перенаселеніе на старыхъ мѣстахъ, которое и отдираетъ отъ прежней земли избыточное населеніе (въ извѣстномъ смыслѣ и здѣсь перенаселеніе является—увы!—экономически прогрессивнымъ).

Приспособленіе населенія къ средствамъ производства, борьба за существованіе носитъ, такимъ образомъ, на первыхъ стадіяхъ культуры крайне простой, почти зоологическій характеръ; оно напоминаетъ размноженіе животныхъ, гдѣ природа достигаетъ сохраненія вида, не щадя его отдѣльныхъ экземпляровъ, и даже больше того, гдѣ погибель многочисленныхъ экземпляровъ является условіемъ благополучія вида, т. е. уцѣлѣвшихъ.

Чистое натуральное хозяйство большая рѣдкость даже въ глубинѣ исторіи; обыкновенно оно не свободно отъ нѣкоторой, хотя бы и слабой связи съ рынкомъ, причемъ продавцомъ (большей частью въ цѣляхъ уплаты государственныхъ податей) мужикъ становится значительно раньше чѣмъ покупателемъ, т. е. потребителемъ продуктовъ неземледѣльческаго хозяйства. Путь этотъ отъ мужика-продавца до мужика-продавца и вмѣстѣ съ тѣмъ покупателя исторически довольно длиненъ (въ этомъ переходномъ

---

[1]) Читатель пойметъ, что исторія земледѣлія разсматривается здѣсь лишь со стороны самыхъ основныхъ чертъ экономической организаціи, самыхъ абстрактныхъ теоретическихъ моментовъ. При этомъ не игнорируется, а просто остается въ сторонѣ все безконечное разнообразіе историческихъ формъ, въ которыхъ намъ приходится наблюдать однѣ и тѣ же основныя черты экономической организаціи.

состояніи находится сейчасъ значительное большинство русскаго крестьянства и немалая часть западно-европейскаго). Но такъ какъ мы имѣемъ въ виду здѣсь чисто теоретическій анализъ каждаго типа, то мы не будемъ останавливаться на переходныхъ типахъ и прямо перейдемъ къ крестьянскому мѣновому хозяйству; переходные же типы будутъ понятны на основаніи сказаннаго о чистыхъ. Разсматриваемое со стороны емкости территоріи или отношенія между населеніемъ и средствами существованія, мѣновое хозяйство отличается отъ натуральнаго тѣмъ, что тогда какъ въ патуральномъ *весь* (или почти весь) земледѣльческій продуктъ составляетъ пищу земледѣльческаго населенія, въ мѣновомъ на потребленіе этого населенія остается только *часть* продукта, другая же его часть — большая или меньшая — продается, слѣдовательно, отвлекается отъ собственнаго потребленія земледѣльческаго населенія. Казалось бы, что переходъ къ мѣновому хозяйству долженъ понижать емкость территоріи относительно населенія. Но внѣшняя видимость не даетъ вѣрнаго представленія о дѣйствительной связи явленій. *Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому повышаетъ емкость земледѣльческой территоріи.* Несмотря на вычетъ, который дѣлается благодаря отчужденію на рынкѣ части земледѣльческихъ продуктовъ, *фондъ натуральнаго потребленія также повышается.* Ошибочно думаютъ тѣ, которые считаютъ, что доля натуральнаго потребленія земледѣльцевъ не зависитъ отъ рынка и, слѣдовательно, цѣнъ. Правда, здѣсь нѣтъ *непосредственной* зависимости отъ цѣнъ, какъ она существуетъ относительно отчуждаемой доли продукта; но остается *косвенная* зависимость, именно зависимость отъ *общаго состоянія* земледѣлія, для котораго имѣетъ первостепенное значеніе рынокъ и, въ частности, движеніе цѣнъ на земледѣльческіе продукты.

Это общее состояніе земледѣлія испытываетъ серьезныя перемѣны благодаря переходу отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому, именно происходитъ повышеніе производительности земледѣлія, составляющее единственный разумный raison d'être этого перехода. Не трудно понять причины такого вліянія перехода къ мѣновому хозяйству. Обмѣнъ приводитъ натуральное земледѣліе въ связь съ промышленностью, и промышленность оплодотворяетъ земледѣліе, измѣняя его методы производства, его технику. Она дѣлаетъ это, какъ мы уже знаемъ, разными способами: она даетъ

новыя рабочія орудія, новыя удобренія, въ то же время наука вырабатываетъ наиболѣе цѣлесообразныя комбинаціи различныхъ факторовъ производства. Какъ эквивалентъ покупаемыхъ на рынкѣ средствъ производства, земледѣлецъ отдаетъ часть своего продукта, но вмѣстѣ увеличиваетъ и производство для собственнаго потребленія. Особенное значеніе имѣетъ здѣсь то обстоятельство, что новые методы и средства производства даютъ болѣе *обширное поле производительнаго приложенія земледѣльческаго труда*, расширяютъ прежнія его границы. Это расширеніе создаетъ возможность существованія большаго количества населенія на прежней территоріи.

Опредѣленіе емкости территоріи относительно земледѣльческаго населенія при мѣновомъ хозяйствѣ не такъ просто какъ при натуральномъ. Оно требуетъ сложнаго учета вліянія нѣсколькихъ различныхъ моментовъ. Крестьянинъ представляется теперь уже двуликимъ Янусомъ, одной стороной принадлежа натуральному хозяйству, а другой являясь продавцомъ своего труда, напоминающимъ наемнаго рабочаго. Перечислимъ въ отдѣльности основные моменты, обусловливающіе различную емкость территоріи относительно населенія. (Оставляемъ при этомъ въ сторонѣ различія, вытекающія изъ неравныхъ естественныхъ условій земледѣлія, какъ то различія плодородія, климата, культивируемыхъ растеній и т. д.).

1) При прочихъ равныхъ условіяхъ, емкость территоріи тѣмъ выше чѣмъ ниже относительная доля земледѣльческаго продукта, отчуждаемая на рынкѣ. Тѣмъ выше будетъ, очевидно, фондъ натуральнаго потребленія и тѣмъ больше людей можетъ прокормиться съ данной территоріи. Однако количество ихъ зависитъ и отъ уровней потребностей въ питаніи: прокормленіе впроголодь дурного качества хлѣбомъ позволяетъ существовать на данной площади большему количеству людей, нежели болѣе удовлетворительное питаніе. Что касается доли отчуждаемаго продукта, то ея размѣръ опредѣляется рыночными потребностями крестьянина. Здѣсь можно различить двѣ категоріи отчужденій: добровольныя и вынужденныя. Къ числу послѣднихъ относятся прежде всего отчужденія для уплаты налоговъ, которые могутъ быть такъ высоки, что сокращаютъ даже народное потребленіе. Въ отличіе отъ податей, которыя для земледѣлія непосредственно составляютъ прямой минусъ, вторая категорія вынужденныхъ

продажъ проистекаетъ изъ собственныхъ потребностей земледѣлія, именно въ средствахъ земледѣльческаго производства. Естественно, что эта категорія растетъ вмѣстѣ съ развитіемъ земледѣлія, а вмѣстѣ растетъ и то количество земледѣльческаго продукта, которое эквивалентно покупаемымъ средствамъ производства. На извѣстномъ уровнѣ развитія земледѣлія, соотвѣтствующемъ достигнутой плотности населенія, затрата извѣстнаго количества „капитала“ является технической и экономической необходимостью для земледѣльца. Однако, въ силу той особенности земледѣлія, что здѣсь, до извѣстной степени трудомъ можетъ быть замѣняемъ капиталъ, система земледѣлія болѣе работоинтенсивная даетъ большій просторъ населенію нежели болѣе капиталоинтенсивная система. Не нужно, впрочемъ, забывать, что границы этихъ колебаній въ данномъ случаѣ очень узки, — въ крестьянскомъ хозяйствѣ работоинтенсивность обычно и безъ того доведена до послѣднихъ предѣловъ, такъ что сколько-нибудь значительное сокращеніе капитала означало бы уже техническій регрессъ, за которымъ слѣдуетъ пониженіе общей емкости территоріи относительно земледѣльческаго населенія. Вторая категорія отчужденій земледѣльческаго продукта — добровольныя — опредѣляется, очевидно, потребностями крестьянина въ продуктахъ промышленности, его культурнымъ уровнемъ. Чѣмъ выше этотъ послѣдній, чѣмъ больше потребностей является у крестьянина и тѣмъ больше онъ долженъ тратить для удовлетворенія этихъ потребностей. Мы знаемъ уже, что этотъ культурный уровень—standart of life крестьянина—является однимъ изъ условій, опредѣляющихъ цѣну крестьянскаго хлѣба. Но насколько различія въ уровнѣ потребностей не уловляются въ цѣнахъ, очевидно, они выражаются въ необходимости отчуждать то большее, то меньшее количество хлѣба для удовлетворенія потребностей. Чрезъ это, конечно, понижается емкость территоріи относительно населенія.

2) При прочихъ равныхъ условіяхъ, емкость территоріи относительно населенія тѣмъ выше, чѣмъ выше уровень цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Въ такомъ случаѣ доля продукта, отчуждаемаго на рынкѣ, соразмѣрно уменьшается, а слѣдовательно, увеличивается фондъ натуральнаго потребленія. Однако повышеніе цѣнъ можетъ и не сопровождаться уплотненіемъ населенія, — это повышеніе можетъ пойти на развитіе новыхъ потребностей, поднятіе культурнаго уровня земледѣльческаго населенія.

Однако, только въ цѣляхъ упрощенія можно представлять столь механически связь между уровнемъ цѣнъ и хозяйствомъ. На самомъ же дѣлѣ, какъ мы уже знаемъ, уровень цѣнъ отражается на всемъ состояніи хозяйства, даже на фондѣ натуральнаго потребленія крестьянина. Пониженіе цѣнъ, если оно не сопровождается удешевленіемъ элементовъ земледѣльческаго капитала (какъ это имѣетъ мѣсто, до извѣстной степени, въ настоящее время) ведетъ къ общему попиженію всего хозяйства, тогда какъ повышеніе къ общему его поднятію.

Въ зависимости отъ различій всего народнаго хозяйства, естественныхъ условій земледѣлія, уровня потребностей земледѣльческаго населенія, наконецъ, уровня сельскохозяйственной техники емкость территоріи относительно населенія необыкновенно различествуетъ въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя историческія эпохи, такъ что попытка опредѣлить нормальные размѣры земельныхъ участковъ представляется совершенно неосуществимой. Вотъ, для иллюстраціи, нѣсколько сравненій изъ жизни теперешней Германіи. По свидѣтельству Міасковскаго [1]) въ Баденскомъ Пфальцѣ достаточно уже 3—4 моргеновъ для прокормленія семейства въ 5 душъ, тогда какъ въ Шварцвальдѣ минимумъ для прокормленія составляютъ 35 моргеновъ. Еще больше различія въ Баварскомъ Пфальцѣ, гдѣ на разстояніи $5^1/_2$ кв. миль, въ зависимости отъ того, находится ли данный участокъ въ горахъ, холмахъ или равнинѣ, среднее количество земли, нужное для прокормленія семейства, будетъ 4,20 или 60 моргеновъ. Въ Рейнской равнинѣ у Кёльна, Бонна, Дюссельдорфа выручка двухъ кельнскихъ (= $2^1/_2$ прусскихъ) моргеновъ [2]) овощей достаточно для прокормленія семьи въ 5 человѣкъ. По свидѣтельству проф. Кюна [3]), въ Баденѣ считаютъ крупными имѣніями уже такія, которыя въ Помераніи едва ли годятся для мелкихъ крестьянъ (KleinBauer). Въ Kaiserstuhl имѣніе въ 3,73 гектара обозначается уже какъ среднее крестьянское имѣніе, тогда какъ въ сѣверной части Бадена хозяйство въ 8,23 гек-

---

[1]) *A. v. Miaskowski.* Das Erbrecht und die Eigenthumsvertheilung im Deutschen Reiche. 1882. Band I, 111. Многочисленные примѣры см. также у *Stumpfe.* Der kleine Grundbesitz und die Getreidepreise. Leipzig. 1897.

[2]) Моргенъ (прусскій)=25,5 аровъ, около $^1/_4$ гектара.

[3]) Prof. *Kühn.* Die Getreidezölle in ihrer Bedeutung für den kleinen und mittleren Grundbesitz. Halle a./S. 1885. Стр. 3—5.

тара называется мелкимъ крестьянскимъ имѣньицемъ (kleines Bauernstückchen). Въ королевствѣ Саксоніи (Oberlausitz) продажа хлѣба начинается уже съ $^1/_2$ гектара. Въ Баденѣ при 2,6 гектаровъ продаютъ хлѣба за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей въ количествѣ 11,5% (27,7 аровъ находятся еще подъ табакомъ и лѣсомъ) [1]).

Изложенное даетъ ключъ къ пониманію весьма важнаго вопроса, именно о вліяніи на крестьянское хозяйство, оказанномъ современнымъ аграрнымъ кризисомъ, который вызванъ былъ паденіемъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Здѣсь прежде всего нужно особо выдѣлить вліяніе внезапности этого паденія, исключающей возможность постепенно къ нему приспособиться. Внезапное и крутое паденіе цѣнъ можетъ причинить такое потрясеніе крестьянскому хозяйству, въ особенности наименѣе устойчивымъ его представителямъ, что оно теряетъ всякую жизнеспособность. Такимъ паденіемъ отмѣчено въ особенности начало 80-хъ годовъ (когда въ Германіи выражалась тревога о возможности погибели крестьянскаго хозяйства) и 90-хъ годовъ. Въ Англіи это потрясеніе было такъ велико, что совершенно уничтожило слабые зародыши крестьянскаго хозяйства (впрочемъ, вмѣстѣ съ дѣйствіемъ задолженности). Внезапное паденіе цѣнъ тяжело отзывается на всѣ формы производства, но крестьянское, какъ наиболѣе слабое капиталомъ, естественно, менѣе устойчиво чѣмъ крупное (что ни мало не затрогиваетъ вопроса объ его общей жизнеспособности). Но не считая вліянія внезапности паденія цѣнъ, мы должны сказать, что главное вліяніе аграрнаго кризиса для крестьянскаго хозяйства выражается въ измѣненіи емкости территоріи относительно населенія. Пониженіе цѣнъ, какъ сказано, пони-

---

[1]) *Oemler* свидѣтельствуетъ относительно западной Пруссіи, ея долинъ и низинъ, что здѣсь преобладаетъ мелкое землевладѣніе. Но характерны размѣры этого „мелкаго“ землевладѣнія: свыше 100 ha, можетъ быть, 5%, отъ 50 до 100 ha—35%, 25 до 50 ha—25%, 12 до 25 ha—20%, и ниже 12 ha, можетъ быть, 15%. „Мелкими владѣльцами (Kleinbesitzer) по смыслу нашего изложенія могутъ считаться собственники ниже 50 гектаровъ“. (Bäuerliche Zustände in Deutschland, B. II, 229).—Для Бельгіи Г. Дени расчитываетъ въ 1897 году, что для прокормленія семейства въ вост. Фландріи достаточно 3 гектаровъ 9 аровъ, въ Антверпенѣ—4 гектаровъ, въ зап. Фландріи—4 гектара 54 ара. (*A. von Chlapowo-Chlapowski.* Die belgische Landwirtschaft im 19. Jahrhundert. Stuttgart. 1900. Münchener Volkswirtschaftliche Studien. 37. Стр. 99).

жаетъ емкость территоріи относительно населенія. Но этому противодѣйствуетъ нѣсколько встрѣчныхъ причинъ. Прежде всего, здѣсь слѣдуетъ отмѣтить прогрессъ агрономіи, улучшеніе, а вмѣстѣ и удешевленіе средствъ земледѣльческаго производства. Производительность земледѣлія, поэтому, растетъ, а потому и фондъ натуральнаго потребленія не уменьшается, а скорѣе также возрастаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, удешевленіе продуктовъ промышленности позволяетъ удовлетвореніе потребностей въ нихъ болѣе дешевымъ способомъ; однако, культурный уровень крестьянства повышается, что парализуетъ до извѣстной степени вліяніе этого удешевленія. Окончательный балансъ всѣхъ этихъ встрѣчныхъ и противорѣчивыхъ тенденцій таковъ. Крестьянское населеніе остается неподвижно и даже уменьшается, предпочитая увеличенію населенія увеличеніе своихъ потребностей, поднятіе своего культурнаго уровня. То слабое увеличеніе числа крестьянъ, которое обнаруживаетъ статистика, указываетъ не на ростъ емкости территоріи относительно земледѣльческаго населенія, но на укрѣпленіе крестьянскаго хозяйства и на расширеніе его за счетъ другихъ формъ хозяйства. Такимъ образомъ, въ медленномъ приростѣ крестьянскаго населенія нужно видѣть, между прочимъ, вліяніе и современнаго аграрнаго кризиса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что этимъ измѣненіемъ емкости территоріи относительно населенія и исчерпывается значеніе кризиса для крестьянскаго хозяйства; конечно, приноровленіе населенія къ измѣнившимся условіямъ хозяйства есть процессъ не безболѣзненный, чреватый гибелью не для одного отдѣльнаго хозяйства, но это приноровленіе облегчается пышнымъ развитіемъ промышленности. которая и поглощаетъ дѣлающееся избыточнымъ населеніе. Итакъ, аграрный кризисъ для крестьянскаго хозяйства состоитъ, главнымъ образомъ, *въ измѣненіи емкости земледѣльческой территоріи*, его значеніе и здѣсь, слѣдовательно, отличается отъ того, какое онъ имѣетъ въ крупномъ хозяйствѣ.

Остается еще одинъ вопросъ касательно емкости территоріи относительно населенія, именно о томъ вліяніи, которое имѣютъ здѣсь разныя формы землевладѣнія, въ частности вопросъ о различіи емкости территоріи при хозяйствѣ на собственной и на арендованной землѣ.

Вопросъ этотъ разрѣшается необыкновенно просто и ясно въ натуральномъ хозяйствѣ съ господствомъ крѣпостныхъ отношеній

и барщины. Земля прямо подѣлена здѣсь между помѣщикомъ и крестьяниномъ, также какъ подѣлено и рабочее время: извѣстное число дней крестьянинъ работаетъ на себя, извѣстное на помѣщика. При такомъ положеніи вещей территорія можетъ вмѣстить меньшее количество крестьянскихъ хозяйствъ, нежели въ томъ случаѣ, если бы не существовало помѣщичьяго хозяйства. Но совершенно то же самое,—только въ менѣе ясномъ, замаскированномъ видѣ — имѣетъ мѣсто и при свободной арендѣ. Отдавая часть земледѣльческаго продукта въ деньгахъ или въ натурѣ (какъ при половничествѣ), мелкій арендаторъ при томъ же уровнѣ потребностей принужденъ воздѣлывать большее количество земли (предполагая неизмѣнной систему хозяйства), сильнѣе напрягать свою рабочую силу, нежели при хозяйствѣ на собственной землѣ, когда изъ общаго продукта не дѣлается никакого вычета. Въ положеніи, аналогичномъ арендаторскому, находится и мелкій собственникъ, обремененный гипотечными платежами. Какъ арендаторъ, такъ и задолженный крестьянинъ или должны сокращать свои потребности сравнительно съ хозяиномъ собственникомъ или воздѣлывать большую территорію (или ту же территорію, но интенсивнѣе) съ большей затратой рабочей силы. Является questio facti, возможно ли въ данномъ случаѣ какъ по техническимъ, такъ и по экономическимъ условіямъ наверстать усиленной затратой труда невыгоды положенія арендатора и должника. Остается во всякомъ случаѣ безспорнымъ, что положеніе обоихъ къ невыгодѣ отличается отъ положенія собственника, хотя мелкая аренда, вообще говоря, можетъ сопровождаться высокимъ техническимъ уровнемъ производства и обезпечивать благосостояніе крестьянина.

Соблюденіе емкости территоріи относительно населенія составляетъ основное отрицательное условіе благосостоянія крестьянскаго населенія и процвѣтанія крестянскаго хозяйства. Несоблюденіе этого условія немедленно отражается самымъ мучительнымъ образомъ на населеніи и самымъ разрушительнымъ на хозяйствѣ. Перенаселеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ играетъ роль тѣхъ тощихъ коровъ во снѣ Іосифа, которыя сожрали тучныхъ, но сами не стали отъ этого тучнѣе. Даже при самой слабой степени оно подрываетъ основу крестьянскаго благосостоянія, вызывая цѣлый рядъ болѣзненныхъ явленій. Мы знакомы уже съ тѣмъ дѣйствіемъ, которое имѣетъ перенаселеніе въ натуральномъ хозяй-

ствѣ; въ мѣновомъ хозяйствѣ это дѣйствіе будетъ, конечно, сложнѣй, хотя, въ конечномъ итогѣ, приближается къ тому же, что въ натуральномъ.

Первый и совершенно очевидный результатъ перенаселенія это недостаточность существующей земельной площади для прокормленія даннаго населенія или *малоземелье*. Съ этимъ зломъ связано много неблагопріятныхъ послѣдствій. Вслѣдствіе чрезмѣрной парцелляціи земли, недостаточной для существованія, здѣсь развивается стремленіе во что бы то ни стало прикупить или пріарендовать клочекъ земли, настоящій голодъ на землю. Спросъ на землю, поэтому, страшно растетъ и необходимо превышаетъ предложеніе. Поэтому развиваются непомѣрно высокія цѣны на землю и непомѣрно высокія, голодныя, аренды. (Конечно, здѣсь разумѣется относительная высота: абсолютно эти платы могутъ быть вовсе не высоки и не казались бы таковыми при другомъ состояніи хозяйства). Это поднятіе цѣнъ на землю или арендъ ведетъ къ задолженности, къ зависимости бѣднѣйшей части населенія отъ спекулянтовъ на народную бѣдность. При этомъ развивается съ особенной силой паразитизмъ, который, не имѣя никакого отношенія къ производственному процессу, эксплуатируетъ обнищавшее крестьянство: таковы земельные спекулянты, покупающіе въ такихъ перенаселенныхъ мѣстахъ землю съ цѣлью ея перепродажи за возвышенную цѣну или сдачи въ аренду за высокую плату, далѣе посредники при сдачѣ земли, кулаки, ростовщики [1]),— все это паразиты, которые заводятся въ ткани больного организма какъ черви, но которымъ нѣтъ мѣста въ здоровомъ организмѣ [2]). Дѣло ясное, что улуч-

---

[1]) Въ Германіи тревога о томъ, что крестьянское населеніе страдаетъ отъ язвы ростовщичества, появилась въ началѣ 80-хъ годовъ, когда крестьянство было угнетено первыми проявленіями надвигавшагося кризиса. Подъ вліяніемъ этой тревоги Союзомъ Соціальной Политики было устроено изслѣдованіе, не принесшее, однако, особенно цѣнныхъ результатовъ. Изслѣдованіе это, изданное подъ заглавіемъ Der Wucher an dem Lande. 1887, составило 35 томъ Schriften des Vereins für Sociale Politik.

[2]) Превосходную характеристику значенія перенаселенія, какъ причины бѣдности въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ округахъ, даетъ Бухенбергеръ въ своей рѣчи, произнесенной въ собраніи Союза Соціальной Политики въ 1884 году. „Первою причиной, почему въ значительномъ числѣ сельскихъ общинъ южной Германіи теперешнее положеніе является

шить положеніе вещей въ такой перенаселенной деревнѣ можно однимъ только способомъ: разрѣженіемъ населенія, эмиграціей. Пока избыточное населеніе остается въ деревнѣ, зло непоправимо [1]).

Особый случай аграрнаго перенаселенія мы имѣемъ тогда, когда недостатокъ средствъ существованія, а вмѣстѣ отсутствіе возможности сполна приложить свою рабочую силу устремляетъ

безотраднымъ и даже критическимъ, является по моему мнѣнію наличность перенаселенія или то, что въ этихъ общинахъ населеніе мало-помалу перешло естественныя границы, дозволяемыя средствами существованія (Nahrungsspielraum) и въ его распоряженіи уже нѣтъ количества земли, нужнаго для его прокормленія и занятія. Что такое перенаселеніе существуетъ, конечно, отрицается многими, но далеко не всегда съ достаточнымъ основаніемъ, ибо если напр. указываютъ, что Саксонія и другія страны имѣютъ болѣе густое населеніе, то упускаютъ изъ вида при этомъ, что вездѣ, гдѣ не существуетъ развитой промышленности, приводящей въ движеніе тысячи рукъ, гдѣ воздѣлываніе земли составляетъ главный источникъ существованія, населеніе можетъ увеличиваться только до естественныхъ границъ, и эти границы, конечно, тѣмъ уже, чѣмъ скуднѣе почва, неблагопріятнѣе климатическія условія, чѣмъ меньше, слѣдовательно, доходы, которые могутъ быть получены съ данной площади. Перенаселеніе проявляется обыкновенно двумя признаками: неблагопріятнымъ распредѣленіемъ землевладѣнія, преобладаніемъ мелкихъ и мельчайшихъ владѣній; съ другой стороны, такъ какъ площадь, находящаяся въ распоряженіи этихъ мелкихъ владѣльцевъ, не можетъ удовлетворять всѣхъ ихъ потребностей, замѣтно стремленіе къ отысканію постороннихъ источниковъ существованія, и такъ какъ послѣдніе не всегда на лицо, то оно выражается въ лихорадочномъ желаніи увеличить землю прикупкою или пріарендованіемъ. Но такъ какъ на каждый сдаваемый или продаваемый клочекъ устремляется много такихъ голодныхъ хозяевъ, то цѣны взгоняются на нездоровую выгоду, а вслѣдствіе того мелкое хозяйство обременяется великимъ множествомъ долговъ, раздѣлаться съ которыми они могутъ съ большимъ трудомъ или совсѣмъ не могутъ. Поэтому фактъ перенаселенія, высокія покупныя или продажныя цѣны и сильная задолженность находятся въ тѣсномъ между собою взаимодѣйствіи". (Schr. d. V. f. S. P., B. 23. Стр. 30—31).

[1]) Многочисленные примѣры аграрнаго перенаселенія даетъ намъ Ирландія, но ихъ можно въ изобиліи найти во всякой земледѣльческой странѣ. Такъ, напр., наиболѣе страдающимъ отъ аграрнаго перенаселенія является въ Германіи Тюрингенъ, по крайней мѣрѣ, являлся въ началѣ 80-хъ годовъ. Въ большей части описаній въ анкетѣ Союза Соціальной Политики „Bäuerliche Zustände in Deutschland", касающихся Тюрингена, рисуется крестьянская бѣдность, стоящая въ явной связи съ перенаселеніемъ. Такъ, напр., по сообщенію Dr. *Franz*'а относительно Веймар-

населеніе не къ расширенію земельной территоріи, а къ внѣземледѣльческимъ заработкамъ, именно къ домашней промышленности (Hausindustrie). Возникновеніе и существованіе домашней промышленности въ деревнѣ необходимо обусловлено въ большинствѣ случаевъ малоземеліемъ, невозможностью прокормиться земледѣліемъ или въ силу низкаго качества почвы или черезчуръ густого населенія [1]). При этомъ отношеніе, существующее

скаго округа (Die landwirtschaftlich—bäuerliche Verhältnisse des Weimarischen Kreises B. Z. i. D., Band I) здѣсь существуетъ ненормальное раздробленіе земли. „Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ черезчуръ мелкаго хозяйства является то, что, подобно арендным цѣнамъ, поднимаются и продажныя цѣны на землю выше, чѣмъ позволяютъ всякія хозяйственныя условія... За несообразность покупныхъ и арендныхъ цѣнъ на землю, которыя порождаются условіями мелкаго хозяйства, лучше всего говоритъ тотъ фактъ, что среди болѣе крупныхъ и успѣшно хозяйничающихъ владѣльцевъ крестьянскихъ имѣній существуетъ уже значительное число такихъ, которые прекращаютъ свое хозяйство, сдаютъ землю по частямъ въ аренду и предоставляютъ бѣднотѣ выколачивать арендную плату, разсматривая свой собственный свободный теперь капиталъ какъ выигрышъ и получая такія аренды, которыхъ они даже приблизительно не могли бы получить при собственномъ хозяйствѣ". Главнымъ бѣдствіемъ округа Unterwesterwaldkreis въ Висбаденѣ пасторъ Гюммерихъ также считаетъ чрезмѣрную парцелляцію земельныхъ участковъ: для достаточнаго прокормленія средней семьи здѣсь требуется около 4 ha, и около половины семействъ имѣютъ меньшее количество земли. Подобные примѣры можно продолжить до безконечности.

[1]) Бухенбергеръ въ цит. рѣчи также указываетъ на домашнюю промышленность въ деревнѣ, какъ на признакъ перенаселенія. „Для этихъ общинъ (т. е. страдающихъ перенаселеніемъ) характерно присутствіе Hausindustrie или стремленіе завести таковую" (31). На эту же связь Hausindustrie съ мало- и дурноземельемъ указалъ въ своей рѣчи на послѣднемъ собраніи Союза Соціальной Политики (въ 1899 году) Вагнеръ. Онъ послѣ перечня заключаетъ: „вездѣ въ горахъ существуетъ домашняя промышленность. Даже совсѣмъ на югѣ, гдѣ Альпы переходятъ въ Германію чрезъ баварскую аграрную возвышенность, существуетъ домашняя промышленность, именно производство по дереву въ Гармѣ и Берхтесгаденѣ. И повсюду, гдѣ на этихъ столь перенаселенныхъ горныхъ хребтахъ Германіи домашняя промышленность исчезаетъ благодаря конкурренціи находящихся въ долинѣ фабрикъ, появляются... на ихъ мѣсто другія отрасли домашней промышленности, такъ въ настоящее время на мѣсто текстильной промышленности возникла сигарная, изготовленіе платья и обуви". „Разбросанно живущее населеніе нашихъ плато и горныхъ хребтовъ... если аграрный базисъ становится для него слишкомъ узкимъ, становится предъ альтернативой эмиграціи или занятій домашней про-

между земледѣліемъ и промышленностью въ крестьянской экономіи, ихъ сравнительная роль въ общемъ крестьянскомъ бюджетѣ, можетъ быть чрезвычайно различна. Въ соединеніи домашней промышленности и земледѣлія мы имѣемъ особый видъ аграрнаго перенаселенія, который можно было бы назвать его *скрытою* формой: перенаселеніе существуетъ, но оно выражается не выдѣленіемъ избыточной части населенія въ городъ, а тѣмъ, что всѣ жители заняты въ земледѣліи въ недостаточной степени и должны, сверхъ того, заниматься промышленностью. Эта скрытая форма тотчасъ же переходитъ въ явную, какъ только данная отрасль промышленности вырывается у населенія, положимъ, конкурренціей фабрики.

Связь земледѣлія съ промышленностью, причемъ одно составляетъ опору для другого, составляетъ причину необыкновенной устойчивости домашней промышленности въ деревнѣ или, употребляя общепринятое русское выраженіе, кустарной промышленности. Съ указанной точки зрѣнія судьбы кустарной промышленности являются не только вопросомъ борьбы крупнаго и

мышленностью; изъ чувства любви къ родинѣ или косности они выбираютъ послѣднее". (Verhandlungen des Ver. f. Soc. Pol. über die Hausindustrie und ihre gesetzliche Regelung etc. Leipzig. 1900. Стр. 28—9).

На связь домашней промышленности въ деревнѣ съ малоземельемъ указываетъ слѣдующая таблица относительно размѣровъ хозяйствъ тѣхъ земледѣльцевъ, которые, сверхъ того, занимаются еще домашней промышленностью, въ 1895 году.

Размѣры хозяйствъ.	Число Hausindustrielle занимающихся хозяйствомъ.
ниже 1 гектара.	61,706
1—2	7,376
2—3	2,473
3—4	973
4—5	401
5—10	354
10—20	45
20—50	17
50—100	3
	Сумма 53,308

Огромное большинство нѣмецкихъ кустарей имѣютъ, такимъ образомъ, меньше 1 гектара .Подобное же малоземелье составляетъ обычное условіе нашей кустарной промышленности.

мелкаго производства, но и серьезнымъ популяціонистическимъ вопросомъ.

Теоретически нужно отличать (хотя практически это не всегда легко) тѣ случаи кустарной промышленности, когда она вызывается аграрнымъ перенаселеніемъ, отъ тѣхъ случаевъ, когда это послѣднее въ строгомъ смыслѣ отсутствуетъ, а кустарная промышленность существуетъ здѣсь просто въ силу того, что по условіямъ климата земледѣліе можетъ занимать только ограниченную часть года, оставляя обширный досугъ, который и заполняется кустарной промышленностью. Особенная устойчивость кустарной промышленности здѣсь обусловлена тѣмъ, что для земледѣльца, сполна обезпеченнаго земледѣліемъ, промышленный заработокъ, какъ бы скуденъ онъ ни былъ, представляется всетаки выгоднѣе, чѣмъ вынужденная праздность.

Вопросъ о домашней промышленности во всемъ размѣрѣ выходитъ изъ границъ настоящаго сочиненія, гдѣ онъ затрогивается только въ связи съ ученіемъ объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства (къ тому же вопросъ о кустарной промышленности, поскольку она обусловлена климатическими особенностями страны, имѣетъ мѣсто гораздо болѣе относительно Россіи, нежели западной Европы [1]) съ ея болѣе мягкимъ климатомъ и менѣе продолжительной зимой).

Сюда же до извѣстной степени относятся и тѣ многочисленные случаи соединенія промышленности съ земледѣліемъ, когда наемные промышленные рабочіе обладаютъ клочкомъ земли. Земля раздробляется въ такихъ случаяхъ значительно больше, чѣмъ позволяетъ ея нормальная емкость. Общественное раздѣленіе труда, дойдя до извѣстнаго пункта, поворачиваетъ какъ будто назадъ и дѣлаетъ шагъ въ сторону соединенія промышленности съ земледѣліемъ. Явленіе это составляетъ пока не болѣе какъ деталь въ народнохозяйственномъ строѣ; видѣть въ этомъ новое проявленіе индустріализаціи земледѣлія, потери имъ самостоятельности

---

[1]) Для Германіи напр., отличающейся болѣе суровымъ климатомъ нежели большинство другихъ государствъ западной Европы, процентъ кустарей, т. е. деревенскихъ Hausindustrielle среди общаго числа домашнихъ промышленниковъ довольно незначителенъ: въ 1895 году на общее число Hausindustrielle 460,085 (по показаніямъ рабочихъ) или 490,711 (по показаніямъ предпринимателей) кустарей приходилось всего, какъ мы уже знаемъ, 53,308, менѣе $^1/_3$.

развитія, пока нѣтъ никакихъ основаній, — явленіе это имѣетъ слишкомъ незначительные размѣры (въ Германіи напр. на долю промышленниковъ приходится всего 4,09% сельскохозяйственной площади) [1]). Особенно распространены такія парцеллярныя владѣнія рабочихъ въ густонаселенныхъ промышленныхъ округахъ Рейнланда и Вестфаліи, Бельгіи [2]), Англіи (извѣстные намъ уже allotments), и т. д. Конечно, насколько обладаніе клочкомъ земли даетъ промышленному рабочему возможность болѣе здороваго сельскохозяйственнаго труда и общенія съ природой, что служитъ противовѣсомъ разрушительному вліянію антигигіеническихъ условій промышленнаго труда, это развитіе полевыхъ огородовъ должно быть привѣтствовано всѣми друзьями рабочихъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить, какъ особый случай аграрнаго перенаселенія, тотъ, когда избыточное населеніе не оставляетъ деревни, но систематически практикуетъ отходъ, какъ земледѣльческій, такъ и промышленный. Послѣдній распространенъ наиболѣе въ Россіи, гдѣ не порвавшаяся окончательно

---

[1]) Какъ мелки владѣнія промысловыхъ рабочихъ, показываетъ слѣдующая таблица.

Ниже 0,1	ара	было	владѣній	283	или	42,68%	всего числа	этой	категор.
0,1—2	аровъ	„	„	25,042	„	32,85	„	„	„ „
2—5	„	„	„	68,355	„	32,19	„	„	„ „
5—20	„	„	„	214,262	„	28,62	„	„	„ „
20—50	„	„	„	181,299	„	22,24	„	„	„ „
50—1	ha	„	„	132,552	„	19,60	„	„	„ „
1—2	„	„	„	87,374	„	12,35	„	„	„ „
2—3	„	„	„	27,494	„	6,13	„	„	„ „
3—4	„	„	„	10,437	„	3,22	„	„	„ „
4—5	„	„	„	4,067	„	1,67	„	„	„ „
5—10	„	„	„	2,607	„	0,43	„	„	„ „
10—20	„	„	„	157	„	0,04	„	„	„ „
20—50	„	„	„	21	„	0,01	„	„	„ „
50—100	“	„	„	3	„	0,01	„	„	„ „
			Сумма	753.953		13,56			

[2]) Это частное явленіе Вандервельде обобщаетъ въ формулу развитія земледѣлія, забывая, что для теперешней Бельгіи настоящее земледѣліе находится за океаномъ и только оно позволяетъ такую степень развитія промышленности, при которой возможны случаи соединенія земледѣлія и промышленности, находимые Вандервельде подъ Брюсселемъ. Ср. его статьи въ Mouvement Socialiste, также Ein Kapitel zur Aussaugung des Landes durch die Stadt (Braun's Archiv, 1899, XIV).

связь съ землей отличаетъ такихъ промысловыхъ рабочихъ отъ настоящихъ пролетаріевъ: ихъ положеніе промежуточное, такъ какъ они соединяютъ въ себѣ и мужика и пролетарія. Земледѣльческій отходъ составляетъ не только русское явленіе (гдѣ онъ распространенъ въ огромномъ количествѣ), но встрѣчается и въ западной Европѣ: мы уже знаемъ, что Ирландія посылаетъ отхожихъ рабочихъ въ Англію, востокъ Пруссіи посылаетъ рабочихъ въ Саксонію и другія мѣстности сахарной культуры (Sachsengängerei), а самъ принимаетъ рабочихъ изъ русской Польши и Австріи и т. д. Сезонный характеръ земледѣльческихъ работъ особенно способствуетъ тому, что избыточное населеніе находитъ занятіе именно въ формѣ отхода, оставаясь на постоянное жительство у себя на родинѣ. Мы, конечно, не думаемъ, чтобы этотъ отходъ всегда вызывался перенаселеніемъ (онъ можетъ быть вызванъ, напр., и высокой заработной платой и под.), но оно составляетъ одно изъ главныхъ его условій: рѣдко вы не встрѣтите указанія на плохое качество земли или малоземелье — alias перенаселеніе — какъ на одну изъ главныхъ причинъ, которыя гонятъ земледѣльца въ далекія края за заработкомъ.

Какъ мѣстное явленіе, перенаселеніе спорадически встрѣчается то тамъ, то здѣсь, то появляется, то снова исчезаетъ; оно зависитъ отъ всей конкретной обстановки, которая не можетъ быть предусмотрѣна во всѣхъ подробностяхъ теоріей [1]). Но по-

[1]) Въ связи съ перенаселеніемъ находится извѣстный аграрный кризисъ 50-хъ годовъ въ Вюртембергѣ, гдѣ онъ осложнился еще промышленнымъ кризисомъ. Территорія была уже въ 40-хъ годахъ раздроблена до такой степени, что, по словамъ Рюмелина, „благосостояніе сельскаго населенія находится въ обратномъ отношеніи къ его густотѣ“. (См. Das Königreich Würtemberg. Hrsg. von Kön. Statist.—topogr. Bureau. Stuttgart. Стр. 312). Господствующій классъ населенія состоялъ здѣсь изъ сельскихъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Въ концѣ 40-хъ годовъ быстро размножающееся населеніе, дробленіе участковъ, легкость пріобрѣтенія земельныхъ участковъ въ кредитъ и основанія новаго хозяйства привлекли къ земледѣлію даже часть промышленнаго населенія. „Легкость условій самостоятельнаго поселенія и кредита на земельные участки при недостаткѣ крупныхъ промышленныхъ предпріятій привели къ переполненію мелкихъ предпріятій, въ производствахъ, расчитанныхъ на мѣстный сбытъ. Уменьшеніе въ покупательной силѣ сельскихъ классовъ должно было поэтому имѣть двойное дѣйствіе. Къ этому присоединилось еще то, что для многихъ отраслей промышленности, какъ напр. ручного тка-

мимо этого спорадически проявляющагося въ деревнѣ перенаселенія, есть эпохи, когда оно обнаруживается въ народно-хозяйственномъ масштабѣ и имѣетъ народнохозяйственное значеніе, обусловливая переходъ къ высшей формѣ народнаго хозяйства. Такимъ характеромъ отмѣчена эпоха общаго предкапиталистическаго перенаселенія, перехода отъ ремесленно-земледѣльческой организаціи хозяйства къ индустріально-капиталистической. Это перенаселеніе осаживается прежде всего въ деревнѣ и является по своему непосредственному выраженію аграрнымъ перенаселеніемъ. Образованію его въ это время содѣйствуетъ много различныхъ условій.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить *переходный характеръ* этой эпохи. Въ земледѣліи совершается въ это время переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому, который, какъ разъяснено выше, повышаетъ емкость территоріи относительно населенія. Но эта новая мѣра емкости должна быть еще найдена и пока, въ эту переходную эпоху, она только ищется. Населеніе пробуетъ, насколько можетъ быть расширена старая емкость территоріи, но встрѣчаетъ при этомъ понятныя препятствія. Совпаденіе прироста населенія съ тѣми границами, которыя ему ставятся емкостью территоріи, мыслимо только въ видѣ исключенія, просто чуда. Кромѣ того, наличность перенаселенія, какъ извѣстно уже, составляетъ условіе для перехода къ высшимъ хозяйственнымъ формамъ, который въ свою очередь является необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго повышенія емкости земледѣльческой территоріи, насколько она опредѣляется размѣрами рынка. Въ это трудное время перенаселеніе является, такимъ образомъ, условіемъ повышенія емкости территоріи, т. е. въ конечномъ счетѣ устраненія перенаселенія.

Получается нелѣпое—съ точки зрѣнія логики—противорѣчіе,

чества съ его прежней организаціей, переработки металловъ, изготовленія суконъ и т. д. возникла убійственная конкурренція фабрикъ. Уже въ началѣ 40-хъ годовъ наступилъ кризисъ и стѣсненіе въ средствахъ существованія, это подъ вліяніемъ болѣзни картофеля и ряда неблагопріятныхъ урожаевъ привело къ быстрому и острому кризису. Картофельные участки стали постепенно настоящей основой существованія мелкихъ хозяйствъ. Цѣны на землю упали, въ результатѣ была массовая бѣдность, продажи съ аукціона и т. д.". (317). Ср. еще о Вюртембергѣ того времени *Helferich*. Studien über Würtembergischen Agrarverhältnisse (Zeitschr. f. Staatsw. 1853).

порочный кругъ, изъ котораго съ формально-логической точки зрѣнія нѣтъ выхода. Однако, жизнь не боится самыхъ невыносимыхъ логическихъ противорѣчій и умѣетъ рядомъ неуловимыхъ измѣненій пробивать и разрѣшать ограду самаго заколдованнаго логическаго круга. Въ этомъ сказывается, можетъ быть, бѣдность и несовершенство нашей логики, которая работаетъ грубымъ и неточнымъ орудіемъ понятій, разсѣкающихъ живую ткань бытія, сравнительно съ неистощимымъ творчествомъ жизни, безостановочно прокладывающей себѣ путь тамъ, гдѣ человѣческій умъ спотыкается о созданныя имъ самимъ понятія, вступающія въ противорѣчія другъ съ другомъ.

Вернемся къ перенаселенію. Вторымъ моментомъ, вызывающимъ это послѣднее, является внѣшній толчокъ, которымъ служитъ измѣненіе въ общественномъ положеніи населенія; намъ извѣстно, что такую роль сыграло паденіе крѣпостного права. Радикальное измѣненіе экономическаго и соціальнаго положенія населенія совпало здѣсь съ предоставленіемъ этому населенію права свободнаго размноженія, котораго оно было лишено вѣка. Съ одной стороны, создавалось совершенно новое народнохозяйственное зданіе, емкость котораго можно было опробовать, лишь его предварительно переполнивъ; а съ другой стороны, освобождалось долго сдерживаемое стремленіе къ размноженію, которое на первыхъ порахъ должно было выразиться съ особою силой. Было бы чудомъ, еслибы при этихъ условіяхъ не возникло перенаселенія, которое не могло разрѣшиться отливомъ населенія въ города вслѣдствіе слабаго еще развитія городской промышленности.

Ко всему этому нужно еще добавить частичную экспропріацію населенія, которою сопровождалось паденіе крѣпостного права, а также отдѣленіе промысловъ отъ земледѣлія и вытекающая отсюда необходимость покупать то, что прежде производилось дома.

Состояніемъ перенаселенія ознаменованы первые самостоятельные шаги крестьянскаго хозяйства въ XIX вѣкѣ, и оно налагаетъ неизгладимую печать на всю эту исторію. Едва вышедшее изъ горнила крѣпостной или феодальной зависимости, невѣжественное крестьянство должно было приспособляться къ новымъ условіямъ, къ производству для рынка, при наличности перенаселенія, которое исключало возможность сноснаго веденія хозяйства. Влача за собой обрывки цѣпей крѣпостного права, которое на-

долго переживаетъ свою юридическую отмѣну, крестьянство первое время и отъ новыхъ условій получаетъ только отрицательныя стороны,—перенаселеніе, трудность приспособленія къ рынку и еще нерѣдко несеніе тяжелыхъ податей для растущихъ денежныхъ потребностей государства.

Потому естественно, что крестьянское хозяйство въ началѣ капиталистической эры отличается необыкновенно низкимъ уровнемъ. Деревня является въ большинствѣ случаевъ болотомъ пауперизма, причемъ чѣмъ далѣе, тѣмъ становится хуже. Относительное благосостояніе, выработанное при условіяхъ крѣпостного быта, постепенно утрачивается подъ давленіемъ непосильной борьбы и растущаго населенія, которое не имѣетъ еще достаточнаго отлива. На этой почвѣ выростаютъ всѣ ядовитые злаки, какіе свойственно перенаселенію: кулачество, голодныя аренды и пр. Голодовки не только не исчезаютъ, но какъ будто даже усиливаются. Такъ дѣло продолжается до тѣхъ поръ, пока развившаяся промышленность не сдвинетъ сѣвшаго на мель корабля народнаго хозяйства въ открытое море.

Читатель самъ припомнитъ, что рисуемую здѣсь картину по частямъ мы наблюдали и въ Германіи, и во Франціи, будемъ наблюдать въ Ирландіи. Россія, къ которой всего болѣе относится эта характеристика, остается здѣсь внѣ нашего изученія.

Любопытна еще слѣдующая особенность этого процесса. Чрезмѣрное дробленіе земли, задолженность, низкія качества обработки ея и т. д., все это ведетъ къ тому, чтобы уменьшить устойчивость отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ: извѣстное количество хозяйствъ постоянно попадаетъ въ тиражъ, разоряется. Спрашивается, кто является наслѣдникомъ земельныхъ участковъ этихъ разоряющихся хозяйствъ? Прежде всего, конечно, крестьяне (непосредственно или чрезъ посредство какого-нибудь паразита, потомъ сдающаго или перепродающаго эту землю). Но какова при этомъ роль крупнаго хозяйства, происходитъ ли концентрація, какъ это значится по первому члену символа вѣры благочестивыхъ марксистовъ? Намъ приходилось уже замѣчать, что такъ называемая концентрація есть не простой процессъ, а сложный: онъ предполагаетъ наличность условій, не только содѣйствующихъ гибели мелкихъ хозяйствъ, но и процвѣтанію крупныхъ. Для этого, прежде всего, необходимо развитіе рынка и ростъ цѣнъ на хлѣбъ. Нужно, слѣдовательно, особое стеченіе благопріятныхъ

условій, чтобы крупное производство могло явиться наслѣдникомъ мелкаго. Подобные примѣры мы наблюдали въ Германіи, гдѣ всю первую половину XIX вѣка замѣчается хотя и слабо выраженный процессъ концентраціи хозяйствъ, отдѣльныя черты этого же процесса мы наблюдали въ Англіи, а также во Франціи.

Для насъ ясно теперь, что тѣ же самыя условія, которыя губятъ мелкое хозяйство, благопріятны для крупнаго и наоборотъ, именно перенаселеніе, составляющее разрушительную силу для мелкаго и созидательную для крупнаго. Поставленныя рядомъ другъ съ другомъ, крупное и мелкое хозяйство въ эпоху перенаселенія дѣйствительно способны внушить то впечатлѣніе, которое нашло выраженіе въ *Коммунистическомъ Манифестѣ*, сохранилось и въ *Капиталѣ* и теперь еще сохраняется консервативными умами многихъ марксистовъ, — а именно, что крупное хозяйство является носителемъ хозяйственнаго прогресса, мелкое—регресса. Причины этого различія видятся и въ техническихъ преимуществахъ крупнаго предпріятія и всякой всячинѣ. Однако иллюзіи эти разлетаются, если мы поставимъ разсматриваемую эпоху въ цѣпь историческаго развитія. Мы увидимъ тогда, что опредѣленныя историческія причины, подкашиваютъ мелкое хозяйство и поднимаютъ крупное, и причины эти лежатъ въ перенаселеніи, знаменующемъ собою извѣстный моментъ въ развитіи всего народнаго хозяйства; но картина мѣняется съ устраненіемъ этихъ причинъ въ результатѣ дальнѣйшаго хозяйственнаго развитія.

Но разореніе крестьянскаго хозяйства можетъ и не сопровождаться концентраціей, разъ состояніе рынка или всего народнаго хозяйства не благопріятно для крупнаго производства. Въ такомъ случаѣ происходитъ просто разореніе хозяйства, ростъ нищеты и бѣдности, который тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе приростъ населенія. Тогда начинаютъ дѣйствовать restrictive checks, болѣзни, голодовки, вымираніе. Состояніе сельскаго хозяйства остается плачевнымъ, пока не наступятъ для него болѣе благопріятныя условія, зависящія отъ измѣненія во всемъ народномъ хозяйствѣ, — собственной логики развитіе земледѣльческаго производства, мы уже знаемъ, не имѣетъ.

Когда всколыхнувшаяся волна народнаго хозяйства снова приходитъ въ равновѣсіе, когда образуются новые народнохозяйственные и сельскохозяйственные устои, лишь тогда оказывается возможнымъ приноровленіе населенія къ средствомъ существованія,

практическое опредѣленіе емкости территоріи относительно населенія, лишь тогда, слѣдовательно, открывается возможность прогрессивнаго развитія крестьянскаго хозяйства, по крайней мѣрѣ, устраняется главное къ тому препятствіе.

Тогда установляется *крестьянскій* приростъ населенія, противоположный приросту промышленнаго пролетаріата. Послѣдній характеризуется (по крайней мѣрѣ характеризовался до сихъ поръ) стихійностью, отсутствіемъ всякаго регулированія; высокая рождаемость сопровождается здѣсь и высокой смертностью, и дѣло послѣдней восполняется еще эмиграціей. Для крестьянства очевидна связь, существующая между бѣдностью и хозяйственнымъ регрессомъ съ одной стороны, и чрезмѣрнымъ приростомъ населенія съ другой. Регулированіе прироста населенія становится сознательнымъ дѣломъ крестьянскаго населенія, основнымъ экономическимъ условіемъ его благополучія. Регулированіе это обычно совершается такимъ образомъ, что весь излишекъ населенія эмигрируетъ въ города, гдѣ и составляетъ контингентъ развивающейся промышленности. Однако, не во всѣхъ странахъ темпъ развитія промышленности такъ быстръ, чтобы поглотить избытокъ сельскаго населенія, а равно и не во всѣхъ случаяхъ бываетъ налицо очевидный спросъ на рабочую силу. Этого можетъ и не быть. Въ такомъ случаѣ приростъ крестьянскаго населенія задерживается сознательнымъ регулированіемъ рождаемости; считаютъ, что подобная практика является наиболѣе распространенной среди французскаго крестьянства, но она не чужда крестьянству (конечно, не одному крестьянству) и другихъ странъ. Много лицемѣрнаго негодованія возбуждаетъ крестьянскій приростъ населенія у сентиментальныхъ моралистовъ, какъ будто безудержная похотливость сама по себѣ является добродѣтелью. Но нужно понять всю экономическую неизбѣжность крестьянскаго прироста населенія, ужасную альтернативу: или подавлять и ограничивать инстинктъ размноженія или плодить нужду, горе, нищету, увеличивать аграрный пауперизмъ, вызывать появленіе существъ, которымъ лучше не родиться, ибо, по ужасному выраженію Мальтуса, всѣ мѣста уже заняты за столомъ природы. Регулированіе прироста населенія со стороны неразвитаго деревенскаго населенія является дѣломъ большого мужества, выдержки, самообладанія, заслуживающихъ не осужденія, а уваженія. Въ аграрномъ приростѣ населенія мы видимъ уже предвареніе будущаго, когда вопросъ объ этомъ при-

ростѣ будетъ серьезнымъ вопросомъ, отъ котораго нельзя станетъ отдѣлываться фарисейскимъ негодованіемъ, но который потребуетъ къ себѣ честнаго и внимательнаго отношенія, какое онъ уже встрѣчалъ со стороны великихъ умовъ древности, какъ напр. Платона.

Наиболѣе яркую иллюстрацію крестьянскаго прироста населенія даетъ Франція. Мы уже знаемъ, что подъ давленіемъ аграрнаго кризиса (въ соединеніи съ ростомъ потребностей крестьянскаго населенія) сельское населеніе почти не можетъ увеличиваться въ настоящее время. Но вмѣстѣ съ тѣмъ теперешній темпъ развитія французской промышленности настолько медленъ, что и промышленное, да и все вообще городское населеніе увеличивается очень слабо (выше мы пытались дать объясненіе медленности темпа современнаго промышленнаго развитія Франціи). Въ этомъ отношеніи на долю Франціи достались въ полной мѣрѣ отрицательныя стороны теперешней эпохи супрематіи промышленности, но въ наименьшей степени положительныя,—именно самое развитіе промышленности. Эмиграція изъ Франціи, какъ мы уже знаемъ, весьма незначительна, такъ что не играетъ серьезной роли въ движеніи французскаго населенія. Въ результатѣ совокупнаго дѣйствія этихъ причинъ,—аграрнаго кризиса, весьма слабо компенсируемаго развитіемъ промышленности, ростъ французскаго населенія замедлился, а по временамъ и совсѣмъ останавливается, и Франція по количеству населенія все болѣе и болѣе теряетъ сравнительно съ остальными великими державами современности. Это явленіе весьма безпокоитъ французское общественное мнѣніе, разжигаемое шовинизмомъ, и, быть можетъ, дѣйствительно оно чревато неблагопріятными послѣдствіями для Франціи въ политическомъ и національномъ отношеніи [1]). Но соціальные результаты такого прироста населенія, избавляющаго Францію отъ лишняго бремени пауперизма, во многихъ отношеніяхъ благодѣтельны. Если мы присмотримся къ характеру движенія французскаго населенія, то прежде всего бросается въ глаза, что это пониженіе его прироста куплено совсѣмъ не цѣной пониженія средней брачности, которая въ общемъ не измѣнилась, и не цѣной повышенія

---

[1]) Довольно обширная литература по вопросу о „dépopulation“, главнымъ образомъ брошюрная, отличается столь полнымъ отсутствіемъ научныхъ достоинствъ, что мы оставляемъ ее совершенно внѣ разсмотрѣнія. Послѣднее время сюда присоединился Зола съ своимъ грубымъ, безвкуснымъ и неубѣдительнымъ восхваленіемъ Fécondité.

смертности, которая чувствительно сократилась, но всецѣло цѣной сокращенія рождаемости. Въ этомъ нельзя не видѣть благопріятнаго соціальнаго симптома. Вотъ статистическія данныя, съ 1801 до 1888 года (по Левассеру [1]). На 1,000 жителей приходилось:

Годы.	Браковъ.	Рожденій.	Смертей.	Избытокъ.
1800—1801	7,3	33,1	27,8	5,1
1810	7,9	31,4	24,6	6,8
1820	6,9	31,7	25,4	6,3
1830	8,3	29,8	24,9	4,9
1840	8,3	27,9	23,7	4,2
1850	8,3	26,7	21,4	5,3
1860	7,9	26,2	21,4	4,8
1870	6,0	25,5	28,3	война!
1880	7,4	24,5	22,8	1,7
1888	7,2	23,1	21,9	1,2

Средняя брачность не уменьшается и въ новѣйшее время: брачущихся приходилось на 1,000 жителей въ 1871 году — 14,4, въ 1881 году 15,0, въ 1891 году 14,8, въ 1898—15,0 [2]).

Этимъ благопріятнымъ измѣненіямъ въ характерѣ движенія населенія Франція, прежде всего, обязана разумному регулированію рождаемости со стороны крестьянства [3]), это регули-

---

[1]) *Levasseur*. La population française. II, 6—9. Тамъ приведены цифры за всѣ года съ 1800—1881 по 1888; изъ экономіи мѣста мы приводимъ изъ нихъ только свѣдѣнія чрезъ 10-лѣтніе періоды.

[2]) *Fr. Zahn*. Heirathsstatistik, статья въ Handw. der Staatsw., 2 Aufl. III, 1185.

[3]) Бодрильяръ приводитъ поразительные примѣры расчетливости въ регулированіи прироста населенія: Les populations agricoles de la France, série 3-me Paris 1893, стр. 604; ср также 2-me série, 507). Нельзя спорить, что практика регулированія прироста населенія можетъ принимать отталкивающія формы и вызывать различные пороки и преступленія. Но во-первыхъ, нельзя, утверждать, чтобы эти пороки были вообще съ нею неразрывно связаны, и, во-вторыхъ, нравственность дѣло относительное въ извѣстныхъ случаяхъ извѣстная порочность представляется нравственнѣе, нежели увеличеніе завѣдомо бѣднаго населенія. Главное же, мы совершенно отстраняемъ отъ себя роль моралиста, наша задача сводится къ выясненію неотвратимой экономической необходимости крестьянскаго прироста населенія, но мы никоимъ образомъ не беремъ на себя гарантію, что требованія экономической необходимости всегда совпадаютъ съ требованіями нравственности.

рованіе оказывается, такимъ образомъ, благодѣтельнымъ для страны [1]).

Неподвижное состояніе крестьянскаго населенія отмѣчается во многихъ земледѣльческихъ районахъ западной Европы. Относительно разныхъ мѣстъ Германіи о немъ свидѣтельствуетъ, напр., и баденская анкета [2]), согласно которой населеніе во многихъ общинахъ не измѣняется, а то и сокращается, и анкета Союза Соціальной политики (Bäuerliche Zustände [3]), и многія другія сочиненія [4]). Однородныя экономическія условія вызываютъ и однородный приростъ населенія.

Итакъ, ростъ населенія постоянно стоитъ на стражѣ сельскохозяйственнаго производства и жестоко наказываетъ малѣйшія превышенія ёмкости территоріи. Къ развитію этой антитезы (чисто мальтузіанской),—ограниченности средствъ существованія (точнѣе, производства) и неограниченной способности къ размноженію сво-

---

[1]) Настоящія страницы были уже написаны, когда я получилъ новую книгу о французскомъ населеніи: *J. Goldstein* Bevölkerungsprobleme und Berufsgliederung in Frankreich. Berlin. 1900. Авторъ стоитъ, въ общемъ, на иной точкѣ зрѣнія относительно причинъ остановки роста французскаго населенія. Свои послѣдніе выводы онъ формулируетъ такъ: „остановка населенія обозначаетъ противорѣчіе между стремящимся къ новымъ формамъ способомъ производства и хозяйственной и соціальной политикой Франціи, направленной къ сохраненію устарѣлыхъ формъ“ (200). Аргументація Гольдштейна не побудила насъ, однако, отказаться отъ изложенныхъ въ текстѣ мнѣній. Намъ кажется вообще, что методъ Гольдштейна въ обоихъ сочиненіяхъ, какъ объ Англіи такъ и о Франціи, имѣющихъ формальную заслугу постановки весьма важнаго вопроса, сводясь къ грубымъ статистическимъ сопоставленіямъ по принципу post hoc, ergo propter hoc, совершенно лишаетъ возможности разобраться въ сложныхъ явленіяхъ дѣйствительности, имъ долженъ былъ бы необходимо предшествовать общетеоретическій анализъ.

[2]) Erhebungen über die Lage der Landwirtschaft im Grossherzogthum Baden. 1883.

[3]) См. напр. томъ II (Винкельманъ о Вестфальскомъ Мюнстерландѣ, Бюрстенбиндеръ о Брауншвейгѣ), томъ III (Бухенбергеръ о Баденѣ) и др.

[4]) Ср. напр. наблюденія *Goldschmidt'a* въ новѣйшей анкетѣ Die Landarbeiter: „въ округѣ Магдебургѣ у крестьянъ обнаруживается стремленіе ограничивать число дѣтей; во всякомъ случаѣ въ среднемъ они имѣютъ меньше дѣтей, чѣмъ сельскіе рабочіе. Смертность дѣтей въ семействахъ послѣднихъ не только абсолютно, но и относительно выше чѣмъ у крестьянъ“ (это подтверждается и цифровыми данными). *Goldschmidt* Die Landarbeiter, I, 116.

дится исторія крестьянскаго хозяйства. Строго говоря, здѣсь даже нѣтъ *исторіи*, если понимать подъ нею развитіе отношеній между людьми,—историческое развитіе отражается тутъ только косвенно, опредѣляя степень ёмкости территоріи. Здѣсь же происходитъ двойная борьба,—великая борьба съ природой и ея стихіями въ отстаиваньѣ своего существованія, но и не менѣе великая борьба съ собой, съ инстинктомъ размноженія, страшная драма двухъ сильнѣйшихъ чувствъ, борющихся между собою,—голода и любви...

Проблема народонаселенія въ той особенной ея постановкѣ, какую создаютъ условія сельскохозяйственнаго производства, составляетъ, въ моихъ глазахъ, главную трудность, которая лежитъ на пути—въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время — сколько нибудь широкому проведенію принциповъ коллективизма или кооперації въ сельскохозяйственномъ предпріятіи, и это является главной причиной, почему отсутствуютъ такіе эксперименты въ заслуживающихъ вниманія размѣрахъ и имѣвшіе болѣе или менѣе продолжительное существованіе. Несмотря на сохранившіеся здѣсь долѣе всего слѣды первобытнаго коммунизма землевладѣнія, сельское хозяйство было и остается по своей природѣ наиболѣе индивидуалистической отраслью производства. Регулированіе движенія населенія—при помощи-ли миграціи или эмиграціи или искусственнаго ограниченія его прироста — можетъ быть при теперешнихъ условіяхъ дѣломъ только индивидуальнымъ, плодомъ хозяйственной самоотвѣтственности, составляющей одну изъ неотъемлемыхъ чертъ новѣйшаго индивидуализма. Борьба интересовъ и хозяйственный учетъ всѣхъ конкретныхъ условій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшаютъ эту проблему различно. Но удаливъ основной нервъ индивидуальнаго соревнованія и борьбы, ослабивъ въ извѣстной мѣрѣ чувство индивидуальной хозяйственной самоотвѣтственности, перенеся часть ее на общество, мы неизбѣжно будемъ имѣть перенаселеніе со всѣми его губительными результатами. Тогда какъ кооперація въ промышленности съ ростомъ числа своихъ членовъ можетъ расширять свое производство или распасться на нѣсколько новыхъ промышленныхъ единицъ, въ земледѣліи этотъ приростъ населенія или вынудитъ новую прикупку земли или же, въ случаѣ невозможности ея, удаленіе излишнихъ членовъ, такъ что неравенство условій, распаденіе группы на привилегированныхъ и отщепенцевъ здѣсь неизбѣжно. Мы увидимъ, что и крестьянское хозяйство *извѣстными сторонами*

оказывается вполнѣ доступно кооперативной организаціи и частичному коллективизму, но это никоимъ образомъ не распространяется на общее веденіе хозяйства и, въ особенности, на совокупное владѣніе землей, какъ основнымъ условіемъ производства. *Индивидуализмъ землевладѣнія* является высшей экономической заповѣдью для сельскаго хозяйства, которая диктуется проблемой населенія [1]). Въ противоположномъ случаѣ ростъ населенія должно было бы регулировать само общество, и мы имѣли бы совершенно античное поглощеніе личности обществомъ съ деспотическимъ вмѣшательствомъ послѣдняго въ супружескія отношенія. Совершенно послѣдовательное развитіе этого принципа въ вопросѣ о населеніи мы находимъ у Платона въ его „Законахъ“. Но такой деспотизмъ не мирится съ современнымъ сознаніемъ, воспитаннымъ въ освободительной атмосферѣ индивидуализма, и для нашего времени суббота существуетъ для человѣка, но не человѣкъ для субботы [2])...

На основаніи сказаннаго о населеніи разрѣшается и вопросъ о значеніи наслѣдственнаго права для крестьянскаго хозяйства. Очевидно, что проблема наслѣдственнаго права есть проблема земледѣльческаго прироста населенія и не имѣетъ ни-

[1]) Вотъ почему главнымъ полемъ экспериментовъ коммунистической организаціи земледѣлія является страна *свободной земли* Американскіе Соединенные Штаты, старыя же страны почти ничего не даютъ въ этомъ отношеніи. (То, что̀ совершалось здѣсь, было или настолько непродолжительно или при столь исключительныхъ условіяхъ, что не заслуживаетъ сорьезнаго вниманія). Что же касается Америки, то и здѣсь эти эксперименты носили сектантскій характеръ,—это были скорѣе монастыри, квакерскіе, фурьеристскіе или овенистскіе, чѣмъ хозяйственныя предпріятія. Кромѣ того, они возникали и измѣнялись съ чрезвычайной быстротой, такъ что прочность ни одного изъ нихъ не можетъ считаться доказанной. Внѣшняя исторія ихъ изобилуетъ чрезвычайно интересными подробностями. Она изложена, по преимуществу, въ двухъ сочиненіяхъ *Charles Nordhoff.* The communistic Societies of the United States; from personal visit and observation. London 1875. и *J. H. Noyes.* History of American Socialism. Philadelphia. 1870. См. также компилятивную книгу *Semmler.* Die kommunistischen Gesellschaften in Nordamerika.

[2]) Мыслимо, конечно, что какая-либо коренная перемѣна всей народнохозяйственной и государственной организаціи какъ нибудь иначе поставитъ и разрѣшитъ вопросъ о приростѣ населенія вообще и въ земледѣліи въ частности: творчество жизни и исторіи неистощимо. То, что̀ мы говоримъ, относится только къ настоящему времени и къ тому будущему, которое можетъ быть предусматриваемо на основаніи этого настоящаго.

какого самостоятельнаго значенія. Трудности, возникающія при наслѣдственномъ переходѣ земель, состоятъ въ чрезмѣрномъ дробленіи земли, препятствующемъ раціональному веденію хозяйства. Онѣ проистекаютъ, очевидно, отъ чрезмѣрнаго прироста земледѣльческаго населенія, которое не отвлекается въ промышленность или другія занятія. Если движеніе населенія обнаруживаетъ наклонность къ перенаселенію, то никакая организація наслѣдственнаго права не предохранитъ отъ всѣхъ золъ, которыми сопровождается перенаселеніе. Если на основаніи Anerbenrecht [1]) земля достается одному наслѣднику, остальные же получаютъ выдѣлъ деньгами, то выдѣлъ этотъ ляжетъ тяжелымъ долгомъ на земельномъ участкѣ, а обдѣленные, оставшись здѣсь, создадутъ контингентъ покупателей или арендаторовъ земли за голодныя цѣны, превышающія тѣ, которыя могутъ быть предложены разумнымъ хозяиномъ. Неизбѣжная парцелляція наступитъ еще болѣе отяготительнымъ для населенія способомъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ населеніе имѣетъ возможность отливать въ промышленность или тамъ, гдѣ оно искусственно регулируетъ свой приростъ, никакихъ трудностей не можетъ возникнуть и при натуральномъ раздѣлѣ земли, при наслѣдованіи, какъ его опредѣляетъ Code Napoléon. Франція, а также прирейнскія части Германіи, гдѣ онъ господствуетъ, не страдали и не страдаютъ отъ чрезмѣрной парцелляціи, между тѣмъ какъ нерѣдко въ районахъ господства Anerbenrecht замѣчаются не въ той такъ другой формѣ признаки перенаселенія. Организація наслѣдственнаго права никакого существеннаго значенія для сельскаго хозяйства не имѣетъ; его ограниченія могутъ вредить, ставить ненужныя препятствія, но предохранить отъ опасности они не могутъ, это—картонный мечъ, игрушка, которой могутъ забавляться только наивные люди.

Какъ съ приноровленіемъ численности населенія къ ёмкости территоріи можетъ справиться только само населеніе, такъ и оно лишь можетъ установить наиболѣе подходящій для себя видъ наслѣдственнаго права. Попытки неуклюжаго вмѣшательства государства, которыя дѣлаются иногда послѣднее время въ этомъ

---

[1]) Въ нашу задачу не входитъ изложеніе законодательства объ Anerbenrecht, которое возникло за послѣдніе годы въ Германіи, а равно и изложеніе существующей практики наслѣдованія. Вопросъ этотъ представляетъ для насъ только принципіальный интересъ, поскольку онъ стоитъ въ связи съ общимъ ученіемъ объ аграрной эволюціи.

направленіи и рекомендуются многими экономистами, вредны, реакціонны, безсмысленны; онѣ только мѣшаютъ населенію самому справляться съ трудностью регулированія прироста населенія. Дѣйствительное регулированіе наслѣдственной передачи земли не могло бы обойтись безъ того вмѣшательства въ супружескія отношенія, о которомъ мы уже говорили и которое явилось бы невыносимымъ государственнымъ деспотизмомъ. Регулированіе населенія и, слѣдовательно, наслѣдственныхъ переходовъ земли есть дѣло среднихъ вѣковъ, когда оно выполнялось помѣщикомъ, но не новаго времени съ его освободительными завоеваніями [1]). Если есть область, гдѣ несмотря на болѣе чѣмъ столѣтнюю давность освободительные завѣты Ад. Смита и физіократовъ сохранились, не утративъ ни на одну іоту своей исторической истинности, это—область регулированія земельныхъ отношеній. Наилучшее, что можетъ здѣсь сдѣлать государство, это—ничего не дѣлать, наилучшая политика—воздержаніе отъ всякой политики. Laissez faire, laissez passer! И въ особенности нужно твердо помнить здѣсь предостереженіе Гурнэ: *pas trop gouverner*!

3. Земельная собственность и ея мобилизація. Общая характеристика крестьянскаго хозяйства.

Основное отличіе земельной собственности въ феодальную и современную эпоху состоитъ въ томъ, что тогда какъ въ феодальную эпоху земельная собственность является связанной и фактически изъятой изъ гражданскаго оборота, въ настоящее время она составляетъ предметъ свободнаго гражданскаго оборота, является

[1]) Брентано, которому принадлежитъ заслуга литературной борьбы съ реакціонными теченіями въ нѣмецкой аграрной политикѣ, говоритъ относительно Anerbenrecht: „оно является наслѣдіемъ несвободнаго состоянія (Ausfluss des Unfreiheistverhältnisses); оно возникло на той ступени развитія отъ несвободы къ свободѣ, на которой господинъ въ интересахъ лучшаго воздѣлыванія почвы признаетъ наслѣдственное право семейства крѣпостныхъ на занимаемую ими гуфу, но въ интересахъ управленія помѣстьемъ дѣлаетъ главу этого семейства, обыкновенно старшаго сына, отвѣтственнымъ за приходящіяся ему услуги и платежи; поэтому Anerbenrecht какъ правовой институтъ начинаетъ исчезать вмѣстѣ съ исчезновеніемъ крѣпостного права“. (*Brentano.* Ueber Anerbenrecht und Grundeigenthum. Berlin. 1895. Стр. 41).

товаромъ, хотя купля-продажа этого товара обставлена болѣе сложными формальностями нежели другихъ товаровъ. Въ средніе вѣка отношенія населенія къ землѣ строились на ихъ зависимомъ положеніи отъ сеньора: земля принадлежитъ сеньеру (nulle terre sans seigneur!), а населеніе составляетъ принадлежность земли, почему оно и не имѣло права распоряженія какъ собою, такъ и землей или же пользовалось этимъ правомъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые дозволены были сеньеромъ. Освобожденіе земли было тѣсно связано съ освобожденіемъ населенія, это были двѣ струи одного и того же освободительнаго потока, который ведетъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Средніе вѣка отличаетъ отъ новаго времени въ области личныхъ правъ свобода личности, а въ области вещныхъ правъ свобода земельной собственности. Нужно хорошо вникнуть въ эту внутреннюю и глубокую связь, существующую между свободой личности и земельнаго оборота, чтобы съ сознательной критикой отнестись къ реакціоннымъ законодательнымъ проектамъ и актамъ, стремящимся эту свободу умалить. Свобода распоряженія землей вытекаетъ изъ полноты правъ современной личности и составляетъ неотъемлемое завоеваніе новѣйшаго хозяйственнаго индивидуализма (разумѣется, не въ римскомъ смыслѣ— jus utendi et abutendi re sua, но вѣдь и римское право не дозволяло шиканознаго употребленія земельной собственности, а новѣйшее право налагаетъ все больше и больше ограниченій на пользованіе земельной собственностью въ видахъ общественнаго интереса).

Къ сожалѣнію, ограниченія свободы гражданскаго земельнаго оборота обладаютъ удивительной живучестью, и ни одно европейское земельное право, быть можетъ, кромѣ французскаго, отъ нихъ не свободно. Читатель знаетъ уже, напримѣръ, какія чудовищныя средневѣковыя нормы опредѣляютъ земельную собственность самой передовой капиталистической страны—Англіи. Такое же значеніе имѣютъ тѣ сложныя и дорого стоющія формальности, которыя затрудняютъ переходъ земельной собственности.

Въ главѣ о рентѣ мы характеризовали землю какъ фальшивую соціальную цѣнность, а цѣну ея какъ зло, являющееся, въ извѣстномъ смыслѣ, препятствіемъ земледѣлію. Теперь мы должны, напротивъ, показать, что товарная форма земли, ея обращеніе на рынкѣ, какъ товара, является необходимымъ условіемъ современной организаціи сельскаго хозяйства; несмотря на тотъ вредъ,

который проистекаетъ изъ существованія цѣны земли, эта послѣдняя является условіемъ сравнительно высшаго блага, развитія производительности земледѣлія. Общественныя формы, свободныя отъ недостатковъ и обладающія одними достоинствами, можно сочинять изъ головы; въ дѣйствительной же жизни каждая форма имѣетъ своимъ послѣдствіемъ извѣстное смѣшеніе добра и зла, и большій перевѣсъ того или другого и опредѣляетъ относительную пригодность, а также и устойчивость этой формы.

Земельная собственность находится въ постоянномъ движеніи. Различныя формы сельскаго хозяйства взаимно мѣняютъ свою территорію при посредствѣ, прежде всего, мобилизаціи земельной собственности. Измѣняющаяся ёмкость земледѣльческой территоріи и соотвѣтственное измѣненіе размѣровъ хозяйствъ, приспособленіе населенія къ новой ёмкости дѣлается также въ значительной мѣрѣ при посредствѣ земельной мобилизаціи. Постоянное высачиванье деревней избыточнаго населенія, являющееся нормальнымъ отправленіемъ въ жизни деревни, также предполагаетъ земельную мобилизацію: участки малоземельныхъ, бросающихъ землю крестьянъ, присоединяются къ участкамъ остающихся, но въ то же время дробленіе земельной собственности (особый видъ земельной мобилизаціи) готовитъ новыхъ рекрутовъ для промышленности. Какъ тѣ малоземельные, которые оставляютъ землю, такъ и тѣ, которые затѣмъ округляютъ свои участки, одинаково дѣлаютъ это при посредствѣ мобилизаціи земельной собственности.

Такимъ образомъ, мобилизація есть основный нервъ жизни современной деревни, вся экономика крестьянскаго хозяйства немыслима, непонятна, невозможна безъ мобилизаціи земельной собственности, играющей здѣсь роль, по крайней мѣрѣ, передаточнаго механизма въ двигателѣ. Посредствомъ мобилизаціи разрѣшаются самыя трудныя и сложныя задачи экономики земледѣлія, которыя формулированы были ранѣе. Эти задачи, вся сложность которыхъ не можетъ быть усчитана даже въ теоріи, а поддается лишь конкретному опредѣленію, рѣшаются стихійнымъ процесомъ, результатомъ сложныхъ дѣйствій и противодѣйствій различныхъ силъ; такъ вода, разливаясь по поверхности, естественнымъ дѣйствіемъ своего разлива заполняетъ всѣ щели и скважины, которыхъ даже не видитъ человѣческій глазъ.

Намъ приходится по этому поводу еще разъ повторить мысль, только недавно нами выраженную. Всякія попытки законодатель-

ства задержать или „регулировать“ земельную мобилизацію за своей крайней и совершенно неизбѣжной грубостью и неуклюжестью, вредны; это все равно, если кто-либо вздумалъ бы проникнуть въ самое тонкое мѣсто организма для того, чтобы исправлять тамъ какой-либо ненравящійся ему нервъ. Въ современномъ хозяйствѣ, гдѣ день ото дня усиливаются тенденціи государственнаго и муниципальнаго соціализма, крестьянское хозяйство, насколько дѣло касается земельной мобилизаціи, образуетъ какъ бы островъ съ полнымъ господствомъ индивидуализма. Пусть говорятъ, что это господство идивидуализма здѣсь сопровождается большимъ зломъ, что поставленныя задачи разрѣшаются худо,— при данныхъ условіяхъ это единственно возможное и потому наилучшее рѣшеніе вопроса.

Какъ на одно изъ самыхъ тяжелыхъ послѣдствій мобилизаціи крестьянской земли указываютъ на ея задолженность; исключительная и роковая будто бы задолженность крестьянина составила одинъ изъ непреложнѣйшихъ догматовъ въ миѳологіи, создавшейся относительно крестьянскаго хозяйства въ литературѣ. Оставляя въ сторонѣ личный кредитъ, въ которомъ крестьянинъ нуждается какъ и всякій производитель, но который онъ и имѣетъ на весьма выгодныхъ условіяхъ при посредствѣ кредитныхъ ассоціацій [1]), земельная мобилизація сама по себѣ не составляетъ непремѣннаго условія высокой задолженности. Прежде всего, далеко не всѣ и, быть можетъ, даже не большинство переходовъ земельной собственности являются возмездными: такъ отсюда нужно выключить переходы земли по наслѣдству. Да и покупка земли вовсе не всегда совершается въ кредитъ: нужныя на это деньги копятся десятками лѣтъ. Во всякомъ случаѣ опредѣлить задолженность крестьянства по апріорнымъ соображеніямъ невозможно, за этимъ слѣдуетъ обратиться къ статистикѣ. А послѣдняя показываетъ, во-первыхъ, что задолженность крестьянскихъ имѣній

[1]) Относительно этого рода задолженности хорошо говоритъ одинъ изъ авторовъ Bäuerliche Zustände *Stöckel*, описавшій состояніе крестьянскаго хозяйства въ Гумбинненѣ: „болѣе сильная задолженность въ общемъ связана съ ростомъ благосостоянія, и долги, налагаемые посредствомъ личнаго или ипотечнаго кредита, въ значительной мѣрѣ служатъ къ улучшенію хозяйства, увеличенію инвентаря и исправленію зданій, и, конечно, всѣ хозяева, имѣющіе въ настоящее время умѣренные долги, значительно состоятельнѣе, нежели ихъ дѣды, которые хозяйничали безъ долговъ“.

относительно ниже, нежели крупныхъ; это показываютъ, напр., уже приводившіяся выше данныя германской статистики. Во-вторыхъ, какъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся у насъ данныя, земельная задолженность крестьянскихъ хозяйствъ абсолютно не особенно значительна (конечно, это не относится къ перенаселеннымъ районамъ съ разоряющимся хозяйствомъ, съ развитіемъ ростовщичества и т. д.). Въ имѣющихся у насъ изслѣдованіяхъ отмѣчается высокая задолженность лишь самаго мелкаго, еще не окрѣпнувшаго владѣнія (Tagelöhnerstellen). Такъ общее впечатлѣніе относительно данныхъ обширной баденской анкеты [1]) Шпренгеръ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „въ подавляющемъ большинствѣ изслѣдованныхъ мѣстностей задолженность не достигаетъ размѣра, который часто предполагался. Лишь задолженность участковъ поденщиковъ и мелкокрестьянскія владѣнія въ значительномъ числѣ изслѣдованныхъ мѣстностей является относительно значительной, но и здѣсь въ большинствѣ случаевъ она не достигаетъ возбуждающей опасенія высоты. Въ средне-и крупнокрестьянскихъ хозяйствахъ въ цѣломъ рядѣ округовъ отмѣчается даже поразительно низкая задолженность“ [2]). Вообще какъ правило, большую степень задолженности обнаруживаютъ хозяйства, соединяющія съ земледѣліемъ какой-либо промыселъ, нежели чистые земледѣльцы.

Вюртембергская анкета [3]) обнаружила также небольшую задолженность крестьянскихъ имѣній, какъ это ясно изъ слѣдующаго сопоставленія, (владѣльцы заняты исключительно сельскимъ хозяйствомъ).

Общины	% незадолженныхъ имѣній.	% задолженности къ цѣнности задолженныхъ имѣній.	% задолженкости къ цѣнности всѣхъ имѣній.
Willsbach .	. 60,3	23,11	13,48
Oeschelbronn	. 52,2	11,5	3,7
Oberkollwang	. 38,5	8,9	2,3
Wiesenbach .	. 20	25,2	1,2
Ingerkingen.	. 58,4	16,1	8,2
Christazhofen	. 22,9	47,3	10,2

[1]) Erhebungen über die Lage der Landwirtschaft im Grossherzogthum Baden. 1883. Спеціально вопросъ о задолженности въ Баденѣ былъ изслѣдованъ Бухенбергеромъ.

[2]) *Sprenger.* Die Lage der Landwirtschaft in Baden. Karlsruhe. 1884 Стр. 6.

[3]) Ergebnisse der Erhebungen über die Lage der bäuerlichen Landwirtschaft . . . des Königreichs Würtemberg. 1884—5. Stuttgart. 1886. Стр. XLVI.

Детальныя данныя относительно распредѣленія степени задолженности по разнымъ владѣніямъ показываютъ также, что „какъ число задолженныхъ такъ и процентъ задолженности самый высокій въ низшихъ группахъ владѣній (имѣніяхъ поденщиковъ), а затѣмъ быстро убываетъ и въ самыхъ высшихъ группахъ (крупнокрестьянскія владѣнія) незначителенъ“ [1]).

Равнымъ образомъ и въ новѣйшей баварской анкетѣ [2]) кон-

[1]) Ibid., стр. LI.

[2]) Untersuchungen der wirtschaftlichen Verhältnisse in 24 Gemeinden des Kön. Bayern. München. 1895. Вотъ свѣдѣнія о задолженности.

Общины.	Цѣнность всего землевладѣлія и построекъ.	Сумма всей задолженности.	Отношеніе суммы долговъ къ общей цѣнности земли въ		
			крупномъ хозяйствѣ.	среднемъ хозяйствѣ.	мелкомъ хозяйствѣ.
	Марки.	Марки.			
Wollomoos	1,169,159	135,589	11,6%	до 10%	до 30%
Eberfing	1,586,655	259,406	10,35	15	40
Polling	1,359,920	906,917	29,92	5	25
Leibfing	1,627,390	643,158	39,52	5	34
Schalldorf	1,453,336	345,024	23,74	5	25
Zell	771,390	276,347	35,82	6,5	17
Hassloch	4,873,470	652,655	13,39	3	15
Trahweiler	328,404	40,183	12,24	4	10
Trulben	700,730	91,765	13,10	3	8
Kondrau	1,382,508	289,316	20,93	8	20
Paulushofen	657,917	261,330	39,72	8	20
Sollbach	212,771	161,801	76,04	4,5	10
Gesses	1,085,053	256,463	23,64	5	15
Mönchsambach	777,985	175,181	22,52	6	45
Bobengrin	337,275	123,876	36,73	5	15
Hartershofen	1,053,968	54,935	5,21	5	5
Petersaurach	1,484,164	205,588	13,85	5	14
Vorra	1,287,290	361,687	28,10	3	6
Oberessfeld	573,677	76,364	13,31	7	13
Maiberuhein	2,065,814	356,405	17,25	4	10
Rothenbuch	439,553	126,507	28,78	3	5
Nassenbeuren	904,830	338,858	37,45	10	40
Senderklingen	1,164,715	405,092	34,78	7	19
Missen	1,479,200	416,698	28,17	5	20

(Приложеніе I, стр. 571, прил. II, 579).

статируется, что задолженность крестьянскихъ имѣній никоимъ образомъ не можетъ быть признана чрезмѣрной.

Такимъ образомъ, фактическихъ основаній для утвержденій о необычайной задолженности крестьянскаго хозяйства нѣтъ, и во всякомъ случаѣ можно считать доказаннымъ, что она не является необходимымъ спутникомъ крестьянскаго хозяйства, но зависитъ отъ всей совокупности экономическихъ условій его развитія. Слѣдовательно, и мобилизація земельной собственности необходимо за собой задолженности не ведетъ,—потому самое тяжелое обвиненіе противъ нея падаетъ само собою.

Другое зло, — чрезполосица, возникающая при мобилизаціи земли, можетъ быть исправлено только ею же: она могла разсыпать земельные участки однихъ и тѣхъ же хозяевъ въ разныхъ мѣстахъ, она же только и можетъ ихъ снова соединить. Нужно замѣтить, что чрезполосица есть зло не въ наибольшей, а въ наименьшей степени присущая земельной мобилизаціи: страшную чрезполосицу, съ которой пришлось бороться спеціальнымъ размежеваніемъ, намъ оставило крѣпостное право, при которомъ отсутствуетъ земельная мобилизація, а господствуетъ общинное владѣніе землей съ присущимъ ему принудительнымъ сѣвооборотомъ.

Мобилизація земельной собственности составляетъ только одну форму мобилизаціи земли вообще. Постоянныя перемѣны земельныхъ владѣній, которыя составляютъ условіе экономической жизни въ деревнѣ, могутъ совершаться не только посредствомъ обращенія земельной собственности. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ отмѣтить мобилизацію земельныхъ арендъ. Тамъ, гдѣ крестьянская аренда составляетъ основное и общее отношеніе населенія къ землѣ (слѣдовательно, не является переходнымъ состояніемъ на пути къ полному раздробленію собственности), при посредствѣ арендъ разрѣшаются тѣ же самыя проблемы, которыя ставятся экономической жизнью при мелкомъ хозяйствѣ вообще. Конечно, здѣсь эти и безъ того уже весьма сложныя проблемы усложняются еще специфическими чертами, вытекающими изъ формы аренды, но измѣненій въ существо отношеній эти осложненія не вносятъ. Арендуемые участки также, какъ и земельная собственность, постоянно находятся въ движеніи: они раздробляются, консолидируются, увеличиваются, уменьшаются, какъ этого требуетъ при-

способленіе населенія къ данной емкости территорріи [1]). Зоркій взоръ землевладѣльца слѣдитъ за тѣмъ, чтобы эта задача была разрѣшаема наилучшимъ образомъ, т. е. чтобы рента была при данныхъ условіяхъ наивысшая (конечно, если это не голодная рента, обусловливаемая аграрнымъ перенаселеніемъ).

Та или иная форма землевладѣнія, составляющаго вообще, какъ показываетъ опытъ, самый консервативный и неподвижный элементъ во всей общественной организаціи, придаетъ своеобразное внѣшнее облаченіе основному процессу приспособленія населенія къ емкости территоріи, существенныя черты котораго одинаковы повсюду. Для русскаго особенный интересъ составляетъ, какъ эта проблема разрѣшается при общинномъ землевладѣніи, существующемъ въ Россіи. Удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ можно дать лишь послѣ изученія конкретныхъ формъ, принимаемыхъ этимъ процессомъ и неоднократно описывавшихся статистикой, но такое изученіе выходитъ за границы настоящей работы. Говоря абстрактно, общинное землевладѣніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько спеціальныхъ затрудненій, препятствующихъ свободному теченію указаннаго процесса; они вынуждаютъ обходъ этихъ препятствій не юридическимъ, даже антиправымъ творчествомъ жизни. И несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что ни одна форма землевладѣнія, въ томъ числѣ общинная,

---

[1]) Стремясь per fas et nefas доказать, что въ земледѣліи все обстоитъ благополучно, т. е. совершается мистическій законъ концентраціи, Вандервельде съ большой наивностью квалифицируетъ собственность, сдаваемую въ аренду, какъ propriété capitaliste, и въ ростѣ мелкихъ арендъ усматриваетъ ростъ этой капиталистической собственности. Подобными же натяжками сопровождается его попытка доказать, что въ Бельгіи совершается концентрація земельной собственности. См. *Emile Vandervelde.* L'influence des villes sur les campagnes. Bruxelles. 1899 (4 выпуска: La propriété foncière dans les provinces du Luxembourg, de Namour, de la Flandre Orientale et de la Flandre occidentale; la pr. f. en Brabant de 1884 à 1898; la pr. f. dans les provinces du Hainaut et de Liége de 1834 à 1898; la pr. f. dans les provinces d'Anvers et de Limbourg). Эти выпуски содержатъ свѣдѣнія о движеніи земельной собственности, собранныя съ большой (даже ненужной) подробностью; о „вліяніи городовъ на деревни" говоритъ почти исключительно одно заглавіе. Научно эти данныя могли бы быть использованы только при сопоставленіи съ данными исторіи общаго экономическаго развитія Бельгіи. За послѣднее время появилось обстоятельное и вполнѣ объективное изслѣдованіе о бельгійскомъ земледѣліи: *Chlapowo-Chlapowski.* Die belgische Landwirtschaft im 19 Jahrhundert. Stuttgart. 1900. Münchener Volkswirtschaftliche Studien, 37.

не устраняетъ трудностей приспособленія населенія къ емкости территоріи: допустить иное можно только предположивъ неизмѣнность и этой емкости, и населенія, т. е. полный хозяйственный застой. При нормальномъ же развитіи въ деревнѣ неизбѣжно развиваются и краткосрочныя, и постоянныя неравенства земельнаго владѣнія, обусловливающія земельную мобилизацію и ею устраняемыя. Въ этомъ смыслѣ общинное землевладѣніе столь же мало способно гарантировать косное равенство между общинниками, какъ и частная собственность, и мелкая аренда и т. д. и еще менѣе устранить возможность появленія аграрнаго пролетаріата. Проблемы народонаселенія общинное землевладѣніе ни въ какой мѣрѣ не уничтожаетъ, какъ не способна ее уничтожить ни вполнѣ индивидуалистическая, ни вполнѣ соціалистическая форма владѣнія.

Если оцѣнивать формы землевладѣнія съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ данной цѣли, именно наиболѣе легкаго и успѣшнаго разрѣшенія проблемъ, ставящихся хозяйственной жизни деревни, нужно признать наилучшей ту форму, которою ставятся тому наименьшія препятствія. Въ этомъ смыслѣ, формой, дающей наибольшую свободу земельной мобилизаціи, наиболѣе отвѣчающей верховному принципу экономической политики въ этой области: laissez faire,— является полная земельная собственность, составляющая предметъ свободнаго гражданскаго оборота, не несущая никакихъ ни феодальныхъ, ни другихъ ограниченій, свободно дѣлимая, отчуждаемая, продаваемая, собственность Code Napoléon. *Идеаломъ землевладѣнія* для мелкаго хозяйства, основаннаго на приложеніи собственнаго труда въ цѣляхъ удовлетворенія потребностей, является *полная индивидуальная свободная собственность на землю.* Мы еще разъ приходимъ къ выводу, что индивидуализмъ владѣнія землей составляетъ основной постулатъ современнаго народнохозяйственнаго строя [1]).

Земельная мобилизація видоизмѣняетъ, какъ уже было замѣчено,

---

[1]) Этотъ постулатъ можетъ быть ограниченъ развѣ только относительно луговъ, выгоновъ и т. д., которые иногда удобнѣе и выгоднѣе имѣть въ общественной собственности. Конечно, мы этимъ не хотимъ сказать, чтобы полная индивидуальная собственность на землю была желательна всегда и вездѣ, гдѣ только есть крестьянское хозяйство. Можетъ оказаться рядъ противодѣйствующихъ причинъ, благодаря которымъ указанный принципъ экономической цѣлесообразности можетъ для даннаго случая потерять свое значеніе.

взаимное отношеніе территоріи крупнаго и мелкаго хозяйства (насколько эта территорія является вообще мобилизуемой). Условія расширенія крупнаго хозяйства насчетъ мелкаго намъ уже извѣстны: оно предполагаетъ разореніе мелкаго хозяйства, земли котораго присоединяются къ крупному [1]). Равнымъ образомъ и расширеніе мелкаго хозяйства насчетъ крупнаго наступаетъ тогда, когда послѣднее начинаетъ приходить въ упадокъ. Специфическимъ орудіемъ крестьянскаго хозяйства, которымъ оно разлагаетъ крупное, является, какъ намъ уже извѣстно, крестьянская рента. Разъ собственные устои крупнаго хозяйства начинаютъ колебаться, веденіе хозяйства на собственной землѣ въ крупныхъ размѣрахъ становится просто невыгоднымъ, оно не можетъ дать столь высокой ренты, какую даетъ въ видѣ покупной платы за землю крестьянское хозяйство. Вотъ причина, почему въ мѣстностяхъ крѣпкаго крестьянскаго хозяйства, хотя и существуетъ крупное землевладѣніе, но оно рѣдко сопровождается веденіемъ хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ, обычно же земля сдается въ аренду крестьянамъ. По этой причинѣ въ западныхъ провинціяхъ Пруссіи (Рейнландъ, Вестфалія) такъ развиты мелкія аренды, сравнительно съ другими мѣстностями Германіи. По мѣрѣ того, какъ теряетъ почву крупное хозяйство, мелкая аренда усиливаетси и на прусскомъ востокѣ,—востокъ западнѣетъ; одновременно это сопровождается и расширеніемъ площади крестьянской собственности. Крупные землевладѣльцы, какъ таковые, выигрываютъ при этомъ, ибо рента ихъ повышается; что же касается капитала, то онъ можетъ быть обращенъ въ другую отрасль производства и помимо земледѣлія. Приведемъ нѣсколько иллюстрацій этого процесса.

---

[1]) Территорію крупнаго хозяйства обычно составляетъ крупное землевладѣніе; соединеніе мелкихъ земельныхъ участковъ путемъ аренды въ цѣляхъ веденія крупнаго хозяйства составляетъ рѣдкое исключеніе. Одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ въ этомъ родѣ, попавшихся мнѣ въ литературѣ, описанъ Бодрильяромъ и относится къ департаменту Seine et Oise и Seine et Marne „Фермеръ соединяетъ здѣсь въ одномъ хозяйствѣ отъ 50 до 300 гектаровъ, снимая нѣсколько участковъ отъ 30 до 60 гектаровъ. Здѣсь существуетъ, такимъ образомъ, средняя собственность и крупная культура. Потому довольно часто можно наблюдать, что фермеры богаче земельныхъ собственниковъ, у которыхъ они снимаютъ земли". (Baudrillart, tome II, 547—8). Авторъ, къ сожалѣнію, не указываетъ спеціальныхъ причинъ, обусловливающихъ здѣсь столь своеобразную систему

Аугагенъ въ неоднократно цитированной монографіи замѣчаетъ: „хорошо поступаютъ собственники крупныхъ хозяйствъ югозападной Германіи, въ особенности баденскаго и баварскаго Рейнпфальца, гдѣ дѣлается такое наблюденіе, что ту часть своихъ владѣній, которую они сами не могутъ воздѣлывать, они сдаютъ въ аренду владѣльцамъ болѣе мелкихъ участковъ и получаютъ по 150—200 марокъ за гектаръ аренды. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется много мелкихъ хозяйствъ, владѣльцы болѣе крупныхъ имѣній понимаютъ, что они не могутъ добиться такого дохода, какъ мелкія предпріятія... Собственники, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ заинтересованы въ томъ, чтобы извлечь возможно большую выгоду изъ своей собственности. При возвышеніи цѣнъ на землю они станутъ поэтому продавать свою собственность въ раздробь или, если имѣніе должно сохраниться въ данномъ семействѣ, сдавать въ аренду парцеллами. На этомъ основаніи мы наблюдаемъ напр. въ Баденѣ, Баваріи, въ Рейнландѣ въ мѣстностяхъ съ болѣе интенсивнымъ мелкимъ производствомъ уменьшеніе крупныхъ имѣній. Въ баденскомъ и баварскомъ Рейнпфальцѣ, въ богатыхъ окрестностяхъ Бонна я не нашелъ настоящихъ крупныхъ хозяйствъ, а лишь крупныя имѣнія которыя сдавались своими собственниками въ аренду“ [1]), Приведемъ еще изъ анкеты „Bäuerliche Zustände“ свидѣтельство Петерсена относительно Пфальца [2]). „Такъ какъ мелкія владѣнія въ общемъ позволяютъ наиболѣе выгодное использованіе рабочей силы, имѣющейся въ семьѣ, мелкія и среднія владѣнія оказываются съ теченіемъ времени все болѣе доходными и потому даютъ въ общемъ высшую ренту нежели мелкія имѣнія. Вслѣдствіе этой большей доходности и связаннаго съ ней поднятія цѣнъ на землю, происшедшаго за послѣднія 5 десятилѣтій, хозяйственное развитіе ведетъ по преимуществу къ тому, что

[1]) Aubagen l. c. 59. Ср. еще у него же: . . . „при раздробленіи крупныхъ имѣній на востокѣ Германіи сумма покупныхъ цѣнъ за отдѣльныя парцеллы часто вдвое выше, чѣмъ покупная цѣна всего имѣнія цѣликомъ, хотя при этомъ пропадаютъ или отчасти обезцѣниваются зданія, приспособленныя для крупнаго хозяйства. Не только на востокѣ земля имѣетъ большую цѣнность въ мелкомъ хозяйствѣ, но и во всей Германіи“.

[2]) Bäuerliche Zustände, I, 249—50. Петерсенъ обнаруживаетъ въ приведенномъ отрывкѣ полное неразличеніе видовъ ренты и, въ частности, крестьянской ренты (общее съ Аугагеномъ); въ данномъ случаѣ это не имѣетъ, однако, существеннаго значенія.

наличныя крупныя имѣнія постепенно отчуждаются и землевладѣніе мало по малу переходитъ въ руки мелкихъ землевладѣльцевъ, которые въ состояніи извлекать изъ него большій доходъ". (Не забудемъ, что это писано въ началѣ 80-хъ годовъ и въ началѣ кризиса, дѣйствію котораго всецѣло приписываютъ иные усиленіе мелкаго производства). Подобныхъ свидѣтельствъ можно было бы привести очень много [1]).

Такимъ образомъ, непосредственнымъ орудіемъ борьбы крупнаго и мелкаго производства является земельная рента; относительныя техническія и экономическія преимущества той или другой формы производства образуютъ только фонъ этой борьбы. Вездѣ, гдѣ мелкое производство поднимаетъ голову, оно постепенно охватываетъ крупное щупальцами своей высокой ренты. Это составляетъ исключительную особенность борьбы различныхъ формъ хозяйственнаго предпріятія въ земледѣліи, не повторяющуюся въ другихъ отрасляхъ производства.

Тамъ, гдѣ мелкое производство твердо установилось, оно не пускаетъ уже сюда крупнаго производства, но раздробляетъ существующей здѣсь высокой рентою наличныя крупныя имѣнія. Компактное большинство крупныхъ или мелкихъ хозяйствъ взаимно отталкиваютъ другъ друга, ибо они сочетаются съ разными условіями. Господство мелкаго производства сопровождается густымъ населеніемъ, интенсивной культурой и, въ результатѣ, высокою цѣной земли [2]). Крупное же производство, какъ мы уже знаемъ, разрѣжаетъ населеніе, отталкиваетъ отъ себя промышленность, слѣдовательно, свой непосредственный рынокъ, потому хозяйство здѣсь экстенсивно, спросъ на землю слабъ, цѣна земли относительно низка [3]).

---

[1]) Ср. напр. относительно Эйзенаха. (Bäuerliche Zustände, I, 35), Меца (III, 314) и т. д.

[2]) Констатированіе этой связи, хотя и безъ всякаго теоретическаго обоснованія, составляетъ заслугу Гери, выставившаго такое положеніе: „чѣмъ гуще сельскохозяйственное населеніе страны, тѣмъ болѣе тамъ распространена мелкая культура и тѣмъ интенсивнѣе ведется хозяйство" (*Guéry.* Mouvements et diminution de population agricole en France. Paris. 1895. Стр. 28).

[3]) Рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила, по которому городскіе и промышленные центры бываютъ окружены мелкой культурой, являются окрестности Парижа, окруженнаго, какъ поясомъ, крупными имѣніями. По свидѣтельству Лаверня, они средневѣковаго, еще феодальнаго происхожденія (*L. de Lavergne.* L'économie rurale, 102 и далѣе).

Иллюстрировать эти теоретическія положенія даетъ возможноеть германская статистическая перепись 1895 года, гдѣ даны свѣдѣнія о распредѣленіи хозяйствъ разныхъ размѣровъ въ нѣсколькихъ изъ округовъ (въ примѣчаніи [1]) мы приводимъ данныя относительно округовъ съ преобладаніемъ парцеллярнаго и крупнаго хозяйства). Эти данныя, въ связи съ изложенными теоретическими соображеніями, даютъ возможность по достоинству оцѣнить фантазіи Каутскаго, который думалъ уклониться отъ признанія

[1]) Въ Statistik des Deutschen Reichs, B. 112, стр. 13—14, приведены районы съ наибольшимъ распространеніемъ парцеллярнаго, мелкокрестьянскаго, среднекрестьянскаго, крупнокрестьянскаго и крупнаго хозяйства. Всѣ эти сопоставленія чрезвычайно поучительны, но мы изъ экономіи мѣста ограничимся только двумя, крайними, группами, районами съ преобладаніемъ парцеллярнаго и крупнаго хозяйства.

ОБЩИНЫ.	Изъ 100 ha сельскохоз. площади. Приходится на долю хозяйства.				
	Парцел.	Мелкаго.	Средняго.	Кр.-кр.	Крупн.
Zellerfeld	41,86	27,51	18,39	12,24	—
Neuenbürg	41,25	42,41	16,21	1,13	—
Siegen	39,39	38,82	17,15	3,10	1,54
Cannstadt	38,77	39,90	16,43	3,14	1,76
Schorndorf	38,86	45,79	14,75	1,10	—
Gehren	36,06	42,81	20,35	0,78	—
Rastatt	35,68	52,57	10,37	1,38	—
Ettlingen	33,44	53,08	9,30	1,86	2,32
Esslingen	32,97	47,68	12,78	3,04	3,53
Molsheim	31,99	37,89	25,04	3,99	1,09
Baden.	31,51	49,80	16,96	1,87	—
Среднее для Имперіи .	5,56	10,11	29,90	30,35	24,08

ОБЩИНЫ.	Изъ 100 ha сельскохоз. площади. Приходится на долю хозяйства.				
	Крупн	Кр.-крупн.	Средн.	Мелкаго.	Парцел.
Greifswald	80,80	10,99	4,68	1,34	2,19
Franzburg	77,59	12,26	5,06	1,95	3,14
Waren	76,76	15,20	4,13	1,00	2,91
Güstrow	75,95	17,43	3,03	0,96	2,63
Kibnitz	74,98	11,62	8,14	2,11	3,15
Rügen.	72,56	16,20	6,87	2,35	2,02
Malchin	72,28	16,32	6,00	1,55	3,85
Grimmen.	70,99	19,20	6,39	1,49	1,93
Friedland	68,80	22,13	6,16	0,79	2,12
Regenwalde.	68,59	15,76	11,26	2,29	2,10
Dirschau.	68,34	24,01	4,23	0,76	2,66
Среднее для Имперіи .	24,08	30,35	29,90	10,11	5,56

факта дѣйствительнаго усиленія крестьянскаго хозяйства ссылкой, будто это увеличиваются хозяйства, поставляющія наемныхъ рабочихъ крупному хозяйству. Не говоря о томъ, что эта жалкая натяжка опровергается цѣлымъ рядомъ положительныхъ фактовъ (прежде всего, увеличеніемъ числа именно среднекрестьянскихъ, самостоятельныхъ хозяйствъ), она совершенно разбивается о тотъ фактъ, что области господства крупнаго хозяйства и значительнаго распространенія мелкаго различны; крупное хозяйство, естественно, сопровождается, крупнокрестьянскимъ, среднекрестьянскимъ хозяйствомъ, вообще болѣе крупными формами хозяйства, мелкое—болѣе мелкими; словомъ, нѣтъ того соединенія крайнихъ типовъ: крупнаго и мелкаго, какъ этого требуетъ сказанное воззрѣніе. Точно также этимъ фактомъ взаимнаго отталкиванія крупнаго и мелкаго хозяйства опровергается и то воззрѣніе, что крупное хозяйство является школой для мелкаго, піонеромъ техническаго прогресса: слишкомъ эта школа отдѣлена отъ своихъ учениковъ, такъ, что въ однихъ районахъ собраны почти одни учителя, въ другихъ почти одни ученики,—едва-ли это соотвѣтствуетъ педагогическимъ задачамъ, приписываемымъ крупному хозяйству. Для общества выгоднѣе отпустить столь дорогого учителя, замѣнивъ его болѣе цѣлесообразнымъ распространеніемъ образцовыхъ фермъ по государственной или муниципальной иниціативѣ.

Обращаясь къ вопросу о развитіи крестьянскаго производства, мы прежде всего должны отвергнуть застарѣлый марксистскій предразсудокъ, будто бы крестьянское хозяйство неспособно къ техническому прогрессу. Никогда не бывъ доказанъ, предразсудокъ этотъ ведетъ свое происхожденіе отъ апріорной теоретической схемы Коммунистическаго Манифеста, гдѣ крестьянство вмѣстѣ съ прочими мелкими производителями объявлено реакціонною массой, силящейся поворотить колесо исторіи. Впечатлѣнія германской дѣйствительности тогс времени были способны подкрѣпить это положеніе, а постепенно застарѣвая, догматъ этотъ черпалъ свою убѣдительную силу именно въ своей старости, да еще въ сословныхъ предразсудкахъ (именно, въ неумершемъ еще до сихъ поръ мнѣніи, что интересы антиколлективистическаго крестьянскаго сословія и коллективистическаго рабочаго сословія противоположны). Но вынесенный изъ душныхъ подваловъ предубѣжденій, этотъ предразсудокъ разсыпается при первомъ прикосновеніи научной критики. Прогрессъ — техническій и экономическій — крестьянскаго

хозяйства не есть спорная теоретическая проблема, это — *фактъ*, неопровержимо свительствуемый данными новѣйшей статистики и достаточно обнаруженный въ предыдущемъ изложеніи [1]). Его оспаривать можно только или по незнанію или по недоразумѣнію, но нужно дать посильное объясненіе его условій и причинъ.

Мы видѣли, что вчерашній крѣпостной не сразу приспособляется къ рынку, научается считаться съ его требованіями. Онъ крѣпнетъ по мѣрѣ своего приспособленія. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ его психики, измѣняются и его методы производства,—рынокъ даетъ ему новыя орудія, новыя машины (мы уже знаемъ, какъ распространены онѣ между крестьянствомъ). „Капиталъ“ крестьянина увеличивается какъ по качеству, такъ и по количеству, по цѣнности. Капиталъ этотъ передается изъ рукъ въ руки, образуется техническая традиція. Въ зависимости отъ извѣстной степени производительности земли, обусловленной именно приложеніемъ данныхъ орудій производства, опредѣляется уже цѣна земли и ёмкость территоріи относительно населенія; такимъ образомъ, соблюденіе извѣстнаго техническаго minimum'а становится общеобязательнымъ, принудительнымъ условіемъ конкурренціи. Крестьянское хозяйство

---

[1]) Прогрессъ крестьянскаго хозяйства многократно свидѣтельствуется даже въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ для крестьянства эпохъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, когда было произведено изслѣдованіе Bäuerliche Zustände (откуда Каутскій, въ своей попыткѣ гальванизировать трупъ устарѣлой догмы, выбралъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о вполнѣ понятной для даннаго момента угнетенности крестьяскаго хозяйства; пусть убѣдятся, что тамъ можно найти свидѣтельства и нѣсколько иного характера). Такъ изъ Эйзенаха, мѣстности, страдающей вообще сильнымъ перенаселеніемъ, свидѣтельствуютъ, что за послѣдніе 20 лѣтъ „употребленіе хорошаго удобренія и пріобрѣтеніе цѣлесообразныхъ орудій, улучшенное скотоводство, введеніе болѣе глубокаго воздѣлыванія почвы и производство лучшихъ сортовъ хлѣба, употребленіе молотилокъ и сѣялокъ, отчасти примѣненіе искусственныхъ удобреній значительно подняли сельскохозяйственное производство“ (I, 72). Относительно Пфальца, констатируется, наряду съ указаніемъ касательно общаго прогресса, большая доходность мелкаго производства сравнительно съ крупнымъ. Проф. Ранке свидѣтельствуетъ техническій прогрессъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ окрестностяхъ Мюнхена, типичныхъ, по его словамъ, для всей верхней Баваріи, какъ относительно скотоводства, такъ и лучшей обработки почвы и орудій производства (I, 276). Для Саксоніи то же самое свидѣтельствуется Лангсдорфомъ (II, 222 и сл.), относительно зап. Пруссіи Oemler'омъ, Познани—Натузіусомъ, Бухенбергеромъ относительно Бадена и т. д.; относительно Франціи много свидѣтельствъ у Бодрильяра и др.

сохраняетъ при этомъ ему естественно свойственный характеръ трудоинтенсивности сравнительно съ крупнымъ производствомъ, но это не ведетъ въ ущербъ другимъ факторамъ производства, теперь это— привиллегія, преимущество крестьянскаго хозяйства, а не результатъ его слабости, какъ это бываетъ въ начальныя эпохи самостоятельнаго существованія крестьянскаго хозяйства [1]). Крестьянство въ теченіе капиталистической эпохи проходитъ, слѣдовательно, извѣстный циклъ развитія, хотя его не такъ легко уловить, благодаря отсутствію рѣзкихъ внѣшнихъ измѣненій.

Здѣсь нужно особо упомянуть еще одно условіе развитія крестьянскаго хозяйства,—именно извѣстную правовую обезпеченность крестьянства, гарантію правъ личности и собственности, которыхъ оно лишено было при крѣпостномъ правѣ. Отсутствіе этого условія можетъ въ корнѣ убить хозяйственную самодѣятельность. Поэтому всѣ мѣры, которыя стремятся въ той или иной формѣ возстановить или сохранить позорныя узы крѣпостнаго права, усилить полицейскую опеку, лишая населеніе свободы дѣйствій, нужной въ его новой экономической обстановкѣ,—всѣ онѣ заслуживаютъ самаго безусловнаго осужденія экономиста. Экономическій проигрышъ населенія, если лишить его половины его земли или капитала, будетъ меньше, чѣмъ если на одну десятую подвергнутся умаленію его права; и наоборотъ, при отсутствіи этихъ правъ лучше не принимать никакихъ мѣръ для расширенія крестьянскаго землевладѣнія и поднятія крестьянскаго хозяйства, но дать ему то, безъ чего ему не помогутъ никакія мѣры — дать голодному хлѣбъ, а не камень. Безъ этого условія бѣдность въ деревнѣ неискоренима. Перефразируя извѣстное выраженіе Тургенева, что Венера Милосская несомнѣннѣе принциповъ 89 года, можно сказать, что для крестьянства и его хозяйства эти принципы несомнѣннѣе фосфоритныхъ удобреній, плуговъ, элеваторовъ, крестьянскихъ банковъ и т. д.

---

[1]) Вотъ для иллюстраціи одно изъ новѣйшихъ расчисленій, относящееся къ Магдебургскому округу. На 100 гектаровъ приходится постоянныхъ рабочихъ при размѣрахъ хозяйства

не выше 50 ha	24
50—150	15
150—300	13
300—500	13
выше 500	8

(*Goldschmidt.* Die Landarbeiter etc. Tübingen. 1899. Стр. 30).

Одинъ изъ важнѣйшихъ этаповъ на пути развитія крестьянскаго хозяйства составляетъ возникновеніе крестьянскихъ ассоціацій или кооперацій, появленіе частичнаго коллективизма. Возникновеніе крестьянскихъ кооперацій, въ особенности ихъ развитіе есть дѣло новѣйшаго времени, въ извѣстномъ смыслѣ результатъ предшествовавшей эволюціи крестьянскаго хозяйства. Мы знаемъ, какъ безпомощенъ былъ крестьянинъ при первыхъ своихъ шагахъ въ мѣновомъ хозяйствѣ: его хозяйство представляетъ тогда благодарную почву для развитія всякихъ паразитовъ. Его скромныя потребности въ кредитѣ удовлетворяетъ ростовщикъ; въ орудіяхъ производства (иногда выражающихся въ однихъ посѣвныхъ сѣменахъ)—кулакъ; переработку нѣкоторыхъ продуктовъ земледѣлія, напр. молочное хозяйство, беретъ въ свои руки капиталистъ; роль посредника между рынкомъ и производителемъ беретъ на себя еще капиталистъ—*купецъ*. Полунищаго крестьянина окружаетъ, такимъ образомъ, множество паразитовъ, довершающихъ его нищету. Но по мѣрѣ того, какъ крестьянское хозяйство крѣпнетъ и приспособляется къ рынку, оно научается мало-по-малу обходиться безъ помощи этихъ паразитовъ, замѣняя силу капитала силою ассоціаціи. Всѣ тѣ потребности, которымъ отвѣчали прежде паразиты, теперь вызываютъ для своего удовлетворенія крестьянскія ассоціаціи; возникаютъ новыя потребности, которыя удовлетворяются также ассоціаціей [1]).

---

[1]) Современный аграрный кризисъ далъ особенныа толчокъ развитію крестьянскихъ кооперацій. Международный конгрессъ кооперацій въ Лондонѣ въ 1895 году единогласно вотировалъ слѣдующую резолюцію: „признавая чрезвычайную тягость аграрнаго кризиса, свирѣпствующаго теперь въ Европѣ, и,сочувствуя испытаніямъ, которымъ подвергаются всѣ классы, зависящіе посредствомъ дохода или заработной платы отъ земледѣлія, рекомендуетъ ихъ общему вниманію усвоеніе методовъ кооперацiи, какъ практическое средство устраненія настоящаго зла и подготовленія лучшаго будущаго. Конгрессъ въ особенности отмѣчаетъ усилія, увѣнчавшіяся уже успѣхомъ, для учрежденія ассоціацій въ цѣляхъ снабженія земледѣлія нужными продуктами, а также продажи земледѣльческихъ продуктовъ, кооперативныхъ молочныхъ, земледѣльческихъ банковъ, фермъ съ участіемъ рабочаго персонала въ прибыляхъ, кооперативныхъ магазиновъ для рабочихъ и крестьянъ и ассоціацій для учрежденія мелкихъ фермъ“ (allotment socie ties). (Цитир. у *Rocquigny*. La coopération de production dans l'agriculture, introduction). Международный союзъ кооперацiи издаетъ весьма удобные для обзора сборники (на трехъ языкахъ) относительно рода и числа кооперацій въ важнѣйшихъ европейскихъ странахъ. Послѣдній бывшій у

Функціи крестьянскихъ ассоціацій касаются прежде всего организаціи сельскаго кредита,—это старѣйшій и наиболѣе распространенный видъ товариществъ, ведущій свое начало отъ Шульце-Делича [1]); далѣе слѣдуютъ товарищества для совмѣстнаго пріобрѣтенія машинъ, закупки удобреній и под.; товарищества для совмѣстной продажи сельскохозяйственныхъ продуктовъ, кооперативныя молочныя, сыроварни и т. д. Конечно, въ этихъ кооперацiяхъ участвуютъ не только крестьяне, но и крупные производители; но для насъ важно установить безспорный фактъ выступленія именно крестьянъ на поприще кооперацiи.

Подробное изложеніе вопроса о сельскохозяйственныхъ кооперацiяхъ потребовало бы цѣлаго изслѣдованія; насъ этотъ вопросъ интересуетъ здѣсь лишь въ связи съ выясненіемъ основныхъ моментовъ развитія крестьянскаго хозяйства. Потому ограничимся самыми основными цифрами.

Въ Прусской Монархіи по отчету Centralgenossenschaftskasse 28 февраля 1897 года было всего 6,958 товариществъ съ 965,160 членами. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ это сельскохозяйственныя товарищества. 2,111 съ 128,115 членами принадлежатъ къ Оффенбаховскому союзу, 1572 съ 110,205 членами къ Нейвидовскому и 1841 съ 398,497 принадлежатъ къ союзу Шульце-Делича. Двѣ первыя группы обнимаютъ исключительно сельскохозяйственныя, послѣдняя по преимуществу промышленныя, городскія. Изъ общаго числа товариществъ приходится на долю

ссудныхъ и кредитныхъ товариществъ.	4,455	съ 645,295	членами
закупки сырья	367	„ 29,327	„
организаціи сбыта. . . .	43	„ 3,724	„
магазинныхъ	12	„ 247	„

меня въ рукахъ сборникъ относится къ 1898 году. Statistics of cooperative societies in various countries. Prepared by the Statistical Committee of the Internationale Cooperative Alliance.

[1]) Благодаря кредитнымъ ассоціаціямъ крестьянинъ нерѣдко имѣетъ кредитъ дешевле нежели крупный хозяинъ. Вотъ, напр., по этому поводу новѣйшее свидѣтельство Karl Klawki, относящееся къ восточной Пруссіи. „Относительно кредита въ нашей мѣстности крупный владѣлецъ не имѣетъ никакихъ выгодъ сравнительно съ мелкимъ“ (*Karl Klawki*, l. c., 481. Ср. также выше о сельскихъ кредитныхъ товариществахъ).

производительныхъ . . .	1,239	„	68,299 челов.
потребительныхъ	605	„	183,691 „
устройства жилищъ . . .	134	„	20,950 „
прочихъ	103	„	13,527 „
сумма.	6,958	„	965,160[1]) „

Во Франціи „сельскохозяйственные синдикаты“ узаконены въ 1884 году и съ этого времени растутъ съ чрезвычайной быстротой. Число ихъ составляло въ 1884 году 5, въ 1890—648, въ 1895—1188, въ 1897—1371. Число членовъ въ 1890 году было 234,234, а въ 1897 году уже 438596 [2]).

Сельскохозяйственныя товарищества растутъ повсюду, гдѣ только существуетъ извѣстная гарантія правъ личности и свобода отъ полицейской опеки государства, необходимыя условія для развитія всякой общественной самодѣятельности. Есть всѣ основанія думать, что развитіе сельскохозяйственныхъ товариществъ находится еще въ самомъ началѣ и имѣетъ предъ собой обширное и блестящее будущее.

Для правильной оцѣнки значенія сельскохозяйственныхъ кооперацій слѣдуетъ замѣтить, что эти послѣднія, являясь извѣстнымъ коллективистическимъ восполненіемъ крестьянскаго хозяйства,

[1]) *v. d. Goltz.* Vorlesungen etc. 181. Было учреждено въ годахъ:

	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897
Сельскохоз. товарищ.	526	699	623	1036	1185	1909	1716	1185
Въ томъ числѣ сырьевыхъ . . .	78	131	72	119	39	60	83	41
Въ томъ числѣ молочныхъ . . .	118	114	139	93	85	181	182	142

(*Ertl und Licht.* Das landwirtschaftliche Genossenschaftswesen in Deutschland. Handbuch für die genossenschaftliche Praxis. Wien. 1899. 105).

[2]) Annuaire statistique de la France. 1898. Стр. 214. Рокиньи уже въ 1893 году писалъ: „въ настоящее время существуютъ сельскохозяйственные синдикаты уже во всѣхъ департаментахъ Франціи и Алжира. Ихъ распредѣленіе весьма неравномѣрно. Въ Indre et Loire ихъ появилось болѣе 60, въ Côte d'Or, Yonne, Drôme, Ain, Charente, Isère, Loire et Cher, Marne, Sarthe и др. насчитываютъ отъ 20 до 30 синдикатовъ и даже болѣе; прочіе департаменты, и болѣе важные, какъ Allier, Ardennes, Calvados, Loire—Inférieure, La Manche, La Mayenne, Nièvre, Nord, Oise и др. имѣютъ только отъ 2 до 3“ (Comte *de Rocquigny.* Les syndicats agricoles et le socialisme agraire. 1893. Paris. Стр. 25). Свѣдѣнія о распространенности синдикатовъ см. также въ позднѣйшемъ его сочиненіи: La coopération dans l'agriculture etc

въ то же время не уничтожаютъ его основного индивидуалистическаго характера. Наоборотъ, онѣ даже предполагаютъ его какъ условіе своего развитія. Строго говоря, мы имѣемъ здѣсь не коллективизмъ, *не общественное веденіе* хозяйства, но простой случай *общности* индивидуальныхъ интересовъ, которые выгоднѣе удовлетворять сообща чѣмъ порознь. Но каждое изъ кооперирующихъ хозяйствъ ведется на индивидуальный страхъ, при условіи личной экономической самоотвѣтственности [1]). Всѣ проблемы, всѣ трудности веденія хозяйства разрѣшаются индивидуально; кооперація, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ касающаяся обыкновенно одной какой-нибудь *стороны* хозяйства (или нѣсколькихъ), неспособна охватить жизнь его въ цѣломъ. Поэтому представляется близорукостью и утопизмомъ видѣть въ развитіи крестьянскихъ кооперацій шагъ впередъ на пути къ соціалистической организаціи производства. Кооперація развиваютъ *общественность* въ крестьянствѣ, расширяютъ индивидуальный кругъ жизни каждаго изъ участниковъ и пріучаютъ ихъ къ отстаиванію своихъ интересовъ сообща,—и въ этомъ лежитъ великое воспитательное значеніе кооперацій. Но это обобществленіе людей, которое постоянно прогрессируетъ съ ростомъ культуры и для котораго больше всего сдѣлала именно хозяйственноиндивидуалистическая эпоха капиталистическаго производства (вспомнимъ одно развитіе путей и средствъ сообщенія и городской жизни), не есть обобществленіе средствъ производства и непосредственно не связано съ нимъ.

Но много дорогъ ведетъ въ Римъ, и хороша всякая дорога, которая приводитъ къ желанной цѣли. Исключительная узость, съ которой до сихъ поръ разсматривались всѣ вопросы, касающіеся устройства быта трудящихся классовъ и устраненія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, заставляла относиться съ предубѣжденіемъ ко всему, что не носило на себѣ оттѣнка коллективизма. Но, очевидно, предпочтеніе именно такихъ формъ хозяйства осно-

---

[1]) Въ этомъ пунктѣ я расхожусь съ Герцемъ, который видитъ въ кооперацiяхъ способъ распространенія началъ коллективизма и на сельское хозяйство. При всей независимости своихъ выводовъ, Герцъ въ этомъ пунктѣ, повидимому, всетаки остается слишкомъ связанъ мнѣніями своей партіи и, расходясь въ подробностяхъ, не рѣшается разстатся съ общимъ принципомъ. Отсюда положительная часть его книги отличается натяжками и вообще слаба. Это не мѣшаетъ тому, что экономическое значеніе крестьянскихъ кооперацій выяснено имъ превосходно.

вывалось, главнымъ образомъ, на томъ представленіи, что этимъ способомъ всего легче и успѣшнѣе могутъ быть ограждены интересы трудящихся классовъ и что въ эту сторону ведетъ естественный ходъ экономическаго развитія. Если данныя научнаго изслѣдованія показываютъ, что для извѣстныхъ сферъ труда такого направленія развитія не существуетъ, и задача обезпеченія части трудящихся классовъ можетъ быть рѣшена другимъ путемъ, то это представленіе должно быть отброшено: средство вообще играетъ подчиненную роль и зависитъ отъ цѣли. Съ этой точки зрѣнія мѣры, укрѣпляющія крестьянское хозяйство и косвенно усиливающія индивидуализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ своемъ родѣ также хороши, какъ мѣры соціальнаго законодательства, принимаемыя въ направленіи роста общественнаго контроля надъ производствомъ. Обобществленіе (конечно, частичное и постепенное) въ одной сферѣ труда, индивидуализмъ (хотя и съ указанными ограниченіями) въ другой,—таковъ долженъ быть лозунгъ демократическаго развитія нашей эпохи.

Въ извѣстныхъ кругахъ до послѣдняго времени стойко держалось мнѣніе, что классъ рабочихъ, пролетаріатъ, отличается и въ нѣкоторомъ смыслѣ противоположенъ классу крестьянъ, собственниковъ. При этомъ упускалось изъ виду, что крестьянская собственность не есть орудіе эксплуатаціи, а условіе приложенія труда и что крестьянинъ такой же рабочій человѣкъ, какъ и „пролетарій“; быть можетъ, разница между ними меньше, чѣмъ между отдѣльными категоріями наемныхъ рабочихъ. Различіе или даже противоположность отдѣльныхъ интересовъ крестьянъ и рабочихъ нельзя отрицать, но развѣ ея не существуетъ и между рабочими отдѣльныхъ профессій? Крестьянство, конечно, не представляетъ однородной массы (это было показано выше), здѣсь происходитъ постоянная борьба теченій дифференцирующихъ и нивеллирующихъ; но развѣ эти различія и даже противоположность отдѣльныхъ интересовъ больше чѣмъ между отдѣльными слоями рабочаго класса, между городскими и сельскими рабочими, между обученнымъ и необученнымъ трудомъ, трэдъ-юніонистами и стоящими внѣ профессіональной организаціи? Вѣдь только полное игнорированіе этихъ различій въ средѣ рабочаго сословія (которыя побуждаютъ иныхъ изслѣдователей отличать отъ четвертаго уже пятое сословіе) и позволяло противопоставлять мнимооднородный рабочій классъ разнородному крестьянству. Рабочіе въ

промышленности, вчерашніе крестьяне, и сегодняшнее крестьянство одинаково являются членами одной демократической семьи. Это сознаніе начинаетъ проникать, повидимому, и въ рабочія партіи, которыя все болѣе теряютъ свойственный имъ прежде крестьянофобствующій оттѣнокъ [1]).

Но между крестьянствомъ и городскими рабочими существуетъ и огромное различіе вытекающее изъ всей разницы въ образѣ жизни и въ экономической обстановкѣ городского и деревенскаго населенія. Въ деревнѣ нѣтъ мѣста для той классовой борьбы, которая для городского рабочаго составляетъ средство къ улучшенію своей участи, здѣсь ее замѣняетъ тяжелая борьба съ природой, которая гораздо труднѣе увѣнчивается успѣхомъ, чѣмъ стачки, законодательныя мѣры и т. д. Въ деревнѣ нѣтъ поэтому и общественно воспитывающаго вліянія этой борьбы (нѣтъ даже, какъ мы видѣли, и для наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ) [2]). Деревенскій житель лишенъ развивающаго вліянія городской жизни, со всѣми ея хорошими и дурными сторонами; конечно, вліянія

---

[1]) Наиболѣе передовой въ смыслѣ свободы отъ сословныхъ предразсудковъ является бельгійская рабочая партія. См. весьма поучительное сочиненіе *Destrée et Vandervelde.* Le socialisme en Belgique. Paris. 1898. *Langerock.* Le Socialisme agraire. 1896. Ср. еще новѣйшую работу по тому же вопросу: *Hans Freiherr von Steffens—Frauweller.* Der Agrarsocialismus in Belgien. Stuttgart. 1900. Münchener Volkswirtschaftliche Studien. 36. (Здѣсь хорошо отмѣчены теоретическія неясности въ бельгійской партіи по аграрному вопросу, наряду съ ея практичностью въ политикѣ). Необычнымъ духомъ отличается аграрная программа французской соціалистической партіи 1893 года, гдѣ указывается рядъ мѣръ помощи крестьянству, какъ таковому. Фабіанское общество въ Англіи также поддерживаетъ и Allotments и Small Holdings Act.

[2]) Существующіе или, точнѣе, иногда возникающіе въ деревнѣ классовые антагонизмы не имѣютъ того характера, которымъ отличается классовая борьба въ промышленности. Тамъ это—противоположность интересовъ, проистекающая изъ самыхъ основныхъ условій организаціи производства, а здѣсь лишь спорадически проявляющаяся эксплуатація, обусловленная не столько организаціей производства, сколько разореніемъ отдѣльныхъ хозяйствъ, и возникающая чаще всего на почвѣ задолженности; здѣсь есть индивидуальная эксплуатація, но нѣтъ мѣста классовой борьбѣ, какъ общественному явленію. Еще менѣе мѣста для классовой борьбы оставляетъ кредитная зависимость отъ гипотечныхъ учрежденій, при которой нѣтъ непосредственнаго столкновенія интересовъ болѣе или менѣе обширной группы рабочихъ и предпринимателя и гдѣ отношеніе зависимости имѣетъ поэтому также не классовый, а индивидуальный характеръ.

городской жизни и культуры доходятъ и до него, но гораздо труднѣе и слабѣе, чѣмъ до горожанина. Сравнительно съ горожаниномъ, онъ обладаетъ гораздо меньшими политическими интересами,—кругъ его интересовъ, затрогиваемый общимъ законодательствомъ страны, гораздо ýже, чѣмъ другихъ категорій рабочихъ: достаточно указать, что для крестьянъ не имѣетъ значенія вся область соціальнаго законодательства; мѣры, затрогивающія его экономическіе интересы, гораздо больше связаны съ мѣстнымъ управленіемъ, нежели общимъ законодательствомъ, хотя, конечно, расширеніе общегражданскихъ правъ, правъ личности, является одинаково важнымъ какъ для крестьянина, такъ и для рабочаго.

Такимъ образомъ, если прогрессъ городскихъ или вообще промышленныхъ рабочихъ является, въ извѣстной мѣрѣ, автоматическимъ, то въ деревнѣ нѣтъ ни одного изъ условій, вызывающихъ этотъ автоматическій прогрессъ. Каждый шагъ по пути его здѣсь долженъ быть положительнымъ завоеваніемъ; культура входитъ тутъ съ той незамѣтной постепенностью, съ какой протекаютъ естественные процессы въ природѣ. Культурный уровень здѣсь долженъ быть созданъ, а не отвоеванъ въ соціальной борьбѣ: положительные элементы задачи перевѣшиваютъ отрицательные, а извѣстно, насколько труднѣе всякія положительныя задачи, чѣмъ отрицательныя. Если бы былъ поставленъ вопросъ, въ чемъ больше всего нуждается деревня отъ города, то слѣдовало бы отвѣтить не колеблясь: въ знаніи, знаніи и знаніи. Бо̀льшая культурность, бо̀льшая сознательность населенія даетъ ему силы для болѣе успѣшнаго разрѣшенія всѣхъ, ставящихся предъ нимъ, задачъ. Устраненіе культурной пропасти между городомъ и деревнею составляетъ одну изъ труднѣйшихъ и важнѣйшихъ задачъ, которыя XIX вѣкъ оставляетъ XX. Кто скажетъ, въ какой формѣ будетъ разрѣшена эта великая задача...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Судьбы Ирландіи.

1) Періодъ до кризиса 1847 года.

Судьбы Ирландіи представляютъ собою нѣчто исключительное въ исторіи. Другого примѣра столь систематическаго и всесторонняго насилія—экономическаго, политическаго, религіознаго, какое англійскій народъ причинилъ ирландскому народу, кажется, не знаетъ исторія. Это—всемірноисторическое преступленіе, настолько колоссальное, настолько возмутительное, что самые сильные выраженія недостаточны, чтобы заклеймить его. Когда говорятъ объ Ирландіи, языкъ негодованія узнаютъ самые смирные люди. Исторія Ирландіи втеченіе полутысячелѣтія представляетъ сплошной рядъ возстаній, междоусобныхъ войнъ, голодовокъ, — море крови и океанъ слезъ. Едва ли найдется въ исторіи другого народа столько высокотрагическихъ страницъ, на которыхъ огнемъ и мечемъ запечатлѣны самыя страстныя человѣческія чувства,— любви къ несчастной угнетенной отчизнѣ, и ненависти къ британскому вампиру. Эту ненависть сыны Ирландіи уносятъ съ собой и за Атлантическій океанъ, откуда Великобританію настигаетъ месть феніевъ, они скрываютъ ее подъ личиной коварства, чтобы тѣмъ вѣрнѣе подстеречь врага, они даютъ ей исходъ открытыми возстаніями. Гдѣ пролито столько крови и перечувствовано столько ненависти, господство обычной морали прекращается, — тамъ есть только право силы да упоительное чувство мести.

Исторія Ирландіи со стороны наиболѣе драматической, именно политическая и религіозная, остается, конечно, внѣ нашего изложенія. Мы остановимся только на одной сторонѣ ея—экономической. Экономическая исторія Ирландіи совершенно непонятна безъ при-

нятія во вниманіе основного фактора всей ирландской исторіи,— насилія Великобританіи, опредѣляющаго собою все новѣйшее развитіе Ирландіи. Именно благодаря этому обстоятельству изученіе исторіи экономическаго развитія Ирландіи представляетъ необыкновенный теоретическій интересъ. Судьбы Ирландіи представляютъ собой родъ эксперимента, котораго такъ не достаетъ соціальной наукѣ, скажу больше, родъ вивисекціи, подобной тѣмъ, которыя производятся натуралистами у животныхъ, чтобы опредѣлить значеніе того или другого органа. Благодаря этимъ особеннымъ условіямъ Ирландія даетъ рядъ какъ бы спеціальныхъ иллюстрацій теоретическимъ положеніемъ, развитымъ въ предыдущей главѣ.

Въ экономической исторіи Ирландіи до сихъ поръ главный интересъ привлекали къ себѣ специфическія аграрныя отношенія и ихъ развитіе [1]); но, насколько мнѣ извѣстно, не было дано общей картины всего народнохозяйственнаго развитія страны. Мы сдѣлаемъ попытку нарисовать именно эту картину.

Для того, чтобы получить ключъ къ пониманію новѣйшей исторіи Ирландіи, мы должны углубиться въ *XVII* и *XVIII* вѣкъ, эпоху, когда закладывался фундаментъ капиталистическаго хозяйства въ Англіи, и познакомиться съ тѣми мѣрами, которыя Англія принимала для подавленія ирландской промышленности.

Согласно свидѣтельствамъ всѣхъ болѣе или менѣе компетентныхъ авторовъ, писавшихъ объ ирландской промышленности, Ирландія обладаетъ весьма серьезными данными для развитія собственной промышленности; можетъ быть, онѣ и не таковы какъ въ Англіи, но превышаютъ, напр., естественныя данныя Шотландіи, имѣющей, какъ извѣстно, довольно развитую промышленность [2]). Въ особенности благопріятны естественныя условія Ирландіи для торговли: окруженная Атлантическимъ океаномъ, изобилующая прекрасными гаванями, она по естественнымъ условіямъ должна была бы сдѣлаться центромъ міровой торговли, затмивъ свою сосѣдку Великобританію. Тучныя поля и, въ особенности, пастбища, хотя и страдающія отъ чрезмѣрной влажности климата, могли

---

[1]) На русскомъ языкѣ мы имѣемъ обстоятельную монографію по исторіи ирландскаго аренднаго законодательства: *А. Мануиловъ.* Ирландскія аренды. Москва. 1895.

[2]) Ср. напр. *Robert Kane.* The industrial resources of Ireland. 2-nd edition. Dublin. 1845. Ср. также *Mac Nell.* English Interference with Irish Industries. Стр. 16—18.

бы сдѣлать изъ Ирландіи первоклассную и по земледѣлію страну [1]). Однимъ словомъ, Ирландія имѣла всѣ природныя данныя для блестящаго экономическаго развитія. Но то, чѣмъ надѣлила природа, уничтожили люди [2])...

До эпохи Реставраціи надъ ирландской промышленностью не тяготѣло никакихъ запрещеній, но народъ былъ введенъ Кромвелевскими войнами въ страшную нищету. По заключеніи мира толпы кромвелевскихъ солдатъ, составлявшихъ цвѣтъ англійскаго ума и энергіи, были посажены на лучшія ирландскія земли, такъ что промышленные рессурсы страны были, главнымъ образомъ, въ ихъ рукахъ. Страна была по преимуществу пастушескою, а главнымъ источникомъ богатства былъ вывозъ скота въ Англію. Англійскіе землевладѣльцы скоро завопили, что конкурренція Ир-

---

[1]) Безпристрастный Лекки даетъ слѣдующую общую характеристику: „въ Шотландіи со времени Уніи 1807 года была установлена полная свобода торговли съ Англіей и колоніями, и, какъ послѣдствіе этихъ мѣръ, создался могущественный торговый классъ, принося съ своимъ развитіемъ привычки къ порядку, комфорту и роскоши. Естественныя способности Ирландіи для здороваго развитія были, конечно, выше чѣмъ Шотландіи, хотя онѣ часто и преувеличивались. Конечно, ни при какихъ условіяхъ Ирландія не можетъ сдѣлаться въ этомъ отношеніи серьезной соперницей Англіи. Она почти совершенно лишена тѣхъ обширныхъ залежей каменнаго угля, отъ которыхъ зависитъ болѣе чѣмъ отъ чего-либо другого промышленная супрематія Англіи. Благодаря чрезмѣрнымъ дождямъ, вызываемымъ близостью Атлантическаго океана, значительная доля почвы представляетъ непересыхающее болото; конечно, большая часть этихъ болотъ можетъ быть осушена дренированіемъ... Съ другой стороны, большая часть Ирландской почвы исключительно плодородна, по мнѣнію лучшихъ судей, принадлежитъ къ самымъ плодороднымъ частямъ королевства. Хотя и очень неподходящая для производства пшеницы, она превосходна для другихъ хлѣбовъ и образуетъ одну изъ лучшихъ площадей для пастбищъ во всемъ мірѣ. Ирландскій скотъ былъ всегда превосходенъ, а ирландская шерсть за послѣднее столѣтіе считалась лучшей въ Европѣ. Ни одна страна въ мірѣ не снабжена столь удивительно естественными гаванями; она не лишена судоходныхъ рѣкъ; она имѣетъ въ большомъ количествѣ водяную силу, а ея положеніе между старымъ и новымъ міромъ предназначаетъ ее быть великимъ центромъ коммерческихъ сношеній“. (*Lecky*. A History of England in the eighteenth century. Third ed. Vol. II. London 1883. Стр. 206–7).

[2]) Очеркъ исторіи англійскаго законодательства относительно Ирландіи основывается, главнымъ образомъ, на капитальномъ изслѣдованіи *Lecky*. A History of England in the eighteenth century. См. въ особенности томъ II, IV и VI.

ландіи понижаетъ ихъ ренту. Въ результатѣ въ 1665 и 1680 годахъ были изданы законы, абсолютно воспрещавшіе ввозъ всякаго скота, какъ-то: овецъ, свиней, поросятъ, рогатаго скота, даже сыра и масла въ Англію. Главный источникъ благосостоянія Ирландіи былъ уничтоженъ однимъ ударомъ. Но этимъ дѣло еще не кончилось. У Ирландіи были нѣкоторые зачатки флота. По первоначальному Navigation Act 1660 ирландскія суда имѣютъ еще равныя права съ англійскими, но въ исправленномъ актѣ 1663 года Ирландія была опущена, слѣдовательно, она была лишена всей колоніальной торговли. Никакіе европейскіе продукты (за малыми исключеніями) не могли ввозиться въ колоніи иначе какъ изъ Англіи и на англійскихъ корабляхъ, руководимыхъ англійскими матросами; никакіе товары не могутъ быть отправляемы въ колоніи изъ Европы безъ перегрузки въ Англіи. Въ 1670 году выключеніе Ирландіи было подтверждено, а въ 1696 году были приняты еще болѣе строгія мѣры, запрещающія ввозъ всякихъ товаровъ прямо изъ Ирландіи. „Удобства портовъ и гаваней, которыми природа такъ щедро надѣлила Ирландію,—писалъ нѣсколько позже великій печальникъ земли ирландской Джонатанъ Свифтъ [1])—не болѣе полезны для насъ, чѣмъ великолѣпный пейзажъ для человѣка, посаженнаго въ тюрьму“.

Въ Ирландіи въ эпоху между Реставраціей и Революціей начала развиваться шерстяная промышленность. Послѣ запрещенія вывоза скота, въ Ирландіи стали усиленно разводиться овцы для шерсти. Эта отрасль промышленности не стѣснялась, а даже поощрялась законодательствомъ. Хотя вывозъ сырой шерсти былъ воспрещенъ еще при Карлѣ II, но тотъ же запретъ лежалъ и на Англіи. Большой невыгодой являлось, конечно, то обстоятельство, что Ирландія была исключена Навигаціоннымъ Актомъ изъ торговли съ колоніями, но за то ей былъ открытъ цѣлый свѣтъ. Страну охватилъ промышленный энтузіазмъ. Въ шерстяной промышленности были заняты тысячи рукъ, она обнаруживала всѣ признаки процвѣтанія.

Алчный взоръ англійскихъ шерстяныхъ промышленниковъ давно уже съ завистью глядѣлъ на успѣхи Ирландіи. Къ королю стали поступать петиціи сначала отъ палаты лордовъ, а затѣмъ и отъ палаты общинъ съ жалобами на грозящую опасность кон-

---

[1]) A short View on the State of Ireland. 1727.

курренціи Ирландіи. Въ отвѣтъ на эти петиціи сначала были установлены запретительныя пошлины на ввозъ ирландскихъ шерстяныхъ товаровъ въ Англію, а въ 1669 году былъ изданъ законъ, воспрещавшій вообще ввозъ шерстяныхъ мануфактуратовъ въ Англію. Въ результатѣ этого беззаконнаго закона было полное разореніе шерстяной промышленности. „Ирландія—писалъ Свифтъ нѣсколько лѣтъ спустя—есть единственное королевство, о которомъ я слышалъ или читалъ въ древней и новой исторіи, что за нимъ отрицается свобода вывоза ея природныхъ продуктовъ или мануфактуратовъ, кромѣ странъ, находящихся въ войнѣ съ своимъ собственнымъ королемъ и государствомъ. Этихъ правъ мы лишены въ настоящее время на основаніи одного лишь превосходства силы“ [1]).

Правда,—говоритъ Лекки,—„взамѣнъ было обѣщано поощреніе льняной и пеньковой промышленности, но если даже и можетъ когда-либо явиться справедливымъ принципомъ рѣшать силою закона, чтобы нація лишена была одной или двухъ отраслей промышленности, то нѣтъ пропорціональности между тѣмъ, чего лишается страна и что получаетъ взамѣнъ“ [2]). Льняная промышленность, являющаяся, дѣйствительно, одной изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности Ирландіи, была совершенно уничтожена во время войнъ Революціи. Сверхъ того, хотя шерстяная промышленность была уничтожена еще въ 1699 году, но до 1705 года льняная не получила обѣщаннаго поощренія; лишь по спеціальной просьбѣ, направленной въ англійскій парламентъ ирландцами, былъ дозволенъ вывозъ хотя свѣтлыхъ и темныхъ льняныхъ тканей—но и только всего—въ британскія колоніи, не дозволено было взамѣнъ привозить колоніальныхъ товаровъ. Ирландская льняная промышленность поощрялась даже преміями, но лишь до 1743 года.

Пеньковая промышленность была такъ разорена, что, несмотря на договоръ 1699 года, совершенно прекратилась. Къ тому же ввозъ парусныхъ тканей въ Англію облагался запретительными пошлинами.

Но и льняныя матеріи, пестрыя, полосатыя и крашеныя, были воспрещены къ вывозу въ колоніи, а ввозъ ихъ въ Англію облагался почти запретительной пошлиной въ 30%; Ирландіи не

---

[1]) ibid., 8.

[2]) Lecky, l. c., II, 211

дозволено было пользоваться премiей, выдаваемой на вывозъ этихъ товаровъ въ чужія страны. Словомъ, „для всѣхъ разумныхъ людей—говоритъ Лекки,—стало совершенно очевидно, что Англія имѣетъ силу и желаніе уничтожать всякую отрасль ирландской промышленности, разъ только она становится настолько преуспѣвающей, чтобы конкуррировать въ какомъ бы то ни было отношеніи съ собственными мануфактурами Англіи. Казалось безполезнымъ болѣе сопротивляться, наступило полное коммерческое отчаяніе“ [1]). Пресловутая льняная промышленность, которая должна была замѣнить шерстяную, развивалась плохо; къ тому же вскорѣ оказалось, что и эта мануфактура стоитъ не прямо, а косвенно поперекъ дороги англійской промышленности. Боялись, что, если ирландское полотно вытѣснитъ изъ Англіи датское, то датчане могутъ не допустить англійскихъ шерстяныхъ товаровъ въ Данію. Потому лордъ High Treasurer распорядился, чтобы патенты выдавались лишь на производство низшихъ сортовъ, и только послѣ продолжительной борьбы сдѣланы были небольшія уступки.

Первая четверть XVIII вѣка отмѣчена поэтому невѣроятной нищетой. „Бѣднякъ—писалъ Шериданъ въ 1728 году—дошелъ до послѣдней степени бѣдности, его домъ — навозная куча, его пища — кровь его скота или полевая трава“ [2]). Памятникомъ тогдашнихъ бѣдствій на всѣ времена остается „Скромное предложеніе“ [3]) Свифта, которое Тэнъ справедливо называетъсамымъ ужаснымъ произведеніемъ міровой литературы. Свифтъ совѣтуетъ убивать и зажаривать дѣтей бѣдныхъ къ столу лэндлордовъ и подробно описываетъ способъ приготовленія различныхъ блюдъ изъ дѣтскаго тѣла. Никогда еще любовь къ людямъ не облекалась въ столь леденящую и отталкивающую форму какъ въ этой сатирѣ.

Малѣйшій недородъ превращалъ хроническую нужду въ голодъ. За двадцать лѣтъ было 3 или 4 опустошительныхъ голодовки, въ особенности въ 1740 и 1741 годахъ. Упадокъ

---

[1]) Lecky, II, 213.

[2]) Цитир. у Lecky, l. c.

[3]) Вотъ полное заглавіе, подъ какимъ оно впервые появилось въ печати: A modest proposal for preventing the children of poor people in Ireland from being a burden to their parents or country, and making them beneficial for the public. 1729. By *I. S.*

экономической жизни хорошо свидѣтельствуется частнымъ письмомъ отъ 1720 года епископа Никольсона, наблюдавшаго собственными глазами разореніе: „наша промышленность такъ пала, что самые выдающіеся наши купцы, которые прежде платили £ 1,000 на предъявителя, теперь въ теченіе многихъ дней не могутъ достать £ 100. Цѣна за веретено нитокъ (нашъ хлѣбъ насущный) упала съ 2 шил. 6 пенсовъ до 15 пенсовъ, и все остальное измѣнилось въ такой же пропорціи. Наше лучшее мясо, такое же какъ тѣ лучшіе сорта, какіе я когда-либо ѣдалъ въ Лондонѣ, продается ниже $^3/_4$ пенса за фунтъ, и все это, конечно, происходитъ не отъ чрезмѣрнаго богатства товарами, но отъ необыкновеннаго недостатка денегъ“ [1]). „Я радъ

---

[1]) Lecky, l. c. Даже въ торійскомъ Quaterly Review, вовсе не склонномъ сгущать краски, читаемъ: „даже теперь, вспоминая эти ужасныя событія, которыя произошли между 1665 и 1669 годами, именно уничтоженіе ирландской промышленности, невозможно не чувствовать хотя отчасти того негодованія, которое кипѣло въ Свифтѣ. Въ 1660 году были всѣ основанія ожидать, что Ирландія въ нѣсколько лѣтъ сдѣлается счастливой и благополучной страной. Нигдѣ на британскихъ островахъ не было почвы столь плодородной, какъ ирландскія пастбища, она могла бы быть для новаго міра тѣмъ же, что Аргосъ для древняго. Она не лишена судоходныхъ рѣкъ; порты и гавани, которыми природа обильно снабдила Ирландію, возбуждаютъ зависть всѣхъ мореходныхъ народовъ, а ея географическое положеніе необыкновенно выгодно для коммерческихъ предпріятій. Въ первый разъ въ теченіе всей ея исторіи здѣсь былъ миръ. Аборигены ассимилировались, наконецъ, съ англичанами. Трудолюбивые и промышленные колонисты быстро измѣнили лицо земли Ирландіи. Земледѣліе стало процвѣтать. Началась выгодная торговля живымъ скотомъ и разными продуктами фермерскаго хозяйства съ Англіей; еще болѣе, конечно, выгодная торговля шерстяными мануфактуратами обѣщала развиться. Были даже надежды на обширный торговый союзъ съ колоніями. Но эти дни благополучія скоро миновали. Побуждаемая отчасти завистью и отчасти близорукимъ эгоизмомъ, Англія обратилась къ систематическому разрушенію ирландской торговли и промышленности... Непосредственнымъ результатомъ всѣхъ этихъ жестокихъ мѣръ (кончая закономъ 1699 года) было обращеніе цвѣтущихъ селеній въ пустыню и предоставленіе общественной благотворительности отъ 20 до 30,000 работоспособныхъ и искусныхъ ремесленниковъ. Конечнымъ результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ была полнѣйшая парализація промышленной энергіи, эмиграція единственнаго класса, который былъ полезенъ для общества, и начало періода небывалой нищеты и деградаціи. Положеніе Ирландіи въ періодъ 1700—1750 годовъ было таково, что его не отважится описать ни одинъ историкъ, если онъ не приготовился къ своему разсказу, оста-

былъ бы узнать — писалъ Свифтъ въ своемъ изумительномъ памфлетѣ „A short view on the State of Ireland“, гдѣ на нѣсколькихъ страницахъ дается поразительно мѣткая характеристика всѣхъ злоключеній Ирландіи,—тотъ таинственный способъ, которымъ мы могли бы сдѣлаться богатымъ и цвѣтущимъ народомъ безъ свободы, безъ торговли, безъ мануфактуръ, безъ денегъ и права чеканки монеты, безъ сельскохозяйственныхъ улучшеній, ежегодно вывозя болѣе половины прибыли и ренты изъ королевства, изъ чего мы не получаемъ назадъ ни гроша“ [1]) (Въ послѣднихъ словахъ содержится намекъ на систему абсентеизма и на финансовую эксплуатацію Ирландіи со стороны Англіи).

Такова была политика Англіи относительно ирландской промышленности. Являясь отрицательнымъ восполненіемъ политики меркантилизма, она стремилась насильственно удержать Ирландію на степени земледѣльческаго государства [2]).

вивъ въ сторонѣ отвращеніе и недовѣріе... Во времена мира несчастный островъ испыталъ всѣ бѣдствія, которыя сопровождаютъ войну. Голодъ слѣдовалъ за голодомъ и опустошалъ деревни, сокращая населеніе цѣлыхъ округовъ“. (Цит. у *King*. Swift in Ireland. London. 1895. Стр. 69—71).

[1]) Судебъ ирландской промышленности касаются еще его „Letters of the drappier“ (письма суконщика). Также письмо къ Роб. Вальполю „The present miserable state of Ireland“ (1726). См. *I. Bowles Daly*. Ireland in the days of dean Swift. London. 1887. Стр. 217—18.

[2]) Грѣхъ Англіи передъ Ирландіей, котораго не можетъ, отрицать, конечно, ни одинъ историкъ, былъ оффиціально признанъ въ одной изъ рѣчей консервативнымъ министромъ Чаплиномъ (Chaplin). „Дѣйствительно, англійскій парламентъ и англійскій народъ отвѣтственны за то положеніе страны, благодаря которому населеніе устремилось исключительно на землю, чтобы найти средства существованія. Это не всегда было такъ; въ прежнія времена въ Ирландіи существовали другія отрасли промышленнаго труда, которыя процвѣтали и развились уже до значительной степени, пока не были разрушены, благодаря себялюбивому страху и торговой завистн Англіи,—Англіи, которая была обезпечена возможнымъ соперничествомъ и естественными богатствами, а также энергіей Ирландскаго народа“. (Hansard's Parliamentary Debates, 261, Third Series, 851. Цит. у *I. G. Swift Mac Nell*. English interference with irish industries, Preface, VI). Подобное же мнѣніе высказывали Гладстонъ и Брайтъ (ib.), даже и Чемберленъ (*Chamberlain*. Home Rule and the Irish Quertion. London. 1887. Стр. 18 и слл.). „Это печальный, но безспорный фактъ, что англійское правительство, обязанностью котораго было развивать ирландскія мануфактуры и благосостояніе, начиная со дней короля Вильяма III или положительно вредило ему враждебнымъ законодательствомъ или относилось къ нимъ съ холоднымъ равнодушіемъ“. (*I. A. Birmingham*. The

Итакъ, населеніе насильственно было обращаемо къ одному земледѣлію. Что же ждало его тамъ? Всѣмъ извѣстны основныя черты такъ называемой ирландской системы. Крупное землевладѣніе ведетъ и здѣсь свое начало изъ эпохи среднихъ вѣковъ. Землевладѣльцы принадлежали большей частью къ представителямъ англосаксонской расы и епископальной церкви, слѣдовательно и по крови, и по вѣрѣ они были чужими католическому племени кельтовъ, составляющему главную основу ирландскаго населенія. Лэндлорды и мелкіе арендаторы — враги, слѣдовательно, не только по противоположности своихъ экономическихъ интересовъ, но и враги политическіе и религіозные. Если относительно этихъ враговъ считались позволенными и тайныя убійства, и грабежи, и поджоги, то и отношеніе лэндлордовъ къ зависимому отъ нихъ нищему населенію мелкихъ арендаторовъ напоминаетъ крѣпостническія или хуже чѣмъ крѣпостническія отношенія. Даже прекраснодушный А. Юнгъ, совершившій путешествіе по Ирландіи въ 1776, 1777 и 1778 годахъ, теряетъ спокойствіе и самообладаніе, когда говоритъ о дикой наглости и надменности ирландскихъ лэндлордовъ. „Собственникъ ирландскаго имѣнія, населяемаго римско-католическимъ населеніемъ, представляетъ собою родъ деспота (a sort of despot), требующаго отъ бѣдныхъ безусловнаго повиновенія, только не закону, а своей волѣ... Ирландскій лэндлордъ едва-ли можетъ изобрѣсти приказаніе, которое осмѣлился бы не исполнить его рабочій или коттеръ. Онъ не удовлетворится ничѣмъ, кромѣ безусловнаго повиновенія. Невниманіе или вообще все, что можетъ быть принято за дерзость, онъ можетъ наказывать ударами палки или хлыста, съ полной увѣренностью въ томъ, что, если бѣднякъ пошевелитъ руку для защиты, ему будутъ переломаны всѣ кости. Сбиванье съ ногъ есть здѣсь настолько

---

rise and decline of irish industries. Dublin. 1884. Стр. 10). Анонимный авторъ (Hutchinson) трактата: The commercial restraint of Ireland considered in a series of letters to a noble lord. Dublin. 1779, изображаетъ съ чрезвычайной ясностью значеніе паденія мануфактуръ: „большая нужда, наступившая въ 1728 и 1729 годахъ и часто повторявшаяся и прежде и послѣ этихъ годовъ, есть рѣшительное доказательство тому, что бѣдность этого королевства причинена уничтоженіемъ мануфактуръ; если мануфактуры не доставляютъ достаточнаго заработка, онѣ не могутъ и покупать избыточнаго продукта земледѣлія; фермеры отвращаются отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ, и въ результатѣ является общая бѣдность и нищета“ (45).

обыкновенное явленіе, что это приводитъ въ ужасъ англичанина. Заслуживающіе довѣрія лэндлорды увѣряли меня, что многіе изъ ихъ коттеровъ будутъ чувствовать себя польщенными, если ихъ жены и дочери будутъ позваны спать съ хозяиномъ,—знакъ рабства, показывающій всю степень угнетенія, при которомъ живетъ этотъ народъ“ [1]). Уэкфильдъ, отецъ знаменитаго экономиста и авторъ капитальнаго изслѣдованія о положеніи Ирландіи въ началѣ XIX вѣка, также говоритъ о „страшной распространенности рабства среди фермеровъ, и о тираніи лэндлордовъ... фермеровъ можно считать здѣсь вполнѣ рабами; ихъ положеніе оказывается немногимъ выше положенія крестьянъ въ Россійской Имперіи“ [2]).

Въ Ирландіи было, кромѣ того, обычнымъ явленіемъ, что лэндлорды, чужіе по крови и вѣрѣ, совсѣмъ не жили въ Ирландіи, гдѣ было столько тягостнаго и непріятнаго, а предпочитали жить въ Англіи и на континентѣ на получаемыя ими ренты. Абсентеизмъ ирландскихъ землевладѣльцевъ является вреднымъ въ двухъ смыслахъ: во-первыхъ, благодаря этому ежегодно изъ страны безъ всякаго эквивалента отвлекается большая или меньшая часть ея годового дохода, равнаго поземельной рентѣ отсутствующихъ владѣльцевъ; это во всякомъ случаѣ чистый убытокъ для страны. Во-вторыхъ, земельный собственникъ, въ которомъ иные хотятъ видѣть носителя опредѣленной экономической функціи, здѣсь выступаетъ во всей своей наготѣ, — въ роли паразита. „Въ Ирландіи — говоритъ Уэкфильдъ — лэндлорды никогда не устрояютъ зданій на своей землѣ и не предпринимаютъ никакихъ издержекъ для улучшенія“ [3]).

Абсентеизмъ создаетъ особенно благопріятную почву для развитія паразитизма, посредничества при передачѣ земли, которое вытягиваетъ послѣдніе соки изъ населенія.

Специфическія аграрныя отношенія сдѣлали еще тяжеле, еще мучительнѣй положеніе населенія, насильственно устремленнаго на одно земледѣліе. При убогомъ состояніи земледѣлія,

---

[1]) *Arthur Young.* A Tour in Ireland with general observations on the present state of that kingdom: made in the years 1776, 1777 and 1778 and brought down to the end of 1779. London. 1780. Part II, 29.

[2]) *Edward Wakefield.* An Account of Ireland, statistical and political. In two volumes. London. 1812. I. Стр. 507.

[3]) Ibid. 244.

которое не шло назадъ только потому, что идти ему было некуда [1]), повышающійся спросъ на землю, приводившій къ постоянному ея дробленію, вызывалъ новыя и новыя повышенія арендной платы. „Наши растущія ренты, — писалъ Свифтъ, — выжимаются изъ плоти и крови, а одежда и жилища фермеровъ хуже чѣмъ англійскихъ нищихъ... Понятна дороговизна у насъ съѣстныхъ припасовъ, ибо фермеры не въ состояніи платить столь высокія платы за землю (которыя они принуждены однако платить, иначе имъ остается только нищенство), не поднимая цѣну скота и хлѣба, хотя самимъ имъ приходится питаться мякиной“ [2]).

Не трудно понять, почему въ Ирландіи поземельныя отношенія въ XVIII вѣкѣ не сложились на англійскій манеръ и крупное капиталистическое фермерство не вытѣснило мелкое хозяйство. Для этого было только одно благопріятное условіе, именно на-

---

[1]) Болѣе подробную характеристику ирландскаго земледѣлія мы дадимъ относительно первой половины XIX вѣка, не представляющей существенныхъ отличій въ этомъ отношеніи отъ XVIII. Свѣдѣнія о состояніи земледѣлія въ XVIII вѣкѣ мы найдемъ во многихъ сочиненіяхъ изъ 18-го вѣка, напр. въ цитир. путешествіи А. Юнга. Вотъ какъ характеризуетъ его Crumpe (*Samuel Crumpe.* An Essay on the best means of providing employment for the people. London. 1793, стр. 225—7): „одной изъ главныхъ причинъ отсталаго состоянія ирландскаго земледѣлія является *недостатокъ капитала* у непосредственныхъ воздѣлывателей почвы. Этотъ недостатокъ очевиденъ уже самъ собою по нищенской обстановкѣ и жалкому образу ихъ жизни. Взгляните, вотъ идетъ ирландскій крестьянинъ на работу, босой и одѣтый въ лохмотья; взгляните на его разрушившуюся лачугу, построенную изъ глины, поросшую сорной травой, открытую каждому ливню, каждому пронзительному вѣтру; взгляните, какъ послѣ дня тяжелаго труда онъ собираетъ уцѣлѣвшій отъ огня вереск, покрывающій его поле, отыскиваетъ закоптѣлые плоды и выбираетъ заключающееся въ нихъ небольшое количество сухой муки. Посмотрите на его ферму: повозка, положенная бокомъ, замѣняетъ ворота, отдѣляющія зеленя отъ оберегаемаго пастбища, на которое бросаетъ голодные и отчаянные взоры его тощая лошадь, если таковая имѣется, или корова: его урожай переполненъ сорной травой; его изгороди валятся; словомъ, все, его окружающее, свидѣтельствуетъ объ его крайней бѣдности... Въ Ирландіи нищій крестьянинъ начинаетъ воздѣлывать нѣсколько акровъ безъ шести пенсовъ въ карманѣ, и не примѣняетъ никакихъ средствъ для смягченія и улучшенія твердой почвы кромѣ лопаты, которую онъ несетъ на плечахъ“.

[2]) A short view etc., 13.

личность перенаселенія, многочисленнаго количества свободныхъ рабочихъ рукъ. Но этого мало. Нуженъ еще рынокъ, между тѣмъ внутренній рынокъ, начинавшій складываться вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности, былъ разрушенъ вмѣстѣ съ ея разрушеніемъ. Англійскій же рынокъ былъ огражденъ пошлинами, и доступъ на него затрудненъ. Къ этому слѣдуетъ добавить отсутствіе внутренней безопасности, постоянныя смуты и т. д. Хотя и кажется парадоксальнымъ, тѣмъ не менѣе вѣрно, что мелкіе арендаторы при данныхъ условіяхъ являются выгоднѣй крупныхъ, т. е. платятъ высшую ренту, ибо первые оплачиваютъ право на существованіе, вторые же стремятся и къ полученію средней прибыли.

Въ ирландской исторіи 18-го вѣка есть только одна черта, отчасти напоминающая исторію огораживаній въ Англіи. Около половины 18-го вѣка здѣсь усиливается скотоводство на счетъ земледѣлія въ собственномъ смыслѣ. Обращеніе пашенъ въ пастбища продолжалось и въ первые годы царствованія Георга III, даже съ особенной энергіей, потому что въ это время въ Европѣ случился падежъ скота, благодаря чему возвысился спросъ на скотъ. Въ 1758 году позволено было на 5 лѣтъ ввозить скотъ въ Великобританію.

Послѣдствія этой перемѣны для населенія были крайне прискорбны: множество мелкихъ арендаторовъ были изгнаны, чтобы уступить мѣсто скоту [1]); кромѣ того, были захвачены и „огорожены“ въ значительномъ количествѣ общинныя поля, чѣмъ была подорвана основа существованія многихъ бѣдня-

---

[1]) „Бѣдность въ Ирландіи вслѣдствіе этого—читаемъ мы у Лекки—была поразительна. Въ большей части Ирландіи коттеры были изгнаны въ горы, гдѣ они получили маленькіе клочки земли для картофеля, слишкомъ малые однако, чтобы прокармливать ихъ въ теченіе цѣлаго года. Они поддерживали свое существованіе переходя съ мѣста на мѣсто въ теченіе лѣта и осени и отыскивая себѣ работу. Заработная плата была обыкновенно 6 пенсовъ лѣтомъ и 4 пенса зимою, но и за эту плату трудно было найти работу на продолжительный періодъ. Сбереженія были поэтому невозможны, и народъ зависѣлъ во всемъ своемъ существованіи отъ продукта даннаго года. Ихъ дома и одежды были такъ жалки, что пища была ихъ единственнымъ расходомъ, и высчитывали, что 10 ф. ст. будетъ болѣе чѣмъ достаточно на всѣ годовыя издержки ирландскаго семейства. Но первый плохой годъ ставилъ ихъ лицомъ къ лицу съ голодовкой“ (Lecky, l. c. II, 246—7).

ковъ [1]). Это расширеніе скотоводства насчетъ хлѣбопашества было однако, какъ мы скоро увидимъ, непродолжительно и уступило свое мѣсто обратному процессу, при первомъ измѣненіи условій рынка.

Несмотря на голодовки, несмотря на кричащую нищету, „въ этой странѣ, гдѣ бѣдность,—какъ замѣчаетъ Лекки,—была сильнѣе, чѣмъ, можетъ быть, гдѣ бы то ни было въ Европѣ, не было законовъ о бѣдныхъ“ [2]). Англія и въ этомъ осталась себѣ вѣрна.

Описанныя событія Ирландской исторіи составляютъ прологъ къ исторіи XIX вѣка. Но этотъ прологъ отдѣленъ отъ нея еще рядомъ событій, образующихъ какъ бы порогъ въ эту исторію.

Разрушивъ основныя условія развитія благосостоянія несчастной „экспериментальной“ страны, Англія какъ будто хочетъ

---

[1]) Мы находимъ слѣдующую характеристику общаго положенія вещей въ эту эпоху въ коллективномъ трудѣ, изданномъ подъ общей редакціей и снабженномъ введеніемъ Джемсомъ Брайсомъ: Two centuries of Irish History 1691—1870. London. 1888. Part I. From the treaty of Limerick to the establishment of legislative independence. 1691—1782. By Dr. *Sullivan*, стр. 47. „разрушеніе промышленности, ограниченія торговли, сокращеніе воздѣлываемой площади, превращеніе пахатной земли въ пастбища, уходъ изъ страны рентъ и прибылей благодаря абсентеизму и стоимость ввозимыхъ предметовъ роскоши постепенно привели къ тому, что бѣдность въ королевствѣ достигла тревожныхъ размѣровъ. Деревни и фермы, окруженныя воздѣлываемыми полями, были теперь замѣнены длинными полосами безлѣсной, лишенной человѣческихъ жилищъ, равнины, обитаемой овцами и скотомъ, тогда какъ на худшихъ земляхъ нищее, полунагое крестьянство живетъ въ норахъ и лачугахъ и ведетъ убогое хозяйство, выколачивая голодныя аренды (rack-rents), которыя, возросши, устранили всякую возможность улучшенія въ хозяйствѣ или въ жилищѣ или въ одеждѣ крестьянъ. Домами для джентри служатъ большей частью хижины, покрытыя соломой. Крестьянство всегда живетъ подъ страхомъ голода; оно вступило теперь въ періодъ голодовокъ,—5 или 6 въ теченіе 20 лѣтъ, достигшій апогея въ ужасномъ голодѣ и сопровождающей его эпидеміи, или голодной лихорадкѣ (hunger-fever) 1741 года, когда погибло 400,000 человѣкъ. Земля, которая была до сихъ поръ въ общинномъ пользованіи, была теперь огорожена и сдана скотопромышленникамъ (graziers). Огораживаніе этихъ общинныхъ полей, составлявшихъ земли марки старинныхъ трибъ и являвшихся общественнымъ достояніемъ, стало быть, съ незапамятныхъ временъ, повело къ голодовкѣ среди крестьянъ Типперари и Вотерфорда“ (63—4).

[2]) ibid. 312—13.

еще подчеркнуть значеніе сдѣланнаго: для этого она на короткое время устраняетъ препятствія къ развитію Ирландіи, какъ бы желая показать, чего именно не хватало ей для экономическаго процвѣтанія, чтобы затѣмъ снова ввергнуть ее въ пучину горя. Послѣдняя четверть XVIII вѣка въ исторіи Ирландіи является необыкновенно поучительной для теоретика, экспериментомъ въ экспериментѣ. Здѣсь происходитъ нѣчто подобное тому, какъ если бы натуралистъ, вырѣзавъ у собаки половину мозга съ цѣлью изученія функцій этого органа, могъ послѣ нѣкотораго времени снова вложить его и оживить, чтобы увидать измѣненія въ дѣятельности организма въ связи съ присутствіемъ или отсутствіемъ этого органа...

Въ третью четверть XVIII вѣка въ Ирландіи снова начинаютъ обнаруживаться признаки прогресса: ростъ городовъ, улучшеніе дорогъ, плантацій, деревень, ростъ населенія [1]), — все это показываетъ на нѣкоторое движеніе впередъ. По разсчетамъ А. Юнга, рента за 25 лѣтъ, предшествовавшихъ его путешествію (1788), почти удвоилась. Но всетаки оставалась значительная часть населенія, которая постоянно находилась въ нуждѣ и положеніе которыхъ ничуть не измѣнилось со временъ Свифта. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ возстаніе т. наз. Whiteboys, относящееся къ этому времени.

Въ 1773—4 году въ Ирландіи нужда снова обострилась, и тогда въ парламентъ посыпались петиціи о поощреніи мануфактуръ,—ирландцы знали, чего имъ недоставало. Эту просьбу парламентъ, конечно, не удовлетворилъ, но имъ была принята мѣра, выгодная для Англіи, но въ то же время благодѣтельная и для Ирландіи, именно установлены пошлины на вывозъ хлѣба. Актъ этотъ, обыкновенно связываемый съ именемъ Фостера, опредѣлилъ пошлину въ 3 ш. 4 п. на баррель вывозимой пшеницы, если внутри страны цѣна не выше 27 ш. за баррель; въ то же время была наложена пошлина на ввозъ хлѣба, если цѣна опускалась ниже 30 ш. Актъ Фостера совпалъ съ переходомъ Англіи въ

---

[1]) Удовлетворительной статистики ирландскаго населенія въ XVIII вѣкѣ, конечно, нѣтъ. По словамъ Лекки, въ первую половину XVIII вѣка населеніе было неподвижно (Lecky, II, 247). Напротивъ, Martin даетъ слѣдующія цифры: 1712—2,099,094, въ 1725—1,456,000, 1754—2,372,634, 1785—2,845,932 (Ireland before and after the Union with Great Britain by *K. M. Martin*. 3-rd ed. London. 1848. Стр. 168).

число странъ, ввозящихъ хлѣбъ, такъ что рынкомъ для ирландскаго хлѣба явилась сама Англія. Благодаря этому акту пастбища снова стали превращаться въ пашни, распахивались новыя земли; повидимому, площадь пахатныхъ земель расширена была болѣе, чѣмъ это желательно, принимая во вниманіе особенности ирландскаго климата и почвы [1]).

Но настоящее благополучіе наступило для Ирландіи тогда, когда она получила въ 1782 году свой парламентъ и, слѣдовательно, на 18 лѣтъ (до 1800 года, когда была заключена Унія) освободилась отъ систематическаго насилія со стороны Англіи; эта эпоха отличается, вмѣстѣ съ тѣмъ, наибольшимъ господствомъ свободы торговли Ирландіи [2]).

Дѣйствіе этихъ перемѣнъ было просто магическое. Всѣ историки единогласно свидѣтельствуютъ, что Ирландія въ эту короткую эпоху законодательной самостоятельности обнаружила всѣ признаки необыкновеннаго процвѣтанія. Lord Clare сказалъ въ 1798 году относительно періода 1782—98 гг., что „нѣтъ ни одной націи во всей вселенной, которая обнаруживала бы столь быстрый прогрессъ въ производствѣ и торговлѣ, въ земледѣліи

---

[1]) Актъ этотъ высоко цѣнитъ Ньюенгэмъ (авторъ двухъ крупныхъ сочиненій объ Ирландіи начала XIX вѣка: *Th. Newenham.* A view of the natural, political and commercial circumstances of Ireland. London. 1809. *Его же.* A statistical and historical inquiry into the progress and magnitude of the population of Ireland. London. 1805). По его словамъ, съ этого времени острая бѣдность въ Ирландіи прекратилась, вслѣдствіе высокихъ прибылей земледѣлія процвѣла и промышленность и, при быстромъ ростѣ населенія, увеличивается и благосостояніе; ренты удвоились. (A view, 143). Лекки также находитъ, что „невозможно, конечно, сомнѣваться въ значительности тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли вслѣдствіе этого закона. Огромныя пастбища быстро были обращены въ мелкія хлѣбопашескія фермы, было устроено много хлѣбныхъ мельницъ и развилась хлѣбная торговля. Количество хлѣба, мяса и муки, вывезенное въ теченіе 12 лѣтъ послѣ акта, превосходило количество, вывезенное за предыдущіе 84 года... Произошелъ большой подъемъ ренты“ (Lecky, VI, 357).

[2]) По актамъ 1779 и 1780 года Ирландія получила право свободы торговли, внѣшней и колоніальной, какъ относительно ввоза, такъ и вывоза товаровъ. По акту 1793 года Ирландія получила даже право вывозить въ Англію изъ своихъ магазиновъ заграничные и колоніальные товары. Но она не имѣла права свободной торговли на востокѣ, не имѣла, равнымъ образомъ, права ввоза своихъ товаровъ въ англійскіе порты.

и мануфактурахъ“ [1]). Въ 1795 году объ Ирландіи говорилъ въ парламентѣ Mr. Cuffe: „каково состояніе Ирландіи въ настоящее время? Это — состояніе безпримѣрнаго благополучія. Лэндлордъ получаетъ свою ренту часъ въ часъ; фермеръ находитъ деньги для пріобрѣтенія земли, какъ только она появляется на рынкѣ, и мануфактуристъ находитъ достаточное занятіе и вознагражденіе. Ирландія имѣетъ англійскую конституцію безъ ея долговъ“ [2]).

Если откинуть преувеличенный характеръ этихъ отзывовъ— нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, чтобы въ 15 лѣтъ могла быть радикально излѣчена такая глубокая и застарѣлая бѣдность — нужно признать всетаки, что промышленные успѣхи Ирландіи за этотъ періодъ были колоссальны, особенно если принять во вниманіе полное отсутствіе промышленной традиціи и выучки въ населеніи. Столь серьезный историкъ, какъ Лекки, указываетъ, что „за отмѣной стѣсненій, долгое время ослаблявшихъ ирландское благосостояніе, сразу послѣдовало быстрое возрастаніе почти всѣхъ отраслей торговли, въ особенности торговли съ Вестъ-Индіей“. Хлѣбная торговля и льняная промышленность быстро развивались. Но ими не исчерпывается ирландская промышленность въ эту эпоху: развивалась шелковая мануфактура, хлопчатобумажная (послѣдняя была введена только послѣ 1780 года, но уже въ 1785 году предполагали, что она занимаетъ около 30,000 человѣкъ); начинало развиваться производство машинъ для хлопчатобумажной промышленности; стеклянная мануфактура, чулочная мануфактура, пивоваренное дѣло, производство портера и эля,—таковы были отрасли народнаго труда, возникавшія въ это время [3]).

---

[1]) Цитировано у *Murphy*. Ireland industrial, political and social. London. 1870. Стр. 366.

[2]) Цитир. въ Two centuries of irish history: From the establishment of legislative independence to the act of union. 1782 — 1800. By Dr. *Sigerson*. Стр. 142.

[3]) Lecky, l. c. Сиджерсонъ даетъ также слѣдующую характеристику этого періода: „какъ показываютъ британскіе оффиціальные отчеты, справедливо, что ирландская торговля и мануфактуры привели къ „значительному сокращенію англійской торговли свѣчами и мыломъ въ Сѣверной Америкѣ и Западной Индіи“. „Какимъ причинамъ приписываете вы эту убыль?“ спросили лорды коммиссіи. „Мы приписываемъ это тому, что до сихъ поръ этой торговлей не овладѣвали ирландцы“. Нѣкоторое понятіе

Но всему этому скоро пришелъ конецъ съ утерей Ирландіей законодательной самостоятельности въ Уніи 1800 года. Ирландскій парламентъ началъ вводить систему таможеннаго покровительства ирландской промышленности, что являлось очевидной необходимостью для ея развитія, въ виду сосѣдства столь опаснаго конкуррента какъ Англія. Въ то же время ирландскому парламенту хотѣлось облегчить доступъ ирландскихъ мануфактуратовъ въ Англію, куда онъ оставался по прежнему затрудненъ. „Ирландскій парламентъ — говоритъ О'Коннель [1])—стремился не къ полной свободѣ торговли между Англіей и Ирландіей,—это могло бы, онъ зналъ, послужить причиной разоренія мануфактуръ Ирландіи", онъ стремился къ умѣренному взаимному покровительству. Испробовавъ всѣ средства склонить англійскій парламентъ къ уступкѣ въ сторону пониженія пошлинъ, ирландскій парламентъ вынужденъ былъ обратиться къ системѣ возмездія (retaliation). Мѣры эти „возбудили своекорыстные интересы Англіи и побудили ее оставить политику невмѣшательства. Проектъ Уніи поэтому ре-

---

о прогрессѣ, сдѣланномъ ирландской промышленностью, можно получить, узнавъ, что отъ 1780 до 1783 года включительно общій вывозъ суконъ или тонкихъ сортовъ шерстяныхъ тканей, выросли съ 8,600 ярдовъ до 538,000 ярдовъ въ круглыхъ числахъ, а болѣе грубыхъ суконъ отъ 490 ярдовъ до 40,500 ярдовъ. 1,000 ярдовъ бумазеи было отправлено въ Америку въ первый годъ, тогда какъ въ послѣдній годъ уже 47,000. Прочія ирландскія мануфактуры развивались подобнымъ же образомъ, и нѣкоторые изъ ихъ продуктовъ появлялись на внѣшнихъ рынкахъ. Этотъ прогрессъ былъ осуществленъ, не слѣдуетъ забывать, при полномъ запрещеніи ввоза въ Британію оружія, сыра, шоколата, перчатокъ, азіатскихъ, африканскихъ или американскихъ продуктовъ, переработанныхъ въ Ирландіи, кружевъ, золотыхъ и серебряныхъ позументовъ, шелка, чулокъ (шелковыхъ), бархата, обработанной слоновой кости, китоваго уса и пр." (l. c. 104—5). Уже извѣстный намъ Crumpe также относится благосклонно къ этой эпохѣ. „Духъ промышленности — писалъ онъ о ней — обнаруживаетъ свою возрождающую силу, пустое и безсмысленное отвращеніе къ привычкамъ торговыхъ или другихъ промышленныхъ занятій пропадаетъ, наблюдается все большій подъемъ въ земледѣліи. Низшіе классы становятся промышленнѣе, зажиточнѣе, самостоятельнѣе... Положеніе крестьянъ со времени окончательнаго умиротворенія королевства, а еще больше со введенія конституціи 1772 года съ каждымъ днемъ улучшается". (*Crumpe.* Essay, 189, 201). О политикѣ Англіи относительно Ирландіи см. еще: *Froude.* The English in Ireland in the Eighteenth Century. 3 vols. 1872—4.

[1]) *John O'Connell.* An Argument for Ireland. Dublin. 1844. Стр. 210 и далѣе.

комендуетъ, чтобы Ирландія взамѣнъ предполагаемыхъ и очевидныхъ для нея выгодъ разомъ понизила до весьма незначительнаго и не могущаго имѣть никакого вліянія уровня пошлины, которыя оберегали ея мануфактуры, а позднѣе и совершенно уничтожить эти пошлины... Выгоды отъ допущенія ирландскихъ товаровъ въ англійскіе порты были уничтожены оговоркой, по которой на нихъ налагались „countervailing duties“ (пошлины для равновѣсія), для того, чтобы компенсировать болѣе тяжелый англійскій акцизъ, взимавшійся съ англійскихъ мануфактуратовъ. Съ другой стороны, англійскіе товары, идущіе въ Ирландію, получаютъ дробакъ (возвратъ пошлины), а, входя въ Ирландію, облагаются значительно низшимъ акцизомъ и, слѣдовательно, на нихъ налагается весьма умѣренная „countervailing duty“ [1]). Въ общемъ же 6-ая статья Уніи, которая касалась торговли, вводила свободу торговли во взаимныя отношенія двухъ странъ и формально ихъ (съ указанными ограниченіями) уравнивала. Спикеръ Ирландской палаты общинъ Дж Фостеръ (позднѣе лордъ Оріоль) справедливо указывалъ относительно 6-ой статьи, что она понижаетъ всѣ охранительныя пошлины и отдаетъ юныя мануфактуры Ирландіи на конкурренцію крупнаго капитала и сыздавна изощреннаго промышленнаго искусства англичанъ, что отъ этого должны пострадать не менѣе 70 продуктовъ, и прежде всего продукты хлопчатобумажной промышленности, которая начала было дѣлать успѣхи, а теперь будетъ разорена, что ирландскимъ товарамъ не дано на англійскомъ рынкѣ преимущества сравнительно съ иностранными и т. д. [2]). Но именно всего этого и добивалась Англія. Актомъ

[1]) O'Connell, 213.

[2]) ibid. 210. Коммерческую политику Англіи относительно Ирландіи удачно характеризуетъ французскій путешественникъ Бомонъ: „угнетеніе Ирландіи Англіей ни въ чемъ, можетъ быть, не обнаруживается такъ грубо, какъ въ ея торговой политикѣ. Англія хотѣла все продавать Ирландіи и ничего у нея не покупать, что является настолько же безумнымъ, сколько и безразсуднымъ, ибо Ирландія могла вести торговлю только съ Англіей; какъ же тѣ, которые ничего не продаютъ, могли бы что-либо покупать“ (*Beaumont.* L'Irlande sociale, politique et religieuse. 7-me ed. Paris. 1863. II. 85). Вся несправедливость образа дѣйствій Англіи сознавалась и лучшими изъ англичанъ. Такъ напр. извѣстный чартистъ Ловетъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ своей статьи относительно Ирландіи въ своей автобіографіи: ... „смутное положеніе вещей постепенно искоренили торговлю и промышленность въ Ирландіи, почти уничтожили ея торговый и промышленный классъ... Вмѣсто того чтобы развивать тор-

Уніи былъ положенъ конецъ самостоятельному экономическому развитію Ирландіи. Съ тѣхъ поръ она остается—и по настоящее время—лишь земледѣльческимъ округомъ Великобританіи.

Если животное лишить какого-либо важнаго органа, оно истекаетъ кровью, но живетъ иногда долго, хотя эта жизнь скорѣе напоминаетъ агонію. Такую агонію представляетъ собой исторія Ирландіи въ первую половину XIX вѣка, къ ней мы и обратимся теперь.

Ирландія дѣлается въ это время очагомъ почти непрерывныхъ возстаній, аграрныхъ преступленій, голодовокъ (частныя голодовки были каждый годъ, недоѣданіе было нормальнымъ состояніемъ ирландскаго населенія, большія голодовки были въ 1817, 1822, 1831, 1846—47 годахъ), эпидемій и т. д. Одна за другой назначаются парламентскія коммиссіи для изслѣдованія состоянія Ирландіи (а въ статистикѣ Ирландіи была заведена особая рубрика: agrarian outrages); ирландскій вопросъ постоянно стоитъ въ центрѣ общественнаго вниманія [1]). Благодаря этому у насъ имѣется совершенно достаточно матеріала, чтобы поставить діагнозъ народнохозяйственнаго состоянія эпохи.

При этомъ діагнозѣ чрезвычайно важно выдѣлить, что принадлежитъ общему народнохозяйственному состоянію Ирландіи и что можетъ быть отнесено на счетъ особеннаго ея аграрнаго строя какъ причины, въ извѣстномъ смыслѣ, внѣшней и случайной.

Два основныхъ факта должны быть выдвинуты на первый планъ. Прежде всего, останавливаетъ вниманіе *необыкновенный*

говлей и промышленностью естественные рессурсы страны вмѣстѣ съ ростомъ населенія, значительная часть его была снова возвращена къ землѣ“ и т. д. (The life and struggles of *W. Lovett* in his pursuit of bread, knowledge and freedom. London. 1876. Стр. 353).

[1]) „Ирландскій вопросъ“ имѣетъ огромную литературу. Только лѣнивый не придумывалъ какого-нибудь средства умиротворить несчастную Ирландію или уврачевать ея язвы. Благодаря этому скопилось великое множество памфлетовъ, брошюръ, книгъ, посвященныхъ ирландскому вопросу (въ каталогѣ Британскаго Музея лишь анонимная литература объ Ирландіи занимаетъ цѣлый томъ). Насколько мнѣ удалось познакомиться съ экономической частью этой литературы, она, въ общемъ, малоцѣнна и либо сводится къ повтореніямъ, либо относится къ черезчуръ спеціальнымъ вопросамъ. Большая часть этой литературы не можетъ быть использована въ настоящемъ сочиненіи, хотя, вѣроятно, и была бы способна составить предметъ самостоятельной историколитературной работы.

приростъ населенія въ эту эпоху. Оставляя въ сторонѣ ненадежныя цифры прошлаго столѣтія, съ котораго начался усиленный приростъ населенія [1]), возьмемъ XIX вѣкъ. Въ 1805 году Newenham исчислялъ населеніе въ 5,395,456, а неполный цензъ 1812 года далъ 5,937,356. Въ 1821 году было 6,801,827, въ 1831 году 7,767,401, въ 1841—8,125,124; слѣдовательно, можно увѣренно сказать, что, начиная съ конца 18-го вѣка, населеніе удвоилось за 50 лѣтъ. „Вѣроятно ни одна страна въ въ мірѣ, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ существуетъ обширный запасъ невоздѣланныхъ и плодородныхъ земель, не увеличивала своего населенія такъ быстро, какъ Ирландія“ [2]).

Второй основной фактъ экономическаго развитія Ирландіи въ этотъ періодъ является *пониженіе или во всякомъ случаѣ неизмѣнное состояніе емкости территоріи относительно населенія* вслѣдствіе разрушенія Ирландской промышленности и общаго регрессивнаго развитія производительныхъ силъ страны. Разцвѣтъ ирландской промышленности въ концѣ *XVIII* вѣка послужилъ толчкомъ для быстраго прироста населенія; такое же значеніе имѣло и превращеніе пастбищъ въ пашни и чрезвычайное развитіе производства зерновыхъ хлѣбовъ, вызванное необычайно высокимъ (военнымъ) уровнемъ цѣнъ въ началѣ XIX вѣка въ Англіи [3]). Наконецъ, своеобразнымъ исходомъ для населенія являлась военная служба, которая отвлекала населеніе въ началѣ XIX вѣка (извѣстно, что Ирландія поставляетъ въ особенно большомъ количествѣ рекрутовъ для Англіи). Но всѣ эти условія, способствовавшія приросту населенія, исчезли одно за

---

[1]) Montgomery Martin даетъ для 1785 года цифру 2,845,932 (Ireland before and after the Union), а Cairnes даетъ для 1792 года 4,088,000. (*Cairnes.* Political Essays. Fragments on Ireland. London. 1873). Цифра Кэрнса правдоподобнѣе, потому что она болѣе подходитъ къ цифрамъ XIX вѣка.

[2]) Montgomery Martin, l. c. 168.

[3]) Относительно этого „хлѣбнаго“ прироста населенія въ концѣ XVIII вѣка вполнѣ справедливо замѣчаетъ Лекки: „значительный и внезапный приростъ благосостоянія никогда не можетъ считаться прочнымъ благодѣяніемъ для непредусмотрительнаго и невоспитаннаго народа. Хлѣбныя преміи, кажется, въ значительной степени содѣйствовали тому крайнему дробленію фермъ, которое впослѣдствіи оказалось столь гибельнымъ; способы обработки, направленные къ скорому полученію крупныхъ урожаевъ, истощили и обѣднили почву; ростъ населенія превзошелъ всякую мѣру, опредѣляемую рессурсами страны“. (Lecky, l. c. VI, 358).

другимъ. Промышленность была частью разрушена, частью парализована Уніей. Высокій уровень цѣнъ военнаго времени смѣнился низкимъ, который привелъ къ кризису 20 годовъ (то, что въ Англіи было кризисомъ, въ Ирландіи, естественно, вызвало голодъ 1822 года), война прекратилась, а вмѣстѣ съ ней и усиленный спросъ на рекрутовъ. Приростъ же населенія не только не прекратился, но какъ будто все увеличивался.

Неизбѣжнымъ результатомъ такого направленія развитія должно было явиться *перенаселеніе*, т. е. превышеніе наличнымъ населеніемъ производительныхъ рессурсовъ страны. Непосредственнымъ слѣдствіемъ перенаселенія является, естественно, переполненіе всѣхъ наличныхъ сферъ труда, недостатокъ занятій (want of employment), безработица. Безработица при этомъ проистекаетъ не изъ опредѣленныхъ особенностей данной народнохозяйственной организаціи (напр. капиталистической), но изъ общаго превышенія населеніемъ ёмкости территоріи, соотвѣтствующей данной ступени развитія производительныхъ силъ.

Перенаселеніе въ указанномъ смыслѣ есть основная болѣзнь Ирландіи въ первой половинѣ XIX вѣка. Рискуя быть утомительнымъ, я приведу рядъ выдержекъ изъ оффиціальныхъ парламентскихъ отчетовъ, подтверждающихъ это въ высшей степени важное положеніе.

Въ первомъ отчетѣ коммиссіи о болѣзняхъ и общемъ состояніи „трудящихся бѣдныхъ“ въ Ирландіи[1]), относящемся къ 1819

[1]) Поводомъ къ назначенію этой коммиссіи послужили бѣдствія 1817 года, слѣдующимъ образомъ описываемыя историкомъ: „урожай овса въ 1817 году былъ плохъ по качеству и скуденъ. Урожай картофеля былъ хорошъ, мѣстами даже превосходенъ, но вслѣдствіе неблагопріятной погоды его уборка сопровождалась многими трудностями и малыми результатами. А инымъ нечего было и убирать, потому что урожай ихъ былъ конфискованъ за долгъ. Тифъ всегда былъ эндемической болѣзнью въ Ирландіи. Усиливаемый какими-то неуловимыми атмосферными измѣненіями, онъ могъ теперь свирѣпствовать относительно слабыхъ организмовъ, жизненная сила которыхъ доведена до минимума нуждой, вынужденною праздностью, отчаяніемъ. Толпы голодающихъ семействъ были выгнаны изъ своихъ жилищъ на чердаки и въ подвалы ближайшихъ городовъ; по мѣрѣ того какъ надежда найти работу изчезала, и бѣдняки тщетно переходили изъ одного города въ другой, они начинали вести жизнь безцѣльнаго бродяжничества, питаясь дикой рѣпой и крапивой въ случаѣ отсутствія милостыни и умирая отъ этого. Отъ Доннегаля до Вэксфорда, отъ Керри до Арма, едва-ли можно было найти хоть одно

году[1]), мы читаемъ: въ Вотерфордѣ „царитъ страшная бѣдность; вслѣдствіе неурожая въ 1816 году недостатокъ былъ такъ значителенъ, что почти вызвалъ голодъ; погода была чрезвычайно дождлива. Вмѣстѣ съ этимъ зломъ, недостатокъ занятій (want of employment), проистекающій изъ перехода отъ войны къ миру, и упадокъ или отсутствіе мануфактуръ содѣйствовали въ высокой степени развитію бѣдности. Производство тканей, прежде довольно обширное, за послѣдніе годы значительно сократилось. Одинъ изъ инспекторовъ коммиссіи о выздоравливающихъ недавно посѣтилъ нѣсколько комнатъ ткачей, и во всѣхъ нихъ нашелъ за работой по одному только веретену“ (12). Въ Керри „топливо рѣдко и дорого; фермеры вообще въ упадкѣ, вслѣдствіе перехода отъ войны къ миру; нищіе бродятъ толпами по странѣ, въ поискахъ пищи; значительный недостатокъ занятій и почти ни одной мануфактуры въ городахъ“ (20). „Общая бѣдность и недостаточность занятій,— читаемъ мы во второмъ отчетѣ той же коммиссіи—настолько замѣтны, что нѣтъ необходимости для коммиссіи обременять приложенія къ отчету (Appendix) спеціальными показаніями для опредѣленія размѣровъ зла“ (95). „Что населеніе, избыточное сравнительно съ размѣрами рынка на трудъ, существуетъ и увеличивается въ Ирландіи, есть фактъ, требующій самаго серьознаго вниманія законодательства; поэтому—осмѣливаются добавить авторы отчета—является не только дѣломъ гуманности, но и государственной политики дать разумное поощреніе промышленности въ этой части имперіи“ (97)[2]).

село, свободное отъ этого. Лихорадка была въ высшей степени заразительна; ею поражались доктора, священники, сидѣлки. Тѣхъ, кто пытался найти пріютъ въ хижинѣ, будучи нерѣдко привычнымъ ея обитателемъ, выносили на воздухъ и клали у дороги подъ грубымъ и неудобнымъ навѣсомъ изъ вѣтокъ и соломы надъ головами. Пища подавалась имъ прохожими, суровая погода была для нихъ менѣе гибельна, чѣмъ зараженный воздухъ хижинъ“. (Two centuries of irish history: From the Union to Catholic Emancipation 1801—1829. By Dr. I. H. Bridges. Стр. 226).

[1]) First Report from the Select Committee on the State of Disease, and Condition of the Labouring Poor in Ireland. 1819. Appendix.

[2]) Нѣкоторыя изъ самыхъ интересныхъ свидѣтельскихъ показаній привожу въ примѣчаніи. Свид. A. Nimmo относительно Керри: „число бѣдныхъ въ сѣверной части страны такъ велико, а недостатокъ заработка такъ значителенъ, что нѣсколько сотъ человѣкъ нанялись недавно въ сосѣднемъ графствѣ Лимрикѣ рабочими по 4 пенса въ день. Зарабатываютъ-ли они себѣ, такимъ образомъ, на харчи? Конечно, нѣтъ. Бѣдные,

Голодъ 1822 года вызвалъ новую коммиссію о „занятіяхъ для бѣдныхъ“ въ Ирландіи [1]). По словамъ отчета этой коммиссіи [2]), „дистрикты, пораженные бѣдствіемъ, равны по размѣру половинѣ всей Ирландіи“ (4). Голодъ случился подъ непосредственнымъ вліяніемъ неурожая картофеля и недорода другихъ хлѣбовъ. Однако,—по довольно туманному утвержденію авторовъ отчета, — это произошло не вслѣдствіе абсолютнаго недостатка хлѣба. „Бѣдствіе 1822 года вызвано, можно сказать, не столько недостаткомъ пищи самимъ по себѣ, сколько недостаткомъ доходныхъ занятій. Въ нѣкоторыхъ дистриктахъ, какъ напр. въ Clonekelty (Cork), гдѣ былъ неурожай картофеля, но гдѣ нѣкоторая часть населенія была занята въ обрабатывающей промышленности, ни одно лицо, занятое въ льняномъ производствѣ, не подавало, можно сказать, повода къ зачисленію его въ ряды нуждающихся въ поссбіи. Эта особенность въ характерѣ послѣдняго бѣдствія въ Ирландіи, какъ кажется коммиссіи, проистекаетъ изъ общей зависимости крестьянства отъ пищи, производимой ими самими (т. е. отъ натуральнаго характера хозяйства, сказали бы мы теперь). Если продуктъ картофельнаго поля крестьянъ не родится, они не привыкли обращаться къ рынку, а при томъ они рѣдко и располагаютъ средствами для покупки“ (5). „По мнѣнію ком-

---

живущіе въ селеніи Hospital, были такъ раздражены этими условіями найма ихъ въ рабочіе, что напали на хозяевъ и почти совсѣмъ убили нѣсколькихъ изъ нихъ, нѣкоторые же потомъ и умерли“ (101).

[1]) Голодъ 1822 года характеризуется слѣдующими чертами. „Въ апрѣлѣ голодъ, который на годъ прекратился, снова появился съ внезапностью, свойственной странѣ, гдѣ каждый человѣкъ возращаетъ свою собственную пищу и рыночныя цѣны не даютъ обычныхъ предостерегающихъ указаній. Когда небольшая часть урожая, которую удалось собрать, была съѣдена, цѣна внезапно поднялась отъ полутора пенсовъ до 6 пенсовъ за стону. Въ графствѣ Клэръ, согласно отчетамъ изъ Barony of Clonderalow, 13,000 человѣкъ остаются безъ сѣмянъ на будущую жатву. Въ приходѣ Finloe 7 или 8 человѣкъ умерло отъ голода. По всему Galway, Sligo, Kerry, Cork шли тѣ же самые слухи, съ еще болѣе мрачными варіантами. Люди спрашивали, за какія преступленія полагается заключеніе въ тюрьмѣ, потому что въ тюрьмахъ кормятъ. И также, какъ 4 года тому назадъ, вслѣдъ за голодомъ послѣдовалъ тифозная лихорадка (typhus fever). Четверть милліона людей содержались на частную благотворительность; полмилліона было вотировано парламентомъ“. (Bridges, l. c. 275).

[2]) Report from the Select Committee on the Employment of the Poor in Ireland. 1823.

миссіи, существуетъ въ умахъ народа значительная тревога относительно пріисканія заработка (a great anxiety for labour). Крестьянство на сѣверѣ и югѣ въ извѣстное время года бросаетъ свои дома въ поискахъ за занятіями... (6). „Можетъ быть, ближайшею причиной этому является быстрый приростъ населенія... Промышленность не возрасла въ требуемой пропорціи, а спросъ на трудъ значительно уменьшился, если сравнить съ числомъ лицъ, ищущихъ занятій“ (7). Этой коммиссіей было допрошено много свидѣтелей, въ томъ числѣ Робертъ Овэнъ, путешествовавшій по Ирландіи съ цѣлью изученія причинъ ея бѣдствій. На вопросъ: „какимъ причинамъ приписываете вы бѣдность, господствующую въ такихъ размѣрахъ въ Ирландіи?“ великій идеалистъ не обинуясь отвѣтилъ: „недостаточности средствъ, которыя способствовали бы приложенію силъ населенія къ промышленности въ его собственныхъ интересахъ, а также существованію системы, которая постоянно вызываетъ и поддерживаетъ религіозную вражду“ (70) [1]). Овенъ развиваетъ далѣе планъ кооперацій для Ирландіи [2]). Свид. Hyett показалъ, что ближайшую причину бѣдствія онъ видитъ въ неурожаѣ, а общую въ „want of employment“. Свид. Brakenridge: „какъ вы думаете, могло-ли бы приложеніе добавочнаго капитала въ мануфактурахъ улучшить состояніе земледѣлія въ Ирландіи? Да, потому что большее число народа найдетъ занятіе и будетъ, получая заработную плату, которой теперь не получаетъ, тратить эти деньги на покупку пищи и другихъ предметовъ потребленія; большая часть изъ нихъ будетъ чрезъ это отвлечена отъ земли.— Было-ли бъ также благодѣтельно для земледѣльцевъ Ирландіи,

---

[1]) Частичное осуществленіе идей Овена было испытано въ Ралахайнѣ ученикомъ Овена Ванделеромъ. (Исторія Ралахайнскаго эксперимента разсказана мною въ статьѣ въ журналѣ „Міръ Божій“, II, 1900). Предпріятіе Ванделера шло въ разрѣзъ съ условіями времени и было всецѣло связано съ личностями его руководителей, оно не представляетъ поэтому интереса въ экономическомъ отношеніи, а любопытно скорѣе, какъ примѣръ того, что̀ можетъ при случаѣ сдѣлать крупная личность даже „противъ теченія“ исторіи.

[2]) Овенъ показалъ, между прочимъ, что онъ „нигдѣ, ни въ какой странѣ не видѣлъ столь большого количества лицъ безъ полезнаго занятія, которыя были бы вмѣстѣ съ тѣмъ столь недостаточно снабжены обыкновенными предметами необходимости для человѣческаго существованія и удобства“ (156).

еслибы спросъ на земледѣльческіе продукты существовалъ, но исходилъ бы изъ Англіи? Не думаю, потому что тогда Ирландія осталась бы обременена значительнымъ количествомъ безработныхъ.—Развѣ представляетъ важность для земледѣльцевъ, исходитъ-ли спросъ отъ промышленнаго населенія своей собственной страны или другихъ странъ? Конечно, и не только для земледѣльца, но и для всякаго члена общества. Земледѣліе и мануфактуры содѣйствуютъ процвѣтанію другъ друга; мануфактуры могутъ съ наибольшимъ успѣхомъ вестись тамъ, гдѣ производится не только пища для промышленнаго населенія, но и сырой матеріалъ въ значительномъ количествѣ; а равно и земледѣліе выигрываетъ отъ спроса, который создается для его продуктовъ со стороны промышленнаго населенія. Такимъ образомъ, при соединеніи земледѣлія съ мануфактурами, разумѣется, такими, которыя соотвѣтствуютъ естественнымъ условіямъ страны, цѣнность продукта, а, слѣдовательно, и возможность найти заработокъ будетъ больше, нежели тамъ, гдѣ населеніе занято только земледѣліемъ или промышленностью. Страна не можетъ находиться въ цвѣтущемъ состояніи, пока ея продукты всѣ одного рода и пока она зависитъ отъ другой страны не только изъ-за сбыта для своего продукта, но также и изъ-за снабженія продуктами обрабатывающей промышленности, насколько они могутъ требоваться“ (156). Это замѣчательное показаніе обнаруживаетъ въ свидѣтелѣ чрезвычайно тонкое пониманіе положенія Ирландіи и ея дѣйствительныхъ нуждъ.

Подобныя же показанія давались предъ коммиссіей, назначенной для изслѣдованія о волненіяхъ въ Ирландіи и засѣдавшей въ 1824 году [1]). Приведемъ нѣкоторыя. Свид. судья Day показалъ, что причиной возстанія является недостатокъ занятій (want of employment). Недостатокъ занятій въ графствѣ Керри происходилъ и происходитъ отъ недостатка мануфактуръ и отъ отсутствія большинства владѣтельныхъ лордовъ“ и т. д. (247) Свид. свящ. M. Collins: „я вижу значительную причину недостатка и нищеты въ томъ, что у насъ не существуетъ ничего, что могло бы отвлечь избыточное населеніе отъ исключительной зависимости въ добываніи средствъ существованія отъ земледѣлія“

[1]) Minutes of evidence taken before the select committee appointed to inquire into the disturbances in Ireland, in the last session of Parliament 13 th May—18 th June 1824. London. 1825.

(362). Подобныя же показанія дѣлались и предъ коммиссіей 1825 года для изслѣдованія состоянія Ирландіи [1]). Такъ напр. свид. Horton заявляетъ: „я разсматриваю, какъ доказанный фактъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи населеніе можетъ считаться избыточнымъ (redundant), въ томъ смыслѣ, что предложеніе труда весьма не соотвѣтствуетъ спросу“ (5).

Уже извѣстная читателю эмиграціонная коммиссія въ своемъ третьемъ отчетѣ (посвященномъ спеціально Ирландіи) говоритъ слѣдующее [2]). „Коммиссія считаетъ необходимымъ остановиться на крайней бѣдности большей части крестьянства во многихъ частяхъ Ирландіи... Каковы бы ни были сложныя причины, ее вызвавшія, неоспоримъ тотъ фактъ, что, вообще говоря, здѣсь существуетъ избытокъ труда по сравненію съ постояннымъ на него спросомъ, который свелъ и продолжаетъ сводить заработки рабочаго до самаго низкаго, какой только возможенъ, уровня необходимыхъ средствъ существованія. Изъ показаній свидѣтелей обнаруживается, что частныя лица часто занимаютъ рабочихъ за эту низкую плату по скорѣе мотивамъ гуманности, чѣмъ изъза какого-нибудь интереса“ [3]).

---

[1]) First Report from the select committee on the State of Ireland 1825. London. 1825.

[2]) Third Report from the Select Committee on Emigration from the United Kingdom. 1827.

[3]) Любопытны дальнѣйшія разсужденія коммиссіи по этому вопросу: „Палата знаетъ, что въ Ирландіи въ качествѣ средства улучшить дѣло обыкновенно указывается возможно быстрое привлеченіе въ Ирландію капитала. Но коммиссія желаетъ особенно обратить вниманіе палаты, что зло перенаселенія, порождающее избытокъ спроса надъ предложеніемъ, увеличивается и утяжеляется само собою, и это будетъ продолжаться, пока не будетъ принято мѣръ для его ограниченія, оно можетъ даже предотвратить приложеніе капитала, который своимъ появленіемъ могъ бы уменьшить избытокъ рабочей силы, установивъ большую равномѣрность между предложеніемъ и спросомъ на трудъ. При настоящихъ условіяхъ, мнѣніе относительно необезпеченности собственности въ Ирландіи, проистекающей изъ состоянія населенія, должно препятствовать привлеченію сюда капитала; другими словами, никто не захочетъ основать обширную мануфактуру или произвести значительныя земледѣльческія улучшенія въ странѣ, въ которой было и можетъ снова вспыхнуть возстаніе и въ которой его доходы подвергаются, слѣдовательно, опасности въ случаѣ наступленія такого событія“ (6). Эта коммиссія, въ числѣ другихъ свидѣтелей, вызывала и Роберта Мальтуса, показанія котораго и можно найти въ Minutes of evidence. Интересныя

Подобныя же свѣдѣнія можно почерпнуть и изъ отчета 1830 года коммиссіи о бѣдныхъ въ Ирландіи [1]). Здѣсь читаемъ: „коммиссія съ прискорбіемъ должна констатировать, что весьма значительная доля населенія можетъ считаться неимѣющей занятій. Число такихъ лицъ опредѣляется различно, и Mr. Smith предполагаетъ, что оно составляетъ пятую всего населенія. Mr. Ensor идетъ еще далѣе и опредѣляетъ эту долю равной четвертой части. Отъ этого недостатка спроса на трудъ съ необходимостью проистекаетъ весьма жестокая бѣдность среди рабочихъ классовъ А это, въ соединеніи съ измѣненіями въ системѣ распредѣленія земли, какъ утверждаютъ, вызываетъ„ бѣдность и страданія, которыхъ не можетъ выразить ничей языкъ и которыя необходимо видѣть, чтобы вполнѣ оцѣнить“. Эта бѣдность съ наибольшей суровостью свирѣпствуетъ въ предмѣстьяхъ городовъ. Dr. Doyle описываетъ положеніе страдающихъ классовъ весьма сильными и выразительными чертами. Онъ описываетъ случай изгнанія фермеровъ, которые, въ поискахъ убѣжища въ городахъ, послѣ того какъ ихъ скромный капиталъ истощается, становятся въ зависимость отъ благотворительности. Они сдаютъ прежде всего свой домъ, а сами вынуждаются занять не комнату, а то, что они называютъ уголъ (a corner). Четыре такихъ нищенскихъ семейства иногда помѣщаются въ одной небольшой комнатѣ или хижинѣ, а три въ другой. Я самъ не видалъ по семи такихъ семействъ въ одной хижинѣ, но меня увѣряли священники, что встрѣчается много примѣровъ такого рода. Постелью для нихъ служитъ немного соломы, которая разстилается ночью по полу, а днемъ собирается и покрывается одѣяломъ или покрываломъ. Въ этихъ домахъ нищеты болѣзни нерѣдко порождаются крайней бѣдностью; эти болѣзни истощаютъ народъ, потому что они не имѣютъ ни пищи, ни комфорта, чтобы оправиться; они умираютъ въ короткое время“ (4) [2]).

для характеристики воззрѣній Мальтуса, они мало даютъ для освѣщенія фактическаго положенія вещей въ Ирландіи. Мальтусъ съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на опасность, грозящую болѣе культурнымъ англійскимъ рабочимъ отъ конкурренціи дешеваго и некультурнаго ирландскаго рабочаго.

[1]) Report of the select committee on the state of the poor in Ireland. 1830.

[2]) Авторы отчета далѣе хотя и констатируютъ частичныя улучшенія въ положеніи населенія и сельскаго хозяйства, но затѣмъ добавляютъ: „какъ ни утѣшительны подобныя свидѣтельства, было бы ошибочно на

Хотя оффиціальные наши источники кончаются 30-ми годами [1]), но нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ далѣе, тѣмъ зло перенаселенія становилось все чувствительнѣй. Мы уже знаемъ, что населеніе продолжало быстро расти, между тѣмъ какъ производительные рессурсы страны не увеличиавлись [2]). Ирландская промыш-

этомъ основаніи сомнѣваться въ вѣрности показаній о значительной нищетѣ и бѣдности въ Ирландіи. Населеніе и богатство страны могутъ увеличиваться и быстро возрастать; но если первое возрастаетъ въ болѣе быстрой пропорціи, чѣмъ послѣднее, возрастаніе бѣдности можетъ конкуррировать съ ростомъ общественнаго богатства. Положеніе трудящихся классовъ зависитъ отъ пропорціи между количествомъ народа и капитала, который можетъ быть съ выгодою употребленъ на трудъ“ (6). Здѣсь опять выступаетъ теорія фонда заработной платы и, въ примѣненіи къ даннымъ обстоятельствамъ, теорія эта имѣетъ за собою весьма вѣскія основанія.

[1]) Ср. еще интересный отчетъ отъ 15 ноября 1836 года сэра Джорджа Никольса, представленный имъ въ палату общинъ по поводу обсужденія закона о бѣдныхъ (сообщено въ его книгѣ: *G. Nichols.* A History of the irish poor law in connection with the condition of the people. London. 1856. Стр. 160—186). Здѣсь установляется, въ послѣднемъ итогѣ, что „хотя капиталъ страны возросъ, но населеніе возросло еще больше“.

[2]) Зло перенаселенія признается и ирландскимъ историкомъ (Two centuries of irish history: Lord *Edmond Fitzmaurice* and *James T. Thursfield.* From the emancipation of catholics to the insurrectionary movement of 1848. Стр. 396—7). „Возможность найти занятіе помимо земледѣлія уменьшалась подъ вліяніемъ уничтоженія премій, которыми въ прошломъ столѣтіи были вызваны искусственно къ жизни нѣсколько ирландскихъ мануфактуръ.. За исключеніемъ Ulster'a, гдѣ основалась льняная промышленность, значительныя массы ирландскаго населенія были вслѣдствіе этого возвращены къ землѣ, и большая часть населенія, благодаря непрерывно растущему дѣленію земли, не имѣетъ ничего, кромѣ нѣкотораго количества картофеля, чтобы спастись отъ голодной смерти. Извѣстно, что суровыя голодовки были въ 1822, 1831, 1835, 1836 и 1837 годахъ, онѣ были достаточно ужасны сами по себѣ, но кромѣ того чреваты болѣе страшными послѣдствіями. „Увеличеніе ирландскаго населенія“, писалъ sir George Lewis во время послѣдней изъ своихъ поѣздокъ по Ирландіи, провидя новое облако опасности, собиравшееся на горизонтѣ, „идетъ съ постоянно увеличивающейся скоростью. Каждый годъ увеличиваетъ число лицъ, добивающихся картофельныхъ огородовъ и дальнѣйшаго дробленія земли, уменьшается, слѣдовательно, возможность заработка, и такимъ образомъ медленно, но неуклонно приближается наступленіе самой худшей формы междоусобнаго волненія,—войны изъ-за средствъ существованія“. (On local disturbances in Ireland, 338). Было, значитъ, признано, что нерегулярность заработка дѣлала землю необходимой для существованія, что необходима перемѣна, благодаря которой совершился бы переходъ отъ со-

ленность, по прежнему, почти не развивалась, за исключеніемъ отдѣльныхъ вѣтвей, главнымъ образомъ льнянаго производства, сосредоточеннаго по преимуществу въ Ulster'ѣ, гдѣ всего менѣе чувствуется зло перенаселенія со всѣми его сопровождающими бѣдствіями [1]). Общее состояніе Ирландіи, съ ея постоянными смутами и возстаніями, державшими страну на военномъ положеніи [2]), низкое ка-

---

стоянія нищихъ фермеровъ въ независимыхъ работниковъ, что, если спросъ на трудъ какимъ бы то ни было образомъ не будетъ постоянно возрастать, а стремленіе къ дробленію земли не прекратится, или же населеніе не уменьшится значительно эмиграціей либо какимъ-либо инымъ способомъ, то наступленіе соціальнаго бѣдствія невиданныхъ размѣровъ есть только вопросъ времени".

[1]) Лордъ Дюфферинъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: „насколько могущественно содѣйствовало развитіе мануфактуры на сѣверѣ Ирландіи благосостоянію земледѣльческихъ классовъ Ulster'а, давая возможность фермеру обучить своего сына ремеслу, вмѣсто того, чтобы дѣлить свое все уменьшающееся хозяйство, позволяя коттеру восполнить свои земледѣльческіе заработки пряденьемъ на ручномъ веретенѣ, а также и ослабляя общее стремленіе къ землѣ, я не могу разсказать... Достаточно здѣсь выразить мое глубокое убѣжденіе, что, еслибы Ирландіи было дозволено развивать свои несчислимые промышленные рессурсы по своему распоряженію, какъ она развивала единственную отрасль промышленности, которую ей было позволено, то равновѣсіе между землею и населеніемъ, зависящимъ отъ земли, никогда не было такъ нарушено, а равно и отношенія между лэндлордомъ и фермеромъ не сдѣлались бы предметомъ безпокойства". (Irish emigration and the tenure of land in Ireland. By Lord *Dufferin*. London. 1867. Стр. 137—8).

[2]) Въ четвертомъ отчетѣ коммиссіи 1825 года для изслѣдованія состоянія Ирландіи читаемъ... Свид. I. Cropper: Думаете-ли вы, что въ настоящее время существуетъ извѣстное предубѣжденіе противъ затраты англійскаго капитала въ Ирландіи на сооруженіе фабрикъ и машинъ и развитія промышленности въ широкихъ размѣрахъ? Несомнѣнно, существуетъ извѣстное нерасположеніе къ затратѣ англійскаго капитала въ Ирландіи, скажу больше, даже ирландскій капиталъ уходитъ изъ страны, и я боюсь, что на это есть дѣйствительныя основанія, именно, что собственность въ Ирландіи недостаточно обезпечена при данныхъ условіяхъ.—Но предполагая, что была бы увѣренность въ обезпеченности собственности въ Ирландіи, думаете-ли вы, что капиталъ могъ бы затрачиваться тамъ на устройство мануфактуръ съ большей выгодой въ настоящій моментъ, чѣмъ на расширеніе промышленности въ Великобританіи? Я въ этомъ не сомнѣваюсь. — Думаете-ли вы, что учрежденіе мануфактуръ могло бы дать въ Ирландіи достаточное занятіе для $^2/_3$ населенія, которыя, по вашему предложенію, лишены теперь занятій? Если только мы будемъ имѣть рынокъ для продуктовъ труда; и я не сомнѣ-

чество труда до послѣдней степени деградированныхъ крестьянъ [1]), но самое главное—конкурренція Англіи, въ это время уже окрѣпшей въ первую промышленную и торговую державу міра, незнавшую соперничества. Естественно, для Ирландіи оставались только крохи со стола Англіи, тѣ отрасли промышленности (какъ льняная) относительно которыхъ Англія была заинтересована не какъ производитель, а какъ потребитель. Вотъ для примѣра, какъ

ваюсь, что можетъ быть найденъ рынокъ для продуктовъ всего этого труда, т. е. внѣшній рынокъ для того, что̀ останется для вывоза; но разъ оснуются мануфактуры, большой рынокъ создается потребностями въ комфортѣ самого народа.—Думаете-ли вы, что значительный внутренній рынокъ можетъ дать сама Ирландія, если ея состояніе улучшится? Безъ сомнѣнія. Несмотря на крупную внѣшнюю торговлю въ этой странѣ, можно предположить, что на внутреннее потребленіе уйдетъ половина производства, хотя теперь Ирландія можетъ потребить, конечно, очень мало; но при улучшенномъ состояніи народа она составитъ рынокъ, равный иностранному“ (Fourth Report from the Select Committee on the State of Ireland, 689).

[1]) *Robert Kane* въ монографіи о промышленныхъ рессурсахъ Англіи говоритъ слѣдующее (The industrial resources of Ireland. 2-nd ed. Dublin. 1845, стр. 397): „что человѣческій трудъ можетъ быть купленъ въ Ирландіи за болѣе низкую плату, чѣмъ во всякой другой странѣ въ Европѣ, извѣстно слишкомъ хорошо, чтобы нужны были примѣры. Населеніе, для котораго существующіе способы воздѣлыванія не даютъ достаточнаго занятія въ земледѣліи и которое вмѣстѣ съ тѣмъ не отвлекается въ города промышленными занятіями какъ въ Англіи, вынуждено принимать какъ необходимое средство для жизни всякія условія вознагражденія, какія только предлагаются ему за его трудъ. Такимъ образомъ, 8 или 10 пенсовъ въ день считается здѣсь обычной нормой вознагражденія на нѣкоторомъ разстояніи отъ большихъ городовъ и даже при такихъ условіяхъ тысячи людей остаются безъ занятій большую часть года. Но эта номинальная дешевизна вовсе не является въ послѣднемъ счетѣ экономной. Нищій, который можетъ заработать своимъ трудомъ лишь 4 или 3 шиллинга въ недѣлю, на которые онъ содержитъ свою семью и платитъ ренту за жилище, долженъ быть настолько болѣзненнымъ, слабымъ, угнетеннымъ, что работать такъ, какъ работаетъ настоящій мужчина, является свыше его силъ. По этому здѣсь часто видѣли за занятіемъ двойное число рукъ, которое требовалось бы для того же самаго дѣла въ Великобританіи. Англичане получатъ, по крайней мѣрѣ, вдвое больше, чѣмъ ирландцы, но въ концѣ концовъ не будутъ стоить дороже для предпринимателя. Хотя въ послѣднемъ случаѣ плата была, дѣйствительно, ниже, трудъ не былъ дешевле, напротивъ, нѣсколько дороже, ибо хлопоты надзора за двойнымъ числомъ рабочихъ также требуютъ добавочныхъ издержекъ“.

отозвался одинъ изъ свидѣтелей (Robert Roe) предъ парламентской коммиссіей 1830 года относительно шелковой промышленности [1]). Qu. 5918. „Создаютъ или усиливаютъ бѣдность въ данномъ случаѣ обстоятельства, связанныя съ самымъ характеромъ производства, или конкурренція лучшихъ машинъ, прилагаемыхъ въ производствѣ шелка въ Англіи? Превосходство англійской мануфактуры относительно машинъ и капитала дѣлаетъ соперничество съ нимъ для Дублинской мануфактуры почти невозможнымъ, именно теперь, когда ограниченія торговли между двумя странами совершенно уничтожены. Дублинскія мануфактуры имѣютъ и мало капитала, и не имѣютъ спроса, кромѣ ограниченнаго домашняго рынка“. То же самое можно сказать и относительно другихъ отраслей промышленности. Наконецъ, когда окрѣпшая англійская промышленность могла уже смѣяться надъ конкурренціей другихъ странъ, она перешла къ свободной торговлѣ, но за собою увлекла къ тому же и свою младшую сестру— ирландскую промышленность. Переходъ къ свободной торговлѣ нанесъ послѣдней смертельный ударъ [2]), отъ котораго ей болѣе уже не суждено было оправиться, и она остается по сіе время по преимуществу земледѣльческой страной [3]).

---

[1]) Third report of evidence from the Select Committee on the State of the Poor in Ireland. 1830. Стр. 534.

[2]) И. И. Янжулъ въ своемъ очеркѣ торговой политики Англіи относительно Ирландіи совершенно справедливо видитъ въ искорененіи Англіей ирландской промышленности одну изъ главныхъ причинъ бѣдствій Ирландіи, а по поводу перехода къ свободной торговлѣ замѣчаетъ: „принятіе Великобританіей политики свободной торговли нанесло Ирландіи двоякій вредъ. Открывши свободный доступъ для хлѣба и сырья въ Англію, оно тѣмъ самымъ ограничило почти единственный предметъ сбыта или понизило его цѣну... Кромѣ того, свободная торговля оказала на Ирландію и другого рода вліяніе... Въ немногихъ изъ своихъ уцѣлѣвшихъ мануфактуръ Ирландія имѣла соперницей до сихъ поръ одну Англію; съ открытіемъ же британскихъ гаваней для всѣхъ народовъ земного шара, эта страна получила огромное число конкуррентовъ, что пагубно дѣйствовало на всю ея промышленность, уменьшивъ еще болѣе ея размѣры“ (*И. И. Янжулъ*. Очерки и изслѣдованія. Т. I, Москва 1884. Англійская торговая политика въ Ирландіи, 266—7).

[3]) Характеризуя новѣйшее состояніе Ирландской промышленности, *Rob. Dennies* говоритъ (Industrial Ireland. London. 1887, стр. 1): „будетъ не вполнѣ правильно сказать, что здѣсь нѣтъ промышленности, но справедливо, что, за исключеніемъ льняной промышленности, дистиллированія виски, приготовленія портера, нѣтъ ни земледѣльческаго, ни горнаго, ни

Мало помогала и эмиграція въ Англію, совершавшаяся въ весьма значительныхъ размѣрахъ [1]); эта эмиграція была настоящимъ проклятіемъ для Англіи, потому что приносила въ страну самыя низкія отребья человѣчества, сбивавшія заработную плату англійскаго рабочаго какъ въ городахъ, такъ и въ деревнѣ [2]), но она была каплей въ морѣ ирландскаго перенаселенія.

Послѣ всего сказаннаго легко себѣ представить, какими чертами характеризуется ирландское земледѣліе въ эту эпоху. Если существуетъ общее перенаселеніе въ странѣ, лишенной почти всякихъ занятій, кромѣ земледѣлія, то, очевидно, это перенаселеніе прежде всего и непосредственнѣй всего отразится на состояніи земледѣлія, произведя здѣсь всѣ обычныя явленія, которыми аграрное перенаселеніе сопровождается. При данномъ

мануфактурнаго занятія, которое велось бы съ должной энергіей или надлежащей прибыльностью. Говоря вообще, тѣ изъ отраслей ирландской промышленности, которыя не совсѣмъ погибли, находятся въ чахломъ состояніи. Нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая была бы дѣйствительно въ здоровомъ состояніи".

[1]) По словамъ Энгельса, до 1845 года въ Англію переселилось уже болѣе милліона ирландцевъ; въ Лондонѣ ихъ было больше 120,000, въ Манчестерѣ 40,000, въ Ливерпулѣ 34,000, Бристолѣ 24,000, Глазго 40,000, Эдинбургѣ 29,000. См. также у Энгельса характеристику низкаго уровня потребностей и образа жизни ирландскихъ иммигрантовъ въ главѣ: Die irische Einwanderung въ Die Lage der arbeitenden Klassen in England.— Цифру эмиграціи въ Англію въ одномъ только 1841 году опредѣляютъ въ 57,651 человѣкъ.

[2]) Карлейль въ своемъ извѣстномъ памфлетѣ о чартизмѣ въ лапидарномъ стилѣ изображаетъ эту общественную язву. „Мы, англичане, платимъ теперь горькою скорбью за рядъ столѣтій несправедливостей, оказанныхъ нашему сосѣду. Несправедливостей, нѣтъ сомнѣнія, было много, иначе Ирландія не была бы въ столь жалкомъ положеніи... Англія виновна относительно Ирландіи и пожинаетъ въ концѣ концовъ полной мѣрой плоды неправды въ теченіе пятнадцати поколѣній. Толпы жалкихъ ирландцевъ наполняютъ всѣ наши города. Дикія милезійскія (прозвище ирландцевъ) черты съ выраженіемъ лукавства, тревоги, безумства, нищеты и обмана ждутъ васъ на всѣхъ углахъ и перекресткахъ. Англійскій кучеръ, проѣзжая мимо, ударяетъ ирландца кнутомъ, поноситъ его своимъ языкомъ, а этотъ снимаетъ шапку и проситъ. Онъ есть самое худшее зло, съ которымъ приходится бороться этой странѣ. Въ своихъ лохмотьяхъ съ дикой веселостью берется онъ за всякое дѣло, которое требуетъ силы рукъ и спины, за такую плату, на которую онъ можетъ купить себѣ картофеля. Ему нужна только соль для приправы. Онъ охотно ночуетъ въ первомъ встрѣчномъ свинятникѣ или собачьей конурѣ, селится въ

положеніи вещей, состояніе ирландскаго земледѣлія при *всякихъ* аграрныхъ условіяхъ могло быть только самое плачевное. Бѣдность крестьянства въ Ирландіи и убожество его хозяйства есть результатъ общихъ народнохозяйственныхъ причинъ, а не исключительныхъ аграрныхъ отношеній, имъ принадлежитъ только особенная *форма*, въ которой выразился этотъ неизбѣжный результатъ. Это положеніе имѣетъ первостепенную важность для пониманія экономики земледѣлія въ Ирландіи, хотя многіе впадаютъ во вполнѣ понятную близорукость, видя причину ирландской бѣдности въ уродливостяхъ земельныхъ отношеній [1]). Легко понять, что не круп-

---

амбарѣ и носитъ такіе лохмотья, что сниманье и надѣванье ихъ составляетъ труднѣйшую операцію, которая совершается только по праздникамъ или особенно торжественнымъ днямъ. Англосаксъ не находитъ работы, если онъ не хочетъ работать при такихъ условіяхъ. Конечно, онъ можетъ быть невѣжественъ, но онъ не опустился отъ культурнаго человѣческаго существованія до грязнаго существованія обезьяны. . Мы имѣемъ карантинъ отъ чумы, но это хуже чумы, да и какой здѣсь возможенъ карантинъ?!“ (*Carlyle.* Chartism, полнаго собр. соч. т. X, Essays V, стр. 348 и д.).

[1]) Въ литературѣ объ Ирландіи рѣзко различаются двѣ основныхъ точки зрѣнія на причины ирландской бѣдности. Одна—мальтузіанская, объясняющая бѣдствія Ирландіи изъ перенаселенія. Эта точка зрѣнія эксплуатировалась нерѣдко въ грубо апологетическихъ цѣляхъ, чтобы свалить причину бѣдности на ирландскій народъ и обѣлить Англію и ирландскій лэндлордизмъ. Но среди представителей этой точки зрѣнія встрѣчаются и вполнѣ добросовѣстные и серьезные изслѣдователи,—достаточно указать Кэрнса и лорда Дюфферина, перу котораго принадлежитъ одно изъ самыхъ выдающихся сочиненій по ирландскому вопросу. (Марксъ подвергаетъ саркастическому разбору статью Дюфферина объ Ирландіи, но въ разборѣ этомъ сарказмъ идетъ рѣшительно въ ущербъ основательности и справедливости критики. См. Капиталъ, томъ I, 622—3). Вторая точка зрѣнія стремится свести причины ирландской бѣдности (помимо общаго политическаго угнетенія) на специфическія аграрныя отношенія въ Ирландіи. Представители этой точки зрѣнія подъ вліяніемъ публицистическихъ и вполнѣ заслуживающихъ симпатіи тенденцій относятся нерѣдко враждебно къ первому направленію. Изъ числа представителей этого направленія можно назвать *Michael Thomas Sadler* (а не A. Sadler, какъ онъ названъ у Маркса). Ireland, its evils, and their remedies. 2-nd ed. London. 1829. Книга эта, отличающаяся теплымъ сочувствіемъ къ страданіямъ Ирландіи, теоретически не стоитъ много выше средняго уровня. Марксъ, которому измѣняетъ въ данномъ вопросѣ чувство научнаго безпристрастія, называетъ ее „знаменитой“. „Здѣсь доказывается, говоритъ онъ, что въ Ирландіи нищета господствуетъ не такъ, какъ этого хотѣлось бы Мальтусу, не пропорціонально

ное землевладѣніе и мелкія аренды создали состояніе общаго перенаселенія. Какъ было выяснено раньше, арендное хозяйство сравнительно съ хозяйствомъ на собственной землѣ лишь нѣсколько уменьшаетъ емкость земледѣльческой территоріи относительно населенія и, слѣдовательно, не вызываетъ, а лишь нѣсколько приближаетъ появленіе перенаселенія, разъ нѣтъ вообще препятствій для его наступленія. Съ другой стороны, оно измѣняетъ внѣшніе симптомы аграрнаго перенаселенія: тамъ, гдѣ при хозяйствѣ на собственной землѣ перенаселеніе выражается въ чрезмѣрной парцелляціи земельныхъ участковъ, въ несообразно высокомъ уровнѣ цѣнъ на землю, присутствіи паразитовъ-спекулянтовъ на землю и ростовщиковъ и низкомъ уровнѣ хозяйства, при ирландской системѣ симптомами перенаселенія является чрезмѣрное дробленіе арендныхъ участковъ, страшно высокая арендная плата, присутствіе посредниковъ при сдачѣ земли (middlemen), также какъ и въ предыдущемъ случаѣ низкій уровень хозяйства плюсъ еще личная зависимость отъ лэндлорда, принимающая иногда, какъ мы уже знаемъ, вполнѣ азіатскія формы. Тѣмъ не менѣе нужно признать, что ирландскій лэндлордизмъ былъ самостоятельнымъ и страшнымъ зломъ, которое давило и безъ того задавленнаго арендатора и въ экономическомъ, и политическомъ, и религіозномъ отношеніи. На долю этой причины должна быть, поэтому, отнесена извѣстная часть ирландскаго горя. Не отрицать это хотимъ мы въ предыдущихъ положеніяхъ, но лишь установить правильную историческую перспективу.

Всѣ перечисленные признаки аграрнаго перенаселенія ярко выступаютъ въ ирландскомъ земледѣліи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, къ знакомству съ послѣднимъ мы сейчасъ и обратимся.

Толчкомъ къ особенному дробленію фермъ, а также размноженію населенія послужило сильное, хотя и краткосрочное, поднятіе цѣнъ на хлѣбъ въ Англіи въ началѣ XIX вѣка, дѣйствіе котораго было еще усилено закономъ 1805 года, дозволившимъ Ирландіи свободный ввозъ хлѣба въ Англію. Къ этому присоединились еще и политическія соображенія: въ 1793 году право

величинѣ населенія, но въ обратной къ нему пропорціи“ (Капиталъ, I, 617, прим. 193). Предоставляю судить каждому хоть сколько-нибудь знакомому съ воззрѣніями Мальтуса, „хочетъ-ли“ онъ такого вывода и не является-ли онъ съ точки зрѣнія Мальтуса полной безсмыслицей?!

избирательнаго голоса фермеровъ, платившихъ не менѣе 40 шиллинговъ арендной платы, было распространено на римскихъ католиковъ, составлявшихъ большинство мелкихъ фермеровъ и ирландскаго населенія вообще. Этотъ законъ, отмѣненный въ 1829 году („40 sh. franchise“ была повышена до 10 фунтовъ ст.), создавалъ для лэндлордовъ интересъ дробить свои земли для сдачи избирателямъ, которые, конечно, могли подавать свои голоса только въ пользу своего лэндлорда. Тамъ, гдѣ политическія спекуляціи не имѣли мѣста, дробленіе земли совершалось уже во второй или третьей инстанціи, чрезъ посредство мидльменовъ. Вотъ общая характеристика положенія вещей, которую мы находимъ въ отчетѣ о состояніи Ирландіи 1830 года. „У части фермеровъ существовало стремленіе пересдать ферму или подѣлить между членами своего семейства. Гдѣ предпринимался первый способъ, тамъ создавался классъ мидльменовъ. Эта система абсолютно преграждала всякую возможность содѣйствія фермерамъ, которое могло бы исходить отъ владѣльца имѣнія. Это вело къ уплатѣ или, по крайней мѣрѣ, обѣщанію возможно высокой ренты со стороны арендатора... Практика дѣленія фермъ вела къ подобнымъ же результатамъ. „Тамъ, гдѣ мелкій арендаторъ снималъ 20 или 30 акровъ, замѣчаетъ Dr. Doyle, и гдѣ было позволено подѣлить ихъ между дѣтьми, онъ дѣлалъ это, какъ только они подростали, и въ результатѣ получалось неизбѣжно чрезмѣрное дробленіе. Эти дѣти снова дѣлили между своими дѣтьми, пока фермы въ 40 акровъ не были подѣлены на куски не болѣе 1 акра каждый. Напротивъ, если бы фермеру, снимающему 40 акровъ, не было позволено дѣлить свою землю, то онъ устроилъ бы своихъ дѣтей одного въ армію, другого во флотъ, а третьему оставилъ бы свое хозяйство. Такимъ образомъ, ферма постоянно поддерживалась бы въ первоначальномъ состояніи. Но фермеры, имѣя право дробленія фермъ, пользовались этой привилегіей, а лэндлорды поощряли ихъ къ тому, потому что вмѣсто того, чтобы имѣть одного фригольдера, онъ имѣетъ послѣ раздѣла цѣлыхъ четырехъ“. Положеніе этихъ мелкихъ фермеровъ слѣдующимъ образомъ описываетъ одинъ фермеръ: „бѣдняки, живущіе на такой раздробленной фермѣ, разрушаютъ ее, запуская землю дурнымъ воздѣлываніемъ, не оставляютъ ни куста, ни деревца, но все это вырубаютъ. Хижины, въ которыхъ они живутъ, самыя жалкія и бѣдныя изъ всѣхъ, онѣ могутъ только давать имъ ли-

хорадку и болѣзни, отъ которыхъ они часто страдаютъ". Воздѣлываніе земли самое худое, урожай картофеля становится все ненадежнѣй, возможность нужды наступаетъ чаще, самые корнеплоды становятся менѣе питательными, лихорадка появляется чаще и чаще. Земля также ухудшается со дня на день. „Качество продукта, конечно, ухудшается, а количество уменьшается, ибо земля въ хорошемъ состояніи родитъ больше и хлѣба и картофеля, чѣмъ истощенная; кромѣ этого, самый бѣдный плодъ рѣдко можетъ найти хорошія сѣмена для посадки, и земля, воздѣлываемая изъ года въ годъ безъ передышки, можетъ обратиться въ caput mortuum. Легкость, съ которой семейство можетъ обзавестись жалкой хижиной, въ родѣ выше упомянутыхъ, и грубость ихъ обычной пищи, состоящей почти исключительно изъ картофеля, вызываютъ ранніе браки среди бѣдныхъ, а эти новыя семьи скудно поддерживаютъ свое существованіе дробленіемъ земли. Это дробленіе есть самое серьезное зло, ибо оно порождаетъ самую ужасную нищету и бѣдность и обременяетъ имѣнія многочисленнымъ и почти нагимъ населеніемъ, вся промышленная дѣятельность котораго выражается только въ томъ, чтобы возрастить достаточное количество картофеля для ежедневной пищи и собрать торфа на топливо. Разъ это обезпечено, они имѣютъ мало побужденій къ дальнѣйшему напряженію своей энергіи, такъ какъ случаи занятій у другихъ очень рѣдки. Не удивительно, что эти семьи представляютъ много доказательствъ, что „праздность есть мать всѣхъ пороковъ" [1]).

Остановимся на деталяхъ и начнемъ съ арендной платы. Подъ вліяніемъ неограниченнаго спроса на землю, она достигла ни съ чѣмъ несообразнаго уровня. „Свобода контракта" при этомъ условіи, конечно, превращается въ полную фикцію [2]). Конкурренція

---

[1]) Report of the select committee on the state of the poor in Ireland. 1830. Стр. 6—7. Степень аграрнаго перенаселенія опредѣлить пыталась коммиссія 1834 года для изслѣдованія положенія Ирландіи: „мы находимъ, что на одну и туже площадь въ Ирландіи приходится около 5 сельскохозяйственныхъ рабочихъ на каждыхъ двухъ въ Великобританіи. Далѣе извѣстно, что земледѣльческій продуктъ Великобританіи больше, чѣмъ въ 4 раза превышаетъ (относительно) Ирландскій продуктъ". (Цит. у Dufferin, l. c. 37).

[2]) „Въ странѣ, подобной Ирландіи, земельная монополія является фатальной для „свободы контракта" между лэндлордомъ и фермеромъ. Тамъ, гдѣ миріады отраслей промышленности конкуррируютъ съ землей,

арендаторовъ уподобляется, по удивительно яркому сравненію свидѣтеля Nimmo [1]), соперничеству изъ-за пищи жителей осажденнаго города или пассажировъ корабля въ открытомъ морѣ. Приведемъ нѣсколько показаній. Mr. Franklin Lewis показалъ предъ коммиссіей 1825 года: „въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи, мнѣ представляется, фермеръ платитъ въ качествѣ ренты больше, чѣмъ онъ производитъ на этой землѣ. Въ сѣверныхъ частяхъ Ирландіи, гдѣ существуетъ льняная промышленность, лэндлорду во многихъ случаяхъ поступаетъ больше, чѣмъ производится съ земли. Я думаю, что во многихъ частяхъ Ирландіи, гдѣ земля черезчуръ раздроблена и гдѣ коттеры живутъ отчасти наемнымъ трудомъ, а частью тѣмъ, что они могутъ добыть съ маленькаго клочка земли подъ овсомъ и картофелемъ, платятъ больше, чѣмъ производятъ съ земли. Я получилъ свѣдѣнія что существуютъ въ Коннаутѣ такія мѣста, гдѣ крестьянинъ садитъ въ свое время картофель, а затѣмъ запираетъ свою хижину и отправляется въ Англію на работы, а его жена и дѣти, можетъ быть, нищенствуютъ по улицамъ. И когда онъ возвращается рыть свой картофель, съ заработной платой за свой трудъ въ Англіи въ карманѣ, онъ можетъ уплатить въ видѣ ренты большую сумму, чѣмъ онъ можетъ добыть съ земли“ [2]).

такъ что ея съемка не является безусловной необходимостью для жизни, дѣло обстоитъ иначе“. (*R. Barry O'Brien.* The parliamentary history of the irish land question. *London.* 1880. Стр. 108).

[1]) Спрошенный о причинахъ бѣдности ирландскаго крестьянства A. Nimmo отвѣтилъ слѣдующее: „этотъ вопросъ былъ предметомъ многихъ моихъ размышленій... безспорно, что великою причиной теперешняго угнетеннаго положенія ирландскаго крестьянства и его волненій являются земельные порядки. Для ирландскаго крестьянина не существуетъ другихъ средствъ заработка, а также нѣтъ увѣренности, что онъ просуществуетъ будущій годъ или даже слѣдующій день, не имѣя въ распоряженіи клочка земли, на которомъ онъ можетъ посадить немного картофеля. А вслѣдствіе прироста населенія, которому, повидимому, совсѣмъ не препятствуетъ бѣдность, конкурренція на землю напоминаетъ нѣсколько соперничество изъ-за пищи жителей осажденнаго города или пассажировъ корабля въ открытомъ морѣ. И такъ какъ нѣтъ границъ спросу на землю со стороны лицъ, способныхъ ее воздѣлывать, цѣны на землю возрасли значительно выше того, что могутъ получить жители отъ земли при ихъ способахъ воздѣлыванія“. (Minutes of evidence коммиссіи о безпорядкахъ въ Ирландіи 1825 года, 131).

[2]) Minutes of evidence, 40.

Свид. Francis Blackborne далъ предъ коммиссіей 1825 года (о причинахъ ирландскаго возстанія) слѣдующее показаніе: „населеніе тѣхъ частей страны, гдѣ были наиболѣе сильны возстанія, въ высшей степени густо. Собственность страшно раздроблена, и положеніе низшихъ классовъ настолько прискорбно, что я не могу его описать. Значительный приростъ населенія, наряду съ другими причинами, настолько возвысилъ здѣсь ренту, что она была прямо колоссальна (exorbitant). Земля въ этой странѣ (рѣчь идетъ о графствѣ Лимрикъ), совершенно лишенной мануфактуръ, стала, если можно такъ выразиться, предметомъ необходимости для жизни. Обычный способъ добывать средства къ жизни здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы снять землю, и, конечно, по мѣрѣ того, какъ населеніе возрастаетъ, возрастаетъ и спросъ на землю; а это, въ соединеніи съ чрезвычайно высокими цѣнами на всѣ виды земледѣльческаго продукта, подняло цѣну земли далеко выше того, что можно назвать ея внутренней цѣнностью (intrinsic value). Дробленіе земли было вызвано также спекуляціями политическаго характера; въ результатѣ всего этого явилось то, что за землю платилась рента, которую фермеръ никогда не могъ бы платить, если бы ему оставались приличныя средства существованія“ [1])! Интересны показанія свид. George Benett предъ той же коммиссіей: „Стало быть, является необходимостью, чтобы бѣднякъ въ Ирландіи располагалъ маленькимъ клочкомъ земли для добыванія пищи себѣ и своему семейству,—не создается ли этимъ при значительномъ населеніи большой спросъ на землю? Необходимо создается.—Не должно ли это поднимать цѣну земли или поземельную ренту до наивысшей степени, до какой только она можетъ быть поднята? Это поднимаетъ номинальную ренту земли, но не можетъ поднять ея цѣнность.—Не долженъ ли мидльменъ, имѣя дѣло съ такимъ народомъ, для котораго обладаніе землей является необходимостью, терпѣть рискъ при сдачѣ земли? Да.—Не составляетъ ли существенной части ренты, поэтому, оплата этого риска? Конечно, рента опредѣляется выше вслѣдствіе отсутствія вѣроятности получить ее своевременно и сполна.—Думаете ли вы, что мидльмены имѣютъ полную возможность по произволу назначать уровень ренты? Да, т. е. я думаю, что фермеръ скорѣе возьметъ землю почти за всякую ренту, которая можетъ быть назначена, нежели совсѣмъ останется безъ земли.

[1]) Minutes of evidence, 5—6.

— Если мидльмены имѣютъ возможность по произволу повышать ренту, почему же они не требуютъ ренты выше той, которая сейчасъ платится? Я думаю, что они требуютъ вообще столько, сколько, по ихъ мнѣнію, фермеры теперь въ состояніи платить. — Не должно ли это съ необходимостью опредѣляться наличнымъ спросомъ на землю? Я думаю, такъ; чѣмъ больше спросъ на землю, тѣмъ выше рента, которую можно требовать за нее.— Не думаете ли вы, что при сдачѣ земли съемщиками предлагается большая рента, чѣмъ стоитъ дѣйствительно земля или чѣмъ они могутъ быть въ состояніи заплатить? Я думаю, что они часто предлагаютъ за землю больше, чѣмъ она дѣйствительно стоитъ; и я увѣренъ, что они дѣлаютъ это изъ-за того, чтобы какъ-нибудь лишь заполучить землю.—Встрѣчали ли вы когда-либо примѣры, что лэндлорды отказывали съемщикамъ, предлагавшимъ высшую ренту, и отдавали за низшую? Много разъ.— Вы считаете подобные случаи многочисленными? По собственному опыту я наблюдалъ много такихъ случаевъ у своихъ друзей, которые предпочитаютъ сдавать землю за умѣренную ренту платежеспособному фермеру, нежели за высшую такому съемщику, отъ котораго нельзя надѣяться ее получить; я зналъ множество примѣровъ такого рода“ [1]).

„Ренты въ Ирландіи—говоритъ Виггинсъ—слишкомъ высоки, по сравненію съ англійскими, т. е. пропорціонально цѣнности продукта страны. Въ Англіи доля продукта, которая при среднихъ условіяхъ (fairly) взимается съ фермера за пахотную землю, составляетъ отъ $^1/_4$ съ почвы средняго качества до $^1/_6$ съ такой почвы, которая приноситъ плохой урожай, трудно воздѣлывается или обременена тяжелыми налогами... Рента за пастбищныя земли составляетъ около $^2/_5$ продукта съ богатыхъ травяныхъ пастбищъ, и около $^1/_3$ съ луговъ и пастбищъ для молочнаго хозяйства. Фермы смѣшаннаго характера, имѣющаго отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ земли подъ пастбищами, что наиболѣе часто встрѣчается въ Англіи, платятъ въ общемъ ренту, превышающую $^1/_4$ цѣнности ихъ валового продукта въ соотвѣтствіи большему или меньшему количеству луга... Между тѣмъ, на югѣ Ирландіи ренты часто поглощаютъ почти *всю* цѣнность главнаго продажнаго продукта“ [2]).

[1]) Minutes of evidence, 35—6.

[2]) *I. Wiggins.* The „Monster“ Misery in Ireland. London. 1844. Стр. 53—4.

Тяжесть этихъ непомѣрныхъ рентъ становилась еще значительнѣй для крестьянъ благодаря мидльменамъ, которымъ лендлорды поручали непосредственную эксплуатацію населенія. Роль мидльменовъ, какъ было уже сказано, чисто паразитарная. „Мидльмены, говоритъ Murphy [1]), не выдѣлялись ни промышленными способностями, ни качествомъ характера (men of no industry or exertion), они только выколачивали ренту. Классъ этотъ созданъ былъ неблагопріятными обстоятельствами времени. По господствующему мнѣнію, они управляли крестьянами такъ, какъ вестъ-индскій плантаторъ своими рабами. Праздные, распущенные, дикіе, они для удовлетворенія своихъ потребностей были поставлены въ необходимость выжимать изъ фермерства все, что только было возможно". Экономическую функцію мидльменовъ ирландскій источникъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ [2]). „За исключеніемъ той части земли, которую самъ лэндлордъ или его агентъ раздроблялъ и сдавалъ 40-шиллинговымъ фригольдерамъ въ политическихъ цѣляхъ, земля сдавалась участками отъ 20 до 150 акровъ на различные періоды времени, но чаще всего на 20 или 31 годъ, на одну или болѣе жизней. Земля, сдаваемая такимъ образомъ, иногда была воздѣлываема самимъ съемщикомъ. Но было гораздо болѣе прямымъ путемъ къ богатству—раздробить ее на куски въ 5, 3 и даже одинъ акръ и сдавать на одинъ годъ коттерамъ за высокія ренты иди же сдавать на тотъ же срокъ болѣе обширные участки земли сельскимъ товариществамъ (мы еще познакомимся съ ними). Графства Monaghan and Tyron въ Ulster'ѣ, Roscommon въ Connaught'ѣ представляютъ поразительные примѣры первой системы; Galway, Mayo, Sligo, Cork и Kerry—второй. Ренты, платимыя мидльменами лэндлордамъ, были высоки, а получаемыя мидльменами съ коттеровъ огромны".

Предъ коммиссіей 1825 года (для изслѣдованія состоянія Ирландіи) свид. A. R. Blake, Chief Remembrancer of the Exchequer of Ireland, показалъ [3]): „моя контора (office) въ Ирландіи даетъ мнѣ много свѣдѣній относительно сдачи земли. Я часто наблюдалъ, что между главнымъ лэндлордомъ и арендаторомъ становятся два или три лица; ихъ отдѣляетъ такое раз-

[1]) *Murphy.* Ireland industrial, political, and social. London. 1870. Стр. 336.

[2]) Two centuries of irish history: From the Union to Catholic emancipation by Dr. *I. H. Bridges*, стр. 226.

[3]) Minutes of evidence, 97.

стояніе, что едва ли можно предполагать существованіе между ними какихъ-либо чувствъ, которыхъ естественно было бы ожидать въ томъ случаѣ, еслибы они были въ непосредственномъ соприкосновеніи между собою. Они являются чужими другъ другу. Лица, которыя приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ арендаторами, движимы вообще низменной жаждой къ наживѣ".

Зло, проистекающее изъ мидльменства, настолько очевидно, что можно на немъ не останавливаться. Отмѣтимъ только, что мидльменство столь же мало является необходимымъ спутникомъ мелкой аренды, какъ ростовщичество-кулачество спутникомъ крестьянскаго хозяйства. Представляя собой серьезное зло, мидльменство не имѣетъ тѣмъ не менѣе самостоятельнаго значенія, а является скорѣе симптомомъ болѣзненнаго состоянія народнаго хозяйства и въ частности земледѣлія [1]). Мидльменство появляется въ концѣ XVIII вѣка, а особенный расцвѣтъ его относится къ первымъ тремъ десятилѣтіямъ XIX вѣка [2]). Такимъ образомъ, оно сопровождаетъ эпоху перенаселенія и усиленнаго дробленія земельныхъ участковъ. Позднѣе, когда начинается обратный процессъ консолидаціи земельныхъ участковъ, тѣмъ болѣе когда населеніе начинаетъ разрѣжаться, исчезаетъ и мидльменство, словно куда то проваливается. Въ отчетѣ коммиссіи лорда Девона (1845) уже замѣчается: „практика сдачи земли мидльменамъ наблюдается въ наше время рѣдко" [3]). Не подлежитъ сомнѣнію, что условіемъ,

---

[1]) Лордъ Дюфферинъ съ обычнымъ своимъ пониманіемъ замѣчаетъ: „мидльменство въ Ирландіи скорѣе является симптомомъ (exponents), чѣмъ причиной народной нищеты, и хотя бы на одного фермера приходилось десятокъ посредниковъ, высокія ренты были бы вызваны ими столь же мало, какъ градусами барометра то атмосферное давленіе, которое они показываютъ". (Lord *Dufferin*. Irish emigration and the tenure of land in Ireland. London. 1867. Стр. 113.

[2]) Свид. Blake замѣчаетъ (въ 1825 году), что, по его наблюденіямъ, число посредниковъ при сдачѣ земли растетъ.

[3]) Report from Her Majesty's Commissioners of inquiry into the state of the law and practice in respect to the occupation of land in Ireland. Dublin. 1845. Стр. 15. Это такъ наз. Devon' Commission, засѣдавшая подъ предсѣдательствомъ лорда Девона и издавшая свои труды въ четырехъ томахъ. Намъ сравнительно мало пришлось пользоваться данными этой коммиссіи, потому что, содержа неоцѣненный матеріалъ спеціально для изученія арендnаго права, они проливаютъ мало новаго свѣта на общій ходъ развитія, который мы стремимся установить.

особенно благопріятствующимъ развитію посредничества, является абсентеизмъ и полное безучастіе лэндлордовъ къ интересамъ населенія.

Лэндлорды были немногимъ лучше мидльменовъ, — то же безучастное отношеніе къ интересамъ производства, то же бессердечное отношеніе къ фермерамъ при взысканіи арендной платы и вдобавокъ ко всему, чисто крѣпостная власть надъ фермерами, напоминающая власть побѣдителей въ завоеванномъ краю. Было упомянуто, что ирландскіе лэндлорды не предпринимали отъ себя никакихъ меліорацій, даже не строили зданій. Въ цитированномъ уже показаніи Francis Lewis читаемъ: „для всякаго, кто знакомъ съ отношеніями между лэндлордомъ и фермерами въ Англіи, не можетъ быть пораженъ, насколько разнятся эти же отношенія въ Ирландіи. Ничто такъ не поражаетъ въ Ирландіи, какъ то, что много тягостей, которыя добровольно несетъ англійскій лэндлордъ, ирландскій считаетъ совершенно ненужнымъ брать на себя. При управленіи фермой въ Англіи всѣ наиболѣе убыточныя затраты капитала, употребляемаго на фермѣ, беретъ на себя лэндлордъ: дома, плотины, ограды и дренажъ. Всѣмъ извѣстно, что въ Ирландіи этого нѣтъ“.

Въ отчетахъ коммиссіи Девона также читаемъ: „число земельныхъ собственниковъ въ Ирландіи незначительно, если сравнить его съ населеніемъ [1]). Это обстоятельство является одною

[1]) Приблизительно половиной острова владѣютъ 750 собственниковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ болѣе 5,000 акровъ. (*Dun.* Landlords and tenants in Ireland. London. 1881. Стр. 1). По Doomsday Book 1876 года земельные собственники въ Ирландіи распредѣлялись такъ:

		Число.	Площадь въ statute acres.
Менѣе 1 акра.		36,144	9,065
1— 10	„	6,892	28,968
10— 50	„	7,746	195,525
50— 100	„	3,479	250,147
100— 500	„	7,989	1,955,536
500— 1,000	„	2,716	1,915,528
1,000— 2,000	„	1,803	2,514,743
2,000— 5,000	„	1,198	3,675,267
5,000— 10,000	„	452	3,154,628
10,000— 20,000	„	185	2,478,493
20,000— 50,000	„	90	2,558,850
50,000—100,000	„	14	1,023,677
выше 100,000	„	3	397,079
Всего		68,711	20,157,511

изъ причинъ, которыми объясняется недостатокъ личнаго вниманія къ положенію фермерства, являющагося и обязанностью и вмѣстѣ личнымъ интересомъ лэндлорда; съ другой стороны, это создастъ препятствія улучшеніямъ, естественно связаннымъ съ хозяйствомъ на собственной землѣ“ [1]).

Функція лэндлорда сводится, поэтому, исключительно къ выколачиванію ренты. „Дѣло конторы управляющаго, говоритъ Уэкфильдъ [2]), очень несложно, оно сводится только къ полученію ренты для землевладѣльца дважды въ годъ, да выдачѣ торфа весной. Для ренты дается вообще шестимѣсячный кредитъ, что называется „the hanging gale“ (непереводимое на русскій языкъ выраженіе). Это является однимъ изъ великихъ рычаговъ угнетенія, который держитъ низшіе классы въ состояніи, напоминающемъ непрерывное рабство, такъ какъ каждое почти семейство арендуетъ нѣкоторое количество земли и несетъ долгъ, равный полугодовой рентѣ, которую лэндлордъ можетъ взыскать каждый моментъ. Этотъ долгъ виситъ надъ ихъ головами и держитъ ихъ въ состояніи непрерывнаго страха и безпокойства. Если рента не уплачена, то скотъ загоняется въ особую ограду, откуда, если не будетъ выкупленъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, бываетъ проданъ. Я много разъ наблюдалъ это даже въ томъ случаѣ, когда фермеръ уже уплачивалъ свою ренту мидльмену, а тотъ почему-либо не платилъ ее главному лэндлорду. Многочисленные примѣры нужды, вызванной такой жестокостью, которую можетъ подтвердить всякій, нѣкоторое время жившій въ Ирландіи, поистинѣ прискорбны. Хотя весьма рѣдко встрѣчаются въ арендномъ контрактѣ условія, по которымъ фермеръ обязуется воздѣлывать землю извѣстнымъ опредѣленнымъ способомъ, но зато попадаются такія, которыя обязываютъ фермера, если онъ будетъ приглашенъ, работать за низшую заработную плату для своего лэндлорда. Обычная цѣна въ такихъ случаяхъ 8 пенсовъ въ день, а иногда и 6. И за то, что требуемыя по этому условію услуги иногда не выполнялись, со двора бѣдняка, какъ я видѣлъ собственными глазами, уводился скотъ, который затѣмъ и угонялся безъ малѣйшаго признака чувства жалости. Если

---

[1]) Report, 12.

[2]) *Edward Wakefield.* An Account of Ireland, statistical and political London. 1812. I, 244—5.

крестьянинъ соглашается на внесеніе въ арендный контрактъ такого условія и обязуется работать на лэндлорда по первому его требованію, можно ли удивляться, что ирландцевъ упрекаютъ въ лѣности, или что они выполняютъ работу при подобныхъ условіяхъ медленно и небрежно".

Стремленію къ выколачиванію возможно высшей ренты, не считаясь ни съ какими требованіями техническаго прогресса, соотвѣтствовали и формы аренды. Наиболѣе распространенной формой аренды была tenancy-at-will, какъ это было установлено коммиссіей Девона. Эта форма аренды, дававшая всѣ полномочія лэндлорду прекратить арендный договоръ, когда заблагоразсудится, лишаетъ всякихъ гарантій фермера [1]). Поэтому она совершенно исключаетъ возможность техническаго прогресса, потому что всякія усовершенствованія пошли бы немедленно на повышеніе ренты, а болѣе или менѣе прочныя затраты капитала остались бы въ собственность лэндлорду послѣ прекращенія арендnаго контракта. Tenancy-at-will соединяетъ въ себѣ оба свойства, которыми характеризуется, по Лоренцу Штейну, естественное развитіе мелкой аренды: краткосрочность и мелкіе размѣры арендъ [2]).

---

[1]) Извѣстный историкъ фонъ-Раумеръ въ своемъ описаніи путешествія въ Англію говоритъ: „какъ перевести tenants-at-will? Wegjagbare? Тяжеловѣсное, неудобное слово. Крѣпостные? Но въ старинныя времена крѣпостное право состояло именно въ томъ, что крѣпостныхъ удерживали, а никоимъ образомъ не выгоняли. Прежній крѣпостной есть вольный баринъ (ein Freiherr) по сравненію съ теперешнимъ какъ птица свободнымъ tenant-at-will. Почему не перевести поэтому (по аналогіи съ дичью) jagdbare? Лишь слѣдующее различіе ослабляетъ аналогію: для зайцевъ, козъ и оленей существуетъ, по крайней мѣрѣ, время, когда никто не можетъ ихъ трогать, между тѣмъ какъ эти фермеры могутъ быть гоняемы и изгоняются изъ года въ годъ. И если бы кто-либо вздумалъ защищать свое жилье (что разрѣшается лисицамъ и барсукамъ), это называется мятежемъ". (*Friedrich von Raumer.* England. Zweite, verbesserte und mit einem Bande vermehrte Auflage. 2-er Band. Leipzig 1842. Стр. 376—7).

[2]) Вотъ какъ формулируется „законъ малыхъ арендъ" у Лоренца Штейна: „первое изъ средствъ (повышенія аренды) состоитъ въ томъ, чтобы никогда не дѣлать крупныхъ арендъ, но по возможности мелкія. Ибо лишь при мелкихъ арендахъ можетъ собственникъ въ точности измѣрить валовой и чистый доходъ и не оставить арендатору ни одной частицы его производительнаго труда, отъ которой онъ могъ бы получить для себя барышъ. Далѣе, возможно мелкая аренда привлекаетъ къ себѣ возможно крупное число арендаторовъ, чѣмъ повышается спросъ, позво-

Характерной разновидностью ирландскихъ арендъ эпохи перенаселенія является *конэкръ* (con-acre). Въ отчетѣ коммиссіи Девона о ней сказано слѣдующее: „господствующая въ большей или меньшей степени во всѣхъ частяхъ Ирландіи система сдачи земли на одинъ или болѣе урожаевъ, называется обыкновенно конэкромъ. Земля, сдаваемая такимъ образомъ, во многихъ округахъ называется quarter land или root land. Многое можетъ быть сказано въ осужденіе этой системы. И однако мы убѣждены, что до извѣстной степени ея существованіе является необходимымъ для благосостоянія, даже почти для существованія ирландскаго крестьянства. При обыкновенныхъ условіяхъ, одной его заработной платы недостаточно для покупки пищи и другихъ предметовъ необходимости и для уплаты даже умѣренной ренты. Поэтому является необходимостью прибѣгать къ другимъ способамъ

ляющій собственнику брать возможно высшую арендную плату. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что чѣмъ мелче аренда, тѣмъ больше найдется бѣдныхъ людей, которые удовлетворятся наименьшей долей выручки, такъ какъ они не имѣютъ капитала, чтобы долго ждать лучшаго, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, и самая мелкая выручка представляется каждому тѣмъ большею, чѣмъ меньше онъ имѣетъ. По этому первымъ правиломъ полученія наибольшей земельной ренты является возможно большее *раздробленіе арендныхъ участковъ*. Вторымъ средствомъ является возможное *сокращеніе аренднаго срока*. Ибо, во-первыхъ, благодаря этому обезпечивается взносъ платы, потому что каждый мелчайшій арендаторъ всегда можетъ собрать столько, чтобы внести первую и вторую арендную сумму. Но далѣе лишь оно позволяетъ, какъ только собственникъ видитъ остающимся въ рукахъ арендатора нѣкоторый доходъ, при возобновленіи аренднаго договора вытребовать и эту часть въ свою ренту. Наконецъ, такъ какъ при повышеніи арендной платы, какъ хорошо извѣстно владѣльцу, арендаторъ легко разоряется, краткосрочность договора, если арендаторъ потерялъ все, позволяетъ прогнать его, чтобы посадить на его мѣсто новаго, болѣе платежеспособнаго. Съ этой точки зрѣнія является наиболѣе цѣлесообразнымъ не назначать *никакого* аренднаго срока, но заключать условіе, которое можетъ быть прекращено каждый день или каждую недѣлю. Это и есть tenant at will, за котораго какъ за свою ultima ratio и держится ирландская система... Абсолютное господство личнаго интереса достигаетъ своей цѣли, полученія наивыстей арендной платы, посредствомъ *закона мельчайшихъ арендъ и кратчайшаго аренднаго срока* (*L. v. Stein.* Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft. Stuttgart. 1881. Стр. 119). Штейнъ неправъ, приписывая этому закону всеобщее значеніе,—онъ имѣетъ силу лишь для эпохи аграрнаго перенаселенія, характеризующагося усиленнымъ спросомъ на землю во что бы то ни стало.

добыванія средствъ существованія, а они могутъ быть найдены въ съемкѣ клочка земли, который можетъ дать урожай картофеля для пропитанія. Обыкновенно онъ получаетъ его отъ какого-либо фермера по сосѣдству на условіяхъ, которыя весьма различны въ зависимости отъ общаго характера договора относительно вспашки, пастбища, посѣва“ [1]) и т. д.

Хотя подробное изученіе всѣхъ видовъ аренды не входитъ въ нашу задачу, но мы не можемъ обойти молчаніемъ одну ея форму, представляющую высокій соціологическій интересъ, это— съемка земли артелями или товариществами на началахъ круговой поруки, такъ называемую *runrig* или *rundale*. „Общественная аренда называется—говоритъ Лаверн ь—*rundale* или *runrig*, слово, очевидно, скандинавскаго происхожденія. Болѣе или менѣе обширная площадь земли, напр. 50, 100, 200 гектаровъ сдается цѣлой деревнѣ, жители которой солидарно отвѣтственны за арендную плату. Они пользуются сообща тѣмъ, что они не могутъ отдѣльно обрабатывать, а остальное дѣлятъ ежегодно между семьями, а каждая семья еще дѣлитъ свой участокъ по числу лицъ, если считаетъ нужнымъ. Послѣ жатвы вся земля поступаетъ въ общее пользованіе, и на слѣдующій годъ снова передѣляется“ [2]). Это неожиданное проявленіе началъ кооперації на ирландской почвѣ могло быть при данныхъ условіяхъ только плодомъ безпомощности и нищеты народа: далекая отъ того, чтобы имѣть какое бы то ни было сродство съ сознательной солидарностью интересовъ, ради болѣе успѣшнаго отстаиванья которыхъ и заключается союзъ, rundale является симптомомъ убожества крестьянскаго хозяйства въ Ирландіи. Охарактеризуемъ ее словами оффиціальнаго отчета [3]). „Лучшимъ средствомъ обезпеченія уплаты ренты для лэндлордовъ часто является способъ сдачи фермы товариществу нѣсколькихъ лицъ, при чемъ каждый является отвѣтственнымъ за всю ренту. Въ результатѣ этого товарищи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ неизмѣнно ссорятся: одни утверждаютъ, что они работали болѣе дру-

---

[1]) Report, 34—5.

[2]) *L. de Lavergne.* Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre, de l'Ecosse et de l'Irlande 5-me ed. Стр. 382.

[3]) Report on the present state of the disturbed districts in the South of Ireland: with an Inquiry into the Causes of the distresses of the peasantry and farmers. Dublin. 1822. Стр. 7—8.

гихъ и потому настаиваютъ, чтобы остальные наверстали недостающее количество труда. Очевидно, что подобные товарищи, различающіеся по характеру и наклонностямъ, живущіе въ различныхъ условіяхъ,—одни семьями, другіе одиноко, незнакомые съ методами хозяйства и отчетностью, должны перессориться. Одинъ товарищъ можетъ имѣть корову или лошадь, другой держитъ двухъ или трехъ коровъ, а третій предпочтетъ разводить овецъ, не имѣя ни коровы, ни лошади, и такъ всѣ шесть или восемь товарищей. Чтобы удовлетворительно распредѣлить всякую мелочь такъ, чтобы каждый имѣлъ равную долю въ потребленіи и прибыли, а вмѣстѣ затрачивалъ свою часть времени и труда, требуется большее искусство въ расчетахъ, чѣмъ обладаетъ большинство. Хотя стараются нѣкоторое время вести хозяйство по возможности хорошо, но кончаютъ обыкновенно ссорами и раздѣломъ земель. И послѣ этого раздѣла ихъ согласіе постоянно нарушается непрерывной завистью, часто проистекающей отъ цвѣтущаго вида поля трудолюбиваго крестьянина, между тѣмъ какъ лѣнивый приписываетъ его качеству почвы. Благодаря этому первый теряетъ энергію въ своей работѣ, опасаясь, что плодъ его труда пойдетъ на покрытіе недоимокъ его болѣе лѣниваго сосѣда. Такимъ образомъ, они продолжаютъ мучить другъ друга и задерживать развитіе сельскаго хозяйства“. Столь же отрицательно относятся къ *rundale* всѣ авторы, ее описывавшіе и, хотя и преданные интересамъ народа, но не зараженные коллективистическими предразсудками, заставляющими хвалить все, что пахнетъ хотя бы крѣпостническимъ коллективизмомъ [1]). *Rundale*, происхо-

[1]) Напримѣръ Crampe говоритъ: „въ Ирландіи нищій крестьянинъ предпринимаетъ хозяйство съ 6 пенсами въ карманѣ и не примѣняетъ никакихъ средствъ для разрыхленія твердой почвы, кромѣ лопаты, которую несетъ на плечѣ. Чтобы справиться со всѣми трудностями, онъ соединяется съ другими, себѣ подобными. Онъ старается возмѣстить капиталъ и разныя орудія земледѣлія, соединяя свой грубый трудъ съ трудомъ другихъ. Отсюда проистекаетъ разорительная система съемки большихъ фермъ товариществами. Эта практика, конечно, является неизбѣжной, пока крестьянинъ такъ ужасно бѣденъ и безпомощенъ, но, конечно, она будетъ исчезать по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ пріобрѣтать капиталъ и необходимыя механическія орудія для земледѣлія. Въ настоящее время обладаніе самымъ необходимымъ изъ всѣхъ этихъ орудій, плугомъ, не считается во многихъ мѣстахъ королевства необходимой принадлежностью фермера: именно тамъ, гдѣ ферма снимается товариществами жалкихъ коттеровъ, часто не бываетъ ни одного плуга на всю колонію. Обыкно-

жденіе которой восходитъ къ весьма отдаленнымъ временамъ, въ началѣ XIX вѣка является формой страхованія ренты лэндлорда, не болѣе; въ нашихъ источникахъ нѣтъ свѣдѣній, чтобы она пользовалась распространеніемъ во второй половинѣ XIX вѣка, въ лучшія времена ирландскаго земледѣлія.

Итакъ, формы ирландской аренды, конечно, составляя до извѣстной степени самостоятельное препятствіе къ развитію земледѣлія, являются однако всецѣло результатомъ всего народнохозяйственнаго состоянія Ирландіи, именно состоянія общаго и аграрнаго перенаселенія. Извѣстная сумма уродливостей неизбѣжно сопровождаетъ это состояніе, и отъ нихъ не въ состояніи уберечь никакое арендное законодательство, которое при данномъ положеніи вещей будетъ во всякомъ случаѣ обходиться, а эти обходы сопровождаться новыми уродливостями [1]). Такъ какъ при болѣз-

---

венно они скребутъ поверхность своей пашни заступомъ“ и т. д. (*Crumpe.* An Essay etc., 227). Sir Charles Trevelyan также писалъ: „въ Мэйо и въ другихъ западныхъ графствахъ господствуетъ варварская система старинныхъ ирландскихъ арендъ, называемыхъ *rundale* (шотландская *runrigg*); она препятствуетъ установленію индивидуальной собственности и дѣлаетъ промышленное и трудолюбивое населеніе отвѣтственнымъ за упущенія лѣнивыхъ и непредусмотрительныхъ и уничтожаетъ побужденіе къ усовершенствованіямъ. Устраненіе этой устарѣлой системы есть необходимое условіе для всякаго прогресса, возможнаго въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ она существуетъ“. (*Trevelyan.* The irish crisis being a narrative of the measures for the relief of the distress caused by the great irish famine of 1846—7. London. 1880. Стр. 18—19). Виггинсъ, авторъ анонимнаго памфлета: South of Ireland. Hints to irish landlords on the best means of obtaining and increasing their rents. By a land agent. London 1824, стр. 13—14, говоритъ о *rundale*: „тысяча золъ проистекаетъ изъ этой системы... едвали можно вообразить размѣры проистекающихъ отсюда невыгодъ, споровъ и распрей, которыя порождаются этой нелѣпой формой аренды... великимъ зломъ, проистекающимъ изъ этой системы, является то, что собственность одного изъ товарищей фермеровъ часто конфискуется за ренту другого, даже въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій взнесъ причитающуюся съ него долю“. *J. E. Bicheno* (Ireland, and its economy. London. 1830, стр. 97) также ставитъ *rundale* въ связь съ бѣдностью фермеровъ и трудностью получить землю въ личную аренду. Ср. еще описаніе нѣмецкаго путешественника *Kohl.* Reisen in Ireland. Erster Theil. 1843. Стр. 42.

[1]) Умный и тонкій наблюдатель, французскій путешественникъ Бомонъ, котораго ужъ никакъ нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ ирландскимъ лэндлордамъ, говоритъ; „конкурренція земледѣльцевъ, которые желаютъ снять землю, возвышаетъ ренту, быть можетъ, болѣе, чѣмъ жадность собственника и мидльмена. Нельзя себѣ вообразить положенія худ-

ненномъ состоянiи всего народнаго хозяйства, обусловленномъ насильственнымъ разрушенiемъ промышленности и общимъ перенаселенiемъ, земледѣлiе, все равно, процвѣтать не можетъ, то единственно рацiональной системой полученiя отъ земли наибольшаго дохода является вышеохарактеризованная хищническая система, при которой землевладѣлецъ сторожитъ каждый пенсъ, попадающiй въ руки арендатора, и отбираетъ въ видѣ ренты каждый лишнiй фартингъ. Какъ ни странно, но нищiе арендаторы были выгоднѣй, давали большiй доходъ, нежели капиталистическiе. Вѣдь иначе совершенно нельзя понять, какой смыслъ было мидльменамъ пересдавать землю мелкими участками, когда они могли воздѣлывать ее сами наемнымъ трудомъ, который можно было имѣть въ самомъ неограниченномъ количествѣ и за самую дешевую цѣну? Крестьянская рента, съ ея роковою особенностью безграничнаго движенiя вверхъ, оказалась здѣсь выше капиталистической. Лэндлорды практически держались этой теоретической истины, и разъ уже ступивъ на путь извлеченiя наибольшаго дохода при посредствѣ крестьянской ренты, совершенно послѣдовательно стремились выжать возможно больше, не заботясь о техническомъ прогрессѣ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, отрицать за лэндлордами настолько сообразительности, чтобы они не могли видѣть, что нельзя убивать курицу, несущую золотыя яйца, если хочешь имѣть эти послѣднiя. Тамъ, гдѣ они могли имѣть наибольшую ренту при условiи сравнительнаго благосостоянiя крестьянскаго хозяйства, они держались совсѣмъ иной системы, нежели въ сильно перенаселенныхъ округахъ. Поэтому является не случайностью, что именно въ единственой промышленной и потому наименѣе страдавшей перенаселенiемъ провинцiи Ulster ранѣе всего выработалось обычное арендное право, защищавшее права арендатора.

Мы потому останавливаемся на выясненiи подчиненнаго значенiя аренднаго права и аграрныхъ отношенiй Ирландiи, что имъ придается въ литературѣ обыкновенно чрезмѣрное значенiе.

шаго, нежели всѣхъ этихъ рабочихъ, плодящихся на землѣ и держащихся за землю какъ черви, но лишь увеличивающихъ свою бѣдность сверхчеловѣческими усилiями бороться съ ней. Эта бѣдность увеличивается въ точномъ соотвѣтствiи съ приростомъ населенiя, пока не образуются, какъ въ наше время, милiоны бѣдняковъ, т. е. индивидовъ, лишенныхъ земли или имѣющихъ ея слишкомъ мало, чтобы можно было прожить съ нея“ (*G. de Beaumont.* L'Irlande sociale, politique et religieuse, I, 245—6).

Это естественно, такъ какъ насилія лэндлордовъ прежде всего бросаются въ глаза изслѣдователю, и нерѣдко возмущенное чувство мѣшаетъ выясненію дѣйствительнаго соотношенія вещей. Мы должны поэтому сказать словами Лаверня: „откуда происходитъ эта огромная, безконечная разница между двумя сосѣдними островами, подчиненными однимъ и тѣмъ же законамъ, причемъ на одномъ изъ нихъ, менѣе плодородномъ, можно покрыть ренты по75 франковъ за гектаръ, огромные налоги, значительную прибыль, высокую заработную плату и содержать значительно большее населеніе, тогда какъ на другомъ, болѣе плодородномъ, съ меньшимъ населеніемъ, платятся низкія ренты, еще болѣе низкіе налоги и прибыли, недостаточная заработная плата? Причины этой странной аномаліи резюмируются въ одномъ словѣ: угнетеніе Ирландіи“ [1]), конечно, какъ послѣдняя причина и перенаселенія, и отсутствія мануфактуръ и т. д.

Какова же была внутренняя логика охарактеризованнаго процесса развитія? Очевидно, если здѣсь и было какое-либо движеніе, то во всякомъ случаѣ назадъ, а не впередъ. Приростъ населенія, не сопровождающійся соотвѣтствующимъ экономическимъ и сельскохозяйственнымъ прогрессомъ, необходимо ведетъ къ хозяйственному вырожденію и росту пауперизма. Прогрессивно ухудшающаяся обработка почвы и отсутствіе капитала вели къ тому, что обширныя площади земли не подвергались обработкѣ,—нищіе коттеры не могли справиться съ воздѣлываніемъ ихъ, и—странный народнохозяйственный парадоксъ—перенаселеніе, развивавшее страшную жажду къ землѣ, было главной причиной значительнаго количества пустовавшихъ земель [2]) „Mr. Griffits въ своемъ от-

---

[1]) *L. de Lavergne*, l. c. 382. „Чтобы понять современный ирландскій вопросъ, нужно посмотрѣть назадъ... Ирландія и ирландцы нашего времени таковы, какими сдѣлало ихъ англійское правительство“ *Russel* New views on Ireland. London. 1880. Стр. 83).

[2]) Нельзя поэтому согласиться съ г. Мануиловымъ: „по какимъ бы причинамъ однако ни совершался ростъ ирландскаго населенія въ 80-хъ гг. прошлаго вѣка и закончившійся голодомъ 1846 года, фактъ на лицо: населеніе быстро увеличилось. Но превысило ли оно предъ голодомъ средства питанія, которыя могла доставлять страна? Мы безусловно отрицаемъ это: во 1-хъ, на томъ основаніи, что обширныя пространства земли не подвергались обработкѣ, во 2-хъ, что земледѣлецъ не получалъ отъ земли того количества пищи, которое она могла дать“ (*Мануиловъ*. Ирландскія аренды. Москва. 1895. Стр. 224).

четѣ о состояніи Ирландіи установилъ, что существуетъ не менѣе 1.300,000 акровъ пустошей, способныхъ быть обращенными подъ пашню, и 2,400,000 акровъ подъ пастбища. Коммиссарами законовъ о бѣдныхъ въ 1836 году было высказано мнѣніе, что производительность земли въ Ирландіи сравнительно съ Англіей составляетъ не болѣе половины по цѣнности, а употребляемое для производства число рабочихъ въ Ирландіи превышаетъ болѣе, чѣмъ вдвое число ихъ въ Англіи“ [1]). По словамъ Murphy, „положеніе коттера въ 1846 году было гораздо хуже чѣмъ во дни Артура Юнга. Въ 1846 году крестьянинъ не имѣлъ молока для своей семьи, которое прежде имѣлъ, повидимому, каждый коттеръ, а съ ростомъ населенія качество картофеля, очень часто возращаемаго на болотѣ или недренированной почвѣ, сильно ухудшилось“ [2]). Картофель вообще является настоящимъ проклятіемъ въ ирландской исторіи: онъ оказался продуктомъ, способнымъ прокормить наибольшее количество народа съ данной площади, поэтому онъ позволилъ перенаселенію дойти до послѣдней возможной степени. Огромное количество арендаторовъ, для которыхъ даже хлѣбъ былъ невѣроятной роскошью, разводили картофель на маленькихъ клочкахъ земли, питались этимъ картофелемъ, болѣли его болѣзнями и умирали, когда картофель не родился. Довести до меньшаго минимума свои потребности, чѣмъ этихъ картофельныхъ коттеровъ, кажется, не удавалось еще низшему классу какого бы то ни было культурнаго народа [3]). Это былъ

[1]) Two centuries of irish history. Part IV. By *Lord Edmond Fitzmaurice and James T. Thursfield.* From the emancipation of the catholics to the insurrectionary movement of 1848. Стр. 396. Характеристику способовъ производства см. особенно у Wakefield, l. c. I, 244—5, 427—8, 581 и далѣе.

[2]) *Murphy.* Ireland etc., 378.

[3]) Яркія описанія жизни ирландскаго крестьянина въ это время читатель найдетъ въ описаніяхъ континентальныхъ путешественниковъ, а также и англичанъ. См. напр. *Fr. von Raumer*, l. c. II 403, *Engels*, l. c. 117—18, *Kohl*, l. c. I, 175—6, 178, *Beaumont*, l. c. I, 220—2, 245—6. *Nichols* l. c. 162. *G. L. Smyth.* Ireland. Historical and Statistical. Vol. III. London. 1849. Стр. 34—5. (Отрывки изъ этихъ характеристикъ приведены мною въ статьѣ: Ралахайнскій экспериментъ. Міръ Божій, февраль 1900). Ср. еще объ Ирландіи 30-хъ годовъ сочиненія *A. Atkinson.* Ireland in the nineteenth century. London. 1833. *Его же.* England exhibited to Ireland. 1821.

Въ оффиціальномъ отчетѣ 1835 года мы встрѣчаемъ такое заявленіе: „можно считать, что классъ бѣдняковъ въ Ирландіи составляетъ почти все населеніе“ (First Report from His Majesty's Commissioners for inquiring

возвратъ къ натуральному хозяйству въ злѣйшей его формѣ. Сношенія съ рынкомъ, неизбѣжныя въ виду необходимости уплаты ренты, строились на свиньѣ или какомъ-либо другомъ животномъ, которое вскармливалось и продавалось спеціально для этой цѣли. И помимо этого, все производство шло для непосредственнаго потребленія. Населеніе, какъ мы знаемъ, при этомъ страшно быстро расло. Размноженіе этихъ одичалыхъ нищихъ совершенно не отличается отъ размноженія слабыхъ животныхъ, гдѣ ради развитія вида не жалѣются индивиды [1]). Мы имѣемъ только общія цифры прироста населенія; какіе ужасы раскрыли бы детальныя данныя о движеніи населенія, какую смертность, въ особенности дѣтскую, и зато какую рождаемость! Многихъ разумныхъ людей, наблюдавшихъ этотъ зоологическій приростъ неселенія, охватывалъ ужасъ и тяжелыя предчувствія. Кризисъ 1846 года былъ неоднократно предсказанъ въ литературѣ.

Но прежде, чѣмъ обратиться къ этому заключительному акту трагедіи Ирландіи, остановимся еще на одной изъ самыхъ мрачныхъ деталей ирландской исторіи, именно на изгнаніяхъ фермеровъ, — evictions.

---

into the condition of the poorer classes in Ireland. 1835. Стр. VII). „До 1846 года картофель игралъ для ирландскаго населенія такую же роль, какую въ настоящее время рисъ для населенія нѣкоторыхъ округовъ Индіи, и неурожай риса сопровождался тѣми же опасностями для живущаго имъ населенія, какъ неурожай картофеля для ирландскаго населенія“ (*Grimshaw.* Facts and figures about Ireland, I, 9).

[1]) Кэрнсъ говоритъ какъ объ одной изъ великихъ причинъ ирландскихъ бѣдствій о „полномъ отсутствіи потребностей въ комфортѣ или приличіи, вообще въ чемъ бы то ни было, кромѣ физически необходимаго для существованія, потребностей, которыя могли бы регулировать приростъ населенія“ (*Cairnes*, l. c. 135). Для Кэрнса не подлежитъ сомнѣнію, что „населеніе Ирландіи въ 1846 году было избыточно до самой послѣдней степени, избыточно сравнительно съ наличными рессурсами страны для прокормленія населенія, и эта избыточность превосходитъ всѣ примѣры, представляемые исторіей“ (137) Епископъ Дойль приписываетъ причину быстраго размноженія ирландцевъ, кромѣ экономическихъ стимуловъ, именно поднятія цѣнъ на хлѣбъ и роста производства зерновыхъ хлѣбовъ, „бѣдности и—странно сказать—благочестію ирландцевъ“ (Letters on the state of Ireland, adressed by J. K. L. to a friend in England. Dublin. 1825, стр. 189—10). Епископъ Дойль не такъ не правъ, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Очевидно, если дробленіе арендныхъ участковъ доходитъ до такой степени, что весь сельскохозяйственный продуктъ потребляется самими арендаторами и на долю поземельной ренты остается все меньше и меньше, въ интересахъ землевладѣльца является разрѣженіе населенія, которое можетъ быть выполнено только удаленіемъ извѣстной части арендаторовъ [1]). Это и дѣлается посредствомъ изгнанія части фермеровъ, прекращенія аренднаго контракта со стороны лэндлорда, чтобы затѣмъ консолидировать освободившіеся участки земли въ болѣе крупные. Въ Ирландіи въ эту эпоху раздробленность земли была такова, что консолидація всегда была своевременна. Но въ началѣ XIX вѣка обстоятельства сложились, какъ мы знаемъ, въ смыслѣ, благопріятствующемъ дробленію земли. Такими обстоятельствами явились, во-первыхъ, уже извѣстное намъ превращеніе пастбищъ въ пашни и развитіе производства зерновыхъ хлѣбовъ подъ вліяніемъ поднятія цѣнъ на англійскомъ рынкѣ; когда наступила реакція и обратное превращеніе многочисленныхъ пашенъ въ пастбища, должна была во

---

[1]) Процессъ этотъ хорошо изображаетъ Лоренцъ Штейнъ: „если наступаетъ обѣдненіе арендатора, то производство на арендуемомъ участкѣ идетъ назадъ, продукты становятся по качеству хуже и хуже. Въ такомъ случаѣ является лишь вопросомъ времени, когда наступитъ такой пунктъ, начиная съ котораго арендаторъ не можетъ уже платить ренты. Въ такомъ случаѣ мыслимы два исхода. Или землевладѣлецъ совсѣмъ или отчасти отказывается отъ платы или онъ не желаетъ отказаться отъ нея, тогда онъ найдетъ новаго арендатора на старыхъ условіяхъ лишь въ такомъ случаѣ, если каждый земледѣлецъ увѣренъ, что виноватъ въ неуплатѣ ренты былъ самъ арендаторъ или же если послѣдній не имѣлъ намѣренія платить. Поэтому теперь владѣлецъ принужденъ понижать арендную плату, чтобы вообще получить арендатора. Это значитъ, во-первыхъ, что уменьшается его доходъ, а во-вторыхъ, что его земельный капиталъ уменьшается на капитализированный вычетъ изъ ренты. Эти послѣдствія неизбѣжны. Это значитъ, что онъ ошибся, думая, что возможно мелкія аренды и короткій срокъ, которые, казалось сначала, могли повышать цѣнность земли, послужили къ дѣйствительному повышенію его имущества. Напротивъ, несомнѣнно, что арендная плата, которая должна бы быть земельной рентой, начинаетъ уничтожать эту послѣднюю, обѣдненіе арендатора ведетъ къ обезцѣненію, и тамъ, гдѣ еще можетъ существовать аренда, она не сопровождается благостояніемъ ни у арендатора, ни у землевладѣльца, если образованію капитала у арендатора препятствуютъ высокая рента и краткосрочность аренды, а его доходъ теряетъ характеръ предпринимательской прибыли (?!) и сводится къ поденной платѣ, нерѣдко къ Existenzminimum'у“ (*L. v. Stein*, l. c. 125—3).

всякомъ случаѣ почувствоваться чрезмѣрная раздробленность земель; во-вторыхъ, до 1829 года существовалъ законъ о сорокашиллинговыхъ фригольдерахъ (40 sh. franchise), которые поощрялъ дробленіе земли изъ политическихъ видовъ; это также задерживало консолидацію [1]). Обѣ эти причины являются случайными и второстепенными. Чрезмѣрное дробленіе земель во всякомъ случаѣ наступило бы подъ вліяніемъ одного прироста населенія, не сопровождавшагося экономическимъ и сельскохозяйственнымъ прогрессомъ.

Въ 1816 году прошелъ такъ. наз. Eviction Act, дававшій лэндлорду право удаленія фермеровъ въ цѣляхъ консолидаціи участковъ („clearances“). „Съ этого времени clearances въ гигантскихъ размѣрахъ сдѣлались общимъ правиломъ. Мелкіе фермеры были толпами изгоняемы изъ домовъ, къ которымъ они были привязаны многочисленными узами старыхъ традицій и привычекъ, которые они разсматривали какъ неотчуждаемую собственность“ [2]). Эти массовыя изгнанія отъ родного очага составляютъ одну изъ самыхъ трагическихъ страницъ трагической исторіи Ирландіи. Стоны изгоняемыхъ раздаются на протяженіи болѣе чѣмъ полувѣка ирландской исторіи: они слышатся въ литературѣ того времени, даже въ сухихъ парламентскихъ отчетахъ [3]). Право изгнанія, почти равносильное нерѣдко праву

---

[1]) См. объ этомъ въ отчетѣ Коммиссіи Девона, стр. 7—8. Ср. также Report from the select committee on the employment of the poor in Ireland. 1823. Стр. 7.

[2]) *W. F. Montgomerry.* The history of land tenure in Ireland. Cambridge. 1889. Стр. 107.

[3]) Свидѣтель свящ. M. Collins показалъ предъ коммиссіей 1824 года назначенной для изслѣдованія причинъ ирландскихъ безпорядковъ, слѣдующее. „Послѣднее время земельные собственники держатся такого мнѣнія, что причиной ихъ бѣдности является чрезмѣрная скученность (overstocking) населенія на ихъ землѣ; и такъ какъ аренды падаютъ, то лэндлорды освобождаются отъ излишняго населенія удаляя его совсѣмъ съ земли. Эти бѣдняки, не имѣя занятія, или сооружаютъ временныя жилища вродѣ сараевъ на большой дорогѣ, или приходятъ въ города и тѣснятся въ мелкихъ комнаткахъ, можетъ быть, по три или четыре семейства на одномъ чердакѣ или небольшой лачугѣ, безъ платья и постели, безъ пищи, живущихъ надеждой найти работу въ городѣ, которой они не могутъ достать. Всего три недѣли или около мѣсяца тому назадъ я видѣлъ одно имѣніе, въ которомъ жили до 40 семействъ. Какъ велико оно? Я думаю, оно около 500 акровъ, включая неудобныя земли, которыхъ много. Эти

жизни и смерти, даетъ лэндлорду страшную деспотическую власть надъ своими фермерами, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ злѣйшую чѣмъ крѣпостное право, ибо послѣднее, какъ правило, исключаетъ возможность изгнанія [1]).

Эти изгнанія, естественно, возбуждаютъ столь сильное негодованіе, что это взволнованное чувство мѣшаетъ правильной

---

40 семей состояли изъ 200 лицъ. По окончаніи арендnаго срока, лэндлорды, согласно своей теперешней системѣ удалили 28 или 30 семей, состоящихъ изъ 150 лицъ. Имъ было дозволено взять съ собой старую крышу съ ихъ хижинъ, т. е. гнилое дерево и солому, а затѣмъ они были выгнаны, чтобы строить себѣ шалаши у дороги. Мужчины не могли найти занятія, женщины и дѣти не имѣли никакихъ средствъ, кромѣ милостыни, и была, дѣйствительно, раздирающая сцена, когда они брели по дорогѣ, не зная куда идти. Эта система становится господствующей, и я думаю, что причина бѣдствія есть избытокъ населенія въ связи съ отсутствіемъ занятій; и нѣтъ никакихъ постановленій, которыя обезпечивали бы помощь этимъ бѣднякамъ, которые обречены быть обездоленными странниками по всему свѣту“ (362—3) Свидѣтель читаетъ далѣе отрывокъ изъ своего письма, которое онъ послалъ въ Лондонскую Tavern Comm: „избыточное населеніе на этомъ островѣ можетъ разсматриваться какъ главная причина уменьшенія цѣнности земли и неспособности фермеровъ платить ренту; поэтому сдѣлалось излюбленнымъ средствомъ у собственниковъ земли разрѣжать населеніе въ своихъ имѣніяхъ, такъ какъ они думаютъ, что черезчуръ многочисленное населеніе потребляетъ весь продуктъ съ земли и ничего не оставляетъ для собственниковъ. Выполненіе этого плана принимаетъ все болѣе широкіе размѣры. Что же остается населенію? У нихъ нѣтъ средствъ для эмиграціи, и они не могутъ найти землю или другое занятіе дома. Бѣднякъ прогоняется съ своимъ семействомъ изъ дома и съ земли, можетъ быть, съ одной или съ двумя коровами, нѣсколькими овцами или лошадью. Все это, не стоющее по существующимъ цѣнамъ и 5 фунтовъ, служитъ имъ, чтобы снять клочекъ земли у какого-нибудь мидльмена, который только что очистилъ свою ферму отъ нѣсколькихъ бѣдняковъ, предварительно ихъ разоривъ, и который согласится принять ихъ въ качествѣ фермеровъ, такъ какъ у нихъ есть лошадь, корова или нѣсколько овецъ. Рента такова, какую захочетъ мидльменъ, арендаторъ обѣщаетъ что угодно, лишь бы не идти въ городъ, гдѣ, онъ знаетъ, нѣтъ занятій, и надѣясь годъ, два просуществовать отъ новой аренды; но къ концу года все, что онъ имѣетъ, конфискуется мидльменомъ, и онъ, въ концѣ концовъ, прогоняется искать убѣжища въ какомъ-нибудь шалашѣ или въ городѣ, ища для своего существованія невѣрнаго поденнаго труда“ (362).

[1]) Милль говоритъ: „только въ Ирландіи все земледѣльческое населеніе можетъ быть изгнано по волѣ одного лэндлорда, или по истеченіи срока аренды, или чаще по истеченіи шестимѣсячнаго промежутка для уплаты ренты. Только въ Ирландіи большая часть населенія зависитъ

оцѣнкѣ хозяйственнаго ихъ значенія. Но постараемся, подавивъ это естественное чувство, исполнить обязанность экономиста и опредѣлить ихъ дѣйствительное хозяйственное значеніе. Мы, прежде всего, должны тогда констатировать, что изгнанія сами по себѣ вовсе не есть плодъ порочной воли лэндлордовъ, но что они явились результатомъ жестокой хозяйственной необходимости, которой подлежатъ и лэндлорды (конечно, при этомъ исключается вся та масса ненужныхъ жестокостей, которыя при этомъ совершались и которыя остаются на совѣсти лэндлордовъ). Достаточно указать на то, что обезземеленіе извѣстной части крестьянства при данныхъ условіяхъ неизбѣжно наступило бы, еслибы лэндлордовъ совсѣмъ и не было, а земля находилась бы въ собственности крестьянства. Страшно усиливающееся перенаселеніе сдѣлало бы свое дѣло, доведя дробленіе участковъ до такой степени, что веденіе хозяйства на нихъ было бы абсолютной невозможностью. Паразиты, которые всегда на лицо тамъ, гдѣ есть пожива, выполнили бы то, что дѣлали лэндлорды, быть можетъ, въ нисколько не болѣе мягкой формѣ. Трагизмъ положенія заключался совсѣмъ не въ томъ, что извѣстная часть крестьянъ вынуждена была разстаться съ землей, а въ томъ, что, теряя землю, она теряла единственную возможность заработка, что другихъ занятій въ странѣ не было и оставалось одно только нищенство [1]). И мы уже видѣли, что этотъ

исключительно отъ земли и не можетъ съ увѣренностью располагать ею даже на одинъ годъ“ (*J. St. Mill.* England and Ireland. London. 1868. Стр. 16) „Обстоятельства Ирландіи таковы, что эта власть произвольнаго изгнанія въ рукахъ лэндлордовъ даетъ имъ надъ фермерами такое господство, по сравненію съ которымъ кажется легкимъ самое тяжелое иго феодальной зависимости. Изгнать фермера въ Ирландіи въ 9 случаяхъ изъ 10 значитъ обратить его въ нищаго, лишить его средствъ къ жизни, послать въ работный домъ, изгнать изъ родины. Ферма, которую онъ снимаетъ, есть единственный способъ, которымъ онъ можетъ прилагать свой трудъ и вырабатывать хлѣбъ для себя и своихъ дѣтей. Человѣкъ, который можетъ по своему произволу лишить его этой возможности является его господиномъ болѣе абсолютнымъ, чѣмъ рабовладѣлецъ относительно своихъ рабовъ“. (*Isaac Butt.* The irish people and the irish land, Dublin. 1867. Стр. 8—9).

[1]) Это ясно было и для многихъ современниковъ. Напр. свид. Cropper предъ коммиссіей для изслѣдованія состоянія Ирландіи, указавъ на широкое распространеніе изгнаній фермеровъ, продолжаетъ: „очевидно, что это и должно было наступить; если населеніе такъ возрасло, что

трагизмъ созданъ не лэндлордизмомъ, а братоубійственнымъ своекорыстіемъ Англіи. Лэндлордизму принадлежитъ только *особая форма* этого трагическаго, но тѣмъ не менѣе рокового и неизбѣжнаго процесса обезземеленія. [1]). Въ извѣстномъ смыслѣ evictions являются хозяйственно-прогрессивными, составляя коррективъ естественнаго процесса дробленія земли и устраняя его крайности.

потребляетъ весь продуктъ страны, въ интересахъ лэдлорда является уменьшить ихъ число. Думаете-ли вы, что учрежденіе мануфактуръ въ Ирландіи дозволило бы этимъ земельнымъ собственникамъ произвести эту перемѣну безъ опасности для общества и даже съ увеличеніемъ комфорта для населенія? Несомнѣнно, оно имѣло бы это значеніе". (Fourth report from the select committee on the state of Ireland. Minutes of evidence, 689—90).

[1]) Экономическая необходимость evictions была ясна для многихъ и въ то время. Вотъ напр. показанія свид. Foster'a предъ коммиссіей 1827 года объ эмиграціи. 3156. „Извѣстно-ли вамъ, что приростъ населенія повелъ къ дробленію земли, которое въ послѣднемъ счетѣ можетъ быть признано весьма вреднымъ для интересовъ землевладѣльца? Конечно. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи оно имѣло мѣсто въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что почти весь продуктъ страны шелъ на содержаніе населенія, едва оставляя скудный фондъ для уплаты ренты лэндлорду. 3157. Не думаете-ли вы, что интересы земельныхъ собственниковъ значительно выиграли бы благодаря удаленію съ земли этого излишняго (extra) населенія, а теперешняя система могла бы смѣниться другой, въ которой были бы болѣе благопріятныя условія относительно снабженія фермеровъ капиталомъ? Это было бы въ высшей степени выгодно для земельныхъ собственниковъ; они уже раздѣляютъ это мнѣніе и находятся въ паническомъ страхѣ предъ этимъ приростомъ населенія. Они намѣреваются для улучшенія дѣла прибѣгнуть къ очень суровымъ средствамъ; какъ только кончается арендный срокъ, вошло въ обыкновеніе изгонять избыточное населеніе, какъ единственное средство получать въ будущемъ нѣкоторый приличный доходъ". (Minutes of evid. 308). Свид. R. Cassidy (земельный агентъ) далъ слѣдующее показаніе предъ коммиссіей 1830—31 года для изслѣдованія состоянія Ирландіи. 6002. „Считаете-ли вы на основаніи своего опыта невозможнымъ улучшить положеніе имѣнія, если оно покрыто мелкими хозяйствами и не является-ли лэндлордъ почти вынужденнымъ въ интересахъ улучшенія своего имѣнія для защиты своихъ собственныхъ правъ прибѣгать къ такому образу дѣйствій, который кажется въ высшей степени суровымъ? Я знаю, что при такой степени дробленія земли, какое существуетъ въ Ирландіи, для лэндлорда совершенно невозможно улучшить и хорошо вести хозяйство безъ измѣненій въ системѣ сдачи фермъ". (Report of the select committee on the state of Ireland. 1831—2. Min. of evid.).

Въ первыя десятилѣтія evictions проявляются спорадически; у насъ отсутствуетъ ихъ статистика въ эту эпоху. Особенное развитіе они получаютъ въ сороковыхъ годахъ, но изученіе этой эпохи еще впереди. Здѣсь же для насъ важно было отмѣтить только ихъ общее значеніе, ввести ихъ какъ лишній штрихъ въ рисуемую нами картину народнаго хозяйства Ирландіи.

На основаніи всего изложеннаго ясно, что развитіе Ирландіи привело въ тупикъ, идти впередъ было некуда, кризисъ былъ неизбѣженъ и неотвратимъ. Такимъ кризисомъ и явился голодъ 1846—7 года, по своей жестокости и опустошительности, вѣроятно, не имѣющій себѣ равнаго въ Европѣ въ теченіе XIX вѣка. Его опустошительность можно опредѣлить, сопоставивъ оффиціально установленныя цифры цензовъ 1841 и 1851 года: въ 1841 году населеніе составляло 8,175,124 человѣкъ (а въ 1845 году, предъ голодомъ, его исчисляютъ равнымъ 8,295,000), въ 1851 году оно было уже 6,552,385, уменьшеніе болѣе чѣмъ на 1,600 тысячъ [1]); около милліона приходится на эмиграцію, слѣдовательно болѣе 600 тысячъ человѣкъ (плюсъ естественный приростъ населенія) вымерло голодною смертью. Ближайшей причиной голода послужила болѣзнь картофеля, главнаго продукта питанія ирландцевъ, но, очевидно, это было только случайнымъ поводомъ, кризисъ былъ подготовленъ всѣмъ предыдущимъ развитіемъ Ирландіи. Очевидцы рисуютъ душераздирающія картины голода. „Народъ умиралъ на улицахъ и умиралъ на поляхъ; онъ умиралъ въ горахъ и умиралъ въ равнинахъ; онъ умиралъ за работой и умиралъ въ своихъ домахъ, такъ что небольшія улицы и села оставались почти безъ одного жителя; и въ концѣ концовъ остающіеся, отчаявшись получить помощь въ деревнѣ, доползали въ городъ и здѣсь умирали у дверей жителей или за городскимъ валомъ. Нѣкоторыхъ хоронили въ землѣ, а нѣкоторые оставались непогребенными въ горахъ, гдѣ и умерли, такъ какъ не было никого, кто былъ бы въ состояніи похоронить ихъ... Описанія, которыя давались

[1]) По компетентной и весьма осторожной оцѣнкѣ Гримшоу, „число смертей въ результатѣ великаго голода 1847 года и болѣзней съ нимъ связанныхъ не превышало 729,033“. (*Grimshaw.* Facts and figures about Ireland. Part I. Dublin. 1893, стр. 6). Раньше эта цифра опредѣлялась гораздо выше, въ 1,200,000, но это предположеніе лишено всякихъ серьезныхъ основаній.

относительно этихъ сценъ заслуживающими довѣрія очевидцами, заставили бы дрогнуть и жестокія сердца и слишкомъ ужасны, чтобы передавать ихъ. Все это произошло потому, что не нашлось никого, обладающаго соотвѣтственными административными способностями, чтобы привезти во время хлѣбъ и спасти населеніе“ [1]). Англія и здѣсь осталась себѣ вѣрна.

Mr. Horsman 17 мая 1849 года говорилъ въ парламентѣ относительно состоянія Ирландіи слѣдующее. „Все здѣсь пришло въ состояніе хаоса: отношенія класса къ классу, богатыхъ къ бѣднымъ, собственника и арендатора къ землѣ и рабочему... Ирландія становится обширнымъ лазаретомъ (lazaar house). Имѣли ли мы болѣе полную картину физическаго и моральнаго запустѣнія чѣмъ теперь? Знали-ли мы или читали когда-либо о чемъ-нибудь, что бы превосходило это? Богатое государство христіанскаго вѣка! Одинъ инспекторъ уподобляетъ ее странѣ, опустошенной непріятелемъ; нѣтъ, больше того, какъ будто ангелъ смерти пролетѣлъ надъ ней: поражено все населеніе, воздухъ зачумленъ, поля пустынны, церкви заброшены, пастырь и пасомые вмѣстѣ умираютъ отъ голода, ни свадебъ, ни богослуженій, не записываются даже умершіе, большая дорога превратилась въ склепъ, въ странѣ хаосъ, собственность разрушена, царитъ паническій ужасъ, фермеры прячутся отъ долговъ, земля не обрабатывается, работный домъ представляетъ моральную чуму, смерть, отчаяніе, безнадежность господствуетъ по всей странѣ“ [2]).

Такую пощечину получила Англія вслухъ всего міра въ стѣнахъ своего парламента за свои злодѣянія относительно Ирландіи, между тѣмъ какъ эта послѣдняя истекала кровью и слезами. . . .

2. Отъ кризиса 1847 года до нашихъ дней.

Голодъ 1846—7 года открываетъ новую эру въ ирландской исторіи, является моментомъ перелома въ развитіи. По

[1]) *Trench.* Realities of irish life, 134. Самое яркое описаніе голода 1847 года см. въ отчетахъ о поѣздкѣ въ Ирландію Sir W. Forster'a и его спутниковъ, изданный подъ общимъ заглавіемъ Distress in Ireland. 1846 (въ каталогѣ Брит. Муз. 8285, д. 6). См. также: *I. O'Rourke.* History of the Great Irish Famine of 1847. Dublin. 1875. A tale of the irish Famine in 1846 and 1847.

[2]) Hansard's Parliamentary Debates, 3-rd series, vol. 105, 608 и сл.

справедливому замѣчанію авторитетнаго ирландскаго статистика Гриммоу, „ирландскій кризисъ 1847 года произвелъ въ странѣ полную соціальную революцію, настолько глубокую, что каждое важное существующее установленіе, можно считать, возродилось или получило новое развитіе послѣ кризиса [1]).

Кризисъ кладетъ конецъ эпохѣ растущаго перенаселенія; съ этого времени движеніе населенія Ирландіи непрерывно убываетъ, въ общемъ столь же быстро, какъ и расло до кризиса. Эта убыль объясняется необыкновеннымъ развитіемъ эмиграціи, которая превышаетъ (относительно) эмиграцію всѣхъ европейскихъ странъ [2]). Вотъ какъ измѣнялось ирландское населеніе отъ ценза до ценза:

	Населеніе.	Убыль (Абсолютно).	% убыли.
1841	8,175,125	—	—
1851	6,552,385	1,622,739	19,9
1861	5,798,967	753,418	11,5
1871	5,412.377	386,590	6,7
1881	5,174,836	237,541	4,4
1891	4,704,750	470,986	9,1
Отъ 1841 до 1891		3,470,374	42,5

Населеніе за 50 лѣтъ уменьшилось почти вдвое и въ 1891 году достигло уровня, самаго низкаго въ столѣтіи. Эмиграція подвергалась большимъ колебаніямъ, достигая перваго максимума въ 1851 году, когда она составляла 34,4 на 1,000 населенія, затѣмъ постепенно опускаясь и опять достигая минимума въ 7,1% въ 1876 году, затѣмъ снова повышаясь до 21,6% въ 1883 году, а затѣмъ опять постепенно понижаясь (13% въ 1890 году).

---

[1]) *Grimshaw*, l c. I, 6.

[2]) Вотъ для сравненія среднее число эмигрантовъ въ періодъ 1871—83 годовъ на 100,000 населенія:

изъ Ирландіи. . . .	1,206	изъ Даніи	260
„ Норвегіи. . . .	642	„ Германіи. . . .	198
„ Шотландіи . . .	527	„ Швейцаріи . . .	192
„ Англіи.	432	„ Италіи.	143
„ Швеціи	360	„ Франціи	13
„ Португаліи . . .	306		

(Статья *von Philippovich.* Auswanderung въ Handw. der Staatsw., 2-te Aufl., II, 67).

Намъ предстоитъ теперь изучить причины, значеніе и соціальныя послѣдствія этой безпримѣрной въ исторіи Европы убыли населенія.

Голодъ 1846—7 года, какъ это ни странно, оказался благодѣтеленъ для народнаго хозяйства Ирландіи, потому что облегчилъ ее отъ двухъ слишкомъ милліоновъ избыточнаго населенія, часть котораго вымерла, а часть эмигрировала [1]). Эмиграція послѣ голода приняла такіе гиганскіе размѣры, что въ эту эпоху въ лѣтописяхъ Ирландіи она именуется „великимъ исходомъ“ (great exodus). Благодаря соединенному дѣйствію голода и evictions, которыми лэндлорды пользовались въ это время чрезвычайно широко [2]), количество хозяйствъ менѣе одного акра быстро и рѣзко упало съ 135,314 въ 1841 году до 73,016 въ 1847 году и до 37,728 въ 1851, уменьшилось за десятилѣтіе почти въ 4 раза. Мелкія хозяйства отъ 1 до 5 акровъ

---

[1]) По словамъ ирландскихъ историковъ, „Ирландія жестоко пострадала отъ голода, но голодъ, удаливъ безработное населеніе и расточительныхъ землевладѣльцевъ, послужилъ горькимъ, но дѣйствительнымъ лѣкарствомъ противъ основного зла страны“. (Fitzmaurice und Thursfield, l. c. 409).

[2]) Чтобы устранить теперь же выставляемое иногда утвержденіе, будто эмиграція обусловливалась главнымъ образомъ evictions, приведу сопоставленіе числа изгоняемыхъ лицъ за періодъ 1849—80 г. (заимствуя цифры у *King*. The irish question. London. 1882, стр. 70—71) и числа эмигрантовъ за соотвѣтствующіе годы.

	Изгнанные.	Эмигранты.		Изгнанные.	Эмигранты.		Изгнанные.	Эмигранты.
1849	90,440	214,000	1861	5,288	64,000	1872	2,476	78,000
1850	104,163	209,000	1862	5,617	70,000	1873	3,078	90,000
1851	68,023	224,000	1863	8,695	117,000	1874	3,571	73,000
1852	43,494	190,000	1864	9,201	114,000	1875	3,323	51,000
1853	24,589	173,000	1865	4,513	101,000	1876	2,550	38,000
1854	10,794	141,000	1866	3,571	99,000	1877	2,177	39,000
1855	5,114	92,000	1867	2,489	81,000	1878	4,679	41,000
1856	5,475	91,000	1868	3,002	61,000	1879	6,239	47,000
1857	4,643	64,000	1869	1,741	67,000	1880	10,457	96,000
1859	3,872	81,000	1870	2,616	75,000			
1860	2,985	85,000	1871	2,357	71,000			

Конечно, регистрація evictions далеко не улавливаетъ всѣхъ случаевъ изгнаній. Но тѣмъ не менѣе очевидно, (какъ это было отмѣчено еще Кэрнсомъ, l. c. 192—3) нѣтъ никакихъ статистическихъ основаній утверждать, чтобы эмиграція была результатомъ насильственныхъ изгнаній.

также уменьшились съ 310,436 съ 1841 году до 139,041 въ 1851. Въ уменьшеніи числа этихъ картофельныхъ участковъ слѣдуетъ видѣть рѣшительный прогрессъ. Прогресъ этотъ отмѣчался многими наблюдателями ирландской жизни, хотя встрѣчаются, впрочемъ, и противоположныя мнѣнія [1]).

Новѣйшее развитіе Ирландіи характеризуется медленнымъ, но неуклоннымъ прогрессомъ, сопровождающимся и отчасти обусловленнымъ убылью населенія. Убыль населенія какъ причина ирландскаго прогресса,—таковъ тезисъ, который долженъ быть доказанъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

---

[1]) „Годы, слѣдующіе за 1848, принесли много соціальныхъ измѣненій въ Ирландіи, однако безспорно, что наружное благосостояніе въ странѣ возрасло въ необычайной степени. Мидльменство исчезло, абсентеизмъ значительно уменьшился“ и т. д. (*W. E. Montgomerry*, l. c., 124). Въ 1863 году *W. Nelson Hancock* выпустилъ Report on the supposed progressive decline of irish prosperity. Dublin, въ которомъ доказывалъ ростъ народнаго богатства въ Ирландіи въ связи съ убылью населенія. По этому вопросу на страницахъ журнала Дублинскаго статистическаго общества (Journal of the Dublin Statistical society съ 1855—61, а съ 1862 года Journal of the Statistical and Social Inquiry Society of Ireland, выходящій и по настоящее время) велась интересная полемика. *Пимъ* въ своемъ докладѣ доказывалъ ростъ благосостоянія въ Ирландіи послѣ 1847 года, то же и *Лонгфильдъ*, имъ возражалъ *Heron*, встрѣтившій отвѣтъ *Макдонелля*; мнѣнія о ростѣ благосостоянія Ирландіи держался и *Ингрэмъ*. Въ настоящее время, когда у насъ имѣется для сравненія болѣе обширный матеріалъ за болѣе продолжительный періодъ, изложеніе и разборъ этой полемики не представляетъ интереса. Заслуживаетъ вниманія аргументація Dr *Lyon Playfair*. On the declining production of human food in Ireland. (Recess Studies ed. by sir Alexander Grant), который пытался доказать, что за періодъ 1856—7 до 1867—8 года Ирландія стала производить меньше пищи чѣмъ прежде. Еслибы даже это и было доказано, то для нашего вопроса это доказательство, какъ говорится, не на тему: возможно, что при абсолютномъ уменьшеніи пищи относительное ея количество на ѣдока возрастаетъ, такъ что убывающее населеніе становится всетаки богаче пищею. Насколько же производство имѣетъ въ виду рынокъ, то, конечно, здѣсь имѣетъ значеніе не химическій учетъ питательныхъ веществъ, получаемыхъ съ почвы, но ихъ цѣна,—продуктъ наиболѣе дорогой есть и наиболѣе питательный.—Извѣстный уже намъ французскій путешественникъ Бомонъ, въ первый разъ посѣтившій страну въ 1835—6 году, а затѣмъ видѣвшій ее послѣ голода, въ изданіи своей книги 1865 года не отмѣчаетъ еще рѣшительной перемѣны къ лучшему, а лишь ея начало. „Благодѣянія эмиграціи, несомнѣнныя для тѣхъ, кто удаляются, меньше и болѣе сомнительны для остающихся. Нельзя отрицать, что число конкуррирующихъ изъ-за работы и фермъ уменьшилось, разъ отъ 2 до 3 милліоновъ ирланд-

Связь между убылью населенія и ростомъ его благосостоянія ясна уже a priori, на основаніи ученія объ емкости земледѣльческой территоріи относительно населенія, развитаго въ предыдущей главѣ. Ирландія была и есть земледѣльческая страна; объ этомъ лучше всего можно судить по ничтожному росту городского населенія, которое вообще незначительно: въ 1841 году число городовъ выше 10,000 жителей было 17 съ 621,003, а въ 1891 г.—18 съ 844,549 жителями; свыше 100 тысячъ жителей имѣлъ только Дублинъ, считавшій въ 1841 году 232,726, а въ 1891 году 245,001. Такимъ образомъ, Ирландія можетъ имѣть только земледѣльческое движеніе населенія (прибыль или убыль). Можно считать стоящимъ внѣ сомнѣнія, что до 1841 года Ирландія была страшно перенаселена. Предполагая всѣ условія производства и рынка неизмѣнными, слѣдуетъ принять, что Ирландія должна была освободиться отъ значительной части своего населенія, чтобы избѣжать чрезмѣрной парцелляціи и вынужденнаго натуральнаго (картофельнаго) хозяйства, которыя парализовали техническій прогрессъ. Очевидно, что въ той мѣрѣ, насколько число населенія приводится въ соотвѣтствіе техническимъ потребностямъ земледѣлія, поднимается какъ благосостоянія трудящихся, такъ и уровень земледѣлія. Самостоятельное значеніе имѣетъ здѣсь и ростъ потребностей земледѣльца, который также понижаетъ емкость территоріи относительно населенія, расширяя площадь производства для рынка (а также и для собственнаго потребленія). Перенаселеніе свело уровень потребностей на такой варварскій мини-

---

цевъ оставили страну. Однако, хотя количество рукъ такимъ образомъ и уменьшилось, кажется, что предложеніе всетаки больше спроса, потому что заработныя платы все еще недостаточны и нерегулярны. Картофель, по прежнему, составляетъ главную пищу ирландскихъ рабочихъ. Что касается страшно высокой арендной платы, незамѣтно, чтобы она понизилась одновременно съ уменьшеніемъ числа конкуррентовъ; конкурренція, предметомъ которой являются фермы, остается тою же самой; это становится понятно, если вспомнить, что было уничтожено еще большее количество фермъ, нежели выселилось фермеровъ. Правда, теперь меньше бѣдныхъ хижинъ омрачаетъ глазъ путешественника, ихъ снесено было отъ 300,000 до 400,000. Но если жилища нѣкоторыхъ фермеровъ улучшились, то у большаго числа изъ нихъ остаются по прежнему жалкими". (Beaumont l. c. XXVII—VIII). Послѣдній его выводъ остается всетаки, что „не смотря на бѣдствія, которыми Ирландія страдаетъ въ настоящее время..., я осмѣливаюсь утверждать, что Ирландія прогрессируетъ и, повидимому, предъ нею открывается лучшее будущее" (*LII*).

мумъ, что малѣйшее повышеніе потребностей должно было отразиться уменьшеніемъ емкости территоріи.

Итакъ, даже *при прочихъ равныхъ условіяхъ*, болѣе или менѣе значительное уменьшеніе населенія должно было явиться необходимымъ хотя и отрицательнымъ условіемъ прогресса земледѣлія и роста благосостоянія ирландскаго населенія и, въ извѣстныхъ границахъ, этотъ прогрессъ и этотъ ростъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ значительнѣе убыль населенія. Съ убылью населенія растетъ и народное благосостояніе. Это положеніе кажется на первый взглядъ чудовищнымъ и нелѣпымъ парадоксомъ, а этотъ способъ прогресса невѣроятнымъ. Нужно знать все печальное прошлое Ирландіи, чтобы понять, что этотъ кажущійся парадоксъ есть непосредственный результатъ англійской политики, которая заставила Ирландію остановиться на предкапиталистическомъ перенаселеніи, за которымъ не послѣдовало, однако, развитія промышленнаго капитализма и которому невозможно было поэтому разрѣшиться въ процессѣ органическаго роста страны.

Мы пока предположили объективныя условія, опредѣляющія емкость земледѣльческой территоріи относительно населенія, неизмѣнными, но на самомъ дѣлѣ они не оставались неизмѣнными; они измѣнялись въ направленіи уменьшенія этой емкости, слѣдовательно, доля избыточнаго населенія повышалась. Чтобы сдѣлать это понятнымъ, достаточно напомнить читателю, что съ 70-хъ годовъ начинается аграрный кризисъ, подъ тяжестью котораго раззоряется даже земледѣліе Англіи. Ирландія, которая мало извлекла положительныхъ выгодъ изъ союза съ Англіей, зато всѣ отрицательныя, подпала также дѣйствію аграрнаго кризиса, которое не компенсировалось для нея развитіемъ промышленности, какъ для Англіи. Мы уже знаемъ, что дѣйствіе аграрнаго кризиса для крестьянскаго хозяйства выражается прежде всего въ уменьшеніи емкости территоріи относительно населенія, какъ благодаря измѣненію въ интенсивности хозяйства, такъ и хозяйственныхъ системахъ. И то и другое имѣло мѣсто относительно Ирландіи.

Обращаясь къ изученію судебъ ирландскаго земледѣлія въ разсматриваемй періодъ, мы должды замѣтить, что онъ гораздо скуднѣе свѣдѣніями, нежели предыдущій, когда постоянно назначались парламентскія коммиссіи для изученія положенія Ирландіи то по поводу голодовокъ, то эпидемій, то возста-

ній, то арендныхъ отношеній. Теперь, когда ирландцы изобрѣли самодѣйствующее средство помощи въ видѣ эмиграціи, Англія поспѣшила забыть объ Ирландіи (именно объ ея экономической жизни,—политически Ирландія никогда не давала о себѣ забыть), забыть настолько основательно, что Royal Commission on Agriculture ограничила свое изученіе только Великобританіей, исключивъ изъ него *земледѣльческую* Ирландію. Она осталась едва затронута и въ изслѣдованіяхъ Richmond Commission. Commission on labour ввела въ кругъ своего изученія положеніе сельскохозяйственнаго труда въ Ирландіи. Если сюда прибавить отчеты инспекторовъ о бѣдныхъ 1873 года, то мы исчерпаемъ всю оффиціальную парламентскую литературу объ Ирландіи за вторую половину XIX вѣка. За то эквивалентъ составляетъ прекрасная текущая статистика Ирландіи, изъ которой мы и почерпнемъ цифровую характеристику этого періода. Мы имѣемъ при этомъ возможность опереться на статистическія сопоставленія для періода 1841—90, превосходно выполненныя первокласснымъ ирландскимъ статистикомъ, sir Thomas Wrigley Grimshaw, завѣдующимъ ирландскимъ статистическимъ бюро (Registrar-General for Ireland) и президентомъ Дублинскаго Statistical and Social Inquiry Society [1]). Для новѣйшаго времени его сопоставленія восполнены нами на основаніи данныхъ текущей статистики [2]).

Движеніе цѣнъ на англійскомъ рынкѣ, который является главнымъ рынкомъ для Ирландіи, намъ уже извѣстно. Мы можемъ поэтому прямо обратиться къ тѣмъ измѣненіямъ въ системѣ хозяйства, которыя являются въ значительной степени результатомъ этого движенія цѣнъ.

---

[1]) Мы разумѣемъ уже не разъ цитировавшуюся нами работу Facts and figures about Ireland. Part. I. Comprising a summary and analysis of the principal statistics of Ireland for the fifty years 1841—90. Part II. Comprising statistics of irish counties, with tables of the principal statistics of the counties for each of the six decennial census years, 1841—1891; and a summary and analysis. Dublin. 1893. Къ этой работѣ приложены многочисленныя таблицы, въ которыхъ суммированы (въ 118 столбцахъ) всѣ важнѣйшіе статистическіе признаки за 50 лѣтъ. Въ основу этой работы легли доклады автора Дублинскому Statistical and Social Inquiry Society, напечатанные въ журналѣ общества.

[2]) Agricultural statistics of Ireland, with detailed report on agriculture for the year 1898. Dublin. 1899.

Намъ извѣстно, что Ирландія, по своимъ естественнымъ качествамъ представляющая лучшее въ мірѣ пастбище, была подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ начала XIX вѣка искусственно превращена въ пашню; когда исключительно благопріятныя условія для производства зерновыхъ хлѣбовъ миновали, и, послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, рыночныя конъюнктуры стали склоняться все больше и больше въ пользу скотоводства къ невыгодѣ земледѣлія, мы видимъ, что Ирландія мало-по-малу снова возвращается къ пастбищному хозяйству. Вотъ какъ распредѣлялась земельная площадь (въ statute acres), въ тысячахъ:

Годы.	Зерновые хлѣба.	Кормовыя травы.	Луга и клеверъ.	Трава.	Вся земл. площадь.	Паръ.	Горы, болота, пустоши, дороги и т. д.
1847—50 (безъ 1848)	3,213	1,071	1,160	—	—	—	—
1851—55	2,897	1,402	1,272	9,297	15,001	10	4,806
1856—60	2,723	1,605	1,425	9,438	15,303	45	4,587
1861—65	2,419	1,505	1,589	9,702	15,428	36	4,537
1865—70	2,173	1,468	1,679	10,014	15,564	22	4,412
1871—75	1,993	1,416	1,864	10,323	15,719	15	4 258
1876—80	1,814	1,316	1,915	10,248	15,424	15	4,557
1881—85	1,682	1,238	1,978	10,195	15,204	22	4,773
1885—90	1,555	1,224	2,147	10,066	15,109	14	4,876
1851—60	2,810	1,503	1,349	9,375	15,169	75	4,685
1861—70	2,296	1,486	1,634	9,858	15,496	29	4,475
1871—80	1,903	1,366	1,890	10,285	15,571	15	4,408
1881—90	1,618	1,231	2,063	10.130	16,156	18	4,825
1888—97	1,485	1,177	2,163	10,228	15,138	19	4,861
1898	1,391	1,105	2,174	10,470	15,175	17	4,834

Мы видимъ здѣсь ту же картину расширенія пастбищъ во всѣхъ видахъ насчетъ пахатныхъ земель, какую наблюдаемъ теперь по всей зап. Европѣ какъ результатъ аграрнаго кризиса.

Емкость земледѣльческой территоріи относительно населенія понижается, и средствомъ приспособленія къ кризису должна явить дальнѣйшая эмиграція. Отмѣтимъ здѣсь же, что въ Ирландіи, безъ сомнѣнія, благодаря господству здѣсь мелкаго крестьянскаго хозяйства, не происходитъ того разоренія сельскаго хозяйства, которое мы наблюдаемъ въ Англіи, гдѣ земля выходитъ изъ обработки, площадь сокращается и т. д. Въ Ирландіи, наоборотъ, мы видимъ только перемѣну системы хозяйства, но самое хозяйство развивается, общая культурная площадь растетъ до самаго послѣдняго времени, площадь пара сокращается; также сокращается и площадь неудобныхъ земель, ея увеличеніе съ конца 70-хъ годовъ только кажущееся и должно быть отнесено на долю болѣе точной регистраціи новаго времени[1]). Мы имѣемъ, значитъ, на лицо столь непонятный для многихъ пародоксъ: въ эпоху перенаселенія, когда къ земледѣлію прилагалось наибольшее число рукъ, обрабатываемая площадь сокращалась, а количество пустошей расло; теперь, когда число рабочихъ рукъ убываетъ, земледѣльческая площадь растетъ. Для насъ уже ясны причины этого непонятнаго на первый разъ явленія.

Какое вліяніе на емкость территоріи оказали перемѣны, про-

[1]) Гримшоу говоритъ по этому поводу: „съ 1876 года и до настоящаго времени отчеты показываютъ видимый приростъ пустошей, и изъ этого факта дѣлались плачевные выводы, что Ирландія „постоянно превращается въ болото и пустошь“. Реальныя причины этого таковы. Въ раннюю эпоху собиранія земледѣльческой статистики не считалось необходимымъ входить во всѣ мелочныя детали и потому если травяная ферма у горы имѣетъ со стороны горы полоску каменистой безплодной земли, да съ противоположнаго конца кусокъ болота, то вся эта земля, вѣроятно, обозначалась какъ травяная площадь... За нѣсколько лѣтъ предъ 1876 годомъ счетчикамъ была рекомендована большая тщательность, и земля, фактически не употребляемая подъ траву или съ другой цѣлью, хотя бы и хорошаго качества, отмѣчалась какъ пустошь. Въ 1877 году въ соотвѣтствіи требованіямъ большей точности со стороны науки, затребованы еще большія детали, и отъ счетчиковъ требовалось устанавлять по возможности точно количество земли, годной для употребленія, и способъ ея употребленія, а также количество болота, каменистыхъ и гористыхъ мѣстъ и т. д., какое было въ данный моментъ на каждой фермѣ. Благодаря этому подсчету мелкихъ клочковъ пустошей всякаго рода и возникло кажущееся уменьшеніе культурной площади Ирландіи“. (*Grimshaw*, l. c., I, 20). Гримшоу предостерегаетъ отъ увлеченія обращеніемъ пустошей подъ культуру, по его мнѣнію, въ Ирландіи до 2 мил. акровъ абсолютно непригодной земли (ib. 21).

исшедшія во внутренней организаціи ирландскаго земледѣлія? Изучимъ эти перемѣны. Свѣдѣнія о количествѣ хозяйствъ различныхъ размѣровъ имѣются относительно Ирландіи въ чрезвычайномъ изобиліи, съ 1841 года они собираются ежегодно, такъ что мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ измѣненія въ распредѣленіи хозяйствъ. Къ сожалѣнію, эти данныя относятся только къ *числу* хозяйствъ, но не къ *площади* ихъ. Отсутствіе послѣднихъ данныхъ въ ирландской статистикѣ дѣлаетъ наши свѣдѣнія о распредѣленіи хозяйствъ весьма недостаточными. Но нужно пользоваться тѣмъ, что есть. Читатель помнитъ, что послѣ голода чрезвычайно сократилось число картофельныхъ клочковъ ниже 1 акра. За послѣднее время количество ихъ опять нѣсколько возросло, хотя далеко не въ прежнемъ объемѣ, именно съ 40,080 въ 1861 году до 62,994 въ 1898 году. Но теперь хозяйственное значеніе этихъ клочковъ, конечно, иное, чѣмъ было въ эпоху аграрнаго перенаселенія; это либо пригородные огороды, либо картофельные участки сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Прежняго своего значенія они *не могутъ* имѣть при теперешнихъ народнохозяйственныхъ условіяхъ, почему увеличеніе числа ихъ не имѣетъ того зловѣщаго значенія какъ прежде. Оставимъ въ сторонѣ эти участки, какъ не имѣющіе большого сельскохозяйственнаго значенія.

Для знакомства съ перемѣнами, происшедшими въ организаціи хозяйства, обратимся, прежде всего, къ соотвѣтственнымъ статистическимъ даннымъ. (См. стр. 359).

Фактъ, прежде всего бросающійся въ глаза въ этой статистикѣ, есть сокращеніе количества хозяйствъ, консолидація земельныхъ участковъ, въ результатѣ убыли населенія. По расчету Гриммоу, тогда какъ въ 1841 году на душу сельскаго населенія приходилось пашенъ и пастбищъ 1,8 акра, въ 1891 году было уже 3,8 акра.

Сокращеніе числа хозяйствъ въ наибольшей степени приходится на долю очень мелкихъ хозяйствъ отъ 1 до 5 акровъ. число которыхъ круто падаетъ послѣ голода, и затѣмъ замѣтно, но постепенно убываетъ до настоящаго времени. Поскольку эти хозяйства служили опорой аграрнаго пауперизма, ихъ исчезновеніе, стоящее въ очевидной связи съ эмиграціей, можно считать экономическимъ и соціальнымъ прогрессомъ. Значительному сокращенію подверглась и сосѣдняя категорія хозяйствъ отъ 5 до

Годы.	Хозяйства отъ 1 до 5 акровъ.	5—15 акр.	15—30 акр.	Выше 30 акр.	Всего выше 1 акра.
1841	310,436	252,799	79,342	48,625	691,202
1851	88,083	191,854	141,311	149,090	570,338
1861	85,469	183,931	141,251	157,833	568,484
1871	74,809	171,383	138,647	159,303	544,142
1881	67,071	164,045	135,793	159,834	526,743
1891	63,464	156,661	133,947	162,940	517,012
1898	61,816	154,441	133,749	164,245	514,241
Разница между 1841 и 1898	— 248,620	— 98,358	+ 54,407	+ 115,620	— 176,951
	— 80,1%	— 38,9%	+ 68,6%	+ 237,8%	— 25,6%

15 акровъ. Эти хозяйства образуютъ настоящія крестьянскія хозяйства, хотя и все еще мелкаго типа. Сокращеніе ихъ числа довольно значительно, но, не располагая данными о площади ихъ, мы не можемъ сказать, означаетъ ли это уменьшеніе ихъ числа сокращеніе и площади этой группы, или же произошла лишь консолидація мелкихъ участковъ въ болѣе крупные, не переходящіе однако границъ этой группы. Послѣднее предположеніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ: повышеніе среднихъ размѣровъ хозяйствъ является прямымъ результатомъ эмиграціи, которая совершалась, конечно, въ наибольшомъ количествѣ именно на счетъ класса самыхъ фермеровъ.

Слѣдующая группа хозяйствъ отъ 15 до 30 акровъ, настоящія крестьянскія хозяйства [1]), страшно увеличивается послѣ

[1]) Бродрикъ писалъ еще въ 1870 году: „типичный ирландскій фермеръ арендуетъ 15—20 акровъ земли, включая сюда нѣсколько акровъ пастбища для коровъ, которыхъ даже самое бѣдное ирландское семейство держитъ одну или двѣ, обладая весьма скромными потребностями въ хлѣбѣ, но потребляя значительное количество молока... Ферма воздѣлывается самимъ фермеромъ, съ помощью его сыновей или племянниковъ ихъ лишь случайной помощью сосѣда, но въ большинствѣ случаевъ безъ всякой помощи наемнаго труда“. (*Brodrick.* The Irish Land Question, въ Recess Studies ed. by Grant. 1870. Стр. 23). Съ тѣхъ поръ средніе размѣры крестьянской

голода, а затѣмъ постепенно, хотя и медленно сокращается, конечно, также, подъ вліяніемъ убыли населенія. Отсутствіе свѣдѣній о площади не даетъ намъ возможности и здѣсь сдѣлать увѣренное сужденіе относительно дѣйствительнаго значенія этихъ цифръ. Какъ и въ предыдущемъ случаѣ, намъ кажется, что мы имѣемъ и здѣсь дѣло съ повышеніемъ среднихъ размѣровъ хозяйства. Къ этому побуждаетъ не только убыль населенія, но и перемѣна въ системахъ хозяйства, являющаяся въ результатѣ кризиса и заставляющая увеличивать размѣры хозяйства, другими словами, уменьшающаяся емкость территоріи относительно населенія. Нужно замѣтить, что число хозяйствъ вообще колеблется изъ года въ годъ, и послѣдніе годы опять даютъ увеличеніе: такъ съ 1896 года до 1898 количество фермеровъ, занимающихъ хозяйства этихъ размѣровъ (occupiers), увеличилось съ 121,012 до 121,487. Сравнительно съ 1897 годомъ въ 1898 году это была единственная группа хозяйствъ (кромѣ хозяйствъ менѣе 1 акра), которая обнаруживаетъ увеличеніе (на 441), всѣ остальныя показываютъ убыль. Въ общемъ можно сказать, что, несмотря на нѣкоторое уменьшеніе въ числѣ, обусловливаемое, вѣроятно, убылью населенія въ связи съ увеличеніемъ фермъ, эта группа отличается устойчивостью и играетъ весьма видную роль въ сельскомъ хозяйствѣ Ирландіи. Остается, наконецъ, послѣдняя группа, выше 30 акровъ, обнаружившая очень сильный приростъ. Фактъ этотъ даетъ основанія утверждать, что въ Ирландіи развивается капиталистическое хозяйство по типу англійскаго. Что такое направленіе развитія существуетъ, отрицать невозможно, но весьма важно опредѣлить дѣйствительные размѣры этого явленія.

Группа хозяйствъ выше 30 акровъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько категорій: внизу находится группа крупнокрестьянскихъ хозяйствъ отъ 30 до 50 акровъ, далѣе идутъ фермы среднекапиталистическія 50—100 акр., затѣмъ крупнокапиталистическія, примѣрно до 200 акровъ; очень крупныя 200—500 акр. и латифундіи свыше 500. Отсутствіе свѣдѣній о распредѣленіи площади здѣсь чувствительнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Для 1898 года мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія относительно распа-

---

фермы должны, конечно, повыситься, съ одной стороны, подъ вліяніемъ убыли населенія, а съ другой, подъ вліяніемъ аграрнаго кризиса и усиленія пастбищнаго хозяйства насчетъ зернового въ его результатѣ.

денія группы выше 30 акровъ на эти категоріи: 30—50 акр. 67,669 хозяйствъ, 50—100 акр. 53,824, 100—200 акр. 22,617, 200—500 акровъ, 8,915, свыше 500 акровъ 2,256. Мы видимъ, что доля крупнокрестьянскихъ хозяйствъ довольно высока, составляетъ около половины числа хозяйствъ всей группы. Тѣмъ не менѣе остается неоспоримымъ фактъ значительнаго распространенія чисто капиталистическихъ фермъ, происхожденіе которыхъ относится къ новому времени и было результатомъ консолидаціи фермъ послѣ голода. Наслѣдниками эмигрировавшихъ и изгнанныхъ мелкихъ фермеровъ явились, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ среднекрестьянскими хозяйствами капиталистическія фермы.

Для пониманія настоящаго положенія вещей въ высшей степени важно опредѣлить, каковы теперешнія перспективы капиталистическаго земледѣлія въ Ирландіи? Мы знаемъ, что эпоха 50 — 70-хъ годовъ была благопріятна для него, потому что Англія въ это время представляла обезпеченный и растущій рынокъ, съ довольно устойчивыми цѣнами; сравнительно съ англійскимъ фермеромъ ирландскій имѣлъ преимущество дешевой рабочей силы — прелести аграрнаго перенаселенія, долго еще дававшаго себя чувствовать, хотя дешевизна труда отчасти парализовалась его низшей интенсивностью. Напротивъ эпоха аграрнаго кризиса не благопріятствовала развитію капиталистическаго земледѣлія. Ирландія, благодаря своему природному пастушескому характеру, успѣшнѣе Англіи выносила первые годы кризиса, пока не было еще паденія цѣнъ на скотъ и продукты скотоводства. Фермерскій капиталъ опредѣляемый по шедулѣ B [1]), съ 1875 года, когда онъ составлялъ 9,293,035 ф. ст., возросталъ, хотя и медленно, еще до 1887 года, въ которомъ равнялся 9,959,787 ф. Съ этого года начинается обратное движеніе и въ 1896 году капиталъ шедулы B равенъ 9,894,271 ф. Уже это говоритъ о томъ, что капиталистическое земледѣліе въ Ирландіи въ эпоху кризиса не прогрессируетъ, а скорѣе идетъ назадъ. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ имѣющіяся у насъ отрывочныя показанія предъ парламентскими коммиссіями. Такъ напр. предъ

---

[1]) Читатель помнитъ, что эта шедула включаетъ не одинъ фермерскій капиталъ, но и наслѣдства: in respect of the occupation of Land, Tenements, and Hereditaments.

Richmond Commission свид. проф. Балдвинъ показалъ: „Положеніе крупныхъ фермеровъ во многихъ случаяхъ, я боюсь, очень неудовлетворительно“. Свид. майоръ Робертсонъ показалъ: „я думаю, что положеніе крупныхъ фермеровъ также плохо, а во многихъ случаяхъ и хуже, чѣмъ мелкихъ фермеровъ“ [1]).

Въ отчетахъ Commission on labour встрѣчаемъ также отрывочныя показанія, свидѣтельствующія объ упадкѣ капиталистическихъ фермъ. Коммиссаръ Mc Crea, напр., сообщаетъ: „одинъ сѣверный мануфактуристъ, указывая на неспособность фермеровъ давать занятіе труду, благодаря уменьшенію прибылей и превращенію пашенъ въ пастбища, говоритъ: „мелкіе фермеры (крестьяне) скоро будутъ единственными земледѣльцами, такъ какъ они работаютъ сами съ своими семействами“... Я думаю, замѣчаетъ коммиссаръ, что это предсказаніе чурезчуръ мрачно. но будущее во всякомъ случаѣ представляется нерадостнымъ. Многіе фермеры при теперешнихъ условіяхъ находятся въ большомъ затрудненіи; только тѣ, которые имѣютъ очень хорошую землю или особливо благопріятныя условія, процвѣтаютъ, и много земли вообще пересдается на одну жатву“ [2]).

Едвали не о томъ же свидѣтельствуетъ измѣненіе въ распредѣленіи крупныхъ хозяйствъ за послѣднее десятилѣтіе. Вотъ свѣдѣнія объ измѣненіи количества хозяевъ разныхъ категорій [3]).

	30—50 акр.	50—100 акр.	100—200 акр.	200—500 акр.	Выше 500 акр.
1887.	73,875	56,485	22,871	8,317	1,570
1897.	67,669	53,824	22,617	8,915	2,256

[1]) Minutes of evidence, qu 19,873.

[2]) Royal Commission on Labour. The agricultural labourer. Vol. IV. Ireland. Four Parts. Part I. Reports by Mc Crea (Assistant Commissioner) upon certain selected districts in counties Antrim, Armagh, Donegal, Down, Termanagh, Leitrim, Londonderry, Longford, Louth Meath, Monaghan, Sligo, Tyrone and Westmenth. 1893. Стр. 11—12.

[2]) Нужно замѣтить, что число хозяевъ (occupiers) менѣе чѣмъ число хозяйствъ (holdings), очевидно, благодаря возможности сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ (особенно мелкихъ) хозяйствъ. Такъ въ 1898 году число хозяйствъ было 577,962, а хозяевъ 535,358. Любопытно, что, тогда какъ число хозяйствъ постоянно сокращается, число хозяевъ уве-

Мы видимъ значительное сокращеніе числа хозяевъ, обладающихъ фермами отъ 30 до 100 акровъ, представляющихъ наиболѣе раціональные размѣры фермы какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи; сокращается также число хозяевъ, обладающихъ крупными фермами отъ 100 до 200 акровъ, все еще не выходящими изъ границъ раціональныхъ размѣровъ фермъ, но зато увеличиваются обладающіе отъ 200 до 500 акровъ, особенно же значительно увеличивается число фермеровъ, хозяйства которыхъ выше 500 акровъ, т. е. представляютъ собою латифундіи. Этотъ послѣдній фактъ, въ сопоставленіи съ фактомъ уменьшенія фермерскаго капитала за этотъ періодъ свидѣтельствуетъ о томъ, что развитіе идетъ здѣсь въ сторону латифундіарнаго вырожденія крупнаго хозяйства; эта своеобразная болѣзнь, постигающая капиталистическое хозяйство подъ давленіемъ кризиса, намъ уже знакома по континенту. Такой характеръ развитія говоритъ скорѣе за то, что шансы крупнаго хозяйства становятся неблагопріятны и что оно не можетъ поддерживаться въ прежнемъ видѣ; такъ какъ путь раздробленія крупнаго въ мелкое хозяйство здѣсь исключенъ, благодаря убыли населенія, уносимаго эмиграціей, то остается обратный путь ликвидаціи, обращеніе въ латифундіи, хозяйственная деградація. Нужно однако оговориться, что это лишь предположенія, отсутствіе достаточныхъ данныхъ не позволяетъ намъ сдѣлать увѣреннаго заключенія.

Такъ или иначе, нельзя отрицать довольно значительной консолидаціи фермъ послѣ голода. Концентрація фермъ не представляла здѣсь никакихъ препятствій и совершалась по манію руки лэндлорда. Нужно скорѣе удивляться, что процессъ этотъ не принялъ болѣе обширныхъ размѣровъ. Какъ было только что замѣчено, разъ вступивъ на путь концентраціи, лэндлорды могли идти только впередъ, а не назадъ, потому что удаляемые фермеры далеко не всѣ оставались на родинѣ, но эмигрировали въ Америку. Поэтому разъ консолидировавъ ферму, лэндлордъ терялъ возможность вновь раздробить ее. Эту особенность, стоящую въ связи съ движеніемъ ирландскаго населенія, нужно непремѣнно имѣть въ виду при обсужденіи вопроса о концентраціи фермъ въ Ирландіи.

личивается: въ 1892 году оно составляло 525,275, противъ 535,358. 1898 года. Признакъ этотъ говоритъ во всякомъ случаѣ не за концентрацію хозяйства.

Образованіе капиталистическихъ фермъ предполагаетъ одно важное условіе,—именно возникновеніе класса наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. До кризиса, да въ значительной степени и послѣ него, потребность въ наемномъ трудѣ удовлетворялась посредствомъ мелкихъ коттеровъ, воздѣлывающихъ самостоятельно мелкіе клочки земли. Колоссальное уменьшеніе въ числѣ мелкихъ хозяевъ послѣ голода, продолжавшееся и далѣе, обратило, безъ сомнѣнія, множество прежнихъ мелкихъ фермеровъ въ безземельныхъ пролетаріевъ, принужденныхъ существовать исключительно продажей своего труда [1]). Но у насъ нѣтъ никакихъ

---

[1]) Въ отчетѣ 1870 года коммиссара о бѣдныхъ Dr. King, относящемся къ графствамъ Коркъ, Бандонъ, Клонэкильти, Фермой, Кинсэль, Макрумъ, Маллоу, Митчельстоунъ, Кильмаллокъ, Мидльтонъ и Югтэль, читаемъ: „рабочій классъ не можетъ теперь существовать въ такой степени, какъ прежде картофелемъ. Они очень часто имѣли обычай самимъ культивировать это растеніе, но теперь они должны покупать хлѣбъ“ и т. д. (Reports from poor law inspectors on the wages of agricultural labourers in Ireland. 1870. Стр. 1). Однако обычай сельскохозяйственныхъ рабочихъ снимать клочки земли сохранился и до настоящаго времени. Обильныя свидѣтельства объ этомъ находимъ въ Commission on Labour. Напр. Mc Crea, какъ одно изъ условій найма рабочихъ, указываетъ: „with or without perquisites, consisting of a cottage or potato ground, often a garden“ (особое вознагражденіе, состоящее изъ коттэджа или картофельнаго участка, нерѣдко сада). (Report, 8). Въ анонимномъ сочиненіи „надзирателя надъ бѣдными“, относящемся къ 1892 году, также читаемъ: „ирландскаго рабочаго называли фермеромъ, не получившимъ фермы (farmer who has not got a farm). Это вѣрно только въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ. Существуетъ классъ мелкихъ хозяевъ на крайнемъ западѣ Ирландіи, которые являются фермерами на жалкихъ клочкахъ зимою и весною, и рабочими на англійскихъ фермахъ въ теченіе лѣтняго времени. Лица этого класса, не имѣющіе своей собственной фермы, являются, дѣйствительно, фермерами безъ фермъ, но большая часть ирландскихъ жатвенныхъ рабочихъ (harvest-man) имѣютъ клочки земли, хоть и маленькіе. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдный западный фермеръ можетъ разсматриваться какъ связующее звено между „мелкимъ фермеромъ“ и рабочимъ въ собственномъ смыслѣ слова“. (The irish peasant. By a Guardian of the poor. London. 1892. Стр. 101). Западныя провинціи являются и по сейчасъ главнымъ источникомъ земледѣльческаго отхода въ Англію: въ 1897 году изъ общаго числа отхожихъ рабочихъ 16,237 болѣе $^4/_5$, именно 13,224 приходилось на Connaught, а изъ этой суммы 8,701, болѣе половины, на Mayo. Весь отходъ въ періодъ 1880—97 гг. колебался отъ 22,900 (въ 1882 году) до 11,723 (въ 1888). Agricultural Statistics, Ireland. Report and Tables relating to migratory agricultural labourers. Dublin. 1897.

свѣдѣній о числѣ этихъ пролетаріевъ, объ его измѣненіяхъ, а также и о томъ, въ какой мѣрѣ потребность въ наемномъ трудѣ удовлетворяется мелкими коттерами и въ какой—безземельными пролетаріями. Несомнѣнно лишь, что наемный трудъ въ крупное хозяйство притекаетъ изъ того и другого источника.

Ясно, какое вліяніе на емкость территоріи оказывалъ процессъ консолидаціи хозяйствъ: онъ создавалъ относительный избытокъ населенія, которому оставалось только покинуть свою родину, переселяясь или въ Англію или въ Великобританію.

Итакъ, состояніе перенаселенія въ Ирландіи послѣ голода проистекало изъ трехъ источниковъ: во-первыхъ, изъ абсолютнаго избытка населенія, унаслѣдованнаго отъ предшествовавшаго періода; во-вторыхъ, изъ относительнаго избытка населенія, проистекающаго изъ перехода отъ зернового къ пастбищному хозяйству; въ третьихъ, отъ возникновенія капиталистическихъ фермъ, сопровождавшагося разрѣженіемъ населенія. Однако долженъ здѣсь еще разъ отмѣтить, что двѣ послѣднія причины являются лишь осложнявшими и обострявшими состояніе абсолютнаго перенаселенія, которое имѣло мѣсто и безъ нихъ [1]).

Ирландское населеніе съ честью разрѣшило на этотъ разъ мучительную задачу приспособленія чрезмѣрно густого населенія

---

[1]) Марксъ (Капиталъ, I, 617) объясняетъ избытокъ населенія послѣ 1847 года, конечно, относительнымъ перенаселеніемъ, исключительно въ результатѣ консолидаціи фермъ и перехода къ пастбищному хозяйству. Это вполнѣ естественно, потому что Марксъ оставляетъ совершенно внѣ своего изученія раннія эпохи ирландской исторіи, когда накоплялось абсолютное перенаселеніе. Къ тому же развитіе Ирландіи совершенно не укладывается въ его схему. Но удивительно, что эта страна, основное несчастіе которой заключалось въ невозможности развитія промышленнаго капитализма, способнаго повышеніемъ емкости территоріи излѣчить страну отъ язвы аграрнаго пауперизма, у Маркса фигурируетъ въ качествѣ иллюстраціи золъ капиталистическаго развитія. Естественно, что соотвѣтствующій параграфъ представляетъ хаотическую груду цифръ и фактовъ, относящихся къ срединѣ XIX вѣка и подобранныхъ съ цѣлью лишній разъ показать злодѣйства „капитала“. Но здѣсь нѣтъ даже намека на дѣйствительный ходъ развитія страны, и подобный матеріалъ для обличенія капитализма можно извлечь изъ исторіи любого народа, хотя бы папуасовъ, еслибы они имѣли статистику. Странно читать у Маркса этотъ параграфъ, представляющій, несомнѣнно, самыя слабыя страницы I тома Капитала и показывающій, къ какой уродливости способна повести тенденціозность даже у геніальнаго мыслителя.

къ извѣстной емкости территоріи, къ тому-же постоянно убывавшей,—разрѣшило непрерывной эмиграціей. И въ результатѣ удачнаго разрѣшенія этой труднѣйшей хозяйственной проблемы, народное благосостояніе, и при убывающемъ населеніи страны, увеличивается, а также прогрессируетъ, насколько позволяютъ, конечно, условія рынка, и сельское хозяйство.

Остановимся сперва на земледѣліи. Мы познакомились уже съ нѣкоторыми признаками (уменьшеніе пара, ростъ культивируемой площади), свидѣтельствующими, что, несмотря на измѣненія въ системахъ хозяйства, именно переходъ отъ земледѣлія къ скотоводству, въ предѣлахъ этихъ измѣненій ирландское земледѣліе идетъ впередъ, а не назадъ. Это же положеніе мы можемъ подтвердить теперь данными относительно общей производительности ирландскаго земледѣлія. Средняя производительность съ акра составляла:

	Пшеница центн.	Овесъ центн.	Ячмень центн.	Турнэпсъ въ тоннахъ.	Свекла.	Картофель	Сѣно и клеверъ въ тоннахъ.
1847—50	13,6	13.8	17,3	15.8	18,1	5,8	2,0
1851—55	14,0	14,2	18,1	16,1	17,8	5,6	2,0
1856—60	12,8	12,4	14.8	11,5	12,2	3,4	1,9
1861—65	11,4	11,7	14,3	10,5	11,0	3,0	1,8
1866—70	12,2	12,3	15,9	11.7	12,7	3,4	1,8
1871—75	13,0	13,1	16,5	13,2	14,0	3,1	1,9
1876—80	14,4	13,2	15,6	11,8	12,9	2,9	2,1
1881—85	14,4	13,6	15,6	12,4	13,1	3,7	2,0
1885—90	15,0	13,6	15,6	12,2	13,1	3,4	2,1
1851—60	13,4	13,3	16,4	13,8	15,0	4,5	1,9
1861—70	11,8	12,0	15,1	11,1	11.8	3.2	1,8
1871—80	13,7	13,1	16,0	12,5	13,4	3,0	2,0
1881—90	14,7	13,6	15,6	12,3	13,1	3,5	2,0
1888—97	15,9	14,7	16,9	14,0	14,6	3,4	—
1898	18,8	16,0	18.9	16,8	18	4,4	—

Важнѣйшіе изъ зерновыхъ хлѣбовъ обнаруживаютъ приростъ средней производительности съ акра. Въ извѣстной степени это объясняется тѣмъ, что съ сокращеніемъ общей площади подъ посѣвами остались лишь наиболѣе плодородныя земли. Но главнымъ образомъ это слѣдуетъ объяснить улучшеннымъ воздѣлываніемъ. (Мы оставили въ сторонѣ второстепенные хлѣба, съ незначительной площадью). Подобный же ростъ производительности мы видимъ и относительно кормовыхъ травъ и сѣна; кромѣ того, здѣсь не приложимо только что изложенное соображеніе объ отборѣ наиболѣе плодородныхъ земель, ибо площадь подъ травами и пастбищами растетъ; слѣдовательно, это повышеніе должно быть всецѣло отнесено на улучшеніе культуры. Что касается картофеля, то, по замѣчанію Гримшоу, „это растеніе, отъ котораго прежде зависѣло столь много жизней, обнаруживаетъ большое непостоянство въ урожайности“ [1]). Пониженіе производительности отмѣчается только относительно немногихъ растеній, которыя не играютъ большой роли (напр. капуста) или производство которыхъ сокращается (напр. ленъ).

Такъ какъ Ирландія все болѣе становится пастушеской страной, то для характеристики состоянія ея сельскаго хозяйства еще важнѣе вышеприведенныхъ свѣдѣнія объ ея скотоводствѣ. Количество различныхъ видовъ скота измѣнялось здѣсь слѣдующимъ образомъ (въ тысячахъ) (См. стр. 368)

Почти всѣ виды скота (а также и птицы) обнаруживаютъ значительное увеличеніе, хотя, разумѣется, съ неизбѣжными колебаніями. Уменьшеніе населенія сопровождается ростомъ скотоводства. Конечно, въ немалой степени это объясняется обращеніемъ пашенъ подъ пастбища. Но мы имѣемъ здѣсь не только абсолютное, но и относительное повышеніе скотоводства, какъ въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія поучительныя сопоставленія Гримшоу [2]), который является виднымъ сторонникомъ того мнѣ-

[1]) *Grimshaw*, I, 29. Любопытно, что съ исчезновеніемъ обширнаго слоя аграрнаго пауперизма, существовавшаго главнымъ образомъ картофелемъ, производство злосчастнаго корнеплода постоянно сокращается, въ чемъ нельзя не видѣть отрицательнаго признака роста народнаго благосостоянія. Наибольшихъ размѣровъ картофельная площадь достигаетъ въ періодъ 1856—60 гг., когда она равна 1,157 тысячъ акровъ, въ 1898 году она составляла уже 665 тысячъ.

[2]) *Grimshaw*, l. c. I, 33. Оставляемъ въ сторонѣ попытку Гримшоу гипотетически опредѣлить площадь пастбищъ 1841 года и всѣ цифры, относящіяся къ 1841 году.

	Лошадей.	Муловъ.	Ословъ.	Рогатаго скота.	Овецъ.	Поросятъ.	Козловъ.	Птицъ.
1841	576	—	92	1,863	2,106	1,413	—	8,459
1847—50	537	—	122	2,760	1,946	781	183	6,321
1851—55	538	21	147	3,301	3,041	1,165	281	8,261
1856—60	607	19	163	3,660	3,555	1,224	231	9,655
1861—65	581	20	170	3,326	3,476	1,137	175	10,209
1866—70	529	20	171	3,727	4,600	1,229	199	10,758
1871—75	533	21	180	4,084	4,335	1,281	248	11,905
1876—80	556	24	186	4,018	3,934	1,217	271	13,622
1881—85	540	28	191	4,077	3,254	1,290	262	13,590
1886—90	566	30	204	4,155	3,697	1,404	293	14,624
1851—60	572	20	155	3,480	3,298	1,194	256	8,958
1861—70	555	20	170	3,526	4,038	1,183	187	10,483
1871—80	544	22	183	4,051	4,134	1,249	259	12,763
1881—90	553	29	197	4,116	3,475	1,397	277	14,107
1888—97	633		218	4,350	4,197	1,344	315	15,933
1898	620		232	4,487	4,288	1,254	296	17,687

нія, что послѣ голода Ирландія находится на пути медленнаго, но вѣрнаго прогресса:

	1841	1851	1861	1871	1881	1890
Рогатаго скота . . .	1,863	2,967	3,472	3,976	3,957	4,240
Считая три овцы за 1 голову рог. скота .	702	707	1,185	1,411	1,085	1,441
Всего	2,565	3,674	4,657	5,387	5,042	5,681
Акровъ пастбища . .	7,949	8,749	9,534	10,071	10,075	10,212
Количество акровъ на голову скота . . .	3,1	2,4	2,0	1,9	2,0	1,8

„Такимъ образомъ, заключаетъ Гримшоу, хотя и произошло сокращеніе площади зерновыхъ хлѣбовъ и приростъ пастбищъ и луговъ, прибыль въ количествѣ скота превзошла всякую пропорцію, которая соотвѣтствовала бы происшедшимъ измѣненіямъ въ хозяйствѣ. Этотъ приростъ въ 2,007,000 штукъ рогатаго скота представляетъ весьма существенное увеличеніе въ цѣнности земледѣльческаго дохода и капитала въ Ирландіи. Этотъ приростъ въ скотѣ и овцахъ не можетъ быть для настоящаго времени оцѣненъ менѣе чѣмъ примѣрно въ 10 милл. ф. ст., компенсирующихъ въ извѣстной мѣрѣ уменьшеніе зерновыхъ хлѣбовъ и по количеству и по цѣнности. На основаніи приведенныхъ цифръ слѣдуетъ вывести, что значительная часть прироста цѣнности капитала, заключеннаго въ живомъ скотѣ, повидимому, должна быть отнесена на счетъ улучшеннаго веденія сельскаго хозяйства“.

Заслуживаетъ особеннаго замѣчанія, что этотъ прогрессъ сельскаго хозяйства не остановленъ и эпохой кризиса, который весьма тяжело легъ и на ирландское хозяйство [1]).

Какая форма хозяйства явилась носителемъ этого прогресса? Прямыхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ. Но нужно предположить, что прогрессъ исходилъ отъ тѣхъ формъ, которыя усиливались въ эту эпоху, т. е. прежде всего отъ крупнокапиталистическаго, а затѣмъ и отъ среднекрестьянскаго хозяйства. Что же касается двухъ послѣднихъ десятилѣтій, когда звѣзда крупнаго хозяйства начинаетъ снова закатываться, можно съ

---

[1]) Жалобами на разрушительное вліяніе кризиса переполненъ частный отчетъ, основаніемъ которому явился родъ частной анкеты: Agricultural depression in Ireland. The Harvest of 1896 with the reduction in prices and in rents since 1881. Dublin. 1897 (сначало напечатано въ Freeman's Journal). Здѣсь приводятся, между прочимъ, слѣдующія сопоставленія (по оцѣнкѣ Registrar-General):

	1884—88.	
Средняя цѣнность урожая . .	35,752,000	ф. ст.
„ „ скота . . .	55,827,000	„
Всего . . .	91,579,000	ф. ст.
	1892—3.	
Средняя цѣнность урожая . .	34,643,000	ф. ст.
„ „ скота . . .	54,312,000	„
Всего . . .	88,955,000	ф. ст.
Убыль въ	2,624,000	„

большой вѣроятностью, на основаніи аналогіи съ исторіей другихъ странъ, а также прямыхъ и косвенныхъ указаній о тяжеломъ состояніи крупнаго хозяйства [1]), сказать, что этотъ прогрессъ въ большей степени исходитъ отъ среднекрестьянскаго, чѣмъ отъ крупнаго хозяйства. Быть можетъ, именно благодаря этому, сельское хозяйство Ирландіи не обнаруживаетъ того общаго упадка, какой замѣчается въ Англіи, но идетъ въ этомъ отношеніи путемъ континента съ его крѣпкимъ крестьянствомъ. Повторяемъ однако еще разъ, что это лишь предположеніе, основанное на аналогіи и умозаключеніяхъ, но лишенное твердой фактической опоры.

Слѣдуетъ отмѣтить еще два обстоятельства, которыя являются симптомомъ, а вмѣстѣ и условіемъ прогресса сельскаго хозяйства. Первымъ изъ этихъ обстоятельствъ является новѣйшее развитіе арендnаго права, новѣйшее арендное законодательство. Намъ извѣстно, что tenancy-at-will была главной формой арендъ въ эпоху аграрнаго перенаселенія. По мѣрѣ измѣненія общихъ народнохозяйственныхъ условій, измѣняются и условія аренды. Развитіе это ведетъ къ тому, что безправное положеніе tenant-at-will, лишеннаго всякихъ гарантій и неспособнаго ни къ какому техническому прогрессу, все болѣе и болѣе смѣняется такимъ, при которомъ фермеру гарантируется цѣлость его капитала, и извѣстная продолжительность арендnаго срока. Арендное законодательство, кульминаціоннымъ пунктомъ котораго явился законъ 1892 г., явилось обработкой и распространеніемъ на всю Ирландію обычнаго права, установившагося въ провинціи Ulster [2]). Очевидна

---

[1]) Въ только что цитированномъ отчетѣ читаемъ между прочимъ: „тогда какъ цѣны на зерновые хлѣба и скотъ, на все, что составляетъ источникъ дохода для фермера, понизились, издержки производства возвысились. За десятилѣтіе, предшествовавшее 1881 году, еженедѣльная заработная плата сельскихъ рабочихъ въ среднемъ составляла 8 ш. 6 п., теперь она равна 11 ш. 6 п. Естественный ходъ вещей ведетъ къ дальнѣйшему ея повышенію. Средній приростъ съ 1881 года равенъ 36%“ (l. c. 18).

[2]) Наилучшее изложеніе это законодательства, подробное изученіе котораго мы считаемъ возможнымъ здѣсь отъ себя отклонить, нашло въ книгѣ г. *Мануилова*: Ирландская аренда. Кромѣ того см. *G. Sigerson.* History of the land tenures and land classes of Ireland. London. 1871. *W. E. Montgomerry.* The history of land tenure in Ireland. Cambridge. 1889. *Ed. Wiss.* Das irische Landgesetz vom Jahre 1881. Berlin. 1882. *M. Longfield.* The tenure of land in Ireland. 1881 (въ Systems of Land tenures in various

та внутренняя и необходимая связь, которая существуетъ между новымъ аренднымъ законодательствомъ и измѣнившимися условіями сельскаго хозяйства: одно съ необходимостью постулировало другое; вмѣстѣ съ тѣмъ гарантіи, которыми обставляетъ выполненіе аренднаго контракта новое законодательство, расчищаютъ почву для дальнѣйшаго развитія сельскаго хозяйства.

Вторымъ обстоятельствомъ является развитіе въ Ирландіи земледѣльческихъ кооперацій. Ихъ возникновеніе и развитіе, сопутствующее, мы знаемъ, здорому и крѣпкому крестьянскому хозяйству, относится къ самому новому времени. Въ 1889 году было всего одно общество, состоящее изъ 50 членовъ, въ 1890 то же самое, въ 1891 году 17 обществъ съ 850 членами, 1892—25 обществъ съ 1,050 членами, въ 1893—30 съ 1,250, въ 1894—33 съ 1,650, въ 1895—67 съ 3,800 членами, въ 1896—110 съ 10,120, въ 1897—148 съ 14,290, въ 1898, послѣднемъ отчетномъ году, 243 общества съ 27,322 членами. Эти послѣднія цифры, конечно, не особенно велики, но замѣчателенъ быстрый и непрерывный ростъ кооперативнаго движенія, составляющаго одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій новѣйшаго развитія Ирландіи. Особенное развитіе получили кооперації въ молочномъ хозяйствѣ, наиболѣе удобномъ для кооперативнаго веденія и сохраняющемъ свою доходность и въ настоящее время. Въ 1898 году изъ общаго числа заведеній для приготовленія молочныхъ продуктовъ (factories) 387 коопераціямъ фермеровъ принадлежало 165. Общее число кооперативныхъ обществъ 1898 года распадалось такъ: молочныя и сельскохозяйственныя (совмѣстныя закупки и продажи) общества—123, вспомогательныя—13, сельскохозяйственныя—77, банки—15, разныя—13, федерацій—2. Развитію кооперацій въ Ирландіи содѣйствуетъ Irish Agricultural Organisation Society, стягивающее въ себя лучшія силы страны и имѣющее президентомъ перваго иниціатора кооперативнаго движенія въ Ирландіи Mr. Horace Plunket [1]). Оно

---

countries. Ed. by Cobden Club). *James Godkin.* The land-war in Ireland. London. 1870. *Shaw Lefevre.* Agrarian tenures. 1893 и др.

[1]) Онъ выпустилъ рядъ памфлетовъ относительно полезности кооперацій: Cooperative Dairying. An Adress to the Farmers of the dairy districts of Ireland. By Hon. *Horace Plunkett*, Chairman of Irish section of Cooperative Union. Manchester. 1890. *Его же.* Cooperation for Ireland. Manchester. *Его же.* Cooperation in Ireland: the best means of promoting both distributive and productive cooperation in the rural districts of Ireland. 1890.

издаетъ ежегодные отчеты [1]), еженедѣльную газету Irish Homestead и много памфлетовъ для пропаганды идей кооперації въ странѣ.

Что кооперації оказываютъ и еще болѣе окажутъ могущественное содѣйствіе прогрессу крестьянскаго хозяйства въ Ирландіи, можетъ считаться безспорнымъ. Не нужно однако забывать, что самое появленіе этого нѣжнаго цвѣтка требуетъ высокаго состоянія экономической культуры,—почва аграрнаго перенаселенія первой половины XIX вѣка не была бы способна произращать это нѣжное растеніе Въ этомъ смыслѣ мы сказали, что земледѣльческія кооперації являются и симптомомъ, и условіемъ прогрессивнаго развитія сельскаго хозяйства.

Уменьшеніе ирландскаго населенія сопровождалось не только подъемомъ сельскаго хозяйства, но и благосостоянія населенія. Въ числѣ признаковъ послѣдняго на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить исчезновеніе голодовокъ. Правда, Ирландія испытала острую продовольственную нужду въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, вслѣдствіе болѣзни картофеля, надолго еще остающагося главнымъ предметомъ народнаго потребленія, а также и общаго неурожая. Недородъ этотъ выразился пониженіемъ нормы брачности, повышеніемъ смертности и эмиграціи, сокращеніемъ потребленія пива и водки, вкладовъ въ кассы и средняго передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ (понятно, что въ Ирландіи, по преимуществу земледѣльческой странѣ, урожай является ключемъ, заводящимъ все народное хозяйство), но не было ничего, напоминающаго ужасы голодовокъ первой половины вѣка: они отошли въ область преданія.

Вторымъ и весьма существеннымъ признакомъ является улучшеніе жилищныхъ условій. Ирландская статистика собираетъ свѣдѣнія о домахъ съ 1841 года, подраздѣляя ихъ на 4 класса.

---

[1]) Послѣдній бывшій у меня отчетъ относится къ 1898 году: fourth annual report for the year, ending 31-st March 1898. Dublin. Въ предисловіи къ этому интересному отчету читаемъ: „ирландскій фермеръ медленно, но вѣрно выбивается на путь улучшенія своего положенія („working out his own salvation“). Успѣхъ обществъ вполнѣ оправдываетъ нашу вѣру, что самъ народъ можетъ сдѣлать для себя больше, нежели всякая посторонняя сила. Мы стремились развить начало самопомощи, и мы успѣли въ этомъ. Мы никогда не уменьшали трудностей, которыя встрѣчались при всякой попыткѣ привить неорганизованному народу начало организаціи“ и т. д. (стр. 6).

Къ послѣднему классу относятся дома, имѣющіе одну комнату и построенные изъ глины или другого непрочнаго матеріала. Къ третьему классу причисляются дома, имѣющіе отъ двухъ до четырехъ комнатъ и оконъ; но если въ такихъ домахъ живетъ болѣе одного семейства, то они причисляются къ 4-му классу. Второй классъ составляютъ дома, имѣющіе отъ 5 до 7 комнатъ или оконъ; но если въ такихъ домахъ живетъ болѣе трехъ семействъ, то они причисляются къ четвертому классу, если отъ двухъ до трехъ, то къ третьему. Первый классъ составляютъ всѣ дома, лучшіе, чѣмъ въ предыдущихъ классахъ; но если въ домѣ живетъ отъ двухъ до трехъ семействъ, то онъ причисляется ко второму классу, отъ четырехъ до пяти къ третьему, и болѣе пяти къ четвертому. Статистика обитаемыхъ домовъ, составленная такимъ образомъ, даетъ слѣдующіе результаты. (См. стр. 374).

Эта таблица свидѣтельствуетъ о значительномъ улучшеніи жилищныхъ условій ирландскаго населенія. Сокращеніе числа домовъ, соотвѣтствующее убыли населенія, совершается на счетъ двухъ послѣднихъ классовъ, которые столь же быстро убываютъ, сколь быстро увеличиваются два первые класса. Соотвѣтственно измѣняется и число семействъ, живущихъ въ домахъ каждаго изъ классовъ; количество семействъ, приходящихся на одинъ домъ, въ общемъ уменьшается, что также указываетъ на меньшую скученность населенія въ тѣсныхъ домахъ и хижинахъ [1]). Но самымъ отраднымъ фактомъ, установляемымъ этой статистикой, является колоссальное уничтоженіе, почти полное исчезновеніе грязныхъ хижинъ четвертаго класса, „въ которыхъ прежде жило голодающее крестьянство“ [2]). Отъ этого зла Ирландію освободила, нѣтъ сомнѣнія, эмиграція.

О ростѣ благосостоянія ирландскаго населенія можно судить также на основаніи статистики вкладовъ въ сберегательные банки, куда поступаютъ мелкіе вклады, по преимуществу, отъ трудящагося населенія; существуетъ два рода сберегательныхъ банковъ: Trustees Bank, существующій за весь періодъ съ 1841 года, и почтовосберегательныя кассы (Post Office), функціонирующія съ

---

[1]) По авторитетному свидѣтельству Гримшоу, „въ 1871 году былъ принятъ нѣсколько отличный отъ прежняго планъ исчисленія, и этимъ объясняется кажущееся увеличеніе числа домовъ четвертаго класса и числа семействъ, живущихъ при этихъ условіяхъ“ (l. c. I, 17).

[2]) *Grimshaw*, l. c. I, 17.

	Первый классъ.			Второй классъ.			Третій классъ.			Четвертый классъ.			Общее число домовъ.
	Домовъ.	Семействъ.	Среднее на домъ	Число домовъ.	Семей.	Среднее.	Число домовъ.	Семей.	Среднее.	Число домовъ.	Семей.	Среднее.	
1841	40,080	—	—	264,184	—	—	533,297	—	—	491,278	—	—	1,328,829
1651	50,164	—	—	318,758	—	—	541,712	—	—	135,589	—	—	1,046,223
1861	55,416	93,016	1,68	360,698	425,054	1,8	489,668	516,252	1,05	89,374	93,978	1,05	995,156
1871	60,483	95,526	1,58	381,114	437,798	1,15	363,042	387,827	1,03	156,741	40,149	1,02	961,360
1881	66,727	96,568	1,45	422,241	467,387	1.11	384,475	390,091	1,01	40,665	41,025	1	914,108
1891	70,740	97,317	1,38	466,632	499,033	1,07	312,589	315,034	1,01	20,617	20,729	1,01	870,578

1861 года. Вотъ данныя о количествѣ вкладовъ (въ тысячахъ фунтовъ).

	Post Office.	Trustee Banks.	Сумма.	На голову. населенія.
1844—45	—	2,543	2,543	0,31
1846—50	—	1,819	1,819	0,24
1851—55	—	1,515	1,515	0,24
1856—60	—	1,890	1,890	0,32
1861—65	152	2,025	2,146	0,38
1866—70	376	1,803	2,179	0,40
1871—75	867	2,076	2,943	0,55
1876—80	1,336	5,142	3,478	0,66
1881—85	2,072	2,052	4,124	0,82
1886—90	3,212	2,019	5,231	1,09
1841—50	—	2,181	2,181	0,27
1851—60	—	1,702	1,702	0,28
1861—70	276	1,914	2,162	0,39
1871—80	1,101	2,109	3,210	0,61
1881—90	2,642	2,035	4,677	0,95

Мы видимъ здѣсь ростъ вкладовъ какъ относительный такъ и абсолютный, его не останавливаетъ даже эпоха аграрнаго кризиса. Благосостояніе, какъ показываетъ эта таблица, широкой волной распространяется среди низшихъ слоевъ населенія. Возросли вклады какъ въ кассы мелкаго кредита, такъ и крупнаго, такъ что весь банковый капиталъ страны составлялъ въ періодъ 1846—50 гг. 4,934 тысячи фунтовъ стерлинговъ, а 1886—90 уже 7,024, а вклады въ акціонерные банки (Joint Stock Banks) возросли за тотъ же періодъ съ 7,008 тыс. ф. ст. до 91,443 или съ 0,85 до 6,54 на голову населенія [1]).

[1]) Вся цѣнность подлежащаго подоходному обложенію имущества измѣнилась въ Ирландіи такъ: шедула А (земли и под.) въ 1867 г.

Конечно, не весь этотъ приростъ какъ крупныхъ такъ и мелкихъ вкладовъ приходится отнести на долю земледѣльческаго населенія. Ирландія покрылась за это время сѣтью желѣзныхъ дорогъ (35 миль въ 1841—45 г. и 3,168 въ 1897), усилилось торговое мореходство (въ 1841—50 всего вошло и вышло груза въ ирландскихъ портахъ 4,250 тыс. тоннъ, въ 1886—90 — 10,172), развивались нѣкоторыя отрасли промышленности (такъ въ льняной промышленности количество веретенъ въ 1841 году было 250 тыс., а въ 1890—827, произведено галлоновъ спирта въ 1841—45 гг. 6,500, а въ 1886—90 — 11,571, въ шерстяной промышленности занято было въ 1874 году 1,506 человѣкъ, а въ 1889—3,443), но все это не было настолько значительно, чтобы измѣнить общій земледѣльческій характеръ страны. Поэтому значительную часть прироста благосостоянія необходимо нужно отнести и на долю земледѣльческаго населенія.

Дальнѣйшими, хотя и второстепенными признаками роста благосостоянія является увеличеніе потребленія спирта [1]), ростъ таможеннаго дохода [2]), ростъ почтовыхъ сношеній (въ 1841—45 г. на жителя 2,9 писемъ, въ 1886—90 г. 10,9, а общее количество писемъ возросло съ 24,000 до 95,252) и т. д. Особенно интереснымъ признакомъ является ростъ народнаго образованія, обнаруживающійся изъ слѣдующихъ цифръ: число школъ въ 1841—45 г. 2,910, въ 1897 г.—8,631, учениковъ 357 тыс. и 1,018 тыс., число умѣющихъ читать и писать въ 1841 году— 1,966 тыс. или 28% населенія, въ 1891 — 2,990 т. или 71%; умѣющихъ только читать въ 1841 — 1,413 тыс. или 19% населенія, въ 1891—467 т. или 11%; число совсѣмъ безграмотныхъ въ 1841 году 3,766 т. или 53% населенія, въ

12,861,281 ф. ст., въ 1897 году 13,999,750; шедула B намъ уже извѣстна (9,969,264 въ 1867 году и 9,894,271 въ 1896); шедула D (промышленный капиталъ)—7,733,219 ф. въ 1867 году и 11,524,600 въ 1897 году; относительно шедулъ C и E данныя показаны для всей Великобританіи.

[1]) Въ 1881 году на голову населенія потребленіе спирта составляло 0,969 галлона, въ 1891—1,075.

[2]) „Только приростъ богатства можетъ позволить націи пользоваться предметами роскоши, и употребляя таможенный доходъ съ должными предосторожностями въ качествѣ мѣрила, мы находимъ, что способность ирландскаго народа къ потребленію предметовъ роскоши возрасла". Въ 1841—50 гг. таможеннаго дохода приходилось 0,28 ф. ст. на голову населенія, а въ 1881—90 г. 0,41. (*Grimshaw*, l. c., I, 48—9).

1891—777 т. или 18%. Такимъ образомъ, грамотность населенія поднялась весьма значительно.

Остановимся еще на судьбахъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, о которыхъ у насъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія. Можно предположить уже a priori, что этотъ классъ послѣднимъ почувствовалъ улучшеніе въ своемъ положеніи, потому что онъ занимаетъ самую низшую ступень на соціальной лѣстницѣ Ирландіи. Изъ опыта другихъ странъ намъ извѣстно, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для поднятія положенія сельскохозяйственнаго рабочаго является благопріятное для рабочаго измѣненіе соотношенія между спросомъ и предложеніемъ, уменьшеніе предложенія. Отсюда слѣдуетъ, что эмиграція должна была оказать вліяніе на улучшеніе положенія ирландскаго рабочаго, и притомъ прямо пропорціонально ея размѣрамъ. Вліяніе эмиграціи парализуется, конечно, измѣненіемъ въ системахъ хозяйства, производящимъ относительный избытокъ населенія; тѣмъ не менѣе, въ общемъ итогѣ, мы можемъ отмѣтить непрерывное, хотя и медленное улучшеніе положенія сельскохозяйственнаго рабочаго.

Въ 1870 году положеніе ирландскаго сельскаго рабочаго было сдѣлано предметомъ изслѣдованія со стороны Poor Law Inspectors [1]). Dr. King въ своемъ отчетѣ [2]) говоритъ: „что касается повышенія заработной платы за послѣдніе 20 лѣтъ, я долженъ сообщить, что заработная плата за этотъ періодъ постепенно поднималась до своей теперешней нормы, которая ровно вдвое выше чѣмъ въ предыдущій періодъ (1849). Причины этого повышенія слѣдуетъ приписать цѣлому ряду условій, но наиболѣе важны изъ нихъ слѣдующія: 1) Эмиграція, которая устранила огромное количество незанятыхъ рабочихъ. Эта причина оказываетъ свое дѣйствіе однако лишь во время жатвы или весной или во время особеннаго скопленія сельскохозяйственныхъ работъ. Въ другія времена года много рабочихъ остаются праздными. 2) (Здѣсь авторъ указываетъ на уменьшеніе количества рабочихъ огородовъ и картофельныхъ участковъ. Это свидѣтельство намъ уже извѣстно). 3) Уменьшившаяся цѣнность денегъ и проистекающее отсюда поднятіе цѣнъ на предметы необходимости“ (1).

---

[1]) Reports from poor law inspectors on the wages of agricultural labourers in Ireland. Dublin. 1870.

[2]) Отчетъ этотъ относится къ Cork, Bandon, Clonakilty, Fermoy, Kinsale Macroom, Mallow, Mitchelstown, Kilmallock, Midleton, and Youghtal.

Dr. Knox [1]) „считаетъ нужнымъ констатировать, что приростъ заработной платы за отмѣченный періодъ является значительнымъ и всеобщимъ, и можно считать его смѣло равнымъ трети, именно плата увеличилась съ 1 ш. до $1^1/_2$ ш. въ день“ (3).

„Можно считать вѣроятнымъ не безъ достаточныхъ основаній, что тогда какъ заработная плата значительно возрасла за послѣднее 25-лѣтіе, цѣны значительнаго числа предметовъ потребленія рабочихъ остаются умѣренными“ (4).

Dr. Robinson сообщаетъ, что „на основаніи самыхъ надежныхъ свѣдѣній, какія онъ могъ получить, заработная плата возрасла приблизительно на 50%. Въ 1850 году средняя норма заработной платы сельскаго рабочаго въ графствахъ, на которыя простирается мой округъ, составляла около 5 ш. въ недѣлю; отъ 1850 до 1854 она поднялась до 6 ш.; съ этого времени она находится въ постепенномъ, но непрерывномъ ростѣ, и для настоящаго времени она составляетъ около 7 ш. 6 п. въ недѣлю“ (6). Докладчикъ указываетъ далѣе на неудовлетворительность жилищныхъ условій сельскаго рабочаго, но кончаетъ такъ: „хотя, конечно, послѣдовало значительное поднятіе цѣнъ на предметы пищи, но ростъ дороговизны жизни не соотвѣтствуетъ росту заработной платы, и я думаю, что рабочіе какъ классъ теперь болѣе независимы, лучше одѣты, словомъ находятся въ лучшемъ положеніи сравнительно съ ихъ доходами и средствами существованія прежняго времени“ (7).

Mr. O'Brien [3]) сообщаетъ: „подраздѣляя сельскихъ рабочихъ на два класса, „intern и extern“, т. е. такихъ, которые живутъ въ семьѣ у своихъ хозяевъ, со столомъ, квартирой, стиркой и т. д. въ добавокъ къ своей платѣ, и тѣхъ, которые живутъ на сторонѣ, получая плату цѣликомъ деньгами или же лишь отчасти деньгами, а отчасти харчами (diet), — можно, я думаю, счесть общимъ правиломъ, что плата перваго класса удвоилась за послѣдніе 20 лѣтъ, причемъ ихъ содержаніе и общее положеніе

---

[1]) Отчетъ относится къ Antrim и частямъ Armagh, Down, Londonderry, and Tyron.

[2]) Отчетъ относится къ County of Dublin, C. of Wicklow, частямъ County of Carlow, Kildare, Kilkenny, Meath, Queen's County, and Wexford.

[3]) Отчетъ относится къ County of Louth, частямъ Counties of Armagh, Cavan, Down, Dublin, Fermanagh, Meath, Monaghan, and Tyrone.

значительно улучшилось за это время. Что же касается второго класса, отчеты и свѣдѣнія, получаемые мною изъ разныхъ мѣстъ, не вполнѣ согласуются другъ съ другомъ, приростъ заработной платы опредѣляется отъ 20% въ однихъ мѣстахъ до 100% въ другихъ; 50% выражаютъ, я думаю приблизительно среднюю прироста, если возможно ее вывести“ (8). Далѣе коммиссаръ также указываетъ на жилищную нужду.

Повышеніе заработной платы констатируетъ и Dr. Hill [1]) опредѣляя его отъ 25% до 50%, а также и авторы остальныхъ отчетовъ (которые прибавляютъ мало новаго). Въ общемъ, хотя коммиссары не закрываютъ мрачныхъ сторонъ положенія рабочаго, но всѣ они констатируютъ начало улучшенія [2]).

---

[1]) Отчетъ его относится къ Counties of Cavan, Dublin, Kildare, King's County, Longford, Meath, Queen's County, Roscommon, and Westmeath.

[2]) Познакомившись въ основныхъ чертахъ съ содержаніемъ этого отчета, читатель будетъ, безъ сомнѣнія, удивленъ, узнавъ, что этотъ же самый отчетъ, точнѣе односторонне подобранныя изъ него цитаты служатъ Марксу для доказательства совершенно обратнаго тезиса, именно объ ухудшеніи положенія рабочаго класса въ третью четверть XIX вѣка. Вотъ примѣры тенденціознаго извращенія дѣйствительности, которое мы вынуждены констатировать здѣсь у Маркса. Читатель видѣлъ, что коммиссары отмѣчаютъ *дѣйствительное* улучшеніе въ положеніи рабочаго класса, а одинъ изъ нихъ прямо указываетъ, что ростъ денежной платы превышалъ поднятіе цѣнъ на предметы необходимости. Игнорируя эти опредѣленныя заявленія, Марксъ стремится доказать, что „за этимъ кажущимся повышеніемъ (по Марксу отъ 20% до 60%, а на самомъ дѣлѣ до 100%) кроется дѣйствительное пониженіе, такъ какъ оно совершенно не соотвѣтствуетъ повышенію цѣнъ на необходимѣйшіе предметы существованія, которое произошло за это время“ (Капиталъ, I, 618) Въ доказательство приводится сопоставленіе средняго еженедѣльнаго расхода на содержаніе одного человѣка въ ирландскихъ рабочихъ домахъ въ 1849 и 1869, причемъ расходъ на одежду оказывается возросшимъ вдвое, а на продовольствіе болѣе чѣмъ вдвое. Что можетъ доказывать этотъ отчетъ, когда мы не знаемъ даже, оставался-ли неизмѣннымъ способъ содержанія или веденія хозяйства въ рабочемъ домѣ? Извѣстно лишь достовѣрно, что цѣны на хлѣбъ и на мясо за это время повысились всего на нѣсколько процентовъ, а не вдвое, одежда же могла только удешевиться, во всякомъ случаѣ ея удорожаніе вдвое является абсурдомъ. Второй примѣръ: цитируя описаніе жилищныхъ условій, которыя были ужасны, но все же лучше, чѣмъ до голода, Марксъ говоритъ: „намъ извѣстно, каково было положеніе ихъ жилья въ 1846 году. Съ тѣхъ поръ оно ухудшилось“ (619). За провѣркой даннаго положенія Марксу слѣдовало бы обратиться къ ирландскимъ цензамъ, гдѣ статистика жилищъ (приведенная

Съ этимъ сходятся и свидѣтельства частныхъ лицъ. Напр. Murphy констатируетъ, что „заработныя платы (сельскихъ рабочихъ) въ Ирландіи теперь (1870) конечно, много выше, чѣмъ какіе-нибудь 20 лѣтъ назадъ“ [1]).

Буря, пронесшаяся въ началѣ 80 годовъ въ качествѣ перваго предвѣстника аграрнаго кризиса, не могла не отразиться тяжело на положеніи ирландскаго сельскохозяйственнаго рабочаго, который долженъ былъ вдвойнѣ ее почувствовать, и за Ирландію, и за Англію, гдѣ многіе изъ класса сельскихъ рабочихъ привыкли находить себѣ заработокъ. Въ отчетѣ Richmond' Commission мы читаемъ объ Ирландіи: „хотя сельскохозяйственная депрессія нанесла серьезный вредъ всѣмъ классамъ ирландскаго населенія, она оказала ужасное дѣйствіе на мелкихъ хозяевъ (не забудемъ, только что перенесшихъ чувствительный недородъ конца 70-хъ годовъ, продолжившійся, особенно въ своихъ послѣдствіяхъ, и на начало 80-хъ годовъ), но еще ужаснѣе оно оказалось на многочисленный классъ, существующій частью воздѣлываніемъ мелкихъ клочковъ, а частью наемнымъ трудомъ, рыболовствомъ и под.“ [2]). Опять даетъ себя чувствовать перенаселеніе, быть можетъ, не совсѣмъ исчезнувшее отъ 40-хъ годовъ, но теперь, конечно, усилившееся вліяніемъ депрессіи на систему хозяйства. Жалобы на перенаселеніе повторяются и въ отчетѣ Richmond' Commission [3]). Нѣкоторыя свидѣтельства коммиссіи показываютъ,

---

выше) дала бы ему матеріалъ для сужденія и убѣдила бы его въ ошибочности этого положенія.

[1]) *Murphy*, l. c., 204 — 5 (см. также выше). Торнтонъ во 2-мъ изданіи своей A plea for peasant proprietors (въ 1874 году), также отмѣчаетъ улучшеніе въ положеніи ирландскаго населенія сравнительно съ временемъ перваго изданія книги (1848).

[2]) Preliminary Report of the Assistant Commissioners for Ireland. 1881. Стр. 3.

[3]) Въ Preliminary Report from Her Majesty's Commissioners on Agriculture. 1881, читаемъ: „несообразно и несправедливо высокая рента.... составляетъ главное зло въ отношеніяхъ между лэндлордами и фермерами въ Ирландіи, для котораго законодательство еще не изобрѣло дѣйствительнаго средства. Причины этого тяжелаго зла, которое встрѣчается даже въ Ольстерѣ при существованіи узаконеннаго обычнаго фермерскаго права, нетрудно указать. Онѣ лежатъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что ирландскій фермеръ въ большинствѣ случаевъ неспособенъ найти никакого другого занятія или средствъ къ жизни кромѣ земледѣлія“... (21). Въ Prel. Rep. of. As. Com. f. Ir., 1881, читаемъ: „наши изслѣдованія на за-

что старинная бѣдность, уменьшившись количественно, далеко не можетъ считаться окончательно изчезнувшей изъ Ирландіи [1]).

Самыя послѣднія свѣдѣнія о положеніи сельскаго рабочаго даетъ Commission on Labour. Общій итогъ данныхъ этой коммиссіи тотъ, что положеніе рабочаго класса непрерывно улучшалось (съ нѣкоторыми исключеніями), несмотря на кризисъ, что слѣдуетъ, конечно, приписать благодѣтельному дѣйствію эмиграціи. Приведемъ нѣсколько отзывовъ изъ отчетовъ коммиссіи. Коммиссаръ Mc Crea говоритъ [2]): „норма заработной платы регулярныхъ рабочихъ, повидимому, до сихъ поръ не сильно затронута аграрной депрессіей, но почти повсюду существуетъ стремленіе обходиться съ меньшимъ количествомъ рабочихъ нежели прежде; прочныхъ улучшеній почти не дѣлается, больше земли обращается подъ пастбища, и часто не съ прежней тщательностью содержатся дороги, изгороди и под. Эти причины неблагопріятно повліяли, а втеченіе теперешней депрессіи должны еще повліять на заработки непосредственныхъ (casual) рабочихъ, въ особенности въ бѣдныхъ округахъ, и такъ какъ здѣсь мало надежды на улучшеніе, то единственнымъ средствомъ помощи здѣсь является пе-

---

падѣ и югѣ, а также въ такихъ частяхъ Ольстера, какъ Донегалъ и южная часть Арма. убѣдили насъ въ весьма большой серьезности и важности слѣдующихъ обстоятельствъ, къ которымъ мы и хотимъ привлечь общественное вниманіе: хотя кое-что и можетъ быть сдѣлано для тѣхъ округовъ, которые обременены перенаселеніемъ, бѣдность и голодовки должны періодически посѣщать эти округа. Эмиграція есть, вѣроятно, средство наиболѣе здѣсь пригодное. Эмиграція или колонизація есть естественный способъ устраненія избыточнаго населенія и предотвращенія чрезмѣрнаго раздробленія земли“ (4).

[1]) „Мы посѣтили сотни фермъ и нашли хозяевъ большинства изъ нихъ въ такомъ плачевномъ положеніи, что мы чувствуемъ неспособность описать его достаточно. Мы опять находили жилища изъ одной только комнаты, гдѣ жила и свинья или рогатый скотъ, а иногда и то, и другое. Во многихъ другихъ жилищахъ въ County Mayo мы находили навозъ посрединѣ единственной комнаты. Земля воздѣлывается нищенски. Способы земледѣлія въ отдаленныхъ округахъ и соціальное положеніе народа такъ низко, какъ только можетъ быть“. (Pr. Rep. of. As. Comm. f. Irel., стр. 3).

[2]) Royal Commission on labour. The agricultural labourer. Vol IV. Ireland. Four Parts. Part I. Reports by R. Mc. Crea (Assistant. Commissioner) upon certain selected districts of counties: Antrim, Armagh, Donegal, Down, Fermanagh; Leitrim, Londonderry, Longford, Louth, Meath, Monaghan, Sligo, Tyron, and Westmeath. 1893, стр. 11—15.

реселеніе въ городъ или эмиграція". — „Положеніе очень мелкихъ хозяевъ не представляетъ существенныхъ отличій отъ положенія коттера. Фактически и онъ есть наемный рабочій, но часто находящійся въ столь неблагопріятной мѣстности, что тамъ существуетъ лишь слабый спросъ на его трудъ... Тамъ, гдѣ занятій не хватаетъ, молодежь обоего пола переселяется въ лучшіе округа въ качествѣ слугъ, а нѣкоторые изъ мужчинъ періодически отправляются въ Англію или Шотландію за поисками мѣста". Коммиссаръ отмѣчаетъ, однако, незначительное развитіе пауперизма. „Въ общемъ, хотя положеніе сельскихъ рабочихъ въ посѣщенныхъ мною округахъ не можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ, оно, конечно, лучше, чѣмъ когда бы то ни было раньше. Норма заработной платы повсемѣстно возрасла, между тѣмъ какъ низкая цѣна хлѣба и платья позволяетъ рабочему жить и одѣваться лучше, онъ имѣетъ безплатное обученіе и медицинскую помощь. При данномъ положеніи вещей общее мнѣніе таково, что въ сѣверныхъ земледѣльческихъ округахъ рабочій получаетъ столько, сколько лишь можетъ платить фермеръ, принимая во вниманіе господствующую депрессію. Съ другой стороны, жилища часто неудовлетворительны, а иногда и очень плохи, и такъ какъ рабочій рѣдко связанъ съ землей, онъ эмигрируетъ съ меньшей неохотой, нежели мелкій фермеръ" [1]). Коммиссаръ O'Brien говоритъ [2]): „въ общемъ итогѣ можно, я думаю, съ нѣкоторою увѣренностью утверждать, что почти во всемъ, что касается положенія всѣхъ частей этого класса безъ различія, произошло замѣтное и существенное улучшеніе за послѣдніе 10—15 лѣтъ. Три главныхъ причины можно указать этому: 1) возросшій спросъ на трудъ вслѣдствіе эмиграціи, 2) чувствительное пониженіе стоимости жизненныхъ средствъ за это время, 3) благодѣянія, оказанныя значительному числу рабочихъ законодательствомъ послѣднихъ лѣтъ относительно устройства домовъ... Тотъ центральный фактъ, что въ послѣдніе годы сравнительно съ предшество-

---

[1]) Коммиссаръ, однако, замѣчаетъ: „при оцѣнкѣ положенія ирландскаго рабочаго нельзя прилагать англійской мѣрки. Ирландскій рабочій не можетъ такъ упорно работать, зато его потребности даже не приближаются къ потребностямъ англійскаго рабочаго" (12 и далѣе).

[2]) Part II. Reports by Mr. W. P. O'Brien (Assistant Commissioner) upon certain selected districts in counties Carlow, Cork, Clare, Kerry, Kilkenny, King's, Limerick, Queen's, Tipperary, Waterford, and Wicklow. 1893. Стр. 19.

вавшими произошло замѣтное улучшеніе, не допускаетъ для меня никакого сомнѣнія".

Общее улучшеніе въ положеніи сельскаго рабочаго отмѣчаетъ и коммиссаръ Fox [1]), лишь коммиссаръ Richards не отмѣчаетъ улучшенія относительно изслѣдуемыхъ имъ округовъ [2]), и рисуетъ положеніе тамъ населенія мрачными и тяжелыми чертами.

Все предыдущее изложеніе, я полагаю, вполнѣ оправдываетъ слѣдующее общее заключеніе, формулированное Гриншоу: „Ирландія въ разсматриваемый періодъ обнаружила прогрессъ въ цивилизаціи и матеріальномъ благосостояніи; сравнялась-ли она въ этомъ съ другими странами, есть особый вопросъ. Можетъ быть, она могла бы обнаружить и еще большій прогрессъ, но если мы вспомнимъ то страшное разореніе, которое имѣло мѣсто съ начала столѣтія и которое произошло во время великаго голода 1846—47 и 1848 годовъ, можетъ оказаться, что Ирландія обнаружила наиболѣе быстрый прогрессъ и оправилась отъ состоянія почти совершенной нищеты полнѣе, нежели могла бы оправиться и когда-либо оправлялась всякая другая страна [3]). Ирландія есть единственная страна, по крайней мѣрѣ, въ новое время, гдѣ абсолютная убыль населенія сопровождается ростомъ общественнаго богатства и благосостоянія.

Трудно сказать что-нибудь опредѣленное относительно вѣроятнаго будущаго экономическаго развитія Ирландіи, оно темно также, какъ и будущее Англіи. Мы склонны думать, что для Ирландіи, послѣ неопредѣленно продолжительнаго періода дальнѣйшей убыли или неподвижнаго состоянія населенія, еще наступятъ свѣтлые дни, когда ея экономическое значеніе поднимется, а населеніе станетъ снова увеличиваться. Это можетъ произойти послѣ окончанія теперешняго аграрнаго кризиса, когда европейское земледѣліе снова займетъ свое мѣсто въ народномъ хозяйствѣ Европы, и земледѣльческія страны, въ томъ числѣ Ирландія, по своей хозяйственной важности изъ послѣднихъ станутъ первыми. Прогрессъ ирландскаго земледѣлія и приростъ населенія совершится, всего вѣроятнѣе, развитіемъ и усиленіемъ крестьянства, являющагося перво-

---

[1]) Reports by Arthur Wilson Fox upon... Cork, Mayo, Roscommon, and Westmeath (Part IV, 38—42).

[2]) Reports by Roger C. Richards upon... Cavan, Dublin, Galway, and Tipperary (Part III).

[3]) *Grimshaw*, l. c., I, 58.

источникомъ населенія. Иной путь,—приростъ населенія въ формѣ наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, почти невозможенъ, насколько можно судить на основаніи прошлаго опыта исторіи. Что касается, наконецъ, вѣроятнаго будущаго аграрныхъ отношеній, то ждать въ ближайшемъ будущемъ исчезновенія спеціально ирландской системы землевладѣнія и землепользованія и обращенія земли въ собственность непосредственныхъ производителей, въ крестьянскую собственность, не видится никакихъ основаній. Путь, уже намѣтившійся въ исторіи, есть дальнѣйшее развитіе арендnаго права, приближающее содержаніе правъ арендатора къ правамъ собственника по размѣру гарантій его правъ; для Ирландіи, сверхъ того, остается открытымъ путь болѣе или менѣе полной національзаціи земельной ренты посредствомъ высокихъ налоговъ; это предполагаетъ, однако, цѣлый рядъ соціальнополитическихъ условій, въ настоящее время отсутствующихъ.

Итакъ, Ирландія дала намъ поучительную иллюстрацію къ ученію о значеніи населенія и его отношенія къ ёмкости территоріи въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Исторія Ирландіи до голода 1846—47 гг. дала отрицательную иллюстрацію этого ученія, картину нарушенія правильнаго соотношенія между земельной площадью и населеніемъ, а вся послѣдующая эпоха иллюстрируетъ это же ученіе съ политической стороны, обнаруживая хозяйственное значеніе постепеннаго приспособленія населенія къ дѣйствительной ёмкости земледѣльческой территоріи.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Экономическія особенности колоніальнаго развитія капитализма.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

1) Основныя черты развитія народнаго хозяйства въ Соединенныхъ Штатахъ.

Развитіе капиталистическаго производства въ Европѣ является, въ извѣстномъ смыслѣ, вынужденнымъ необходимостью дальнѣйшаго уплотненія населенія. Оно порождается оскудѣніемъ свободныхъ и несвободныхъ даровъ природы, законъ убывающаго плодородія почвы, этотъ бичъ человѣчества, а вмѣстѣ и самый надежный его руководитель по пути прогресса, стоитъ у колыбели капитализма, повелительно требуя перехода къ новой, высшей формѣ производства. Нищета и перенаселеніе характеризуютъ общественное состояніе въ началѣ капиталистическаго развитія. Дѣломъ капитализма является уврачевать эту нищету повышеніемъ производительности человѣческаго труда, устранить первоначальное перенаселеніе повышеніемъ ёмкости территоріи относительно населенія. Мы видѣли, что состояніе населенія (и перенаселенія) задаетъ тонъ всему капиталистическому развитію. Съ нимъ связаны судьбы рабочаго класса, который отъ нищеты перенаселенія поднимается до высокаго культурнаго уровня, причемъ экономія высокой заработной платы заступаетъ мѣсто экономіи низкой. Съ нимъ связаны судьбы земледѣлія, ибо волна перенаселенія, поднимая крупное хозяйство, опускаетъ крестьянское, напротивъ, по минованіи состоянія перенаселенія, ослабѣваетъ крупное хозяйство и укрѣпляется мелкое.

Указанное значеніе популяціонистическато момента въ развитіи

капитализма превосходно выясняется, хотя и чисто отрицательнымъ путемъ, исторіей экономическаго развитія *колоній*, образующихъ относительно Европы какъ бы вогнутую сторону рельефа. Характерную черту колоніальнаго развитія мы будемъ изучать на исторіи величайшей колоніальной страны — Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Прежде всего, что такое колонія? Уэкфильдъ, который остается и по настоящее время непревзойденнымъ въ качествѣ теоретика колоніальнаго развитія, даетъ слѣдующее опредѣленіе колоній [1]): „для существованія колоніи необходимы два условія: во-первыхъ, свободныя земли, т. е. земли, не находящіяся въ собственности частныхъ лицъ, но доступныя каждому при посредствѣ правительства; во-вторыхъ, переселеніе туда, передвиженіе людей съ цѣлью поселенія на новомъ мѣстѣ“.

Колонія имѣетъ, такимъ образомъ, массу свободныхъ земель, здѣсь не только нѣтъ перенаселенія [2]), но недостатокъ населенія,

---

[1]) *E. G. Wakefield.* England and Amerika. A Comparison of the social and political state of both nations. New-York. 1834. Стр. 238. Популярное изложеніе взглядовъ, выраженныхъ въ этомъ въ высшей степени замѣчательномъ сочиненіи, самъ авторъ далъ въ A view on the art of colonization, with present reference to the british empire; in letters between a statesman and a colonist. Edited by (one of the writers) *Edward Gibbon Wakefield.* London. 1849. Новѣйшую біографію и характеристику дѣятельности Уэкфильда см. у *R. Garnett.* Gdward Gibbon Wakefield. The colonization of South Australia and New Zealand. London 1898. (въ серіи Builders of Great Britain). Марксъ далъ Уэкфильду, по моему мнѣнію, несправедливую и пристрастную оцѣнку, зачисливъ этого сильнаго мыслителя по штату „апологетовъ“. Онъ играетъ словами, особой, ему свойственной, манерой, когда говоритъ: „Wakefield оказалъ большую заслугу не тѣмъ, что открылъ что-нибудь новое относительно колоній, но тѣмъ, что въ колоніяхъ открылъ истину капиталистическихъ отношеній въ Европѣ“ (Кап. I, 669), а въ примѣчаніи говоритъ: „немногія свѣтлыя мѣста, встрѣчающіяся у Уэкфильда о сущности самыхъ колоній, положительно предвосхищены Мирабо отцомъ, физіократами и еще раньше англійскими экономистами, напр. Culperer, Child и другими“ (ib.). Что можно сказать на это общее мѣсто? Изъ приводимыхъ ниже выдержекъ читатель увидитъ, съ какой ясностью понималъ Уэкфильдъ основныя особенности колоніальнаго развитія.

[2]) Эта счастливая особенность развитія Соединенныхъ Штатовъ прекрасно выражена у Mayo-Smith: „немногіе дѣйствительно понимаютъ, какъ изобиліе свободной земли упростило для насъ всѣ соціальные вопросы въ этой странѣ. Мы избѣгли опасности перенаселенія, этого страшилища европейскихъ странъ“. (*R. Mayo-Smith.* Emigration and Immigration. A study

который восполняется иммиграціей изъ старыхъ странъ, ибо собственнаго прироста населенія не хватаетъ. Развитіе населенія колоніальной страны, поэтому, непонятно, если не разсматривать его въ связи съ развитіемъ метрополіи, посылающей населеніе. Только европейская иммиграція могла сдѣлать возможнымъ столь головокружительный ростъ населенія Соединенныхъ Штатовъ въ теченіе XIX вѣка, неимѣющій себѣ равнаго въ исторіи[1]): тогда какъ населеніе самыхъ передовыхъ европейскихъ странъ удвоилось или утроилось, американское населеніе выросло въ нѣсколько десятковъ разъ. Вотъ цифры общаго роста населенія, причемъ отдѣльно показанъ естественный приростъ (native born) и иммиграція[2]).

Года.	*Населеніе.*	*Приростъ* (абсол.).	%	Естеств. приростъ (въ %)	Иммиграція.
1790	3,929,214	—	—	—	—
1800	5,308,483	1,379,269	35,10	—	—
1810	7,239,881	1,931,398	36,38	—	—
1820	9,633,822	2,393,941	33,07	—	—
1830	12,866,020	3,232,198	33,55	—	—
1840	17,069,453	4,203,433	32,67	—	—
1850	23,191,876	6,122,423	35,87	—	—
1860	31,443,321	8,251,445	35,58	77,05	22,95
1870	38,558,371	7,115,050	26,63	82,94	17,06
1880	50,155,783	11,597,412	30,08	89,29	10,76
1890	62,622,250[3])	12,466,467	24,86	79,39	20,61

---

in social science. London. 1890. Стр. 56). Не удивительно, что всѣ выдающіеся экономисты Америки, начиная съ Кэри и кончая Джорджемъ, являются отъявленными противниками ученія Мальтуса.

[1]) Поэтому ясно, какую грубую ошибку сдѣлалъ Мальтусъ, принявъ нормальнымъ типомъ приростъ населенія въ Соединенныхъ Штатахъ и вычисляя на основаніи его періодъ удвоенія населенія. Дѣйствительный приростъ населенія далеко опередилъ самыя мрачныя предположенія Мальтуса относительно его возможной быстроты.

[2]) Не нужно забывать, что и высокій процентъ собственнаго прироста населенія въ значительной степени обязанъ иммиграціи, которая состоитъ въ огромномъ большинствѣ изъ лицъ брачнаго возраста. На это справедливо указываетъ Mayo-Smith (ib. 58).

[3]) Кажущееся пониженіе прироста населенія за послѣднее десятилѣтіе объясняется болѣе точнымъ подсчетомъ населенія южныхъ штатовъ въ 1880 году сравнительно съ 1870; вслѣдствіе этого, получается черезчуръ большой приростъ въ періодъ 1870—80, и черезчуръ малый въ 1880—90 гг.

Но, если въ колоніяхъ отсутствуетъ первоначальное перенаселеніе, то отсутствуетъ и первоначальное накопленіе, — точнѣе, процессъ этотъ выполняется въ метрополіи, колоніи же получаютъ уже готовый, накопленный капиталъ изъ метрополіи. Колоніи являются въ нѣкоторомъ смыслѣ Аркадіей, безпечальною страной, которая не знаетъ самыхъ мучительныхъ стадій развитія промышленнаго капитализма,—стадій предкапиталистическаго перенаселенія и первоначальнаго накопленія. Онѣ пользуются плодами этого развитія, муки котораго пережила старая Европа, не зная унаслѣдованной и застарѣлой бѣдности, онѣ сразу вступаютъ въ стадію высокаго развитія производительности труда и народнаго богатства. Вотъ въ чемъ кроется одно изъ самыхъ основныхъ условій изумительнаго роста народнаго богатства въ Соединенныхъ Штатахъ.

Остановимся ближе на отношеніяхъ между колоніей и метрополіей. Первая и наболѣе непосредственная причина, почему высокопромышленная страна заинтересована въ колоніяхъ, есть законъ убывающаго плодородія почвы, благодаря которому является выгоденъ ввозъ земледѣльческихъ продуктовъ, подъ условіемъ вывоза промышленныхъ. Это было ясно уже Уэкфильду, который писалъ: „для такой страны, какъ Англія, главной цѣлью колонизаціи является получить вѣрные рынки для покупки дешеваго хлѣба, обезпечить постоянное предложеніе хлѣба, которое могло бы увеличиваться въ соотвѣтствіи спросу. Торговля—добавляетъ далѣе Уэкфильдъ,—которую должны вести англичане въ цѣляхъ пріобрѣтенія дешеваго хлѣба изъ колоній, можетъ быть двухъ родовъ: прямая и непрямая. Положимъ, что самый дешевый хлѣбъ можетъ быть производимъ въ Канадѣ; англичане могутъ покупать этотъ хлѣбъ мануфактурными продуктами Лидса, Манчестера и Бирмингэма; въ такомъ случаѣ, мы имѣемъ прямую торговлю. Но можетъ легко случиться, что жители Канады произведутъ хлѣба не больше, чѣмъ нужно англичанамъ, но больше, чѣмъ они могутъ купить на мануфактурные продукты. Другими словами, спросъ канадцевъ на англійскіе товары можетъ быть много меньше, чѣмъ спросъ англичанъ на канадскій хлѣбъ. Но жители Канады и помимо англійскихъ товаровъ, нуждаются во многихъ вещахъ, которыя не производятся въ Канадѣ, напр. они нуждаются въ

Сообщенный въ газетахъ предварительный подсчетъ ценза 1900 года опредѣляетъ цифру населенія Соединенныхъ Штатофъ въ 76,2 мил.

серебрѣ и чаѣ. Въ такомъ случаѣ, англичане могутъ купить своими мануфактурными товарами серебро и чай въ Китаѣ, а на этотъ чай и серебро купить хлѣба у жителей Канады“ (246). „Задачей (the object) колоній является покупать мануфактурные продукты на хлѣбъ и сырье, задачей старой страны — покупать хлѣбъ и сырье на мануфактурные товары“ (255—6).

Отношенія колоніальной страны и метрополіи строятся далѣе на возможности выгоднаго приложенія капиталовъ, принадлежащихъ метрополіи, въ колоніяхъ. Извѣстно, что прибыль на капиталъ также, какъ и заработная плата, въ колоніяхъ выше чѣмъ въ метрополіи. До извѣстной степени, этотъ высокій уровень и прибыли, и заработной платы зависитъ отъ одной и той же причины,—отъ слабости конкурренціи въ новыхъ странахъ и отъ изобилія здѣсь естественныхъ богатствъ, благодаря которому общая производительность труда весьма высока. Этотъ высокій уровень производительности труда превращаетъ здѣсь абсолютно-высокую заработную плату въ относительно низкую (чѣмъ и создается основа экономіи высокой заработной платы, этого, прежде всего, американскаго явленія).

Это значеніе колоній было также выяснено Уэкфильдомъ, который писалъ слѣдующее: „въ Америкѣ высоки какъ прибыль, такъ и заработная плата. Въ Америкѣ земля такъ хороша, она приноситъ столь обширный продуктъ труда и капитала, что всѣ, воздѣлывающіе ее, получаютъ очень много. Хорошей земли въ Америкѣ такъ много, что для каждаго нѣтъ никакой необходимости затрачивать свой трудъ и капиталъ менѣе производительно чѣмъ въ земледѣліи. Поэтому весь капиталъ, затрачиваемый въ Америкѣ, даетъ высокую прибыль и высокую заработную плату... Въ Англіи поле производства ограниченно... Это ограниченное поле производства такъ полно капиталистовъ, что они, соперничая между собою, понижаютъ прибыль до весьма низкаго уровня, и такъ полно рабочими, что они, конкуррируя другъ съ другомъ, уменьшаютъ заработную плату до весьма низкаго уровня... Въ Англіи оба класса, и капиталисты, и рабочіе, борются изъ-за мѣста (room). Потому низкая прибыль и низкая заработная плата обязаны своимъ происхожденіемъ ограниченности поля производства для труда и капитала“ [1]).

[1]) l. c. 81—82. Въ другомъ мѣстѣ Уэкфильдъ говоритъ: „Соединенные Штаты, конечно, представляютъ колонію, въ томъ смыслѣ, въ какомъ

Въ слѣдующей главѣ мы разсмотримъ, въ какомъ отношеніи между собою находятся обѣ функціи колоній относительно метрополіи: рынка для хлѣба и сырья съ одной стороны, и мѣста для выгоднаго помѣщенія капитала съ другой. Здѣсь же отмѣтимъ, что только обильный приливъ европейскаго капитала въ связи съ богатствомъ производительныхъ силъ могли создать столь колоссальный ростъ народнаго богатства, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ [1]). Усчитать хотя приблизительно количество европейскаго капитала, помѣщеннаго въ предпріятіяхъ Соединенныхъ Штатовъ, нѣтъ возможности, несомнѣнно однако, что оно огромно [2]). Притомъ значеніе европейскаго капитала для экономическаго развитія Америки превышаетъ въ значительной мѣрѣ то, которое онъ могъ бы имѣть лишь по абсолютнымъ своимъ размѣрамъ, ибо въ такой странѣ, какъ Америка, съ необычайной быстротой совершается дальнѣйшее воспроизводство и накопленіе капитала, такъ что европейскій капиталъ сыгралъ здѣсь роль лишь фермента, возбудившаго броженіе. Я ограничусь косвенной, но весьма выразительной иллюстраціей размѣровъ европейскаго капитала въ

здѣсь это слово употребляется. Они получаютъ населеніе изъ старыхъ государствъ, и посылаютъ еще большее количество народа на новыя мѣста. Побудительный мотивъ для иммиграціи капитала и населенія представляется діаметрально противоположнымъ тому, который побуждаетъ къ эмиграціи капиталъ и населеніе изъ старой страны. Старая страна нуждается въ расширеніи поля для приложенія труда и капитала, колоніи нуждаются въ большемъ количествѣ труда и капитала для воздѣлыванія необъятнаго поля. Приливъ труда и капитала въ Англіи увеличилъ бы конкурренцію и недовольство среди капиталистовъ, и конкурренцію и нищету среди рабочихъ; приливъ труда и капитала въ Америку увеличилъ бы богатство и величіе этой колоніи“ (l. c. 255).

[1]) Весьма поучительныя сопоставленія читатель найдетъ по этому поводу въ добросовѣстной работѣ *Б. Ф. Брандта*. Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Часть первая. С.-Петербургъ 1898. Глава VIII. Сопоставленія, сдѣланныя здѣсь г. Брандтомъ, освобождаютъ меня отъ обязанности статистическаго доказательства значенія иностранныхъ капиталовъ въ Соед. Штатахъ. Ср. еще *И. И. Янжулъ*. Промысловые синдикаты, стр. 274, 278 и далѣе. О задолженности Соединенныхъ Штатовъ предъ Европой см. также у *Totis*. Die wirtschaftliche Verhältnisse der Vereinigten Staaten von America in ihrer Rückwirkung auf diejenigen Europa's. Berlin. 1881.

[2]) По оцѣнкѣ 11-го ценза (такъ наз. true valuation), конечно, приблизительной, все богатство Соед. Штатовъ съ 1850 по 1890 выросло съ 7,135,780,228 долл. до 65,037,091,197 долл., на голову населенія съ 308 долл. до 1,036.

Америкѣ. Это данныя внѣшней торговли Соединенныхъ Штатовъ, имѣющихъ активный балансъ, который объясняется, конечно, тѣмъ, что много товаровъ уходитъ въ Европу безъ эквивалента, составляя прибыль на европейскій капиталъ въ Америкѣ. Отчасти это превышеніе вывоза надъ ввозомъ можетъ быть отнесено на уплату „морскому извощику“ — Англіи, на корабляхъ которой совершается значительная часть американской торговли. Но этой уплатой не можетъ быть объясненъ активный балансъ, ибо услугами Англіи пользуются многія страны, не имѣющія, однако, изъ-за этого активнаго баланса (цифры морской торговли см. въ примѣчаніи [1]).

Спеціальная торговля (т. е. за исключеніемъ транзита) Соединенныхъ Штатовъ составляла [2]):

	Ввозъ (въ долларахъ).		Вывозъ (въ долларахъ).	
	Товаровъ.	Благор. мет. въ слитк. и мон.	Товаровъ.	Благор. мет. въ слитк. и мон.
1871	505,802.000	7,231,000	428,399,000	84,403,000
1881	624,214,000	105,395,000	883,926.000	14,227,000
1891	832,706,000	26,579,000	872,270,000	98,973,000
1898	616,050,054	—	1,200,291,913	—

[1]) О роли Англіи въ міровой торговлѣ даютъ понятіе слѣдующія цифры: изъ общаго количества тоннъ (tonnage) въ 1896 году на долю британскихъ судовъ приходилось 30,289,718 тоннъ, а на долю прочихъ лишь 12,187,741. Вотъ свѣдѣнія о томъ, какая часть торговли велась на собственныхъ судахъ и какая на чужихъ въ важнѣйшихъ государствахъ (въ тоннахъ):

		1885	1890	1895
Соед. Штаты.	Свои	2,808,575	3,390,017	3,615,658
	Чужія	9,687,700	12,039,032	13,407,987
Франція.	Свои	4,755,717	4,712,506	4,417,427
	Чужія	8,471,785	9,911,166	9,712,797
Евр. Россія.	Свои	457,914	454,762	597,078
	Чужія	4,913,536	5,553,584	7,527,474
Германія.	Свои	3,497,623	4,657,365	5,138,470
	Чужія	4,497,952	5,929,271	6,893,467
Соед. Кор.	Свои	23,498,591	27,195,157	29,516,644
	Чужія	9,010,631	10,253,000	11,020,639

[2]) См. Statistical abstracts for foreign countries. Тамъ же полная статистика съ 1860 по 1898 годъ.

Проценты на занятый капиталъ Соединенные Штаты платятъ Европѣ по преимуществу хлѣбомъ и сырьемъ, составляющимъ относительно наибольшую долю въ американскомъ экспортѣ, такъ что, можно сказать, торговля ихъ съ Европой до сихъ поръ сохраняетъ колоніальный характеръ, какъ по превышенію вывоза надъ ввозомъ, такъ и по составу вывоза.

Такъ, пищевые продукты составляли во всей сложности американскаго вывоза въ 1886 году 72,8%, въ 1892—78,7%, въ 1895—69,7%, а мануфактураты въ соотвѣтствующіе года 20,5%, 15,6% и 23,2% [1]).

Для Соединенныхъ Штатовъ, какъ колоніальной страны, чрезвычайно характерно, что развитіе капитализма, требующее болѣе или менѣе высокой плотности населенія, оказывалось совершенно невозможнымъ въ ту раннюю эпоху, когда каждый колонистъ находилъ для себя достаточное количество свободной земли. Территорія поглощала все населеніе, и не было того избытка земледѣльческаго населенія, которое оказывается, какъ мы знаемъ, необходимымъ условіемъ развитія капитализма. Франклинъ [2]) писалъ относительно своего времени (конца 18 вѣка): несмотря на большій, чѣмъ въ Европѣ, приростъ населенія, „территорія Сѣверной Америки настолько обширна, что потребуется много вѣковъ, чтобы заселить ее сполна.[3]) А пока она не будетъ сполна заселена, трудъ никогда не будетъ тамъ дешевъ, такъ какъ ни одинъ человѣкъ не остается

---

[1]) Ibid. Тамъ же подробныя свѣдѣнія о товарахъ, входящихъ въ каждую изъ категорій, и данныя за каждый годъ въ періодъ 1886—95.

[2]) *B. Franklin.* Observations concerning the increase of mankind and the peopling of countries (1751) въ Works, II, 313. Франклинъ является въ этомъ трактатѣ однимъ изъ видныхъ предшественниковъ Мальтуса: «нація... подобна полипу; удалите членъ ея и онъ скоро будетъ восполненъ; разсѣките ее на двое, и каждая изъ этихъ частей скоро восполнитъ недостающую половину. Такимъ образомъ, если вы имѣете достаточно мѣста и средствъ существованія, вы можете посредствомъ дѣленія получить десятокъ полиповъ изъ одного, вы можете сдѣлать десять націй изъ одной, и всѣ одинаково многочисленныя и могущественныя, или увеличить одну націю въ десять разъ въ числѣ и силѣ“ (ib. 320). Напротивъ, „если нація лишается какой-либо отрасли промышленности, и для населенія, занятаго въ этой отрасли, не найдется новаго занятія, она скоро лишится соотвѣтственнаго количества населенія“ (ib. 315—16) [Мотто къ исторіи Ирландіи]

[3]) Мы знаемъ уже, какъ преувеличилъ Франклинъ періодъ времени, нужный для заселенія Америки. Увы, такова участь почти всѣхъ соціальныхъ предсказаній!

здѣсь рабочимъ на продолжительное время, но основываетъ свое собственное хозяйство (plantation); никто не захочетъ быть наемникомъ въ промышленности, но отправляется въ мѣста новыхъ поселеній и тамъ основывается". Потому въ концѣ 18-го и началѣ 19-го вѣковъ въ сѣверныхъ штатахъ установляется мелкое хозяйство преимущественно натуральнаго характера; торговля была незначительна, въ промышленности господствовало мелкое производство, развитіе городовъ было также слабо (въ 1790 году процентъ городского населенія составлялъ 3,35%, число городовъ—6, въ 1800—3,97% и 6 городовъ, въ 1810—4,93% и 11 городовъ, въ 1820—4,93% и 13 городовъ, въ 1830—6,72% и 26 городовъ, въ 1840—8,52% и 44 города). Такой характеръ хозяйства сохранялся еще въ 30-хъ годахъ, во время Уэкфильда, который пишетъ: „ни одна часть американскаго населенія не является исключительно земледѣльческой, кромѣ рабовъ и ихъ предпринимателей. Свободные же американцы, которые воздѣлываютъ почву, имѣютъ много и другихъ занятій. Они часто строятъ сами свои дома и возятъ на рынокъ, какъ бы далекъ онъ ни былъ, свои продукты. Они являются прядильщиками и ткачами, они дѣлаютъ мыло и свѣчи, а равно и во многихъ случаяхъ сапоги и платье для собственнаго употребленія. Въ Америкѣ воздѣлываніе земли часто является второстепеннымъ занятіемъ кузнеца, мельника или лавочника" [1]).

Общее состояніе американской промышленности въ то время можетъ быть охарактеризовано слѣдующими словами Уго Раббено: сравнительно было развито лишь кораблестроеніе, но „въ общемъ американскія мануфактуры обнаруживаютъ мало признаковъ про-

[1]) *Wakefield.* England and America 28. Именно, чтобы пособить этому отсутствію наемныхъ рабочихъ, Уэкфильдъ придумалъ свою „system of colonisation". Если его средства и представляются сомнительными, тѣмъ не менѣе его стремленіе поставить на мѣсто полукультурнаго натурально-хозяйственнаго строя развитое капиталистическое производство, замѣнить низшую форму производства высшею, отнюдь не заслуживаетъ столь рѣшительнаго осужденія, какое оно встрѣтило со стороны Маркса. Марксъ склоненъ даже идеализировать экономическій бытъ фермеровъ, противопоставляя его самымъ тяжелымъ формамъ европейскаго капитализма; вопреки общимъ своимъ воззрѣніямъ, онъ является здѣсь экономическимъ реакціонеромъ. Черта эта вообще замѣтна у него, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы докапиталистическому хозяйству противопоставить капиталистическое и вынести изъ этого сопоставленія новый матеріалъ для обличенія послѣдняго.

игресса едва-ли дѣлаютъ какія-либо усилія подняться надъ уровнемъ мѣстнаго производства, достаточнаго лишь для того, чтобы удовлетворять непосредственныя нужды земледѣльца... Попытки прогрессивнаго развитія были весьма немногочисленны и не удавались, и, вообще говоря, движеніе въ направленіи капитализма еще не начиналось... Фабричная система еще не вытѣснила собою системы домашняго или индивидуальнаго труда. Въ процессѣ производства раздѣленія труда не существовало. Ученичество было весьма распространено, и ученики должны были обучаться всему производству, а не только одной какой-либо спеціальности, какъ въ настоящее время; башмачникъ долженъ былъ, напр., учиться всему производству, начиная отъ дубленія кожъ и кончая отдѣлкой башмака. Благодаря этому между мастеромъ и ученикомъ существовали болѣе близкія сношенія, чѣмъ въ наши дни. Отрасли промышленности не составляли удѣла корпорацій. Въ употребленіи были немногія и притомъ грубыя орудія; не было ни умѣнья, ни средствъ строить машины... Въ Соединенныхъ Штатахъ паръ сталъ примѣняться въ промышленности только съ 1800 года; словомъ, почти всѣ промышленныя работы выполнялись руками. Къ этому отсталому состоянію промышленности присоединилось еще самое жалкое состояніе средствъ перевозки и сообщенія. Дороги были очень плохи, каналы, получившіе затѣмъ столь блестящее развитіе до введенія желѣзныхъ дорогъ, находились также въ примитивномъ состояніи, опыты пароходства относятся только къ 1807 году“ [1]).

При недостаткѣ рабочихъ рукъ крупное производство могло существовать только на основѣ несвободнаго труда. Рабство явилось поэтому экономической необходимостью въ колоніяхъ, разъ вообще была почва для крупнаго производства. Эта связь между колоніальнымъ характеромъ страны, изобиліемъ свободной земли и недостаткомъ рабочихъ рукъ—съ одной стороны и рабствомъ—съ другой была ясна еще Франклину [2]) и Уэкфильду [3]). Какъ мѣтко

[1]) *Hugo Rabbeno.* The american commercial policy. Three historical essays. London. 1895. Стр. 128—9. Ср. еще *Taussig.* The Tariff History of the United States. A series of essays. New York and London. Essay II. 1890. Также *Carrol Wright,* The industrial evolution of the United States. 1895.

[2]) Franklin, l. c. 315.

[3]) England and Amerika, а также A view etc. Настоящимъ теоретикомъ экономіи рабскаго труда является Кэрнсъ въ своемъ сочиненіи. The slave power. 2-nd ed. 1863, давшій исчерпывающее изложеніе причинъ и условій

замѣчаетъ ученикъ Уэкфильда Меривэль, „если земли много, а населенія мало, возможны только двѣ формы общества,—рабства или феодализма и равенства“ [1]). Наряду съ рабствомъ негровъ, другой формой обезпеченія трудомъ крупнаго предпріятія являлось и временное закабаленіе бѣлыхъ, по преимуществу, за долги [2]).

Промышленность развивается первоначально, естественно, въ штатахъ Новой Англіи, гдѣ образуются первыя уплотненія населенія. „Періодъ отъ 1815 до 1830 годовъ въ Соединенныхъ Штатахъ К. Райтъ опредѣляетъ какъ періодъ переходнаго состоянія промышленности; онъ начинается введеніемъ фабричной системы и заканчивается болѣе или менѣе полнымъ ея распространеніемъ въ крупной текстильной промышленности; медленно, но неуклонно она начинаетъ преобразовывать и другія отрасли промышленности. Этотъ періодъ для Соединенныхъ Штатовъ былъ періодомъ образованія капиталистической промышленности. Съ 1817 года паръ вошелъ во всеобщее употребленіе на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ и винокуренныхъ заводахъ; въ 1823 году была дана первая концессія на постройку желѣзной дороги въ Пенсильваніи, а въ 1827 году начали строиться первыя желѣзныя дороги“ [3]). Съ тѣхъ поръ капиталистическое производство въ Соединенныхъ штатахъ стало развиваться довольно успѣшно, однако на пути этому развитію стояло рабство въ южныхъ штатахъ, сковывавшее всю промышленную жизнь страны. Естественно, что сѣверные штаты, гдѣ развивалась промышленность, стали во главѣ освободительной войны съ южными рабовладѣльческими штатами. Война кончилась побѣдой Сѣверныхъ Штатовъ,—южные штаты, лишившись своего экономическаго базиса — рабства,

---

выгодности и необходимости приложенія рабскаго труда на хлопчатобумажныхъ и сахарныхъ плантаціяхъ южныхъ штатовъ. Изъ новѣйшихъ сочиненій см. особенно *Ern. von Halle.* Baumwollerproduction und Pflanzungswirtschaft in den nordamerikanischen Südstaaten. Erster Theil Die Sclavenzeit. Leipzig. 1897 (Schmollers Forschungen Band XV, H. I), стр. 39, 189 и др.

[1]) *H. Merivale.* Lectures on colonization and colonies delivered before the University of Oxford in 1839, 1840 and 1841. New ed. London. 1861. Стр. 613. Ср. характеристику у *A. Tocnueville.* De la democratie eq Amerique, 2-me ed. Paris. 1830. I. Стр. 84—5.

[2]) См. превосходную характеристику организаціи труда въ колоніяхъ у *Sartorius von Waltershausen.* Die Arbeitsverfassung der englischen Kolonien in Nordamerika Strassburg. 1884. Стр. 32—5.

[3]) Hubo Rabbeno, l. c., 161.

были окончательно сломлены [1]) и едва-едва начинаютъ оправляться отъ своего пораженія только теперь: рабство, хотя и умерло, но напоило своимъ ядомъ почву и надолго убило здѣсь ростки новаго экономическаго развитія. Умирая, оно оставило грядущимъ временамъ одичаніе нравовъ и *негрскій* вопросъ, вопросъ для успѣшнаго гражданскаго развитія Соед. Штатовъ весьма жгучій и серьезный. Но здѣсь не мѣсто останавливаться на этомъ вопросѣ. Послѣ войны промышленность Соед. Штатовъ начинаетъ развиваться съ необыкновенной быстротой. Это ясно прежде всего изъ быстроты роста городского населенія, которое составляло въ 1850 году—12,49% (85 городовъ). а въ 1890 уже 29,20% (448 городовъ). Еще болѣе это явствуетъ изъ статистики распредѣленія населенія по профессіямъ; сопоставленіе можетъ быть сдѣлано, къ сожалѣнію, только для 1880 и 1890 годовъ. Промышленное населеніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

	1890 годъ.				1880 годъ.			
	Мужчинъ.	%	Женщинъ.	%	Мужчинъ.	%	Женщинъ.	%
I. Земледѣліе, рыболовство, горное дѣло .	8,333,813	44,28	679,523	17,36	7,409,970	50,25	594,654	22,46
II. Профессіональныя услуги (professional service)	632,646	3,36	311,687	7,96	425,947	2,89	177,255	6,70
III. Домашнія и личныя услуги	2,692,879	14,31	1,667,698	4,26	2,321,937	15,75	1,181,506	44,63
IV. Мануфактурная и механическая промышленность.	4,064,051	21,59	1,027,242	26,24	2,783,459	18,88	630,890	23,83
V. Торговля и транспортъ . .	3,097,701	16,46	228,421	5,84	1,803,629	12,23	62,852	2,38
Всѣ занятія .	18,821,090	100	3,914,571	100	14,744,942	100	2,647,159	100

[1]) См. объ этомъ *Claudio Jannet.* Les Etats Unis contemporains ou les moeurs, les institutions et les idées depuis la guerre de la sécession. 4-me ed. Paris 1889, t. II, 112. *J. Bryce.* The american commonwealth, 3-rd ed. London 1895. Vol. II, 471.

Общій ростъ американской промышленности ясенъ изъ слѣдующихъ сопоставленій [1]). (См. стр. 398).

Изъ этой таблицы явствуетъ не только необычайный ростъ промышленности, но и чрезвычайно быстрый ростъ концентраціи производства: достаточно сравнить движеніе числа заведеній, количества рабочихъ и капитала, чтобы видѣть, что первое увеличивается гораздо медленнѣе второго и средніе размѣры предпріятія, слѣдовательно, растутъ. Эта концентрація производства станетъ еще яснѣе, если мы приведемъ данныя объ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. (См. стр. 399 и 400).

Рѣзко выраженная концентрація производства въ Америкѣ является вполнѣ понятной въ виду того, что характеръ развитія, не связаннаго здѣсь историческими путами всякаго рода, какъ въ Европѣ, опредѣляется болѣе всего требованіями экономической цѣлесообразности [2]). Здѣсь нѣтъ также застарѣлыхъ и устарѣлыхъ мелкихъ формъ производства, которыя мы наблюдаемъ въ Европѣ, нѣтъ, прежде всего, домашней промышленности въ европейскихъ размѣрахъ. Въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ sweating system начинаетъ развиваться и въ Соединенныхъ Штатахъ (въ Нью-Іоркѣ, въ Чикаго и нѣк. др. большихъ городахъ) именно въ Confections-industrie [3]), — въ производствѣ платья и бѣлья, мы наблюдаемъ

[1]) Report on Manufacturing Industries in the United States ot the Eleventh Census. Part I. Washington. 1895. Стр. 4. Характеристику промышленнаго развитія Соединенныхъ Штатовъ, кромѣ цит. соч. Райта, см. еще у него же: *Carroll D. Wright.* Outline of practical Sociology. New York. 1899. Далѣе въ сочиненіяхъ американскаго статистика Аткинсона: The industrial progress of the nation. N. Y, 1890. См. его же въ сводномъ сочиненіи, подъ общей редакціей *N. S. Shaler.* The United States. Study of the American Commonwealth. 2 vols. London. 1894. Далѣе см. еще цѣнное сочиненіе *E. Levasseur.* L'ouvrier americain 2 vol. Paris 1898. *D. A. Wells.* Recent economic changes. 1890.

[2]) „Американцы охотно соглашаются, что наша европейская концентрація промышленности значительно отстала сравнительно съ американской. Правда, концентрація нашла въ С. Шт. исключительно благопріятныя условія, развитіе машиннаго производства, побуждаемое высокой заработной платой, развитіе духа предпріимчивости, вошедшей въ пословицу, наконецъ, новую страну, богатую, неистощенную. Концентрація распространяется здѣсь на нѣкоторыя отрасли промышленности, до сихъ поръ остающіяся въ Европѣ дѣломъ мелкихъ предпріятій“ и т. д. *P. de. Rousiers.* Les industries monopolisées (*Trusts*) aux Etats Unis. Paris. 1898. Стр. 322—3.

[3]) Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о новѣйшемъ развитіи Sweating system въ городахъ С. Шт. и о мѣрахъ законодательной борьбы съ нею см. у *Levasseur.* L'ouvrier americain, t. I, ch. VII.

	1850	1860	% прироста.	1870	% прироста.	1880	% прироста.	1890	% прироста.
Число заведеній . .	123,025	140,433	14,15%	252,148	79,55	253,502	0,54	322,638	27,27
Капиталъ (долл.) .	533,245,351	1,109,855,715	89,38	1,694,567,015	67,80	2,780,766,895	64,10	6,139,397,785	120,78
Число employés . .	957,059	1,311,246	37,01	2,053,996	56,64	2,700,732	31,49	4,476,884	65,77
Общая сумма зараб. платы (въ долл.) .	236,755,464	378,878,966	60,03	620,467,474	63,76	939,462,252	51,41	2,171,750,183	131,17
Стоимость матеріала (въ долл.) . .	555,123,822	1,031,605,092	85,83	1,990,741,749	92,98	3,395,925,153	70,59	5,021,453,326	47,87
Стоимость продукта (въ долл.) . .	1,019,106,616	1,885,861,676	85,05	3,385,860,354	79,54	5,349,191,458	57,99	9,056,764,996	69,31

	Годы.	Число заведеній.	Капиталъ (въ долларахъ).	Среднее количество капит. на завед.	Среднее колич. капит. нужное на продуктъ цѣнности въ 100 долл.	Среднее количество служащихъ.	Валовой продуктъ (въ долл.).	Чистый продуктъ (въ долл.).
I. Земледѣльч. орудія .	1880	1,943	62,109,668	31,966	90,49	20	35,327	19,099
	1890	910	145,313,997	195,686	178,80	47	89,310	54,581
II. Сапоги и башмаки (механ. произв.)	1880	1,959	42,494,028	21,947	25,89	57	84,763	32,470
	1890	2,082	95,282,311	45,765	43,18	67	105,980	48,926
III. Кирпичъ и черепица	1880	5,631	27,673,616	4,915	84,28	12	5,831	4,095
	1890	5,828	82,528,566	14,169	121,85	19	11,628	9,460
IV. Сыръ, масло, сгущ. молоко	1880	3,932	9 604,803	2,443	37,31	2	6,547	1,877
	1890	4,712	16,624,163	3.528	26,52	3	13,303	2,403
V. Мужская одежда . .	1880	6,166	79,861,696	12,952	38,11	26	33,985	12,680
	1890	18,658	182,552,938	9,784	48,29	13	20,261	10,644
VI. Хлопчато-бум. издѣлія	1880	1,005	219,504,795	218,413	104,06	185	209,901	96,701
	1890	905	354,020,843	391,183	132,11	245	299,112	124,938
VII. Мукомольное дѣло	1880	24,338	177,361,878	7,287	35,11	2	20,757	2,615
	1890	18,470	208,473,500	11,287	40,56	3	27,827	4,322
VIII. Литейное дѣло и произв. машинъ	1880	4,958	154,519,484	31,166	72,08	29	43,239	22,395
	1890	6,475	382,798,337	59,119	92,75	38	63,738	37,306
IX. Стекло	1880	211	19,844,699	94,051	93,81	115	100,259	62,208
	1890	294	40,966,850	139,343	99,80	156	139,629	98,333
X. Вязальные товары .	1880	359	15,579,591	43,397	53,41	80	81,246	38,875
	1890	796	55,607,738	63,578	75,26	77	84,474	39,421

	Годы.	Число заведеній.	Капиталъ (въ долларахъ.	Среднее количество капит. на завед.	Среднее колич. капит. нужное на продуктъ цѣнности въ 100 долл.	Среднее количество служащихъ.	Валовой продуктъ (въ долл.).	Чистый продуктъ въ долл.).
XI. Кора, дубленая и выдѣланная	1880	4,245	67,100,574	12,371	36,33	6	34,052	7,272
	1890	1,596	81,261,696	50,916	58,77	22	86,643	23,914
XII. Очищенные напитки	1880	844	24,247,595	28,729	59,05	8	48,654	15,781
	1890	440	31,006,176	70,469	29,77	12	236,813	202,929
XIII. Солодовые напитки	1880	2,191	91,208,224	41,629	90,25	12	46,124	20,183
	1890	1,284	232,471,290	186,275	127,22	28	146,420	95,135
XIV. Бумага	1880	692	46,241,202	66,823	83,91	35	79,639	30,576
	1890	567	82,379,099	145,281	110,85	52	131,057	56,589
XV. Кораблестроеніе . .	1880	2,188	20,979,874	9,589	57,01	10	16,819	7,799
	1890	2,010	53,393,074	52,864	132,35	26	39,943	23,185
XVI. Производство рубашекъ	1880	549	6,841,778	12,462	33,99	47	36,667	16,072
	1890	869	14,273,611	16,425	42,43	38	38,715	20,638
XVII. Производство шелковыхъ товаровъ . .	1880	382	19,125,300	50,006	46,61	82	107,416	48,600
	1890	472	51,007,537	108,067	58,43	108	184,954	76,894
XVIII. Суконные товары	1880	1,990	96,095,464	48,289	59,83	43	80,707	30,031
	1890	1,311	130,989,940	99,916	98,06	61	101,890	39,136
XIX. Шерстяные товары	1880	76	20,374,043	268,080	60,73	247	441,447	151,794
	1890	143	68,085,116	476,120	85,97	305	553,809	199,216

и здѣсь тенденцію къ децентрализаціи (см. группы V и XVI). Извѣстно далѣе, какое развитіе въ Соединенныхъ Штатахъ получили промысловые синдикаты, конечно, усиливающіе тенденцію къ концентраціи. Мы намѣренно привели въ изобиліи цифры, характеризующія этотъ процессъ, чтобы тѣмъ яснѣе были для насъ впослѣдствіи децентрализующія тенденціи въ земледѣліи.

Къ этому же періоду относится развитіе желѣзнодорожной сѣти, имѣвшей огромное значеніе какъ для всего американскаго народнаго хозяйства, такъ и для земледѣлія [1]). Постройка желѣзныхъ дорогъ облегчена была тѣмъ, что земля подъ ними здѣсь ничего не стоила [2]), между тѣмъ какъ въ Европѣ земля составляетъ важную часть издержекъ на постройку желѣзной дороги.

Исторія описаннаго преобразованія народнаго хозяйства [3]) Соединенныхъ Штатовъ будетъ неполна, если мы не коснемся чрезвычайно интересной и важной стороны дѣла,—американскаго протекціонизма.

Развитіе американской промышленности, какъ можно было видѣть изъ вышеприведенныхъ цифръ относительно торговли Соед. Шт., совершалось и совершается по преимуществу на счетъ внутренняго рынка [4]). Для нея является поэтому очень выгодной охрана

[1]) Желѣзныя дороги въ Соед. Шт. развивались такъ: 1830 годъ—29 миль, 1840—2,818 м., 1850—9,021 м., 1860—30,626 м., 1870—52,922 м., 1880—93,296 м., 1885—128,361 м., 1890—166,691 м., 1897—184,603.

[2]) Ср. *A. v. d. Leyen.* Die nordamerikanischen Eisenbahnen in ihren wirtschaftlichen und politischen Beziehungen. Leipzig. 1885. Стр. 3.

[3]) Ср. мѣткую характеристику новѣйшаго промышленнаго развитія Соед. Шт. у *Sartorius von Waltershausen.* Der moderne Socialismus in den Vereinigten Staaten von Amerika. Berlin. 1890. Стр. 9.

[4]) Вотъ яркія, хотя и устарѣлыя цифры, иллюстрирующія значеніе внутренняго рынка для американской промышленности (изъ отчета Милля въ House of Representatives въ 1888 году).

Годы.	Производство націон. промышл. въ долларахъ.	Вывозъ въ долларахъ.	Ввозъ иностр. мануф. въ долл.	Все потребл. мануф. прод. въ Соед. Шт. въ долл.	Потребл. націон. мануф.	Потребл. иностр. мануф.	Потребл. націон. мануфактуры	
							дома.	вывозъ.
1850	1,019,106,616	22,903,888	130,838,280	1,171,041,068	88,39%	11,61%	97,75%	2,52%
1860	1,885,861,676	45,658,873	261,264,310	2,101,467,113	87,57	12,43	97,58	2,42%
1870	4,232,325,442	47,921,159	308,363,496	4,492,767,784	93,14	6,86	98,87	1,13%
1880	5,369,579,191	79,510,447	423,699,010	5,713,767,784	92,58	7,40	98,52	1,48%

Господство внутренняго рынка надъ внѣшнимъ нашло свое выраженіе и у теоретиковъ. Такъ напр. *Gunton* (Principles of social economics. N. Y.

этого рынка пошлинами отъ иностранной конкурренціи; протекціонизмъ является въ такой же мѣрѣ способомъ покровительства американской промышленности, существующей внутреннимъ рынкомъ, въ какой свободная торговля способомъ покровительства англійской промышленности, въ своемъ развитіи опирающейся на внѣшній рынокъ. Вопросы тарифнаго законодательства составляютъ одинъ изъ жгучихъ вопросовъ американской политической жизни и раздѣляютъ между собою двѣ главныя политическія партіи,—республиканцевъ и демократовъ. Первые, представляя интересы промышленности, сосредоточенной по преимуществу на сѣверовостокѣ, являются протекціонистами; они же являются сторонниками золотой валюты, ибо устойчивость денежной единицы соотвѣтствуетъ интересамъ промышленности. Вторые, представляя интересы земледѣлія, для котораго во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе свободная торговля, сосредоточиваются на земледѣльческомъ западѣ и югѣ (хотя точнаго дѣленія здѣсь провести невозможно, — послѣднее время группировка партій еще усложнилась); демократы же, какъ правило, стремятся и къ биметализму, который и въ Европѣ составляетъ боевой кличъ аграріевъ [1]). Группировка партій въ Америкѣ основывается поэтому не столько на интересахъ различныхъ классовъ, сколько различныхъ районовъ территоріи союза и различныхъ отраслей національнаго производства, распредѣленныхъ въ этихъ районахъ. Замѣчательно, что многіе видные американскіе экономисты являются убѣжденными протекціонистами, какъ напр. Гентонъ [2]), Паттенъ [3]) и др., и за ихъ точкой зрѣнія нельзя не

---

and London. 1892, 328) приводитъ слѣдующія преимущества внутренняго рынка надъ внѣшнимъ: 1) внѣшняя торговля разорительна, потому что она стремится увеличить, а не уменьшить разстояніе между сырьемъ и фабрикой; 2) она разрушаетъ общность интересовъ предпринимателя и рабочаго, дѣлая перваго независимымъ отъ рабочихъ какъ потребителей. „Тенденція цивилизаціи такова, чтобы сдѣлать всѣ отрасли промышленности зависимыми отъ внутренняго потребленія. Экономія будущаго должна быть экономіей крупнаго производства, внутренняго рынка и высокой заработной платы“ 3) „внутренній рынокъ способствуетъ большему разнообразію производства и обобществленію предпріятія“.

[1]) См. *M. Prager.* Die Währungsfrage in den Vereinigten Staaten von Nordamerika. Stuttgart. 1897. (Münchener volkswirtschaftliche Studien hrsg. von L. Brentano und W. Lotz).

[2]) У Гёнтона является аргументъ „высокой заработной платы“, намъ уже извѣстный: Gunton, l. c. 325.

[3]) Чрезвычайно интересна аргументація Паттена: „Англія была первой страной, открывшей міровой рынокъ, и въ результатѣ не только Англія стала цвѣтущей страной, но и всѣ другія націи получили выгоды

признать той относительной правоты, какая вообще только и можетъ существовать въ вопросахъ торговой политики.

Въ исторіи американскаго протекціонизма[1]), въ большей или меньшей степени безсмѣнно господствовавшаго въ американской торговой политикѣ XIX вѣка, можно различить два періода, отвѣчающихъ основнымъ эпохамъ экономическаго развитія страны: періодъ умѣреннаго протекціонизма до освободительной войны и періодъ высокаго протекціонизма послѣ нея и до нашихъ дней.

отъ свободнаго англійскаго рынка. Міръ имѣетъ теперь такой рынокъ. Второй рынокъ въ томъ же родѣ не имѣлъ бы такого дѣйствія—развитія промышленности, какое послѣдовало за открытіемъ англійскаго рынка. Одна нація можетъ получить большую выгоду отъ соприкосновенія съ другими цивилизаціями и сдѣлаться рынкомъ для ихъ избытковъ; но вторая нація нашла бы все мѣсто уже занятымъ. Самое большее, мы можемъ надѣяться раздѣлить эту торговлю съ Англіей, или можетъ быть, даже перебить у Англіи торговлю (undersell) такъ, чтобы присвоить ее себѣ цѣликомъ. Но замѣна Англіи Америкой, если и можетъ быть выгодна отдѣльнымъ классамъ въ Америкѣ, не даетъ никакой выгоды для всего міра. Міровой прогрессъ зависитъ теперь отъ развитія внутренняго производства, а не внѣшней торговли. Мы нуждаемся въ систематическомъ развитіи всѣхъ отраслей труда, которыя сдѣлала возможными въ нашей странѣ природа. Мы должны лучше воспользоваться всѣми своими естественными рессурсами, если только міръ можетъ достигнуть высшаго промышленнаго состоянія. Прогрессъ долженъ исходить отъ развитія обширныхъ континентальныхъ націй, богатыхъ естественными рессурсами". (*Simon N. Patten* The economic basis of protection. Philadelphia. 1890. Стр. 14—15). Аргументація Паттена звучитъ чрезвычайно знакомо для русскаго читателя.

Не менѣе любопытно, какъ аргументируютъ американскіе протекціонисты относительно земледѣлія. „Истиннымъ другомъ американскаго фермера является тотъ, кто поддерживаетъ политику, ведущую къ относительному расширенію неземледѣльческаго населенія потребителей, а не производителей фермерскихъ продуктовъ. Каждая новая фабрика, новая желѣзная дорога, каждый новый городъ или поселокъ содѣйствуютъ этому. Такимъ образомъ ясно, что политика, покровительствующая мануфактурной промышленности, вовсе не оказывается во вредъ земледѣлію, но обезпечиваетъ приростъ неземледѣльческаго населенія. Еслибы была оставлена иллюзія внѣшняго рынка, и не происходило бы новаго увеличенія площади воздѣлыванія, потребовалось бы не много лѣтъ, прежде чѣмъ наше мануфактурное и промышленное населеніе смогло бы потребить весь продуктъ американскихъ фермъ" и т. д. (Gunton's Magazine of American Economics and Political Science, October 1897. Статья Farming and Farm Labour, стр. 286).

[1]) Кромѣ цитир. соч. Раббено и Тауссига (перу послѣдняго принадлежитъ еще статья о тарифѣ 1894 года въ Economic Journal), см. еще

Аргументомъ въ пользу протекціонизма въ первую половину XIX вѣка было дѣтское состояніе промышленности (infant industries), нуждающейся въ охранѣ отъ иноземной конкурренціи, а позднѣе защита американскаго труда, оплачиваемаго высокой платой, отъ конкурренціи дешеваго европейскаго труда (high wages argument [1]). Періодъ 1816—1846 былъ временемъ довольно умѣреннаго, но все же покровительственнаго тарифа, за то съ 1846 года, когда перевѣсъ получили южные демократы, начались фритрэдерскія вѣянія, выразившіяся въ пониженіи тарифа. Война Сѣвера и Юга и побѣда Сѣвера рѣшили вопросъ въ пользу протекціонизма и съ этой поры начинается безсмѣнное, хотя и съ колебаніями, господство протекціонизма (разорительное для Юга). Высокій тарифъ 1861 года, вызванный фискальными потребностями, сдѣлался основаніемъ постояннаго тарифа, подтвержденнаго въ 1883 году. Въ 1890 году прошелъ ультрапротекціонистскій тарифъ Макъ-Кинлея [2]), который, хотя въ 1894 году былъ смягченъ, но составляетъ основу и теперешняго тарифа.

Нѣкоторыхъ особенностей развитія американской промышленности нельзя понять, не остановивъ вниманія на своеобразной постановкѣ рабочаго вопроса въ Соединенныхъ Штатахъ. Какъ уже было выше замѣчено, здѣсь не населеніе опережало ростъ капитала, а капиталъ опережалъ ростъ населенія. Поэтому, если первыя стадіи развитія капитализма въ Европѣ отмѣчены хро-

R. Mayo-Smith and E. R. A. Seligman. The Commercial Policy of the United States of America. (въ Schr. d. Ver. f. Soc. Pol B. XLIX). Относительно ранняго протекціонизма еще *W. G. Sumner.* Lectures on the history of Protection in the United States. N. Y. 1877. Ср. также *R. Th. Ely.* The problems of to—day. N. Y. 1888.

[1]) Любопытно, что аргументъ высокой заработной платы употреблялся въ свою пользу то фритрэдерами, то протекціонистами. Тауссигъ говоритъ: „около 40-хъ годовъ былъ выдвинутъ аргументъ, что американскій трудъ долженъ быть защищенъ отъ конкурренціи менѣе оплачиваемаго иностраннаго труда. Этотъ аргументъ приводился и въ предшествующій періодъ... фритрэдерами, а не протекціонистами. Фритрэдеры привыкли ссылаться на высокую заработную плату какъ непреодолимое препятствіе для успѣшнаго развитія мануфактуръ. Они пользовались аргументомъ высокой заработной платы, чтобы опровергнуть аргументъ юной промышленности, утверждая, что пока заработная плата будетъ стоять на такомъ уровнѣ въ Европѣ, мануфактуры не будутъ въ состояніи держаться въ Америкѣ безъ помощи правительства“ и т. д. (Taussig l. c. 65).

[2]) См. объ этомъ въ цит. соч. Тауссига и Раббено.

ническимъ избыткомъ населенія, то въ Америкѣ наоборотъ, — хроническимъ его недостаткомъ. Уже въ силу этого заработная плата здѣсь должна находиться на высшемъ уровнѣ чѣмъ въ Европѣ. Но есть и другая могущественная причина, гарантирующая рабочему извѣстный, сравнительно высокій уровень заработной платы, — это наличность свободной земли и возможность для каждаго рабочаго бросить промышленность и завести собственное хозяйство. Поэтому капиталистъ долженъ во всякомъ случаѣ такъ обставить рабочаго, чтобы эта перспектива не имѣла для него привлекательности. Значеніе этой причины хорошо отмѣчаетъ Сарторіусъ: „несомнѣнно, богатство дешевой землей является громадной выгодой для соціальноэкономическаго положенія Соед. Шт. Во времена застоя многіе изъ отпущенныхъ или низко оплачиваемыхъ рабочихъ могли бы найти достаточно оплачиваемое занятіе въ качествѣ фермеровъ востока, а чрезъ это облегчили бы положеніе оставшихся. Они могли бы расчитывать на постоянное занятіе и даже при слабомъ повышеніи спроса на значительное повышеніе заработной платы. Образованіе „резервной арміи“ (по выраженію Маркса), которая бы въ лучшія времена, появившись на рынкѣ, противодѣйствовала повышенію заработной платы, становится поэтому невозможнымъ. Но не только въ мрачныя времена кризиса, и въ періоды хозяйственнаго процвѣтанія многіе рабочіе отправляются на западъ. Въ благопріятныя времена они получаютъ хорошій заработокъ, и изъ поденной платы въ 2 доллара неженатый рабочій можетъ сберегать 1 д., и скоро скопить сумму, необходимую для основанія своего хозяйства (homestead). Что фабричные рабочіе дѣлаются сельскими хозяевами, далеко не рѣдкость. Переходъ этотъ не такъ труденъ, какъ можно предполагать, если брать масштабомъ наши условія. Ибо сельское хозяйство въ Америкѣ есть далеко не столь многостороннее производство какъ у насъ, именно здѣсь въ высокой степени развито раздѣленіе труда“ [1]).

[1]) *Sartorius von Waltershausen.* Die nordamerikanischen Gewerkschaften unter dem Einfluss der fortschreitenden Productionstechnik. Berlin. 1886. Стр. 106—7. Ср. сужденіе Шёнгофа: „Соед. Шт. съ ихъ обширными естественными богатствами, свободными законами, обширной территоріей обладаютъ такимъ обширнымъ полемъ для приложенія труда, какъ ни одна страна, исключая, можетъ быть, австралійскихъ колоній. Обширныя пространства незанятой земли даютъ возможность удовлетворить тому, что есть главное желаніе для человѣка,—завести собственное хозяйство. Ши-

Въ Америкѣ перемѣна профессій (не исключая и земледѣлія [1]) есть самое обычное явленіе, основная черта амераканской жизни. Американецъ всего больше соотвѣтствуетъ тому отвлеченному „economic man“, отъ представленія о которомъ исходила въ своихъ дедукціяхъ классическая школа. Эта текучесть американской жизни, въ связи съ постояннымъ притокомъ новыхъ эмигрантовъ, придаетъ американской культурѣ печать незаконченности, неоформленности, о которой говоритъ Ратцель. „Всѣ очертанія блѣднѣютъ въ далекой перспективѣ обширнаго еще не занятаго пространства“ [2]).

Итакъ, высокій уровень заработной платы сравнительно съ Европой является фактомъ общепризнаннымъ [3]). Изъ этого факта вытекаетъ нѣсколько важныхъ слѣдствій. Прежде всего, предприниматель, выплачивая высокую заработную плату, требуетъ и напряженнаго труда. Другими словами, Америка является областью полнаго господства экономіи высокой заработной платы, которая нашла здѣсь и видныхъ теоретиковъ (Шенгофъ, Гентонъ и др.). Приведемъ нѣсколько устарѣлое, но за то чрезвычайно выразительное свидѣтельство Дуэ относительно интенсивности американскаго труда: „отъ рабочаго требуется здѣсь вдвое или втрое большее количество труда, чѣмъ въ Европѣ. Машины на

рокое распространеніе земельной собственности является центральнымъ фактомъ и для всѣхъ другихъ профессій. Высокая заработная плата и уровень жизни является такимъ образомъ обезпеченнымъ. Пока земля способна поглощать во времена промышленнаго застоя избыточный трудъ въ городахъ, не можетъ держаться низшая норма зараб. платы, чѣмъ та, которая достигнута“. (*Schoenhof.* The economy of high wages. 1892. Стр. 32).

[1]) Тѣ, кто усмотрятъ здѣсь опроверженіе сказанному во введеніи относительно малой пригодности городскихъ рабочихъ для земледѣлія, пусть повременятъ съ этимъ возраженіемъ до тѣхъ поръ, пока еще ближе познакомятся съ земледѣліемъ на дальнемъ Западѣ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что европейскіе эмигранты въ огромномъ количествѣ случаевъ являются именно земледѣльцами,—вѣдь главный контингентъ эмиграціи даютъ земледѣльческіе рабочіе и ирландцы.

[2]) *Ratzel.* Die Vereinigten Staaten der Nord-Amerika. Zweiter Band. München. 1893. 2-te Aufl. Стр. 358—9.

[3]) Самыя новыя и полныя свѣдѣнія о положеніи американскихъ рабочихъ см. въ цит соч. *Levasseur.* L'ouvrier americain. Далѣе см. цит. соч. Сарторіуса, Райта, Ратцеля, Шенгофа, затѣмъ изъ старыхъ: *Young.* Labour in Europe and Amerika. Washington. 1876. *Arthur von Studnitz.* Nordamerikanische Arbeiterverhältnisse. Leipzig. 1879. *F. R. L. Gould.* Social condition of labour. Baltimora. 1893.

фабрикахъ идутъ почти вдвое скорѣе чѣмъ въ Англіи и втрое скорѣе чѣмъ въ Германіи [1]). При пряденіи хлопка рабочій дѣлаетъ до 20 англійскихъ (4 нѣмецкихъ) миль въ день; ткачъ, который не можетъ присматривать, по крайней мѣрѣ, за двумя станками, едва ли проживетъ своей заработной платой. Каменщикъ, который кладетъ въ день менѣе 2,500—3,000 кирпичей, найдетъ работу только въ случаѣ особой нужды, потому что четырехэтажные дома въ 25 футовъ ширины и 60 вышины должны быть готовы въ 4 мѣсяца. Сельскій рабочій долженъ быть въ состояніи одинъ наблюдать за 40 акрами, и при этомъ его рабочій день даже лѣтомъ продолжается не болѣе 10 часовъ. Здѣсь въ Америкѣ никто не располагаетъ временемъ, чтобы курить во время работы. На фабрикахъ нельзя болтать, пѣть или вообще дѣлать какой-либо перерывъ; это запрещено или же становится запрещеннымъ само собою“ [2]). Естественно, что такая напряженная работа требуетъ и соотвѣтствующаго питанія. „Однимъ картофелемъ, хлѣбомъ и вообще мучнистыми продуктами не можетъ прожить ни одинъ американскій работникъ. Даже итальянцы, словаки и ирландцы, привыкшіе дома къ исключительно растительной пищѣ, скоро усвояютъ привычку получать больше трехъ разъ въ день мясо или вмѣсто него яйца, масло и сыръ, молоко, рыбу и питательные напитки. Растительныя блюда служатъ не больше какъ приправой и употребляются въ маломъ количествѣ» [3]).

Дороговизна рабочей силы составляетъ одну изъ сильнѣйшихъ причинъ, двигающихъ Америку по пути промышленнаго прогресса и совершенно исключительнаго здѣсь развитія машиннаго произ-

[1]) Въ примѣчаніи авторъ приводитъ слѣдующее интересное сопоставленіе изъ отчета госуд. департамента 1882 года въ Вашингтонѣ: „Соед. Шт., располагая лишь четвертью того количества веретенъ, какимъ располагаетъ Великобританія и лишь 181,000 рабочихъ противъ 500,000 британскихъ, производятъ половинное количество хлопчатобумажныхъ товаровъ или даже выше, сравнительно съ Великобританіей. Каждое американское веретено потребляетъ въ среднемъ въ годъ 66 фунтовъ сырого хлопка, тогда какъ британское лишь 32 фунта. Каждый американскій ткачъ потребляетъ, такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вдвое сырья сравнительно съ британскимъ и производитъ цѣнность въ пряжѣ на $1^1/_2$ доллара, тогда какъ британскій на одинъ“.

[2]) *Douai* Die Lage der Lohnarbeiter in Amerika (въ *Tenner's* Amerika. Der heutige Standpunkt der Kultur). Berlin. 1884. Стр. 133.

[3]) ib. 135.

водства. „Естественно, экономія въ средствахъ производства прежде всего направляется на самый дорогой его факторъ, — именно заработную плату. Насколько невозможно ее понизить, стараются по возможности совсѣмъ ее не платить, замѣщая трудъ капиталомъ“ [1]). Отсюда понятно происхожденіе спеціально-американскаго генія, — изобрѣтательности. Имъ Америка обязана колоніальному характеру своего развитія.

Американскому предпринимателю приходится имѣть дѣло не только съ дорогой рабочей силой, но и сравнительно низшаго качества: постоянно прибывающая волна эмиграціи приноситъ далеко не лучшихъ представителей европейскаго труда. Къ тому же указанная текучесть американской жизни, частыя перемѣны профессій мѣшаютъ образованію у широкаго круга рабочихъ той технической выучки, которая составляетъ въ Европѣ отличіе такъ назыв. skilled labour. Этимъ объясняется другая черта американской техники, превосходно выясненная Сарторіусомъ: стремленіе расширить сферу необученнаго труда на счетъ обученнаго, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, требуетъ болѣе сложныхъ и многочисленныхъ машинъ. Эта черта,—также прямой результатъ колоніальнаго характера развитія,— противодѣйствуетъ развитію рабочихъ союзовъ англійскаго типа, — замкнутой организаціи отдѣльныхъ профессій, но требуетъ широкаго, не профессіональнаго, а локальнаго, иногда даже національнаго сплоченія труда (рыцари труда, американская федерація труда). Отсюда понятны огромныя различія въ англійскихъ и американскихъ рабочихъ организаціяхъ.

Вообще говоря, развитіе рабочихъ организацій въ Америкѣ, принимая во вниманіе необыкновенно благопріятныя для него внѣшнія условія, слѣдуетъ признать не особенно значительнымъ. Всѣ, выше отмѣченныя особенности колоніальнаго развитія, противодѣйствуютъ ихъ росту. Вотъ какъ сгруппированы причины этого Сарторіусомъ: „развитію профессіональнаго движенія прежде всего препятствовалъ пестрый составъ рабочаго населенія изъ разныхъ расъ и національностей. Отчасти расовая антипатія, отчасти

---

[1]) Sartorius von Waltershausen, l. c. 123. „Это является извѣстнымъ американскимъ принципомъ, замѣщать машиною рабочія руки, въ которыхъ существуетъ недостатокъ“ (*Reuleaux.* Briefe aus Philadelphia. Braunschweig. 1877 Стр. 19).

чуждость языка препятствовали созданію прочныхъ коалицій. Далѣе, быстрый прогрессъ техники производства, въ особенности промышленнаго раздѣленія труда и непрерывное, иногда внезапно наступающее замѣщеніе обученнаго труда необученнымъ вредило союзамъ, основаннымъ на единствѣ профессіональныхъ интересовъ, такъ какъ постоянно ставило ихъ лицомъ къ лицу съ новыми неожиданными конкуррентами. Также мѣшало различіе законодательства въ отдѣльныхъ штатахъ. Наконецъ, незаконченность американской культуры придаетъ профессіональнымъ союзамъ характеръ чего то измѣнчиваго. Частыя — сравнительно съ Европой — перемѣны профессій и переходъ отъ положенія наемнаго рабочаго въ положеніе мелкаго предпринимателя или политика, отливъ семей изъ промышленнаго востока въ колоніальныя области запада нерѣдко отвлекаетъ отъ союзовъ членовъ, когда они больше всего въ нихъ нуждаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ остающіеся отдаютъ слишкомъ мало вниманія и средствъ учрежденіямъ, которыя, быть можетъ, скоро окажутся имъ безполезны“ [1]).

Слабое развитіе профессіональныхъ союзовъ и прочихъ боевыхъ организацій въ Америкѣ объясняется также и тѣмъ, что при данныхъ экономическихъ условіяхъ въ нихъ нѣтъ необходимости, — всѣ важнѣйшія функціи ихъ исполняетъ *свободная земля*. Экономическую роль рабочихъ организацій въ капиталистическомъ хозяйствѣ можно выразить такъ, что онѣ содѣйствуютъ, ускоряютъ и вынуждаютъ переходъ отъ экономіи низкой заработной платы, которая господствуетъ во всѣхъ старыхъ странахъ въ начальныя стадіи капиталистическаго развитія, къ экономіи высокой заработной платы. Въ Америкѣ такой задачи не существуетъ: благодаря свободной землѣ развитіе капитализма и началось здѣсь прямо съ экономіи высокой заработной платы. Въ частности, рабочія организаціи стремятся обезпечить своимъ членамъ извѣстный уровень заработной платы,—здѣсь это обезпечиваетъ своей реальной или потенціальной конкурренціей свободная земля, — страховать своихъ членовъ отъ безработицы, — и это дѣлаетъ свободная земля,—гарантировать имъ извѣстную продолжительность рабочаго дня и условія труда, — но это само собой разумѣется при той интенсивности труда, которая вынуждается экономіей высокой заработной платы. Свободная земля — палладіумъ аме-

[1]) *Sartorius von Waltershausen.* Gewerkvereine (Vereinigte Staaten von Amerika) въ Handw. der Staatsw., 2-te Aufl., Band IV, стр. 714—15.

риканскихъ рабочихъ, вѣрнѣе обезпечивающій ихъ интересы, нежели всякія рабочія организаціи [1]).

Генри Джорджъ является поэтому настоящимъ теоретикомъ американскаго народнаго хозяйства, устремляя все вниманіе на земельную собственность и земельную ренту и оставляя сравнительно въ сторонѣ отношенія между трудомъ и капиталомъ, гдѣ онъ удовлетворяется самымъ поверхностнымъ гармонизмомъ. По своему и для Америки Джорджъ правъ, указывая на всю опасность для интересовъ рабочаго класса захвата земель въ частныя руки [2]), но какова путаница мысли у тѣхъ, которые цѣликомъ перенесли американское ученіе Джорджа въ старый свѣтъ, и проповѣдуютъ здѣсь націонализацію земли какъ лѣкарство отъ всѣхъ недуговъ.

На основаніи всего сказаннаго выше о развитіи Соединенныхъ Штатовъ, понятно, почему имѣли столь малый успѣхъ среди американскихъ рабочихъ идеи соціализма, которыя, хотя и импортировались изъ Германіи, но оказывали слабое вліяніе до самаго послѣдняго времени [3]).

Въ какую сторону могутъ измѣниться условія экономическаго развитія Соед. Шт.? Ясно, что только въ одну: въ сторону приближенія ихъ къ европейскимъ условіямъ, утраты отличительныхъ чертъ колоніальнаго развитія. Это должно произойти, прежде всего, благодаря истощенію фонда свободныхъ земель; задолго до того, какъ всѣ свободныя земли будутъ обращены подъ обработку, онѣ

---

[1]) Читатель не долженъ понимать сказаннаго въ томъ смыслѣ, чтобы мы отрицали вообще возможность конфликтовъ труда и капитала или же временной безработицы и т. д. Это значило бы отрицать всѣмъ очевидные и извѣстные факты, спорадическаго появленія которыхъ неспособна отвратить, при капиталистической организаціи производства, никакая свободная земля. Мы говоримъ про общія и основныя условія, отличающія развитіе Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отъ развитія Европы.

[2]) Справедливо замѣчаетъ Сарторіусъ: „великое значеніе дешевой земли для развитія сѣвероамериканскаго народа есть ключъ къ пониманію отстаиваемыхъ Г. Джорджемъ идей объ отмѣнѣ частной собственности на землю. Легкая доступность земли, которая годъ отъ году убываетъ, а въ нѣкоторыхъ штатахъ уже исчезла, должна посредствомъ уничтоженія поземельной ренты сдѣлаться постоянной“ и т. д. (*Sartorius von Waltershausen.* Die nordamerikanischen Gewerkschaften, стр. 106, примѣч.).

[3]) Кромѣ сочиненій Сарторіуса, см. еще *R. Th. Ely.* The labour movement in Amerika. 1886. *Его же.* Socialism, an Examination of its Nature etc. 1894.

будутъ захвачены въ частную собственность всякаго рода спекулянтами, желѣзнодорожными обществами и т. д.; предостереженіемъ отъ надвинувшейся уже опасности явилась теорія Г. Джорджа. Приближеніе американскихъ условій къ европейскимъ, когда культура вмѣсто того, чтобы расти въ ширь, должна идти въ глубь, создастъ (и отчасти уже создаетъ) почву и для бо̀льшаго успѣха среди американскихъ рабочихъ идей континентальнаго соціализма. Для американскаго рабочаго сословія фондъ свободной земли даже послѣ своего истощенія является благодѣтельнымъ, ибо благодаря ему создался высокій уровень standart of life, который легче отстоять, чѣмъ завоевать вновь. Ростъ потребностей у рабочаго, достигшаго уже извѣстнаго уровня развитія ведетъ къ постепенному поднятію заработной платы и препятствуетъ ея пониженію. Поэтому и въ Америкѣ, вмѣстѣ съ ростомъ народнаго богатства, мы видимъ въ общемъ непрерывное повышеніе заработной платы. Въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи [1]) Карроль Райтъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: „общій прогрессъ заработной платы обнаруживается не столько въ нормѣ поденной платы, сколько въ средней годовой. Съ этой цѣлью мы можемъ воспользоваться отчетами ценза, въ которыхъ приводится общая сумма заработной платы и среднее число лицъ, между которыми она дѣлится. Въ 1850 году средній годовой заработокъ лицъ, занятыхъ въ мануфактурномъ и механическомъ производствѣ,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, въ круглыхъ числахъ, равнялся 247 долларовъ, 1860 — 289 д., 1870 — 302 д., 1880—347 д., 1890—445 д. Сопоставляя движеніе заработной платы и цѣнъ (понизившихся), нужно, повидимому, заключить, что заработная плата постоянно расла, съ нѣкоторыми отклоненіями во время торговаго застоя; что средніе заработки поэтому расли, а среднія цѣны далеко не оставались неизмѣнными. Слѣдовательно, экономическое положеніе лицъ, существующихъ на заработную плату, за послѣдніе 50—60 лѣтъ значительно улучшилось“.

Однако, одновременно съ улучшеніемъ занятыхъ рабочихъ, въ американскомъ народномъ хозяйствѣ начинаютъ уже развиваться и противоположныя тенденціи. „Новый свѣтъ — писалъ

---

[1]) *Carroll D. Wright.* Outline of practical sociology. New-York. 1899. Стр. 232—3.

Дуэ еще въ 1884 году — все больше становится старымъ свѣтомъ, и американскія условія сдѣлались весьма подобны европейскимъ. Если въ Соед. Шт. тысячи сдѣлались милліонерами, десятки билліонерами, и сотни тысячъ состоятельными людьми, одновременно выросли, какъ грибы изъ земли, до сихъ поръ неизвѣстные здѣсь классы населенія, нищіе и бродяги, уличные музыканты, масса разнощиковъ, искателей приключеній и преступниковъ“ [1]). Въ городахъ Соед. Шт. появляются тѣ низшіе слои пауперизма, которые характерны для зап. Европы, и различіе между занятыми рабочими (skilled labour), рабочей аристократіей, и не имѣющими постоянныхъ занятій проходитъ все глубже. Появленіе sweating system въ американскихъ городахъ, о которомъ было упомянуто выше, является чрезвычайно характернымъ и тревожнымъ симптомомъ. Можно ожидать большаго или меньшаго вторженія въ американскую жизнь экономіи низкой заработной платы, слѣдующей какъ тѣнь за превышеніемъ предложенія труда надъ спросомъ. Становится чувствительнѣе гнетъ капитала, объединеннаго въ трестахъ и т. д.

Ясно, какое значеніе можетъ при такихъ условіяхъ имѣть непрекращающійся потокъ эмиграціи, приносящій все новыя и новыя рабочія руки, которыя конкуррируютъ на рынкѣ съ американскими рабочими. „Противоположность интересовъ труда и капитала постоянно затрогивается и обостряется иммиграціей, такъ какъ крупные предприниматели находятъ въ ней подходящее средство получать дешевую рабочую силу, а во время стачки набирать изъ ея рядовъ добавочное количество рабочихъ. Они противодѣйствуютъ поэтому всякому ограниченію прилива европейскаго населенія. Осѣдлые же рабочіе видятъ во всѣхъ пришельцахъ, прежде всего, своихъ конкуррентовъ, которые понижаютъ заработную плату и могутъ совершенно парализовать ихъ стремленія къ организаціи“. [2]) Подъ непосредственнымъ вліяніемъ рабочаго класса создано было запретительное законодательство противъ иммиграціи китайцевъ, оказывающихся наиболѣе опасными вслѣдствіе своихъ низкихъ потребностей, а затѣмъ и ограничительные законы противъ европейской иммиграціи (по закону 1891 года

---

[1]) Douai, l. c., 139.

[2]) *Sartorius von Waltershausen.* Einwanderung in die Vereinigten Staaten въ Handw. d. Staatsw., 2-te Aufl., B. II, 460.

воспрещается иммиграція слабоумнымъ, сумасшедшимъ, пауперамъ и вообще лицамъ, которыя, по всей вѣроятности, будутъ въ тягость обществу, лицамъ, пораженнымъ заразительными болѣзнями, преступникамъ и полигамистамъ). „Будущее, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, принесетъ еще болѣе суровое законодательство противъ иммиграціи, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше будутъ крѣпнуть рабочіе союзы и чѣмъ чаще будетъ поражаться американское хозяйство кризисами съ наступающей въ результатѣ ихъ безработицей“ [1]). (Очевидно, какое огромное значеніе будетъ это имѣть для странъ, посылающихъ эмиграцію).

Такимъ образомъ, подъ давленіемъ неотложной хозяйственной необходимости американскій міръ будетъ все болѣе и болѣе замыкаться отъ европейскаго: ультрапротекціонные тарифы исключаютъ конкурренцію европейской промышленности, а запретительные законы объ эмиграціи—конкурренцію европейскаго труда. И все болѣе полное и всестороннее осуществленіе въ американской жизни получаетъ и будетъ получать принципъ: *Америка для американцевъ.*

2. Основныя черты развитія американскаго земледѣлія.

Развитія американскаго земледѣлія, какъ и всего народнаго хозяйства Соед. Шт., нельзя понять, не принимая во вниманіе *колоніальнаго* характера страны. Въ теченіе всего XIX вѣка, или даже прямо можно сказать съ открытія Америки Соед. Шт. представляютъ непрерывно колонизующуюся страну. Поэтому, чтобы дать себѣ отчетъ въ положеніи вещей въ каждую данную минуту, нужно быть въ ясности относительно хода и основныхъ условій колонизаціи. Исторія эта сливается, въ значительной мѣрѣ, съ исторіей политическаго и территоріальнаго роста Соед. Шт., однако изложеніе этой исторіи даже въ основныхъ чертахъ увело бы насъ слишкомъ далеко. и мы ограничимся только указаніемъ самыхъ основныхъ фактовъ, безусловно необходимыхъ для пониманія развитія земледѣлія.

Первоначальнымъ центромъ поселеній въ Америкѣ были сѣверовосточные Штаты, такъ наз. Новая Англія, гдѣ утвердилось крѣпкое и свободное крестьянское населеніе. Оно отстояло поли-

[1]) ib. 461.

тическую независимость Соед. Шт., оно съ топоромъ въ одной рукѣ и съ карабиномъ въ другой, шагъ за шагомъ подвигаясь на западъ, колонизовало дикія области, принадлежавшія индійцамъ. Изъ его рядовъ выходили полусказочные герои Фенимора Купера, Майнъ-Рида, Густава Эмара и др., столь плѣнявшіе нашу фантазію въ дѣтствѣ. Съ другой стороны, наиболѣе колонизованными оказались еще южные штаты, гдѣ свило себѣ гнѣздо, какъ мы уже знаемъ, рабство и гдѣ утвердились сахарныя и хлопчатобумажныя плантаціи.

Вся дальнѣйшая колонизаціонная исторія Соед. Шт. представляетъ непрерывное движеніе съ востока на западъ, сначала въ глубь страны, а затѣмъ и къ Тихому Океану. Эта тяга на западъ не закончилась еще и въ настоящее время. Наглядно движеніе колонизаціи иллюстрируется непрерывнымъ — отъ ценза до ценза—перемѣщеніемъ такъ наз. центра тяжести населенія[1]) съ востока на западъ. Строются новые города, образуются новыя селенія и—что̀ для насъ здѣсь всего интереснѣе—привлекаются къ воздѣлыванію новыя земли. О томъ, въ какихъ размѣрахъ происходитъ такое привлеченіе, дадутъ понятіе слѣдующія общія цифры.. Площадь занятая подъ фермы, составляла (въ акрахъ):

1850	293,560,614
1860	407,212,538
1870	407,735,041
1880	536,081,835
1890	623,218,619

Общая площадь, такимъ образомъ, за 40 лѣтъ болѣе чѣмъ удвоилась (слѣдуетъ еще къ этому добавить, что процентъ некультивированной—unimproved—земли въ составѣ общей сельскохозяйственной площади понизился съ 61,50% въ 1850 году до 42,62% въ 1890 году). Этотъ огромный ростъ земледѣльческой

[1]) Центръ тяжести населенія—понятіе, образованное американскими статистиками для опредѣленія измѣненій въ распредѣленіи населенія. Земная поверхность принимается не имѣющей никакого вѣса, всѣ же люди принимаются единицами, имѣющими совершенно равный вѣсъ, и вычисляется, гдѣ при данномъ распредѣленіи населенія приходится центръ тяжести. Этотъ методъ даетъ, хотя и крайне неточную, но чрезвычайно наглядную картину измѣненій въ территоріальномъ распредѣленіи населенія.

площади объясняется только тѣмъ, что за это время были впервые обращены подъ земледѣліе огромныя пространства центральныхъ и западныхъ штатовъ. На какихъ же условіяхъ обращалась подъ обработку эта огромная земельная площадь? По закону всѣ свободныя земли Соед. Шт. составляютъ государственную собственность, — public land, которою распоряжается федеральное правительство, отчуждающее эту землю частнымъ лицамъ и обществамъ [1]). Въ исторіи этого отчужденія наибольшее значеніе имѣетъ законодательство о гомстэдахъ (Homestead) и политика надѣленія землею желѣзнодорожныхъ компаній.

Законодательство о гомстэдѣ имѣетъ слѣдующее значеніе. „Въ Соед. Шт. у федеральнаго правительства можно пріобрѣсть 160 акровъ (64,8 ha) внѣ границъ желѣзной дороги и 80 акровъ въ этихъ границахъ за общій взносъ только 15—30 долларовъ, если домогающійся земли дастъ присягу, что онъ покупаетъ землю исключительно въ цѣляхъ воздѣлыванія ее для собственныхъ надобностей, такъ что она не будетъ служить ни прямымъ, ни косвеннымъ средствомъ для извлеченія выгодъ отъ другихъ. Пять лѣтъ владѣлецъ этого хозяйства или его законные наслѣдники должны воздѣлывать землю, и за это время онъ не долженъ оставлять ее болѣе, чѣмъ на 6 мѣсяцевъ. Если онъ по истеченіи 5 лѣтъ докажетъ это чрезъ двухъ свидѣтелей, обѣщаетъ повиноваться федеральному правительству и присягнетъ, что за этотъ періодъ онъ не продалъ ни одного клочка изъ своей земли, онъ получаетъ тогда патентъ, который даетъ ему полное право на владѣніе. Въ теченіе перваго 5-лѣтія земля эта свободна отъ налоговъ, и она должна служить объектомъ для взысканія за долги лишь послѣ выдачи патента, и до извѣстныхъ размѣровъ (отъ

---

[1]) „Всѣ земли, не имѣющія собственника или государственныя (Public lands), исключая Техаса и Индійской территоріи, принадлежатъ союзному правительству (Government), которое и должно согласно существующимъ законамъ продавать ихъ или какъ-нибудь иначе распоряжаться ими. Государственныя земли находятся въ штатахъ Алабамѣ, Флоридѣ, Иллинойсѣ, Индіанѣ, Мичиганѣ, Миссиссипи, Огайо, Висконсинѣ и во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ къ западу отъ Миссиссипи". (Prof. *M. Wilckens.* Die nordamerikanische Landwirtschaft. Tübingen. 1890. Стр. 14). Подробную исторію колонизаціи см. въ извѣстномъ сочиненіи *M. Sering.* Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerika's in Gegenwart und Zukunft. Landwirtschaft, Kolonisation und Verkehrswesen in den Vereinigten Staaten und in British-Nordamerika. Leipzig. 1887.

40 до 80 акровъ въ различныхъ штатахъ) освобождается отъ принудительной продажи за долги. Также ни одинъ мужъ не можетъ продать или заложить свою землю безъ согласія и письменнаго разрѣшенія жены. Если покупщикъ не хотѣлъ ждать полныхъ 5 лѣтъ до того времени, когда онъ могъ пріобрѣсти эту землю въ собственность, онъ могъ это сдѣлать по истеченіи 6 мѣсяцевъ, если только платилъ опредѣленную правительствомъ покупную цѣну“ [1]).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько имѣютъ вліянія постановленія о неотчуждаемости и т. д., мы должны здѣсь констатировать, что законодательство о homestead имѣло огромное значеніе для колонизаціи страны, и благодаря ему привлечены были милліоны колонистовъ. Наряду съ этимъ возможны, конечно, и прямыя покупки земли у правительства, за установленную имъ цѣну, безъ ограниченія количества земли въ однѣхъ рукахъ. Послѣднее постановленіе закона о homestead'ѣ (о досрочномъ пріобрѣтеніи земли за минимальную цѣну) также открываетъ путь злоупотребленіямъ и спекуляціи.

Однако настоящимъ разсадникомъ земельной спекуляціи явились желѣзнодорожныя компаніи. Въ періодъ наиболѣе лихорадочной стройки желѣзныхъ дорогъ правительство охотно надѣляло землей по обѣ стороны отъ пути желѣзнодорожныя общества, которыя оказались, такимъ образомъ, одними изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ Соед. Шт. Количество земель, отданныхъ обществамъ, въ точности неизвѣстно, тѣмъ не менѣе оно громадно [2]).

---

[1]) Wilckens, l. c. 20. Ср. также Sering, op. cit. Кромѣ того *R. Meyer* Heimstätten und andere Wirtschaftsgesetzé. Berlin. 1883. *Его же.* Ursachen der amerikanischen Konkurrenz. Ergebnisse einer Studienreise durch die Ver. St. Berlin. 1883.

Paul Buret. Le homestead ou l'insaissibilite de la petite propriété foncière. Préface de E. Levasseur. Paris. 1895.

[2]) „Общее количество земель, розданныхъ до сихъ поръ ж. дор. обществамъ, не можетъ быть точно опредѣлено, потому что обширныя пространства этой земли еще не измѣрены и на нихъ не взятъ патентъ. По оцѣнкѣ общаго земельнаго управленія за періодъ 1850—71 (послѣ этого времени не было новыхъ раздачъ) не менѣе 57 милл. акровъ было отдано для этой цѣли отдѣльнымъ штатамъ и 141 милл. акровъ прямо крупнымъ ж. дор. линіямъ и вдоль берега Тихаго Океана; включая раздачи земли до 1850 года, это составитъ болѣе 200 милл. акровъ или 809,000 кв. килом. Отсюда часть возвращена благодаря конкурсу или промедленіямъ въ постройкѣ жел. дорогъ, и по новой оцѣнкѣ земельнаго департамента остается

Благодаря этому желѣзныя дороги сыграли большую роль въ американской колонизаціи. „Въ надеждѣ въ скоромъ времени продать эти земли и привлечь сюда поселенцевъ, жел. дор. общества строили пути чрезъ безлюдныя доселе мѣстности и становились, такимъ образомъ, носителями культуры, руководителями цивилизаціи; куда они проводили свои линіи и строили станціи, тамъ возникали города, торговыя мѣстечки, фермы. Ж. дор. компаніи всѣми способами шли навстрѣчу потребностямъ поселенцевъ, раздавая дешевые билеты ищущимъ земли, облегчая доставку сѣмянъ на новыя фермы, продавая подаренную имъ правительствомъ землю на удобныхъ условіяхъ уплаты, сооружая или помогая сооруженію элеваторовъ при станціяхъ“ [1]).

Исторія колонизаціи центра и запада Соед. Шт. и привлеченія къ обработкѣ дикихъ и пустынныхъ мѣстностей съ расчетомъ на западный или даже на европейскій рынокъ была бы совершенно непонятна и невозможна, еслибы желѣзныя дороги не уничтожили разстоянія, отдѣляющаго ихъ отъ этихъ рынковъ. Эта колонизація потребовала бы, быть можетъ, вѣка, а не десятилѣтія. Развитіе американской желѣзнодорожной сѣти является, поэтому, моментомъ чрезвычайно большой важности въ исторіи не только американскаго, но и европейскаго народнаго хозяйства, въ исторіи мірового развитія капитализма.

Наряду съ желѣзными дорогами, въ качествѣ великой колонизаціонной силы долженъ быть поставленъ *кредитъ*. Если Европа выполнила первоначальное накопленіе капитала для американской промышленности, то восточные штаты (быть можетъ, впрочемъ, вмѣстѣ съ Европой) оказали ту же услугу относительно западныхъ штатовъ и ихъ земледѣлія. Задолженность запада предъ востокомъ — общеизвѣстный фактъ. Въ 11-мъ цензѣ было произведено обслѣдованіе ипотечной задолженности Гольмесомъ [2]). Хотя сред-

187 милл. акровъ или 757,000 кв. кил. окончательно розданныхъ, площадь въ полтора раза превышающая Германскую Имперію“ (Sering, l. c. 133). Клаудъ опредѣлялъ эту же площадь свыше 200 милл. акровъ (*B. C. Cloud.* Monopolies and the people. 4-th ed. Dakenport. Iova. 1873. Стр. 12).

[1]) Sering, l. c. 71. Отдѣльные примѣры такого вліянія см. напр. въ Indiana Agriculture. Agricultural Recources and Development of the State. The struggles of pioneer life compared with present condition. Indianopolis. 1893. Стр. 14.

[2]) Кромѣ ценза, ср. еще *Holmes.* Investigations of Mortgages and arm and Home Proprietorship in the United States (Journal of the R. Stat. Soc. 1893, 443—481).

ній уровень этой задолженности (35,55% къ цѣнности) не можетъ считаться высокимъ, но характерно распредѣленіе этой задолженности: самое большое количество фермъ, обремененныхъ гипотекой, оказывается, конечно, во вновь колонизованной North Central Division [1])—42,52%; рядомъ стоитъ Western Division [2])—23,09%; South Atlantic Division [3]) имѣетъ всего 7,43% заложенныхъ фермъ, South Central Division [4]) всего 4,59%; высокій процентъ задолженности фермъ штатовъ Новой Англіи — North Atlantic Division [5])—34,22%, не можетъ быть объясненъ колонизаціей, значеніе его будетъ указано ниже.

Роль кредита для американскаго земледѣлія хорошо выражена въ слѣдующихъ словахъ Левассера: „земледѣлецъ, который купилъ землю безъ денегъ въ карманѣ, налагаетъ гипотеку на эту землю. Тотъ же самый земледѣлецъ, начиная воздѣлываніе своей фермы, покупаетъ въ кредитъ скотъ, машины, матеріалы для постройки дома, и еще разъ налагаетъ гипотеку на свою землю. Американскій фермеръ также, какъ мануфактуристъ и рабочій, отличается болѣе предпріимчивостью, чѣмъ экономіей. Онъ не боится новинокъ, и, стремясь получить большую выгоду, онъ знаетъ, что хорошія орудія есть условіе успѣха. Онъ легко поддается увѣщаніямъ комми-вояжеровъ, которые хвалятъ свои машины или скотъ, обѣщая продать въ кредитъ. Въ случаѣ нужды онъ дѣлаетъ заемъ у банкировъ, которые прибываютъ съ востока, гдѣ капиталъ относительно изобиленъ, чтобы открывать свои конторы на западѣ... Гипотека была и долгое время будетъ однимъ изъ необходимыхъ условій прогресса цивилизаціи и культуры въ Америкѣ, кредитъ явился, такъ сказать, мостомъ, по которому земледѣлецъ переходитъ изъ пролетаріата въ разрядъ собственниковъ. Гольмесъ справедливо говоритъ, что въ общемъ кредитъ является признакомъ благополучія, хотя въ неблагопріятныя времена, при пониженіи цѣнъ, онъ можетъ ока-

[1]) Ohio, Indiana, Illinois, Michigan, Iova, Missouri, North Dakota, South Dakota, Nebraska, Kansas.

[2]) Montana, Wyoming, Colorado, New Mexico, Arizona, Utah, Nevada Idaho, California, Washington, Oregon.

[3]) Delaware, Maryland, Distr. of Columbia, Virginia, West Virginia, North Carolina, South Carolina, Georgia, Florida.

[4]) Kentucky, Tennessee, Alabama, Mississipi, Louiziana, Texas, Arkansas.

[5]) Maine, New Hampshire, Vermont, Massachusetts, Rhode Island, Connecticut, New Jork, New Jersey, Pennsylvania.

заться опаснымъ для слишкомъ задолженныхъ фермеровъ. Соединенные Штаты обязаны ему (а также закону о Homestead) быстрымъ заселеніемъ и прогрессомъ культуры далекаго запада („Far West"), безъ него потребовались бы, вѣроятно, вѣка, а не годы для возникновенія здѣсь фермъ" [1]). Широкое пользованіе кредитомъ, конечно, предполагаетъ болѣе предпріимчивый и спекулятивный духъ у американскаго фермера нежели у его европейскаго собрата. „Большая разница между ними лежитъ въ томъ, что оба они предъявляютъ совсѣмъ разныя требованія къ продукту своего труда. Американскій фермеръ хочетъ не только поддерживать свое существованіе, но и идти впередъ. Каждый американецъ хочетъ зарабатывать деньги, фермеръ также не такъ идиллически настроенъ, чтобы хотѣлъ погасить въ себѣ этотъ оживляющій духъ ради спокойной и удобной жизни. Если не удается традиціонное воздѣлываніе маиса и пшеницы, онъ пытается производить еще что-нибудь, — отсюда частыя измѣненія въ площади различныхъ культуръ. На этотъ случай у него не бываетъ недостатка предпріимчивости или стремленія къ новизнѣ" [1]). Отсюда и образъ жизни американскаго фермера, его

[1]) *Levasseur.* L'agriculture aux États-Unis, 523 — 4. Ср. его же предисловіе къ книгѣ *Buret.* Le homestead, стр. 216 О значеніи задолженности см. еще у *Arthur F. Bentley.* The condition of the western Farmer as illustrated by the economic history of a Nebraska township. Baltimore. 1893 (John Hopkins University Studies, VII—VIII, Eleventh series), стр. 76—7. Также *Ratzel.* Die Vereinigte Staaten von Amerika, 515. Естественно, что во многихъ случаяхъ эти долги ведутъ къ эксплуатаціи и закабаленію фермеровъ со стороны кредиторовъ. „Покупатели съ легкостью получаютъ деньги въ долгъ изъ 12%, такъ какъ существуетъ, по крайней мѣрѣ, съ дюжину капиталистическихъ компаній, имѣющихъ большую выгоду отъ того, что они даютъ деньги подъ земли и фермы на западѣ. Этотъ ростовщическій процентъ въ концѣ концовъ разоряетъ крестьянина, и вотъ кредиторы соединяютъ землю, подвергнутую должникомъ первоначальной разработкѣ, въ большіе участки. Крестьянинъ въ теченіе ряда лѣтъ работалъ даромъ, и долженъ теперь изъ собственника становиться арендаторомъ, изъ арендатора наемнымъ рабочимъ". (Douai, l. c. 151).

[2]) Ratzel, l. c. 425. Ср. также Sering, l. c. 180 Въ связи съ коммерческимъ духомъ фермеровъ и возможностью проводить на новыхъ мѣстахъ принципы раціональности, не стѣсняясь наслѣдіемъ старины, стоитъ квадратная форма земельныхъ участковъ, допускающая наиболѣе цѣлесообразное пользованіе полемъ. Oetken указываетъ, что благодаря квадратной формѣ оказывается болѣе удобнымъ расположеніе усадьбы, болѣе выгодное раздѣленіе полей на клинья, примѣненіе большаго числа машинъ,

standart of life, несравненно выше, чѣмъ европейскаго крестьянина. Новѣйшій американскій авторъ пишетъ о потребностяхъ теперешняго американскаго фермера слѣдующее: „хотя цѣны упали, но уровень жизни поднялся. Многое изъ того, что составляетъ въ настоящее время предметъ удобства и комфорта, 40—50 лѣтъ тому назадъ являлось роскошью, доступной только богатымъ людямъ. Напримѣръ, въ Сѣв. Каролинѣ средній фермеръ имѣлъ сахаръ въ кофе только по воскресеньямъ. Онъ самъ дѣлалъ свои плуги, бороны, ручки, люльки и спицы, строилъ свой домъ и сарай. Его жена шила не только платье для всего семейства, но и матрацы, подушки, одѣяла и т. д. Теперь фермеры строятъ лучшіе дома, покупаютъ столы, шкапы, скатерти, чулки, занавѣски, картины, піанино, органы, часы и т. д. Они покупаютъ больше и лучшаго качества платье, шляпы и обувь. Они ѣдятъ лучше приготовленную пищу, покупаютъ больше рыбы, мяса, сахара, кофе и риса“ [1]).

На долю американской энергіи и предпріимчивости должны быть отчасти отнесены успѣхи американскаго земледѣлія. Но не эти качества, какъ они не цѣнны, обусловили ту всепобѣждающую силу американскаго земледѣлія, отъ которой рушится и стонетъ земледѣліе европейское. Успѣхи эти стоятъ въ связи съ колоніальнымъ характеромъ американскаго земледѣлія, съ обращеніемъ подъ обработку новыхъ земель; благодаря этому экстенсивному, а не интенсивному повышенію производства, росла производительность американскаго земледѣлія: производство зерновыхъ хлѣбовъ съ 1839 по 1889 годъ выросло съ 615,625,312 буш. до 3,518,816,904 буш., а въ частности пшеницы съ 84,823,272 до 486,373,968 буш. [2]). Причины американской конкурренціи лежатъ не въ какихъ-либо преимуществахъ американскаго земледѣлія, какъ такового, преимущества эти не играютъ никакой существенной роли,—поселите въ Америку русскаго мужика и онъ

надзоръ за полемъ. (*Fr. Oetken.* Die Landwirtschaft in den Vereinigten Staaten von Nordamerika. Berlin. 1893. Стр. 98—101).

[1]) *Jerome Dowd.* Natural Causes of Agricultural Depression въ Guntons' Magazine of American Economics and Political Science. Januar 1897, стр. 54.

[2]) Report on the Statistics of agriculture in the United States at the Eleventh Census. Washington. 1895. Стр. 6. Результаты 11-го ценза съ рѣдкой роскошью и наглядностью представлены въ Statistical Atlas of the United States. Eleventh Census. By Henry Gannet. 1898. Washington.

будетъ почти столь же опаснымъ конкуррентомъ европейскому земледѣлію, какъ и теперешній американскій фермеръ.

Причина эта въ томъ, что благодаря изобилію свободной земли здѣсь временно не чувствуется законъ убывающаго плодородія почвы; преимущества Америки въ данномъ случаѣ не въ культурѣ, а въ некультурности. Такъ какъ рента и цѣна земли являются функціей закона убывающаго плодородія почвы, результатомъ ограниченности производительныхъ силъ земли, то здѣсь нѣтъ или почти нѣтъ и ренты и цѣны земли. Это было съ классической простотой и ясностью отмѣчено еще Уэкфильдомъ: „Американская теорія ренты такова. Рента состоитъ въ ежегодныхъ платежахъ за пользованіе землей. Но много земли, которая можетъ быть обращена для пользованія въ цѣляхъ человѣка, не даетъ ренты. Напр. земля на южномъ берегу Новой Голландіи или дальняго запада Миссиссипи, которая совсѣмъ не заселена, не даетъ ренты, и никогда не будетъ ее давать, пока не будетъ людей, которые пожелали бы ее взять. Такимъ образомъ, никто не будетъ платить за пользованіе землей, пользоваться которой не находится другихъ желающихъ лицъ. Поэтому рента проистекаетъ изъ-за соперничества въ пользованіе землей“ [1]).

Мѣстомъ, откуда идетъ разрушительная американская конкурренція, являются новые штаты центра и запада. Согласно отзывамъ всѣхъ путешественниковъ, земледѣліе стоитъ здѣсь крайне низко. Проф. Вольтманъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ хозяйство на гигантскихъ фермахъ Дакоты: „всѣ эти фермы отличаются безгранично хищническимъ характеромъ земледѣлія. Изъ зерновыхъ хлѣбовъ воздѣлываются, главнымъ образомъ, яровая пшеница, въ гораздо меньшей степени овесъ и ячмень. Дальнѣйшей отличительной чертой является то, что хозяйство здѣсь не имѣетъ скота, исключая необходимаго упряжнаго скота и нѣсколькихъ свиней и овецъ, и возможно широко примѣняются машины“ [2]). Левассеръ говоритъ: „американцы употребляютъ мало удобренія. Земля въ большинствѣ штатовъ еще не имѣетъ достаточно высокой цѣнности для того, чтобы воздѣлыватель рѣшился увеличивать ея производительность, затрачивая лишній капиталъ. До сихъ поръ дѣло больше сводилось къ воздѣлыванію новыхъ

[1]) *Wakefield*, l. c. 136.

[2]) *F. Wohltmann*. Landwirtschaftliche Reisestudien über Chicago und Nord-America. Breslau. 1894. Стр. 19.

земель, а не меліорированью старыхъ“ [1]). Сюда же относится и односторонній характеръ американскаго земледѣлія, который является результатомъ стремленія извлечь наибольшій доходъ изъ земли съ наименьшими издержками. Этого рода раздѣленіе труда или, точнѣе, спеціализація производства, не только не имѣетъ ничего общаго съ раздѣленіемъ труда въ промышленности, но является также одной изъ формъ хищническаго хозяйства, при которомъ менѣе всего заботятся о наиболѣе производительномъ (и, слѣдовательно, многостороннемъ) пользованіи землею. Вотъ какъ характеризуетъ эту особенность американскаго хозяйства Землеръ: „хотя въ наибольшей степени раздѣленіе труда проводится въ гигантскихъ фермахъ, но имъ слѣдуетъ въ этомъ, насколько можетъ, и мелкій фермеръ. Концентрировать всю энергію на одной отрасли хозяйства, таковъ всеобщій девизъ... Фермеръ со своимъ семействомъ живетъ въ легкихъ досчатыхъ строеніяхъ и обрабатываетъ совсѣмъ одинъ свою землю, состоящую изъ 100—300 акровъ, онъ находитъ даже время работать нѣсколько мѣсяцевъ на другихъ. Только въ теченіе посѣва онъ приглашаетъ одного рабочаго на 14 дней, да во время жатвы 12—15 рабочихъ на 3—4 дня. Ему нечего жать, кромѣ пшеницы, иногда еще ячменя или

---

[1]) *Levasseur*. L'agriculture aux États Unis, 288. Ср. также Ратцель: благодаря стремленію всячески экономить на издержкахъ производства и на рабочей силѣ „потеря на хлѣбѣ, котораго употребляется при посѣвѣ благодаря недостатку рабочихъ слишкомъ много, оцѣнивается не менѣе 3 милл. долл. въ годъ. Вреднымъ послѣдствіемъ поверхностнаго вспахиванья является масса сорныхъ травъ. Неурожаи пшеницы въ сухіе года въ такихъ областяхъ, какъ Канзасъ, Небраска, Дакота не были бы никогда столь велики, еслибы поверхностное вспахиванье земли не дозволяло ей высыхать до самаго зерна. Наконецъ, потеря удобренія, а нерѣдко и соломы, которую часто прямо жгутъ, сводится къ тѣмъ же причинамъ. Низкая цѣна земли и высокая цѣна труда объясняютъ достаточно многія отличительныя особенности американскаго земледѣлія, предпочтеніе, которое оказываютъ они машинамъ, также эстетическіе недостатки въ домахъ и въ садахъ, которые чувствительны многимъ европейцамъ. Тщательное воздѣлываніе и чистота европейскихъ имѣній не встрѣчается на западѣ, чаще на востокѣ... Съ тѣхъ поръ какъ крупный капиталъ овладѣлъ обширными площадями, чтобы подвергнуть ихъ быстрой эксплуатаціи, это хищническое земледѣліе создаетъ большую опасность для будущихъ поколѣній“ (Ratzel, l. c. 420—1—2). (Въ русской литературѣ имѣется не мало описаній хищническаго хозяйства зап. штатовъ, такъ что мы можемъ ограничиться сказаннымъ).

маиса, ибо картофель, овощи и предметы прочихъ потребностей онъ покупаетъ. Нѣсколько куръ снабжаютъ его яйцами, три или четыре коровы, которыя, насколько позволяетъ погода, пасутся на лугу вмѣстѣ съ четырьмя, служащими для упряжныхъ работъ, доставляютъ ему молоко и масло (однако случается, что фермеръ покупаетъ и яйца и масло, примѣры см. у Сарторіуса). Сказанное относительно раздѣленія труда на мелкихъ фермахъ имѣетъ силу, впрочемъ, болѣе относительно запада нежели востока Сѣв. Америки (весьма характерное различіе!), такъ какъ на востокѣ фермеръ болѣе или менѣе заботится о томъ, чтобы наряду съ своими рыночными продуктами, производить и для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ напр., въ Германіи. Впрочемъ, къ такому одностороннему воздѣлыванію земли прибѣгаютъ не одни фермеры, производящіе пшеницу. Существуютъ фермеры, которые водятъ только свиней или рогатый скотъ, или овецъ, тогда какъ другіе занимаются лишь пчеловодствомъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ встрѣчаются даже такія фермы, которыя посвящены исключительно производству фруктовъ, притомъ не производству фруктовъ вообще, а лишь опредѣленнаго вида. Въ Пенсильваніи, Делаварѣ и Ньюджерсеѣ господствовали „персиковыя фермы“, въ Флоридѣ и южной Калифорніи „апельсиновыя фермы“, въ Орегонѣ „сливяныя“ фермы, въ средней Калифорніи „вишневыя“, „грушевыя“, „земляничныя“, „малиновыя“ фермы. Весьма рѣдко на одной фермѣ производятся всѣ сорта фруктовъ, которые дозволяютъ климатъ и свойства почвы. На „куриныхъ фермахъ“ держатся только куры, рѣдко еще нѣсколько утокъ и индюшекъ. Для послѣднихъ есть „индюшечныя фермы“. На югѣ, несмотря на отмѣну рабства, хозяйство мало измѣнилось, и мы находимъ теперь какъ и прежде плантаціи, которыя посвящены лишь воздѣлыванію хлопка, риса и табаку. Особенно значительное раздѣленіе труда имѣло мѣсто въ скотоводствѣ. Владѣлецъ стадъ, которыя онъ вскармливаетъ на пастбищахъ, никогда не доитъ своихъ коровъ, а тамъ, гдѣ введено стойловое содержаніе скота, занимаются доеньемъ, но больше ничѣмъ. Молочныя хозяйства дѣлятся на такія, которыя продаютъ молоко, превращаютъ его въ масло или дѣлаютъ сыръ“ и т. д. [1]).

[1]) *H. Semler.* Die wahre Bedeutung und die wirkliche Ursachen der nordamerikanischen Konkurrenz in der landwirtschaftlichen Produktion. Wismar.

Таковъ типъ хозяйства, выработавшагося подъ вліяніемъ своеобразныхъ американскихъ условій, въ ряду которыхъ наибольшую важность имѣетъ дешевизна земли. Слѣдующее сопоставленіе даетъ наглядное, можно сказать, цифровое выраженіе тѣмъ причинамъ, которыя дѣлаютъ американскую конкурренцію столь опасной и разрушительной для европейскаго земледѣлія. Возьмемъ расчетъ издержекъ производства въ Англіи, относящійся къ концу 70-хъ годовъ и представленный парламентской коммиссіи 80-хъ годовъ (этотъ расчетъ приводился уже выше [1]), затѣмъ расчетъ издержекъ въ Германіи въ концѣ 80-хъ годовъ, составленный проф. Дрекслеромъ [2]), и, наконецъ, расчетъ издержекъ производства въ началѣ 80-хъ годовъ на гигантской фермѣ Дарлимпля [3]). (Такъ какъ это сопоставленіе преслѣдуетъ только цѣли иллюстраціи, то различіе времени, къ которому относятся эти данныя, здѣсь не имѣетъ значенія).

Англія.	%	Германія.	Марокъ.	Америка; издержки съ акра въ долларахъ и центахъ.	
Рента, налоги и десятина . .	28,91	Рента (% на зем. капиталъ)	26	Рента (% на зем. капиталъ)	72 цента
Трудъ	20,32	Страхов. и налоги	5,90	Налоги	10 „
Скотъ и кормъ	22,08	Трудъ	27,48	% на капиталъ (зданія, строенія, машины)	10 „
Удобреніе . .	2,74	Удобреніе . .	29,80	Вспашка	3 дол.
Разное	16,05	Общія изд. . .	13	Посѣвъ	1½ „
Всего издерж.	90,10	% на капиталъ	3	Жатва и обмолотъ	3 „
Прибыли . . .	9,90	Всего . .	106,18	Всего	8 дол. 42 ц

1881. Стр. 60—61. Ср. также отзыв. Сарторіуса: „раздѣленіе труда въ американскомъ земледѣліи поддерживается дешевизной почвы. Непрерывное, одностороннее воздѣлываніе почвы въ цѣляхъ производства однихъ и тѣхъ же продуктовъ означаетъ ея истощеніе. Такъ какъ земля была дешева, и всегда можно было купить новую, никогда не воздѣлывавшуюся до сихъ поръ землю, можно было рисковать на воздѣлыванье этихъ новыхъ земель и проводить раздѣленіе труда“ (Die nordamerikanischen Gewerkschaften, 128).

[1]) См. т. I, стр. 277, прим.

[2]) *Drechsler.* Die Productionskosten der Hauptgetreidearten въ сборникѣ Festgaben für G. Hanssen. Tübingen 1889.

[3]) *Finlay Dun.* American farming and food. London. 1881.

Мы видимъ, что и въ Англіи, и въ Германіи издержки на земельную ренту составляютъ почти столько, сколько и на трудъ; наряду съ этимъ высокая статья расходовъ—удобреніе (въ Германіи), скотъ (въ Англіи); наконецъ пропорціонально высоки и общія издержки. Въ Америкѣ же расходы на ренту и на капиталъ вмѣстѣ составляютъ менѣе $^1/_8$ издержекъ производства, которыя состоятъ почти исключительно изъ заработной платы. Поэтому, „для Европы имѣетъ чрезвычайно большую важность тотъ фактъ, что цѣна земли на западѣ составляетъ отъ 10 до 15 долл. за акръ, почти десятую часть той цѣны, какую имѣетъ пшеничная земля въ Средней Европѣ. А цѣны на земли, естественно, стоятъ въ тѣсной связи съ количествомъ населенія“ [1]).

Но и въ предѣлахъ Америки различаются районы разной плотности населенія,—востокъ, составляющій центръ промышленности и торговли, рѣзко отличается отъ запада, во многомъ представляя уже европейскія условія [2]). И для пониманія условій американской конкурренціи и американскаго развитія является поучительнымъ тотъ аграрный кризисъ, который западно-американское земледѣліе производитъ не въ Европѣ, но у себя дома, тотъ жесточайшій кризисъ, въ которомъ находятся теперь штаты промышленнаго востока. Кл. Жанэ даетъ слѣдующую характеристику кризиса: „поля Новой Англіи и даже части штатовъ Нью-Іорка и Пенсильваніи угнетены земледѣльческимъ кризисомъ болѣе интенсивнымъ, чѣмъ кризисъ въ восточной Европѣ. Цѣлые округа обезлюживаются, повсюду продаются фермы за цѣну, которая не покрываетъ даже цѣнности построекъ, такъ что земля отдается даромъ и тѣмъ не менѣе не находитъ покупщика. Въ Вермонтѣ, который, правда, очень гористъ, продаются 30,000 акровъ по крайней мѣрѣ по 5 долл. за акръ; въ Нью-Гампшайрѣ 20,000 акровъ продаются въ среднемъ по 10 долл. 86 ц. за акръ. Въ Нью-Іоркѣ можно купить очень хорошую землю по 30 д. за акръ, что составляетъ пониженіе цѣны отъ 50 до 100%, сравнительно съ цѣной 50 лѣтъ тому назадъ. Во всей части Соед. Шт. между Атлантическимъ океаномъ и Аллеганами, до Мэрилэнда, земля потеряла, по крайней мѣрѣ, четвертую

---

[1]) Ratzel, l. c. 433.

[2]) Тогда какъ средняя плотность населенія напр. въ Rhode Island составляетъ 106, а Массачусетсѣ 104 на кв. километръ, Idaho и Montana имѣютъ 0,3, Arizona, Wyoming и Nevada лишь 0,1 жителя на кв. километръ.

часть своей цѣнности". Такого паденія цѣнности земли не знаетъ еще ни одна европейская страна. „Нѣкоторое число фермеровъ Вермонта и Нью Гампшайра — продолжаетъ Жанэ — отправляются на дальній западъ, чтобы взять тамъ болѣе обширный и плодородный участокъ земли; но если хотите знать, куда идутъ они массами, слѣдуетъ открыть цензы сосѣднихъ промышленныхъ штатовъ. Въ одномъ Массачусетсѣ въ 1885 году было до 130,000 лицъ, родившихся въ Мэнѣ, 100,000 лицъ, родившихся въ Нью-Гампшайрѣ, болѣе 60,000, родившихся въ Вермонтѣ. Вотъ какимъ образомъ обезлюживаются чисто земледѣльческіе штаты. Въ Коннектикутѣ города и промышленныя округа продолжаютъ расти, между тѣмъ какъ промышленные графства теряютъ часть своего населенія" [1]). Въ восточныхъ штатахъ происходитъ, слѣдовательно, то же относительное поглощеніе городомъ деревни, что и въ Европѣ Подобными же чертами характеризуетъ кризисъ и Левассеръ: „забрасыванье фермъ на востокѣ сдѣлалось однимъ изъ классическихъ сюжетовъ американской политической экономіи, и нѣтъ путешественника, который, находясь въ этой странѣ, не слыхалъ бы этой короткой фразы, имѣющей въ устахъ американца значеніе безусловно обвинительнаго приговора: Farming does not pay in the East, сельское хозяйство не окупается на востокѣ. Не пускаясь въ изслѣдованіе причинъ, впрочемъ, вполнѣ ясныхъ, достаточно установить здѣсь фактъ полнаго разоренія земледѣлія на востокѣ, оно настолько очевидно, что не нужно даже его доказывать... Повсюду, гдѣ только фабрики не собираютъ вокругъ себя болѣе или менѣе густого населенія, поля обезлюживаются, а фермеры удаляются на востокъ заниматься прежней своей профессіей, которая можетъ „оплачиваться" теперь только тамъ" [2]). Существованіе кризиса можетъ быть уста-

---

[1]) *Claudio Jannet.* Le capital, la speculation et la finance au XIX siècle. Paris. 1892. Стр. 128, 130.

[2]) *Levasseur.* Préface къ книгѣ *Buret,* le Homestead, 1895, стр. 239—240. Ср. также по-американски тенденціозную книгу *W. A. Peffer.* The farmer's side. His troubles and their remedy. New-York. 1891. „Въ Новой Англіи фермы не только заложены, но многія изъ нихъ заброшены ихъ собственниками. Коммиссаръ земледѣлія въ Вермонтѣ въ 1889 году сообщалъ о широкораспространенномъ фактѣ забрасыванія фермъ въ этомъ штатѣ" (34). Эти явленія отмѣчаются уже съ начала 80-хъ годовъ. Такъ напр. Дуэ пишетъ, что восточные штаты давно уже получаютъ свой хлѣбъ изъ западныхъ. „Дѣти фермеровъ или эмигрируютъ на западъ или

новлено не только на основаніи отзывовъ и впечатлѣній отдѣльныхъ лицъ, но и статистическихъ данныхъ. О немъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, высокій процентъ ипотечной задолженности въ North Atlantic Division, который здѣсь не можетъ быть объясненъ колоніальнымъ характеромъ развитія, какъ задолженность западныхъ штатовъ [1]). Но въ особенности критическое состояніе земледѣлія въ промышленныхъ Штатахъ (North Atlantic Division) уясняется сопоставленіемъ данныхъ сельскохозяйственной статистики. Прежде всего, при общемъ ростѣ сельскохозяйственной (Farmland) и культивируемой (improved) площади, въ N. A. D. наблюдается обратное: за десятилѣтіе 1880—1890 гг. число фермъ уменьшилось здѣсь съ 696,179 до 658,560, площадь уменьшилась съ 67,985,640 акровъ до 62,743,525, а, кромѣ того, процентъ невоздѣлываемой земли въ составѣ этой площади увеличился въ 31,77% до 32,52% (во всѣхъ другихъ частяхъ С.-Шт. этотъ процентъ уменьшился). По оцѣнкѣ (насколько, конечно, можно довѣрять приблизительному характеру этихъ оцѣнокъ) общая цѣнность сельскохозяйственнаго производства, непрерывно возрастающая во всѣхъ divisions, въ North Atlantic сокращалась отъ десятилѣтія къ десятилѣтію въ періодъ 1870—1880—1890 такъ: 3,684,322,312 дол,, 3,196,567,477 и 2,969,971,293. Въ частности цѣнность земель и построекъ: 3,159,030,197 д., 2,803,443,402 д., 2,539,220,537; цѣнность продуктовъ фермъ: 634,223,687 д., 440,780,498 д., 418,302,066 д. Производство пшеницы въ періодъ 1880—1890 сократилось по площади съ 2,410,758 акровъ до 1,917,709, а по числу бушелей съ 34,178,947 до 32,012,544, также сократилась площадь ячменя (хотя производство даже нѣсколько увеличилось), маиса, гречихи, зато площадь пастбищъ увеличилась съ 12,026,364 акровъ до

еще чаще въ города, чтобы тамъ при болѣе легкой работѣ скорѣе разбогатѣть или же также и обѣднѣть. Въ штатахъ Новой Англіи продается почти всякая мелкая ферма, лишь бы только найти покупателя, что при господствѣ эмиграціи весьма затруднительно“ (Donai, l. c. 151). Dun также свидѣтельствуетъ: „фермеры восточныхъ штатовъ подобно своимъ собратьямъ Великобританіи, нѣсколько лѣтъ страдали отъ западной конкурренціи“ и т. д. (Dun, l. c. 8—9). Кризисъ въ восточныхъ штатахъ съ полной ясностью былъ констатированъ во время путешествія Зерингомъ: цит. соч.

[1]) На высокую задолженность указываетъ, съ особенной настойчивостью Peffer, op. cit.

13,205,321, количество же сѣна въ тоннахъ съ 12,665,694 до 16,234,045,—характерная черта, значеніе которой мы уже достаточно изучили въ старомъ свѣтѣ [1]).

На долю N. Atl. D. остается лишь молочное хозяйство, которое имѣетъ обширный рынокъ въ многочисленныхъ городахъ (производство молока здѣсь составляло въ 1870 году 186,605,146 галлоновъ, въ 1880—345,749,869, въ 1890—1,435,739,255, но уже въ производствѣ масла и сыра чувствуется и здѣсь конкурренція, такъ что количество производимаго масла сократилось съ 266,226,019 въ 1880 году до 246,788,544 фунтовъ въ 1890 году, а сыра съ 35,144,853 въ 1870 году до 6,693,681,—сокращеніе колоссальное). Многочисленное городское населеніе, далѣе, образуетъ обширный рынокъ для фруктовъ и овощей, такъ называемое market gardening, но и здѣсь мѣстному производству является конкурренція со стороны truck farming [2]).

---

[1]) Всѣ данныя заимствованы изъ 11-го ценза Таблицу относительно измѣненій производства разныхъ хлѣбовъ и цѣнности производства въ разныхъ Divisions не приводимъ здѣсь изъ экономіи мѣста.

[2]) Вотъ какъ опредѣляется въ 11-мъ цензѣ разница между этими двумя видами хозяйства: „производство фруктовъ и овощей для рынка съ большимъ успѣхомъ велось раньше какъ отрасль общаго сельскаго хозяйства, а позднѣе какъ спеціальность, извѣстная подъ названіемъ market gardening. Это производство обыкновенно ведется на нѣсколькихъ обильно удобренныхъ и хорошо воздѣланныхъ акрахъ земли, съ такимъ чередованіемъ растеній, чтобы возможно было ежедневно распродавать всѣ, производимыя сегодня, растенія, и чтобы возможно было ежедневное снабженіе втеченіе большей части года. Фермы эти обыкновенно помѣщались на довольно значительномъ разстояніи отъ городовъ и имѣли дѣло обыкновенно съ зеленщикомъ и лишь въ небольшихъ городахъ прямо съ потребителемъ. Truck farming, хотя и состоитъ также въ производствѣ зелени для рынка, отличается отъ market gardening тѣмъ, что, тогда какъ market gardener живетъ вблизи рынка и сбываетъ продукты самъ, обыкновенно производя весьма разнообразныя растенія, truck farmer живетъ вдали отъ рынка, зависитъ отъ транспортныхъ компаній и коммиссіонеровъ въ сбытѣ своихъ продуктовъ, и посвящаетъ себя обыкновенно тѣмъ спеціальностямъ, которыя являются болѣе всего подходящими къ почвѣ и климату. До 1860 года truck farming было неизвѣстно, исключая весьма ограниченной области вдоль жел. дорогъ и параходныхъ путей, въ разстояніи примѣрно 50 миль отъ большихъ городовъ сѣвера. Лонгъ-Айлэндъ, Делаваръ и южный Иллинойсъ, повидимому, были въ это время главными центрами truck въ странѣ. Быстрый ростъ городовъ и спросъ на большее количество болѣе разнообразныхъ овощей втеченіе цѣлаго года, измѣнив-

Подъ давленіемъ конкурренціи новыхъ земель, приростъ площади зерновыхъ хлѣбовъ распредѣляется въ Соед. Шт. далеко не равномѣрно; здѣсь наблюдается извѣстное территоріальное раздѣленіе производства, опредѣляемое не столько естественными преимуществами, сколько большей или меньшей возможностью вести хищническую культуру на дѣвственныхъ поляхъ. За послѣднее отчетное десятилѣтіе „N. A. D. показываетъ убыль площади зерновыхъ хлѣбовъ 1,044,489 или 10,54%; S. A. D. убыль 733,320 акровъ или 4,75%; N. C. D. занимающая значительную часть великой центральной равнины и, слѣдовательно. включающая всѣ важнѣйшіе производящіе зерно штаты Союза, обнаруживаетъ приростъ въ 20,429,272 акра или 29,12%; S. C. D.—приростъ въ 832,348 акра или 4,31%, West. D. приростъ 2,101,865 акровъ или 55,15%“ [1]). Эти данныя показываютъ наглядно, откуда идетъ конкурренція дешеваго хлѣба.

Итакъ, если опасность конкурренціи западныхъ штатовъ съ восточными, а также съ Европой проистекаетъ именно изъ обилія свободныхъ земель, то, очевидно, эта конкурренція будетъ ослабѣвать, по мѣрѣ того какъ площадь свободныхъ земель будетъ истощаться. Необходимость перехода къ болѣе интенсивной обработкѣ будетъ сопровождаться поднятіемъ цѣнъ и постепеннымъ установленіемъ европейскихъ условій земледѣлія. Насколько Соед. Шт. уже близки къ этому состоянію? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы не можемъ. Есть вполнѣ авторитетные голоса, высказывающіеся въ томъ смыслѣ, что моментъ истощенія свободныхъ

шееся положеніе юга послѣ конца войны, расширеніе ж. дор. сѣти—все соединилось для развитія этого производства, такъ что значительная часть зелени, потреблявшейся въ городахъ, стали производиться въ 500—1,500 миляхъ отъ мѣста потребленія“ и т. д. (Rep. on Agr. at the 11-th Census).

[1]) Report on the statistics of agriculture in the Un. St. at the Eleventh Census. Washington 1895, стр. 6. „Централизація производства пшеницы наиболѣе отмѣчается въ N. C. D., въ которой пшеничная площадь, занимая 25,07% всей территоріи, составляетъ 67,25% пшеничной площади Соед. Шт. Единственная другая группа, въ которой площадь пшеницы относительно всей площади превосходитъ эту группу, есть N. A. D., благодаря обширному производству пшеницы въ штатахъ Нью-Іоркъ и Пенсильваніи. Эта группа составляетъ 5,46% всей ея площади и 5,71% всей пшеничной площади страны. S. A. D. содержитъ 9,04% своей площади и 7,95% всей пшеничной площади, S. C. D. 20,55% и 6,89%, West. D. имѣетъ подъ пшеницей 39,58% своей площади и 12,20% всей пшеничной площади страны, главнымъ образомъ, въ Калифорніи, Орегонѣ и Вашингтонѣ“ (15).

земель уже близокъ. Такъ думаетъ, напр., Ратцель. „Огромный оптимизмъ относительно дальняго запада, который поддерживался чужестранными посѣтителями, быстро исчезаетъ“. Континентальный климатъ, недостатокъ влаги дѣлаютъ необходимымъ тамъ искусственное орошеніе. „Вопросъ о восполненіи недостаточнаго количества дождевой влаги остается для запада Соед. Шт. важнѣйшей изъ всѣхъ проблемъ. Чѣмъ болѣе населеніе двигается на западъ, тѣмъ болѣе жгучимъ становится вопросъ объ искусственномъ орошеніи“ [1]). Между тѣмъ, по даннымъ ценза 1890 г., орошаемая площадь нигдѣ не составляла болѣе $^1/_2\,^0/_0$ земельной площади [2]). „Прекрасная пѣсенка объ uncle Sam, который каждому можетъ подарить ферму, должна смолкнуть предъ лицомъ пустынь запада“,—таковъ выводъ Ратцеля [3]).

Чтобы исчерпать основныя колоніальныя особенности американскаго земледѣлія, мы должны еще коснуться „вопроса о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“, который ставится здѣсь несравненно острѣе, чѣмъ въ Европѣ. Недостатокъ рабочихъ, естественно, составляетъ основную особенность американскаго земледѣлія; если онъ чувствуется здѣсь и въ промышленности, тѣмъ болѣе онъ долженъ чувствоваться въ земледѣліи. И этотъ недостатокъ налагаетъ свою печать на всю физіономію сельскаго хозяйства въ Америкѣ. Американскій хозяинъ долженъ прежде всего и во всемъ экономить трудъ. Въ связи съ этимъ стоитъ чрезвычайно низкая работоинтенсивность хозяйства, существующаго наемнымъ трудомъ, а также и его односторонность, позволяющая большее

---

[1]) Ratzel l. c. 393.

[2]) Вопросъ объ орошеніи былъ впервые подвергнутъ обслѣдованію въ цензѣ 1890 года: *F. H. Newell.* Report on Agriculture by irrigation in the western part of the Un. St. at the Eleventh Census. Washington. 1894.

[3]) Ratzel l. c. 433. Мнѣніе о скоромъ истощеніи свободныхъ земель и, слѣдовательно, прекращеніи аграрной конкурренціи выражаютъ и нѣкоторые другіе авторы, напр. *Annecke.* Die Lage der Landwirtschaft in den Vereinigten Staaten von Nordamerika (въ Schmoller's Jahrbuch, 1891), также *Weber.* The growth of cities, 226 и др. Ср. также *E. V. Smalley.* Has farm machinery destroyed farm life? (The Forum, 1884): „западный читатель, безъ сомнѣнія воспитанъ въ тѣхъ представленіяхъ, что обширныя бѣлыя мѣста на картѣ запада представляютъ земли, пригодныя для воздѣлыванія, между тѣмъ это не такъ: они относятся къ обширному сухому поясу. Фермеры уже пробовали вторгнуться въ этотъ поясъ, но принуждены были отступить“ (246—7).

сбереженіе труда. „Благодаря необходимости экономить трудъ, остаются невыполненными многія работы, которыя въ Европѣ служатъ къ украшенію и содержанію въ чистотѣ имѣнія и усадьбы. Столь аккуратно и чисто содержимыхъ дворовъ, столь опрятнаго содержанія поля, столь хорошо вычищеннаго скота, какъ все это часто встрѣчается въ имѣніяхъ Германіи и Австріи, я почти не видалъ въ Америкѣ", пишетъ проф. Вилькенсъ [1]).

Недостатокъ рабочей силы, естественно, ведетъ здѣсь къ повышенію уровня заработной платы сельскохозяйственныхъ рабочихъ; высота ея общеизвѣстна [2]). Благодаря общему недостатку рабочей силы въ Америкѣ сельскохозяйственные рабочіе не являются такими паріями рабочаго сословія, какъ въ Европѣ,—они предъявляютъ совершенно такія же требованія, какъ и промышленные рабочіе.

Стремленіе экономить на заработной платѣ приводитъ, прежде всего, къ тому, что предприниматели стремятся нанимать рабочаго не на весь годъ, а на опредѣленный срокъ, на то время, когда въ наибольшей степени сосредоточиваются сельскохозяйственныя работы. Это вызвало своеобразное явленіе американской жизни,—странствованія земледѣльческихъ рабочихъ, составляющія условіе существованія пустынныхъ фермъ дальняго запада. Какъ писалъ еще Дуэ, „ежегодно странствуютъ по странѣ толпы, состоящія изъ десятковъ тысячъ земледѣльческихъ рабочихъ. Въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ въ Техасѣ и Луизіанѣ приходится время посѣва; въ Арканзасѣ и южномъ Канзасѣ это время падаетъ на февраль и мартъ, въ сѣверномъ Канзасѣ и Миссури—на мартъ и апрѣль, въ Небраскѣ и Айовѣ—на май, въ Дакотѣ на конецъ мая. Въ то же время на югѣ уже начинается жатва: въ Техасѣ и Луизіанѣ въ апрѣлѣ и маѣ, въ Арканзасѣ и южномъ Канзасѣ въ іюнѣ; далѣе на сѣверѣ она начинается въ іюлѣ, въ Дакотѣ въ августѣ. Такъ переѣзжаютъ полки холостыхъ рабо-

[1]) Wilckens, l. c., 69.

[2]) Дуэ дѣлаетъ слѣдующее сопоставленіе зараб. платы для 1879: сельскохозяйственный рабочій получалъ въ недѣлю во Франціи 13,65 марокъ, Германіи—12,50 мар., Италіи—15,20 м., Англіи—13,95—18,50, въ Соед. Шт.: въ Нью-Іоркѣ 22,5—24, Чикаго 24—26 (l. c. 163). Сопоставленія зарплаты 70-хъ годовъ см. также у *Studnitz*, l. c., 108. Ср. также Sering, op. cit. Бытовыя картинки изъ жизни американскихъ рабочихъ см. у *Walter A. Wykoff.* The workers. An Experiment in Reality. The East. London. 1898, и The West. London. 1899.

чихъ съ сѣвера на югъ и наоборотъ, чтобы выполнять посѣвъ или жатву, или по очереди то и другое на крупныхъ фермахъ“ [1]).

Вторымъ слѣдствіемъ недостатка рабочей силы и высокой заработной платы является широкое распространеніе сельскохозяйственныхъ машинъ, стремленіе усилить капиталоинтенсивность хозяйства на счетъ трудоинтенсивности. Условіемъ,облегчающамъ широкое примѣненіе машинъ, является крайне экстенсивный а вмѣстѣ однообразный характеръ сельскохозяйственнаго производства въ Америкѣ. Мы уже знаемъ (см. введеніе), что машина находитъ тѣмъ большій доступъ въ сельское хозяйство, чѣмъ оно экстенсивнѣе и проще, одностороннѣе; степень участія машинъ въ производствѣ должна уменьшиться, послѣ того какъ американское земледѣліе станетъ интенсивнѣе. Обширныя дѣвственныя степи, ровныя и свободныя отъ камней, представляютъ особенно благопріятное поле для паровой обработки въ обширныхъ хозяйственныхъ комплексахъ.

Машинная обработка почвы облегчается и тѣмъ, что здѣсь машина сама идетъ къ фермеру. „Большая часть машинныхъ фабрикантовъ и торговцевъ имѣютъ агентовъ, которые разъѣзжаютъ по странѣ и, не щадя краснорѣчія, нахваливаютъ сельскимъ хозяевамъ свои машины, которыя отдаютъ и въ кредитъ. Этотъ кредитъ, конечно, весьма дорогъ, онъ обходится иногда въ 40%, но въ большинствѣ случаевъ машина очень необходима, чтобы замѣнять дорогую заработную плату“ [2]). „Если фермеръ не можетъ по размѣру своего имѣнія или средствъ самъ купить подходящую машину, то онъ соединяется съ однимъ или нѣсколькими сосѣдями въ маленькое товарищество, и машина пріобрѣтается сообща; или же, что также нерѣдко бываетъ, онъ совсѣмъ отказывается отъ покупки нужной машины и нанимаетъ ее у другого

---

[1]) Douai, l. c. 149. Очевидно, какое вліяніе должно имѣть это непостоянство въ занятіяхъ на рабочія организаціи. „Къ земледѣльческимъ рабочимъ примѣнимо то же, что и къ другимъ видамъ необученнаго труда, именно что организація (combination) не можетъ оказать вліянія на повышеніе цѣнъ. Къ этому присоединяется то обстоятельство, что они разбросаны на обширныхъ пространствахъ и что значительная часть ихъ лишена постоянныхъ занятій.. Во многихъ частяхъ страны сельскохозяйственный рабочій не является „hang“, или „employé“ или „servant“, но наемный человѣкъ („a hired man“)... Едва ли можно ожидать организаціи въ подобныхъ занятіяхъ“. (*Baker*. Monopolies and the people. New York and London. 1889. Стр. 129—30).

[2]) Wilckens, l. c. 92.

сельскаго хозяина или предпринимателя за соотвѣтствующую плату... Во многихъ мѣстахъ установился такой обычай, что фермеръ за деньги отдаетъ косить хлѣбъ особымъ предпринимателямъ, которые ѣздятъ съ своими машинами отъ фермы къ фермѣ. По мѣстамъ и при особыхъ обстоятельствахъ владѣльцы поручаютъ другимъ даже пахать свою землю, въ томъ случаѣ, если требуется необыкновенно глубокая вспашка, для чего употребляется, большей частью, паровой плугъ, или же если впервые запахивается прерія или пастбище.“ [1])

Машинное производство сдѣлало мыслимымъ воздѣлываніе пустынныхъ областей запада, которое было бы невозможно иначе въ силу недостатка рабочей силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно повысило въ нѣсколько разъ производительность рабочаго, точнѣе, ту земельную площадь, которую онъ можетъ обработать [2]). Машина до извѣстной степени регулируетъ и должную интенсивность труда, благодаря чему относительно удешевляется рабочая сила [3]). Всѣ путешественники свидѣтельствуютъ о высокомъ качествѣ американскаго сельскохозяйственнаго рабочаго и интенсивности его труда.

У насъ создалась настоящая миѳологія относительно машиннаго земледѣлія Соед. Шт., на почвѣ поверхностнаго и неправомѣрнаго отожествленія роли машинъ въ промышленности и земледѣліи. Иные видѣли здѣсь даже причины американской конкурренціи [4]). Не стоитъ опровергать эту наивность. Машины яви-

[1]) Oetken, l. c. 466.

[2]) „У насъ (въ зап. Европѣ) приходится въ пять разъ большее число лицъ на ту же площадь, чѣмъ въ Америкѣ. Въ общемъ я думаю не ошибиться, сказавъ, что благодаря усовершенствованнымъ машинамъ сельскохозяйственный трудъ тамъ по крайней мѣрѣ въ 3—4 раза производительнѣе чѣмъ у насъ“ (*Rud. Meyer*. Das Sinken der Grundrente und dessen mögliche sociale und politische Folgen. Wien und Leipzig. 1894. Стр. 99). „По очень умѣренной оцѣнкѣ, фермеры нашихъ дней съ помощью машинъ развиваютъ производительную силу, въ три раза большую, чѣмъ ихъ дѣды“ (*E. V. Smalley* Has farm machinery destroyed farm life, въ The Forum, 1884, стр. 244).

[3]) „Американецъ имѣетъ самовяжущую косилку. Одинъ человѣкъ и три лошади управляются съ 5—6 ha въ день. Если рабочій не справляется, по крайней мѣрѣ, съ 5 ha, я его отпускаю, потому что время въ жатву дорого. Онъ можетъ справиться съ 5 ha, а если понатужится, то и съ 6. Въ Европѣ на это нужно было бы 16—17 человѣкъ“ (Meyer l. c., 99).

[4]) Ср. напр. Мейеръ (l. c. 100): „столь дурно обставленное инструментами земледѣліе какъ европейское не можетъ надолго успѣшно конкур-

лись не слѣдствіемъ какихъ-либо преимуществъ американскаго земледѣлія, но его слабости,—недостатка рабочей силы, который онѣ и должны были возмѣстить. Основнымъ фономъ развитія и здѣсь является *свободная земля*, обиліе обширныхъ и незаселенныхъ пространствъ земли, которыя выгодно подвергать хотя бы поверхностной обработкѣ. Настоящіе успѣхи машиннаго производства есть чистѣйшій продуктъ колоніальныхъ особенностей развитія Соед. Шт., и просто смѣшно, когда вполнѣ серьезные люди рекомендуютъ это какъ образецъ для подражанія европейскому земледѣлію.

Теперь познакомимся съ распредѣленіемъ фермъ разныхъ размѣровъ въ Соед. Шт. и измѣненіями въ немъ. Приведемъ данныя, имѣющіяся по этому вопросу въ американскихъ цензахъ. (См. стр. 435—436).

Постараемся отдать себѣ отчетъ въ содержаніи этой таблицы. Прежде всего, бросается въ глаза, что средній размѣръ американскихъ фермъ значительно выше чѣмъ въ Европѣ (даже въ капиталистической Англіи онъ составляетъ около 65 акровъ, т. е. вдвое меньше чѣмъ въ Соед. Шт.). Это объясняется, конечно, болѣе экстенсивнымъ и одностороннимъ характеромъ американскаго земледѣлія. Площадь, доступная единоличной обработкѣ, во много разъ превышаетъ здѣсь европейскую; это можно уже видѣть изъ обычныхъ размѣровъ гомстэда. Эти средніе размѣры еще болѣе повышаются благодаря развитію машинъ, позволяющихъ подвергать экстенсивной и однообразной обработкѣ болѣе обширную площадь [1]). Машины

рировать съ американскимъ, столь хорошо обставленнымъ; это также невозможно, какъ если бы ручной силезскій ткачъ сталъ конкуррировать съ крупными фабрикантами Бремена или Золингена". Подобная же точка зрѣнія выражена и въ Эрфуртской Программѣ: Erfurter Programm, стр. 22, прим.

[1]) На усиленіе тенденціи фермъ къ консолидаціи благодаря машинамъ указываетъ въ цит. статьѣ *Smalley*. „Теперь никто не станетъ обрабатывать въ преріи ферму, менѣе чѣмъ „quarter section of land", т. е. 160 акровъ. Всякій толковый фермеръ, воздѣлывающій одну секцію, норовитъ прикупить другую. Выгоднѣе воздѣлывать 320 акровъ, чѣмъ 160,— будутъ болѣе полно использованы машины" (244). Въ 1881 году F. Dun писалъ: „возникаетъ практическій вопросъ: какого размѣра фермы даютъ наилучшій доходъ?... Безъ сомнѣнія, его получаютъ предпріимчивые фермеры, имѣющіе отъ 80 до 160 акровъ. Большую часть работъ они дѣлаютъ сами лишь съ помощью семейства" (l. c. 49).

	Годы.	Общее число фермъ.	Общая площадь въ акрахъ.	Средніе размѣры фермъ	Число фермъ ниже 10 акровъ	Число фермъ 10 — 20 акровъ.	Число фермъ 20 — 50 акровъ.	Число фермъ 50—100 акровъ.	Число фермъ 100—500 акровъ.	Число фермъ 500 — 1000 акровъ.	Число фермъ выше 1000 акровъ.	Плотность населенія на кв. килом.
Соединенные Штаты.	1890	4,564,641	623,218,619	137	150,194	265,550	907,777	1,121,485	2,008,694	84,395	31,546	21,31
	1880	4,008,907	536,081,835	134	139,241	254,749	781,574	1,032,810	1,695,983	75,972	28,578	17,29
	1870	2,659,985	407,735,041	153								
	1860	2,044,077	407,212,538	199								
	1850	1,449,073	293,560,614	203								
North	1890	658,569	62,743,525	95	38,425	49,036	117,214	195,364	254,510	3,287	733	107.37
Atlantic . . . Division . . .	1880	696,139	67,985,640	98	42,221	52,578	125,836	203,168	267,218	4,156	964	89,52
	1870	601,595	62,744,384	104								
	1860	564,935	61,081,545	108								
	1850	489,754	55,162,835	113								
South	1890	749,600	100,157,573	134	38,821	63,727	189,431	151,889	275,966	21,736	8,030	32,98
Atlantic . . . Division . . .	1880	644,429	101,419,563	157	32,570	53,977	140,924	124,583	257,620	25,037	9,718	28,28
	1870	374,102	90,213,055	241								
	1860	301,940	106,520,771	353								
	1850	248,196	93,401,610	376								

	Годы.	Общее число фермъ.	Общая площадь въ акрахъ.	Средніе размѣры фермъ.	Число фермъ ниже 10 акровъ.	Число фермъ 10 — 20 акровъ.	Число фермъ 20 — 50 акровъ.	Число фермъ 50—100 акровъ.	Число фермъ 100—500 акровъ.	Число фермъ 500 — 1000 акровъ.	Число фермъ выше 1000 акровъ.	Плотность населенія на кв. килом.
North	1890	1,923,822	256,586,994	133	36,269	51,984	297,511	526,935	983,218	23,437	4,468	29,68
Central	1880	1,697,968	206,982,157	122	33,661	53,551	295,486	209,160	787,512	15,601	2,990	23,04
	1870	1,125,078	139,215,269	124								
Division . .	1860	772,165	107,899,590	140								
	1850	437,597	62,686,490	143								
South	1890	1,086,772	156,448,294	144	31,235	93,818	282,933	232,497	407,328	26,666	12,295	18,94
Central . . .	1880	886,648	133,500,223	151	27,110	90,322	209,596	185,727	336,362	25,872	11,659	16,51
	1870	510,998	99,843,247	194								
Division . . .	1860	370,373	118,992,965	321								
	1850	266,816	77,645,466	291								
Western . . .	1890	145,878	47,282,233	324	5,444	6,985	15,688	14,800	87,672	9,269	6,020	2,58
	1880	83,723	26,194 252	313	3,679	4,321	9,734	10,172	47,271	5,299	3,247	1,50
	1870	48,212	16,219,086	336								
Division . . .	1860	34,664	12,717,667	367								
	1850	6,712	4,664,213	695								

создали также возможность существованія тѣхъ гигантскихъ фермъ на западѣ Соед. Шт., которыя извѣстны подъ именемъ bonanza-farms.

Естественная тенденція измѣненія фермъ, вмѣстѣ съ ростомъ населенія и растущей интенсивностью воздѣлыванія земли, состоитъ въ постепенномъ уменьшеніи среднихъ размѣровъ фермы. Несмотря на паденіе цѣнъ, которое, совершенно естественно, задерживаетъ интенсификацію земледѣлія и связанное съ нимъ сокращеніе средняго размѣра фермъ, процессъ этотъ происходитъ и въ Америкѣ хотя не одинаково въ разныхъ районахъ [1]). Совершенно явственно онъ выраженъ въ наиболѣе густонаселенной и промышленной части Соед. Шт.—North Atlantic Division. Какъ мы уже знаемъ, подъ вліяніемъ аграрнаго кризиса здѣсь происходитъ общее сокращеніе какъ сельскохозяйственной площади, такъ и числа фермъ, причемъ послѣднее сокращается во всѣхъ категоріяхъ фермъ. Однако, очевидно, наименѣе устойчивымъ въ эпоху кризиса оказывается, какъ и въ Европѣ, крупное хозяйство: оно подалось въ наибольшей степени, какъ объ этомъ нужно заключить по косвенному признаку сокращенія среднихъ размѣровъ фермъ (къ сожалѣнію, въ цензѣ свѣдѣнія о числѣ фермъ данныхъ размѣровъ не восполняются свѣдѣніями объ ихъ площади, такъ что един-

---

[1]) Вотъ какъ характеризуетъ американскій авторъ естественный ходъ развитія земледѣлія въ Соед. Шт.: „земледѣліе въ Америкѣ подвергается тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и во всѣхъ густо населенныхъ странахъ. По мѣрѣ того какъ населеніе страны растетъ, крупное земледѣліе вблизи обширныхъ центровъ должно уступить мѣсто мелкому хозяйству или truck farming. При обширности площадей дешевой дѣвственной почвы фермеры могутъ получать хорошую прибыль, воздѣлывая обширныя пространства подъ пшеницей, зерномъ, хлопкомъ, вмѣстѣ содержа извѣстное количество скота. Но по мѣрѣ того, какъ почва истощается, издержки производства увеличиваются, а цѣнность земли растетъ вслѣдствіе роста населенія, налоги на землю также растутъ, почти поглощая всю прибыль. Скоро становится болѣе выгоднымъ обрабатывать земельные участки меньшихъ размѣровъ и извлекать изъ земли большее количество продукта. Съ теченіемъ времени, хотя примѣняются и улучшенные методы производства, даже и эта интенсивная система, по крайней мѣрѣ, относительно рыночныхъ продуктовъ, становится все менѣе доходной благодаря растущей стоимости труда, производства, земли“ и т. д. (*Jerome Dowd.* Natural causes of Agricultural Depression въ Gunton's Magazine. Jan. 1897, стр. 53). Ср. новѣйшій отзывъ Зеринга: *M. Sering.* Die Agrarfrage und der Socialismus (Schmoller's Jahrbuch, 1899, IV, 1523).

ственнымъ показателемъ перемѣнъ, происшедшихъ въ распредѣленіи площади, является средній размѣръ фермъ). Процессъ децентрализаціи хозяйства опредѣленно выраженъ въ South Atlantic Division, гдѣ постепенно ликвидируются дѣла крупнаго землевладѣнія, имѣвшаго своимъ экономическимъ базисомъ рабство; здѣсь при сокращеніи среднихъ размѣровъ фермъ, увеличилось число фермъ всѣхъ категорій, кромѣ двухъ категорій,—самыхъ крупныхъ фермъ отъ 500 до 1,000 и выше 1,000 акровъ. Сѣвернымъ и южнымъ Атлантическимъ отдѣломъ кончается площадь старыхъ поселеній въ Соед. Шт. Мы вступаемъ теперь въ область, колонизація которой еще не закончена, а продолжается и въ настоящее время; общая площадь воздѣлываемой земли здѣсь растетъ. Не взирая на это въ одномъ изъ этихъ отдѣловъ—South Central Division, гдѣ площадь воздѣлыванія расширяется медленнѣе чѣмъ въ остальныхъ, происходитъ тоже уменьшеніе среднихъ размѣровъ фермъ: число фермъ всѣхъ категорій здѣсь растетъ, но площадь мелкаго хозяйства, очевидно, усиливается быстрѣе нежели крупнаго. За то иное имѣемъ мы въ North Central и Western Division (изъ которыхъ идетъ пшеничная конкурренція). Средніе размѣры фермъ здѣсь за послѣднее десятилѣтіе чувствительно повысились. Я прошу, однако, обрадованныхъ марксистовъ обратить вниманіе, что концентраціи, столь любезной ихъ сердцу, все-таки не происходитъ: здѣсь растутъ по численности фермы всѣхъ категорій (кромѣ только фермъ 10—20 акровъ въ N. C. Д.,—деталь, не мѣняющая картины) и ростъ среднихъ размѣровъ фермъ, слѣдовательно, долженъ быть всецѣло отнесенъ на счетъ вновь колонизуемыхъ и привлекаемыхъ къ обработкѣ земель. Очевидно, привлеченіе къ воздѣлыванію новыхъ земель происходитъ въ формѣ крупныхъ и очень крупныхъ фермъ,—здѣсь главный центръ извѣстныхъ Bonanza-farms, пшеничныхъ фабрикъ, фермъ Дарлимпля, однимъ словомъ, Эльдорадо марксистовъ [1]).

---

[1]) Можно даже детально, для нѣкоторыхъ штатовъ, установить по даннымъ ценза эту связь между воздѣлываніемъ новыхъ земель и ростомъ среднихъ размѣровъ фермъ.

	Средній размѣръ фермъ.		Земледѣльческая площадь.	
	1880	1890	1880	1890
Висконсинъ . . .	114	115	15,353,118	16,787,988
Миннесота	145	160	13,403,019	18,663,645

Не трудно понять почему первоначальный захватъ земель происходитъ именно въ формѣ крупнаго хозяйства.

Происхожденіе этихъ крупныхъ фермъ стоитъ въ связи съ тѣмъ надѣленіямъ землей желѣзнодорожныхъ компаній (Land-grants), о которомъ было сказано выше, а также и нѣкоторыми другими надѣленіями. „Калифорнскія фермы произошли изъ старинныхъ испанскихъ надѣленій землей, а фермы Миннезоты и Дакоты изъ желѣзнодорожныхъ надѣленій. Исторія сѣверозападныхъ крупныхъ фермъ (big farms) такова: земля продавалась желѣзнодорожными компаніями первоначально около доллара за акръ. Прочія земли, въ тѣхъ частяхъ, которыя не были подарены желѣзнымъ дорорамъ, покупались на основаніи preemption law повѣренными крупныхъ фермъ“ [1]). Возникновеніе крупныхъ фермъ есть поэтому не результатъ концентраціи мелкихъ, но расхищенія общественныхъ земель за безцѣнокъ. Эти земли, доставшіяся ни за что, стремились подвергать самой поверхностной обработкѣ, но въ огромномъ количествѣ (до нѣсколькихъ тысячъ акровъ). Возможность воздѣлыванія такихъ обширныхъ земель стоитъ въ связи, съ одной стороны, съ ровнымъ характеромъ мѣстности, облегчавшемъ машинную обработку, а съ другой съ новѣйшими машинами, позволявшими сводить затраты труда къ минимуму и подвергать поверхностной обработкѣ огромную площадь [2]). Экономическимъ нервомъ всего этого явились, конечно, желѣзныя дороги, сближавшія пустыни Америки съ самыми населенными центрами земного шара. Понятно, что машинное производство—въ интересахъ наибольшаго использованія дорого стою-

---

Айова	134	151	24,752,700	30,491,541
С. Дакота	218	277	3,800,656	7,660,333
Небраска.	157	190	9,944,826	21,593,444
Канзасъ	155	181	21,417,468	30,214,456
Техасъ	208	225	36,292,219	51,406,937

Благодаря этимъ-то штатамъ повышается и средній размѣръ фермъ для всего государства, и это подаетъ поводъ тѣмъ, кто себя всего привольнѣй чувствуетъ среди такихъ ничего не говорящихъ среднихъ, выведенныхъ изъ столь огромной территоріи, съ столь различными условіями, ликуя констатировать, что въ Соед. Шт. благополучно происходитъ желанная концентрація.

[1]) Smalley, l. c. 245.

[2]) „Крупныя фермы были бы невозможны безъ новѣйшихъ машинъ“ (Smalley, ibid).

щихъ машинъ—было выгоднѣе въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе, что при этомъ достигалась экономія общихъ издержекъ производства [1]). (Несомнѣнно, однако, что размѣры фермъ превышали во многихъ случаяхъ технически возможные и желательные размѣры, въ такомъ случаѣ крупныя фермы представляли просто соединеніе нѣсколькихъ фермъ въ одной администраціи). Паденіе цѣнъ на хлѣбъ, вызванное прежде всего воздѣлываніемъ новыхъ земель, вело, естественно, также къ повышенію размѣровъ фермъ, какъ основанныхъ на собственномъ трудѣ, такъ и наемномъ, чтобы поддерживать прежній уровень дохода. Однако, съ извѣстнаго момента пониженіе цѣнъ становится вреднымъ для крупнаго хозяйства, дѣлая его мало доходнымъ [2]).

Огромныя площади земли, попавшіяся въ руки земельнымъ спекулянтамъ, воздѣлывались хищническимъ образомъ; всѣ серьезные европейскіе изслѣдователи относятся съ единогласнымъ осужденіемъ къ этому способу веденія хозяйства, который вызоветъ, вѣроятно, не одно проклятіе у будущихъ поколѣній [3]).

Условіемъ существованія этихъ гигантскихъ фермъ является, очевидно, изобиліе свободныхъ земель, не имѣющихъ цѣны въ виду рѣдкости населенія. Онѣ представляютъ собою, поэтому, явленіе переходнаго характера, какъ въ этомъ соглашаются всѣ изслѣдователи [4]), отмѣчаютъ извѣстную фазу колонизаціи Соед. Шт.

---

[1]) Wells приводитъ, напр., расчетъ, по которому стоимость производства 100 фунтовъ пшеницы варьируетъ такъ: при размѣрахъ фермы въ 1000 акровъ средняя стоимость опредѣляется въ 92½ цента, при 2000 акровъ—85 ц., при 6000—75 ц., при 15000—60 ц., при 30,000—50 ц. и при 50000—40 ц. (*Wells*. Recent economic changes etc. London. 1890 стр. 99).

[2]) „Низкія цѣны пшеницы и повышающаяся цѣна земли измѣнили всѣ шансы крупнаго хозяйства. Оно даетъ теперь только умѣренный процентъ на капиталъ“ и т. д. (Smalley l. c. 245—6).

[3]) „На фермѣ Дарлимпля большая часть полей воздѣлывается уже 15 лѣтъ безъ всякаго удобренія, также точно и на другихъ фермахъ... Хозяйство на этихъ огромныхъ пшеничныхъ фермахъ также просто, какъ и грубо. Оно соотвѣтствуетъ беззастѣнчивой погонѣ за долларомъ, которая характеризуетъ хозяйственную жизнь американцевъ“ (Wohltmann' l. c. 23). Ср. *v. Mendel*. Die landwirtschaftliche Production in den Ver. St. von Nordamerika etc. 1881, стр. 8.

[4]) Ср. Smalley, Douai, v. Mendel, Ratzel, Sering, Claudio Jannet: „крупная, собственность должна сыграть въ Соед. Шт. только переходную роль. Она раздробляется сама собой, по мѣрѣ того какъ растетъ населеніе“ и т. д. (l. c. 127).

Вмѣстѣ съ уплотненіемъ населенія и переходомъ къ интенсивному земледѣлію онѣ уступятъ мѣсто болѣе мелкому хозяйству.

Вообще можно сказать, что по мѣрѣ утраты Соед. Шт. своего колоніальнаго характера, происходитъ и европеизація условій земледѣлія. Развитіе земледѣлія и здѣсь связано съ постепеннымъ уменьшеніемъ среднихъ размѣровъ фермъ и ведетъ къ усиленію самостоятельныхъ крѣпкихъ крестьянскихъ хозяйствъ, для развитія которыхъ свободныя учрежденія Соед. Шт., вмѣстѣ съ американской предпріимчивостью, представляетъ исключительно благопріятныя условія. Крупное же хозяйство имѣетъ здѣсь еще меньше шансовъ чѣмъ въ Европѣ, ибо основной камень преткновенія,—рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ,—въ Америкѣ ставится острѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ.

Заключеніе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Основныя особенности современнаго момента развитія капитализма.

Капиталическое производство никогда не являлось, строго говоря, *народнымъ* хозяйствомъ, уже его первые шаги отмѣчены интернаціональнымъ характеромъ. Въ настоящее же время, въ своемъ цѣломъ, капитализмъ представляетъ собою, несомнѣнно, явленіе *мірового* хозяйства, которое можетъ быть понято только какъ таковое. Въ особенности же судьбы развитія сельскаго хозяйства находятся въ исключительной зависимости отъ мірового рынка. Поэтому, чтобы подвести окончательные итоги всего нашего изученія, намъ слѣдуетъ еще выяснить современныя особенности мірового рынка.

Капиталистическія и некапиталистическія страны, составляющія въ своей совокупности цѣлое мірового хозяйства, связаны между собою нѣсколькими цѣпями, различнаго матеріала и различной прочности. Всѣ эти различія погашаются въ понятіи *внѣшней торговли*, которая представляетъ собою общій итогъ зависимости странъ между собою; но они должны быть особо выдѣлены въ теоретическомъ анализѣ.

Первая цѣпь, связующая между собою всѣ культурныя страны, есть международная торговля въ собственномъ смыслѣ, какъ результатъ международнаго раздѣленія труда. Эта цѣпь, выкованная изъ прочнаго металла, становится все прочнѣе съ развитіемъ культуры. Въ основѣ этой формы раздѣленія труда лежатъ есте-

ственныя различія въ условіяхъ производства, позволяющія производить данный товаръ при наиболѣе выгодныхъ условіяхъ (въ силу какихъ бы то ни было причинъ) или вообще создающихъ возможность производства даннаго товара (напр. опредѣленный климатъ). Особенность этого раздѣленія труда состоитъ въ томъ, что всѣ мѣняющіяся страны выигрываютъ отъ такого обмѣна, онъ предполагаетъ, поэтому, отношенія равенства и отсутствіе эксплуатаціи одной страны другой. Это раздѣленіе труда является естественнымъ послѣдствіемъ роста и утонченія потребностей, которому не въ силахъ удовлетворить даже разносторонне развитое внутреннее производство. По справедливому замѣчанію Зомбарта, эта форма внѣшней торговли растетъ и будетъ расти вмѣстѣ съ культурой [1]). Именно ростомъ этого рода внѣшней торговли объясняется тотъ фактъ, что наибольшая доля торговли самыхъ культурныхъ странъ падаетъ на обмѣнъ ихъ между собою; „рынокъ“ въ наибольшей степени создаютъ другъ для друга капиталистическія страны. Такъ, въ 1897 году изъ общей цѣнности вывоза британскихъ товаровъ въ 234,219,708 ф. ст. на долю Германіи приходилось 21,602,426, слѣдов., около 10%, на долю Франціи 13,818,812; на долю Соед. Шт. 20,994,631, Бельгіи— 8,231,686; слѣдов., около четверти всего британскаго вывоза, который состоитъ, какъ извѣстно, исключительно изъ продуктовъ промышленности, направляется въ наиболѣе промышленныя страны. Ту же особенность мы замѣчаемъ и относительно ввоза, составлявшаго въ 1897 году цѣнность въ 451,028,960 ф. ст.: изъ Германіи было ввезено на 26,189,469 ф., изъ Франціи 53,346,883 ф., изъ Бельгіи 20,885,812 ф., Голландіи 28,971,316, Соед. Шт. 113,041,627 (отсюда надо, впрочемъ, выключить цѣнность продуктовъ земледѣлія) и т. д. [2]). Подобнымъ же образомъ распредѣляется торговля и другихъ капиталистическихъ странъ. Приведемъ для примѣра еще Германію. Въ общемъ составѣ

---

[1]) *W. Sombart.* Export und Kultur (Sociale Praxis, 1899 № 31).

[2]) Гобсонъ въ весьма интересной статьѣ: Foreign competition and its influence on home industries by *J. A. Hobson* (въ The Cooperative Wholesale Societies limited, England and Scotland, Annual for 1899, стр. 197—223) приводитъ слѣдующую таблицу относительно британской торговли съ чужеземными странами и британскими владѣніями, составляющими въ глазахъ британскихъ имперіалистовъ настоящій „рынокъ“ для Англіи. Ежегодная средняя въ процентахъ къ общей цѣнности товаровъ: (см. стр. 444).

германскаго ввоза[1]) приходилось на долю Великобританіи 13,6%, Соед. Шт. 13,5% (сюда входятъ и продукты земледѣлія), изъ Австро-Венгріи 12,3%, Франціи 5,1%, Бельгіи 3,8%, Нидерландовъ 3,8%, Швейцаріи3, 8%, Италіи 3,1%; такимъ образомъ большая часть ввоза направляется изъ европейскихъ или культурныхъ странъ. Въ нихъ же идетъ и большая часть вывоза: въ Великобританію—18,5%, Австро-Венгрію 11,5%, Соед. Шт. 10,5%, Нидерланды—7%, Швейцарію—6,7%, Францію—5%, Бельгію—5%, Данію 2,8%, Швецію 2,5% и т. д. Приведенныя цифры показываютъ, насколько значителенъ въ настоящее время обмѣнъ капиталистическихъ странъ между собою; преимуществъ международнаго раздѣленія труда не въ состояніи парализовать даже таможенная охрана, препятствующая развитію международнаго обмѣна въ большинствѣ государствъ.

Вторая цѣпь, связующая между собою страны въ международномъ обмѣнѣ, сдѣлана совсѣмъ изъ другого металла чѣмъ первая. Это—зависимость однихъ странъ отъ другихъ какъ отъ *своего рынка*. Въ другомъ мѣстѣ[2]) я показалъ, что ни одна страна

Годы.	Ввозъ изъ		Вывозъ въ	
	чуж. стр.	брит. влад.	чуж. стр.	брит. влад.
1855—9	76,5	23,5	68,5	31,5
1860—4	71,2	28,8	66,6	33,4
1865—9	76,0	24,0	72,4	27,6
1870—4	78,0	22,0	74,4	25,6
1875—9	77,9	22,1	66,9	33,1
1880—4	76,5	23,5	65,5	34,5
1885—9	77,1	22,9	65,0	35,0
1890—4	77,1	22,9	67,6	34,4
1895—7	78,4	21,6	70,1	29,9

[1]) Здѣсь берутся цифры такъ наз. спеціальной торговли. Въ статистикѣ различается генеральная торговля, включающая и транзитъ, и спеціальная торговля, состоящая исключительно изъ вывоза товаровъ собственнаго производства и ввоза товаровъ, предназначенныхъ для собственнаго потребленія. Потому вліяніе транзитной торговли, затемняющее истинный характеръ товарнаго обращенія, здѣсь устранено.

[2]) Ср. нашу работу: О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Москва. 1897. Въ этой работѣ я подвергнулъ разсмотрѣнію одну только проблему относительно развитія капиталистической торговли: существуетъ-

и ни одна отрасль производства не обладаютъ волшебной привиллегіей быть всепоглощающимъ и ничего невозвращающимъ рынкомъ, что рынкомъ являются разныя отрасли производства другъ для друга; тамъ же былъ разъясненъ элементарный механизмъ этого обмѣна. Развитое капиталистическое производство представляетъ собою самодовлѣющій рынокъ, способный къ автоматическому расширенію какъ путемъ дальнѣйшаго раздѣленія общественнаго труда или экстенсивнаго развитія капитализма, такъ и роста уже существующихъ отраслей, или интенсивнаго развитія капитализма. Необходимость *внѣшняго* рынка, т. е. рынка расположеннаго *внѣ* страны (разсматриваемой какъ политическая и таможенная единица), обусловлена тѣмъ, что часть этого автоматически расширяющагося кольца находится заграницей. При этомъ часть эта можетъ быть и очень мала и очень велика. (Мы абстрагируемъ ту часть внѣшней торговли, которая обусловлена международнымъ раздѣленіемъ труда въ строгомъ смыслѣ, какъ оно было только что охарактеризовано выше).

Легко понять, почему внѣшній рынокъ игралъ такую роль

ли необходимость внѣшняго рынка, имманентная капиталистической формѣ производства, какъ таковой и вытекающая изъ невозможности помѣстить на внутреннемъ рынкѣ прибавочную цѣнность. На этотъ вопросъ былъ данъ мною отрицательный отвѣтъ, и довольно обширная журнальная полемика, возникшая у насъ по вопросу о теоріи рынковъ, не побудила меня ни въ чемъ измѣнить эту общую точку зрѣнія. Многія возраженія основываются на томъ недоразумѣніи, будто предметомъ моего изслѣдованія была не эта только проблема, всѣ элементы которой я и долженъ былъ ввести въ ея постановку, за то выключивъ всѣ посторонніе элементы, — а фактическая исторія капитализма. (Только этимъ недоразумѣніемъ я могу напр. объяснить, что на мое методологическое предположеніе о распространеніи капиталистической организаціи на всѣ отрасли производства мнѣ возражали ссылкой на значеніе некапиталистической деревни какъ источника населенія). Долженъ сознаться, что я и самъ перешелъ границы своей компетенціи, высказывая мнѣніе о вѣроятномъ развитіи отдѣльныхъ капиталистическихъ странъ, но это я дѣлалъ лишь по соображеніи полученныхъ теоретическихъ выводовъ съ несомнѣнными данными историческаго опыта, извѣстными безъ помощи спеціальнаго изслѣдованія. Я не сожалѣю даже о черезчуръ ортодоксальной внѣшней формѣ изложенія, ибо проблема о рынкахъ лучше всего ставится именно строгой логикой самого Маркса. Теперь я устранилъ бы въ „Рынкахъ“, по преимуществу, мѣста, навѣянныя Zusammenbruchtheorie, которую я тогда (1896) если не раздѣлялъ, то и не отрицалъ, принимая ее какъ неотъемлемую часть міровоззрѣнія марксизма.

въ начальныя стадіи развитія капитализма. Капиталистическое производство только зачиналось, въ странѣ господствовало натуральное хозяйство, сложнаго и многосторонняго капиталистическаго производства, которое само себѣ составляло бы рынокъ, еще не было и его предстояло создать.

Первыя отрасли капиталистическаго производства въ старыхъ странахъ (хлопчато-бумажная, шерстяная) являются неизбѣжно экспортирующими; составляя верхи народнаго хозяйства, остающагося еще натуральнымъ, онѣ находятъ сбытъ на такихъ же верхахъ другихъ, тоже преимущественно натуральныхъ хозяйствъ. Тѣмъ не менѣе, въ противоположность первому случаю разсматриваемый случай характеризуется неравенствомъ въ положеніи обмѣнивающихся странъ. Одна страна должна быть при этомъ, необходимо, выше, культурнѣй, чѣмъ другая, существованіе капиталистическаго производства въ одной странѣ въ данномъ случаѣ обусловливается отсутствіемъ его въ другой. Абсолютные размѣры такого экспортирующаго капиталистическаго производства неизбѣжно ничтожны. Преобладаніе экспорта мануфактуратовъ, при незначительности общихъ размѣровъ производства, мы наблюдаемъ въ первыя стадіи капиталистическаго производства и въ Англіи, и въ Германіи.

Но по мѣрѣ его роста — и вширь, и въ глубь — создается внутренній рынокъ, и центръ тяжести все больше и больше переносится вовнутрь страны. Этому содѣйствуетъ и то, что вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма поднимается и заработная плата, по мѣрѣ того какъ, съ устраненіемъ первоначальнаго перенаселенія, экономія низкой заработной платы уступаетъ мѣсто экономіи высокой заработной платы. Увеличивается и абсолютно и относительно число лицъ, прямо или косвенно существующихъ на прибавочную цѣнность и соразмѣрно ее потребляющихъ. Норма накопленія относительно замедляется, а съ ней замедляется и темпъ расширенія производства [1]).

Эта перемѣна весьма осязательно обнаруживается данными статистики внѣшней торговли. Несмотря на ея расширеніе, выте-

---

[1]) Мое пониманіе хода капиталистическаго развитія въ этомъ пунктѣ сходится съ воззрѣніемъ Зомбарта, по которому за періодомъ „Internationalisierung des gewerblichen Kapitalismus“ „seit einigen Jahrzehnten die Periode der Nationalisierung gefolgt ist“ (*W. Sombart.* Entwickeln wir uns zum „Exportindustriestaate“? въ Sociale Praxis, 1899. № 24).

кающее изъ роста международнаго раздѣленія труда, абсолютные размѣры европейскаго экспорта въ послѣднее время въ общемъ неподвижны. Вотъ данныя относительно англійскаго, германскаго и французскаго вывоза (по цѣнности). (Относительно Англіи приведены данныя о вывозѣ британскихъ товаровъ; относительно Франціи и Германіи данныя, касающіяся только спеціальной торговли [1]). Вмѣстѣ приводятся данныя и о ввозѣ.

Годы.	Англія (въ ф. ст.).				Германія (въ марк.).		Франція.	
	Вывозъ абсол.	На голову насел.	Ввозъ абсол.	На голову насел.	Вывозъ.	Ввозъ.	Вывозъ	Ввозъ.
							(въ мил. и 100,000 фр.).	
1883	239,799,473	6 15 4	426,891,579	12 0 10	3,324,351	3,248,351	3,451,9	4,804,3
1884	233,025,242	6 10 6	390,018,569	10 18 4	3,255,939	3,260,999	3,232.5	4,343,5
1885	213,115,114	5 18 4	370,967,955	10 6 0	2,911,458	2,975,167	3,088,1	4,088,4
1886	212,725,200	5 17 2	349,863,472	9 12 8	3,041,714	2,940,772	3,248,8	4,208,1
1887	221,913,910	6 1 3	362,227,564	9 17 11	3,193,023	3,186,388	3,246,5	4,026,0
1888	234,534,912	6 7 2	387,634,743	10 10 3	3,356,429	3,429,403	3,246,7	4,107,0
1889	248,935,195	6 13 11	427,637,595	11 10 1	3,256,421	4,087,060	3,704,0	4,316,8
1890	263,530,585	7 0 7	420,691,997	11 4 6	3,409,584	4,272,910	3,753,4	4,436,9
1891	247,235,150	6 10 10	435,441,264	11 10 5	3,339,700	4 403,4	3,570,0	4,767,8
1892	227,216,399	5 19 3	423,793,882	11 2 5	3,150,100	4,227,000	3,460,7	4,188,0
1893	218,259,718	5 13 7	404,688,178	10 10 7	3,244,600	4,134,100	3,236,4	3,853,7
1894	216,005,637	5 11 5	408,344,810	10 10 7	3,051,500	4,285,500	3,078,1	3,850,4
1895	226,128,246	5 15 8	416,689,658	10 13 1	3,424,100	4,246,100	3,373,8	3,719,9
1896	240,145,551	6 1 8	441,808,904	11 3 11	3,753,800	4,558,000	3.400,9	3,798,6
1897	234,219,708	5 17 7	451,028,960	11 6 6	3,786,200	4,864,600	3,598,0	3,956,0

[1]) Данныя объ Англіи по Statistical Abstract,—Германіи въ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1899,—Франціи въ Tableau général du commerce et de la navigation. Année 1897. Paris. 1898. Ср. также сопоставленія въ статьяхъ Handelsbilanz (v. Scheel) и Handelsstatistik (его же) въ Handw. d. Staatsw. (а также въ Schr. d. V. f. S. P. B. 49). 2 te Aufl. B. IV. Гобсонъ въ цитиров. статьѣ употребляетъ при сравненіи данныхъ

Читатель, который дастъ себѣ трудъ вникнуть въ эту высокопоучительную таблицу, убѣдится изъ нея, прежде всего, въ томъ, что англійскій вывозъ по цѣнности за послѣдніе 15 лѣтъ не растетъ; относительно же, на голову населенія, онъ сокращается. Этотъ застой станетъ еще очевиднѣе, если мы припомнимъ какъ быстро росъ вывозъ въ старыя времена, въ эпоху англійской супрематіи: въ 1845 году онъ составлялъ цѣнность въ 60,000,000 ф. ст., а въ 1875 году уже 281,612,323—слѣдовательно возросъ въ 30 лѣтъ болѣе чѣмъ въ $4^1/_2$ раза; и даже еще въ періодъ 1875—1882 вывозъ британскихъ товаровъ увеличился съ 223 м. до 241 м. Въ то же время не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что промышленность въ Англіи все это время непрерывно развивалась; это доказывается хотя бы непрерывно растущей—и абсолютно, и относительно—цифрой промышленнаго населенія; ростъ этотъ станетъ еще многозначительнѣй, если мы припомнимъ, что производительность труда все это время также непрерывно возрастала благодаря техническому прогрессу. Сопоставляя эти факты, мы необходимо должны заключить, что ростъ англійской промышленности съ 80-хъ годовъ XIX вѣка объясняется исключительно растущей ёмкостью внутренняго рынка. Представленіе объ Англіи, какъ экспортирующей странѣ par excellence, должно уже отойти въ исторію [1]).

Не такъ очевидно это для Германіи, вывозъ которой обнаруживаетъ тенденцію къ росту, хотя и неустойчивую. Нетрудно, однако показать, что ростъ этотъ отстаетъ отъ роста населенія: тогда какъ послѣднее (erwerbsthätige) выросло за періодъ между двумя промышленными переписями 1882—95 на 39,9%, вывозъ возросъ по вѣсу на 38,4%, а по цѣнности всего на 4,4%. Кромѣ этого общаго сравненія, данныя переписи 1895 года

внѣшней торговли пріемъ приведенія цѣнности товаровъ къ цѣнности 70 годовъ (съ которыхъ онъ начинаетъ сравненіе). Я считаю такой пріемъ неправомѣрнымъ и затемняющимъ, а не выясняющимъ дѣйствительный ходъ развитія внѣшней торговли.

[1]) Сказанное въ текстѣ можно было бы подтвердить данными о перераспредѣленіи вѣтвей англійскаго производства подъ давленіемъ измѣнившихся условій рынка. Такъ напр. хлопчатобумажное производство, составлявшее главную изъ экспортирующихъ отраслей англійской промышленности, послѣднее время не растетъ, напротивъ, производство желѣза и желѣзныхъ издѣлій растетъ и т. д.

позволяютъ произвести болѣе детальныя сопоставленія относительно 72 важнѣйшихъ отраслей экспортирующей промышленности [1]). Производить это сопоставленіе было бы черезчуръ обременительно, къ тому же оно было уже сдѣлано однажды Зомбартомъ, по подсчету котораго промышленный экспортъ за послѣднія два десятилѣтія, по крайней мѣрѣ, на 50% отстаетъ отъ расширенія производства, и послѣднее, по крайней мѣрѣ, на 50% приходится, слѣдовательно, на долю растущаго внутренняго рынка [2]). Цифры эти, конечно, спорны и приблизительны, но общій фактъ растущаго преобладанія внутренняго рынка и для Германіи не подлежитъ никакому сомнѣнію [3]).

Никакихъ сомнѣній не возбуждается, наконецъ, относительно того, что и во Франціи развитіе характеризуется тѣми же чертами. Въ общемъ, мы имѣемъ здѣсь такое же неподвижное состояніе вывоза какъ и въ Англіи; въ то же время и во Франціи промышленное населеніе (а также и производство) хотя и медленнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, но растетъ, не сопровождаясь ростомъ вывоза; слѣдовательно, и здѣсь этотъ ростъ приходится на долю внутренняго рынка. Читатель видитъ, какъ смѣется новѣйшая статистика надъ старымъ догматомъ о необходимости внѣшняго рынка для капиталистическаго производства.

Теоретиковъ внѣшняго рынка quand même должна поставить втупикъ еще слѣдующая, въ высшей степени замѣчательная, особенность, которую можно подмѣтить на приведенной таблицѣ: это — хроническое превышеніе ввоза надъ вывозомъ [4]). Оказы-

[1]) См. Vierteljareshefte zur Statistik des Deutschen Reichs. Jahrgang 1898. Ergänzung zum Ersten Heft. Hauptergebnisse der gewerblichen Betriebszählung vom I4 Iuni 1895. Berlin. 1898. Стр. 46—49 (Gewerbekraft und Ausfuhr).

[2]) *W. Sombart*, l. c.

[3]) Нѣкоторое представленіе о ростѣ внутренняго рынка даютъ тѣ данныя относительно средняго (на голову) потребленія нѣкоторыхъ продуктовъ, которыя приводятся въ Statistisches Jahrbûch für das Deutsche Reich, гл. X. Эти данныя показываютъ рѣшительный и непрерывный ростъ средняго потребленія.

[4]) Нужно замѣтить, что свѣдѣнія о движеніи товаровъ должны быть восполнены свѣдѣніями о международномъ движеніи денегъ и благородныхъ металловъ. Не загромождая изложенія новыми цифрами, замѣчу здѣсь, что всѣ страны, имѣющія перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ по цѣнности товаровъ, имѣютъ и перевѣсъ ввоза денегъ и благородныхъ металловъ. Поэтому движеніе ихъ не парализуетъ, а только усиливаетъ указанную особенность внѣшней торговли.

вается, что внѣшняя торговля не только не облегчаетъ рынокъ отъ товаровъ, но, наоборотъ, обременяетъ его, ибо ежегодно приноситъ на рынокъ извѣстное количество цѣнностей сверхъ производимыхъ внутри страны. Чтобы дать наглядное выраженіе этому факту, приведемъ здѣсь слѣдующее сопоставленіе [1]).

Спеціальная торговля въ милл. марокъ (включая и движеніе металловъ).

	Годы.	Ввозъ.	Вывозъ.	Перевѣсъ ввоза.	Перевѣсъ вывоза.	Считая ввозъ равнымъ 100 вывозъ составляетъ.
Соед. Шт. . : . .	1899	3,604,8	5,677,3	—	2,072,5	1,75
Австро-Венгрія	1899	1,375,7	1.638,8	—	263.1	1,19
Россія	1897	1,517,6	1,595,8	—	77,6	1,05
Франція	1899	3,825,9	3,467,1	358,8	—	0,91
Бельгія	1898	1,716,0	1,514,8	202,2	—	0,88
Германія	1899	5,783,6	4,368,4	1,415,2	—	0,76
Великобританія	1899	9,506,4	6,374,3	3,374,3	—	0,65

Фактъ этотъ,—упорное и систематическое превышеніе вывоза надъ ввозомъ у главныхъ капиталистическихъ странъ, есть явленіе новое, наблюдаемое всего какую нибудь четверть вѣка (на таблицѣ можно видѣть, что въ Германіи вывозъ превышаетъ ввозъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ [2]); притомъ, повидимому, оно все болѣе усиливается. Что это значитъ? Нужно, прежде всего, устранить спеціальныя причины, имѣющія мѣсто лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, чтобы затѣмъ выдѣлить общія. Перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ въ Англіи въ значительной степени долженъ быть отнесенъ на долю заработковъ Англіи въ качествѣ „морского извощика“. Хотя при

[1]) Ст. Handelsbilanz (Handw. d. Staatsw., 2-te Aufl., IV, 982). О бельгійской торговлѣ см. монографію *Ernest Mahaim.* La politique commerciale de la Belgique (въ Schr. d. V. f. S. P. B. 49).

[2]) Только для Англіи этотъ перевѣсъ начинается раньше, но здѣсь къ тому есть спеціальныя причины (мореходство). Тѣмъ не менѣе, по подсчету Гиффена, избытокъ этотъ составлялъ въ 1854—6 гг. всего 11,2% общей торговли, а въ 1898 году уже 20,9%, т. е. относительно выросъ почти вдвое.

этомъ не производится никакого матеріальнаго продукта, тѣмъ не менѣе англійское торговое мореходство слѣдуетъ разсматривать какъ экспортирующую промышленность, занимающую, притомъ, весьма значительное количество англійскаго труда и капитала. Затѣмъ перевѣсъ этотъ отчасти слагается изъ даней, налоговъ, посылокъ и под., которыя Англія (отчасти и другія страны) получаютъ изъ своихъ колоній. Отчасти онъ долженъ быть, наконецъ, отнесенъ на долю формальностатистическихъ причинъ,— особенностей регистраціи.[1]) И тѣмъ не менѣе явленіе остается необъясненнымъ въ своемъ полномъ объемѣ, ему нужно дать объясненіе изъ общихъ экономическихъ причинъ. Причиной этой является, несомнѣнно, растущій вывозъ европейскаго капитала, проценты на который и составляютъ избытокъ ввоза надъ вывозомъ. Хотя затруднительно дать точное статистическое выраженіе этому факту [2]), однако несомнѣнно, что экспортъ капитала растетъ. Подъ вліяніемъ трудности конкурренціи на міровомъ товарномъ рынкѣ, низкаго процента въ Европѣ, таможенной охранѣ новыхъ странъ капиталъ предпочитаетъ эмигрировать самъ, вмѣсто того, чтобы. вывозить товары. Такимъ образомъ, различіе странъ капиталисти-

---

[1]) На эти обѣ причины указываетъ какъ Гобсонъ въ цитир. статьѣ такъ и Гиффенъ въ новѣйшемъ своемъ изслѣдованіи: *R. Giffen.* The Excess of Imports (Journal of the Royal Statist. Soc. March. 1899). Эта работа непосредственно примыкаетъ къ болѣе ранней работѣ на ту же тему (помѣщена въ Financial Essays, I). Гиффенъ отмѣчаетъ любопытную особенность статистики торговли, именно, что вся сумма мірового ввоза превышаетъ всю сумму мірового вывоза. Причина этого статистическаго курьеза состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что цѣнность вывоза обыкновенно исчисляется по цѣнности его въ моментъ отправленія, а ввоза—по цѣнности въ моментъ прибытія, слѣдов., къ ней присчитываются издержки транспорта.

[2]) Гобсонъ (l. c.) опредѣляетъ количество англійскаго капитала, помѣщеннаго въ иностранныхъ предпріятіяхъ, отъ 2 до 3 милліардовъ фунтовъ. По вычисленіямъ Börsen-Enquête-Commission Германія въ періодъ 1883—93 помѣстила въ иностранныхъ цѣнностяхъ около 5 милліардовъ марокъ, да до 1883 года, по оцѣнкѣ Шмоллера, еще столько же (*Брандтъ*, цит. соч., I, 41). Франціей, по вычисленіямъ Жоржа Леви, помѣщено заграницей до 26 милліардовъ франковъ (ib. 43). Изслѣдованіе г. Брандта принадлежитъ къ немногимъ сочиненіямъ, гдѣ обращено должное вниманіе на экспортъ капитала, это важнѣйшее явленіе новѣйшей капиталистической эволюціи. Г. Брандтъ обратилъ также вниманіе на особенности современнаго торговаго баланса капиталистическихъ странъ (стр. 50—51).

ческихъ, экспортирующихъ товары, и странъ некапиталистическихъ, ихъ импортирующихъ, все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто различію странъ, экспортирующихъ капиталъ (и имѣющихъ пассивный балансъ), и импортирующихъ капиталъ (и имѣющихъ активный балансъ, какъ Соед. Шт., Россія и др.) Эта замѣна товарнаго экспорта экспортомъ капитала есть фактъ необыкновенной исторической важности, открывающій новую эру въ исторіи мірового капитализма. Экспортъ капитала, очевидно, чрезвычайно ускоряетъ экономическое развитіе странъ, его импортирующихъ; капитализмъ становится величайшей культурной силой, насаждающей матеріальную цивилизацію во вчера еще дикихъ странахъ [1]). Въ то же время экспортъ капитала наноситъ товарному экспорту болѣе вѣрный и серьезный вредъ, нежели какая бы то ни было таможенная стѣна. Политика экспорта капитала и товарнаго экспорта, такимъ образомъ, взаимно противорѣчивы. Можно сказать, что уже и въ настоящее время товарный экспортъ, составлявшій ранѣе жизненное условіе развитія напр. англійскаго капитализма, находится при послѣднемъ издыханіи [2]). Міръ обстраивается заново и въ немъ нѣтъ мѣста старымъ отношеніямъ.

---

[1]) Излишне даже говорить, какое огромное значеніе приливъ иностранныхъ капиталовъ имѣетъ для нашего отечества. Значеніе иностраннаго капитала для судебъ нашей каменноугольной и металлургической промышленности прекрасно показано во II томѣ цит. соч. г. Брандта.

[2]) Чрезвычайно характерно, что, несмотря на общее неподвижное состояніе англійскаго экспорта и на неподвижное состояніе вывоза желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, количество вывозимыхъ какъ изъ Англіи такъ и изъ Германіи машинъ растетъ. Вотъ поучительныя сопоставленія Гобсона: экспортъ стальныхъ и желѣзныхъ товаровъ въ милліонахъ тоннъ и машинъ (цѣнность въ фунтахъ стерлинговъ) составлялъ:

Жел. и ст. издѣлій.	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Изъ Германіи			0,8	0,7	0,8	0,8	0,7	0,7	0,6	0,8	0,8	0,8	0.9		
» Бельгіи			0,4	0,3	0,3	0,4	0,4	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4		
» Соед. Корол. . . .			3,5	3,1	3,4	4,1	4,0	4,2	4,0	3,2	2,7	2,9	2,6		
Машинъ.															
Соед. Корол.	11,9	13,5	13,2	11,2	10,2	11,1	12,0	25,3	16,4	15,7	13,9	13.8	14,2	15,0	17,0
Германія	3,1	3,3	2,8	2,5	2,4	2,6	2,8	3.1	3.3	3,3	3,1	3,2	3,9	4,0	4,2

Напротивъ, въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, эпоху разцвѣта товарнаго экспорта, вывозъ машинъ изъ Англіи былъ, какъ извѣстно, запрещенъ.

Возвращаясь къ нашему исходному вопросу,—о роли внѣшняго и внутренняго рынка, мы можемъ только усилить сказанное до сихъ поръ о растущей роли внутренняго рынка сравнительно съ внѣшнимъ. Во-первыхъ, въ виду того, что экспортъ товаровъ вытѣсняется экспортомъ капитала, внутреннее развитіе производства мы еще менѣе можемъ объяснить производствомъ на внѣшній рынокъ. Во-вторыхъ, оказывается, ёмкость внутренняго рынка такъ велика, что онъ поглощаетъ не только собственное производство страны (какъ въ подлинномъ видѣ, такъ и въ трансформированномъ путемъ международнаго обмѣна), но и часть производства другихъ странъ, получаемую въ видѣ процентовъ на затраченный въ нихъ капиталъ и составляющую перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ въ торговомъ балансѣ. Этотъ излишекъ, какъ показываютъ детальныя данныя статистики торговли, лишь въ небольшой своей части состоитъ изъ денегъ, а въ большей изъ товаровъ, находящихъ сбытъ на внутреннемъ рынкѣ страны (безразлично въ данномъ случаѣ, кто является потребителями, и какъ,—производительно, т. е. съ цѣлью накопленія и расширенія производства, или непроизводительно они потребляются). Слѣдовательно, выгодная затрата капитала заграницей возможна только при условіи растущей ёмкости внутренняго рынка.

Третья цѣпь, связывающая страны въ международномъ обмѣнѣ, отлита изъ совсѣмъ иного металла, чѣмъ двѣ предыдущія. Она обязана своимъ существованіемъ закону убывающаго плодородія почвы и связываетъ между собою страны, вывозящія продукты земледѣлія, и ихъ ввозящія. Эта зависимость странъ ввозящихъ отъ странъ вывозящихъ характеризуетъ собою, мы знаемъ, развитіе мірового капитализма какъ явленія популяціонистическаго и находится въ зависимости отъ особаго способа поднятія ёмкости территоріи относительно населенія въ капиталистическомъ обществѣ. Стоимость ввозимыхъ предметовъ пищи играетъ въ теперешнихъ капиталистическихъ странахъ немалую роль въ общемъ составѣ импорта: такъ въ Англіи она составляла въ 1896 году (по подсчету Гобсона) цѣнность въ 154,315,000 ф. ст. при общей цѣнности ввоза въ 441,808,904 ф., слѣдовательно болѣе $^1/_3$ цѣнности; въ Германіи въ 1899 году ввозъ предметовъ пищи (включая скотъ) составлялъ 1,724,4 милл. мар. изъ общей цѣнности ввоза въ 5,783,6 милл. мар. или также около $^1/_3$; во Франціи въ 1897 году ввозъ предметовъ

пищи составлялъ 1,028,6 милл. фр. при общей цѣнности ввоза въ 3,956,0 милл. фр. слѣдовательно, болѣе $^1/_4$ всего ввоза [1]). Однако, значеніе импорта продуктовъ земледѣлія нужно мѣрить не фактическими размѣрами ввозимой цѣнности (эта цѣнность за послѣднюю четверть вѣка къ тому же относительно понижается благодаря пониженію цѣнъ на продукты земледѣлія), но его историческимъ значеніемъ для импортирующихъ странъ, которыя освобождаются благодаря этому ввозу отъ ига убывающаго плодородія почвы. Капиталистическая цивилизація въ теперешнемъ масштабѣ едвали была бы возможна безъ этого условія, оно имѣетъ хотя отрицательное, но колоссальное значеніе. Городская цивилизазація и промышленность, быть можетъ, уперлись бы въ барьеръ убывающаго плодородія почвы, выражающагося въ ростѣ цѣнъ на продукты земледѣлія, какъ онъ начался было въ первую половину капиталистическаго развитія, и зачахли бы недоразвившись.

Очевидно, что, хотя производительныя способности странъ, вывозящихъ продукты земледѣлія, еще не исчерпаны, но всетаки этому направленію развитія приходитъ конецъ, до котораго еще доживетъ, можетъ быть, наше поколѣніе. Та стадія развитія мірового населенія, которую представляетъ собою капитализмъ съ его чрезвычайными уплотненіями населенія въ однихъ мѣстахъ, сопровождаемыми рѣдкимъ населеніемъ и обиліемъ свободныхъ земель въ другихъ, почти уже пройдена. Незримый, но могучій факторъ соціальнаго развитія, ростъ мірового населенія, своей стихійной силой подкашиваетъ прежніе устои существованія общества и требуетъ созданія новыхъ. И не стремятся ли, конечно, безсознательно къ ускоренію этого процесса тѣ самыя страны, которыя всего болѣе заинтересованы въ поддержаніи statu quo, путемъ эмиграціи въ новыя страны и своего населенія и, что еще важнѣе, своего капитала. Благодаря послѣдней необыкновенно быстро создаются здѣсь свои промышленные центры, растетъ неземледѣльческое населеніе, образующее мѣстный рынокъ для земледѣлія. Начиная съ опредѣленнаго момента, вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ не можетъ не начать сокращаться, а цѣны на нихъ расти, что сдѣлаетъ привозъ этихъ продуктовъ изъ отдаленныхъ странъ невыгоднымъ. Страны принуждены бу-

---

[1]) Правда, изъ этихъ цифръ нужно сдѣлать еще вычетъ цѣнности вывоза предметовъ пищи; но онъ вездѣ въ нѣсколько разъ ниже ввоза.

дутъ обратиться къ своему собственному земледѣлію,—наступитъ новая стадія въ развитіи мірового населенія.

Такимъ образомъ, взаимная зависимость странъ другъ отъ друга на почвѣ ввоза и вывоза земледѣльческихъ продуктовъ есть также временное явленіе, связанное съ совершенно опредѣленнымъ моментомъ развитія мірового населенія. Съ постепеннымъ его прекращеніемъ, страны и относительно продуктовъ земледѣлія принуждены будутъ обратиться къ внутреннему рынку. Прошлое оставляетъ въ наслѣдіе будущему хлѣбный вопросъ, болѣе страшный и болѣе трудный, чѣмъ вопросъ соціальный,—вопросъ производства, а не распредѣленія. Какъ справится цивилизація будущаго съ этимъ вопросомъ, мы не можемъ угадать. Съумѣетъ-ли будущее человѣчество техническими изобрѣтеніями отклонить отъ себя тяжелое иго закона убывающаго плодородія или обратится къ регулированію прироста населенія, какъ единственному исходу, кто знаетъ. Исторія дѣлаетъ здѣсь поворотъ, и, находясь еще за угломъ, какъ можемъ видѣть мы, что́ предстоитъ человѣчеству на его дальнѣйшемъ пути!

Какіе же могутъ быть сдѣланы выводы относительно капиталистическаго развитія въ его цѣломъ? Единственный, заслуживающій вниманія, діагнозъ и прогнозъ относительно капиталическаго хозяйства принадлежитъ Марксу и сдѣланъ 33 года тому назадъ (строго говоря, прогнозъ этотъ полностью имѣется уже въ Коммунистическомъ Манифестѣ, въ 1847 году; по этому счету онъ имѣетъ болѣе чѣмъ полувѣковой возрастъ). По ученію Маркса, естественная концентрація производства неизбѣжно ведетъ къ обращенію средствъ производства изъ частныхъ въ общественныя и установленію соціалистическаго хозяйства. Насколько можно признать справедливымъ ученіе Маркса для настоящаго времени? Никто не споритъ, что Марксъ черезчуръ упростилъ и схематизировалъ ходъ развитія промышленности, въ которомъ тенденція къ концентраціи производства есть только одна изъ многочисленныхъ тенденцій, какъ централизующихъ, такъ децентрализующихъ. Равнодѣйствующая этихъ тенденцій выражается, дѣйствительно, въ общей, хотя и слабо выраженной, концентраціи производства, но эта концентрація ни по характеру, ни по темпу, ни по значенію не является такой, какой представлялъ ее Марксъ. Тѣмъ не менѣе для обрабатывающей промышлнности за діагнозомъ Маркса нельзя отрицать извѣстной отно-

сительной правоты. Но онъ совершенно неправъ касательно земледѣлія. Въ земледѣліи не только никакой концентраціи не происходитъ, но съ чрезвычайной силой выступаютъ децентрализующія тенденціи. Тотъ, для кого лучшее будущее неразрывно связано съ представленіемъ о концентраціи, долженъ махнуть рукой на земледѣліе, какъ область совершенно безнадежную.

Но разъ земледѣліе и промышленность (а также и торговля) характеризуются если не противоположнымъ, то, по крайней мѣрѣ, различнымъ ходомъ развитія, можно-ли развитіе капиталистическаго хозяйства опредѣлить какой-нибудь одной господствующей тенденціей, какъ попытался слѣлать это Марксъ? *Очевидно, нельзя.* Формула, по которой этотъ ходъ развитія опредѣлялся бы въ сторону концентраціи или наоборотъ, была бы невѣрна, потому что не усчитывала бы всей фактической сложности развитія. Поэтому общее воззрѣніе Маркса о развитіи капитализма, съ неотвратимой необходимостью ведущемъ къ коллективизму, также невѣрно.

Единственное, что позволяютъ намъ утверждать данныя науки, это то, что настоящее экономическое развитіе ведетъ къ постепенному отмиранію самыхъ тяжелыхъ и грубыхъ формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, хотя и разными способами: въ промышленности концентрируя производство и подвергая его все болѣе общественному контролю, въ земледѣліи—уничтожая крупное предпріятіе и ставя на его мѣсто крѣпкое крестьянское. Оба эти теченія объединяются въ мощномъ демократическомъ потокѣ, который—можно сказать съ чувствомъ удовлетворенія—приноситъ новыя, лучшія, болѣе удовлетворяющія требованіямъ соціальной справедливости общественныя формы.

Но если діагнозъ и прогнозъ Маркса уже потеряли свое значеніе въ примѣненіи къ развитію формъ капиталистическаго предпріятія, то еще больше они утратили цѣну въ примѣненіи къ развитію капиталистическаго хозяйства въ его цѣломъ. Они основываются на наблюденіяхъ надъ развитіемъ англійскаго капитализма 40—50-хъ и, пожалуй, начала 60 годовъ, — эпохи англійской супрематіи, момента высшаго развитія товарнаго экспорта. Капиталистическое развитіе всѣхъ прочихъ странъ и связанныя съ нимъ измѣненія въ міровомъ рынкѣ—все это пришло позже. Связанность странъ во взаимномъ обмѣнѣ на почвѣ международнаго раздѣленія труда тогда только еще устанавливалась. Про-

блемы, которую ставитъ будущему законъ убывающаго плодородія почвы, совсѣмъ не существовало для Маркса (хотя эту проблему въ общетеоретической постановкѣ онъ и могъвидѣть). Прогнозъ Маркса относится, поэтому, къ капиталистическому *plusquamperfectum*. Ибо теперь, когда ни одна строка не можетъ, строго говоря, жить безъ другой, по крайней мѣрѣ, не терпя болѣе или менѣе существеннаго ущерба, когда народное хозяйство во многихъ отрасляхъ стало и все болѣе становится міровымъ, спрашивается, какую область примѣненія долженъ имѣть законъ концентраціи? Хозяйство какой-либо отдѣльной страны? Но здѣсь онъ не имѣетъ рѣшающаго значенія, ибо затрогиваетъ только тѣ отрасли ея производства, которыя находятся въ предѣлахъ этой страны, а не гдѣ-нибудь за океаномъ. Міровое хозяйство? Но оно состоитъ изъ странъ и народовъ, находящихся на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія, и нельзя, не рискуя возбудить подозрѣнія въ своей вмѣняемости, мечтать объ объединеніи въ соціалистическомъ государствѣ русскихъ мужиковъ, англичанъ, негровъ и зулусовъ. Прогнозъ Маркса, имѣвшій опредѣленное значеніе для своего времени (хотя и тогда онъ незаконно игнорировалъ зависимость Англіи отъ другихъ странъ), для настоящаго времени не невѣренъ, а просто неприложимъ, ибо лишенъ всякаго содержанія. Онъ принадлежитъ къ числу такихъ же, осмѣянныхъ исторіей, близорукостей, какими были старинныя попытки заглянуть въ будущее, напр. Фурье и под. [1]). Этой устарѣлости Марксова ученія не хотятъ замѣчать только его слѣпые послѣдователи, которые, по прежнему, кичливо опираютъ на этотъ прогнозъ свое зданіе „научнаго“ соціализма.

Ошибка Маркса да послужитъ намъ предостереженіемъ. Она объясняется не тѣмъ, что ему не хватало ума,—умъ онъ имѣлъ геніальный,—и не тѣмъ, что ему не хватало знаній,—онъ принадлежитъ къ самымъ ученымъ экономистамъ не только своего, но и всѣхъ временъ, — она объясняется общими соціально-философскими воззрѣніями Маркса, его переоцѣнкой дѣйствительныхъ способностей и значенія соціальной науки, границъ соціальнаго познанія. Онъ считалъ возможнымъ мѣрить и предопредѣлять будущее по прошлому и настоящему, между тѣмъ каждая

---

[1]) Конечно, этимъ я не уничтожаю научной пропасти между Фурье и Марксомъ.

эпоха приноситъ новые факты и новыя силы историческаго развитія,—творчество исторіи не оскудѣваетъ. Поэтому всякій прогнозъ относительно будущаго, основанный на данныхъ настоящаго, неизбѣжно является ошибочнымъ. Строгій ученый беретъ здѣсь на себя роль пророка или прорицателя, оставляя твердую почву фактовъ [1]).

Поэтому, что касается предсказаній на будущее, то честное *ignoramus* мы предпочитаемъ соціальному знахарству или шарлатанству. Завѣса будущаго непроницаема. Наше нынѣшнее солнце освѣщаетъ лишь настоящее, бросая косвенный отблескъ на прошлое. Этого достаточно для насъ, для нашей жизни, для злобъ нашего дня и его интересовъ. Но мы тщетно вперяемъ свои взоры въ горизонтъ, за который опускается наше заходящее солнце, зажигая тамъ новую зарю грядущему, невѣдомому дню.

---

[1]) Общее философское обоснованіе этого воззрѣнія, составляющаго основное убѣжденіе автора, можетъ быть дано только въ спеціальномъ соціально-философскомъ изслѣдованіи, къ которому авторъ вскорѣ надѣется обратиться.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

Крупное производство въ земледѣліи (*Продолженіе*).

Стр.

Глава IV. Исторія германскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ. 1—148

1) *Развитіе земледѣлія въ Пруссіи въ XIX вѣкѣ до эпохи теперешняго аграрнаго кризиса (до 70-хъ годовъ).* Вступительныя замѣчанія 1—4. Экономическій характеръ Пруссіи начала XIX вѣка 5—78. Состояніе земледѣлія 9—13. Паденіе крѣпостного права 14—20. Характеристика народнаго хозяйства Пруссіи до 1849 года 21. Характеръ роста населенія 22—28 промышленности 29—32. Условія прироста населенія 33—5. Данныя Шуберта 36 — 39 Ленгерке 39—41. Состояніе остальныхъ частей Германіи 42—3. Характеръ прусскаго земледѣлія въ этотъ періодъ 44—7. Кризисъ 20-хъ годовъ 48—49. Отношеніе крупнаго и мелкаго хозяйства въ эту эпоху, условія развитія крупнаго и мелкаго хозяйства 50—59. Второстепенные признаки преобладанія крупнаго хозяйства 59—64. Кредитный кризисъ 60-хъ годовъ 64—67. Статистика прироста населенія и распредѣленія его по профессіямъ въ третью четверть XIX вѣка 68—72. Характеръ эмиграціи 72—73. Характеристика прусскаго земледѣлія въ этотъ періодъ 73—77. Положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго въ этотъ періодъ 77—80. 2) *Эпоха аграрнаго кризиса въ Германіи.* Статистика населенія въ новѣйшее время 81—5. Промысловая статистика 86—8. Характеристика земледѣлія 88—89. Значеніе кризиса для крупныхъ хозяевъ. Задолженность 90—95— рабочій вопросъ 95—102. Новѣйшія измѣненія въ организаціи труда въ земледѣліи 102—110. Недостатокъ рабочихъ въ

Стр.

земледѣліи 111—115. Критическое состояніе крупнаго хозяйства 116—120. Статистика распредѣленія хозяйствъ въ 1882—1895 годахъ 120—127. Новѣйшія измѣненія въ производительности хозяйства 128—132. Какъ совмѣщается ростъ производительности сельскаго хозяйства съ убылью сельекохозяйственнаго населенія? 132—135. Экономическія условія новѣйшаго роста хозяйства 135—136. Два вопроса соціальной политики: объ отношеніи соціалдемократіи къ сельскимъ рабочимъ 137—140 о хлѣбныхъ пошлинахъ 141—145. Общій обзоръ 145—148.

Глава V. Исторія французскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ. 149—215

Вступительныя замѣчанія 149—151. Характеръ народнаго хозяйства въ до-революціонной Франціи 151—4. Характеръ сельскаго хозяйства 154—7. Перенаселеніе 157—8. Несостоятельность крестьянскаго хозяйства 159—160. Крупное хозяйство и вопросъ о сельскихъ рабочихъ 160—162. Голодовки и бѣдность 163—5. Значеніе революціи 165—6. Статистика населенія 167—9. Судьбы земледѣлія въ первую половину XIX вѣка 169—71. Отношеніе между крупнымъ и мелкимъ хозяйствомъ 171—4. Вопросъ о капиталистическихъ земледѣльцахъ 174—5—о наемныхъ рабочихъ 175—6—о перенаселеніи 177—3. Значеніе для Франціи слабаго развитія перенаселенія 179—81. Причины прогресса французскаго земледѣлія 181. Условія наступленія аграрнаго кризиса 182. Его цифровая характеристика 183—6. Измѣненія въ количествѣ земледѣльческаго населенія 186—7.—въ распредѣленіи хозяйствъ 188—192—въ количествѣ хозяевъ 192—5. Сокращеніе числа сельскихъ рабочихъ 196—7. Вліяніе кризиса на ренту и капиталъ въ земледѣліи 197—9. Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ: поднятіе заработной платы 199—202. Роль здѣсь синдикатовъ 202—3. Недостатокъ рабочихъ рукъ 203—4. Причины уменьшенія числа сельскихъ рабочихъ 204—207. Условія прогресса земледѣлія въ эпоху паденія цѣнъ 208—212. Соціальнополитическіе выводы 213—14. Общій обзоръ 214—215.

Стр.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Мелкое производство въ земледѣліи.

Глава VI. Условія развитія крестьянскаго хозяйства. . 216—290

1) *Общая характеристика капитализма какъ явленія популяціонистическаго.* Проблема населенія 216—220. Понятіе перенаселенія 220—224. Повышеніе ёмкости территоріи въ капиталистическомъ хозяйствѣ 224—227. Перенаселеніе какъ условіе происхожденія и первоначальнаго развитія капитализма 227—231. Предкапиталистическое и капиталистическое перенаселеніе 231—33. Деревенское перенаселеніе, какъ форма капиталистическаго перенаселенія 234—37. Особенный способъ уплотненія населенія въ капиталистическомъ хозяйствѣ 238—9. 2) *Ёмкость территоріи относительно земледѣльческаго населенія.* Ёмкость территоріи относительно земледѣльческаго населенія въ натуральномъ хозяйствѣ 239—242—въ мѣновомъ хозяйствѣ 242—245. Примѣры 246—7. Значеніе аграрнаго кризиса для крестьянскаго хозяйства 247—248. Значеніе формъ землевладѣнія для ёмкости населенія 249. Результаты перенаселенія 249—251. Кустарная промышленность 251—254. Землевладѣніе промышленныхъ рабочихъ 254—5. Отходъ земледѣльческій и промышленный 255—6. Состояніе крестьянскаго хозяйства въ эпоху предкапиталистическаго перенаселенія 257—260. Крестьянскій приростъ населенія, примѣры 261—264. Индивидуализмъ землевладѣнія какъ условіе приспособленія населенія къ ёмкости территоріи 265—66. Значеніе наслѣдственнаго права и его организаціи 266—8. 3) *Земельная собственность и ея мобилизація. Общая характеристика крестьянскаго хозяйства.* Значеніе земельной мобилизаціи 268—271. Задолженнооть крестьянскаго землевладѣнія вслѣдствіе мобилизаціи 271—274. Другія формы мобилизаціи земли 274—6. Раздробленіе крупнаго хозяйства въ мелкое 277—9. Территоріальное распредѣленіе крупнаго и мелкаго хозяйства 279—81. Условія развитія крестьянскаго производства 281—3. Сельскохозяйственные кооперацiи 284—87. Крестьянство и рабочее сословіе 288—290.

Стр.

Глава VII. Судьбы Ирландіи . . . . . 291—384

1) *Періодъ до кризиса 1847 года.* Общій характеръ ирландской исторіи 291—2. Мѣры, принимавшіяся Англіей для уничтоженія ирландской торговли и промышленности 292—98. Аграрныя отношенія и положеніе земледѣлія въ XVIII вѣкѣ 299—303. Періодъ ирландской автономіи 304—6. Унія и ея значеніе 307—309. Основные факты экономическаго развитія Ирландіи въ первой половинѣ XIX вѣка 309—11. Свидѣтельства о перенаселеніи парламентскихъ отчетовъ 311—18. Дальнѣйшія доказательства существованія перенаселенія 318—22. Характеръ ирландскаго земледѣлія 322—24. Чрезмѣрное дробленіе фермъ 224—26. Чрезмѣрно высокій уровень арендной платы 326—29. Мидльмены 330—31. Лэндлорды, ихъ роль въ производствѣ 332—4. Формы аренды, tenancy-at-will 334, конэкръ 335, rundale 336—38. Общее народнохозяйственное состояніе Ирландіи какъ основная причина описаннаго характера ирландскихъ арендъ 338—40. Естественное развитіе ирландскаго земледѣлія въ эту эпоху 340—2. Evictions, ихъ причины и значеніе 343—8. Голодъ 1846—7 года 348—9. 2) *Отъ кризиса 1847 года до нашихъ дней.* Значеніе голода 1846—7 года 349—350. Движеніе населенія послѣ голода 350—2. Связь между убылью населенія и ростомъ народнаго благосостоянія 253—4. Измѣненія въ ирландскомъ земледѣліи подъ вліяніемъ аграрнаго кризиса 355—7. Измѣненія во внутренней организаціи ирландскаго населенія 358—61. Судьбы крупнокапиталистическаго земледѣлія 361—3. Наемные рабочіе въ земледѣліи 364—5. Прогресъ ирландскаго земледѣлія 366—370. Развитіе аренднаго законодательства 370—1. Развитіе сельскохозяйственныхъ кооперацій 371—2. Различные признаки подъема народнаго благосостоянія 372—376. Судьбы сельскохозяйттвенныхъ рабочихъ: по отчетамъ 1870 года 377—379.—По новѣйшимъ отчетамъ 380—3. Итоги 383—4.

Стр.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Экономическія особенности колоніальнаго развитія капитализма.

Глава VIII. Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты . . 385—441

1) *Основныя черты развитія народнаго хозяйства въ Соединенныхъ Штатахъ.* Понятіе колоніи 385—6. Ростъ населенія въ С. Штатахъ 387. Отношенія между колоніей и метрополіей 388—392. Ходъ развитія американскаго капитализма 392—401. Американскій протекціонизмъ 401—4. Рабочій вопросъ въ Соед. Штат. и особенности его постановки 404—10. Возможныя измѣненія въ развитіи Соед. Штат. 410—13. 2) *Основныя черты развитія американскаго земледѣлія.* Основныя черты исторіи колонизаціи Соед. Штат. 414—17. Главныя причины американской конкуренціи 420—1. Характеръ американскаго земледѣлія 422—4. Кризисъ въ восточныхъ Штатахъ 425—8. Территоріальное распредѣленіе вѣтвей американскаго земледѣлія 429—30. Рабочій вопросъ въ американскомъ земледѣліи 430—2. Машины въ сельскомъ хозяйствѣ Соед. Штат. 432—4. Измѣненія въ распредѣленіи фермъ 434—41.

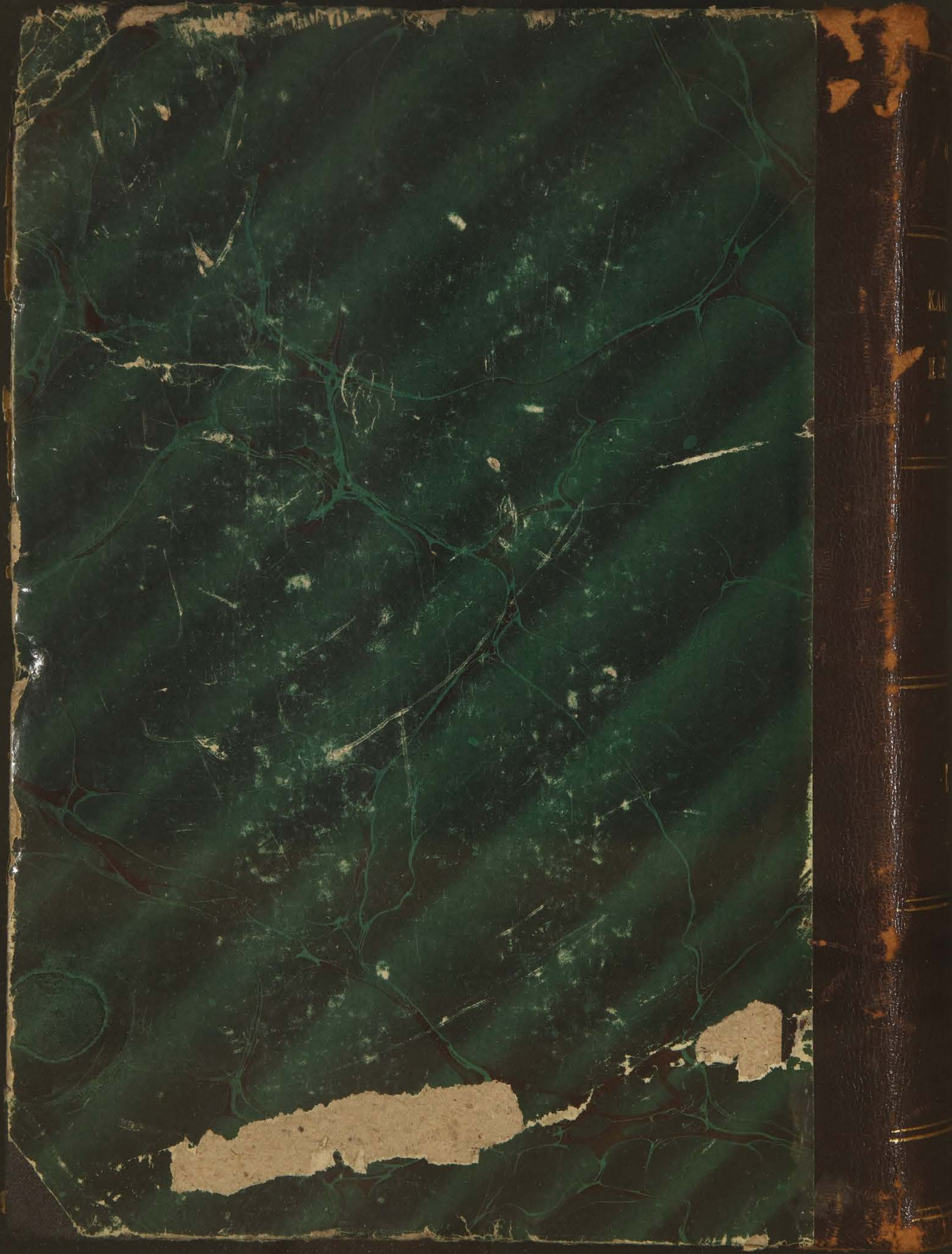
Заключеніе.

Глава IX. Основныя особенности современного момента развитія капитализма. . . . . 442—458

Условія взаимной связанности странъ въ международномъ обмѣнѣ: международное раздѣленіе труда 442—4. Внѣшніе рынки 445—53. Законъ убывающаго плодородія почвы 453—5. Теорія концентраціи Маркса 455—7. Заключеніе 457—8.

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ, искажающія смыслъ.

Страница:	*Строка*:	*Напечатано*:	*Надо читать*:
81 (таблица)	3-ій столбецъ, 3-ья строка	4,7%	44,7%
87 (таблица)	2-ой столбецъ (слѣва) 4 строка (сверху)	98,3%	93,3%
87 (таблица)	3-ій столбецъ (справа) 4-ая строка (сверху)	5,9	59
206 (таблица)	5 строка (справа)	10,70	40
224	7 стр. сверху	его	ею
240	7 стр. сверху	переселеніе	перенаселеніе
275	2 стр. снизу (въ текстѣ)	антиправымъ	антиправовымъ

БУЛГАКОВЪ

КАПИТАЛИЗМЪ
И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ

Т. I–II

М. Ф.